

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LSoc 3981.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

LSoc 3981.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

LSoc 3981.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

18

LSoc 3985.151 (13)

23

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
 СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
 МОСКВЫ
 10 ИЮЛЬ 89 ВНУТР. Д.
 ШКАФЪ 96 Л.О.К.1 * 2
 778779

Вид
3-1

70

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОГО

ПОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

HARVARD UNIVERSITY
 LIBRARY
 APR 8 1974

74*2

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакцію ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
 ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.
 1874.

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“ ижвются предыдущіе томы этого издавія, именно:

ТОМЪ I. Содержаніе: 1) Замѣчаніе относительно интегрированія дифференціальныхъ уравненій движенія свободной точки. *И. Соколова*. — 2) О вулканическихъ явленіяхъ близъ острова Санторина. *Лапишина*. — 3) Путешествіе Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азій и Африкѣ, съ 1394 по 1427 годъ. *Ф. Бруна*. — 4) Древнее хорватодалматское законодательство. *Ө. Леонтовича*. — 5) *De Jovis Lysaei natura cognominisque hujus ratione commentatio*. *Юревича*. — 6) Отчетъ о командировкѣ за границу доцента *Бернштейна* и приложенія. — 7) О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей. *Абашева*.

ТОМЪ II Содержаніе: 1) Ягелло-Яковъ Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. *Смирлова* — 2) Изслѣдованіе движенія планеты Юноны. *Беркевича*. — 3) Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 года. *Патлаевскаго*.

ТОМЪ III. Содержаніе: 1) Англійскіе девсты XVII и XVIII столѣтій. *Орбинскаго*. — 2) О молочной кислотѣ, образующейся изъ β — йодопропіоновой кислоты. *И. Соколова*. — 3) Рабская обработка земли. *Вольскаго*. — 4) Путевыя замѣтки. *Ө. Струве*. — 5) Торжественное празднованіе въ новороссійскомъ университетѣ тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Кирилла, 14 февраля 1869 года.

ТОМЪ IV. Содержаніе: 1) Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси. Изслѣдованіе *И. Некрасова*. — 2) Молодыя преступники. *А. Бойдновскаго*. — 3) Замѣтка о механическомъ анализѣ почвъ. *Д. Абашева*. — 4) О законахъ превращенія электричества въ теплоту. Изслѣдованіе *Ө. Шведова*.

ТОМЪ V. Содержаніе: 1) О розысканіи особенныхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій перваго порядка. Разсужденіе *С. Ярошенко*. — 2) О странствованіяхъ царя-пресвитера Іоанна *Ф. Бруна*. — 3) Рецензія сочиненія г. Абашева «о тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей». *Проф. Бекетова*. — 4) Миѣніе о томъ-же. *Проф. Лапишина*. — 5) Разборъ того-же сочиненія. *Проф. Соколова*. — 6) Замѣчанія на разборъ г. Соколова. *Проф. Абашева*. — 7) Рѣчь проф. Григоровича, произнесенная на университетскомъ празднествѣ въ память св. св. Кирилла и Меодія, 11 мая 1869 года. — 8) Краткій отчетъ о состояніи новороссійскаго университета за 18^{69/70} академическій годъ. — 9) Приложенія къ отчету: а) Рецензія представленныхъ студентами сочиненій на конкурсъ въ 18^{69/70} г. б) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ новороссійскомъ университетѣ *проф. Шведовымъ*, «объ отношеніи физики къ естествовѣдѣнію». — 10) Протоколы засѣданій совѣта (съ 4-го янв. по 30-е мая 1870 года). — 11) Отчетъ *проф. Боишича* о заграничной его командировкѣ.

ТОМЪ VI. Содержаніе: 1) Пахомій—Сербъ, писатель XV вѣка. Изслѣдованіе *И. Некрасова*. — 2) Теорія денежнаго обращенія Рикардо. *И. Патлаевскаго*. — 3) Политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. Изслѣдов. *М. Шпилевскаго*. — 4) Изъ лѣто-

5 1939 3146
4

БИБЛИОТЕКА	ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТИСТИЧ.	КОМИТЕТА
МИНИСТР.	10 ИЮЛЬ 89 СМУР. Д.
ШКАФЪ	96 ПОЛКА 4
И. № 16919	№ 1

ЗАПИСКИ

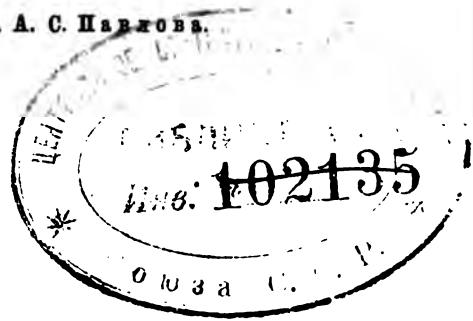
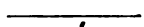
ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ,

издаваемый подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.

1874.

Δ
L Soc 3985.151 $\left(\frac{13-15}{1974} \right)$

Печатано по определению совета Императорского новороссійскаго.
университета. Ректоръ *В. Левицкий*.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
APR 8 1974

74*2

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

стр.

Часть оффиціальная :

Протоколы засѣданій Совѣта съ 4-го января по 2-е марта	1—86
Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ доцента А. Бочубинскаго. (Приложеніе къ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта) .	87—134
Статья 6-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе къ 18-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта)	135—140

Часть ученая :

Федонъ, разговоръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. Д. Лебедева	1—143
Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патриаршей) библіотекѣ. А. Павлова	144—175

Часть офіціальная.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій совѣта

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1874 года, января 4-го дня, члены совѣта Императорскаго новороссійскаго университета: А. М. Богдановскій, А. В. Буницынъ, М. П. Смирновъ, Я. Я. Вальцъ, В. Н. Юргевичъ, К. И. Барастелевъ, Е. Ѳ. Сабининъ, Д. Н. Абашевъ, М. М. Вольскій, А. С. Павловъ, Ѳ. Н. Шведовъ, И. I. Патлаевскій, И. В. Ягичъ, И. С. Некрасовъ, С. П. Ярошенко, И. Ф. Синцовъ, и П. П. Цитовичъ, собравшись, подъ предсѣдательствомъ ректора Ѳ. И. Леонтовича, *слушали*: представленія факультетовъ: а) историко-филологическаго, объ освобожденіи на предстоящихъ повѣрочныхъ испытаніяхъ тѣхъ изъ студентовъ III и IV курсовъ отъ устнаго испытанія, которые представляютъ сочиненія по какимъ либо предметамъ; и б) физико-математическаго — объ освобожденіи на этихъ же испытаніяхъ студентовъ IV курса математическаго, естественнаго и технико-агрономическаго отдѣленій отъ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ и студентовъ II и III курсовъ математическаго отдѣленія отъ экзамена по теоріи опредѣлителей, какъ добавилъ деканъ факультета потому, что чтеніе этого предмета еще неокончено. *Опредѣлили*: 1) одобрилъ предположенія факультета

товъ, представить г. попечителю объ освобожденіи нѣкоторыхъ курсовъ отъ повѣрочныхъ испытаній въ настоящемъ году; и 2) сообщить факультетскимъ собраніямъ, чтобы распредѣленіе экзаменовъ на будущее время не представлялось на утвержденіе совѣта.

Засѣданіе 19-го января.

Присутствовали 21 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 11 го декабря 1873 года за № 6513 объ оставленіи библіотекаря университета, статскаго совѣтника Шишковскаго на службѣ еще на 5 лѣтъ, съ 7-го октября 1873 года.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ правленіе и г. Шишковскому. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ того же числа за № 6514 объ утвержденіи доцента Лигина исправляющимъ должность секретаря физико-математическаго факультета, на три года, съ 4-го декабря 1873 г.

При этомъ доложено, что объ утвержденіи г. Лигина сообщено уже въ правленіе и въ факультетъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 21-го декабря за № 6812, на имя г. ректора, съ запросомъ, оказывается ли необходимымъ командировать

заграницу доцента Малинина, согласно имѣющемуся о томъ въ министерствѣ ходатайству совѣта новороссійскаго университета.

При этомъ доложено, что настоящее предложеніе было передаваемо въ юридическій факультетъ, который донесъ: «1) такъ какъ г. Малининъ, по выдержаніи испытанія на степень магистра по разряду гражданскаго права, судоустройства и судопроизводства и по удовлетворительномъ защищеніи магистерской диссертации, утвержденъ въ званіи доцента для преподаванія гражданскаго судоустройства и судопроизводства, каковое преподаваніе и началъ уже съ октября мѣсяца, то въ настоящемъ его званіи онъ не можетъ воспользоваться командировкою заграницу на правахъ кандидатовъ, приготовляющихся къ профессорскому званію, но что 2) г. Малининъ и въ званіи доцента имѣетъ желаніе быть командированнымъ заграницу какъ для научныхъ цѣлей по предмету его преподаванія вообще, такъ и для лучшаго, нагляднаго ознакомленія съ судебнымъ устройствомъ въ Германіи и Франціи, срокомъ съ 1-го мая 1874 по сентябрь 1875 года, съ удержаніемъ ему, г. Малинину, на время этой командировки, доцентскаго его оклада и съ прибавкою изъ суммъ министерства 800 р., на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было сдѣлано при командировкѣ доцента Пригары. Юридическій факультетъ, находя съ своей стороны такую командировку существенно полезною, уже принялъ мѣры, чтобы не послѣдовало ущерба для преподаванія судоустройства и судопроизводства въ будущемъ академическомъ году».

Далѣе г. ректоръ объяснилъ совѣту, что, въ виду спѣшности дѣла, онъ уже сообщилъ отзывъ юридическаго факультета г. попечителю, въ донесеніи отъ 24 декабря

за № 1194. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

5. Отъ 28 декабря за № 6903 о сообщеніи свѣдѣній, въ чемъ заключался вопросъ, разсматривавшійся въ засѣданіи совѣта 2 октября 1873 г., при баллотированіи котораго состоялось спорное большинство голосовъ и чѣмъ именно руководствовались 4 члена совѣта, отказавшись отъ подачи голоса. *Опредѣлили*: донести г. попечителю съ приложеніемъ копій 13 и 31 стт. протоколовъ засѣданій совѣта 6 сентября и 2 октября 1873 года.

6. Отъ того-же числа за № 6904 объ ассигнованіи сверхсѣтнаго кредита на содержаніе ординарному профессору Бовалевскому. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе университета.

7. Отъ того-же числа за № 6905 о разрѣшеніи выдачи лаборанту Тегартену 200 руб. 33 коп., въ награду за исправленіе имъ должности втораго лаборанта химической лабораторіи.

При чемъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

8. Отъ 31 декабря за № 6966 о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ крайне неудобнымъ привести въ исполненіе предположеніе совѣта о постройкѣ отдѣльнаго зданія для устройства въ немъ постоянныхъ квартиръ для преподавателей университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

9. Отъ 9 января за № 89 о томъ, не признаетъ-ли совѣтъ возможнымъ нынѣ-же принять въ студенты университета бѣлградскаго уроженца Константина Павловича, окончившаго 5-й классъ бѣлградской гимназіи. *Опредѣлили*:

донести г. попечителю, что въ виду скорого окончанія академическаго года, невозможно съ какою нибудь пользою для Павловича принять его въ студенты.

10. Отъ 14 января за № 198 о разрѣшеніи освободить студентовъ нѣкоторыхъ курсовъ отъ повѣрочныхъ испытаній въ текущемъ академическомъ году.

При этомъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ факультеты. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

11. Отъ 16 января за № 234 объ оставленіи при университетѣ на 2 года, съ 1 января 1874 года, кандидатовъ Бозубскаго и Бершадскаго для приготовления къ профессорскому званію съ производствомъ стипендіи, изъ суммъ министерства, по 600 руб. въ годъ каждому, и объ установленіи надлежащаго надзора за ихъ занятіями. *Опредѣлили*: сообщить въ историко-филологическій и юридическій факультеты для зависящихъ распоряженій.

12. Отъ того-же числа за № 235, при коемъ препровождено утвержденное г. министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующее положеніе о стипендіяхъ вдовы капитанъ-лейтенанта М. Д. Микрюковой при новороссійскомъ университетѣ.

1. «По духовному завѣщанію умершей вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой душеприкащикомъ ея представленъ, для учрежденія въ новороссійскомъ университетѣ стипендій, капиталъ въ 28.500 руб. процентными бумагами государственнаго банка и наличными деньгами 25 р. с.

2. На проценты съ этого капитала учреждаются на отдѣленіи естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Императорскаго новороссійскаго университета 4 стипендіи въ 340 руб. сер. каждая съ наименованіемъ оныхъ

«стипендіями вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой».

3. Стипендіи назначаются достойнымъ и бѣднымъ людямъ христіанскаго вѣроисповѣданія.

4. Право избранія, по представленію физико-математическаго факультета, предоставляется совѣту новороссійскаго университета, который подвергаетъ стипендіатовъ тому-же контролю надъ ихъ занятіями, какой установленъ правилами университета для казенныхъ стипендіатовъ.

5. Изъ остатковъ, имѣющихъ образоваться отъ неполнаго израсходованія процентовъ съ капитала на стипендіи, составляется особый капиталъ, изъ котораго выдаются, по удостоенію совѣта, суммы для дальнѣйшаго усовершенствованія тѣмъ изъ окончившихъ курсъ наукъ, которые пожелаютъ ѣхать за границу съ ученою цѣлью».

Опредѣлили: сообщить въ физико-математическій факультетъ, передавъ положеніе о стипендіяхъ Микрюковой въ правленіе университета.

13. Отъ того-же числа за № 236 о доставленіи списка тѣхъ книгъ, которыя новороссійскій университетъ можетъ предложить московскому румянцевскому и публичному музеямъ въ обмѣнъ на дублиеты старопечатныхъ книгъ, находящихся въ тѣхъ музеяхъ. *Опредѣлили*: повторить предложеніе бібліотекарю немедленно составить каталогъ дублиетовъ.

14. Представленія факультетовъ о назначеніи студентамъ стипендій и пособій во 2-й половинѣ текущаго академическаго года. *Опредѣлили*: признавая всѣхъ студентовъ заслуживающими стипендій и пособій по успѣхамъ, предоставитъ правленію распредѣлить имѣющіяся въ рас-

поряженіи университета суммы, на этотъ предметъ назначенныя, между наиболѣе нуждающимися.

15. а) Представленіе физико-математическаго факультета о дальнѣйшей судьбѣ университетской формы, и

б) особое мнѣніе по этому дѣлу профессора Сабинина. *Опредѣлили*: передать особое мнѣніе г. Сабинина въ физико-математическій факультетъ, прося его представить свое заключеніе въ совѣтъ къ концу слѣдующей недѣли, а до этого приостановить и рассмотрѣніе представленія факультета о фермѣ.

16. Представленіе историко-филологическаго факультета объ утвержденіи магистра Кондакова въ занимаемой имъ должности доцента. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

17. Представленіе того-же факультета о приглашеніи учителя гимназіи Нищенскаго для элементарнаго преподаванія греческаго языка, въ качествѣ сторонняго преподавателя.

Въ результатѣ происшедшей за сими баллотировки г. Нищинскій получилъ 14 голосовъ избирательныхъ и 7 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю, согласно представленію историко-филологическаго факультета.

18. Представленіе юридическаго факультета о возведеніи экстраординарнаго профессора Цитовича въ ordinарные профессеры.

По выслушаніи этого представленія ректоръ заявилъ слѣдующій отзывъ объ ученыхъ трудахъ г. Цитовича: «Г. Цитовичъ, въ теченіе своей педагогической дѣятельности, начавшейся съ 1867 года въ харьковскомъ, а съ прошлаго года въ новороссійскомъ университетѣ, успѣлъ

издать слѣдующіе ученые труды: Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія. Харьковъ, 1870 года (магистерская диссертація); Деньги въ области гражданскаго права. Харьковъ, 1873 г. (докторская диссертація); Проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ (въ журналѣ гражд. и уголов. права за 1873 г.) и лекціи по торговому праву. Одесса, 1873 г. Уже въ первомъ трудѣ г. Цитовичъ заявилъ себя какъ одинъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ нашихъ историковъ-цивилистовъ. Несомнѣнная заслуга автора состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ, можно сказать, первый у насъ понялъ всю научную важность примѣненія къ исторіи русскаго права метода догматическаго анализа и изученія законодательныхъ памятниковъ, и успѣлъ, путемъ такого анализа, блистательно разрѣшить одинъ изъ наиболѣе спорныхъ и трудныхъ вопросовъ по древней исторіи русскаго права, — вопросъ о системѣ и характерѣ русскаго права наследованія эпохи Русской Правды. Положенія, развитыя магистерскою диссертаціей г. Цитовича, принадлежатъ къ существеннымъ научнымъ приобрѣтеніямъ, добытымъ въ послѣднее время въ нашей, весьма не богатой историко-юридической литературѣ. Такимъ-же методомъ и достоинствами отличаются и остальные работы г. Цитовича. Его лекціи по торговому праву (изданъ пока одинъ выпускъ), кромѣ педагогическаго значенія, важны уже въ виду отсутствія у насъ литературы торговаго права, — авторъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что онъ пробиваетъ «брешь, откуда, въ замѣтныхъ контурахъ, открывается перспектива на обширнук terra incognita». Догматическій методъ, вполне характеризующій направленіе ученыхъ трудовъ г. Цитовича, виѣстѣ съ добытыми имъ результатами изслѣдованій, показываютъ

что нашъ почтенный профессоръ стоитъ на твердой почвѣ историческаго и теоретическаго анализа и изученія избранной спеціальности. Въ виду сказаннаго будетъ только простымъ долгомъ справедливости предлагаемое нынѣ юридическимъ факультетомъ возведеніе г. Цитовича въ званіе ординарнаго профессора».

Въ результатъ произведеннаго за симъ баллотированія г. Цитовича въ ординарные профессора гражданскаго права получилось 17-ть голосовъ избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Цитовича ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ гражданскаго права со дня избранія его совѣтомъ, т. е. съ 19-го января 1874 года.

19. Представленіе ординарнаго профессора церковнаго законовѣдѣнія, А. С. Павлова: «долгъ признательности побуждаетъ меня свидѣтельствовать объ ученыхъ заслугахъ, неоднократно оказанныхъ мнѣ пропрефектомъ венеціанской бібліотеки св. Марка, Іоанномъ Велюдою Г. Велюдо, авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій, написанныхъ частію на греческомъ, частію на латинскомъ языкѣ, нерѣдко дѣлалъ мнѣ сообщенія о содержаніи малоизвѣстныхъ греческихъ рукописей названной бібліотеки, а иногда доставлялъ и точныя копіи неизданныхъ текстовъ. Вполнѣ убѣжденный, что г. Велюдо съ такою же готовностію будетъ дѣлиться научными сокровищами, находящимися у него подъ руками, и съ другими гг. профессорами нашего университета, честь имѣю ходатайствовать предъ совѣтомъ о присвоеніи ему званія члена — корреспондента нашего университета. При этомъ не могу не обратить вниманія совѣта на то обстоя-

тельство, что г. Велюдо за услуги, оказанныя имъ и другимъ русскимъ ученымъ, занимавшимся въ венеціанской библіотекѣ, Всемилоствивѣйше пожалованъ, по ходатайству совѣта с.-петербургскаго университета, орденомъ св. Станислава 2-й степени». *Опредѣлили*: признавъ г. Велюдо членомъ-корреспондентомъ, на основаніи единогласнаго его избранія, увѣдомить его объ этомъ.

20. Представленіе физико-математическаго факультета о командированіи доцента Блименка съ учсною цѣлю за границу на одинъ годъ, съ 15-го августа 1874 года.

При происшедшемъ засимъ баллотированіи, посредствомъ закрытой подачи голосовъ, вопросъ о заграничной командировкѣ г. Блименко единогласно рѣшенъ утвердительно. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о командированіи г. Блименка, съ указанною въ представленіи факультета цѣлю, за границу на одинъ годъ съ 15-го августа 1874 года.

21. Представленіе того-же факультета о порученіи преподаванія во 2-й половинѣ 1873 — 74 учебнаго года технической химіи профессору Веригу, по 4 лекціи въ недѣлю, практической астрономіи астроному-наблюдателю Блоку и физической географіи — профессору Шведову, по 2 лекціи въ недѣлю, съ вознагражденіемъ гг. Веригу и Шведова, согласно постановленію совѣта, а также объ утвержденіи, рѣшенія факультета, чтобы на предстоящемъ годичномъ испытаніи по астрономіи экзаменовать студентовъ по всему предмету. *Опредѣлили*: утвердивъ распоряженіе факультета какъ о распредѣленіи преподаванія въ наступившемъ полугодіи, такъ и объ экзаменѣ по астрономіи, просить разрѣшенія г. попечителя о производствѣ профессорамъ Веригу

и Шведову вознагражденія за чтеніе лекцій по вакантнымъ кафедрамъ въ размѣръ 225 р. за годичную лекцію.

22. Представленіе того-же факультета о томъ, что кандидатъ Гребницкій, по болѣзни, не можетъ воспользо-ваться данною ему командировкою въ Петербургъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

23. Представленіе того-же факультета объ исходатайствованіи кандидату Гребницкому командировки съ ученою цѣлію на берега Босфора и Дарданельскаго пролива съ наступающаго февраля мѣсяца, по срокъ окончанія получаемой имъ стипендіи. *Опредѣлили*: отложить баллотированіе настоящаго вопроса до слѣдующаго засѣданія совѣта.

24. Представленіе факультета объ оставленіи кандидата Репяхова на два года при университетѣ для пригото-вленія къ профессорскому званію по зоологіи, съ производствомъ ему стипендіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, по 600 р. въ годъ.

При происшедшей засимъ баллотировкѣ г. Репяхова въ стипендіаты для приготовления къ профессорскому званію по зоологіи получилось 21 голосъ избирательный и ни одного неизбирательнаго. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи кандидата Репяхова на 2 года при университетѣ, для приготовления къ профессорскому званію по зоологіи, съ содержаніемъ по 600 р. въ годъ изъ суммъ министерства.

25. Представленіе его же объ утвержденіи въ степени кандидата естественныхъ наукъ Пренделя Ромула и Трофимова Константина. *Опредѣлили*: утвердивъ гг. Пренделя и Трофимова въ степени кандидата выдать имъ установленные на это званіе дипломы.

26. Донесеніе его же о предоставленіи г. Пренделю права пользоваться библіотекою и кабинетами университета. *Опредѣлили*: предоставить это право г. Пренделю подь поручительствомъ профессора Мечникова.

27. Представленіе того же факультета объ отсрочкѣ Станиславу Сипко и Николаю Зайкевичу представленія кандидатской диссертациі, по причинѣ болѣзни, до 1-го мая 1874 года. *Опредѣлили*: предоставить факультету отсрочить прсителямъ представленіе диссертациій до 1-го мая.

28. Донесеніе юридическаго факультета о переводѣ студента Я. Секретева съ 3-го на 4-й курсъ, какъ удовлетворительно выдержавшаго переводное испытаніе. *Опредѣлили*: перевести.

29. Донесеніе физико-математическаго факультета съ представленіемъ составленной профессоромъ Беркевичемъ и одобренной факультетомъ инструкціи магистранду Кононовичу, командируемому за границу для приготовления къ профессорскому званію по астрономіи. *Опредѣлили*: одобривъ инструкцію, представить ее, чрезъ г. попечителя, въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

30. Представленіе того же факультета объ изъявленіи отъ имени совѣта благодарности доктору Киберу за доставленную имъ университету зоологическую коллекцію. *Опредѣлили*: благодарить.

31. Рапортъ проректора на имя г. ректора: «имѣю честь донести вашему превосходительству, что за прошлый декабрь мѣсяць не читали лекцій: а) *по болѣзни*: А. В. Куницинъ 1 л., В. И. Григоровичъ 1 л., Н. А. Головкинскій 1 л., А. А. Вериго 5 л., Е. Ф. Клименко 2 л., Р. В. Орбинскій 1 л., А. П. Пригара 2 л., Д. П. Лебедевъ 3 л.;

б) по случаю отпуска: П. П. Цитовичъ 1 л., Н. П. Бондаковъ 4 л.; в) по случаю назначенія въ присяжные заседатели: М. М. Вольскій 3 л., Л. О. Беркевичъ 6 л.; г) по неявкѣ студентовъ: Д. Н. Абашевъ 3 лекціи». *Опредѣлили*: записавъ въ протоколъ, поручить инспекціи сдѣлать студентамъ, неявившимся на лекціи агрономической химіи, должное внушеніе.

32. Отношеніе предварительнаго комитета 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ съ просьбою о назначеніи депутатовъ отъ университета. *Опредѣлили*: передать въ историко-филологическій и юридическій факультеты.

Засѣданіе 1-го февраля.

Присутствовали 25 профессоровъ.

Слушали:

1. Предложеніе г. попечителя одесскаго учебнаго округа отъ 30-го января за № 625: «по поводу представленія моего г. министру народнаго просвѣщенія о порученіи преподаванія для студентовъ новороссійскаго университета русскаго гражданскаго права и римскаго права въ текущемъ полугодіи экстраординарному профессору сего университета Цитовичу, его сіятельство, въ предложеніи 19 тек. января за № 868, сообщилъ, что какъ выбывающій нынѣ изъ университета ординарный профессоръ Буницынъ, читающій означенные предметы, не имѣетъ преемника для замѣщенія означенныхъ двухъ кафедръ, то онъ полагалъ бы болѣе

удобнымъ, согласно мнѣнію моему и журналу совѣта министра 17-го марта 1866 г. № 18, пригласить г. Куницына продолжать чтеніе лекцій по означеннымъ предметамъ до окончанія текущаго академическаго года, съ принятіемъ затѣмъ участія въ испытаніяхъ студентовъ и съ производствомъ ему за сей трудъ вознагражденія изъ штатныхъ суммъ университета, въ видѣ платы.

Вслѣдствіе чего его сіятельство разрѣшаетъ поручить заслуженному ординарному профессору новороссійскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Куницыну, со времени увольненія его отъ службы, за выслугою срока, преподаваніе студентамъ, какъ русскаго гражданскаго права, такъ и римскаго права, въ качествѣ сторонняго преподавателя, до окончанія академическаго года, съ предоставленіемъ ему права окончить студентскіе экзамены и съ производствомъ ему за сей трудъ вознагражденія, въ видѣ платы, въ размѣрѣ оклада содержанія ординарнаго профессора, изъ штатныхъ суммъ университета, со дня прекращенія производства ему содержанія по званію профессора, присовокупивъ при этомъ, что на утвержденіе на стоящаго распоряженія его сіятельствомъ будетъ испрошено въ концѣ года, Высочайшее соизволеніе. О вышеизложенномъ сообщаю совѣту новороссійскаго университета для надлежащаго распоряженія».

По выслушаніи настоящаго предложенія, ректоръ университета, обративъ вниманіе совѣта на то, что въ мотивъ министерскаго распоряженія вошло очевидное недоразумѣніе будто бы университетъ не имѣлъ преемника для преподаванія предметовъ, доселѣ читавшихся профессоромъ Куницынымъ, предложилъ совѣту дать министерству необходимыя объясненія по этому дѣлу. Послѣ преній, предложено

г. ректора принято большинствомъ 16 голосовъ (гг. Цитовичъ, Синцовъ, Ярошенко, Нокрасовъ, Ягичъ, Патлаевскій, Съченовъ, Головкинскій, Мечниковъ, Вольскій, Бергевичъ, Юргевичъ, Григоровичъ, Бударявцевъ, Вальцъ, ректоръ) противъ 6-ти (г. Павловъ, высказавшій, что недоразумѣніе министерства вызвано недостаточно полнымъ и не надлежаще мотивированнымъ представленіемъ юридическаго факультета, и гг. Шведовъ, Абашевъ, Сабининъ, Барастелевъ и Буницинъ), давшихъ отвѣтъ отрицательный. *Опредѣлили:* предложеніе г. попечителя принять къ исполненію; въ виду же состоявшагося рѣшенія представить г. министру объясненія по настоящему дѣлу, — просить юридическій факультетъ формулировать вызываемыя существомъ дѣла объясненія и въ возможной скорости представить ихъ въ совѣтъ.

2. Представленіе физико-математическаго факультета о закрытіи разряда техническихъ наукъ и агрономіи: «Еще до основанія университета, дворянство, а впослѣдствіи земство новороссійскаго края опредѣлили жертвовать ежегодно значительную сумму (около 6000 р.) для усиленія преподаванія агрономическихъ наукъ. Общество сельскаго хозяйства южной Россіи пожертвовало для той же цѣли свой хуторъ въ Одессѣ. Наконецъ, въ штатъ новороссійскаго университета была внесена сумма въ 3000 р. на содержаніе фермы и завѣдывающаго ею. Кромѣ того, при открытіи университета назначены были министерствомъ особые преподаватели по агрономіи и агрономической химіи. Всѣ эти обстоятельства ясно указывали на потребность здѣшняго края въ высшемъ сельскохозяйственномъ образованіи. Указанныя же выше средства, предоставленныя въ распоряженіе физико-математическаго факультета, представлялись достаточными для этой цѣли, тѣмъ болѣе, что изъ суммъ

жертвуемыхъ земствомъ, за исключеніемъ поступавшихъ въ штатную сумму 3000 р. на содержаніе фермы и завѣдывающаго ею, оставалось еще почти 3000 р., на которые факультетъ считалъ возможнымъ рассчитывать для усиленія преподаванія агрономическихъ наукъ. Въ этихъ видахъ факультетомъ былъ составленъ проектъ, сначала въ 1866 году, разряда техническихъ наукъ и агрономіи а потомъ, въ 1869 году, разряда чисто-агрономическихъ наукъ.

Въ 1868 году вышелъ въ отставку профессоръ агрономіи, и такъ какъ, по уставу, для агрономическихъ наукъ назначается лишь одна кафедра, то факультетъ и предпринялъ ходатайствовать объ учрежденіи въ нашемъ университетѣ особой кафедры агрономіи, имѣя въ виду средства, жертвуемыя земствами для усиленія преподаванія агрономическихъ наукъ. Имѣя въ виду какъ тѣ средства, которыя уже находились въ распоряженіи факультета, такъ и тѣ, на которыя, какъ было указано выше, факультетъ рассчитывалъ, факультетъ находилъ возможнымъ организовать преподаваніе агрономическихъ наукъ вполне удовлетворительно и потому ходатайствовалъ объ открытіи этого разряда. Въ 1869 году и былъ открытъ разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи согласно проекту, утвержденномъ министерствомъ. Это открытіе было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ обучающемуся въ нашемъ университетѣ молодежи: въ первый годъ открытія отдѣленія на него поступило 19 человекъ. Но, несмотря на все, принятая университетомъ, мѣры для окончательной организаціи отдѣленія, надежда на успѣхъ этого дѣла не осуществилась. Ходатайства факультета и совѣта объ учрежденіи особой кафедры агрономіи не имѣли успѣха; вскорѣ затѣмъ земство отказалось отъ дальнѣйшаго внесенія жертвуемыя

нимъ ежегодно суммъ, вслѣдствіе чего университетъ долженъ лишиться средствъ на содержаніе фермы и ея завѣдывающаго. вмѣстѣ съ тѣмъ, начало быстро уменьшаться число слушателей на этомъ отдѣленіи. Не предвидя возможности, въ ближайшемъ будущемъ, получить необходимыя средства для надлежащей организациіи отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи и считая нецѣлесообразнымъ удерживать его какъ особый разрядъ въ настоящемъ его видѣ, факультетъ единогласно постановилъ: ходатайствовать о закрытіи разряда техническихъ наукъ и агрономіи; при чемъ 6 голо-совъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Сабининъ, Беркевичъ, Карастелевъ и Вальцъ) были поданы въ пользу окончательнаго закрытія и 5 (Лигинъ, Головкинскій, Вериго, Абашевъ и Шведовъ) въ пользу временнаго закрытія. Письменное предложеніе профессоровъ Ярошенка, Вериго и Мечникова, послужившее поводомъ къ обсужденію этого вопроса, при семъ прилагается».

Предложеніе это заключается въ слѣдующемъ: «въ 1866 г., по ходатайству нашего университета, г. министромъ было утверждено подраздѣленіе физико-математическаго факультета на 4 отдѣленія, въ число которыхъ вошло отдѣленіе технико-агрономическихъ наукъ. Въ этомъ отдѣленіи главными предметами были назначены: 1) агрономія или агрономическая химія, 2) технологія или техническая химія, 3) опытная химія, 4) опытная физика; и вспомогательными: 1) техническая механика, 2) физическая географія, 3) зоологія, 4) ботаника, 5) минералогія и геогнозія.

Съ начала 1869 — 70 года, по ходатайству факультета, это отдѣленіе было открыто и уже въ ноябрѣ того-же года факультетъ доносилъ совѣту, что это отдѣленіе не

соответствует целям агрономическаго образования, столь важнаго для здѣшнью края и потому ходатайствовалъ о преобразованіи его въ разрядъ чисто-агрономическихъ наукъ, согласно проекту, составленному профессоромъ Абашевымъ, по которому, къ прежде предложеннымъ предметамъ, присоединены, какъ дополнительные, сельскохозяйственное законодательство и политическая экономія; кромѣ того, раздѣлены предметы агрономія и агрономическая химія, а техническая химія замѣнена сельскохозяйственной технологіей. Затѣмъ, въ концѣ того-же года, профессоръ Абашевъ вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, говорить: «теперешнее состояніе разряда технико-агрономическихъ наукъ, открытаго при нашемъ университетѣ, въ высшей степени неудовлетворительно. Для одного спеціального предмета имѣется профессоръ агрономической химіи; агрономія, технологія и техническая химія вовсе не читаются; существуетъ учебная ферма и есть лицо, ею завѣдывающее, но, при отсутствіи преподаванія агрономіи, она составляетъ совершенно бесполезную принадлежность факультета». При этомъ профессоромъ Абашевымъ былъ снова представленъ проектъ учрежденія отдѣленія чисто-агрономическихъ наукъ и факультетъ, подтверждая мнѣніе г. Абашева, снова ходатайствовалъ объ учрежденіи этого отдѣленія, согласно новому проекту, который разнился отъ прежняго (представленнаго въ ноябрѣ) только замѣной кафедръ технической химіи кафедрой агрономіи. Г. министръ не согласился утвердить этихъ проектовъ, вслѣдствіе включенія въ число обязательныхъ предметовъ сельскохозяйственнаго законодательства и политической экономіи, а также и потому, что спеціализація начинается ранѣе 3-го курса. Факультетъ согласился

выпустить эти два предмета и начать специализацию съ 3-го курса, причѣмъ составлено было слѣдующее раздѣленіе предметовъ: предметы главные: 1) опытная физика, 2) опытная химія, 3) агрономическая химія, 4) агрономія и 5) сельскохозяйственная технология; предметы вспомогательные: 1) физическая географія, 2) ботаника, 3) зоологія, 4) минералогія и 5) геогнозія. Этотъ проектъ также не былъ утвержденъ г. министромъ, за неимѣніемъ средствъ къ открытію новой каѳедры агрономіи; при этомъ г. министръ предлагалъ открыть эту каѳедру на счетъ одной изъ новыхъ, въ замѣщеніи которой не предвидится близкая необходимость. Но такъ какъ университетъ не нашелъ возможнымъ уступить какую нибудь изъ названныхъ каѳедръ для агрономіи, то г. министръ предложилъ обратиться къ мѣстному земству за средствами для опредѣленія штатнаго преподавателя агрономіи. Факультетъ, какъ извѣстно, обращался къ земству, но получилъ отказъ.

Изъ предложенной выше выписки изъ дѣла объ учрежденіи у насъ разряда агрономическихъ наукъ, можно вывести слѣдующія заключенія: 1) факультетъ, съ своей стороны, исчерпалъ всѣ возможные средства для устройства этого отдѣленія, не скупясь даже на значительныя измѣненія въ разныхъ проектахъ, и, не смотря на все это, цѣль не достигнута; 2) факультетъ не разъ уже приходилъ къ убѣжденію въ неудовлетворительномъ состояніи технико-агрономическаго отдѣленія.

Въ настоящее время мы имѣемъ все то-же технико-агрономическое отдѣленіе, которое было открыто еще въ 1869 — 70 академическомъ году, и которое въ продолженіи 4-хъ лѣтъ оставалось постоянно почти въ томъ-же плачевномъ состояніи, на которое указывалъ профессоръ

Абашевъ еще въ первый годъ существованія этого отдѣленія; на немъ, какъ и прежде, нѣтъ до сихъ поръ преподавателей технологій, технической механики и агрономіи, ферма, все также, составляетъ бесполезную принадлежность факультета, да въ добавокъ земство отказалось отъ отпуска суммъ на ея содержаніе. Кромѣ всего этого, нѣтъ и въ будущемъ никакой надежды на сколько нибудь удовлетворительное устройство этого отдѣленія. По этому мы рѣшаемся предложить факультету ходатайствовать о закрытіи у насъ существующаго отдѣленія технико-агрономическихъ наукъ. Кромѣ этого, мы рѣшаемся также обратить вниманіе факультета и на предполагавшееся у насъ отдѣленіе чисто-агрономическихъ наукъ, для котораго, по нашему мнѣнію, не предвидится удовлетворительнаго существованія. Впервыхъ, на этомъ отдѣленіи, по послѣднему проекту, въ число главныхъ предметовъ включены агрономія и сельскохозяйственная технологія. Для перваго изъ нихъ необходимо учрежденіе особой кафедры, на что, какъ мы уже сказали, надежды нѣтъ; что же касается сельскохозяйственной технологій, то пріобрѣтеніе преподавателя по этому предмету возможно только на счетъ технической химіи; на сколько это удобно и выполнимо — предоставляемъ судить специалистамъ. Во вторыхъ, по проекту предполагается пять дополнительныхъ предметовъ (физическая географія, ботаника, зоологія, минералогія и геогнозія), которые студенты-агрономы должны слушать вмѣстѣ съ студентами естественнаго отдѣленія и при томъ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ (ибо эти предметы читаются во всѣхъ 4-хъ курсахъ естественнаго отдѣленія). Вслѣдствіе этого студенты-агрономы въ теченіи всего курса будутъ обременены значительнымъ числомъ лекцій по дополнительнымъ предметамъ, которое

даже можетъ быть будетъ болѣе числа ихъ по главнымъ предметамъ — не говоря уже о томъ, что это обстоятельство помѣшаетъ студентамъ въ ихъ занятіяхъ специальными предметами, въ этомъ есть еще одно неудобство. Понятно, что при испытаніяхъ, напр. по ботаникѣ, зоологін и пр. нельзя требовать отъ студента-агронома тѣхъ-же свѣдѣній, какъ и отъ студента естественнаго отдѣленія, и эти требованія, очевидно, будутъ опредѣляться не различіемъ въ объемахъ этихъ предметовъ, а только болѣе, или крайней снисходительностію къ студентамъ-агрономамъ, поэтому эти послѣдніе будутъ слушать по дополнительнымъ предметамъ очень много, а знать, по всей вѣроятности, очень мало.

На основаніи всего сказаннаго, мы рѣшаемся предложить факультету не только ходатайствовать о закрытіи технико-агрономическаго отдѣленія, но также прекратить ходатайство объ учрежденіи проектированнаго разряда чисто-агрономическихъ наукъ. Ко всему сказанному считаемъ не лишнимъ присоединить также свѣдѣнія о числѣ студентовъ, поступившихъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ на технико-агрономическое отдѣленіе: въ 1869 — 70 г. на I-й курсъ поступило семь человекъ, въ 1871 — 72 — четыре, въ 1872 — 73 — одинъ, въ настоящемъ академическомъ году — одинъ. Теперь на технико-агрономическомъ отдѣленіи 9 студентовъ: по одному на I и II курсахъ, три на III и четыре на IV курсѣ. Эти цифры показываютъ, что и поступающіе въ нашъ университетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждаются въ неудовлетворительности технико-агрономическаго отдѣленія.

Раздѣляя убѣжденіе факультета, что не целесообразно было-бы удерживать отдѣленіе техническихъ наукъ и агро-

номіи, какъ особый разрядъ, въ настоящемъ его видѣ, члены совѣта раздѣлились лишь въ мнѣніи, закрыть-ли разрядъ окончательно или только временно. Голосованіе показало, что на сторонѣ перваго мнѣнія было большинство 14 членовъ (гг. Цитовичъ, Синцовъ, Ярошенко, Сѣченовъ, Мечниковъ, Берневичъ, Сабининъ, замѣтившій, что при этомъ условіи лучше можетъ развиваться агрономическая спеціализація, Барастелевъ, Юргевичъ, Григоровичъ, Вальцъ, Буницынъ, Богдановскій, ректоръ) противъ 10-ти (гг. Некрасовъ, Вериго, Ягичъ, Патлаевскій, Головинскій, Шведовъ, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Смирновъ), высказавшихся за временное закрытіе разряда. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся по большинству голосовъ рѣшенію совѣта, представить г. попечителю о необходимости окончательнаго закрытія технико-агрономическаго отдѣленія.

3. А) Представленіе того же факультета о дальнѣйшей судьбѣ фермы, внесенное въ засѣданіе совѣта 19 января, ст. 15-я.

«Физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 15-го декабря 1873 г., слушалъ отношеніе правленія за № 1204, въ которомъ правленіе, вслѣдствіе заявленія г. ректора объ отказѣ земствомъ въ денежномъ пособіи на содержаніе фермы университета, передаетъ на обсужденіе факультета вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ фермы. Послѣ прочтенія особыхъ мнѣній, поданныхъ профессорами Сабининымъ и Мечниковымъ по этому вопросу, первый изъ нихъ, въ доказательство необходимости передачи фермы въ общество сельскаго хозяйства, привелъ тотъ фактъ, что ферма пришла въ разстроенное состояніе и что причину этого слѣдуетъ искать въ отсутствіи профессора агрономіи. Затѣмъ факультетъ вступилъ въ обсужденіе дѣла; изъ котораго выяснилась, что между членами

факультета существуютъ два различныя мнѣнія о дальнѣйшей судьбѣ университетской фермы, одно изъ этихъ мнѣній заключается въ томъ, что слѣдуетъ *передать ферму обществу сельскаго хозяйства*, другое въ томъ, что *ферму слѣдуетъ удержатъ* и эксплуатировать для научныхъ цѣлей, отдавая ее въ пользованіе частному лицу, которое обязалось бы производить извѣстныя работы, по указанію членовъ факультета, и устроивъ изъ нея, по предложенію декана, г. Вальда, сельскохозяйственную опытную станцію (*Landwirthschaftliche Station*), преслѣдующую чисто-научныя цѣли и на которой опыты производились бы подъ руководствомъ нѣкоторыхъ изъ членовъ факультета. Въ виду этихъ двухъ мнѣній, деканъ предложилъ баллотировать каждое изъ нихъ; при баллотировкѣ перваго мнѣнія, большинствомъ голосовъ рѣшено, чтобы ферму не передавать въ общество сельскаго хозяйства, при чемъ г. Сабининъ заявилъ, что онъ войдетъ съ особымъ мнѣніемъ, съ изложеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя онъ сообщалъ въ факультетъ, и которыя находятся въ мнѣніи, заслушанномъ въ физико-математическомъ факультетѣ 10-го февраля 1873 года; при голосованіи втораго изъ приведенныхъ мнѣній, большинствомъ голосовъ рѣшено эксплуатировать научнымъ образомъ ферму, отдавая ее въ, вышеупомянутое пользованіе, устроивъ при ней опытную сельскохозяйственную станцію и поручивъ руководство производимыхъ на ней опытовъ нѣкоторымъ изъ членовъ факультета. Затѣмъ деканомъ былъ возбужденъ вопросъ по поводу мнѣнія, выраженнаго профессоромъ Сабининымъ, о необходимости замѣнить катедру агрономической химіи катедрою агрономіи; по мнѣнію профессора Сабинина, возможно возложить преподаваніе и агрономіи, и агрономической химіи на одно лицо, такъ какъ

для курса агрономической химіи достаточно 3-хъ лекцій въ недѣлю, читаемыхъ на III-мъ курсѣ, а при этомъ условіи, конечно, возможно прочитать еще 3 лекціи агрономіи на IV курсѣ, гдѣ студенты имѣютъ много свободнаго времени; эту возможность возложенія на одно лицо преподаванія агрономической химіи и агрономіи, даже при существующемъ агрономическомъ разрядѣ, профессоръ Сабининъ привелъ въ пользу его имѣнія о замѣнѣ кафедръ агрономической химіи кафедрой агрономіи. По выслушаніи вышесказаннаго, большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 2-хъ, постановлено: не входя въ обсужденіе вопроса, возбужденнаго профессоромъ Сабининымъ, такъ какъ онъ былъ уже разсматриваемъ, представить его въ совѣтъ, приложивъ къ нему, какъ объясненіе со стороны факультета, послѣднее его рѣшеніе по этому вопросу, поименованное въ 15 ст. протокола совѣта отъ 20-го января 1872 года, а именно: г. министръ народнаго просвѣщенія, по ходатайству земства херсонской губерніи объ усиленіи преподаванія агрономическихъ наукъ въ нашемъ университетѣ, предложеніемъ отъ 17 мая сего года сдѣлавъ запросъ о томъ, не найдетъ ли факультетъ возможнымъ, на основаніи примѣчанія къ § 14 унив. устава, замѣнить существующую въ нашемъ университетѣ кафедру агрономической химіи кафедрой агрономіи, или, въ случаѣ невозможности, войти съ представленіемъ о замѣнѣ, на основаніи § 42 унив. устава, другой какой либо кафедрой кафедрой сельскаго хозяйства.

Факультетъ по этимъ двумъ вопросамъ имѣетъ честь представить слѣдующее.

1). Агрономическая химія, представляя изложеніе явленій законовъ химическихъ, физическихъ и физиологическихъ, лежащихъ въ основаніи земледѣльческихъ процес-

совъ, составляетъ научное основаніе, на которомъ построены всѣ приемы рациональной агрономической техники. Практическое значеніе агрономической химіи такъ велико, что въ настоящее время въ западной Европѣ существуетъ до 40 опытныхъ станцій, посвященныхъ почти исключительно изученію явленій, принадлежащихъ къ области агрономической химіи; въ ней лежатъ всѣ задатки усовершенствованій въ области сельскаго хозяйства; подробное изученіе ея составляетъ, потому, первую потребность при университетскомъ преподаваніи агрономическихъ наукъ. Но, независимо отъ прикладнаго интереса агрономической химіи, очень великъ и ея чисто-научный интересъ; доказательствомъ этому можетъ служить какъ то, что уставъ 1863 г. ввелъ ее въ наши университеты, такъ и то, что въ теченіи послѣдняго десятилѣтія преподаваніе ея стало вводиться и въ германскихъ университетахъ, даже таковыхъ, при которыхъ нѣтъ специальныхъ агрономическихъ разрядовъ, каковы университеты лейпцигскій и гейдельбергскій. Поэтому факультетъ находитъ, что преподаваніе агрономической химіи въ полномъ ея размѣрѣ во всякомъ случаѣ должно быть сохранено.

2). По постоянному штату при физико-математическомъ факультетѣ полагается всего 13-ть штатныхъ преподавателей; въ наличности имѣются въ настоящее время слѣдующіе преподаватели: по чистой математикѣ 2, — астрономіи 1, — физикѣ 2, — химіи 1 и имѣется въ виду другой, избранный уже совѣтомъ, по зоологіи 3, — ботаникѣ 2, по минералогіи нѣтъ, но имѣется въ виду и уже избранъ совѣтомъ, по геологіи 1, по физической географіи нѣтъ, по агрономической химіи 1, по технической химіи нѣтъ. Итого, въ настоящее время, на факультетѣ состоитъ всего 15

преподавателей и имѣется въ виду еще пріобрѣтеніе 2-хъ которые изъявили свое согласіе на поступленіе въ нашъ университетъ и уже избраны факультетомъ и совѣтомъ, — слѣдовательно, остаются вакантными лишь двѣ штатныя преподавательскія должности, которыя факультетъ имѣеть въ виду замѣстить преподавателями физической географіи и технической химіи. Изъ этого видно, что въ настоящее время на факультетѣ не остается ни одного свободнаго штатнаго преподавательскаго мѣста.

Далѣе, что касается практической агрономіи, то факультетъ находитъ, что она можетъ быть излагаема въ университетѣ не иначе, какъ въ связи съ агрономической химіей и какъ практическое приложеніе послѣдней; изложеніе агрономіи въ иной формѣ, т. е. не въ видѣ практическаго приложенія агрономической химіи, по мнѣнію факультета, не только не могло бы оказать содѣйствія распространенію рациональныхъ и серьезныхъ знаній, но, напротивъ, могло бы даже оказать то именно вредное вліяніе на уровень университетскаго образованія, опасенія котораго высказаны въ особой, Высочайше учрежденной комисіи для разсмотрѣнія отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1869 годъ, низводя одинъ изъ предметовъ университетскаго образованія въ область чистаго эмпиризма. Наконецъ, что касается до предположенія о возложеніи на одно лицо преподаванія и агрономической химіи, и агрономіи, то объ этомъ факультетъ считаетъ бесполезнымъ распространяться, такъ какъ, при самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, для всякаго очевидно, что изложеніе обоихъ предметовъ, въ разиѣрахъ, сообразныхъ съ уровнемъ университетскаго преподаванія, не только далеко превосходитъ

силы одного лица, но даже и для двух составляет весьма трудную задачу, если принять во вниманіе практическія занятія по обоимъ предметамъ, по агрономіи на фермѣ, по агрономической химіи—въ лабораторіи.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній факультетъ находитъ, что 1) ни одна изъ существующихъ кафедръ не можетъ быть замѣнена кафедрой агрономіи; 2) въ случаѣ невозможности имѣть особыхъ штатныхъ преподавателей и по агрономической химіи и по агрономіи, факультетъ находитъ нужнымъ сохранить кафедру агрономической химіи, такъ какъ она представляетъ сама по себѣ большой теоретическій интересъ и можетъ быть изучаема независимо отъ практическихъ цѣлей; и 3) для удовлетворенія же справедливаго желанія херсонскаго земства, факультетъ не видитъ другаго исхода, какъ только просить совѣтъ вновь ходатайствовать предъ г. министромъ объ открытіи при новороссійскомъ университетѣ особой кафедры агрономіи.

Мнѣніе профессора Сабинина состоитъ въ слѣдующемъ: «на основаніи представленія физико-математическаго факультета, значащагося въ 20-й ст. протокола засѣданія совѣта 28-го марта 1873 г., совѣтъ постановилъ: ходатайствовать, чрезъ г. попечителя, предъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ обазать оказать свое содѣйствіе къ тому, чтобы расположить земство новороссійскаго края и Бессарабіи принять участіе въ учрежденіи кафедры агрономіи ежегоднымъ отпускомъ на этотъ предметъ суммы не свыше 4 т. рублей. Отвѣтъ отъ г. генералъ-губернатора еще не полученъ; вслѣдствіе чего я теперь считаю необходимымъ представить мое мнѣніе, состоящее изъ слѣдующихъ 2-хъ предложеній: 1) если университетъ не получитъ отъ зем-

ства пособія, необходимаго на учрежденіе каедры агрономіи, то слѣдуетъ ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о передачѣ фермы въ общество сельскаго хозяйства и объ учрежденіи, по крайней мѣрѣ, каедры сельскаго хозяйства чрезъ замѣну ею каедры агрономической химіи, чѣмъ и оправдывается заботливость университета о выгодахъ края, такъ какъ, кромѣ той пользы, которую доставитъ краю преподаваніе агрономіи,—профессоръ этого предмета, сообщеніемъ агрономическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для сельскихъ хозяевъ, и руководствомъ въ ихъ практической дѣятельности, можетъ оказать несомнѣнную услугу развитію сельскаго хозяйства въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ нѣтъ высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія; между тѣмъ замѣна каедры агрономической химіи каедрой агрономіи не можетъ имѣть вреднаго вліянія на уровень университетскаго преподаванія, какъ это согласно и съ примѣчаніемъ 14 § унив. устава; 2) если университетъ будетъ имѣть отъ земства пособіе, необходимое на учрежденіе каедры агрономіи, то долгъ—оправдать общественное довѣріе, а также сдѣланныя и правительствомъ и новороссійскимъ краемъ значительныя пожертвованія на ферму требуютъ, чтобы, при возложеніи преподаванія агрономической химіи и агрономіи на одволицо, ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи фермы въ вѣдѣніи университета и объ обращеніи на ея содержаніе тѣхъ 3 т. р., которые теперь отпускаются на каедру агрономической химіи, такъ какъ, при существованіи каедры агрономіи, вѣтъ необходимости въ особой каедрѣ агрономической химіи, а вслѣдствіе неоднократнаго указанія министерства на Высочайшее повелѣніе о соблюденіи строгой бережливости, было бы

совершенно безуспѣшнымъ ходатайство объ ассигнованіи на содержаніе фермы особой суммы изъ казны».

Предложеніе профессора Мечникова заключается въ слѣдующемъ: «имѣя въ виду, что университетская ферма не приносила никакой пользы университету даже въ то время, когда на нее отпускались деньги, а напротивъ служила поводомъ къ цѣлому ряду несприятностей; кромѣ того, принимая въ соображеніе, что теперь, въ виду отказа земства, положеніе фермы должно усложниться и, вообще говоря, ухудшиться, — я предлагаю факультету ходатайствовать о возвращеніи фермы обществу сельскаго хозяйства южной Россіи».

В). Особое мнѣніе профессора Сабинина, внесенное въ засѣданіе совѣта 19-го января: «имѣю честь войти въ совѣтъ съ мнѣніемъ по поводу вопроса о фермѣ, возникшаго вслѣдствіе отказа херсонской земской управы, въ отпускъ новороссійскому университету суммы на содержаніе фермы.

Въ 11-й ст. протокола засѣданія совѣта 21-го декабря 1870 г. значится слѣдующій докладъ г. ректора: «учебная сельскохозяйственная ферма поставлена въ настоящее время въ неопредѣленное положеніе, значительно затрудняющее успѣшное ея развитіе; съ одной стороны, правленіе университета, не имѣя достаточно данныхъ для того, чтобы рѣшить, полезна-ли и необходима-ли та или другая издержка, предполагаемая управляющимъ фермою, часто затрудняется въ разрѣшеніи ея; — съ другой стороны, если обращаться въ факультетъ по поводу каждаго представленія завѣдывающаго фермою, то происходитъ значительная потеря времени, которая для хозяйства фермы можетъ быть чрезвычайно вредна. Вслѣдствіе этого желательно, чтобы установлены были правила, на основаніи которыхъ дѣй-

отвѣдалъ-бы управляющій фермою и чтобы относительно капитальныхъ построекъ, приобрѣтеній и распоряженій по фермѣ былъ установленъ надлежащій контроль съ технической стороны». На основаніи такого доклада г. ректора, совѣтъ опредѣлилъ: 1) подчинить управляющаго фермою контролю профессора агрономической химіи относительно капитальныхъ построекъ, приобрѣтеній и вообще распоряженій по фермѣ, виѣннивъ управляющему фермою въ обязанность обращаться предварительно къ профессору и, получивъ его согласіе, давать дальнѣйшій ходъ дѣлу; о чемъ и сообщить къ исполненію управляющему фермою; 2) просить профессора Абашева составить проектъ правилъ для управляющаго учебною фермою. Вслѣдствіе такого постановленія, физико-математическій факультетъ представилъ въ совѣтъ, въ его засѣданіе 10-го февраля 1871 года (10-я ст. протокола этого засѣданія) составленный профессоромъ Абашевымъ и одобренный факультетомъ проектъ общихъ основаній организаціи фермскаго хозяйства. Проектъ этотъ былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта 10-го февраля 1871 г. и въ 10-й ст. протокола этого засѣданія значится такое постановленіе совѣта: утвердивъ изложенный въ докладной части протокола общія основанія организаціи хозяйства университетской учебной фермы, просить физико-математическій факультетъ составить подробныя правила веденія фермскаго хозяйства для руководства управляющему фермою. На основаніи такого постановленія совѣта, физико-математическій факультетъ вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ представленіемъ: «въ факультетъ поступило два проекта подробныхъ правилъ веденія фермскаго хозяйства: одинъ составленный профессоромъ Абашевымъ, другой — управляющимъ учебною фер-

мою, г. Армфельдомъ. Разсмотрѣвъ оба проекта, факультетъ постановилъ: представить ихъ въ петровскую академию и просить ея заключенія, на настоящій-же годъ поручить г. Армфельду вести хозяйство фермы на прежнихъ основаніяхъ, и, согласно прошенію профессора Абашева, уволить его отъ обязанности наблюдать за веденіемъ хозяйства фермы. Дѣло о двухъ проектахъ подробныхъ правилъ, составленныхъ гг. Абашевымъ и Армфельдомъ, вмѣстѣ съ просьбою перваго изъ нихъ о сложеніи съ него особаго наблюденія за ходомъ фермскаго хозяйства, должно было совѣту въ его засѣданіе 22 марта 1872 года и въ 15-й ст. протокола того засѣданія значится такое постановленіе совѣта: 1) утвердивъ распоряженіе факультета о веденіи фермскаго хозяйства въ текущемъ году, просить петровскую академию разсмотрѣть два проекта представленные въ физико-математическій факультетъ новороссійскаго университета, 2) профессора Абашева, согласно его просьбѣ, уволить отъ обязанности особаго наблюденія за ходомъ фермскаго хозяйства. Отвѣтъ ли отъ петровской академіи еще не полученъ, или-же два проекта подробныхъ правилъ, составленные гг. Абашевымъ и Армфельдомъ и предназначенные къ отсылкѣ въ петровскую академию, туда еще не отправлены, — рѣшенія этого вопроса нѣтъ въ протоколахъ засѣданій совѣта; но, спустя цѣлыхъ полтора года послѣ постановленія совѣта о посылкѣ въ петровскую академию двухъ проектовъ подробныхъ правилъ, составленныхъ гг. Абашевымъ и Армфельдомъ, — г. ректоръ, въ засѣданіи 25 сентября 1872 года (17-я ст. протокола этого засѣданія) снова доложилъ совѣту, что крайне желательно, чтобы физико-математическій факультетъ составилъ *точныя и подробныя правила* для руководства управляющему

фермою, указавъ въ то-же время, какія именно задачи должны быть имъ разрѣшены, и что со стороны факультета необходимъ контроль надъ веденіемъ хозяйства на фермѣ, дабы вполне удовлетворить ожиданіямъ мѣстнаго общества, желающаго видѣть въ ней образцовое учебное учрежденіе». Въ, изложенныя мною данныя, заключающія въ себѣ содержаніе постановленій совѣта и факультета, а также докладовъ г. ректора совѣту, приведены мною для доказательства того, что г. Армфельдъ, будучи вначалѣ представленъ одному себѣ, затѣмъ, во все время управленія своего фермою, завѣдывалъ ею безъ надлежащихъ инструкцій, содержащихъ въ себѣ точныя и подробныя правила, которыя служили-бы управляющему фермой руководствомъ для веденія фермскаго хозяйства; — между тѣмъ, ферма пришла въ разстроенное состояніе. Этотъ фактъ сдѣлался уже общезвѣстнымъ чрезъ напечатаніе въ протоколахъ засѣданій совѣта двухъ представленій правленія и физико-математическаго факультета, — тѣхъ именно двухъ учрежденій университета, изъ которыхъ первое обязано слѣдить за цѣлостію фермскаго имущества и должною отчетностью по фермѣ, а второе — за техническою стороною фермскаго хозяйства. Представленіе правленія сдѣлано въ засѣданіи совѣта 25 сентября 1872 г. (17 ст. протокола этого засѣданія) слѣдующаго содержанія: «правленіе имѣетъ честь сообщить совѣту о томъ, что г. ректоръ, въ засѣданіи правленія 25-го августа сего года, заявилъ, что, въ бытность свою на университетской фермѣ, онъ убѣдился въ крайне плохомъ состояніи хозяйства и домоводства фермы». Въ 23-й ст. протокола засѣданія совѣта 22-го марта 1873 г. значится слѣдующее представленіе физико-математическаго факультета: «въ отвѣтъ на предложеніе совѣта

отъ 3-го марта за № 51, физико-математическій факультетъ имѣеть честь донести, что касаяся до фермской земли, то, по мѣтнію факультета, приступать въ концѣ марта или началѣ апрѣля къ сельско-хозяйственнымъ операціямъ не только невозможно *при разстроенномъ состояніи фермы*, но даже вредно, такъ какъ это повлечетъ къ безполезной затратѣ денегъ. Если, теперь, принять во вниманіе слѣдующія три обстоятельства: 1) что дѣло о разстроенномъ состояніи фермы уже прекращено совѣтомъ болѣе чѣмъ полгода назадъ даже до начала текущаго мѣсяца; 2) что г. Аршфельдъ, безъ всякаго препятствія со стороны совѣта, перемѣщенъ изъ должности управляющаго фермою на другую, высшую должность — доцента института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи; и 3) что изъ протоколовъ засѣданій совѣта выходитъ, что вѣнчикомъ разстроеннаго состоянія фермы никто не оказался, — то эти три обстоятельства приводятъ невольно къ тому выводу, что причину разстроеннаго состоянія фермы главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ отсутствіи въ нашемъ университетѣ профессора агрономіи, какъ дѣйствительно компетентнаго судьи и руководителя въ веденіи фермскаго хозяйства. Такимъ образомъ, становится несомнѣннымъ то заключеніе, что ферма, при невороссійскомъ университетѣ, не принесетъ и впродъ никакой пользы безъ профессора агрономіи, который былъ-бы полезнымъ руководителемъ управляющему фермою, приобретаая у него авторитетъ своимъ знаніемъ, усердіемъ къ дѣлу фермскаго хозяйства и должнымъ отношеніемъ къ управляющему учебною фермою, опредѣляемымъ такъ, чтобы требованія свои къ сему послѣднему, по дѣламъ фермы, выражать точнымъ

образомъ помощію установленныхъ инструкцій для веденія фермскаго хозяйства.

Необходимость каедры агрономіи для университетской фермы признана и совѣтомъ; вслѣдствіе чего совѣтъ вошелъ къ г. министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о замѣнѣ каедры технической химіи каедрой сельскаго хозяйства (5-я ст. протокола засѣданія совѣта 27-го апрѣля 1870 года). На основаніи этого ходатайства совѣта и представленія предсѣдателя херсонской губернской земской управы объ учрежденіи при новороссійскомъ университетѣ особой каедры сельскаго хозяйства, г. министръ поручилъ на обсужденіе совѣту вопросъ (14-я ст. протокола засѣданія совѣта 31-го мая 1871 г.): «не будетъ-ли признано возможнымъ, на точномъ основаніи примѣчаній къ § 14-му унив. устава, замѣнить существующую нынѣ каедру агрономической химіи каедрой сельскаго хозяйства, или, въ случаѣ невозможности приведенія сей мѣры въ исполненіе, то войти съ представленіемъ о замѣнѣ, на основаніи § 42-го, л. В п. 3-й того-же устава, другой какой либо каедры каедрой сельскаго хозяйства». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. министра, совѣтъ опредѣлилъ (15-я ст. протокола засѣданія совѣта 20-го января 1872 г.): сдѣлать г. попечителю одесскаго учебнаго округа представленіе, согласно рѣшенію физико-математическаго факультета, слѣдующаго содержанія: 1) ни одна изъ существующихъ каедръ не можетъ быть замѣнена каедрой сельскаго хозяйства; 2) въ случаѣ невозможности имѣть особые штатныхъ преподавателей и по агрономіи и по агрономической химіи, факультетъ находить нужнымъ сохранить каедру агрономической химіи, такъ какъ она представляетъ сама собой большой теоретическій интересъ и мо-

жетъ быть изучаема независимо отъ практическихъ цѣлей; и 3) для удовлетворенія же справедливаго желанія херсонскаго земства факультетъ не находитъ другаго исхода, какъ только ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ открытїи при новороссійскомъ университетѣ особой каедры агрономїи. Мотивы, приводимые факультетомъ для отрицательнаго рѣшенія вопроса о замятїи каедры агрономической химїи каедрою агрономїи, состоятъ изъ слѣдующихъ трехъ положеній: 1) преподаваніе агрономической химїи въ полномъ ея размѣрѣ во всякомъ случаѣ должно быть сохранено; 2) агрономія должна быть излагаема, какъ практическое приложеніе агрономической химїи; и 3) невозможно возложеніе на одно лицо преподаванія и агрономической химїи и агрономїи въ объемъ, требуемомъ университетскимъ преподаваніемъ. Если и принять первыя два положенія — доказанными, то ихъ только однихъ недостаточно для вывода факультетскаго рѣшенія относительно упомянутаго вопроса, если только не будетъ доказано третье положеніе; но въ томъ-то и вся суть, что факультетъ считалъ даже бесполезнымъ распространяться объ этомъ третьемъ положенїи въ томъ засѣданїи, въ которомъ состоялось его рѣшеніе, выше приведенное мною (изъ 15-й ст. протокола засѣданія совѣта 20 января 1872 г.), а чрезъ то самое это рѣшеніе и дѣлается голословнымъ. Считаю долгомъ обратить вниманіе совѣта на слѣдующія три данныя, которыя приводятъ къ тому заключенію, что, и при сохраненїи преподаванія агрономической химїи въ объемъ университетскаго курса, и при изложенїи агрономїи, какъ пракческаго приложенія химїи, — все таки возможно возложеніе на одно лицо преподаванія и агрономической химїи и агрономїи.

1) На одинъ и тотъ-же вопросъ относительно возможности сосредоточить въ одномъ лицѣ преподаваніе и агрономіи и агрономической химіи въ объемѣ университетскаго курса, — физико-математическій факультетъ нашего университета представилъ совѣту два рѣшенія, діаметрально противоположныя между собою. Дѣйствительно, въ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 18-го января 1871 года значится такое представленіе физико-математическаго факультета: «физико-математическій факультетъ имѣетъ честь представить составленный профессоромъ Абашевымъ проектъ преобразования отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи. Одобривъ этотъ проектъ, *факультетъ находитъ нужнымъ добавить къ нему, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ одномъ штатномъ преподавателѣ, какъ при временномъ, такъ и при нормальномъ штатѣ, не исключая возможности имѣть для этого сверхштатнаго преподавателя;*» между тѣмъ, какъ спустя только одинъ годъ, именно въ 15-й ст. протокола засѣданія совѣта 20-го января 1871 года, въ представленіи физико-математическаго факультета находится слѣдующее выраженіе: «наконецъ, *что касается до предложенія о возложеніи на одно лицо преподаванія и агрономической химіи и агрономіи, то объ этомъ факультетъ считаетъ бесполезнымъ распространяться, такъ какъ, при самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, для всякаго очевидно, что изложеніе обоихъ предметовъ, въ разнѣрахъ, сообразныхъ съ уровнемъ университетскаго преподаванія, не только превосходитъ силы одного лица, но даже и для двухъ составляетъ весьма трудную задачу.*» Эта діаметральная противоположность двухъ сейчасъ при-

веденныхъ рѣшеній физико - математическаго факультета даетъ поводъ къ тому заключенію, что рѣшеніе имъ вопроса о возможности возложить на одно лицо преподаваніе и агрономической химіи и агрономіи не находитъ себѣ основанія вслѣдствіе именно того, что въ нашемъ университетѣ нѣтъ профессора агрономіи, какъ дѣйствительно компетентнаго судьи въ рѣшеніи такого вопроса. 2) Университеты петербургскій и кіевскій имѣютъ одного только профессора агрономіи и не имѣютъ особаго преподавателя агрономической химіи; между тѣмъ на профессорѣ агрономіи необходимо лежитъ обязанность въ томъ, чтобы студенты были знакомы съ агрономической химіей, такъ какъ, по мнѣнію нашего же физико-математическаго факультета (15 ст. прот. зас. совѣта 20-го января 1872 г.), агрономія можетъ быть излагаема въ университетѣ не иначе какъ практическое приложеніе агрономической химіи и изложеніе агрономіи въ иной формѣ низводитъ этотъ предметъ университетскаго преподаванія въ область чистаго эмпиризма. Но, конечно, нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ вышеупомянутыхъ университетахъ, въ которыхъ есть кафедра агрономіи и нѣтъ особаго преподавателя агрономической химіи, — изложеніе агрономіи было бы таково, что низводитъ этотъ предметъ университетскаго преподаванія въ область чистаго эмпиризма, а потому, безъ сомнѣнія, въ этихъ университетахъ, агрономія также излагается, какъ практическое приложеніе агрономической химіи и въ нихъ, слѣдовательно, одинъ и тотъ же профессоръ агрономіи преподаетъ агрономію и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ студентовъ съ агрономической химіею, показывая имъ ближайшее отношеніе химіи къ агрономіи. 3) На нашемъ физико-математическомъ факультетѣ существуетъ отдѣленіе техническихъ

наукъ и агрономіи, — и агрономіи вовсе не читается, а читается только агрономическая химія на одномъ только третьемъ курсѣ по три лекціи въ недѣлю; — столько же въ недѣлю лекцій агрономіи на четвертомъ курсѣ дало бы возможность студентамъ этого курса прослушать хотя главнѣйшую и для новороссійскаго края важнѣйшую часть агрономіи — земледѣліе, чѣмъ, хотя нѣсколько, восполнился бы пробѣлъ, существующій на отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи и состоящій въ томъ, что студенты 4-го курса этого отдѣленія имѣютъ число лекцій, недостаточное для избранной ими специальности. — На самомъ дѣлѣ, кромѣ лекцій, общихъ съ студентами отдѣленія естественныхъ наукъ, студенты 4-го курса отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи имѣютъ только двѣ недѣльные лекціи технической химіи, специально для нихъ назначенныя; между тѣмъ какъ на 4-мъ курсѣ и должны быть преимущественно сосредоточены занятія студентовъ по избранной ими специальности. По шести въ недѣлю лекцій было бы достаточно для преподаванія и агрономической химіи и агрономіи, если только эти шесть лекцій распредѣлить такъ: 1) на 2-мъ курсѣ читать три лекціи агрономической химіи, причисливъ этотъ предметъ къ общимъ факультетскимъ, каковымъ агрономическая химія и считалась нашимъ физико-математическимъ факультетомъ въ 1868 — 69 академическомъ году; 2) три же лекціи агрономіи сдѣлать совмѣстными для 3-го и 4-го курсовъ, тогда три недѣльныхъ совмѣстныхъ лекцій 3-го и 4-го курсовъ равнозначущи съ шестью недѣльными лекціями одного курса, а такое число недѣльныхъ лекцій для преподаванія агрономіи въ объемѣ университетскаго курса считается достаточнымъ физико-математическимъ факуль-

тетомъ петербургскаго университета, гдѣ агрономическая спеціализація имѣетъ надлежащее развитіе (прот. засѣд. петербург. университета, № 6-й 1873 г., стр. 116-я). Такимъ образомъ, профессоръ агрономіи каждаго года читалъ бы только три недѣльныхъ лекціи агрономіи 3-му и 4-му курсамъ совместно, да еще на 2-мъ курсѣ три лекціи агрономической химіи, — всего шесть недѣльныхъ лекцій, а такое число лекцій можетъ читать одинъ даже такой профессоръ, который имѣетъ практическія занятія съ студентами. И такъ, относительно возможности сосредоточить въ одномъ лицѣ преподаваніе агрономіи и агрономической химіи въ объемѣ университетскаго курса, — изъ двухъ вышеприведенныхъ, діаметрально-противуположныхъ рѣшеній нашего физико-математическаго факультета, — первое совершенно справедливо, а второе, какъ діаметрально-противуположное первому, уже никакъ не можетъ быть принято въ основаніе рѣшенія о замѣнѣ катедры агрономической химіи катедрой агрономіи. Эта замѣна вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что не предвидится успѣха въ ходатайствѣ совѣта о томъ, чтобы, при существованіи у насъ въ настоящее время отдѣльной катедры агрономической химіи, имѣть также и *особую катедру агрономіи*. Между тѣмъ, нижеслѣдующія два данныя показываютъ, какъ въ настоящее время необходима катедра агрономіи въ нашемъ университетѣ, гдѣ, вотъ уже пятый годъ, существуетъ разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи, а агрономія—то и не читалась и до сихъ поръ все еще не читается. А) Въ существующей у насъ разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи входятъ слѣдующіе предметы главные: 1) агрономія или агрономическая химія, 2) технология или техническая химія, 3) опытная химія и 4) опытная физика;

предметы вспомогательные: 1) техническая механика, 2) физическая географія, 3) зоологія, 4) ботаника, и 5) минералогія и геогнозія (7-я ст. протокола засѣданія совѣта 11-го мая 1866 года). Въ объясненіе того, что въ приведенномъ росписаніи предметовъ назначено читать только агрономію или агрономическую химію, — имѣю честь представить вниманію совѣта *указаніе* г. министра народнаго просвѣщенія, заключающееся въ предложеніи его отъ 15-го апрѣля 1870 года за № 1400 (7-я ст. протокола засѣданій совѣта 30-го мая 1870 года) въ слѣдующемъ объясненіи: «все, что можетъ сдѣлать физико-математическій факультетъ новороссійскаго университета, на основаніи существующихъ постановленій, это — подраздѣлить отдѣленіе техническихъ наукъ и агрономіи на двѣ спеціальности, *техническую* и *агрономическую*, распредѣливъ, согласно тому и на основаніи вышеупомянутаго постановленія министерства народнаго просвѣщенія, предметы общіе или основныя и спеціальныя». На основаніи этого указанія г. министра, въ существующемъ у насъ отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи и имѣютъ мѣсто двѣ отдѣльныя, самостоятельныя спеціальности: *агрономическая* и *техническая*, или, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ должна имѣть надлежащее развитіе; и, очевидно, для первой необходима *агрономія*, а для второй, — при чтеніи только агрономической химіи безъ преподаванія агрономіи, — необходимы: *техническая химія* или *технологія* и *техническая механика*. Если темерь принять во вниманіе слѣдующія три обстоятельства: 1) что на нашемъ физико-математическомъ факультетѣ нѣтъ особаго профессора технической химіи, а чтеніе ея только поручается стороннему преподавателю, профессору химіи А. А. Вериге; 2) что техническая механика не

только вовсе не читается, но на физико-математическомъ факультетѣ не былъ даже и поднимаемъ вопросъ о необходимости преподаванія этого предмета на отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи; и 3) что совѣтъ, на основаніи представленія физико-математическаго факультета, неоднократно ходатайствовалъ о преобразованіи разряда техническихъ наукъ и агрономіи въ разрядъ чисто *агрономическій* (а, 13-я ст. протокола засѣданій совѣта 17-го ноября 1869 года, б, 5-я ст. протокола засѣданій совѣта 27-го апрѣля 1870 года, в, 13-я ст. протокола засѣданій совѣта 18-го января 1871 года, г, 14-я ст. протокола засѣданій совѣта 20-го января 1872 года),—то эти три обстоятельства указываютъ на то, что и совѣтомъ и физико-математическимъ факультетомъ признавалось необходимымъ, чтобы на существующемъ у насъ отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи надлежащее развитіе имѣла *спеціальность агрономическая*, а для надлежащаго развитія этой спеціальности кatedра агрономіи — *conditio sine qua non*. Б) Изъ химической лабораторіи петербургскаго университета, гдѣ имѣтъ отдѣльной кatedры агрономической химіи, вышло 8 работъ анализа почвъ и подпочвъ губерній петербургской, московской, смоленской и симбирской; 4 анализа овса тѣхъ же губерній, 4 работы четырехъ минеральныхъ удобрений: суперфосфата, жженой кости, поташа и сѣрнокислаго натрія. Всѣ эти 16 работъ были сдѣланы съ надлежащею провѣркою, потому что каждое опредѣленіе было производимо совершенно независимо двумя наблюдателями; всѣ эти работы напечатаны въ трудахъ втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Москвѣ 1870 года, между тѣмъ какъ изъ агрономической лабораторіи нашего университета, гдѣ кatedра агрономической химіи существуетъ уже 6-й годъ, не

вышло въ свѣтъ ни одной работы подобнаго рода. Такой фактъ показываетъ, что въ университетахъ, гдѣ химія преподается во всей подробности, и гдѣ для студентовъ имѣется полная возможность заниматься въ лабораторіяхъ анализомъ тѣхъ или другихъ веществъ, близкихъ избранной ими съ 3-го курса специальности,—весьма возможно обойтись безъ отдѣльной кафедры агрономической химіи, а для агрономической специальности болѣе желательно, чтобы въ составѣ профессоровъ физико-математическаго факультета находился профессоръ агрономіи, какъ это и имѣетъ мѣсто въ другихъ университетахъ, и въ нихъ, какъ напримѣръ въ петербургскомъ, агрономическая спеціализація состоитъ въ томъ, что студенты, желающіе посвятить себя этой специальности съ 3-го курса, занимаются преимущественно агрономіей и ботаникой. Подобная агрономическая спеціализація, основанная на нынѣ существующихъ постановленіяхъ, можетъ содѣйствовать и дѣйствительно содѣйствуетъ распространенію рациональныхъ и серьезныхъ агрономическихъ знаній, какъ доказательствомъ тому служитъ петербургскій университетъ; агрономическая же спеціализація, безъ преподаванія агрономіи, не можетъ имѣть надлежащаго развитія, потому что агрономическая химія одна сама по себѣ составляетъ лишь научную основу для построенія рациональной практической агрономіи, а успѣшное развитіе каждой науки обуславливается именно тѣмъ, чтобы, при преподаваніи ея, имѣло мѣсто не только теоретическое ея изложеніе, но и практическое его приложеніе. Такъ, еслибы въ университетѣ введена была астрономическая спеціализація, состоящая въ томъ, чтобы студенты, посвятившіе себя этой специальности съ 3-го курса, занимались преимущественно астрономіей, анализомъ и аналитической механикой,

то астрономическая спеціализація была бы, конечно, не полная и не приносила бы никакой пользы, еслибы при устройствѣ ея студенты не слушали практической астрономіи; точно также и агрономическая спеціализація будетъ далеко не полная и не будетъ приобрѣтать себѣ adeptовъ, если, при существованіи ея, студенты вовсе не будутъ слушать самой агрономіи; только *при кафедрѣ агрономіи*, агрономическая спеціализація принесетъ пользу юношеству и сельскому хозяйству, доставляя молодымъ людямъ легкой переходъ отъ школы къ практической дѣятельности, а сельскимъ хозяевамъ — научно-образованныхъ агрономовъ.

Такія теоретическія и фактическія данныя приведены мною для того, чтобы доказать, что въ настоящее время кафедры агрономіи, *независимо отъ учебной фермы*, необходима въ нашемъ университетѣ уже и потому только, что у насъ существуетъ отдѣленіе техническихъ наукъ и агрономіи, на которомъ, какъ уже признано и факультетомъ и совѣтомъ, агрономическая спеціальность должна имѣть надлежащее развитіе; такъ что кафедры агрономіи необходима въ нашемъ университетѣ и въ томъ даже случаѣ, когда ферма перейдетъ въ общество сельскаго хозяйства. Конечно, необходимость кафедры агрономіи увеличилась-бы еще болѣе, еслибы ферма оставалась въ вѣдѣніи университета, потому что ферма при университетѣ, безъ кафедры агрономіи, не можетъ имѣть серьезнаго научнаго значенія; а такъ какъ не предвидится успѣха въ ходатайствѣ совѣта о томъ, чтобы, при сохраненіи кафедры агрономической химіи, имѣть также особую кафедру агрономіи, то и слѣдуетъ ходатайствовать о замѣнѣ кафедры агрономической химіи кафедрой агрономіи. Безотлагательность же такой мѣры вызывается тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находится теперь разрядъ

техническихъ наукъ и агрономіи, въ которомъ онъ находился также при самомъ открытіи своемъ (1-я ст. протокола засѣданія совѣта 12-го мая 1869 года) и которое признано и физико-математическимъ факультетомъ и совѣтомъ *неудовлетворительнымъ*, какъ въ этомъ можно удостовѣриться изъ 5-й ст. протокола засѣданія совѣта 27-го апрѣля 1870 года. Смѣю думать, что сохраненіемъ отдѣльной каведры агрономической химіи, безъ каведры агрономіи, совѣтъ не приметъ на себя отвѣтственности въ продленіи настоящаго неудовлетворительнаго состоянія разряда техническихъ наукъ и агрономіи. Я вполне увѣренъ, совѣтъ признаетъ, что продленіе такого неопредѣленнаго состоянія техническихъ наукъ и агрономіи во всѣхъ отношеніяхъ вредно, и что совѣтъ положить конецъ такому тягостному состоянію этого разряда — ходатайствомъ о замѣнѣ каведры агрономической химіи каведрою агрономіи, на основаніи самаго распредѣленія предметовъ разряда техническихъ наукъ и агрономіи, на основаніи вышеприведеннаго указанія г. министра, и на основаніи уже признанной и факультетомъ и совѣтомъ необходимости образованія агрономической спеціальности на существующемъ разрядѣ техническихъ наукъ и агрономіи. Вслѣдствіе-же отказа херсонскаго земства въ отпускѣ нашему университету суммы на содержаніе фермы, остается одно: войти въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о передачѣ фермы въ общество сельскаго хозяйства, согласно со 2-мъ пунктомъ сдѣланныхъ съ этимъ обществомъ условій на передачу, въ пользованіе, университету хутора, завѣщаннаго обществу дворяниномъ Канарскимъ (4-я ст. протокола засѣданія совѣта 11-го сентября 1867 года). Такое мнѣніе мое, представленное на благоусмотрѣніе совѣта еще 7-го февраля 1873 г.,

было-бы достаточно и теперь, еслибы совѣту было *положительно* извѣстно объ отказѣ земства новороссійскаго края и Бессарабіи въ пособіи на учрежденіе каеэдры агрономіи; но такъ какъ еще не полученъ отвѣтъ отъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора на ходатайство совѣта, значущееся въ 20-й ст. протокола засѣданія совѣта 28-го марта 1873 года, то по этому самому я и считаю теперь необходимымъ представить на благоусмотрѣніе совѣта мое мнѣніе въ двухъ предложеніяхъ: 1) Если университетъ не получитъ отъ земства новороссійскаго края и Бессарабіи пособія, необходимаго на учрежденіе каеэдры агрономіи, то слѣдуетъ ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о передачѣ фермы въ общество сельскаго хозяйства и объ учрежденіи по крайней мѣрѣ каеэдры агрономіи чрезъ замѣну ею каеэдры агрономической химіи, чѣмъ и оправдается заботливость университета о выгодахъ края, такъ какъ, кромѣ той пользы, которую доставить и университету и новороссійскому краю преподаваніе агрономіи, профессоръ этого предмета и сообщеніемъ агрономическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для сельскихъ хозяевъ, и руководствомъ въ ихъ практической дѣятельности, можетъ оказать несомнѣнную услугу развитію сельскаго хозяйства въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ нѣтъ высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія; 2) Если университетъ будетъ имѣть отъ земства новороссійскаго края и Бессарабіи пособіе, необходимое на учрежденіе каеэдры агрономіи, то долгъ — оправдать общественное довѣріе, а также сдѣланныя и правительствомъ и новороссійскимъ краемъ значительныя издержки требуютъ, чтобы, при возложеніи преподаванія и агрономіи и агрономической химіи на одно лицо — именно на профессора агрономіи —

ходатайствовать предъ г. министромъ народного просвѣщенія объ оставленіи фермы въ вѣдѣніи университета и объ обращеніи на ея содержаніе и на жалованье управляющему тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которые теперь отпускаются на кафедре агрономической химіи, такъ какъ, при существованіи кафедры агрономіи, нѣтъ необходимости въ особой кафедрѣ агрономической химіи, а вслѣдствіе неоднократнаго указанія министерствомъ на Высочайшія повелѣнія о соблюденіи строгой бережливости, было-бы совершенно безпольнымъ ходатайствовать объ ассигнованіи на содержаніе фермы особой суммы изъ казны. Такъ какъ дѣло о судьбѣ фермы должно быть представлено совѣтомъ на разрѣшеніе г. министру народного просвѣщенія, то, на основаніи 2 п. Высочайше утвержденныхъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ ректора, какъ предсѣдателя совѣта, покорнѣйше прошу совѣтъ, чтобы и мнѣніе мое было также препровождено на благоусмотрѣніе г. министра, вмѣстѣ съ представленіемъ его оіятельству рѣшенія совѣта относительно вопроса о фермѣ, возникшаго вслѣдствіе отказа херсонскаго земства въ отпускъ нашему университету суммы, необходимой на содержаніе фермы».

С). Отзывъ физико-математическаго факультета по поводу мнѣнія профессора Сабинина: «физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 23-го января сего года, слушалъ предложеніе совѣта за № 169, въ которомъ совѣтъ просилъ факультетъ сообщить ему свое заключеніе о приложенномъ отдѣльномъ мнѣніи профессора Сабинина относительно замѣны кафедры агрономической химіи кафедрой агрономіи. По прочтеніи мнѣнія профессора Сабинина и предлагаемаго отдѣльнаго мнѣнія, представленнаго профессоромъ Мечниковымъ по тому-же вопросу, деканъ Вальцъ заявилъ:

а) что изъ нашего университета вышли въ свѣтъ и также производятся работы, касающіяся агрономической специальности, именно: 1) подробные анализы винъ, бывшихъ на выставкѣ, учрежденной обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи; 2) готова къ напечатанію работа г. Дородницына: анализъ почвы университетской фермы; 3) въ настоящее время г. Буделинъ производитъ изслѣдованіе надъ 115 образцами почвъ изъ различныхъ мѣстъ херсонской губерніи; 4) студентъ Шельтинга занимается изслѣдованіемъ вліянія мѣднаго купороса на проростаніе пшеницы, т. е. повторяетъ опыты Ноббе и Бюне, пришедшихъ къ разногласнымъ результатамъ; 5) изъ нашего университета вышелъ г. Боровскій, заявившій себя весьма почтеннымъ трудомъ «о состояніи сельскаго хозяйства въ Венгріи»; б) на основаніи знакомства съ работами и личнаго знакомства съ профессоромъ Совѣтовымъ, профессоръ Вальцъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ петербургскомъ университетѣ вполне рационально и строго-научно излагается агрономія и успѣхъ агрономіи въ томъ университетѣ, онъ, вмѣстѣ съ нимъ, приписываетъ тому, что въ числѣ преподавателей другихъ предметовъ есть лица, живо интересующіяся вопросами сельскаго хозяйства, а именно профессоръ Менделѣевъ, подъ руководствомъ котораго произведены многія работы по агрономической химіи, и профессоръ Бутилеровъ, извѣстнѣйшій русскій специалистъ по пчеловодству. Что-же касается до кіевскаго университета, въ которомъ профессоръ Вальцъ былъ слушателемъ, то при немъ въ этомъ университетѣ читался эмпирическій курсъ сельскаго хозяйства.—Послѣ этихъ заявленій декана Вальца, профессоръ Абашевъ высказалъ слѣдующія возраженія на мнѣніе профессора Сабинина. «Не желая утруждать факультетъ

длинными препирательствами съ г. Сабининымъ, я ограничусь лишь указаніемъ на ошибочность основныхъ положеній профессора Сабинина. 1) Г. Сабининъ длиннымъ рядомъ силлогизмовъ приходитъ къ тому, что наша ферма пришла въ разстройство потому, что у насъ нѣтъ профессора агрономіи и что не были составлены подробныя и точныя правила, которыя служили-бы управляющему фермой руководствомъ. Исторія нашей фермы представляетъ самое лучшее доказательство ошибочности перваго изъ этихъ положеній: съ основанія университета и до 1867 года у насъ не только былъ профессоръ агрономіи, но онъ даже лично завѣдывалъ фермою (за что и получалъ особое вознагражденіе). Между тѣмъ этотъ періодъ существованія фермы долженъ быть признанъ самымъ несчастнымъ: издержаны въ теченіи этого времени тысячи рублей, между тѣмъ какъ хозяйство не велось, на фермѣ не держалось ни работниковъ, ни рабочаго скота и землю обрабатывалъ крестьянинъ, пользовавшійся ея плодами, за что онъ исполнялъ обязанности сторожа. Изъ построекъ, въ этотъ періодъ возведенъ небольшой сарай для орудій, оправленъ жилой домъ и построена баня съ резервуаромъ и короткимъ водопроводомъ, который оказался негоднымъ для употребленія, хотя и былъ много разъ переправляемъ. Какого качества были приобрѣтенія, сдѣланныя г. Палимпсестовымъ, видно изъ того, что наборъ орудій, приобрѣтенныхъ имъ за 1200 рублей и никогда не бывшій въ употребленіи, впоследствии промѣненъ тому-же торговцу на другія орудія стоимостью въ 400 рублей,—а г. Палимпсестовъ былъ профессоромъ агрономіи и лично управлялъ фермою. Столь-же ошибочно и второе положеніе г. Сабинина. Фермское хозяйство дѣло весьма сложное, въ составъ его

входят факторы чрезвычайно измѣнчивые, неподдающіеся никакимъ правиламъ, какъ напримѣръ состояніе погоды, появленіе вредныхъ насѣкомыхъ, болѣзни скота и т. д.; поэтому въ дѣлѣ фермскаго хозяйства все зависитъ отъ личнаго умѣнія, добросовѣстности и распорядительности управляющаго; только цѣль хозяйства должна быть точно опредѣлена, а даже планъ его можетъ быть установленъ не иначе, какъ по соглашенію съ управляющимъ, въ исполненіи же этого плана ему должна быть предоставлена полная свобода. Контроль можетъ заключаться лишь въ томъ, что, усмотрѣвъ неспособность управляющаго вести дѣло надлежащимъ образомъ, слѣдуетъ его замѣнить другимъ лицомъ. Что же касается до мысли приводить въ порядокъ разстроенное хозяйство посредствомъ «подробныхъ и точныхъ правилъ», то она можетъ придти въ голову лишь тому, кто не имѣетъ никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ. И такъ, оба эти положенія г. Сабинина совершенно ложны. 2) Далѣе, г. Сабининъ доказываетъ возможность возложить преподаваніе агрономіи и агрономической химіи на одно лицо: было-бы слишкомъ утомительно опровергать всѣ его доводы; въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ легко можетъ запутываться и затемняться истина; поэтому я воспользуюсь лишь тѣмъ, что г. Сабининъ въ одномъ мѣстѣ входитъ въ нѣкоторыя подробности и такимъ образомъ даетъ возможность приложить къ его разсужденію *deductio ad absurdum*. Онъ предполагаетъ распредѣлить преподаваніе агрономическихъ наукъ такъ: на II курсѣ читать агрономическую химію по 3 часа въ недѣлю а на III и IV—агрономію, сводно, по 3 же часа въ недѣлю, что составитъ для преподавателя 6 лекцій, а для слушателей—9 лекцій въ недѣлю; но это предположеніе неиспол-

нимо: на II-мъ курсѣ агрономическую химию читать не возможно, такъ какъ студенты еще вовсе не знакомы ни съ физиологіей питанія растений, ни съ минералогіей и геологіей; наконецъ, даже формальное распоряженіе министерства не допускаетъ специализаціи преподаванія раньше какъ съ III-го курса; а если перенести чтеніе агрономической химіи на III-й курсъ, то, даже по распредѣленію г. Сабинина, оказывается, что для преподаванія агрономіи и агрономической химіи нужны 9 лекцій въ недѣлю и практическія занятія на фермѣ и въ лабораторіи, т. е. количество труда почти вдвое больше того, какое совѣтъ призналъ за норму для ординарнаго профессора. И такъ, собственные предположенія г. Сабинина приводятъ, если исправить сдѣланную имъ очевидную и грубую ошибку, къ выводу, совершенно противоположному тому, который онъ защищаетъ. 3) Столь-же не вѣрно утвержденіе г. Сабинина о томъ, что мнѣніе факультета по этому предмету бездоказательно; въ послѣднемъ опредѣленіи факультета сказано, что факультетъ считаетъ бесполезнымъ распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ для всякаго, кто знакомъ хотя поверхностно съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, это очевидно; бездоказательно это можетъ казаться только для того, кто не имѣетъ даже поверхностнаго знакомства съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи; но такому лицу, вмѣсто того, чтобы оспаривать мнѣніе факультета, слѣдуетъ «хотя поверхностно ознакомиться съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи», и тогда оно тотчасъ убѣдится въ вѣрности мнѣнія факультета, какъ это доказываетъ и выводъ, сдѣланный мною изъ собственныхъ предположеній г. Сабинина. 4) Желая доказать бесполезность катедры

агрономической химии и пользу каедрды агрономии, г. Сабининъ говоритъ, что изъ химической лабораторіи петербургскаго университета вышло въ свѣтъ значительное число работъ по агрономической химии, а изъ нашего университета не вышло ни одной подобной. Укажу, вопервыхъ, на логическую непослѣдовательность, выказанную здѣсь г. Сабининимъ; чтобы доказать пользу преподаванія агрономіи безъ агрономической химии, ему слѣдовало указать не на агрономическія работы, сдѣланныя въ химической лабораторіи, а на агрономическія работы, произведенныя подъ руководствомъ профессоровъ агрономіи; этотъ предметъ преподается во всѣхъ нашихъ университетахъ, въ томъ видѣ какъ желаетъ этого г. Сабининъ, уже почти 40 лѣтъ, и хотя въ числѣ преподавателей этого предмета были и есть весьма достойныя лица, а потому слѣдовало ожидать, что образовалась масса ученыхъ агрономовъ, что произведена масса работъ по агрономіи, — между тѣмъ, ничего этого нѣтъ и единственныя работы по этому предмету, на которыя указываетъ г. Сабининъ, вышли изъ химической лабораторіи. Не есть-ли это самое лучшее доказательство нецѣлесообразности преподаванія агрономіи такъ, какъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ? Какъ на доказательство того, что всѣ наши университеты на это именно такъ смотрятъ, — я укажу на то обстоятельство, что со времени утвержденія новаго устава ни одна, сдѣлавшаяся вакантною, каедра агрономіи не была замѣщена профессоромъ агрономіи и что вездѣ онѣ, по мѣрѣ возможности, замѣщаются профессорами агрономической химии. 5) Профессоръ Сабининъ упрекаетъ факультетъ въ томъ, что онъ по одному и тому-же вопросу представилъ два рѣшенія, діаметрально противоположныя; именно: въ засѣданіи 19-го декабря 1870 года постанов-

лено: «факультетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ профессора Абашева, нашелъ нужнымъ добавить къ оному, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ одномъ штатномъ преподавателѣ, какъ при временномъ, такъ и при нормальномъ штатѣ, не исключая возможности имѣть для этого сверхштатнаго преподавателя»; а второе рѣшеніе, содержащееся въ 15-й ст. протокола засѣданія совѣта 20-го января 1872 года, было слѣдующее: «что касается до предположенія о возложеніи на одно лицо преподаванія агрономіи и агрономической химіи, то факультетъ считаетъ бесполезнымъ объ этомъ распространяться, такъ какъ, при самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, для всякаго очевидно, что изложеніе обоихъ предметовъ, въ размѣрахъ сообразныхъ съ уровнемъ университетскаго преподаванія, не только превосходитъ силы одного лица, но даже и для двухъ составляетъ весьма трудную задачу». Этотъ упрекъ факультету лишенъ всякаго основанія: въ первомъ опредѣленіи факультета вовсе не было рѣчи по вопросу о возложеніи преподаванія агрономіи и агрономической химіи на одно лицо; рѣшался лишь вопросъ о числѣ штатныхъ преподавателей, которые могутъ быть назначены для преподаванія агрономическихъ наукъ; это видно какъ изъ того, что въ рѣшеніи факультета сказано, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ лицѣ одного штатнаго преподавателя, не исключая при этомъ возможности имѣть сверхштатныхъ преподавателей, такъ и изъ того, что при распредѣленіи предметовъ, которое имѣлось при этомъ въ виду, назначено было читать агрономію или агрономическую химію. Изъ этого видно, что упрекъ, сдѣланный факультету профессоромъ

Сабининымъ, не имѣеть никакого основанія: факультетъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія по этому предмету, а измѣнилъ свое мнѣніе одинъ профессоръ Сабининъ, который со всѣми упомянутыми рѣшеніями факультета соглашался, а теперь ослариваетъ ихъ правильность. Такимъ образомъ, такъ какъ фактическія основанія, на которыхъ основано мнѣніе профессора Сабинина, оказываются ошибочными, то нѣтъ надобности опровергать конечные его выводы». Противъ перваго пункта возраженія профессора Абашева, профессоръ Сабининъ возразилъ тѣмъ, что самъ профессоръ Абашевъ (5-я ст. протокола засѣданія совѣта 27-го апрѣля 1870 года) признаетъ, что учебная ферма, при отсутствіи преподаванія агрономіи, составляетъ бесполезную принадлежность факультета, а тѣмъ самымъ признаетъ необходимость того, чтобы ферма была подъ вѣдѣніемъ профессора агрономіи; такое положеніе профессора Абашева находится прямо въ противорѣчій съ тѣмъ, что сказано имъ въ первомъ пунктѣ его возраженія противъ мнѣнія профессора Сабинина. Въ отвѣтъ на то, что, какъ профессоръ Абашевъ говоритъ, мысль приводитъ въ порядокъ разстроенное хозяйство посредствомъ подробныхъ и точныхъ правилъ можетъ придти въ голову тому, кто не имѣеть никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ, — профессоръ Сабининъ считаетъ достаточнымъ указать на то, что факультетомъ и совѣтомъ было постановлено составить подробныя правила веденія сельскаго хозяйства и что противъ этого постановленія профессоръ Абашевъ не дѣлалъ никакихъ возраженій. Противъ втораго пункта возраженія профессора Абашева, профессоръ Сабининъ обращаетъ вниманіе факультета на то, что петровскою академіей принимается студентомъ каждый, имѣющій точно такія-же познанія,

какія требуются отъ студента университета, а между тѣмъ въ петровской академіи агрономическая химія читается только на одномъ II курсѣ,—слѣдовательно предложеніе о чтеніи агрономической химіи на одномъ только II курсѣ не имѣетъ той очевидной и грубой ошибки, которую предполагаетъ въ этомъ предложеніи профессоръ Абашевъ. Противъ третьяго пункта можно сказать только одно, что отъ поверхностнаго знакомства съ какимъ-бы то ни было предметомъ трудно ожидать что нибудь основательное. Противъ четвертаго пункта профессоръ Сабининъ дѣлаетъ возраженіе состоящее въ томъ, что онъ не доказываетъ пользы преподаванія агрономіи безъ агрономической химіи,—это неправда; профессоръ Сабининъ доказываетъ только то, что въ университетахъ, гдѣ химія читается во всей подробности, все можно обойтись безъ отдѣльной кафедры агрономической химіи, и говорить, что доказательствомъ этого положенія самымъ нагляднымъ образомъ можетъ служить устройство агрономической спеціализаціи въ петербургскомъ университетѣ. Противъ пятаго пункта профессоръ Сабининъ считаетъ нужнымъ возразить слѣдующее: изъ протокола факультета, въ которомъ состоялось его рѣшеніе о томъ, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ одномъ штатномъ преподавателѣ, насколько не слѣдуетъ ни того, чтобы въ этомъ засѣданіи факультета рѣшался вопросъ о числѣ штатныхъ преподавателей, ни того, чтобы при этомъ рѣшеніи факультета имѣлось въ виду то распредѣленіе предметовъ на которое указываетъ профессоръ Абашевъ, а, напротивъ, прямо видно, что рѣчь шла о возложеніи преподаванія агрономіи и агрономической химіи на одно лицо, такъ какъ въ протоколѣ сказано, что такое постановленіе факультета про-

ессоръ Абашевъ находить противузаконнымъ. Еслибы указанное рѣшеніе факультета имѣло тотъ смыслъ, что невозможно возложеніе на одно лицо преподаванія агрономіи и агрономической химіи, то на какомъ-же основаніи профессоръ Абашевъ находить его противузаконнымъ? Послѣ этого для каждаго понятно, на чьей сторонѣ истина, на сторонѣ профессора Сабинина, или на сторонѣ профессора Абашева, и какое значеніе имѣетъ то заявленіе г. Абашева, что факультетъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія, а измѣнилъ мнѣніе только профессоръ Сабининъ. Притомъ, профессоръ Сабининъ вовсе не думалъ дѣлать упрекъ факультету: этотъ упрекъ навязанъ ему профессоромъ Абашевымъ. Затѣмъ, профессоръ Абашевъ заявилъ, что отвѣтныя замѣчанія г. Сабинина нисколько не опровергають его возраженій и потому онъ считаетъ излишнимъ возражать на нихъ. Послѣ изложенныхъ преній, деканъ, вслѣдствіе предложенія нѣсколькихъ членовъ факультета — отложить рѣшеніе разсматриваемаго вопроса до слѣдующаго засѣданія, предложилъ на голосованіе вопросъ: отложить-ли рѣшеніе разсматриваемаго вопроса до слѣдующаго засѣданія или нѣтъ? большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 3-хъ — опредѣлено: не откладывать. Вслѣдъ затѣмъ деканомъ былъ подверженъ голосованію второй вопросъ: согласенъ-ли факультетъ на баллотировку вопроса въ слѣдующей редакціи: возможно-ли возложить преподаваніе агрономіи и агрономической химіи на одно лицо; опредѣлено: принять эту редакцію съ объясненіемъ декана, что подъ словомъ возложить онъ разумѣетъ право требовать преподаванія агрономической химіи и агрономіи отъ одного лица; при произведенномъ голосованіи 10 голосовъ отвѣчали, что невозможно, а два голоса (проф. Ярошенко и Шведовъ), что

возможно; при чемъ проф. Шведовъ и Сабининъ заявили, что они желаютъ выразить особое мнѣніе по этому вопросу; профессоръ Шведовъ замѣтилъ, что въ разъясненіи, выказанномъ деканомъ, возможность понимается въ смыслѣ права, а права факультета опредѣляются уставомъ, почему на постановленный вопросъ возможенъ одинъ только отвѣтъ; профессоръ Сабининъ заявилъ, что въ отвѣтъ на предложенный деканомъ вопросъ онъ подалъ голосъ: нѣтъ, но что эта подача его голоса не находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ высказалъ въ своемъ особенномъ мнѣніи, гдѣ онъ разумѣлъ подъ возможностью возложить на одно лицо преподаваніе агрономіи и агрономической химіи не право факультета, а возможность выполненія однимъ лицомъ преподаванія агрономіи и агрономической химіи. Въ заключеніе деканъ постановилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли ходатайствовать о замѣнѣ каедръ агрономической химіи каедрокъ агрономіи; при произведенномъ голосованіи 11 членовъ отвѣтили, что не слѣдуетъ, и 1 членъ (профессоръ Сабининъ) — что слѣдуетъ. При семъ прилагается отвѣтъ профессора Сабинина на возраженіе профессора Мечникова. Мнѣніе профессора Мечникова, разсматривавшееся въ засѣданіи факультета 23-го января: «не имѣя возможности явиться сегодня въ факультетское засѣданіе, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи профессора Сабинина, переданномъ факультету. Замѣна агрономической химіи агрономіей въ настоящее время немыслима по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что агрономическая химія, какъ предметъ несравненно болѣе научный чѣмъ агрономія, болѣе соответствуетъ существеннымъ нуждамъ университета; во вторыхъ-же, потому, что для преподаванія агрономической химіи у насъ уже суще-

ствуешь лицо, обладающее и научными свѣдѣніями, и преподавательскимъ опытомъ; для каѳедры-же агрономіи подобнаго лица нѣтъ и не имѣется въ виду. Говоря объ этомъ предметѣ, я не могу скрыть своего удивленія по поводу того, что г. Сабининъ нигдѣ не касается вопроса о самомъ преподаваніи и преподавателяхъ разсматриваемыхъ наукъ, хотя ему должно быть хорошо извѣстно, что это вопросъ первостепенной важности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда каѳедра, предлагаемая къ уничтоженію, замѣщена, а на ту, которую предлагаютъ открыть, не имѣется въ виду ни одного кандидата. Въ дополненіе къ сказанному, считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее: харьковскій университетъ ходатайствовалъ недавно о замѣнѣ (вакантной, а не замѣщенной преподавателемъ) каѳедры агрономіи каѳедрой физиологіи животныхъ; въ виду-же послѣдовавшаго со стороны министерства отказа, онъ счелъ болѣе удобнымъ искать не агронома, а химика, для преподаванія сельско-хозяйственной химіи. Въ представленіи профессора Сабинина сказано много справедливаго о неудовлетворительномъ состояніи нынѣшняго технико-агрономическаго отдѣленія, но высказанныя имъ затрудненія несравненно легче устраняются закрытіемъ отдѣленія и передачей фермы обществу сельскаго хозяйства, чѣмъ замѣной каѳедры». Отвѣтъ профессора Сабинина на вышеозначенное мнѣніе профессора Мечникова: «на то, что профессоръ Мечниковъ письменно возразилъ противъ моего особаго мнѣнія, переданнаго въ факультетъ, считаю долгомъ дать слѣдующій отвѣтъ. Въ доказательство того, что замѣна каѳедры агрономической химіи каѳедрой агрономіи въ настоящее время невысказана, профессоръ Мечниковъ приводитъ два мотива: 1) агрономическая химія, какъ предметъ не-

сравненно болѣе научный, чѣмъ агрономія, болѣе соотвѣтствуетъ существеннымъ нуждамъ университета; 2) для преподаванія агрономической химіи у насъ уже существуетъ лицо, обладающее и научными свѣдѣніями и преподавательскимъ опытомъ, для каедръ-же агрономіи подобнаго лица нѣтъ и не имѣется въ виду. На первый мотивъ г. Мечникова отвѣчу лишь тѣмъ, что раціональная практическая агрономія точно такой-же научный предметъ, какъ и агрономическая химія; да притомъ и преподаваніе раціональной практической агрономіи въ университетѣ немислимо безъ знакомства студентовъ съ агрономической химіей. Относительно втораго мотива г. Мечникова, я полагаю, что, при разсужденіяхъ о предметахъ преподаванія, — весьма натурально не предметы приспособлять къ преподавателямъ, а, гдѣ возможно, преподавателей къ предметамъ; а что занятіе каедръ агрономіи профессоромъ агрономической химіи возможно, доказывается постановленіемъ совѣта г. министра, выраженнымъ въ предложеніи его сіятельства отъ 18-го января 1869 года за № 555 (7-я ст. протокола засѣданія совѣта 3-го февраля 1869 года), по которому профессоръ агрономической химіи можетъ занять каедру агрономіи. Вслѣдствіе этого постановленія совѣта министра нѣтъ препятствія для г. Абашева къ переходу съ каедръ агрономической химіи на каедру агрономіи, еслибы и состоялась предлагаемая мною замѣна первой каедръ второю. Предположеніе-же объ отказѣ на этотъ переходъ со стороны г. Абашева я считалъ невозможнымъ, такъ какъ такой отказъ былъ-бы равнозначущъ съ равнодушіемъ къ пользамъ края, между тѣмъ какъ, при каждомъ ходатайствѣ о преобразованіи отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи въ разрядъ чисто-агрономической, г. Абашевъ

выражалъ столько сочувствія въ пользу края, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что для осуществленія ихъ г. Абашевъ готовъ на всякую жертву, для перехода-же съ кафедры агрономической химіи на кафедру агрономіи не представляется никакой особенной жертвы для профессора агрономической химіи; дѣйствительно, если, какъ заявилъ письменно профессоръ Вальцъ, профессоръ агрономической химіи, г. Бутлеровъ, считается извѣстнымъ специалистомъ по пчеловодству, то для профессора агрономической химіи не составляетъ затрудненія принять на себя преподаваніе агрономіи. Говоря объ этомъ единственно только по поводу того, что профессоръ Мечниковъ считалъ не лишнимъ возразить письменно противъ моего особаго мнѣнія, переданнаго въ факультетъ, — я, съ своей стороны, не могу также не выразить того, что удивленіе г. Мечникова не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ въ моемъ особомъ мнѣніи, переданномъ въ факультетъ, указана прямо и точно цѣль моего предложенія о замѣнѣ кафедры агрономической химіи кафедрой агрономіи; эта цѣль — та, чтобы, не только словомъ, но и дѣломъ оказать, по мѣрѣ возможности, пользу для края и тѣмъ самымъ оправдать общественное довѣріе къ нашему университету, а такая цѣль, я увѣренъ, заслуживаетъ не удивленія, а полного сочувствія; способъ-же достиженія цѣли моего предложенія о замѣнѣ кафедры агрономической химіи кафедрой агрономіи я предоставлялъ самому профессору агрономической химіи, факультету и совѣту, что и подтверждается именно тѣмъ, что я въ моемъ особомъ мнѣніи нигдѣ не касался вопроса о преподавателяхъ агрономіи; я полагаю, что и въ этомъ также нѣтъ ничего удивительнаго».

При обсужденіи данныхъ, заключающихся въ выше-

изложенныхъ бумагахъ, профессоръ Сабининъ сдѣлалъ еще дополнительное объясненіе изложенное такъ: «въ подтвержденіе того, что сказано о судьбѣ фермы въ моемъ особомъ мнѣніи, обсуждавшемся, по предложенію совѣта, въ засѣданіи физико-математическаго факультета 23-го января 1874 года, — я считаю своимъ долгомъ привести слѣдующее данное. Въ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го мая 1871 года есть *указаніе* на то, что существованіе университетской фермы представляется не имѣющимъ серьезнаго научнаго значенія безъ преподаванія сельскаго хозяйства (14 ст. протокола засѣданія совѣта 31-го мая 1871 года). Поставляя себѣ въ непремѣнную обязанность руководствоваться этимъ справедливымъ *указаніемъ* г. министра, я нахожу необходимымъ оставаться при томъ мнѣніи, что, безъ учрежденія кафедры агрономіи, ферму слѣдуетъ передать въ общество сельскаго хозяйства, такъ какъ, по приведенному мною *указанію* г. министра, университетская ферма, безъ преподаванія агрономіи, не можетъ быть *учебной*, между тѣмъ какъ условіе, на которомъ Высочайше утверждена передача хутора дворянина Канарскаго обществомъ сельскаго хозяйства въ бесплатное пользованіе нашему университету, и состоитъ именно въ томъ, чтобы на этомъ хуторѣ была *учебная* сельско-хозяйственная ферма (4-я ст. протокола засѣданія совѣта 11-го сентября 1867 года)».

Когда пренія достаточно выяснили невозможность дальнѣйшаго содержанія фермы сообразно ея назначенію, какъ одного изъ учебно-вспомогательныхъ учреждений университета, постановленъ былъ вопросъ: передать-ли ферму въ общество сельскаго хозяйства южной Россіи, или удержать при университетѣ, въ надеждѣ на лучшія условія въ буду-

щемъ? 16-ть голосовъ поданы за передачу (гг. Цитовичъ, Сянцовъ, Ярошенко, Некрасовъ, Патлаевскій, Ягичъ, Съченновъ, Мечниковъ, Шведовъ, Вольскій, Беркевичъ, Сабининъ, Юргевичъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Богдановскій) 7 за удержаніе (гг. Павловъ, Головкинскій, Абашевъ, Карастелевъ, Вальцъ и ректоръ), а два члена (гг. Куницынъ и Смирновъ) подали условное мнѣніе: передать, если у университета нѣтъ средствъ къ содержанію, и удержать, если средства есть.

Далѣ поставленъ былъ возбужденный профессоромъ Сабининымъ вопросъ о замѣнѣ каведры агрономической химіи каведрою агрономіи. Передъ голосованіемъ г. Сабининъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «въ засѣданіи физико-математическаго факультета 23-го января 1874 года, при обсужденіи моего особаго мнѣнія, профессоръ Абашевъ сдѣлалъ письменное заявленіе о томъ, что, со времени введенія устава 1863 года, въ университетахъ вакантная каведра агрономіи, по мѣрѣ возможности, замѣщается каведрою не агрономіи, а агрономической химіи. Въ томъ предположеніи, что профессоръ Абашевъ основывалъ свое заявленіе на фактахъ, я не позволялъ себѣ въ упомянутомъ засѣданіи факультета возражать противъ заявленія г. Абашева, такъ какъ, притомъ, я и не имѣлъ данныхъ. Но только что во вторникъ, 29-го января 1874 года, я узналъ о фактѣ, который заставляетъ сомнѣваться въ справедливости приведеннаго мною заявленія профессора Абашева, а именно: *на вакантную каведру агрономіи харьковскій университетъ приглашаетъ, по конкурсу, занять каведру не агрономической химіи, а агрономіи.* Кромѣ одного только нашего университета, въ которомъ каведра агрономической химіи занята г. Абашевымъ,—ни въ какомъ другомъ уни-

верситетѣ не была замѣщена вакантная кафедра агрономіи кафедрой агрономической химіи».

Въ результатѣ голословія оказалось, что за замѣну высказались лишь двое: профессоръ Сабининъ и профессоръ Буницынъ, подавшій голосъ въ такой формѣ: замѣнить, если профессоръ Абашевъ согласится взять на себя преподаваніе агрономіи. *Опредѣлили*: согласно мнѣнію большинства, передать Императорскому обществу сельскаго хозяйства южной Россіи ту часть фермы, которая была уступлена обществомъ въ пользованіе университета. Предварительно-же приведенія этого рѣшенія въ исполненіе, представить, чрезъ г. попечителя, министру народнаго просвѣщенія.

Засѣданіе 2-го марта.

Присутствовали 23 профессора.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа

2. Отъ 21-го января за № 315-мъ объ изъявленіи Высочайшей благодарности за вѣрнопоподанническія чувства выраженный во всеподданнѣйшемъ поздравленіи по случаю бракосочетанія Великой Княжны Маріи Александровны съ Герцогомъ Единбургскимъ. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

3. а) Отъ 23-го января за № 395 о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможнымъ

назначить г. Срединскому стипендію изъ суммъ министерства; и

б) Представленіе физико-математическаго факультета объ оставленіи г. Срединскаго еще на одинъ годъ при университетѣ, безъ стипендіи. *Опредѣлили*: оставить г. Срединскаго при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію еще на одинъ годъ, безъ содержанія.

4. Отъ того-же числа за № 396 о командированіи доцента Малинина, съ 1-го мая 1874 по сентябрь 1875 года, за границу съ ученою цѣлю, съ добавочнымъ содержаніемъ въ количествѣ 400 р. въ годъ.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

5. а) Отъ того-же числа за № 397 о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможнымъ ходатайствовать о заграничныхъ командировкахъ профессоровъ Ярошенка и Синцова; и

б) представленіе физико-математическаго факультета: «такъ какъ г. министръ не нашелъ возможнымъ согласиться на командированіе за границу профессоровъ Ярошенка и Синцова, то физико-математическій факультетъ имѣетъ честь просить совѣтъ ходатайствовать о командированіи профессора Ярошенка за границу на первое полугодіе будущаго академическаго года, т. е. съ 15-го августа 1874 по 1-е января 1875 года, присовокупляя, что въ преподаваніи отъ этого не произойдетъ никакого ущерба. Вмѣстѣ съ этимъ факультетъ ходатайствуетъ о командированіи профессора Синцова за границу на одинъ годъ, съ 15-го августа 1874 по 15-е августа 1875 года, объясняя при этомъ, что, такъ какъ преподаваніе геологій можетъ, безъ

ущерба для слушателей, быть перенесено на IV-й курс. то предметъ, преподаваемый г. Сянцовымъ, никому не будетъ поручень». *Опредѣлили*: ходатайствовать вновь, согласно представленію факультета.

6. Отъ того-же числа за № 398 объ утвержденіи магистра Бондакова въ должности доцента.

Доложено, что объ этомъ сообщено уже въ историко-филологическій факультетъ и въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

7. Отъ 27-го февраля за № 1192 объ отказѣ земства херсонской губерніи ассигновать сумму на учрежденіе каѳедры сельскаго хозяйства. *Опредѣлили*: увѣдомить физико-математическій факультетъ.

8. Отъ 28-го февраля за № 1299 объ освобожденіи г. министромъ народнаго просвѣщенія стипендіата Власенка, вслѣдствіе его болѣзни, отъ обязательной службы по учебному вѣдомству; при чемъ предлагается совѣту, чтобы впредь, при выборѣ кандидатовъ для отправления за границу на счетъ суммъ министерства, обращемо было непремѣнно должное вниманіе на состояніе ихъ здоровья. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію и въ потребныхъ случаяхъ къ надлежащему исполненію.

9. Отъ того-же числа за № 1200 объ учрежденіи при новороссійскомъ университетѣ особой должности секретаря по студентскимъ дѣламъ. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и принять мѣры къ замѣщенію должности.

10. Представленіе историко-филологическаго факультета: «историко-филологическій факультетъ симъ имѣетъ честь представить совѣту слѣдующее свое ходатайство: деканъ факультета, ординарный профессоръ Смирновъ вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ, что въ виду готовящагося

раздѣленія, а затѣмъ и перевозки архива новороссійскаго генераль-губернаторства, весьма желательно было бы ученое участіе членовъ факультета въ разборѣ архива, а потому и настоятельно необходимо испросить для этого участія требуемое разрѣшеніе. На это ординарный профессоръ Григоровичъ, соглашаясь съ высказаннымъ мнѣніемъ, представилъ особую записку, въ которой, указывая факультету на важность въ дѣлѣ изученія южнорусскихъ земель такого собранія документовъ, какъ архивъ новороссійскаго генераль-губернаторства, предлагалъ факультету ходатайствовать, чрезъ посредство совѣта, объ оставленіи означеннаго архива въ Одессѣ и объ учрежденіи такимъ образомъ въ ней, по примѣру Кіева, центрального южнорусскаго архива. Историко-филологическій факультетъ, обсудивъ предложенныя для пользованія архивомъ мѣры, считаетъ долгомъ просить совѣтъ о ходатайствѣ, гдѣ слѣдуетъ, въ пользу учрежденія центрального южнорусскаго архива и въ то же время полагаетъ необходимымъ обратиться въ совѣтъ съ ходатайствомъ объ испрошеніи факультету допущенія къ разбору архива непосредственно въ настоящее время».

Въ своемъ мнѣніи о центральномъ южнорусскомъ архивѣ профессоръ Григоровичъ представилъ слѣдующія соображенія: «съ усиленіемъ изученія земли русской возникла потребность исторической ея географіи, задачи которой мало, повидимому, отвѣчая утилитарнымъ цѣлямъ, вызвали однакожь пытливость даровитѣйшихъ тружениковъ, безкорыстно сознающихъ долгъ свой служить отечеству. Только на югѣ Россіи, гдѣ задачи эти чужды нажившимся выходцамъ, труженики встрѣчаютъ препятствія въ недоступности пособій. Таврида, бывшее Запорожье, земля бывшая славяно-сербская и, наконецъ, очаковская земля и Россовлахія, т.

е. Бессарабія могли бы быть предметомъ весьма желанныхъ изслѣдованій, еслибы эти пособія сосредоточены были въ одномъ мѣстѣ. Иныѣ, съ преобразованиемъ колониальнаго управленія и канцеляріи генераль-губернатора, нельзя не питать надежды, что милостивое правительство даруетъ южному краю учрежденіе, которымъ удостоены Кіевъ и Вильно. Оно и на югѣ учредить центральный архивъ, куда могутъ быть сданы всѣ дѣла городовъ южнаго края. Нельзя сомнѣваться, что эти дѣла доставятъ обильный матеріалъ для исторіи населенія южнаго края; но преимущественно географія, а съ нею и бытовья изслѣдованія получаютъ пособіе, за которое будутъ благодарить тѣ труженики, которые убѣждены, что начало исторіи русскаго народа идетъ съ юга и что безкорыстнѣйшіе подвиги въ дѣлѣ цивилизаціи совершены русскими — на югѣ». *Опредѣлили*: согласно представленію факультета просить ходатайства г. попечителя объ учрежденіи въ Одессѣ центрального южнорусскаго архива и о допущеніи теперь же къ разсмотрѣнію архива новороссійскаго генераль-губернаторства преподавателей университета, ординарныхъ профессоровъ: Григоровича, Смирнова, Некрасова, Леонтовича и Павлова и доцента Кочубинскаго.

11. Представленія факультетовъ о назначеніи депутатами на археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, отъ историко-филологическаго — профессора Григоровича и доцента Бондакова, и отъ юридическаго — профессора Павлова.

По выслушаніи настоящаго представленія, профессоръ Григоровичъ отказался принять званіе депутата отъ университета на предстоящемъ съѣздѣ. *Опредѣлили*: увѣдомить предварительный комитетъ съѣзда о назначенныхъ депутатахъ.

12. Представленіе историко-филологическаго факультета

о назначеніи музею изящныхъ искусствъ единовременно пособія въ 1000 рублей изъ остатковъ отъ штатной суммы, назначенной на содержаніе личнаго состава университета въ 1874 году. *Опредѣлили*: въ виду заявленія профессора Мечникова о настоятельныхъ нуждахъ другихъ кабинетовъ, отложить разсмотрѣніе вопроса объ ассигнованіи пособія музею изящныхъ искусствъ до слѣдующаго засѣданія совѣта, предложивъ физико-математическому факультету представить соображенія о нуждахъ его учебно-вспомогательныхъ учреждений.

13. Представленіе того же факультета о командированіи доцента Кочубинскаго съ ученою цѣлію за границу на 2 года, съ добавочнымъ содержаніемъ по 800 р. въ годъ. При чемъ факультетъ представилъ и одобренный имъ къ напечатанію въ «Запискахъ» планъ предполагаемой поѣздки г. Кочубинскаго.

При происшедшемъ за симъ баллотированіи вопроса о заграничной командировкѣ доцента Кочубинскаго получилось 12 голосовъ избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: въ виду несостоявшагося большинства голосовъ оставить вопросъ о командированіи г. Кочубинскаго несостоявшимся.

14. Представленіе того же факультета о приостановленіи ходатайства касательно приглашенія г. Нищинскаго частнымъ преподавателемъ въ университетъ. *Опредѣлили*: отложить ходатайство.

15. Представленіе физико-математическаго факультета о командированіи профессора Шведова въ Петербургъ, съ 23-го марта по 8-е апрѣля, для осмотра центральной физической обсерваторіи. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

16. Представленіе того же факультета о командированіи профессора Мечникова въ ставропольскую, астраханскую и оренбургскую губерніи, для антропологическихъ изслѣдованій,

съ 5-го мая по 1-е августа 1874 года, и о снабженіи его открытымъ листомъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ и г. начальника гражданскаго управления на Кавказѣ. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

17. Представленіе того-же факультета объ избраніи магистра ботаники Баталина въ штатные доценты по кафедрѣ ботаники.

Въ приложенномъ къ представленію факультета предложеніи, профессоръ ботаники Вальцъ пишетъ: «съ выходомъ въ отставку доцента Коцуга сдѣлалось вакантнымъ второе преподавательское мѣсто по кафедрѣ ботаники; имѣю честь рекомендовать факультету, для замѣщенія этой вакансіи, нашего извѣстнаго фитофизиолога, преподавателя горнаго института и консерватора Императорскаго с.-петербургскаго ботаническаго сада, магистра ботаники Александра Ѳедоровича Баталина, котораго я предлагаю избрать штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ ботаники.

Александръ Ѳедоровичъ началъ публиковать свои изслѣдованія въ 1870 году и съ тѣхъ поръ уже успѣлъ заявить свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ немаловажныхъ трудовъ, преимущественно по физиологіи растений. Труды эти внесли въ науку не мало новыхъ данныхъ для разъясненія интересныхъ вопросовъ растительной жизни. Интересный и мало разработанный вопросъ о вліяніи свѣта на развитіе различныхъ тканей и на формировки растительныхъ членовъ въ особенности обратилъ на себя вниманіе А. Ѳ., который публиковалъ по этому вопросу цѣлый рядъ работъ, а именно: 1) о вліяніи свѣта на внутреннее строеніе стеблей нѣкоторыхъ высшихъ растений. Въ трудахъ втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и въ Bulletin de l'Ac. d. sc. d. S.-Petersbourg; XV. Цѣлымъ рядомъ тщательныхъ опытовъ

надъ крессомъ, коноплей, картофелемъ, маисомъ и т. д. А. Ө. пришелъ къ слѣдующимъ интереснымъ результатамъ: 1) свѣтъ не имѣеть вліянія на дѣленіе клѣточекъ кожицы; 2) свѣтъ вліяеть на дѣленіе клѣтокъ паренхимы коры; 3) сильный свѣтъ (непосредственный солнечный) дѣйствуетъ на дѣленіе клѣточекъ паренхимы коры, какъ темнота; 4) разсѣянный свѣтъ благоприятствуетъ дѣленію этихъ клѣточекъ; 5) присутствіе свѣта благоприятствуетъ увеличенію числа древесныхъ элементовъ; 6) образованіе новыхъ сосудистыхъ пучковъ въ однодольныхъ растеніяхъ въ зависимости отъ свѣта, который благоприятствуетъ такому образованію; 7) отсутствіе свѣта обуславливаетъ слабое утолщеніе стѣнокъ клѣточекъ колленхимы; 8) на утолщеніе клѣтокъ луба и древесины свѣтъ не имѣеть никакого вліянія. II Ueber die Wirkung des Lichtes auf die Entwicklung der Blätter. Bot. Zeit. 1871, и о вліяніи свѣта на образованіе формы растеній. С.-Петербургъ, 1872 года. Въ этихъ статьяхъ, г. Баталинъ имѣеть, главнымъ образомъ, въ виду вопросъ о вліяніи свѣта на формировку стеблей и листьевъ, но, тѣмъ не менѣе, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя данныя относительно этого вліянія на другія части растеній. Въ этихъ работахъ, изобилующахъ поучительными наблюденіями, путемъ многочисленныхъ опытовъ, сопровождавшихся тщательными микроскопическими изслѣдованіями и при помощи строгаго критическаго анализа, г. Баталинъ опровергаетъ ошибочные результаты изслѣдованій извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Крауса, — опровергаетъ ошибочное предположеніе знаменитаго нѣмецкаго ботаника Сакса относительно вліянія хлорофила на развитіе листьевъ, — указываетъ, что причина недоразвитія листьевъ въ темнотѣ заключается въ томъ, что, въ отсутствіи свѣта, клѣточки, ихъ составляющія,

перестают размножаться, что большая длина, свойственная некоторым листьям, какъ и многимъ стеблямъ, выросшимъ въ темнотѣ, заключается въ усиленномъ удлинненіи клѣточекъ, что свѣтъ известной напряженности содѣйствуетъ размноженію клѣтокъ, между тѣмъ какъ сильный свѣтъ задерживаетъ ихъ размноженіе и т. д., однимъ словомъ — А. О. значительно расширяетъ наши свѣдѣнія по вопросу о вліяніи свѣта на формировку листьевъ и стеблей и на развитіе клѣтокъ ихъ составляющихъ. Въ связи съ разсмотрѣнными работами можно еще поставить слѣдующіе труды А. О.: III и IV. Neue Beobachtungen über die Bewegung der Blätter bei Oxalis, въ журналѣ Flora 1871 года и въ трудахъ Императорскаго с.-петербургскаго ботаническаго сада. Здѣсь излагаются изслѣдованія, сдѣланныя надъ нѣсколькими видами кислицы, которыя доказываютъ несправедливость взгляда Могген'а, по мнѣнію котораго сотрясенія вызываютъ измѣненіе въ положеніи листьевъ кислицы, и указываютъ, что это измѣненіе производится главнымъ образомъ свѣтомъ; сотрясеніе же является агентомъ содѣйствующимъ. Кроме того, здѣсь мы находимъ и то интересное указаніе, что сильное освѣщеніе и по отношенію къ этому процессу дѣйствуетъ также точно, какъ и темнота. Въ этой же статьѣ мы находимъ намекъ на разрушительное дѣйствіе сильнаго освѣщенія на хлорофилъ, что позже вполне подтвердилось изслѣдованіями г. Баталина надъ хвойными растеніями, результаты которыхъ были имъ сообщены въ запискахъ ботанической секціи третьяго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и напечатаны въ протоколахъ этой секціи. V Ueber die Ursachen der periodischen Bewegungen der Blumen und Laubblätter, Flora, 1873. Несмотря на то, что по вопросу о движеніи листовыхъ членовъ существуютъ

работы такихъ изслѣдователей, какъ Kraus, Pfeffer, Millardet, знаменитый Hofmeister и т. д., — работа А. Θ. и здѣсь вноситъ новыя данныя и составляетъ немаловажный шагъ впередъ на пути къ разъясненію этого вопроса. Она доказываетъ, что существовавшія объясненія періодическихъ движеній листовыхъ членовъ не достаточны, и что главная причина этихъ движеній заключается въ неравномѣрномъ ростѣ противуположныхъ сторонъ, при чемъ соединеныя вліянія свѣта, теплоты и напряженности тканей измѣняютъ въ различной степени эту неравномѣрность развитія*).

Изученіе вліянія свѣта на растительные организмы, которому А. Θ. посвятилъ столько работъ, не лишило его однакожъ возможности заниматься и другими вопросами; такъ, по вопросу о половыхъ отношеніяхъ растений онъ публиковалъ три работы: VI. Beobachtungen über die Bestäubung einiger Pflanzen, въ Bot. Zeit. 1871 года, VII. Die Selbstbestäubung bei *Juncus bufonius*, въ Bot. Zeit. 1871 года и VIII. Вліяніе дыма на плодоношеніе гречихи. Земл. газ., 1870 года. Въ этихъ статьяхъ сообщаются новыя данныя по вопросу объ опыленіи растений, и въ послѣдней дается объясненіе факту, давно замѣченному сельскими хозяевами. Это объясненіе заключается въ томъ, что дымъ удаляетъ насѣкомыхъ отъ гречихи и тѣмъ самымъ

(*) По вопросу о вліяніи свѣта на растеніе, А. Θ. публиковалъ еще статью подъ заглавіемъ: по поводу опытовъ Плизантона надъ ростомъ винограда. Жур. Сад. 1872 года. Въ этой статьѣ А. Θ. знакомитъ русскую публику съ удивительными результатами, полученными г. Плизантономъ при культурѣ винограда въ оранжереѣ, въ которой восьмая часть бѣлыхъ стеколъ была замѣнена сіюлетовыми, — указываетъ на недостаточность объясненій, которыя далъ извѣстный французскій ботаникъ Duchêne и предлагаетъ новое. По его мнѣнію, результаты, къ которымъ пришелъ Плизантонъ, объясняются тѣмъ, что виноградъ получалъ ослабленный свѣтъ, а также сыростью воздуха въ теплицѣ.

вреденъ для ея плодоношенія, такъ какъ ей свойственно перекрестное опыленіе. Всѣ упомянутые труды г. Баталина ясно свидѣтельствуютъ о его обширномъ знакомствѣ съ ботаническою литературою, къ которой онъ относится вполне критически, онѣ обнаруживаютъ способности А. Ѳ. вѣрно ставить научные вопросы и избирать вѣрные пути къ ихъ разрѣшенію и свидѣтельствуютъ о его основательномъ знакомствѣ съ методами изслѣдованія. Въ преподавательскихъ его способностяхъ я не сомнѣваюсь также, такъ какъ я, съ особеннымъ удовольствіемъ, слушалъ сообщенія, которыя онъ дѣлалъ на бывшемъ въ Кіевѣ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей. Осмѣливаюсь-же покорнѣйше просить факультетъ избрать нашего фитофизиолога, А. Ѳ. Баталина штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ ботаники».

Въ результатѣ происшедшаго за симъ баллотированія г. Баталина въ доценты получилось 21 голосовъ избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ.

Затѣмъ доложена была справка о штатныхъ мѣстахъ на физико-математическомъ факультетѣ:

	По постоян. штату:	По времен. штату:	На лицо
Ординарныхъ профессоровъ .	11	11	12.
Экстраординарныхъ	5	4	1.
Доцентовъ	3	3	4.

Опредѣлили: по надлежащемъ сношеніи съ начальствомъ Императорскаго ботаническаго сада, просить г. попечителя о перемѣщеніи магистра Баталина доцентомъ ботаники въ поворосійскій университетъ со дня состоявшаго избранія его совѣтомъ на эту должность, т. е. со 2-го марта 1874 г., и объ отпускѣ ему съ означеннаго времени содержанія въ размѣрѣ 1200 руб. изъ суммъ государственнаго казначей-

ства, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 22-й день марта 1871 года миѣнія государственнаго совѣта о переходѣ содержанія личнаго состава новороссійскаго университета отъ временнаго штата къ постоянному, такъ какъ 10 окладовъ доцентскихъ, отпускающіеся по дѣйствующему временному штату, идутъ на содержаніе состоящихъ на лицо 10 доцентовъ.

18. Представленіе того-же факультета о напечатаніи въ университетскихъ запискахъ, по поводу появившейся брошюры г. Ковалевскаго «замѣтка о моемъ магистерскомъ экзаменѣ», экзаменаціонныхъ листовъ магистерскаго испытанія г. Ковалевскаго. *Опредѣлили*: напечатать въ видѣ приложения къ настоящей статьѣ протокола.

19. Представленіе того-же факультета о выдачѣ консерватору физическаго кабинета Сталевичу вознагражденія въ размѣрѣ 400 рублей, изъ спеціальныхъ средствъ, за производство имъ метеорологическихъ наблюденій. *Опредѣлили*: передать, для предварительныхъ соображеній, въ бюджетную комиссію.

20. Представленіе того-же факультета о назначеніи еще одной лекціи въ недѣлю по зоологіи, по четвергамъ, на мѣсто лекціи, читаемой профессоромъ Сѣченовымъ, который находитъ возможнымъ окончить свой курсъ въ 4 лекціи въ недѣлю, и о прибавленіи одной лекціи по начертательной геометріи, по средамъ, отъ 11 — 12 часовъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

21. Представленіе того-же факультета о томъ, чтобы экзамены студентовъ III и IV курсовъ математическаго отдѣленія начались съ 10-го апрѣля въ виду большаго числа предметовъ, читаемыхъ на этихъ курсахъ. *Опредѣлили*:

просить разрѣшенія г. попечителя начать годичныя испысь 22-го апрѣля по всѣмъ факультетамъ.

22. Представленіе того-же факультета объ освобожденіи студентовъ 3-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ отъ годичныхъ испытаній по ботаникѣ, зоологіи и химіи; студентовъ 2-го курса того-же отдѣленія — по ботаникѣ и зоологіи; ст. Бутенка — отъ экзаменовъ по минералогіи и геологіи и ст. Кутитонскаго — по алгебрѣ и богословію, такъ какъ оба эти студента имѣютъ уже удовлетворительныя отмѣтки по означеннымъ предметамъ, полученныя ими на предшествовавшихъ годичныхъ испытаніяхъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

23. Представленія факультетовъ: а) физико-математическаго—объ утвержденіи въ степени кандидата математическихъ наукъ Николая Зайкевича и Станислава Сипко; и б) юридическаго—объ утвержденіи въ степени кандидата гг. Бѣлкина и Верисоцкаго. *Опредѣлили*: утвердивъ поименованныхъ въ докладной части протокола лицъ въ степени кандидата, выдать имъ установленные дипломы.

24. Секретарь совѣта доложилъ переписку о зачисленіи въ число студентовъ 1-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета новороссійскаго университета исключеннаго изъ с.-петербургскаго университета Ореста Габеля, которому министерство разрѣшило вновь поступить въ студенты университета, какъ сообщено въ предложеніи г. попечителя одесскаго учебнаго округа, заслушанномъ въ 8-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го ноябра 1873 года. *Опредѣлили*: зачислить.

25. Представленіе правленія со смѣтою доходовъ и расходовъ специальныхъ средствъ на 1875 г. *Опредѣлили*: утвердить.

26. Докладъ бюджетной комисіи о денежныхъ выдачахъ изъ спеціальныхъ средствъ: «на разсмотрѣніе бюджетной комисіи поступили слѣдующія предложенія:

1) отъ историко-филологическаго факультета о назначеніи единовременнаго пособія лектору Топорову. 200 руб.

2) отъ физико-математическаго — о выдачѣ консерватору Видгалъму награды въ размѣрѣ половиннаго годоваго жалованья. 250 руб.

3) отъ того-же факультета о выдачѣ астроному-наблюдателю Блоу подъемныхъ 400 руб.

4) о выдачѣ садовнику Рудольфу денежной награды въ. 200 руб.

5) отъ юридическаго факультета о выдачѣ г. Цитовичу подъемныхъ денегъ

6) отъ правленія университета о выдачѣ награды вольнонаемному писцу библіотеки Барлу Кальсадѣ. 50 руб.

7) отъ правленія университета объ увеличеніи содержанія административнымъ чиновникамъ.

При обсужденіи этихъ предложеній, комисіа прежде всего нашла необходимымъ сдѣлать предварительный расчетъ суммъ, которыми совѣтъ университета можетъ располагать въ теченіи настоящаго года.

На основаніи прошлагодней вѣдомости о количествѣ суммъ сбора и расхода спеціальныхъ денежныхъ средствъ университета за 1873 годъ, оказывается, что общая сумма сбора платы за слушаніе лекцій въ прошломъ году простиралась всего до 9.520 руб. и что, слѣдовательно, и въ нынѣшнемъ году она, никоимъ образомъ, не можетъ превысить этой цифры, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній

расчитывать на увеличені наличнаго состава студентов. Напротивъ, съ большею вѣроятностію можно предполагать, что сумма сбора не превыситъ 9.000 руб., такъ что, если къ ней причислить остатокъ отъ прошлаго года въ 621 р. 71½ к., то общая сумма сбора въ 1874 году можетъ простираться до 9.621 руб. 71½ коп. Но изъ этой общей суммы всего денежнаго сбора, предполагаемаго въ 1874 г., необходимо предварительно исключить ту часть расходовъ, которая неизбѣжно должна быть сдѣлана совѣтомъ въ теченіи 1874 года, на основаніи уже существующихъ прежнихъ распоряженій совѣта. Принимая въ основаніе приблизительнаго расчета расходы прошлаго года, къ числу этихъ необходимыхъ издержекъ, предстоящихъ въ 1874 году, слѣдуетъ отнести: 1) 1.000 руб. дополнительнаго жалованья профессору Ярошенкѣ; 2) 800 руб. жалованья лаборанту Дородницыну; 3) 300 руб. жалованья редактору университетскихъ «Записокъ»; 4) 192 руб. 2% вычета въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; 5) 200 руб. на выпускъ медалей для студентовъ; 6) 1.812 руб. въ типографію за напечатаніе университетскихъ «Записокъ» и сочиненій профессоровъ; 7) 1.120 руб. въ уплату за иностранныя журналы и газеты; 8) 307 руб. въ уплату за русскіе журналы и газеты; 9) 75 руб. на корреспонденцію; и 10) 50 руб. на мелкіе расходы, всего въ совокупности 5.856 руб., — слѣдовательно, изъ общей суммы предполагаемаго въ 1874 году сбора въ 9.621 руб. 71½ коп., остается въ распоряженіи совѣта свободнаго остатка, для покрытія всѣхъ могущихъ встрѣтиться въ теченіи текущаго года нуждъ университета, всего 3.765 р. 71½ коп. На основаніи этого предварительнаго расчета, принимая во вниманіе незначительность свободнаго остатка

съ одной стороны, и необходимость покрывать уже отчасти предвидимыя, а также непредвидимыя издержки въ теченіи цѣлаго года, съ другой стороны, — комиссія находитъ необходимымъ, по поводу сдѣланныхъ ей предложеній, поступить слѣдующимъ образомъ: 1) выдать гг. Блоку и Цитовичу подъемныхъ денегъ въ размѣрѣ 300 р. каждому; 2) выдать, въ видѣ вознагражденія, гг. Видгальму, Рудольфу и Кальсадѣ по 50 руб. каждому; 3) предложеніе о выдачѣ г. Топорову 200 руб. возратить обратно по поводу смерти его; 4) предложеніе правленія относительно увеличенія жалованья, на счетъ специальныхъ средствъ университета, отклонить по недостаточности этихъ средствъ».

По выслушаніи настоящаго доклада, профессора Мечниковъ и Вальцъ возражали противъ пониженія опредѣленныхъ факультетомъ выдачъ, находя въ особенности несообразнымъ пониженіе, предложенное комиссіею относительно вознагражденій консерватору зоологическаго кабинета и ученому садовнику. Предсѣдатель комиссіи объяснялъ, что пониженіе вызвано необходимостью за недостаткомъ специальныхъ средствъ и что въ задачи бюджетной комиссіи вовсе не входило соразмѣрять назначенія выдачъ съ заслугами представляемыхъ.

Послѣ наступившихъ по этому поводу преній, ректоромъ поставленъ былъ для голосованія вопросъ, согласны ли члены совѣта съ бюджетной комиссіею, или признаютъ нужнымъ повысить предлагаемыя ею назначенія. 10 членовъ совѣта (гг. Цитовичъ, который въ тоже время заявилъ, что, въ виду происходившихъ преній, онъ отказывается вовсе отъ полученія подъемныхъ денегъ, Синцовъ, Некрасовъ, Ягичъ, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Сабининъ, Смирновъ, Буницынъ) подали голоса за мнѣніе комиссіи,

а 12 (гг. Ярошенко, Патлаевскій, Сѣченовъ, Мечниковъ, Головинскій, Беркевичъ, Карастелевъ, Григоровичъ, Бударяцевъ, Вальць, Богдановскій и ректоръ) за повышеніе назначеній.

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель и члены бюджетной комисіи, находя, что ихъ работы, направленные къ установленію должнаго порядка и необходимой бережливости въ расходованіи специальныхъ средствъ, очевидно, не имѣютъ въ совѣтѣ настоящаго значенія, отказывались отъ дальнѣйшихъ занятій въ комисіи, но, по просьбѣ совѣта, признавшаго ихъ дѣятельность полезною, остались. Далѣе, вопросъ о назначеніи подъемныхъ гг. Цитовичу и Блоку рѣшенъ въ смыслѣ предложенія бюджетной комисіи большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ противъ одного, профессора Беркевича. Затѣмъ вопросъ, прибавить-ли гг. Видгальму и Рудольфу по 100 руб., къ назначеннымъ комисіей выдачамъ по 50 руб., или принять предложеніе комисіи, рѣшенъ большинствомъ 12 голосовъ (гг. Цитовичъ, Ярошенко, Патлаевскій, Мечниковъ, Сѣченовъ, Головинскій, Карастелевъ, Григоровичъ, Бударяцевъ, Вальць, Богдановскій, ректоръ) противъ 10 (гг. Синцовъ, Некрасовъ, Ягичъ, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Беркевичъ, Сабининъ, Смирновъ, Куницынъ), въ смыслѣ перваго предложенія. *Опредѣлили*: выдать гг. Цитовичу и Блоку подъемныхъ по 300 руб., не принимая, по предложенію профессора Вальца, отказа г. Цитовича; — гг. Видгальму и Рудольфу, въ видѣ вознагражденія, по 150 руб., а Кальсадѣ 50 руб. изъ специальныхъ средствъ; о чемъ и сообщить въ правленіе для надлежащихъ распоряженій.

27. Рапортъ бібліотекаря съ представленіемъ алфа-

витнаго каталога дублетовъ университетской библіотеки, на карточкахъ.

При чемъ доложено, что алфавитъ этотъ препровожденъ г. ректоромъ, чрезъ попечителя округа, въ московское древнехранилище. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

28. Рапортъ его же съ представленіемъ каталога дублетовъ для напечатанія. *Опредѣлили*: 1) отпечатать каталогъ въ официальномъ отдѣлѣ университетскихъ записокъ на суммы, назначенныя на печатаніе протоколовъ; 2) предложеніе библіотечной комисіи о перечисленіи нѣкоторыхъ дублетовъ въ студентскій отдѣлъ библіотеки утвердить.

29. Два рапорта проректора на имя г. ректора о томъ, что не читали лекцій: I, въ январѣ: а) *по болъзни*: Ѳ. И. Леонтовичъ 1 л., А. М. Богдановскій 1 л., Р. В. Орбинскій 1 л., И. І. Патлаевскій 1 л., Н. А. Головкинскій 1 л., П. П. Цитовичъ 1 л., И. М. Сѣченовъ 1 л., Ѳ. Н. Шведовъ 2 л., Л. Ѳ. Беркевичъ 2 л., Д. П. Лебедевъ 1 л., А. П. Пригара 3 л.; б) *по случаю отпуска*: И. М. Сѣченовъ 3 л.; в) *по неявкѣ студентовъ*: Н. Л. Турнефоръ 6 л.; г) *по случаю назначенія въ число присяжныхъ заспдателей*: Е. Ѳ. Клименко 6 л.; д) *по неизвѣстной причинѣ*: Д. П. Лебедевъ 1 л.; II, въ февралѣ: а) *по болъзни*: Ѳ. И. Леонтовичъ 2 л., И. С. Некрасовъ 2 л., Ѳ. Н. Шведовъ 2 л., Н. А. Головкинскій 1 л., А. А. Вериго 3 л., С. П. Ярошенко 2 л., П. П. Цитовичъ 1 л., Л. Ѳ. Беркевичъ 1 л., Е. Э. Блогъ 1 л., В. М. Войтковскій 4 л., Д. П. Лебедевъ 5 л., М. И. Малининъ 1 л., А. П. Пригара 13 л.; б) *по случаю отпуска*: В. Н. Лигинъ 8 л.; в) *по случаю назначенія въ число присяжныхъ заспдателей*: И. И. Мечниковъ

8 л.; в) по неявкѣ студентовъ: А. А. Бочубинскій 3 л., Н. Л. Турнефоръ 9 л.; д) по случаю назначенія депутата въ гимназію: Д. П. Лебедевъ 1 лекцію». Опредѣлили занести въ протоколъ, предложивъ проректору неявляющимся на лекціи студентамъ сдѣлать надлежащее внушеніе.

30. Представленіе физико-математическаго факультета о возведеніи доцента Лигина въ экстраординарные профессора по кафедрѣ механики, съ присовокупленіемъ, что въ факультетѣ г. Лигинъ избранъ единогласно.

При этомъ донесеніи приложено слѣдующее представленіе въ факультетъ профессоровъ: Карастелева, Сабинина, Беркевича и Ярошенка: «доцентъ нашего университета по кафедрѣ механики, Валеріанъ Николаевичъ Лигинъ удостоенъ степени доктора прикладной математики харьковскимъ университетомъ за написанное имъ разсужденіе «обобщенія нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ». Самостоятельность и важность этого новаго труда и другихъ сочиненій и статей, опубликованныхъ г. Лигинымъ во французскихъ и русскихъ математическихъ журналахъ, его отличная педагогическая дѣятельность по преподаванію практической механики даютъ намъ прочное основаніе для ходатайства предъ факультетомъ о возведеніи доцента Лигина въ званіе экстраординарнаго профессора по кафедрѣ механики.

Г. Лигинъ получилъ математическое образованіе въ нашемъ университетѣ и былъ командированъ на два года за границу для приготовленія себя къ занятію кафедрой практической механики. Будучи еще студентомъ, онъ написалъ разсужденіе «о притяженіи элементовъ», за которое награжденъ совѣтомъ золотою медалью. Во время своего пребыванія за границею, какъ извѣстно факультету, г. Ли-

гнымъ написано разсужденіе «геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», за которое онъ удостоенъ физико-математическимъ факультетомъ нашего университета степени магистра прикладной математики. Бромъ поименованнаго сейчасъ сочиненія, г. Лигинымъ напечатаны еще слѣдующія статьи:

1) «Геометрическая теорія относительнаго движенія точки и неизмѣняемой системы»; эта статья, въ совокупности съ магистерскимъ разсужденіемъ, обнимаетъ кинематику неизмѣняемой системы во всей цѣлости.

2) «Обобщеніе на случай конечныхъ перемѣщеній одной теоремы Шаля относительно сопряженныхъ осей».

3) «Sur le lieu des points d'un système invariable mobile d'une manière générale dans l'espace, dont les accélérations du premier ordre sont constantes». Bulletin d. l. Société mathem. de France. T. I. Эта замѣтка есть сообщеніе, сдѣланное г. Лигинымъ въ парижскомъ математическомъ обществѣ, въ которомъ онъ состоитъ членомъ.

4) «Note historique sur le problème des engrenages cylindriques». Bul. d. l. Soc. math. de France. T. I. Это второе сообщеніе г. Лигина напечатано въ бюллетенѣ по одобренію президента общества, г. Шаля.

5) «Обобщенія нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ». Одна часть этого разсужденія была напечатана въ *Nouvelles annales d. math.* за 1873 годъ, подъ заглавіемъ «sur quelques propriétés géométriques du déplacement d'une figure plane dans son plan», а другая появится въ нашихъ «Запискахъ» подъ заглавіемъ «объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы».

Это послѣднее сочиненіе г. Лигина, за которое онъ получилъ степень доктора прикладной математики въ харь-

ковскомъ университетѣ заслуживаетъ того, чтобы о немъ распространиться нѣсколько подробнѣе. Оно состоитъ изъ обстоятельнаго историческаго обзора занимающихъ автора вопросовъ и двухъ частей.

Первая часть, объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы, раздѣлена на два параграфа. Въ первомъ параграфѣ г. Лигинъ находитъ, весьма удачнымъ по своей простотѣ аналитическимъ путемъ, выраженія слагающихъ по двумъ неподвижнымъ осямъ ускоренія какого либо n -го порядка точки плоской неизмѣняемой фигуры, движущейся въ своей плоскости въ оунціяхъ ускоренія той же точки порядка n — 1. Эти выраженія даютъ автору возможность получить весьма просто нѣсколько совершенно новыхъ результатовъ, какъ напримѣръ геометрическія мѣста точекъ, имѣющихъ во 1-хъ, касательное, во 2-хъ — нормальное ускореніе n -го порядка, равное нулю, и мѣста точекъ, имѣющихъ полное ускореніе n -го порядка постоянное. Во 2-мъ параграфѣ г. Лигинъ переходитъ къ теоретически болѣе интересному и болѣе общему случаю движенія системы въ пространствѣ. Сначала онъ разсматриваетъ тотъ случай, когда въ системѣ есть неподвижная точка, и, доказавъ, что въ этомъ случаѣ центръ ускореній какого бы ни было порядка совпадаетъ съ центромъ вращенія, переходитъ затѣмъ къ самому общему случаю движенія системы. Сравнивая здѣсь, между прочимъ, формулы, посредствомъ которыхъ выражаются слагающія по тремъ осямъ координатъ ускоренія n -го порядка въ этомъ общемъ случаѣ, г. Лигинъ получаетъ интересный законъ, что въ самомъ общемъ движеніи ускореніе какого нибудь n -го порядка всякой точки системы тождественно съ ускореніемъ того же порядка, какое имѣла бы эта точка, еслибы

система вращалась около мгновеннаго центра ускореній n -го порядка. Въ этомъ же параграфѣ г. Лигинъ находитъ и для самаго общаго случая движенія геометрическаго мѣста, подобныя тѣмъ, которыя онъ получилъ при плоскомъ движеніи.

Вторая часть разсужденія г. Лигина посвящена выводу, изъ основнаго геометрическаго закона перемѣщенія плоской коллинеарно-измѣняемой фигуры, основныхъ законовъ плоской подобно измѣняемой и неизмѣняемой фигуры, опубликованныхъ Шалемъ безъ доказательства въ *Bulletin des sciences mathématiques de Fégussac*. Изъ этого краткаго разбора послѣдняго разсужденія г. Лигина видно, что оно содержитъ новые результаты, интересныя не только сами по себѣ, но и какъ продолженіе работъ по тому же вопросу академика Сомова, изложенныхъ въ его кинематикѣ. Г. Лигинъ, занимаясь съ усердіемъ и знаніемъ дѣла избранной имъ спеціальностью, слѣдитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за современнымъ развитіемъ приемовъ преподаванія; подтвержденіемъ чему можетъ служить, между прочимъ, переводъ его на русскій языкъ брошюры Шлезингера «методъ преподаванія начертательной геометріи, въ смыслѣ новой геометріи», — брошюры, интересной въ настоящее время въ виду введенія начертательной геометріи въ число предметовъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ».

При происшедшемъ засимъ баллотированіи о возведеніи г. Лигина въ экстраординарные профессора получилось 24 голоса избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. *Опредѣлили*: согласно состоявшемуся избранію, просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи доцента по кафедрѣ механики, доктора Лигина экстраординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ, со дня избранія его совѣтомъ, т. е. съ 2 марта 1874 г.

31. Представленіе юридическаго факультета, при коемъ приложена составленная имъ, по порученію совѣта, редація объясненія по дѣлу о профессорѣ Куницынѣ: «Совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета, принимая въ исполненію распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія объ оставленіи профессора Куницына, въ качествѣ частнаго преподавателя гражданскаго и римскаго права, на вторую половину учебнаго 1873 — 1874 года, съ своей стороны имѣеть честь представить въ объясненіе своихъ распоряженій, что заслуженный профессоръ Куницынъ своевременно не заявлялъ факультету о своемъ намѣреніи продолжать начатые имъ курсы до конца втораго семестра, и что послѣ уже, письменно, было имъ заявлено г. ректору о нежеланіи подвергаться какииъ бы то ни было баллотировкамъ для продолженія службы. Съ другой стороны, со времени самаго приглашенія г. Цитовича на службу въ новороссійскій университетъ большинство членовъ совѣта и факультета смотрѣли на него, какъ на полнаго и прямаго преемника г. Куницыну. Если факультетъ возложилъ на г. Цитовича, профессора гражданскаго права, преподаваніе торговаго права, то этимъ факультетъ не создавалъ еще особой, новой каеедры торговаго права, которой въ уставѣ нѣтъ, а смотрѣлъ на торговое право, какъ на часть гражданскаго, и притомъ такую часть, которую г. Цитовичъ впоследствии, по усмотрѣнію факультета, могъ ввести въ общую систему своихъ чтеній по гражданскому праву, какъ онъ и дѣлалъ это, будучи преподавателемъ гражданскаго права въ харьковскомъ университетѣ. Вслѣдствіе этого на г. Цитовича возлагалось на второе полугодіе настоящаго учебнаго года преподаваніе не 3-хъ наукъ, а только 2 хъ— римскаго права и гражданскаго права.

Что касается кафедры римскаго права, то она остается, къ сожалѣнiю, не занятою, и профессоръ Куницынъ читалъ римское право, какъ постороннiй предметъ, за особое вознагражденiе. Поручая преподаванiе римскаго права г. Цитовичу, факультетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтъ, руководствовались тѣми же соображенiями, которыхъ они держались, поручая преподаванiе этого предмета г. Куницыну. Преподаванiе римскаго права въ русскихъ университетахъ всегда имѣло и имѣеть смыслъ, главнымъ образомъ, какъ преподаванiе предмета, такъ сказать, служебнаго русскому гражданскому праву; и если въ данное время не оказывается подходящаго, особаго преподавателя, то факультетъ и совѣтъ считаютъ самымъ цѣлесообразнымъ соединить преподаванiе русскаго гражданскаго права и римскаго права въ одномъ лицѣ.

Имѣя все это въ виду, факультетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтъ, зная способности, трудолюбiе и энергiю профессора Цитовича, не затруднились возложить на него преподаванiе гражданскаго и римскаго права, что, по настоящему распределенiю лекцiй, вмѣстѣ съ торговымъ правомъ (3 лекцiи), составитъ 10-ть часовъ въ недѣлю. Такiя усиленныя занятiя для г. Цитовича предстояли только въ теченiи одного, и при томъ меньшаго, семестра, но за то они обеспечивали правильный переходъ къ новому порядку дѣлъ, весьма желательному для факультета и совѣта».

Отдѣльное мнѣнiе профессора Павлова: «по настоящему дѣлу я имѣлъ уже честь выразить мое мнѣнiе въ ближайшемъ засѣданiи совѣта, подавъ голосъ въ томъ смыслѣ, что дѣло это не заключаетъ въ себѣ достаточныхъ поводовъ къ какимъ либо объяснительнымъ представленiямъ г. министру. Еслибы оно шло обыкновеннымъ порядкомъ,

т. е. еслибы заслуженный профессор Куницынъ своевременно заявилъ факультету о своемъ желаніи продолжать начатые имъ курсы гражданскаго и римскаго права до конца втораго семестра, то, само собою понятно, что факультетъ принялъ бы такую услугу съ полною признательностію, значить — исходъ дѣла былъ бы совершенно тотъ же, что и теперь».

Пущенная, послѣ объясненій, на баллотировку открытыми голосами редакція объясненія юридическаго факультета большинствомъ 12-ти голосовъ (профессоръ Павловъ, заявившій, что онъ остается при мнѣніи, что нѣтъ повода къ объясненію и согласившійся съ нимъ, профессоръ Ярошенко, гг. Некрасовъ, Ягичъ, Патлаевскій. Сабининъ, Барастелевъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Смирновъ, Куницынъ) противъ 8-ми (гг. Синцовъ, Сѣченовъ, Мечниковъ, Головкинскій, Абашевъ, Вальцъ, Богдановскій, ректоръ) отвергнута.

Послѣ этого г. ректоръ внесъ устное предложеніе, не признаетъ ли совѣтъ возможнымъ оставить предположеніе о дачѣ министерству объясненій безъ послѣдствій. Члены совѣта отклонили разсмотрѣніе этого предложенія въ настоящемъ засѣданіи. *Опредѣлили*: вслѣдствіе неодобренія большинствомъ голосовъ редакціи объясненія, и въ виду новаго предложенія г. ректора, отложить вопросъ до слѣдующаго засѣданія.

32. Представленіе того же факультета съ ходатайствомъ, въ виду тяжелой болѣзни доцента Пригары, требующей продолжительнаго леченія и особыхъ климатическихъ условій, о командированіи его, г. Пригары, для излеченія болѣзни, на одинъ годъ за границу, въ южную Германію, Францію и Италію, съ сохраненіемъ содержанія. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

ЗАПИСКА

**о путешествіи по славянскимъ землямъ доцента
А. Кочубинскаго.**

Историко-филологическому факультету благоугодно было поручить мнѣ составить записку о предложенной г. заслуженнымъ профес. В. И. Григоровичемъ командировкѣ меня за границу въ славянскія земли на два года; исполняя порученіе факультета и представляя у сего планъ предполагаемаго путешествія моего въ Австро-Венгрію, Дунайскія княжества, Турцію (европейскую), Сербію и Черногорію, я предварительно позволю себѣ остановиться на современныхъ требованіяхъ той науки, усиленному служенію которой я опредѣлилъ себя — науки славянства, прежде чѣмъ приступлю къ указанію цѣлей, къ достиженію которыхъ могла бы служить моя поѣздка.

Баеедра славянскихъ нарѣчій, т. е. наука славянства, ведетъ свое начало въ русскихъ университетахъ съ 1835 года—съ утвержденія университетскаго устава гр. Уварова.

Открытіе новаго предмета университетскаго преподаванія и вызванное имъ изученіе славянства у насъ отвѣчало настоятельнымъ, насущнымъ потребностямъ русской науки, изученія Россіи.

Уже очень рано въ русской жизни выработалось сознание необходимости научнаго знакомства съ славянствомъ. Первые серьезныя попытки дать мѣсто изученію славянства въ русской наукѣ мы видимъ въ трудахъ «Россійской Академіи», начиная съ знаменитыхъ лексическихъ трудовъ Императрицы Екатерины и кончая словопроизводными опытами, «разсужденіями и замѣчаніями по части языкознанія» неустаннаго славянскаго труженника — адмирала Шишкова. Россійская Академія, или, что тоже, школа Шишкова, во всѣхъ своихъ предначертаніяхъ руководилась мыслью о необходимости совмѣстнаго изученія своего роднаго съ родовымъ.

Располагая болѣе или менѣе значительными средствами, Академія, издавая массу своихъ трудовъ и способствуя изданію «полезныхъ книгъ» — какъ «Россійской грамматики» Востокова, «Словаря славяно-греческаго» Экономиса, въ то же время награждала «отличныя заслуги по части словесности» ученыхъ южныхъ и западныхъ славянъ (Вука Стефановича, «богемскаго профессора Ганке», т. е. Ганку), ободряла возникающія дарованія: на средства Академіи былъ отправленъ къ румынамъ Юрій Венелинъ «для собранія рѣдкихъ книгъ и рукописей на разныхъ славянскихъ нарѣчійхъ, особенно, по части языкознанія» (*).

Преслѣдуя интересы «вѣрнаго и глубокаго познанія языка отечественнаго», самъ адмиралъ предложилъ Академіи составленіе «Словопроизводнаго словаря» по новому образцу, далъ примѣръ «Истолковательнаго словаря древнихъ славянскихъ словъ», сочинилъ «Опытъ сравнительнаго

(*) *Ведоровъ* (членъ Россійск. Акад.). «Обозрѣніе трудовъ Рос. Академіи» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. II (1834) отд. 3, стр. 60 — 63.

словаря славянскихъ нарѣчій», родныхъ русскому, показалъ всю важность начатаго Екатериною словаря сравнительнаго 200 нарѣчій, которому удивлялась, но конемъ доселѣ не пользовалась Европа, привелъ въ порядокъ матеріалы, собранные десницею сей Государыни, и въ примѣчаніяхъ своихъ представилъ доказательство первобытности и многообъемлемости славянскаго языка(*). Самъ почти что не зная чешскаго языка(**), Шишковъ рѣшается на комментацию только что открытой Браледворской рукописи — чтобы показать, что «языкъ въ сей старинной рукописи есть почти чистый нашъ языкъ», что «слово о полку Игоревѣ темнѣе для насъ, нежели сія Богемская рукопись»(***). Въ борьбѣ съ неумѣренными карамзинистами, Шишковъ отстаиваетъ право на вниманіе церковно-славянскаго языка, защищаетъ его мѣсто въ системѣ русскаго образованія: «польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть нарѣчіе словенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія» (Опытъ словопроизв. словаря).

Правда, слабонаучны были приемы знаменитаго адмирала и его сотоварищей по Академіи въ ихъ трудахъ, посвященныхъ изученію славянства;(****) торопливо они

(*) *Ib.* 65 — 66.

(**) *Соколовъ*, «Ученныя записки казанскаго университета». 1845 стр. 10

(***) «Сочиненія etc. адм. Шишкова» т. VI стр. 184.

(****) Таковы труды Шишкова: «Опытъ разсужденія о первоначалѣ, единствѣ и разности языковъ» (т. V. 294 — 418; т. XI. 28 — 155; т. XIII. 1 — 22. Первобытный человекъ, по Шишкову, могъ «отсутствіе свѣта представить себѣ подъ выраженіемъ *mlta omej*, которое сократилъ сперва въ *me ome*, а потомъ въ *nocz*, откуда пошли *nox*, *notte*, *nat* и пр. Изъ сего явствуетъ, что словенское слово, ближе всѣхъ другихъ показывающее коренное значеніе свое, долженствуетъ быть первобытное или родоначальное».

приводили въ исполненіе свои обширные замыслы,—но ими руководило вѣрное чутье, и—какъ знать — быть можетъ, наука со временемъ и извинитъ многія увлеченія шишко-вистовъ, и оправдаетъ нѣкоторыя изъ нихъ.....

Туже высокую преданность изученію славянства, но меньшее увлеченіе, трезвое отношеніе къ дѣлу мы находимъ въ стремленіяхъ и научной дѣятельности не членовъ оффиціальной академіи, но болѣе чѣмъ академіи — членовъ знаменитаго ученаго кружка государственнаго канцлера графа Румянцева: Востокова, митр. Евгенія, Калайдовича, Кеппена. Люди различнаго общественнаго и государственнаго положенія, они были близки другъ къ другу своею любовью къ славянству—къ его прошлому и настоящему. Достойныя вниманія времена! Съ умиленіемъ читаешь только что изданную «Переписку Востокова», съ благоговѣніемъ памятуешь того мужа, который, возвратившись съ вѣнскаго конгресса, не опасался снизойти до интересовъ славянства. Востоковъ неожиданно прочелъ послѣсловіе евангелія 1164 г., сообщаетъ объ этомъ Калайдовичу — и оба они увѣрены, какъ-то порадуется этому открытію самъ канцлеръ, больной, на Бавказѣ, на минеральныхъ водахъ. «Я въ обязанности нахожусь — писать Румянцевъ Калайдовичу — принести вамъ мою благодарность за то, что... мнѣ передали *столь важное для меня извѣстіе* о достоинствѣ одного рукописнаго моего евангелія...» (*).

Корифеемъ этой румянцевской академіи былъ нашъ Востоковъ. Онъ былъ средоточіемъ и представителемъ славянской науки почти въ теченіе полувѣка, къ нему были

XI. 152); «Опытъ всеобщаго словаря» (т. XIII); «Собраніе языковъ и нарѣчій» (т. XIV—XVI) и др.

(*) «Переписка» № 33, стр. 67.

обращены взоры всѣхъ. «Что дѣлается съ вашею славянскою грамматикой—пишетъ Востокову Кеппенъ изъ Вѣны 1-го октября 1823 года—прошу Васъ увѣдомить меня объ этомъ для сообщенія здѣшнимъ ученымъ, которые въ семь дѣлъ желаютъ Вамъ возможнаго успѣха» (*). «Учителя и вождя своего на стезѣ грамматическихъ изслѣдованій» (**), онъ учитъ старому языку, представивъ ему обстоятельное изложеніе языка Остромирова евангелія, хотя не удостоивается отвѣта отъ заходящаго свѣтила славянской науки; гордый Копитаръ чувствуетъ свою слабость для изданія Клоціевой глаголиты, взываетъ о помощи къ Востокову: «*sis tui peritissimus*» (**); «хотя—нѣхотя вы должны мнѣ замѣнить Добровскаго» — говоритъ Копитаръ Востокову по другому поводу (****); для Шафарика Востоковъ лучшій якорь надежды (*****).

Если сравнить доселѣ ничѣмъ незамѣнимыя изданія румянцевскаго кружка: Іоанна Екзарха, Библиографическіе листы, Славянскіе памятники, Описаніе музейныхъ рукописей—съ давно забытыми (справедливо или нѣтъ) трудами членовъ Россійской Академіи, мы легко поймемъ, насколько плодотворнѣе для изученія славянства въ Россіи была ученая дѣятельность частнаго кружка предъ кипучею работою шишковской академіи. Достаточно замѣтить, что Востоковъ, самъ членъ Россійской Академіи, елишкомъ недовѣрчиво смотрѣлъ на вчинанія своихъ сотоварищей: «не задолго до того, какъ я былъ осчастливленъ письмомъ Вашего

(*) *Ib.* стр. 74.

(**) По выраженію самого Востокова въ письмѣ къ І. Добровскому въ маѣ 1824 г. *ib.* стр. 101.

(***) *Ib.* стр. 283.

(****) *Ib.* стр. 348.

(*****) *Ib.* стр. 355.

Сіятельства — пишет Востокъ Румянцеву — сдѣлано мнѣ было порученіе отъ Россійской Академіи составлять вмѣстѣ съ П. Ив. Соколовымъ *Сравнительный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій* на подобіе Линдева словаря... Россійская Академія бѣдна матеріалами къ такому обширному труду, и я надѣюсь недостатки оныхъ частію пополнить изъ сокровищъ Вашей, С. гр., бібліотеки... Порученное мнѣ Академіею составленіе словаря будетъ однакожъ для меня побочною только работою, пока я не кончу своей грамматики» (*).

Весьма естественно, если не люди шишковскаго направленія, а дѣятели кружка Румянцева, придавъ изученію славянства строгій научный характеръ, смогли приобрѣсть этому изученію болѣе и болѣе общественнаго интереса, показать его значеніе и для русской науки, и для русской жизни, — и интересъ къ славянству изъ замкнутаго кружка избранныхъ людей переходитъ на болѣе широкую арену.

Я остановлюсь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ нашей литературной и университетской жизни 30-хъ годовъ, на фактахъ, которые непосредственно предшествовали открытію славянской кафедръ въ университетахъ и которые, съ одной стороны, покажутъ, насколько расширились интересы славянства ко времени распаденія румянцевскаго кружка, съ другой — послужатъ достаточнымъ объясненіемъ значенія реформы, произведенной гр. Уваровымъ на историко-филологическихъ факультетахъ — въ интересъ русской науки.

Извѣстный своимъ безпощаднымъ скептицизмомъ, профессоръ—издатель «Вѣстника Европы», «Михаилъ Трофимовъ сынъ Каченовскій», былъ одинъ изъ первыхъ серьезныхъ ратователей въ русской журналистикѣ необходимости

(*) *Иб.* стр. 28.

славянскаго изученія для Россіи: онъ ясно и категорически заявилъ о нераздѣльности изученія Россіи отъ изученія всего славянства, изученія русскаго языка отъ изученія другихъ славянскихъ нарѣчій. Нешилоливо разбирая «Исторію русскаго народа» Н. Полеваго, Каченовскій требовалъ отъ историка слѣдить за органическимъ развитіемъ основныхъ началъ славянства. «Развѣ жизнь, которою дышетъ народъ русскій — говоритъ Каченовскій по поводу книги Полеваго — течетъ изъ жилъ варяжскихъ? развѣ русскіе не суть кровныя дѣти знаменитыхъ славянъ, искони обитателей страны, донинѣ ихъ носящей и питающей? Вліяніе варяжскихъ пришельцевъ на образованіе восточныхъ славянъ въ Руси было совершенно вѣтшнее, механическое, а не органически живое... Статочное-ли дѣло, ни думано, ни гадано, пуститься въ розказни о рогѣ съ пивомъ или медомъ, переходившемъ изъ рукъ въ руки пирующихъ Скандинавовъ, и вмѣстить въ немногихъ словахъ событія тысящелѣтій, совершившіяся на землѣ, составлявшей коренное жилище Народа Русскаго, съ племенемъ котораго родную отрасль онъ составляетъ» (*). Для объясненія наиболѣе трудныхъ явленій въ русской исторіи Каченовскій прибѣгалъ къ минувшей жизни славянъ: новгородскую вольную общину онъ выводилъ изъ муниципій балтійскихъ славянъ (**); Русскую Правду онъ пояснялъ изъ языка чешскаго и по-

(*) «Вѣстн. Европы» 1830. № 1 стр. 64 — 66. «Вѣстникъ Европы» вѣровалъ даже, что славянство есть новый элементъ въ исторіи человечества: «Русь, дщерь и представительница великаго Славянскаго племени, назначается маніемъ несповѣдимаго промысла — разыгрывать первую роль въ новомъ дѣйствіи великой драмы судебъ человѣческихъ» (1830. № 2 стр. 150). Тамъ было полѣвля назадъ.

(**) «О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія славянъ на берега Волхова» въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета», 1834 г. № IX. Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» ч. IV (1834) отд. 4 стр. 126.

лабскаго: «и не усматриваемъ ли мы—говорить Каченовскій—въ шумныхъ новгородскихъ вѣчахъ тѣхъ народныхъ сборищъ, которыя нѣкогда были принадлежностью Лютичей?» (*).

Славянскія нарѣчія, по мысли «Вѣстника Европы», есть первый и главный источникъ для объясненія нашего роднаго языка. Въ № 8 за 1830 годъ нѣкто Косцѣша помѣстилъ статью: «Взглядъ на русскія лѣтописи въ филологическомъ отношеніи». Косцѣша, сожалѣя, что языкъ лѣтописей, разнообразившійся по различію времени и мѣста, не подвергся еще филологической критикѣ, требуетъ составлять словари на лѣтописи и указываетъ на языкъ народный, на сравненія съ нѣмецкимъ и греческимъ, какъ на средства для такой критики. Но анонимный критикъ «Взгляда» идетъ далѣе и поправляетъ автора: «не менѣе справедливо сказанное въ піесѣ, что при составленіи особенныхъ словарей на лѣтописи... не бесполезно прибѣгать и къ другимъ словарямъ. Здѣсь однако-же я позволю-бы себѣ изъясниться рѣшительно: я сказалъ-бы прямо, что языки, и въ особенности родственныя нашему нарѣчію, необходимо нужны—*conditio sine qua non*—для изслѣдователя сколько нибудь боязливаго...» (**). Критикъ упрекаетъ даже Барамзина въ невнимательности къ славянскимъ нарѣчіямъ. Указывая на передачу Барамзинымъ лѣтописнаго *вѣно* словомъ благодарность, критикъ замѣчаетъ: «справившись съ словарями родственныхъ нашему языковъ, онъ увидѣлъ-бы, что *вѣно*, *вяно* есть приданое». (***)

(*) Разборъ статьи Каченовскаго — «Разсужденіе о Русской Правдѣ» въ «Журналѣ Мн. Н. Просвѣщенія», ч. XII (1836 г.) отд. 6. стр. 370.

(**) «Вѣстн. Евр.» 1830 г. № 13, стр. 69.

(***) *Иб.* стр. 73.

Для Каченовскаго и его сотрудниковъ было совершенно ясно и то значеніе, которое имѣютъ труды Востокова — представителя румянцевскаго кружка—въ области славяно-русскаго изученія: «при опредѣленіи времени, къ которому принадлежитъ языкъ извѣстной лѣтописи, могутъ служить хорошими пособіемъ замѣчанія о славянскомъ языкѣ, изложенныя почтеннымъ нашимъ філологомъ Востоковымъ» (*).

Весьма естественно, если въ томъ университетѣ, которому Каченовскій посвятилъ свою многолѣтнюю жизнь—свой умъ и знаніе, мысли его объ изученіи славянства нашли впервые полное сочувствіе. Въ объявленіи московскаго университета о конкурсѣ «для желающихъ занять катедру краснорѣчія, стихотворства и языка руссійскаго», послѣ смерти пр. Мерзлякова (26 іюля 1830), было потребовано отъ соискателя знанія славянскихъ нарѣчій. «Касательно языка руссійскаго» соискатель долженъ былъ показать: а) стихійныя начала его, сродство въ коренныхъ словахъ съ древними языками и законы этимологическихъ измѣненій; б) отношенія къ нему языковъ славянскаго происхожденія, прежде установившихся и получившихъ постоянныя формы, а именно: церковнаго, богемскаго и польскаго; в) отношенія къ тому-же языку руссійскому нарѣчій областныхъ, преимущественно литовско-русскаго и юго-русскаго (малоруссійскаго)» (**).

(*) «Вѣстн. Евр.» 1830 № 15 — 16, стр. 308.

(**) «Вѣстн. Евр.» 1830 № 21—22, стр. 154—155. Замѣтимъ, что подобныя требованія были заявлены тогда, когда напр. орд. пр. Чановъ въ харьковскомъ университетѣ (въ 1832—33 г.) читалъ «риторику, шпигу и исторію руссійской литературы по руководству Греча» («Журн. Мин. Нар. Пр.» ч. IV (1834) стр. 365), и только въ казанскомъ университетѣ адъюнктъ Рыбушкинъ читалъ «славянскій языкъ», да въ демидовскомъ лицейѣ Зиновьевъ—отдѣльный курсъ—«О свойствахъ русскаго языка» (*ib.* Ср. ч. V (1835) стр. 320).

Въ 1830 г. «Вѣстникъ Европы» прекратилъ свое существованіе: но мысли его продолжали жить и развиваться въ литературѣ; «Библиотека для чтенія» Сенковскаго унаслѣдовала убѣжденія московскаго журнала. Разбирая курсъ словесности Глаголева, Сенковскій прямо заявилъ, что русская филологія находится въ ребячествѣ, а для выхода отсюда ей необходимо твердое знаніе языковъ польскаго, моравскаго, сербскаго, богемскаго, малороссійскаго и бѣлорусскаго. Противъ этого тяжелаго отзыва оріенталиста никто изъ людей науки не возражалъ. Одинъ только Руссовъ, любившій спорить ради спора, наивно отвѣчалъ Сенковскому въ сочиненіи «О подлинности Слова о полку Игоревѣ», что русская филологія не ребенокъ, что она началась еще вмѣстѣ съ христіанствомъ. Съ тѣмъ-же простодушіемъ Руссовъ возражаетъ Сенковскому, что «намъ польскій языкъ не нуженъ, потому что поляки насъ клеветали и были нашими врагами», что пускай тотъ, у кого есть досугъ и охота, учится разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ: но въ нихъ Россія крайней надобности не имѣетъ, потому что «славяно-россійскій языкъ, отдѣляясь отъ прочихъ нарѣчій своихъ, возвысился, очистился, обогатился, образовался и продолжаетъ быстро развиваться».

Сенковскій не могъ отвѣчать подобнымъ противникамъ изученія славянства, смѣшивающимъ науку съ политикой: только С. Строевъ (подъ псевдонимомъ Скромненко) замѣтилъ Руссову, что ребячество русской филологіи—это аксіома, что изъ его собственныхъ словъ видно, «какъ мало знакомъ онъ съ исторіей языковъ славянскихъ и какъ худо понимаетъ значеніе науки филологіи» (*).

(*) «Сѣверная пчела» за 1834 г., № 291.

Ребичество доказалъ на себѣ Руссовъ; безсиліе ребенка не отрицалъ и тотъ, кто, безспорно, желалъ было поднять русскую филологію, но неудачно (*). Когда въ 1835 извѣстный Шафарикъ спросилъ М. П. Погодина въ Прагѣ объ особенностяхъ русскихъ нарѣчій, чѣмъ горячо интересовался уже ранѣе Копитаръ (**), «я — доносить г. Погодинъ гр. Уварову — враспѣя долженъ былъ отвѣчать ему, что на этотъ предметъ до сихъ поръ у насъ не обращали еще вниманія и что только книжный языкъ получилъ недавно хорошія грамматики отъ г. Греча, Востокова, Калайдовича» (***)). Русскій путешественникъ говорилъ правду, — въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1835 годъ мы встрѣчаемъ тоже печальное признаніе: «въ первый разъ — замѣчаетъ онъ — видимъ книгу (Krótkie zebranie etc.) на томъ нарѣчій, которымъ говоритъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи простой народъ, — такъ мало у насъ извѣстны отрасли природнаго нашего языка». Журналъ выражаетъ желаніе, чтобы наши филологи занялись «сравнительнымъ изученіемъ сего и другихъ нарѣчій — трудъ обширный, но отиѣнно полезный для языка и исторіи» (****).

Такимъ образомъ, мало-по-малу интересы изученія славянства подымались въ русскомъ ученomъ обществѣ болѣе и болѣе; живѣе и живѣе сознавалась необходимость вводить славянскаго члена индоевропейской семьи въ глав-

(*) Переводомъ «Institutiones» Добровскаго, но не въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ ихъ видѣть знаменитый Востоковъ еще въ 1823 году: «я съ моей стороны не взялся-бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія» (В — въ Калайдовичу). «Переписка». стр. 48.

(**) *Иб.* стр. 281, письмо Копитара къ Востокову 30 апр. 1830.

(***) «Журн. М. Н. Пр.» ч. VII (1835), стр. 548.

(****) Часть VIII, отд. 6, стр. 179 — 180.

нѣйшіе вопросы языкознанія. Профессоръ харьковскаго университета, нынѣ академикъ, Дорнъ издаетъ—«*De affinitate linguae slavicae et sanscriticae*», сочиненіе «весьма интересное по многимъ выводамъ» (*); академ. Грефе занимается «сравнительными этимологическими изысканіями надъ личными мѣстоименіями въ языкахъ древнихъ классическихъ и нарѣчійхъ славянскихъ и германскихъ» (**).

Въ виду этого возрастающаго интереса къ изученію, къ ознакомленію съ славянствомъ, и министерство графа Уварова не могло остаться равнодушнымъ зрителемъ: оно любило науку. И дѣйствительно, оффиціальныи органъ министерства, съ перваго-же года существованія (1834) съ самымъ полнымъ участіемъ отнесся къ дѣлу изученія славянства, настаивая на необходимости изученія его. Съ живою симпатіей относился «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» ко всякому явленію въ области славянской литературы, науки, жизни, въ области иностранной науки о славянствѣ—была-ли это поэма, сборникъ народныхъ пѣсенъ, памятникъ старины, филологическій или историческій трактатъ, какое либо литературное предпріятіе. Отводя на страницахъ своихъ мѣсто рецензіямъ, письмамъ объ явленіяхъ текущей славянской литературы, открывъ даже особую рубрику—«Литература славянскихъ нарѣчій», «Новости славянской литературы», журналъ гр. Уварова знакомилъ русскихъ читателей со всякимъ, сколько-нибудь интереснымъ сочиненіемъ по славянству, объявлялъ о цѣнѣ его, подпискѣ въ Петербургѣ и т. д. Приведемъ два, три факта.

Уже въ первомъ, вступительномъ томѣ «Журналъ М.

(*) *Иб.* часть II (1834), стр. 33.

(**) «Отчетъ Импер. Академіи наукъ за 1833 г.».

И. Пр.» представилъ отчетъ о вышедшихъ въ 1833 году въ Австріи книгахъ по славянству: о грамматикѣ «для иллирійскихъ славянъ Берлиха (!), говорящихъ однимъ нарѣчьемъ съ сербами», объ «иллирійскомъ переводѣ вульгаты Палконика (!)», о сербской христоматіи «для иллирійцевъ греческаго исповѣданія», т. е. *Serbische Leseköner* Шафарика, «которая ясно доказываетъ, что нынѣшній сербскій языкъ во всѣхъ формахъ своихъ столь-же древенъ, какъ и славяно-церковный» и пр (*). Во второмъ томѣ помѣщена критика «Исторіи російскаго государства» Страла; критикъ «Журнала» указываетъ автору, что «восточные источники могли-бы привести въ важнымъ результатамъ относительно происхожденія славянъ, еслибы мы тщательно сравнили славянскія нарѣчія съ восточными языками, руководствуясь тѣми правилами, кои сообщены намъ Добровскимъ, Греффе, Экономисомъ, Боппомъ и Дорномъ». Онъ упрекаетъ, далѣе, его, почему онъ нисколько не обратилъ вниманія на «различныя нарѣчія славянскія, которыхъ изслѣдованіе весьма важно для исторіи ихъ» (**). При выходѣ въ свѣтъ «*Nummeria prawodawstw Słowiańskich*» Мацѣвскаго, органъ гр. Уварова замѣчаетъ между прочимъ: «пора славянамъ заняться подробнымъ изслѣдованіемъ своихъ узаконеній и убѣдиться въ томъ, что какъ языкъ и нравы, такъ равно и узаконенія тѣсно связуютъ ихъ между собою» (***)

Теперь, принявъ во вниманіе всё вышеуказанныя обстоятельства—факты изъ нашей ученой, университетской и журнально-литературной жизни 30-хъ годовъ, мы легко увидимъ, что графъ Уваровъ, открывая новымъ универ-

(*) Стр. 479.

(**) Критика пр. Крузе, стр. 35 — 37.

(***) Часть IV (1834) отд., I стр. 29.

ситетскимъ уставомъ 1835 года на историко-филологическихъ факультетахъ новую, славянскую кафедру — «Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій» (§ 11,5), имѣлъ въ виду — удовлетворить не разъ громко заявленнымъ требованіямъ русской науки. Новая кафедра имѣла, говоря словами Сенковского, вывести русскую филологію изъ ребячества съ одной стороны, дать вообще изученію славянства твердую точку опоры, вывести его изъ шатанія, обезопасить отъ случайностей, съ другой (*). Если введеніе кафедры славянскаго права уставомъ 1863 года было вызвано состояніемъ русской юридической науки: «назначена новая кафедра исторіи славянскихъ законодательствъ — говорить въ докладной запискѣ бывший министръ г. Головинъ—по причинѣ отсутствія которой въ русскихъ юридическихъ факультетахъ историческая разработка вопросовъ русскаго права не могла имѣть достаточныхъ основаній и страдало все изученіе русскаго права» (**); то съ неменьшимъ правомъ 30 лѣтъ тому назадъ была открыта

(*) Изъ «Переписки Востокова» мы видѣли, насколько занятія славянствомъ имѣли домашній, семейный характеръ, и какъ много зависѣли они отъ случая. Чтобы заняться хорутанскимъ языкомъ, Востоковъ долженъ былъ обратиться въ государств. канцлеру съ просьбой—выписать для него нѣсколько книжекъ на этомъ нарѣчій, и какъ В—овъ былъ радъ, когда эти книжки были получены. Еще въ болѣе затруднительномъ положеніи было изученіе славянства среди австрійскихъ славянъ, какъ это мы видимъ изъ переписки Шафарика съ Я. Колларомъ, печатающейся въ журналѣ чешскаго Музея. Занимаясь въ 1821 году хорутанскимъ языкомъ, Шафарикъ чистосердечно признается, что въ глаза еще не видѣлъ Кошитаровой грамматики (письмо 6 «Слав» 1873. II), хотя она вышла въ Австрію въ 1808 году; приготовивъ свою знаменитую «Исторію слав. литературы», Шафарикъ отчаявался — будетъ-ли она когда издана (письмо 13 — 14, ib. вып. VI); живя въ южной Венгріи, онъ не могъ добыть свѣдѣній о сѣверной Венгріи—напр. о числѣ словаковъ, русскихъ (ib).

(**) «Проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ». Спб. 1862. Тип. А. Н. § 17. 3).

на историко-филологических факультетах кафедре «Исторія и литературы славянских нарѣчій»: въ указаніи отношеній роднаго къ родовому новая кафедра должна была дать русской филологической и исторической наукѣ достаточныя основанія и возвысить ея цѣну.

Въ имени, которымъ были обозначена славянская кафедра гр. Уваровымъ въ уставѣ 1835 г., мы видимъ всѣ признаки новой, еще не сформировавшейся науки: «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» не даетъ намъ указанія ни содержанія, ни объема славянской науки; — выяснить все это принадлежало тѣмъ избранныкамъ, которымъ выпала трудная обязанность быть первыми вѣстителями славянской науки съ университетской кафедры.

Если современному французскому слависту изученіе славянства напоминаетъ дантовъ лѣсъ (*), то лѣсъ этотъ былъ еще темнѣе, когда вступили въ него первые наши университетскіе слависты, по указанію гр. Уварова. «Море великое — въ глубь никто не пускался!» могли сказать они (**), направляясь въ славянскія земли—для единственно возможнаго изученія славянства — на мѣстѣ.

Въ октябрѣ 1837 уѣхалъ за море нашъ старѣйшій славистъ, О. М. Бодянский, предназначенный тогда на московскую кафедру: онъ открылъ собою ученія паломничества въ славянство (***), поэтому его взглядъ на славянскую науку для насъ особенно интересенъ.

(*) *L. Leger*, «Le monde slave». Paris, 1873, p. XXIV.

(**) «Рукописная литература славяно-русская море великое: въ глубь никто не пускался» — сказалъ П. Строевъ, окончивъ путешествіе по монастырямъ Россіи. «Журн. Мин. Н. Пр.» ч. V (1835) стр. 98.

(***) До него путешествовали у австрійскихъ славянъ: П. И. Кепенъ — въ 1823 г., и М. П. Погодинъ — въ 1835 г. Кепенъ былъ первый русскій, научившій Венгрію. Ср. «Библиографическіе Листы» № 12, стр. 168 и сл. «(о валахахъ)»; стр. 471 (о слав. словахъ у медьяръ)». *Ею-же*—

Для Осипа Максимовича «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» обнимала самыя разнообразныя стороны жизни славянства: языкъ въ его историческомъ развитіи и въ народныхъ говорахъ, литература, исторія, археологія, право—все это входитъ въ область изученія новой каѳедры; во всестороннемъ изученіи славянства — цѣль слависта. «Я постановилъ себѣ обязанностію—пишетъ онъ въ своемъ первомъ отчетѣ—всѣ, какія только встрѣтятся мнѣ бібліотеки, къ коимъ можно имѣть доступъ, осмотрѣть и узнать, не скрывается ли въ нихъ какихъ либо замѣчательныхъ письменныхъ и печатныхъ древнихъ памятниковъ, относящихся къ древне-славянской, русской и прочихъ славянскихъ племенъ исторіи, литературѣ и языкамъ». «Въ четыре прожитые мною здѣсь (въ Прагѣ) мѣсяца я исключительно занимался теоретически — систематическимъ усовершенствованіемъ себя въ старомъ и ново-чешскомъ, словацкомъ, верхне-и нижне-лужицкомъ языкахъ, ихъ исторіи литературы и исторіи народа... Теперь я занимаюсь дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ своихъ познаній въ теоріи древне-славянскаго церковнаго языка по старо-печатнымъ и рукописнымъ памятникамъ, преимущественно болгарскимъ и сербскимъ, въ сербскомъ языкѣ, его исторіи литературы и исторіи самого народа. Въ концѣ мая оставляю Прагу, намѣреваясь обозрѣть замѣчательнѣйшія историческія мѣста Чехіи, вмѣшаться въ самый народъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ еще не испорченнымъ роднымъ языкомъ, сдѣлать наблюденія надъ его отгѣнами...» (*) Но среди этой массы изученія Осипъ Максимовичъ останавливается

«Literärnotizen betreffend die madyarischen Dialekte in Ungern und Siebenbürgen». Ptrb. 1826. и письма въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XI (1836) отд. 6. стр. 211.

(*) Отъ 23 марта 1838. «Ж. М. Н. Пр.» XVIII (1838). 393 — 403. Ср. отчетъ отъ 1 февраля 1832. «Ж. М. Н. Пр.» XVIII (1839) отд. 4—стр. 29.

съ особеннымъ вниманіемъ на практическихъ занятіяхъ славянскими нарѣчіями; практическое усвоеніе ихъ онъ тѣсно связываетъ съ успѣхомъ славянской каведры въ университетѣ. «Въ теченіе годового пребыванія моего заграницей—пишетъ онъ въ заключеніе втораго отчета—кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой чешской, польской, словацкой и сербской, я успѣлъ *усвоить* (курс. под.) себѣ и языки этихъ четырехъ народовъ и имѣю твердую надежду, при помощи Божьей, то-же сдѣлать и съ остальными славянскими языками, т. е. болгарскимъ, словинскимъ, верхне- и нижне-лужицкимъ. Я въ душѣ своей глубоко убѣжденъ, что безъ короткаго и основательнаго знакомства, или, лучше, *усвоенія* (курс. под.) себѣ этихъ языковъ нельзя дѣйствовать съ полной надеждой на успѣхъ и пользу на ожидающемъ меня поприщѣ преподаванія» (*).

Въ приведенныхъ словахъ мы слышимъ полную исповѣдь нашего перваго магистра славянскихъ нарѣчій—какъ онъ понималъ науку, введенную въ университетъ уставомъ 1835 года,—«Исторію и литературу славянскихъ нарѣчій». Въ спора, въ умныхъ отчетахъ нашего многопытливаго странника, мы видимъ, говоря вообще, правильно намѣченные границы, пространство славянской науки: Осипъ Максимовичъ не ошибся, когда въ сферу славянскаго изученія внесъ, вмѣстѣ съ языками и литературой, исторію и археологію — дальнѣйшее развитіе изученія славянства не противурѣчило его взглядамъ. Съ однимъ только позволено не согласиться: въ нѣсколько преувеличенномъ значеніи практическаго «усвоенія» славянскихъ нарѣчій, говорить. — Кто, пробираясь изъ одного края въ другой, не

(*) «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXIII. отд. 4. стр. 29. 30.

замѣтилъ за собой, что, прежде чѣмъ говорить на языкѣ страны новаго мѣстожителства, необходимо бываетъ позабыть, на время, языкъ страны послѣдняго пребыванія? Близость нарѣчій неминуемо влечетъ путаницу ихъ.

Не столь широко раскинулъ границы славянской каедры преждевременно погибшій для русской науки высокоталантливый Петръ Ивановичъ Прейсъ. И онъ, какъ нашъ старѣйшій славистъ, занимается и исторіей, и литературой; но во всѣхъ его заграничныхъ занятіяхъ былъ одинъ центръ тяжести — языкъ; около него располагались другія области, по степени ихъ важности для языка (*). Специализировавшись на языкѣ, Прейсъ останавливается не столько на усвоеніи славянскихъ нарѣчій, сколько на опредѣленіи отношеній ихъ между собою и къ языкамъ индоевропейской семьи.

«Мои занятія преимущественно состояли въ изученіи языка литовскаго, котораго знаніе сдѣлалось необходимою для филолога славянскаго» — этими знаменитыми словами начинаетъ Прейсъ свое первое донесеніе гр. Уварову, начавъ изученіе славянства съ Литвы (**). Это изученіе привело его къ глубокому убѣжденію въ самостоятельности лит. языка и въ тѣсной связи съ славянствомъ. «Филологъ съ живѣйшимъ интересомъ разсматриваетъ работу народа, который, получивъ матеріалъ, общій европейскимъ языкамъ, распоряжается имъ и формуетъ своеобразно, національно».

(*) «Литовское племя — говоритъ Прейсъ — характеризуетъ свою особенность не однимъ языкомъ: она выражена еще самостоятельнѣе и сильнѣе въ его миеологін. Я постоянно имѣлъ въ виду этотъ предметъ: его нельзя исключить изъ круга занятій славянскаго филолога». «Не исключаю исторію изъ круга своихъ занятій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она требуетъ помощи филологів». 1-ое донесеніе. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXVI (1840) отд. 4. стр. 28.

(**) «Ж. М. Н. Пр.» XXVI (1840). отд. 4 стр. 17.

«Консонантизмъ славянскихъ языковъ, развиваясь постепенно и послѣдовательно, произвелъ сильный переверотъ въ судьбѣ грамматическихъ формъ. Языкъ литовскій, оставаясь вѣрнымъ вокализму, сохранилъ ихъ въ болѣе первоначальномъ видѣ. Преимущественно въ послѣднемъ отношеніи языкъ сей необходимъ для славянскаго филолога и принадлежитъ къ важнѣйшимъ источникамъ и матеріаламъ для исторіи славянскихъ языковъ. Критическое сличеніе сихъ послѣднихъ съ языкомъ литовскимъ, осмѣливаюсь думать, принесетъ существенную пользу славянской филологіи» (*). Изъ Литвы Прейсъ переходитъ въ кашубамъ, изучаетъ ихъ языкъ, опровергаетъ мнѣніе Мронговіуса, иностраннаго сочлена румянцевскаго кружка, о близости его къ русскому языку и утверждаетъ отношеніе его къ языкамъ польскому и полабскому (**). Далѣе мы не будемъ слѣдить за Прейсомъ.

Такимъ образомъ, для Прейса «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» была прежде всего кафедрой языка, «славянской филологіи». Но если онъ въ этомъ отношеніи съузиль границы, намѣченный его первымъ сотоварищемъ, то съ другой стороны онъ ихъ раздвинулъ чрезъ внесеніе литовскаго языка въ область славянскаго изученія. Указавъ значеніе Литвы «для исторіи славянскихъ языковъ», Прейсъ

(*) *Иб.* 19. 22. Чтобы видѣть, какимъ мощнымъ орудіемъ въ рукахъ Прейса былъ литовскій языкъ, мнѣ достаточно указать, что знаменитый славистъ, анализируя литовское склоненіе, провѣрилъ и въ славянскихъ языкахъ тему на и (ou): «сличая склоненія, литовскія съ славянскими, находимъ, что въ послѣднихъ нѣтъ особаго склоненія, соответствующаго литовскому на и». При дальнѣйшемъ однакоже изслѣдованіи оказывается, что слав. языки сохранили это склоненіе въ нѣкоторыхъ только падежахъ, но затмили его начало». *Иб.* 24. Лестный отзывъ о Прейсѣ Востокова еще до путешествія, см. «Переписку». стр. 466.

(**) 2-е донесеніе. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXVII (1840). 4 стр. 1—13.

приобрѣлъ право на глубокую признательность отъ потомства.

Близкій товарищъ по занятіямъ и странствованію Прейса, третій нашъ путешественникъ, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, и въ своихъ убѣжденіяхъ относительно изученія славянства былъ болѣе или менѣе близокъ къ нему: но если Прейсъ былъ прежде всего историкъ славянскихъ языковъ, то Измаилъ Ивановичъ — этнографъ ихъ (*). Изученіе нарѣчій съ ихъ богатыми говорами онъ тѣсно связывалъ съ изученіемъ бытовыхъ условій жизни, и потому въ полномъ этнографическомъ изученіи славянства — его говоревъ, произведеній оригинальнаго народнаго ума и фантазіи, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій — онъ ставилъ первую задачу слависта. «Все, что составляетъ предметъ литературы въ обыкновенномъ значеніи этого слова — говоритъ Измаилъ Ивановичъ въ введеніи къ своему первому отчету — не можетъ быть однакожъ исключительнымъ предметомъ его (слависта) наблюденій. Онъ долженъ узнать языкъ славянской въ его коренной характеристикѣ и многообразныхъ измѣненіяхъ въ разныхъ странахъ и въ разные вѣка, долженъ обращать особенное вниманіе на тѣ произведенія, въ которыхъ отразились, которыя одушевили наиболѣе умъ и фантазію, вкусъ и образованность славянъ, какъ племена, отличнаго отъ другихъ по духу и жизни». Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей славистъ долженъ изучать старинные памятники, сохранившіе свѣдѣніе всего «народность языка, народность мысли и чувства», итти въ народъ — «вслушиваться

(*) Местный нашъ академикъ, съ особеннымъ сочувствіемъ вспоминая свое нѣкогдашнее путешествіе вѣстѣ съ Прейсомъ по славянскимъ землямъ, говоритъ въ «Перепишкѣ Востокова»: «мы даже надѣялись представить одинъ общій отчетъ... съ тѣмъ, что Прейсъ возьметъ на себя описаніе памятниковъ письма, а я описаніе памятниковъ живой рѣчи, или записанныхъ, и отащій мѣстныхъ говоревъ». стр. 467.

въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ онъ выражаетъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошедшее, такъ простосердечно и такъ полно». Но изслѣдованію лингвистико-литературному славянства должно предшествовать предварительное изученіе современнаго быта: «чтобы онъ (славистъ) могъ понять сознательно то, что прочтетъ въ старыхъ хартіяхъ, и услышитъ въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды». «Такъ—заключаетъ Измаилъ Ивановичъ—понялъ я долгъ, наложенный на меня путешествіемъ по землямъ славянскимъ» (*).

И такъ, этнографія славянства, какъ индивидуальной особи, «отличной отъ другихъ по духу и жизни», ея выраженію въ языкѣ, «простосердечной» народной литературѣ и бытѣ—вотъ задача «Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Ею опредѣляются и составныя части славянской науки: исторія и географія языка, литература и, прежде всего, народная, исторія бытовая. Таково было убѣжденіе Измаила Ивановича. Понятно, что съ этой точки зрѣнія многія явленія славянской жизни, по видимому, крупныя и

(*) Отъ 8 февраля 1841 г. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXI (1841) отд. 4. стр. 9. 10. 11. Донесенія — этнографическаго характера. Въ нихъ Измаилъ Ивановичъ говоритъ о кашубахъ, чехахъ, упрекая послѣднихъ за небреженіе къ изученію своей народности, о мораванахъ, съ удовольствіемъ замѣчая, что Моравія сохранила въ бѣльшей чистотѣ свою народность, силезцахъ, лужицанахъ, у которыхъ онъ нашелъ много старославянскаго и даже русскаго, словенцахъ, у которыхъ онъ съ сожалѣніемъ замѣтилъ крайне слабое развитіе «этнографическихъ и етнологическихъ изслѣдованій», объ угорскихъ и галицкихъ русскахъ, на нарѣчій которыхъ онъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ. 2-й отчетъ въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXVII (1843). Ср. путевыя письма Измаила Ивановича къ Ганкѣ, печатавшіяся въ журналѣ чешскаго Музея за 1840, 1841 и 1842 года, о тѣхъ же предметахъ.

блестящія, какъ поэзія Дубровника-Рагузы, теряютъ свой позаимствованный блескъ.

Намъ остается еще коснуться возрѣвній на славянскую кафедру четвертаго нашего слависта-ветерана, Виктора Ивановича Григоровича, посланнаго гр. Уваровымъ позже другихъ — въ 1844 году — за границу «для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій» на два съ половиною года. Не историческое изученіе языка, не всестороннее этнографическое изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій привлекало вниманіе Виктора Ивановича, а интересы славянской письменности, особенно начальной, интересы перваго просвѣщенія. Въ основаніе всего славянскаго изученія онъ ставилъ изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ судьбой славянскихъ письменъ, и съ юношескимъ жаромъ онъ устремился на отважное странствованіе по балканскому полуострову—изъ Солуня въ Охридъ, изъ Охрида въ Прилипъ, Скопю, Истибъ, Меленигъ, Рыло, Филиппополь, Тръново, Бунарештъ, безъ фирмана, съ небольшими деньгами въ карманѣ, осматривая повсюду монастыри и ихъ библіотеки, разыскивая «лапидарные и письменные памятники» (*). Историко-литературные интересы заставили его остановиться на византійской литературѣ, на языкѣ румынскомъ въ Македоніи и Валахіи, на письменности румынской, на памятникахъ югозападныхъ славянъ. «Въ Рагузѣ посвятилъ я время давно желаннымъ и, смѣю сказать, пріятнѣйшимъ занятіямъ. Рано развившаяся въ семъ городѣ литература не могла не быть предметомъ особеннаго любопытства» (**). Вопросы языка стояли у Виктора Ивано-

(*) *Григоровичъ*, «Краткая записка о путешествіи». «Ж. М. Н. Пр.» LIV (1845). отд. 4. стр. 27.

(**) *ib.* 35.

вича на второмъ планѣ. «Изъ Вѣны отправился, я путешествовать по южнымъ австрійскимъ владѣніямъ и въ Бѣлградъ сербскій. Цѣль сего путешествія была пріобрѣтеніе полнѣйшихъ свѣдѣній въ языкахъ и письменности славянскихъ племенъ... Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія, что вообще въ такихъ предпріятіяхъ я менѣе имѣлъ въ виду разнообразіе говоромъ одного и того же нарѣчія... При изученіи какаго либо нарѣчія, принималъ я за главное познаніе того, которое болѣе возведено къ письменности» (*). Другими словами, на изученіе славянскихъ языковъ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія педагогической (**). Расходясь такимъ образомъ болѣе или менѣе значительно въ постановкѣ вопросовъ для славянской кафедръ отъ своихъ старѣйшихъ сотоварищей, въ особенности, отъ Прейса и г. Срезневскаго, Викторъ Ивановичъ былъ согласенъ съ ними въ опредѣленіи системы науки, въ указаніи ея содержанія. Въ «Программѣ преподаванія славянскихъ нарѣчій», напечатанной имъ еще въ 1841 году, содержаніе ея опредѣлялось слѣдующими частями: собственно славянскія нарѣчія, исторія литературъ и древности (исторія бытовая и политическая).

Тяжелымъ, долгимъ трудомъ выработанныя воззрѣнія на открытую графомъ Уваровымъ кафедрѣ «Исторіи и литературы слав. нарѣчій» первыхъ нашихъ профессоровъ въ трудную эпоху первыхъ начинательныхъ работъ, по-

(*) *ib.* 34.

(**) Эта мысль нѣсколько разъ повторяется въ отчетѣ: «изъ всѣхъ частей будущаго преподаванія существенно полагалъ я всегда славянское языкованіе» — говоритъ Викторъ Ивановичъ и потому, занимаясь лингвистическими сочиненіями Шафарика, замѣчаетъ: «такіе труды, въ высшей степени соответствующіе назначенію моему, должны были быть предметомъ ближайшихъ изученій». *ib.* 39.

слѣдовавшее затѣмъ разбирательство среди многообразнаго, почти не тронутаго матеріала—даютъ возможность предвидѣть, въ какихъ направленіяхъ должно было пойти славянское изученіе у насъ, какіе интересы оно имѣло захватить въ будущемъ. Обозрѣвъ мысленнымъ окомъ блестящую ученую и педагогическую дѣятельность нашихъ первыхъ славистовъ, мы видимъ, какъ постепенно шло впередъ, развивалось и утверждалось изученіе славянства въ указанныхъ ими трехъ направленіяхъ: лингвистическомъ, историко-литературномъ и историческомъ (исторія, бытъ, мнѣологія). Вспомнимъ тѣхъ людей науки, которые образовались ихъ трудами, вышли изъ ихъ школы: Соколова, Новикова, Гильердинга, Лавровскаго, Ламанскаго, Мѣйкова, Макушева, Дювернуа. Можно замѣтить только, что съ наименьшей силою развивалось направленіе историко-литературное, съ наибольшей — историческое: изъ названныхъ восьми именъ пять принадлежатъ исторіи; направленіе лингвистическое заняло середину. Высокая, самоотверженная дѣятельность нашихъ первыхъ учителей въ области славизма и ихъ многочисленныхъ и достойныхъ учениковъ создала русскую славистику, подняла славянское изученіе, и славянская наука выходитъ за тѣсныя предѣлы своей земли. Можно сказать болѣе: изученіе славянства только впервые на русской почвѣ отрѣшилось отъ мелкихъ личнаго родныхъ и политическихъ счетовъ (*), возвысилось до

(*) Шафарикъ очень рано сталъ заподозрѣвать ученую честность Копитара (письмо къ Коллару отъ 18 августа 1824. «Сазорисъ». 1873. стр. 392. Ср. письмо отъ 10 марта 1822—судъ его объ ореографіи Вука. ib. стр. 124). Копитаръ, въ свою очередь, уже во второмъ письмѣ къ Востокову обозвалъ Ганку шарлатаномъ («Переписка» стр. 282), слѣдуя по пути Добровскаго (Ср. «Wiener Jahrb». 1824. т. XXVII). Для чешскихъ ученыхъ Копитаръ былъ какимъ-то злымъ духомъ: «онъ былъ лукавый Меенетовель славянской литературы, полный пристрастія и, что хуже того, политическо-религіозный сплетяникъ» — пишетъ чистосердечно Ганка Востокову, которому западные слависты обмѣ-

уровня безстрастнаго изслѣдованія и, подвергшись систематизаціи, приняло форму опредѣленной, правда, частной, но необходимой науки въ системѣ другихъ гуманитарныхъ наукъ. Неясное, неточное наименованіе славянской каведры въ уставѣ графа Уварова получило теперь опредѣленную формулировку. Въ проектѣ университетскаго устава 1862 года мы читаемъ: «въ историко-филологическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія каведры и науки:... 6) славянская филологія: а) славянскія нарѣчія, б) исторія славянскихъ литературъ, в) исторія славянскихъ племенъ г) славянскія древности» (**). Правда, уставъ 1863 г. опустил третью науку—исторію славянскихъ племенъ—изъ каведры «славянской филологіи», но въ наши дни мы слышимъ голоса, справедливо совѣтывающіе возвратиться къ воззрѣніямъ проекта устава 1862 года.

Такимъ образомъ, историко-филологическій факультетъ благоволилъ усмотрѣть, что въ настоящее время каведра славянской филологіи, состоя изъ трехъ-четырехъ, хотя близкихъ, но болѣе или менѣе отдѣльныхъ обширныхъ наукъ, есть настолько необъятное поле для изслѣдованія, что не подъ силу одного человѣка охватить его. Масса новыхъ задачъ, вызываемыхъ изученіемъ славянства, — укажу на многія параллельныя явленія въ жизни славянскихъ нарѣчій съ языками романскими, выставляетъ массу новыхъ требованій. Современное состояніе славянской науки требуетъ отъ каждаго, занимающагося ею, тѣмъ строже

новенно жаловались на свои кручины. («Переписка» стр. 372). Ср. также Челаковскаго «Sebrané listy». Praha, 1865, стр. 419. Вообще отношенія между зап. славистами были некрасивы, и личное пристрастіе вносилось въ науку.

(**) «Проектъ общаго устава Императорскихъ университетовъ». Спб. 1862. тип. Ак. Н. стр. 2. § 12.

отнестись къ себѣ, чѣмъ меньше опыта имѣеть онъ за собой. Можетъ ли человекъ, начинающій только еще разбираться въ сферѣ съ каждымъ днемъ растущей науки, принять на себя изученіе всего славянства, поставить себѣ цѣлю всестороннее изученіе его, всѣ проявленія его тысячелѣтней жизни? Ему позволительно, не покидая интересовъ цѣлой науки, не разбрасываясь, отиѣрить себѣ известную сферу изученія и на ней остановиться. Вотъ почему немногія области изъ немногихъ наукъ — частей «славянской филологіи» я дозволилъ бы себѣ сдѣлать предметомъ моихъ занятій въ двухлѣтнюю бытность мою за границей. Двухлѣтній срокъ, быть можетъ, покажется нѣсколько долгимъ; но, помимо того, что лингвистическое и историко-литературное изученіе нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ (на которомъ я позволю себѣ остановиться) въ Австріи, Венгріи, Румыніи, Турціи и Сербіи, какъ работа медленно-кропотливая, не возможно въ короткое время, я могъ бы еще сослаться на мнѣніе знаменитаго судьи въ дѣлѣ славянскомъ. Когда первый отрядъ нашихъ славистовъ собирался въ путь — дорогу, Востоковъ писалъ петербургскому попечителю о путешествіи Прейса: «срокъ, назначенный путешественнику для объѣзда всѣхъ земель, которыя онъ долженъ будетъ посѣтить, — два съ половиною года, отнюдь не великъ» (*). Да будетъ же позволено мнѣ примѣнить къ себѣ слова, сказанныя десять лѣтъ назадъ, какъ дружескій совѣтъ, нашимъ именитымъ славистомъ, В. И. Ламанскимъ, своему собрату по профессіи — Е. И. Фортунатову, когда они начинали свое славянское путешествіе: «каждый изъ русскихъ, изучающихъ въ Австріи и Турціи славянскія нарѣчія, долженъ объѣхать по возможности всѣ земли, —

(*) «Переписка», стр. 466.

но пусть всякій изъ нихъ изучить одинъ народъ по преимуществу» (*). Этотъ совѣтъ будетъ моею руководною нитью.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я перехожу къ изложенію плана путешествія и программы занятій.

Начиная съ ближайшаго, я считалъ бы удобнымъ прежде всего остановиться на Галиціи. Восточная Галиція представляетъ особенный интересъ. Во Львовѣ—средоточіе ученой и литературной дѣятельности русскихъ и польскихъ галичанъ; но, помимо этого, Львовъ удобный пунктъ, откуда легко дѣлать экскурсіи въ разные направленія: на в. отъ Сана идутъ русскіе говоры, на з.—польскіе. Положеніе русскаго нарѣчія въ старину и въ наше время — вотъ тѣ два филологическіе вопроса, которые, прежде всего, представляются наблюдателю. Какъ далеко шла малороссійская рѣчь на западъ въ старое время и, если этнографическая граница малоросовъ и поляковъ на западѣ была въ старину не та, что теперь, то въ какомъ порядкѣ шло это измѣненіе границы (**)? Тѣже вопросы имѣютъ мѣсто и по отношенію къ юговосточной границѣ малороссійскаго племени, гдѣ оно сосѣдитъ съ румынами: русскій-ли элементъ жилъ здѣсь на счетъ румынскаго, или наоборотъ? Но, помимо этого, историческія судьбы самого малороссійскаго нарѣчія въ Галиціи и Буковинѣ, безъ отношенія къ сосѣдямъ, представляютъ высокій интересъ для славянскаго языковѣда. Русскіе по сю и по ту сторону «Горбовъ» (Карпатъ) суть автохтоны страны: исторія не

(*) «Ж. М. Н. Пр.» ч. СХVІІ (1863). стр. 256. (отчетъ Фортунатова).

(**) Въ 1/2 ХVІІ в. въ одной Перемышльскои епархіи было 3400 приходовъ съ 3 милліонами прихожанъ; теперь—700 приходовъ и 800.000 прихожанъ. А. Вадуданскій. «Исторія церковная Новаго Завѣта». «Вѣнн. 1851, (3 изд.) ч. ІІ. стр. 183. пр. ж).

знаеть о ихъ приходѣ сюда, но знаеть, что уже очень рано отсюда выходили цѣлыя народы — сербы, хорваты въ VII вѣкѣ; раннія преданія чешскія выводятъ также свой народъ изъ-за Горбовъ; здѣсь искони имя «русскій» было словомъ домашнимъ (*); здѣсь уже первая славянская церковь содѣйствовала просвѣщенію русскаго народа (**). Понятно, что и языкъ карпатскихъ русскихъ — этой старѣйшей исторической вѣтви русскаго народа, столь же древній, какъ и русскій человекъ въ Карпатахъ, его исторія и современное состояніе, могутъ объяснить не мало, какъ въ

(*) Попытайте языкъ — говорить извѣстный знатокъ Галиціи — якого нибудь престолюдина греческаго исповѣданія надъ Днѣстромъ, Сяномъ або Попродомъ, надъ верхнею Тисою, Латорицею або Вугомъ, подъ Черногорою (и Покутью) або подъ Лбмицею на Слѣму: «Якій ты человекъ? Онъ вѣрво вамъ бдповѣсть: «Русикъ» (Руснакъ). — Та яко ты вѣрво? — Рускомъ. — Навѣтъ забувши свій языкъ именують ся чужимъ говоромъ: «Оросъ — емберекъ» (русскіи люди) — я говорю тутъ о мадярахъ греч. исповѣданія». *Я. Головацкий*. «Важокъ русинамъ на обжинки». II. Вава, 1847, стр. 145. 146. О стародавности русскаго имени у Горбовъ свидѣлствуютъ и древнѣйшіе венгерскіи летописцы («Multi de Ruthenis Almo duci adhaerentes secum in Pannoniam venerant, quorum posteritas usque in hodiernum diem (XI или XII вѣкѣ) per diversa loca in Hungaria habitat») и средневѣдкіе памятники («Nibelunglied», по изд. Лакманна, строфы 1279. 1280). Ср. *I. Bidermann*. «Die ungarischen Ruthenen». I. 6 и сл.

(**) Намъ неизвѣстны границы Мееодіевой епархіи, особенно на в.; но вѣроятно, онѣ были тѣже, что и пражской епископіи въ X вѣкѣ: *Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug et Ztir (вар. Ztiz, Zur) cum Cracovia civitate provinciaque cui Vag nomen est... Inde Ungarorum (вар. Ungariorum, у Иречка въ Кодексѣ Ungaroruff) limitibus additis usque ad montes, quibus nomen est Tritri (вар. Tatri), dilatata procedit.* (Хроника Козьмы по рук. XII в. въ изданіи Кёппке. «Monum. hist. German» т. XI. стр. 92). Слѣд. югоз. Русь по Стырь (притокъ Припечи) могла находиться въ вѣдннн Мееодія. Какъ бы то ни было, исторія знаеть о славянскомъ христіанствѣ въ Карпатахъ уже въ XI вѣкѣ, ибо съ этого времени идутъ частыя попытки къ обращенію русскихъ въ латинство. Свидѣлства собраны у А. Балудинскаго. «Исторія церковная». ч. II. стр. 179. пр. в.) Ср. стр. 189. 203.

жизни западныхъ славянскихъ языковъ, такъ въ судьбѣ русскихъ нарѣчій на востокъ (*). Дѣйствительно, особенности малорусскаго нарѣчія, и, преимущественно, въ Галиціи, давно уже обратили на себя вниманіе историковъ слав. языковъ. Еще въ 20 годахъ каноникъ Могилевскій въ статьѣ «О русскомъ языкѣ» доказывалъ исконное различіе малорусскаго нарѣчія «отъ прочихъ вѣтвей славянскаго языка» (**); Востокъ ставилъ русскій языкъ въ средину между 2-мя разрядами Добровскаго; Максимовичъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ» (***), выдѣливъ русскій языкъ въ особую фамилію, малорусское нарѣчіе ставитъ въ такое-же отношеніе къ великорусскому, въ какомъ находятся задунайскія нарѣчія (болгаро-сербо-краинскія) къ западнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ около него группируетъ всѣ славянскіе языки: «южнорусскій языкъ оказывается наиболѣе далекимъ отъ разряда югозападнаго — говоритъ М. — и, примыкая непосредственно къ языкамъ сѣверозападнымъ, онъ отдѣляетъ собою разрядъ югозападныхъ языковъ отъ сѣвернорусскаго. Такъ и по самому мѣстопребыванію южнорусскимъ краемъ задунайскіе словены отдалены отъ сѣвернорусскихъ» (стр. 562).

Въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ, я считалъ бы для себя неудобнымъ перейти прямо къ западославян-

(*) Укажу слѣд. особенности: смягченіе *дж*; усиленное полногласіе: *веремѣ*, «безъ черева сучка бреше»; *нагорода*; усиліе *з* въ *еу*: *поветь*, *огень*, *ку* (*ко*); Abl. f. *з*: *нововъ* *красотовъ*, *съ невъ*; gen. adj. на *ои*: *рѣдногъ* *братъ*; вся система склоненія въ Plur. Ср. донесеніе г. Срезневскаго въ «Ж. М. Н. Пр.» XXXVII (1842). 4. стр. 68 — 72.

(**) Въ переводѣ съ польскаго въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XVII (1838) отд. 2. стр. 17—43.

(***) *ib.* стр. 533—563.

скимъ языкамъ, миновавъ русское нарѣчіе въ Галиціи. Географія и исторія русскаго нарѣчія по сѣверному склоу Барпаты—вотъ тѣ два пункта, на которыхъ я остановился бы въ Галиціи. Мѣстная географія, институтъ Оссолинскихъ, митрополичья униатская капитула, городской архивъ, ставропигія, надѣюсь, помогутъ мнѣ въ историческихъ розысканіяхъ надъ малороссійскимъ нарѣчіемъ (*); личные наблюденія—для опредѣленія его современнаго состоянія. Занятія мѣстнымъ нарѣчіемъ необходимо соединены съ изученіемъ втораго мѣстнаго нарѣчія — польскаго, и потому время моего пребыванія въ Галиціи я подѣлил бы между русскимъ нарѣчіемъ и польскимъ языкомъ.

Какъ замѣчено было выше, русская рѣчь въ Буковинѣ граничитъ съ румынскимъ языкомъ. Цѣна высоко значеніе румынскаго языка въ области славистики въ отношеніяхъ лингвистическомъ и историко-литературномъ: своей славянской частью румынскій языкъ предлагаетъ интересный матеріалъ, какъ для общеславянскаго, такъ и для русскаго лингвиста; много любопытныхъ, но пока не разрѣшенныхъ вопросовъ ставить исторія самаго народа—начало славянской церкви среди румынъ и ея продолжительное существованіе, распространеніе славянской грамоты, языка, письменности, — я въ бытность свою въ восточной Галиціи и Буковинѣ счелъ бы возможнымъ сдѣлать первыя подготовительныя работы къ послѣдующимъ занятіямъ румынскимъ языкомъ. Если, какъ мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, ру-

(*) Въ Бернадинскомъ монастырѣ во Львовѣ хранились некогда русскіе документы въ количествѣ 100 томовъ (Ж. М. Н. Пр. ч. XVII. стр. 23 примѣч.). Уже ли самостоятельная Галиція не оставила намъ ни одной русской грамоты, если грамоту 1351 года, найденную Д. Зубрицкимъ и напечатанную имъ въ 4 томѣ его исторіи («Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ» стр. 91—92), считать древнѣйшей?

мыны Молдавіи, въ противность теоріи Рёсслера, вышли изъ юговосточныхъ Барпаты, изъ Мармароша, гдѣ они и понынѣ живутъ смѣшанно съ русскими и униаты (*), то естественнѣе искать источникъ славянскаго элемента языка молдавскихъ румынъ въ русскомъ нарѣчїи Буковины и сѣверной Венгріи, чѣмъ выводить его изъ-за Дуная. Въ этомъ случаѣ румынское и мадьярское произношеніе нѣкоторыхъ русскихъ географическихъ именъ можетъ только возстановить старый характеръ русскаго языка. Любимое румынами имя—*Kimrolung*—встрѣчающееся въ Родопскихъ горахъ, на югѣ, въ формѣ *Κίμρα Λόγγος* (у Бедрена II. 457), въ Валахіи Мармарошѣ и Буковинѣ, на сѣверѣ, по нашему мнѣнію, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая есть румынскій переводъ славянскаго *лгъ*—второй части, и свидѣтельствуесть тѣмъ о русскомъ ринезмѣ. Тоже свидѣтельство мы находимъ въ официальныхъ мадьярскихъ назва-

(*) Въ *уѣздѣ* (дистриктѣ) Сигетскомъ. «*Schematismus ven. cleri graeci ritus cathol. dioecesis Munkácsiensis pro anno 1868*». *Unghvár*. стр. 82. Ср. *Szoernig*. «*Ethnographie d. uest. Mon.*» I. § 31. Въ Мармарошскомъ комитатѣ есть много чисто русскихъ селъ, но съ румынскими названиями: Врустура, Барлабашъ, Мармарошъ, Талаборъ, Тишора, Грибушены. Съ другой стороны, въ южной части Мармароша и сѣверной Седмиградїи есть немало русскихъ географическихъ именъ: Красна (рѣка и комит. городъ), Быкъ (гора), Боркутъ (село), Выстрица (рѣка, ком. городъ), *Bistricsoaga* и др. Отсюда можно предположить, что румынская колонизація шла изъ Трансильваніи на с., поглощая русское населеніе, и затѣмъ поворотила на востокъ. Аналогическое явленіе представляетъ Бессарабія. Сѣверная часть ея — Хотинскій уѣздъ — въ сильной степени румынизована, хотя населеніе русское; средняя часть населена исключительно молдаванами, хотя мѣстныя названія указываютъ на славянское происхожденіе. Многочисленные монастыри Бессарабіи основаны, болѣею частью, выходцами изъ Малороссїи: Жабка, Городище и др.; около монастырей селились бѣглецы — крестьяне; но въ настоящее время у нихъ забыта всякая память объ ихъ малороссійскомъ происхожденіи. Последними свидѣніями я обязанъ М. А. Ганицкому, учителю Кишиневской семинаріи, путешествовавшему по монастырямъ средней Бессарабіи.

нїяхъ русскихъ селъ въ Мармарошѣ: Dombó=р. Дубовое, Lonka-Szóles=р. Лугъ (въ дистриктѣ Dombóense); Kis—Lonka=р. Лугъ (въ дистриктѣ Сигетскомъ)(*)).

Въ восточной Галиціи я предполагалъ-бы провести лѣтніе мѣсяцы, а затѣмъ осенью отправиться въ Прагу. Я останавливаюсь на Прагѣ потому, что Прага не только располагаетъ массой рукописей по старочешскому языку и литературѣ, занятія которыми у меня идутъ издавна, но и дастъ мнѣ возможность прослушать зимній семестръ по славянскимъ языкамъ въ университетѣ (**).

Занимающемуся исторіей славянскихъ языковъ нельзя не отмѣтить, какъ отличительнѣйшую черту, поражающее сходство историческаго развитія чешскаго и русскаго языковъ: судьбы обоихъ языковъ — запада и востока славянства—представляютъ почти что тождество. Въ оправданіе этой мысли я-бы долженъ былъ призвать на помощь историческую грамматику обоихъ языковъ; но это вывело-бы меня за предѣлы настоящей записки(***). Преслѣдуя интересы языка, я остановился-бы на тѣхъ старочешскихъ памятникахъ, которые даютъ или діалектическія указанія, или данныя для исторіи языка въ періодъ броженія звуковъ и формъ. Таковы памятники XIV, XV и отчасти XVI вѣковъ, когда еще не успѣла выработаться централизація языка(****):

(*) «Schematismus». стр. 66. 67. 81.

(**) Въ настоящемъ лѣтнемъ семестрѣ читаются въ пражскомъ университетѣ слѣд. курсы по славянству: Hattala — O cizinskýchъ sřůsobechъ mlúvení, Libuřin soud; Gebauer — Формологію чешскаго языка; Emler — Геральдику съ палеографическими упражненіями.

(***) Въ своей статьѣ—«Какъ долго жилъ русскій супиць?» я старался показать это на употребленіи супица въ слав. нарѣчіяхъ.

(****) «Toto poslední (однообразіе XVI в.) dělo se nejvíce za přiklademъ mlúvy, jaká panovala v Praze, jakožto středu říše i vzdělanosti, i v nejbližšímъ jejímъ okolí, a tímъ sřůsobemъ panoval v jazyku spisovnímъ onenъ atticia»

Bohemagus, въ моравско-словацкой переписи 1390 года, *Mistra Kunrata «Sequentionarius seu Prosarum expositio»*, 1385 года, съ словацкими особенностями (оба въ библиотекѣ капитулы пражской), чешскія проповѣди при *Bohemagus'ъ*, старыя юридическія сочиненія и др.; изъ библейскихъ рукописей укажу на розенберговъ гомиларій, второй половины XIV вѣка, евангеліе Требоньское, начала XIV вѣка, и на старые списки псалтыри: элементинскій, капитульный и подѣбрадскій.

Что-же касается до литературы, то я ограничился-бы произведеніями братской общины (*jednota bratrská*) и старыми церковными памятниками. Изъ произведеній общины особенно важны сочиненія Петра Хельчицкаго и Бралицкая библія. Значеніе сочиненій деревенскаго философа въ чешскомъ религіозномъ движеніи я старался показать въ моей книгѣ: «Братья-подобой»; Бралицкая библія есть, по убѣжденію чеховъ, почти не достигаемый идеалъ литературнаго языка, и кромѣ того она, быть можетъ, окажетъ о связи стремленій братьевъ по переводу библии съ кодификационными работами ревнителѣй православія въ западной Руси конца XVI вѣка (*). Изученіе сочиненій основателя братской общины, вѣроятно, поведетъ меня и за границы чешской земли, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ разбросаны по библіотекамъ Германіи и даже Франціи.

Покончивъ свои занятія въ Прагѣ, я поѣхалъ-бы въ

mus, který sice nemálo přispěl k jeho vybroušení, s druhé pak strany užíváním blásek tenších na místě plnějších a širších libozvuku nehrubě poslouchil, ba někdy stejným ikáním v rozličných skloňovacích pádech i srozumitelnosti na ujmu jost». I «Časopis česk. Muz». 1858. стр. 135.

(*) Поляки—лютеране, братья и православные дѣйствовали временами заодно противъ католиковъ. Изданіе Бралицкой библии было сдѣлано не безъ вліянія польск. литературы. См. *Blahoslav «Grammat. česká»*. Пѣна, 1858. стр. 310.

Вѣну. Пребываніемъ въ Вѣнѣ я воспользовался-бы для двухъ цѣлей: во 1) изучить старыя чешскія рукописи въ придворной библиотекѣ; во 2) прослушать курсы по славянскимъ нарѣчіямъ профессора Миклошича и Шемберы. Изъ Вѣны я поѣхалъ-бы на Пресбургъ, а оттуда въ Пешть, гдѣ началъ-бы свое знакомство съ славянскими народностями сѣверной Венгріи—словаками и русскими.

Словаки (slovák, tóth), восточная отрасль чешскаго племени, занимають на югѣ, по сосѣдству съ мадьярами, комитаты (megye): Pozsony, Nyitra, Bars, Nont, Nógrád, Gömör, Abaúj, гдѣ численность ихъ колеблется между 26—50%;—на сѣверѣ, по южному склону Карпатъ: Trencsén, Thuróc, Zolyom, Liptó, Arva, Szeres, Sáros, Zemplén, Ungvár, гдѣ численность ихъ колеблется между 16—90 и болѣе процентовъ.

Русскіе (русинъ, руснакъ, orosz), непосредственно продолжая поселенія словаковъ по южному склону Карпатъ, занимають комитаты: Szeres, Sáros, Zemplén, Ungvár, Bereg, Ugocsa, Mármáros. Въ первыхъ трехъ русскіе живутъ смѣшано съ словаками, въ Мармарошѣ съ валахами. Численность ихъ колеблется между 15% на з. и 60% на в. (*).

Такииъ образомъ, чешское и русское племя сходятся съ двухъ противоположныхъ концовъ на почвѣ Венгріи,

(*) По Шаезрику, словаковъ 2.753.000, русскихъ 625.000; по Головацкому («Визогъ». 210) русскихъ—510.280; по Келети, слов. 1.817.228, русск. 469.420; по Шметту («Statistik des öster.-ungar. Kaiserst.», 1872), слов. 1.825 500, русск. 448.000. Жилища словаковъ и русскихъ показаны по этнографической картѣ, приложенной къ статистикѣ Венгріи Келети (Keleti): «Názánk és pere». Pest, 1871. Ср. стр. 66 — 69. Кромѣ русскихъ униатовъ, въ сѣверной Венгріи живутъ еще мадьяре-униаты, скорѣй всего, омадьяренные русскіе, до 200.000 (?), въ комитатахъ: Abaúj, Borsod, Torna, Gömör, Szabolcs, Szatmar. Ср. «Status praesens, seu anni 1804. dioecesis graeco-catholicae Munkacsiensis» у Basilovits'a въ «Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits». t. II. (Cassov. 1805). p. VI. стр. 5.

какъ сходились они уже здѣсь почти за 1000 лѣтъ (*). Но есть вѣроятіе предполагать, что словаки и русскіе встрѣчались у южныхъ Карпатъ еще до нашествія мадьяръ (**).

Если словаки есть обрывокъ отъ западной части славянства, а русскіе отъ восточной, то и рѣчь ихъ необходимо должна носить всѣ признаки принадлежности этихъ обоихъ народовъ къ двумъ различнымъ отраслямъ славянства.

Но, не говоря уже о томъ, что въ мѣстахъ взаимной встрѣчи словаковъ и русскихъ — въ комитатахъ Сепешскомъ, Шарошскомъ, Земпленскомъ и Унгварскомъ, рѣчь однихъ неумовимо переливается въ рѣчь другихъ (***), система звуковая, формальныя особенности поразительно сближаютъ это западное нарѣчіе съ русскимъ языкомъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Носовой малый, вмѣстѣ съ русскимъ, словакъ измѣняетъ въ *ä*, *ia*: *mäso*, *rahiatka*; *z* возвышаетъ въ *o*, *ь* въ *e* и даже *o*: *lož*, *ogol*. Понятно

(*) Около 894 г. при вторженіи мадьяръ уже существовали русскія поселенія: *Munka* (*Munkács*), *Hungu* (*Ungvár*), *Semlum* (*Zemplin*), *Budrugh* (*Bodrógh*), *Borsna* (*Beregh*), *Ugosa* (*Ugoes*). Ср. *Szoernig*. «*Ethnographie*.» II стр. 261, 269. Около того-же времени русскіе выводятъ свои колоніи далеко за Дунай: *Oroszvár*—*Karlburg* (ком. Мовон). Старое трансильв. поселеніе *Auraria* многъ мадьяре назвали *Zalathna* (по-нѣм. *Schlatten*) — словомъ пѣз языка своихъ русскихъ боевыхъ сотоварищей. *ib.* 262. Ср. *Vel*. «*Compendium Hungar. geograph.*» р. 131, 108, 147.

(**) Мѣстные русскіе ученые всегда считали свой народъ автохтонами, хотя не отрицали позднѣйшаго прилива изъ Галиціи. См. *Basilovits*. «*Brevis notitia*». I. Cass. 1799. стр. 77 — 78. Къ этому убѣжденію приходятъ и новѣйшіе нѣмецкіе ученые. См. *Bidermann*. «*Die ungarischen Ruthenen*». I. 6. 7; II. 43. 44. Ср. выше, гдѣ рѣчь о Галиціи.

(***) Еще первый русскій изслѣдователь тѣхъ краевъ, И. И. Срезневскій, замѣтилъ, что «сближеніе малороссовъ съ словаками породило нѣсколько говоровъ словацко-русскихъ и русско-словацкихъ» («Мысли объ исторіи русск. языка». 45). Ср. донесеніе его въ «Ж. М. Н. Пр.» XXXVII (1842). отд. 4 стр. 65. Ср. *Bidermann*. «*Die ung. Ruth.*» I. 12, хотя толкованіе его ложно.

поэтому, что въ трудно произносимой группѣ согласныхъ вставнымъ звукомъ является *e, o*: *sester, slivok*. *ь* не исчезаетъ безслѣдно въ концѣ словъ: *deň, smrt'*. Иѣстна слышатся слова даже въ полногласной формѣ: *čegieslo, čegeňna* вм. чешск. *tříslo, třeňně*. Различая твердое и мягкое *l* и *r, g* и *h*, смягчая иѣстами *b* чрезъ *l*: *hrobi'a, hrgable*, въ то время какъ сосѣдъ его русскій опускаетъ *t* спл, робю, здорова (*), словакъ іотуетъ *d* въ *dz* = малорус. *дж, з*: *prichadzat'*, и сохраняетъ, подобно великорусу, гортанные передъ *ь, і*: *ruke, pohe, mishe, velki, mlobi, matkin, šašochiu*. Наконецъ, въ морфологии словацкаго нарѣчія мы замѣчаемъ у него стремленіе, общее съ русскимъ языкомъ, усвоить женскія падежныя формы всѣмъ именамъ безъ различія: *chlarami, kost'am, kost'ach, delám, delami, delách*, и проч. Что-же касается до чехизмовъ въ словацкомъ нарѣчіи, то ихъ немного, и они могутъ быть объяснены долговременнымъ употребленіемъ чешскаго языка въ школахъ, церкви и литературѣ; таковы слова: *tisíc, cítit'*.

Это особенное положеніе словацкаго нарѣчія, его одинаково близкое отношеніе къ чешскому и русскому языкамъ, уже давно обратило на себя вниманіе науки, и, очевидно, въ виду его, Шафарикъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, пришелъ къ мысли, что вообще малороссійское нарѣчіе русскаго языка находится въ болѣе близкомъ отношеніи къ языкамъ II порядка, чѣмъ какой другой языкъ I порядка (**), — къ мысли, доведенной до крайности Максимовичемъ.

Если, такимъ образомъ, необходимо признать особен-

(*) Срезневскій. Донесеніе въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXVII (1842) отъ 4. стр. 53.

(**) «Geschichte der slaw. Sprache und Literatur». стр. 140. ?

ную фонетическую и формальную близость словацкаго нарѣчія чешскаго языка въ нарѣчіямъ русскаго языка, то справедливо видѣть въ рѣчи бѣдныхъ обитателей южныхъ Карпатъ звѣно, связующее языки крайнихъ славянъ запада и востока—чеховъ и русскихъ. Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что современное словацкое нарѣчіе представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ собственно чешское нарѣчіе, въ его древнѣйшей формѣ, XI — XIII вѣк., то можно даже допустить, что чешско-словацко-русскій языкъ есть говоръ одной обширной народной семьи, члены которой связаны между собой болѣе тѣсными узами, чѣмъ кто-либо изъ нихъ съ своими соплеменниками на сѣверъ или югъ.

Такъ я понимаю словацкое нарѣчіе въ кругу славянскихъ языковъ.

Послѣ вышесказаннаго, смѣю надѣяться, историко-филологическій факультетъ согласится, что изучать славянскія нарѣчія и не посѣтить словацкій край, обойти «словенское» нарѣчіе, для меня дѣло трудное; и потому изъ Пешта я полагаю-бы отправиться въ сѣверную Венгрію — къ словакамъ и русскимъ. Путь мой лежалъ-бы на Тырнаву, Тренчинъ, Св. Мартинъ, Баньску Быстрицу, Пряшевъ, Кошицы, Ужгородъ, Мункачъ, Густъ, Сигеть. Изъ Мармароша чрезъ Карпаты я направился-бы въ Буковину и верхнюю Молдавію.

Южная Буковина и верхняя Молдавія—зерно, изъ котораго выросло молдавское господарство. Страна эта—молдавская Оиваида. На небольшомъ пространствѣ—масса старыхъ монастырей: Suceava, Niamtzo, Veraticu, Besboieni, Piatra, Быстрица и др. Выходцы изъ русской Венгріи, молдавскіе румыны, естественно, по старой памяти, упо-

требляли церковно-славянскій языкъ въ церкви, русскій въ дѣловыхъ бумагахъ (*). Священники, монахи изъ Галицїи Малороссїи усиливали и поддерживали долго русско-славянскій элементъ среди молдаванъ — до конца прошлаго столѣтія (**). При самомъ бѣгломъ обзорѣ старопечатныхъ молдавскихъ богослужебныхъ книгъ — XVII, XVIII

(*) До конца XV вѣка русскіе и валахи сѣв. Венгрии вѣдѣлись «церковью Св. Николая Исповѣдника» въ Мункачѣ, другими словами, монастыремъ, основаннымъ въ 1360 году княземъ Теодоромъ Коріатовичемъ, бѣглецомъ изъ Подолїи; какъ управлялась русская церковь въ Венгрии до XIV ст. — не вѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что она существовала съ древнѣйшихъ временъ. Князь Теодоръ посадилъ въ свой монастырь «monachos ruthenos», вѣроятно изъ Галицїи. Впервые епископъ Мункачскій упоминается въ грамотѣ Век. короля Владислава, 1491 г. (см. *Vasilovits*, «Brevis potitio...» I. 1 стр. 10—14: 21). Мармарошскіе молдаване на мѣстѣ своего новаго жилища признавали власть Галицкой кассеры: вѣроятно, и до ихъ переселенія они зависѣли отъ Галицкаго митрополита. Замѣтимъ, что, быть можетъ, въ честь митрополитской церкви во Львовѣ—Успенія Божьей Матери—церкви и монастыри молдавскіе чаще всего были посвящаемы именно этому празднику—«Адомирїи Пречестїи».

(**) Въ 1794 году умеръ въ знаменитомъ Нѣмецкомъ монастырѣ старецъ Паясїй Величювскій, извѣстный русскій паломникъ XVIII вѣка. Другъ его іеромонахъ Ееремъ Діаковскій, «проповѣдникъ св. Софїи въ Кіевѣ» умершїй чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Паясїа, — тамъ-же, въ Нѣмцѣ, написалъ въ виршахъ «Надгробное рыданіе старцу Паясїю отъ всѣхъ чадъ его духовныхъ»:

«Ты насадилъ правїи иноковъ уставы,
Возростомъ здравїи бесѣды и нравы.
Ты открылъ ученїя, раздѣливъ на линїи,
Да славословятъ Творца разными языки.
Ново благохѣпіе церкви воспрїяша,
Лучшимъ образомъ ему служити познаша.
Чтенїе и пѣніе толь красно явися,
Аки отъ сна воспрїянувъ весь мїръ удивися».

Авторъ хвалитъ далѣе литературную дѣятельность Паясїа въ Нѣмецкомъ мон.—«изъ книгамъ отеческимъ любовь ненасытную»:

«Люба преводити оныя на многи языки,
Да знаютъ подвигъ древнихъ послѣднїи вѣки».

(Изъ современной рукописи одного изъ средне-бессарабскихъ монастырей, сообщенной мнѣ г. Ганицкимъ, строевъ 2 и 7).

ѣковъ, въ которыхъ чинъ службъ на славянскомъ языкѣ, указанія-же священно-служителямъ, отдѣльныя замѣчанія, употребительнѣйшія молитвы—на молдавскомъ или съ переводомъ по-молдавски, мы легко замѣтимъ, что въ основу славянскаго текста положена старая русская редакція (*). Даже съ отдаленною Москвою никогда не прерывались пріятельскія сношенія у монастырей молдавскихъ: они были въ XVI вѣкѣ, они не прекращались въ XVIII. По поводу открытаго въ далекомъ Быстрицкомъ монастырѣ Малой Валахія русскаго фамильнаго воздуха изъ Тихвина, конца XVI вѣка, современный румынскій историкъ готовъ допустить, что чрезъ русскихъ иноковъ-паломниковъ могли итти даже государственныя сношенія Бориса Годунова съ княземъ Михаиломъ Храбрымъ(**); въ одной русской рукописи 1/2 XVIII стол. изъ Добружскаго монастыря въ Бессарабіи (***)

(*) Напр. въ Ръидзла сентаи ши дуннезещи лутургин, нарѣ Ѡте или Ѡ бесѣрека чѣ наре ши ла ста гора», XVII—XVIII в. in 8. стр. Ѡпз, (съ конца, въ Добружскомъ монастырѣ въ Бессарабіи. По этому славянскому требнику служили молдаване-монахи въ монастырѣ до присоединенія Бессарабіи къ Россіи и въ первое время послѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ разныя помѣтки, принесли на поляхъ. Переплетъ сдѣланъ изъ листовъ того-же, но болѣе стараго молдаво-славянскаго требника. Для образца приведеу нѣкоторыя молитвы: «Црю небесныи, оутѣшителяю, дше истинныи, всездѣсныи и вод исполнадаѣ, съзрочище благихъ и жизни подающею, приди и воселиси в ны, и очисти ны ѡт водѣд северныи и спси дше дша ншд». (стр. 61). «Богонрѣдѣтъ сътвори млтвз нашз, дарзи намъ стваселѣдѣтъ прегрѣшеніемъ ншныи, покрыи нас кровомъ крилз твоимъ, откни ѡт насъ великаго врага и супнстата, оумирниши жизнь Годи, помози ншь и миръ твой и спси дша наша, яко блгъ и члвколюбецъ». (стр. Ѡ31). Эта ста сообщена была мнѣ также г. Ганициниъ.

(**) Одобеско въ «Трудахъ Московскаго археологическаго общества» т. IV. вых. I. стр. 19.

(***) Рукопись имѣеть слѣд. заглавіе: «Основательное разностей поименіе между православною греческою и рикскою папскою привію сочинен-

мы встрѣчаемъ слѣдующую записъ: «сія книга отъ синодалнаго члена, ставропигіального новоспаскаго, что при великомъ градѣ Москвѣ, монастыря архимандрита Мисаила Чирского въ ставропигіальной крестовоздвиженской, велико-скитской, что на Покутью, мнстырь дана вгладомъ для поминовенія родителей своихъ меча маія 3 дня августа году. въ великомъ градѣ Москвѣ».

Естественно, при издавнемъ сочувствіи старыхъ молдаванъ къ славянскому міру, старѣйшіе монастыри Молдавіи — Сучавскій и Нямецкій, служа долгое время средоточіемъ церковнаго управления, не могутъ не хранить въ стѣнахъ своихъ старыхъ памятниковъ славянской письменности и потому не должны быть оставляемы безъ вниманія въ интересѣ исторіи славянской литературы. Дѣйствительно, Нямецкій монастырь, «убѣжище языка и національной литературы» (Ubișini), владѣеть въ настоящее время библіотекой въ 1671 томъ (*). Необходимо допустить, что среди этихъ книгъ есть и славянскіе памятники. Но, помимо этого, какъ ни превратно судятъ-рядятъ румынскіе ученые о славянскомъ элементѣ въ ихъ родномъ языкѣ—о времени и причинѣ его появленія, какъ ни легковѣрны они къ разнымъ историческимъ побасенкамъ, вслѣдствіе своего легкаго отношенія къ наукѣ (**), но и они

ное въ самой краткости ради знанія тѣмъ, которые не могутъ въ долгомъ бгословскомъ книгѣ чтеніи упражняться. 1740 года, сентября 8 день». Красивый уставъ, на бумагѣ, въ 4. 62 стр. Сообщена г. Ганицкичъ.

(*) *Isa bert.* «Orient, Grèce et Turquie d'Europe». Paris. 1873. стр 980.

(**) Обращеніемъ такого отношенія къ дѣлу можетъ служить книга наѣстнаго румынскаго ученаго-Цесаря Болліана—«Mémoires pour servir à l'histoire de la Roumanie. I. Topographie de la Roumanie». Paris. 1856. Вся, самыя темныя вопросы у него рѣшаются легко. О Дунаѣ онъ замѣчаетъ: «Ce fleuve sépare les Roumains des Tartares d'Ouzacoff et des Ma

должны сознаться, что было время, когда славянскій языкъ былъ единственнымъ выразителемъ высшихъ, духовныхъ интересовъ народа. «Въ это время (XV в.) — говоритъ историкъ румынскаго языка — молдаване, недовольные флорентійской уніей, низложили своего митрополита Митрофана и отбросили латинскія буквы, которыя дотолѣ они употребляли въ книгахъ, чтобы принять буквы и литургію славянскую. Изъ церкви славянскій языкъ перешелъ въ управленіе и сдѣлался языкомъ официальнымъ. Большинство государственныхъ актовъ, значительное число памятниковъ этой эпохи писаны на этомъ языкѣ, который не былъ понятенъ ни народу, ниже самимъ священникамъ» (*). Знакомство съ молдавскими памятниками этого послѣдняго рода, равно какъ съ славянскими рукописями, случайно занесенными въ монастыри молдавскіе при ихъ сношеніяхъ съ православнымъ міромъ, составитъ первую цѣль моего странствованія по румынскимъ княжествамъ, особенно по верхней Молдавіи.

Вторая цѣль — изученіе современнаго румынскаго языка, воскрешающаго въ извѣстной степени старыя характеры нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій. Если румынскіе филологи не желаютъ знаться съ славянскою стихіей своего языка и въ своемъ недоброхотствѣ къ ней готовы на всякую сдѣлку, лишь-бы только удалить свою рѣчь отъ вся-

lo—Russi: les premiers appartiennent à la race des Zizini; les seconds, fixés en Podolie et en Gallicie, sont des Slaves de la branche des Rassove et de la famille des Wychodin à Zizini. *Safarica. Carte des Slaves*. стр. 2. прим. 2. Что это значить? ср. стр. 13. 16 и др.

(*) Мирческо у Izambert'a. стр. 938. Мирческо повторяетъ безъ всякой критики Кантемира. Ср. «Описание Молдавіи». Москва. 1789. стр. 383—384. М. забылъ, что изъ трехъ древнѣйшихъ летописей Валахін—XVI вѣка—одна писана по—славянски. (*Laurentiu*. «Magazin istoricu pentru Dacia» Букурещи, 1845. I. стр. 6).

аго прикосновенія съ славянствомъ, то изученіе этой славянской стихіи необходимо выпадаетъ на долю слависта (*).

Въ Яссахъ я предполагалъ бы остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время для практическаго изученія румынскаго языка. 2 библіотеки, базилианская школа, основанная еще Василіемъ Лупулумъ, масса старыхъ церквей (48), окрестные монастыри (Cetateia, Ciogsea, Fguzosa, Socola, Aagon Voda), Васлуй, Гушь, Романъ съ древнѣйшей епископіей и семинаріей — все это предметы, необходимые для обзорѣнія. Въ Букарештѣ, центрѣ румынскаго образованія, я покончилъ бы мои румынскія занятія. Архивы, библіотека и музей заслуживаютъ особеннаго вниманія. Эти учрежденія значительно облегчаютъ занятія старою румыно-славянскою письменностью: такъ въ настоящее время, послѣ секуляризаціи монастырей, всѣ предметы, имѣющіе цѣну по своей древности, взяты изъ монастырей и свезены въ столицу. Публичная библіотека, основанная въ 1834 году изъ книгъ, полученныхъ отъ митрополита въ числѣ 12 т. томовъ, заключаетъ въ себѣ въ настоящее время около 40 т. названій и 273 рукописей. Понятно, что она обогатилась особенно въ послѣд-

(*) Еще Сагга (въ XVІІІ ст.) замѣтилъ, что молдавскій языкъ, происходившимъ образомъ отъ латинскаго, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю славянскаго («Histoire de la Moldavie et de la Valachie» Jassy. 1778 стр. 218). Но въ настоящее время политическія стремленія румыновъ заставляютъ ихъ не видѣть то, что ясно для наблюдателя—иностранца. «Что касается до языка—учить насъ Убичини — то онъ образовался изъ дорчесскаго и кельтческаго; позже принялся къ нему латинскій языкъ и нарѣчіе Ульемъ» («Provinces danubiennes». ІІ стр. 198. 207). Въ 1869 г. я проѣзжалъ Буковину. Въ Черновцахъ, на станціи, я познакомился съ однимъ помѣщикомъ изъ Молдавіи. Помню, однажды дорогою завелъ я рѣчь съ своимъ спутникомъ о вліяніи славянскаго языка на румынскій; но ему былъ непріятенъ этотъ разговоръ, и онъ мнѣ сухо отвѣтилъ: «все это вліяніе ограничилось тѣмъ, что оставило намъ слово *чаряло*».

ніе годы, послѣ секуляризаціи многочисленныхъ монастырей Великой и Малой Валахіи (*). Государственные архивы Букарешта, заключающіе въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи румынъ послѣднихъ вѣковъ, пополняютъ мои опыты по позднѣйшей исторіи ихъ — по исторіи отношеній ихъ къ славянамъ. Посѣтивъ затѣмъ замѣчательные по своимъ историческимъ и литературнымъ воспоминаніямъ города нагорной и западной Валахіи и южной Трансильваніи: Търговище (старая княжеская и митрополичья столица, до 1716 года), Кымпугу-Лунгу, монастырь Синайскій (Sinaica, съ прекрасной библіотекой), Брашевъ (Brasov, Kronstadt), Сибинь (Cibin, Negmanstadt), Курте-д' Арджешъ (Curtea d' Argesu), Браюву, я у Журжева оставилъ бы Румынію и вступилъ въ Болгарію.

Нарѣчіе восточной Болгаріи не входитъ въ программу моихъ занятій: оно не представляетъ особеннаго интереса для филолога, по своей скудости звуковой и формальной. Поэтому въ придунайской Болгаріи я счелъ бы удобнымъ ограничиться посѣщеніемъ такихъ городовъ, какъ Търново,

(*) Вотъ данныя 1845 года о числѣ монастырей въ Валахіи. Митрополія Угровлахійская имѣла 19 метоховъ; архіепископія Римникская и Новосеверинская — 7 мет.; епископія Бузеуская — 14, Арджесская — 5 мет. Независимыхъ монастырей 20: Тисмана, Козія, Быстрица, Хорезул, Арнота, Говора, Бранковени, Садова, Стриха, Мотру, Главачокул, Кымпугу-Лунгу, Віерошуль, Рынокочовул, Дѣлул, Знаговул, Мъркуца, Св. Пантелеймона, Бериславешти, Колдъ; они имѣли подъ собою 27 скитовъ. Сверхъ сего — 21 муж. и 19 женск. киновій. Монастыри зависимые: 9 св. Гроба, съ 7 скитами; 3 Синайской горы, съ 2 скитами; 14 Аеонской горы, съ 8 скит.; 1 патриархіи Александрійской, съ 3 скит.; 1 патр. Антиохійской; 16 разныхъ греч. епархій европейской Турціи. Итого: 132 + 68 = 200 монаст. разныхъ наименованій. См. *Александру Дженюлу*. «Исторіе бисерчѣсъкъ прескуртъ». Букуреши. 1845. стр. 451—456. Нѣкогда эти монастыри были богаты памятниками старины: «въ 1860 г., будучи назначенъ румынскимъ правительствомъ произвести изслѣдованія и развѣдки во многихъ древнихъ монастыряхъ, я — говоритъ г. Одобеско — въ первый разъ привелъ въ извѣстность археологическія богатства, находившіяся въ Быстрицѣ». («Труды М. арх. общ.» IV. в. I. стр. 3»).

Габрово: это центры просвѣщенія пробуждающейся Болгаріи. Полный глубокаго уваженія къ просыпающемуся народу, къ его благороднымъ стремленіямъ выйти изъ матеріальной и духовной нищеты (*), я могъ бы остановиться на нарѣчій придунайскихъ болгаръ только тогда, если бы я чувствовалъ себя въ состояніи прослѣдить его историческія судьбы; но эта задача, о разрѣшеніи которой мечталъ еще покойный Прейсъ, задача будущаго, когда вновь открытые памятники болгарской письменности XIV—XVIII вѣковъ скажутъ намъ что-нибудь опредѣленное о состояніи языка за это, намъ мало извѣстное время (**).

Но, отступаясь отъ восточноболгарскаго нарѣчія, я съ тѣмъ большимъ вниманіемъ останавлиюсь на изученіи говора болгаръ верхней Македоніи. Нарѣчіе македонское для меня интересно по своему отношенію къ сербскому языку. Нарѣчіе это, насколько я могу судить о немъ изъ печатныхъ и нѣкоторыхъ рукописныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, представляетъ то-же положеніе по отношенію къ сербскому языку, какое словацкое нарѣчіе по отношенію къ языку русскому: оно есть та-же переходная ступень отъ одного типа языка къ другому, заключая въ себѣ настолько-же сербскихъ, насколько и болгарскихъ особенностей.

(*) «Il semble — говорить A. Dupon—qu'une longue décadence, que la misère surtout ait effacé sur son visage les traits accentués d'une race primitive. Pauvrement vêtu, embarrassé quand il parle, il donne l'idée d'un peuple malheureux et timide». («Le Balcan et l'Adriatique». стр. 134).

(**) «Историко-критическое изложеніе языка ихъ (болгаръ), древняго и новаго, его разнообразныя судьбы дома и на чужбинѣ, принадлежитъ — говорить Прейсъ—къ труднымъ, но вѣсть съ тѣмъ къ самымъ занимательнымъ задачамъ славянской етнологіи и исторіи. Кажется, нашему времени предоставлено привести наконецъ въ извѣстность всѣ факты, относящіеся къ этому предмету». («Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXIII отд. 4 стр. 62).

Въ наукѣ принято считать относительно въ позднѣйшее время совершившійся подъемъ глухихъ звуковъ *з* и *ь* въ *а* одной изъ специальныхъ чертъ сербскаго вокализма: *лаж*, *дан*. Но, обратившись къ болгарскому нарѣчію верхней Македоніи, мы замѣчаемъ тотъ-же подъемъ, съ тою только разницею противу сербскаго языка, что предъ нами, какъ бы во-очію, совершается процессъ перерожденія глухихъ звуковъ въ *а*. Одно и то-же слово, иногда въ устахъ одного и того-же человѣка, является то съ старѣйшимъ звукомъ — *з*, *ь*, то съ его новѣйшей замѣной *а*. Примѣръ подъема:

— Хокеи те нецо прашати,
Не мой ни мене *лажати* (*)

Соотвѣтственно этому, носовое *у*, понижаясь до *ь*, возвышается затѣмъ до *а*:

— Тукъ речете: ожени се Марица,
Матенъ Дунавъ младоженя.

— Шо ми Дунавъ *матенъ* тече де?

Ту-же неустойчивость мы видимъ и относительно *ь*, заканчивающаго группу согласныхъ на *л*: то онъ остается, какъ въ старославянскомъ языкѣ, то исчезаетъ вмѣстѣ съ *л*, какъ въ сербскомъ, взаменъ чего является звукъ *у*:

— Чаша дава, дробни слъзи роне.

— Яно, мори Яно, що си прежутела,

Що си прежутела, како жута дуња?

(*) Этотъ и слѣдующіе примѣры взяты изъ сборника пѣсень, записанныхъ въ окрестностяхъ Кратова, у верховьевъ Брегалъницы, г. Карановыкъ, ученик. Од. 2 гимназіи. Сербскія поселенія (у Монастыря, Охриды, Привремена и Приштини) слишкомъ далеки отъ горъ Кратовскихъ, чтобы возможно было предположить механическое вліаніе сербскаго языка на языкъ этихъ болгарскихъ горцевъ. (см. карту Дежана). Ср. также прекрасныя замѣчанія о мѣстномъ болгарскомъ нарѣчій В. И. Григоровича въ «Путешествіи по европ. Турціи». стр. 104—106.

Въ соотвѣтствіе сербскому Ы и Ј является ѡ, ѣ. въ восточноболгарскаго *шт.*, *жд.*:

— Донесе цвекѣ свакаво.

— Удри дервиша мегъ веги.

Наконецъ, совершенно сербскій метатезисъ въ мѣст. *ось*:

— Еденъ владалъ дневна доба,

Други владалъ нокъна доба;

Едно царство сва-та земя,

Сва-та земя, сва-та вода,

Сва-та вода, сво, що расте.

Въ виду этихъ любопытныхъ особенностей македонскаго нарѣчія, я, послѣ бѣглаго обзора придунайской Болгаріи, чрезъ курганное средогорье верхней Тундзы (*) отъ Базанлыка къ Эски-Зогрѣ, Адрианополь, Константинополь, Афонъ, Солунь, вдоль Вардара и Брегалницы предполагалъ бы направиться въ верхнюю Македонію — въ Братово, Прилипъ, Монастырь, Охриду, для ближайшаго знакомства съ нарѣчіемъ мѣстныхъ болгаръ.

Изъ сѣверной Македоніи мнѣ удобнѣе всего было бы пробраться въ старую Сербію, Герцеговину и Босну, а оттуда въ независимую Сербію, въ Бѣлградъ. Здѣсь я предполагалъ бы прожить болѣе или менѣе продолжительное время, занимаясь сербскимъ языкомъ и литературой подъ руководствомъ моего достоуважаемаго друга, академика Ю. Даничича. Поѣздки внутрь княжества—на в., къ монастырямъ Раваницѣ и Манассіи, «задужбинамъ» Лазаря

(*) Многочисленные курганы свидѣтельствуютъ, что это средогорье одна изъ древнѣйшихъ населенныхъ мѣстностей Балкана. (Ср. *Matković*. «Najnovije geografske publikacije o Balkanskom poluotoku» — «Rad. XXVI» (1874). стр. 195).

и Стефана, на югъ, къ лаврѣ Студеницкой, дали бы мнѣ возможность познакомиться съ историческими святынями сербскаго народа, съ мѣстною народною рѣчью и вмѣстѣ съ тѣмъ взглянуть въ бытъ его. Изъ Бѣлграда я отправился бы въ Срѣмъ — Новый Садъ, Фрушку гору — а отсюда, чрезъ Славонію, Дяково—въ Загребъ. Рукописныя собранія Загребскія—библіотеки академіи наукъ и архіепископа — мнѣ болѣе или менѣе извѣстны. Изученіе церковныхъ пѣсенъ по старымъ глагольскимъ рукописямъ хорватской редакціи и произведеній нѣкоторыхъ далматинцевъ — вотъ тѣ двѣ задачи, которыя я намѣтилъ бы для себя въ Загребѣ. На церковныхъ пѣсняхъ поповъ-глаголяшей я останавливаюсь потому, что, можетъ быть, отъ нихъ слѣдуетъ вести начало далматинской поэтической литературы. Что же касается до этой послѣдней, то громадная масса произведеній далматинскихъ писателей XV — XVII вѣковъ, изъ которыхъ только немногіе были изданы, не дозволить мнѣ заняться всѣми ими: поэтому я считалъ бы для себя обязательнымъ ограничиться памятниками, имѣющими историческій интересъ. Таковы, на примѣръ, произведенія, вызванныя борьбой славянъ съ турками. Сравнительное изученіе памятниковъ XVII вѣка: поэмы Гундулича «Озмап» и драмы Мрянвича «Озмапѣса», съ одной стороны, и поэмы неизвѣстнаго польскаго писателя «Wojna Chocińska», съ другой — изученіе, матеріалы для котораго собираются мною уже нѣсколько лѣтъ, показываетъ, насколько давнозабытое произведеніе боснійскаго епископа въ пониманіи историческихъ событій выше поэмы Гундулича. На подобныхъ произведеніяхъ далматинской музы я позволилъ бы себѣ остановиться.

Изъ Загреба я побывалъ бы у чакавскихъ хорватовъ — на сѣверномъ берегу Адриатическаго моря, откуда мой путь

лежалъ бы по Далмаціи вплоть до Черной Горы. Въ Задрѣ и Дубровникѣ я постарался бы познакомиться съ мѣстными книгохранилищами. Изъ Черной Горы, обратно чрезъ Далмацію и Истрію, я вступилъ бы въ землю словенцевъ. Небогатые памятниками, какъ старой, такъ и новой литературы, словенцы богаты стариной своего языка, и потому знакомство съ словенскими нарѣчіями Краины, Штирии и Каринтіи было бы задачей моего пребыванія у словенцевъ.

На словенцахъ я считалъ бы возможнымъ покончить свое путешествіе по славянскимъ землямъ. Но если бы дозволило мнѣ время и средства, то для пополненія свѣдѣній своихъ о сѣверозападномъ славянствѣ я отправился бы въ Лужицы, Силезію, Познань и старую Пруссію.

Въ заключеніе, я считаю долгомъ своимъ прибавить, что въ представляемой запискѣ я нигдѣ не коснулся изученія новогреческаго языка: ни силы мои, ни характеръ моего главнаго изученія — изученія славянскихъ нарѣчій, ни отмѣренное на путешествіе время, не дозволяютъ мнѣ принять на себя обязательства, плохое исполненіе котораго я считалъ бы для себя тяжкою провинностью. Я буду счастливъ, если окажусь въ состояніи добиться болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта на тѣ вопросы, которые намѣчены въ запискѣ, запастись тѣми свѣдѣніями, которыя необходимы мнѣ для моей дѣятельности, и тѣмъ оправдать высокое довѣріе факультета. Говоря это, я имѣю въ виду два неизбежныя препятствія для полной успѣшности моего путешествія — два не минуемые спутника всякаго путешествія по славянскимъ землямъ: дороговизну жизни и еще болѣшую дороговизну кочеваній.

Приложение къ 18 ст. протокола засѣданія совета
2-го марта.

Статья 6-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 15-го января 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессеры: Беркевичъ, Абашевъ, Шведовъ, Мечниковъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ, Ярошенко и Синцовъ и доцентъ Коцугъ: *слушали*: прошеніе доктора философіи Владиміра Ковалевскаго о допущеніи его къ испытанію на степень магистра по минералогіи и геогнозіи. *Опредѣлили*: допустить г. Ковалевскаго въ ближайшее засѣданіе факультета.

Статья 4-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 19-го января 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессеры: Абашевъ, Мечниковъ, Шведовъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ, Синцовъ и Ярошенко и доценты: Коцугъ и Умовъ.

Въ засѣданіи факультета докторъ философіи іенскаго университета, Владиміръ Ковалевскій подвергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнозіи по предметамъ минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Экзаменаторомъ былъ профессоръ Синцовъ. Испытаніе признано удовлетворительнымъ. При этомъ факультетомъ постановлено: назначить, согласно заявленію Ковалевскаго, испытаніе по аналитической химіи и опытной физикѣ въ субботу, 3-го февраля. *Экзаменаціонный листъ*: Въ засѣданіи физико-математическаго факультета 19-го января 1873 года, докторъ философіи іенскаго университета, Владиміръ Ковалевскій под-

вергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнози по предметамъ минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Предложены были слѣдующіе вопросы: А) по геологіи: 1) о западноевропейской пермской формаціи: удовлетворительно; 2) о западноевропейской мѣловой формаціи: удовлетворительно; 3) о третичныхъ пластахъ вѣнскаго бассейна: удовлетворительно; В) по палеонтологіи: 1) о палеозойскихъ кораллахъ: удовлетворительно; 2) объ ископаемыхъ млекопитающихъ: удовлетворительно; С) по минералогіи: 1) о полевыхъ шпатахъ: удовлетворительно. Подписали: экзаменаторъ И. Синцовъ, Вл. Марковниковъ, Д. Абашевъ, Вальцъ, Мечниковъ, И. Кошугъ, Ярошенко, Сабининъ.

Статья 4-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 3-го февраля 1873 года, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ Е. Ѳ. Сабинина, присутствовали профессора: Беркевичъ, Абашевъ, Мечниковъ, Шведовъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ, Веригъ, Синцовъ и Ярошенко и доценты: Кошугъ и Бернштейнъ.

Въ засѣданіи факультета докторъ философіи Ковалевскій подвергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнози по предмету аналитической химіи. Испытаніе признано удовлетворительнымъ. *Экзаменаціонный листъ*: въ засѣданіи физико-математическаго факультета 3-го февраля 1873 года докторъ философіи іенскаго университета Владиміръ Ковалевскій подвергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнози по предмету аналитической химіи. *Вопросы*: 1) способы опредѣленія желѣза, *отмѣтка*: удовлетворительно; 2) анализъ известняковъ—удовлетворительно; 3) анализъ кремнекислыхъ соединений—удовлетворительно. Подписали: экзаменаторъ Марковниковъ,

Д. Абашевъ, И. Сѣченовъ, Вальцъ, Бернштейнъ, Мечниковъ, Шведовъ, Беркевичъ, И. Синцовъ, С. Ярошенко, Сабининъ.

Статья 2-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 5-го февраля 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессора: Беркевичъ, Мечниковъ, Сѣченовъ, Шведовъ, Вальцъ, Марковниковъ, Вериго, Синцовъ и Ярошенко и доцентъ Кошугъ.

Профессоромъ Синцовымъ былъ предложенъ г. Ковалевскому вопросъ для письменнаго отвѣта «о мезозійскихъ echinodermata». Отвѣтъ г. Ковалевскаго признанъ удовлетворительнымъ. При этомъ профессоръ Синцовъ заявилъ, что какъ устное испытаніе по предметамъ геологіи, минералогіи и палеонтологіи, такъ и письменный отвѣтъ не убѣдили его достаточно въ знаніяхъ г. Ковалевскаго и потому онъ проситъ факультетъ считать испытаніе по минералогіи, геологіи и палеонтологіи не оконченнымъ и назначить г. Ковалевскому еще одинъ вопросъ для письменнаго испытанія. Но такъ какъ, на основаніи § 5-го правилъ объ испытаніяхъ на степень магистра, просьба г. Синцова не могла быть исполнена, то онъ просилъ назначить г. Ковалевскому еще устное испытаніе по минералогіи, геологіи и палеонтологіи. По этому предсѣдательствующимъ былъ предложенъ вопросъ: находить-ли факультетъ нужнымъ вновь назначить испытаніе по минералогіи, геологіи и палеонтологіи, или нѣтъ? Большинствомъ 8-ми голосовъ (Кошугъ, Вериго, Марковниковъ, Вальцъ, Сѣченовъ, Мечниковъ, Шведовъ и Сабининъ) противъ 3-хъ (Ярошенко, Беркевичъ и Синцовъ) вопросъ рѣшенъ отрицательно. По этому факультетомъ опредѣлено считать устное испытаніе по предметамъ геологіи, минералогіи и палеонтологіи оконченнымъ

и назначить, по соглашенію съ г. Ковалевскимъ, устное испытаніе по опытной физикѣ. При этомъ профессоръ Синцовъ заявилъ, что онъ остается при особомъ мнѣніи. При чтеніи протокола, въ засѣданіи 7-го февраля, нѣкоторые члены, на основаніи поданнаго г. Ковалевскимъ прошенія, изъявили желаніе измѣнить свое мнѣніе; вслѣдствіе чего предсѣдательствующимъ былъ снова перебаллотированъ предложенный въ прежнемъ засѣданіи вопросъ; при чемъ оказалось, что въ пользу назначенія вновь устнаго испытанія по минералогіи, геологіи и палеонтологіи подали голоса: Ярошенко, Вериго, Синцовъ, Сѣченовъ, Шведовъ, Мечниковъ и Беркевичъ, а противъ назначенія: Кошугъ, Вальцъ и Сабининъ. *Опредѣлили*: назначить устное испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи, геологіи и палеонтологіи въ четвергъ, 8-го февраля.

Протоколъ засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 8-го февраля 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессора: Абашевъ, Мечниковъ, Шведовъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ и Синцовъ и доцентъ Кошугъ.

Слушали: въ засѣданіи физико-математическаго факультета 8-го февраля докторъ философій іенскаго университета Владиміръ Ковалевскій подвергался устному испытанію на степень магистра минералогіи и геогнозіи по предметамъ минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Экзаменаторомъ былъ экстраординарный профессоръ Синцовъ, которымъ предложены были слѣдующіе три первые вопроса: 1) о девонской формаціи С. Америки, 2) о трилобитахъ и раковинахъ третичнаго вѣнскаго бассейна и 3) о тетраэдриі кварца; а профессоромъ Абашевымъ послѣдніе два вопроса: 4) объ образованіи минераловъ рудныхъ жилъ и

з) о разрушеніи минераловъ подѣ влияніемъ атмосферныхъ дѣятелей. Отвѣты г. Ковалевскаго на первые четыре вопроса факультетъ нашелъ неудовлетворительными, а отвѣтъ на одинъ пятый вопросъ удовлетворительнымъ. Такъ какъ устное испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи и геогнозіи признано оконченнымъ, то предсѣдательствующій почелъ необходимымъ сдѣлать предложеніе о томъ, чтобы теперь-же рѣшить вопросъ: находить-ли факультетъ удовлетворительнымъ или нѣтъ все устное испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи и геогнозіи, происходившее въ двухъ засѣданіяхъ 19-го января и 8-го февраля сего года? Профессоръ Марковниковъ сдѣлалъ возраженіе противъ этого предложенія, подавъ мнѣніе, что факультетъ можетъ рѣшить предложенный вопросъ только послѣ устнаго испытанія по физикѣ, т. е. по окончаніи всѣхъ испытаній. Вслѣдствіе чего предсѣдательствующій подвергъ открытой баллотировкѣ вопросъ: какъ считаетъ факультетъ необходимымъ, теперь или послѣ устнаго испытанія г. Ковалевскаго по физикѣ постановить рѣшеніе о результатѣ устнаго испытанія г. Ковалевскаго по минералогіи и геогнозіи? Большинствомъ 5-ти голосовъ (гг. Марковниковъ, Вальцъ, Сѣченовъ, Мечниковъ и Абашевъ) противъ 4-хъ (Боцугъ, Синцовъ, Шведовъ и Сабининъ) *опредѣлено*: постановить рѣшеніе о результатѣ устнаго испытанія по минералогіи и геогнозіи послѣ испытанія по физикѣ, и сообразно съ этимъ назначить, по соглашенію съ г. Ковалевскимъ, засѣданіе для устнаго испытанія по опытной физикѣ. Подписали: за декана профессоръ Сабининъ, И. Сѣченовъ, Ил. Мечниковъ, Вальцъ, И. Синцовъ, Д. Абашевъ, И. Боцугъ, В. Марковниковъ. *Экзаменаціонный листъ*. Въ засѣданіи физико-математическаго факультета 8-го февраля 1873 г.

докторъ философіи іенскаго университета, Владиміръ Бовалевскій подвергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнозіи по предметамъ минералогіи, геології и палеонтології. *Вопросы*: 1) по геології: о девонской формации сѣверной Америки, *отмѣтка*—неудовлетворительно; 2) по палеонтології: о трилобитахъ и о раковинахъ третичнаго вѣнскаго бассейна, — неудовлетворительно; 3) по минералогії: а) о тетардоэдріи кварца, — неудовлетворительно; б) объ образованіи минераловъ рудныхъ жиль, — неудовлетворительно в) о разрушеніи минераловъ подѣ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, — удовлетворительно. Подписали: экзаменаторъ И. Синцовъ, Д. Абашевъ, Ф. Шведовъ, Вл. Марковниковъ, И. Коцугъ, И. Сѣченовъ, Мечниковъ, Вальцъ, Сабининъ.

Статья 1-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 29-го марта 1873 года, и въ которомъ, подѣ предсѣдательствомъ декана Вальца, присутствовали профессора: К. И. Карастелевъ, Д. Н. Абашевъ, И. М. Сѣченовъ, Е. Ф. Сабининъ, Н. А. Головкинскій, И. Ф. Синцовъ, В. В. Марковниковъ, А. А. Вериго и доцентъ И. Ф. Коцугъ.

Слушали: прошеніе на имя декана Владиміра Бовалевскаго о сообщеніи ему результатовъ испытанія по главнымъ предметамъ: геогнозіи, палеонтології и минералогії. *Опредѣлили*: считать испытаніе г. Бовалевскаго по минералогії, геології и палеонтології неудовлетворительнымъ большинствомъ семи голосовъ противъ одного, и увѣдомити объ этомъ г. Бовалевскаго.

• **Часть ученая.**

ФЕДОНЪ,

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Дмитрія Лебедева.

ФЕДОНЪ ПЛАТОНА.

Разговаривающія лица: Эхекратъ, Федонъ, Аполлдоръ, Сократъ, Кебесъ, Симміасъ, Критонъ, исполнитель распорядженій одиннадцати.

Эхекратъ. Самъ ли ты, любезный Федонъ, былъ у Сократа въ тотъ день, когда онъ выпилъ ядъ въ темницѣ, или ты слышалъ объ этомъ отъ когонибудь?

Федонъ. Я самъ тогда у него былъ, любезный Эхекратъ ¹.

Эхекратъ. Что же говорилъ онъ передъ смертью, и какъ умеръ? Я послушалъ бы объ этомъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ настоящую минуту нѣтъ рѣшительно никого изъ фліунтскихъ гражданъ ², кто бы вѣхалъ въ Аѳины, а равно и оттуда давно уже нѣтъ гостя, который могъ бы сообщить намъ чтонибудь другое, кромѣ того, что Сократъ умеръ отъ яду; больше этого у насъ ничего не говорятъ.

Федонъ. Слѣдовательно, вамъ неизвѣстно и то, что относится къ суду, и какъ онъ происходилъ?

Эхекратъ. Нѣтъ, объ этомъ намъ сообщалъ кто-то, и мы еще удивлялись, что приговоръ былъ исполненъ долгое время спустя ³, послѣ того какъ былъ произнесенъ. Что было причиной этому, Федонъ?

Федонъ. Случайное обстоятельство, Эхекратъ. Наканунѣ произнесенія приговора увѣнчивали ⁴ корабль ⁵, который аѳиняне ежегодно посылаютъ ⁶ въ Делось ⁷.

Эхекратъ. А что это за корабль?

Федонъ. Это, какъ говорятъ аѳиняне, тотъ самый, на которомъ Тезей ⁸ привезъ нѣкогда въ Критъ семь юношей и

семь дѣвицъ, и спасъ ихъ и себя. Говорятъ, что афиняне тогда же дали обѣтъ Аполлону, если Фезей и его спутники будутъ спасены, отправлять ежегодно священное посольство⁹ въ Делось, которое они дѣйствительно съ того времени и до сихъ поръ ежегодно посылаютъ въ честь бога. А законъ ихъ предписываетъ, какъ скоро начнется приготовленіе священнаго посольства, сохранять въ это время городъ отъ всего нечистаго, и не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, пока корабль не стѣздитъ въ Делось и не возвратится обратно, что продолжается иногда долгое время, если пловцевъ застигнутъ противные вѣтры; началомъ же священнаго праздника принимается то время, когда жрецъ Аполлона увѣнчиваетъ корму корабля; это какъ разъ и случилось, какъ я сказалъ, наканунѣ произнесенія приговора; и вотъ по этой-то причинѣ Сократу пришлось пробыть такъ долго въ темницѣ, — въ промежутокъ времени между произнесеніемъ и исполненіемъ приговора.

II. Что же ты можешь разсказать намъ объ обстоятельствахъ его смерти, любезный Федонъ? Что онъ говорилъ и дѣлалъ, и кто изъ людей близкихъ былъ тогда при немъ? Или одиннадцать судей¹⁰ не позволили тамъ присутствовать никому, и онъ умеръ, лишенный общества друзей?

Федонъ. О, напротивъ; при немъ было тогда нѣсколько человекъ, и даже много.

Эхекратъ. Прими же на себя трудъ разсказать намъ обо всемъ этомъ какъ можно подробнѣе, если только ты не занятъ теперь какимъ нибудь особенно важнымъ дѣломъ.

Федонъ. Я свободенъ, и попытаюсь вамъ разсказать; да и мнѣ и самому вспоминать о Сократѣ всегда пріятнѣе, чѣмъ что нибудь другое, — говорить о немъ, также какъ и слушать.

Эхекратъ. Но, любезный Федонъ, тѣ, которые приготовились слушать твой разсказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа¹¹; постарайся же передать намъ все съ тою точностью, какая только будетъ для тебя возможна.

Федонъ. Я испытывалъ именно что-то необыкновенное, находившись тогда у Сократа; въ душѣ моей не было жалости, хотя я присутствовалъ при смерти моего друга; этотъ человекъ

представлялся мнѣ блаженнымъ, любезный Эхекратъ, во всемъ существѣ своемъ, также какъ и въ своихъ рѣчахъ: такъ безстрашно и съ такимъ достоинствомъ онъ умиралъ. Мнѣ казалось, что онъ переселялся въ адъ не безъ особеннаго опредѣленія боговъ ¹², и что онъ будетъ тамъ наслаждаться блаженствомъ, каковымъ едва ли наслаждался ктонибудь когда-нибудь. Вотъ почему у меня нимало не было въ душѣ сожалѣнія, какъ можно бы ожидать отъ человѣка, присутствующаго при печальной сценѣ. Точно также, съ другой стороны, я не чувствовалъ и того удовольствія, которое мы обыкновенно испытывали, когда вели наши философскія бесѣды. Рѣчи наши отчасти и тогда имѣли этотъ характеръ; но въ душѣ у меня дѣйствительно было какое-то необыкновенное чувство, какое-то непонятное соединеніе радости и печали, раздавшееся при мысли о томъ, что этотъ человѣкъ долженъ скоро умереть. Всѣ мы, присутствовавшіе тамъ, были почти въ одинаковомъ подобномъ же настроеніи духа; всѣ попеременно то смѣялись, то плакали; больше другихъ, впрочемъ, плакалъ Аполлодоръ ¹³, потому что ты знаешь его и его характеръ.

Эхекратъ. Какъ не знать!

Федонъ. Онъ то именно всецѣло предавался тогда скорби, опечаливая этимъ меня также какъ и другихъ.

Эхекратъ. Кто же присутствовалъ тогда у Сократа, любезный Федонъ?

Федонъ. Изъ его согражданъ былъ этотъ самый Аполлодоръ, Критовулъ и отецъ его Критонъ ¹⁴, Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ и Антисеенъ. Кромѣ того неаніецъ Клезиппъ, Менексенъ и нѣкоторые другіе его сограждане; Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ ¹⁵.

Эхекратъ. А изъ чужестранцевъ былъ кто-нибудь?

Федонъ. Да, были: Симміасъ Фивянинъ ¹⁶, Кебесъ и Федонидъ, кромѣ того Эвклидъ и Терціонъ изъ Мегары.

Эхекратъ. А Аристиппъ и Клеомбротъ были ¹⁷?

Федонъ. Не было; говорили, что они находились тогда на Эгинѣ ¹⁸.

Эхекратъ. А еще кто былъ?

Федонъ. Да это, кажется, почти всё, которое такъ присутствовали.

Эхекратъ. Ну, и такъ о чемъ же шла ваша бесѣда?

III. Постараюсь передать тебѣ все съ самаго начала. Во всё предшествовавшіе дни я, также какъ и прочіе, постоянно навѣщали Сократа, приходя по утрамъ въ судилище, въ которомъ производился судъ, такъ какъ оно находится неподалеку отъ темницы. Здѣсь мы ожидали каждый день, пока отойдутъ темницу, проводя время въ бесѣдахъ, потому что она отпиралась не рано. Когда же ее отпирали, мы входили къ Сократу, и обыкновенно проводили съ нимъ цѣлый день; но въ этотъ день мы собрались раньше обыкновеннаго, такъ какъ наканунѣ, оставивши вечеромъ темницу, узнали, что корабль возвратился уже изъ Делоса. Въ слѣдствіе этого мы согласились собраться въ обычномъ мѣстѣ какъ можно раньше. Мы пришли, а привратникъ, который обыкновенно насъ впускалъ, вышедши къ намъ на встрѣчу, просилъ насъ подождать и не входить, прежде чѣмъ онъ насъ позоветъ. «Одиннадцать судей», прибавилъ онъ, «освобождаютъ въ настоящую минуту Сократа отъ оковъ, и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть». Спусти немного времени онъ возвратился, и пригласилъ насъ войти. Мы вошли и увидѣли Сократа, съ котораго только что сняли цѣпи, и известную тебѣ Ксантиспу¹⁹, которая сидѣла подлѣ него съ ребенкомъ на рукахъ. Едва она увидѣла насъ, какъ начала рыдать, и приговаривать, что обыкновенно приговариваютъ въ подобныхъ случаяхъ женщины: «О Сократъ, повтѣряла она съ воплями, сегодня въ послѣдній разъ бесѣдуютъ съ тобою твои друзья, и ты съ ними». Сократъ, взглянувши на Критона, сказалъ: Критонъ, пусть ее уведетъ кто нибудь домой. Слуги Критона²⁰ вывели ее, а она продолжала кричать и бить себя въ грудь. Сократъ приподнялся на постели, согнулъ колѣно, началъ его разглаживать рукой, и разглаживая сказалъ: что за странную вещь, друзья мои, составляетъ то, что люди называютъ пріятнымъ; какъ чудно соединяется оно съ тѣмъ, что кажется ему противоположнымъ; — съ печальнымъ; оба эти чувства не могутъ быть въ человѣкѣ въ одно и тоже

время, а между тѣмъ, если кто нибудь ищетъ одного и достигнетъ его, онъ почти всегда бываетъ вынужденъ принять и другое, какъ будто бы оба ощущенія были связаны однимъ концемъ. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ, что если бы на это обратилъ вниманіе Эзонъ ²¹, онъ сложилъ бы басню, — какъ богъ, желая примирить воюющія противоположности, и не успѣвши въ этомъ, соединилъ ихъ концы, отчего и происходитъ, что какъ скоро человѣка посѣтитъ одно чувство, — вслѣдъ за нимъ является и другое. Это, очевидно, происходитъ въ настоящее время, прибавилъ онъ, и со мною, потому что прежде я чувствовалъ боль въ колѣнѣхъ отъ оковъ, а теперь это чувство смѣнилось для меня ощущеніемъ пріятнымъ.

IV. Кебесъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ: клянусь Зевесомъ, любезный Сократъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ. Нѣкоторые, — и въ числѣ другихъ въ недавнее время Эвенъ ²², — спрашивали меня о стихотвореніяхъ, которыя ты сочинилъ, переложивши въ стихи басни Эзона ²³ и написавши гимнъ Аполлону ²⁴, — какія побужденія руководили тобою, что ты, перешедши въ темницу, началъ писать стихи, никогда не писавши ихъ прежде? И такъ, если ты желаешь, чтобы я былъ въ состояніи отвѣчать Эвену, когда онъ опять спроситъ меня объ этомъ, — а я увѣренъ, что онъ спроситъ, — то скажи, что я долженъ отвѣчать?

Отвѣчай ему, любезный Кебесъ, согласно съ истиной, сказалъ Сократъ, — а именно, что я писалъ эти стихотворенія не изъ желанія входить въ соперничество съ нимъ и его произведеніями; я знаю, что это было бы нелегко; я писалъ единственно изъ желанія узнать, чего требовали отъ меня нѣкоторые посѣщавшія меня видѣнія, и очистить свою совѣсть ²⁵, если именно поэзія была тѣмъ изящнымъ искусствомъ, на служеніе которому они меня призывали. Это было такъ. Часто въ моей прошедшей жизни мнѣ являлось одно и то же видѣніе, — въ разныя времена въ разныхъ видахъ, но съ одной и тою же рѣчью. «Сократъ», говорило оно мнѣ, «посвяти себя искусству музъ ²⁶ и упражняйся въ немъ» ²⁷. Сначала я думалъ, что оно побуждало и ободряло меня ²⁸ продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ

я занимался и въ прежнее время. Подобно тому, какъ воодушевляють бѣгущихъ на ристалищѣ, такъ, думалъ я, и меня мое видѣніе возбуждало заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался, — служить искусству музъ, то есть величайшей наукѣ философій²⁹, которой я посвящалъ мои труды. Но теперь, послѣ того, когда надо мною былъ произнесенъ приговоръ, а празднество Аполлона замедлило мою смерть я счелъ долгомъ, если мое видѣніе въ своихъ частныхъ явленіяхъ возбуждало меня къ занятію искусствомъ болѣе обыкновеннымъ, не противиться его голосу, а послѣдовать; потому что для меня безонаснѣе — не покидать этой жизни, прежде чѣмъ я исполню свой долгъ передъ божествомъ, и, повинаясь видѣнію, напишу нѣсколько поэтическихъ произведеній; такимъ образомъ, я прежде всего сочинилъ гимнъ божеству, которому въ то время праздновали, а послѣ гимна, разсудивши, что поэтъ, если онъ хочетъ быть поэтомъ, долженъ представлять въ стихахъ разсказъ, а не одинъ только поэтическіи мысли³⁰, а самъ я неизобрѣтателенъ въ вымыслѣ, — я переложилъ въ стихи басни Эзопа, какія имѣлъ подъ рукою и зналъ, — первыя которыя мнѣ попались.

V. И такъ вотъ что, любезный Кебесъ, передай Эвону: пусть онъ будетъ здоровъ, и, если онъ мудръ, пусть какъ можно скорѣе слѣдуетъ за мною. Я же, какъ кажется, уйду отъ васъ сегодня, потому что такъ хотятъ аэниане.

Симміасъ возразилъ: чего ты требуешь этимъ отъ Эвона, любезный Сократъ? Я много разъ бесѣдовалъ съ нимъ, и думаю, судя по тому, что о немъ знаю, что онъ ни за что не послѣдуетъ добровольно твоему совѣту.

Какъ, возразилъ Сократъ, развѣ Эвонъ не философъ?

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ представляется философомъ, отвѣчалъ Симміасъ.

Въ такомъ случаѣ онъ захочетъ послѣдовать совѣту, — Эвонъ, какъ и всякій другой, кто только надлежащимъ образомъ упражняется въ занятіяхъ философіей; и однакожь для достиженія этой цѣли философъ не причинитъ себѣ насильственной смерти, потому что, по ихъ мнѣнію, это противно божественному закону. Говоря это, Сократъ спустилъ свои ноги съ по-

стали на землю, и все остальное говорилъ уже сидя въ такомъ положеніи.

Кебесъ спросилъ его: какъ это понимать, любезный Сократъ? причинять себѣ насильственную смерть противно божественному закону, а между тѣмъ философъ долженъ желать слѣдовать за умирающимъ?

Какъ, любезный Кебесъ, развѣ вы, — ты и Симміасъ, ничего объ этомъ не слышали въ то время, когда жили въ обществѣ Филолая³¹?

По крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго, любезный Сократъ.

Да я и самъ говорю объ этомъ только то, что слышалъ, а слышаннаго не имѣю причины скрывать отъ васъ³²; сверхъ того для человѣка, переселяющагося въ другой міръ, быть можетъ, приличнѣе всего разсуждать и вспоминать существующіе разсказы объ этомъ переселеніи³³, — каково оно, по нашему мнѣнію, должно быть; да чѣмъ другимъ можно бы и заниматься въ промежутокъ времени до заката солнца?

VI. На какомъ же основаніи говорить, любезный Сократъ, что лишать себя жизни противно божественному закону? Я слышалъ уже и отъ Филолая въ то время, когда онъ съ нами жилъ, — обстоятельство, о которомъ ты сей часъ меня спрашивалъ, — и отъ нѣкоторыхъ другихъ, что этого дѣлать не должно, но яснаго объ этомъ не слышалъ никогда ничего и ни отъ кого³⁴.

Не надобно отчаиваться, сказалъ Сократъ; скоро, можетъ быть, и услышишь; и, можетъ быть, тебѣ покажется удивительнымъ, что изъ всѣхъ возможныхъ вещей это составляетъ единственно простую истину, и что въ этомъ случаѣ никогда не бываетъ такъ, какъ въ другихъ, то есть, чтобы извѣстнымъ людямъ въ извѣстное время было лучше умереть, нежели жить; можетъ быть тебѣ покажется удивительнымъ, что даже тѣмъ, которымъ было бы лучше умереть, нежели жить, не позволительно благодѣтельствовать самимъ себѣ, но нужно ожидать постороннаго благодѣтеля.

Кебесъ, тихо улыбувшись, сказалъ на своемъ родномъ нарѣчій: «это вѣдаетъ Зевесъ»³⁵.

Мысль эта может показаться странною, сказалъ Сократъ, но она имѣетъ свое основаніе. Ученіе объ этомъ предметѣ, сообщаемое только посвященнымъ³⁶, что мы, люди, содержимся въ нѣкотораго рода темницѣ³⁷, и что самому не должно отъ нея освободиться, или бѣгать изъ нея, мнѣ представляется многознаменательнымъ и не легко объемлемымъ разумомъ. Во всякомъ случаѣ, любезный Кебесъ, мнѣ кажется, справедливо говорить, что боги заботятся о насъ, и что мы, люди, составляемъ ихъ собственность. Или тебѣ представляется не такъ?

Совершенно такъ, сказалъ Кебесъ.

Не правде-ли, продолжалъ Сократъ, что если бы кто изъ твоихъ рабовъ лишилъ себя жизни, въ то время какъ ты не опредѣлялъ ему смерти, то ты бы разсердился, и если бы имѣлъ возможность наказать его, то наказалъ бы?

Совершенно вѣрно, отвѣтилъ тотъ.

И такъ, въ силу этого, мнѣ кажется, не безосновательно то разсужденіе, что не должно лишать себя жизни, прежде чѣмъ самъ богъ укажетъ необходимость къ этому, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ мнѣ.

VII. Это, сказалъ Кебесъ, мнѣ кажется совершенно естественно; но то, что ты сей часъ говорилъ, именно, что каждый философъ долженъ желать смерти³⁸ — представляется чѣмъ-то страннымъ, любезный Сократъ, если, какъ мы сейчасъ признали, справедливо, что божество о насъ заботится, и что мы составляемъ его собственность. Съ разумомъ рѣшительно несогласно, чтобы самне мудрые люди не скорбѣли душой, оставляя то служеніе, въ которомъ ихъ руководятъ лучшіе изъ всѣхъ руководителей — боги; потому что человѣкъ мудрый не станетъ думать, что онъ будетъ лучше заботиться о себѣ самъ, сдѣлавшись свободнымъ. Только безумецъ могъ бы думать, что отъ господина должно бѣжать, и не разсудилъ-бы, что отъ добраго не нужно бѣжать, а всѣми силами его держаться; поэтому бѣгство его было бы противно разсудку; но кто обладаетъ умомъ тотъ пожелалъ бы навсегда остаться при томъ, который лучше его. Такимъ образомъ, любезный Сократъ, мнѣ представляется истиной нѣчто противное тому, что было сей часъ говорено

мудрымъ естественно умирая скорбѣтъ, а безумцамъ радоваться.

Сократъ, услышавъ это, остался, какъ мнѣ показалось, очень доволенъ настойчивостью Кебеса, и, взглянувъ на насъ, сказалъ: Кебесъ всегда ищетъ на все основаній, и не вдругъ соглашается съ тѣмъ, что ктонибудь скажетъ.

Однако-же, Сократъ, замѣтилъ Симміасъ, мнѣ и самому представляется, что Кебесъ говорить отчасти справедливо³⁹. Почему, въ самомъ дѣлѣ, истинно мудрые люди должны бѣгать отъ владыкъ, лучшихъ чѣмъ они сами, и безъ сожалѣнія съ ними разставаться? Мнѣ кажется, что рѣчь Кебеса направлена прямо противъ тебя⁴⁰, такъ какъ ты такъ' легко покидаешь и насъ и благихъ владыкъ, въ благодати которыхъ ты и самъ увѣренъ, — боговъ?

Вы говорите правду, возразилъ Сократъ, и мнѣ кажется, говорите это для того, чтобы заставить меня защищаться противъ этого какъ будто бы въ судилищѣ.

Совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

VIII. Я постараюсь, началъ Сократъ, чтобы моя защита передъ вами имѣла больший успѣхъ, нежели какой она имѣла передъ судьями. Если бы я не думалъ, друзья мой Симміасъ и Кебесъ, что я отоюду во первыхъ къ другимъ богамъ, — мудрымъ и благимъ⁴¹, а потомъ къ умершимъ людямъ, лучшимъ чѣмъ живущіе на землѣ, то я былъ бы неправъ, не скорбя при наступленіи смерти. Но, знайте, что я надѣюсь перейти къ людямъ добрымъ, хотя впрочемъ этого я не буду утверждать рѣшительно; — но что я перейду къ богамъ всеблагимъ, — относительно этого да будетъ вамъ извѣстно, что, если я могу утверждать съ достовѣрностью чтонибудь изъ подобныхъ вещей, то я буду это утверждать. Вотъ почему я не печалюсь при мысли о смерти⁴², но имѣю добрую надежду, что извѣстная участь существуетъ и для умершихъ⁴³, и, согласно древнему преданію, гораздо лучшая для добрыхъ, нежели для злыхъ.

Но какъ же, однако, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ, развѣ ты думаешь покинуть насъ, унесши съ собою твой взглядъ на этотъ предметъ, или ты сообщишь его и намъ? Мнѣ ка-

жется, что это благо общее и для насъ; да кромѣ того, если ты насъ убѣдишь въ томъ, что ты высказывалъ, то это будетъ виѣтъ и твоей апологіей.

Постараюсь, сказалъ Сократъ; но послушаемъ прежде, что намъ скажетъ Критонъ; онъ, какъ я замѣчаю, давно уже собирается что-то сказать.

Что же я скажу тебѣ, Сократъ, отвѣчалъ Критонъ, другое, кромѣ того, что давно уже повторяетъ мнѣ человекъ, который долженъ дать тебѣ ядъ, — что тебѣ какъ можно меньше нужно разговаривать; говорятъ, что тѣ, которые разговариваютъ, сильно разгорячаются; а съ употребленіемъ яду ничего такого нельзя соединять: въ противномъ случаѣ, люди, позволяющіе себѣ что нибудь подобное, бывають иногда принуждены пить по два и по три раза.

Не обращай на него вниманія⁴⁴, сказалъ Сократъ; пусть только онъ приготовитъ свое питье, какъ будто бы онъ долженъ былъ дать мнѣ два, и, если будетъ нужно, три раза.

Я почти предвидѣлъ твой отвѣтъ, возразилъ Критонъ; но право этотъ человекъ давно мнѣ не даетъ покою.

Оставь его, сказалъ Сократъ.

Только вамъ, мои судьямъ, я намѣренъ дать отчетъ, — на какомъ основаніи человекъ, который дѣйствительно провелъ жизнь въ занятіяхъ философій, естественно долженъ быть спокоенъ духомъ въ то время, когда готовится умереть, и имѣть добрую надежду наследовать по смерти величайшія блага. Я попробую, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, показать — какъ это такъ.

IX. Люди, занимающіеся надлежащимъ образомъ философій, остаются неизвѣстны другимъ въ томъ отношеніи, что они желаютъ не иного чего, какъ только умереть и быть для всего мертвыми⁴⁵. А если это справедливо, то было бы конечно очень странно, если бы философы, желавши въ теченіе всей жизни только одного этого, стали бы печалиться, когда пришла смерть, — пришло то, къ чему они давно стремились и чего желали.

Симміасъ, засмѣявшись при этомъ, сказалъ: клянусь Зе-

веселье, любимый Сократъ, я вовсе не расположенъ былъ смѣяться, но ты меня заставилъ. Я думаю, что многіе, услышавъ это, нашли бы, что это очень хорошо сказано о философахъ, а наши сограждане ⁴⁶ вполне согласились бы съ тѣмъ, что истинные философы дѣйствительно желаютъ смерти, и что они съ своей стороны понимаютъ, что философы ея достойны.

И справедливо бы сказали, любимый Симмиасъ, кроме того, что они это понимаютъ; нѣтъ, они не понимаютъ ни того, почему истинные философы желаютъ смерти ⁴⁷, ни того, почему они ея достойны, и какой именно ⁴⁸. Но будемъ продолжать нашу бесѣду, сказалъ Сократъ, оставивши въ шкофѣ этихъ людей. Обозначаемъ ли мы нѣчто, когда произносимъ слово: смерть?

Конечно, отвѣчалъ Симмиасъ.

Означаемъ ли мы этимъ имеемъ чтонибудь другое; чѣмъ отдѣленіе души отъ тѣла, и сущность смерти не состоитъ ли въ томъ, что тѣло, разлучившись съ душой, существуетъ само по себѣ, а душа, освобожденная отъ тѣла, сама по себѣ? Составляетъ ли смерть чтонибудь другое, а не это?

Не другое, а именно это, отвѣчалъ Симмиасъ.

Разсмотри внимательно, мой добрый другъ, точно ли тебѣ кажется такъ же какъ и мнѣ; потому что такимъ образомъ мы, я думаю, лучше поймемъ то, о чемъ разсуждаемъ. Какъ ты думаешь, прилично-ли философу гоняться за такъ называемыми удовольствіями, напр. за удовольствіями щировъ и попойекъ?

Мнѣе всего, Сократъ, отвѣчалъ Симмиасъ.

Ну, а за удовольствіями любви?

Никонимъ образомъ.

Ну, а другія заботы, касающіяся нуждъ жизни тѣлесной, считаетъ важными философъ? Такъ напр. обладаніе красивыми платьями, обувью и другими украшеніями тѣла ⁴⁹ — цѣнить ли онъ высоко, или же ставить ни во что, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда крайняя необходимость заставитъ его чтонибудь такое употребить?

Я думаю, что истинный философъ всеимъ этимъ пренебрегаетъ.

Слѣдовательно ты рѣшительно того мнѣнія, продолжалъ Сократъ, что заботы такого человѣка не должны имѣть предметомъ тѣла, но, удаленные отъ него, насколько только возможно, должны быть обращены въ души?

Я такъ думаю.

Не ясно ли отсюда, что философъ прежде всего во всѣхъ подобнаго рода вещахъ, преимущественно передъ другими людьми, отрѣшаетъ душу отъ общенія съ тѣломъ?

Очевидно.

Между тѣмъ, любезный Симмиасъ, многіе смотрятъ такъ, что тѣмъ, которые не находятъ никакого удовольствія въ обладаніи подобнаго рода предметами, или лишены ихъ, не стоитъ и жить; а человѣкъ, который не думаетъ объ удовольствіяхъ тѣла, представляется имъ близкимъ къ состоянію смерти.

Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя.

Х. Ну, а въ приобрѣтеніи знанія⁵⁰, служить ли тѣло препятствіемъ, если его принимаютъ соучастникомъ при изслѣдованіи, или нѣтъ? Я разумѣю вотъ что: передаютъ ли зрѣніе и слухъ что нибудь людямъ безобманчиво, или же поэты⁵¹ правы, когда постоянно твердятъ, что мы ничего не слышимъ и не видимъ съ точностію? а если эти тѣлесныя чувства не довольно безошибочны, тѣмъ менѣе остальные; потому что всѣ они низшаго достоинства, или тебѣ не представляется такъ?

Напротивъ, совершенно такъ, сказалъ Симмиасъ.

Когда же, продолжалъ Сократъ, душа доходитъ до познанія истины? потому что какъ скоро она пытается изслѣдовать что нибудь съ помощію тѣла, то тѣло очевидно вводитъ ее въ заблужденіе.

Правда.

И такъ не путемъ ли размышленія, если только это достижимо какимъ бы то ни было путемъ вообще, становится для нея яснымъ что нибудь въ бытіи⁵²?

Да.

А размышляетъ душа лучше всего тогда, когда ничто подобное не возмущаетъ ее, — ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, когда она заключается всецѣло въ самое себя,

не пользуюсь ни въ чемъ помощью тѣла ⁵³, и, на сколько только это для нея возможно, не общаюсь съ нимъ и не прикасаюсь къ нему, устремляется въ область бытія ⁵⁴.

Это такъ.

Не правда ли, что и въ этомъ случаѣ душа философа въ высшей степени презираетъ тѣло, бѣжитъ отъ него, и стремится отдѣлаться чѣмъ-то отдѣльнымъ ⁵⁵?

Очевидно.

А какъ мы будемъ, Симміасъ, понимать слѣдующія вещи: называемъ ли мы чтонибудь само въ себѣ справедливымъ или нѣтъ?

Конечно называемъ, клянусь Зевесомъ.

А чтонибудь другое прекраснымъ или добрымъ?

Да какъ же нѣтъ?

А видѣлъ ли ты когданибудь чтонибудь такое глазами?

Никогда, сказалъ Симміасъ.

Дошелъ ли ты до понятія объ этихъ вещахъ помощью какогонибудь другого изъ тѣлесныхъ чувствъ? Я говорю обо всемъ вообще, какъ напр. о величинѣ, здоровьѣ, силѣ, словомъ сказать о сущности всего, — о томъ, что такое каждая такая сущность сама въ себѣ. Познаемъ ли мы сокровеннѣйшую глубину ихъ съ помощію тѣла, или же это бываетъ такимъ образомъ, что тотъ, кто больше другихъ приучилъ себя мысленно проникать въ сущность, которую хочетъ изслѣдовать, наиболѣе приближается къ пониманію каждой ⁵⁶?

Конечно.

И такъ, не тотъ ли достигаетъ въ этомъ случаѣ совершеннѣе другихъ цѣли, кто устремляется къ каждой сущности одною только мыслью, не пользуясь при размышленіи чувствомъ зрѣнія, и не соединяя съ мысленнымъ созерцаніемъ дѣйствія какогонибудь другого тѣлеснаго чувства, но отдаваясь чистой мысли; мысли въ самой себѣ, стремится постичь чистое и существующее само въ себѣ ⁵⁷, отрѣшаясь при этомъ, на сколько только возможно, отъ зрѣнія, слуха, и, чтобы все сказать однимъ словомъ, отъ всего тѣла, какъ возмущающаго душу и не позволяющаго ей достигать истины и мудрости во всѣхъ

тѣхъ случаяхъ, когда она входить съ ними въ общеніе? Не такой ли человекъ, любезный Симміасъ, придетъ къ познанію бытія, если только ктонибудь можетъ къ этому придти?

Ты говоришь, любезный Сократъ, удивительно вѣрно, отвѣчалъ Симміасъ.

ХІ. Итакъ, въ слѣдствіе всего этого, сказалъ Сократъ, не должна ли въ умахъ истинныхъ философовъ явиться мысль, которую они будутъ и высказывать между собой, — именно, что согласно этому разсужденію, насъ, кажется, вводитъ на ровный путь въ изслѣдованіи истины одна дорога ⁵⁸, потому что, пока мы заключены въ тѣла, пока наша душа связана съ этимъ зломъ, мы не будемъ вполне обладать тѣмъ, къ чему стремимся: я разумѣю истину. Тѣло представляетъ намъ въ этомъ случаѣ бесчисленныя препятствія по причинѣ необходимости заботиться о немъ; случавшіяся иногда болѣзни служатъ также помѣхой въ изысканіи истины; наконецъ, оно исполняетъ насъ любовными склонностями, пожеланіями, опасеніями, всякаго рода призраками и разной суетой ⁵⁹; такъ что справедливо говорятъ, что мы, благодаря нашему тѣлу, иногда и ни въ чемъ не можемъ быть мудрыми. Ничто иное, какъ тѣло и его пожеланія производятъ войны, бунты и битвы; потому что всѣ войны имѣютъ источникомъ стремленіе къ обогащенію, а стремиться къ обогащенію мы побуждаемся тѣломъ, такъ какъ мы обязаны ему попеченіемъ. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ у насъ не остается времени для занятія философіей ⁶⁰. Не самое худшее изъ всего то, что, если тѣло и оставляетъ намъ иногда нѣкоторый досугъ, и мы обращаемся къ изслѣдованію чегонибудь, оно снова, всюду зашвыриваясь въ наши изысканія, производитъ въ насъ волненіе и безповойство, возмущая нашу внутреннюю тишину до того, что мы, благодаря ему, дѣлаемся неспособны созерцать истину. И такъ отсюда ясно, что, если мы желаемъ чтонибудь настоящимъ образомъ знать, то намъ необходимо отрѣшаться отъ тѣла и одною душею созерцать сущность вещей. Такимъ образомъ, только тогда, какъ кажется и какъ показываетъ наше изслѣдованіе, мы достигнемъ того, къ чему стремимся и чего мы называемъ себя любителями, тѣмъ

есть знанія, когда окончимъ жизнь, а не теперь, пока живемъ. Если же познавать что нибудь совершеннымъ образомъ невозможно при участіи тѣла, то одно изъ двухъ: или для насъ не существуетъ возможности достигать знанія, или мы будемъ обладать имъ только по смерти; потому что только тогда душа будетъ существовать сама въ себѣ⁶¹, отрѣшенная отъ тѣла, а не прежде. — Но пока мы живемъ, мы можемъ, какъ видно изъ всего этого, только въ томъ случаѣ приближаться къ истинѣ, если будемъ какъ можно менѣе сообщаться и дружитья съ тѣломъ, кромѣ случаевъ самой крайней необходимости; если не будемъ исполняться его свойствами, но будемъ блюсти себя отъ него чистыми до тѣхъ поръ, пока богъ не разрѣшитъ насъ. — Тогда, освободившись чистыми отъ безумныхъ пожеланій тѣла, мы будемъ, вѣроятно, находиться съ такими же сущностями⁶² какъ мы сами, и черезъ самихъ себя все постигать въ его чистомъ видѣ; а это, вѣроятно, и есть истина: нечистому же невозможно соприкасаться съ чистымъ. Вотъ что, я думаю, Симміасъ, истинные любители мудрости должны думать и говорить между собою. Или тебѣ не представляется такъ?

Я убѣжденъ въ этомъ болѣе, нежели въ чемъ нибудь другомъ, Сократъ.

ХII. И такъ, если это справедливо, любезный другъ, сказалъ Сократъ, то для человѣка, когда онъ придетъ туда, куда я иду, есть большая надежда именно тамъ, — если только это возможно гдѣ нибудь, — вполне достичь того, ради чего мы предпринимали въ прошедшей жизни много трудовъ, такъ что переселеніе, которое въ настоящее время мнѣ предстоитъ, будетъ совершенно мною съ доброй надеждой, точно также какъ и каждымъ другимъ, кто можетъ думать, что онъ приготовилъ уже къ этому очищеніемъ свою мысль⁶³.

Конечно такъ, сказалъ Симміасъ.

А очищеніе, какъ мы говорили въ предыдущей части бесѣды, не состоитъ-ли въ томъ, чтобы уединять какъ можно болѣе душу отъ тѣла, приучать ее собираться и сосредоточиваться въ самое себя, и жить на сколько только это возможно,

и въ жизни настоящей и потѣхъ, только въ себѣ самой, отпавшись отъ тѣла, какъ будто отъ оковъ?

Совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

И не это ли называется смертью — освобожденіе и отдѣленіе души отъ тѣла?

Конечно, отвѣтилъ тотъ.

Истинные философы всегда стремятся, какъ мы говорили болѣе всего и одни изъ всѣхъ людей отрѣзать душу отъ тѣла, и это именно, то есть освобожденіе и отдѣленіе души отъ тѣла, составляетъ предметъ постоянныхъ занятій философовъ. Не такъ ли?

Очевидно.

И такъ не было ли бы смѣшно, какъ я сказалъ въ началѣ разсужденія, если бы человѣкъ, который въ теченіе своей жизни стремился жить жизнью, близкой къ состоянію смерти⁶⁴, сталъ бы потомъ скорбѣть при наступленіи смерти? Не смѣшно ли бы это было?

Еще бы нѣтъ!

Въ самомъ дѣлѣ, любезный Симміасъ, продолжалъ Сократъ, истинные философы упражняются въ томъ, что умираютъ, и умереть на самомъ дѣлѣ имъ менѣе страшно, чѣмъ кому нибудь изъ людей. Это ты можешь видѣть 'вотъ изъ чего. Если философы ненавидятъ тѣло во всѣхъ отношеніяхъ⁶⁵, желаютъ имѣть одну только душу, то не было ли бы крайняго несообразностію, если бы они чувствовали страхъ или печаль при исполненіи ихъ желанія, если бы они не шли съ радостью туда, гдѣ есть надежда получить то, къ чему они стремились въ теченіе жизни? а стремились они къ мудрости и освобожденію отъ союза съ тѣломъ, которое ненавидѣли. Многие, послѣ потери дорогихъ имъ существъ⁶⁶, по смерти женъ и сыновъ добровольно сходили въ айдъ, въ надеждѣ увидѣть тамъ тѣхъ кого они любили и быть съ ними вмѣстѣ; а человѣкъ, котораго истинно любить мудрость, и имѣть твердую надежду получить въ обладаніе ту мудрость, которая достойна этого имени, въ иномъ какомъ мѣстѣ, а именно въ айдѣ, — будетъ умереть скорбѣть, а не пойдетъ туда съ радостію? Надобно думать

что онъ пойдетъ туда съ радостію, любезный другъ, если только онъ истинный философъ, потому что онъ твердо будетъ вѣрить, что именно тамъ и нигдѣ больше будетъ обладать чистою мудростію. А если такъ, то не было ли бы крайнею несообразностію, какъ я сейчасъ сказалъ, если бы такой человѣкъ сталъ бояться смерти?

ХІІІ. Конечно, это было бы крайне несообразно, клянусь Зевесомъ, отвѣтилъ тотъ.

И такъ, сказалъ Сократъ, если ты увидишь человѣка, который скорбитъ при наступленіи смерти, — не будетъ ли это служить для тебя достаточнымъ доказательствомъ, что человѣкъ этотъ любитъ не мудрость, а тѣло⁶⁷? а такой человѣкъ непремѣнно любитъ и деньги и почести, — иногда одно, иногда другое, а иногда то и другое вмѣстѣ.

Это дѣйствительно такъ, какъ ты говоришь, отвѣчалъ Симміасъ.

А то, любезный Симміасъ, что называютъ мужествомъ⁶⁸, сказалъ Сократъ, не есть ли нѣчто свойственное по преимуществу людямъ, расположеннымъ подобнымъ образомъ⁶⁹, то есть философамъ?

Совершенно справедливо, отвѣтилъ тотъ.

А воздержаніе, именемъ котораго многіе обозначаютъ то, чтобы не отдаваться всецѣло страстямъ, но презирать ихъ, и удерживать въ границахъ, — не принадлежитъ ли оно единственно людямъ, которые по преимуществу пренебрегаютъ тѣломъ, и проводятъ жизнь въ занятіяхъ философіей?

Непремѣнно такъ, сказалъ Симміасъ.

Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Сократъ, если ты начнешь разсматривать мужество и воздержаніе другихъ людей, то увидишь, что эти добродѣтели ихъ заключаютъ въ себѣ что-то странное.

Какимъ образомъ, Сократъ?

Ты знаешь, отвѣчалъ Сократъ, что всѣ другіе считаютъ смерть величайшимъ изъ золъ.

Совершенно вѣрно, отвѣтилъ тотъ.

И такъ люди мужественные между ними не подвергаются ли

смерти, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подвергаются, естественнo изъ боязни — подвергнуться въ противномъ случаѣ бшему злу?

Правда.

Слѣдовательно всѣ другіе, кроиъ философовъ, мужественны потому, что они боятся, мужественны вслѣдствіе страсти. Но это право что-то странное, — быть мужественнымъ изъ страха и боязни.

Конечно такъ.

Ну, а воздержные изъ нихъ ⁷⁰? Не происходитъ ли изъ этихъ того же самого? Не бываютъ ли они воздержными нѣкотораго рода невоздержанію? Мы говоримъ, что это не такъ можно, но на самомъ дѣлѣ бываетъ именно нѣчто подобное этимъ глупымъ воздержаніемъ. Они отказываютъ себѣ въ однихъ удовольствіяхъ, боясь лишиться другихъ, къ которымъ стремятся и любовь къ которымъ всецѣло ими обладаетъ. Мы называемъ невоздержаніемъ — подчинятся страсти къ удовольствіямъ, а между тѣмъ съ ними происходитъ именно это самое, когда они побѣждаютъ влеченіе къ однимъ удовольствіямъ, одолеваяеиые жаждой другихъ. А это совершенно походитъ на то, что было сейчасъ сказано, — что они воздержны вслѣдствіе нѣкотораго рода невоздержанія.

Кажется, это такъ.

О дорогой мой Симміасъ, не правленъ подобнаго рода обмѣнъ ⁷¹, какъ скоро дѣло касается добродѣтели, то естество мѣняетъ удовольствія на удовольствія, и печали на печали, опасенія на опасенія и большее на меньшее, какъ будто монету. Одна истинная монета, на которую все это должно мѣняться, — это мудрость: за нее и черезъ нее покупаются и продается дѣйствительно все ⁷², — и мужество и воздержаніе и справедливость; однимъ словомъ, истинная добродѣтель не мѣняется съ мудростію, — бываютъ или не бываютъ при этихъ удовольствіяхъ, и опасеніяхъ и все другое подобное. Но если добродѣтель не основана на мудрости, и мѣняется одна на другую, то не призрачна ли такая добродѣтель, не рабская ли она существу, и не лишена ли она въ характерѣ своемъ всего

роваго и истиннаго? А истинное въ этомъ случаѣ ⁷³ есть очищеніе себя отъ всего подобнаго: и воздержаніе, и справедливость, и мужество и самая мудрость суть не что иное, какъ религіозное очищеніе ⁷⁴. Тѣ, которые установили для насъ это таинственное служеніе, не были люди обыкновенные: уже въ древности они хотѣли на дѣлѣ показать этими загадочными образами, что тотъ, кто сойдетъ въ андъ, не будучи посвященъ въ таинства и очищенъ, будетъ погруженъ въ грязь, а очищенный и посвященный, прибывъ туда, будетъ жить вмѣстѣ съ богами. Завѣдывающіе религіозными посвященіями говорятъ: «много людей, носящихъ тирсъ, но мало вдохновляемыхъ божествомъ» ⁷⁵. А эти послѣдніе, по моему мнѣнію, суть именно люди, занимавшіеся надлежащимъ образомъ философіей. Я, по возможности, не упустилъ въ теченіе жизни ничего, чтобы принадлежать къ числу этихъ людей, но стремился къ этому всѣми силами. Были ли мои стремленія направлены надлежащимъ образомъ, и имѣли ли я въ нихъ успѣхъ, — я узнаю навѣрно, пришедши туда, если угодно будетъ богу, — въ непродолжительномъ времени, какъ мнѣ кажется.

Это, любезные друзья мои Симміасъ и Кебесъ, я говорю въ защиту свою передъ вами, желая показать, что я справедливо не скорблю и не досажую, покидая и васъ и здѣшнихъ владыкъ, — боговъ; я думаю, что и тамъ я встрѣчу ничуть не меньше благихъ повелителей и друзей, хотя очень многіе этому не вѣрятъ. Если въ этой защитѣ моей передъ вами я имѣлъ больше успѣха, чѣмъ передъ моими аѳинскими судьями, — это было бы хорошо.

XIV. Когда Сократъ окончилъ, Кебесъ въ свою очередь началъ слѣдующую рѣчь. Все, что ты говорилъ, Сократъ, мнѣ кажется справедливо; но мысли, высказанныя тобою о душѣ, встрѣчаютъ у людей большое недовѣріе. Быть можетъ, душа, послѣ того когда она разрѣшится отъ тѣла, перестаетъ вовсе существовать, разрушаясь и погибая въ тотъ самый день, когда человекъ умретъ; какъ скоро она освобождается отъ тѣла, и выходитъ изъ него на подобіе дыханія или дыму, она, разсѣявшись, улетаетъ и исчезаетъ безслѣдно, и ея уже нигдѣ

больше нѣтъ. Если-жъ бы она существовала гдѣ нибудь как чистая сущность, заключенная въ самой себѣ, и освобожденная отъ золь, которыя ты сейчасъ исчислялъ, то мы имѣли бы большію и прекрасную надежду, Сократъ, что все, что ты говоришь, истина. Но, я думаю, нужно не мало доводовъ и доказательствъ на то ⁷⁶, что душа человѣка умершаго продолжаетъ существовать, и обладаетъ силой и способностями ума.

Ты правъ, Кебесь, сказалъ Сократъ; но что-жъ мы будемъ дѣлать? Не хочешь ли, начнемъ объ этомъ разсуждать, — действительно ли это такъ, или нѣтъ?

Я, сказалъ Кебесь, съ удовольствіемъ выслушалъ бы твои мнѣнія объ этомъ.

По крайней мѣрѣ, я не думаю, сказалъ Сократъ, что кто нибудь, — хотя бы это былъ комическій писатель, — слушаетъ меня, сказалъ, что я говорю вздоръ, или разсуждаю о вещахъ, которыя меня не касаются. И такъ, если тебѣ угодно, приступимъ къ изслѣдованію этого предмета.

XV. Разсмотримъ его прежде всего въ слѣдующемъ отнесеніи: действительно ли души умершихъ людей находятся въ айдѣ, или нѣтъ? Извѣстное намъ объ этомъ преданіе принадлежитъ древнимъ временамъ: оно говоритъ, что души людей, уходящихъ отсюда, продолжаютъ существовать тамъ, и возвращаются снова сюда, и рождаются изъ умершихъ. Если это действительно такъ, если живущіе рождаются вновь изъ умершихъ, то что другое отсюда слѣдуетъ какъ не то, что наши души по смерти находятся въ айдѣ? потому что онѣ очевидно не могли бы снова родиться, если бы перестали существовать. И само по себѣ служило бы достаточнымъ доказательствомъ истинности этого, если бы въ самомъ дѣлѣ было очевидно, что живущіе рождаются не инымъ какимъ нибудь образомъ, какъ толпа изъ умершихъ. Но если это не такъ, то надобно искать другихъ доказательствъ.

Конечно, отвѣчалъ Кебесь.

Не должно разсматривать этого вопроса исключительно относительно людей, если ты хочешь изслѣдовать точнѣе предметъ, продолжалъ Сократъ, но относительно всѣхъ животныхъ и

стѣній, однимъ словомъ — относительно всего, въ чемъ только имѣеть мѣсто рожденіе. Разсмотримъ все вообще: не рождается ли все точно такимъ образомъ, то есть не иначе, какъ противоположное изъ противоположнаго, разумѣется тамъ, гдѣ противоположности существуютъ, какъ напр. прекрасное противоположно безобразному, справедливое несправедливому и точно такимъ же образомъ безчисленные другіе предметы. И такъ рассмотримъ, — составляетъ ли необходимость, чтобы то, чтѣ имѣеть себѣ противоположное, рождалось не иначе, какъ изъ своего противоположнаго: такъ наприм., если что нибудь дѣлается бѣльшимъ, то не необходимо ли, чтобы оно сначала было меньшимъ, а потомъ уже сдѣлалось бѣльшимъ?

Конечно.

И если что нибудь дѣлается меньшимъ, — не дѣлается ли оно меньшимъ послѣ, а прежде не было ли оно бѣльшимъ?

Это такъ, сказалъ Кебесъ.

Не точно ли такимъ же образомъ образуется слабѣйшее изъ сильнѣйшаго, и болѣе быстрое изъ болѣе медленнаго?

Совершенно вѣрно.

Что же далѣе? Если что нибудь дѣлается худшимъ, то не становится ли оно такимъ изъ лучшаго, и болѣе справедливое не образуется ли изъ болѣе несправедливаго?

Да какъ же иначе?

И такъ, сказалъ Сократъ, мы достаточно твердо установили то, что все рождается именно такимъ образомъ, — противоположное изъ противоположнаго?

Конечно.

Что же еще? Не существуетъ ли между ними, — между всѣми противоположностями вообще, — того явленія, чтобы двѣ противоположности представляли двойное образованіе, какъ переходъ отъ одного противоположнаго къ другому и обратно, — отъ второго къ первому? между бѣльшимъ и меньшимъ не занимаетъ ли средину увеличеніе и уменьшеніе, и не говоримъ ли мы, что одно увеличиваетъ, а другое уменьшаетъ?

Да, отвѣтилъ Кебесъ.

Не точно ли такимъ образомъ это бываетъ съ раздѣленіемъ

и соединеніемъ, и со всѣми другими явленіями, даже если иногда мы не имѣемъ названій для обозначенія ихъ? на дѣлѣ, одна кожъ, это непремѣнно бываетъ такъ, то есть предметы рождаются одни изъ другихъ, и переходятъ одинъ въ другой посредствомъ дѣйствіемъ ⁷⁸.

Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Кебесъ.

XVI. Далѣе, продолжалъ Сократъ, есть ли что нибудь противоположное жизни, какъ напр. сонъ противоположенъ состоянію бодрствованія?

Конечно, отвѣчалъ Кебесъ.

Что?

Смерть.

Не образуются ли эти явленія одно изъ другого, если они противоположны, и не существуетъ ли между ними, по причинѣ ихъ двойственности, двухъ переходовъ отъ одного къ другому ⁷⁹?

Да какъ же нѣтъ?

Теперь, продолжалъ Сократъ, я хочу предложить тебѣ объ одной четвѣ ⁸⁰ двухъ противоположныхъ явленій, о которыхъ я сей часъ говорилъ, — о ней самой, и о способѣ рожденія одного явленія изъ другого, а ты скажи мнѣ о другой четвѣ. Я разумѣю сонъ и бодрствованіе. Я говорю, что изъ явленія сна образуется явленіе бодрствованія, а изъ бодрствованія — сонъ, а способы образованія ихъ, — для одного будетъ засыпаніе, а для другого пробужденіе. Достаточно ли ясно я представилъ это тебѣ, или нѣтъ?

Совершенно.

Скажи же мнѣ и ты такимъ же образомъ, продолжалъ Сократъ, относительно жизни и смерти. Не говоришь ли ты, что смерть составляетъ противоположность жизни?

Да.

И что эти оба явленія рождаются одно изъ другого?

Да.

И такъ, что же рождается изъ живаго?

Мертвое, сказалъ Кебесъ.

А изъ мертваго что? продолжалъ Сократъ.

Необходимо признать, что живое, отвѣчалъ Кебесъ.

И такъ, любезный Кебесъ, живыя существа и живущіе люди рождаются изъ умершихъ?

Очевидно, отвѣтилъ тотъ.

Слѣдовательно наши души, сказалъ Сократъ, продолжаютъ существовать въ адѣ.

Кажется такъ.

А изъ посредствующихъ дѣйствій, составляющихъ переходъ отъ жизни къ смерти и обратно, не есть ли одно очевидно? потому что смерть составляетъ, конечно, нѣчто очевидное? Не такъ ли?

Конечно, сказалъ Кебесъ.

Какъ же мы теперь будемъ разсуждать далѣе? продолжалъ Сократъ. Не признаемъ ли мы въ соотвѣтствіе смерти другого противоположнаго явленія — возврата къ жизни, или природа окажется въ этомъ случаѣ хромою? Нужно ли намъ принять рожденіе, какъ противоположность умиранію?

Непремѣнно такъ.

Какое именно?

Возрожденіе.

И такъ, не есть ли возрожденіе, — если только оно существуетъ, — сказалъ Сократъ, образованіе живущихъ изъ умершихъ?

Совершенно такъ.

Такимъ образомъ, мы согласились въ томъ, что живые образовались изъ умершихъ, точно такъ какъ умершіе изъ живыхъ; а если такъ, — это мнѣ представляется достаточнымъ доказательствомъ того, что души умершихъ необходимо должны существовать гдѣ-то, откуда онѣ опять возвращаются въ міръ.

Мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ, на основаніи тѣхъ началъ, которыя мы приняли, необходимо должно быть такъ.

XVII. Теперь обрати вниманіе на то, любезный Кебесъ, продолжалъ Сократъ, что мы не безъ основанія, какъ мнѣ кажется, приняли эти начала. Если бы явленія не находились всегда въ соотвѣтствіи одни съ другими, и не возникали бы одни изъ другихъ, совершая какъ бы круговое движеніе, но каждое явленіе переходило бы только въ противоположное себѣ,

и не возвращалось бы снова къ тому, чѣмъ было прежде, а потому не переходило бы опять въ другое, то ты понимаешь, что все бы наконецъ приняло одинъ и тотъ же видъ, пришло бы къ одному и тому же состоянію, и всякое рожденіе прекратилось бы?

Какъ это такъ? спросилъ Кебесъ.

Нѣтъ никакой трудности понять, что я говорю, отвѣчалъ Сократъ. Если бы напр. существовало засыпаніе, и не было соответствующаго ему явленія — пробужденія спящаго отъ сна, то ты понимаешь, что природа сдѣлала бы наконецъ разсказъ объ Эндиміонѣ ⁸¹ вещь, не стоящей вниманія, и его сонъ обратился бы въ ничто по той причинѣ, что все очутилось бы точно въ такомъ же состояніи какъ и онъ, то есть въ состояніи сна. И если бы все только смѣшивалось, но не раздѣлялось, то скоро исполнилось бы анаксагоровское ⁸²: «все вещи находились въ смѣшеніи». Точно такимъ же образомъ, другъ мой Кебесъ, если бы все причастное жизни только умирало, и умершее оставалось въ этомъ состояніи, не возражаясь опять, то не необходимо ли, чтобы все наконецъ пришло къ состоянію смерти, и не было ничего живого? потому что, если бы живущее рождалось изъ чего нибудь другого, а не изъ мертваго, и живущее умирало, то какое средство существовало бы къ тому, чтобы все наконецъ не было поглощено смертью?

Никакого, мнѣ кажется, средства, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ. Я думаю, что ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо.

Это, какъ мнѣ кажется, болѣе справедливо, нежели что нибудь, любезный Кебесъ, сказалъ Сократъ; и мы не обманываемся, соглашаясь съ тобою въ этихъ вещахъ: все это существуетъ на самомъ дѣлѣ — и рожденіе живущихъ изъ умершихъ и бытіе душъ умершихъ, и то, что жребій добродѣтельныхъ лучше, а злыхъ хуже.

XVIII. Дѣйствительно, любезный Сократъ, началъ, прерывая рѣчь его, Кебесъ: это совершенно необходимо и на основаніи того, что ты часто высказывалъ, — если справедливо что ученіе есть для насъ ничто иное, какъ припоминаніе, — и

основаніи этого разсужденія очевидно необходимо, чтобы мы узнали когда-то прежде то, что припоминаемъ теперь. А это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала гдѣ нибудь, прежде чѣмъ воплотилась въ человѣческой образъ; такимъ образомъ, и въ силу этого основанія душа представляется чѣмъ-то безсмертнымъ.

Но, любезный Кебесъ, сказалъ, прерывая его, Симміасъ, — какія существуютъ на это доказательства? напомни мнѣ, потому что въ настоящее время я ихъ не помню хорошо.

Я напомню тебѣ одно, но прекрасное доказательство, отвѣчалъ Кебесъ. Люди, когда ихъ о чемъ нибудь спрашиваютъ, если только вопросъ сдѣланъ хорошо, сами собою отвѣчаютъ на все правильно, чего они не могли бы дѣлать, если бы не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ умомъ. Далѣе, если кто нибудь укажетъ имъ геометрическія фигуры, или что нибудь подобное, то отсюда откроется какъ нельзя яснѣе, что это дѣйствительно такъ.

Если ты не убѣждаешься этимъ, любезный Симміасъ, продолжалъ Сократъ, то не согласишься ли ты съ нами, разсматривая этотъ предметъ слѣдующимъ образомъ. Ты сомнѣваешься, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе?

Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Симміасъ; но я желаю только, прибавилъ онъ, это самое испытать, — хочу чтобы вы припомнили мнѣ то, о чемъ идетъ рѣчь, то есть: что значить припоминать⁸³? Я почти уже на основаніи того, что началъ говорить Кебесъ, припоминаю и убѣждаюсь; тѣмъ не менѣе, однакожь, я съ удовольствіемъ послушалъ бы теперь, какъ ты это доказываешь.

Я доказываю это слѣдующимъ образомъ, сказалъ Сократъ. Мы конечно будемъ согласны въ томъ, что если кто нибудь что нибудь припоминаетъ, то надобно чтобы онъ зналъ это когда нибудь прежде.

Конечно такъ, сказалъ Симміасъ.

Не признаешь ли ты также и того, что когда знаніе придетъ къ намъ подобнымъ способомъ, то оно есть припоминаніе? Я разумѣю вотъ что: если кто нибудь, видѣвъ или слышавъ

чтонибудь прежде, или получивъ понятіе о чемънибудь по-
мощію какогонибудь другого чувства, представляетъ не только
это, но въ тоже время думаетъ о другомъ предметѣ, котораго
познаніе не такое же, а иное, то не справедливо ли мы гово-
римъ, что онъ вспомнилъ о томъ, о чемъ подумалъ?

Какъ это?

Возьмемъ напр. слѣдующее: познаніе человѣка и лиры — раз-
ныя ли эти вещи?

Да какъ же нѣтъ?

А знаешь ли ты, что это испытываютъ любовники, уви-
дѣвъ лиру или платье, или чтонибудь другое, что употре-
бляетъ предметъ ихъ привязанности⁸⁴? Они узнаютъ лиру и
въ душѣ ихъ является образъ мальчика, которому она прина-
длежитъ. Это — воспоминаніе. Точно также случалось, я думаю,
часто, что ктонибудь, увидѣвъ Симміаса, вспоминалъ Кебеса,
и примѣровъ этого рода можно бы привести безчисленное мно-
жество.

Безчисленное множество, клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ Сим-
міасъ.

И такъ, все подобное, сказалъ Сократъ, не представляетъ
ли нѣкотораго рода воспоминанія, особенно, если ктонибудь
испытываетъ это относительно такихъ вещей, которыя забылъ
за давностію времени, или оттого что не думалъ о нихъ?

Совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

Далѣе, продолжалъ Сократъ, можно ли, видя нарисован-
ную лошадь или лиру вспоминать о человѣкѣ, или видя нари-
сованнаго Симміаса вспоминать Кебеса?

Конечно.

И не точно ли такимъ же образомъ, видя нарисованнаго
Симміаса, вспоминать самого Симміаса?

Конечно можно, отвѣчалъ Симміасъ.

XIX. И такъ не очевидно ли изъ всего этого, что воспо-
минаніе рождается въ насъ иногда при сходствѣ, а иногда при
несходствѣ предметовъ?

Очевидно.

Но если ктонибудь чтонибудь вспоминаетъ при сходствѣ,

то не необходимо ли, чтобы онъ вибѣтъ съ этимъ думалъ и о томъ, — нѣтъ ли въ предметѣ, нѣкотораго недостатка для совершеннаго сходства съ тѣмъ, о которомъ онъ вспомнилъ⁸⁵?

Необходимо.

Разсмотри внимательно, продолжалъ Сократъ, дѣйствительно ли это такъ? Говоримъ ли мы, что равенство есть нѣчто? Я не разумѣю равенства одного куска дерева другому, или камня камню, или равенства одного какого нибудь подобнаго предмета другому; но, помимо всего этого, я разумѣю нѣчто иное, — самое равенство⁸⁶: будемъ ли мы утверждать, что оно есть нѣчто, или же ничто?

О конечно, мы будемъ утверждать, что оно есть нѣчто; клянусь Зевесомъ, сказалъ Симміасъ.

А знаемъ ли мы что оно такое въ самомъ себѣ?

Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Симміасъ.

Откуда же мы получили понятіе о немъ? Не изъ тѣхъ ли предметовъ, о которыхъ мы сей часъ говорили, — видя напр. куски дерева или камни, или другіе равные предметы, — не изъ этихъ ли предметовъ составили мы понятіе о равенствѣ, которое есть нѣчто отличное отъ самыхъ предметовъ? потому что, въ самомъ дѣлѣ, не представляется ли оно тебѣ отличнымъ? Разсмотри это самое еще слѣдующимъ образомъ: представляются ли тебѣ равные камни или куски дерева, которые всегда одни и тѣже, всегда тѣми же самыми, или же иногда равными, а иногда нѣтъ?

Конечно.

Далѣе: бываетъ ли когда нибудь, чтобы равное представилось тебѣ неравнымъ⁸⁷, или равенство неравенствомъ?

Никогда, Сократъ.

И такъ, равные предметы и равенство не одно и то же?

Ни въ какомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, Сократъ.

Однакожъ, продолжалъ Сократъ, не изъ этихъ ли равныхъ предметовъ, которые однакожъ отличны отъ равенства, ты образовалъ идею равенства, и получилъ о немъ понятіе?

Ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо, отвѣчалъ Симміасъ.

А равно или неравно вслѣдствіе этого равенство самихъ предметовъ ?

Конечно нѣтъ.

Впрочемъ, это не дѣлаетъ разницы, продолжалъ Сократъ. И такъ, если ты, глядя на одинъ извѣстный предметъ, представляешь при видѣ его и другой, сходный или несходный съ нимъ, то это конечно будетъ воспоминаніе.

Конечно такъ⁸⁸.

Что же далѣе? продолжалъ Сократъ; не происходитъ ли съ нами чегонибудь подобнаго при видѣ кусковъ дерева и тѣхъ равныхъ предметовъ, о которыхъ мы говорили, — представляютъ ли они намъ равными, какъ само равенство, или же имъ чегонибудь недостаетъ для того чтобы быть такими какъ само равенство, или же этого недостатка въ нихъ нѣтъ?

Имъ недостаетъ очень многого, отвѣтилъ тотъ.

И такъ, мы признаемъ, что если ктонибудь, видя извѣстный предметъ, думаетъ: то, что я вижу теперь, стремится быть такимъ же, какъ нѣчто другое, но ему недостаетъ чего-то для этого, и оно не можетъ сдѣлаться такимъ-же точно какъ другое, а стоитъ ниже другого, мы, говорю, признаемъ, что тотъ, кто думаетъ такимъ образомъ, долженъ знать предварительно то, вслѣдствіе чего онъ говоритъ, что извѣстный предметъ, хотя похожъ на нѣчто другое, но однакожь отстаетъ отъ этого послѣдняго?

Это необходимо.

Ну, такъ какъ же? испытываемъ ли мы чтонибудь подобное, или нѣтъ, относительно равныхъ предметовъ и самого равенства?

Конечно.

И такъ очевидно необходимо, чтобы мы знали равно прежде того времени, когда, увидѣвъ въ первый разъ равныя предметы, пришли къ мысли, что всѣ они стремятся быть равными какъ само равенство⁸⁹, однакожь стоятъ ниже его.

Конечно такъ.

Не признаемъ ли мы также и того, что мы пришли къ этой мысли не иначе, и не могли придти къ ней иначе, какъ

посредствомъ зрѣнія, осязанія или какого нибудь другого чувства, потому что въ настоящемъ случаѣ это все равно?

Это все равно, Сократъ, по отношенію къ предмету нашего разсужденія.

И такъ необходимо съ помощію чувствъ придти къ той мысли, что все, принимаемое подобнымъ образомъ чувствами, стремится къ равенству, и однако стоитъ ниже его? или какъ мы будемъ въ этомъ случаѣ говорить?

Конечно такъ.

Слѣдовательно, прежде чѣмъ мы начали видѣть и слышать, или принимать что нибудь съ помощію другихъ чувствъ, мы должны были получить гдѣ нибудь понятіе о самомъ равенствѣ, — что оно такое въ самомъ себѣ, для того чтобы могли возводить къ нему подлежащія чувствамъ равные предметы и видѣть, что они стремятся стать равными какъ само равенство, но однако стоятъ ниже его.

Это необходимый выводъ изъ того, что было сказано, любезный Сократъ.

А не правда ли, что мы тотчасъ по рожденіи видѣли, слышали и пользовались употребленіемъ другихъ чувствъ?

Конечно.

И такъ намъ необходимо было получить понятіе о равенствѣ прежде всего этого?

Да.

Очевидно, слѣдовательно, что мы должны были получить его прежде рожденія.

Очевидно такъ.

XX. И такъ, если мы, получивъ понятіе о немъ прежде рожденія, родились вмѣстѣ съ нимъ, то не очевидно ли опять, что мы знали и прежде рожденія и тотчасъ по рожденіи не только равное, или большее и меньшее, но и всѣ вещи подобнаго рода? потому что мы говоримъ теперь столько же о равенствѣ, сколько о прекрасномъ въ его сущности, добромъ, справедливомъ и святомъ; словомъ сказать обо всемъ, чему только мы приписываемъ бытіе⁹⁰, спрашивая въ вопросахъ и

отвѣчая въ отвѣтахъ, такъ что мы необходимо должны бы получить знаніе всего этого прежде рожденія.

Это такъ.

И если бы мы не забывали каждый разъ полученнаго знанія то мы всегда раждались бы знающими, и сохраняли бы всю жизнь; потому что знать есть не что иное, какъ сохраненіе пріобрѣтеннаго знанія и не терять его; а забвеніемъ, любезный Симміасъ, не называемъ ли мы потерю знанія?

Совершенно такъ, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.

Если же, какъ думаю я, получивъ знаніе до рожденія мы потеряли его черезъ рожденіе, а потомъ съ помощію чувствъ вновь пріобрѣтаемъ тѣ знанія, которыя имѣли нѣкогда прежде, то не будетъ ли то, что мы называемъ ученіемъ, возобновленіемъ присущаго намъ знанія, и говоря, что это значитъ помнить, — не говоримъ ли мы правильно?

Безъ сомнѣнія такъ.

Потому что мы признали возможнымъ⁹¹, чтобы кто нибудь воспринимая впечатлѣніе отъ извѣстнаго предмета, — помощію зрѣнія и слуха, или какого нибудь другого чувства, — образъ вывалъ бы при этомъ и представленіе чего нибудь другого, что онъ забылъ, и съ чѣмъ предметъ имѣетъ близость вслѣдствіе сходства, или несходства. Такимъ образомъ, какъ я говорю, необходимо принять одно изъ двухъ: или мы всѣ родимся съ этимъ знаніемъ и обладаемъ имъ всю жизнь, или же тѣ изъ которыхъ мы говоримъ, что они учатся, дѣлаютъ впоследствии времени не что иное, какъ припоминаютъ, и ученіе есть припоминаніе.

Это дѣйствительно совершенно справедливо, Сократъ.

XXI. И такъ, что же изъ двухъ ты примешь, Симміасъ, то ли, что мы родимся знающими, или что мы припоминаемъ впоследствии вещи, знаніемъ которыхъ обладали прежде?

Въ настоящую минуту, любезный Сократъ, я немогу сдѣлать выбора. Однакожь, можешь ли ты сдѣлать выборъ въ слѣдующемъ случаѣ, и какъ ты думаешь объ этомъ предметѣ? Можешь ли знающій человѣкъ отдать отчетъ въ томъ, что онъ знаетъ, или нѣтъ?

Это совершенно необходимо, Сократъ.

А какъ тебѣ кажется, — всѣ ли люди способны дать отчетъ въ томъ, о чемъ мы сейчасъ говорили?

Я бы этого желалъ, сказалъ Симмиасъ, но я сильно боюсь, что завтра въ это время не найдется никого, кто бы могъ это сдѣлать, какъ слѣдуетъ.

И такъ, любезный Симмиасъ, тебѣ не кажется, чтобы всѣ люди знали эти вещи?

Никонимъ образомъ.

И такъ они припоминаютъ послѣ то, что нѣкогда узнали? Непремѣнно такъ.

Когда же наши души получили это знаніе? Конечно, не съ того времени, какъ мы родились на свѣтъ?

Конечно нѣтъ.

Слѣдовательно прежде?

Да.

И такъ души, любезный Симмиасъ, существовали прежде, чѣмъ явились въ человѣческомъ образѣ, — существовали безъ тѣлъ и обладали знаніемъ.

Если, однакожъ, мы не получаемъ этихъ знаній при рожденіи, Сократъ, потому что это время еще у насъ остается.

Допустимъ это, другъ мой, но въ такомъ случаѣ — какое же будетъ другое время, когда мы ихъ теряемъ⁸²? потому что мы не родимся съ ними, какъ мы сейчасъ признали. Развѣ теряемъ въ тоже время, какъ и получаемъ? или ты можешь назвать какое нибудь другое время?

Рѣшительно нѣтъ, Сократъ. Я, незамѣтно для самого себя, сказалъ то, что не имѣетъ смысла.

XXII. И такъ, любезный Симмиасъ, дѣло получаетъ для насъ слѣдующій видъ. Если, какъ мы постоянно твердимъ, существуютъ на самомъ дѣлѣ прекрасное, и доброе и всѣ подобнаго рода сущности, и мы относимъ къ нимъ все, получаемое нами посредствомъ чувствъ, находя эти сущности прежде всего въ себѣ самихъ, если мы сближаемъ сущности находящіяся внѣ насъ съ тѣми, которыя заключены въ насъ, то — не необходимо ли, чтобы, какъ существуютъ всѣ эти сущности, такъ точно

существовала наша душа, и притомъ существовала прежде, чѣмъ мы родились? Если же эти сущности не существуютъ, то наше разсужденіе обращается въ ничто. Не такъ ли это, и не равно ли необходимо, чтобы существовали и эти сущности и наши души, и притомъ существовали прежде, чѣмъ мы родились? А если не существуетъ одно, то не существуетъ и другое.

Выше всякой мѣры, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ, мнѣ представляется это одинаково необходимымъ, и наше разсужденіе приходитъ теперь къ вѣрному заключенію, — именно къ тому, что наша душа точно такимъ же образомъ существовала прежде нашего рожденія, какъ та сущность, о которой ты говоришь; потому что для меня ничто такъ не очевидно, какъ то, что все это существуетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ образомъ, — прекрасное и доброе и все другое, о чемъ ты теперь говорилъ; и для меня доказательство достаточно убѣдительно.

А какъ для Кебеса? спросилъ Сократъ; потому что нужно убѣдить и Кебеса.

Я думаю, что и онъ убѣдился вполне, отвѣчалъ Симміасъ, хотя никто такъ не упоренъ въ сомнѣніи при разсужденіяхъ. Но я думаю, сказанное тобою довольно убѣдило и его, что душа наша существовала прежде, чѣмъ мы родились.

XXIII. Тѣмъ не менѣе однакожь, вопросъ — будетъ ли она существовать и послѣ того, когда мы умремъ, — и мнѣ, любезный Сократъ, представляется не разрѣшеннымъ, продолжалъ Симміасъ; но то, что многіе противъ этого возражаютъ, и что было сейчасъ высказано Кебесомъ, еще сохраняетъ силу, — не разсѣивается ли душа умирающаго человѣка, и не оканчивается ли этимъ ея бытіе? потому что, что препятствуетъ ей рождаться, и образовываться изъ чего нибудь и существовать, прежде чѣмъ она войдетъ въ человѣческое тѣло, а послѣ, — когда воплотится, и потомъ освободится отъ тѣла, — умирать и уничтожаться?

Ты справедливо говоришь, Симміасъ, сказалъ Кебесъ, потому что мы, кажется, разрѣшили только половину вопроса который должны разрѣшить. Мы показали, что душа наша существовала прежде нашего рожденія; но нужно еще доказать

что она будетъ существовать и послѣ того, когда мы умремъ, точно такъ, какъ существовала прежде, чѣмъ мы родились, если мы хотимъ, чтобы наше разсужденіе достигло своей цѣли.

Но это доказано, друзья мои Симиасъ и Кебесъ, сказалъ Сократъ, даже теперь, если только вы соедините въ одно и ваше настоящее разсужденіе и то, что мы признали прежде, — именно, что все живое рождается изъ мертваго. Потому что, если душа существовала прежде, и если она, отправляясь въ этотъ міръ и рождаясь, должна была родиться не изъ чего другого, какъ изъ смерти и изъ мертваго, то не необходимо ли, чтобы она существовала и послѣ нашей смерти, такъ какъ ей необходимо родиться опять? такимъ образомъ доказано, слѣдовательно, и то, о чемъ вы говорите теперь.

XXIV. Я думаю однакожъ, что ты и Симиасъ охотно углубитесь больше въ этотъ предметъ⁸³, и что вы боитесь какъ дѣти, чтобы вѣтеръ не развѣвалъ, и не разносилъ въ разныя стороны душу выходящую изъ тѣла, — особенно, если кому случится умирать не при безвѣтріи, а при сильномъ вѣтрѣ.

Кебесъ, засмѣявшись, сказалъ: постарайся, любезный Сократъ, переувѣрить насъ, какъ будто бы мы въ самомъ дѣлѣ того боялись; или лучше сказать, представь себѣ, что не мы боимся, а что между нами есть дитя, которое этого боится. И такъ постараемся его убѣдить не пугаться смерти, какъ будто бы страшница.

Для этого нужно, сказалъ Сократъ, напѣвать ему каждый день магическую пѣснь⁸⁴ до тѣхъ поръ, пока эту пѣсню не азгоните въ немъ страхъ.

Но откуда же, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ, мы возьмемъ хорошаго пѣвца, способнаго пѣть такія пѣсни, когда мы насъ покидаешь?

Греція велика, другъ мой Кебесъ, сказалъ Сократъ; въ ней много способныхъ къ этому людей; много также народовъ [железныхъ, которыхъ нужно посѣтить всѣхъ, отыскивая та-кого пѣвца, и не жалѣть для этого ни денегъ, ни трудовъ, потому что нѣтъ ничего, на что вы могли бы употребить лучше свои деньги. Надобно искать и среди самихъ себя, такъ какъ

вы, можете быть, не легко найдете людей, которые могли сложить эту пѣсню лучше, чѣмъ вы.

Это непременно такъ будетъ, сказалъ Кебесъ; но воз-
тисся къ тому, на чемъ мы остановились, если ты
желашь.

Разумѣется желаю, потому что — какъ же этого не жа-
Прекрасно сказано, сказалъ Кебесъ.

XXV. И такъ, — началъ Сократъ, — намъ нужно прежде
предложить самимъ себѣ вопросъ: какому классу предше-
свойственно этому подвергаться, то есть разсѣваться, за
предметы мы должны бояться, чтобы съ ними этого не случи-
и за какіе нѣтъ? потому необходимо разсмотрѣть, — къ ка-
изъ двухъ классовъ относится душа, и на основаніи этого
имѣть твердую надежду за нее, или напротивъ опасаться.

Ты справедливо говоришь, сказалъ Кебесъ.

И такъ не тому ли, что образовалось черезъ слож-
или по природѣ уже сложно, свойственно это претерпѣвать —
лагаться точно такъ же, какъ сложилось? Если же что не
оказывается несложнымъ, то не такому ли именно свойствен-
если только это можетъ быть свойственно чему нибудь,
разлагаться?

Мнѣ кажется это такъ, сказалъ Кебесъ.

А не представляетъ ли самой большей вѣроятности, ч-
то по преимуществу было несложно, что неизмѣнно и нахо-
всегда въ одномъ и томъ же состояніи, а то, что въ ра-
времена бываетъ различно, и никогда не остается неизмѣн-
было сложно?

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется такъ.

Но возвратимся, сказалъ Сократъ, къ тому, о чемъ
вели рѣчь въ предыдущемъ разсужденіи. Сущность вообще
торой мы приписываемъ бытію въ нашихъ вопросахъ и отвѣта-
остается ли она всегда одной и той же и неизмѣнной, или ж-
разныя времена бываетъ различна? Равное въ самомъ себѣ,
красное въ самомъ себѣ, наконецъ каждая сущность сам-
себѣ, — допускаютъ ли онѣ когда нибудь хотя малѣйшую
мѣну? или же каждая изъ нихъ, будучи простымъ и ра-

только самой себя⁹⁵, находится всегда въ одномъ и томъ же состояніи, и не допускаетъ ни подъ какимъ видомъ, никогда и ни въ чемъ, даже малѣйшей перемѣны?

Эти сущности, Сократъ, отвѣчалъ Кебесъ, необходимо должны оставаться неизмѣнными.

А какъ бываетъ въ этомъ случаѣ со многими прекрасными предметами, — красивыми людьми, лошадами, одеждами, или другими какими бы то ни было подобными предметами, — равными, или прекрасными или всѣми вообще, — одноименными съ соотвѣтствующими имъ сущностями? Остаются ли и предметы неизмѣнны, или же, въ противоположность сущностямъ, можно сказать, никогда и ни подъ какимъ видомъ не остаются неизмѣнными, — ни сами въ себя, ни во взаимномъ отношеніи одинъ къ другому?

Эти иначе, отвѣчалъ Кебесъ; предметы никогда не остаются неизмѣнны.

Не правда ли, что къ этимъ послѣднимъ ты можешь и прикасаться, и видѣть ихъ и ощущать съ помощію другихъ чувствъ, а сущности, которыя всегда неизмѣнны, могутъ быть постигаемы не иначе, какъ только мысленнымъ созерцаніемъ, такъ какъ онѣ невидимы и не пріемлются чувствомъ зрѣнія?

XXVI. Ты говорилъ, отвѣчалъ Кебесъ, какъ нельзя болѣе справедливо.

И такъ, согласенъ ли ты, сказалъ Сократъ, чтобы мы приняли два рода сущностей, — видимыя и невидимыя?

Допустимъ.

Допустишь ли ты при этомъ, что невидимое всегда неизмѣнно, а съ видимымъ никогда не бываетъ, чтобы оно было постоянно равно самому себя?

Допустимъ и это, сказалъ Кебесъ.

Теперь, продолжалъ Сократъ, — есть ли въ насъ чтонибудь другое, кромѣ тѣла и души?

Ничего другого, сказалъ Кебесъ.

Какъ же мы будемъ въ этомъ случаѣ говорить: съ которыми изъ двухъ классовъ предметовъ болѣе сходно и родственно тѣло?

Очевидно для всякаго, сказалъ Кебестъ, что съ классъ предметовъ видимыхъ.

А душа? видима она или невидима?

Для людей, по крайней мѣрѣ, она невидима, Сократъ сказалъ Кебестъ.

Но мы говоримъ о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ только для природы людей; или ты думаешь для чьей нибудь другой?

Для природы людей.

И такъ, что же мы скажемъ о душѣ: доступна она чувства зрѣнія, или недоступна?

Недоступна.

Слѣдовательно, она невидима?

Да.

И такъ душа болѣе чѣмъ тѣло походить на то, что видимо, а тѣло на то, что видимо?

Это какъ нельзя болѣе необходимо, любезный Сократъ.

XXVII. Не говорили ли мы незадолго передъ этимъ, душа, какъ скоро она принимаетъ въ соучастіе тѣло при слѣдованіи чего нибудь, — помощію ли зрѣнія, слуха какого нибудь другого чувства, — потому что изслѣдовать нибудь черезъ тѣло, значитъ изслѣдовать что нибудь посредствомъ чувствъ, — тогда она увлекается тѣломъ къ тому, что никакъ не остается неизмѣнно, начинаетъ перебѣгать отъ одного предмета къ другому, теряетъ спокойствіе и кружится какъ орбитыя⁹⁶ въ слѣдствіе того, что она пришла въ соприкосновеніе съ подобными предметами?

Совершенно такъ.

Но когда она изслѣдуетъ что нибудь сама черезъ себя, она устремляется къ тому, что чисто и вѣчно, и безсмертно неизмѣнно; и такъ какъ она по природѣ родственна съ этими послѣдними, то она остается съ нимъ каждый разъ до тѣхъ поръ пока остается сосредоточенною въ самой себѣ, и пока это для нея возможно. Тогда она перестаетъ перебѣгать отъ одного предмета къ другому, и въ общеніи со всѣмъ этимъ остается неизмѣнною и равною самой себѣ, такъ какъ она пришла въ соприкос-

веніе съ подобными сущностями. Не это ли состояніе души называютъ размышленіемъ?

Совершенно вѣрно, любезный Сократъ: ты говоришь прекрасно, и говоришь истину.

И такъ еще разъ, — съ какимъ родомъ предметовъ, и на основаніи предыдущихъ разсужденій и на основаніи сказаннаго теперь, кажется тебѣ ближе и родственнѣе душа?

Мнѣ кажется, сказалъ Кебесъ, что каждый, какъ бы онъ ни былъ мало способенъ понимать, согласится, любезный Сократъ, въ силу этихъ разсужденій съ тѣмъ, что душа во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ тому, что неизмѣнно, нежели къ тому, что не имѣетъ этого свойства.

А тѣло?

Тѣло ближе къ другому классу предметовъ.

XXVIII. Размотри это самое еще слѣдующимъ образомъ. Когда душа и тѣло находятся вмѣстѣ, то тѣлу природа указываетъ повиноваться и находится подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать⁹⁷. Такимъ образомъ и на основаніи этого, — что изъ двухъ представляется тебѣ подобнымъ божественному, и что походить на смертное? Не представляется ли тебѣ естественнымъ, что божественное — по природѣ должно начальствовать и руководить, а смертное — находится подъ управленіемъ и повиноваться?

Мнѣ представляется именно такъ.

Съ чѣмъ же болѣе представляетъ сходства душа?

Очевидно, Сократъ, душа походить на то, что божественно, а тѣло на то, что смертно.

Смотри же, любезный Кебесъ, сказалъ Сократъ, — не вытекаетъ ли изъ всѣхъ нашихъ разсужденій, что душа какъ нельзя болѣе подобна тому, что божественно, и бессмертно, и пріемлемо только мыслию, и просто по существу, и неразрушимо и всегда неизмѣнно; а тѣло чрезвычайно походить на то, что человеческое, и смертное, и неудобопріемлемое мыслию, и многообразное, и разрушимое и никогда не остающееся неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Можемъ ли мы, другъ мой Кебесъ, чтонибудь противъ этого сказать и доказать, что это не такъ?

Не можемъ.

XXIX. Теперь, чтожь далѣе? Если это дѣйствительно такъ, то не прилично ли тѣлу тотчасъ разрушаться, а душѣ, напротивъ, быть всецѣло неразрушимой, или близко къ этому?

Да какъ же нѣтъ?

Ты видишь, однакожь, продолжалъ Сократъ, что послѣ того, когда человѣкъ умретъ, — видимая его часть, тѣло, — то что представляется взору, и что мы называемъ трупомъ, который по природѣ своей долженъ разрѣшаться, распадаться и разсѣиваться, не испытываетъ ничего подобнаго тотчасъ-же, но продолжаетъ существовать довольно долгое время. Если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла, то тѣло продолжаетъ существовать очень долгое время съ той же красотой⁹⁸; тѣло же, изъ котораго вынули внутренности и набальзамировали, какъ бальзамируютъ въ Египтѣ, сохраняется почти въ цѣломъ составѣ невѣроятно долго; а нѣкоторыя его части, — кости, нервы и все другое подобное, остаются, даже когда самое тѣло сгниетъ, можно сказать, бессмертными. Не такъ ли?

Конечно.

А душа, — невидимое начало, отправляясь въ такое мѣсто, которое, подобно ей, благородно, и чисто, и невидимо и поэтому справедливо называется міромъ невидимымъ⁹⁹, — въ благому и мудрому богу, куда, если ему угодно, должна скоро отправиться и моя душа, — ужели эта душа, съ такими свойствами и такою природой, едва только освободится отъ тѣла, тотчасъ разсѣивается и погибаетъ, какъ утверждаютъ многіе? До этого далеко, друзья мои Симмиасъ и Кебесъ! Гораздо скорѣе надобно допустить слѣдующее. Если душа освобождается чистою, не унося съ собою ничего тѣлеснаго, такъ какъ она не хотѣла ни въ чемъ добровольно сообщаться въ настоящей жизни съ тѣломъ, но избѣгала его, и сосредоточивалась въ себѣ самой, потому что постоянно объ этомъ заботилась, — а это означаетъ не что иное, какъ то, что она здраво философствовала, и самымъ дѣломъ приготовлялась спокойно встрѣтить смерть, — или забота о смерти состоитъ не въ этомъ?

Совершенно такъ.

И такъ, не отправляется ли расположенная подобнымъ образомъ душа къ тому, что подобно ей, — къ невидимому, божественному, и безсмертному и мудрому? Прибывъ туда, она получаетъ въ удѣлъ блаженство, — освобожденная отъ заблужденій, и неразумія, и опасеній и необузданныхъ страстей, и всѣхъ другихъ человѣческихъ золъ, и, — какъ утверждаютъ посвященные въ таинства, — проводить вѣчность съ богами. Такъ ли мы будемъ говорить, любезный Кебесъ, или иначе?

XXX. Такъ, клянусь Зевесомъ, сказалъ Кебесъ.

Но, я думаю, что если она освобождается отъ тѣла запятанною и нечистою, такъ какъ она постоянно находилась въ общеніи съ нимъ, служила ему и любила его, очаровываясь имъ, также какъ страстями и удовольствіями до того, что ничто уже не казалось ей истиннымъ кромѣ того, что тѣлесно, — къ чему можно прикасаться, что можно видѣть, пить, ѣсть, чѣмъ можно наконецъ пользоваться для удовольствій любви, и привывши съ другой стороны ненавидѣть, бояться и избѣгать того, что сокровенно и невидимо для глазъ, что мысленно и пріемлемо только философіей, — думаешь ли ты, что душа, настроенная подобнымъ образомъ, освобождается отъ тѣла чистою и заключенною только въ самой себѣ?

Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кебесъ.

И я думаю, что она бываетъ связана узами тѣлеснаго, съ которымъ ее соединило какъ бы въ одно цѣлое постоянное соотношеніе и общеніе съ тѣломъ, такъ какъ она жила жизнью съ нимъ нераздѣльною, и прилагала о немъ много заботъ.

Конечно.

Эта оболочка души, любезный другъ, надобно думать, есть нѣчто тяжелое, гнетущее въ землѣ, земное и видимое. Душа, обремененная ею, сама становится тяжелою, и влечется опять къ видимому міру, пугаясь невидимаго и анда. Тогда она, какъ говорятъ, начинаетъ блуждать вокругъ могильныхъ памятниковъ и гробницъ, подлѣ которыхъ бывають иногда дѣйствительно видимы тѣнеобразные призраки душъ¹⁰⁰, — образъ, который принимаютъ всѣ подобныя души, не разрѣшившіяся отъ тѣла

чистыми, но имѣющія въ немъ свою часть, вслѣдствіе чего онѣ и бываютъ видимы.

Это естественно, любезный Сократъ.

Конечно, исполнѣ естественно, Кебесъ. И это не суть души людей добрыхъ, но злыхъ, которыя бываютъ принуждены блуждать вокругъ подобныхъ мѣстъ, неся въ этомъ наказаніе за прежній дурной образъ жизни. И онѣ блуждаютъ подобнымъ образомъ до тѣхъ поръ пока, увлекаемые любовью къ тѣлесному, которое всюду ихъ преслѣдуетъ, не заключатся въ какое нибудь тѣло опять.

XXXI. Естественно, что онѣ соединяются при этомъ съ животными такого же нрава, какой онѣ сами выказали при жизни.

Какъ это, Сократъ?

Напримѣръ. Люди, которые отличались обжорствомъ, развратомъ и разгульною жизнью ¹⁰¹, и не избѣгали этихъ пороковъ ¹⁰², естественно должны входить въ ословъ и подобныхъ животныхъ. Не такъ ли?

То, что ты говоришь, очень вѣроятно.

А тѣ, которыя всему предпочитали несправедливости, тираннію и грабежи переселяются въ волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или души этого рода могутъ идти въ какое нибудь другое мѣсто?

Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ Кебесъ, что онѣ переселяются въ подобныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ, сказалъ Сократъ, не очевидно ли и относительно остальныхъ, — куда каждая душа должна идти по сходству своего образа жизни?

Очевидно; какъ нѣтъ?

А между этими, продолжалъ Сократъ, не самыя ли счастливыя, и не идутъ ли въ самое лучшее мѣсто души, ознаменовавшія себя добродѣтелью общественной и гражданской, которую называютъ воздержаніемъ и справедливостью, и которая образовалась въ нихъ путемъ навыка и упражненія, безъ помощи философіи и размышленія?

Въ какомъ же отношеніи эти души самыя счастливыя?

Потому что онъ, вѣроятно, снова войдутъ въ тѣла такихъ же существъ, — общительныхъ и мирныхъ, какъ напр. пчелъ, осъ или муравьевъ, или въ такихъ же точно людей, и тогда отъ нихъ будутъ уже рождаться люди добродѣтельные.

Это вѣроятно.

XXXII. Войти же въ соннѣ боговъ тому, кто не стремился къ мудрости, и не отошелъ совершенно чистымъ, невозможно: это доступно только любителю знанія ¹⁰³. Вотъ по этой-то причинѣ, друзья мои Симмиасъ и Кебесъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ пожеланій тѣла, остаются въ этомъ воздержаніи тверды и не предають себя ихъ власти, а вовсе не изъ боязни разстройства имущества и бѣдности, какъ бываетъ съ большею частью людей и людьми любостязательными, или не изъ боязни подвергнуться поношенію и безславію, подобно тому, какъ бывають воздержны по этимъ причинамъ люди властолюбивые и честолюбивые.

Поступать подобнымъ образомъ было бы неприлично философамъ, сказалъ Кебесъ.

Конечно, клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ тотъ. По этому-то именно, любезный Кебесъ, всѣ тѣ, которые заботятся о своей душѣ и живутъ не для того, чтобы служить тѣлу ¹⁰⁴, презирають все подобное, и не идутъ однимъ путемъ съ другими, которые не знаютъ сами, куда идти. Думая напротивъ, что не должно дѣлать ничего противнаго философіи, и тому освобожденію и очищенію, которое она даетъ, они держатся ея, слѣдуя по пути, по которому она ихъ ведетъ.

XXXIII. Какъ это, Сократъ?

Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Сократъ. Любители мудрости знаютъ, что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу ¹⁰⁵, всецѣло связанную тѣломъ, и приспосужу къ нему, — которая по этому вынуждена созерцать бытіе черезъ тѣло, какъ будто черезъ стѣны темницы, но не сама черезъ себя, и вслѣдствіе этого находится въ состояніи полного незнанія, и чувствуетъ крѣпость этой тюрьмы, — крѣпость, которую образуютъ страсти ¹⁰⁶, такъ какъ человѣкъ самъ помогаетъ закрѣплять какъ можно крѣпче свои оковы, — любители мудрости, говорю, знаютъ, что

философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу въ такомъ состояніи, крѣтко увѣщаетъ ее, стараясь освободить ее отъ оковъ, и показывая ей, что изслѣдованіе чего нибудь черезъ зрѣніе обманчиво, точно также какъ черезъ слухъ и другія чувства, и убѣждаетъ ее уединяться отъ нихъ, какъ скорѣе нѣтъ рѣшительной необходимости пользоваться ими, и указываетъ ей собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ, и не доверять ничему кромя самой себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она изслѣдуетъ сущее въ самомъ себѣ — сама черезъ себя. Философія убѣждаетъ душу не считать истиннымъ ничего, что она изслѣдуетъ съ помощію другихъ проводниковъ знанія, и что является различнымъ, смотря на различію проводниковъ; потому что все это вещи чувственныя и видимыя, а то, что совершаетъ она, мысленно и невидимо. Такимъ образомъ душа истиннаго философа, будучи убѣждена въ томъ, что этому освобожденію не должно противиться, избѣгаетъ удовольствій, желаній, и печалей и опасеній, на сколько только это для нея возможно, считая, что если кто нибудь неумѣренно предастся удовольствіямъ, или опасеніямъ, или печалямъ или желаніямъ, тотъ терпитъ отъ всего этого не такое малое зло какъ бы кто нибудь могъ думать, — какое терпитъ, напр. человѣкъ, подвергшись болѣзни, или расточивши на удовольствованіе страстей свое имущество, но величайшее зло, и что хуже всего, терпитъ это, самъ этого не замѣчая.

Какое-же это зло, Сократъ? спросилъ Кебестъ.

То, что душа каждого человѣка, предаваясь очень сильно радости или печали, необходимо приходитъ при этомъ къ мысли, что все то, изъ-за чего она попреимуществу это испытываетъ есть нѣчто весьма существенное и истинное, а между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ оно не таково, потому что это бывають попреимуществу предметы видимыя. Не такъ ли?

Конечно.

Не при такихъ ли чувствахъ душа попреимуществу связывается тѣломъ?

Какимъ образомъ?

Каждое удовольствіе и печаль, какъ будто бы нѣтъ тѣла,

прикрѣпляетъ душу къ тѣлу, и соединяетъ ее съ нимъ, дѣлая ее нѣкоторымъ образомъ тѣлесною, такъ что она считаетъ истиннымъ только то, что находитъ истиннымъ тѣло. Поэтому я думаю, что душа, именно вслѣдствіе того что она образуетъ тотъ же взглядъ на вещи, какой имѣетъ тѣло, понеобходимости находитъ удовольствіе въ томъ же самомъ, приобретаетъ тѣже свойства и начинаетъ питаться той же пищею ¹⁰⁷, такъ что дѣлается неспособною перейти чистою въ видъ, но всегда выходитъ изъ тѣла, оскверненная тѣлеснымъ ¹⁰⁸, вслѣдствіе чего скоро входитъ снова въ какое нибудь тѣло, и вибрируетъ въ немъ, какъ будто посѣянная, линаясь черезъ это общенія съ божественнымъ, и чистымъ и неизмѣннымъ.

Ты говоришь, любезный Сократъ, вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказала Кебесъ.

XXXIV. И такъ вотъ почему, другъ мой Кебесъ, истинные любители мудрости воздержны и мужественны, а вовсе не вслѣдствіе тѣхъ причинъ, которыя приводятъ многіе. Или можешь быть и ты того же мнѣнія, какъ и другіе?

Напротивъ, я думаю, что мнѣніе это несправедливо.

Конечно. Душа истиннаго философа будетъ разсуждать именно такъ, и не будетъ думать, что философія должна ее освободить, а послѣ того когда освободить, — предать ее снова удовольствіямъ и печалямъ, для того чтобы онѣ связали ее опять, и производить такимъ образомъ безконечную работу, напоминающую обратнымъ образомъ работу станка Пеллоны ¹⁰⁹. Душа, стремящаяся къ мудрости, приготовляя себѣ тишину, недоступную для удовольствій и печалей, слѣдуя разуму и всегда ему повинуюсь ¹¹⁰, совершая истинное, и божественное и неизмѣнное для мысли ¹¹¹, и находя въ этомъ свою пищу, думаетъ, что такъ должно жить до тѣхъ поръ, пока она живетъ. Когда же она окончитъ жизнь на землѣ, то отправляясь къ тому, что ей родное и такой же природы какъ она сама, она освобождается отъ человѣческихъ волъ. Питавшись подобною пищею, и проведивши жизнь въ подобнаго рода занятіяхъ, она не боится, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, чтобы она не разсыпалась при освобожденіи отъ тѣла, не была развѣяна вѣтрами, не разлетѣлась въ разныя стороны, и не обратилась бы наконецъ въ ничто.

XXXV. Когда Сократъ окончилъ рѣчь, наступило долгое молчаніе. Казалось, что онъ и самъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что было сказано, и весьма многіе изъ насъ; а Кебесъ и Симміасъ начали другъ съ другомъ разговаривать. Сократъ, обративъ на нихъ вниманіе, спросилъ: о чемъ у васъ бесѣда? вамъ не представляется достаточнымъ сказанное нами? прибавилъ онъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, еще остается много сомнѣній и возраженій, если кто захочетъ изслѣдовать удовлетворительно этотъ вопросъ. Если вы бесѣдуете о другомъ предметѣ, то я не имѣю ничего сказать; но если вы повѣряете другъ другу ваши сомнѣнія по тому же самому вопросу, то начинайте немедленно говорить и излагать ваши мнѣнія, если вамъ кажется, что объ этомъ можно сказать лучше; примите соучастникомъ вашихъ бесѣдъ и меня, если надѣетесь, обсуждая этотъ предметъ вмѣстѣ со мною, скорѣе придти къ цѣли.

Симміасъ отвѣчалъ: я скажу тебѣ истину, Сократъ. Мы давно уже имѣя сомнѣнія, понуждаемъ и просимъ одного другого спросить тебя, — желая слышать твое мнѣніе, но медлимъ тебя беспокоить, боясь, чтобы это не было тебѣ непріятно при моемъ настоящемъ несчастіи.

Сократъ, услышавъ это, крѣпко улыбулся и сказалъ: полно, другъ мой Симміасъ! Мнѣ въ самомъ дѣлѣ трудно увѣрить другихъ въ томъ, что я не считаю несчастіемъ настоящего со мной случая, если я никакъ не могу убѣдить въ этомъ васъ: вы боитесь, чтобы я не былъ теперь въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ это бывало обыкновенно въ прошлое время моей жизни. Вы, какъ видно, считаете, что я въ предвѣденіи будущаго стою ниже лебедей, которые почувствовавъ, что имъ настала пора умереть, поютъ въ это время самыя многочисленныя и прекрасныя пѣсни¹¹², какихъ никогда не пѣвали прежде, — радуясь, что они отходятъ къ божеству, которому служатъ. Но люди, по свойственному имъ страху смерти, клеветаютъ на лебедей, говоря, что онѣ поютъ съ печали, оплакивая наступленіе смерти; а о томъ не разсуждаютъ, что ни одна птица не поетъ, когда терпитъ голодъ, или холодъ или какое нибудь другое горе, — ни соловей, ни ласточка, ни удоу, о

которыхъ говорятъ, что они съ печалі жалобно поютъ. Мнѣ же кажется, что ни эти птицы не поютъ въ печали, ни лебеди; напротивъ, я думаю, что эти послѣднія, какъ птицы Аполлона ¹¹³, обладаютъ даромъ предвѣденія будущаго, и прозрѣвая блаженство аида, поютъ и радуются въ послѣдній свой день болѣе, чѣмъ пѣли и радовались прежде. Но я считаю и себя сослужителемъ лебедей и посвященнымъ тому же самому богу, и думаю, что я получилъ отъ моего повелителя даръ предвѣденія не въ меньшей степени, какъ и онѣ ¹¹⁴, и что я покидаю жизнь не съ большимъ сожалѣніемъ, чѣмъ и онѣ. И такъ, на этомъ основаніи вамъ надобно говорить и спрашивать меня, о чемъ хотите спросить, — до тѣхъ поръ пока это позволяютъ намъ одиннадцать судей аеинянъ.

Прекрасно сказано, замѣтилъ Симміасъ. Я спрошу тебя о томъ, что возбуждаетъ сомнѣніе во мнѣ, а потомъ скажетъ тебѣ и онъ, — въ чемъ онъ не согласенъ съ тѣмъ, что было говорено. Я думаю объ этомъ предметѣ, любезный Сократъ, можетъ быть, точно также какъ думаешь и ты: достичь совершеннаго познанія его въ жизни настоящей или невозможно, или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе однакожь — не изслѣдовать всѣми возможными способами того, что о немъ говорятъ, и отставать, прежде нежели онъ будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, — это признакъ человѣка слабодушнаго. Въ этомъ случаѣ надобно сдѣлать одно изъ двухъ, — или узнать истину отъ другихъ, или дойти до нея самому; или же, — если то и другое окажется невозможно, — избрать самое лучшее и наиболѣе недоступное опроверженію человѣческое разсужденіе. Вѣрившись ему какъ будто ладѣ, надобно переплывать съ опасеніемъ настоящую жизнь, если нѣтъ возможности проходить ее болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ образомъ на болѣе прочномъ кораблѣ, или при помощи нѣкотораго рода божественнаго откровенія ¹¹⁵. И такъ, я не буду стыдиться предлагать теперь тебѣ вопросы, потому что и ты этого требуешь, да и я впоследствии времени не буду упрекать себя въ томъ, что не высказалъ теперь всего, что думаю; потому что мнѣ, любезный Сократъ, когда я разсуждаю объ этомъ предметѣ и самъ съ собою и вмѣстѣ

съ динь, — веръ сказанное нами не представляется совершенно удовлетворительнымъ.

XXXVI. Быть можетъ, любезный другъ, сказалъ Сократъ, ты въ этомъ случаѣ и правъ; но скажи, — въ чемъ именно наши разсужденія представляются тебѣ недостаточными? Въ томъ, отвѣчалъ Симмиасъ, что это же самое могъ бы ктонибудь сказать о гармоніи, лирѣ и струнахъ. Гармонія въ хорошо устроенной лирѣ ¹¹⁶ есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, всецѣло прекрасное и божественное; а лира и струны тѣлесны, матеріальны и сложны, — принадлежатъ землѣ и сродны смертному. И такъ, если бы ктонибудь разломалъ, или разсѣкъ на части лиру и порвалъ струны, — онъ могъ бы утверждать на томъ же основаніи какъ и ты, что гармонія непремѣнно осталась, а не погибла. Потому что въ самомъ дѣлѣ, на основаніи твоего разсужденія, невозможно, чтобы лира съ разорванными струнами осталась, также какъ и струны, представляющія собой смертную природу, а гармонія, которая приеуща и родственна божественному и безсмертному, погибла прежде? можно бы утверждать справедливо, что гармонія непремѣнно гдѣнибудь продолжаетъ существовать, и что гораздо скорѣе погибнуть дерево и струны, нежели испытаетъ какуюнибудь перемѣну она. Я думаю, любезный Сократъ, ты и самъ замѣтилъ, что мы принимаемъ душу именно за нѣчто подобное. Какъ тѣло наше есть взаимодействие и равновѣсіе теплаго, холоднаго, сухаго и влажнаго и прочаго тому подобнаго, такъ точно наша душа есть смѣсь и гармонія тѣхъ же самыхъ началъ, образуемая изъ правильнаго и равномернаго сочетанія ихъ. И такъ, если душа есть нѣкотораго рода гармонія, то очевидно необходимо, чтобы въ то время, когда тѣло наше чрезмѣрно ослабляется или напрягается, — вслѣдствіе болѣзней и другихъ золъ, — душа, хотя по природѣ своей всецѣло божественная, — погибала тотчасъ же, точно такъ какъ погибаютъ другіе роды гармоніи, выражающейся въ звукахъ, или во всѣхъ вообще произведеніяхъ художниковъ; а то, что остается отъ каждаго тѣла, необходимо должно сохраняться долго, — до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожжено или сгнѣтъ. Обрати же вниманіе, Сократъ, что мы

можемъ возразить на подобныя разсужденія, если кто нибудь станетъ утверждать, что душа, будучи соединеніемъ началъ, составляющихъ тѣло, погибаетъ первою въ такъ называемой смерти.

XXXVII. Сократъ, окинувъ насъ взглядомъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, и улыбувшись сказалъ: Симміасъ, однако, говоритъ дѣло. И такъ, если кто нибудь изъ васъ скорѣе найдетсѣ отвѣтить на его возраженіе чѣмъ я, то пусть отвѣчаетъ: мнѣ кажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ возразилъ на мое разсужденіе недурно. Однако, мнѣ представляется необходимымъ, прежде отвѣта ему, выслушать еще Кебеса, — что онъ въ свою очередь противъ насъ скажетъ? этимъ мы съ одной стороны выиграемъ время, для того чтобы лучше обдумать нашъ отвѣтъ, а потомъ, выслушавъ обоихъ, или согласиться съ ними, если найдемъ, что они говорятъ истину¹¹⁷, или же, въ противномъ случаѣ, защищать наше мнѣніе. И такъ, любезный Кебесъ, продолжалъ Сократъ, скажи намъ, — что затрудняетъ тебя еще въ настоящемъ случаѣ, и возбуждаетъ въ тебѣ сомнѣніе?

Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Кебесъ. Мнѣ кажется, что наше разсужденіе стоитъ на одномъ мѣстѣ, и возраженія, которыя мы привели прежде, еще сохраняютъ силу. Я не отвергаю того, что душа наша существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ человѣческой образъ: это мнѣ представляется доказаннымъ прекрасно, и, — если не будетъ съ нашей стороны нескромностію такъ выразиться¹¹⁸, — вполне удовлетворительно; но что она продолжаетъ существовать и послѣ нашей смерти, — это мнѣ не кажется такъ же очевидно. Я не согласенъ съ возраженіемъ Симміаса, что душа не есть нѣчто болѣе сильное или болѣе долговѣчное, чѣмъ тѣло; потому что она, мнѣ кажется, несравненно выше всѣхъ подобнаго рода предметовъ. Но почему же ты, — могъ бы спросить меня разсудокъ, — все еще сомнѣваешься, когда самъ видишь, что, по смерти человѣка, слабѣйшая его часть продолжаетъ существовать? не слѣдуетъ ли отсюда необходимо, что болѣе долговѣчное также продолжаетъ существовать? Обрати однако вниманіе, — не покажется ли тебѣ важно то, что я про-

тивъ этого скажу. Естественно, что и мнѣ нужно употребить въ этомъ случаѣ какойнибудь образъ, какъ сдѣлалъ Симмиасъ. Мнѣ представляется, это похоже на то, какъ если бы ктонибудь сказалъ тоже самое о какомънибудь умершемъ въ старости ткачѣ, — то есть, что онъ не погибъ, а безъ сомнѣнія продолжаетъ гдѣ-нибудь существовать, и въ доказательство привелъ бы сотканную имъ одежду, которую онъ носилъ, говоря, что она цѣла, а не погибла; потомъ, когда такое разсужденіе нашли бы страннымъ, спросилъ: что долговѣчнѣе, — чѣмъ вѣкъ или одежда, которая ему служить и которую онъ носилъ, и послѣ отвѣта, что человекъ вообще гораздо долговѣчнѣе, чемъ одежда, считалъ бы доказаннымъ, что тѣмъ болѣе продолжаетъ существовать гдѣ-нибудь человекъ, — такъ какъ то, что имѣетъ менѣе продолжительный періодъ существованія, не погибло. Думаю, Симмиасъ, что это не такъ; поэтому обрати вниманіе на мои слова. Каждый пойметъ, что тотъ, кто сталъ бы утверждать, сказалъ бы нелѣпость. Ткачъ этотъ изнашиваетъ много сотканныхъ имъ такихъ одеждъ, и умеръ, перенеся ихъ всѣ, кромѣ, какъ мнѣ кажется, послѣдней. Но отъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы человекъ былъ слабѣе и менѣе долговѣченъ, чѣмъ одежда. Я думаю, что это сравненіе хорошо выражаетъ отношеніе души къ тѣлу, и тотъ, кто сказалъ бы это самое о нихъ, сказалъ бы, мнѣ кажется, справедливо, — именно, что душа есть нѣчто болѣе долговѣчное, а тѣло — нѣчто болѣе слабое и менѣе долговѣчное. Этими словами онъ высказалъ бы ту мысль, что какъ тѣло изнашиваетъ много тѣлъ, а особенно, если она долго живетъ на землѣ; потому что, если тѣло постоянно разрушается и погибаетъ еще при жизни человека, а душа постоянно возсоздаетъ уничтожаемое, то очевидно, что въ то время, когда для человека наступаетъ смерть, душа носитъ свою послѣднюю одежду, и только по отношенію къ ней считается первою. А какъ скоро душа погибаетъ, тогда и тѣло тотчасъ показываетъ свою слабость, и исчезаетъ, быстро сходя вавъ. И такъ, на основаніи этого разсужденія, нельзя еще утверждать, что душа наша продолжаетъ существовать, и

нашей смерти. Если бы ктонибудь согласился даже съ мнѣніемъ чловѣка, утверждающаго больше, нежели сколько утверждаетъ ты, уступивъ ему, что душа наша существовала не только во время, предшествовавшее нашему рожденію, но что ничто не мѣшаетъ душамъ нѣкоторыхъ людей оставаться по смерти, и продолжать существовать далѣе, и много разъ рождаться и снова умирать, — потому что природа духа до того сильна, что она выдерживаетъ сопротивленіе при многократныхъ новыхъ рожденіяхъ, — если бы ктонибудь, говорю, согласился съ тобою въ этомъ, — то все таки не согласился бы въ томъ, что душа не утомляется наконецъ этими многократными рожденіями, и не погибаетъ въ которой нибудь изъ смертей совершенно. Онъ прибавилъ бы, что никто не можетъ чувствовать той смерти и того разрушенія тѣла, которое приноситъ съ собою уничтоженіе души, потому что чувствовать это кому бы то ни было изъ насъ невозможно. А если такъ, то очевидно, что каждый довѣряющій смерти, довѣряетъ ей безумно, какъ скоро не можетъ доказать, что душа всецѣло бессмертна и неразрушима. Если же доказать этого нельзя, то очевидно опять, что каждый, для кого наступаетъ смерть, долженъ опасаться за свою душу, — чтобы она не погибла при наступающемъ разлученіи съ тѣломъ.

XXXVIII. Когда мы выслушали эти разсужденія, у всѣхъ вышло въ душѣ непріятное чувство, какъ мы послѣ сознавались другъ другу; въ самомъ дѣлѣ, едва только мы твердо убѣдились предыдущими разсужденіями, — какъ эти новыя смутили насъ опять, и произвели въ насъ недовѣріе не только къ тому, что было сказано прежде, но и къ тому, что могло быть сказано по этому предмету впослѣдствіи времени. Мы пришли къ заключенію, что или мы — неспособные понимать дѣло судьи, или предметъ самъ по себѣ можетъ приводить только къ сомнѣніямъ.

Эхекратъ. Клянусь богами, Федонъ, я васъ въ этомъ извиняю; потому что, когда я теперь слушаю тебя, — мнѣ приходитъ на мысль спросить самого себя: какимъ же доказательствомъ мы будемъ наконецъ вѣрить, когда даже тѣ разсужденія

Сократа, которые казались намъ такъ убѣдительно, почему насъ вѣру? Взглядъ этотъ сильно меня увлекаетъ ¹¹⁹, увлекалъ прежде, — именно, что душа наша есть нѣкотораго рода гармонія; высказанный теперь, онъ напомнилъ мнѣ, мнѣ и самому прежде такъ представлялось; такимъ образомъ теперь опять, какъ будто бы съ самаго начала, я нуждаюсь въ новомъ изслѣдованіи, которое убѣдило бы меня, что мы съ умирающимъ не умираетъ душа. И такъ, разскажи, Зевса, — какъ Сократъ продолжалъ разсужденіе ¹²⁰? Былъ ли онъ, какъ ты сказалъ о себѣ и другихъ, неприятнымъ образомъ пораженъ имъ, такъ что вы могли это замѣтить, или же — койно продолжалъ защищать свое мнѣніе? Доказалъ ли онъ его вполне, или мало удовлетворительно? Разскажи намъ все это, сколько только можешь, точнѣе.

Федонъ. Я часто, любезный Эхекратъ, удивлялся Сократу, но никогда не удивлялся ему больше, какъ присущавъ при немъ въ этотъ разъ. Что онъ нашелся, что сказать, это конечно не удивительно; но я удивлялся въ особенности больше всего тому, съ какимъ удовольствіемъ, какъ благосклонно и одобрительно онъ принималъ возраженія молодыхъ людей, тонко подмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на насъ возразженіями, какъ успѣшно при этомъ случаѣ намъ помогъ, и на возраженій и побѣжденныхъ, остановилъ, заставивъ возвратиться назадъ, и вмѣстѣ съ нимъ продолжать изслѣдованіе.

Эхекратъ. Какимъ образомъ?

Федонъ. Я тебѣ разскажу. Я случайно сидѣлъ по другую сторону у его постели, на небольшомъ возвышеніи, а онъ сидѣлъ раздо выше меня. Начавъ водить рукой по моей головѣ, и касаясь волосъ на шеѣ, — онъ имѣлъ привычку играть при себѣ моими волосами, — онъ сказалъ: завтра, любезный Федонтъ, навѣрно обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы ¹²¹.

Конечно, любезный Сократъ, отвѣтилъ я.

Ну нѣтъ, сказалъ Сократъ, если только ты меня слушаешься.

Какъ такъ? спросилъ я.

Сегодня, сказалъ Сократъ, я долженъ обрѣзать себѣ

а ты свои волосы, если только наше разсужденіе погибло, и мы не въ силахъ его воскресить. Я, по крайней мѣрѣ, — если бы былъ на твоемъ мѣстѣ, и мое разсужденіе отъ меня ускользало, — произнесъ бы клятву, какъ дѣлали Аргивяне ¹²², — не прежде начать растить себѣ волосы, чѣмъ я одолѣю, возобновивши бой, разсужденія Симміаса и Кебеса.

Однако, замѣтилъ я, говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно сражаться ¹²³.

А ты, отвѣчалъ Сократъ, призови на помощь меня, какъ Юлай ¹²⁴, пока еще не кончился день.

Призову, отвѣтилъ я, но не такъ, какъ Геркулесъ Юлая, а какъ Юлай Геркулеса.

Все равно, сказалъ Сократъ.

XXXIX. Прежде всего надобно однакожъ остерегаться, чтобы съ нами не случилось несчастія.

Какого? спросилъ я.

Того, чтобы мы не сдѣлались врагами изслѣдованій вообще, какъ иные дѣлаются врагами людей. Нѣтъ для человѣка зла больше того, когда онъ возненавидитъ изслѣдованіе. Ненависть къ разсужденіямъ и ненависть къ людямъ образуются одинаковымъ образомъ; ненависть къ людямъ является въ насъ тогда, когда мы слишкомъ много довѣряемъ кому нибудь безъ разбора, и считая извѣстнаго человѣка искреннимъ, чистосердечнымъ и вѣрнымъ, спустя нѣкоторое время находимъ его злымъ и вѣроломнымъ, и опять встрѣчаемъ другого такого же. Если бы это случилось съ кѣмъ нибудь много разъ, и особенно относительно людей, которыхъ онъ считалъ самыми близкими и преданными себѣ, то такой человѣкъ, испытавши много на, начинаетъ ненавидѣть всѣхъ людей и думать, что уже ни въ комъ нѣтъ рѣшительно ничего истиннаго. Или ты не замѣчалъ, что это происходитъ именно такъ?

Да, конечно, отвѣтилъ я.

Не постыдно ли, сказалъ Сократъ, и не очевидно ли, что такой человѣкъ входитъ въ общеніе съ людьми, не зная того, что относится къ нимъ. Если бы онъ вступалъ въ отношенія съ ними, умѣя ихъ распознавать, онъ представлялъ бы

дѣло такъ, какъ оно есть, то есть что люди очень добрые, такъ какъ и очень злые немногочисленны, а занимающіе средина между тѣми и другими встрѣчаются въ большомъ числѣ.

Какъ это? спросилъ я.

Точно такъ, отвѣчалъ Сократъ, какъ бываетъ съ очень малыми и большими предметами. Согласенъ ли ты съ тѣми, нѣтъ вещи болѣе рѣдкой, какъ встрѣтить между людьми члвкъ очень большого, или очень маленькаго, собаку, или нибудь въ этомъ родѣ? или же что нибудь очень быстрое или очень медленное, слишкомъ безобразное или очень красивое совершенно бѣлое или совершенно черное? Не замѣчалъ ли что во всѣхъ подобныхъ предметахъ крайности рѣдки и многочисленны, а явленія, представляющія средина, обыкновенны и часты?

Конечно, отвѣтилъ я.

Не согласишься ли ты и съ тѣми, сказалъ Сократъ, если бы было предложено состязаніе въ злобѣ, то и здѣсь очень немногіе оказались бы первыми?

Естественно, сказалъ я.

Конечно естественно, отвѣчалъ Сократъ; но не въ этомъ однакожъ разсужденіи представляютъ сходство съ людьми, слѣдовалъ за тобой въ рѣчи, — а въ томъ, если кто ни приметъ извѣстное разсужденіе за истинное, не обладая достаточно способностью разсуждать, а потѣмъ, немного спустя, разсужденіе покажется ему ложнымъ, — будетъ ли оно такъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, — и точно такимъ же образомъ другіе и третьи ¹²⁵. Это попреимуществу бываетъ съ тѣми людьми которые любятъ разсуждать за и противъ извѣстной истины; ты знаешь, что люди эти кончаютъ убѣжденіемъ, что сдѣлались мудрѣйшими изъ людей, и одни только поняли, ни въ предметахъ, ни въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего истиннаго и твердаго, но что все катится впередъ и назадъ ¹²⁷, какъ Еврипидъ ¹²⁸, и не остается ни одной минуты въ одномъ и томъ же положеніи.

Конечно, отвѣчалъ я; ты говоришь совершенно справедливо. Не было ли бы печально, любезный Федонъ, если бы

нибудь, — въ то время какъ существуетъ разсужденіе истинное и здоровое и понятное для ума, — выслушавъ разсужденія такого рода, которыя въ одно время представляются истинными, а въ другое нѣтъ, сталъ бы обвинять не самого себя, или свою неспособность разсуждать, а кончилъ бы тѣмъ, что, съ горя, охотно перенесъ бы вину съ себя на разсужденія вообще, и въ остальную свою жизнь ненавидѣлъ бы разсужденія и клеветалъ на нихъ, лишивши такимъ образомъ самъ себя истины и познанія бытія.

Конечно, клянусь Зевесомъ, отвѣтилъ я; это было бы крайне печально.

XL. И такъ, сказалъ Сократъ, будемъ остерегаться этого прежде всего, не позволяя входить въ душу нашу той мысли, что едва-ли разсужденія заключаютъ въ себѣ что нибудь здоровое; будемъ лучше смотрѣть такъ, что мы сами не находимся въ здоровомъ состояніи: нужно сохранять бодрость духа и заботиться о томъ, чтобы быть здоровыми; тебѣ и другимъ это нужно ради остальной вашей жизни, а мнѣ ради смерти. Я боюсь, чтобы въ настоящей бесѣдѣ мнѣ не явиться передъ вами въ такомъ отношеніи къ предмету, которое прилично не философу, а людямъ чуждымъ знанія и любителямъ преній. Извѣстно, что люди этого рода, разсуждая о предметѣ, заботятся не объ истинѣ, составляющей предметъ изслѣдованія, а единственно о томъ, чтобы ихъ положенія были приняты за истину присутствующими; и мнѣ кажется, что я въ настоящемъ случаѣ различаюсь отъ нихъ только тѣмъ, что забочусь не о томъ, чтобы мои разсужденія были приняты за истину присутствующими, — по крайней мѣрѣ не это моя главная цѣль, — а о томъ, чтобы все это явилось какъ нельзя болѣе истиннымъ въ моихъ собственныхъ глазахъ; потому что я разсуждаю объ этомъ, мой дорогой другъ, и посмотри, — съ какою пользою для самого себя! Если то, что я говорю, составляетъ истину, то въ истинѣ полезно убѣдиться; если же для человѣка, окончившаго жизнь, нѣтъ больше ничего, то въ промежутокъ времени, остающійся мнѣ до смерти, я, по крайней мѣрѣ, не буду наводить моими сѣтованіями тоски на присутствующихъ; и это незнаніе не

будеть для меня продолжительно, — потому что это было бы зло, — а кончится скоро. Приготовившись такимъ образомъ, друзья мои Симиасъ и Кебесъ, сказалъ Сократъ, я приступаю къ разсужденію. Вы же, если хотите быть мнѣ послушны, думайте меньше о Сократѣ, а больше объ истинѣ; если найдете, что я говорю истину, согласитесь со мною; а если нѣтъ, сражайтесь со мною всѣми силами, остерегаясь, чтобы я не обманулъ вслѣдствіе излишней ревности и себя и васъ, и не оставилъ васъ потѣмъ какъ пчела, оставляющая свое жало въ сдѣланной ею ранѣ¹²⁹.

XLI. Однако, нужно начинать, сказалъ Сократъ; но прежде всего напомните мнѣ то, что вы говорили, если окажется, что я чтонибудь забылъ. Симиасъ, кажется, имѣетъ сомнѣнія и боится, чтобы душа, хотя она есть нѣчто болѣе божественное и прекрасное чѣмъ тѣло, не погибала прежде его, вслѣдствіе того, что она представляетъ собою нѣкотораго рода гармонію. Кебесъ же, какъ мнѣ показалось, согласился со мною, что душа долговѣчнѣе тѣла, но прибавилъ къ этому, что никому не можетъ быть извѣстно — не погибаетъ ли она послѣ того, когда износивъ нѣсколько тѣлъ, покинетъ послѣднее, и не составляетъ ли смерти собственно уничтоженіе души, потому что тѣло не перестаетъ разрушаться постоянно. Это ли именно, друзья мои Симиасъ и Кебесъ, намъ нужно изслѣдовать? Оба согласились, что изслѣдованію подлежитъ это самое.

Отвергаете ли вы, спросилъ Сократъ, всѣ предыдущія разсужденія, или одни принимаете, а другихъ нѣтъ?

Одни, отвѣчали они, принимаемъ, а другихъ нѣтъ.

Что же вы скажете, продолжалъ Сократъ, о томъ разсужденіи, въ которомъ мы утверждали, что ученіе есть припоинаніе, и если это такъ, то необходимо, чтобы наша душа существовала гдѣнибудь прежде, чѣмъ заключилась въ тѣло?

Я, сказалъ Кебесъ, и тогда какъ нельзя болѣе былъ имъ убѣжденъ, и теперь держусь его тверже, чѣмъ какаго-нибудь другого мнѣнія.

И я точно также, сказалъ Симиасъ; и признаюсь, я бы даже очень удивлялся, если бы когда-нибудь сталъ думать объ этомъ предметѣ иначе.

Но тебѣ необходимо, мой дорогой евванскій гость, возразилъ Сократъ, думать иначе, если только ты остаешься при томъ мнѣннн, что гармонія есть нѣчто сложное, а душа, какъ нѣкотораго рода гармонія слагается изъ началъ, образующихъ тѣло? потому что ты, конечно, не позволилъ бы себѣ сказать, что гармонія образовалась прежде, чѣмъ явилось то, изъ чего она должна образоваться? Или ты это допустишь?

Никонимъ образомъ не допущу, Сократъ, сказалъ Симмиасъ.

Но замѣчаешь ли ты, продолжалъ Сократъ, что тебѣ приходится это допустить, какъ скоро ты утверждаешь, что душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ образъ и тѣло челоуѣка; ясно, что она сложилась изъ такихъ началъ, которыя еще не существовали; потому что гармонія не есть для тебя нѣчто такое же, какъ то, съ чѣмъ ты ее сравниваешь: лира, струны и звуки, еще не приведенные въ согласованн, существовали прежде; гармонія же является послѣ всего этого, и погибаетъ раньше. Какимъ же образомъ это разсужденн твое будетъ согласно съ тѣмъ?

Никонимъ образомъ, отвѣтилъ Симмиасъ.

А между тѣмъ, сказалъ Сократъ, если какое разсужденн должно представлять собою гармонн, то конечно прежде всего — разсужденн е гармонн.

Это необходимо, сказалъ Симмиасъ.

Но это разсужденн, продолжалъ Сократъ, не представляетъ у тебя согласн съ предыдущимъ. Теперь смотри: которому изъ двухъ мнѣнн ты отдаешь предпочтенн, — тому ли, что ученн есть припомянанн, или что душа есть гармонн?

Я приму гораздо скорѣе первое, любезный Сократъ, отвѣтилъ Симмиасъ; потому что второе сложилось у меня безъ доказательства, — на основанн вѣроятности и кажущейся стороны дѣла, какъ слагаются мнѣнн у большей части людей. Но я знаю, что разсужденн, которыя основываютъ свои доказательства на вѣроятностяхъ, шатки, и, если ихъ не остерегаться, легко вводятъ въ заблужденн и въ геометрн и во всѣхъ другихъ наукахъ. А разсужденн о припомянанн и ученн было нами утверждено на такомъ началѣ, которое стднтъ того, чтобы

его принять. Мы сказали по этому случаю, что душа наша существовала прежде чѣмъ воплотилась, потому что она обладаетъ какъ своею собственностью — сущностью, носящей и бытія. Я согласился съ этимъ разсужденіемъ, какъ я убѣжденъ основательно и справедливо; но поэтому самому, представляется, ужь необходимо, чтобы ни самъ я не принималъ, ни раздѣлялъ мнѣніе другого, что душа есть гармонія.

XLII. А что ты скажешь, Симміасъ, продолжалъ Сократъ разсматривая предметъ слѣдующимъ образомъ. Думаешь ли ты, что гармонія, или другому сочетанію свойственно находиться въ другомъ состояніи, нежели въ какомъ находятся начала, изъ которыхъ первыя сложились?

Никонимъ образомъ.

Дѣйствительно, я думаю, что имъ несвойственно ни дѣлать, ни претерпѣвать чтонибудь, отличное отъ того, что дѣлаютъ или претерпѣваютъ ихъ начала.

Симміасъ согласился.

Въ силу этого гармонія должна не руководить началами изъ которыхъ она сложена, а слѣдовать имъ?

Онъ былъ того-же мнѣнія.

И такъ далеко до того, чтобы гармонія двигалась или звучала противоположнымъ образомъ, или представляла какоенибудь другое противорѣчіе съ своими частями.

Конечно, до этого далеко, сказалъ Симміасъ.

Что же далѣе? продолжалъ Сократъ. Не есть ли каждая гармонія по природѣ такова, что она является гармоніей только въ той степени, въ какой она приведена въ согласованіе?

Я этого не понимаю.

Не бываетъ ли обыкновенно такъ, сказалъ Сократъ, что чѣмъ больше, чѣмъ въ высшей степени она уравновѣшена, — если только она можетъ это допускать, — тѣмъ высшей и совершеннѣйшей является она гармоніей, а чѣмъ меньше и въ меньшей степени уравновѣшена, — тѣмъ меньше и въ низшей степени?

Конечно.

А можетъ ли это имѣть мѣсто относительно души, — такъ чтобы это можно было представить хотя въ малѣйшей степени

то есть, чтобы одна душа была болѣе душою, чѣмъ другая, или, наоборотъ, менѣе душой, чѣмъ другая?

Конечно нѣтъ; никоимъ образомъ.

Однакожь, скажи мнѣ, ради Зевса, не говорятъ ли объ одной душѣ, что она обладаетъ умомъ и добродѣтелью, и что она хороша, а о другой, — что она отличается глупостью и пороками, и что она зла? Говоря такимъ образомъ, не говорятъ ли справедливо?

Конечно справедливо.

Ну, а тѣ люди, которые утверждаютъ, что душа есть гармонія, — какъ они будутъ смотрѣть на такія качества ея, какъ добродѣтель и порокъ? Скажутъ ли они, что то и другое представляетъ опять другую гармонію и дизгармонію, и что одна душа, — душа добрая, — находится въ состояніи гармоніи, и, будучи гармоніей по природѣ, носить въ себѣ еще другую гармонію, а другая, — душа злая, — находится въ состояніи дизгармоніи, и не носить въ себѣ гармоніи?

Я, по крайней мѣрѣ, не буду такъ говорить, сказалъ Симіасъ; но очевидно, что именно нѣчто подобное сказалъ бы тотъ, кто принялъ бы, что душа есть гармонія.

Но мы уже согласились прежде, сказалъ Сократъ, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа, чѣмъ каждая другая; а это другими словами значить то, что ни одна гармонія не есть въ большей или высшей, или напротивъ въ меньшей степени гармонія, чѣмъ всякая другая. Не такъ ли?

Конечно.

А не допуская болѣе или менѣе степени, гармонія не можетъ имѣть большаго или меньшаго согласованія? Такъ?

Такъ.

Не допуская же согласованія въ своихъ частяхъ въ болѣе или меньшей степени, можетъ ли гармонія быть гармоніей въ болѣе или меньшей степени, или только въ равной?

Въ равной.

И такъ душа, — въ силу того, что ни одна душа не есть въ болѣе или меньшей степени душа, чѣмъ каждая другая, — не представляетъ большаго или меньшаго согласованія?

Такъ.

А если такъ, то очевидно, что душа не можетъ быть причастна въ большей степени дизгармоніи или гармоніи?

Конечно нѣтъ.

А въ такомъ случаѣ, могутъ ли порокъ или добродѣтель находиться въ одной душѣ въ большей степени, чѣмъ въ другой, если порокъ есть дизгармонія, а добродѣтель гармонія?

Не могутъ.

По здравому разсужденію, любезный Симміасъ, правильнѣе сказать, — ни одна душа не будетъ причастна порока, если она есть гармонія; потому что гармонія, будучи этимъ всецѣло, то есть гармоніей, никогда не можетъ быть поэтому причастна дизгармоніи.

Разумѣется нѣтъ.

А слѣдовательно и душа, — въ силу того, что она есть всецѣло душа, — порока.

Какъ это возможно послѣ того, что сказано?

На основаніи этого разсужденія, слѣдовательно, всѣ души всѣхъ живыхъ существъ будутъ для насъ одинаково добры, если только въ природѣ всѣхъ душъ заключается одинаково это свойство — быть душами.

Мнѣ представляется такъ, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ.

А признаешь ли ты, что это разсужденіе основательно, и что мы должны его принять, если бы справедливо было то положеніе, что душа есть гармонія ¹³⁰?

Ни подѣ какимъ видомъ.

XLIII. Далѣе, продолжалъ Сократъ, — изъ всего, что только есть въ человѣкѣ, укажешь ли ты чтонибудь, что господствовало бы въ немъ, кромѣ души, а особенно если это будетъ душа мудрая?

Нѣтъ.

Уступаетъ ли она пожеланіямъ тѣла, или же противится имъ? Я разумѣю напр. такіе случаи. Ощущеніе жара и жажды направляетъ душу къ противоположному, — къ тому, чтобы не пить; ощущеніе голода къ тому, чтобы воздерживаться отъ ѣды, и

въ тысячѣ другихъ случаевъ мы видимъ, что душа противится пожеланіямъ тѣла. Не такъ ли?

Совершенно такъ.

Но мы согласились въ предыдущихъ разсужденіяхъ, что душа, если она есть гармонія, никогда не можетъ звучать иначе чѣмъ то, что приводитъ ее въ напряженіе, или ослабляетъ, или колеблетъ, и вообще — какому бы измѣненію ни подвергались начала, изъ которыхъ она сложена, — она можетъ только слѣдовать имъ, но не управлять ими?

Да, мы это признали; да какъ же этого и не признать?

Но чтожь? Не оказывается ли на дѣлѣ, что душа дѣйствуетъ совершенно противоположнымъ образомъ, управляя началами, изъ которыхъ она, какъ утверждаютъ нѣкоторые, сложена, сопротивляется почти всѣмъ имъ въ теченіе цѣлой жизни, высказываетъ надъ ними свою власть всеми способами, укрепляя одни строго и болѣзненно, — помощію гимнастики и медицины, а другія болѣе кроткимъ образомъ, — угрожая пожеланіямъ, и увѣщевая ихъ и бесѣдуя съ ними, — желаніями, гнѣвомъ и страхомъ, какъ нѣчто совершенно отличное съ чѣмъ-то отличнымъ другимъ? Это самое представляетъ въ Одиссееѣ Гомеръ, гдѣ онъ говоритъ объ Одиссееѣ ¹³¹:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:

Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло.

Ужели ты думаешь, что поэтъ написалъ это, представляя душу гармоніей и чѣмъ-то такимъ, что способно руководиться пожеланіями тѣла, а не поведѣвать имъ, и господствовать надъ ними, или не признавая души чѣмъ-то гораздо болѣе божественнымъ, чѣмъ гармонія ¹³²?

Клянусь Зевесомъ, любезный Сократъ, мнѣ не представляется такъ.

И такъ, драгоценный другъ мой, мы ни подъ какиимъ видомъ не должны говорить, что душа есть нѣкоторый родъ гармонія; потому что, въ противномъ случаѣ, мы очевидно не будемъ согласны ни съ божественнымъ повѣтомъ Гомеромъ, ни сами съ собою.

Это такъ, сказалъ Симиасъ.

XLIV. Ну, и хорошо, сказалъ Сократъ; теперь, еиванская гармонія, какъ кажется, нѣсколько утихла¹³³; но какъ, любезный Кебесъ, и какими доводами успокоимъ мы Кадма?

Ты, я думаю, найдешь, сказалъ Кебесъ; потому что рѣчью противъ гармоніи ты удивительно какъ превзошелъ мое ожиданіе. Когда Симміасъ высказалъ то, въ чемъ онъ сомнѣвался, я съ крайнимъ удивленіемъ представлялъ, чтобы ктонибудь могъ чтонибудь противопоставить его разсужденіямъ; тѣмъ больше я былъ пораженъ, что онъ съ первой же минуты не могъ выдержать перваго натиска твоей рѣчи; и такъ я не буду удивляться, если и разсужденіе Кадма испытаетъ ту же самую участь.

О, добрый мой другъ, сказалъ Сократъ, не осыпай меня такими похвалами¹³⁴, чтобы чьянибудь зависть не уничтожила разсужденія, къ которому мы приступаемъ. Впрочемъ, представимъ это попеченію бога; сами же мы, схватившись другъ съ другомъ, какъ герои Гомера¹³⁵, изслѣдуемъ, — есть ли въ разсужденіи твоёмъ истина? Сущность того, что ты предлагаешь изслѣдовать, заключается въ слѣдующемъ. Ты требуешь доказательства на то, что душа наша неразрушима и безсмертна; ты боишься, чтобы философъ, который въ виду смерти сохраняетъ надежду и думаетъ, что онъ будетъ гораздо блаженнѣе тамъ, по смерти, нежели, какъ еслибы онъ умеръ, проведши иначе земную жизнь, ты боишься, говорю, чтобы надежда этого философа не была въ этомъ случаѣ безразсудна и напрасна? По твоему мнѣнію показать, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, что она существовала, прежде чѣмъ мы сдѣлались людьми, — вовсе не значитъ доказать, что она безсмертна, а только то, что она долговѣчна, что она существовала гдѣнибудь до этого безконечное число лѣтъ, многое знала и дѣлала, но при всемъ этомъ не была безсмертна; ты говоришь, что самый приходъ ея въ человѣческое тѣло составляетъ для нея начало гибели, какъ будто бы нѣкотораго рода болѣзнь; такъ что она проводить въ бѣдствіяхъ земную жизнь, а оканчивая ее, погибаетъ совершенно въ такъ называемой смерти. Ты говоришь, что по отношенію къ опасеніямъ, которыя каждый изъ насъ

можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, рѣшительно все равно — входить ли она въ тѣло однажды или много разъ, и что каждый, кто только не безуменъ, долженъ справедливо имѣть въ этомъ случаѣ опасенія, не зная и не имѣя возможности представить доказательствъ на то, что она безсмертна. Это именно, какъ кажется мнѣ, ты утверждаешь другъ мой Кебесъ; а съ напѣреніемъ повторяю слова твои много разъ для того, чтобы что нибудь не ускользнуло отъ насъ, и ты по своему желанію могъ бы что нибудь прибавить или убавить.

А Кебесъ въ отвѣтъ на это сказалъ: я въ настоящемъ случаѣ не имѣю нужды ни убавлять, ни прибавлять ничего; это именно то самое, что я хочу сказать.

XLV. Сократъ послѣ долгаго молчанія и размышленія сказалъ: ты ищешь разрѣшить, другъ мой Кебесъ, не легкій вопросъ; потому что для этого нужно изслѣдовать причину рожденія и разрушенія вообще. И такъ, если хочешь, я расскажу тебѣ, какъ было въ этомъ случаѣ со мною, а ты, если только что нибудь изъ того, что я скажу, покажется тебѣ годнымъ для твоего собственнаго убѣжденія въ предметъ изслѣдованія, воспользуешься этимъ.

Разумѣется, отвѣчалъ Кебесъ, что я этого желаю.

И такъ выслушай мой рассказъ. Когда я былъ, любезный Кебесъ, еще молодымъ человѣкомъ, у меня было удивительно сильное стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ наукой о природѣ¹³⁶. Я находилъ что-то особенно высокое въ томъ, чтобы знать причину каждаго явленія, — почему то или другое родится, почему погибаетъ и почему существуетъ. Я долго переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому, стараясь разрѣшить прежде всего слѣдующій вопросъ: не бываетъ ли такъ, что послѣ того какъ что нибудь теплое или холодное подвергнется извѣстному разложенію, — тогда образуются живыя существа, какъ утверждали нѣкоторые¹³⁷? И не есть ли кровь та сила¹³⁸, помощію которой мы мыслимъ, или воздухъ¹³⁹ или огонь¹⁴⁰, или же ни одинъ изъ этихъ предметовъ, а мозгъ воспроизводитъ въ насъ впечатлѣнія слуха, зрѣнія и обонянія¹⁴¹; изъ впечатлѣній этихъ рождаются потѣмъ воспоминаніе и представ-

леніе, а воспоминаніе и представленіе, пришедши въ состояніе покоя¹⁴², творять такимъ образомъ науку. Потѣмъ, когда я наблюдалъ преходимость этихъ предметовъ, равно какъ и перемѣны, происходящія на небѣ и на землѣ, я кончилъ тѣмъ, что нашелъ самаго себя такъ неспособнымъ къ подобному изслѣдованію, какъ не счелъ бы никого другого. Я приведу тебѣ ясное на это доказательство. Изслѣдованіе, о которомъ я говорю, сдѣлало меня до того слѣпымъ даже относительно вещей, которыя я прежде понималъ ясно, — какъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ самому и другимъ, — что я отвыкъ понимать и то, что прежде, какъ я думалъ, зналъ относительно многого, и въ частности относительно того, какимъ образомъ растетъ человѣкъ. Прежде я считалъ очевиднымъ для всякаго, что это совершается черезъ ѣду и питье. Такъ какъ черезъ употребленіе пищи плоть прибавляется къ плоти, и кости къ костямъ, а равнымъ образомъ къ другимъ элементамъ прибавляются въ той же пропорціи сродные имъ элементы, — каждый къ каждому, — то такимъ образомъ то, что сначала было малымъ, становится потомъ большимъ, и маленькій человѣкъ возрастаетъ въ большаго. Такъ я думалъ въ то время: находишь ли ты это основательнымъ?

Мнѣ представляется такъ, сказалъ Кебесъ.

Разсмотри также слѣдующее. Мнѣ всегда представлялось, что если человѣкъ большаго росту стоитъ рядомъ съ человѣкомъ маленькаго росту, то первый выше послѣдняго головой, и точно такимъ же образомъ одна лошадь выше другой. Приведу примѣръ еще болѣе очевидный: десять мнѣ казалось больше восьми по той причинѣ, что первое число содержитъ въ себѣ двѣ лишніе единицы противъ послѣдняго, и все двухлоптевое больше однолоптевого въ силу того, что первое половиной превышаетъ послѣднее.

А теперь, сказалъ Кебесъ, какъ тебѣ это представляется?

Клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ Сократъ, я очень далеко отъ мысли, что я понимаю причину котораго нибудь изъ этихъ явленій, — я, который не могу увѣрить себя въ томъ, что если кто нибудь прибавитъ къ единицѣ единицу, то та единица, къ

которой прибавлена другая, становится двумя, или прибавленное и то, къ чему прибавлено, — черезъ прибавленіе одного къ другому становятся двумя. Меня очень удивляетъ, что, въ то время какъ каждая единица существовала отдѣльно и была единицей, и ни та ни другая не были двумя, послѣ того какъ онѣ между собою сблизились, — это сдѣлалось для нихъ причиною, по которой онѣ превратились въ два, то есть именно — черезъ помѣщеніе ихъ одной подлѣ другой. Точно также я не могу увѣрить себя, что если кто нибудь раздѣлитъ единицу на двое, то раздѣленіе составляетъ причину, по которой единица превращается въ два; потому что послѣдняя причина очевидно противоположна той, по которой единицы въ первомъ случаѣ сдѣлались двумя. Въ первомъ случаѣ это произошло черезъ то, что двѣ единицы были помѣщены одна подлѣ другой, и одна была прибавлена къ другой, а теперь черезъ то, что одна единица отнимается и отдѣляется отъ другой. Точно такимъ же образомъ я не увѣренъ, что знаю, — какъ образуется единица, ни того, — чтобы все сказать однимъ словомъ, — почему, на основаніи этого способа изслѣдованія, что нибудь рождается, погибаетъ или существуетъ. Я замѣняю этотъ способъ изслѣдованія другимъ, — моимъ собственнымъ, а этого одобрить никакимъ образомъ не могу.

XLVI. Когда же я однажды услышалъ, какъ нѣкто читалъ изъ книги, написанной, какъ онъ сказалъ, Анаксагоромъ¹⁴³, что умъ есть распорядитель и виновникъ всего, — я обрадовался этой причинѣ, и нашелъ нѣкоторымъ образомъ хорошимъ, что умъ есть виновникъ всего; я думалъ, что если это такъ, то приводящій все въ порядокъ умъ все располагаетъ и помѣщаетъ каждый отдѣльный предметъ такъ, чтобы это представляло для нихъ самое лучшее. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь захотѣлъ найти причину для каждаго предмета, — вслѣдствіе которой каждый рождается, погибаетъ или существуетъ, — то надобно опредѣлить относительно каждаго то, какъ ему лучше всего существовать, или что претерпѣвать или дѣлать. А на основаніи этого начала человѣку прилично изслѣдовать какъ относительно себя, такъ и относительно всего другого не что иное, какъ самое лучшее и совершенное, при чемъ онъ необходимо узнаетъ и самое худ-

шее, такъ какъ познаніе того и другого одно и то же. Тогда разсуждая, я съ радостію думалъ о томъ, что нашелъ въ лекціяхъ учителя, объясняющаго мнѣ причины всѣхъ вещей гласно моему собственному образу мыслей, — человѣка, кото- сообщивъ мнѣ сначала, — представляетъ ли земля плоскость, круга, показалъ бы потомъ причину и необходимость той или другой ея формы, опираясь на начало наилучшаго объясня, что ей лучше быть такою; а сказавши, что земля находится въ центрѣ міра¹⁴⁴, объяснилъ бы при этомъ, что лучше находится въ центрѣ міра; и если бы онъ мнѣ это показалъ, то я былъ бы готовъ не требовать больше никакой другой причины. Точно такого же рода изслѣдованіе я готовъ былъ сдѣлать относительно солнца, луны и прочихъ свѣтилъ ихъ взаимной скорости, движенія и происходящихъ съ ними перемѣнъ, — въ какомъ отношеніи представляется лучшимъ, что каждое изъ нихъ дѣлало или испытывало то, что дѣлаетъ и испытываетъ. Я никогда не думалъ, чтобы этотъ философъ признавши, что все это устроено умомъ, сталъ бы потомъ приводить для этихъ явленій какія нибудь другія причины, кромѣ той, что имъ лучше быть такъ, какъ они есть. Я думаю, что такой философъ, объясняя причину каждаго отдѣльнаго явленія и всѣхъ вмѣстѣ, долженъ показать то, что составляетъ самое лучшее для каждаго изъ нихъ и всѣхъ вообще. Я не отдалъ бы въ этомъ случаѣ моихъ надеждъ за дорожную цѣну, но, принявшись со всею ревностію за подобія книгъ прочелъ бы ихъ со всевозможной для меня скоростью, для того чтобы какъ можно скорѣе достигъ познанія самаго лучшаго и худшаго.

XLVII. И такъ я немедленно отправился въ этотъ прекрасный и любезный другъ, увлекаемый чудными надеждами, но, по тому какъ я подвигался впередъ и продолжалъ чтеніе, увидѣлъ человѣка, который не дѣлалъ никакого приложенія умъ не къ нему возводилъ причины правильнаго распорядка вещей, а поставлялъ ихъ въ воздухъ, эфиръ, водъ и другихъ таинственно несообразно принятыхъ началахъ. Тогда мнѣ показалось, съ этимъ философомъ случилось тоже самое, какъ если бы

сказалъ: все, что Сократъ дѣлаетъ, — онъ дѣлаетъ на основаніи разсудка, а потомъ, приступая къ объясненію причинъ каждаго моего дѣйствія въ частности, сказалъ бы прежде всего, что я сижу здѣсь въ настоящее время потому, что мое тѣло состоитъ изъ костей и нервовъ, что кости тверды и соединены одна съ другою суставами, что нервы способны напрягаться и сжиматься, что они покрываютъ кости вмѣстѣ съ мясомъ и кожей, которая содержитъ и окружаетъ то и другое. Поэтому, какъ скоро кости гнутся въ мѣстахъ своихъ соединеній, то нервы, послѣ того какъ я ихъ ослабляю и напрягаю, даютъ мнѣ возможность сгибать мои члены, и это составляетъ причину, по которой я, склонившись здѣсь, сижу. Точно такимъ же образомъ, тоже самое сказалъ бы этотъ человѣкъ, объясняя причину, по которой мы въ настоящее время бесѣдуемъ, если бы сталъ приводить въ объясненіе такія причины, какъ напр. голосъ, воздухъ, слухъ и тысячи другихъ подобныхъ, вмѣсто того чтобы указать причины настоящія, — именно, что послѣ того какъ аѣнныя сочли за лучшее осудить меня, нашелъ по этому самому лучшимъ, и болѣе справедливымъ и я — сидѣть здѣсь, въ ожиданіи казни, къ которой они меня присудили; потому что, клянусь собакой¹⁴⁵, давно уже эти нервы и кости находились бы, я думаю, подлѣ Мегары, или среди Беотянъ¹⁴⁶, перенесенныя туда надеждою на лучшее, если бы я не считалъ болѣе справедливымъ и прекраснымъ, вмѣсто того чтобы бѣжать и укрываться, понести наказаніе, которое опредѣлила мнѣ республика. Но называть причинами подобнаго рода вещи — слишкомъ недѣло. Если бы ктонибудь сказалъ, что не имѣя всего этого — костей и нервовъ и всего вообще, что я имѣю, я не былъ бы въ состояніи дѣлать того, что нахожу нужнымъ, — тотъ сказалъ бы истину. Но сказать, что все это составляетъ причину, по которой я дѣлаю то, что дѣлаю, — что я этимъ способомъ дѣйствую черезъ умъ, а не въ выборѣ лучшаго, — значитъ сказать очевидную, крайнюю недѣльность. Это значитъ не быть въ состояніи различать, что иное дѣло дѣйствительная причина, а иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Ее-то многіе, мнѣ представляется, изслѣдуютъ какъ будто въ темнотѣ, и называя

ее чуждымъ ей именовъ, выдають другой предметъ за причину. Вотъ почему одинъ окружаетъ землю вихремъ, производимымъ небесами ¹⁴⁷, и дѣлаетъ ее неподвижною, а другой подпираетъ основаніе ея воздухомъ, принимая ее такимъ образомъ за широкій сосудъ; но той силы, помощію которой все это расположено такъ, какъ расположено, — лежащей во всѣхъ этихъ предметахъ способности быть расположенными наилучшимъ образомъ, — они не ищутъ, и не думаютъ о томъ, что всѣ они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую божественную силу; они надѣются найти наконецъ Атласа ¹⁴⁸, который бы обладалъ большимъ могуществомъ и безсмертіемъ, чѣмъ она, и былъ бы больше способенъ все содержать, но ничуть не представляютъ, что только доброе и разумное дѣйствительно все соединяетъ и содержитъ. Что касается до меня, то я бы съ величайшею радостію сдѣлался чѣмъ угодно ученикомъ, для того, чтобы узнать эту причину, — какова она въ дѣйствительности. Но послѣ того какъ, мнѣ не удалось мое исканіе и я былъ не въ силахъ ни найти ее, ни узнать отъ другихъ, я пустился въ новое плаваніе, и — хочешь ли, Кебесъ, я разскажу тебѣ о пути, который я предпринялъ для ея отысканія?

Я какъ нельзя болѣе этого желаю, отвѣтилъ тотъ.

XLVIII. Послѣ того, началъ Сократъ, когда я отказался отъ изслѣдованія сущности бытія, я счелъ нужнымъ остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ люди, созерцающіе и наблюдающіе солнечное затмѣніе; потому что нѣкоторые портятъ себѣ зрѣніе, если видятъ образъ его не въ водѣ, или другой подобной средѣ. Нѣчто подобное изслѣдывалъ и я, и боялся, чтобы мое духовное зрѣніе вовсе не померкло, если я буду смотрѣть на предметы глазами и соприкасаться съ ними помощію каждаго другого тѣлеснаго чувства. Вслѣдствіе этого мнѣ показалось необходимымъ, обратившись къ причинамъ — изслѣдовать въ нихъ истинную сущность бытія. Впрочемъ, можетъ быть, образъ, который я беру для сравненія, не представляетъ подобія съ тѣмъ, о чемъ я говорю; потому что я не признаю также точно, что тотъ, кто изслѣдуетъ бытіе въ его причинахъ, созерцаетъ его лучше въ образахъ, нежели въ его собственной

сущности ¹⁴⁹. Но, однако я устремился по этому пути, и принимая каждый раз за основаніе извѣстное начало, которое нахожу наиболѣе твердымъ, а все то, что мнѣ кажется согласнымъ съ этимъ началомъ, признаю за истинное, — будетъ ли дѣло касаться причинъ или чего бы то ни было, — а то, что несогласно съ нимъ, — не признаю. Но я хочу объяснить тебѣ лучше то, что говорю, потому что, я думаю, ты теперь еще этого не понимаешь.

Клянусь Зевесомъ, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ, я не понимаю этого ясно.

XLIX. Однакожъ, сказалъ Сократъ, я не говорю ничего новаго, а только то, что я не переставалъ говорить постоянно и прежде, и теперь — въ предыдущей части разсужденія. И такъ я намѣренъ продолжать объяснять тебѣ ту причину, которая составляла предметъ моихъ изслѣдованій. Я возвращаюсь снова къ тому, о чемъ было говорено много разъ и съ этого начинаю, принимая за основаніе, что есть нѣчто прекрасное въ самомъ себѣ, доброе, великое и все другое подобное. Если ты это мнѣ уступаешь и соглашаешься, что это дѣйствительно существуетъ, то я надѣюсь отсюда показать тебѣ и раскрыть, что душа безсмертна.

Ты можешь немедленно сдѣлать выводъ, сказалъ Кебесъ, потому что я тебѣ это уступаю.

Разсмотри, сказалъ Сократъ то, что отсюда слѣдуетъ, — не представится ли тебѣ такъ, какъ представляется мнѣ. Для меня очевидно, что если существуетъ что нибудь прекрасное, помимо прекраснаго въ самомъ себѣ, то оно прекрасно не черезъ что иное, какъ черезъ то, что оно причащается прекраснаго въ самомъ себѣ, и точно такъ же я говорю обо всемъ другомъ. Допускаешь ли ты эту причину?

Допускаю, отвѣчалъ Кебесъ.

И такъ послѣ этого, продолжалъ Сократъ, я уже не понимаю и не могу понять другихъ причинъ съ ихъ утонченностями ¹⁵⁰. Но если мнѣ кто нибудь скажетъ, почему что нибудь прекрасно, — будетъ ли оно имѣть прекрасный цвѣтъ, или форму или что нибудь подобное, — то я уже не ищу больше

другихъ причинъ, — потому что все другое только затемняет мое пониманіе, но, просто, безъ утонченностей, и, можетъ быть, даже слишкомъ простодушно держусь той мысли, что извѣстный прекрасный предметъ дѣлаетъ прекраснымъ не что иное, какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ, — его приобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ оно ни происходило. Я не утверждаю относительно этого болѣе¹⁵¹, но утверждаю, что всѣ прекрасные предметы прекрасны по причинѣ присутствія въ нихъ прекраснаго въ самомъ себѣ. Вотъ, мнѣ кажется, самый вѣрный отвѣтъ, который я могу дать относительно этого и себѣ самому и другому. Держась такого начала, думаю, что я никогда не ошибусь, но могу безопасно отвѣчать и самому себѣ и каждому другому, что прекрасные предметы бывають прекрасны черезъ прекрасное въ самомъ себѣ. Или тебѣ не представляется такъ?

Я именно такого мнѣнія.

Точно также большія вещи велики своею величиною, и большія суть большія по той же причинѣ и меньшія — меньшія по причинѣ присутствія въ нихъ малости?

Да.

И такъ, ты уже не будешь раздѣлять мнѣнія, если ктонибудь скажетъ, что одинъ человекъ выше другого головою, или меньшій тѣмъ же самымъ меньше, но будешь утверждать, что ты не принимаешь другого объясненія кромѣ того, что все, большее сравнительно съ другимъ, больше другого ничѣмъ другимъ какъ величиною, и по этой причинѣ, то есть вслѣдствіе величины, есть большее, а меньшее — меньше не другимъ чѣмъ, какъ малостію, и поэтому, то есть по причинѣ малости, есть меньшее. Ты будешь, я думаю, утверждать именно такимъ образомъ, опасаясь, чтобы ктонибудь не указалъ тебѣ на слѣдующее противорѣчіе. Если ты скажешь, что какойнибудь человекъ больше или меньше другого головою, то во первыхъ очевидно, что и большее больше и меньшее меньше — тѣмъ же самымъ, а во вторыхъ, что человекъ большій — больше другого головою, которая мала, а это очевидно составляетъ странность¹⁵², чтобы

ктонибудь былъ большимъ черезъ малость. Не опасался ли бы ты такого возраженія?

Конечно, отвѣчалъ улыбаясь Кебесъ. Точно такимъ же образомъ, продолжалъ Сократъ, не опасался ли бы ты говорить, что десять больше восьми двумя, и что первое число превосходитъ второе именно по этой причинѣ, — а не количествомъ и не черезъ количество, и что все, имѣющее два локтя, превышаетъ однолоктевое половиной, а не величиной? потому что возраженіе въ этомъ случаѣ остается тоже самое.

Конечно такъ, отвѣчалъ Кебесъ.

Что жъ далѣе? Не остерегался ли бы ты говорить, что, если одинъ прибавить къ одному, то прибавленіе составитъ причину образованія двухъ; или, если единицу раздѣлить, то причиной образованія двухъ будетъ раздѣленіе? Не сталъ ли бы ты громко кричать, что ты не знаешь иного способа образованія каждаго единичнаго бытія, кромя причащенія его — сущности, свойственной тому классу явленій, къ которому каждое принадлежитъ, и что вслѣдствіе этого ты не имѣешь иной причины образованія двухъ, кромя причащенія чегонибудь природы двойственнаго числа, такъ что то, что должно сдѣлаться двумя, должно причаститься природы двойственности, а то, что должно сдѣлаться единицей, — приобщиться природы единичности? Не оставилъ ли бы ты въ покоѣ всѣхъ этихъ раздѣленій, и прибавленій и другихъ подобныхъ утонченностей, предоставивъ людямъ болѣе ученымъ чѣмъ ты дѣлать подобные отвѣты, а самъ, боясь по словицѣ ¹⁵³ своей собственной тѣни и своего незнанія, — не держался ли бы указаннаго нами вѣрнаго начала, и не отвѣчалъ ли бы постоянно въ такомъ смыслѣ? Еслижъ бы ктонибудь сталъ нападать на самое начало, ¹⁵⁴ — не оставилъ ли бы ты этихъ возраженій безъ вниманія и отвѣта до тѣхъ поръ, пока не разсмотрѣлъ бы всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этого начала, — согласны ли они, по твоему мнѣнію, или не согласны, одно съ другимъ? Когдажъ бы тебѣ нужно было отдать отчетъ въ самомъ началѣ, то не отдалъ ли бы ты его точно такимъ же образомъ, — утверждая опять новое начало, лучшее, по твоему мнѣнію, сравнительно съ прежнимъ, пока наконецъ не пришелъ

бы къ чемунибудь удовлетворительному? И ты конечно не будешь смѣшивать, — какъ поступаютъ люди, любящіе разсуждать за и противъ извѣстной истины¹⁵⁵, — начала и вытекающихъ изъ него послѣдствій, если хочешь постигнуть чтонибудь въ бытіи? Потому что у этихъ послѣднихъ объ этомъ нѣтъ ни рѣчи, ни заботы. Эти люди, вслѣдствіе своей мудрости, способны смѣшивать рѣшительно все, и при этомъ оставаться довольными сами собою. Если только ты въ самомъ дѣлѣ принадлежишь къ философамъ, ты будешь, я думаю, поступать такъ, какъ я говорю.

Ты говоришь, любезный Сократъ, вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказали вмѣстѣ Симміасъ и Кебесъ.

Эхекратъ. Клянусь Зевесомъ, любезный Федонъ, они были правы; потому что Сократъ доказывалъ предметъ съ удивительной ясностью для каждаго, кто скольконибудь имѣетъ ума.

Федонъ. Совершенно такъ казалось, любезный Эхекратъ, и всѣмъ присутствовавшимъ.

Эхекратъ. Точно такъ кажется и намъ, хотя насъ тамъ не было, а мы только слушаемъ теперь твой рассказъ.

Л. Но что было говорено послѣ этого, Федонъ?

Сколько могу припомнить, послѣ того, когда съ нимъ въ этомъ согласились и признали, что каждая идея есть нѣчто дѣйствительное, и что предметы, причащаясь идей, получаютъ отъ нихъ свое имя, Сократъ предложилъ вопросъ: если ты согласенъ съ тѣмъ, что это дѣйствительно такъ, то не утверждаешь ли ты говоря, что Симміасъ больше Сократа и меньше Федона, — не утверждаешь ли ты, говоря, что въ Симміасѣ находится то и другое, — и великость и малость?

Конечно.

И такъ сказалъ Сократъ, ты долженъ признать, что Симміасъ превосходить ростомъ Сократа не такимъ образомъ, какъ обыкновенно въ этомъ случаѣ выражаются; потому что не въ природѣ Симміаса быть бѣльшимъ; онъ больше не потому, что онъ Симміасъ, но величиною, которая случайно выпала ему на долю; равнымъ образомъ, онъ превосходить ростомъ Сократа не потому что Сократъ есть Сократъ, но потому что Сократу принадлежитъ малость сравнительно съ его великостью.

Правда.

Точно также и Федонъ въ свою очередь превышаетъ его не тѣмъ, что онъ Федонъ, но тѣмъ, что Федону принадлежитъ великость сравнительно съ малостью Симміаса.

Справедливо.

Такимъ образомъ, Симміасъ носитъ имя и малаго и большого, занимая средину между тѣмъ и другимъ, — представляя малость, которую превосходитъ великость одного, и уступая великость другому, превосходящую его собственную малость. При этомъ улыбувшись Сократъ продолжалъ: я, кажется, выражаюсь объ этомъ предметѣ съ точностью людей, списывающихъ рукописи ¹⁵⁶; но это дѣйствительно такъ, какъ я говорю.

Тотъ согласился.

Все это я говорю, прибавилъ онъ, съ тѣмъ, чтобы ты думалъ объ этомъ тоже, что думаю я. Для меня очевидно, что не только великость сама въ себѣ не допускаетъ того, чтобы представлять собою и большое и малое, но даже та, которая принадлежитъ намъ, никогда не принимаетъ малости и никогда не можетъ быть превышаема, но — одно изъ двухъ: или великость убѣгаетъ и скрывается, когда къ ней приближается противное ей, — малость, или, когда малость придетъ, то великость перестаетъ существовать; но оставаться, и, принявши въ себя малость, стать чѣмъ нибудь инымъ противъ того, чѣмъ она была, — она не хочетъ. Такимъ образомъ я, какъ скоро принялъ и удержалъ малость, доколѣ остаюсь тѣмъ, чѣмъ я есмь, остаюсь малымъ, а то, что велико, никогда не можетъ представлять собою малаго; равнымъ образомъ малое заключающееся въ насъ, никогда не можетъ сдѣлаться или быть большимъ; точно также ничто другое изъ противоположныхъ, доколѣ только что нибудь остается самимъ собою, не можетъ сдѣлаться и быть въ одно и тоже время противоположнымъ самому себѣ; но, встрѣчая что нибудь себѣ противное, или удаляется или погибаетъ.

Мнѣ представляется рѣшительно такъ, сказалъ Кебесъ.

ЛІ. Кто-то изъ присутствующихъ, — не помню хорошо, кто именно, — выслушавъ это сказалъ: «боги благіе! не согласились ли

мы въ предыдущихъ разсужденіяхъ въ томъ, что совершенно противно высказываемому теперь, — именно, что большее рождается изъ меньшаго, и меньшее изъ большаго, и что противоположныя вообще рождаются только такимъ образомъ, — изъ противоположныхъ же, а теперь, мнѣ кажется, рѣчь ведется въ томъ смыслѣ, что этого никогда не бываетъ».

Сократъ приподнялъ голову, и выслушавъ эту рѣчь, сказалъ: ты встать ¹⁵⁷ вспомнилъ объ этомъ; тѣмъ не менѣе однакожь ты не понимаешь различія между тѣмъ, что говорится теперь, и что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противоположныя рождаются изъ противоположныхъ; а теперь мы говоримъ, что противоположное никогда не можетъ сдѣлаться противоположнымъ самому себѣ, — ни то, которое заключается въ насъ, ни противоположное въ природѣ. Тогда, любезный другъ, мы говорили о вещахъ, которыя имѣютъ себѣ противоположныя, называя ихъ именами, заимствованными отъ этихъ противоположныхъ; а теперь мы говоримъ о сущностяхъ, которыя, присутствуя въ вещахъ, сообщаютъ имъ свое имя; потому что о вещахъ этого рода мы никогда не скажемъ, что онѣ получаютъ бытіе одна отъ другой. При этомъ, взглянувши на Кебеса, Сократъ сказалъ: а тебя, любезный Кебесь, не смутило что нибудь изъ того, что онъ сказалъ?

Нѣтъ, теперь я уже не въ такомъ настроеніи духа, отвѣчалъ Кебесь, хотя впрочемъ не говорю, чтобы не оставалось еще многого, что приводитъ меня въ сомнѣніе.

Однакожь мы признали рѣшительно, сказалъ Сократъ, что противоположное никогда не сдѣлается противоположнымъ самому себѣ.

Совершенно такъ, сказалъ Кебесь.

III. Размотри также и слѣдующее, сказалъ Сократъ, — не согласишься ли ты со мною? Говоришь ли ты, что теплое и холодное есть нѣчто?

Да.

Разумѣешь ли ты подъ этимъ тоже самое, что мы называемъ свѣгомъ и огнемъ?

О, нѣтъ, влянусь Зевесомъ.

И такъ теплота есть нѣчто иное чѣмъ огонь, а холодъ иное чѣмъ снѣгъ?

Да.

А это, я думаю, ты также признаешь, что снѣгъ, доколѣ онъ остается снѣгомъ, никогда не приметъ теплоты, какъ мы говорили въ предыдущихъ разсужденіяхъ, и оставался тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то есть снѣгомъ, не сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ, но, при приближеніи къ нему теплоты или удаляется, или погибаетъ?

Конечно.

Равнымъ образомъ и огонь, когда къ нему приближается чтонибудь холодное, или скрывается или погибаетъ, и никогда не можетъ, принявши въ себя холодъ, оставаться вмѣстѣ и огнемъ, какъ былъ, и холоднымъ.

Ты говоришь правду, сказалъ Кебесъ.

И такъ, продолжалъ Сократъ, съ нѣкоторыми вещами этого рода бываетъ такимъ образомъ, что не только самая идея всегда удерживаетъ свое имя, но его также удерживаетъ и нѣчто иное, чтò, не будучи самой идеей, представляетъ нѣкоторый видъ или образъ ея, — доколѣ это нѣчто остается самимъ собою. Впрочемъ то, что я говорю, можетъ быть, будетъ яснѣе изъ слѣдующихъ прихвровъ. Всегда ли нечетъ будетъ имѣть то имя, которое мы ему усвоимъ? Не такъ ли?

Конечно.

Только ли онъ одинъ изъ всего вообще? потому что я спрашиваю именно объ этомъ, — или и чтонибудь другое, что юта не есть тоже самое, что нечетъ, однакожь его необходимо вмѣстѣ съ его собственнымъ называть и этимъ именемъ ¹⁵⁸, — вслѣдствіе того, что сама природа такъ установила, что оно никогда не отдѣляется отъ нечета? Я разумѣю подъ этимъ наприхвръ тройственное число и многое другое. Обрати вниманіе на тройственное число. Не находишь ли ты, что его надобно называть и его собственнымъ именемъ и именемъ нечета? а названіе нечета не равносильно названію тройственнаго числа. Между тѣмъ таковы именно по природѣ своей числа — три, пять и всякое другое венарное ¹⁵⁹, такъ что, не составляя того же самаго,

что нечеть, — каждое изъ нихъ всегда будетъ нечетомъ; и такимъ же образомъ — два, четыре и всякое вообще парное ч хотя и не одно и то же съ четомъ, однакожь каждое изъ всегда будетъ четъ. Согласенъ ли ты съ этимъ, или нѣтъ?

Да какъ же съ этимъ не согласиться? сказалъ Кебесъ.

Теперь обрати вниманіе на то, что я хочу показать: въ слѣдующемъ. Не трудно замѣтить, что не только эти тивуположныя не принимаютъ одно другого, но и тѣ, кои не будучи взаимно противоположны, всегда однакожь не принимаютъ себя; и эти послѣднія очевидно не могутъ принимать идеи, противоположной той, которая находится въ нихъ самихъ, но когда она къ нимъ приближается, то они погибаютъ или удаляются. Не скажемъ ли мы, что число не можетъ погнѣтеть или испытать что угодно другое, прежде чѣмъ ляется четнымъ числомъ, оставаясь въ то же время тремя?

Очевидно такъ, сказалъ Кебесъ.

А между тѣмъ, сказалъ Сократъ, два не составляютъ противоположности тремъ.

Конечно нѣтъ.

И такъ, не только прямо противоположныя идеи не принимаютъ одна къ другой, когда одна къ другой приближается, но и нѣчто другое не выдерживаетъ приближенія себя противоположнаго.

Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказалъ Кебесъ.

ЛІІІ. Теперь — хочешь ли, продолжалъ Сократъ, мы сдѣлимъ, если только въ состояніи будемъ это сдѣлать, и что вещи?

Хорошо, отвѣтилъ тотъ.

Не будутъ ли это, любезный Кебесъ, именно тѣ, которые бы ни заняли, заставляють предметъ удерживать только его собственную идею, но и идею чего нибудь ему тивуположнаго ¹⁶⁰?

Какъ это?

Точно такъ, какъ мы сейчасъ говорили. Ты конечно зна

что то, въ чемъ проявится идея тройственного числа, должно быть не только тремя, но и нечетомъ?

Разумѣется.

Къ такому явленію, говоримъ мы, идея противоположная той, которая его образуетъ, никогда не придетъ?

Нѣтъ.

А его образуетъ идея нечета?

Да.

И этой идеѣ противоположна идея чета?

Да.

И такъ идея чета никогда не выйдетъ въ число три?

Конечно нѣтъ.

Поэтому три непричастно идеѣ чета?

Непричастно.

Слѣдовательно оно нечетное?

Да.

Вотъ это самое я предлагалъ опредѣлить, а именно: какіе предметы, не будучи противоположны чему нибудь другому, не принимаютъ однакожъ самого противоположнаго, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ число три, не будучи противоположно четному числу, тѣмъ не менѣе однакожъ не принимаетъ его, потому что оно всегда приводитъ съ собою противоположное ему, — нечетъ, точно такъ, какъ два приводитъ противоположность къ нечету, огонь къ холодному и очень многое другое подобнымъ же образомъ. И такъ смотри, — не опредѣляешь ли ты этого такимъ образомъ, что не только противоположное не принимаетъ противоположнаго, но и то, что приводитъ съ собою противоположное, такъ что никогда приводящее съ собою противное не принимаетъ само противнаго тому, что оно приводитъ. Остановись на этомъ еще разъ, потому что слышать много разъ одно и тоже не дурно: пять никогда не приметъ идеи чета, или десять, — удвоенное число пяти — идеи нечета. Это послѣднее, хотя противоположно не нечету, а чему нибудь другому, не приметъ однако идеи нечета; равнымъ образомъ полуторное число и всѣ другія того же рода, какъ напр. половина, не примутъ идеи цѣлаго — точно также,

какъ треть и всѣ другія подобныя, если ты раздѣляешь
этомъ случаѣ мое мнѣніе и согласенъ, что это такъ.

Я совершенно согласенъ съ тобою и раздѣляю твое мнѣніе.

LIV. Теперь отвѣчай мнѣ, сказалъ Сократъ, опять
чала, и отвѣчай не тѣми словами, которыя заключаются
вопросѣ, а другими, подражая мнѣ. Я требую этого, на
кромѣ того безопаснаго способа отвѣтовъ, который я упо
блялъ выше ¹⁶¹, — въ томъ, что было говорено теперь, — др
не менѣе безопасный способъ. Если ты спросишь меня, — при
ствіе чего именно дѣлаетъ тѣло наше теплымъ, то я не д
бы тебѣ хотя и безопаснаго, но слишкомъ простаго отвѣта,
это бываетъ тогда, когда въ него входитъ теплота, но
основаніи того, что сказано теперь, сдѣлалъ бы болѣе у
ченный отвѣтъ, что это бываетъ тогда, когда въ него вход
огонь. Если ты спросишь меня, — какое начало, присутствуя
тѣлѣ подвергаетъ его болѣзни, я не отвѣчу, что это на
болѣзнь, а — лихорадка. Равнымъ образомъ на вопросъ, — при
ствіе чего именно въ числѣ дѣлаетъ его нечетнымъ, я
скажу — нечетъ, а единица, и точно такимъ же образомъ
разсматривать все другое. Смотри же, достаточно ли ты по
чего я хочу.

Совершенно.

Отвѣчай же мнѣ, продолжалъ Сократъ, — присутствіе
именно въ тѣлѣ дѣлаетъ его живымъ?

Присутствіе души, отвѣтилъ тотъ.

Всегда ли это такъ бываетъ?

Да какъ же иначе? сказалъ Кебесъ.

И такъ душа, что бы она ни заняла, всегда прино
жизнь тому, къ чему приходитъ?

Да, она приноситъ съ собою жизнь, отвѣчалъ Кебесъ.

А есть ли что нибудь противоположное жизни, или нѣтъ?

Есть.

Что?

Смерть.

И такъ душа никогда не приметъ противоположнаго тѣлу?

что она всегда съ собой приноситъ, какъ мы согласились на основаніи предыдущихъ разсужденій.

Конечно, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кебесь.

LV. Ну такъ какъ же? сказалъ Сократъ. Какъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи четнаго числа?

Нечетнымъ, сказалъ Кебесь.

А то, что не принимаетъ справедливаго или музыкальнаго?

Одно мы назовемъ немусикальнымъ ¹⁶², а другое несправедливымъ.

Хорошо, — а то, что не принимаетъ смерти, какъ мы называемъ?

Безсмертнымъ.

Но душа не принимаетъ смерти?

Нѣтъ.

Слѣдовательно, она безсмертна?

Безсмертна.

Хорошо, сказалъ Сократъ. Можемъ ли мы теперь сказать, что это доказано? Или какъ тебѣ кажется?

Доказано вполнѣ удовлетворительно, любезный Сократъ.

Ну, какъ же Кебесь? продолжалъ Сократъ. Если бы для нечетнаго числа существовала необходимость быть негибнущимъ, — не должно ли быть этимъ самымъ и три?

Да какъ же нѣтъ?

И если бы существовала необходимость, чтобы все, лишнее теплоты, было негибнущимъ, то всякій разъ, когда ктонибудь приблизилъ бы къ свѣгу чтонибудь теплое, не удалялся ли бы свѣгъ цѣлымъ и нераспустившимся? потому что онъ не погибъ бы, а равнымъ образомъ и, оставаясь самимъ собою, не принялъ бы въ себя теплоты.

Ты говоришь справедливо, сказалъ Кебесь.

Точно такимъ же образомъ; если бы все не принимающее холода было негибнущимъ, то — какъ скоро чтонибудь холодное приблизилось бы къ огню, онъ не погасалъ бы и не погибалъ, но удалялся бы невредимымъ.

Необходимо такъ, сказалъ Кебесь.

А не точно ли такимъ же образомъ необходимо, возражилъ

Сократъ, сказать это самое и о безсмертномъ? Если безсмертное есть вѣстѣ съ тѣмъ непогибающее, то невозможно, чтобы душа погибала, когда къ ней приблизится смерть; потому что она, на основаніи сказаннаго, никогда не приметъ смерти и не сдѣлается мертвою, подобно тому какъ, — какъ мы сейчасъ сказали, — три или нечетъ не сдѣлаются четнымъ числомъ, или огонь или теплота, которая заключена въ немъ, не сдѣлаются холоднымъ. Но чтѣ мѣшаетъ, возразить кто нибудь, чтобы нечетное число, — хотя оно никогда, какъ мы признали, не можетъ сдѣлаться четнымъ черезъ приближеніе къ нему четнаго, — тѣмъ не менѣе однакожъ не погибало при этомъ приближеніи, и чтобы на мѣстѣ его не являлось четное? Если бы кто нибудь сталъ это утверждать, то мы не могли бы спорить съ нимъ, — что нечетное число не погибло, потому что нечетное число не есть нѣчто негибнущее; но если бъ мы признали его такимъ, то легко могли бы доказать, что, при приближеніи четнаго числа, нечетъ и три удаляются; и точно такимъ же образомъ могли бы разсуждать объ огнѣ, о тепломъ и о всемъ остальномъ. Не такъ ли?

Конечно такъ.

А слѣдовательно, точно такимъ же образомъ въ настоящемъ случаѣ и о безсмертномъ. Если мы признаемъ, что все безсмертное есть вѣстѣ съ тѣмъ негибнущее, то очевидно, что душа при безсмертіи своей будетъ также негибнущею; если жъ мы съ этимъ несогласны, — нужно искать другихъ доказательствъ.

Но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, сказалъ Кебесъ; потому что едва-ли что нибудь можетъ быть неразрушимо, если безсмертное и вѣчное способно принимать разрушеніе.

LVI. По крайней мѣрѣ, сказалъ Сократъ, я думаю, что богъ, самая сущность жизни и — если есть еще что нибудь безсмертное, — все это никогда не погибаетъ, какъ это признаютъ всѣ.

Безъ сомнѣнія, клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ Кебесъ, это признаютъ всѣ люди, и еще больше, я думаю, боги.

А такъ какъ безсмертное вѣстѣ съ этимъ неразрушимо, то можетъ ли душа, будучи безсмертною, не быть при этомъ и неразрушимою?

Это совершенно необходимо.

И такъ, когда къ человѣку приходитъ смерть, тогда то, что въ немъ есть смертнаго, видимымъ образомъ умираетъ, а безсмертное отходитъ цѣлымъ и невредимымъ, уступая мѣсто смерти.

Очевидно.

И такъ, любезный Кебесъ, сказалъ Сократъ, душа преимущественно передъ всѣмъ другимъ безсмертна и неразрушима, а наши души дѣйствительно будутъ существовать въ видѣ.

Я, по крайней мѣрѣ, любезный Сократъ, ничего не имѣю противъ этого сказать, отвѣчалъ Кебесъ, равно какъ не имѣю основанія не соглашаться съ твоими разсужденіями; но если на это имѣетъ что нибудь возразить нашъ Симміасъ, или кто нибудь другой, то хорошо не молчать объ этомъ, потому что я не знаю, — на какое другое время кромѣ настоящаго можно отложить то, что хотѣлъ бы кто нибудь сказать или услышать объ этомъ предметѣ.

Равнымъ образомъ и я съ своей стороны, сказалъ Симміасъ, не имѣю основаній не соглашаться послѣ всего сказаннаго. Тѣмъ не менѣе однакожъ, принимая во вниманіе важность предмета, о которомъ мы разсуждаемъ, равно какъ и сознавая человѣческую слабость¹⁶³, я вынужденъ хранить въ душѣ нѣкоторое недоувѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ.

Не только должно, любезный Симміасъ, сказалъ Сократъ, какъ ты справедливо замѣтилъ, но и первыя основанія, — какъ бы они ни представлялись вамъ вѣрными, — нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ; и когда вы ихъ достаточно изслѣдуете, тогда, какъ мнѣ кажется, будете держаться изложеннаго нами доказательства на столько твердо, на сколько только человѣку возможно понимать подобныя вещи; и какъ скоро это сдѣлается вамъ ясно, вы уже не будете ничего больше искать.

Ты говоришь истину, сказалъ Кебесъ.

LVII. И такъ, друзья мои, нужно подумать о томъ, что или душа безсмертна, то она должна составлять предметъ заботы не только по отношенію къ тому времени, которое мы

называемъ жизнью, но и ко всему вообще, и, быть можетъ, о
жется, что опасность, если кто этой заботой станетъ пре
брегать, чрезвычайно велика. Если бы смерть была прекра
нiемъ всякаго бытія ¹⁶⁴, то для людей злыхъ было бы наход
умирая, освобождаться въ одно и тоже время отъ тѣла,
души и отъ своей порочности; но такъ какъ душа бессмер
то для нея нѣтъ другого спасенiя отъ золь, какъ только с
латься возможно болѣе лучшей и мудрой; потому что она
реходитъ въ адъ, не унося съ собой ничего, кромѣ сво
направленiя и прiобрѣтенныхъ навыковъ; а то и другое, к
говорять, приноситъ мертвому величайшую пользу или вр
при самомъ началѣ схожденiя его въ адъ. Говорятъ объ эт
предметѣ такъ. Каждый умершій отводится тѣмъ демономъ,
попеченiи котораго онъ находился въ теченіе жизни ¹⁶⁵, въ
вѣстное мѣсто, откуда, всѣ собравшіяся тамъ души, подвергн
предварительно суду, отправляются въ адъ вмѣстѣ съ вожд
которому поручено провожать туда уходящихъ отсюда. По
того, какъ онѣ получаютъ тамъ то, что должны получить
отбудутъ урочное время, другой вождь опять приводитъ
въ этотъ мiръ, послѣ многихъ и длинныхъ періодовъ врем
А путь этотъ не таковъ, какимъ описываетъ его Телес
Эсхила ¹⁶⁶: онъ говоритъ, что въ аду ведетъ прямая до
а мнѣ кажется, что дорога и не прямая и не одна; но
что иначе не было бы нужды въ вождяхъ, такъ какъ за
дятся гдѣнибудь было бы невозможно, если бы она
одна; но, кажется, что она имѣетъ много раздѣленiй и м
ротовъ, какъ я догадываюсь объ этомъ изъ нашихъ рели
ныхъ таинствъ и похоронныхъ обрядовъ. Душа благонаравн
мудрая слѣдуетъ за вождемъ, не оставаясь въ неизвѣст
относительно настоящаго своего положенiя ¹⁶⁷; а та, кот
какъ я прежде сказалъ, страстно привязана къ тѣлу, д
время витаетъ вокругъ него и могильнаго кургана; и то
послѣ долгаго сопротивленiя и страданiй идетъ, увлек
насильно и съ трудомъ назначеннымъ для этого демономъ. Ког
она приходитъ туда, гдѣ находятся другія души, то души, н
щенной и совершавшей чтонибудь такое, какъ несправедл

убійства или подобныя, сродныя этимъ дѣла и сродныя подобнымъ душамъ — этой души всѣ избѣгаютъ и отвращаются, и ни одна не хочетъ быть ни ея спутникомъ ни вождемъ. Тогда она начинаетъ блуждать, испытывая всевозможныя бѣдствія, пока исполнятся опредѣленные періоды времени, по прошествіи которыхъ она насильно отводится въ приличное ей жилище. А душа, которая провела жизнь въ чистотѣ и воздержаніи, получивъ спутниками и руководителями боговъ, поступаетъ въ то жилище, которое ей прилично.

LVIII. На землѣ есть много удивительныхъ мѣстъ, да и сама она вовсе не такова и по виду и по величинѣ, какою изображаютъ ее тѣ, которые обыкновенно о ней разсуждаютъ ¹⁶⁸, какъ меня убѣдилъ въ этомъ одинъ человекъ.

Какъ же ты думаешь объ этомъ, Сократъ? спросилъ Симміасъ. Я самъ много слышалъ о землѣ, но это не то, въ чемъ убѣжденъ ты; поэтому я съ удовольствіемъ бы послушалъ твой разсказъ.

Любезный Симміасъ, для того чтобы объ этомъ разсказать, — мнѣ кажется не нужно искусства Главка ¹⁶⁹; но доказать, что это дѣйствительно такъ, — это мнѣ представляется дѣломъ такой трудности, которая превышаетъ искусство самого Главка; и можетъ быть у меня не достало бы для этого силъ; а если бы я и въ состояніи былъ это сдѣлать, — остающееся мнѣ время жизни, Симміасъ, недостаточно для продолжительной бесѣды. Тѣмъ не менѣе однакожъ мнѣ ничто не мѣшаетъ разсказать о видѣ земли, такъ какъ я ее представляю, и разныхъ ея мѣстностяхъ.

Этого будетъ достаточно, сказалъ Симміасъ.

И такъ, я прежде всего убѣжденъ въ томъ, началъ Сократъ, что если земля находится посреди небесъ ¹⁷⁰ и представляетъ сферическую форму, то она не имѣетъ нужды ни въ воздухѣ, ни въ какойнибудь другой подобной подпорѣ, для того чтобы не упасть; но что для поддержанія ея достаточно одинаковаго со всѣхъ сторонъ вокругъ нея свойства неба и равновѣсія самой земли; потому что каждое тѣло, находящееся въ равновѣсіи, будучи заключено среди другого, имѣющаго тоже

свойство, не будет наклоняться ни въ ту ни въ другую сторону, но будетъ при подобномъ положеніи неподвижно. Вотъ въ чемъ я убѣжденъ прежде всего, сказалъ Сократъ.

И справедливо, отвѣчалъ Симміасъ.

Сверхъ того я думаю, что земля чрезвычайно велика, и что мы населяемъ известную небольшую ея часть отъ фазиса до геркулесовыхъ столбовъ¹⁷¹, расположившись вѣругъ моря, какъ муравьи или лягушки вѣругъ болота, и что многіе другіе живутъ во многихъ другихъ подобныхъ же мѣстахъ; потому что на поверхности земли, кругомъ по всему ея пространству, есть много впадинъ различныхъ видовъ и величины, въ которыя собираются вода, туманы и воздухъ. Настоящая же земля лежитъ чистая подъ чистыми небесами, на которыхъ находятся свѣтила, называемыя многими разсуждающими объ этихъ предметахъ — эфиромъ; а элементы, постоянно стекающіе въ земныя впадины, составляютъ основу, на которой покоится эфиръ. И такъ, мы живемъ въ углубленіяхъ земли, сами этого не зная, и думаемъ, что мы населяемъ ея возвышенности, подобно тому какъ если бы кто, живя въ глубинѣ морской бездны, думалъ, что онъ живетъ на поверхности моря, и, созерцая сквозъ водяную влагу солнце и другія свѣтила, воображалъ бы, что море есть небо; никогда же не поднимавшись по причинѣ тяжести и слабости своей на поверхность моря, и никогда не поднимавъ головы изъ глубины волнъ, не видѣлъ бы, — насколько мѣста, занимаемыя нами, чище и прекраснѣе тѣхъ, которыя занимаетъ онъ, а равно и не слышалъ бы объ этомъ отъ кого нибудь, кто бы все это видѣлъ. Въ такомъ точно положеніи находимся и мы, потому что, обитая въ одномъ изъ углубленій земли, думаемъ, что населяемъ ея поверхность, и называемъ воздухъ небомъ, какъ будто бы свѣтила, совершающія свое теченіе въ небесномъ пространствѣ, составляли настоящее небо; а это значить то, что мы, по причинѣ нашей слабости и тяжести, не въ состояніи подняться на окончную высоту воздушнаго пространства. Если жъ бы кто нибудь взомель на вершину его, или могъ подняться туда съ помощію крыльевъ, и увидѣлъ бы, вынырнувъ отсюда, то, что находится тамъ, подобно тому какъ

рыбы, вынырнувъ изъ морской глубины, видятъ то, что находится здѣсь — у насъ, и если бы это былъ человѣкъ по натурѣ способный къ продолжительному созерцанію, — онъ узналъ бы, что тамъ находится истинное небо, истинный свѣтъ и настоящая земля; потому что наша земля, — эти камни и вся здѣшняя мѣстность повреждены и извѣдены, подобно тому какъ повреждено и извѣдено морскою солью все, находящееся въ морѣ. Надвѣ морскомъ нѣтъ ничего цѣннаго, однимъ словомъ, ничего совершеннаго: тамъ пещеры, песокъ, глубокая грязь и нечистота всюду, гдѣ только есть земля, такъ что все это не идетъ ни въ какое сравненіе съ красотами нашихъ мѣстъ. А то, что находится надъ нами оказалось бы въ свою очередь далеко прекраснѣе того, что находится у насъ. Если объ этомъ предметѣ нужно сообщить вамъ прекрасное сказаніе, то стоитъ внимательно выслушать, другъ Симміасъ, каковы предметы, находящіеся на возвышеніи земли, подъ небесами.

Мы съ удовольствіемъ бы выслушали этотъ разговоръ, любезный Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.

LIX. И такъ, прежде всего, другъ мой, говорятъ что настоящая земля, если бы кто нибудь взглянулъ на нее сверху, по виду такова, какъ шаръ изъ двѣнадцати кожъ, — пестрая, разцвѣченная разными цвѣтами, — первообразомъ тѣхъ, которые употребляютъ живописцы. Вся земля состоитъ тамъ изъ подобныхъ цвѣтовъ, и притомъ гораздо болѣе блестящихъ и чистыхъ, чѣмъ наши. Въ одномъ мѣстѣ она имѣетъ видъ пурпура удивительной красоты, въ другомъ цвѣтъ золота, въ иномъ — бѣлѣ гипса или снѣга; точно также представляетъ она другіе цвѣта, и притомъ гораздо разнообразнѣе и прекраснѣе тѣхъ, которые мы когда нибудь видѣли. Да и эти самыя низменности ея, будучи наполнены водою и воздухомъ, представляютъ свои цвѣта, блистающіе въ разнообразіи другихъ, такъ что видъ ея есть одно непрерывное ихъ измѣненіе. При такомъ видѣ этой земли, на ней произрастаютъ въ подобномъ же соотношеніи между собой растенія, — деревья, цвѣты и плоды; ея горы и камни представляютъ точно такимъ же образомъ, въ томъ же самомъ соотношеніи, блескъ¹⁷², прозрачность и восхитительные цвѣта; наши

камни, такъ высоко цѣнныя у насъ, — сердолики, яшмы, изумруды и другіе подобныя суть только ихъ малыя частицы; а тамъ нѣтъ ничего, что не было бы точно такое же, и даже еще прекраснѣе. Причина этому та, что тамошніе камни чисты, не извѣдены и не повреждены какъ наши гнилыми осадками, морскою солью и всѣмъ другимъ, что стекаетъ въ наши низменности и причиняетъ обезображеніе и болѣзни камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ ¹⁷³. Настоящая же земля украшена всѣми этими драгоценными камнями и сверхъ того золотомъ, серебромъ и всѣмъ другимъ подобнымъ: тамъ всѣ эти драгоценныя камни лежатъ на открытыхъ мѣстахъ, разсыпаны въ огромномъ количествѣ и огромными массами по всему ея пространству, такъ что созерцаніе этой земли составляетъ блаженство блаженныхъ душъ. На землѣ этой находится много различныхъ родовъ животныхъ и много людей, изъ которыхъ одни занимаютъ ея средину, другіе живутъ вокругъ предѣловъ воздушнаго пространства, какъ мы вкругъ моря, иные на островахъ, окружающихъ воздухомъ, близъ твердой земли; однимъ словомъ, что у насъ вода и море относительно нашихъ нуждъ, то тамъ воздухъ, а что для насъ воздухъ, то для нихъ — эфиръ. Ихъ времена года отличаются такимъ благораствореніемъ, что они не знаютъ болѣзней, и живутъ гораздо долѣе чѣмъ живущіе здѣсь; и зрѣніемъ, и слухомъ, и способностями ума ¹⁷⁴ и всѣмъ другимъ подобнымъ превосходятъ насъ въ той же степени, въ какой воздухъ превосходитъ чистотой воду, а эфиръ — воздухъ. У нихъ есть священныя роци и храмы боговъ ¹⁷⁵, въ которыхъ дѣйствительнымъ образомъ присутствуютъ боги, такъ что люди получаютъ отъ нихъ отвѣты и откровенія, видятъ ихъ чувственнымъ образомъ и имѣютъ другія подобныя сообщенія съ ними. Солнце, луну и звѣзды люди видятъ тамъ такими, каковы они въ самой дѣйствительности, и блаженство ихъ въ другихъ отношеніяхъ сообразно этому.

LX. Вся земля дѣйствительно такова по своей природѣ, равно какъ и мѣстности вкругъ земли, потому что на всемъ ея протяженіи, кругомъ по ея впадинамъ, есть много мѣстностей, — двѣ болѣе углубленныя и открытыя, чѣмъ тѣ, на которыхъ

мы живемъ; другія болѣе углубленныя, но менѣе открытыя, чѣмъ наша мѣстность; а есть такія, которыя менѣе глубоки сравнительно съ нашей, но болѣе обширны. Всѣ эти мѣста прорѣзаны во многихъ мѣстахъ подъ землей соединяющими ихъ одно съ другимъ узкими и широкими отверстіями, и имѣютъ проходы, черезъ которые льется изъ одного мѣста въ другое, какъ будто бы въ жерла огромная масса воды, и несчетное множество неизсякающихъ ключей съ горячей и холодной водой, много огня и большія огненные рѣки, много рѣкъ жидкой грязи, изъ которыхъ однѣ чище, а другіе грязнѣе, наподобіе того какъ текутъ въ Сициліи ¹⁷⁶ грязные ручьи впереди потока лавы, и какъ самый потокъ лавы. Изъ этихъ потоковъ наполняется каждая порознь мѣстность, смотря потому, какой поворотъ принимаетъ каждый разъ тотъ или другой потокъ; и всѣ они движутся вверхъ и внизъ, какъ будто бы въ самой землѣ заключалось нѣкоторое равномерное колебаніе. Это колебаніе происходитъ отъ слѣдующей естественной причины. Одно изъ отверстій земли чрезвычайно обширно, и идетъ непрерывно черезъ всю землю. Это самое отверстіе разумѣетъ Гомеръ ¹⁷⁷, когда говоритъ:

Въ даль необъятную, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна,
которую и онъ самъ въ другомъ мѣстѣ и многіе другіе поэты называютъ тартаромъ. Въ эту бездну стекаются всѣ рѣки и изъ нея же всѣ вытекаютъ опять, при чемъ каждая становится такой или другой, смотря потому, какія она проходитъ земли. А причина, почему всѣ потоки вытекаютъ отсюда и текутъ сюда опять, та, что влага не имѣетъ ни дна, ни основанія ¹⁷⁸; она держится въ висячемъ положеніи, и кипитъ волнами вверхъ и внизъ, а воздухъ и вѣтеръ вокругъ нея дѣлаютъ тоже самое; потому что они слѣдуютъ за ней и тогда, когда она устремляется къ тѣмъ, и когда къ этимъ странамъ земли. Подобно тому какъ, при дыханіи воздухъ постоянно выдыхается и вдыхается, такъ тамъ — поднимаемое движеніемъ волны сотрясеніе воздуха производитъ страшные, неизобразимые вихри, и въ то время когда онъ входитъ и когда выходитъ. И такъ, когда вода поднявшись устремится на то мѣсто, которое мы называемъ низшимъ, то, протекая сквозь землю, впадаетъ въ нахо-

дящіяся тамъ рѣки и наполняютъ ихъ наподобіе того, какъ дѣлають люди качающіе воду ¹⁷⁹. Когда же она, покинувъ мѣста, устремляется къ намъ, — она снова наполняетъ наши токи; а эти послѣдніе, наполнившись, уходятъ опять съ землею, разливаются по разнымъ проходамъ, и достигая того мѣста куда каждый проложитъ себѣ путь; — образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Уходя отсюда снова съ землею и протекая пространства, — одни большія по числу и протяженію а другія меньшія и кратчайшія, изливаются въ тартаръ, — одни горше ниже того мѣста, гдѣ наполняются, а другіе — немного ниже, но всѣ вообще впадаютъ ниже своего истока; при этомъ нѣкоторыя впадаютъ насупротивъ той стороны, откуда берется начало, а другіе — съ той же самой. Есть и такіе, которые обвиваясь въ движеніи своемъ полный кругъ, обвиваясь однажды или много разъ вокругъ земли какъ змѣи, и, — какъ скоро достигнутъ возможно большей низменности, — низвергаются въ тартаръ. Но каждое изъ такихъ теченій можетъ спускаться только до середины, а не далѣе; потому что съ этого мѣста начинаетъ въ теченіи своемъ уже восходить.

LXI. Есть и многія другія обширныя и разнообразныя теченія, и въ числѣ этихъ многихъ — четыре извѣстныхъ ¹⁸⁰, изъ которыхъ самое большее, обтекающее землю кругомъ, между ея крайними предѣлами, есть такъ называемый Океанъ. Напротивъ его и въ противоположномъ направленіи течетъ Ахеронъ, который, проходя пустынные мѣста и по временамъ скрываясь подъ землю, изливается въ ахерузійское озеро, — куда съходятъ души большей части умершихъ, и отсюда онѣ, пробывъ тамъ опредѣленные періоды времени, — одна болѣе, а другія меньше продолжительные, — высылаются снова въ поколѣнія живыя. Третья рѣка принимаетъ начало посрединѣ этихъ двухъ теченій. Протекая неподалеку отъ истока обширную мѣстность, пылая сильнымъ огнемъ, она образуетъ озеро, превосходящее величину наше море и кипящее водою и грязью; отсюда она течетъ обвиваясь кругами, бурная и грязная, и обтекая землю кругомъ достигаетъ береговъ ахерузійскаго озера; но не смѣшивается съ его водами, а, поворотивъ много разъ подъ землей, впадаетъ

въ самой низменной части тартара. Это — та самая рѣка, которую называютъ пирифлегетонъ, и которой кипящія ручьи выбрасываютъ изверженія на землю всюду, гдѣ только могутъ найти проходъ. Насупротивъ нея падаетъ четвертая рѣка, протекая въ страшномъ и пустынномъ мѣстѣ, которое, какъ говорятъ, все голубого цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое изліаніемъ рѣки — стиксомъ. Излившись сюда, и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы и скрывшись потѣмъ подъ землю, она продолжаетъ теченіе, извиваясь кругами насупротивъ пирифлегетона, и встрѣчаетъ его въ ахерузійскомъ озерѣ съ противоположной стороны. И этой рѣки вода не смѣшивается ни съ какою другою; и эта рѣка, извиваясь въ теченіи своемъ кругомъ, впадаетъ въ тартаръ насупротивъ пирифлегетона. Имя этой рѣки, какъ говорятъ поэты, — Коцитъ.

LXII. При такомъ устройствѣ царства тѣней, умершіе, какъ скоро каждый достигнетъ мѣста, куда его ведетъ демонъ, прежде всего подвергаются суду, — какъ тѣ, которые вели добрую и благочестивую жизнь, такъ и тѣ, которые жили иначе. Люди же, чьихъ жизнь будетъ признана за нѣчто среднее, отправившись къ Ахерону и взошедши на приготовленные для нихъ ладьи, приплывають на нихъ къ озеру, и остаются тамъ жить. Какъ скоро онѣ очистятся и понесутъ наказаніе за преступленія, — если которая нибудь душа совершала ихъ, — освобождаются, а за добрыя дѣла получаютъ награды, — каждая по заслугѣ. Тѣ же души, которыя по великости преступленій будутъ признаны неисцѣлимыми, какъ наприм. совершившія многія и притомъ важныя вѣятоатства, или многочисленныя несправедливыя и противузаконныя убійства, или что нибудь другое подобное, — всѣ подобныя души приличествующая имъ судьба повергаетъ въ тартаръ, туда онѣ никогда не выходятъ. А души, чьихъ преступленія, хотя и будутъ признаны загладимыми, но важными, какъ наприм. тѣ, которыя въ гнѣвѣ совершили какое нибудь насиліе противъ отца или матери и проводили остальную жизнь въ вскаліи, или же тѣ, которые сдѣлались челоуѣкоубійцами какимъ нибудь другимъ подобнымъ образомъ, — эти души, хотя онеобходимости попадаютъ въ тартаръ, но, попавши туда и

пробывши тамъ годъ, выбрасываются волной, — человѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы въ пирифлегетонъ. Къ скоро онѣ, уносимыя теченіемъ, достигнуть ахерузійскаго озера начинаютъ кричать и зовутъ по имени, — убійцы тѣхъ, которыхъ они убили, а обидчики обиженныхъ ими, и призывая просить и умоляютъ позволить имъ войти въ озеро, и принять искупленіе, если убѣдятъ — входятъ и освобождаются отъ страданій; а если не убѣдятъ — уносятся обратно въ тартаръ, а оттуда опять въ озеро, — такъ же самыя рѣки, и это не прекращается для нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упросятъ обиженныхъ ими; потому что такое казаніе наложено на эти души судьями. Души, которыя освобождаются, живутся проводившими преимущественно передъ другими благодатную жизнь, — это тѣ, которыя, освободившись и избавившись отъ мѣстностей, на которыхъ живемъ мы, какъ будто бы изъ темницы, возносятся въ чистое жилище — на высоту, и живутъ въ дѣйствительной, настоящей землѣ. Между ними души, достаточно очистившія себя съ помощію философіи, будутъ жить во послѣдующее время совершенно безъ тѣлъ, и войдутъ въ чистыя лица, еще болѣе прекрасныя чѣмъ эти, — которыя не легко описать, и для чего при настоящихъ обстоятельствахъ у насъ нѣтъ достаточно времени.

LXIII. Имѣя въ виду то, что мы представили, любезный Симміасъ, надобно употреблять всѣ старанія, чтобы усвоить себѣ въ жизни настоящей добродѣтель и мудрость: награда за подобный подвигъ прекрасна и надежда на нее велика!

Утверждать что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, неприлично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе однакожь надобно принять или это или нѣчто подобное отъ дѣйствительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что самый рискъ въ этомъ случаѣ прекрасенъ, и нужно нацѣвлять самому себѣ такія волшебныя пѣсни. Поэтому-то я и продлилъ свой разсказъ. И ты, въ силу этого долженъ имѣть твердую надежду за свою душу, тотъ человѣкъ, который въ теченіе жизни пренебрегалъ

вольствіями и украшеніями тѣла, какъ чуждымъ душѣ и въ томъ убѣжденіи, что все это скорѣе приноситъ ей вредъ чѣмъ пользу, который заботился о пріобрѣтеніи знаній и украсивши душу не чуждымъ, но собственно ей свойственнымъ украшеніемъ, — воздержаніемъ, справедливостью, мужествомъ, свободой и истиной ожидаетъ въ такомъ душевномъ настроеніи сошествія въ адъ, какъ готовый сойти туда, когда позоветъ его судьба. И вы, продолжалъ онъ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, какъ и прочіе, сойдете туда когда нибудь, — каждый въ свое время. Меня же судьба уже зоветъ, сказалъ бы трагическій поэтъ, и мнѣ уже почти пора приступить къ омовенію; потому что мнѣ представляется лучше выннть ядъ, напередъ вымывшись, и не беспокоить женщинъ омовеніемъ мертваго тѣла.

LXIV. Когда онъ это сказалъ, Критонъ отвѣчалъ: «добро, Сократъ! что же ты приказываешь¹⁸¹ имъ или мнѣ относительно ли дѣтей или чего нибудь другого, исполненіемъ чего мы могли бы оказать тебѣ наиболѣе пріятную для тебя услугу?»

То, что я всегда говорилъ, любезный Критонъ, отвѣчалъ Сократъ: ничего новаго — именно то, что вы, заботясь о себѣ, сдѣлаете услугу и мнѣ и моимъ близкимъ и себѣ самимъ, хотя бы теперь вы этого не обѣщали. Если же вы не будете заботиться о себѣ и не станете жить, придерживаясь какъ стези и того, что сказано нами теперь, и того, что было говорено въ прежнее время, то, хотя бы вы въ настоящее время обѣщали мнѣ много и рѣшительно, — это ни къ чему не послужитъ.

Мы постараемся поступать именно такъ, сказалъ Критонъ; но какъ мы тебя похоронимъ?

Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣтилъ онъ, — если только вы овладѣете мной, и я не ускользну отъ васъ. При этомъ тихо улыбнувшись и окинувъ насъ взоромъ, онъ сказалъ: «я никакъ не могу, друзья мои, убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ, это — я, человекъ, въ настоящее время бесѣдующій съ вами и дающій правильное теченіе каждой части нашего разсужденія. Онъ думаетъ, что тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ мертвымъ, буду я, и спрашиваетъ: какъ меня похо-

ронить ¹⁸²? А то, о чемъ я давно уже веду долгую и именно, что я не останусь съ вами, послѣ того когда в ядъ, но отправлюсь, отошедши въ жилища блаженныхъ, кажется, я бесполезно ему доказывалъ, утѣшая только васъ себя. Поручитесь же за меня ¹⁸³, сказалъ Сократъ, передъ Критонъ; но въ смыслѣ противномъ тому, какъ онъ самъ ручался за меня передъ судьями. Онъ ручался, что я останусь, а вы поручитесь, что я не останусь, послѣ того когда умру; но отправлюсь куда-нибудь, — поручитесь для того, чтобы Критонъ легче могъ перенести, и когда увидитъ тѣло мое сожигаемымъ или погребаемымъ, не скорбѣлъ бы за меня душой, точно претерпѣвши какое-то страшное зло. Пусть онъ не говоритъ на пиронахъ, что онъ полагаетъ Сократа, что онъ его выносить и погребаетъ его! Будь увѣренъ, мой добрый Критонъ, прибавилъ Сократъ, что выражаться неточно не только дурно само по себе, но и приноситъ нѣкоторый вредъ душамъ. Нужно имѣть въ этомъ случаѣ мужество и говорить, что ты погребаетъ тѣло: похорони же его такъ, какъ тебѣ будетъ угодно, и не забудь ты найдешь наиболѣе сообразнымъ съ законами.

LXV. Сказавши это, онъ всталъ и ушелъ въ другую комнату, чтобы совершить омовеніе; Критонъ послѣдовалъ за нимъ, а намъ онъ приказалъ остаться. Мы остались, и начали говорить о томъ, что было говорено, провѣряя опять сказанное и снова разсуждая о нашемъ несчастіи, — какъ оно было намъ велико. Мы искренно были увѣрены, что подобно темъ, которые потеряли отца, мы будемъ проводить сиротами и всю остальную жизнь. Когда Сократъ окончилъ омовеніе и къ намъ были приведены его дѣти, — у него было два сына маленькіе и одинъ взрослый, — и когда вошли принадлежавшія къ нему женщины ¹⁸⁴, онъ, поговоривши съ ними въ присутствіи Критона и приказавши то, что хотѣлъ приказать, выслалъ женщинъ и дѣтей, а самъ возвратился къ намъ. Уже было близко къ солнечному закату, потому что онъ долго пробылъ во внутренней комнатѣ. Пришедши по окончаніи омовенія, Сократъ сѣлъ и послѣ этого немного уже говорилъ. Тогда вошелъ житель одиннадцати судей и подошедши къ нему сказалъ:

кратъ! мнѣ конечно не придется сдѣлать тебѣ того упрека, какой я дѣлаю другимъ, за то что они раздражаются и осипаютъ меня проклятіями, когда я по распоряженію одиннадцати объявляю имъ приказаніе пить ядъ. Въ теченіе всего этого времени я видѣлъ въ тебѣ, при всѣхъ другихъ случаяхъ, человѣка самаго благороднаго, самаго кроткаго и лучшаго изъ всѣхъ, которые когда нибудь сюда входили, и потому я хорошо знаю, что и теперь ты на меня не сердишься, — потому что ты знаешь виновниковъ твоего несчастія, — а на нихъ. Теперь, такъ какъ тебѣ извѣстно, какую вѣсть я пришелъ тебѣ объявить, — прощай, и старайся какъ можно легче перенести то, что неизбѣжно.» При этихъ словахъ залившись слезами, онъ отвернулся въ сторону и вышелъ.

Сократъ, проводивъ его глазами, сказалъ: «и ты прощай; мы сдѣлаемъ такъ, какъ ты совѣтуешь.» И обратившись къ намъ прибавилъ: какой добрый человѣкъ: во все время моего пребыванія здѣсь онъ навѣщалъ меня и иногда бесѣдовалъ со мной, обнаруживая при этомъ въ себѣ одного изъ лучшихъ людей; и теперь какъ благородно онъ меня оплакиваетъ! Ну, Критонъ, послѣдуемъ же его совѣту; пусть мнѣ принесутъ ядъ, если онъ приготовленъ, а если нѣтъ, — пусть человѣкъ приготовить.

Но я думаю, любезный Сократъ, возразилъ Критонъ, что солнце стоитъ надъ горами и не зашло еще; да сверхъ того я знаю, что другіе принимаютъ ядъ очень поздно послѣ того, когда имъ прикажутъ; а пиршествуютъ и пьютъ сколько угодно; а нѣкоторые наслаждаются даже удовольствіями любви съ предметами своей привязанности; и такъ не слыши: у тебя еще есть время.

Сократъ возразилъ на это: тѣ, о которыхъ ты говоришь, любезный Критонъ, имѣютъ свое основаніе дѣлать подобнымъ образомъ; они думаютъ, что поступая такъ, они выигрываютъ; но я имѣю свое основаніе, почему такъ не сдѣлаю; я думаю что, выпивши ядъ немного позже, я не выиграю ничего, кромѣ того что сдѣлаюсь смѣшенъ самому себѣ, — желая такъ пламенно жить и сберегая то, чего уже нѣтъ. И такъ поди, сказалъ Сократъ, слушайся и не противься.

LXVI. Критонъ, выслушавъ это, сдѣлалъ знавъ мальчику, который подлѣ стоялъ. Мальчикъ вышелъ, и, промедливъ долгое время, возвратился, ведя съ собою человѣка, который долженъ былъ дать ядъ, принесенный имъ приготовленнымъ въ чашѣ. Сократъ, увидѣвъ вошедшаго человѣка, сказалъ: хорошо, мой добрый другъ; такъ какъ тебѣ эти вещи знакомы, — научи меня, что я долженъ дѣлать?

Ничего другого, отвѣтилъ тотъ, какъ выпивши ходить, пока у тебя не явится тяжесть въ ногахъ, потомъ лечь; такимъ образомъ ядъ самъ собою сдѣлаетъ свое. Съ этими словами онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ, принявши ее съ веселымъ видомъ, любезный Эхекратъ, безтрепетно, не измѣнясь ни въ лицѣ ни во взорѣ, но взглянувъ, по своему обычаю пристально¹⁸⁵ на тюремщика, спросилъ: что ты думаешь относительно возліянія изъ этого питья въ честь какого нибудь божества: можно или нѣтъ?

Мы приготовили, Сократъ, столько, отвѣтилъ тотъ, сколько считали необходимымъ принять.

Понимаю, сказалъ Сократъ; но конечно и позволительно и должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно; объ этомъ именно я молюсь, и, — о если бы это было такъ! При этомъ онъ поднесъ къ устамъ чашу, и выпилъ ее легко и спокойно. До этой поры многіе изъ насъ могли еще удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то долѣ были не въ силахъ; у меня самого невольно ручьемъ полились слезы; закрутивъ голову въ плащъ я плакалъ о себѣ самомъ: не его оплакивалъ я, а свое собственное несчастіе, лишаясь въ немъ такого друга. Критонъ, еще прежде меня не могши удержаться отъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, а тогда зарыдалъ и своими воплями и криками потрясъ души всѣхъ присутствующихъ, кромѣ души Сократа: что вы дѣлаете, чудные вы люди! сказалъ онъ. Я именно главнымъ образомъ по этой причинѣ и выслалъ женщинъ, чтобы онѣ не сдѣлали чего нибудь подобнаго: я слышалъ, что умирать нужно съ добрыми предзнаменованіями¹⁸⁶. И такъ успокойтесь, и сохраните мужество.

Услышавъ это, мы устыдились, и удержали слезы. А онъ похаживши и сказавъ, что у него тяжелѣютъ ноги, легъ на спину, потому что такое наставленіе далъ ему тюремщикъ. Тогда, человѣкъ, давшій ему ядъ, притрогиваясь къ нему отъ времени до времени, пробовалъ его ноги и голени; потомъ, сильно сжавъ ему одну ногу, спросилъ: чувствуетъ ли онъ это? Сократъ отвѣчалъ — нѣтъ. Потомъ тоже самое сдѣлалъ съ бедрами, и такимъ образомъ восходя выше, показалъ намъ, что онъ уже холодѣлъ и коченѣлъ. И самъ онъ также пробовалъ свое тѣло и сказалъ, что, какъ скоро ядъ достигнетъ до сердца, онъ отойдетъ. Холодъ почти уже коснулся нижней части живота ¹⁸⁷, когда онъ, раскрывшись, — потому что онъ былъ накрытъ ¹⁸⁸, — сказалъ свои послѣднія слова: «Критонъ, мы должны пѣтуха Асклеію ¹⁸⁹; исполните и не пренебрегите этимъ.»

«Будетъ исполнено», отвѣчалъ Критонъ, «но не имѣешь ли ты еще чего нибудь сказать?»

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а спустя немного времени вытянулся въ судорожномъ движеніи; тогда человѣкъ раскрылъ его; взоръ его уже былъ неподвиженъ. Замѣтивъ это, Критонъ смежилъ ему уста и глаза.

LXVII. Таковъ былъ, любезный Эхекратъ, конецъ нашего друга, — человѣка, какъ мы прямо можемъ сказать, лучшаго изъ всѣхъ, какихъ мы знали въ его время, и вообще самаго мудраго и справедливаго изъ людей ¹⁹⁰.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. αὐτός ὁ Ἐχέκρατες. См. Виттенбаха, Plat. Phaed. ed. 1825, p. 121 и Шмидта, Kritischer Commentar zu Pl. Phaedon, Halle, 1850 p. 1.
2. τῶν πολιτῶν φλιασίων — изъ флиунтскихъ гражданъ.] Флиунтъ былъ небольшой вольный городъ въ пелопонезской области Сикіоніи; прилежавшій къ нему округъ назывался φλιασία; самый городъ находился въ разстояніи 12-ти миль отъ Аеннъ по прямому пути.
3. πολλῷ ὕστερον — ἀποθανόν — приговоръ былъ исполненъ долгое время спустя.] Промежутокъ времени между произнесеніемъ приговора и исполненіемъ его составляетъ тридцать дней. Объ этомъ обстоятельствѣ мы знаемъ изъ Есенофонта. Xen. Memor. III, 8, 2.
4. εστειμένῃ — увѣнчивали и пр.]. Увѣнчивали лавромъ; лавръ — дерево, посвященное Аполлону.
5. ἡ πρύμνα — τοῦ πλοίου — корабль]. Буквально: корму корабля.
6. πέμπουσιν — ежегодно посылають.] т. е. πέμπειν εἰσώθασιν — имѣють обыкновеніе посылать; въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (Фишера, Виттенбаха) послѣ πέμπουσιν прибавлено еще κατ' ἔτος, и это чтеніе мнѣ представляется лучше, потому что даетъ болѣе опредѣленный смыслъ. Штальбаумъ переводить: solemniter mittunt.
7. εἰς Δῆλον] Δῆλος — Delos — Делось — (нынѣшній Дили) островъ на эгейскомъ морѣ, заключающій не болѣе пяти миль въ окружности, но свято почитавшійся въ цѣлой Греціи, какъ мѣсто рожденія Аполлона и Діаны. Вокругъ него расположены цикладскіе острова. Forbiger, kurzer Abriss der alten Geographie.
8. ἐν τῷ Θησεύς — ἐσώθη — на которомъ Theseus — спасъ ихъ и себя.] Миносъ, критскій царь, предпринялъ войну противъ афинянъ, съ цѣлію отмстить имъ за смерть сына своего Андрогеея, умерщвленнаго на панаэнейскомъ праздникѣ. Потомъ согласился оставить

Аины въ покоѣ съ условіемъ, чтобы аинскіе граждане каждыя девять лѣтъ присылали на островъ Бритъ въ видѣ дани семь юношей и семь дѣвицъ, (οἱ δὲ ἐκτὰ εἰσὶνοι) которые были запираемы въ лабиринтъ, и дѣлались тамъ добычей пожиравшаго ихъ чудовища минотавра. Фезей, сынъ аинскаго царя Эгея и Этры, добровольно предложившій себя въ число жертвъ, когда срокъ отправления этой дани наступилъ въ третій разъ, убилъ минотавра и вышелъ изъ лабиринта при помощи дочерей Миноса, Ариадны и Федры, изъ которыхъ первую онъ оставилъ въ Наксосѣ, а на второй, спустя немного времени, женился, и потѣмъ вмѣстѣ съ спутниками благополучно возвратился въ Аины.

9. *θεωρίαν ἀπέχεσθαι* — отправлять — священное посольство.] Теоріями у грековъ назывались торжественныя священныя посольства, которые были отправляемы на всѣ великія народныя игры, въ Делосъ и другія священныя мѣста. Первоначальная цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы соединеніемъ отдѣльныхъ республикъ въ общихъ религіозныхъ празднествахъ поддерживать воспоминаніе о первоначальномъ единствѣ происхожденія. Ближайшею задачею каждой теоріи было принесеніе отъ имени государства жертвы тому или другому божеству, а также вопрошеніе оракула. Обыкновенно въ составъ теоріи входило большое число лицъ, желавшихъ принять участіе въ праздникѣ, или же отправлявшихся съ политическими и торговыми цѣлями. Всѣ эти лица назывались однимъ общимъ именемъ *θεωροί* и состояли подъ нѣкотораго рода надзоромъ главы посольства *ἀρχιδέωρος*, ближайшею обязанностью котораго было заботиться о томъ, чтобы отправленное посольство явилось на празднествѣ, не уронивъ ни въ какомъ отношеніи своего достоинства. Вотъ слова древняго схоластика: *θεωροὶ δὲ εἰσὶν οἱ πεμπόμενοι θύσσει καὶ θραπέυσαι τὸν θεόν· θύσει καὶ αἱ ὄδοι αὐτῶν ἐπορεύοντο θεωροὶ δὲ κέλαισι ἐκαλοῦντο, καὶ τὰ διδόμενα θεωρικὰ, καὶ ἡ ναὺς ἡ εἰς Δῆλον πεμπόμενη θεωρίς, καὶ ὁ ἱερεὺς θεωρός.* Теоріи собственно делосскія имѣли и свое собственное, частное названіе — *ὀγκιασταί*, а корабль назывался *ὀγκιάς*. О пышности и блескѣ, съ которыми онѣ иногда были отправляемы, мы находимъ свѣденія у Плутарха, въ жизнеописаніи Никія. Здѣсь подробно описана теорія, которую Никій, послѣ жестокой неудачи аинскихъ полководцевъ въ Сициліи,

отвелъ на островъ Делось. Вотъ это мѣсто. Никій высадился на берегъ съ хоромъ, жертвенными животными и прочимъ экипажемъ (*παρασκευή*) и навелъ ночью приготовленный въ Афинахъ мостъ, великолѣпно украшенный позолотой, живописью, вѣнками и коврами. Мостъ этотъ, длиною въ четыре стадіи (= 490 футовъ) былъ положенъ черезъ небольшой проливъ, отдѣляющій Ренію отъ Делоса. Съ разсвѣтомъ онъ перевелъ черезъ него торжественную процессію, при чемъ хоръ въ богатомъ убранствѣ исполнялъ гимны въ честь бога. Послѣ жертвоприношенія, игра и праздничнаго пиршества, онъ принесъ въ даръ Аполлону мѣдную палму, а потѣмъ, купивши за 10,000 драхмъ (2,800 талеровъ) участокъ поля, посвятилъ ему-же, съ тѣмъ чтобы доходы съ этого участка были обращаемы делосцами на жертвоприношенія и пиршества въ честь бога. Знаменитѣйшею изъ ееорій была аттическая, ежегодно отправляемая на островъ Делось. Объ этой самой и говорить здѣсь Платонъ.

10. οἱ ἄρχοντες — одиннадцать судей] = οἱ ἑνδεκά. (См. Штальб. р. 79, Фишера, Plat. Phaed. р. 236; у Карпова ошибочно переведено — архонты.) Неофициально они были также называемы ἐπιμεληταὶ τῶν κακώρων, а во времена Димитрія Фалерейскаго νομοφύλακες, — имя, котораго не должно смѣшивать съ другимъ νομοφύλακες, явившимся раньше. Это были важные должностныя лица въ Афинахъ, которыя имѣли надзоръ за тюрьмами и приведеніемъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, почему ихъ обыкновенно сравниваютъ съ римскими *triumviri capitales*. На ихъ обязанности лежало имѣть наблюденіе надъ заключенными, и тѣхъ изъ нихъ, которые содержались подъ стражей въ видахъ обезпеченія явки ихъ въ судъ, представлять въ надлежащее время въ судилище, а за тѣми, которые содержались въ тюрьмѣ для наказанія, наблюдать, чтобы они не были освобождаемы ни раньше, ни позже опредѣленнаго времени. Они также должны были заботиться о правильности въ исполненіи смертныхъ приговоровъ. Ихъ служители (ὕπηρεται; ὁ τῶν ἑνδεκά ὑπέρετης въ Федонѣ объявляетъ Сократу, что уже настало время пить ядъ) назывались также *παρατάται*. Οἱ ἑνδεκά дѣлали онисъ конюшкованнымъ имуществомъ, старались приводить въ извѣстность то, что было изъ нихъ утаеваемо, назначали ихъ къ продажѣ,

которую производили *πολῆται*, и возникавшія отсюда тяжбы ставляли въ судъ.

11. Ἄλλὰ μὴν — τοιοῦτους ἑτέροους ἔχεις — тѣ, которые пригласилъ слушать твой рассказъ, не меньше чѣмъ и ты лю Сократа.] *Similes, qui te audiant, habes.* Вариантъ *ἐταίρους* отгнать Фишеромъ. Я измѣнилъ выраженіе подлинника, и яснѣе передать внутренній смыслъ рѣчи Эхекрата. Въ томъ, которымъ Эхекратъ это высказываетъ, слышится ревность его къ Федону, который, присутствуя при послѣднихъ мѣстахъ Сократа, видимо гордится преимуществомъ своего положенія передъ слушателями, и старается выставить при каждомъ случаѣ свою любовь къ учителю. Это же чувство самовольства Федона проглядываетъ и въ самомъ началѣ діалога его отвѣтъ на вопросъ Эхекрата: *Αὐτός, ὃ Φαίδων, παρέχενου*. Виттенбахъ при объясненіи этого мѣста дѣлаетъ слѣдующую ссылку: *Hermogenes de methodo, cap. 1, p. 518 vim in div significatione pronominis αὐτός singularem inesse demonstrat.* «*Αὐτός, ὃ Φαίδων, παρέχενου*; «*Αὐτός, ὃ Εὐχράτης*». 'Ο μὲν γὰρ ὡς θαυμάζων καὶ μαχαρίζων τὸν παραχθένμενον; ὁ δὲ ἀπεκρ σερνονόμενος καὶ μέγα φρονῶν. р. 121. См. ссылки, указан. въ п
12. *ἀνευ θείας μοίρας* — sine consilio et voluntate deorum, qui eis sulerent. Штальбаумъ.
13. *εἰς δὲ Ἀπολλόδωρος.* О личности Аполлодора см. во 2-ой гл. анализа.
14. *οὗτός τε — παρ' αὐτῶν* — изъ его согражданъ былъ и пр.] О Критонѣ см. 2-ой гл. анализа. Платонъ, какъ извѣстно, озаглавилъ его именемъ одинъ изъ своихъ діалоговъ. Говорятъ, что у него было четверо сыновъ: Критовулъ, Гермогенъ, Эпигенъ и Ктезиппъ. Штальбаумъ однакожъ предполагаетъ, что упоминаемый въ этомъ мѣстѣ Гермогенъ былъ сынъ Гиппоника и братъ Баллиаса. (См. *Proleg Cratyl.* р. 19.) Точно также онъ считаетъ вѣроятнымъ, что и Эпигеномъ должно разумѣть не сына Критона, а то лице, которое упоминается въ *Apol. Socrat.* р. 33 E и *Xen. memog.* 12, сына Антифона. Эсхинъ, афинянинъ, сынъ Лизанія и ученикъ Эхекрата; подъ его именемъ до насъ дошло три разговора, напечатанныхъ въ послѣднемъ томѣ беккеровскаго изданія Платона. Антифонъ былъ ученикомъ Горгія, а послѣ другомъ и почти равнымъ Сократа; основатель цинической школы. Пеаниецъ Ктезиппъ

ex κακῆ δῆμοφ τῆς πανδιονίδου φολῆς oriundus — одно изъ главныхъ лицъ въ разговорѣ Лизій. Менексенъ, — ученикъ Сократа; его именемъ Платонъ озаглавилъ одинъ изъ своихъ діалоговъ.

15. Πλάτων δέ, οἶμαι, ἠθροῦναι — Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ.] Штальбаумъ считаетъ не лишеномъ правдоподобія догадку Форстера, что Платонъ разумѣетъ подъ этимъ скорбь, произведенную въ немъ мыслью о близкой смерти ихъ великаго учителя. А что онъ ничего не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, то это обстоятельство приводитъ обыкновенно въ числѣ доказательствъ зависти и вражды, существовавшей между Платономъ и Ксенофонтомъ. Но противъ этого давно уже было замѣчено, что Ксенофонтъ за годъ до смерти Сократа отправился въ походъ въ Азію, и слѣдовательно не могъ присутствовать при смерти учителя. Это единственное мѣсто во всѣхъ діалогахъ Платона, гдѣ онъ упоминаетъ о самомъ себѣ, — обстоятельство, которое, по всей вѣроятности, послужило для Панетія однимъ изъ оснований отвергнуть подлинность Федона. См. Штальб. р. 83, Биш. Plat. Phaed. р. 14
16. Ναί, Σιμμία τὲ γε ὁ Θερσίων — καὶ Τερψίων. О Симиіасѣ и Кебесѣ см. во 2-ой гл. анализа. По свидѣтельству Діогена Лаэртія тотъ и другой оставили сочиненія, изъ которыхъ, однако, до насъ не дошло ничего. Федонидъ, вѣроятно, также былъ миванецъ. Эвклидъ, изъ Мегары, извѣстный основатель мегарской школы — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Сократа. Съ опасностію жизни онъ навѣщалъ своего учителя, приходя по ночамъ изъ Мегары въ женскомъ платьѣ. По смерти Сократа, онъ далъ убѣжище его ученикамъ, а именно Платону, что и произвело между ними, при всемъ различіи ихъ взглядовъ, дружбу, продолжавшуюся и впоследствии времени. Онъ написалъ шесть діалоговъ. Въ философской системѣ своей онъ старался соединить ученіе элеатовъ съ ученіемъ Сократа. Этого Эвклида надобно отличать отъ соименнаго ему александрійскаго математика, жившаго столѣтіемъ позже, автора στοιχεῖα, δεδομένα etc. О Терпсионѣ намъ неизвѣстно ничего. Эвклидъ передаетъ ему разговоръ Сократа съ Феететомъ въ діалогѣ Платона — Феететь. Ср. Скворцова, Платонъ о знаніи, Москва, 1871 р. 20—23.
17. Ἀριστίππος καὶ Κλεόμβροτος. — Аристиппъ изъ Кирены, впоследствии времени основатель извѣстной киренской школы, провелъ

молодость въ Афинахъ, въ обществѣ Сократа, по совѣту котораго его отецъ, богатый купецъ, прислалъ его въ Грецію. Въ юности времени онъ является самостоятельнымъ учителемъ, сначала на островѣ Эгинѣ, а потомъ въ Сиракузахъ — при дворѣ Діомидова младшаго, а наконецъ, какъ кажется, въ Афинахъ, гдѣ онъ и умеръ. Смерть Сократа положила основаніе сократической школѣ. Основаніе его ученія состояло въ томъ, что первое благо жизни составляетъ удовольствіе, (*ἡδονή*) которое достигается высшимъ духовнымъ развитіемъ и приобретаемою черезъ него свободою. Клеомбротъ, родомъ изъ Амвракіи, въ Эпирѣ. Цицеронъ разсказываетъ, Tusc. 1, 34, что онъ по прочтеніи Федона бросился въ море. Смерть его описана Каллимахомъ въ одной изъ эпиграммъ. Если это тотъ самый, то отсутствіе его въ день смерти учителя было бы тѣмъ болѣе удивительно, и смерть его самого, можетъ быть, можно было бы объяснить не иначе, какъ глубокимъ раскаяніемъ въ томъ же отношеніи, какое онъ выказалъ къ Сократу въ послѣдніи его мѣсяцы. Впрочемъ, еще нѣкоторые древніе писатели сомнѣвались, — действительно ли это тѣ самые Аристиппъ и Клеомбротъ, которыхъ обыкновенно здѣсь разумѣютъ.

18. ἐν Ἀἴγιῳι etc. Эгина — островъ въ сароническомъ заливѣ, между Арголидой и Атикой, около двухсотъ стадій въ окружности. Большая часть гористый, а во внутренности — необыкновенно плодородный, богатый прекрасною глиною, которая употреблялась какъ матеріалъ для драгоценныхъ сосудовъ.
19. τῷ δὲ Ξανθίππῳι etc. Имя Ксантиспы, какъ злой и корыстолюбивой женщины обратилось въ пословицу; на дѣлѣ она была далеко лучше своей репутаціи. Хорошая хозяйка и заботливая мать, она естественно имѣла причины быть недовольною мужемъ, который слишкомъ мало заботился о домѣ и семействѣ. Сократъ, какъ извѣстно, не отличался семейными добродѣтелями, и Шлегель полагаетъ, что онъ идеализируетъ въ этомъ отношеніи его характеръ, приписывая ему качества хорошаго мужа и отца.
20. τῶν τοῦ Κρίτωνος — ex Critonis servis. Богатые и знатные афиняне никогда не выходили изъ дому одни, но всегда имѣли при себѣ много рабовъ.
21. Αἰσώπος — Aesopus. Баснописецъ Эзопъ представляетъ въ греческой литературѣ переходную ступень отъ ионическаго къ исто-

скому времени; его обыкновенно считают современником Солона и семи мудрецовъ. Рассказываютъ, что онъ находился въ услуженіи въ качествѣ раба у многихъ господъ, а потомъ получилъ свободу; совершивъ путешествіе къ лидійскому царю Брезу, онъ былъ посланъ имъ въ Дельфы, гдѣ за богохуленіе былъ свергнутъ съ гіашпейской скалы. Справедливѣе можно сказать, что обстоятельства его жизни намъ мало извѣстны: біографія его, написанная византійскимъ монахомъ Максимомъ Планудомъ, — скорѣе романъ, нежели біографія. Первое собраніе его басенъ было сдѣлано Динитріемъ Фалерейскимъ; (за 300 лѣтъ до Р. Х.) а новое въ 10-ти книгахъ — Бабріасомъ, во времена Августа; но холіамбы, въ которые онъ ихъ переложилъ, были впослѣдствіи времени опять оставлены, хотя слѣды ихъ доселѣ сохраняются въ прозѣ. Число басенъ и ихъ порядокъ, вслѣдствіе этого, въ рукописяхъ и изданіяхъ далеко не одинаковы. Изданіе, составленное на основаніи монтекассинской рукописи, содержитъ 423 басни.

22. Ἀτὰρ καὶ Εὐρηνὸς πρῶτην — и — въ недавнее время Эвентъ.] Эвентъ, уроженецъ острова Пароса, — поэтъ и софистъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ учителемъ Сократа въ стихотворномъ искусствѣ; но это извѣстіе, судя по той кроникѣ, съ которою Сократъ говоритъ о немъ какъ въ нашемъ діалогѣ такъ и въ апологій, представляется невѣроятнымъ. Онъ писалъ элегіи, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки дошли до насъ; но стихотворенія его, какъ по содержанію такъ и по формѣ, не представляютъ ничего замѣчательнаго.

23. ἐντείνας τοὺς τοῦ Αἰσώπου λόγους — переложивши въ стихи басни Эзопа.] Извѣстіе о томъ, что Сократъ перелагалъ въ стихи басни Эзопа сохранилось у Плутарха. W. p. 16. С. Диогенъ Лаэртій говоритъ только объ одной баснѣ и приводитъ ея начало.

Αἰσώπος ποτ' ἔλεξε Κορίνθιον ἄστο νεμῶσι

Μὴ κρίνειν ἀρετὴν λαοδίκερ σοφίῃ.

Онъ также приводитъ начало похвальной пѣсни въ честь Аполлона:

Δήλι' Ἀπολλῶν χαῖρε καὶ Ἄρτεμι, παῖδε κλεινῶ.

24. εἰς τὸν Ἀπόλλω προοίμιον — и написавши гимнъ Аполлону.] Προοίμιον — hymnus. Первоначально подъ этимъ разумѣлось поэтическое вступленіе, которое рапсода предпосылалъ своему стихотворенію.

Обыкновенно оно содержало въ себѣ похвалу божеству, праздникъ котораго воспѣвался въ похвальной пѣсни большого объема, или стихотвореніи эпического содержанія. Такія поэтическія вступленія сохранились для насъ въ небольшихъ гомерическихъ гимнахъ. Между писателями прозой упоминаются Терпандръ и Аріонъ. Позже прозы были часто смѣшиваемы съ собственно такъ называемыми гимнами. Это прооімовъ Діонъ Хризостомъ называетъ пеаномъ, — иня сдѣлавшееся вполнѣдствіи времени общимъ названіемъ для всякаго лирическаго стихотворенія въ честь божества вообще, и по преимуществу Аполлона. Штальбаумъ опредѣляетъ прооімовъ такъ: *prooemia s. exordia vulgato usu omnino dicuntur pro hymnis in laudem deorum, imprimis Apollinis decantatis.*

25. Αφοσιόμενος. Я перевелъ «очистить свою совѣсть», и думаю, что это самая точная передача глагола *αφοσιῶσθαι*, который буквально соответствуетъ латинскимъ: *expiare, abominari*. Штальбаумъ переводитъ *animum religione liberare, facere aliquid animi religione solvendi causa*. Шлейермахеръ «*nich vor Schaden zu hüten*». Асть замѣчаетъ противъ послѣдняго: *potius est — nichts schuldig zu bleiben*.
26. Μουσική. Μουσική sc. τέχνη иногда также τὰ μουσικά — musica, opus, — собственно музыкальное искусство вообще; но древніе соединяли съ понятіемъ музыки гораздо болѣе обширное значеніе, разумѣя подъ ней не одно только то искусство, которое мы разумѣемъ. Музыка обнимала у нихъ все духовное образованіе вообще, — научное также какъ и художественное, но по преимуществу орфографію, поэзію, мимику, танцевальное искусство и искусство прорицаній. Вслѣдствіе этой древней связи мудрости съ музыкой мудрѣйшимъ изъ боговъ былъ владѣвшій лирою Аполлонъ, а изъ героевъ — Орфей. Музыка вмѣстѣ съ гимнастикой составляла вторую необходимую принадлежность свободнаго воспитанія — παιδεία; отдѣленіе ея отъ поэзіи впервые послѣдовало во времена Платона, и не было имъ одобряемо. Такъ какъ у древнихъ всѣ искусства и науки состояли подъ покровительствомъ музъ, то я думаю, что передача *μουσική* выраженіемъ, — «искусство музъ» составляетъ самый близкій переводъ; содержаніе же рѣчи ясно показывается, — какое именно искусство разумѣется здѣсь.
27. ποίει καὶ ἐργάζου. — ποίει ita accepit primum Socrates pro simplici

fac, deinde sensu exquisitiore ad poësin et versuum compositionem retulit. Виттенб. р. 135. Ἐργάζεσθαι est versari in aliquo opere, tractare aliquid.

28. μοι παρακелеύεσθαι καὶ ἐπικελεύειν — оно побуждало и ободряло меня.] Такъ объясняетъ различіе обонхъ глаголовъ Фишеръ, и съ нимъ соглашается Виттенбахъ. Recte, говоритъ послѣдній, Fischerus παρακелеύεσθαι explicat hortari aliquem ut aliquid faciat; ἐπικελεύειν — incitare facientem. Виттенб. р. 135.!
29. φιλοσοφίας μὲν οὐσῆς μεγίστης μουσικῆς — величайшей наукѣ философіи.] Буквально: «величайшей музыкѣ»; но такъ какъ значеніе, которое соединяли съ музыкой древніе, совершенно намъ чуждо, то я измѣнилъ выраженіе. Strab. X. р. 717, 13. Μουσικὴν ἐκάλεσεν ὁ Πλάτων καὶ ἔτι πρότερον οἱ Πυθαγόρειοι τὴν φιλοσοφίαν. Платонъ считалъ философію самой совершенной музыкой потому, что она ведетъ къ мудрости и добродѣтели, а эти послѣднія, по его ученію, представляютъ собою гармонію и музыку, — понятіе о философіи, заимствованное имъ у пифагорейцевъ.
30. ποιεῖν μῦθους, ἀλλ' οὐ λόγους — представлять въ стихахъ разсказъ, а не однѣ только поэтическія мысли.] Aesopi fabulae, говоритъ Штальбаумъ, quae supra dicebantur λόγοι, hic vocantur μῦθοι. Quod ne cui mirum accidat, tenendum est λόγον esse vocabulum generis atque significare quamcunque orationem et narrationem, sive veram sive fictam; sed interdum, ubi opponitur μῦθος, de narratione vera usurpari solet. И такъ λόγος, безъ противоположенія μῦθος, также означаетъ разсказъ — narratio, почему басни Эзопа и называются λόγοι; тоже самое значеніе имѣетъ и μῦθος. Въ противоположеніи одного другому λόγος получаетъ значеніе изложенія въ стихахъ известной истины, а μῦθος — поэтического вымысла. (См. Штальб. р. 93, Асть, annotat. in Phaed. tom. undec. р. 509). Шлейермахеръ перевелъ Fabeln dichten und nicht vernünftige Reden; Миллеръ Fabeln dichten, nicht aber Reden; Бэри — to make fables and not discourses. Мнѣ кажется, что употребленное мною, — «поэтическія мысли», ближе выражаетъ характеръ стихотворенія, не имѣющаго эпического содержанія и слѣдовательно значеніе греческаго λόγος, противоположаемаго μῦθος, нежели Rede и discourse у нѣмецкихъ и англійскаго

переводчика. Противуположеніе *μῦθος* понятію *λόγος* весьма хорошо выражается нѣмецкими *Dichtung — Wahrheit*.

31. Φιλολάφ συγγεγονότες — когда жили въ обществѣ Филолая.] Филолай, одинъ изъ знаменитѣйшихъ пифагорейцевъ, по Платону — современникъ Сократа, уроженецъ Кротона или Тарента. Въ молодости онъ былъ ученикомъ Пифагора. Онъ первый началъ излагать письменно распространенное дотолѣ изустно ученіе своего учителя. Сочиненіе его на дорическомъ нарѣчій состояло изъ трехъ книгъ: *περὶ κόσμου*, *περὶ φύσεως*, *περὶ ψυχῆς*. До насъ дошли отъ него небольшіе отрывки. Настоящее мѣсто Федона показываетъ, что Симмιάсъ и Кебесъ пользовались его философскими наставленіями въ Фивахъ. Ученіе его изложено въ сочиненіи Бѣка: *Philolaos des Pythagor. Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes*.
32. φθόνος οὐδαίς λέγειν — не имѣю причины скрывать отъ васъ.] *φθόνος* — *invidia*. Форма *φθόνος οὐδαίς* in eo ponitur qui non gravatur vel recusat, sed libenter aliquid facit, dicit, dicturus est al. Lex. Plat. Аста — *φθόνος*. Штальбаумъ переводитъ: *libenter dicam, прибавляя—formula solemnis*.
33. διασκοπεῖν τε καὶ μυθολογεῖν — разсуждать и вспоминать существующіе разсказы и пр.] Суземилъ справедливо видѣть въ этихъ словахъ выраженіе двойного способа разсужденій Платона, — діалектическаго и мнѣческаго. Бишофъ, *Pl. Phaed.* p. 28. *Μυθολογεῖν est disserere vel confabulari (ut διαμυθολογεῖν) praecipue de rebus occultis, quas fabulis vel narrationibus, imaginibus, similitudinibus al. illustramus*. Астъ, *annotat. in Phaed.* p. 514. sq.
34. σαφές δὲ — οὐδὲν ἀκήκοα — но яснаго объ этомъ не слышалъ — ничего и ни отъ кого.] Наметь на темноту ученія и загадочный способъ выраженія пифагорейцевъ. *Olympiodorus ad h. l.* Ἐθεός ἦν τοῖς πυθαγορείοις δι' αἰνιγμάτων λέγειν.
35. Ἴττω Ζεὺς — это вѣдаетъ Зевсъ.] Ἴττω мѣсто ἴστω, по-беотійски.
36. ὁ μὲν οὖν ἐν ἀπορήτοις λεγόμενος περὶ αὐτῶν λόγος — ученіе объ этомъ предметѣ, сообщаемое только посвященнымъ.] Я нѣсколько измѣнилъ выраженіе подлинника; буквальный переводъ: «то, что говорится въ тайномъ ученіи.» Какое же здѣсь разумѣется ученіе? Одни комментаторы, какъ напр. Нюсслингъ (*Der Plat. Phaedon*, Mannheim 1863, p. 120, примѣч. 19), видать въ этомъ мѣстѣ

указаніе то на орфическія то на элевзинскія мистеріи, но Штальбаумъ рѣшительно отвергаетъ это объясненіе на томъ основаніи, что у Платона мистеріи никогда не называются этимъ именемъ. (ἀπόρρητα) Штальбаумъ, и вслѣдъ за нимъ большая часть изслѣдователей новаго времени, разумѣютъ подъ этимъ внутреннюю, эсotericкую сторону пнеагорейскаго ученія (interior pythagoeorum doctrina.) Этого послѣдняго мнѣнія держались и древніе, (хотя впрочемъ позднѣйшіе) какъ это видно изъ Цицерона, *Sato maj. c. 20.* Мнѣ представляется гораздо основательнѣе мнѣніе Бишопа, который думаетъ, что выраженіе ἐν ἀπορρήτοις заключаетъ въ себѣ и то и другое, — и указаніе на мистеріи и на тайное ученіе пнеагорейцевъ. Für welche Erklärung soll man sich nun entscheiden? говоритъ онъ. Für keine ausschliesslich. Denn Socrates konnte sich auf alle jene Quellen beziehen. Ihm lag nur daran, seine mythische Darstellung an eine Tradition anzuknüpfen; je ausgebreiteter diese war, desto besser. Бишофъ. *Pl. Phaed. p. 32.*

37. ἐν τι φρουρᾷ ἐσμεν οἱ ἄνθρωποι — мы, люди, содержащиеся въ нѣкотораго рода темницѣ.] φρουρᾷ, говоритъ Штальбаумъ, non de statione, sed de carcere intelligendum videtur, etc. p. 98. Съ этимъ объясненіемъ согласенъ и Астъ. Переводя φρουρά латинскими custodia и statio, онъ прибавляетъ: etiam ut Lat. custodia est carcer и приводитъ это самое мѣсто изъ Федона. Дѣйствительно, логическій ходъ мысли Сократа требуетъ, чтобы φρουρά перевести словомъ: темница, а не постъ или стража.
38. τοὺς φιλοσόφους — ἀποθνήσκειν — каждый философъ долженъ желать смерти.] Lubenter mori velle, Штальб. p. 100.
39. νῦν γέ μοι δοκεῖ τι καὶ αὐτῷ λέγειν etc. Мнѣ и самому представляется, что Кебесъ говоритъ отчасти справедливо.] Nunc mihi et ipsi videtur aliquid dicere, quod dignum sit, cujus habeatur ratio, quod movere possit gravem dubitationem atque dignam, quae tollatur. Штальб. p. 101, sq.
40. καὶ μοι — τείνειν τὸν λόγον — мнѣ кажется, что рѣчь Кебеса направлена противъ тебя.] Te petere hac oratione, his verbis. ibid.
41. κατὰ θεοὺς ἄλλους — къ другимъ богамъ.] Земля, небо и подземный міръ состоятъ въ вѣденіи особенныхъ божествъ, подъ управленіемъ верховнаго божества. Такъ въ концѣ Критона законы, какъ

- верховныя силы, говорятъ о своихъ братьяхъ, — законахъ въ подземномъ мірѣ. Нисслипъ, р. 121, прим. 25.
42. οὐχ ἁπλοῦς ἀγανακτῶ — не печалюсь при мысли о смерти.] Буквальный переводъ этого мѣста, съ сохраненіемъ равносильной подлиннику краткости выраженія и совершенной точности въ передачѣ мысли, довольно труденъ, и потому переводчики понеобходимости отступаютъ. (Ср. Миллера и Карп.) Non aequè moveor morte, sive sim venturus et profecturus ad alios homines sapientiores et ad deos alios, sive non, i. e. valde moverer morte, nisi scirem et crederem me profecturum esse ad deos.
43. εἶναι τι τοῖς τελευτηήσοις — известная участь существуетъ и для умершихъ.] Manere aliquid mortuos neque ipsos interire.
44. ἔα — χαίρειν αὐτόν — не обращай на него вниманія.] h. e. mitte, noli curare hominis praescepta et admonitiones.
45. ἀποθνήσκειν τε καὶ τεθνάναι — умереть и быть для всего мертвыми.] Одинъ и тотъ же глаголь употребляется въ двухъ разныхъ значеніяхъ. Первое выраженіе — ἀποθνήσκειν имѣетъ буквальный смыслъ т. е. означаетъ обыкновенную физическую смерть, а второе — смыслъ метафорическій. Люди, преданные философίᾳ, стараются подавить въ себѣ всякое влеченіе чувственности и стремленіе ко внѣшнимъ благамъ; живя исключительно въ мірѣ идей — они мертвы для всего ихъ окружающаго. Штальбаумъ: ἀποθνήσκειν = mori; τεθνάναι = in statu et conditione mortis versari. Ср. Миллера, Plat. Werke, B. IV, р. 570, прим. 14.
46. τοὺς μὲν παρ' ἡμῖν ἀνθρώπους — наши сограждане т. е. ешванцы, боотяне.
47. οἱ φιλοσοφοῦντες θαναθῶσι — философы желаютъ смерти.] θαναθῶσι, Schol. = θανάτου ἐπιθυμοῦσι, mori cupiunt. У Карпова, (у котораго, мимоходомъ замѣчу, рѣшительно нѣтъ возможности исчислить всѣ ошибки въ переводѣ), въ этомъ мѣстѣ непостижимо странная и ничѣмъ необъяснимая ошибка. Вмѣсто того, чтобы перевести согласно значенію глагола θαναθῶ, «истинные философы желаютъ смерти», онъ переводитъ: «умрутъ ли (!) истинные философы.» А то бы еще не умерли! Замѣчательно, что этотъ непонятный промахъ сдѣланъ Карповымъ во 2-мъ, исправленномъ изданіи Платона (соч. Плат. С. П. Б. 1863-го г, ч. II, стр. 69.) Въ Проплеяхъ, гдѣ онъ напечаталъ свой переводъ Федова въ первый

разъ, это мѣсто передано вѣрно. (Проп. кн. V, стр. 25.) Чѣмъ объяснять такую странность, не знаю.

48. οἱ φιλοσοφούντες — ἄξιοί εἰσι τοῦτο πάσχειν — философы ея (смерти) достойны, и дальше: καὶ οὗ θανάτου — и какой именно.] *Vulgus ignorat quatenus philosophi morte digni sint et quali morte. Significat autem philosophos eatenus morte dignos esse, quia tota eorum vita sit mortis commentatio atque mereri mortem beatissimam, quae eos traducat ad maximam a corpore libertatem.* Штальб. р. 107.

49. ἱματίων διαφερόντων κτήσεις καὶ ὑποδημάτων — обладаніе красивымъ платьемъ, обувью.] ἱμάτια διαφέροντα sunt pallia magnifica, candida; ὑποδήματα — calcei, quibus contingetur totus pes. Аешняне, какъ извѣстно, любили щеголять роскошью нарядовъ, при чемъ обувь играла также не послѣднюю роль. Сократъ тѣмъ съ большимъ правомъ могъ порицать эту суетность своихъ согражданъ, отъ которой не были свободны даже философы, какъ напр. Аристотель, (Диог. Лаэрт. III, 19) что онъ самъ обыкновенно носилъ очень простую и недорогую одежду. (Хен. Мемог. 1, 6, 2, Plat. Symp. В. Ἀριστοφ. νεφέλαι, σ. 103.)

50. τί δὲ — τῆς φρονήσεως κτῆσιν — ну, а въ приобрѣтеніи знанія и пр.] Я не согласенъ въ настоящемъ случаѣ съ мнѣніемъ Штальбаума, который, основываясь на различіи σοφία и φρόνησις, находящемуся у Цицерона (Сис. Off. 43, 153.) придаетъ послѣдней въ данномъ случаѣ значеніе чисто нравственной добродѣтели. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи ясно показываетъ, что φρόνησις нужно понимать въ этомъ мѣстѣ въ болѣе обширномъ значеніи, — въ значеніи знанія вообще, а не одного только пониманія вопросовъ этики и приложенія выработанныхъ нравственныхъ правилъ къ жизни. И такъ Фишеръ объясняетъ это мѣсто совершенно правильно, говоря: φρόνησις est sapientia, quae posita est in scientia naturae rerum. Pl. Phaed. р. 268.

51. οἱ ποιηταὶ ἡμῶν ἀεὶ θυροῦσιν — поэты правы, когда постоянно твердятъ.] οἱ ποιηταὶ — подъ этимъ разумѣются Парменидъ, Эмпедоклъ и Эпихармъ; какъ философы, такъ и сицилійскій комикъ отрицали возможность достиженія точнаго знанія посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ. Olympiodorus C. I, р. 13. ποιητὰς λέγει Παρ-

μειδῶν, Ἐμπεδοκλέα, Ἐπίχαρμον· οὗτοι γὰρ οὐδὲν ἀκριβὲς λέγουσιν εἰδέναι τὴν αἴσθησιν.

52. π τῶν ὄντων — что нибудь въ бытіи.] Разумѣются идеи, которыя одиѣ, по ученію Платона, представляютъ постоянное, неизмѣнное бытіе, потому что міръ видимыхъ явленій есть нѣчто преходящее и измѣняющееся. (анализъ, гл. 8-ая.) Штальб. h. e. τῶν ὄντως ὄντων, idearum, quae solae afferunt veritatis scientiam et cognitionem. p. 112.
53. ἔωσα χεῖρην τὸ σῶμα — не пользуясь ни въ чемъ помощію тѣла.] i. e. non utens corporis opera et ministerio. Штальб. ibid.
54. ὀρέγεται τοῦ ὄντος — устремляется въ область бытія.] Штальбаумъ: ὀρέγεσθαι τοῦ ὄντος est cognoscere studere rei cujuspiam naturam. Nam τὸ ὄν id est, quod τὸ ὄντως ὄν.
55. αὐτὴ καθ' αὐτὴν γίνεσθαι — сдѣлаться чѣмъ-то отдѣльнымъ.] т. е. въ процессѣ своего внутренняго, мысленнаго созерцанія совершенно отрѣшиться отъ тѣла. Штальб. h. e. sola et in se quasi collecta. ibid.
56. αὐτὸ ἕκαστον — каждой (сущности.)] Разумѣются не предметы и явленія видимаго міра, а чистыя идеи. Unumquodque per se spectatum, h. e. cujusque rei naturam et formam, sc. ἰδέαν. ibid.
57. ἀλλ' αὐτῇ καθ' αὐτὴν — τῶν ὄντων — но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ — чистое и существующее само въ себѣ.] Чистое, — εἰλικρινές т. е. неизмѣняемое, потому что идеи, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ всякую возможность видоизмѣненій въ своемъ бытіи. Штальбаумъ: dicitur autem εἰλικρινές quidquid nihil dispar sui et dissimile admixtum habet, sincerum, purum. Walckenar. in Schol. ad N. F. ed. Wassenbergh T. II, p. 181. «in glossariis redditur integrum, sincerum. Abstrusior aliquanto compositionis ratio. Videtur tamen vox formata ab εἶλος et κρίνω. Hoc notat discernere. Εἶλος et ἴλος et ἴλη globus est, ab εἰλεῖν et ἴλεῖν volvere. Ex hac origine εἰλικρινές proprie significat volvendo s. volubile agitatione secretum, atque adeo cribro purgatum.» p. 114.
58. κινδυνεύει — ἐν τῇ σκέψει — насъ, кажется, — въ изслѣдованіи — одна дорога.] Греческій текстъ этого мѣста довольно труденъ, и составляетъ предметъ споровъ между комментаторами. Шмидтъ (въ соч. «Duorum Phaed. Plat. locorum explicatio», Viteb. 1846) предложилъ вѣсто μετὰ τοῦ λόγου (принятаго Штальбаумомъ) чтеніе μετὰ

τοῦτου τοῦ λόγου, одобренное К. Фр. Германомъ. Я перевелъ согласно поправкѣ, сдѣланной Шмидтомъ, не смотря на возраженія противъ этого исправленія Штальбаума. Разбирая чтеніе Шмидта, онъ, между прочимъ, говоритъ: *nemo quisquam dixerit: es scheint uns ein schmalere Weg mit Hilfe dieses Satzes herauszuführen, quandoquidem angustae viae non potuit recte talis doctrina vel potius talis sententia tribui.* Справедливо ли это замѣчаніе? мнѣ, по крайней мѣрѣ, оно не представляется основательнымъ. Замѣчу противъ Штальбаума слѣдующее. Признавши единственно вѣрнымъ способомъ изслѣдованія чисто мысленное созерцаніе, при которомъ совершенно устраняется дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ, Сократъ естественно долженъ былъ смотрѣть на этотъ избранный имъ путь, какъ на просторный и широкій въ дѣлѣ изслѣдованія, а слѣдовательно выраженіе *ἀτραπός* здѣсь повидимому неумѣстно. Но употребляя выраженіе — «узкая тропинка» (*ἀτραπός*) для обозначенія пути, который, по его идеѣ, составляетъ просторную, широкую дорогу, онъ разумѣетъ: во 1-хъ то, что этимъ путемъ идутъ очень немногіе, — только истинные философы; во 2-хъ, что его не всѣ видятъ и знаютъ: масса, толпа, идетъ дорогой обыкновенной, всѣмъ извѣстной; въ 3-хъ наконецъ, — и это, по моему мнѣнію, самое главное, — то, что какъ бы человѣкъ ни усилывался при изслѣдованіи отрѣшаться отъ тѣла, — совершенное устраненіе вліянія вѣншихъ чувствъ, и вообще условій жизни тѣлесной — невозможно. Очевидно, слѣдовательно, что этотъ путь, просторный и широкій въ идеѣ, есть путь узкій въ дѣйствительности. Ἐκφέρειν, educere, nunc significat: ex difficultatibus educere, quae sensuum perturbationibus ac ludibriis oriuntur, ita ut ad certum aliquem finem perveniat. Nam proprie est: ex impedito in liberum educere, e loco septo in apertum efferre. Штальб. р. 115. Асть даетъ этому глаголу въ этомъ мѣстѣ значеніе ducere или adducere. Приведши разбираемый нами текстъ, онъ переводитъ: adducere eo ut, h. e. in hanc sententiam ut existimemus. (Lex. Plat. ἐκφέρω.) Последнее, по моему мнѣнію, проще и естественнѣе. Бишофъ, послѣ критическаго разбора текста этого мѣста и объясненій на него Гейндорфа, Шлейермахера и Штальбаума, дѣлаетъ слѣдующій переводъ. Es führt uns ein Weg in unsrer Untersuchung cum ratione, mit Nothwendigkeit, dahin, oder: der Gang unserer Untersuchung führt

- uns mit (logischer) Nothwendigkeit darauf (zu dem Resultat) dass — etc. Висш. Plat. Phaed. p. 49. Ср. Виттенб. p. 159.
59. φλοαρίας — πολλῆς — наполнить насъ — суетой.] h. e. denique omnino nugis et rebus futilibus. Olympiodor. p. 29. φλοαρίαν καλεῖ ὁ Πλάτων πᾶν τὸ περιττόν, οὐ μόνον τὸ ἐν λόγοις, ἀλλὰ καὶ τὸ ἐν ἔργοις. Conf. Sympos. p. 211 E.
60. ἀσχολίαν ἄγομεν φ. π. — у насъ не остается времени для занятія философiей.] A. a. φ. π. est impedimur, ne ponere studium in philosophia possimus: nihil studii tribuimus philosophiae, non vacamus philosophiae. Фишеръ, p. 276. Виттенбахъ: et ex hac corporis caussa, propter has cupiditates et negotia, otium tractandae philosophiae nobis intercipitur. p. 163.
61. τότε γὰρ αὐτὴ καθ' αὐτὴν ἢ ψ. etc. только тогда душа будетъ существовать сама въ себѣ и пр.] Tum enim demum secum ipse vivet animus, secretus a corpore nec unquam antea; atque dum vivemus, ita demum quam proxime ad veram scientiam accedemus, si, quam maxime fieri possit, nos a corporis consuetudine et communiōne, nisi ubi summa ejus necessitas inciderit, abstrahamus caveamusque, ne vitiosa corporis natura inquinemur, sed potius nos ab ea puros illibatosque servemus, donec nos deus ipse exsolverit. Штальбаумъ, p. 118.
62. μετὰ τούτων — съ такими же сущностями.] Барновъ переводить: съ подобными намъ существами. Неточно. Не существами, а сущностями. Intell. καθαρῶν Штальбаумъ ibid. Виттенб. cum talibus versabimur; p. 164. Подъ τούτων не разумѣются исключительно божества и философствовавшiя въ земной жизни души, а виждѣтъ съ тѣмъ и чистыя идеи, которыя будутъ созерцать по смерти во всей полнотѣ и совершенствѣ ихъ душа истиннаго философа.
63. οἱ παρεσκευάσθαι τὴν διάνοιαν ὡσπερ κελῶ. — приготовить къ этому очищенiемъ свою мысль.] sibi mentem comparatam esse, quasi purgatam putat. Штальб. p. 120. qui putat sibi mentem praeparatam esse, quippe purgatam. Виттенб. p. 167.
64. ὁ π. ἐγγυτάτω ὄντα τοῦ τεθνάναι δοῦτα ζῆν — жить жизнью, близкой къ состоянiю смерти.] h. e. qui se ita componit et hoc studet, ut vitam agat morti quam proximam.
65. εἰ γὰρ διαβεβλήνται τῷ σώματι — ненавидятъ тѣло и пр.] h. e. si

infensi sunt corpori, si oderunt omnino corpus. Штальб. ab omni parte inimici sunt corpori, infensi; corpus ut inimicum suspicantur et oderunt. Виттенб. p. 168.

66. ἀνθρωπίνων μὲν παιδικῶν — дорогихъ имъ существъ.] Commemorantur ἀνθρώπινα παιδικά ita, ut deinde iis opponantur ἡ φρόνησις καὶ ἡ φιλοσοφία quasi θεῖα παιδικά. Nam παιδικά interdum dicitur de rebus caris et amatis. Штальб. p. 122. Ср. Виттенб. p. 168. Гейндорфъ приводитъ здѣсь весьма кстати мѣсто изъ Горція. p. 482 А. ἀλλὰ τὴν φιλοσοφίαν, τὰ ἐμὰ παιδικά, παῦσον ταῦτα λέγουσαν.
67. οὐ φιλόσοφος — ἀλλὰ φιλοσώματος — любить не мудрость, а тѣло.] Въ подлинникѣ игра созвучіемъ словъ, которой нѣтъ возможности передать по-русски: «не другъ мудрости, а другъ тѣла.» См. Кунарда, Plat. Phaed. p. 20.
68. ἀρ' — οὐ καὶ ἡ ὀνομαζομένη ἀνδρεία — а то, что называютъ мужествомъ и пр.] Раздѣленіе ἀρετῆ на четыре вида (φρόνησις, ἀνδρεία, σωφροσύνη, δικαιοσύνη) принадлежить пифагорейцамъ, какъ это доказалъ на основаніи пифагорейскихъ отрывковъ Виттенбахъ. φρόνησις = prudentia et sapientia, (L. A.) по-нѣмецки vernünftige Einsicht, Weisheit. ἀνδρεία = fortitudo, perseverantia; по-нѣмецки Muth, Tapferkeit. σωφροσύνη = sanitas animi, temperantia vel moderatio; по-нѣмецки Besonnenheit, Selbstbeherrschung. У Платона, впрочемъ, σωφροσύνη имѣеть болѣе обширный смыслъ, чѣмъ нѣмецкое Besonnenheit, и иногда совпадаетъ съ понятіемъ φρόνησις. Какъ трудно передать σωφροσύνη однимъ словомъ на другой языкъ видно изъ того, что первый художникъ латинскаго языка, Цицеронъ переводитъ σωφροσύνη: modestia, moderatio и temperantia. δικαιοσύνη = justitia, probitas; по-нѣмецки Gerechtigkeit, Richtigkeit. По-русски наиболѣе близкій и точный переводъ можно принять слѣдующій: φρόνησις = мудрость, благоразуміе; ἀνδρεία = мужество, твердость духа; σωφροσύνη = здравый умъ, воздержаніе, умѣренность; δικαιοσύνη = справедливость, честность.
69. τοῖς οὕτω διακεκμημένοις — людямъ, расположеннымъ подобнымъ образомъ.] iis, qui student animum sejungere a corpore atque sperant se sapientiam esse assecuturos, ubi venerint ad inferos. Штальб. p. 126.

70. τί δὲ οἱ κόσμοι αὐτῶν — ну, а воздержные изъ нихъ?] καὶ σώφρονες hoc loco sunt fere synonyma; intelliguntur enim desti ac temperantes, qui ab ἀκολασία alieni sunt. Штальб.
71. μὴ γὰρ οὐχ αὐτῆ ἢ ἡ ὁρθὴ πρὸς ἀρετὴν ἀλλαγὴ — καταλλάττεσθαι неправленъ подобнаго рода обмѣнъ, какъ скоро дѣло касается добродѣтели, то есть мѣнять и пр.] Греческій текстъ этого мѣста представляет по рукописямъ два варианта. Штальбаумъ послѣ ἀρετὴν прибавляетъ ἀλλαγὴ и объясняетъ смыслъ текста такъ: hanc sentiendi agendique rationem probare; vide enim, ne haec non sit recta ad virtutem quod attinet permutatio, ut voluptates cum virtutibus — commutemus (р. 128.) Это же чтеніе принимаетъ и Бишофъ (Pl. Phaed. р. 55.) Другіе издатели — Фишеръ (р. 286), Виттенбахъ (р. 172) и Шмидтъ (Erste Hälfte, р. 25) выбрасываютъ ἀλλαγὴ а въ такомъ случаѣ при прилагательномъ ἡ ὁρθὴ нужно полагать думать ὁδός. Согласно этому чтенію, Виттенбахъ переводитъ: vide ne haec non sit recta ad virtutem via, voluptates cum virtutibus — commutare, — не это прямой путь къ добродѣтели, что мѣнять и пр. При этомъ онъ предлагаетъ и конъектуру, ὁρθὴ ἀρετῆ. Я предпочелъ первый вариантъ, такъ какъ онъ моему мнѣнію, опирается на болѣе твердыя основанія. Самое важное въ этомъ случаѣ то, что прибавка ἀλλαγὴ оправдывается лучшими рукописями, а потомъ, какъ основательно замѣчаетъ Штальбаумъ, переписчикъ скорѣе могъ пропустить, нежели прибавить слово. Бишофъ прибавляетъ къ этому, что если отбросить ἀλλαγὴ, то употребленный Платономъ въ этомъ мѣстѣ образъ будетъ выдержанъ. Всѣ эти основанія, взятые вмѣстѣ, по моему мнѣнію, даютъ первому варианту рѣшительный перевѣсъ надъ послѣднимъ. Главное, что заставляетъ критиковъ оспаривать прибавку ἀλλαγὴ, — это близкое употребленіе предлога πρὸς въ двухъ различныхъ значеніяхъ; въ первомъ мѣстѣ (πρὸς ἀρετὴν) онъ имѣетъ значеніе касательно, относительно, что касается до —, а въ дальнѣйшихъ выраженіяхъ (ἴδονάς πρὸς ἡδ. etc.) значеніе русскаго — на. Подобный способъ выраженія у Платона встрѣчается.
72. καὶ ταύτου μὲν πάντα καὶ μετὰ ταύτου ἀνούμενά τε καὶ πωρούμενα τῷ ὄντι ἢ — за нее, и черезъ нее покупается и продается дѣйствительно все.] Штальбаумъ (р. 129.) объясняетъ это такъ: et vegeor, ne quae hoc numismate emuntur venduntur.

ea demum re vera sint, etc. Витгенбахъ, (р. 173.) не дѣлая поправки въ текстъ, замѣчаетъ однако противъ этого чтенія слѣдующее: compositio non satis respondens sententiae disputationis; quippe ὠνούμενα ad τούτου, id est, ad φρονήσεως, referri, nequit. Itaque, продолжаетъ онъ далѣе, hujusmodi vel collocatio, vel certe interpretatio, requiritur, quasi scriptum sit: καὶ τούτου μὲν πάντα τε ππρακόμενα καὶ μετὰ τούτου ὠνούμενα i. e. et si hac omnia vendantur et cum hac (i. e. prudenter) omnia emanantur, tum re vera constat et fortitudo et temperantia et justitia et summam re vera virtus, quae sine prudentia esse nequit. Въ заключение онъ говоритъ: quum verbum ονειῶναι passiva significatione inauditum sit, malim cum Heindorfio: καὶ μετὰ τούτου, ἃ ὠνούμεθα τε καὶ ππρασκόμεν, τῷ ὄντι ἤ. Бишофъ предлагаетъ послѣ τῷ ὄντι ἤ отбросить запятую; denn, говоритъ онъ, nicht darum handelt sich, dass alles mit der (um die) φρόνησι; Gekaufte und Verkaufte wirklich sei, sondern dass alles dieses Tugend (σωφροσύνη, ἀνδρεία etc.) sei. Pl. Phaed. p. 55.

73. τὸ δ' ἀληθές; — а истинное въ этомъ случаѣ.] τὸ ἀληθές; противуполагается предыдущему σκιαγραφία.
74. καθαρμός; τίς ἤ — не что иное, какъ религиозное очищеніе.] Что подѣ этимъ разумѣть: орачскія или элевзинскія мистеріи? Большинство комментаторовъ разумѣетъ первыя, такъ какъ онѣ по преимуществу были засга lustralia; къ элевзинскимъ же таинствамъ, хотя они также совершались при извѣстныхъ очищеніяхъ, люди, оскверненные преступленіями, вовсе не допускались. Первое мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣдующее непосредственно за тѣмъ выраженіе о блаженствѣ посвященныхъ, равно какъ и стихъ: *καρθηχοφόροι μὲν πολλοί* etc. — орачскіе. Въ орачскихъ мистеріяхъ различалось пять степеней очищенія.
75. *καρθηχοφόροι μὲν πολλοί, βάκχοι δέ τε παύροι* — много людей, носящихъ тирсы, но мало вдохновляемыхъ божествомъ.] Орачскій стихъ, о которомъ упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи. Употреблявшійся какъ пословица, онъ и здѣсь имѣетъ метафорическій смыслъ. Значеніе его въ этомъ мѣстѣ весьма хорошо объясняетъ Фишеръ слѣдующими словами: *multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae, sed pauci sunt vere philosophi.* Pl. Phaedo, p. 291. Климентъ Александрійскій, приводитъ этотъ стихъ, сбли-

- жасть его съ евангельскимъ изреченіемъ: «много званыхъ, но мало избранныхъ.» Матѣ. гл. XX, ст. 16. См. Кузена, *Oeuvres de Platon*, vol. 1, p. 211.
76. *ὄχι ὀλίγη παραμυθία δέεται καὶ πίστει* — нужно не мало доводовъ и доказательствъ и пр.] Graecum *παραμυθία* non solum est *cosolatio animi*, sed etiam *judicii confirmatio*, qua *sententia* *difficilis* et *incredibilis* ad *probabilitatem* explicatur. Виттенб. *Pl. Phaed.* p. 177. *πίστις* est *fides* vel *persuasio*, *sensu* qui dicitur *subjectivo*. Асть, *Pl. Oreg.* tom. undecim. p. 572. Ср. Бишопа, *Pl. Ph.* p. 63.
77. *τινα δύνανται ἔχει καὶ φρόνησιν* — обладаетъ силой и способностями ума.] *φρόνησις* nunc non est *sapientia*, sed *mentis conscientia*, *cogitandi* et *intelligendi facultas* s. *intelligentia*. Штальб. p. 134.
78. *γένεσίν τε εἶναι ἐξ ἑκατέρων εἰς ἄλλα* — переходять (предметы) одинъ въ другой посредствующимъ дѣйствиемъ.] h. e. *duplicemque esse ex altero ad alterum transitionem*. Штальб. p. 138.
79. *καὶ αἱ γενέσεις — ὄντων ζυγίων* — и не существуетъ ли между ними, по причинѣ ихъ двойственности, двухъ переходовъ отъ одного къ другому?] h. e. *et rationes, quibus haec gignuntur, duae sunt duobus illis interjectae?* Штальб. p. 138.
80. *συσυγίαν* — объ одной четвѣ.] i. e. *par rerum contrariarum*. Штальб. p. 139. Est *συσυγία* sensu *dialectico copulatio disjunctorum, par contrariorum*: v. c. *aliquid, nihil; vita, mors; somnus, vigilia etc.* Виттенб. p. 180.
81. *παντ' ἂν λήρον τὸν Ἐνδυμίωνα ἀποδείξειε* — природа сдѣлала бы рассказъ объ Эндимионѣ вещью, не стоящей вниманія.] Recte Stephanus: *omnia tandem facerent, ut quae de Endymione dicuntur, pugae esse viderentur*. Штальб. p. 141. Ср. Виттенб. p. 185. Эндимионъ — *Ἐνδυμίων* — извѣстный по мифологiи вѣчнымъ спомъ, любимецъ луны. Преданія о немъ указываютъ частію на Элиду, частію на Карію. Въ Элидѣ его дѣлаютъ сыномъ Аэглиоса, или Зевса и Калики, правителямъ страны, отцемъ Эпіоса, Аятолоса и Пеона, которымъ онъ предложилъ состязаніе въ бѣгъ за обладаніе Олимпіей. Эпіосъ побѣдилъ. Эндимионъ имѣлъ отъ Селены пятьдесятъ дочерей, которымъ даютъ аллегорическое значеніе пятидесяти мѣсяцевъ между одной олимпіадой и другой. Гробница его находилась въ Олимпіи. По другимъ сказаніямъ, онъ удаленъ въ Карію, или былъ карійскій охотникъ или пастухъ, который

въ пещерѣ горы Латмоса покоился вѣчнымъ сномъ. Селена любить прекраснаго юношу, и каждую ночь сходитъ къ нему съ небесъ, чтобы его поцѣловать и подлѣ него отдохнуть. Непробудный сонъ Эндиміона былъ даромъ, полученнымъ имъ отъ Зевса, такъ какъ онъ самъ пожелалъ покоиться вѣчнымъ сномъ въ выдающей юности и красотѣ.

82. *ταχὺ ἄν τὸ τοῦ Ἀναξαγόρου γεγευός ἐστι* — то скоро исполнилось бы анаксагорское и пр.] Анаксагоръ по духу ученія составляетъ ступень перехода отъ іонійцевъ къ Сократу. Его называютъ ученикомъ Гермотима и Анаксимена. Онъ родился въ Клазоменѣ, въ Лидіи, около 70-ой олимпіады или за 500 лѣтъ до Р. Х., и былъ почти современникомъ философовъ Демокрита, Эмпедокла, Парменида, Зенона. Отказавшись отъ общественныхъ должностей, онъ посвятилъ себя занятію науками. Послѣ многочисленныхъ путешествій, на тридцатомъ, или, по другимъ извѣстіямъ, на сорокъ пятомъ году жизни Анаксагоръ прибылъ въ Аѣны, въ самую блестящую эпоху аѣнской жизни, — въ правленіе Перикла, съ которымъ вошелъ въ дружескія отношенія. Эврипидъ и Фувидидъ были его учениками. Обвиненный въ безбожіи (*ασέβεια*), онъ избѣгалъ казни, благодаря краснорѣчивой защитѣ Перикла: смертный приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ. Оставивъ Аѣны, онъ поселился въ Лампсакѣ, гдѣ и кончилъ жизнь около 73-хъ лѣтъ отъ роду. Жители Лампсака воздвигли ему по смерти гробницу съ слѣдующей надписью: «эта гробница вмѣщаетъ въ себя великаго Анаксагора, котораго умъ изслѣдовалъ небесныя пути истины.» Основа его философской системы заключается въ слѣдующемъ положеніи: *πάντα ἡρέματα ἦν ἄριστῶ; εἴτα νοῦς ἐλάσων αὐτῶ διακρίτουσεν* — всѣ вещи находились въ смѣшеніи; потомъ пришелъ умъ и привелъ ихъ въ порядокъ.» Подробности объ ученіи Анаксагора см. въ анализѣ (обоч. VII-ой гл.), а замѣчанія на его систему Платона въ Федонѣ. (р. 97 С.—99 С.)

83. *δέξιμα παθεῖν — ἀναμυρῶσθῆναι* — мнѣ только нужно — припоминать?] Вмѣсто *παθεῖν* во всѣхъ кодексахъ *μαθεῖν*. *Παθεῖν* — поправка Серрана, принятая Штальбаумомъ. Не смотря на то, что большинство комментаторовъ (Фишеръ, Виттенбахъ, Шмидтъ) держится текста манускриптовъ, я перевелъ по чтенію Штальбаума,

которое защищает и Бишофъ. (Pl. Phaed. p. 81, sq.) Согласно этому чтенію Штальбаумъ переводить: *sed hoc ipsum, de quo sermo est* (h. e. τὴν ἀνάμνησιν) cupio experiri, hoc est commonefieri a vobis πῶς ἢ καλουμένη μάθησις ἀνάμνησις ἐστίν. Платонъ играетъ выраженіемъ ἀνάμνησθῆναι: Симміасъ проситъ припомнить ему, — что значить припоминать?

84. τὰ παιδικά — предметъ ихъ привязанности.] De uno intelligitur, ut fere semper intelligendum est. Sic in Parm. p. 127 B. Zeno Eleates narratur fuisse παιδικὰ τοῦ Παρμενίδου etc. Штальб. p. 146.
85. εἴτε τι ἐλλείπει τοῦτο — ἐκείνου — нѣтъ ли — недостатка — сходства съ тѣмъ и проч.] utrum illud ratione similitudinis nonnihil distet nesce ab eo, de quo recordatus sit. Асть, Plat. Op. t. XI. p. 593. Ἐλλείπειν τί τινος est aliquo esse in aliqua re inferiorem vel deteriorem. Штальб. p. 147. Вообще ἐλλείπειν синонима ἐνδοῖν, какъ это можно видѣть изъ непосредственно слѣдующаго: ἐνδοεστ-τέρωσ ἔχειν. Биш. Pl. Phaed. p. 89.
86. αὐτὸ τὸ ἴσον — самое равенство.] i. e. ideam et formam aequalitatis animo conceptam. Nam αὐτό indicat vim et naturam alicujus rei per se consideratae. Штальб. p. 148. Notio universalis aequalitatis, idea aequalitatis. Виттенб. p. 187.
87. αὐτὰ τὰ ἴσα ἔστιν ὅτε ἄνισά σοι etc. — равное — неравнымъ.] Платонъ обозначаетъ обыкновенно ствлеченныя сущности (равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ) прилагательнымъ средняго рода въ числѣ единственномъ, — αὐτὸ τὸ ἴσον, αὐτὸ τὸ καλόν, а соотвѣтствующія имъ понятія конкретныя — прилагательнымъ средняго рода во множественномъ. τὰ ἴσα, τὸ καλόν = равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ. τὰ ἴσα, τὰ καλά = равныя, прекрасныя предметы. Но въ этомъ мѣстѣ τὰ ἴσα обо значаетъ не предметы равныя, а самую идею равенства — ideam aequalitatis, ipsam notionem universalis aequalitatis. Такъ какъ равенство, отвлеченное отъ многихъ равныхъ, но разнородныхъ предметовъ, само заключаетъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ понятіе множественности, то Платонъ употребилъ τὸ ἴσον во множественномъ числѣ вѣсто ἴσότης. См. Шт. p. 149. Вит. p. 187.
88. οὐκ ὄν ἢ ὁμοῖον ὄντος — πάντῳ μὲν ὄν — а равно или неравно равенство — конечно такъ] Шмидтъ (Krit. Komment. zu Pl. Phaed. I, p. 60--66.) считаетъ это мѣсто неподлиннымъ, въ чемъ съ

нимъ соглашается и Суземил. Genet. Entw. der Pl. Philos. 1, p. 430. Основаніе такого взгляда то, что оно нарушаетъ ходъ логическаго развитія мысли. Иначе думаетъ объ этомъ Штальбаумъ. Послѣдній прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что никто не можетъ указать, какъ могло явиться въ текстѣ это мѣсто, которое, разсматриваемое само въ себѣ, носить чистѣйшій колоритъ платоновской рѣчи. Далѣе, если эти слова выбросить, то становится совершенно непонятно, къ чему направлено предыдущее разсужденіе Сократа о двоякомъ родѣ воспоминанія, — разсужденіе, которое было ведено съ такою утонченностію анализа въ XVIII гл. Подробнѣе развитіе доказательствъ Штальбаума см. въ самомъ примѣч. его къ этому мѣсту. (p. 150.) Ср. Бишофа, который также защищаетъ его подлинность. (Pl. Phaed. p. 87.) Что касается меня, то я думаю, что доказательства Штальбаума можно признать достаточно убѣдительными. Переписчику прибавку приписать невозможно, а изъ схоластовъ едва ли бы кто рѣшился исправлять Платона.

89. ὅτι ὁρέγεται μὲν πάντα ταῦτ' εἶναι — что всѣ они стремятся быть в пр.] h. e. haec omnia (τὰ ἴσα) appetere ipsi aequalitatis formae fieri similia, nec tamen fieri posse. Штальб. p. 152. Ср. Виттенб. p. 188.
90. οἷς ἐπισημαζόμεθα τοῦτο, ὃ ἔστι — чему только мы приписываемъ бытіе.] h. e. quibus τῆς οὐσίας signum imprimimus, quae nomine essentiae insignimus. Штальб. p. 154; ср. Виттенб. p. 189. Приписываемъ бытіе т. е. вѣчное, безусловное, единственно истинное бытіе; разумѣются идеи.
91. δυνατὸν γὰρ δὴ τοῦτό γ' ἐξάνηι — потому что мы признали возможнымъ и пр.] Sententia haec est: nam fieri sane posse videbatur antea, ut quis vel oculis vel auribus vel alio quodam sensu aliquid perciperet et simul mente sua conciperet notionem rei ab illa, quam sensibus percepit, diversae, cujus oblitus erat, quae huic conjuncta erat, vel dissimilitudine, vel similitudine sua. Штальб. p. 156.
92. ἐν πῶρ ἄλλῳ χρόνῳ — какое же будетъ другое время и пр.] Scil. nisi eodem illo tempore, quo nascimur. Штальб. p. 157. Non possumus istas notiones accipere nascentes; quia nascentes eas per-

dimus: nec potes aliquid tempus excogitare, quo eas perdas
Виттенб. р. 191.

93. καὶ τοῦτον διαπραγματεύεσθαι — углубитесь больше въ этотъ предметъ.] h. e. mihi videmini libenter etiam hanc quaestionem tractaturi aliquanto diligentius. διαπραγματεύεσθαι π dicuntur qui studium et operam in re aliqua ponunt, qui de re aliqua quaerunt. Sic с. 45. περί γενέσεως καὶ φθορᾶς τῆς αἰτίας διαπραγματεύεσθαι est quaerere de natura et caussa ortus atque interitus rerum. Фишеръ, р. 321.

94. ἐπαίδειν αὐτῷ — напѣвать ему магическую пѣснь.] ἐπαῖδω = canto; etiam verbis demulcentibus vel persuadentibus utor, consilio admoceo, animum erigo al. (L. A.) Буквально этотъ глаголъ переводится латинскимъ — accinere — припѣвать. Вотъ какъ онъ дѣлаетъ значеніе его Фишеръ. ἐπαίδειν est incantare, exsorcizare h. e. verbis certis et vocibus uti, — carmina vocat Virgilius quibus vulnera sanentur, quibus leniantur morbi, ut corporis, etiam animi, quibus morbi utriusque generis vel leventur, tollantur et depellantur. Pl. Phaed. р. 322. Μαγία — ars magicus является у Грековъ въ самой глубокой древности. Уже въ Одиссеѣ Гомера мы находимъ многочисленныя доказательства существованія у нихъ въ тѣ времена чародѣйства, — искусство которое, по суевѣрному представленію массъ въ грубыя и невѣжественныя времена, даетъ человѣку возможность и брать сверхъестественную власть надъ силами природы и людей, и устраивать свою или чужую судьбу въ томъ или другомъ рошеніи согласно своимъ видамъ и желаніямъ. Сюда относятся очарованный пѣпютокъ Елены, (Od., 4, 220) заговариваніе Одиссея сыновьями Автоликоса, (Odys. 19, 457.) превращеніе Цирцеєю съ помощію волшебнаго жезла и напитка спутниковъ Одиссея и другихъ въ свиней, львовъ и проч., возвращеніе Одиссея помощію обратныхъ средствъ чародѣйства въ прежній видъ (Od. 10, 212, 233, 287) некіомантія Одиссея (Od. 10, 503, 511, 1, sqq.) etc. Здѣсь же, въ указанныхъ мѣстахъ Гомера находимъ и слѣды чародѣйскаго языка, слова — θέλειν, εἶπαι и однокоренное съ нашимъ глаголомъ существительное — ἐπαῖδος. Не буду входить въ дальнѣйшія подробности, потому что это относится уже къ исторіи магіи у Грековъ. Для насъ въ

стоящемъ случаѣ важенъ фактъ въ самомъ общемъ его видѣ, насколько это необходимо для точнаго опредѣленія употребленнаго Сократомъ глагола. И такъ ἐπαΐειν собственно значить напѣвать волшебную, чародѣйственную пѣснь, — пѣснь, которая присутствіемъ въ ней тайной, сообщенной ей мнимо всемогущими, суевѣрными средствами силы покоряла бы всецѣло умы и сердца людей, и заставляла бы ихъ невольно вѣрить тому, о чемъ она поетъ. Противуположный этому по значенію глаголъ ἐξπαΐειν — уничтожать что нибудь въ комъ нибудь съ помощію волшебной пѣсни, исцѣлять кого нибудь отъ чего нибудь посредствомъ пѣсни. Едва ли нужно говорить, что эти выраженія Сократа должны быть принимаемы не въ собственномъ, а въ переносномъ значеніи и понимаемы съ одной стороны въ смыслъ величія предмета, о которомъ пѣсня поетъ, и драгоценности идеи безсмертія для сердца чловѣка, а съ другой — въ смыслъ силы и глубины философскихъ доказательствъ, которыя она должна въ себѣ заключать.

95. μονοειδής ὄν — простою и равною только самой себѣ.] μονοειδής = uniusmodi, simplex. (L. A.) Порусски μονοειδής ближе всего переводится прилагательнымъ — простой (въ смыслѣ метафизическомъ.) Въ понятіе μονοειδής входитъ все, существующее αὐτὸ καθ' αὐτό. Такъ какъ простое по существу неразрушимо, то у Платона μονοειδής соединяется съ понятіемъ τὸ ἀδιάλυτον и противуполагается понятіямъ τὸ πολυειδής καὶ διαλυτόν; εἶτε πολυειδής εἶτε μονοειδής (τῆ ἀληθῆς φύσεως.) Pol. X, 612 A. Шталяб. p. 165. объяснить это прилагательное такъ: dicitur μονοειδής, quod est sibi par et sui simile, quod nihil in se habet admixtum dispar sui neque dissimile.
96. ἀλεγειῶ — кружится какъ опьяняемая.] ἀλεγειῶ — vertigine corripior, titubo; stupeo, obstupesco (L. A.) Vertigine correptus rotatur et circumagitur. Verbum eleganti metaphora dicitur de iis, qui prae iudicii et consilii inopia nesciunt, quid agant et quo se vertant. Шталяб. p. 169.
97. τῷ μὲν δουλεύειν καὶ ἄρχεσθαι τῇ φύσει προστάττει, τῇ δὲ ἄρχειν καὶ δεσπόζειν — тѣлу природа указываетъ повиноваться и находится подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать.] Почему? Отвѣтъ на это находимъ въ Тимеѣ. Душа есть ранѣе явившееся и высшее начало, а потому и господствующее; душа сотворена

раньше, а тѣло позже; вслѣдствіе этого тѣло, по естественному закону, должно подчиняться душѣ. Τὴν δὲ δὴ ψυχὴν οὐχ ὡς ἄν ὑστέραν ἐπιχειροῦμεν λέγειν, οὕτως ἐμηχανήσατο καὶ ὁ θεὸς νεωτέρῃ, ὡ γὰρ ἂν ἄρχεσθαι πρεσβύτερον ὑπὸ νεωτέρου ξυνέρξας ἔιασεν. Γυμ. р. 34 С. Ср. Виттенб. р. 203.

98. ἐὰν μὲν τις καὶ χαριέντως ἔχων τὸ σῶμα τελευταίῃ, καὶ ἐν ταύτῃ, ὦρα καὶ πάνυ μάλα; συμπῶν γὰρ τὸ σῶμα καὶ ταριχευθὲν etc. — если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла, то тѣло продолжаетъ существовать очень долгое время съ той же красотой; тѣло же, изъ котораго вынули внутренности и набальзамировали и пр.] Текстъ этого мѣста весьма труденъ и различно объясняется комментаторами. Штальбаумъ даетъ ему слѣдующее толкованіе. Est enim, говоритъ онъ, totius loci sententia haec: nam sive quis vel in ipso aetatis flore mortuus fuerit, quo tempore corpus propter teneritatem suam putredini maxime est obnoxium, vel hac tali aetate perquam diu durat; potest enim integrum conservari prope immensum tempus Aegyptiorum more conditum medicaminibus; sive corpus in putredinem abierit, sicuti fit, ubi non amplius viride et vegetum fuit, certe nonnullae ejus partes, ossa, ac tendines et quae sunt alia id genus omnia, prope immortales videntur esse. р. 171, sq. Виттенб. дѣлаетъ такое объясненіе: i. e. si quidem quis etiam corpore florente et caeterum bene constituto mortuus fuerit, et simili tempestate. (Imo: atque florente aetate. Nam ὦρα de eximia juvenilis aetatis specie dicitur, ut recte observavit. Heindorf.) р. 205. Не буду приводить другихъ объясненій, потому что ихъ слишкомъ много: сводъ и критическій разборъ мнѣній остальныхъ комментаторовъ см. у Шмидта (Кг. Com. zu Pl. Phaed. v. 1, р. 83—88.) Что касается до меня, то я бы предложилъ такое объясненіе этого мѣста. По моему мнѣнію соединять съ выраженіемъ ἔχειν χαριέντως — цвѣтущій возрастъ жизни, какъ это дѣлаетъ Штальбаумъ, нѣтъ никакой необходимости. Подъ выраженіемъ ἔχειν χαριέντως нужно разумѣти вообще красоту, — будетъ ли она принадлежать тому или другому возрасту человѣка. Такъ и объясняетъ это выраженіе Блшопъ, Pl. Phaed. р. 105. Далѣе, ὦρα имѣетъ то же самое значеніе представляетъ синониму ἔχειν χαριέντως. Такимъ образомъ переводъ будетъ слѣдующій: «если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла»

то тѣло продолжаетъ существовать очень долгое время съ той же красотой.» Послѣ *τελευτήσῃ* должна стоять запятая, (какъ и ставить ее Штальбаумъ, Гейндорфъ и Шмидтъ) а дальнѣйшее — *καὶ ἐν τούτῃ ὥρᾳ καὶ πάντο μᾶλλον* — нужно соединять съ предыдущимъ: *ἔπιμένει*. Крайнее затрудненіе, которое дѣлаетъ непосредственно слѣдующая за тѣмъ частица *γάρ*, при этомъ объясненіи совершенно устраняется. Логическое развитіе мысли слѣдовательно получается такое, какъ бы Сократъ говорилъ слѣдующимъ образомъ: «мы видимъ, что тѣло сохраняется очень долгое время; мало того: оно не только продолжаетъ существовать, но остается долгое время съ той же самой красотой; (если кто умеръ, сохранивъ красоту, слѣд. напр. не истощенный болѣзнію) потому что будучи очищено отъ внутренностей и набальзамировано, оно сохраняется почти въ цѣломъ составѣ и пр. Объ употребленіи *ὥρᾳ* въ этомъ значеніи у Платона см. Аста. Ср. Гроссе, (*Plat. Phaed.*, Halle, 1828 p. 160), Фишера, (p. 335.) Кузена, t. I, p. 362. За тѣмъ дальнѣйшія выраженія: *σῶμα συμπεσον* = *corpus exenteratum, cui viscera et intestina exempta sunt*; *σῶμα ταρχευθὲν* = *corpus medicatum, conditum sale, nitro, aromatis et odoribus, etiam gummi et cera*. Флш. *ibid.* Ср. Виттенб. p. 205.

99. *ἡ δὲ ψυχὴ* — τὸ ἀειδές — εἰς Ἄιδου ὡς ἀληθῶς — душа нѣчто невидимое — въ такое мѣсто, которое и пр. — міромъ невидимымъ.] Въ подлинникѣ игра словъ, непереводаемая по-русски. Душа, начало невидимое, (τὸ ἀειδές) отправляется въ невидимое мѣсто (Ἄιδος — андъ.) См. Виттенб. p. 206, Штальб. p. 173. Прибавка ὡς ἀληθῶς указываетъ на то, что подъ этимъ нужно разумѣть не подземный міръ, какъ обыкновенно представляютъ, а то мѣсто, гдѣ живутъ τὰ ἀειδῆ, τὰ ὄντως ὄντα — невидимыя идеи.

100. *περὶ τὰ μνήματα* — *φάντασματα* — вокругъ могильныхъ памятниковъ — тѣнеобразныя призраки душъ.] *Intelliguntur* *εἰσεσθῆ* *φάντασματα* *umbrae, larvae umbratiales, quae quia credebantur circa sepulcra versari et terrere vivos, propterea ab Apulejo nominantur sepulcrogum terriculamenta*. Штальб. p. 175. Въ мѣсто *φάντασματα* есть и другое чтеніе — *φάσματα*. Смыслъ, впрочемъ, не измѣняется, потому что значеніе обоихъ существительныхъ почти одно и тоже. *φάσμα* = *visum, simulacrum; etiam ostentum s. prodigium*. (L. A.) Древніе Глоссаріи переводятъ *φάσματα* *imagines mortuorum; εἰσε-*

ειδῆ φαντάσματα sunt umbrar. larvae umbratiales. Финн. Народное вѣрованіе о блужданіи нѣкоторыхъ душъ вокругъ гробницъ было, какъ извѣстно, очень распространено вѣности. Лактанцій, Institut. 11, 2, 6: vulgus existimat circa tumulos et corpogum suorum reliquias aberrare. См. р. 208.

101. γαστριμαργίας τε καὶ ὕβρεις καὶ φιλοποσίας — обжорствомъ, томъ и разгульною жизнью.] *Γαστριμαργία* est voracitas, ὁ γαστριμαργός = τῇ κοιλίᾳ μαινόμενος, ἀκρατής, ἀπληστος φάγος, какъ объясняетъ Гезихій. ὕβρεις autem de flagitiis pris intelligendum. φιλοποσίας, — чтеніе принятое Штаальб. Другіе комментаторы (Фишеръ, Виттенбахъ) на основаніи рукописей читаютъ *φιλοτησίας*. Разница въ чтеніи не дѣла въпрочемъ, ни малѣйшей разницы въ смыслѣ; значеніе существительныхъ совершенно одно и тоже, такъ что Астъ отказывается даже отъ опредѣленія *φιλοτησία*, дѣлая при словѣ только ссылку на *φιλοποσία*. *φιλοτησίας* — *propinatione volas, invitationes ad bibendum*. Виттенб. р. 213.
102. καὶ μὴ διεβλαβημένοις — и не избѣгли этихъ пороковъ.] *neque quidquam pensi pudorisque habuerunt*. Фишеръ: οἱ βλαβημένοι: sunt, qui sibi non cauerunt ab istis vitiis, qui fugerunt ista vitia, neque adeo differunt ab iis, qui ante sunt οἱ μεμελετηκότας atque οἱ ἐπιτετηδευκότας. р. 345. Штальб. qui sibi non prorsus ab illis vitiis cauerunt, qui illa modo fugerunt. р. 177.
103. ἢ τῶν φιλομαθεῖ — только любителю знанія.] Прилагательное *μαθής* здѣсь повидимому не точно, потому что блаженство жизни, по взгляду Сократа, принадлежитъ только философамъ, саможъ дѣлѣ однакожъ неточности нѣтъ, потому что оба прилагательныя *φιλομαθής* и *φιλόσοφος* употребляются иногда синонимы. *φιλομαθής* — понятіе родовое; *φιλόσοφος* — видъ всякій *φιλόσοφος* есть вмѣстѣ съ тѣмъ *φιλομαθής*, но не всѣ *φιλομαθής* есть *φιλόσοφος*. Тѣмъ не менѣе обоа эти прилагательныя употребляются иногда одно и другого. Подобный способъ выраженія часто встрѣчается Цицерона, который называетъ философовъ *virī docti et docti*

Виттенб. р. 215. Ср. у Гёца (Götz) Pl. Werke, Ausb. 1842 г. erst. B. р. 137 и у Фиш. р. 346, sq.

104. ἀλλὰ μὴ σώματα πλαττοντες ζῶσι — и живут не для того, чтобы служить тѣлу.] Выраженіе πλαττειν σῶμα останавливается на себѣ вниманіе своею необыкновенностію, въ силу чего Штальбаумъ предполагаетъ въ этомъ мѣстѣ испорченность текста, хотя впрочемъ не утверждаетъ этого положительно. (Locus ut videtur corruptus.) Nam σῶμα πλαττειν, говоритъ онъ, etsi recte dici possunt ii, qui corpus artificiose fingunt, formant, colunt, tamen non recte illi dicuntur, qui corpori inserviunt, ejusque curae molliter sunt dediti. (р. 180.) Вопреки мнѣнію Штальбаума, я думаю, что употребленіе выраженія πλ. σ. и въ этомъ послѣднемъ значеніи не будетъ неправильностію, такъ какъ безраздѣльно отдаваться чувственнымъ влеченіямъ и служить исключительно тѣлу есть тоже самое, что πλ. σ. (принимаемое въ собственномъ смыслѣ) творить, создавать тѣло. Съ этой точки зрѣнія πλ. σ. есть синонима прямого, нефигурального выраженія σῶμα θεραπεύειν, (Фиш. 348) и представляетъ аналогію съ другимъ: πλαττειν ψύχην. Ср. Виттенб. р. 217 и Гёца, р. 140.

105. παραλαβοῦσα — ἡ φιλοσοφία — что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу.] παραλαμβάνειν — dicitur de omnibus iis, qui aliquem accipiunt instituendum, erudiendum praeceptis, monitis, consiliis augendum et formandum omninoque tractandum, ut hoc loco de philosophia, quae studet animum a vinculis corporis liberare et exsolvere. Штальб. р. 180. Въ этомъ значеніи глаголъ этотъ употребляется Платономъ и въ другихъ мѣстахъ. Alcib. I, р. 121 E. Apol. р. 18 B.

106. καὶ τοῦ εἰργμοῦ — δεδέσθαι — и чувствуя крѣпость этой тюрьмы, — крѣпость, которую образуютъ страсти.] Греческій текстъ этого труднаго мѣста представляетъ и различныя чтенія и разныя объясненія. Чтобы дать читателю возможность сравнить эти чтенія и объясненія, и приведу примѣчаніе къ нему Бишофа, у котораго сдѣланъ сводъ и критическій разборъ мнѣній комментаторовъ. Вотъ его примѣчаніе. καὶ τοῦ εἰργμοῦ δευρότητα καθόδοσα, ὅτι δι' ἐπιθυμίας ἐστίν, ὡς ἂν μάλιστα αὐτῶς ὁ δεδεμένος ἐυλόγηπτωρ εἴη τῶν δεδέσθαι — erklärt Heindorf und übersetzt nach ihm Schleiermacher so, dass ὅτι δι' ἐπιθυμίας ἐστίν heisst, das Furchtbare des Gefäng-

nisses ist dies, dass es aus Lust besteht; dieses aus Lust stehen ist seine Furchtbarkeit. Allein erstens hat diese Er sprachliche und sachliche Schwierigkeiten, da das nur a Bestehen doch wohl deutlicher ausgedrückt sein würde, de liegende Gedanke selbst aber kaum richtig und auch ka tonisch ist, da doch Plato schwerlich irgendwo so etwa wie dass der Leib aus Lust bestehe, zweitens schliesst s Folgende, wobei $\omega\varsigma$ als gleichbedeutend mit $\omega\sigma\tau\epsilon$ zu nehme nicht so leicht an, bringt wenigstens einen durch das Vo hende nicht geforderten Zusatz hinzu. Deshalb ist der Erklärung (von Fischer, Stallbaum, Rückert, Ast, Müller) pflichten, wonach $\delta\iota' \epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma \epsilon\sigma\tau\iota\nu$ im Sinne von $\epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\epsilon\acute{\iota}$ gen wird, so dass es sich auf das Folgende bezieht: die Furcht des Kerkers besteht darin, dass er (der Kerker) voll B darnach ist, ihn selbst, seinen Gefangenen (die Seele) zu helfer für dessen eigne Gefangennahme zu gewinnen. nothwendig aber ist es, mit Stallbaum $\epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\omicron\upsilon$ als gleichbee mit $\tau\omicron\upsilon \epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ anzusehen, da es sehr wohl heissen kan Einschluss, die Umzäunung, der Kerker oder das Gitter Schleiermacher übersetzt, welches sprachlich allein zuläs während natürlich sachlich es sich von selbst versteht, d Gefängniss auch das Gefangenhaltende, die Umzäunung d zäunende ist. Die hier gegebene Erklärung scheint auch Schmidt's Bedenken immer noch die beste zu sein und ein als Deuschle's Auffassung der Stelle. Dass es nicht heis $\epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\omicron\nu \kappa\alpha\tau\iota\delta\omicron\upsilon\sigma\alpha \delta\iota$, sondern $\tau\omicron\upsilon \epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\omicron\upsilon \tau\eta\nu \delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\tau\alpha$, nicht hindern, dennoch $\epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\acute{o}\varsigma$ als Subject des Satzes $\delta\iota' \epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma \epsilon\sigma\tau\iota\nu$ zu verstehen, da ja doch offenbar $\tau\eta\nu \delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\tau\alpha$ gesetzt ist für das gewöhnlichere $\tau\omicron\nu \delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\nu \epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\omicron\nu$, um $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\varsigma$ mehr herauszuheben. Will man's nun ganz genau n so kann man sagen, auch zu $\delta\iota' \epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ müsse $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\varsigma$ sein; allein die $\epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha$ kommt doch nimmermehr der $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\varsigma$ sondern auf jeden Fall dem $\epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\acute{o}\varsigma$ zu, denn übersetzen Nüsslin: die Furchtbarkeit ist «Wirkung» der Begierde, da nicht, da dieses sicherlich anders ausgedrückt sein würde $\delta\iota' \epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma \epsilon\sigma\tau\iota\nu$. Es ist ja aber auch gar nicht so beder $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\varsigma$ als Subject zu nehmen, nämlich $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\tau\eta\varsigma \epsilon\acute{\iota}\rho\gamma\mu\omicron\upsilon$, w

dann eben soviel ist als *δεινός εἶργμός*. Nur so, wenn man *δι' ἐπιθυμίαις ἐστίν* nimmt im Sinn von: voll Begierde sein, in Begierde stehen, und als Subject dazu (wenigstens dem Sinn nach) *εἶργμός*, schliesst sich das Folgende leicht an. Denn zu übersetzen mit Deuschle: *ὡς ἂν* «grade wie wenn», ist sprachlich nicht ohne Bedenken, da es dann doch wohl *ὡςπερ* heissen würde, und wird dem Sinn kaum besser Genüge thun, als die von uns angenommene Erklärung dieser Worte, wodurch dieselben ein wesentliches Glied des Satzes werden. Pl. Phaed. p. 114, sqq.

107. *ὁμότροπος τὴ καὶ ὁμότροφος* — приобретаетъ тѣ же свойства и начинаетъ питаться тою же пищею.] Непереводимая по-русски игра словъ. *ὁμότροπος* = qui eisdem est moribus; *ὁμότροφος* = qui eisdem rebus pascitur, vel idem appetit. (L. A.)
108. *τοῦ σώματος ἀναπλέα* — оскверненная тѣлеснымъ.] Синонима *ἀκάρθαρτος*, — *corpore polluta et inquinata*. Штальб.
109. *ἀνήρστον* — μεταχειριζομένην — производить и пр. — станка Пенелопы.] Другими словами: уничтожить то, что сдѣлано. Пенелопа, извѣстная вѣрностью жена Одиссея, желая отклонить своихъ жениховъ отъ ихъ настойчивыхъ исканій, начала ткань и три года сряду распускала по ночамъ то, что успѣвала соткать въ течение дня. Предварительно ея дано было обѣщаніе выдти за-мужъ по окончаніи работы. Какъ Пенелопа сначала производила, а потомъ уничтожала ткань, такъ противоположнымъ этому образомъ (*ἐναντίως*) колеблющійся въ своихъ правилахъ человекъ сначала уничтожалъ бы въ себѣ съ помощію философіи то, что явилось въ немъ какъ результатъ жизни чувственной, а потомъ, возвращаясь къ прежнему, воссоздавалъ бы въ себѣ вновь стремленія, уничтоженныя въ немъ вліяніемъ философіи. Очевидно, что работа философіи надъ душой человекъ была бы въ этомъ случаѣ *ἔργον ἀνήρστον*.
110. *ἐπομένῃ τῷ λογισμῷ καὶ αἰεὶ ἐν τοῦτοσιν οὖσα* — слѣдуя разуму и всегда ему повинуюсь.] *ἔπομαι* имѣеть здѣсь значеніе слѣдовать т. е. повиноваться *παύεσθαι*. Дальнѣйшее: *καὶ αἰεὶ ἐν τοῦτοσιν οὖσα* нѣкоторые комментаторы соединяють съ послѣдующимъ: *τὸ ἀλλοθῆς* — *τραφεμένην*, (см. Гроссе, Plat. Phaed. p. 176.) Но гораздо основательнѣе Штальбаумъ — съ предыдущимъ: *h. e. et semper in eo occupata s. id semper agens, ut rationi obtemperet*.

111. τὸ ἀδόξατον — неизмѣнное для мысли.] т. е. безусловно истинное. Точное опредѣленіе понятія, которое Платонъ соединяетъ съ словомъ *δόξα*, представляетъ величайшую трудность, и можетъ быть предметомъ дѣлаго обширнаго изслѣдованія. Опредѣленіе это тѣмъ труднѣе, что у самого Платона оно представляетъ въ разныхъ діалогахъ различные оттѣнки. (См. Скворцова, Платонъ о знаніи, стр. 180 и сл.) Но вообще понятіе *δόξα* — *opinio*, *sententia* (нѣм. *Vorstellung*) у него противопоставляется понятію *ἐπιστήμη* = *scientia*, *cognitio*. (нѣм. *das Verstehen*.) *δόξα* — мнѣніе — имѣетъ мѣсто въ области видимаго бытія, — предметовъ, о которыхъ мы составляемъ понятіе помощью внѣшнихъ чувствъ; *ἐπιστήμη* — знаніе въ самомъ точномъ и строгомъ значеніи слова, потому что предметъ его — идеи, представляющія вѣчное, неизмѣнное бытіе.
112. οἱ ἐπειδὴν — ἄφοβοι — которые — поютъ и пр.] поэтическое сказаніе о пѣсни умирающей лебеди составляло предметъ всеобщаго вѣрованія у древнихъ. Извѣстіе объ этомъ мы находимъ у многихъ греческихъ и римскихъ писателей. Нѣкоторые натуралисты новаго времени засвидѣтельствовали вѣрность наблюденія, сдѣланнаго древними, и утверждаютъ положительно, что лебеди (изъ породы *cygnus melanoghynchus*; у Линнея — *anas cygnus*) предчувствуя приближеніе смерти, поютъ жалобныя, но въ тоже время самыя нѣжныя и прекрасныя свои пѣсни. Другіе впрочемъ отрицаютъ этотъ фактъ.
113. τὸν Ἀπόλλωνος ὄντας — какъ птицы Аполлона.] Ἀπόλλων — Аполлонъ, по мифологій, сынъ Зевса и Леты (*Λητώ*). Ни у Гомера, ни у Гезіода нѣтъ свѣдѣній о мѣстѣ его рожденія; только гимнъ указываетъ его родину — островъ Делось. Аполлонъ = свѣтлый (*φαιβος*) — богъ порядка, защитникъ закона, всего добраго и прекраснаго въ природѣ и родѣ человеческомъ. Высокое преимущество его передъ другими божествами (кромя одного Зевса) — даръ прорицаній, предвѣдѣнія будущаго. Онъ получилъ этотъ даръ отъ самого Зевса для того, чтобы предостерегать людей отъ несчастій и возвѣщать имъ волю отца боговъ и людей. Онъ по преимуществу — *μάντις*. Одаренный предвѣдѣніемъ будущаго самъ, онъ можетъ сообщать этотъ даръ и другимъ, — богамъ и смертнымъ. (Гермесъ, Калхасъ.) Изъ деревьевъ ему посвященъ лавръ, а изъ птицъ — лебеди. Собрать въ настоящемъ мѣстѣ объясняетъ поэтически инстинктивное предчувствіе умирающей

лебеди и ея послѣднюю, прощальную пѣснь предвѣдѣніемъ, которое она, какъ птица Аполлона, получаетъ непосредственно отъ него самого. См. предыд. примѣч.

114. ἐγὼ δὲ — τοῦ θεσπέσιου — но я считаю и пр. — какъ и онѣ.] По вѣрованіямъ древнихъ душа умирающаго обладала предвѣдѣніемъ будущаго. Такъ умирающій Патроклъ предсказываетъ въ Илиадѣ своему побѣдителю Гектору смерть отъ руки Ахиллеса, II. XVI, v. 851 sqq., а Гекторъ въ томъ же положеніи смерть Ахиллесу отъ Париса. II. XXII, 358 sqq. Дидона у Виргилія, умирая предсказываетъ Энею несчастія въ Италіи, погибель въ битвѣ и вражду между потомками его и ея. Сократъ называетъ въ настоящемъ мѣстѣ Аполлона своимъ повелителемъ (θεσπέσιος) а себя сослужителемъ лебедей (ὀμβρόλολος) именно въ этомъ смыслѣ. Какъ человекъ умирающій онъ обладаетъ предвѣдѣніемъ будущаго и знаетъ, что его ожидаетъ по смерти. Въ эти минуты онъ таинственно посвященъ Аполлону, и раздѣляетъ предвѣдѣніе съ его вѣщей птицей — лебедью.

115. ἐπὶ βεβαιωτέρῳ σχήματι ἢ λόγῳ θεῶν — на болѣе прочномъ кораблѣ или при помощи нѣкотораго рода божественнаго откровенія.] Что здѣсь разумѣется подъ θεῶν λόγος? Отвѣтитъ положительно на этотъ вопросъ не только трудно, но едва ли даже возможно; по крайней мѣрѣ, нельзя указать въ цѣломъ Федонѣ другого вопроса, который бы болѣе затруднял комментаторовъ, и представлялъ болѣе разногласій. По смыслу текста λόγος θεῶν, о которомъ идетъ рѣчь, противопоставляется предыдущему — λόγοι ἀνθρώπων. Последніе, — это rationes et argumenta, quae humano ingenio excogitata et inventa sunt. Что же касается до λόγος θεῶν, то Штальбаумъ дѣлаетъ въ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе. Hic locus interpretes multum vexavit, usque dum ei C. F. Hermannii doctrina et ingenium lucem attulit. Is enim in comment. de magistris Socratis p. 37. scite observavit θεῶν λόγον non esse alium, quam qui divino beneficio atque θεῶν μοίρᾳ hominibus obtingat. Itaque intelligitur ὁδὴ ἀρθή, quam Platonem constat ita tribuisse mortalibus, ut eam totam a θεῶν μοίρᾳ repeteret. Apertum est, говорить онъ въ заключеніе, λόγον θεῶν non esse alium, quam qui antea dictus est βέλτιστος τῶν ἀνθρώπων λόγων. Вопреки мнѣнію Штальбаума и Германа, я думаю, что разумѣть

подъ θεῖος λόγος — ὄβραν ὀρθήν или ἐπιστήμην едва ли позволяет логический ходъ мысли цѣлаго мѣста. Выраженіе λόγος θεῖος весьма ясно противоплагается предыдущему: λόγοι ἀνθρωπῖνοι, и такъ какъ два логически противоположные члена дѣленія взаимно исключаютъ другъ друга, то λόγος θεῖος должно представлять нѣчто отличное отъ предыдущаго. Принимая въ соображеніе то, что Симміасъ говоритъ выше о невозможности, или по крайней мѣрѣ необыкновенной трудности разрѣшенія этого вопроса въ жизни настоящей (ἐν τῷ νῦν βίῳ) и недостаточности для этой цѣли всѣхъ вообще τῶν ἀνθρωπῖνων λόγων — подъ θεῖος λόγος можно разумѣть непосредственное откровеніе божества. Изъ всѣхъ вообще λόγων ἀνθρωπῖνων надобно избирать то, которое окажется наиболѣе твердымъ и основательнымъ, и понеобходимости довольствоваться имъ, за невозможностью основать разрѣшеніе этого вопроса на высшемъ и болѣе совершенномъ началѣ — откровеніи божественномъ.

116. ἐν τῇ ἡρμωμένῃ λύρᾳ — въ хорошо устроенной лирѣ.] est lyra modulata, eine gestimmte Lyra. Штальб.
117. ἐάν τι δοκῶσι προσάδειν — если найдемъ, что они говорятъ истину.] h. e. si quid veri dicere videbuntur. Προσάδειν употреблено здѣсь вмѣсто λέγειν τι, сообразно характеру предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Говорится о гармоніи.
118. εἰ μὴ ἐπαχθές ἐστιν εἰπεῖν — если не будетъ съ нашей стороны нескромностию такъ выразиться.] nisi dictu molestum et invidiosum sit. Sic subinde usurpatur ἐπαχθής de nimia et intempestiva sua aliorumve laudatione, quae ipsis iis, ad quos et de quibus fit, molesta et injucunda est. Виттенб. р. 227.
119. ὁ λόγος οὗτος ἀνταλαμβάνεται — взглядъ этотъ сильно меня увлекаетъ.] h. e. mirifice me capit, ita ut ab altera illa sententia quasi abstrahar et abducar. Штальб.
120. πῶ ὁ Σ. μεθῆλθε τὸν λόγον — какъ Сократъ продолжалъ разсужденіе?] quomodo Socrates persecutus sit et ad finem perduxerit disputationem de animi immortalitate. Штальб.
121. τὰς καλὰς — ἀποχερεῖ — ты обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы.] pulchras has comas tondebis. Греки, какъ и многіе другіе народы древняго востока, имѣли обыкновение въ знакъ траура обрѣзывать себѣ волосы. Такъ поступаетъ Ахиллесъ по смерти Патрокла, Алек-

бандрь—по смерти Геестіона ; точно такимъ же образомъ выражали свою скорбь о потерѣ Александра Персы, а восточные цари — о потерѣ Германика. Иногда обрѣзанные въ знакъ траура волосы были полагаемы на могильномъ курганѣ оплакиваемого лица. Совершенно противоположный обычай существовалъ у Римлянъ и вообще у народовъ западныхъ, которые во время траура отращали волоса. Законодательство евреевъ запрещало выраженіе скорби посредствомъ обрѣзыванія волосъ, въ отличіе отъ обыкновеній сосѣднихъ язычниковъ. Ср. Виттенб. р. 232 и Гроссе, р. 210.

122. *ἄσπερ Ἀργεῖοι* — какъ дѣлали Аргивяне.] Историческій фактъ, на который указываетъ здѣсь Сократъ, сохраненъ Геродотомъ. (1, 82.) Аргивяне, будучи побѣждены въ двухъ сраженіяхъ лакедемонянами, и потерявъ городъ Тирею, обрѣзали себѣ свои длинные волосы, и, подѣ угрозой проклятія за неисполненіе, постановили слѣдующій законъ: ни одинъ гражданинъ не долженъ растить себѣ волосъ, равно какъ и женщины не должны носить золотыхъ украшеній, прежде нежели потерянный городъ не будетъ вновь завоеванъ. Въ противоположность этому, лакедемоняне установили обратный законъ, и съ этихъ поръ носили длинные волоса, чего не дѣлали прежде.
123. *πρὸς δύο ὀδοὶ ὁ Ἡρακλῆς* etc. — говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно сражаться.] Историческое происхожденіе этой, совершенно понятной по мысли и часто употреблявшейся у древнихъ пословицы неодинаково объясняется схоластиками, комментирующими это мѣсто Федона. Наиболѣе впрочемъ удовлетворительнымъ считаютъ слѣдующее объясненіе. Въ то время, когда Геркулесъ, по сказанію мѣа, сражался съ лернейскою гидрой, Гера выслала противъ него огромнаго рака, и Геркулесъ, будучи не въ силахъ одновременно бороться съ двумя чудовищами, призвалъ на помощь Іолая. Этотъ послѣдній часто раздвѣлялъ съ Геркулесомъ его подвиги. *Ἰόλαον μὲν δὲ τὰ πολλὰ Ἡρακλεῖ συγχάμνειν λέγουσιν.* Paus. VIII, р. 629.
124. *τὸν Ἰόλαον* — Іолай.] Іолай или Іолей, сынъ Ифikle, постоянный спутникъ и оруженосецъ Иракла. Въ сраженіи Геркулеса съ тысячеглавою лернейскою гидрой онъ оказалъ ему помощь, выжигая горящими головнями въ туловищѣ змѣя тѣ мѣста, на которыхъ находились отсѣаемыя Геркулесомъ головы. (Иначе трудъ Гер-

куеса былъ бы бесполезенъ, потому что намѣсто каждой отсѣкаемой головы мгновенно выросло двѣ новыхъ.) Съ помощью Юлая Геркулесу удалось такимъ образомъ овладѣть безсмертной головой змѣя. Зарывъ ее въ землю и наваливъ на это мѣсто тяжелый камень, онъ этимъ способомъ побѣдилъ и умертвилъ гндру.

125. καὶ αὐτὸς ἕτερος καὶ ἕτερος — и точно такимъ же образомъ другое и третье.] Кэри (Cary, the Works of Plato, vol. 1, p. 95.) находятъ невѣрнымъ переводъ этого мѣста у Аста и Бузена, — и, по моему мнѣнiю, онъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ. Соотношенiе съ предыдущимъ, — разсужденiе о томъ, какъ люди дѣлаются мизантропами, — ясно показываетъ, какъ нужно перевести ἕτερος καὶ ἕτερος.
126. ἀντιλογικῶς — людьми, которые любятъ разсуждать за и противъ известной истины.] ἀντιλογικός = contra dicendi peritus, disputator contentionis studiosus. Отсюда: ἡ ἀντιλογική = ars contra dicendi s. in contrariam partem disputandi. ἀντ — οὐς: qui rationi de omnibus in utramque partem disputandi operam navant.
127. ἄνω καὶ κάτω στρέφεται — катится впередъ и назадъ.] h. e. omnia esse incerta nec praebere ullam scientiae firmitatem et constantiam. Штаальб. Платонъ часто употребляетъ это выраженiе, говоря о непостоянствѣ и измѣняемости чего нибудь. ἄνω καὶ κάτω или просто: ἄνω κάτω (последнее рѣже.)
128. ὡςπερ ἐν Εὐρίπῳ — какъ въ Эврипидѣ.] Пословица, выражающая непостоянство, вѣчную измѣняемость чего нибудь. Отсюда выраженiя: εὐρίπιστος или εὐρίπος ἄνθρωπος — непостоянный, ненадежный человекъ. Эврипидъ — названiе бурнаго пролива между Беоцией, Аттикой и Эвбеей; волны его, по причинѣ безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, каждыя сутки семь разъ перемѣняли мѣста. Ливий (28, 6, 10) изображаетъ его еще болѣе бурнымъ. Fretum ipsum Euripi non septies die, sicut fama fert, temporibus statis reciprocatur; sed temere in modum venti, nunc huc, nunc illuc verso mari, velut monte praecipiti devolutus torrens rapitur.
129. ὡςπερ μέλιττα — ἐγκαταλιπὼν — какъ пчела, оставляющая и пр.] Аэкинский комикъ Эвполисъ (въ пьесѣ δῆμοι) сказалъ о Периклѣ въ то время, когда этотъ послѣднiй старался возбудить своихъ согражданъ къ начатию пелопонезской войны: οὕτως ἐκῆλει καὶ

μόνος τῶν ῥητόρων τὸ κέντρον ἐγκατέλειπε τοῖς ἀκρωμένους. Подобнымъ же образомъ о силѣ и убѣдительности перикловой рѣчи выражается и Цицеронъ. Cic. de Orat. III, 34. tantamque in eo (Pericle) vim fuisse (dixerunt) ut in eorum mentibus, qui audissent, quasi aculeos quosdam relinqueret.

130. καὶ πάσχειν ἂν ταῦτα ὁ λόγος εἰ ὀρθῶ etc. — что это рассужденіе— его принять и проч.] h. e. et rationi s. disputationi nostrae putas ne fore, ut hoc accidat, si quidem vera esset illa sumtio, quae animum ait esse harmoniam? Штаальб.
131. οὐ λέγει τὸν Ὀδυσσεά — гдѣ онъ говоритъ объ Одиссеѣ.] Odys. XX, 17.
132. ἢ καθ' ἀρμονίαν — чѣмъ-то гораздо болѣе божественнымъ, чѣмъ гармоніа.] «quam ut cum harmonia comparari possit.» pervulgata loquendi ratione. Штаальб.
133. τὰ μὲν Ἀρμονίας — теперь еванская Гармонія и пр.] Игра словъ, каламбуръ. Симміасъ доказывалъ, что душа есть гармонія. Такъ какъ оба философа, Симміасъ и Кебесъ, были еванцы, то Сократъ шуточно называетъ изложенную Симміасомъ теорію гармоніи именемъ личности, извѣстной въ еванской исторіи — Гармоніи, дочери Ареса и Афродиты и жены Кадма. Продолжая тотъ же шуточный тонъ, Сократъ даетъ и Кебесу имя Кадма, намекая можетъ быть на то, что Кебесъ поставилъ весьма сильное возраженіе противъ безсмертія души и слѣдовательно представляетъ нѣкоторое сходство съ Кадмомъ, заложившимъ крѣпость Кадмею.
134. μὴ μέγα λέγε, μὴ τις ἡμῶν βαττανία — не осыпай меня такими похвалами и пр.] Μὴ μέγα λέγε — ne magna loquaris. βαττανία = invidia, fascinatio. Гордыя, высокоумѣрныя рѣчи, заключающія въ себѣ самовосхваленіе, оскорбляютъ божество, и вызываютъ его мщеніе. Сократъ боится, чтобы похвалы, которыя дѣлаетъ ему другъ, не возбудили зависти со стороны божества. βαττανία вм. φθόνος.
135. Ὀμηρικῶς ἐγγὺς ἴοντες — схватившись другъ съ другомъ, какъ герои Гомера.] Выраженіе ἐγγὺς ἴεσθαι употребляется у Гомера при описаніи борьбы героя съ противникомъ, (Il. 4, 496; 5, 611.) слѣдовательно выражаетъ непріязненное отношеніе. Auf gut homerisch an einander tretend, d. h. als wackere Kämpfer.
136. περὶ φύσεως ἱστορίαν — наукой о природѣ.] Кэри (Plat. W. v. 1, p. 102.) переводитъ это выраженіе: a history of nature. (Такъ переведено и у Карпова — «исторіей природы». Соч. Пл. ч. II,

- стр. 114.) Неточно. ἡ. π. φ. ἰ. не исторія природы, (такой науки не было у древнихъ, также какъ не существуетъ у насъ) а наука о природѣ. Виттенб. i. e. sapientias, quam vocant cognitionem naturae, i. e. partem philosophiae physicam. p. 247. Ср. Штазьб. p. 229. См. Wörterburch der Plat. Philos. Wagner, Götting. 1799, p. 8.
137. ὡς τινες ἔλεγον — какъ утверждали нѣкоторые.] Ионійскіе философы — Анаксагоръ (Diog. Laërt. 11, 9.) и его ученикъ Архелай (D. L. 11, 16.)
138. τὸ αἷμα ἐστὶν — кровь та сила и пр.] Мнѣніе Эмпедокла. (D. L. VII, 159.)
139. ἢ ὁ αἶθρ — или воздухъ.] Ученіе Анаксимена.
140. ἢ τὸ πῦρ — или огонь.] Ученіе Гераклита.
141. ὁ δὲ ἐγκέφαλος — а мозгъ и пр.] Мнѣніе это было сильно распространено въ древности. (D. L. VIII, 30.)
142. λαβούσης τὸ ἤρεμεῖν — пришедши въ состояніе покоя.] ἤρεμῶ = quiesco, vel quietus sum, etiam taseo. (L. A.) т. е. отдавшись тому внутреннему, спокойному, ничѣмъ не возмущаемому и не развлекаемому созерцанію, о которомъ Платонъ говорилъ во вступительной части діалога, опредѣляя значеніе чистой мысли въ дѣлѣ познанія. Только при такомъ условіи и при такомъ способѣ изслѣдованія возможно ἐπιστήμη, — истинное, дѣйствительное знаніе, потому что δόξα, относясь къ кругу явленій міра видимаго, представляетъ собою нѣчто такъ же измѣняющееся, какъ и самыя явленія.
143. ὡς ἔφη Ἀναξαγόρου — (изъ книги, написанной) какъ онъ сказалъ Анаксагоромъ.] Объ Анаксагорѣ см. прим. 82 и въ анализѣ конца VII-ой гл.
144. εἰ ἐν μέσῳ etc. — въ центрѣ міра.] Ученіе ионійцевъ и элеатовъ. Laërt. IX, 2.
145. νῆ τὸν κόνα — клянусь собакой.] Употребленная Сократомъ клятва часто встрѣчается у Платона и въ другихъ діалогахъ, равно какъ у Атеней и Лукіана. Какой ея смыслъ? Кажется, что ей не должно придавать другого значенія кромѣ того, какое имѣютъ иногда шуточные выраженія подобнаго рода и у насъ. По крайней мѣрѣ едва-ли можно думать, что Сократъ опирался въ этомъ случаѣ на сомнительный примѣръ Радаманта, и употреблялъ шуточную

форму клятвы, желая избѣгать по религіозному чувству призванія въ разговорахъ имени боговъ. Мы встрѣчаемъ примѣры, что онъ клянется Герою (*νῆ τῆν Ἦραν.*) Въ Горгіи формула этой самой клятвы встрѣчается съ прибавкою: *τὸν Αἰγυπτίων θεόν.* Разумеется, что и эта прибавка также не что иное, какъ шутка, и нѣкоторые церковные писатели (Лактанцій) совершенно несправедливо обвиняютъ по этому поводу Сократа въ нечестіи.

146. *ἤ περὶ Μέγαρα ἢ Βοιωτῶς* — подлѣ Мегары или среди Беотіи.] Мегара и Беотія — области, пограничныя съ Аттікой. Сократъ называетъ здѣсь именно эти области потому, что ему было легко, по самой близости ихъ къ Аѳинамъ, найти себѣ убѣжище въ которой либудь изъ нихъ, если бы онъ захотѣлъ послѣдовать совѣту своихъ друзей и спастись бѣгствомъ. *Vid. Crit. p. 45 A. sq. et pag. 53 B.*
147. *δίνην περιπέεις τῆ γῆ ὑπὸ τοῦ οὐρανοῦ* — окружаетъ землю вихремъ, производимымъ небесами.] *Iungendum, orinor, δίνην ὑπὸ τοῦ οὐρανοῦ, vorticem qui a coelo fit, говоритъ Штальбаумъ. Verte: alius quidem turbinem circumdans terrae, quo coelum eam vertat, stabilem scilicet eam facit.* Виттенб. p. 255.
148. *ἀλλὰ ἤγούναται—τοῦτου Ἄτλαντα* — надѣются найти наконецъ Атласа.] Именемъ Атласа здѣсь обозначается универсальная всесозидающая и всеодержающая творческая сила. Атласъ — Ἄτλας — Титанъ, сынъ Титана Япета и Климены или Азіи, братъ Прометея и Эпиметея. *Hesiod. theog. 507.* Это — мудрый богъ, который знаетъ морскія глубины и поддерживаетъ столбы, подпирающіе небо и землю. По объясненію нѣкоторыхъ, Атласъ представляетъ олицетвореніе горы, которую народныя вѣрованія дѣлали опорой небесъ. Когда вполнѣдствіи времени имя горы превратилось въ имя лица, самый мнѣ нѣсколько измѣнился, такъ какъ личность, при подобномъ представленіи, была бы лишена произвольнаго движенія: вслѣдствіе этого Атласъ поддерживаетъ столбы, подпирающіе небеса. Гора касается вершиною небесъ, а основаніемъ упирается въ морское дно. Поэтому-то Атласъ знаетъ морскія глубины, и, какъ всѣ морскіе боги, представляетъ собою мудрѣйшее, всевѣдущее божество. По Гезіоду (*theog. 517.*) Атласъ долженъ былъ носить на головѣ и плечахъ небесный сводъ, въ наказаніе за участіе, которое онъ принималъ въ борьбѣ титановъ

съ олимпійцами. Мнѣнскія сказанія помѣщаютъ его обыкновенно на крайнихъ предѣлахъ запада, въ сосѣдствѣ съ океаномъ и геесперидами; онъ обладаетъ большими стадами и садами геесперидъ. Позднѣйшія преданія дѣлаютъ изъ него африканскую гору Атласъ и рассказываютъ, что онъ, сдѣлавшись царемъ въ Лорикѣ, былъ превращенъ Персеемъ съ помощью головы Медузы въ гору за то, что отказалъ ему въ гостепрѣимствѣ. Другія преданія помѣщаютъ Атласа въ Аркадіи. По объясненію нѣкоторыхъ толкователей иеововъ, Атласъ есть не что иное, какъ математикъ и астрономъ, изобрѣтатель небеснаго глобуса.

149. οὐ γὰρ—ἐν γὰρ ὡρῶ — τὸν ἐν—τοῖς ἔργοις — потому что я не признаю также точно — въ сущности.] Текстъ этого мѣста представляетъ различныя объясненія у комментаторовъ. Шмидтъ (Krit. Comment. zu Plat. Phaed., zw. Hälfte, p. 27.) отдаетъ предпочтеніе объясненію Аста. Die richtige Erklärung, говоритъ онъ, hat Ast gegeben. Sie lautet: «Sensus est: Falsa fortasse usus sum similitudine, dum rerum perscrutationem per rationes comparavi cum solis spectatione in aqua vel tali re, siquidem illi, qui solem in aqua spectant, non ipsum solem sed tantum ejus imaginem cernunt, contra ii qui res per rationes perscrutantur (h. e. qui νοούμενα ποφαινόμενα intuentur) non imagines cernunt, sed veram rerum naturam cognoscunt. Я перевелъ это мѣсто почти буквально, не упуская однакожъ изъ виду логическаго развитія цѣлой мысли и соотношенія предыдущаго съ послѣдующимъ. Точно такое объясненіе даетъ этому мѣсту и Кэри, вездѣ сохраняющій буквально близость къ подлиннику. Вотъ его переводъ. I do not altogether admit that he who considers things in their reasons considers them in their images, more than he does who views them in their effects. Pl. W. v. 1, p. 106.)
150. τὰς ἄλλας — τὰς σοφὰς — съ ихъ утонченностями.] Сократъ говоритъ съ очевидною ироніей.
151. οὐ γὰρ ἐστὶ τὸ αὐτὸ ἀποφραζόμενα — я не утверждаю относительно этого божье.] nam quaedam ratio inter res singulares earumque species aeternas intercedat, id nondum certo dixerim. Шталяб. p. 245.
152. τέρας εἶνα: — составляетъ странность.] τέρας = monstrum. (L. A.) τέρας vocatur in dialecticis τὸ παράδοξον, ἀτοκον, ἀδύνατον. Шталяб. p. 246.

153. τὸ λεγόμενον — по пословицѣ.] quod est in proverbio, ut in proverbio dicitur. Штальб.
154. ἐγρόμενος ἐκαίνοῦ — τῆς ὑποθέσεως ἔχοντο — не держался ли бы ты и пр. — нападать на самое начало.] h. e. firmiter amplexus tutam illam rationis partem, sic responderes: si quis vero ipsam rationem oppugnaret, valere juberet eum — . Выражение: ἐγρομαι τινος имѣетъ два различныхъ значенія. Одно — aliquid apprehensum firmiter tenere, ei adhaerescere; другое — aliquid apprehendere, invadere, aggredi. Виттенб. р. 260, sq.
155. οἱ ἀντιλογικοί — люди, любящіе разсуждать за и противъ известной истины.] Софисты. Черта, которую указываетъ въ настоящемъ мѣстѣ Сократъ, составляетъ ихъ отличие отъ философскихъ школъ другихъ направленій. Характеръ софистовъ съ этой стороны такъ известенъ, что имя ихъ обратилось въ пословицу. Тѣмъ не менѣе однакожъ установившійся по преданію взглядъ на значеніе софистовъ отвергается, какъ известно, очень многими изслѣдователями. Платонъ, не любившій софистовъ, говоритъ о нихъ вездѣ съ ироніей. (См. Льюиса, Ист. филос. стр. 103 и дал.)
156. ἐγγραφικῶς ἐρεῖν — я выражаюсь съ точностью людей списывающихъ рукописи.] Определеніе точнаго значенія ἐγγραφικῶς составляетъ предметъ разнорѣчій между комментаторами. Фишеръ переводитъ historicorum more; Виттенбахъ scriptorum civilium s. publicorum ratione; Гейндорфъ — quasi συγγραφῆν sive chirographo cauendum sit — объясненіе, съ которымъ соглашается и Штальбаумъ. (Prostrema interpretatio proxime ad verum accedit.) Асть: ἐγγραφικῶς = ita ut in syngrapha fit, h. e. quam accuratissime. (L. A.) Последнее объясненіе мнѣ представляется наиболѣе удовлетворительнымъ. Сократъ какъ будто хочетъ предупредить упрекъ собеседниковъ, что онъ такой темный и трудный вопросъ (объ идеяхъ) разрѣшаетъ такъ твердо и положительно. (ἐγγραφικῶς = выражается съ точностью людей, пишущихъ рукописи.) Соотношеніе предыдущаго съ послѣдующимъ выраженіемъ: ἀλλ' οὖν ἔχει γέ που ὡς λέγω — «но это дѣйствительно такъ, какъ я говорю,» вполне оправдываетъ такое объясненіе ἐγγραφικῶς.
157. ἀνδρικῶς — кстатк.] ἀνδρικῶς = fortiter, audacter; probe. (L. A.) gnauiter—rem memoriter retulisti. Solent enim vocabula a pugna et certamine repetita ad disputationem transferri. Штальб. р. 253.

158. μετὰ τοῦ ἑαυτοῦ ὀνόματος καὶ τοῦτο καλεῖν — вмѣстѣ съ его собственнымъ называть и этимъ именемъ.] quod tamen, praeterquam quod suo ipsius nomine appellatur, etiam nomine τοῦ περιττοῦ appellandum est.
159. καὶ ὁ ἕμισος τοῦ ἀριθμοῦ ἅπας — и всякое другое непарное.] половинный рядъ чиселъ. Противуполагается непосредственно слѣдующему за тѣмъ: ἅπας ὁ ἕτερος στίχος τοῦ ἀριθμοῦ.
160. ἀρ' οὖν, ἔφη, ὦ Κέβητος, τάδε εἶη ἄν — не будутъ ли это, любезный Кебеть, именно тѣ (вещи) и пр.] Все это мѣсто, а особенно слѣдующее послѣ словъ—οὐ γὰρ Χεῖρον πολλάκις и пр. представляетъ чрезвычайную трудность, въ чемъ соглашаются рѣшительно всѣ комментаторы. Perobscura sunt, говорить Штальбаумъ, quae deinceps sequuntur. Quae si quam habent explicationem etc. Я при переводѣ этого мѣста удержалъ то объясненіе, которое обыкновенно даетъ ему большая часть комментаторовъ. Приведу полный переводъ его, сдѣланный извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ П. М. Леонтьевымъ, — (переводъ составленный, какъ говоритъ переводчикъ, при дружественномъ содѣйствіи М. Н. Каткова.) Вотъ его примѣчаніе. «Слѣдующее за симъ (приведеннымъ въ началѣ нашего примѣчанія греческимъ текстомъ) мѣсто представляетъ въ подлинникѣ важныя затрудненія относительно смысла, происходящія по всей вѣроятности отъ вставки въ текстъ не относящихся къ нему словъ. Шлейермахеръ перевелъ его буквально, но непонятно и даже не согласно съ его очевиднымъ смысломъ. За тѣмъ слѣдуетъ переводъ. — Не то ли это, Кебеть, сказалъ онъ, что, овладѣвая вещью, вынуждаетъ ее имѣть не только свою собственную идею, но и идею чего либо всегда чему либо противоположнаго? — Какъ ты это говоришь? — А такъ, какъ сейчасъ говорили: ты вѣдь знаешь конечно, что все овладѣваемое идеею трехъ, вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ? — Конечно. — Но всѣмъ стало-быть подобнымъ вещамъ не подойдетъ идея, протівная той формѣ, которая производитъ въ нихъ это качество. — Нѣтъ, не подойдетъ. — Здѣсь же производится оно вѣдь формою нечета? — Да. — Но вѣдь нечету противоположна идея чета? — Да. — Стало-быть къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета? — Очевидно никогда. — По этому число три не имѣетъ ничего общаго съ идеей чета. — Ничего общаго. — И такъ число три есть

нечетное.—Да.—А я намѣренъ былъ опредѣлить, что такое, не будучи чему либо противоположно, не принимаетъ однако его, подобно троичѣ, которая, хотя и не противна чету, однакожь все таки не принимаетъ его (ибо всегда несетъ съ собою нѣчто противоположное чету), или подобно двоичѣ, не принимающей нечета, огню, не принимающему холода, и такъ далѣе. Посмотри же теперь, не опредѣлишь ли этого вотъ какъ: не только противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то, что вносить во все, во что ни входитъ, одну изъ противоположностей, само это, вносящее противоположность, отнюдь не принимаетъ противнаго вносимому имъ. Повторимъ еще разъ (ибо не худо и нѣсколько разъ выслушать): число пять не приметъ образа чета, а образа нечета не приметъ число десять, въ которомъ пять удвоено. Да и само двойное, хотя противоположно нечету, а иногда чему нибудь, однакожь не приметъ образа нечета. А равно не приметъ образа цѣлаго числа часть полуторная и ничто подобное, напримѣръ половина или треть и такъ далѣе. (Пропил. кн. V, стр. 63 и слѣд.).

161. λέγω δὲ παρ' ἦν τὸ πρῶτον ἔλεγον ἀπόκρισιν — я требую этого, находя, кромѣ того безопаснаго способа отвѣтовъ, который я употреблялъ выше]. Фишеръ: Volo a te mihi ita responderi, quia video et intelligo (ὁρῶν) ex iis, quae modo disputavimus (ἐκ τῶν νῦν λεγομένων p. 104 D. sqq.) praeter illam responsionem, quam supra (παρ' ἦν τὸ πρῶτον ἔλεγον ἀπόκρισιν p. 100 D. ὅτι τῷ καλῷ τὰ κατὰ γίνεταί κατὰ κ. τ. λ.) ostendi dari posse, recte et sine ullo erroris periculo (τὴν ἀσφάλειαν) dari posse aliam aequae veram et certam. (ἄλλην ἀσφάλειαν). p. 440.
162. ἄμουσον — немзыкальнымъ]. ἄμουσος — a musica alienus, musicae imperitus; a musica vel poësi et in univ. a doctrina alienus, inelegans, turpis (L. A.) Противуполагается понятію — μουσικός. Я перевелъ буквально — немзыкальный, желая избѣжать перифраза. (Точно такъ переводить и Кэри — unmusical.) Но «немзыкальный» не нужно принимать въ нашемъ значеніи слова. Что разумѣли Греки подъ музыкой (μουσική) объ этомъ см. примѣч. 26.
163. τὴν ἀνθρωπίνην ἀσθένειαν ἀπεμάζων — сознавая человѣческую сла-

бость.] i. e. humanam imbecillitatem tantae rationum magnitudinis perspicuendae impariorem existimans. Виттенб. р. 276.

164. Τοῦ παντός ἀπαλλαγῆ—прекращеніемъ всякаго бытія.] т. е. нѣмымъ и совершеннымъ уничтоженіемъ, — уничтоженіемъ не только тѣла, но и души.
165. ὁ ἐκάστος δαίμων δεσπερ ζῶντα εἰλήχει — каждый умершій — тѣмъ демономъ, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе жизни.] Δαίμων — Даэмон. У Гомера еще нѣтъ существеннаго различія между словами δαίμων и θεός. Только у Гезіода впервые являютъ демоны, какъ второй разрядъ существъ, стоящихъ выше члвчвѣка. Въ Ор. et dd. 122, онъ говоритъ, что люди золотой вѣка, по окончаніи земной жизни сдѣлались демонами, — блаженными, превышеземными существами, хранителями людей. Невидимые обтекающая всю землю, они оберегаютъ права и собственность ихъ. Каждый члвчвѣкъ получаетъ на все время земной жизни своего демона, который служитъ ему спутникомъ и руководителемъ, — представленіе близко подходящее къ христіанскому ученію объ ангелахъ-хранителяхъ.
166. ὡς ὁ Αἰσχύλου Τήλεφος — Телефъ у Эсхила.] Τήλεφος, — Телефъ — аркадянинъ, сынъ Геракла и Авги, дочери аркадскаго царя Элеоса. По приказанію царя мальчикъ былъ брошенъ на паренійскій горѣ (in monte parthenio) и вскормленъ ланью, откуда получилъ и имя Телефа (отъ глаг. θηλάζειν = lactare и ἔλαφος = cervus.) Когда онъ впоследствии времени является при дворѣ мизійскаго царя Тевтранта, то Авге, на которой этотъ послѣдній женился, сдѣлалась снова его матерью, а Тевтрантъ, который обходился съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ, сдѣлалъ его наследникомъ мизійскаго престола. Трагедія Эсхила, о которой здѣсь упоминаетъ Платонъ, также какъ и эврипидовская подтѣмъ же названіемъ, до насъ не дошла.
167. οὐκ ἀγνοεῖ τὰ παρόντα — не оставаясь въ неизвѣстности относительно настоящаго своего положенія.] Гейзде предлагаетъ вѣсть ἀγνοεῖ чтеніе ἀγανακτεῖ; но другіе комментаторы (Виттенбахъ, Штальбаумъ) весьма основательно отвергаютъ эту конъектуру. Виттенбахъ переводитъ слѣдующимъ образомъ: non ignorat res praesentes: praesens conditio ei non plane nova et inexpectata

accidit : agnoscit eam sibi jam antea meditatione mortis et philosophia cognitam. p. 285.

68. ὁπὸ τῶν περὶ γῆς εἰσθότων λέγειν — какою изображаютъ ее тѣ, которые обыкновенно о ней разсуждаютъ.] Трудно сказать, какую именно философскую школу разумѣетъ здѣсь Платонъ. Изслѣдованіемъ вопроса о видѣ и положеніи земли занимались многіе философы — Фалесъ, Анаксимандръ, Анаксагоръ, Пиеагоръ и друг. Кажется, однако, что здѣсь разумѣются пиеагорейцы. Штальбаумъ.
69. οὐχ ἡ Γλαύκου γέ μοι τέχνη δοχεῖ εἶναι — мнѣ кажется не нужно искусства Главка.] Пословица, употреблявшаяся о дѣлѣ, не представляющемъ особенной трудности. Историческое происхожденіе ея объяснить довольно трудно, такъ какъ грамматикки противорѣчатъ въ этомъ случаѣ другъ другу. Главокъ — полумифическое имя художника, въ дѣйствительности лица котораго сомнѣвались уже древніе. Одни комментаторы разумѣютъ подъ этимъ именемъ Главка изъ Хиоса, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, (1, 25.) а другіе — сомненнаго ему музыканта.
70. εἰ ἔστιν ἐν μέσῳ τῆ οὐρανῶ — если земля находится посреди небесъ и пр.] Форстеръ : Ita eam collocari statuit Socrates, ap. Aeschinem p. 112 ed. Clerc. et Plato in Tim. p. 40 C. et in Phaedro p. 247 A.) An vero ibi secundum hunc circa centrum suum volvatur, an prorsus quiescat inter Arist. de coelo II, 13 et Proclum in Tim. p. 280 sqq. nequaquam convenit.» Прокъ пользуется этимъ мѣстомъ для опроверженія тѣхъ, которые, на основаніи разныхъ мѣстъ Тимея, думали приписывать Платону мнѣніе, что земля обращается вокругъ своей оси, а не стоитъ неподвижно.
71. μέχρι Ἐρακλείων στῆλων ἀπὸ Φάσιδος — отъ фазиса до геркулесовыхъ столбовъ.] Штальбаумъ : nos qui terram habitemus inde a Phaside usque ad columnas Herculis, h. e. qui Europam incolamus. Φάσις = рѣка въ Малой Азіи. Въ древности она составляла границу между Европой и Азіей, а позже — границу между Азіей и Колхидой. Рѣка извѣстная подъ этимъ именемъ въ позднѣйшія времена, есть безспорно нынѣшній Ріонъ; но Фазисъ Эхила, (tragm. 177) по мнѣнію ученыхъ — нынѣшняя Бубань. Крайнюю противоположность ея отъ востока къ западу Европы составляютъ — Ἐρακλείων στῆλαι — Геркулесовы столбы (гибралтарскій

проливъ.) По мифическому преданію, скалы, соединившія нѣкогда Аѳрику съ югомъ Испаніи, были раздвинуты Геркулесомъ, (откуда и древнее названіе пролива.) *Mela*, 1, 5, 14 sqq. *Deinde est mons praecaltus, ei quem ex adversa Hispania attollit objectus; hunc Abylam, illum Calpen vocant, columnas Herculis utrumque. Addit fama nominis fabulam, Herculem ipsum junctos olim perpetuo jugo diremisisse colles, atque ita exclusum antea mole montium oceanum, ad quae nunc inundat, admissum.*

172. τὴν τε λειότητα — блестя.] Исправленіе сдѣланное Стефаномъ и принятое Штальбаумомъ. Другіе издатели (Фишеръ, Виттенбахъ) сохраняютъ согласно съ кодексамн τελειότητα. Я держался чтенія Штальбаума и думаю, что логическія основанія этого чтенія настолько тверды, что его рѣшительно можно предпочесть. (См. Штальб. р. 280; ср. Фиш. р. 465.)
173. καὶ γῆ καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις τε καὶ φυτοῖς — землѣ и животнымъ и растеніямъ.] et praeterea animalibus et plantis. Штальб. Употребленіе ἄλλος въ такомъ значеніи весьма обыкновенно.
174. φρονήσαι — способностями ума.] Въ нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) кодексахъ—δσφρήσαι; но первое чтеніе имѣетъ рѣшительный перевѣсъ. Было бы очень странно, если бы Платонъ, говоря о высокой природѣ жителей рая, ограничился только указаніемъ на нхъ физическое превосходство, — совершенство тѣлесныхъ чувствъ, и ни слова не упомянулъ бы о томъ, въ чемъ выражается дѣйствительное совершенство людей — способностяхъ ума. Сверхъ того непосредственно за этимъ слѣдующее καὶ πᾶσα τοῖς τοιοῦτοις конечно не было бы прибавлено, если бы дѣло шло только о предметахъ однородныхъ.
175. θεῶν ἄλση τε καὶ ἱερά — священныя рощи и храмы боговъ.] Ἄλσος = saltus, nemus, lucus. (L. A.) ἱερόν = templum vel sacellum. Ἄλση τε καὶ ἱερά h. e. luci s. nemora diis consecrata atque fana in iisdem extracta. Deinde φῆμαι sunt voces deorum. Штальб.
176. ὥσπερ ἐν Σικελίᾳ — на подобіе того какъ — въ Сициліи.] Потокъ горячей лавы, который описываетъ здѣсь Платонъ, выходитъ изъ горы Этны. О немъ говорятъ Диог. Лазрц. V, 39; Діодоръ Сицилійскій V, 6 и XIV, 59.
177. ὥσπερ Ὀμηρος — это самое — Гомеръ.] *Iliaid.* VIII, 14.
178. πυθμένα οὐκ ἔχει οὐδὲ βάσιν — не имѣетъ ни дна, ни основанія.]

i. e. hic liquor nec fundum nec fundamentum habet. Ratio est, quod in medio terrae positus et quasi conglobatus ipse se sustinet, vi sua et natura centrum suum undequaque petens. Itaque αἰωρεῖται i. e. in sublimi suspensus tenetur. Sed idem κυμαίνει ἄνω καὶ κάτω fluctuat sursum ac deorsum, i. e. quaquaversum superficiem terrae appetit. Nam ἄνω et κάτω intelligenda sunt non duo tantum, sed omnia hujus terrae sibi e diametro opposita loca. Виттенб. р. 301.

179. ὅταν τε οὖν—οἱ ἐπαντλοῦντες — на подобіе того, какъ дѣлають люди, качающіе воду.] ἐναντλῶ = infundo vel transfundo. Passiv. infundendo impleor. Виттенбахъ объясняетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ. Haec ita inteiligenda sunt: quando igitur aqua per impetum suum recedit in locum nobis e diametro oppositum, quique scilicet infra vocatur, nec tamen infra est, siquidem in terra nil proprie infra et surpa est: sed quum aqua in illum locum recessit, tunc in flumina, quae illic sunt, ex inferiore terra (διὰ τῆς γῆς) emergens influit, eaque implet: ut apud nos faciunt hi, qui aquam antlia haurientes eam alteri aquae affundunt. ibid.

180. τοῦ χάριαι δ' ἄρα ὄντα κ. τ. λ. — и въ числѣ и пр.] Проклъ (in Rempublicam р. 396) говоритъ, что Платонъ заимствовалъ слѣдующее за тѣмъ описаніе рѣкъ у Гомера. ὁ ἐν τῷ Φαίδωνι Σωκράτης καὶ τῶν ποταμῶν ἐκείθεν (ab Homero) τὴν ἱστορίαν παρείληψε. Штальбаумъ рѣшительно отвергаетъ это заимствованіе. Multum sane fallatur, говоритъ онъ, si quis hanc Platonis descriptionem homericam esse putet. Затѣмъ онъ указываетъ самыя черты различія описанія гомерическаго отъ описанія Платона. (Подробности см. въ самомъ примѣч. Штальбаума р. 288, sqq. Ср. Виттенб. р. 302, sqq.

81. ἐπιτέλλεις — приказываешь.] ἐπιτέλλειν proprium est de extrema morientium voluntate. Штальбаумъ.

82. πῶς με θάπτῃ—какъ меня похоронить.] Глаголь θάπτω употребляется какъ о погребеніи, такъ и о сожженіи тѣла. Слѣдовательно ближайшій смыслъ вопроса: желаетъ ли Сократъ, чтобы его тѣло было предано землѣ, или сожжено? Но можно также разумѣть и объ обрядахъ погребенія, такъ какъ въ Аѳинахъ съ древнѣйшихъ временъ существоваля обычаи погребенія.

83. ἐγγυήσασθε — поручитесь и проч.] ἐγγυᾶσθαι πνα est sponsione facta aliquem, alicui tradere i. e. spondere pro aliquo, fidem praestare.

184. καὶ αἱ οὐκ αἶται γυναῖκες — принадлежавшія къ его дому женщины.] Некоторые ученые (и въ числѣ ихъ извѣстный Гемстергузіусъ) между прочимъ на основаніи этого мѣста утверждаютъ фактъ двоеженства Сократа. Но во 1-хъ уже древніе признавали это двоеженство за вымыселъ, (Plut. Agist. p. 335.) во 2-хъ выраженіе—αἱ οὐκ αἶται γυναῖκες — никакимъ образомъ нельзя разумѣть относительно женъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ было бы сказано просто: γυναῖκες.
185. ταυρορῶδὸν ὑποβλέψας — взглянувъ — пристально.] буквально: «бычьи» torvo vultu intuens, defixis in eum oculis. Штальб.
186. ὅτι ἐν εὐφημίᾳ χρὴ τελευτᾶν — что умирать нужно съ добрыми предназначениями.] Фидинъ переводитъ cum faustis acclamationibus. Корнаръ—cum laudatione et bonorum verborum pronuntiatione. Εὐφημία—fauentia — собственно священное безмолвіе, которое предшествовало каждому жертвоприношенію и приготовительнымъ къ нему молитвамъ; оно торжественно возвѣщалось принятымъ въ такихъ случаяхъ выраженіемъ: εὐφημία ἔστω или εὐφημαίτε; у Римлянъ: favete linguis. По свидѣтельству Олимпіодора это былъ обычай пифагорейскій. Fauentia i. e. linguis favere, опредѣляетъ Виттенбахъ, а male ominatis verbis abstinere, bona verba pronuntiare; εὐφημία valet in primis in cultu deorum et sacrificiis; proinde quoque in morte, quae et ipsa res sacra est; ut εὐφημία sit officium et morientis, et eorum, qui ei adsunt. p. 317.
187. περὶ τὸ ἦτρον — нижней части живота.] Moeris: ἦτρον τὸν ὑπὸ τὸν ὀμφαλὸν τόπον Ἀττικῶς; ὑπογάστριον ἑλληνικῶς. Timaeus: ἦτρον ὁ μετὰ τὸ ὀμφαλοῦ τε καὶ αἰδοίου τόπος.
188. ἐνεκκαλύπτο γάρ — потому что онъ былъ накрытъ.] У древнихъ существовалъ обычай накрывать голову умирающаго. Xen. Cyrop. VIIi, 7, 28. Liv. IV, 12, VIII, 9.
189. τῷ Ἀσκληπιῷ ὑφιζόμεν ἀλεκτρούνα — мы должны пѣтуха Асклепію.] Асклепій — богъ врачебной науки. Кромѣ козы, совы и змѣи ему былъ посвященъ и пѣтухъ. По выздоровленіи отъ болѣзни ему обыкновенно приносили въ жертву пѣтуха. Сократъ проситъ друзей исполнить это послѣ его смерти, выражая этимъ взглядъ на земную жизнь, какъ на продолжительную болѣзнь, отъ которой излечиваетъ человѣка смерть. Послѣдняя, слѣдовательно, по

взгляду Сократа, есть выздоровленіе, переходъ къ истинной, желанной жизни.

190. τῶν τότε, ὧν ἐπεράθημεν, ἀρίστου καὶ ἄλλως φρονιματάτου — изъ всѣхъ, какихъ мы знали въ его время, и вообще самаго мудраго и пр.]. См. примѣч. къ этому мѣсту Штальбаума, р. 309. Ср. Виттенб. р. 320, Ньюслина р. 151. Гроссе р. 353, и пр.
-

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ГРЕЧЕСКІЯ РУКОПИСИ

каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ.

Занимаясь прошлымъ лѣтомъ въ московской синодальной библіотекѣ, я между прочимъ разсмотрѣлъ нѣсколько греческихъ рукописныхъ Коричихъ и другихъ каноническихъ сборниковъ, съ цѣлю отиѣтитъ въ ихъ составѣ и содержаніи тѣ или другія особенности, имѣющія специальный интересъ для канониста.

Одна изъ такихъ рукописей, именно — иверская Коричая № 398, содержащая въ себѣ извѣстный каноническій сборникъ въ 50-ти титулахъ Іоанна Схоластика, въ недавнее время описана двумя нашими учеными: архимандритомъ Амфилохіемъ, который, по палеографическимъ признакамъ, отнесъ ее къ IX-му вѣку, и академикомъ И. И. Срезневскимъ, которому мы обязаны тщательнымъ изложеніемъ состава и содержанія этой драгоценной рукописи, сравнительно съ печатнымъ изданіемъ (Жюстеля) и лучшими списками Схоластика, находящимися въ другихъ европейскихъ библіотекахъ, а также — и съ древнѣйшими изводами славянскаго (Помоканона *). Я могу прибавить къ этимъ описаніямъ только одну черту, не лишнюю особеннаго значенія въ глазахъ канониста: на л. 66 об. и 67, вслѣдъ за 50-ю титулами Схоластика, помѣ-

*) Описание архим. Амфилохія помѣщено въ Археологическомъ Вѣстникѣ 1867 г. стр. 15; академика Срезневскаго — въ Запискахъ Академіи Наукъ 1871 г.

щона подѣ заглавіемъ: περί κανόνων ἐγκληματικῶν παρασημαίωσις ἐμφανίουσα τὸν τε τίτλον καὶ τοὺς χρόνους τοῦ ἁμαρτήματος — та самая статья, которая въ другихъ спискахъ и печатныхъ изданияхъ надписывается: τοῦ μεγάλου Βασιλείου περί τίτλου καὶ χρόνου ἁμαρτήματος *), или, какъ въ нашей печатной Кормчей: «Василія Вел. о времени согрѣшающихъ» (гл. 22). По своему положенію, надписанію и прямымъ замѣткамъ, выставленнымъ на полѣ, статья эта имѣетъ въ иверской Кормчей видъ и значеніе сокращеннаго указателя (παρασημαίωσις) главнѣйшихъ покаянныхъ правилъ, изложенныхъ въ различныхъ титулахъ Іоанна Схоластика. Вотъ полный текстъ этого указателя:

- †. γ. Ὁ χειροτονῶν ὑπερόρια, καθαιρείσθω.
- †. ια. Ὁ διὰ χρημάτων χειροτονούμενος καθαιρείσθω, καὶ ὁ χειροτονήσας.
- †. ιδ. Ὁ ἐγγύας διδοὺς κληρικὸς, καθαιρείσθω.
Ὁ τόκους λαμβάνων κληρικὸς, ἢ παυσάσθω, ἢ καθαιρείσθω.
- †. ιε. Ὅς τόφει πιστὸν ἢ ἄπιστον, ἱερεὺς ὢν, καθαιρείσθω.
- †. ιδ. Ὅτι οὐ δεῖ γυναῖκα ἐν θυσιαστηρίῳ εἰσιέναι.
- †. κε. Ἡ παρθενεῖαν ὁμολογήσασα, καὶ ἐκπεσοῦσα, ἔτη ιε.
- †. λθ. Οἱ καταμαντευόμενοι ἐπὶ ἀνευρέσει τινῶν, ἔτη ζ.
Ὁ μάντεσιν ἑαυτὸν ἐπιδιδούς, ἔτη x.
Ὁ τὸν Χριστὸν ἀρνησάμενος, ἐν τῷ τέλει τοῦ βίου ἀξιοῦσθω τοῦ ἀγιάσματος.
Ὁ χωρὶς ἀνάγκης παραβάς τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν, ἔτη ιβ.
Ὁ γοητεῖαν καὶ φαρμακείαν ἐξαγορεύων, τὸν τοῦ φονέως χρόνον ἐξομολογηθήσεται.
- †. μ. Ὁ ἀκρωτηριάζων ἑαυτὸν κληρικὸς, καθαιρείσθω· λαϊκὸς δὲ τοῦτο ποιῶν, ἀφοριζέσθω ἔτη γ, καὶ κληρικὸς μὴ γενέσθω **).

*) Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, ἐκδ. ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Πουλλῆ, т. IV стр. 404—405. Перепечатано изъ Бевериджа (Συνόδικον, т. II въ особомъ прибавленіи, безъ счета страницъ).

**) Въ другихъ рукописяхъ и въ печатныхъ изданияхъ за этимъ правиломъ прибавлено: Ἡ κατ' ἐπιτήδευσιν φαρεῖσα, ἔτη i.

- ‘Ο ἀκουσίως φρονέων, ἔτη x. *)).
- †. μα. ‘Ο μοιχεύων, ἔτη x.
 ‘Ο ἀφίων τὴν νομίμως συναφθεῖσαν γυναῖκα, καὶ ἄλλην ἀγόμενος, ἔτη ιε ἢ η.
- †. μβ. ‘Ο πόρνος ὁ εἰς ἐλεύθερον σῶμα πορνεύων, ἔτη ζ.
- †. μδ. ‘Ο ἀρσενοχοίτης, ἔτη ιε (**).
 ‘Ο κτηνοβάτης, ἔτη ιε.
 ‘Ἀδελφομιξία, ἔτη η.
 ‘Ο ἰδίᾳ ἀδελφῇ συμμαίνόμενος, ἔτη ια, χωριζόμενος δὴ-
 λονότι τῆς πράξεως.
 ‘Ο κλέπτης, ἔτη β.
- †. με. ‘Ο ἐπίορκος, ἔτη ι.
 ‘Ο τυμβωρύχος, ἔτη ι.

Цитаты, выставленныя на полѣ, вполне соотвѣтствуютъ указаннымъ въ нихъ титуламъ Схоластика. Значить, между этими титулами и занимающею насъ статью существуетъ внутренняя, такъ сказать, генетическая связь, происходящая, можетъ быть, отъ самого Схоластика. Въ послѣдствіи, когда та же самая статья вошла въ составъ другихъ каноническихъ сборниковъ (именно — въ т. наз. аристиновскій синодись), прежнія смыслы ея на свой источникъ естественно утратились, и только въ оглавленіи, въ словѣ τίτλος, остался темный намекъ на первоначальную связь ея съ систематическимъ сборникомъ Схоластика. Переписчики, для которыхъ намекъ этотъ былъ уже непонятенъ, но которые видѣли, однако, что статья содержитъ въ себѣ почти исключительно сокращенный текстъ епитимійныхъ правилъ Василия Великаго, имѣли основаніе прибавить въ оглавленіи: τοῦ μεγάλου Βασιλεως (**).

*) Прибавлено: ‘Ο ἀκουσίως, ἔτη ι, καὶ κληρικὸς μὴ γενέσθω.

**) У Бевериджа, а за нимъ и въ лондонской Синагигѣ, число лѣтъ тутъ не обозначено.

***) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, представляющихъ настоящую статью уже отдѣльно отъ 50-ти титуловъ Схоластика, она

Другой списокъ того же систематическаго сборника Іоанна Схоластика представляетъ греческая Кормчая (τῆς ἁγίας Λαύρας— на Аеоиѣ) № 432 (срав. каталогъ Маттеи, 1805 г. стр. 311 № XIV). Рукопись эта, въ большую 4-ку, на 228 пергаменныхъ листахъ, написана разными почерками, изъ коихъ первоначальный и господствующій несомнѣнно принадлежитъ рукѣ XI вѣка. На первыхъ пяти листахъ помѣщены позднѣйшимъ писцомъ слѣдующія дополнительные статьи:

Л. 1. Περί τῶν ἐ πατριαρχειῶν καὶ τῶν τοῦτων κλημάτων— краткое сказаніе о пяти патриаршихъ престолахъ, которые исчисляются въ такомъ порядкѣ: іерусалимскій, римскій, константинопольскій, александрійскій, антиохійскій.

Л—об. Ἐπιστολὴ Πέτρου πατριαρχοῦ Ἀντιοχείας πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Γραδένης, ἡγίου Βενετίας. Издано Котельеромъ въ Monum. Eccl. Graec. t. II p. 112—135.

Л. 5. Περί τῶν ὀβ' ἐρμηνευτῶν τῆς γραφῆς καὶ τῶν παρερμηνευσάντων, ἀπὸ φωνῆς τοῦ ἁγίου Ἐπιφ(ανίου). Конецъ этой статьи дописанъ на нижнемъ полѣ обѣихъ страницъ слѣдующаго листа, занятаго старшимъ текстомъ.

Съ 6-го листа начинается собственно каноническое содержаніе рукописи и первоначальный ея почеркъ. Впереди (л. 6—11)— подробное оглавленіе, увѣичанное стихомъ: Ὁ τῆδε πίναξ τοῦ θεοῦ νόμου πέλει. За тѣмъ — опять позднѣйшая прибавка (третьей руки), состоящая въ статьѣ о принятіи еретииковъ, которая въ другихъ рукописяхъ (напримѣръ въ синодальной № 467, л. 170) и въ изданіи Гоара (Eucholog. 1647. p. 883) надписывается: ἐκ τοῦ Εὐχολογίου τοῦ πατριαρχικοῦ.

Л. 12. Символь вѣры на латинскомъ языкѣ; почеркъ, по видимому, первой руки.

Съ листа 13 идутъ статьи, указанныя въ оглавленіи, именно:

является еще безымянною и подъ слѣдующимъ осмысленнымъ заглавіемъ: Περί ἐγκληματικῶν κανόνων παρασημείωσης σύντομος, ἐμφαίνουσα τὸ ἀμάρτημα καὶ τοὺς χρόνους τοῦ ἐπιτιμίου (Coxe, Catalog. Biblioth. Bodl. I p. 521).

Л. 13. Διδασκαλία τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων Ἀποστόλων — 1 и 2 глава 8-й книги Апостольскихъ Постановленій.

Л. 15. Διδασκαλία τῶν ἁγίων Ἀποστόλων περὶ χαρισμάτων — гл. 4. 5. 16 — 26 той же книги.

Л. 17. Σίμωνος Καναναίου ὑπὸ πόσων ἐπισκόπων ὄφειλει χειροτονεῖσθαι ἐπίσκοπος — гл. 27—31.

Л. 18. Παύλου τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου διάταξις περὶ κανόνων ἐκκλησιαστικῶν — гл. 32.

Л. — об. Πέτρου καὶ Παύλου τῶν ἁγίων Ἀποστόλων διάταξις περὶ ἀρχίας δοῦλων — гл. 33 — 45.

Л. 20. Περὶ εὐταξίας διδασκαλία πάντων τῶν ἁγίων Ἀποστόλων — гл. 46.

Л. 21. Συναγωγή κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς ἓν τίτλου διηρημένη — самое собраніе Іоанна Схоластика, съ предисловіемъ и оглавленіемъ 50-ти титуловъ. Въ концѣ послѣдняго титула (л. 62 об.) приписано уставными буквами:

ΤΕΛΟΣ ΣΥΝ ΘΕΩ ΤΩΝ ἦ ΤΙΤΛΩΝ ΤΟΥ ΝΟΜΟΚΑΝΟΝΟΣ

—приписка замѣчательная, показывающая, что въ XI вѣкѣ чистоканоническій сборникъ Схоластика носилъ уже названіе номоканона. Если же взять во вниманіе, что слѣдующій за номоканонѣ листь (63) остался отъ первой руки незаписаннымъ, и только въ послѣдствіи на лицевой страницѣ его помѣщено стихотвореніе Григорія Богослова о книгахъ священнаго писанія (Pitra, I. p. 654): то можно будетъ съ вѣроятностію заключать, что вышенаведенная приписка находилась уже въ самомъ оригиналѣ настоящей рукописи.

Л. 64. Подъ раскрашеной заставкой — Ἐκθεσις πίστεως ἐκθεθεῖσα παρὰ τῶν τιῶν ἁγίων πατέρων — символъ вѣры 1-го никейскаго собора.

Л. — об. Πρόλογος τῆς ἐν Γάγγρα συνόδου — окружное посланіе собора, въ которомъ первоначально изложены были его правила, но которое, само собою понятно, не могло найти мѣста въ систематическомъ сборникѣ Схоластика (Pitra, I. p. 485).

Л. — Πρόλογος τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ συνόδου — такое же соборное послание (Ib. p. 455).

Л. 65. Πρόλογος τῶν ἐν Λαοδικείᾳ τῆς Φρυγίας συνελθόντων πατέρων. Начало: Ἡ ἀγία σύνοδος... (Ibid. p. 494, подъ товѣстомъ).

Л. — Τῆς β' συνόδου. Πρόλογος τῶν ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνελθόντων, ἧτις ἐστὶν οἰκουμενική. Слѣдуетъ προσφωνητικὸς λόγος собора къ императору об̄ утврждѣніи вновѣ составленнихъ канонωνъ (Ibid. p. 507 — 508), съ известною замѣткою въ концѣ: Τάδε ὄρισαν... τοῦ μεγάλου (ib.), ἡγίου (прибавляетъ нашъ списокъ) τὰ ἐν τοῖς πεντήκοντα τίτλοις κατὰ συνηθῆς γραφέντα.

Л. — Πρόλογος τῶν σ' ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Ἐφέσῳ συνελθόντων τὸ πρότερον, ἧτις ἐστὶ τρίτη οἰκουμενική σύνοδος. Συναχθέντων ἡμῶν... βλάπτειν ἢ ὠφελεῖν τινας (Ibid., p. 515), и послание того же собора къ памфилійскимъ епископамъ о тамошнемъ митрополитѣ Евстаθίῳ (ib. p. 520).

Л. 66. Κανόνες τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῷ Τροάλλῳ τοῦ βασιλικοῦ παλατίου συνελθόντων ἁγίων πατέρων ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ φιλοχρίστου ἡμῶν βασιλέως. Προσφωνητικὸς τῆς αὐτῆς ἀγίας συνόδου и пр., какъ у Питры (t. II. p. 14). Въ концѣ правилъ (л. 87 об.) та же самая приписка, которую Питра нашелъ въ валицелліанскомъ и ватиканскомъ кодексахъ (Κανόνες... Ἱεροσολύμων. Ibid. p. 72. not. 21).

Послѣ этой статьи оставленъ проѣвъ, шириною въ ладонь; за тѣмъ на слѣдующемъ листѣ, подъ новою заставкою (въ видѣ четырехконечнаго креста):

Л. 58. Κανόνες τῶν ἐν Νικαίᾳ πατέρων συνελθόντων τὸ δεύτερον ἐν ἔτει ρσϛς' τῆς κόσμου κτίσεως, ινδ. ια', εὐσεβῶς βασιλευόντων Κωνσταντίνου καὶ Εἰρήνης, τῆς αὐτοῦ μητρὸς. Надъ каждымъ правиломъ оглавление, какъ у Питры (t. II. p. 103 sq.).

Л. 93 об. Τοῦ ἀγίου Πέτρου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος κανόνες φερόμενοι ἐν τῷ περὶ μετανοίας αὐτοῦ λόγῳ (Pitra, I. p. 551 — 561). Всѣ правила съ заголовками; надъ послѣднимъ (15-мъ) надписано: τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ λόγου τοῦ εἰς Πάσχα περὶ νηστείας τετράδος καὶ παρασκευῆς.

Л. 99 об. Таблица родства.

Л. 100. Ἐπιστολὴ κανονικὴ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θαυματουργοῦ, ἐπισκόπου Νεοκαισαρείας (ib. p. 562—566).

На. лл. 101 об.—108 помѣщены каноническія статьи Василія Великаго, неизвѣстныя Схоластику, именно: посланіе къ хореепископамъ, къ подчиненнымъ ему епископамъ, отрывки изъ 27 и 29 главы сочиненія о Св. Духѣ, посланіе къ Діодору тарсекому, къ Григорію пресвитеру, къ никопольцамъ и къ Амфилохію (о различіи пищи).

Л. 108 об. Ἐπιστολὴ κανονικὴ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης πρὸς τὸν ἐν ἁγίοις Ληττίον ἐπίσκοπον Μελιτινῆς (ib. p. 619—629).

Л. 114. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας πρὸς Δόμνον. Тутъ же изложены и правила, содержащіяся въ посланіи того же св. Кирилла къ ливійскимъ и пентапольскимъ епископамъ (ib. p. 650—653).

Л. 115 об. Θεοφίλου τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας τῶν θεοφανίων ἐπιστάντων ἐν κυριακῇ προσφώνησις (p. 646).

Л. 116. Τιμοθέου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Ἀλεξανδρείας, ἐνὸς τῶν ρν' ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει πρὸς τὰς προσενηχθείσας αὐτῷ ἐπερωτήσεις ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν (ib. p. 630).

Л. 117. Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου ἐπιστολὴ πρὸς Ἀμοῦν μωνάζοντα (ib. p. 566—59).

Л. 119. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῆς λθ' ἐορταστικῆς ἐπιστολῆς — о книгахъ священнаго писанія и (л. 20) начало стихотворенія Григорія Богослова о томъ же (ср. л. 63).

Л. 120 об. Ἐγκύκλιος ἐπιστολὴ Γεωναδίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως и пр., какъ у Питри (т. II, p. 183—187).

Л. 122. Посланіе патриарха Тарасія къ папѣ Адриану. Начало: Τῷ τὰ πάντα ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ κυρίῳ Ἀδριανῷ πάπῃ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης Ἐπὶ τῆς ἀνάξιος ἐπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως ἐν Κυρίῳ χαίρειν (ib. p. 304—313).

Послѣ этого посланія на 126 листѣ, оставшемся отъ пер-

ваго писца пустынь, написано другою рукою чье-то (архіерейское) исповѣданіе вѣры въ 14 пунктахъ, изъ коихъ четыре (8—11) отнесены на оборотную страницу 159 листа.

Л. 127. *Κανόνες ἑκταδέκτες (ὑπὸ) τῶν ἐν Καρθαγένῃ συνελθόντων σὺν μαχαρίων καὶ ἁγίων πατέρων.* Полный (κατὰ πλάτος) переводъ дѣяній карфагенскаго собора 419 года, съ латинскаго текста по редакціи Діонисія Малаго (Justelli, *Biblioth. juris canon. veteris*, p. 141—174). Нашъ списокъ могъ бы значительно восполнить пробѣлы печатныхъ изданій этого перевода (въ той же *Biblioth.* стр. 321—409 и въ *Acta Conciliorum* Ляббе, Гардуина и др.). Замѣчательно еще, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приписаны на поляхъ краткіе отрывки латинскаго подлинника: не указываетъ-ли это на особенную близость настоящаго списка къ той (неизвѣстной) рукѣ, которой принадлежатъ греческій переводъ актовъ карфагенскаго собора 419 года? Счетъ правилъ отличенъ отъ Діонисіева, которому слѣдуетъ и авторъ номоканона въ XIV титулахъ: вмѣсто 138 насчитано 133 и — не безъ основанія: послѣднія пять правилъ Діонисіева счета суть не правила, а документы, принадлежащіе къ дѣяніямъ собора.

Л. 151. *Τῆς γενομένης συνόδου ἐπὶ Κυπριανοῦ τοῦ ἀγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Καρχηδόνας, ἐπισκόπων πρὸ συναχθέντων εἰς τὴν αὐτὴν Καρχηδόνα, περὶ τοῦ δεῖν βαπτίζεσθαι τοὺς αἰρετικοὺς ἧτις σύνοδος προγενέστερα μὲν ἐστὶ τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου, δευτέρως δὲ διὰ τὴν τῆς οἰκουμένης συνόδου ἀδθεντίαν.* Определеніе этого собора (255 г.) изложено здѣсь съ тѣмъ же самымъ предисловіемъ неизвѣстнаго греческаго переводчика, которое вполне издано Лямбоціемъ въ описаніи греческихъ рукописей вѣнской бібліотеки (*Comment. ed. Kollar*, t. III. p. 925—927). Текстъ самаго опредѣленія раздѣленъ на 84 пункта, по числу членовъ собора; противъ каждаго пункта написано по латинѣ, кѣмъ онъ высказанъ (*N episcopus dixit*). Значитъ, и здѣсь переписчикъ имѣлъ дѣло съ оригиналомъ, близкимъ къ эпохѣ появленія самаго перевода.

Л. 160. *Τοῦ ἁγίου Ἐπιφάνου ἐπισκόπου Κύπρου Κωνσταντίας, ὅτι πασῶν αἰρέσεων μητέρες καὶ πρωτότυποι τέσσαρες, εἰς*

ὄν καὶ ἄλλαι πᾶσαι ἀνεφύγησαν. ВЪ κοινῶν замѣтка: ἑμοῦ ἀπέσεις ρος'.

Л. 176. Τιμοθέου πρεσβυτέρου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως πρὸς Ἰωάννην πρεσβύτερον καὶ σκευοφύλακα τῆς ἁγίας Θεοτόκου ἐν Χαλκοπρατίοις, περὶ διαφορᾶς προσερχομένου τῇ εὐαγεστάτῃ ἡμῶν πίστει (Cotelierius, Monum. eccles. graec. I, p. 278 sq.).

Л. 182. Τοῦ ἁγίου Ἀναστασίου πατριάρχου Ἀντιοχείας περὶ δεσμευθέντων, μὴ δόνασθαι παρ' ἑτέρου λύσιν λαβεῖν.

Л.—об. Κανῶν τῆς γενομένης συνόδου ἐν Ῥώμῃ ὑπὸ τοῦ ἁγίου Μαρτίνου πάπα—20-е правило римскаго (латеранскаго) собора, бывшаго въ 649 году, при папѣ Мартинѣ, по распоряженію котораго всѣ акты этого собора были переведены на греческій языкъ (Labbé, Conciliorum t. VI. p. 360).

Л.—. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θεολόγου ἐπιστολὴ πρὸς τὸν ἄρχοντα τῆς χώρας, ὥστε μὴ ἐπικύπτειν τοὺς ἀνίερους τὸ σύνολον εἰς τὰ ἐκκλησιαστικά.

Л. 183. Κανόνες ἐκτεθέντες παρὰ τῆς ἁγίας συνόδου, τῆς ἐν περιωνύμῳ ναῶ τοῦ Θεοῦ Λόγου συστάσης, τὴν ἐβδόμην καὶ οἰκουμενικὴν σύνοδον ἐπιβεβαιώσασης, πᾶσαν δὲ σχισματικὴν καὶ αἰρετικὴν πλάνην ἀπελασάσης (Pitra, II. p. 142). Правила изложены безъ раздѣленія одного отъ другаго.

Л. 184. Ἐπιστολὴ γραφεῖσα ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως πρὸς Μαρτύριον, ἐπίσκοπον Ἀντιοχείας περὶ τοῦ ὅπως χρῆθῃ δεχόμενος τοὺς αἰρετικοὺς, προσερχομένους τῇ ἁγίᾳ ἐκκλησίᾳ (Pitra, II. p. 187). То же самое посланіе помѣщено ниже, на л. 186 об.

Л.—об. Τοῦ μακαρίου Διονυσίου, ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας—посланіе къ Василиду (Pitra, I. p. 541).

Л. 188. Διατάξεις οὗ διὰ τοὺς φύσιν ἀσελγαίνοντας καὶ ἁμύνοντας κατὰ τριχός τε καὶ κεφαλῆς καὶ τῶν τοιούτων, κελεύει ταῖς ἐσχάταις ὑποβάλλεσθαι τιμωραίας—77 новелла Юстиніана.

Л. 189. Ἐκ τῶν μετὰ τὸν κώδικα θείων νεαρῶν διατάξεων и пр.—известное собраніе въ 87 главахъ, извлеченныхъ Схолстикомъ изъ новеллъ Юстиніановыхъ. Впереди помѣщенъ подробный указатель содержанія этихъ главъ, надписанный: Τῆς ἐγχεμένης μετὰ τοὺς κανόνας τῶν συνόδων διατάξεως τὰ κεφάλαια

За тѣмъ — приписка: *Εἰς δόξαν τοῦ μεγάλου Θεοῦ* и пр. (см. Pitra, II. p. 385 — 390). Съ листа 192 идутъ самыя 87 главъ; въ концѣ которыхъ помѣщены извѣстные двѣ сκολіи (*πρίβατα ἐστὶ τὰ τῆ βασιλείᾳ ἰδιαζόντως διαφέροντα* и пр.), появившія въ печатную Коричую (см. у Розенкампа, изд. 2. прилож. VIII. стр. 96).

Л. 207 об. — 228 (последній) *Διατάξεις τῶν πολιτικῶν νόμων ἐκ τῶν νεαρῶν Ἰουστινιανοῦ βασιλέως, συνηγοροῦσαι καὶ ἐπιкуроῦσαι τοῖς τῶν ἀγίων πατέρων ἐκκλησιαστικοῖς κανόνας* — другое собраніе законовъ Юстиніана, составленное неизвѣстнымъ компиляторомъ въ 25 главахъ. Въ нашемъ спискѣ нѣтъ послѣднихъ 5 главъ; этотъ недостатокъ нельзя объяснить утратою конца рукописи; напротивъ, есть прямое указаніе на то, что столько именно главъ находилось и въ ея оригиналѣ: послѣ 4-й главы (л. 211 об.) помѣщено особое оглавленіе, съ новымъ счетомъ, дальнѣйшихъ 16-ти (*πίναξ τῶν νεαρῶν Ἰουστινιανοῦ κεφ. ις'*), которыя такимъ образомъ получаютъ видъ самостоятельнаго и цѣлаго сборника.

Описанная Коричая, доказывая самымъ нагляднымъ образомъ продолжавшееся въ XI вѣкѣ употребленіе, въ греческой церкви, Схоластикова сборника, съ тѣмъ виѣстѣ вполне подходитъ подъ ту характеристику, какую даетъ знаменитый канонистъ XII вѣка Феодоръ Вальсамонъ наиболѣе распространеннымъ въ современной практикѣ спискамъ греческаго Номоканона. *Ἐπειδὴ δὲ εἶδον* — говоритъ онъ въ толкованіи на 2-е правило трульскаго собора (*Σύντ. II, 311; ср. Beveregii Synodicon t. II. annot. p. 128*) — *μέγαν ἀνθρωπῶν προσκομιζοντα νομοκάνονον, ἔχον κατσαρωμένους τοὺς διὰ Κλήμεντος κανόνας τῶν ἀγίων Ἀποστόλων* (разумѣются, конечно, не правила, а постановленія — *διατάγα* — апостольскія, отвергнутыя трульскимъ соборомъ, но отчасти державшіяся въ спискахъ Схоластикова сборника, подобныхъ иверской и настоящей Коричей), *καὶ νεαρὰς διαφόρους τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ μὴ δεχθεῖσας εἰς τὴν ἀνακρίθαρσιν τῶν νόμων* (т. е. въ извѣстныя Базиліки) *παρεγγυῶμαι πᾶσι τοῖς μέλλουσιν ἀναγινώσκειν νομοκάνονα, μὴ προσέχειν τοῖς παλαιτέροις βιβλίοις τῶν νομοκάνωνων, ἀλλ' ἀναγινώσκειν τὸ παρὰ*

τοῦ πατριάρχου Φωτίου πονηθὲν καὶ εἰς ἰδ' τίτλους διαιρούμενον τὸ δὲ νομοκάνονον τὸ συμποσῶσαν εἰς ν' τίτλους τοὺς νόμους καὶ τοὺς κανόνας, καὶ τὰ λοιπὰ, τὰ ἔχοντα νεαρὰς τοῦ Ἰουστινιανοῦ ἀπρακτησάσας, μὴ δεχθείσας ἐν τοῖς βασιλικοῖς, καὶ ἄλλους τινὰς νόμους ἐκ τῶν κωδικῶν, καὶ τῶν διγέστων, καὶ δοκοῦντα καταπλουτίζεσθαι ὑπὸ πολυλογίας (εἶδον γὰρ μυρία τοιαῦτα βιβλία παρὰ πολλοῖς ἀξιολόγοις ἀνδράσι), μηδὲ λόγου ἀξιοῦν, ὡς κινδυνώδη καὶ ἀποτρόπαια, ἀλλ' ἐπιτρέπειν τὴν τούτων ἀπόλειαν. В счастію для науки, списки Номоканона, подобные настоящему, сохранились отъ фанатизма строгихъ практиковъ XII вѣка. По такимъ спискамъ мы имѣемъ возможность приблизительно опредѣлить составъ Схоластикова сборника въ эпоху первоначальнаго перевода его на славянскій языкъ. При этомъ невольно вспоминаю, что въ известномъ паннонскомъ житіи св. Меодія, въ числѣ переводныхъ трудовъ славянскаго апостола, упоминается и Номоканонъ — названіе, усвояемое въ настоящемъ спискѣ сборнику Схоластика.

Рукопись № 467, въ большую 4-ку, на 227 листахъ, пергаминая, красиваго письма XI—XII вѣка. Здѣсь содержится номоканонъ въ XIV титулахъ (л. 9 об.—143) съ слѣдующими замѣчательными особенностями въ редакціи: 1) втораго, Фотіева предисловія—нѣтъ; 2) въ перечнѣ правилъ (ἐκ ποίων συνόδων τε καὶ προσώπων κ. τ. λ.) исчисляются только: правила апостольскія, соборовъ—отъ никейскаго до константинопольскаго (при Нектаріи) и св. отцовъ—отъ Діонисія александрійскаго до Геннадія константинопольскаго (л. 10 об.); 3) въ самихъ титулахъ а) правила (κανόνες) приводятся въ полномъ текстѣ, какъ и νόμοι, а не указываются только цифрами*); б) такъ называемые Фотіевы соборы ни разу не встрѣчаются; в) Вальсамоновыхъ толкованій на κείμενα еще нѣтъ, но по мѣстамъ написаны на поляхъ краткія схолія; г) многихъ главъ не достаетъ.

*) Но правила трузьскаго и 7-го вселенскаго приводятся; первый цитируется такъ: Συνόδου οἰκουμένης ε' συγχροτηθείσης ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ βασιλέως ἐν τῇ Τρούλλῃ τοῦ παλατίου (напр. тит. I гл. 1, 3, 24).

Изъ дополнительныхъ статей, подробно исчисленныхъ въ каталогѣ Маттеи (стр. 319) и, большею частію, извѣстныхъ по печатнымъ изданіямъ, мы приведемъ здѣсь вполнѣ слѣдующія неизданныя апокрифическія правила, которыя отчасти встрѣчаются и въ нашемъ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ:

Л. 146 об. Τῆς πρώτης συνόδου. Ὅτι οὐ χρὴ τοὺς μονάζοντας, ἐκτὸς τοῦ ἱερέως ἢ τοῦ ἡγουμένου, ποιεῖν τίποτε, ἢ ἀποδημεῖν πώποτε.

Ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἱερέα κοσμηδὸν ἀποτάσσειν μοναχὸν, ἢ ἐνδύειν σχῆμα· ὁ γὰρ αὐτὸς οὐ περικείται, πῶς διδωσιν ἄλλοις, εἰ μὴ μοναχοὶ ἱερεῖς ὄντες, ἢ ἡγούμενοι ἱερεῖς ὄντες. Ср. Номок. при Требникѣ гл. 82, стр. 97, гдѣ правило это усволяется ниже Мѣскому собору.

Τῆς δ' συνόδου. Ὅτι οὐκ ἔξεστι τοὺς ἀπὸ τῆς ἱερωσύνης ἐπὶ τὸ μοναχικὸν ἐρχομένους, πάλιν εἰς τὸ ἱερατεῖον ἐπιπηδᾶν· ἀποθέμενοι γὰρ τὸν βαρὸν ζυγὸν τοῦ ἱερατείου, τὸν ἐλαφρὸν ζυγὸν τοῦ Χριστοῦ ἐπεσπᾶσαντο, κατὰ τὸν λέγοντα· ὁ ζυγὸς μου χρηστός ἐστι, καὶ τὸ φορτίον μου ἐλαφρὸν. Εἰ δὲ εὗρεθῆ τοιοῦτος φιλονεικὸς ὢν, ἀνάθεμα ἔστω, καὶ οἱ κοινωνοῦντες αὐτῷ Ср. Номок. гл. 90, стр. 104—105.

Ὁ ἀρκάζων μονάστριαν καὶ φθειρων αὐτήν, μὴ κοινωνεῖτω ἐν χ'· ὁμοίως καὶ αὐτὴ μετὰ νηστειῶν καὶ προσευχῶν.

Ὁ ἀποταξάμενος τῷ κόσμῳ καὶ γενόμενος μοναχός, εἴτα μετὰ ταῦτα ἐπιδειξάμενος βίον ἐνάρετον, γενέσθω καὶ διάκονος, καὶ πρεσβύτερος, καὶ ἐπίσκοπος, κἂν θέλῃ, κἂν μὴ θέλῃ, ὡς ἀξίος.

Ὅτι οὐ χρὴ τοὺς μονάζοντας, ἀποβαλόντας εὐλάβειαν, ἀνθίστασθαι τὸν ἱερέα εἰς οἰονδήποτε πρᾶγμα, ὅπερ αὐτῷ δοῖται, καὶ μάλιστα ἐὰν δικαίως πράττῃ καὶ λέγῃ, κατὰ τοὺς θεῖους καὶ ἱεροῦς κανόνας· εἰ δὲ καὶ σκληροῦνται καὶ ἀποβάλλονται τὸν ἱερέα, οἱ τοιοῦτοι ἀποβαλλέσθωσαν τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς κοινωνίας τῶν ἁγίων μυστηρίων ἐξαμνηταῖον χρόνον· ἄρχοντα γὰρ τοῦ λαοῦ οὐκ ἐρεῖς κακῶς. Ср. Номок. гл. 122, стр. 124.

Л. 147 об. Τῆς ἐν Ἀγχύρᾳ συνόδου. Καθ' ἐξῆς τοῦ λέγειν· ἀδόνατον τὰ τοιαῦτα ἁμαρτήματα, ἄλλοπίστους λέγομεν, πόρνους, μοιχοὺς, ἀνδροφόνους, παιδεράστας, καὶ ἐπαιδοῦς, οὐ μικρὸν ὠ μέγαν, ὅλως εἰς ἱερωσύνην εἰσελθεῖν κελεύομεν, κἂν μετανοήσωσι

καὶ (κάν?) οὐ μετανοήσωσι· πάντεσσι γὰρ ὁ κανὼν πάντας διέταξε τῆς ἱερωσύνης, ὅσους ἐγραψάμεθα ἐν τῷ κανόνι τούτῳ· ἀνάξιοι γὰρ τῆς ἱερωσύνης ὑπάρχουσι παντελῶς, ἐὰν εἶχον ὑπαρχὴν πρετεῖς πράξαντες τὰ ἀμαρτήματα ταῦτα· μετανοήσαντες δὲ, σῳθῆσονται δυνάμει Θεοῦ. Τῶν δὲ τοιούτων τὰ ἐπιτίμια ὑπάρχουσι οὕτως· ἐὰν μὴ μετανοήσωσιν, ἡ ἔτη τῆς κοινωνίας ἔξω μενέτωσι. τῆς ἐκκλησίας ἔστωσαν ἔξω ἔτη β'. ἀνάξιοι γὰρ προσφορᾶς τι φαγεῖν, ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν. Εἰ δὲ προσέλθουσι τῇ ἀνεπισχύντῃ μετανοίᾳ τοῦ Χριστοῦ ἐν πάσῃ καθαρᾷ συνειδήσει, καὶ τοῦ μὴ ἐπιστρέψαι πάλιν ἐπὶ ταῖς αὐταῖς ἀμαρτίαις, γενέσθω ἐκ' αὐτῶν ἔλεος πολὺ καὶ φιλανθρωπία, μετὰ διδαχῆς πολλῆς, ἵνα πάντες ὦμεν ἀχώριστοι τῆς βασιλείας τοῦ Χριστοῦ.

На л. 162, предъ исповѣданіемъ вѣры въ 22 пунктѣ помѣщена слѣдующая схоліа: Χρῆ πάντα χριστιανὸν ὁμολογεῖν καρδίᾳ καὶ στόματι, ὡς αἱ ἅγιοι καὶ οἰκουμενικαὶ ἐξ ἐβεβαίωσαν σύνοδοι, λέγω δὴ ἡ ἐν Νικαίᾳ, καὶ αἱ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἡ (τ. θ. τρεῖς), καὶ ἡ ἐν Ἐφέσῳ τὸ πρότερον, καὶ ἡ ἐν Καλχηδόνι (sic), καθὼς ὑποτέτακται.

Кормчая № 397, въ 8-ку, на 185 листахъ, пергамина XIII вѣка. Письмо чрезвычайно мелкое и неразборчивое; листы въ началѣ и концѣ жестоко пострадали отъ сырости, въ которой когда-то и гдѣ-то находилась рукопись. На первомъ листѣ, подъ раскрашеною заставкою, можно прочесть вооруженнымъ глазомъ: πίναξ σὺν Θεῷ τῆς ἱερᾶς τῆσδε βίβλου; но въ самомъ перечнѣ главъ ясно видно только число ихъ — 46.

По своему содержанию и расположению составныхъ частей, рукопись эта почти совершенно сходна съ венеціанскимъ наивѣвымъ спискомъ XIII—XIV вѣка (№ 226), описаннымъ Мингелли (см. Graeci codices mss. apud Nanios patricios venetos asservati. Bononiae. 1784. p. 414 sq.). Въ составъ того и другаго списка входятъ три каноническихъ сборника: хронологическая синтагма (синод. л. 2 — 124; нан. л. 1 — 111), псевдо-Схоластиковаго номоканонъ въ 50 титулахъ (синод. л. 133 об. — 162; нан. л. 168 — 200: въ послѣднемъ приписывается

Теодориту киррскому) и сокращеніе каноновъ Симеона магистра и логогета (синод. л. 162 — 180; нан. л. 200 sq.). Между этими главными составными частями помещено значительное число мелкихъ дополнительныхъ статей, такъ что, по рѣдкому разнообразію своего содержанія, настоящій сборникъ можетъ быть названъ каноническимъ «Цвѣтникомъ».

Синтагма еще не имѣетъ здѣсь общепринятыхъ толкованій Зонары или Вальсамона; но на поляхъ и въ самомъ текстѣ разбѣяно множество краткихъ схолій, въ которыхъ или указываются сходныя правила, или соглашаются видимо—противорѣчація. Изъ этихъ схолій, типически повторяющихся и въ другихъ (до-зонаровскихъ) спискахъ синтагмы, могла бы составиться своего рода *glossa ordinaria*, весьма поучительная въ историко-каноническомъ отношеніи: и здѣсь, также какъ въ латинской глоссѣ къ Декрету Граціана и папскимъ Декреталамъ, творилось новое право, едва-ли вполнѣ исчерпанное знаменитыми комментаторами синтагмы въ XII вѣкѣ *). Тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что новѣйшій издатель источниковъ каноническаго права греческой церкви — ученый кардиналъ Питра, имѣвшій въ рукахъ и синодальный и наніевъ списокъ, не воспользовался ими для пополненія изданныхъ имъ отрывковъ до-зонаровской канонической схолии-глоссы (*Juris eccles. Graecorum historia et monumenta*, t. II. p. 657 sq.); другаго же Питра, особенно между русскими канонистами, скоро не дождемся....

Кромѣ схолій каноническихъ, синодальный и наніевъ списокъ представляютъ еще рядъ схолій историческихъ: правиламъ каждаго собора предпосылается краткое сказаніе (*ὁ πρόθεσις*) о времени и поводѣ его составленія. Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній надписываются просто именемъ Θεοδώρα (именно — сказаніе о первомъ вселенскомъ соборѣ, л. 7; начало: Ἀλεξάνδρεια πάλαι ἐστὶ μέγιστη καὶ πολυάνθρωπος; — конецъ: νόμους ἔγραψαν εἰς αὐτήν); другія — болѣе подробно: ἀπὸ φωνῆς Θεοδώρου τοῦ

*) Нѣтъ сомнѣнія, что Зонара и Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ уже пользовались готовыми схоліями, нерѣдко повторяя ихъ вполнѣ и буквально.

θεοφιλεστάτου (или δσιωτάτου) ἀββᾶ καὶ σοφωτάτου φιλοσόφου (сказанія о третьемъ и четвертомъ вселенскихъ соборахъ, изданныя Питрою, *op. cit.* t. II. p. 430 — 432); остальные (о второмъ, пятомъ, шестомъ и трульскомъ вселенскихъ и семи помѣстныхъ: анкирскомъ, небесарійскомъ, сардинскомъ, гангрскомъ, антиохійскомъ, лаодикийскомъ и варагенскомъ) — безымянны; но большая часть ихъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ тому же аввѣ Θεодору *). Изъ всѣхъ этихъ сказаній мы приведемъ здѣсь одно — о трульскомъ (пято-шестомъ) вселенскомъ соборѣ (691 г.), о которомъ обыкновенно умалчиваютъ другія *Συνοδικά* (патріарховъ Германа, Никифора, Фотія и пр. **) и который въ нашемъ *ὕπόθεσις* еще не называется вселенскимъ:

Ἐπιθέσις τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει ἁγίας συνόδου τῆς ἐν τῷ Τροβόλλῳ (л. 59 об.):

Ἐπι Ἰουστινιανοῦ τοῦ νέου βασιλέως συνήχθη ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῷ Τροβόλλῳ τοῦ βασιλικοῦ παλατιοῦ σύνοδος, ἧτις καὶ ἐπακύρωσε πάσας τὰς προδηλωθείσας ἁγίας συνόδους τὰς τέσσαρας τὰς οἰκουμενικάς καὶ τὰς ἕξ τὰς τοπικάς καὶ τὰς μετὰ ταύτας δύο

*) Это несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, относительно сказаній о четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборахъ (отъ анкирскаго до лаодикийскаго), такъ какъ въ другихъ каноническихъ рукописяхъ тѣже самыя сказанія встрѣчаются въ видѣ особаго цѣлага (*Συνοδικόν*), хотя и безъ имени автора (См. *Coxe, Catalog. Biblioth. Bodlean.* t. I. p. 150. n. 30).

**) Исключение составляетъ только одинъ пространный синодикъ, составленный, вѣроятно, во времена патріарха Фотія и объемлющій сказанія о 153 соборахъ (начиная отъ апостольскаго въ Иерусалимѣ и оканчивая константинопольскимъ 879 г. въ храмѣ св. Софїи). Здѣсь подъ № 135 содержится краткое извѣстie о трульскомъ соборѣ, довольно сходное съ приведеннымъ въ текстѣ, именно: «Ἰουστινιανὸς τοῦνον βασιλεὶα τὰ πατρῶα δεξάμενος, θεῖαν καὶ ἱερὰν ἐν Κωνσταντινουπόλει διακοσίων τεσσαράκοντα θεοφόρων πατέρων συνήγαγε Σύνοδον, ἣ τούτῃ παραλειφθείσας τῇ ἁγίᾳ πέμπτῃ καὶ ἕκτῃ Συνόδῳ κανόνας ἐξέθετο, καὶ πάσης Ἑλληνικῆς τε καὶ Ἰουδαϊκῆς, ἀλλὰ γε καὶ αἰρετικῆς παραδόσεως τὰς ἐκκλησίας ἐκάθηρε (*Fabricii Biblioth. graeca, ed. Harless t. XII. p. 441*).

ἀγίας συνόδους τὰς οἰκουμενικάς, τὰς γυγονίας ἐν Κωνσταντινουπόλει, ἤτις καὶ αὐτῇ συνεγράφατο κανόνας ἐκκλησιαστικοῦς, τὸν ἀριθμὸν ἑκατὸν τρεῖς. (Увеличенный на единицу счетъ правилъ произошелъ отъ раздѣленія 3-го правила на два).

Еще одна весьма замѣчательная для канониста черта въ синодальномъ и наніевомъ спискѣ: правила соборовъ расположены въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ исчисляетъ ихъ Іоаннъ Схоластикъ въ хронологическомъ перечнѣ составныхъ частей своего систематическаго сборника, именно: послѣ правилъ апостольскихъ, идутъ правила соборовъ: нивейскаго, анкирскаго, неокесарійскаго, сардикскаго, гантрскаго, антиохійскаго, лаодикійскаго, константинопольскаго, ефесскаго и халкидонскаго (ср. Pitra, t. II. p. 377—378). Этотъ порядокъ есть строго-хронологическій (съ единственнымъ отступленіемъ для нивейскаго собора), тогда какъ въ позднѣйшей синтагмѣ (принадлежащей неизвѣстному автору номоканона въ XIV титулахъ, но обыкновенно усвояемой патриарху Фотію) сардикскій соборъ поставленъ послѣ халкидонскаго διὰ τὸ πολλὰ περὶ τινῶν ἐπιχωρίων, ἤγουν τῶν δυτικῶν μερῶν διορισασθαι (Ibid. p. 450. 451). Такимъ образомъ синодальный и венеціанскій списокъ носятъ на себѣ довольно ясныя черты еще той древней синтагмы, въ которой сохранились только правила четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ — отъ анкирскаго до лаодикійскаго, послѣ котораго въ обоихъ спискахъ знаменательно замѣчено: τέλος τῶν τοπικῶν ἀγίων ἕξ συνόδων (синод. л. 29; ср. у Мингарелли въ указ. мѣстѣ). Въ позднѣйшемъ составѣ того и другаго списка постепенный ростъ хронологической синтагмы представляется тоже съ замѣчательною вѣрностію: за правилами халкидонскаго собора слѣдуютъ сказанія о 5 и 6-мъ вселенскихъ соборахъ (синод. л. 40 об. — 41 об.), потомъ — ἐκ τῶν κατὰ πλάτος κανόνων τῶν ἐν Καρθαγένῃ συναθρόντων σιζ' μακαρίων πατέρων κεφάλαια κατ' ἐκλογὴν ἀλληθέντα, τὸν ἀριθμὸν πδ' (л. 42) *), и правила

*) Правила картегенскаго собора 419 года переведены съ латинскаго языка на греческій уже послѣ Схоластика, но еще до трузьскаго собора, который уже подтверждаетъ ихъ во 2 своемъ правилѣ.

соборовъ трульскаго, никейскаго второго и константинопольскаго двукратнаго (л. 56 об.—88 об.). Что касается, наконецъ, до правилъ константинопольскаго собора въ храмѣ св. Софіи, бывшаго, какъ сказано въ ихъ оглавленіи (синод. л. 181), ἐπὶ Ἰωάννου πάπᾳ Ῥώμης καὶ Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως (879 г.) то имъ дано мѣсто не наряду съ прочими соборными, а ужъ послѣ каноническихъ посланій св. отцовъ, между разными и значительными дополненіями синагмы, — обстоятельство, довольно часто встрѣчающееся и въ другихъ каноническихъ рукописяхъ.

Изъ мелкихъ дополнительныхъ статей къ синагмѣ оти́тимъ, въ синодальномъ спискѣ, слѣдующія:

Л. 125 об. Ἐκ τῆς ἐπιστολῆς Βίκτωρος τοῦ Καρθαγένης ἐπισκόπου πρὸς Θεόδωρον πάπα Ῥώμης. Начало: Ἡμεῖς γὰρ ἐλάχιστοι, τοῦ κυρίου διακυβερνοῦντος... окончаніе: τῷ φανερῷ τούτῳ ἀντιπίπτειν μολύσματι — небольшой отрывокъ изъ посланія карфагенскаго епископа Виктора къ папѣ Θεόδору, писаннаго въ 646 году и помѣщеннаго въ подлинникѣ и въ греческомъ переводѣ въ актахъ римскаго Lateranскаго собора 649 г. (L a b b e Concilioгum t. VI. p. 155; срав. выше въ Кормчей № 432, л. 182 об.).

Л. —. Νικολάου πατριάρχου τοῦ παλαιοῦ; начинается: Ἀφ᾽ хето ἡμῖν γράμματα τῆς σῆς θεοφιλείας, ἐπιζητοῦντα παρὰ τῆς ἡμετέρας μετριότητος ψῆφον ἐξενεχθῆναι περὶ πρεσβυτέρου τοῦ στεφανώσαντος παρὰ γνώμην τῶν γονέων τὰ τούτων τέκνα. Это посланіе патріарха Φοτῖα, изданное Валеттоу подѣ № 84 (σ. Ἐπιστολαὶ Φωτίου, ἐκδ. Λονδίνῳ 1864. σ. 411).

Л. 130 об. Ἐκ τοῦ β' τίτλου τῶν νεαρῶν διατάξεων Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου τῶν βασιλέων κεφάλαιον β' περὶ γάμων ἐπιτετραμμένων καὶ κεχωλωμένων — 2-я глава такъ называемой «Эклоги, измѣненной по Прохирону» (Zachariae, Jus graecoromanum, t. IV. p. 65). Въ концѣ этой главы извѣстная пріписка: ἔτι δὲ καὶ οἱ ἐξ ἑνὸς ἀναδόχου διὰ τοῦ ἀγίου βαπτισματος ἐγεννήθησαν ἀδελφοὶ πνευματικοί, τούτεστι παλληγάριον καὶ χοράσιον (Leupclavii Jus graec.—rom. t. II. p. 102). Далѣе слѣдуютъ той же Эклоги гл. 3—5, 7, 21. 22. 27. 31.

Л. 132. Посланіе какого-то пресвитера Καλαίουαηна къ

архієпископу Льву (въ наніевоѣ спискѣ прибавлено: Καλαβρίας) подѣ заглавіемъ: Τῷ καθηγητῇ τῶν καθηγητῶν καὶ πνευματικῶ μου πατρὶ κυρῷ Λέοντι τῷ γραμματικῷ καὶ ἀρχιεπισκόπῳ, Καλαϊῶννης πρεσβύτερος, δοῦλος Ἰῷ Χϋ ἀνάξιος. Начало: Κληρικός τις ἔγγιμε γυναῖκα, διδάσκαλε, καὶ πρὶν ἢ συνοικῆσαι τῇ γαμετῇ, βούλεται χειροτονθῆναι πρεσβύτερος, ἐκδεχόμενος μετὰ τὴν χειροτονίαν ἐκπαρθενεῦσαι αὐτήν и пр. Въ отвѣтѣ, который равно какъ и вопросъ, сколько мнѣ помнится, нигдѣ не издавъ, указанное намѣреніе клирика не одобряется.

Л. 180 (велѣдъ за сокращеніемъ правилъ Семеона логовита): Τῶν ἁγίων πατέρων κεφάλαιον· ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἱερέα κοσμικόν и пр. — тоже самое апокрифическое правило, которое въ Кормчей № 467, л. 146 об. приписывается первому собору.

— Κεφάλαιον ια' ἐκ τοῦ γ' βιβλίου τῶν Ἀποστολικῶν διατάξεων. Начало: οὐκ ἐπιτρέπομεν λαϊκοῖς ποιεῖν τι ἱερατικόν. См. Pitra, I. p. 234 (cap. 10).

— Ἐκ τοῦ ζ' βιβλίου τῶν διατάξεων τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, τοῦ περὶ σχισμάτων, κεφάλαιον ιζ'· περὶ κληρικῶν γαμικά παραγγέλματα (Ibid. p. 325).

Л. 181. Κεφάλαιον τοῦ μεγάλου Βασιλείου. Начало: ὅτι οὐκ ἔξεστι τοὺς ἀπὸ τῆς ἱερωσύνης — тоже, что въ № 467 усвоются 4-му собору.

Л. — об. Αἱ νεαρὰι τοῦ κυροῦ Ῥωμανοῦ καὶ τοῦ κυροῦ Κωνσταντίνου καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ καὶ τοῦ κυροῦ Νικηφόρου τῶν βασιλέων. Начало: Εἴ τις ὀρμάσει κόρην, καὶ μετὰ ταῦτα μονάσει. Неиздано.

Л. 182 (последній). Ἐκ τῶν πρακτικῶν τῆς ἐν Νικαίᾳ πρώτης οἰκουμένης συνόδου — опредѣленіе о Пасхѣ, изданное Питрою (См. Spicileg. Solesm. t. IV. p. 541; Juris eccl. Graec. t. I. p. 435 — 436).

Есть, наконецъ, въ синодальной библиотекѣ двѣ каноническія рукописи, которыя, по своей относительной древности, — въ близости къ эпохѣ составленія своихъ прототиповъ, не имѣютъ собъ равныхъ ни въ одной изъ европейскихъ библиотекъ: это — списокъ каноническаго синописа съ толкованіями Алексѣя Ари-

стина (№ 237), несомнѣнно — одного вѣка съ самимъ толкователемъ, и списокъ алфавитной синтагмы Властаря (№ 149), написанный въ 1342 году, значить, — спустя не болѣе 7 лѣтъ послѣ изданія самаго оригинала *). Такъ какъ аристиновскій синопсисъ ни разу не былъ изданъ отдѣльно, а между тѣмъ, по своему отношенію къ нашей печатной Кормчей, онъ имѣетъ особенную важность для русскаго канониста: то я нахожу нужнымъ подробно описать его составъ и содержаніе по указанному синопсидальному списку (№ 237). Къ этому побуждаетъ меня и другое обстоятельство. Извѣстно, что въ числѣ толкователей и вмѣстѣ редакторовъ каноническаго кодекса греческой церкви въ XII вѣкѣ считается (на ряду съ Аристиномъ, Зонарою и Вальсамономъ) еще Доксопатръ, по однимъ — Григорій, по другимъ — Ниль **). Единственный списокъ номоканона, съ именемъ этого толкователя, находится теперь въ ватиканской библиотекѣ; единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ немъ служить описаніе

*) Синтагма Властаря составлена въ 1335 году. См. *Mortreuil*, *Hist. du droit byzantin*, III, 462.—О хронологическомъ отношеніи синопсидальнаго списка къ прототипу правильно замѣтилъ уже извѣстный русскій ученый XVII вѣка — іеромонахъ Евлекій, переведшій Властареву синтагму съ этого самаго списка («преведесея отъ еллинскаго діалекта на славянскій съ рукописныя греческія книги, на пергаминахъ древлеписанныя въ лѣто 6850, по седми лѣтѣхъ точію самаго сочиненія, живу явленно еще сущу мудрѣйшему оному Матеею. Сокровиществуеиъ же той древлеписанной гречестѣй книзѣ доднесь въ вивліонекѣ патриархіи царствующаго града Москвы». Ркп. синод. библиот. № 226, предисл.). Палеографическій снимокъ послѣсловія этого списка синтагмы см. у Саввы № 41. срав. предисл. стр. 16.

**) Юристы — *Мортрель* (*Hist. du droit byzantin*, III p. 483) Цахаріе (*Historiae juris graeco-romani delineatio*, p. 59 и 83), *Геймбахъ* (*De Basilicorum origine*, p. 81; *Griech.-röm. Recht* въ *Энциклопедіи Эрша и Грубера*, т. 86, стр. 460), считаютъ канониста Доксопатра за одно лицо съ Григоріемъ Доксопатромъ, отъ котораго сохранились схоліи въ *Базиликахъ*; другіе писатели — *Алліцій*, *Дюканжъ*, *Фабрицій* — за одно лицо съ Ниломъ (=Николаемъ) Доксопатромъ, извѣстнымъ по своему сочиненію о пяти патриаршихъ престолахъ (см. *Oudinus Comment. de script. eccles. t. II. p. 1180 sq.*).

Монфокона, изданное въ его «*Iter Italicum*» и «*Bibliotheca Bibliothecarum*» *). Сравнивъ это описаніе съ синодальнымъ спискомъ Аристинова синопсиса, нельзя не замѣтить поразительнаго сходства между тѣмъ и другимъ сборникомъ (разница, конечно, только въ имени автора). Отсюда невольно приходишь къ заключенію о тождествѣ Доксопатра съ Аристиномъ, другими словами: о случайной замѣнѣ, въ ватиканскомъ спискѣ, имени послѣдняго именемъ перваго. Для нагляднаго убѣжденія въ этомъ, предлагаю параллельное описаніе обоихъ списковъ:

Синодальный списокъ — пергаменный, въ 4-ку, на 105 листахъ, весьма мелкаго и красиваго письма XII вѣка. — Первая страница 1-го листа отъ сырости такъ попортилась, что на ней едва видны слѣды буквъ; здѣсь начинался указатель главъ, занимающій первые 12 листовъ.

Λ. 13. Νομοκάνονον σὺν Θεῷ, περιέχον συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων καὶ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου καὶ ἑτέρων θεοφόρων πατέρων, ἐρμηνευθὲν προτροπῇ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, παρὰ τοῦ λογιωτάτου διακόνου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ νομοφύλακος κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Ἀριστηνοῦ.

— Τῶν ἁγίων καὶ πανευφύμων Ἀποστόλων κανόνες πε'.

Римскій—пергаминный XII вѣка, въ листъ, на 158 листахъ; списокъ письма помѣщенъ въ *Palaeographia Graeca*, p. 301; форматъ и число листовъ указаны Мортрѣлемъ, по Монфокону *Iter Italicum* (*Hist. du droit byzantin*, III. p. 421. note d).

Νομοκάνονον σὺν Θεῷ, περιέχον συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν ἑπτὰ συνόδων, καὶ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου καὶ ἑτέρων θεοφόρων πατέρων, ἐρμηνευθὲν προτροπῇ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, παρὰ τοῦ λογιωτάτου διακόνου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ νομοφύλακος τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας, πατριαρχικοῦ νοταρίου καὶ πρωτοπρόεδρου τῶν πρωτοσυγκέλων Δοξοπάτρῃ.

1. *Canonnes Apostolorum*, num. 85.

*) Мы имѣемъ подъ руками только послѣднее изъ названныхъ изданій; здѣсь номоканонъ Доксопатра, принадлежавшій во времена Монфокона еще базилианскому монастырю въ Римѣ, описанъ на стр. 196—197 первого тома.

Α. 18 οβ. Τῆς ἐν Νικαία ἀγίας
συνόδου κανόνες κ'.

Α. 21 οβ. Τῶν ἐν Ἀγκύρα ἀγίων
πατέρων κανόνες κε'.

Α. 25. Τῶν ἐν Νεοκαισαρεία συν-
εληθόντων ἀγίων πατέρων κανόνες ιδ'.

Α. 27. Τῶν ἐν Γάγγρα συνεληθόν-
των ἀγίων πατέρων κανόνες κ'

Α. 28 οβ. Τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ
συνεληθόντων ἀγίων πατέρων κανόνες
κε'.

Α. 32. Τῶν ἐν Λαοδικείᾳ τῆς
Φρυγίας συνεληθόντων ἀγίων πατέρων
κανόνες νθ'.

Α. 36. Τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει
συνεληθόντων τῶν ρν' ἀγίων πατέρων
κανόνες η'.

Α.—οβ. Τῶν ἐν Ἐφέσῳ συνεληθ.
ἀγ. πατέρων κανόνες θ'.

Α. 37 οβ. Τῶν ἐν Χαλκηδόνι
ἀγ. πατέρων κανόνες λ'.

Α. 42. Τῶν ἐν Σαρδικῇ συνεληθ.
ἀγ. πατέρων κανόνες κα'.

Α. 44. Τῶν ἐν Καρθαγένῃ συνεληθ.
ἀγ. πατέρων κανόνες ρλζ'.

Α. 63. Ἐκ τῶν ἐν Κωνσταντ.
(πραχθέντων) περὶ Ἀγαπίου καὶ Βα-
γαδίου, ἀντιποιοῦντων Βόστρης.

Α.— Γῆς ἕκτης συνόδου τῆς ἐν
τῷ Τρούλλῳ κανόνες ρβ'.

Α. 75 οβ. Τῆς ἐν Νικαία συνόδου
τὸ δεύτερον κανόνες κβ'.

Α. 79. Τῆς ἐν Κωνσταντ. γενο-
μένης α' καὶ β' συνόδου ἐν τῷ ναῶ
τῶν ἀγίων Ἀποστόλων κανόνες ιζ'.

Α. 80. Τῆς ἐν περιωνόμῳ ναῶ
τῆς τοῦ Θεοῦ Σοφίας, ἧτις τὴν ζ'
ἐκύρωσε σύνοδον.

2. *Canones Nicaeni* 25 (?) me-
mero.

3. *Ancyrae Synodi canones* 25.

4. *Neocaesarensis Synodi* 15.

5. *Gangrensis* 20.

6. *Antiochenae* 25.

7. *Laodiceanae* 59.

8. *Constantinopolitanae* 150 *Patrum*
canones 8.

9. *Ephesinae Synodi canones* 9.

10. *Chalcedonensis* 30.

11. *Sardicensis canones* 21.

12. *Cathaginensis* 137.

13. *Constantinopolitanae de Agapio*
et Bagadio canon 1.

14. *Constantinopolitanae in Trullo*,
VI generalis, canones 102.

15. *Nicaenae secundae canones*
22.

16. *C. P. in Templo SS. Apostolorum*,
πρώτης καὶ δευτέρας, *canones* 17.

17. *Constantinopolitanae in Templo*
S. Sophiae canones 3.

Л. — Τοῦ μεγάλου Βασιλείου ἐκ τῆς α' ἐπιστολῆς κανόνες 14^{θ'} (sic)*)

Л. 89. (κανῶν) πρ'. Ἐκ τῆς πρὸς Ἀμφιλόχιον ἐπιστολῆς (Σύντ. V, 258).

— πρ'. Ἐκ τῆς πρὸς Διόδωρον.

— об. πρ'. Ἐκ τῆς πρὸς Γρηγόριον πρεσβύτερον, ὥστε χωρισθῆναι οὐ συνοίκου γυναιίου.

— πη'. Ἐκ τῆς πρὸς τοὺς χωρπισκόπους.

— πθ'. Πρὸς τοὺς ὑφ' ἑαυτὸν πισκόπους, μὴ χειροτονεῖν ἐπὶ χρήασιν.

— 14. Ἐκ τῆς πρὸς Ἀμφιλόχιον περὶ τοῦ ἀγίου πνεύματος) κεφάλαιον 14^{α'}, περὶ ἀγράφων ἐθῶν.

Л. 90. 14^{α'}. Ἐκ τῆς κθ' κεφαλῆς τῆς αὐτῆς πραγματείας.

Л.— Тарасίου Κωνσταντινουπόλεως Ἀδριανῶ Ῥώμης.

Л.— об. Τοῦ ἀγίου Διονυσίου — окращение двухъ каноническихъ посланий его (къ Василіуду и Колонуду); послѣднее раздѣлено на 4 правила.

— Πέτρου Ἀλεξανδρείας, τοῦ γίου καὶ ἱερομάρτυρος—14 правилъ.

Л. 91. об. Τοῦ ἀγίου Γρηγορίου Ἰεσοκαιοσαρείας τοῦ θαυματουργοῦ — 3 правилъ.

Л. 92. Τοῦ ἀγίου Ἀθανασίου πρὸς Ἀμοῦν μονάζοντα.

Л.— об. Τοῦ ἀγίου Γρηγορίου Ἰεολόγου ἐκ τῶν ἐπῶν περὶ τῶν

18. Basilii, 91.

19. Tarasii C. P. Hadriano papae canon 1.

20. Dionysii Alexandrini canones 5.

21. Petri Alexandrini canones 14.

22. Gregorii Thaumaturgi canones 13.

23. Athanasii canones 5.

Нѣтъ.

*) Подъ этимъ заглавіемъ изложенъ сокращенный текстъ 84-хъ правилъ Василія Великаго, содержащихся въ трехъ каноническихъ посланіяхъ его къ Амфилохію. Толкованія Аристина оканчиваются вмѣстѣ съ этими правилами.

αὐτῶν (т. е. о книгахъ св. писанія, о которыхъ говорится въ послѣднемъ правилѣ Аθανασія) λαμβικοί.

— Τοῦ ἁγίου Ἀμφιλοχίου ἐπισκόπου Ἰκονίου περὶ τῶν αὐτῶν.

Л. 93. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Νύσσης πρὸς Ληττίον Μελιτινῆς—8 **правила**.

Л.—об. Τιμοθέου Ἀλεξανδρείας ἐνὸς τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει ρν' πατέρων, τῶν κατὰ Μακεδονίου ἀθροισθέντων· διάδοχον ἐσχηκότες Θεόφιλον—15 **правила**.

Л. 94. Θεοφίλου Ἀλεξανδρείας—14 **правила**.

Л. 95. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας—7 **правила** изъ 4-хъ посланій.

Л.—Еὐλογίου Ἀλεξανδρείας—1 **правило**.

Л.—Γενναδίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς τμημαῦτα ἐνδήμου ἱεράς συνόδου.

Л.—об. Γραφὴ ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως Μαρτυρίῳ ἐπισκόπῳ Ἀντιοχείας περὶ τοῦ πῶς δεκτέον αἰρετικούς προσιόντας τῇ ἐκκλησίᾳ.

Л.— Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου πρὸς Ῥουφινιανόν.

Л. 96. Τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου Παύλου κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ ιζ'.

Л.—об. Τῶν ἁγίων Ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου κανόνες ιζ'.

Л. 97. Κοινῶς τῶν Ἀποστόλων πάντων κανόνες β'.

Л.—Τὰ κεφάλαια τοῦ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας χρυσοβούλλου, τοῦ Ἰουστινιανοῦ, περὶ τῶν προσφυγόντων δούλων.

Л.—об. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου

Нѣтъ.

24. Gregorii Nysseni canones 8.

25. Timothei Alexandrii canones 15.

26. Theophili Alexandrii canones 14.

27. Cyrilli Alexandrii canones 7.

28. Eulogii Alexandrini canon 1.

29. Gennadii C. P. canon 1.

30. Rescriptum Constantino ad Martyrium episcopum Antiochenum canon 1.

31. Athanasii ad Rufinianum.

32. Sanctorum Apostolorum (sic) canones 17.

33. SS. Apostolorum Petri et Pauli canones 17.

34. SS. Apostolorum in comuni canones 2.

35. Τὰ . . . Ἰουστινιανοῦ, id est capita sive canones Bullae aerae Justiniani, quae est in magna ecclesia, num. 6.

36. Τοῦ . . . canones 27. P.

περὶ τίτλου καὶ χρόνου ἀμαρτημάτων
6. **Правила.**

Л. — Τοῦ αὐτοῦ πόσοι τύποι
sic) τῶν ἐπιτιμίων.

Л. 98. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου περὶ
ρθοδοξίας κεφάλαια ἰβ' κατὰ Νεστο-
ρίου.

Л.—об. Δημητρίου μητροπολίτου
κυζικοῦ περὶ Ἰακωβιτῶν καὶ Χατζι-
ζαρίων.

Л. 99. Πέτρου Ἀντιοχείας, πρὸς
ὃν Βενετίας γέγονε δέ γ' οὗτος ἐπὶ
οὐ πατριάρχου κυροῦ Ἀλεξίου.

Далѣе сходство между списками то прекращается, то возоб-
является *). Въ синодальномъ слѣдуютъ :

Л. 99. об. Λέοντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας — изъ по-
ланиа противъ латинянъ.

Л. 102. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου παραγγελία πρὸς ἱερέα περὶ
τῆς θείας λειτουργίας. Начало: Σπούδασον, ὦ ἱερεῦ, σαυτὸν πα-
αστῆσαι (Σύντ. IV, 391).

Л. — Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῆς ἁγίας μεταλήψεως (Beverigii, t. II,
a 13-мъ нумеров. листѣ, послѣ стр. 188).

Л. — об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῶν καταφρονούντων τῶν ἐπιτιμίων.
Ibid.).

Л. — Τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου Παύλου ἐκ τῆς πρὸς Κοριν-
θίους ἐπιστολῆς — съ двумя краткими толкованіями.

Л.—Ἐκ τῆς ἐπιστολῆς Γενναδίου (Σύνт. IV, 416). За тѣмъ
риписано виноварью: Ὅτι χρῆ τοὺς προσκομίζοντας (καὶ) τὴν
ὕλην τοῦ ἁγίου βαπτίσματος ποιῶντας, τὰς εὐχὰς ἐκφωνεῖν
οὐδὲ μὴ τοῦτο ποιῶντας, ὑπευθύνους εἶναι τῇ κρίσει τοῦ με-
άλου Θεοῦ.

Л. — Τοῦ ἁγιωτάτου Τιμοθέου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας,
νὸς τῶν ρν' ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνελ-

ница въ счетѣ объясняется, вѣро-
ятно, тѣмъ, что Моноконъ при-
считалъ сюда и слѣдующую въ
синодальномъ спискѣ статью, ко-
торая у него отдѣльно не показана.

37. Cyrilli contra Nestorium ca-
pones 11 (?).

38. Demetrii Cyziceni canones 3.

39. Petri Antiocheni canones 4.

*) Въ римскомъ спискѣ, по описанію Монокона, подъ №№ 40
41 стоятъ: Iohannis monachi, discipuli s. Basilii, canones 2; Syno-
gram et Patrum canones 27.

θόντων, ἀποκρίσεις κανονικαὶ πρὸς τὰς ἐπινευχθείσας αὐτῶ ἐρωτήσεις παρὰ τινων ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν — полный текстъ тѣхъ же 15-ти отвѣтовъ, которые сокращенно помѣщены выше, на л. 93 об. И въ римскомъ спискѣ Монфоконъ указываетъ здѣсь правила Timothei alexandriini (№ 42).

Послѣ 104-го листа, на которомъ обанчиваются каноническіе отвѣты Тимофея, въ синодальномъ спискѣ не достаётъ нѣсколькихъ листовъ, на которыхъ, судя по оглавленію (л. 12 об.), должны были содержаться слѣдующія статьи, отчасти отмѣченныя Монфокономъ и въ римскомъ спискѣ:

(Ἰωάννου πατριάρχου) Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηστευτοῦ περὶ διαφόρων διαφορῶν καὶ διαθέσεων τῶν ἐξομολογουμένων κρίφια ἀμαρτήματα καὶ τῶν τούτους ἀναδεχομένων (У Монфокона № 43: Iohannis τοῦ Νηστευτοῦ).

Пері κληρικῶν καὶ λοιπῶν ἱερωμένων — у Монфокона нѣтъ.

Пері τῶν οἰκουμενικῶν ζ' συνόδων (у Монфокона № 44: Septem synodorum oecumenicarum).

Далѣе слѣдуютъ въ оглавленіи еще какія-то двѣ статьи, которыхъ я разобрать не могъ.

Л. 105 (последній). Νομικὰ δὲ κεφάλαια διάφορα παρεκβληθέντα πρὸς τὰς ὡς ἐπὶ πλείστον ἀναφερομένας ὑποθέσεις.

Βιβλίον κη' τίτλος α'.

Γενόμενος ἐπίτροπος οὐ δύναται γαγεῖν τὴν ὑπ' αὐτοῦ ποτὲ ἐπιτροπευθεῖσαν ὄφρανήν и пр. У Монфокона подъ № 45 указана, можетъ быть, та же самая статья: De purtiis.

Итакъ сходство между синодальнымъ и римскимъ спискомъ въ главныхъ составныхъ частяхъ — полное (да и въ дополнительныхъ — разницъ не много). Остается только вопросъ о сходствѣ или различіи толкованій на правила, приписываемыхъ въ одномъ спискѣ Аристину, въ другомъ — Доксопатру. Но и этотъ вопросъ разрѣшается при помощи самого же Монфокона. Въ своей «Греческой Палеографіи» (стр. 301 — 303) онъ приводитъ изъ римскаго списка снимокъ слѣдующаго мѣста: Τῶν ἀπὸ τῆς νέας Γερμανοῦ παρεῖναι λεγομένων ὑποδιακόνων, τρεῖς ζητηθέντων καὶ μὴ ἀρεθέντων, ψῆφον ἔχρην ἐξενεχθῆναι· ἀλλὰ διὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἡμερότητα πεμφθήτωσαν οἱ περὶ τοῦ

πράγματος διαγινῶναι ὀφειλοντες. Ἐρμηνεῖα. Οὗτοι οἱ διάκονοι, τοῦ ἐπισκόπου Μαυρεντίου κατηγορήσαντες, καὶ παραγγελλθέντες εἰς τὴν σύνοδον ταύτην ἀπαντῆσαι, καὶ προθεῖναι ἅπερ εἰσῆγγον κατὰ τοῦ ἐπισκόπου αἰτιάματα· εἶτα δεύτερον καὶ τρίτον φηλαφηθέντες καὶ μὴ εὐρεθέντες, ὡς συκοφάνται κατακριθῆναι ἔμελλον· ἀλλὰ διὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἡμερότητα ὀρισθῆναι σταλῆναι τινὰς ἀπὸ τῆς συνόδου κριτὰς, καὶ κατὰ χώραν σκοπῆσαι τὰ αἰτάματα, παρουσία καὶ αὐτῶν τῶν κατηγορῶν, καὶ ἀρμοδίαν τῷ πράγματι παρασχεῖν τὴν διαγινωσιν. Если мы сравнимъ это мѣсто съ сокращеннымъ (синопсическимъ) текстомъ 100-го правила карфагенскаго собора — по Синагигѣ Ралли и Потли (т. III. стр. 547) или 103-го — по изданію Бевриджа (Synodicon. t. I. p. 638): то убѣдимся въ совершенномъ тожествѣ quasi — Доксопатрова текста и толкованія — съ Аристиновымъ.

Изъ позднѣйшихъ (бумажныхъ) рукописей каноническаго содержанія особенно замѣчательными показались мнѣ два сборника: № 455, въ 8-ю, на 356 листахъ, XV вѣка (ср. Mathaei, p. 328. 329. № LI), и № 33 — на 117 листахъ большаго формата, послѣдней четверти XVII вѣка. Въ первомъ содержится, между прочимъ, довольно исправный списокъ епитимійнаго номоканона, [изданнаго по крайне испорченной рукописи Котельеромъ (Monum. eccles. graecae t. I. p. 68 — 158) и въ славянскихъ рукописяхъ извѣстнаго подъ именемъ Зонара или Зинара (см. мой Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, стр. 26 — 28). Въ синодальномъ списокѣ этотъ номоканонъ (начинающийся на л. 50 об.) имѣетъ такое заглавіе: Νομοκάνονον τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου, καὶ τῶν ἁγίων πατέρων, ἐμπεριέχων (sic) διάφορα κεφάλαια ἀντεχόμενα τῶν συμβάντων ἡμῖν ἁμαρτημάτων, καὶ περὶ σωτηρίας ψυχῆς. По недостатку времени, я не могъ снять полной копии этого списка и ограничился только выпискою нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно неисправныхъ у Котельера. Не отказываюсь, впрочемъ, отъ мысли издать синодальный списокъ вполне, вмѣстѣ съ славянскимъ переводомъ.

Рукопись № 33 написана въ 1687 году въ Иерусалимѣ, по распоряженію тамошняго патріарха знаменитаго Досеѣя, для

нашей патриаршей библиотеки, какъ видно изъ собственноручной записи владчика на л. 12: *Συναγωγή νόμων ἐκ διαφόρων νομίμων, ἣν ἐποίησατο ὁ Ἱεροσολύμων πατριάρχης Δοσίθεος, κόπρω, σπουδῆ καὶ δαπάνῃ, καὶ ἀφιέρωσεν εἰς τὸ πανευαγὲς πατριαρχεῖον τῆς βασιλευούσης μεγάλης Μοσχοβίας εἰς μνημόσυνον αἰώνιον. ἀχπς' . . . ὁ Ἱεροσολύμων Δοσίθεος.* Въ Москвѣ полученъ этотъ владѣ въ 1693 году, какъ видно изъ помѣщенной на 1 листѣ грамоты или, точнѣе, исторической записи нашего патриарха Адриана о различныхъ книгахъ и рукописяхъ, присланныхъ въ различныя времена Досіеємъ. «Нынѣ же, сказано здѣсь между прочимъ, въ 7201 лѣтѣ онъ же святѣйшій Досіеѣй прислалъ съ честнымъ и мудрымъ мужемъ, іеромонахомъ Хрисанеѣмъ, архимандритомъ Гроба Господня, книги едины на десять числомъ печатныя, овы греческія, овы же греко-латинскія, и едину сію рукописную, въ ней же собраніе законовъ о различныхъ винахъ въ пятидесяти главахъ. Въ печатныхъ же двухъ томѣхъ собраны каноны св. Апостолъ и св. всѣхъ синодовъ селенскихъ и мѣстныхъ, и особная посланія св. отецъ каноническая, всѣ съ толкованіями блаженнаго Θεодора Вальсамона, патриарха антиохійскаго, и Іоанна Зонары, и номоканонъ по пресѣченію (κατ' ἐπιτομὴν) номофилака Алексіа Аристина. Да во второмъ, подобнымъ тому, томѣ сочиненіе каноновъ по алфавиту, сочиненное мудрѣйшимъ и словесѣйшимъ іеромонахомъ Матеемъ Властаромъ *). И сія вся и съ ними градскія закони, собраныя Фотиємъ святѣйшимъ патриархомъ константинопольскимъ, толкованныя же Θεодоромъ, патриархомъ святѣйшимъ антиохійскимъ Властаромъ (читай: Вальсамономъ **), за благословеніемъ мѣрности нашей, всесовершенно на славенскій языкъ преведошася, яже благоволившу Богу святому, и тыя вся въ печатное дѣло скоро даны будутъ» ***).

*) Здѣсь, очевидно, говорится объ извѣстномъ изданіи Бевериджа (Beveregius): *Συνόδικον sive Pandectae canonum et caet. Oxoniae. 1672.*

**) Разумѣется парижское изданіе 1620 г. Номоканона и синагмы Фотія съ толкованіями Вальсамона.

***) Въ 1692 году, дѣйствительно, конченъ былъ переводъ церковныхъ правилъ, по выше указаннымъ изданіямъ, надъ которыми тру-

Большая часть статей, содержащихся въ этомъ сборникѣ, извѣстна по печатнымъ изданіямъ. Мы отмѣтимъ и отчасти приведемъ здѣсь вполнѣ только замѣчательнѣйшія *ἀνεκδότα*, именно:

Л. 25 об. Ἐπιστολὴ Νικηφόρου χαρτοφύλακος. Извѣстна только въ латинскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ *Bibliotheca magna Patrum* (t. XII, p. 547) и отсюда перепечатанномъ у Мина въ *Patrolog. curs. compl. t. C. col. 1065—1068*.

Л. 26 об. Статья, безъ всякаго заголовка, исчисляющая примѣры перемѣщенія епископовъ. Начало: Ὁ μέγας Εὐστάθιος, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἀγίου βασιλέως Κωνσταντίνου, μετετέθη ἀπὸ Βερβορίας, ἧτοι Χαλεπ, εἰς Ἀντιοχείαν (срав. Σόνт. т. V. стр. 391. строк. послѣд.). Замѣчательнѣйшій слѣдующій примѣръ:

дился іеромонахъ Евѣмій (см. Саввы Указатель патріар. библиот. подъ словомъ *Θεόδωρ Вальсамонъ*; срав. Матеей Властарь и Правила). Почему этотъ переводъ, не смотря на обѣщаніе патріарха, не попалъ «въ печатное дѣло» — мы не знаемъ. Слишкомъ чрезъ сто лѣтъ (именно въ 1800 году) въ святѣйшемъ Синодѣ поднять былъ вопросъ о напечатаніи какихъ-то рукописныхъ связокъ, содержавшихъ въ себѣ переводы 1) номоканона и синтагмы съ толкованіями Вальсамона; 2) Беверегія и 3) одного Фотіева Номоканона. Первый и послѣдній были одобрены къ печати московскою духовною цензурою; о второмъ цензура отозвалась, что «переводъ сей ничѣмъ не лучше имѣющагося въ Коричей» и что въ немъ «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и смыслу грамматическаго нѣтъ». Синодъ опредѣленіемъ 16 Апрѣля (журналъ № 23) постановилъ: одобренные цензурою переводы отдать на новое разсмотрѣніе синодальному члену Иринею, архіепископу псковскому. Послѣдній въ засѣданіи 26 Мая (журн. № 23) заявлялъ, что «эти книги имъ разсматриваны: и поелику правила св. Апостолъ положены въ Требникѣ^{*)}, а правило законное патріарха Фотія находится въ Коричей книгѣ, то и печатать ихъ особыми книгами онъ надобности не находитъ». Опредѣлено: «сіи двѣ книги, не издавая ихъ въ печать, отдать для храненія въ синодальной библиотекѣ» (Дѣло 24-го Марта 1800 г.). Но такъ какъ въ настоящее время онѣ тамъ не находятся, то и трудно рѣшить, о какихъ именно переводахъ производилось все это дѣло.

^{*)} Разумѣется, безъ сомнѣнія, Номоканонъ или Законоправильникъ, издаваемый въ концѣ Большаго Требника.

ἐπὶ τῆς βασιλείας Πορφυρογεννήτου, Θεοφύλακτος δὲ Σεβαστείας μετετέθη, εἰς τὴν Ῥωσίαν (л. 27). Писрскaго митрополита Θεοφιλάκτα, современника ΠορφυρογενεσταВасиліи († 1025) или Κωνσταντίνу († 1028), изъ другиx источниковъ вовсе неизвѣстно. Декретъ (Oriens christianus, т. I р. 1261), найдя тоже самое свидѣтельство въ церковной итеріи Досноєя, относитъ его къ извѣстному изъ русскихъ иеронимовъ митрополиту Θεοπενиту (о которомъ Несторъ упоминаетъ подъ 1038 г.).

Л. 27. Ἐπι σημείωσαι καὶ ταῦτα τὰ πατριαρχικά γράμματα, περὶ μεταθέσεως διαλαμβάνοντα.

Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ς—η, ἡμέρᾳ ς, ἰνδικτιῶνος ιδ', προκαθημένου τοῦ παναγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου, τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κύρ Γερμανοῦ, ἐν τοῖς κατὰ τὴν ἀγιωτάτην μητροπόλιν Νικαίας κελλίσι αὐτοῦ, συνεδριαζόντων τῇ μερίστῃ ἀγιωσόσῃ εἰς ἱερωτάτων ἀρχιερέων, τοῦ Νικομηθίας Νικηφόρου, τοῦ Μελιτῆς Μανουήλ, τοῦ Λαοδικείας Θεοδώρου, τοῦ Ἀλανίας Θεοδώρου, καὶ τοῦ Λοπαδίου Ἀγαπίτου, παρισταμένων καὶ τῶν θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων. Начало: Τιμᾶται ἀπαξ ἀπλῶς ἐν ἀπαξ ἡ ἀκριβεία. — Нонздано.

Л. 28. Ἐτερον εἰς τὸ αὐτό. Μηνὶ Μαρτίῳ κδ', ἡμέρᾳ ι, ἰνδικτιῶνος ιε', προκαθημένου τοῦ παναγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κύρ Γερμανοῦ ἐν τοῖς ἀνωτέρω ὄντων κελλίσι. — Нонздано.

Л. 30. Ἐρωτήσεις διάφοροι γενόμεναι πρὸς τὸν χαρτογράφα κύρ Νικῆταν, τὸν ὕστερον Θεσσαλονίκης ἀρχιερέα, καὶ ἀποκρίσεις ἐπ' αὐταῖς. — Ἐρώτησις· Εἰκόσ ἐστιν ἐν τῇ αὐτῇ κίμῃ ἱερουργία, ἱερέα καὶ διάκονον χειροτονηθῆναι; καὶ εἴπερ ἀπὸλυτον, τὸν σήμερον χειροτονηθέντα διάκονον, μετὰ δευτέραν κίμῃ τρίτην ἡμέραν, εἰς ἱερέα τελειωθῆναι; — Ἀπόκρ. Ἐνα μὲν κίμῃ τὸν αὐτὸν, ἐν τῇ αὐτῇ καὶ μᾶ ἱερουργία χειροτονηθῆναι διάκονον καὶ ἱερέα, οὐκ ἐστιν εἰκόσ κ. τ. λ. Въ концѣ этого (нонзданнаго) отвѣта Σχόλιον Ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης κύρ Ἀρσένος, τῆς σήμερον χειροτονηθεὶς διάκονος, καὶ τῇ μετ' αὐτὴν πρεσβύτερος καὶ τῇ μετ' ἐκείνην πατριάρχης χειροτονηταί. Καὶ ὁ Βουλγαρίας κύρ Λέων, ὡς ἐν ταῖς αὐτοῦ ἐπιστολαῖς εὔρον, τὸν Κοφύχειον

υάννην, τὸν πεπαγομένον(?) διάκονον ὄντα, τῷ σαββάτῳ χειρο-
νήσας πρεσβύτερον, τῇ ἐξῆς κυριακῇ ἐπίσκοπον τοῦ Γρεβινοῦ
χειροτόνηκεν. Ταῦτά φησιν ὁ Κυζίκου Θεόδωρος, καλόγηρος ὢν
ὁ πατριάρχου κῦρ Ἀρσενίου.

Л. 34. Συνοδικὸν γράμμα. Подъ этиѣмъ заглавіемъ стоить
Ѣдущая замѣчательная грамота :

Πανευγενέστατε ῥήξ Ἀρμενίας, Κιλικίας καὶ Ἰσαυρίας. Εἰρή-
ην ἐπευχόμεθα σοι ἐν Χριστῷ, τῷ τὰ διεστῶτα συναγαγόντι,
καὶ σὺ θεοφιλῶς τὴν μετὰ τοῦ φιλευσεβοῦς κραταιοῦ καὶ ἀγίου
κωνσταντίνου βασιλέως συγγενικὴν ἡρετίῳ ἀγάπην καὶ ἔνωσιν. Ὁ κρα-
ταῖος καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, πρόσταγμα τῆς ἀγίας αὐτοῦ βα-
σιλείας πρὸς τὴν καθ' ἡμᾶς ἀπέλυσε σύνοδον, παραδηλοῦν μετὰ
τῶν ἄλλων καὶ τοῦτο, ὡς ἡ λαμπροτάτη εὐγένειά σου, συναλλάσ-
ουσα εἰς συγγένειαν μετὰ τῆς βασιλείας αὐτοῦ, καὶ εἰς γυναῖκα
ἰότητι διδοῦσα τὴν θυγατέραν αὐτῆς, ἀπῆλθε μετὰ τῶν ἄλλων
καὶ ἀσφάλειαν γενέσθαι αὐτῇ διὰ συνοδικῆς ἐγγράφου πράξεως
ἐπὶ τοῦ μὴ ἄλλως συναφθῆναι τῇ βασιλείᾳ αὐτῆς (ЧНТ: αὐτοῦ)
τὴν θυγατέρα τῆς σῆς εὐγενείας, εἰ μὴ κατὰ κανονικὴν ἀκολου-
θίαν καὶ παρατήρησιν, μετὰ ἱερολογίας τελείας· καὶ ἐπὶ τούτου,
κατὰ τὴν σὴν αἴτησιν, ποιῆσαι τὴν καθ' ἡμᾶς σύνοδον, τὸ τοιοῦ-
τον κανονικὸν διεκελεύετο πρόσταγμα· ὅτι γοῦν καὶ ἡμῖν εὐλογον
ομιλήθη τὸ γενέσθαι, καθὼς τε ἡ εὐγένειά σου ἤτήσατο, καὶ ὁ
βασιλεὺς πρὸς τοῦτο εὐχότως ἐπένευσε, τὸ παρὸν γράμμα ἰδοῦ
καὶ τὴν σὴν εὐγένειαν ἐγχαράξαι δεόν ἐκρίναμεν, δι' οὗ καὶ
κραδηλοῦμεν αὐτῇ, ἐγὼ τε ὁ πατριάρχης, ἐγὼ δὲ ἀρχιεπίσκοπος
κωνσταντινουπόλεως, τῷ τηλικαῦτα παρευρεθέντες ἀρχιερεῖς,
καὶ ἐν ἀκροάσει γεγονότες τῆς υποθέσεως, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπίσκοποι,
καὶ ὁ κραταῖος καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, ὁλος(?), Θεοῦ χάριτι,
καὶ εὐσεβείας ἐστὶ, καὶ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων καὶ ὁρων
ἔχεται, καὶ οὐδὲν παρὰ τὴν νόμιμον καὶ κανονικὴν ἀκολουθίαν
ἔχει ποιεῖν· ὅπερ καὶ ἀκριβῶς εἰδότες ἡμεῖς, καὶ τῇ σῇ εὐγε-
νείᾳ διὰ τοῦ ἡμετέρου γνωρίζομεν γράμματος, καὶ ἐντελῆ ταύτη
ἀποφορίαν διδόμεν, ὡς οὐκ ἂν πρὸς μῆτιν τῇ σῇ γνησίᾳ συν-
φθῆσεται θυγατρὶ ὁ κραταῖος καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, εἰ μὴ
ἴντα τὰ ἐκκλησιαστικὰ καὶ κανονικὰ ἔθιμά τε καὶ νόμιμα, κατὰ

τὴν τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας ἀρχαίαν ἐρη-
 παρατήρησιν, καὶ ἐπὶ τῇ τούτου προκειμένου συναλλάγματι ἡ
 θέσει κατὰ τὸ ἄρτιον τελειωθήσεται, καὶ αὕτη δὲ ἡ ἱερολογία τῆς
 γάμου ἀκολούθως τούτου ἐφέψεται. Πάντως γὰρ εὐδὴ καὶ
 προβῆναι ἔμελλον, εἰ μὴ καὶ ἡ λαμπροτάτη σου εὐγένεια φθάσει
 τοῦτο ἀπήτησε, δι' ἣν, ὡς ἔφημεν, ἀκριβῶς οἶδαμεν ἔχειν τὴν
 βασιλέα ἡμῶν τὸν ἅγιον περὶ τὰ θεῖα εὐλάβειαν καὶ περὶ τὰ
 κανονικά τε καὶ ἔννομα ἔθιμα, φυλαχὴν καὶ συντήρησιν. Ὅθεν καὶ
 πάσης ὑποψίας τε καὶ ἀμφιβολίας ἀνώτερον τὴν σὴν κούραν
 εὐγένειαν, διὰ πλείονα πληροφορίαν τοῦ πράγματος καὶ ἀσφάλειαν
 καὶ δι' οἰκαιοχειρῶν ὑπογραφῶν ἐν τῷ παρόντι ὑπεστήμηται τὸ
 γράμματι. Μηνὶ Ὀκτωμβρίῳ, ἰνδικτιῶνος β', ἔτους ςψκβ (1213).

Αἱ ὑπογραφαί· Μιχαὴλ ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης.

Ἰωάννης ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος πάσης Βουλγαρίας.

Ὁ μητροπολίτης Ἐφέσου Νικόλαος.

Ὁ μητροπολίτης Κυζίκου Νικηφόρος.

Ὁ Σάρδεων Νικηφόρος.

Ὁ Λαοδικείας Θεόδωρος.

Ὁ Φιλαδελφείας Νικόλαος.

Ὁ Θεουπόλεως Προύσης Σέργιος.

Ὁ ἀρχιεπίσκοπος Κίου Κωνσταντῖος.

Ὁ Λοπαδίου καὶ Μελιτουπόλεως Νικηφόρος.

Ὁ Μελαγειῶν Λέων.

Дѣло идетъ о бракѣ никейскаго греческаго императора
 Θεοδора Λασκαρισα сь дочерью армяно-визикійскаго князя. Изъ
 византийскихъ историковъ объ этомъ обстоятельстве многоходо
 и безъ хронологической опредѣленности упоминаетъ одинъ толь
 Акрополита (Georg. Acropol. Annal. ed. Bonn. 1836. p. 27
 34). Дата грамоты и первая двѣ подписи подъ нею важны для
 исторіи византийской и болгарской іерархіи; оказывается, что въ
 Октябрѣ 1213 г. константинопольскимъ патриархомъ былъ еп
 Михаилъ (Авторіанъ), умершій, по Левону (Oriens, I. 277
 25 Августа 1212 г., а болгарскимъ архіепископомъ — Юлианъ
 (Каматеръ), а не Димитрій Хоматинъ, какъ думаетъ Голубинскій
 (Ист. церк. болгар. и пр. стр. 123).

Въ концѣ рукописи (л. 107—117) помѣщенъ особый сборникъ грамотъ по извѣстному синайскому дѣлу (объ автокефальности тамошняго епископа) подъ общимъ заглавіемъ: Ἴσα παλαιῶν γραμμάτων πατριαρχικῶν, στηλιτεύοντα τὴν παρανομίαν καὶ καχογνωμίαν τῶν Σιναϊτῶν, ὅτινες παραβάντες τοὺς θεοῦ θεσμοὺς, παρὰ κανόνες ἐλειτούργησαν ἐν τῷ ἐν Αἰγύπτῳ μετοχείῳ αὐτῶν, παρὰ γνώμην τῶν κατὰ καιροὺς ἀειδήμων πατριαρχῶν Ἀλεξανδρείας, αἵτιοι εἴτε ζημίας σκανδάλων καὶ παντελοῦς ἀφανισμοῦ τοῦ ἁγιωτάτου καὶ ἀποστολικοῦ θρόνου Ἀλεξανδρείας ἐγένοντο, εἶθεν καὶ πολλὰκις ἐπιτιμῆθησαν. Всѣхъ грамотъ — 15, именно: 1) Тимоѳея, патріарха константинопольскаго (въ Августѣ 1607 г.); 2) Софронія, патріарха іерусалимскаго (въ Апрѣлѣ того же года); 3) синайскихъ монаховъ и ихъ епископа Лаврентія (18 Мая 1662 г.); 4) тѣхъ же и ихъ архіепископа Іоасафа (безъ даты); 5) патріарха Парөөнія (17 Января 1646 г.); 6) молдовлахійскаго князя Іоанна (въ Августѣ 1846 г.); 7) Іоаннікія, патріарха константинопольскаго (въ Ноябрь того же года); 8) его же о низложеніи синайскаго архіепископа Іоасафа (въ Декабрѣ 1646 г.); 9) его же (въ Январѣ 1648 г.); 10) Евѳимія, патріарха антиохійскаго (20 Іюля 1646 г.); 11) его же (1647 г.); 12) Іоаннікія, патріарха александрійскаго (24 Окт. 1647 г.); 13) Іоасафа, архіепископа синайскаго (отреченная— 26 Іюня 1648 г.); 14) монаховъ синайскихъ (ὅτι οὐ δέχονται τὰ νεωτερίσματα τοῦ ἰδίου ἐπισκόπου— 3 Іюня 1653 г.); 15) Меѳодія, патріарха константинопольскаго, и Досіѳея іерусалимскаго (въ Декабрѣ 1670 года) — составителя всей настоящей рукописи.

писи науки славянской. *В. Григоровича*. — 5) Протоколы засѣданій совѣта университета (съ 19 августа по 21-е декабря 1870 г.).

ТОМЪ VII. Содержаніе: 1) Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Ч. 1. Попытки къ обращенію въ государственную собственность поземельныхъ владѣній русской Церкви въ XVI в. *А. Павлова*. — 2) Вступительныя лекціи: по кинематикѣ — *Лилина*, по аналитической геометріи — *Ярошенка*. — 3) Отчетъ о состояніи новороссійскаго университета за 1870—1871 г. и приложенія къ нему. — Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 января по 31-е мая 1871 года), и приложенія къ нимъ (отчеты Бернштейна и Мечникова).

ТОМЪ VIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 16 августа по 13 декабря 1871 г. и съ 20 января по 29 мая 1872 г.). — 2) Вступительныя лекціи: а) по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій — *Кочубинскаго*, б) теоріи и исторіи искусствъ — *Кондакова*, в) химіи — *Марковникова*, г) минералогіи — *Головкинскаго*. — 3) Приложеніе: Номоканонъ при Большомъ Тренинкѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя. *А. Павлова*.

ТОМЪ IX. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 августа по 23 декабря 1872 года). — 2) Краткій отчетъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{71/72} академическомъ году. — 3) Задача политической экономіи и отношенія ея къ прочимъ наукамъ. *М. М. Вольскаго*. — 4) Шериплъ каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія (съ картою). *Ф. К. Бруна*. — 5) Еще наказный списокъ по Стоглаву. *А. С. Павлова*. 6) Историческій очеркъ теоріи свѣта. *Н. А. Умова*. — 7) Начала новой геометріи. *С. П. Ярошенки*.

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года). — 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина*. — 3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко*. — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодействій. *И. Умова*. — 5) Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Елю-же*.

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{72/73} академическомъ году. — 3) Братья Подбоб и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка *А. Кочубинскаго*. — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы» *В. Лилина*. — 5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 6-го сентября по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церковнаго законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября). — 3) Памятникъ гарній изъ Ксанова въ Ликии. Опытъ исторической характеристикѣ. *Н. Кондакова*. — 4) Замѣтка объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.

18

L Soc 39

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТ
 СТАВ...
 МИНИСТР. 10 ЮЛЬ 89
 ШКАФЪ № КОЛ...
 Инв. № 16920. № 7

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ПОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
 APR 8 1974

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ,

изданный под редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
 въ типографіи Ульриха и Шульце.
 1874.

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“ имѣются предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ VIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 16 августа по 13 декабря 1871 г. и съ 20 января по 29 мая 1872 г.). — 2) Вступительныя лекціи: а) по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій — *Кочубинскаю*, б) теоріи и исторіи искусствъ — *Кондакова*. в) химіи — *Марковникова*, г) минералогіи — *Головкинскаю*. — 3) Приложеніе: Номоканонъ при Большомъ Трехникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя. *А. Павлова*.

ТОМЪ IX. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 августа по 23 декабря 1872 года). — 2) Краткій отчетъ Императорскаго новороссійскаго университета за 18^{71/72} академическій годъ. — 3) Задача политической экономіи и отношенія ея къ прочимъ наукамъ. *М. М. Вольскаю*. — 4) Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія (съ картою). *Ф. К. Бруна*. — 5) Еще наказный списокъ по Стоглаву. *А. С. Павлова*. 6) Историческій очеркъ теоріи свѣта. *Н. А. Умова*. — 7) Начала новой геометріи. *С. П. Ярошенка*.

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года). — 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина*. — 3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко*. — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодействій. *Н. Умова*. — 5) Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Ею-же*.

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{72/73} академическомъ году. — 3) Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. *А. Кочубинскаю*. — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *В. Лигина*. — 5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

- 5 1939

3140/4

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАГО
 СТАТИСТИЧ. КОМПЛЕКТ
 МИНИСТР. 18 ИЮЛЬ 89 СМУТ. Д.
 ШКАФЪ 96. ПОЗК. 4.
 16920л

ЗАПИСКИ

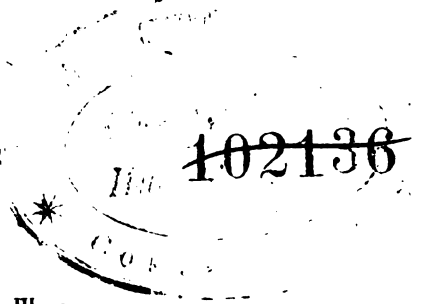
ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
въ типографіи Ульриха и Шульце.
1874.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго
университета. Рectorь *Θ. Леонтовичи.*

СОДЕРЖАНІЕ.

страни.

Часть официальная.

Каталогъ дублетовъ библіотеки новороссійскаго университета. (Приложеніе къ 28-й ст. протокола засѣданія совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года)	1—89
---	------

I. Часть ученая.

а) Вступительная лекція по православному богословію, проф. <i>А. Кудрявцева</i>	1—26
б) Анализъ Платонова діалога «Федонъ», доцента <i>Лебедева</i>	27—274

II. Приложеніе.

Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи, доцента <i>М. Шилевскаго</i>	1—35
--	------

I. Часть офіціальная.

Нижеслѣдующій каталогъ дублетовъ библіотеки ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета напечатанъ по опредѣленію Совѣта 2-го марта 1874 года (см. протоколъ засѣданія этого числа въ XIII книгѣ «Записокъ», ч. офф. стр. 79), съ тою цѣлю, чтобы ученые учрежденія и общества, получающія Университетскія «Записки», имѣли возможность предлагать въ обмѣнъ на означенныя въ каталогѣ книги свои дублеты.

Редакторъ А. Павловъ.

(Приложение къ 28-й ст. протокола засѣданія Совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года).

КАТАЛОГЪ

ДУБЛЕТОВЪ БИБЛИОТЕКИ НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1. **A. B. C. ali Bucvize teh zherk inu besied. Vzlouzi, 1790, (6р.), 1 vol. in 12-o. (№ 1181).**
- Abecedárka pro Skoli Slowenske w Mestečkach, a w dědinách. W Budin, 1823. 1 vol. in 8-o (№ 1103).**
- Abegg Julius. Lehrbuch der gemeinen Criminal-Processes. Königsberg. Bornträger, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 538).**
- Abegg Julius, System des Criminal-Rechts-Wissenschaft. Königsberg, bei Unzer. 1*26. 1 vol. in 8-o. (№ 469).**
- Abegg Julius, Ueber die Verjährung Rechtskräftig erkannter Strafen. Breslau, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 657).**
- Abezéndik sa Šholé na Kmetih v' zefarskih krajévih Deshélah. V' Ljublani 1816. 1 vol. in 12-o. (№ 1179).**
- Abhandlungen der Kőiglichen Akademie der Wissenschaften in Berlin. Aus den Jahren 1814—1815, 1816—1817. Berlin, in der Real-schal-Buchhandlung, 1818, 1819 in 4-o (№ 1888).**
Aus den Jahren 1866, 1867. Berlin 2 in 4-o. (№ 251).
- Abicht J., Encyclopädie der Philosophie. Mit literarischen Notizen. Frank-furt am Mayn, Wilmans, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 1528).**
- Acten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815. Heft 1—7. Herausgegeben von Johann Klüber. Erlangen, bei Enke, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 698).**
- 1). **Adam Prof., Ueber die Sklaverei bei den Römern. Tübingen, 1866, 6ром. in 4-o. (№ 1646).**
- Adressverzeichniss (Niederlausitzches). Lübben, Ritter. 1806. 1 vol. in 12-o. (№ 1605).**
- Adelung Johann, Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. T. I. II. III. 1—IV. Berlin, 1817. 6 vol. in 8-o. (№ 1051).**
- Adressverzeichniss des Markgrasthums Niederlausitz und des Cottbusser Kreises auf das Jahr 1811. Lübben, F. Driemel. 1 vol. in 16-o. (№ 1607).**
- Ahrens H., Die Philosophie des Rechts. Th. II. Die organische Staatslehre. Wien, Gerold, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 1763).**
- Aimé Martin S., Éducation des Mères des Famille. Paris, Charpentier, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 92).**
- Aimé Martin. Lettres à Sophie sur la physique, la chimie et l'histoire naturelle. T. II—IV. Paris, 1820. 3 vol. in 16-o. (№ 2043).**

- Akt uroczysty zakończenia rocznego biegu nauk w Gimnazjum Warszawskim.** Warszawa w drukarni J. Węckiego, 1836—37. 4 o. 6pom. (1)
- Akty enót teologicznych,** 6pom. in 12-o. (1)
- Albertini et Schweiniz,** *Conspectus fungorum in Lusatae Saponum centium.* Lipsiae, Kummer, 1805. 1 vol. in 8-o. (1)
20. **Albertus,** *Iurisprudentiae medicae T. V.* Lipsiae et Goerlitzii. apud Bibliopolam. 1740. 1 vol. in 4-o. (1)
- Allaise, Billy....** *Cours de Mathématiques.* Paris. chez Magimel, 1811. in 8 o. (1)
- Allesard,** *La liberté principe de tous les droits.* Paris, Guillaumin 1872. 1 vol. in 8 o. (1)
- Allmanaco.** (*J. Turchi e Constantinopoli storico*) per l'anno 1829. 1 vol. in 24 o. (1)
- Almanach de Gotha** Pour l'année 1834, 1856, 1857, 1859, 1861, 1862. Iustus Perthes. 6 vol. in 32-o. (1)
- Alsog Jan,** *Historja powszechna kościoła, przetłómaczona przez T. I. — III.* Petersburg. Nakładem Wolffa 1855, 3 vol. in 8-o. (1)
- Amerlingem K.,** *Pronyslný Posel. Spis wasenacný. Čast 2.* 1844. 1 vol. in 8-o. (1)
- Amerikanka w Polsce.** *Romans Część 2.* St. Petersburg, w Krajcu 1 vol. in 8-o. (1)
- Ampère J.,** *Histoire littéraire de la France avant le 12-me Siècle.* Paris, chez Hachette, 1839. 3 vol. in 8-o. (1)
- Andreossy le Comte,** *Voyage à l'embouchure de la Mer-Noire, ou le Bosphore.* Paris. chez Plancher, 1818. 1 vol. in 8-o. (1)
30. **Anecdotes** dramatiques. T. I—III. Paris, chez Duchesne, 1775. 3 vol. in 12-o. (1)
- Anleitung zur Erdbesreibung.** T. I. Wien, 1794. 1 vol. in 8-o. (1)
- Annalen der Oenologie.** *Wissenschaftliche Zeitschrift für Weinbau, Weinbehandlung und Weinverwerthung.* Herausgegeben von Blankenhorn und Dr. L. Roesler B. I. 1—4. Heidelberg, Cotta'sche Universitäts Buchhandlung, 1869 — 1870. 1 vol. in 8-o. (1)
- Annalen der Physik.** *Anfangen von Fr. Albr. C. Gren.* Bd. I—V. 1795—1801. Halle, Renger, 1799—1801, 1 vol. in 8-o. Bd. XIX—XX. 2. 3. Halle, Renger, 1805. 5 vol. in 8-o. (1)
- Annalen (Französische) für die allgemeine Naturgeschichte, Physik, Chemie und Physiologie.** Herausgegeben v. Dr. C. H. Pfaff und Friedländer. Jahrg. 1802 Heft 1—4. Jahrg. 1803. Bd. I—IV. Hamburg, Perthes, 1802—03. 4 vol. in 8-o. (1)
- Annales de Chimie et de Physique.** Par M. M. Gay-Lussac et Arago. T. I—LXXV. et Table des Tomes LX.—LXXV. Paris, Masson 1839. 1840. 1841. 7 vol. in 8-o. (1)

- Annales de Chimie; ou recueil de mémoires concernant la Chimie et les Arts qui en dépendent.** Par M M. de Morveau, Lavoisier etc. T. I.—XXIV. Paris, chez De Boffe, 1789—97. 24 v. 8-o. (№ 1407).
- Annals (the) and Magazine of natural History.** Third sery. Vol. XV. XVI. London, 1865. 2 vol. in 8-o. (№ 354).
- Annuaire de la Société philanthropique (sic) pour 1819.** Paris, 1819. 1 vol. in 12-o. (№ 1800).
- Annuaire de l'Économie politique pour 1852, 1854 et 1865.** Paris. 3 vol. in 16-o. (№ № 322 и 1042).
- Annuario della istruzione publica per l'auno scolastico 1862 — 63.** Torino. 1 vol. in 8-o. (№ 1797).
- Antiquités Russes, éditées par la Soc. Roy. des Antiquaires du Nord.** T. I. Copenhagen, Berling, 1850 (3 экз.) 3 vol. in 2-o. (№ 1669).
- 4-й изд-ръ.** T. I. 1850, 1 vol. in 2-o, (№ 1992).
- Antommarchi T., Memorie ovvero gli ultimi momenti di Napoleone.** Vol. I II. Italia, 1827. 2 vol. in 12-o. (№ 36).
- Antzeigen (Göttingische gelehrte).** Bd. III. Göttingen 1837, 1 vol. in 8-o. (№ 1735).
- Αεντούλης, Ἐκθεσις τοῦ Βουρτανάου ποιητικοῦ ἀγώνος τοῦ ἔτους 1872. Ἐν Ἀθῆναις.** 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1830).
- Appendix de mythologia, seu fabulosa deorum gentillum historia,** 1 vol. in 8-o. (№ 1262).
- (стр. 157—206) бром.
- Argo, Astronomie populaire.** T. I. II. Paris, Gide et Bandry, 1854 — 55. 2 vol. in 8-o. (№ 1962).
- Arehholz (d') Tableau de L'Angleterre et de L'Italie.** De L'Angleterre T. II. Gotha, Ettinger, 1788. 1 vol. in 8-o. (№ 1395).
- Ariv Český, sebral Fr. Palacký.** Dil. I.—IV. V. svazek 21, 22, w Praze. 1810—62 in 4-o. (№ № 945 и 965).
- Ariv der Mathematik und Physik.** Th. 49. 4tes Heft. Greiswald, 1869. 1 vol. in 8-o, бром. (№ 490).
- Ariv für Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medicin.** Jahrgang 1845. Heft 5es. Berlin. 1 vol. in 8-o бром. (№ 501).
- Ariv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin.** Herausgegeben von Rudolf Virchow Bd. 83. 1—4. Berlin, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 259).
- Arivio storico—italiano.** Nuova Serie. Tomo XIII. Disp. 1. 2. XIV. dis. 1. 2. Firenze, 1861. 4 vol. in 8-o. (№ 936).
- Arichuna's Reise zu Indra's Himmel, nebst anderen Episoden des Maha-Bharata.** Übersetzt v. Bopp. Berlin, Logier, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 800).
- Aronomie (L') enseignée en 22 leçons, traduit de l'Anglais.** Paris, Audin, 1824. 1 vol. in 12-o. (№ 1986).
- Ar (zoologischer) beobachtet von Friedr. Eschscholtz.** Hf. 1. Berlin, bei Reimer, 1829. 1 vol. in fol. (№ 58).

- Atti della societa Ligure di storia patria. Vol. I. fasc. I. III. Genova** 1860. 2 vol. in 8-o. (X 16)
- Auerbach Berth. Deutscher Volks-Kalender für 1866. Berlin, F. Dünn** 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Aurelius Victor (a), Z Kizżki zwykłe jemu przypisywanéj de Viris Illustribus. 1 vol. in 8-o (неполная книга). (X 18)**
- Azbuka Slavenska izjasnena Rimskom. po Pravopisaniju Dalmatskomu, Ervatskomu, Slavonskomu i Krajnskomu. U Mljetkach, Theodor** 1814. 1 vol. in 8-o (6ром.) (X 19)
60. **Baader Fr., Über den Paulinischen Begriff des Versehenseyns des Menschen Würzburg, Stahel, 1837. 6ром. in 12-o. (X 20)**
- Baader Joseph. Neues System der fortschaffenden Mechanik. Nürnberg** 1822. 1 vol. in folio. (X 21)
- Bachius Augustus, Historia iurisprudentiæ Romanæ. Editio sexta. Lipsiæ sumtibus Barthii, 1807. 1 vol. in 8-o. (X 22)**
- Bagehot Walter, Englische Verfassungszustände. Berlin, 1868. 1 vol. in 8-o. (X 23)**
- Bagreeff-Speranski M-me E. (de), — Les files de la Néva à St. Petersburg Bruxelles et Leipzig, A. Schnée, 1858. 1 vol. in 32-o. (X 24)**
- Bailly, Histoire de l'Astronomie ancienne et moderne. T. I. II. Paris chez Bernard, 1805. 2 vol. in 8-o. (X 25)**
- Balbi Adrien, Abrégé de Géographie. Seconde tirage. Paris, chez Lezard, 1834. 1 vol. in 8-o. (X 26)**
- Balbi A., Introduction a L'Atlas Ethnographique du Globe. T. I. II. chez Rey et Gravier, 1826. 1 vol. in 8-o et Atlas 1 in 4. (X 27)**
- Balbo, Della storia d'Italia dalle origini fino all' anno 1814. Ediz. 2. Losanna, Bonamici e Cie, 1846. 1 vol. in 8-o. (X 28)**
- Banfield T. C., Organisation de l'industrie, traduit par Émile Thomas. Paris, Guill.umin. 1851. 1 vol. in 8 o. (X 29)**
70. **Bandtkie, Jus Polonicum, codicibus veteribus manuscriptis et editis quibusque collatis. Varsaviae, sumt. Societatis regniæ philothicæ Varsaviensis, 1831. 1 vol. in 4-o, (X 30)**
- Barante (de) Histoire de la Convention nationale. T. J.—IV. Paris, Lezard 1851 4 vol. in 8-o. (X 31)**
- Barthélemy, Néméis, satire hebdomadaire. Bruxelles, Laurent, 1836 14 in 32-o. (X 32)**
- Barthélemy J., Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. T. I.—III. Fort a[M.], 1809. 3 vol. in 12-o. (X 33)**
- Barthold. Geschichte von Rügen und Pommern. Th. I. Hamburg, Perthes 1839. 1 vol in 8 o. (X 34)**
- Bauer L. Allgemeine Weltgeschichte für alle Stände. B. V. VI. Stuttgart, Verlag der Chr. Belsar, 1838. 2 vol. in 8-o. (X 35)**

- Bazot F.**, De la Récidive d'après la Loi des 18 Avril — 13 Mai 1863. Paris, Menaid, 1864. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1553).
- Beantwortung** der Ackermanschen Beurtheilung und Widerlegung der Gall'schen Hirn - Schädel - und -Organen-Lehre. Halle, 1806. 1 vol. in 8-o. (2 экземпляра). (№ 1834).
- Beaumarchais**, La folle journée ou le mariage de Figaro. Comédie. Paris, 1785. 1 vol. in 8-o. (№ 1691).
- Beautemps-Beaupré**, Note sur un manuscrit du Grand Coustumier de France. Paris, Durand, 1857, бром. 1 vol. in 8-o. (№ 806).
80. **Beck J.**, Nouveau manuel du voyageur en Europe. T. I. II. Paris, chez Treuthel, 1810. 2 vol in 12-o. (№ 394).
- Becker E.**, Tafeln der Amphitrite. Leipzig. 1870, 1 vol. in 4-o. (№ 1085).
- Becker Karl**, Weltgeschichte, VII-te verbesserte Ausgabe. Th X. — XIV. Berlin, Verlag von Duncker, 1837—38. 5 vol. in 8-o. (№ 16).
- Becker und Görling**, Kunst, und Künstler des 18-en Jahrhunderts. Bd. III. Lpz. Seeman, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 766).
- Beelaerts van Blokland**, Historiam collegii consiliariorum commissorum (Gecommitteerde Raden) in Hollandia et Westfrisia, Dissertatio. Lugduni Batavorum, Hazenberg et S-ios, 1838 бром. 1 vol. in 8-o. (№ 911).
- Beiträge** (Diplomatische) zur Geschichte Pommerns. Hrg. von R. Klempin. Berlin, A. Bath, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 1726).
- Beiträge** zur Kenntniss der Schlesischen Provinzial-Recht für Geschäftsmänner. Breslau, bei Leuckart, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 747). Erste Fortsetzung. Breslau, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1313).
- Beiträge** zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Herausgegeben von Gustav Ewers. Bd. I. 1. Dorpat, 1816. 1 vol. in 12. (№ 517)
- Beitrag** zur Geschichte der ältern und neueren Verfassung der Reichs-Stadt Frankfurt. Herausgeg. von Dr. J. Gaudelins. Bd. I II. Auf Kosten des Verfassers, 1806. 2 vol. in 8-o. (№ 1336).
- Beitrag** zur Russischen Finanzlage. Eine Stimme aus Russland im Jahre 1859. Berlin (E. Bock) 1860. 1 vol. in 8-o (бром.) 2 экзем. (№ 1391).
90. **Bemerkungen** über die Behandlung hauptsächlich der Schrotgewehre. бром. in 12-o. (№ 1801).
- Benfey**, Jubeo und seine Verwandte. Göttingen, Dieterich, 1871. бром. 1 vol. in 4 o. (№ 1937).
- Bentham Jérémie**, Tactique des assemblées legislatives. T. I. II. Genève, Paschoud, 1816. 2 vol. in 8-o. (№ 372).
- Bergson**, De exercitoria actione ex jure Romano atque hodierno. Trajecti ad Moenum, 1839. 1 vol. in 8 o бром. (№ 1044).
- Bericht** an die K Akademie der Wissenschaften zu S. P. b., über Herrn Gorlow's Schrift, unter der Titel: Обзоръние экономической статистики Россiи, abgestattet vom Akademiker P. Koerpen, in März 1848. 1 vol. in 8 o бром. (№ 524).

- Berriat-Saint-Prix**, Cours de procédure civile. 8. édition. Bruxelles. 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 557).
- Berzelius**, Jahres-Bericht über die Fortschritte der physischen Wissenschaften. Aus dem Schwedischen übersetzt von F. Wöhler. 9-ter Jahrg. Tübingen, Leupp, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1840).
- Berzelius**, Lehrbuch der Chemie. Nach des Verfassers schwedischen Bearbeitung der Blöde-Palmstedt'schen Auflage übersetzt v. F. Wöhler, Bd. I. 1. 2. II. 1. 2. III. 1. 2. IV. 1. 2. Dresden, Arnold, 1825—1831. 8 vol. in 8-o. (№ 1880).
- Berzelius**, Vollständiges Sach- und Namen-Register zu dem ersten bis siebenzehnten Jahrgang vom Jahres-Bericht über die Fortschritte der physischen Wissenschaften. Tübingen, Laupp, 1839. 1 vol. in 8 o. (№ 1837).
- Bevfügung** (Fernere) unterschiedlicher, nach und nach ausgegangener, und zur Fürstlichen Gothaischen Landes-Ordnung. Gotha, bei Reyhern, 1738. 1 vol. in 4-o. (№ 676).
100. **Beiträge** (Neue) zu den Geschichten, Staats-Lehn- und Privat-Rechten der Lande des Chur- und Fürstlichen Hauses Sachsen, gesammelt von H. Francken. Th. I. Altenburg, in der Richterischen Buchhandlung, 1767. 1 vol. in 8 o (2 экз.) (№ 1332).
- Bezout**, Cours de mathématiques. Partie II. IV. 1. 2. à Paris, Baudelot, 1784. 3 vol. in 8-o. (№ 1694).
- Biagioli G.**, Grammaire italienne, 2me éd. Paris, chez l'Auteur, 1822. 1 vol. in 12-o. (№ 1985).
- Bibel** (die), oder die ganze Heilige Schrift des alten und neuen Testaments 13-te Auflage. Basel, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 345).
- Bible** (The Holy) containing the old and new Testaments. Stereotype edition. London. Printed by George Eyre and Andrew Strahan. For the British and Foreign Bible Society, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 1135).
- Bible** (The Holy) containing the old and New Testaments. Oxford, printed at the Univ. Press, 1845. 1859. 2 vol. in 12-o (2 экз.) (№ 1560).
- Biblia sacra** to jest Biblia swata. W Berliné, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 180).
- Biblia sacra**, to jest: wszystkie księgi starego i nowego przymierza 1726. 1 vol. in 8-o. (№ 185).
- Biblia** to je Zyle Swiate Pismo starego i nowego Zakona. W Budeschini, 1742. 1 vol. in 8-o. (№ 184).
- 2-й экземпляръ. W Budeschini, 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 184).
- 3-й экземпляръ. „ „ 1 vol. in 8-o. (№ 184).
- Bibliografia analitica degli Statuti Italiani**. Vol. I. 1. 2. Padova, coi tipi del Seminario, 1862. 2 vol. in 8-o. (№ 1580).
110. **Bibliotheca** historico-geographica. Herausgegeben von E. A. Zuchold und G. Schmidt. Jahrg. I. — V. Göttingen, Ruprecht, 1853 — 1857. 10 vol. in 8-o. (№ 1294).
- Bibliotheca** philologica. Herausgeb. von J. F. W. Ruprecht. Jahrg. III — VIII. IX. 2. X. Göttingen, Ruprecht, 1850 — 1857. 15 vol. in 8 o. (№ 1293).

- Bluntschli**, Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. B. I. II. Zürich 1846. 2 vol. in 8-o. (N 10)
- Bodin Félix**, Résumé de l'Histoire d'Angleterre. 3-me édition. Paris. Lecoq, 1824. 1 vol. in 16-o. (N 11)
- 2 # **επεμνησπρ.** 5-me édition. Paris. 1827. 1 vol. in 24-o. (N 12)
- Bodin Félix**, Résumé de l'histoire de France. 6-me éd. Paris, Lecoq, 1824. 1 vol. in 16-o. (N 13)
- Boehlan Hugo**, Die Entwicklung des Begriffes der Freiheit im deutschen Rechte. Rostock, Stillner, 1865. 1 vol. in 18-o. (N 14)
- Boehmer J.**, Meditationes in constitutionem criminalem Carolinam. Erlangen, G. Banarus. 1770. 1 vol. in 4-o. (N 15)
- Boerhaave**, Elemeta Chemiae T. I. II. Lugduni Batavorum, Severus, 1733. 2 vol. in 4-o. (N 16)
- Böttiger C. A.**, Kleine Schriften archäologischen und antiquarischen Inhalts. Bd. I.—III. 2-te Ausgabe. Leipzig, Arnold, 1850. 3 vol. in 8-o. (N 17)
- Bogišić Valtazar**, Pravni običaji u Slovena. U Zagrebu, 1867. 1 vol. in 8-o. (N 18)
- Borch G. Fr. A.**, Specimen historico-juridicum inaugurale. Trajecti ad Rhenum, 1827. 6pom. in 8-o. (N 19)
140. **Bosse Rudolf**, Grundzüge des Finanzwesens im Römischen Staate. Bd. I. Braunschweig, bei Kabisch, 1803. 1 vol. in 12-o. (N 20)
- Boucenne**, Théorie de la Procédure civile. T. I.—IV. Paris, Vivescoq, 1804. 4 vol. in 8-o. (N 21)
- Boucher**, Institutions commerciales. Paris, chez Levrault, 1801. 1 vol. in 8-o. (N 22)
- Boulé André**, Institution ou droit coutumier du pays de Hainaut. T. I. A Mons, chez Hoyois 1 vol. in 4-o. (N 23)
- Bourdot de Biechobourg**, Charles A., Nouveau Coutumier général ou des coutumes générales et particulières de France, et des provinces connues sous le nom des Gaules; T. I.—IV. a Paris, chez Michel Brunet, 1724. 4 vol. in fol. (N 24)
- Βουσάκης**, Λόγος ἐκφωνηθεὶς τῇ κῆ Νοεμβρίου 1871 ἡμέρᾳ τῆς ἐπισημοῦ ἐγκαθιδόρυσεως τῶν νεῶν ἀρχῶν τοῦ ἔθνικου Πανεπιστημίου. Ἐν Ἀθήναις, 1872. 1 vol. in 8-o. (N 25)
- Boutigny**, Études sur les corps à l'état sphéroïdal, nouvelle branche de physique. 3-me édition. Paris, Masson, 1857. 1 vol. in 8-o. (N 26)
- Boyer A.**, The complete French Master for ladies and gentlemen. Vatar, 1779. 1 vol. in 8-o. (N 27)
- Boyve François**, Remarques sur les loix et Status du Pays-de-Vaud. I. Neuchatel, de l'imp. Fauche, 1776. 1 vol. in 4-o. (N 28)
- Brandstätter**, Scythica Disertatio. Reglamenti Prussorum, Bornträger, 1771. 1 vol. in 8-o. (N 29)
150. **Branja inu Evangeliumi va Nedele, inu Prasnike zhes zelu lejt.** vLid. 1777. 1 vol. in 8-o. (N 30)

- Brauchitsch** Hein. von, Geschichte des spanischen Rechts. Berlin, 1852.
1 vol. in 8-o. (№ 1035).
- Braun** David., De scriptorum Poloniæ et Prussiæ historicorum, politicorum....
virtutibus et vitis Coloniae, 1723. 1 vol. in 4-o. (№ 232).
- Breal**, De la forme et de la fonction des mots. Paris, Franck, 1866, 6pom.
1 vol. in 8-o (№ 1963).
- Briegleb** Karl, Chrestomathie von Belegstellen zur Geschichte des Executi-
v-Processes. 2-te Auflage I. II. Stuttgart, Liesching, 1854.
1 vol. in 8-o. (№ 556).
- Briegleb**, Einleitung in die Theorie der summarischen Prozesse. Leipzig,
Tauchnitz, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 874).
- Bröder** Christian-Gottlob, Praktische Grammatik der lateinischen Sprache.
5-te Auflage. Leipzig, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 1191).
- Bröder** C., Kleine lateinische Grammatik mit leichten Lectionen für Anfänger,
6-te Auflage. Leipzig, Crusius, 1807. 1 vol. in 8-o. (№ 1464).
- Brunnow**, Querela non numeratae pecuniae. Mitau, in der Kurländischen
Gouvernements — Typographie, 1857. (6pom.) 1 vol. in 8-o.
(№ 1909).
- Buchère** Amb., De la Justice civile en Angleterre. Paris, Durand, 1863.
1 vol. in 8-o. (№ 558).
160. **Budzinski** Stanis., O powadze rzeczy osądzonej w procesie cywilnym i kry-
minalnym. Petersburg, w druk. Wolffa, 1861. 1 vol. in 8-o.
(№ 546)
- Büdinger** Max., Oesterreichische Geschichte bis zum Ausgange des drei-
zehnten Jahrhunderts. Bd. I. Leipzig, Teubner, 1858. 1 vol. in
8-o. (№ 273).
- Büsch** Johan, Abhandlung von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht
auf die Staatswirtschaft und Handlung. Bd. I. II. Hamburg,
bey Bohn, 1800. 2 vol. in 8-o. (№ 164).
- Büsch** Johan, Sämmtliche Schriften über die Handlung I. II. Hamburg bei
Campe, 1827. 2 vol. in 8-o. (№ 339)
- Büsching**, Neue Erbeschreibung (des 1 Theiles 2-er Band). 1 vol. in 12-o.
(№ 104).
- Bakvize** sa sholi odrošteno Mladogt. Grad'z, per Josephi Franz Kaiser, 1819.
1 vol. in 8-o. (№ 1143).
- Bulletin** de l'Académie imperiale des Sciences de St. Petersbourg, T. II.
St. Petersbourg, MM. Eggers et Comp., 1860. 1 vol. in 4-o.
(№ 1863).
- Bulletin** de la classe historico-philologique de l'Acad. Imp. des Sciences de
St. P-bg. T. I. III. St. P-bg., 1843, 1845. 2 vol. in 4-o. (№ 1716).
- Bulletin** de la classe physico-mathématique de l'Académie Imp. des Sciences
de St. Pbg. T. II. III. St. Pbg, 1844—45. 2 vol. in 4-o. (№ 1715).
- Bulletin** de la commission centrale de Statistique. T. X. Bruxelles, 1866.
1 vol. in 4-o. (№ 595).

170. **Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou 1837** № 2—8. 1838 № 1—4; 1839 № 1; 1840 № 1. Moscou, 1837—40. 14 Livr. in 8-o. (№ 33)
- Année 1870 T. XLIII. 2. Moscou, 1871. in 8-o. (№ 167)
- Bulletin des sciences géographiques, etc.; Economie publique, voyages** T. XXI. XXIV. Paris, Au Bureau Central du Bulletin, 1851. 4 vol. in 8-o. (№ 130)
- Bulletin des Sciences Naturelles et de Géologie.** T. XX—XXIII. Paris, 1836. 4 vol. in 8-o. (№ 43)
- Bulletin scientifique publié par l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg** T. VII. X. St. Pbg, 1840—42. 2 vol. in 4-o. (№ 174)
- Bunge, Das Recht der Kinder an dem Nachlasse des Vaters bei Lebzeiten der Mutter nach liv. und esth-ländischem Landrechte.** Dorpat Laakmann, 1852. 6pov. 1 vol. in 8-o. (№ 806)
- Burger Joh., Die Landwirthschaft in Ober-Italien.** Bd. I. II. Neue Ausg. Wien, W. Braumüller, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 166)
- Burmeister, Alterthümer des Wismarschen Stadtrechtes.** Hamburg, Neste und Melle, 1938. 6pov. 1 vol. in 8-o. (№ 80)
- Busbec, Lettres du baron de Busbec.** T. I.—III. à Paris 1748. 3 vol. in 12-o. (№ 168)
- Byczkowski, Das Verhältniss der Pflanzen zur Atmosphäre.** Dorpat, Laakmann, 1846. 6pov. 1 vol. in 8-o. (№ 191)
- Caesar C. J., Commentarii de bello Gallico.** (6esz sarzazis) 1 vol. in 12-o. (№ 123)
180. **Cagliostro, ou l'intrigant et le cardinal.** T. I. Paris, Lachapelle, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 7)
- Calendarium archi-diocesis cleri Agriensis ad annum 1806.** Agriae. 1 v. in 32-o. (№ 17)
- Calendarium (Zagrabiense) ad annum bissextilem Jesu Christi 1828.** Zagrabiae, Suppan. 1 vol. in 8-o. (№ 182)
- Cammer-Gerichts-Ordnung in dero Chur-unt Marek-Brandenburg.** C. Druecks Liebper, 1709. 1 vol. in 2-o. (№ 67)
- Cantineau P., Nouveau dictionnaire de Poche de la langue française.** 6me éd. Paris, chez Lefèvre, 1817. 1 vol. in 12-o. (№ 193)
- Capitula regni Siciliae, quae ad hodiernum diem lata sunt** T. I. II. Panormi Excudebat Angelus Felicella, 1741. 2 vol. in 2-o. (№ 66)
- Capitalare dell' illustris. et eccellentiss. Signori Consiglieri di Venezia,** 1741. 1 vol. in 4-o. (№ 102)
- Capitulum electivum provinciae Lithvaniae S. Angelii Custodis ordinis praedicatorum.** Vilnae, Neuman, 1833. 1 vol. in 12-o. (№ 177)
- Carnot S., De la Corrélation des figures de Géométrie.** Paris, chez Dapart, 1801. 1 vol. in 8-o. (№ 125)
- Caro Jacob, Geschichte Polens.** Th. II. III. Gotha, bei Perles, 1863. 182 2 vol. in 8-o. (№ 514)

190. **Carstens Frid.**, De successione villicali in ducatu lunenburgico cum praefatione Georgi Boehmeri. Göttingae. apud Vandenhoeck, 1763. 1 vol. in 4-o. (№ 707).
- Časopis společnosti Wlastenského Museum w Čechach.** Ročnj Běh IV. Swazek 1—4. VI. 1—4. W Praze, Matice Česká, 1830—33. 8 vol. in 8-o. (№ 846).
1859. Swazek I. 1 vol. in 8-o. (№ 832).
- Casti Giambattista**, Gli animali parlanti, poema epico. Tomo I.—IV. Amsterdam, 1804. 4 vol. in 16.
- — T. I. III. Berlino, 1829. 3 vol. in 16-o.
- — Nouvelle Galanti. T. I. II. Berlino, 1829. 2 vol. in 16-o.
- — Le Nouvelle. T. III. Parigi, 1829. 1 vol. in 24-o.
- — Li Giuli tre sonetti T. I. II. Firenze, 1827. 2 vol. in 24-o.
- — Idem T. I. Firenze, 1834. 1 vol. in 24-o. (№ 94).
- Catalogo delle opere scelte.** Venezia, Lazzaro, 1828. 1 r. в 16-o (6pom). (№ 1495).
- Catalogue de livres en langues Orientales.** Berlin, Asher, 1857. 1 vol. in 8-o 6pom. (№ 1582).
- Catalogue d'une collection de Livres Rares.** Posen, Decker, 1851, 1853, 1854. 1856. 5 vol. in 8-o. (№ 1489).
- Catalogue d'une collection de livres rares et curieux.** A. Asher & C. Berlin, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1721).
- Catalogus cleri diocesis Lobocensis.** Anno 1828, Loboci, 6pom. in 8-o. (№ 1601).
- Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Regiae et Universitatis Regimontanae.** Fasc. I. Regimonti, Schubert, 1861. 1 vol. in 4-o. (№ 1569).
- Catechismus, all podvuzhenje eniga Christiana.** Labacé, 1760. 1 vol. in 8-o. (№ 1160).
200. **Cabaille P.**, Glossaire du Livre de Justice et de Plek. Paris, chez Durand, 1850. 1 vol. in 4-o. (№ 1067).
- Chabert August**, Bruchstücke einer Staats- und Rechtsgeschichte der deutsch-oesterreichischen Länder. Wien, aus der Kaiserl. Königl. Hof- und Staatsdruckerei, 1852. 1 vol. in fol. (№ 1151).
- Charron**, De la Sagesse. Paris, Bastien, 1783. 1 vol. in 8-o. (№ 1537).
- Chateaubriand M. de**, De la nouvelle proposition relative au Bannissement de Charles X et de sa famille. Paris, Normand, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 54).
- 2-й экземпляр. (№ 2001).
- Chateaubriand de**, Essai sur la Littérature Anglaise. Parties I. II. Paris, Furne, 1836. 2 vol. in 8-o. (№ 2002).
- Chateaubriand de**, Études ou discours historiques sur la Châte de l'Empire Romain. T. I.—IV. Paris, chez Lefevre, 1831. 4 vol. in 8-o. (№ 2005).
- Chaveau Adolphe**, Essai sur le régime des eaux navigables. Toulouse, chez Gimet, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 506).

- Cheruel A., Histoire de l'administration monarchique en France T. I. I.
Paris, Dezobry 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 41)
- Chevalier Michel, Lettres sur l'Amérique du Nord. T. I. II. Bruza
Haumann, 1837. 2 vol. in 12-o. (№ 136)
- Chodźko Leonard, Histoire des legions polonaises en Italie, sous le
mandement du général Dombrowski, I II. Paris. Barbent 1822
2 vol. in 8-o. (№ 55)
210. Choiseul-Gouffier, la C-see de, Mémoires historiques sur l'Empereur
Alexandre de la Cour de Russie. Paris, Leroux 1829. 1 vol. in 8-o.
(def.) (№ 42)
- Chopin, De l'Etat actuel de la Russie. Paris, chez Collin de Planey, 1822
1 vol. in 8-o. (№ 54)
- Chopin et A. Ubioial, Provinces Danubiennes et Roumaines. Paris I. I.
Paris, Didot fr. 1856. 1 vol. in 8-o (№ 57)
- Chrestomathiae Latinae Pars I. Vendobonae, 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 137)
- Ciampius S., Feriae Varsavienses. Varsaviae, typis Scholarum Piarum. 1822
1 vol. in 4-o 6pom. (№ 157)
- Cicero, M. Tul. Ciceronis opera omnia ex recensione Jo. Ernesti T. I. II-
V. Halis saxonum. 1776. 4 vol. in 8-o. (№ 92)
- Civill-Processord., (Hessen-Darmstädtische) vom J. 1724 u. Peinliche Gerichts-
Ordnung v. Jahr 1726. Darmst, Lerke, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 100)
- 2-й экземпляр. (№ 68)
- Cobbett Wil., Le Maître d'Anglais. Paris, chez Bossange, 1803. 1 vol. in
8-o. (№ 71)
- Code criminel de l'empire du Brésil. Traduit par Victor Foucher. Paris
1834. 1 vol. in 8 o. (№ 58)
- Code de Commerce du royaume de Hollande, traduit par Willem Wintgen
Paris, Joubert, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 54)
220. Code de Commerce et loi de procédure sur les affaires et causes de com-
merce du royaume d'Espagne. Traduits par Victor Foucher
Paris, cher Joubert 1838. 1 vol. in 8 o. (№ 54)
- Code de procédure civile pour les états de S. M. le roi de Sardaigne. Turin
Imprimerie royale, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 55)
- Code des terriers, ou principes sur les matières féodales. Paris, chez Pra-
1769. 1 vol. in 12-o. (№ 106)
- Code Napoléon. du 3 Septembre 1807. (Bulletin de Lois № 154 bis IV Ser-
1 vol. in 8-o. (№ 127)
- Codex diplomaticus Brandenburgensis, ed. Riedel. Des ersten Haupttheils
Bd. X. Berlin, G. Reimer, 1856. 1 vol. in 4-o. (№ 175)
- Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Studio et opera Ant. Bozza
T. I—V. Olomucii, Brunae, 1836—50. 5 vol. in 4-o. (№ 173)
- Codex diplomaticus Lubecensis. Lübeckisches Urkundenbuch. 1te Abthei-
lung. Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Theil: I, II, Lief. 13—16
III 1—11. II-te Abtheilung: Urkundenbuch der Bistums Lübeck
Theil I. Lübeck, 1843—1867. 4 vol. in 4-o.
2-й экземпляр. I-te Abth. Th. III. 1—11. 1 vol. in 4-o. (№ 100)

Codex diplomaticus Poloniae, editus studio et opera L. Rzysszewski et A. Muczowski ab An. Heicel, T. I. II. 1—3. Varsaviae, Typis Strąbski, 1847—52. 2 vol. in 4 o. (№ 1).

Codex diplomaticus Prussiae. Bd I. II Herausgegeben von Iohannes Voygt. Königsberg, bei Vorträger, 1836. 2 vol. in 4-o. (№ 959).

Codex diplomaticus Silesiae. Bd. I—III. Breslau, Max, 1857—60. 3 vol. in 4-o. 2 № sxs. Bd. II. (№ 1354).

230. **Codex Pomeraniae Diplomaticus**. Herausgeg. von K. Hasselbach Bd. I. 1—5. Greifswald, Koch, 1843—54. 5 vol. in 4-o. (№ 1355).

2ro sxsennapa I. 1—5. 1 vol. in 4-o. (№ 967).

Codice di procedura pei giudizi penali degli Stati uniti delle isole Jonie. Corfu, nella Tipografia del Governo, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 543).

Codice penale degli Stati uniti delle isole Jonie. Corfu, nella Tipog. del Governo, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 478).

Collection des constitutions, chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Amériques. I—III. V, VI. Paris, chez Béchet, 1823. 5 vol. in 8-o. (№ 2008).

Commentarii (Novi) Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. T. I—XIII, XIV 1, 2. XV—XVII; XX. Petropoli, typis Academiae Scientiarum, 1750—1776. 19 vol. in 8-o. (№ 1865).

Compère (le) Mathieu, ou les Bigarrures de l'esprit humain. T. I—IV. Paris. 4 vol. in 18-o. (№ 83).

Compte Rendu de l'Academie impériale des Sciences de St-Petersbourg. Année 1854 et 1855, 1857. St-Petersbourg, 1856, 1858. 2 vol. in 8-o. (№ 1889).

2-ro sxs. 1854 et 1855. St-Pbg, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 1889, a).

Condillac, Oeuvres complètes, T. XXIX. Histoire moderne T. 14, à Paris, chez les libraires associés, An. 1801. 1 vol in 12-o. (№ 1244).

Connaissance des temps ou des mouvements célestes, pour l'an 1846, 1847. Paris, Bachelier, 1843—44. 2 vol. in 8-o. (№ 1758).

Conspectus juris publici regni Hungariae ad Annum 1848, T. I. Viennae, Wallishauser, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1362).

10. **Conspectus praelectionum in Universitate litterarum Caesarea Mosquensi a die Augusti XVII senni 1827**. 1 vol. in 4-o. (6pom.) (№ 1447).

Constitutiones (antiquissimae) synodales provinciae gneznensis. Caravit Ruuo aldus Hube. Petropoli, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 352).

Conversations-Lexikon der neuesten Zeit und Literatur. B. I—IV. Leipzig, Brockhaus, 1832. 4 vol. in 8-o. (№ 2004).

Copin Miguel., Definición y elementos de todas las ciencias. Traducida del Frances. Barcelona, 1825. 1 vol. in 8-o. (№ 1623).

Corpus juris Fridericianum, I. 1—4. Berlin, bey Decker, 1781. 1 vol. in 8-o. (№ 578).

Corpus juris publici Salisburgensis. Herausgegeben von Judas Zauner, Salzburg, 1792. 1 vol. in 8-o. (№ 1007).

- Corsinus Eduard**, Notae graecorum sive vocum et numerorum compendia quae in aereis atque marmoreis graecorum tabulis observantur. Florentiae, 1749. 1 vol. in 4-o. (№ 175)
- Cosel C. von**, Geschichte des Preussischen Staates und Volkes, Bd. II. Lpz. 1870. 1 vol. in 8-o. (№ 640)
- Conain Victor**, Cours d'Histoire de la Philosophie. Leçons 1—7. Paris, Pichon, 1828. 7 livr in 8-o. (№ 91)
- Contumier (nouveau) général**, ou corps de coutumes générales et particulières de France et des Provinces, par Charles A. Bourdet de Richebourg. T. I—IV. Paris, chez Brunet, 1724. 4 vol. in 4-o. (№ 523)
250. **Crantz Albert**, Wandalia, oder Beschreibung Wendischer Geschichte. in Hochdeutsch übersetzt durch M. St. Macropum. Lübeck. L. Albrecht, 1600. 1 vol. in 4-o. (№ 174)
- Creuser Friedrich**, Symbolik und Mythologie der alten Völker. 2te Umgebettete Ausgabe. B. II—VI. Leipzig, bei Heyer, 1820—23. 5 vol. in 8-o. (№ 99)
- 2-ro **эвекнара** B. V. VI. Lpzg. 1822, 23. 2 vol. in 8-o.
- Csaplovios Johann**, Slavonien und zum Theil Croatien. Th. I. II. Pest. Hartleben, 1819. 2 vol. in 12-o. (№ 37)
- 2-й **эвекнара**, Th. I. II. 1 vol. in 12-o. (№ 98)
- Curlius Ernst**, Griechische Geschichte, B. I. Zweiter unveränderter Abdruck. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 105)
- Cuvillier-Fleury**, Portraits politiques et revolutionnaires. Paris, Mich. Lévy freres, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 109)
- Czacki**, o Litewskich i Polskich Prawach, T. I. II. Warszawa, Ragocinski, 1800—1801. 2 vol. in 4-o. (№ 72)
- Czoernig Carl**, Darstellung der Einrichtungen über Budget, Staatsrechnung und Controle. Wien, W. Braumüller, 1866. 1 vol. in 8-o. (№ 162)
- Czoernig Carl**, Oesterreich's Neugestaltung. 1848—1858, Stuttgart, Cotta, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 45)
- D'Abrantés la Duchesse**, Mémoires sur la restauration ou souvenirs historiques. T. VI. Bruxelles, Société typographique Belge, 1827. 1 vol. in 12-o. (№ 118)
- Daniels A.**, Handbuch der deutschen Reichs- und Staatenrechtsgeschichte. Th. II. Tübingen, Laupp, 1860. 1 vol. in 8-o. (№ 133)
260. **Dankowsky Gr. Al.**, Bei der erfreulichen Ankunft in Pressburg S. Majestät des Kaisers Alexander I, Selbstherrschers aller Russen. Gedruckt mit Weberischen Schriften, 1814. 1 **участок** in 4-o. (№ 121)
- Dareste Rodolphe**, La Justice administrative en France. Paris, Durand, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 48)

- Davoud-Oghlon**, Histoire de la Législation des anciens germains. T. I. II. Berlin, Reimer, 1845. 2 vol. in 8-o. (№ 990).
- Davy Humphry**, Elemens de chimie agricole. Trad. de l'anglais par A. Buloz. T. I. II. Paris, Ladrangé, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1753).
- Dawid (Psalmy)** przełożone dosłownie, z osnowy języka Hebrejskiego, na język Polski, przez Radcę Honorowego Pawła Byczewskiego. W Warszawie, w drukarni A. Krethlow, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1113).
- De Candolle Alphonse**, Prodrômus systematis naturalis regni vegetabilis. Pars XV. fasc. 1. Parisiis. 1 vol. in 8-o. (№ 494).
- Defects in the criminal administration and penal legislation of great Britain and Ireland, with remedial suggestions.** London, Kitto, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1964).
- Degerando M.**, Du perfectionnement Moral, ou de l'Éducation de soi-même. 5-e édition, T. I. II. Bruxelles, Louis Haumann et comp., 1833. 2 vol. in 12-o. (№ 1146).
- Delavigne Casimir**, Oeuvres complètes. Paris, Desrez, 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 69).
- Delavigne Casimir**, Sept Messéniennes nouvelle. Paris, chez Ladvoeat, 1827. 1 vol. in 18-o. (№ 80).
270. **Delavigne**, Manuel complet des aspirans au baccalauréat ès—lettres. 2-de édition. Paris, Crochard, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 1844).
- Delille Jacques**, La Pitié, poème. Paris, chez Giguet, 1803. 1 vol. in 24-o. (№ 1991).
- Delisle L.**, Notice sur le Peantier D'Ingeburge. Paris, Lainé, 1867. 1 vol. in 8-o. 6pou. (№ 1577).
- Domuth K.**, Geschichte der Landtafel im Markgraffthume Mähren. Brünn, Nitsch, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 1357).
- Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.** Philosophisch-historische Classe, XII-er Bd. Wien, 1862. 1 vol. in 4-o. (№ 742).
- Derriba (Ta Janna)** muhsu Kunga Jesus Kristus jeb Deewa swehti wahrđi. Jelgawa, 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 1137).
- Desewffy Marzel Graf**, Der politisch-sociale Radikalismus der Neuzeit. 2-te Ausgabe. Wieu, Selch, 1861. 1 vol. in 16-o. (№ 286).
- Desmase Charles**, Le Parlement de Paris. Paris, Lévy, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 492).
- Desprets C.**, Traité élémentaire de Physique. Seconde édition. Paris, chez Marvis, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1976).
- Dichter (Deutsche)** des XVI-ten Jahr. Hrg. von K. Goedeke und I. Tittman Bd. VI. Th. 3. Lpz., Brockhaus, 1871. 1 vol. in 8-o. (№ 1697).
250. **Dictionnaire géographique - portatif**, Traduit de l'Anglais par Vosgien. Paris, chez Didot, 1769. 1 vol. in 8-o. (№ 2010).
- Dictionnaire (le) Royal en Abregé I.** 1 vol. in 8-o. (№ 1074).
- Dobrowsky Josephus**, Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, Schmid, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 933).

- Dobrowaky**, Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte. III. Teil und Boleslaw. Prag, Haase, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 15)
- Döbereiner**, Elemente der pharmaceutischen Chemie zu Vorlesungen. Cröker, 1816. 1 vol. in 8-o. (№ 15)
- Doederlein L.**, Lateinische Synonyme und Etymologien. Th. I II. Leipzig, Vogel, 1826—27. 2 vol. in 8-o. (№ 15)
- Domairon**, Principes généraux des belles lettres. 4-me édition. T. I—II. Paris, chez Deterville, 1815. 3 vol. in 12-o. (№ 15)
- Domat**, Les loix civiles dans leur ordre naturel: le droit public et le droit delectus. T. II. Paris, chez David. 1 vol. in fol. (№ 15)
- Doswiadczenia w gospodarstwie i ogrodnictwie**, T. I. 1. 2. Warszawa (исполн. и верное). 1 vol. in 8-o. (№ 15)
- Duc de Raguse**, Mémoires de 1792 a 1832 T. I—VII. Paris, Perrotin, 1832. 7 vol. in 8-o. (№ 15)
290. **Duclos**, Mémoires secretes sur les règnes de Louis XIV et de Louis XV. T. I. II. Paris, chez Buisson, 1791. 2 vol. in 8-o. (№ 15)
2-й изд-е, 5-me édit. T. I. II. Paris, chez Collin, 1808. 2 vol. in 8-o. (№ 15)
- Dudik B.**, Mährens allgemeine Geschichte. Bd. I. IV. Brünn, Verlag der Mährischen Domestikalfondes, 1860, 1865. 2 vol. in 8-o. (№ 15)
- Dulaurens**, l'abbé, Le compère Mathieu, ou les Bigarrures de l'esprit humain. T. I. III. Londres, 1829. 3 vol. in 24-o. (№ 15)
2-й изд-е, T. I—III. Bruxelles, 1829. 3 vol. in 12-o. (№ 15)
- Dumas Aléxandre**, Le Vicomte de Bragelonne (suite de Vingt ans après). T. I—XIII. Bruxelles, Meline. 13 vol. in 12-o. (№ 15)
- Dumas Aléxandre**, Vingt ans après, suite des Trois Mosquetaires. Paris, Dufour, 1849. 1 vol. in 4-o. (№ 15)
- Dundr J. A.**, Ponawrżeny o stawu a řádech Duchowenstwa w Čechach. W Praze, A. K. Kronberg, 1824. 1 vol. in 12-o. (№ 15)
- Dupin Charles**, Applications de géométrie et de Méchanique. Paris, Bachelier, 1822. 1 vol. in 4-o. (№ 15)
- Dupin**, Manuel des étudiants en droit, et des jeunes avocats. Bruxelles, 1835. 1 vol. in 16-o. (№ 15)
- Duprat B.**, Catalogue de la Librairie Orientale. Partie I. Paris, Molinié, 1835. 1 vol. in 8-o (6pom.) (№ 15)
- Dzieje królestwa polskiego**. W Warszawie, nakładem Grela, 1766. 1 vol. in 12-o. (№ 15)
300. **Dziennik praw**, T. I—IV. X. XXXIII—XXXVIII. Warszawa, 1810—1814. 5 vol. in 8-o. (№ 15)
- Dzwonkowski J. J.**, Anweisung zu einer gründlichen polnischen Orthographie. Thorn, Wätzoldt. 1 vol. in 12-o. (№ 15)
- Ebbinghaus Julius**, Die Pilze und Schwämme Deutschlands, 1-te Lief. 1-te Auflage (Lief. 2—8 безъ текста 28 таблицъ) Leipzig, 2-е изд-е in 4-o. (№ 15)

- Eberhard Johann**, Allgemeine Geschichte der Philosophie. 2-te verb. Ausgabe. Halle, bei Hemmerde, 1796. 1 vol. in 8-o. (№ 389).
- Echard**, Dykeyonarzyk geograficzny. Tom I—III. W Warszawie, w drukarni Dufour, 1782—83. 3 vol. in 8 o. (№ 171).
- Egger Franz**, Das natürliche öffentliche Recht, Bd. II. Wien, 1810. 1 vol. in 8-o. (№ 381).
- Eglise (l') Catholique justifié contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe**, par M. * * * Lion, chez Rozand, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 1972).
- Eichwald Ed.**, Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus. Bd. II. 1. 2. Alte Geographie des Caspischen Meeres. Berlin, Mozin, 1838. 1 vol. in 8-o. (№ 1752).
- Einkindschaft (die) nach Bamberger Statutar — Recht**. Nach den Quellen des Bamberger Land-Rechts, bearbeitet von Schüttinger. Hamburg, Züberlein, 1857. (№ 507).
- Eisenbahn - Cursbuch (Schweizerisches)**, Bale. Krüsi, 1863—74. 1 vol. in 12-o. (№ 1493).
310. **Eisendecker W.**, Ueber die Entstehung des Bürgerrechtes im alten Rom. Hamburg, Fr. Perthes, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 1675).
- Éléments de la grammaire latine. Part. I.** 1 vol. in 8-o. (неполная). (№ 1266).
- Empereur (l') Napoléon III et son gouvernement**. Dresde, Meinhold, 1864. 1 vol. in 12-o. (№ 2051).
- Encyclopädie für das bürgerliche Leben**. Herausgeg. von C. Snell. Giesen, Tasche, 1807. 1 vol. in 8-o. (№ 1524).
- Encyklopedie (Mala) nauk. Dil. II.** W Praze, Kronberg, 1843. 1 vol. in 8o. (№ 1490).
- Endlicher Stephanus**, Genera plantarum secundum ordines naturales disposita. Vindobonae, 1836—1840. 1 vol. in 4-o, et supplementum. (4 vol. in 4-o.) (№ 210).
- Entwurf einer allgemeinen deutschen Civilprozessordnung**. Herausgegeben von G. Peterssen und J Struckmann. Hannover, Helwing, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 552).
- Entwurf einer Prozessordnung in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten für das Königreich Bayern**. München, bei Kaiser, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 561).
- Epictetus**, Enchiridion, Curavit Heyne, Editio tertia. Lipsiae, Fritsch, 1783. 1 vol. in 16-o. (№ 254).
- Ersek Joh. Sam.**, Handbuch der deutschen Literatur. Bd. I. II. Amsterdam und Leipzig, 1812—13. 1 vol. in 8-o. (№ 1624).
320. **Erwiederung auf die Paar Worte über die Schrift: Abkunft der Magparen..** Pressburg, 1827, (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 1231).
- Eschenmayer C.**, Psychologie in drei Theilen als empirische, reine und angewandte. 2-te Auflage. Stuttgart, Cotta, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 1520).
- Eschenmayer**, Versuch die scheinbare Magie des thierischen Magnetismus. Stuttgart und Tübingen, Cotta, 1816. 1 vol. in 8o. (№ 1850).

- Esprit (l') de la coûtume de Normandie, seconde édition.** (Par Bertram Hubin, Avocat à Vire). Rouen, chez Maury. 1701. 1 vol. in 4. (N 12)
- Esprit (l') de la Politique.** Rotterdam, chez Bronkhorst. 1778 1 vol. in 4. (N 21)
- Etablissement du Lycée Richelieu à Odessa, fondé le 2 Mai 1817; à Paris P. Didot, 1817. (16 exsem.) 16 vol. in 4-o.** (N 195)
- Euler L., Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie; nouvelle édition, revue et augmentée de ses notes, par J. B. Labey. T. II. Paris. Courcier, 1812. 1 vol. in 8-o.** (N 112)
- Eutropius, Historia Romana.** Hale, 1697. 1 vol. in 12o. (без перевода на русск.). (N 138)
- Evangeliaire Slave de Reims, ou Texte du Sacre fac-simile et publié par J. B. Silvestre. Paris, Firmin Didot Freres, 1843. 1 vol. in 4. (2 exsem. не полные).** (N 190)
- Evangyeliómí (Szvétí), Póuleg Kalendárioma i Réda Rimszkega ke ve Nedelne, v Szombothelyi, po Siess Antoni vu Leti, 1804. 1 vol. in 8-o.** (N 112)
330. **Ewangelia a episstole na nedele a Swátky pres cely Rok.** W Budíně 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Ἐξήγησις τῶν δογμάτων τῆς χριστιανικῆς πίστεως κατὰ τὴν συνήθη διαλεγμένη ἀπὸ τῆν ἁγίαν γραφὴν.** Londra, par J. Filippi 1813. (17 eks.) (6ром.) 1 vol. in 8-o. (N 102)
- Exploration scientifique de l'Algérie pendant les années 1840, 1841. II. Physique générale, II. Observations sur le Magnétisme Terrestre, par M. G. Aimé. Paris, Imprim. Royale, 1846. 1 vol. in 4.** (N 153)
- Extractus Juris Provincialis, Pragæ, Rüdigerum, 1710. 1 vol. in 4.** (N 136)
- Falk Johan, Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. I—III. St. Pbg. gedruckt bey K. Akademie d. Wiss. 3 vol. in 4-o.** (N 24)
- Fehr Joseph, Ueber die Entwicklung und den Einfluss der politischen Verfassungen in Ost- und West-Asien. Innsbruck. Wagner, 1835. 1 vol. in 8-o.** (N 25)
- Fénélon, Przypadki Telemaka Syna Uliassa. (неполная) 1 vol. in 8.** (N 122)
- Ferrand Antoine, L'Esprit de l'Histoire, ou lettres Politiques et morales d'un Père à son Fils. 4-me éd. T. I—IV. Paris, chez Foy 1805. 4 vol. in 8-o.** (N 201)
- 2 н экземпляра, V-me édition T. I—IV. Paris, chez Déterville. 1812. 4 vol. in 8-o.** (N 157)
- Fetzer Carl, Theorie der altwürttembergischen Justitz—und Gerichtsverfassung. Stuttgart, bei Metzler, 1805. 1 vol. in 12-o.** (N 26)

- Ficquelmont** le comte de, Lord Palmerston, l'Angleterre et le continent. T. J. II. 1. Paris, Amyot, 1852. 2 vol. in 8-o. (№ 2015).
- F. Ficquelmont** L. Grafen, Deutschland, Oesterreich und Preussen. Wien, Wilhelm Braumüller, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1087).
- Fielding** H., The History of Tom Jones. a foundling. Vol. I. Dresden, Walther, 1774. 1 vol. in 8-o. (№ 1508).
- Figalka** ljbezneg Włné aneb rozlišné Pisně. W Lewoci, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 1118).
- Figuier**, L'année scientifique et industrielle. 3-me Année T. I. II. Paris, Hachette et Cie, 1859. 2 vol. in 8-o. (№ 1823).
- Finlay** George, History of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453. In two volumes. Vol. I. Edinburgh and London, William Blackwood and sons, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1098).
- Fischer de Waldheim** G., Lettres des Naturalistes de Moscou. Moscou, Semen, 1821. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1424).
- Flassan** de, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. T. II—VII. Paris, chez Treuttel, 1811. 6 vol. in 8-o. (№ 52).
- Flora Brasiliensis**, sive enumeratio plantarum in Brasilia hactenus detectarum, ed. St. Endlicher et C. Fr. Ph. de Martius. Fasc. VI. X—XIV. XVI. XVII. XVIII p. 1—3. XIX—XXIII. contin. fasc. 1. XXIV. XXXVIII. Vindobonæ 1846—64. 20 vol. in fol. (№ 1740).
- Flora**, oder allgemeine botanische Zeitung. Jahrg. XVI. Bd. I. II. 1850. 2 vol. in 8-o. (№ 1736).
- Flourens**, de la vie et de l'intelligence. Paris, Garnier, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 1829).
- D. Fontanier** V., Voyages en Orient. Deuxième voyage en Anatolie. Paris, Dumont, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 90).
- Fontes rerum austriacarum**. Zweite Abtheilung. Bd. VI. 2. X. 1. XIII. 2. XIV 3. XV 1. Wien, 1853—57. 6 vol. in 8-o. (№ 1054).
- Fouvent**, de Mythologie Grecque, latine et slavanne. Moscou, Impr. Vsévoljsky 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 2018).
- Ferbin** le comte de, Voyage dans le Levant. Paris, impr. royale, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1769).
- Forster** Charles, Pologne. Paris, Didot, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 644).
- Pourcroy**, Éléments d'histoire naturelle et de Chimie. T. I—IV. Paris, chez Cachet 1786. 4 vol. in 8-o. (№ 1861).
- Fränkel**, Studien und Kritiken über den Text der Schriften des Cicero de or. lib. I. Dorpat, Karow, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 1906).
- Fragmenta Historicorum Græcorum**, Apollodori Bibliotheca cum fragmentis. Auxerunt Car. et Theod. Mulleri. Parisiis, Firmin Didot, 1841. 1 vol. in 4-o. (№ 248).
- Franz** der Zweite, König in Germanien, Hungarn und Böhheim, Galizien und Lodomerien etc. (Указъ на нѣмецкомъ языкѣ и хорутанскомъ нарѣчїи отъ 23-го ноября 1802 года), бром. 2 vol. in folio. (№ 1194).

- Frégier H.**, Des Classes dangereuses de la population dans les grandes villes. Bruxelles, Meline, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 125)
360. **Frensdorff**, Die Stadt- und Gerichtsverfassung Lübecks im XII und XIII Jahrhundert. Lübeck, Bohden, 1861. 1 vol. in 4-o. (№ 126)
- Friedenberg J.**, Tractatus juridico - practicus de generalibus, et particulibus quibusdam Silesiae Juribus. T. I. Bresslau, Korn, 1721. 1 vol. in fol. (№ 127)
- Friedländer**, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. Theil III. Leipzig, Hirzel, 1871, 1 vol. in 8-o. (№ 128)
- Frits J. F.**, To prědne Evangelske Pratkowane, sa teju stareju Lutheransku Husbu, wózserszkej Rósi. Choschobusu schiszczane polé Kósi. 1791. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 129)
- Fritze G. C.**, Powitazski Kaslich na Naschich Wojakow. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 130)
- Frólích Erasm.**, Diplomatarium Garstense. Viennae, 1754. 1 vol. in 4-o. (№ 131)
- Frólích Erasm.**, Specimen Archontologiae Carinthiae. Vindebonae, Trattner, 1758. 1 vol. in 4-o. (№ 132)
- Fucille de la D.**, L'Art du Blason. Amsterdam 1695. 1 vol. in 4-o. (num. noe). (№ 133)
- Gallerie der Welt in einer bildlichen und beschreibenden Darstellung.** H. 1. (Berlin 1797). 1 vol. in 4-o. (№ 134)
- Gallus Martinus**, Chronicon. Adjeit Joannes Bandtkie. Varavia. 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 135)
370. **Gamba Chev.**, Voyage dans la Russie méridionale. T. I II. Paris, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 136)
- Gar**, Episodio del medio evo Trentino. Trento, tip. Monauni, 1856. 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 137)
- Gass W.**, Die Lehre vom Gewissen. Berlin, bei Reimer, 1869. 1 vol. in 8-o. (№ 138)
- Gauret**, Stile universel de toutes les cours et juridictions du royaume. II. Paris, 1717. 1 vol. in 4-o. (№ 139)
- Gebhard J. G.**, Wie weit die moralische Schätzung einer Handlung bei der Festsetzung oder Anwendung eines Strafgesetzes in Betracht kommen darf. Berlin, bei Unger, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 140)
- Gebhardi Ludwig**, Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staaten. B. 1. Halle bey Gebauer, 1790. 1 vol. in 4-o. (№ 141)
- Gelb Gustav**, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Bd 1. Leipzig, Herbig, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 142)
- Geiger**, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Schrift. Bd. II. Stuttgart, Cotta, 1872, 1 vol. in 8-o. (№ 143)
- Gemeiner A.**, Die Verfassung der Centenen und des Fränkischen Königreichs. München, Kaiser, 1855. 1 vol. in 4-o. (№ 144)

- Gentil C. le**, Origines du droit. Essai historique sur les preuves. Paris, Durand, 1863. 1 vol. in 4-o. (№ 544).
3. **Geographia** albo dokładne opisanie królewstw Galicji i Lodomeryi. W Przemyslu, 1786. 1 vol. in 12-o. (№ 299).
- Georgi Joh. Gottl.**, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Bd. I. II. St. Petersburg. Acad. der Wiss., 1775. 2 vol. in 4-o. (№ 1684).
- Gercke Eug.**, Ueber das Aceton. Odessa, Nitzsche, 1869. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 527).
- Gereltzoff Nicolas de**, Essai sur l'Histoire de la civilisation en Russie. T. I. II. Paris, Amyot, 1858. 2 vol. in 8-o. (№ 2,016).
- Gerichtsordnung** der freien Hansestadt Bremen. Bremen, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1041).
- Gerichts-Process** und Executions-Ordnung des Johann Wilhelms Hertzogen zu Sachsen. Eisenbach, bey Krebsen, 1702. 1 vol. in 4-o. (№ 679).
- Gerland**, Ueber das Aussterben der Naturvölker. Lpz., Fleissner, 1868. 1 vol. in 8-o. (№ 1941).
- Geschichte** der europäischen Staaten. Geschichte des preussischen Staats, von G. Stenzel. Bd. I. II. Geschichte des Kurstaates und Königreiches Sachsen, von E. Böttiger. Bd. I. II. — Geschichte Schweden, von E. Geijer. Bd. I.—III. Geschichte des österreichischen Kaiserstaates, von J. Mailáth. Bd. I. II. Hamburg, Perthes, 1830—32. 1834—1836, 37. 9 vol. in 8-o. (№ 1484).
- Geschichte** des Liv. Esth- und Curländischen Privatrechts. St. Pbg, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 1070).
- Geschichte** (Die) der Philosophie (бездъ сарзанія). 1 vol. in 8-o., 6pom. (№ 1220).
1. **Gesetz** (allgemeines) über Verbrechen. Wien, bey Edlen, 1787. 1 vol. in 12-o. (№ 519).
- 2-й экземпляръ
- Gesetz-Bulletin** des Grossherzogthums Berg. Abtheilung I (mit Nachtrag) II. № 1—10. 11—17. 18—23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31—33. 34—52. Düsseldorf 1810—1813. 12 vol. in 8-o. (№ 1286).
- Gesetzbuch** (allgemeines bürgerliches) für die gesammten deutschen Erbländer der Oesterreichischen Monarchie. Th. I—III. Wien, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 455).
- Gesetzbuch** über das Verfahren in Strafsachen für den Kanton Bern. Bern, bei Rötzer. 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 541).
- Gesetze** über das gerichtliche Verfahren in Criminalsachen. Hannover, in der Helwingschen Hofbuchhandlung, 1840. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1581).
- Gesetzgebung** (Die) des Königreichs Bayern, seit Maximilian II mit Erläuterungen. In Verbindung mit Arndts, Bayer, Blantschli etc. herausg. von Dollmann. Th. II. 1 vol. in 8-o. (№ 1329).
- Gfrörer Aug.**, Zur Geschichte deutscher Volksrechte im Mittelalter. Bd. I. Schaffhausen, Hurter, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 998).

- Gioja Melch.**, Nuovo prospetto delle scienze economiche. Serie pa
T. 1—VI. Milano, G. Pizotta, 1815 — 17. 6 vol. in 4.
(№ 1716)
- Girard, l'abbé**, Synonymes françois. Amsterdam, chez Wetstein, 1752. 1 vol.
in 12. (№ 2019)
- Giraudeau de St. Gervais**, Conseils sur l'art de guérir soi-même toutes les
maladies Vénériennes sans mercure, par la méthode végétale.
13-me édition. Paris, chez l'auteur. 1 vol. in 8-o. Opus.
(№ 1857)
400. **Gistel Johannes**, Die jetzt lebenden Entomologen. München, Jaquet 1830.
1 vol. in 8-o. (№ 4716)
- Glaser J., Anselm Ritter von Feuerbach**. Eine rechtsgeschichtliche Biographie.
Wien, Sohn, 1858. 1 vol. in 8-o, (6pom.) (№ 1511)
- Glück**, Ausführliche Erläuterung der Pandecten nach Hellfeld, ein Commentar.
2-te Ausgabe, Th. I—VI. 1 2, VII. 2. Erlangen, Palm,
1797—1804. 9 vol. in 8-o. (№ 835)
- Gmelin Joh. Fr.**, Geschichte der Chemie. Bd. I—III. Göttingen, Joh. G.
Rosenbusch, 1787—99. 3 vol. in 8-o. (№ 1748)
- Gmelin Sam. Georg**, Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Reiche
Tur-Reiche. Th. I—IV. St. Pbg, Acad. der Wiss. 1784. 4 vol.
in 4-o. (№ 1682)
- Gneist**, Der Rechtsstaat. Berlin, Springer, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1931)
- Goedel C.**, Sklaverei und Emancipation der schwarzen Rasse in den Vereinigten
Staaten von Nordamerika. Zurich, Schabelitz 1851.
1 vol. in 8-o. (№ 128)
- Görres J.**, Aphorismen über die Kunst. Koblenz, 1804. 1 vol. in 8-o.
(№ 1657)
- Göschen Joh.**, Vorlesungen über das gemeine Civilrecht. Bd. II. Göttingen
1843. 1 vol. in 8-o. (№ 608)
- Götterversammlung (Die) in Asgard**, Maskenzug am 26 Februar 1823.
Leipzig, 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 125)
410. **Goluchewski J.**, Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben ganzer
Völker und einzelner Menschen. Erlangen, Palm, 1832. 1 vol.
in 8-o. (№ 1522)
- Goris Lambertus**, Adversariorum juris subeisivorum. Arnhemii, Ex officio
Jacobi, 1651. 1 vol. in 4-o. (№ 1632)
- Gourdon Édouard**, Histoire du Congrès de Paris. Paris, 1857. 1 vol. in 8-o.
(№ 1972)
- Graetz H.**, Die Westgothische Gesetzgebung in Betreff der Juden. Breslau
Korn, 1858. 1 vol. in 4-o. 6pom. (№ 1908)
- Graffschafft (der) Solms**, Berichts und Land-Ordnung. Frankfurt a. M. verlegt
von Adam Jungen. 1716. 1 vol. in 12-o. (№ 715)
- Gramatyka Łacińska dla użytku młodzieży Polskiej**. Wydanie nowe przeprze-
bione. W Poznaniu i w Warszawie (1824). 1 vol. in 8-o.
(№ 1044)
- 2-й экземпляр , , 1 vol. in 8-o

- Grammaire de la langue anglaise** (бѣръ сарзасія). 1 vol. in 12-o. (№ 1274).
- Grammatyka łacińska ku użytkowi młodzi szkolnej.** W Lublinie, Szezepański, 1817. (1 vol. in 8-o. (№ 1172).
- Grassmann,** Abhandlung über die Aufgabe «Durch welche gute und nicht theure Mittel kann das Schiff-Bauholz dauerhafter gemacht werden, ohne durch dieselbe sich auf andere Weise zu verschlimmern?» St. Petersburg, bey der Kais. Akad. der Wissenschaften, 1780, 6pom. 1 vol. in 4-o. (№ 1917).
- Grattenauer Karl,** Ueber die Nothwehr. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Behandlung des Kriminalrechts. Breslau, bei Korn, 1806. 1 vol. in 12-o. (№ 521).
20. **Grecz,** Rys historyczny literatury rossyjskiej. Warszawa 1823. 1 vol. in 8-o (№ 1082).
- Gretschel,** Ad edictum Athalarici regis Ostrogothorum apud Cassiodorum, variarum IX. Lipsiae, Teubner, 1828, 6pom. 1 vol. in 4-o. (№ 813).
- Groddeck Godofr.,** Grammatica graeca. Vilnae, Typis Zawadzki 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 392).
- Groddeck Godofr.,** Initia historiae Graecorum litterariae. 1. 2. Vilnae, Sumtibus Zawadzki, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 141).
- Grotius.** Le droit de la guerre et de la paix. Nouvelle traduction par Jean Barbeyrac. T. I. II. Basle, chez Tournelsen, 1768. 2 vol. in 8-o. (№ 1952).
- Gruber Augustin,** Abschiedspredigt. Laibach, 1824, (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 1234).
- Grün Anastasius,** Schutt. Dichtungen. 2-te Auflage. Leipzig, Widmann, 1836. 1 vol. in 16-o. (№ 85).
- Guadagnoli Antonio,** Raccolta delle poesie giocose. Italia, 1836. 1 vol. in 24-o. (№ 89).
- Göldenstaedt A. J.,** Discours academique sur les produits de Russie. S. Pb. 1 vol. in 4-o. 6pom. (№ 111).
- Göldenstädt Joh. Ant.,** Reisen durch Russland T. I II. St. Pbg., 1787—91. 2 vol. in 4-o. (№ 1683).
30. **Guerard M. B.,** Polyptyque de l'Abbé Jrminon. T. 1. 1 2. II. Paris, à l'imprimerie royale, 1844. 3 vol. in 4-o. (№ 1322).
- Guettée, Abbé,** La Papauté Schismatique ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise orientale. Paris, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 2022).
- Guizot, Cours d'Histoire moderne.** Bruxelles, Haumann, 1835, 1 vol. in 16-o. (№ 2024).
- 2-ro ssem. Leçons 1—5, 7. 8. Paris, Pichon, 1828, in 8-o. (№ 1267).
- Guizot, Cours d'histoire moderne.** T. I—IV. Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'empire Romajn jusqu'en 1789. Paris, Pichon et Didier, 1829, 1830. 4 vol. in 8-o. (№ 1953).
- Guizot, Memoires pour servir à l'Histoire de mon temps.** Paris, Lévi, 1858. 1 vol. in 12-o. (№ 2037).

- Guizot**, Monk ou Chute de la république et rétablissement de la Monarchie en Angleterre en 1660. Bruxelles, Melins, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 112)
- Gulde C. C. Dr.**, Erneueretes Andenken einiger gelehrten Männer. Getrieben bey Kühn, 1784. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 113)
- Guthrie W.**, Abrégé de la Nouvelle Géographie universelle, Physique, Politique et Historique. Partie II. Paris, Langlois, 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 114)
- Gyurikevits Georgius.**, Succinctæ animadversiones unius e croatis in Præfationem Illustrationis criticæ situs et antibus Slavoniae et Croatiae. Pasonii, 1848. 1 vol. in 12-o. на славянскомъ языкѣ. (№ 115)
- Halschner Hugo**, Das Preussische Strafrecht. Bd. I. Bann, bei Nürnberg. 1 vol. in 8-o. (№ 116)
440. **Hagedorn T.**, Ueber den Ersatz der dem Boden durch die Ernte entzogenen Pflanzennahrung. Gekrönte Preisschrift. Leipzig, Reichenow, 1867. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 117)
- Hals-Gerichts-Ordnung** (Neue peinliche) vor das Königreich Böhmen (Markgraffthum Mähren) und Schlesien, 1708. Prag, durch Czernin, 1 vol. in 4-o. (№ 118)
- Hamenière G.**, Grammaire russe. Paris, chez Barrois 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 119)
- Hanauer, l'abbé**, Les Paysans de l'Alsace au moyen-âge. Paris, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 120)
- Handbuch der Aesthetik**, in Briefen herausgeg. von J. Eberhard. Th. II. Halle, Hemmerde, 1803, 1604. 2 vol. in 8-o. (№ 121)
- Handbuch** (Enzyklopädisches) der wissenschaftlichen Literatur. Herausgeg. von W. F. Krug. Bd. I 1. Leipzig, in der Darmstadtischen Buchhandlung, 1804. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 122)
- 2-ro издание на Б. I. 1—4. II 5, 1803—1804. 3 vol. in 8-o. (№ 123)
- Hanka Wenceslaw**, Correspondenz zwischen Kaiser Rudolf, dem ungarischen Könige Mathias . . . in Betreff des passauischen Kriegsvolkes. Prag, Sohne, 1845. 1 vol. in 4 o. 6pom. (№ 124)
- Hanka, Hankovy Přímě.** 4 i 5 rozmožené vydání w Praze, 1841 i 1842. 2 vol. in 24-o. (№ 125)
- Hanka, Начала русскаго языка, Počátky Rusského Jazyka.** V Praze, nakladem Spisovatelovým, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 126)
- (Hauke von Hankenstein J. A.), Rezension der Aeltesten Urkunde der böhmischen Kirchengeschichte, Literatur und Sprache; eines Prager antiken Codex aus dem VIII Jahrhundert. Ofen, 1804. 1 vol. in 4-o. (№ 127)
450. **Hasselquist Friedrich**, Reise nach Palästina in den Jahren von 1749—1752. Herausgegeben von Carl Linnaeus. Aus dem Schwedischen. Rostock, verlegt Koppe, 1762. 1 vol. in 8-o. (№ 128)
- Harl, Nauka Policyi.** W Bydgoszczy, Grünauer, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 129)

- Hartmann C.**, Der Geist des Menschen in seinen Verhältnissen zum physischen Leben. Wien, Gerold, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1529).
- Hartmann Otto**, Ueber die römische Gerichtsverfassung. Göttingen, 1859, 1 vol. in 8-o. (№ 622).
- Hauer Josef**, Politisch-Statistische Uebersicht der Veränderungen in der Verfassung, Administration und dem Haushalte der österreichischen Monarchie, vom 13 März 1818 bis 13 März 1851. Wien, 1851, 1 vol. in 8-o. (№ 431).
- Haxthausen August**, Die ländliche Verfassung in den einzelnen Provinzen der preussischen Monarchie. Bd. I. Königsberg, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 430).
- Haxthausen Aug.**, Ueber den Ursprung und die Grundlagen der Verfassung in den ehemals slavischen Ländern Deutschlands. Berlin, 1842. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1030).
- Heeren M.**, Manuel historique du système politique des états de l'Europe et de leurs colonies, depuis la découverte des deux Indes. T. I—III. Bruxelles, Louis Haumann et Comp., 1834. 3 vol. in 12-o. (№ 1247).
- Heimbach Ernest**, Observationum juris græco-romani liber primus. Lipsiæ, Barth. 1830. 6pom. in 8-o. (№ 1722).
- Heine H.**, Der Salon. Bd. III. Hamburg, Hoffmann, 1837. 1 vol. in 16-o. (№ 86)
0. **Heinemann K. W. A.**, Die statutarischen Rechte für Erfurt und sein Gebiet. Erfurt, in Commission der Maring'schen Buchhandlung, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 1155).
- Heinroth**, Lehrbuch der Störungen des Seelenlebens. Th. I. II. Leipzig, Vogel, 1818. 2 vol. in 8-o. (№ 798).
- Henschel E.**, Henschel's Telegraph. März 1864, Frankfurt a. M. 1 vol. in 8-o. (№ 1492).
- Henke Eduard**, Grundriss einer Geschichte des deutschen peinlichen Rechts. Th. II. Salzburg, 1809. 1 vol. in 8-o. (№ 516).
- Henke Eduard**, Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik Th. I II. Berlin, 1823. 2 vol. in 8-o. (№ 415).
- Henke Eduard**, Ueber den gegenwärtigen Zustand der Criminalrechtswissenschaft. Landshut bei Thomann, 1810. 3 vol. in 12-o. (№ 518).
- Herbelot Barth. de**, Bibliothèque orientale. Maestricht, chez Dufour, 1776. 1 vol. in fol. (№ 48).
- Hermann**, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. Th. III. Heidelberg, Mohr, 1852. 1 vol. in 8-o. (№ 780).
- Idem. Th. II. III. Heidelberg. 2 vol. in 8-o. (№ 920).
- Hermes**, Zeitschrift für classische Philologie. Herausgegeben von Hübner. Bd. II. 1, 2. Berlin, Weidmann, 1867. 2 vol. in 8-o. (№ 815).
- Herschel**, Discours sur l'étude de la philosophie naturelle. Paris, Paulin, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1886).
0. **Hauglin Th.**, Ornithologie Nordost-Afrika's. Lief. 1, 2. Cassel, 1 vol. in 8-o. (№ 484).

- Heusler A.**, Verfassungsgeschichte der Stadt Basel im Mittelalter. Basel, Bahnmaier, 1860. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Heynius Chr. G.**, Opuscula academica collecta. Vol. I—III. Gottin-
gerich, 1785 — 88, 3 vol. in 8-o. (№ 1)
- Hildenbrand**, Institutiones practico medicæ. T. I — IV. Vienna. Gra-
1816—25, 4 vol. in 8-o. (№ 1)
- Hilferding A.**, Geschichte der Serben und Bulgaren. Abth. 1. Bar-
Schmaler, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Hillenbrand J.**, Geschichte und Methodologie der Philosophie. Heide-
Groos, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Hirtenbrief** des Hochwürdigsten Herrn Herrn Roman Sebastian, Bisc-
zu Seckau. Grätz, gedruckt mit Kienreich'schen Schriften
(Opom.) 1 vol. in 4-o. (№ 1)
- Hispania, sive de regis Hispaniæ regnis et opibus commentarius.** Leg-
tavor. Ex officina Elzeviriana, 1629. 1 vol. in 32-o. (№ 1)
- Histoire de la Philosophie herretique**, (par l'Abbé Lenglet Dufresnoy.
I. II. Paris, chez Coustelier, 1742. 2 vol. in 12-o. (№ 1)
- Histoire de Jules César** (par Napoléon), T. I. II. Paris, Plon, 1865—
2 vol. in 8-o. (№ 1)
- et Atlas. 1 vol. in 4-o.
460. **Histoire des trois démembrements de la Pologne.** T. I — III. Paris
Deterville, 1820. 3 vol. in 8-o. (№ 1)
- Histoire, dogmes, traditions et Liturgie de l'Eglise Arménienne** orient-
Paris, Franck, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Histoire secrete de la Cour de Berlin** par le comte de Mirabeau. Ale-
Malassis, 1789. T. I. II. 2 vol. in 8-o. (№ 1)
- 2 # 222-рз. T. I. II. 1789. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Hofmann F. W.**, Die Gesammlandwirthschaft. Wien, R. Lechner. N
1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Holewiński Władys.**, O stosunkach majątkowych między małżonkami
tersburg, w drukarni Ohryzki, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Holst Ludolf**, Versuch einer kritischen Uebersicht der Völker-Sprach-
Th. I. Hamburg, bey Bachmann, 1802. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
- Homeyer G.**, Die Stadtbücher des Mittelalters, insbesondere das Stadt-
von Quedlinburg. Berlin, gedruckt in der Druckerei der Königl.
Akad. der Wissens., 1860. 1 vol. in 4-o. (№ 1)
- Horatius**, Horacyusza pieśni wszystkie przekładania roznych. T. II. W
szawie, M. Groll, 1773. 1 vol. in 8 o. (№ 1)
- Horatius**, Poezje Horacego przełożone na język polski i przypisania
nione, przez Marcina Fijałkowskiego. T. I. w Wroclawie
Korna, 1818. 1 vol. in 8-o. (текстъ на латинск. и польск.
языкахъ). (№ 1)
- Horatius, Q. Horatii Flacci de Arte poetica.** У Виенн, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1)
490. **Horatius**, Satyry wszystkie Horacyusza wierszem polskim wyłożone. W
nie, 1784. 1 vol. in 8-o. (№ 1)

- Horváth Joan, Bapt.**, *Elementa Physicæ*. Ed. 4, Budae, 1799. 1 vol. in 8-o.
(№ 1817).
- Hube**, *Prawo Burgundzkie*. Warszawa, w drukarni Gazety Polskiej, 1865,
6pom. 1 vol. in 8-o. (2 oms.) (№ 809).
- Hube Romuald**, *Wywód spraw spadkowych słowiańskich*. W Warszawie,
1832. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 1031).
- Hülmann Karl**, *Staetdewesen des Mittelalters* Th. I—IV. Bonn, bei Marcus.
1826. 4 vol. in 8-o. (№ 1015).
- Hugo Victor**, *Lucrece Borgia*. Drame. Paris, Renduel, 1833. 1 vol. in 8-o.
(№ 75).
- Huhn C. H.**, *Politik, Grundzüge der praktischen Staatskunst*. Leipzig,
Grunow, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 369).
- Humbert M.**, *Du Régime Nuptial des Gaulois*, 1858. 1 vol. in 8-o. (6pom.)
(№ 1487).
- Humboldt**, *Cosmos, essai d'une description physique du monde*. Traduit par
Ch. Galusky. T. II. Paris, Gide et Baudry, 1848. 1 vol. in 8-o.
(№ 1866).
- 2-й экземпляръ. T. II. Paris, 1848 1 vol. in 8-o.
- Humboldt Alexandre de**, *Discours prononcés à l'Académie Imp. des Sciences
de St. Petersburg*, 1829. 1 vol. in 4-o. 6pom. (№ 98).
- Humboldt Wilhelm**, *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprach-
baues*. Berlin, 1836. 1 vol. in 4-o. (№ 984).
- Hupka Krist**, *Sätze über das peinliche Recht*. Wien, bei Gassler, 1781.
1 vol. in 8-o. (№ 479).
- Hylsen J. A.**, *Inflanty w dawnych swych, y wielorakich az do wieku na-
szego dziejach i rewolucyach zebrane*. Wilno, 1750, (see соч-
нение именовано). 1 vol. in 4-o. (№ 1316).
- Jacobs**, *Elementarbuch der griechischen Sprache*. 3-te Auflage. Th. II. Cur-
sus III. Jena, Frommann, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 834).
- 2-й oms. Th. II. 5-te Ausgabe, 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 877).
- Jacques Heinrich**, *Die Verfassung und unsere dringendsten Aufgabe*. Wien,
Gerold, 1861. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 458).
- Jadro teje kž. kh. Wutzbé po Nómerach**, (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 1275).
- Jaeger Julius**, *Der menschliche Verkehr und seine Theorie*. München, G.
Franz, 1869. 4 vol. in 8-o. (№ 1804).
- Jahrbücher der deutschen Rechtswissénschaft und Gesetzgebung**. Herausge-
geben von Dr. H. Th. Schletter. Band I, Erlangen, 1855. 1 vol.
in 4-o. (№ 1255).
- Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft**. Herausgeg: von F. Schelling. Bd.
I. 1. Tübingen, Cotta, 1805. 1 vol. in 8-o. (№ 1516).
- Jahrbücher (Dorpater) für Litteratur, Statistik und Kunst**. Bd. II. III. IV..
V. 1—5. Riga und Dorpat, 1834—35. 2 vol. in 8-o. (№ 1759).
- 2-й oms. Bd. II. III 1. 2. 4—6. 2 vol. in 8-o. (№ 1759, a).
- 2-й oms. Bd. IV. V. 1—4. 6. 11 ter. in 8-o. (№ 100).

- 510. Jahrbücher für National-Ökonomie und Statistik.** Herausgegeben von E. Hildebrand. Bd. XII. 6-es Heft. Jena, 1819. 2 vol. in 8-o. (№ 2)
- Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft.** Redacteur: Jordan Schmalzer. Jahrgang 1843. I. 1—3. Jahrg. 1844. II. 1—3. 1852—53. I. 1—8. 1854, II. 1—8. Jahrg. 1855—56. III. 1—8. Leipzig und Bautzen, 1843—56. 32 vol. in 8-o. (№ 3)
- Jahrbücher für Wissenschaftliche Botanik,** herausgegeben von N. Pringsheim. IV. 1. 2. Leipz. 1864. 2 vol. in 8-o. (№ 4)
- Jahrbücher (Neue) für Philologie und Pädagogik.** Begründet von M. Jahm. Supplementband I—XIV, (zuzammen n. sar. Archiv für Philologie und Pädagogik, Bd. I—XIV). Leipzig, Teubner, 1831—44. 14 vol. in 8-o. (№ 5)
- Jahr- und Viehmarkts - Ordnung für die Stadt Roda.** 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 6)
- Jacob L., Grundriss der empirischen Psychologie.** Lpz., Hartmann, 1818. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 7)
- Jakob Ludwig, Grundsätze der National - Oekonomie.** Halle, bey Verlag, 1805. 1 vol. in 12-o. (№ 8)
- Janka, Dissertatio inaug. Medico-Botanica de Strychnois.** Pragae. 1834. 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 9)
- Janos (Konyi) A' Mindenkor nevetö Democritus.** Budan, K. Betaviv. 1834. 1 vol. in 8-o. (неполное) (№ 10)
- Ibn-Fozlan und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit.** Text und Uebersetzung von C. M. Frähn, St. Pbg. 1823. 1 vol. in 4-o. (№ 11)
- 2 ой экземпляр. „ „ „ (№ 12)
- 520. Hřeček, Ueber Eigenthumsverletzungen und deren Rechtsfolgen nach böhmischen Rechte.** Wien, 1855. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 13)
- Imenosslavnik preszvetlomu y prepostuvanomu Gozpodinu Gospodinu Jozefu Grofu Sermage od Szomszedvara.** 1 vol. in 4-o (№ 14)
- Index lectionum in Universitate litteraria Berolinensi per 1826—27.** 6pom. in 4-o. (№ 15)
- Index prælectionum in Universitate Litterarum Regia Varsaviensi.** Varsaviae. 1818 (6pom.) 1 vol. in 4-o. (№ 16)
- Instrukcyja dla Nauczycieli i Profesorów szkół publicznych w Królestwie Polskiem.** 6pom. 1 vol. in fol. (№ 17)
- John Richard, Das Strafrecht in Norddeutschland.** Th. 1. Leipzig. 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 18)
- Joseph der Zweite, König im Germanien (Указъ на нѣмецкомъ языкѣ изданъ въ рутанскомъ нарѣчїи, 20 апрѣля 1785 года).** 1 vol. in 8-o. (№ 19)
- Journal de chimie médicale, de pharmacie et de toxicologie.** T. III—VI. 2-de T. II—IV. Paris, chez Béchet Jeune, 1827—38. 1 vol. in 8-o. (№ 20)

- Jony Louis—Franç. de, Principes et usages concernant les Dimes.** Paris, chez Durand. 1775. 1 vol. in 12 o. (№ 406).
- Ispravnik za erei ali redovniki, ispovidniki, i za pokornici.** Venezia, 1709. 1 vol. in 16-o (№ 189).
- 3). **Istruzione per tutti i capitani de bastimenti che vengono in porto d'Odessa.** (1831) 6pom. in 4-o. (№ 1794)
- Jubelgesang** (Pilsens) an Kaiser und König Franz des Ersten, im Februar 1830, von A. Sedláček, 6pom. 1 vol. in 4-o. (1212).
- Jubilaei** (memoriale celebrati) suscepti regiminis a Friederico Augusto. Budiszin, bey Lehmann, 1818. 1 vol. in 8 o. 6pom. (№ 296).
- Jussieu, Botanique.** Paris, Langlois et Leclerq. 1 vol. in 8-o. (№ 1828).
- Kadlubko Wicentius, Res gestae principum et regum Poloniae.** Editio repetita. Varsaviae, 1824. 1 vol. in 12 o. (№ 646).
- Kalendar** (Horvatzki ztoletni) od léta 1818 do 1919. Po Ant. Rosichu, Vu Zagrebu. 6pom. in 8 o. (№ 1595).
- Kalendar** (Horvatzki) za léto 1829. Vu Zagrebu, Fr. Suppan. 6pom. in 16o. (№ 1608).
- Kalendár** (Narodni) na prestupni Rok Para 1828. W Budine. 1 vol. in 4-o. (№ 1567).
- Kalendár** (Nowý y Starý) na rok Pánč 1828. W Baňské Bystřicy. 6pom. in 8-o. (№ 1602).
- Kalendar** (tolétni) iliti dnevnik ztolétni Horvatzki do léta 1901. Kasúchi, Vu Zagrebu, nalosen vu Novoszelskoj Szlovarnici, 1819. 1 vol. in 8 o. (№ 1592).
- 4). **Kalendarz** Astronomiczno-Gospodarski na rok zwyczajny 1855, 1856, 1857, 1860. Warszawa, nakladem i drukiem Wydawcy. 4 vol. in 4-o (№ 1458).
- Kalendarz** czyli Rocznik na rok zwyczajny 1851. Warszawa, nakladem i drukiem Wydawcy, 1850. 1 vol. in 4-o. (№ 1566).
- Kalendarz** domowy i gospodarski, na rok zwyczajny 1831, 1833—36, 1839 40—41—46, 1848—49, 1851—52, 1854. 19 vol. in 4-o. 6pom. (№ 1586.)
- Kalendarz** Historyczny na wszystkie dni odnoszone do lat ery chrześcianskiej. 1 vol. in fol. 6pom. (№ 1570).
- Kalendarz** Warszawski na Rok Pański 1821. W Warszawie, nakladem Pukstyz. 1 vol. in 4-o. (6pom.) (№ 1457).
- Kalendarz** Warszawski Popularno-Naukowy na rok zwyczajny 1853, 1854, 1859, 1860. 4 vol. in 4-o. (№ 1459).
- Kalendarz** wydawany przez obserwatorjum astronomiczne warszawskie na rok 1858, 1860, 1861. Warszawa, 1858 — 61. 3 tom. w 8-o. (№ 1593).
- Kalendarzyk** dla dzieci przez St. Jachowicza na rok 1848. Warsz., Strąbski. 6pom. in 16-o. (№ 1604).
- Kalendarzyk** informacyjny na rok 1837. Wydany przez J. Kaczanowskiego, w Warszawie. 1 vol. in 16-o. (№ 1606).

- Kalendarzyk** (Nowy) polityczny na rok 1828. 1831. W Warszawie. 1828. in 32-o. (N 12)
550. **Kalendarzyk** polityczny na rok 1834. 1835. 1837. 1838. 1842. 1849. W Fr. Radziszewski. W Warszawie, 6 vol. in 32-o. (N 13)
- Kalender** (Allgemeiner) für alle Bewohner des österreichischen Kaiserthums. 1829. Wien, bei Fr. Hagenauer. 1 vol. in 4-o. (N 14)
- Kamoens** Luzyada czyli odkrycie Jndyy Wschodnich. Poema przeklad Jacka Przybylskiego. W Krakowie. 1790. W Drukarni Górn. 1 vol. in 12-o. (N 15)
- Karschin**, Das Julien-Fest im Tempel der Wahrheit. Karlstadt, bey J. K. P. 1788. 1 vol. in 8-o. (N 16)
- Katalog** Ksiąg polskich znajdujących się w księgarni Zawadzkiego i Kłosa. — Katalog nowszych Książek. (Bezъ ozn. w. i c.) 2 vol. in 8-o. (N 17)
- Katechizem** (Veliki), Na svetlo dal Peter Dainko. V' Radgoni v' Alojz Wajcinger'ovemi knjigisi, 1826. 1 vol. in 8-o. (N 18)
- Katterfeld**, De Aeschyli Prometheo victo. Petropoli, Stauff, 1856. 1 vol. in 8-o. (N 19)
- Kaufuss** J. S., O filologie. W Wroclawiu, W. B. Korn, 1814. 6pcal. in 8-o. (N 20)
- Kaydanow** Jacobo, Tetractys vitae. Petropoli. Typis Joanneson. 1813. 1 vol. in 8-o. (N 21)
- Kaynal**, Histoire philosophique et politique. T. I—X. Genève chez F. 1780. 10 vol. in 12 o. (N 22)
560. **Káson** na Slavné Primicie Batthiany Ludvika, 9 sept. 1804, W Trn. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (N 23)
- Keilius** Henricus, De Plinii Epistulis emendandis disputatio, 1. 2 Erlang. 1865. 1866. 1 vol. in 4-o; 6pom. (N 24)
- Kempis** Tomme, Pismo od nasledovanya Gospodinna Nasscega Jesusa Jezusova i Prizamierno. Slovinskiga upisa Bartolomeo Kassieta Rimu, Po Francesku Meneti. 1641. 1 vol. in 16-o. (N 25)
- Ehatechismus**, w Buduschnie, 1809. 1 vol. in 12-o. (N 26)
- Kiesewetter** J., Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen. Th. I. Lpz. Köchly, 1824. 1 vol. in 8-o. (N 27)
- Kitka** Josef, Ueber den Gerichtsgebrauch und die Mittel, zwecklosen Streitigkeiten und Verzögerungen. Wien, bei Geidel. 1845. 1 vol. in 8-o. (N 28)
- Elausen** R. H., De carmine fratrum arvalium liber. Bonnae, König et Borcharen 1836. 1 vol. in 8-o. (N 29)
- Kleinschrod** Gallus, Systematische Entwicklung der Grundbegriffe und Grundsätze der Wahrheiten des peinlichen Rechts. 1—111. Erlangen, bey F. 1805. 1 vol. in 8-o. (N 30)
- Klößen** K., Ueber die Entstehung, das Alter, und die früheste Geschichte der Städte Berlin und Köln. Lüderitz, 1839. 1 vol. in 8-o. (N 31)
- Kmet** Jzidor, s' svojimi otroki ino lydmi na svetlo dal Peter Dainko. V' Radgoni v' Alojz Wajcinger 'ovemi knjigisi. 1824. 1 vol. in 8 (N 32)

- Knizica** (Abecenda) na hitro ino lahko podvyge Slovenskega braya. V' Radgoni Wrjcinger. 1824. 1 vol. in 12-o. (№ 1178).
- Koch**, Histoire abrégée des traités de paix, entre les puissances de l'Europe, depuis la paix de Westphalie. T. VIII. X—XIII. XV. Paris, chez Gide, 1817—18, 5 vol. in 8-o. (№ 6).
- Koch F.**, Mémoires pour servir à l'Histoire de la Campagne de 1814. T. I—II. 1. 2. Paris, chez Maginel. 1819. 3 vol. in 8-o. (№ 1980).
2-й экземпляръ. I. II. 1819. 2 vol. in 8-o. (№ 2031).
- Koch M.**, Tableau des révolutions de l'Europe. Nouv. éd. T. I—IV. Paris, Gide, 1814. 4 vol. in 8-o. (№ 1702).
- Kock Ch.** Paul de, M. Dupont ou la Jeune Fille et sa Bonne. T. I—IV. Bruxelles, Hauman. 1833, 4 vol. in 18-o. (№ 81).
- Kodex** dyplomacyzny Litwy, wydany przez Edwarda Raczyńskiego. w Wroclawiu, nakładem Schlettera. 1845. 1 vol. in 4 o. (№ 632).
- Koeppen**, Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der slawisch-russischen Schrift von XI bis zum XV Jahrhundert. S. P. B. 1818 1 vol. in 8-o. бром. (№ 309).
- Koeppen P.**, Literärnotizen betreffend die magyarischen und sächsischen Dialecte in Ungarn und Siebenbürgen. S. P. B. 1826, 1 vol. in 8-o. бром. (№ 528).
- Koeppen P.** von, Die von Ingriern bewohnten Dörfer im St. Petersburgischen Gouvernement. 1853. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 525).
- (Koeppen P.)**, Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Ein Schreiben an den Herrn H. v. Köhler. Wien, bey Gerold. 1823. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 308).
2-й экземпляръ (№ 1786).
- Koeppen Peter**, Ueber Alterthum und Kunst in Russland. Wien, bey Gerold. 1822; 1 vol. in 8-o. бром. (№ 305).
- Koeppen P.**, Ueber Pflanzen-Aclimatisirung in Russland. S. P. B. 1856. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 307).
- (Koeppen P.)**, Ueber Tumuli in Russland. S. P. B. 1836; 1 vol. in 8-o. бром. (№ 304).
- Koeppen Peter**, Vorläufige Uebersicht der Bevölkerung Russlands, . . im Jahre 1851. S. P. B. 1857. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 306).
- Köstiin C.**, Geschichte des deutschen Strafrechts im Umriss: Herausgegeben von Gessler. Tübingen, Laupp. 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 503).
- Koleda**, Kalendár na rok obyčajny. 1851. Borná, Winiker. 1 vol. in 8-o. (№ 1589).
- Koledar** (Domać) Slovenski za navadno leto 1859. Spisal P. Hitzinger. V Ljubljani, J. Giontini, бром. въ 8-o. (№ 1594).
- Kolenati F. A.**, Meletemata entomologica. Fasc. 1 2. Petropoli, sumptibus Imperialis Academiae Scientiarum. 1815. 2 vol. in 8-o. (№ 67).
- Kollár**, Ableitung und Erklärung des National-Namens Magyar. Pesth, Trattner, 1827. бром. 1 vol. in 4-o. (№ 818).
- Kollar J.**, Tabule k Staroitalii Slavjanské ve Vídni. V Cisarске Královske Dvorské a státni tiskárne, 1853. 1 vol. in fol. (№ 1207).

- 590 **Kollataj X. H.**, Rozbior Krytyczny zasad Historii o początkach rodu Kiego. Z rękopismu wydal Ferdinand Kojśiewicz. W Knie w drukarni Uniwersyteckiej, 1842. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Koncewicz**, Prawidło pisowni Polskiej. Warszawa, 1856. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- 2-й экземпляр. Warszawa, 1845. 1 vol. in 8-o.
- Koner W.**, Repertorium über die vom Jahre 1800 bis zum Jahre 1850 in demischen Abhandlungen auf dem Gebiete der Geographie erschienenen Aufsätze. Bd. I. II. Geschichte. Berlin, 1851. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- (**Kopczynski**), Essai de grammaire polonaise. Varsovie, 1807. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Kopczynski O.**, Grammatyka dla szkół narodowych. Grammatyka Łacinska. Warszawa, 1816. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Kopf David** Traugott. Jaden Kärliz. 1809. 1 vol. in 8-o; 6pom. (N 1)
- Kopf D. T.**, Nekotare Woinarske a druge redne Karlize. 1813. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (N 1)
- Krasicki Jgnacy**, Dzieła. Nowe i zupełne Wydanie. T. VI. W. Wrocław. Wilhelma Bogumita Korna. 1821. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Krats Gustav**, Die Städte der Provinz Pommern. Berlin, Barth. 1865. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Kretschmann C.**, Geschichte des Churfürstlich Sächsischen Oberhofgerichts Leipzig. Leipzig, Crusius, 1804. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- 600 **Kreyssig Fr.**, Vorlesungen über den deutschen Roman der Gegenwart. Berlin, Nicolai, 1871. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Krusse**, Anastasis der Waräger. Reval, Egger, 1841. 6pom. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Krusse Fr. C. H.**, Archiv für alte Geographie, Geschichte und Alterthümer. Heft I. Breslau, bey Grafs, Barth und Comp. 1821. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Krusenstern A.**, Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806. Th. I. 3 Bde. 1 vol. in 4-o. (N 1)
- Krzywicki Kasimir**, Ueber die Besteuerung der Gastwirthschaft ... Pr. 1846. 1 vol. in 8-o 6pom. (N 1)
- (**Erzyżanowski**), 1) O kalendarzu arabsko-tureckim. W Warszawie. 1 vol. in 4-o. 6pom. (N 1)
- 2) O kalendarzu żydowskim. W Warszawie, 1844. 1 vol. in 4-o. 6pom. 6pom. 6pom. (N 1)
- Erzyżanowski A.**, De construendis camaris ellipsoidicis ope projectionis plicae. Varsaviae, Latkiewicz, 1821. 1 vol. in 4-o. (N 1)
- Eumelski N. A.**, Krótki wyklad Mineralogii. Część II. W Wilnie. Alcinowski, 1826. 1 vol in 8-o. (N 1)
- Eunitsch M.**, Seiner Hochwohlgeborn Stephan von Udvardy, Präfecten Agramer Bisthums Güter. 1829. Warasdin, bey J. S. 1 vol. in 4-o. (6pom.) 1 vol in 4-o. (N 1)

- Kunitsch Michael**, Seiner Bischöflichen Hochwürden dem Hochwürdigst-Hochwohlgebornen Herrn Lucian v. Musiczky beym Antritte des Bisthums ehrerbliethigt geweiht von Kunitsch. Agram 1 vol. in 4-o. (№ 1199).
- 2-й экземпляр. (—)
- Kunst-Magazin der Mechanik und Technischen Chemie.** Hrsq. von Chr. G. Eschenbach. Heft 1. II. Leipzig, Hinrichs, 1802—1803. 2 vol. in 4-o. (№ 1739).
- Kupffer**, Voyage dans les environs du mont Elbrouz. S. P. B., Acad. des Sc., 1830. 1 vol. in 4-o. (№ 1687).
- Kussevich**, De municipalibus juribus et statutis Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Zagrabiae, 1830. 1 vol. in 8-o. бр. (№ 1314).
- Κυριακοδρομιον συντεθέν υπό του Ἀρχιεπισκόπου Νικηφόρος. том 1. 2. Ем Мόσха, 1808. (№ 1958).
- Kyrlich Sserskim Bratram Saxonskeho Wojska do Pola ssobudaty**, 1806. W Budyschini. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1238).
- Laboulaye Édouard**, La Chaire d'Histoire du Droit et le concours. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1001).
- Lacroix S. F.**, Complément des éléments d'Algèbre. 3-me édition, revue. S. P. B., Pluchart, 1814. 1 vol. in 8-o. (№ 220).
- Lacroix S. F.**, Traité élémentaire d'Arithmétique. Paris, chez Pluchart, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 120).
- Lacroix S. F.**, Traité élémentaire de Trigonométrie rectiligne et sphérique, V-me édition. Paris, chez Pluchart, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 124).
- Lado Hörvatzki illiti Sibilla**, Vu Zagrebu, 1820. (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 1209).
- Laferrière F.**, Histoire du droit Français. T. I. II. Paris, Joubert, 1835. 2 vol. in 8-o. (№ 989).
- 2-й экземпляр Т. II. 1 vol. in 8-o (неполный) (№ 1341).
- Lafitte Pierre**, Le positivisme et l'économie politique, 2-me édit. Paris, Dunod, 1867. бром. in 8-o. (№ 1765).
- Lafosse**, Guide du maréchal, ouvrage contenant une connaissance exacte du cheval. Avignon, Chambeau, 1798. 1 vol. in 8-o. (№ 1796).
- Lagrèze de**, La Féodalité dans les Pyrénées. Paris, Durand, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 1461).
- Lagus Willh.**, Sveriges Rikes Landslag, Helsingfors, 1852. 1 vol. in 4-o. (№ 963).
- .—. Sveriges Rikes Stadslag, Helsingfors, 1852. 1 vol. in 4-o. (№ 963).
- Laharpe J.**, Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne. T. I—XVI. Paris, chez Ledoux, 1820. 16 vol. in 18-o. (№ 1989).
- Lamartine A. de**, Histoire des Girondins, T. I—VIII. Paris, Furne, 1847. 8 vol. in 8-o. (№ 2,039).
- Lamartine A. de**, Souvenirs, impressions, pensées etc. pendant un voyage en Orient (1832—1833). T. I—IV, Paris, Gosselin, 1835. 4 vol. in 4-o. (№ 2040).
- Land-Recht**, Weinheim, durch Mayren, 1700. 1 vol. in 2-o. (№ 1069)

- Landes-Ordnung (verneuerte) des Markhgrävthums Mähren. 1698. in 4-o. (N 12)
- 630 Lands Bräuche (Die gemeine) des Herzogthums Lützenburg. Lützenburg durch Ferry, 1709. 1 vol. in 12-o. (N 12)
- Landts-Ordnung (Chur-Fürstl.-Pfalts). Reydelberg, durch Spica, 1682. in 2-o. (N 12)
- Langsdorff G. de, Mémoire sur le Brésil, pour servir de guide à ceux qui désirent s'y établir, 1820. 6pom. 1 vol. in 4-o. (N 12)
- L'Ardèche Laurent de, Histoire de l'Empereur Napoléon. Paris, Dabry 1839. 1 vol. 8-o (N 12)
- Las Casas le C-te de, Mémorial de Sainte-Hélène. T. I. II. Paris, Beauchêne 1842. 2 vol. in 8-o. (N 12)
- Lauri, Maître italien ou nouvelle Grammaire française et italienne. 2e édition. Lyon, chez Savy, 1823. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Le Bas Ph., Précis d'histoire des temps modernes. T. II. Paris, Firmin Didot frères, 1842. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Lechevalier J. B., Voyage de la Propontide et du Pont-Euxin. T. I. II. Paris, Dentu, 1800. 2 vol. in 8-o. (N 12)
- Le Clerc, Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. T. I—III. Paris, chez Froullé, 1783. 3 vol. in 4-o. (N 12)
- Leçons de Géométrie analytique, Première partie. Trigonométrie. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- 640 Lehnrecht des Markgrävthums Oberlausitz. Bd. I. II, herausgegeben von Weinart, Dresden, 1785. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Leich J. F., Verzeichniss derjenigen Bücher aus allen Wissenschaften, welche vom Monat Juny bis zur Michaelis-Messe erschienen sind. 1827, N II. Wien, C. Gräffer, 1827. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, hrsg. von der k. Gesellschaft für Nordische Alterthumskunde. Kopenhagen, 1837. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Lelewel, Cześć Bałwochwalcza Sławian i Polski, Poznań, Żupański 1864. 1 vol. in 8 o. (N 12)
- Lelewel Joach., Polska, dzieje i rzeczy tej. T. XX. Mowy i pisma polityczne przez E. Rykaczewskiego. Poznań, 1864. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Le Maître de Sacy, Le nouveau Testament de notre Seigneur Jésus-Christ. Paris, Firmin Didot, 1816. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Lemare, Cours de langue latine, ou 4,000 exemples. 3-me édit. Paris, chez Grand, 1819. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- Langlet du Fresnoy abbé, Tablettes chronologiques de l'Histoire universelle. T. I. II. Paris, chez de Bure, 1778. 2 vol. in 12-o. (N 12)
- 2-ro zesumenie T. II. Paris, 1763. 1 vol. in 12-o. (N 12)
- Langlet du Fresnoy abbé, Tablettes chronologiques de l'Histoire universelle sacrée et profane, ecclésiastique et civile. Rédigé par Jean-François T. II. III. Genève, chez Manget, 1808. 2 vol. in 8-o. (N 12)
- Leo, Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters. Th. I. II. Halle, Anton Neuberger 1825. 2 vol. in 8 o. (N 12)

- Léonard et de Monglave, Histoire abrégée de Paris. T. I. II. Paris, 1824. 2 vol. in 16-o. (№ 2,041).
- Lepidoptera faunae rossicae, Москва, въ тѣх. Готъе, 1849. бром. 2 т. въ 8-o. (№ 59).
- Le Play, La réforme sociale en France. T. I. II. Paris, Plon, 1864. 2 vol. in 8-o. (№ 1835).
- Le Play F., L'organisation du Travail. 2-me édition. Tour, Mame, 1870. 1 vol. in 12-o. (№ 703).
- Lesur C. L., Annuaire historique universel, pour 1820—1824. Paris, chez Fantin et Thoissier-Desplaces, 1821—1825. 5 vol. in 8-o. (№ 1245).
- Leutbecher J., Dr. Johann Amos Comenius Lehrkunst. Leipzig, Baensch, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 1370).
- Levesque Pierre, Histoire de Russie. Nouvelle édition corrigée. T. V—VIII. Hambourg, chez Fauche, 1800. 4 vol. in 8-o. (№ 155).
- Lévi D., Nouveau élémens d'Histoire générale. 1. 2. Paris, 1843. 1 vol. in 12-o. (№ 398).
- 2-й экземпляръ. T. I. II. Paris, chez l'auteur. 2 vol. in 12-o. (№ 2,042).
- Leymarie A., Histoire des Paysans en France. T. I. II. Paris, 1849. 2 vol. in 8 o. (№ 1034).
- Lhomond, Éléments de la grammaire française. Nouvelle édition. Paris, J. Moronval, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1136).
- Lhomond, Histoire abrégée de la religion avant la venue de Jésus-Christ. Lyon, Cormon, 1809. 1 vol. in 12-o. (№ 2,035).
- Libes Antoine, Traité complet et élémentaire de Physique. T. I—III. Paris, Courcier, 1813. 3 vol. in 8-o. (№ 121).
- Lied, gesungen bei der Installation des Herrn Pastors Andreas Broske zu Malschwitz. (2 страници) in 8-o. (№ 1239).
- Linnaea, Ein Journal für die Botanik in ihrem ganzen Umfange. Herausgeg. von D. von Schlechtendal. Bd. X. XI. Jahrg. 1835—36—37. Halle, gedruckt auf Kosten des Herausgebers, 1836—37. 2 vol. in 8-o. (№ 1426).
- Linnaeus Carolus, Fauna suecica. Editio altera, auctior. Stockholmiæ, sumtu et literis Salvii, 1761. 1 vol. in 8-o. (№ 65).
- Linné Carolus, Philosophia botanica. Editio tertia. Berolini, impensis Himbürgi, 1790. 1 vol in 8-o. (№ 125).
- Listi ino Evangelji na vse nedele, V' Radgoni v' Alojz Wajcinger'ovemi knjigi, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1124).
- Listi inu Evangelji v' nedele, inu prasnike zeliga Lejta. V' Lublani, Natisneni, jih ima na prodaj Maria Skarbina, 1825. 1 vol. in 8-o. (№ 1140).
- Livre des Placcarts, édits, réglemens, tarifs, ordonnances et decrets, emanés depuis l'an 1670. Compilées par Joseph Michel Wouters. Bruxelles, chez Frick, 1737. 1 vol in 2 o. (№ 594).
- Löwenhardt S. C., Die Identität der Moral- und Natur-Gesetze. Leipzig, Wiegand, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 393)

- 670 Löwenstein, De menstruatione normali atque parca. Dorpati, Schenck
1835. 6ρον. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Κιβωτος τῆς ἑλληνικῆς γλώσσας ἐπισκευασθεῖσα δὲ ἔπειτα καὶ πρὸς
θεῖσα ἰδὲ ὑπὸ Νικολάου Λογάδου. τόμος Α. ἐν Ἐπιτομῇ
Κωνσταντινουπόλει. (X 1)
- Longet F., Traité de Physiologie. 2-me édition. T. I. Partie II. in 8 o.
Partie III. Paris, Masson, 1857. 59. 3 vol. in 8 o. (X 1)
- Luna, Agramer Zeitschrift. Jahrgang III. № 3—95. bei Fr. Suppa. in 8 o.
1 vol. in 4 o. (X 1)
- Luther Martin, Der kleine Catechismus. Moskwa, Universitäts-Druckerei
1823. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Macháčka S. K., Zénichowé, Půwodni rýmowaná weselohra we třech
njeh. W Praze, u Joseph Fetterlowe, 1826. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Macielowski Venc., De vita et constitutionibus C. Q. Messii Traiani
Gottingae, Herbst, 1818. 1 vol. in 12 o. (X 1)
- Macielowski Wacław, Historia prawodawstw słowiańskich. T. I—IV, w
sznwie, 1832. 3 vol. in 8 o. (X 1)
- 2-ro wydanie. T. I—III. Wydanie drugie w Warszawie, 1856.
3 vol. in 8 o. (X 1)
- 3-ro wydanie. T. I. 1856. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Maciejowski W., Polska. T. I—IV, Petersburg, 1842. 4 vol. in 8 o. (X 1)
- Maiewski W., O Sławianach i Jch Pobratymcach. Część. I. Rozprawy
zyku senskrytskim. Warszawa, Dąbrowski, 1816. 1 vol. in 8 o.
2 szemu. (X 1)
- 680 Malblank J., Geschichte der peinlichen Gerichts-Ordnung Kaiser Karls
Nürnberg, bey Grattenauer, 1782. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Malczowski S. J., Nova et methodica Institutio in lingua Polonica. Eiusdem
G. Mattias, 1696. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Manava-Dharma-Sastra, Lois de Manou, traduites du sanscrit par A. J. B.
leur Deslongchamps. Paris, Chapelot, 1833. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Mandelstamm L. J., Vorrede. enthaltend die deutsche Einleitung zu den
klärungen der Bibel unter der Benennung Aesmeth-Jahve
von J. L. Mandelstamm. S. P. B., Buchdruckerei der Kaiserlichen
Akad. der Wissenschaften, 1850. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Manecke Urban, Kur- und fürstlich Braunschweig-Lüneburgischer
recht. Celle, 1859. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Mannert Konr., Geographie der Griechen und Römer. 2-te Auflage.
IV-ter, Leipzig, Hahn, 1820. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Manuel du voyageur en Suisse. Zurich, chez Orell, 1819. 1 vol. in 8 o. (X 1)
- Marcinkiewicz W., Ciekawy's? Przeczytaj! Trzy powiastki i wierszyki
Mińsk, Dworzec, 1856. 1 vol. in 8 o. (X 1)

- Marcinkiewicz W.**, Dudarz Bialoruski, czyli wszystkiego potrzeze. Mińsk, Dwore, 1857. 1 vol. in 8 o. (№ 1500).
- Marich J.**, Plach kraishnika po smerti Pavla Barona od Radivojevich. Vu Zagrebu, Fr. Suppan, 1829. (6pom.) 1 vol. in 4-o. (№ 1216).
- Markovics Joannis Nep.**, Adumbratio historie juris Hungarici privati. Budæ, typis Reg. Universitatis Hungaricæ, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1253).
- Martens Charles Baron de**, Manuel diplomatique ou précis des droits et des fonctions des agens diplomatiques. Paris, chez Treuttell, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 276).
- Martin Alexandre**, La Suisse pittoresque et ces environs. Paris, Souverain, 1835. 1 vol. in 4-o. (№ 2,053).
- Marx Adolph Bernhard**, Die Lehre von der musikalischen Komposition, 4-te vermehrte Ausgabe, II. III. Leipzig, Breitkopf, 1856, 1848. 2 vol. in 8-o. (№ 239).
- Marx Karl**, Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin, Duneker, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 498).
- Masson J. R.**, Encyclopédie des enfans. Paris, chez Masson, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 70).
- Masson J.**, Petit dictionnaire de L'Académie française. T. II. Paris, chez Masson et Fils, 1821. 1 vol. in 12-o. (№ 1451).
- Matheos Ant.**, Clave de ferias ó prontuario manual para la inteligencia de las Fechas. Madrid, Soto, 1760. 6pom. br. 12-o. (№ 1603).
- Matthäi Friedrich**, Die deutschen Ansiedelungen in Russland. Leipzig, Fries, 1866. 1 vol. in 8-o. (№ 411).
- Matuszewski A.**, Wyklad praktyczni języka Francuzkiego. Czesé I. III. Warszewa, w druk. J. Jaworskiego, 1849. 2 vol. in 8-o. (№ 1158).
- Maurer Georg**, Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung. München, Kaiser, 1854. 1 vol. in 8 o. (№ 988).
- Mauritius Anton**, Der Panlawismus. Leipzig, 1843. 1 vol in 8-o. 6pom. (№ 1052).
- Méditations religieuses en forme de Discours.** Traduites par Monnard et Gence. T. I. 2. II. 1. 2. Paris, Treuttel, 1830. 3 vol. in 8-o. (№ 71).
- Meier Moritz und Georg Schoemann**, Der Attische Process. Halle, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 545).
- Mejer Otto**, Einleitung in das deutsche Staatsrecht. Rostock, 1861. 1 vol. in 8o (№ 429).
- Meierus M.**, Historiæ Juris Attici de bonis damnatorum et fiscalium debiturum, libri duo. Berolini, Maureri, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1333).
- Mémoires de la Société royale des Antiquaires du Nord** 1836—1849. 4 vol. in 8 o. Copenhagen. (№ 631).
- 2 ro экземпляра. 1844. 1845—1847. 2 vol. in 8-o. (№ 631).
- Mémoires de Louis XVIII**, recueillis et mis en ordre par M. le Duc de D*** T. I II. IV. Bruxelles, Leipzig, Allgemeine Niederländische Buchhandlung, 1832. 3 vol. in 12-o. (№ 1089).
- Mémoires de Louis XVIII**. T. I—VIII. Bruxelles, Meline, 1832—33. 8 vol. in 16-o. (№ 2,044).

- Mémoires inédits de l'Amiral Tchitchagoff. Campagnes de la Russie en 1828 contre la Turquie, l'Autriche et la France.** Berlin, Schönbach, 1855. 1 vol. in 8 o. 6pom. (№ 45)
- 710 **Mémoires pour servir à l'Histoire de France, sous Napoléon.** T. I—III. Paris, Firmin Didot, 1823. 3 vol. in 8-o. (№ 8)
- Mémoires présentés à l'Académie Impériale des sciences de S. P.** T. I. 1. 2. IV. 1. 2. S. P. 1836. 37. 2 vol. in 4-o. (№ 2)
- Mémoires tirés des papiers d'un Homme d'État.** T. II—VI. Paris, chez Leclercq, 1831. 1832. 5 vol. in 8-o. (№ 12)
- Memorie per la storia della Dalmazia.** vol. I. II. Zara, per Battara, 1828. 2 vol. in 8-o. (№ 3)
- Ménétries E.** Catalogue raisonné des objet de Zoologie. S. P., de l'imprimerie de l'Académie Im. des sciences, 1832. 1 vol. in 4-o. (№ 2)
- Merrem Blasius, Versuch eines Systems der Amphibien.** Marburg, bei Knapp, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 5)
- Metastasio Pietro Abate, Opere.** T. I—XIV. Prato, Presso Vanzetti, 1820—1823. 14 vol. in 16-o. (№ 18)
- Metsburg Georg de, Institutiones Mathematicæ.** T. 1. 2. Viennæ, Typis Jo. Neumann, 1793. 1 vol. in 8-o. (№ 2)
- Michaud et Poujeolat, Correspondance d'Orient 1830—1831.** T. I—IV. Paris, Ducollet, 1833—35. 7 vol. in 8-o. (№ 15)
- Michaelis A., Commentatio exhibens observationes de ordine succedendi in Feudalis Longobardici.** Stuttgartiæ, J G. Cotha, 1818. 1 vol. in 4 o. 6pom. (№ 17)
- 720 **Mielcke, Littanisch-deutsches und Deutsch-littanisches Wörter-Buch.** Königsberg, Hartung, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 19)
- Mihanovich A., Zusammenstellung von 200 laut- und sinnverwandten Wörtern des Sanskrites und Slawischen.** 1 vol. in 4-o. (6pom.) (№ 18)
- Mikszewicz, Der Thee hauptsächlich als Handels- und Consumtions-Artikel.** Dorpat, Laakmann, 1852. 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 12)
- 2-й экземпляр (№ 11)
- Mikszewicz J., Ueber das Verhältniss der Consumption zur Production.** Dorpat, Schönmann, 1856. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 11)
- Mikszewicz J., Ueber das leitende Princip der Wirthschaftslehre, insbesondere der Nationalökonomie, in Bezug auf Moral und Recht.** Dorpat, Laakmann, 1852. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 11)
- (Milde Augustin), **Srdečno prosebné pozvánj. . . Katolického kostela v Praze.** W Praze, J. Pospissila, 1843. (6pom.) 1 vol. in 12-o. (№ 12)
- Mindingius, De formæ, in quam geometria britannicus Hamilton integralis mechanice analyticæ redegit, origine genuina.** Dorpati, Mattiesenii, 1864, 6pom. 1 vol. in 4-o. (№ 18)
- Mistriotes Georg, Κρίσις τοῦ Βουτουναίου ποιητικοῦ ἔργου.** Ἀθήναι, 1871. 1 vol. in 8-o. (№ 10)
- Mittheilungen aus Justus Perthe's geographischer Anstalt über wickl.**

nene Erforschungen auf dem Gesamt-Gebiete der Geographie von A. Petermann 1857. 1858. 1859 1—12. 1860 1—12; 1861 1—11. Ergänzungsheft 1—6. Gotha, 1857—1861 in 4-o. (№ 960).

Mittheilungen der königlichen landwirthschaftlichen Akademie Poppelendorf. I, Bonn, 1868. 1 vol. in 4-o. (№ 1084).

0 Mittermaier Joseph, Theorie des Beweises im peinlichen Prozesse. Th. I. Darmstadt, bei Heyer, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 534).

Mittermaier K., Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und Amerika. Erlangen, bei Enke, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 539).

Mluveveda (Slovanská) Vyúato z časopisu českého museum XXVI. Svazek. I str. 169. V Praze, Jerábkov, 1852. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (1479).

Modlitbi a Nábožné Cwičení, Srdeca Gžzisa. W Ostrihome, 1828. 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 1112).

Möhn Juri, Sserskeje Reczje Samozenje a Kwalbu we reczerskim Kyrlichu. W Budyschini, 1806. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 1123).

Mohl Robert, Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. III-er Bd. Politik, zweiter Band. Tübingen. 1869. 1 vol. in 8-o. (№ 513).

Molinier V., Du duel. Toulouse, Bonnal, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 1552).

Molitne Bukvize sa gmejn Volk Slavenskiga Jasika. V' Zelli, Joseph od Bacho, 1819. 1 vol. in 24-o. (№ 1188).

2-á ssekem.

Mollet Joseph, Hydraulique physique. A Lyon, Bolonche, 1810. 1 vol. in 8-o. (№ 1806).

Monet Johann, Enchiridion polonicum oder Polnisches Handbuch (неп. и нсора.) 1 vol. in 8-o. (№ 1168).

) Montandon C., Guide du voyageur en Crimée. Odessa, Impr. de la ville, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1982).

Montesquieu, De l'Esprit des loix. Nouvelle édition. T. II—IV. Paris, chez Billois, 1805. 3 vol. in 12-o. (№ 407).

Monumenta Germaniæ historica. Edidit Georgius Pertz. Tomus XVII. (erp. I—800); XVIII. Hannoveræ, 1861. 63. 2 vol. in 2-o. (№ 2,147).

Monumenta historice bohemicæ edita ab. Ant. Gindely (Staré paměti dějin českých) Sešit 1—56. V Prahe, Kober, 1864—69. 5 vol. in 8-o. (№ 1741).

Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, edidit Aegd. Se. et Art. Slav. Merid. Vol. III. Zagrabiae, Fr. Župan, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1821).

Moraczewski, Dzieje rzeczypospolitej Polskiej. T. I—IV. Poznań, 1846. 2 vol. in 8-o. (№ 643).

Moreau de Jonnés, La France avant ses premiers habitants et origines nationales de ses populations. Paris, Gaillaumin et Cie, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 891).

Moreri Louis, Le grand Dictionnaire historique, ou le mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane. T I—VIII. Amsterdam, chez Brunel, 1740. 8 vol. in fol. (№ 178).

- Morgan**, L'Italie. T. I—IV. Paris, chez Dufart, 1821. 4 vol. in 8-o. (ma
coq.) (N 1)
- Moser Johann**, Von der Reichs-Städtischen Regiments-Verfassung. Fraun
1772. 1 vol. in 4-o. (N 2)
- 750 **Moto-proprio della santità di nostro signore Papa Pio IX.** 15 Ottobre N
6pom. 1 vol. in 8-o. (N 3)
- Mets** (encore quelques) sur la Question d'Orient, Bruxelles, Hayez. N
1 vol. in 8-o. 6pom. (N 4)
- Mowed**, The Land Measurer's Assistant. Bampton Oxon, 1816. 1 vol. in 8-o. in
(N 5)
- Mrówka poznańska pismo ku użyteczny Zabawie rozumu i serca.** Bohu
J. F. Krollikowski N VII. Rok 1821. Miesiac Lipiec. 1 vol.
8-o. (N 6)
- Mücke J.**, Rede über die Entstehung und den Fortgang des algea be
Wittwen-und Waisen-Instituts. Prag, bei Fr. Gerzabek N
(6pom.) 1 vol. in 4-o. (N 7)
- Mulverstedt G.**, Die ältere Verfassung der Landstände in der Mark
denburg. Berlin, 1858. 1 vol. in 8-o. (N 8)
- Münckunde** (zur) Russlands. S. Pb., 1805. 1 vol. in 8 o. (N 9)
- Mulih J.**, Skola Kristusseva Kerschanszkoga Navuka obilno puzn. Zap
Weitz, 1744. 1 vol. in 12-o. (N 10)
- Muretus Marc. Ant.**, Orationes, epistolæ et poemata. Lipsiae, in off
Grossiana, 1750. 1 vol. in 8-o. (N 11)
- Murphy**, Elementary principles of the theories of electricity, heat, and
lecular actions. Part. I. Cambridge, Deighton, 1833. 1 vol.
8-o. (N 12)
- 760 **Museum** — Demidoff, T. I. contenant le catalogue de la bibliothèq
Moscou, Schildbach, 1806. 1 vol. in 4-o. (N 13)
- Muther Theod.**, De origine processus provocatorii ex. l. diffamatio
vocant commentatio. Erlangae, A. Deichert, 1853. 6pom. N
(N 14)
- Nachricht** über die Einrichtung, den Vermögensstand, die jährlicher
nahmen und Ausgaben des Privat Institutes für Taubta
Prag, bei Fr. Gerzabek, 1825. 1 vol. in 4-o. (N 15)
- Nachricht** von den Kirchen und ihren Lehrern zu Cottbus. Guben. ge
mit Brückners Schriften, 1799. 1 vol. in 4-o. 6pom. (N 16)
- Nachrichten** über die Missions-Wirksamkeit unter dem Volk Israe
schau, 1817. (6pom.) 2 vol. in 8-o. (N 17)
- Nachtrag** zu der dritten Sammlung verschiedener von Zeit der pub
Landes-Ordnung des Herzogthums Altenburg Gesätze, Bes
etc. Altenburg, 1823. 1 vol. in 4-o. (N 18)
- Nägeli Carl**, Beiträge zur Wissenschaftlichen Botanik. 4-tes Heft. La
Verlag von Engelmann, 1868. 1 vol. in 8-o. (N 19)
- Namenbüchlein** zum Gebrauche der Landschulen. Lalbach, im Verlage
k. Volksschulbücher, 1826. 1 vol. in 12-o. (N 20)

- Namenbüchlein zum Gebrauche der Landschulen in den kaiserl. königl. Staaten.** Fiume, 1819. 1 vol in 16-o. (№ 173).
- Namenbüchlein zum Gebrauche der Landschulen in dem Königreiche Kroatzen.** Ofeu, 1822. 1 vol. in 16-o. 6pom. (№ 174).
- Namensfeyer** (der hochehrfreulichen) Seiner Hochwohlgeboren des Freyherrn Carl Veyder von Malberg gewidmet. Karlstadt, bey Prettnner, 1827. (6pom.) 1 vol. in 4-o. (№ 1205).
- Naredba** Obchinzka, Za ravnanye, y obdersavanye tak Drusine, kak Gossopodarov prepissana. 6pom. 1 vol. in 4-o. (№ 1211).
- Naujas Jstatimas** Jezaus Christaus wieszpaties musu. Wilniaje, 1816. 1 vol. in 4-o. (№ 1616).
- Neander A.**, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Bd. II. Hamburg, bei Perthes, 1828. 1 vol. in 8-o. (№ 1405).
- Negedly**, Beleuchtung der Streitfrage über die böhmische Orthographie. Herausgb. von Jungmann. Prag, in der Fürsterzbischöflichen Buchdruckerei, 1829. 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 824).
- Nicht Pabst! nicht Luther! nicht Calvin! Einer ist unser Meister: Christus!!!** Mahnungen und Rügen der Zeit an die Zeit von R. . . Dessau, H. Neubürger, 1845. 6pom. in 8-o. (№ 1719).
- Niemcewicz** Julian, Podróze historyczne po ziemiach polskich. Wydanie drugie, Petersburg. Nakładem Wolfa, 1859. 1 vol. in 4-o. (№ 349).
- Nietzsche**, Programma de juris Livonici fontibus. Lipsiæ, 1831. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1048).
- Νικήφορος**, ἀρχιεπισκόπου πρώην Ἀστραχανίου. Στοιχείον μαθηματικῶν Τόμος II. τὰ Αρχιμήδια θεωρήματα, τῆς Τριγωνομετρίας καὶ τὰς τοῦ κῶνου τόριαις; III. Ἄλγεβρα. 2. Ἐν Μόσχᾳ. 1799. (№ 243).
- Neukirch**, In Platonis politiam quaestionum philologicarum particula II-da. Dorpati, Schönmann, 1835. 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 1990).
- Neumann A. S.**, Sätze aus allen Theilen der Rechtsgelehrtheit und der Politik. Prag, 1826. In der Sommerschen Buchdruckerei, 6pom. 1 vol. in 4-o. (№ 1203).
- Noel Fr.**, Nouveau dictionnaire Français—latin. 8-me tirage. Paris, Le Normant, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 355).
- Norvins de**, Histoire de Napoléon. T. I—IV. 3-me édit., Paris, chez Thoissnier, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 2,052).
- Notiser** ur sällskapetets pro fauna et flora fennica förhandlingar. Häftet. 1. 2. Helsingfors, Gröndahl, 1848. 1852. 2 vol. in 4-o. (№ 42).
- Notitia** Editionis codicis biblicorum sinaitici auspiciis Imperatoris Alexandri II. susceptae. Edidit A. F. C. Tischendorf, Lipsiæ, Brockhaus, 1860. 1 vol. in 4-o. (№ 1403).
- Nowiny** (Prazské) 1826. (непомяно) 1 vol. in 8-o. (№ 865).
- Ockel F.**, Die eheliche Gütergemeinschaft nach der Pommerschen Bauer-Ordnung in Neuvorpommern und Rügen. Berlin, Geymann, 1854. (№ 1503).

- Oda z powodu slubu zawartego w Warszawskim kościele ewangelickim**
20 Czerwca 1833 i dnia 6 Kwietnia 1834. 2 vol. 6p. (X 1)
- Ohláseni Milostiwého Leta aneb wseobecného Jubilaem které gēbē**
tozt Papežska Lew XII w Rjzme roku 1825. slawiw roka
na weskeré katolické křeřtanstwo rorsajřiti řáčil. W Praze
(6pom.) 1 vol. in fol. (X 1)
- Olivieri Agostino, Carte e cronache manoscritte per la Storia genovesa**
nova, 1855. 1 vol. in 8-o. (X 1)
- 790 **Ordnung (Begräbniss) für die Stadt Schmölln, 6pom. 1 vol. in 8-o.** (X 1)
- Ordnung der öffentlichen Vorlesungen am k. k. Lyceum zu Laibach**
Schuljahre 1829. Laibach, bey L. Eger. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (X 1)
- Orfila, Allgemeine Toxicologie oder Giftkunde. Th. I. II. Berlin, Anst.**
1818. 2 vol. in 8-o. (X 1)
- Organisation sociale de la Russie. Paris, Dentu, 1864. 1 vol. in 8-o.** (X 1)
- Ornamente (Slavische), gesammelt und herausgegeben von F. Lay. Leipzig**
F Lay, 1871. 6pom. 1 vol. in 4-o. (Text.) (X 1)
- Ortis Jacopo, Ultime lettere. Italia, 1802. 1 vol. in 12-o.** (X 1)
- Idem. Terza edizione, Italia, 1802. 1 vol. in 12-o.** (X 1)
- Idem. Settimo edizione, Londra, 1830. 1 vol. in 12-o.** (X 1)
- Ortolan, Éléments de droit pénal. 3-me édition, revue. T. I. II. Paris**
1863. 2 vol. in 8-o. (X 1)
- Ossolinski J., Mowy. Przekladanie Josefa Maximiliana. W Warszawie.**
Mei, 1784. 1 vol. in 12 o. 6pom: (X 1)
- Ouvaroff, Études de Philologie et de critique, Saint-Pétersbourg, 1845.**
in 8-o. (X 1)
- 2-й экземпляръ. S. P. B. 1845. 1 vol. in 8-o.** (X 1)
- Owsjannikow, Disquisitiones microscopicae de medullae spinalis textura**
primis in piscibus factitatae. Dorpati, Laakmann, 1854.
1 vol. in 8-o. (X 1)
- 800 **Palacky František, Dějiny Národu Českého w Čechách a w Morávě. Praha**
1. III. 1. 2. w Praze. 1848—51. 8 vol. in 8-o. (X 1)
- Palacky, Geschichte von Böhmen. Grösstentheils nach Urkunden und**
schriften. Bd. I. III. 1. Prag, Kronberger und Weber. 1845.
(X 1)
- Palacky Franz, Ueber Formelbücher zunächst in Bezug auf böhmische**
schichte. 1-te Lief, Prag, bei Kronberger, 1842. 1 vol. in 8-o. (X 1)
- Památka Slavného Dne Narozenj Geho Oswjcenosti Alexandra Balaševiča**
Rudna a Diwécké Nowé-wsi, Dne 4 Rigna Roku 1834. 6pom.
6pom. 1 vol. in fol. (X 1)
- Pamiętnik Domowy, Kalendarz i Rachmistrz dla wszystkich stanów. Warszawa,**
w Księgarni Szkół Publicznych, 1846. 1 vol. in 8-o. (X 1)

- Panckoucke C.**, Description de l'Égypte T. I—IV. VI—VIII. XI—XIII. XVII. XX. Paris, 1821. 13 vol. in 8-o. (№ 2,055).
- Parent-Duchatelet A.**, De la Prostitution dans la ville de Paris. T. I. II. Paris, chez Baillière, 1836. 2 vol. in 8-o. (№ 2,000).
- Pasion tu je popisuanie od terpleinija Jesusa Kristusa inu Niegove Shalostne Matare Marie deviza.** 1811, 1 vol. in 8-o. (№ 1200).
- Pastoret**, Histoire de la Législation. T. I—XI. Paris, chez Didot, 1817—837. 11 vol. in 8-o. (№ 732).
- Panthier G.**, Le Livre de Marco Polo, citoyen de Venise. Introduction. Paris, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 1046).
- Payen A.**, Précis de Chimie industrielle. Texte. Paris, Hachette, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1975).
- Pennequino P.**, Primum Societatis Jesu saeculum Deiparae Virgini Mariae Sacrum. 1640, 1 vol. in 12-o. (№ 1285).
- Περὶ τῆς ἀρχῆς, τοῦ σκοποῦ καὶ τῆς προόδου τῆς περὶ τῆς ἀγίας γραφῆς ἐταιρίας.** Κορκου. σ. α. 2 οκτ. (№ 1431).
- Pesmi (posuetne) med Slovenskim Narodom na Ontajarskem.** V' Radgoni Wajcinger., 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1251).
- Petkov (Pet sveteh) Mecsza Sushza.** V Lublani, 1768. 1 vol. in 18-o. (№ 1185).
- Petrowsky**, Ueber die bestimmten Integrale. Dorpat, Schönmann, 1839. (3 οκτωβρ.) 6pom. 3 vol. in 4-o. (№ 1911).
- Peysconel de.** Traité sur le Commerce de la Mer Noire. T. I. II. Paris, chez Cachet, 1787. 2 vol. in 8-o. (№ 473).
- Pfeiffer B.**, Geschichte der landständischen Verfassung in Kurhessen. Cassel, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1019).
- Phaedrus**, Phaedri Augusti liberti Fabula Aesopia versibus illyricis a Georgio Ferrich Ragusino redditae, Ragusii, 1813. 1 vol. in 18-o. (№ 228).
- Philipps G.**, Englische Reichs- und Rechtsgeschichte seit der Ankunft der Normannen im Jahre 1066 nach Christi Geburt. Bd. I. II. Berlin, Dummmler, 1827—28. 1 vol. in 8-o. (№ 1339).
- Phillips Georg**, Ueber das Studium der Geschichte. München, 1846. 6pom. in 4-o. (№ 1625).
- Pielgrzym Lwowski.** 1822, Lwow, Piller. 1 vol. in 4-o. (№ 1588).
- Pielgrzym**, pismo poświęcone filozofii, historii i literaturze, 1842 № 3—9. 11. 12. 1843 № 1. 2. 11 vol. in 8-o. (№ 1292).
- Πięknościach (O) języka Polskiego pod względem dramatycznym.** Na Popis publiczny uczniów Królewskiego Gimnazjum Poznańskiego. Poznań, Drukiem Dekera i Komp., 1820. (6pom.) 1 vol. in 4-o. (№ 1379).
- Piller A.**, Méthode courte, facile et pratique de langue italienne. Moscou, Semen, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1971).
- Piscetole i Evanglieliya priko svego godiacta novo istomacena po roslogu Missala Dvoru Rimskoga.** V Bnezih, 1739. 1 vol. in 4-o. (№ 1827).
- Pisma (suetega) Zgodbe iz starega ino novega 'akona.** Drygokrat na suetlo dal Peter Dalnko. V' Radgoni v' Alojz Wajcinger'ovemi knjigisi, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1131).

- Pjsné nabózné, které pod Mfsu Swatu spivané biwagu ku Ski, a chwila
 Wsemohuciu. W Kossjeach, 1794. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Pismo (to Boże) starego Testamenta, 1796. 1 vol. in 4-o. (N 1)
- Pismo (to Boże) starego Testamenta sa Lutherazsom. Barline, 1824. 1
 in 8-o. (N 1)
- 830 Pitsipios—Bey J. G., L'Orient. Les Réformes de l'empire Byzantin. Per
 Dentu. 1858. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Platen August, Gesammelte Werke. Stuttgart und Tübingen, Cotta. 1844.
 1 vol. in 8-o. (N 1)
- 2-ro wsewuzara. 2-té Lief. Stutt., 1839. 1 vol in 8-o. (N 1)
- Plenk, Doctrina de morbis veneris. Editio 2-do, Viennae, apud Graebnerum,
 1787. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Pliszka Kaz., Rzech o sukcessyi. W Warszawie, 1827. 1 vol. in 4-o.
 (N 1)
- Poetry (Readings in), a selection from the Best English Poets. London, J. B. Lippincott
 and Co., 1850. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Pokladnice (Česko-Moravska), Kalendář na obyčejný rok 1857. V Praze, Koberger
 mann. 1 vol. in 4-o. (N 1)
- Policey- Ordnung (Schauenburgische) der Ernsten Graffen zu Holsteyn. In
 ausgegeben von Fried. Rottmann, bey Cnax, 1717. 1 vol. in 4-o.
 (N 1)
- Polignac le Prince de, Études historiques, politiques et morales. T. 1-3.
 Bruxelles, 1845. 3 vol. in 24-o. (N 1)
- Poliński Michał, Paczátki Trygonometry ploskiej. Wilno, 1821. 1 vol. in
 8-o. (N 1)
- Politique (de la) Anglo-Française dans la Question d'Orient. Bruxelles,
 Hayez, 1854. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- 840 Pomay, Le grand Dictionnaire Royal en trois langues: la françois, l'italien
 et l'allemand. Partie I. Lpz., chez Rieger et fils, 1767. 1 vol. in 4-o.
 (N 1)
- Pope Alexander, The poetical Works. Edinburg, 1780. 1 vol. in 8-o. (N 1)
- Popis (Na) publiczny uczniów Warszawskiego Liceum. Warszawa, 1822. 2 vol. in 4-o.
 (N 1)
- Popis publiczny uczniów szkół Departamentowych Warszawskich. Warszawa,
 1816. 1 vol. in 8-o. 6pom. (N 1)
- (Два экземпляра).
- Popis publiczny uczniów Szkoły Woiewódzkiej Kieleckiej. W Kielcach,
 Wodzicki, 1823. 1 vol. in 4-o. 6pom. (N 1)
- (Два экземпляра).
- Popow, O starobylé České Malbě. W Praze, Haze, 1846. 6pom. 1 vol. in 8-o.
 (N 1)
- Porucenstwi (Posledni) Zbugnika Ondrásska které sonu swému. Praha,
 1 vol. in 16-o. (N 1)
- Posledzenie Publiczne Krolewsko-Warszawskiego Uniwersitetu. Dnia 1822
 roku, Warszawa, 1 vol. in 4-o. (N 1)

- Pospýšil J. H.**, Glindy a Nynj. Národnj Zábawnjk pro Čechy, Morawany a Slováky w Uhřjch. Cjslo 1—25, W Praze, 1833. 4 vol. in 4-o. (№ 1290).
- Pospýšil J. H.**, Kwěty České. Cjslo 1—6. W Praze, 1834. 1 vol. in 4-o. (№ 1291).
- 850 **Pospýšil J. H.**, Poznamenánj wesskerých kněh českých i ginogazyčnych. 1835. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 1236)
- Potthast**, Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters von 375—1500. Berlin, Kastner et Cie, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 772).
- Pouillet M.**, Éléments de physique expérimentale et de Météorologie. 3-me édit. T. II. Paris, Bechet. 1 vol. in 8-o. (№ 1816).
- Pradt de**, Question de l'Orient. Paris, Roret, 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 2,058).
- Pratika (Nova)** sa navadno léto 1827. V' Lublani od Kleinmayer. 1 vol. in 24-o. 6pom. (№ 1187).
- Prawa městská Kralowstwj Czeskeho a Margkrabstwj Morawskeho.** W Boně, 1701. (неоаное) 1 vol. in 2-o. (№ 764).
- Précis des droits des Moldaves et des Valaques, fondé sur le droit des gens et sur les traités.** Paris, A. Pougin, 1839. (2 exs.) 2 6pom. in 8-o. (№ 1659).
- Předneseni jednatele ve valném shromážděni společnosti Musea království Českého.** V Praze, Renn, 1866. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1842).
- Předneseni** Geho Excelency neyvyššejho Purkrabjho Frantiska Antonjna hraběte z Kolowrat-Libsteinského. Prag, Ház, 1826. 1 vol. in 4-o. 6pom. (№ 1456).
- Prevost-Parodal M.**, Deux lettres sur la Reforms du Code pénal, adressées au Journal des Débats. Paris, Lévy Frères, 1862. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 1512).
- 860 **Preyer J. N.**, Des ungrischen Bauer's früherer und gegenwärtiger Zustand. Pesth, 1838. 1 vol. in 12-o. (№ 440).
- Primits J. N.**, Deutsch-Slovenisches Lesebuch. Némshko-Slověnske Branja. Grätz, J. Miller, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 1156).
- Privat-Mittheilungen in Betreff der zu Tomaszow Mazowiecki im Königreich Polen begonnenen grossen Ansiedlungen. Mit einer Reise-Karte,** 1830. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1224).
- Probatione (de) causarum judiciali in genere nec non de probatione causarum indirecta.** Upsaliae, 1842. 1 vol. in 8-o. (№ 553).
- Process- und Gerichts-Ordnung des . . . Friedrich Augusti, Königs in Pohlen.** Dresden, 1724. 1 vol. in 4-o. (№ 677).
- Promptuarium, d. i. Ein Leichter Einfund in die Königl. vern. Böhmische und Mährische Lands-Ordnung. Durch Fr. de Serponte et Bregaziis.** Stadt Prag, Swoboda, 1678. 1 vol. in fol. (№ 1352).
- Prospekt działań towarzystwa naukowego przy Szkole Wojewódzkiej Plockiej.** 1 vol. in 4-o. (6pom.) (№ 1477).
- Przybylski Jacek**, Początki języka greckiego. Kraków, 1792. 1 vol. in 12-o. (№ 405).
- Πσαλτήριον. Νέα έκδοσις ἐν Βενετία.** 1853., (№ 1429).

- Psellus Mich.**, Synopsis legum versibus iambis et politicis. Lipsiae, 1796. 1 vol. in 8-o. (X 18)
- 870 **Publications (Principales) de Firmin Didot Frères.** Paris, Didot, 1844. 1 vol. in 8-o. 6pom. (X 17)
- Pachmir**, Pravopis rusko-česky. V Praze, 1851. 1 vol. in 12-o; 6pom. (X 19)
- Puchta Georg**, Gewohnheitsrecht. Th. I. Erlangen, 1828. 1 vol. in 8-o. (X 18)
- Puchta Georg**, Vorlesungen über das heutige römische Recht. I. II Leipzig, Tauchnitz, 1862. 2 vol. in 8-o. (X 17)
- Pycke M.**, Memoire couronné en réponse proposée par l'Academie Royale de Bruxelles. Bruxelles, P. J. de Mat, 1823. 1 vol. in 4-o. (X 12)
- Quadri Antoine**, Huit Jours à Venise. Venise, chez Andreola, 1828. 1 vol. in 12-o. (X 14)
- Quatternik**, Jeune berger rempli d'Allegresse, dédié à Jean de Jasic. Agram., chez Suppan. 1 авторъ in 5-o. (X 17)
- Quellen (die) des Revaler Stadtrechts.** Herausgegeben von F. Bangert. I. II. Dorpat, Kluge. 1844. 2 vol. in 8-o. (X 17)
- Quitsmann Anton**, Die älteste Rechtsverfassung der Baiwaren. Nürnberg, Stein, 1866. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Rada (Dobra) sa Kuždejo kak možo spokojni a gluzni buseh.** (6pom.) in 8-o. (X 12)
- 880 **Radau M.**, Ora'or extemporaneus, seu artis oratoriae breviarium bipartitum. Calissii, 1739. 1 vol. in 16-o. (X 17)
- Räteln zu Sagan Heinrich**, Wunderbare (Erschreckliche) Onerhörte Geschehnisse und warhaftte Historien: Nemlich (des nechst gewöhnlichen Grossfürsten in der Moschkaw) Joan Basilidis (auff irem Namen Iwan Basilowitz genant) Leben. Gedruckt zu Görlitz bey Johann Rhambaw, 1596. 1 vol. in 4-o. (X 17)
- Raison (la) du christianisme.** T. I—XII. Paris, Sapia, 1835. 12 vol. in 8-o. (X 17)
- Rakowiecki J. B.**, Pisma rozmaite. Warszawä, nakladem wydawcy. 1850. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Rakowiecki J.**, Prawda Ruska. T. I. II. W Warszawie, w druk. XX Pr. 1820. 2 vol. in 4-o. (совѣръ непорченное сочинение) (X 17)
- Ranke Joh.**, Die Lebensbedingungen der Nerven. Lpz., W. Engelmann, 1868. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Ratzburg Julius**, Die Forst-Insecten. Th. III. Berlin, 1844. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Rauter**, Traité théorique et pratique du droit criminel. Bruxelles, 1850. 1 vol. in 4-o. (X 17)
- Raymond Mich.**, Daniel le lapidaire T. I. Bruxelles, Haumann. 1850. 1 vol. in 12-o. (X 17)
- Razgovor ugodni naroda slovinskogo.** Padova, 1759. 1 vol. in 4-o. (X 17)

- Real-Encyclopädie** (Allgemeine deutsche) für die gebildeten Stände. (Conversations-Lexikon). Siebente Originalauflage. Bd. I—XI. Leipzig, Brockhaus, 1830. 12 vol. in 8-o. (№ 2,003).
- Recht** (Das Alte Lübsche), herausgeg. von J. Hach. Lübeck, Rohden, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 1340).
- Rechtsdenkmäler** (Deutsche) aus Böhmen und Mähren. Herausgegeben von Emil Rössler. Bd. I. II. Prag, Calve, 1845. 1852. 2 vol. in 8-o. (№ 414).
- 2-го экземпляра. Bd. I. 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 1363).
- Rechtslexicon**, Herausgegeben von Franz Hotzendorf. Heft 1. Leipzig, 1870. 1 vol. in 8 o. 6ром. (№ 723).
- Recueil de l'Académie de Législation de Toulouse** T. I. II. 1. 2. III. IV. 1. 2. V. VI. 1. 2. VIII. 1. 2. IX. 1. 2. X. 1. 2. XII. XIII. (1851—1864). Toulouse, F. Gimet, Paris, A. Durand, 1852—1864. 17 vol. in 8-o. (№ 1256).
- Recuil de planches sur les Sciences, les arts libéraux et les arts mécaniques avec leur explication.** 5-me livr. Paris, 1768. 1 vol. in fol. (№ 749).
- Register** (etnographisches) zur Abhandlung über Russlands Gesamtbevölkerung im Jahre 1838. 1 vol. in 4-o. 6ром. (№ 418).
- Register** über das Archiv des Criminalrechts von den Jahren 1798 bis 1856. Braunschweig, Schweitschke, 1857. 1 vol. in 8-o. (№ 554).
- Regnault** Elias, Histoire criminelle du Gouvernement Anglais. Tournai, Maarsart, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 716).
- Regolamento per la Guardia Civica nello stato Pontificio.** 1 vol. in 4-o. 6ром. (№ 1472).
- Regulativ** (Provisorisches) für die Stadt Sehmölln. 6ром. 1 vol. in 4-o. (№ 802).
- Reijnders**, Diatribe literaria inauguralis in Platonis dialogum symposium. Groningae, Boekeren, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 1960).
- Reil**, Kleine Schriften wissenschaftlichen und gemeinnützigen Inhalts. Halle, Curt, 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 1858).
- Rein Wil**, Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus. Leipzig, Köhler, 1844. 1 vol. in 8-o. (№ 603).
- Reindl** F., Ueber Schärfung und Milderung der Strafen. Landshut, in der Kröll'schen Univ. Buchhandlung, 1811. 1 vol. in 8-o. (6ром.) (№ 1509).
- Reinegg** Jacob, Allgemeine historisch topographische Beschreibung des Kaukasus. Th. I. II. Gotha, bei Gerstenberg, 1796. 2 vol. in 8-o. (№ 650).
- Reindhard** F. V., Prätikowan na prednu Neželu po sswetei Tachojoaczi wó tom Lesche 1809. (6ром.) 1810, 1 vol. in 8-o. (№ 1227).
- Reissner**, Nonnula de hominis mammalliumque pilis. Dorpati, Schönmann, 1853. 6ром. 1 vol. in 8-o. (№ 1896).
- Repertorium** zum Weiske'schen Rechtslexicon. Leipzig, Verlag von Wigand, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 326).

- Berum Hungaricarum monumenta arpadiana.** Edidit S. Endlicher. Sc.
Scheitlin, 1849. 1 vol. in 8-o.
- 910 **Beutz Alex. von,** Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russ.
Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, bey Steffenhagen.
1 vol. in 8-o.
- Revue Britanique,** 1833 I—III; 1837 I—II, 1838 I—II; 1838 1—12;
1—12; 1840 1—12; 1840 1—8, 10—12; 1841 1—8; 1842
1843 II; 1848 I; 1857 1. 2. 4—12; съ 1858 по 1865 издава
по двѣнадцати книжекъ въ каждомъ; 1866 1. 2. 5—12.
in 8-o.
- Revue critique de Législation et de Jurisprudence,** T. XVIII 4—6 III
ris, 1861. in 8-o.
- Revue des deux Mondes,** 1838 1—4; 1839 1—4; 1840 2—3; 1841—4
книжки); 1845 3—4; 1846 2—4; 1847 1. 2. 4; 1848 1—3;
5—8; 1855 7—12; 1856 1—5; 1857 13. 16. 18; 1858
(полные годы) 103 vol. in 8-o
2-го экземпляра. T. VIII—LXXVII. Paris, 1857—1868. 70 vol.
Annuaire des deux Mondes T. II. IV. VII—XIV. 1851—67. 10 vol.
2-го экз. — — — T. IV. VII. X. XI. 4 vol. in 8-o.
- Revue historique de droit Français et étranger.** T. IV. Paris, 1858.
in 8-o.
- Reyscher A.,** Beiträge zur Kunde des deutschen Rechts. 1-te Beitrag. Teil
bei Fues, 1833. 1 vol. in 8-o.
- Ribeiro,** Observações Historicas e criticas para servirem de memoria
tema da diplomatica Portugueza. Lisboa, 1798. 1 vol. in 8-o.
- Richtebrief (Der Schaffhauser),** Herausgegeben von Meyer. Schaff
Brodtmann, 1857. 6пом. 1 vol. in 8-o.
- Richter A.,** Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten
schen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit
selben von A. O. Richter. Th. I. II Riga, Kimmel, 1857.
in 8-o.
- Billiet et Barthez,** Traité clinique et pratique des Maladies des Enfants
I—III. Paris, Baillièrre, 1843. 3 vol. in 8-o.
- 920 **Ritschelius Friedericus,** De inscriptione columnae rostratae duellianae
tes 1. 2. Berolini, apud Trantwein, 1852. 1861. 1 vol. in 8-o.
6пом.
- Ritter- und Landrechte (der revidirten esthländischen),** Buch 1-tes
1852. 1 vol. in 8-o.
- Bivarol A.,** De L'Universalité de la langue française. Paris, chez
1797.
- Roczniki Towarzystwa Krolewskiego Warszawskiego** T. XVII. Warszawa
1824. 1 vol. in 8-o.
- Roggé Karl,** Ueber das Gerichtswesen der Germanen. Halle, 1820.
8-o.

- Romani Fel.**, Lucrezia Borgia. Milano, 1833, 6pom. in 12-o. (№ 1661).
- Rommel Chr.**, Deutsche Chrestomatie. Poetischer Theil. Charkow, gedruckt in der Universitäts-Buchdruckerey, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 1448).
- Rosa Gabr.**, J. Feudi ed i comuni della Lombardia. Bergamo, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1025).
- Rosenkranz Karl.**, Die Poesie und ihre Geschichte. Königsberg, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 1050).
- Roth Paul**, Feudalität und Unterthanverband. Weimar, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 1023).
- 930 **Roth Paul**, Mecklenburgisches Lehenrecht, Rostock, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 1027).
- Rotteck Karl von**, Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten. 12-te Auflage. III. Bd. Freiburg, 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 10).
- Rousseau J. J.**, Projet concernant de nouveaux signes pour la musique. Genève, 1781. 1 vol. in 12-o. (1095).
- Rousset**, Recueil historique d'actes, negotiations, memoires et traites. T. I—IX. A la Haye, chez Scheurleer, 1728—735. 9 vol. in 12-o. (№ 712).
- Rouvière Arnaud de la**, Traité du droit de retour. T. I. II. Paris, chez Huart, 1737. 2 vol. in 12-o. (№ 523).
- Rozbor staročeske Literatury.** R. 1840 a 1841, 1843 a 1844 I. II. W Praze, 1842. 1845. 2 vol. in 4-o. (№ 964).
- Idem R. 1840 a 1841. w Praze. 1842; 1 vol. in 4-o. 6p. (№ 1100).
- Rozklad Nauk w Szkołach Obwodowych.** 6pom. 1 vol. in fol. (2 ekzemplarze) (840).
- Rüttimann J.**, Der Englische Civil-Process. Leipzig, Tauchnitz, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 566).
- Rukopis Králdoworský.** Wydán od Wácl. Hanky. W Praze, Haze a Krause, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 823).
- Rulhière Cl. de**, Histoire de l'anarchie de Pologne. T. I—IV. Paris, Ménéard, 1819. 4 vol. in 8-o. (№ 2,072).
- 940 **Russie (la) en 1844**, Système de Législation, d'administration et de politique de la Russie en 1844. Paris, 1845. 1 vol. in 12-o. (№ 2062).
- Russie (la) et les chemins de fer russes.** Paris, Garnier, 1857. 1 vol. in 12-o. (№ 324).
- Sabler**, Beobachtungen über die irdische Strahlenbrechung und über die Gesetze der Veränderung derselben. Dorpat, bei Lindfors Erben, 1839. 6pom. 1 vol. in 4-o. (№ 1928).
- Sätze aus der Rechen- und Messkunst . . . an der K. National-Primarschule zu Agram, am Ende des Schuljahres 1828/29, Agram.** 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 1226).
- 2-й экзем. (—).
- 3-й экземп. (—).

- Saint-Pierre** Jacques-Henri-Bernardin, Oeuvres. Mises en ordre et précédées de la vie de l'auteur par L. Aimé — Martin. Bruxelles, Wahlen, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 168)
- Saint-Sauveur** André-Grasset, Voyage historique, littéraire et pittoresque dans les îles et possessions ci-devant vénitienes du Levant T. I—III. Paris, chez Tavernier. An VIII. 3 vol. in 8-o. (№ 154)
- Salvandy** M. de, Histoire de Pologne avant et sous le roi Jean Sobieski T. I—III. Paris, Santelet, 1829. 3 vol. in 12-o. (№ 063)
- Sammlung** alter und neuer Schlesischer Provinzial-Gesätze. Th. I. II. 1. 2. Bresslau, bey Korn. 1771—73. 3 vol. in 4-o. (№ 1358)
- Sammlung** der wichtigsten und nöthigsten, bisher aber noch nicht herausgegebenen Kayser- und Königlichen auch Hertzogl. Privilegirten Statuten, Rescripten und Pragmatischen Sanctionen des Landes Schlesien. Th. I. Leipzig, bey Teubner, 1736. 1 vol. in 4-o. (№ 1359)
- Sammlung** (Kleine) solcher altslavischer Wörter welche im heutigen westlichen Dialecte noch kräftig fortleben. Klagenfurt, Gelb, 1821. 1 vol. in 8-o. (6pom.) 3 ers. (№ 1497)
- 950 **Sammlung** Russischer Geschichte. Stück I—IX. S. Pb., Bey der kays. Akademie der Wiss., 1732—64. 9 vol. in 12-o. (№ 196)
- Sammlung** (Fortgesetzte) derer in die Wendische Sprache übersetzten Litinischer Wörter. der. Cotbus, J. M. Kühn, 1749. 1 vol. in 12-o. (№ 1173)
- Sand** George, Jean Ziska. Bruxelles, Lebègue, 1843. 1 vol. in 18-o. (№ 84)
- Sand** George, Lélia. T. 1. 2. Bruxelles, Meline, 1839. 2 vol. in 18-o. (№ 79)
- Sand** George, Lettre d'un voyageur T. I. II. Bruxelles, Meline, 1838. 2 vol. in 18-o. (№ 82)
- Saulnier**, Le Bureau du parlement de Bretagne au XVIII Siècle (1733—1790) Paris, Durand, 1856. 6pom. 1 vol. in 8-o. 2 ersenn. (№ 805)
- Savigny** Fried., System des heutigen Römischen Rechts. Bd. I. Berlin, bey Veit, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 60)
- Sawicki**, Historia powszechna (неполный) 1 vol. in 8-o. (№ 116)
- Say** Jean-Bapt, Traité d'Economie politique T. I. II. Paris, chez Renouard, 1814, 2 vol. in 8-o. (№ 2.07)
- Scarblec** diplomatów Papiezkich, Cesarskich, Krolewskich, Csiągęcych; u wszystkich narodowych. Zebrał i w tresci opisał J. Daniełowicz. T. I. Wilno, Kirkor, 1860. 1 vol. in 4-o. (№ 144)
- 960 **Scematismo** dell' Imperiale Regio litorale Austriaco-Illirico. Trieste, Colaninno, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 154)
- Schad** J., Institutiones Philosophiae Universae in usum auditorum suorum T. I. Logicam puram et applicatam complectens. Charkov, typis Universitatis, 1812. 1 vol. in 8-o. (№ 153)
- Schéde-Eerroti** D., Études sur l'avenir de la Russie. Études: 1. 3. 4. 5. Berlin, Behr, 1857—60. 4 vol. in 8-o. (№ 2.06)
- 2-ro ersenn. Première étude. 4-me éd. Ber., 1859. 1 vol. in 4-o.
- 3-ro ersenn. Première étude. 3-me éd. Berlin, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 2.07)
- Schindler** J. S. F., To prède wot 21 Pratkowańow szweżenskich na N

- Schütz J., Allgemeine Erdkunde. Bd. V. Wien, Doll, 1808. 1 vol. n. o. (K 12)
- Schulgesetze für Schüler der Israel. Lehranstalt in Odessa. Gedruckt in der Stadt-Buchdruckerey. 1 vol. in 12-o. (6pom.) (K 12)
- Schultz Christoph, Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer. Köln, Buchem, 1833. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Schurzfleischius Henricus, Historia ensiferorum, ordinis Teutonici Livoniae Vitembergae, sumptibus Meyeri, 1750. 1 vol. in 12-o. (K 12)
- Schwarze Friedrich, Das deutsche Schwurgericht und dessen Reformen. Enge, Enke, 1865. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Sclopius F., Montesquieu et Machiavel. Paris, Durand, 1856. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (K 12)
- Scott Walter Sir, Oeuvres complètes. T. 4—10. 32. 64—67. Paris, 1857. 1 vol. in 12-o. (K 12)
- Scriptores rerum Silesiacarum, Herausgegeben von Gustav Stenzel. Breslau, Max, 1835. 1 vol. in 4-o. (K 12)
- Seberini, Pietatis Monumentum Posenii, Landes, 1816. 1 vol. n. o. 2-й экземпляръ (6pom.) (K 12)
- 990 Seberiny Jan, Kázanj na pohrebu Karoline Mattulay dne 29 Měsa 1825. vol. in 8-o. 6pom. 4 exsemn. (K 12)
- Ségar le Comte de, Histoire de Russie et de Pierre-le Grand, Paris, chez le Comte de Ségur, 1829. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Ségar le Comte de, Mémoires ou souvenirs et Anecdotes. T. I. Paris, chez le Comte de Ségur, 1824. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Ségar le Comte de, Oeuvres complètes. T. I—III. Memoires. Paris, chez le Comte de Ségur, 1824. 3 vol. in 8-o. (K 12)
- Seidenstückler J. H. P., Elementarbuch der lateinischen Sprache. Absolut 5-te Aufl. Hamm u. Lpz., 1830. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Selecta ex auctoribus Latinis in usum quartae classis. Warszawa, 1824. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Šamber. Dějiny řeči a literatury Československé. Vydání druhé. V Praze, Nákladem spisovatelovým, 1859. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Senkenberg Henricus, Visiones diversae de collectionibus legum generalium. Lipsiae, 1765. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Serna Pedro, Motivos de la ley de Enjuiciamiento civil. Madrid, 1857. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Serve (Jl) moro, Malta, dai torchj americani, 1826. 6p. n. o. 16-o. (K 12)
- 1000 Seume J. G., Sämmtliche Werke. Leipzig, Verlag von Hartknoch, 1835. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Seydel, Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, Staber, 1857. 1 vol. in 8-o. (K 12)
- Sesnam členů společnosti, vědeckých sborů a odborů i úředníků v království Českého. V Praze, Renn, 1866. 1 vol. in 8-o. (K 12)

- Sharp**, Trattato delle operazioni di Chirurgia. Par. I. II. Osservazioni di Chirurgia di Bartolom. Gerloni ed Ang. Nannoni. Par. III. Venezia, Zatta, 1770. 3 vol. in 8-o. (№ 1852).
- Siefert G. G. Ph.**, Nouveau choix des morceaux les plus intéressants de la littérature française P. I. II. A Halle, Orphelin, 1814. 1815. 2 vol. in 8-o. (№ 1167).
- Siegel H.**, Die Erholung und Wandelung im gerichtlichen Verfahren. Wien, aus der k. k. hof- und Staatsdruckerei, 1863. 1 vol. in 6-pou. (№ 1551).
- Silberschlag**, Grundriss der Geschichte der Verfassung, Verwaltung und Gesetzgebung des Preussischen Staats. Berlin, 1860. 1 vol. in 8-o. 6-pou. (№ 1024).
- Simonde de Sismondi**, Histoire des républiques italiennes du moyen age. 2-de édit. T. 1—XVI. Paris, chez Treuttel, 1818. 16 vol. in 8-o. (№ 2075).
- 2-ro издание T. I—III. VIII. X. XIV. XV. 1818. 7 vol. in 8-o. (№ 1091).
- Simonet J.**, Histoire et Théorie de la saisine Héreditaire. Paris, Durand, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 508).
- Simonnet M.**, Le Président Fauchet, sa vie et ses ouvrages. Paris, Durand, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 924).
- Sjögren Andr.**, Ueber das Werk des kön. Däntschen Etatsrathes und Professors Finn Magnusen, Runamo og Runerne. S. Pb., bei Gräff, 1842. 1 vol. in 8-o. (№ 105).
- Sirmiensis L.**, Status publicus Regni Hungariae et ejus regiminis forma. Viennae, Kurzbek, 1784. 1 vol. in 8-o. (№ 1248).
- Sitzungsberichte der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften zu München.** 1866. Bd. I. II. 1867. Bd. I. II. München, 1866—67. 4 vol. in 8-o. (№ 162).
- Škraup, Drátenjk.** W Praze, 1826. 1 vol. in 12-o. 6-pou. (№ 1081).
- Skrzetuski W.**, Historia powszechna dla szkól Narodowych. Kraków, 1786. 1 vol. in 8-o. (№ 1268).
- Slawianie w badaniach początkowych z Historji Powszechnój.** Warszawa, Tomaszewski, 1845. 1 vol. in 5-o. (№ 775).
- Slovník Naučný.** Díl. I. 1—16. II. 1—5. Díl. II. odd. 2. 1—5. III. 1. V Praze, Kober, 1860. 1861. 1862. 3 vol. in 8-o. (№ 1574).
- Smaczniński**, Poezye T. I. Warszawa, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 1077).
- Smitt Fred. de**, Frédéric II, Catherine, et le partage de la Pologne. Paris, Franck, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 2.076).
- Snell F.**, Handbuch der Philosophie für Liebhaber. T. IV. Moralphilosophie. Giessen, Tasche, 1805. 1 vol. in 8-o. (№ 1525).
- Sobólewskj G.**, Flora petropolitana. Petropoli, Typis Collegii Imperialis Medici, 1799. 1 vol. in 8-o. (№ 1425).
- Sohm**, Der Process der Lex Salica. Weimar, Böhlau, 1867. 1 vol in 8-o. (№ 852).
- Somerville**, Mechanism of the Heavens. London, Murray, 1831. 1 vol. in 8 o. (№ 1882).

- Soulavie Jean, *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI.* T. I—VI. Paris, chez Treuttel, 1801. 6 vol. in 8-o. (№ 150).
- Soulavie l'abbé, *Les classes naturelles des Minéraux et les époques de la nature.* S. Pb., 1786. 1 vol. in 4-o. (№ 143).
- Soulié Frédéric, *Les deux Cadavres.* Paris, Gosselin, 1848. 1 vol. in 12-o. (№ 76)
- Spalding Joachim, *Repertorium juris Mecklenburgici.* Rostock, 1781. 1 vol. in 4-o. (№ 717).
- Spinoza, *Opera quae supersunt omnia. Iterum edenda curavit, praefationes. vitam auctoris, etc. addidit Henr. Paulus.* Vol. II. Jenae, in Bibliopolio Academico, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 797).
- Spisy Karla Staršího z Žerotína, *Oddělení první. Svazek první.* Vydal V. Brandl, v Brně, 1866. 1 vol. in 8-o. (№ 1037).
- Sprawa przed publicznością, na popisie rocznym szkoły wojewódzkiej Plockkiej, Roku 1820—22. W Plocku, 1821—22. 3 vol. in 4-o. 6pmr. (№ 1374).
- 1030 Sprengel, *Historia rei herbariae.* T. 1. II. Amstelodami, sumtibus tabernae librariae et artium, 1807—8. 2 vol. in 8-o. (№ 1881).
- Sprengel P., *Handwerke und Künste in Fabellen.* Berlin, im Verlag der Buchhandlung der Realschule, 1770. 1 vol. in 8-o. (№ 1559).
- (Sreznowsky J.), *Slovanska mluvnice i dopisy z Rus.* V. Praze, 1850. 1 vol. in 8-o. 6pou. (№ 400).
- Stadt (der) Hamburg *Statuten und Gerichts-Ordnung.* Neue Auflage. Hamburg, 1771. 1 vol. in 4-o. (№ 678).
- Stadtrecht (das Zellesehe), Hannover, Hahn, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 685).
- Stadtrechten (das) von Solothurn, (Herausgegeben v. Lüthy). Solothurn 1817. 1 vol. in 12-o. (№ 1026).
- Stael Madame de, *Oeuvres complètes, publiées par son fils.* T. VIII et IX. Bruxelles, Hauman, 1830. 2 vol. in 8-o. (№ 2,057).
- Stancowich, *Della partia di San Girolamo dottore di Santa Chiesa.* Venezia, Picotti, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 781).
- Stanisław Leszczyński i Polska w pierwszej polowie XVIII wieku przez autora Ukrainy i Zaporóza. T. I. II. Warszawa, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 637).
- Stannius Herrmann, *Handbuch der Anatomie der Wirbelthiere.* 2-te Auflage. Berlin, Verlag von Veit. 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 428).
- 1010 Starovolsci Simonis, *Tractatus tres, Polonia. Sarmatiae Bellatores. Scriptorum Polonicorum Ekatontae.* Vratislaviae, apud Kornium, 1734. 1 vol. in 4-o. (№ 233).
- Stadt (der) Nürnberg *verneute Reformation.* 1564, Nürnberg, durch Valentin Geissler. 1 vol. in 2-o. (№ 668).
- Statuta Polskie Króla Kazimierza w Wiślicy złożone, z rękopismu wydał K. Wl. Wojcieki. Warszawa, w druk. Kom. Rządowej sprawiedliwości, 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 855).
- Statuten (Die) der Stadt Breslau mit beigelegtem Kommentar nach der Bearbeitung des verstorbenen Notariats-Director Uber. Breslau, bei Aderholz, 1832. 7 vol. in 8-o. (№ 1364).

- Statuts et Ordonnances touchant le Stile, et manière de proceder en l'administration de Justice devant et par les Cours et Justices séculières du Pays de Liège.** A. Liège, chez Milst, 1700. 1 vol. in 12-o. (№ 714).
- Stawizne nowoho Zakona,** W Buduschne, 1814. 1 vol. in 8-o. (№ 1073).
- Stedmann J. G., Voyage a Surinam et dans l'intérieur de la Guiane.** Traduit de l'Anglais par P. F. Henry, T. II. III. Paris, chez Buisson, 1799. 2 vol. in 8-o. (№ 12).
- Stein L., Die Geschichte des dänischen Civilprocesses.** Kiel, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 1058).
- Stein L., Geschichte des französischen Strafrechts und des Processes.** Basel. 1846. 1 vol. in 8-o. (№ 639).
- Steiner Jacob, Vorlesungen über synthetische Geometrie.** Th. II. Die Theorie der Kegelschnitte, bearbeitet von Hein. Schröter. Leipzig, Teubner, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 664).
- 1060 **Stendhal de, Vie de Rossini.** I. II. Paris, chez Boulland, 1824. 2 vol. in 8-o. (№ 1979).
- Stenzler Ad. Fr., Yajnavalkya's Gesetzbuch.** Sanscrit und Deutsch. Berlin, F. Dümmler, 1849. 1 vol. in 8-o. (№ 1700).
- Stephani Ludolf, Ueber einige angebliche Steinschneider des Alterthums.** St. Pb., 1851. 1 vol. in 4-o. (№ 1781).
- Stephansohn Wolf., Serbisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch.** Wien, bei Armeniern, 1818. 1 vol. in 8-o. (№ 193).
- Stephen Henry, Handbuch des englischen Strafrechts und Strafverfahrens.** Abtheilung 1. 2. Göttingen, bei Vandenhoeck, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 476).
- Sternberg-Manderscheid F., Ueber den gegenwärtigen Stand der vaterländischen Münzkunde in Böhmen.** Prag, bei Haase. 1825. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1554).
- Steward Dugold, Histoire abrégée des sciences metaphysiques, morales et politiques,** traduite de l'anglais par J. A. Buchon. Partie I. Paris, Levant, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1666).
- Sticinsky Fr., Von der Ungültigkeitserklärung als Aufhebungsart der Ehe.** Dorpat, 1851. 1 vol. in 8-o. 6pom. (два экз.) (№ 1043).
- Stojanovich J., Kratak Pridgovor duhovni.** V Ossiku. (6pom.) 1 vol. in 8-o. (№ 1228).
- Stoy, Manuel élémentaire pour l'instruction de la jeunesse.** Rédig. en français par Mr. Perrault. T. I. Breslau et Lpz., Korn, 1812. 1 vol. in 8-o. (№ 799).
- 1060 **Strafgesetzbuch (das) für das Königreich Norwegen.** Uebersetzt von F. Thaulow, Christiania, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 493).
- Strafgesetzbuch (das) für das Königreich Württemberg.** Stuttgart, Metzler, 1839. 1 vol. in 8-o. (неопр. exp. 1—80) (№ 1597).
- Straf-Gesetz-Buch für den Kanton Thurgau.** Frauenfeld, bei Kolb, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 467).

- Strafgesetzbuch für den Kanton Graubünden. 1 vol. in 8-o. (31)
- Strafprozess-Ordnung (die) für das Königreich Württemberg mit
den Anmerkungen von Hermann Knapp. Stuttgart, Velsch
1 vol. in 8-o. (31)
- Stransky, De republica Bojema. Amstelredami, Rüdiger, 1713. 1 vol. in 8-o. (31)
- Strinnholm A. M., Wikingszuge, Staatsverfassung und Sitten der altnord-
dinavier. Th. I. II. Hamburg, Perthes, 1839. 1 vol. in 8-o. (31)
- Struve F. G. W. Ueber die Doppelsterne. Dorpat, Schönmann, 1837.
in 4-o. (31)
- Struys Jean, Les voyages en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes
en plusieurs autres Pais étrangers. T. I—III. Lyon, chez
1682. 3 vol. in 24-o. (31)
- Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthums und
Gottesverehrung. VIII-te verbesserte Original-Ausgabe Bd. I—
Aarau, bei Sauerländer, 1822. 8 vol. in 12-o. (31)
- 1070 Sadre Alfred, Histoire du Communisme, 4-me édition. Paris, chez Lecou-
1 vol. in 12. (31)
- Sue Eugène., La vie de Koat—Ven. Roman, T. I—IV. Bruxelles, Pe-
1834. 4 vol. in 18-o. (31)
- Sue Eug., Tajemnice Paryża. Przekład Fr. Chlewaskiego. T. I. Warsza-
G. L. Glücksberg, 1844. 1 vol. in 12-o. (31)
- Surowiecki W., O upadku przemysłu i Miast w Polsce. W Warsza-
1 vol. in 12-o. (31)
- Symbola philologorum Bonnensium in honorem Friederici Ritschelii etc.
Fasc. I. Lipsiae, B. G. Teubner, 1864. 1 vol. in 8-o. (31)
- Sytzama, De jure suffragandi in Frisia. Schultze, 1841. 1 vol. in 8-o. (31)
- Szafarsyk J. P., Starożytności Słowianckie. Poznan, 1841. 1 vol. in 8-o.
(neuorras) (31)
- Szegedus Joannes, Tripartitum juris Ungarici tyrocinium. Pars. III. Tri-
viae, Berger, 1734. 1 vol. in 16-o. (31)
- Szrek (Schroek). Historia powszechna T. I—III. W Wilnie, w dr. Zro-
kiego, 1813. 1 vol. in 12-o. (31)
- Sztochl, Grammatyka historyczno-krytyczna języka Polskiego. Warsza-
1854. 1 vol. in 8-o. (31)
- 1080 Saulo, De origine et sedibus veterum Illyriorum, 6pom. 1 vol. in 8 o. (31)
- Szwaynic J., De historia ingenuitates antiquiore commentarii. Warsza-
1823. 1 vol. in 16-o. (31)
- Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne
entre les fleuves Terek et Kour. S. Pb., 1798. 1 vol. in 8-o. (31)
- Tabora (Neztranchno) vezdassnyega izpiszavanye za leto 1788, od P. J. J. J.
Va Zagrebu, Kotehe, 1789. 1 vol. in 8-o. (6pom. (31)

- Taciti Cornelli opera quae extant. Justus Lipsius partemum recensuit. Additi Commentarii aucti emendatique ab ultima manu. Accessit C. Velleius Patereulus cum ejusdem Lipsi auctoribus Notis. Antverpiae, apud Moretum, 1607. 1 vol. in 2-o. (№ 968).**
- Tancoigne J. M., Voyage à Smirne dans l'Archipel et l'Île de Candie. En 1811—1814 T. I. II. Paris, Nepveu, 1817. 2 vol. in 16-o. (№ 1383).**
- Taschenbuch (Gothaisches genealogisches) auf das Jahr 1835. 1836, Gotha, bei Justus Perthes. 2 vol. in 32-o. (№ 1610).**
- Ta-Tsing-Leu-Lée, ou les lois fondamentales du code pénal de la Chine, Traduit du Chinois par Félix Renouarde Saint-Croix. T. I. II. Paris, chez Lenormant, 1812. 2 vol. in 8-o. (№ 480).**
- Tchihatcheff Pierre de, Cartes et plans du voyage scientifique dans l'Asie orientale. Paris, Gide, 1845. 1 vol. in fol. (№ 1780).**
- Tchorzewski, De politia timaeocritia, ultimo Platonico ternione, Librerum de Legibus praecipua ratione habita. Kazani, 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 1899).**
- Tennemann W. Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. Herausgegeben von A. Wendt. Lpz. Barth, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1527).**
- Tennemann W. B., Rys Historji filozofji Wedlug przerobienia A. Wendta. przelozyl J. H. S. Rzesinski. T. II. Krakow, 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 1257).**
- Terzichiu Luczi, Pokriplgienye umirachi, ú Haruaski Jesik; popravi i pristampa po ozou Bernardinu Paulovichiu. V Mleezi, 1800. 1 vol. (№ 1139).**
(неполн.)
- Testament (das neue) unsers Herrn Jesu Christi, übersetzt von Gottlieb Fabricio. Fünfte Auflage, 1775. 1 vol. in 8-o. (№ 181).**
- 2-й экземпляръ. Cottbus. 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 181).
- 3-й экземпляръ. „ „ (№ 181).
- Testamentas (Naujas) musu Jsgganytojo Jezaus Kristaus. Telzeje, 1823. 1 vol. in 8-a. (№ 1165).**
- Testamenti (Ausi), Suomen Biblia-Seuralda toimitettu. St. Pietarborisus. F. Drechsler. Wuonna, 1814. 1 vol. in 8 o. (№ 1148).**
- Theils (sämtliche Hochfürstl. Braunsch. Lüneb. Cellischen) Gerichts-Ordnungen. Hannover, bei Förster, 1712. 1 vol. in 4-o. (№ 694).**
- Thibaut Anton, Beiträge zur Critik der Feuerbachischen Theorie über die Grundbegriffe des peinlichen Rechts. Hamburg, bey Perthes, 1802. 1 vol. in 12-o. (№ 520).**
- Thibaut A., Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelberg, Mohr, 1814. 1 vol. in 8-o. 6ром. (№ 1504).**
- Thiers A., Histoire de la Révolution française. VIII-me édition. T. I—IV. Paris, Imprimerie de Fournier, 1842. 4 vol. in 8-o.**
- 2-й экземпляръ. T. I—X. Paris, Furne, 1839. (№ 32).
- 10 vol. in 8-o. (№ 2078).

- 1100 **Thiers A.**, Histoire du Consulat et de l'Empire. T. I—XVIII. II. 1. Paulin, 1845—62. 19 vol. in 8-o. (X 17)
- 2-ro svesenn. T. I. III—V. Leipzig, 1845. 4 vol. in 8-o. (X 17)
- Thomasa Kempensaria** Bukve v'katireh je sapopadenn tu poduzhenje let 1745. 1 vol. in 8-o. 2-ij svesennizp'z V'Lublani 1778 (X 17)
- Tidskrift** (Antiquarisk), udgivet of det kongelige Nordiske Oldskriftselskab. 1843—1845 Tredje Hefte; 1852—1854 Forste og Andte Hefter. Kjobenhavn, 1845. 1854. 2 vol. in 8-o. (X 17)
- Teequville Alexis de**, De la Démocratie en Amerique. T. II. Paris. Galignani, 1835. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Tomaschek J. A.**, Recht und Verfassung der Markgrafschaft Mähren : : : : : Jahrhundert, Brünn, A. Nitsch, 1863. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Tett Baron de**, Mémoires sur les Turcs et les Tartares. Partie I—IV. Amsterdam, 1785. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Teurnefort Pitton de**, Relation d'un voyage du Levant. T. I. II. A Amsterdam, 1718. 1 vol. in 4-o. (X 17)
- Teurs Gregorius**, Zehn Bücher Fränkischer Geschichte. Bd. I. II. K. G. Zimmern, 1851. 2 vol. in 12-o. (X 17)
- Traditiones et Antiquitates Fuldenses**. Herausgegeben von Dronke. F. Müller, 1814. 1 vol. in 4-o. (X 17)
- Transactions** (philosophical) of the royal Society of London. For the years 1834, Part. I. II. 1835 Part. I. II. 1854. vol. 144, Part I. II. London, Taylor 1834. 35. 54. 6 vol. in 4-o. (X 17 247 r 12)
- 1110 **Traveller** (the modern). Vol. X. Russia. Boston, Lilly, 1831. 1 vol. in 12-o. (X 17)
- Tromsdorff**, Chemische Receptirkunst oder Taschenbuch für praktische Aerzte. Erfurt, Beyer und Maring, 1799. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Trummer Carl**, Die beiden letzten Abhandlungen über das Hamburgische Stadtrecht, Hamburg, 1859. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Tudományos Gyűjteménynek** (Az 1826-ik esztendői), Pesten. 6pon. 1826. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Tugendheld J.**, Der alte Wahn vom Blutgebrauch des Israeliten am Sinai. Berlin, Veit, 1858. 1 vol. in 8-o. (X 17)
- Tycho Mommsen**, Bemerkungen zum ersten Buche der Satiren des Lucian. Frankfurt am Main, Mahlau und Waldschmidt, 1871. 6pon. 1871. 1 vol. in 4-o. (X 17)
- Uebersicht der Arbeiten und Veränderungen der schlesischen Gesellschaft für vaterländische Cultur im Jahre 1824.** vom Dr. J. W. Müller. Breslau, bei Grass, 1825. 1 vol. in 4-o. (X 17)
- Uebersicht des Fortschrittes und der Erfolge im Lehrfache der orientalischen Sprachen an der Universität Kasan.** Kasan, 1842. 1 vol. in 8-o. 6pon. (X 17)
- 2-ij svesenn. (X 17)
- Uhland**, Schriften. Bd. III—V. Stuttgart, Cotta, 1866—70. 3 vol. in 8-o. (X 17 751 r 15)

- Umpfenbach Karl**, Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Th. II. Erlangen, Enke, 1860. 1 vol. in 8-o. (№ 504).
- Union (l') Chrétiënne**, 1863—1864 №№ 1—53; 1864—1865 №№ 1—52; 1865—1866 №№ 1—26. 28—52. Paris, 3 vol. in 4-o. (№ 2.082).
- Unterholzner K.**, Ausführliche Entwicklung der gesammten Verjährungslehre aus den gemeinen in Deutschland geltenden Rechten. Bd. I. II. Leipzig, Verlag von Barth, 1828. 2 vol. in 8-o. (№ 465).
- Untersuchungen an dem Institute für Physiologie und Histologie in Graz**. Herausgegeben von A. Rollett. Heft II. Lpz., Engelmann, 1871. 1 vol. in 8-o. (№ 1348)
- Urkunden (meklenburgische)**. Herausgegeben von G. Lisch. Bd. I—III. Schwerin, 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 991).
- 2-ro экземпляра. Bd. I. 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 921).
- Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen**. Herausgegeben von Carl Fabricius. Bd. I—III. Stralsund, 1841. 2 vol. in 4-o. (№ 961).
- Urkundenbuch (Liv-, Esth- und Curländisches) nebst Regesten**. Herausgegeben von Bunge. B. I. II. III. 1—3. Reval, bei Kluge, 1853. 3. vol. in 4-o. (№ 731).
- Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte, in Schlesien und der Ober-Lausitz**, von G. A. Tzschoppe. Hamburg, Perthes, 1832. 1 vol. in 4-o. (№ 1356).
- Utješenió Og. M.**, Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 1317).
- Vauban de**, Traité de la défense des Places. Nouvelle édition publiée par le baron de Valaze. Paris, Anselm. 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 2.083).
- Veder A.**, Historia Philosophiae Juris apud veteres. Lugduni Batavorum, apud Hazenberg, 1832. 1 vol. in 8-o. (№ 335)
- Veneroni**, Italienisch-Französisch und Teutsche Grammatica. Dresden, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1157).
- Ventura**, Elogio Funebre di Daniello O'Connell. Roma, Cairo, 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 879).
- Verdet E.**, Oeuvres T. I. Notes et mémoires. Paris, G. Masson, 1872, 1 vol. in 8-o. (№ 1805).
- Verhandlungen der Gelehrten Esthnischen Gesellschaft zu Dorpat**. (Разборъ этого сочиненія П. Българскаго). Изъ Журн. М. Н. Пр. 1849. № 5. С. Пб. 1849. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1843).
- Verhovacs**, Podvúchanya vu naj poglaviteshéh vére iztinah. Zagrebu, 1822. 1 vol. in 12-o. (№ 292).
- Versuchs-Stationen (Die Landwirthschaftlichen)** Herausgeg. von Nobbe. Bd. XV № 1—3. Chemnitz, Focke, 1872. 2 vol. in 8-o. (№ 1926).
- Vertot**, Histoire des révolutions de la république romaine T. 1—IV. Paris, chez Anselin, 1826. 4 vol. in 24-o. (№ 2,069)
- Vertot**, Histoire des révolutions de Portugal. Édition stér. Paris, Didot, 1816. 1 vol. in 18-o. (№ 2,068).

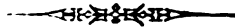
- Vertet**, Histoire des révolutions de Suède. T. I. II. Édition stérée. Didot, 1811. 1 vol. in 18-o. (N 1)
- Verzeichniss** der Bücher, Landkarten welche vom Januar bis Juny 1827 erschienen oder neu aufgelegt sind; zu finden bei J. G. v. Mösle in Wien, 1827. 1 vol. in 8-o. (N 2)
- 1140 **Verzeichniss** der im Monate August 1828 im Redoutengebäude in Prag öffentlich ausgestellten böhmischen Gewerbsprodukte. Prag. 6pom. in 8-o. (N 3)
- Verzeichniss** einer werthvollen Sammlung älterer und neuerer Werke dem Gebiete der Theologie, Philosophie, Pädagogik und Orientalischen Literatur. Tübingen, Laupp, 1861. 1 vol. in 8-o. (N 4)
- Verzeichniss** (Vollständiges) derjenigen Bücher, die vom Januar 1823 in Deutschland wirklich erschienen und in der Sammlung Josef Max und Comp. in Breslau schnell zu haben sind. 1823. 1 vol. in 8-o. (N 5)
- Vessélevsky** C., Compte Rendu de L'Academie Impériale des sciences et belles lettres de Pétersbourg. Année 1857. St. Pb., impr. de l'Académie Impériale des sciences, 1858. (N 6)
- Vetter** T. Ch. W., Meine Reise nach Grusien im Jahre 1827. S. P. 1827. 1 vol. in 12-o. (N 7)
- Vie** politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même. T. I.—IV. Paris, chez Anselin, 1827. 4 vol. in 8-o. (N 8)
- Vierteljahrs-Schrift** (Deutsche) № 31. 32. 34. 35. 38. 39. 40. Stuttgart, 1845—1847. 7 vol. in 8-o. (N 9)
- Vieth**, Physikalischer Kinderfreund. 7-tes Bändchen. Leipzig, Barth, 1841. 1 vol. in 8-o. (N 10)
- Vila** Slovinka Giurgia Barakevicchia Zadranina v Cettare Varsti. Venedig, 1682. 1 vol. in 8-o. (N 11)
- Villemain**, Cours de littérature française. Tableau du dix-huitième siècle. Partie III. Paris, Pichou et Didier, 1829. 1 vol. in 8-o. (N 12)
- 1150 **Villermé**, Tableau de l'État physique et morale des ouvriers. T. I. II. Paris, Renouard, 1840. 2 vol. in 8-o. (N 13)
- Vitezovich** Pav., Oddilyenja figetikoga perva csetiri dila. U Becca J. P. nych, 1865. 1 vol. in 8-o. (N 14)
- Volkman** A. W., Beitrag zur moralischen Würdigung des Zweikampfs. Dorpat, 1841. 6pom. in 8-o. (N 15)
- Volkslieder** der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von L. Haupt und Joh. Schmalzer. Th. I. Grimma, 1841. Gebhardt. 1 vol. in 4-o. 6pom. (N 16)
- Volney** C. F., Voyage en Syrie et en Egypte. 4-me éd. T. I. II. A Paris, chez C. F. Volney, 1807. 2 vol. in 8-o. (N 17)
- Voltaire**, Histoire de Charles XII, Roi de Suède. Edition stéréotype. Paris, Didot, 1802. 1 vol. in 24-o. (N 18)
- 2-й изданиe. Paris, 1829. Edit. st. 1 vol. in 18-o. (N 19)
- Voltaire**, Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Paris, Mame, 1809. 1 vol. in 12-o. (N 20)

- Wachsmuth W.**, Die ältere Geschichte des römischen Staates. Halle, im Verlag der Rengerschen Buchhand., 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1094).
- Wachsmuth W.**, Jus gentium quale obtinuerit apud Graecos ante bellorum cum Persis gestorum initium. Kiliae, 1822. 6p. in 8-o. (№ 1720).
- Wagner**, Commentatio de Cholera Asiatica. Pragae, Typis Sommerianis. 1833. 6pou. 1 vol. in 8-o. (№ 1884).
- Wagner J.**, Von der Natur der Dinge. In drey Büchern. Lpz., Breitkopf, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 1536).
- Wailly**, Abregé de la grammaire Française, przez X. K. Kamińskiego. Edycya druga, w Warszawie, w drukarni XX. Pilarow, 1816. 1 vol. in 8-o. (№ 1171).
- Walcker Carl**, Zur Lehre von den Schutzzöllen. Dorpat, 1867. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 441).
- Walter Scott**, The life of Napoleon Buonaparte. Vol. IX. Paris, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 47).
- Walther Friedrich**, Die Rechtsmittel im Strafverfahren. II-te Abth. München, bei Kaiser, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 537).
- Warmiński J.**, Pamiętka Z Czerniakowa. Warszawa, Jaworski, 1861. 1 t. w 12-o. 6pom. (№ 1562).
- Warnkoenig L.**, Oratio de jurisprudentia gentium europaearum una eaque assiduo doctorum commercio excolenda. Lovanii, Michel, 1828. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 1502).
- Warnkoenig et Gerard**, Histoire des Carolingiens. T. I. II. Bruxelles, Rozex, 1862. 2 vol. in 8-o. (№ 773).
- Wattenbach**, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Berlin, Hertz, 1858. 1 vol. in 18-o. (№ 857).
- Weber**, Vorlesungen aus der Naturlehre. Abhd. III. Die phisische Chemie. IV, Ueber die Luft, VIII Ueber das Wasser. Landshut, Weber, 1791. 1796. 1801. 3 vol. in 8-o. (№ 1868).
- 2-ro wazemniara. III Abh. Die phisische Chemie. München, Lindauer, 1791. 1 vol. in 8-o. (№ 1868 a).
- Weichsel F.**, Rechtshistorische Untersuchungen das gutsherrlich-bäuerliche Verhältniss in Deutschland betreffend. Bremen, 1822. Th. I. III. 2 vol. in 8-o. (№ 1338).
- Weiss le colonel de**, Principes philosophiques, politiques et moraux. 3-me édition. T. II. Bruxelles, A Peeters, Leipzig, 1832. 1 vol. in 12-o. (№ 1301).
- Weissenburg**, Geschichte der berüchtigten Bremer Giftmischerin M. G. Gottfried. Stuttgart, Walters, 1829. 1 vol in 8-o. (№ 1799).
- Welcker**, Das innere und äuszere System der praktischen natürlichen und römisch-christlich-germanischen Rechts-, Staats- und Gesetzgebungs-Lehre. Bd. I. Stuttgart, Metzler, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 872).
- Wenck Carl**, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig, Märker, 1810. 1 vol. in 8-o. (№ 325).
- Werse Ragdustogneysemu a Wtsoccoswiténému Knižati Aleksandrowi z Rud-**

- ného, a *Ďiwáckég Nowég-Wsi. W Trnawe*, 1820. 1 vol. in fol.
 бром. (№ 1190).
 2-й экземпляръ. (—)
- Whewell William**, *On the motion of points*. Cambridge, J. Smith, 1834.
 1 vol. in 8-o. (№ 1808).
- Wilda W.**, *Das Gildenwesen im Mittelalter*. Halle, im Verlag der Renger-
 schen Buchhandlung, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 1330).
- Wilda Wilhelm.**, *Geschichte des deutschen Strafrechts*. 1-er Bd. Das Straf-
 recht der Germanen. Halle, Schweitschke, 1842. 1 vol. in 8-o.
 (№ 356).
- Wirschinger H.**, *Darstellung der Entstehung, Ausbildung und des jetzigen
 rechtlichen Zustandes, der Patrimonial-Gerichtsbarkheit in Bayern*.
 München, 1837. (№ 1022).
- 1180 **Wiszniewski**, *Die mittlere jährliche Temperatur auf der Erdoberfläche als
 Function der geograph. Länge und Breite*. Dorpat, Laakmann,
 1853. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1912)
- Witte T.**, *Meditationes de Jure Criminali respectu juris internationalis in
 stitutaе*. Dorpati, Schönmann, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1501).
- Wocel Jan**, *O staročeském dědicem Právu*. V Praze, 1861. 1 vol. in 4-o
 (№ 743)
- Wolf A.**, *Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft*, Herausgegeben von
 J. D. Gärtler. B. I. III. Leipzig, bei A. Lehnhold. 1831. 1839
 2 vol. in 8-o. (№ 1319)
- Woyna J.**, *Kleiner Lust-Garten, worin gerade Gänge zur polnischen Sprache
 angewiesen werden; Anno 1693*. Dantzig, 1729. 1 vol. in 12-o
 (№ 1184)
 2-й экземпляръ тома. (—)
- Wstęp do Historji powszechney**. Warszawa, Zawadzki, 1821. 1 vol. in 4-o
 (бром.) (№ 1480)
- Wyber różnych gatunków Poezyi z rymopisow Polskich dla wzytku Młod-
 zieży**. Część I. II. W Warszawie, w drukarni XX Piłarów
 1818. 20. 2 vol. in 8-o. (№ 1119 n 1648)
- Wýber z literatury České**. Dil. I. od Najstarších časůw až do počátku X
 Století. W Praze, u Kronberga 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 868)
- Wyspa St.**, *Helena*. Poemat przez Hr. A. K. Drukiem Breitkopf, w Lipsku
 (5 экземп.) 5 vol. in 12-o. (№ 61)
- Wzory Sztuki Średniowiecznej i z epoki odrodzenia po konies wieku XVI
 W dawnej Polsce**. Widawane przez A. Przedzieckiego. Serya I
 Warszawa, 1856. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 1470)
- 1190 **Xenophon**. *Anabasis, seu expeditio Cyri minoris*. Editio stereotype curant
 C. H. Weise. T. III. Lipsiae, 1828. 1 vol. in 8-o. (№ 253)
- Ξενόφροντος τὰ Σοφισμένα**. Σὴν κλειστά Ακρίβεια στερεοθητος εκδοθεντα
 Τῶμος γ'. Ἐν Λειψία ἐκ τοῦ τυπογρ. καρ. του Ταυχνιζου
 1 vol. in 12-o. (№ 1547)

- Zaborowski Stanisław (Ksiądz), Ortografja Polska. Z łacnskiego na polski język przełożona przez Andreia F. Kucharskiego. W Warszawie, w Drukarni Josefa Weckiego, 1825. (6pom.) 1 vol. in 4-o. (№ 1122).
- 2-я экземпляръ. (—).
- Zakrzewski Jan, Wypisy Polskie prozą, i wierzem. W Wilnie i w Warszawie Nakładem Teofila i Aug. Em. Glücksbergów, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 1128).
- Zastanowienie się (Bezstronne) nad proiekłowaną ustawą następstwa tronu w Polsce, przez pewnego Szlacheica z Ziemi Lukowskiej. 1 vol. in 12-o. (№ 1563).
- Zeitschrift (Allgemeine) von Deutschen für Deutsche, herausgeg. von Schelling. Bd. I. Nürnberg, Schrag, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 1445).
- Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. XXII. XXIII. XXIV. Heft I. II. 1868. 1869. 1870. Leipzig, Brockhaus, 1868—70 3 vol. in 8-o. (№ 1836).
- Zeitschrift für analytische Chemie. Herausgegeben von Dr. C. Remigius Fresenius. Jahrg. IV. Wiesbaden, Kriedel, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 1927).
- Zeitschrift für eine künftig aufzustellende Rechtswissenschaft nach dem Prinzip eines transzendentalen Realismus. Herausgegeben von Collmann. Bd. I, erstes Heft. Frankfurt am Main, 1802. 1 vol. in 8-o. 6pom. (№ 396).
- Zeitschrift für spekulative Physik herausgegeben von Schelling. Bd. I. 1, 2. Jena, Gabler, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 1516).
- Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. XVII. XVIII. Berlin, 1867. 69. 2 vol. in 8-o. (№ 2,148).
- Zeitschrift (historische), Herausgegeben von Heinrich von Sybel. Bd. V—VIII. München, 1861. 1862. 4 vol. in 8-o. (№ 256).
- Zeitschrift (kritische) für Rechtswissenschaft Bd. I. 1. 2. II. 3. IV. 3. V1—3. VI. 2. 3. Stuttgart, 1826—30. 8 tetrapagek in 8-o. (№ 969).
- Zelich G., Pastirsko slovo. Zadru, 1808. 6pom. in 8-o. (№ 1723).
- Ziljski M. Sveta brata Ciril i Metod Slavjanska Apostola i osnovatelja slovstva Slavjanskoga. W Zlatnom Pragu, Seyfried, 1864. 1 vol. in 12 o. (8sz.) (№ 1449).
- Ziljski Mat. Maj., Usajemni nprasonic czaszjancki. V Zlatnom Pragu 1865. (3 sz.) 3 vol. in 8-o. (№ 1629).
- Ziller T. Einleitung in die allgemeine Pädagogik. Leipzig, Teubner, 1856. 1 vol in 8-o. (№ 1517).
- Zimmern Sigmund, Geschichte des römischen Privatrechts bis Justinian I. 1. 2. III. Heidelberg, Mohr, 1826—29. 2 vol. in 8-o. (№ 570).
- Životopis Václava Hanky. 1 vol. in 12-o. 6pom. 7px sz. (№ 992).
- Żochowski, Części mowy odmieniające się przez przypadki. Warszawa, nakładem Biura informacyjnego, 1838. 1 vol. in 8-o. (№ 819).
- Zopf Heinrich, Deutsche Rechtsgeschichte. Stuttgart, Krabbe. 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 994).

- Zrzedziopisma do Dziejow Unii ker. Polskiej i W. X. Litewskiego.** Cz. I.
Diariusz Lubelskiego Sejmu Unii. Rok 1569. W Poznaniu
kiem ogłosił Działyński, 1856. 1 vol. in 4-o. (Ж 14)
- Zumpt, Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen ins Lateinische**
Aufgabe. Berlin, Dümmler, 1825. 1 vol. in 8-o. (Ж 15)
- Zusammenstellung der neueren organischen Process-Gesetze** Preussens,
sen, Scherk, 1847. 1 vol. in 4-o. (бром.) (Ж 16)
- Żyliński Wacław, List pasterski.** Wilno, J. Zawadzki, 1856. бром. в 1 т. (Ж 17)

- Адресъ-Календарь или списокъ главныхъ властей Имперіи и всѣхъ мѣстъ и чиновниковъ Царства Польскаго на 1854 годъ.** Варшава, 1854. 1 т. въ 8-о. (Ж 18)
- Акты (Воронежскіе), Древнія грамоты и другіе письменные памятники** сажущіеся Воронежской губерніи и частью Азова. Собранные: даны Второвымъ и Александровымъ—Дольникомъ. Кіевъ: Типогр. Воронежъ, въ типограф. губер. Правленія, 1851—53. 3 т. въ 8-о. (Ж 19)
- Акты, собранные Кавказскою Археологическою Коммисіею.** Т. I. Изд. 1866. 1 т. въ 2-о. (Ж 20)
- Алексѣевъ Петръ, Церковный словарь.** Изданіе 4-е. Части I—V. С. Пб. тип. Глазунова. 1817—19. 5 т. въ 8-о. (Ж 21)
- Альманахъ на 1826 для пріѣзжающихъ въ Москву или новѣйшій указъ** Москвы. Москва, Семеновъ, 1825. 1 т. въ 8-о. (Ж 22)
- Андреевскій, О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Юлія** Васильевича на престолъ Вел. Кн. Московскаго. С. Пб. тип. Трѣхъ, 1854. 1 т. въ 8-о. (Ж 23)
- Аристовъ Василій, «Болгарскіе книжники», или какому славянскому племени** собственно принадлежитъ кирилловская азбука? Одесса, въ типогр., 1844. 1 т. въ 12-о. бром. (Ж 24)
- Аристотель. О поэзи.** Перевелъ и объяснилъ В. Ординскій. Москва, въ Готье. 1854. 1 т. въ 8-о. (Ж 25)
- 2-й экземпляръ. (Ж 26)
- Архивъ югозападной Россіи, издаваемый временною коммисіею для разбора** древнихъ актовъ, Ч. I—III. Кіевъ, въ универ. тип. 1859—60. 3 т. въ 8-о. (Ж 27)
- 10 **Атласъ естественной географіи.** (Безъ заглавія) 5 лст. въ 3-о. (Ж 28)
- Ваксгофъ Я., Англійско-Русскій словарь.** Т. I. II. Москва, Семеновъ, 1833—34. 2 т. въ 8-о. (Ж 29)
- Варокій, Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Америкѣ** ходившися. Ч. I. II. С.-Пб., издвѣніемъ Имп. Академіи, 1819. 2 т. въ 4-о. (Ж 30)

- Варшевъ Сергій, О мѣрѣ наказаній. Москва, Въ унив. тип., 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 357).
- Вахманъ Ф., Система логики. Ч. I. (Безъ заглавнаго листа). (№ 1541).
- Вееръ, Географія Россійская. При Импер. Академ. наукъ, 1767. 1 т. въ 8-о. (№ 1)392.
- Виблія, или книги священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта. (на славян. яз.). 1 т. въ 4-о. (№ 344).
еще два экземпляра. 2 т. въ 8-о. (№ 344).
- Библіотека Россійская историческая, содержащая древнія лѣтописи. С.-Пб., При И. Акад. Наукъ. Часть I. 1767. 1 т. въ 4 о. (№ 348)
- Вилларскій П. С., Образчикъ этиологическаго разбора языка новѣйшихъ писателей. (Изъ III т. Зап. Имп. Акад. Наукъ), 3 экз. брош. 3 въ 8-о. (№ 165)1.
- Влагошѣицкскій Н., Гораций и его время. С.-Пб., въ тип. И. Ак. Н., 1864. 1 т. въ 8-о. (№ 975).
2-й экземпляръ (№ 976).
- 20 Влуженбахъ Яог. Руководство къ естественной исторіи. Ч. I—III. С.-Пб., у Вальховскаго. 1797. 3 т. въ 8-о. (№ 122).
- Вогъ (съ нами), Бесѣды на рождество Христова. Харьковъ, въ унив. типогр., 1844. 1 т. въ 8-о. (1432).
- Вожеряковъ Никол., Описаніе изобрѣтенія и постепеннаго усовершенствованія паровыхъ машинъ. С.-Пб., Х. Гинце, 1842. 1 т. въ 8-о. (№ 1607).
- Вудевъ, Общая теорія равновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. С.-Пб., тип. Импер. Акад. Наукъ, 1856 брош. 1-т. въ 8-о. № 1894).
- Вулгарникъ Ѡаддей, Россія въ историч.скомъ, географ. и литерат. отношеніяхъ. Ч. I. II. С.-Пб., въ тип. Плюшара. 1830. 2 т. въ 12-о. (№ 118).
2-й экземпляръ. I. II. 2 т. въ 12-о. (№ 884).
- Вурнашевъ Вл., Опытъ терминологическаго словаря сельскаго ховяйства, сабр.ности. Томъ I. С. Пб. 1843, 1 т. въ 8-о (№ 2,092)
- Вѣлюстникъ Никита, Руководство къ переводамъ съ Россійскаго языка на латинскій. Ч. 1 и 2 Пб., въ тип. Глазунова, 1838. 1845. 2 т. въ 8-о. (№ 365).
- Вѣлелевъ Н., Крестьяне на Русѣ. Москва, въ унив. тип., 1860. 1 т. въ 8-о. (№ 754).
- Введеніе въ кругъ словесности, Харьковъ, въ унив. тип., 1822. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 983).
- Введеніе къ первой части свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. 1 т. въ 8-о. (№ 2145).
- 21 Вельямовъ-Волыницовъ Д., Словарь математическихъ и военныхъ наукъ. Ч. I. II. 1—4. С.-Пб., въ тип. Шнора, 1808. 5 т. въ 4-о. (№ 1384).
- Вешелитъ, Вавхо-Волгарскія или Дако-Славянскія Грамоты. С. Пб., тип. Имп. Россійск. Академіи, 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 762).
- Вериго, Исслѣдованіе надъ Авобензидомъ и его гомологами. Одесса, тип. Нитче, 1866. 1 т. въ 8-о брош. (№ 1855).

- Веселаго Θ.**, Очеркъ исторіи морскаго детского корпуса. С.-Пб., 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 15)
- Вейтраубъ О.**, Исторія двухъ болѣзней, назвеченныхъ посредствомъ имени магнетизма. Москва, въ тип. Семенова, 1851. 1 т. въ 8-о. (№ 16)
- Видюшекка** (древняя Россійская), издаваемая Новиковымъ, изданіе второе 1—XX. Москва, въ тип. Компаніи типографической, 1786—1800. 20 т. въ 8-о. (№ 17)
- Виды береговъ Чернаго моря.** Изд. черном. Гидрогр. Депо, съ разрѣшеніемъ акад. Кухаревского, въ 1840—41 г. Безъ заглавія, 17 листовъ. (№ 18)
- Велчковъ С.**, французской лексиконъ. Ч. I—III. С.-Пб., изданіемъ Император. Акад. Наукъ, 1785—87. 3 т. въ 4-о (2 экз.) (№ 19)
- Вороневъ А.**, Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебного округа съ 1829 по 1853 годъ. С.-Пб., въ тип. Император. Унив. 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 20)
- Воспитаніи** (о неблагоразумномъ и превратномъ домашнемъ) дѣтѣ и ихъ образѣ, по способу Сальциана. I. II. С.-Пб., въ тип. Император. Унив. (№ 21)
- 40 **Вѣдомости** (С.-Петербургскія) на 1845, — 1858 гг. 1831. 2 т., въ 8-о. въ лифт. (№ 22)
- Вѣдомость** (именная) дѣламъ, по которымъ Госуд. Совѣтъ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи восточныхъ крѣпостныхъ (съ 1846—1862 г.). 1 т. въ 8-о. (№ 23)
- Вѣстникъ** (Одесскій) на 1856 годъ 1 т., въ лифт. (№ 24)
- Вѣстникъ** (русскій) 1864 № № 2 — 7; 1865 № № 3, 8, 11 и 12; 10 листовъ въ 8-о. (№ 25)
- Вѣстникъ** (Сибирскій). Часть I—VIII. Спб., 1818. 1819. 8 кн. въ 8-о. (№ 26)
- Вѣстникъ** юго-западной и западной Россіи. Журналъ, издаваемый Кіевск. Унив. съ 1863 года, кн. 7 — 10. Кіевъ, въ губерн. тип., 1863—64. 4 кн. въ 8-о. (№ 27)
- Вунчъ Іоакимъ**, Путешествіе по Унгари, Валахія, Молдавіи, Бессарабіи, Кавказу и Крыму. У Београду, 1845. 1 vol in 8-о. (№ 28)
- Гавриилъ** Архимандритъ, Исторія еялосоеія. Ч. VI. Казань, въ Унив. тип., 1840. 1 т., въ 8-о. (№ 29)
- Гакотгаузенъ** Августъ, Закавказскій край. Часть I. II. С.-Пб. 1857. 2 т. въ 8-о. (№ 30)
- Галичъ А.**, Исторія еялосоеіскихъ системъ по иностраннымъ руководителямъ. Кн. I. II. С.-Пб., Иверсень, 1818. 1 т. въ 8-о. (№ 31)
- 50 **Ганка**, Начала священнаго языка Словянъ. Въ Чешской Прагѣ, Гамбурга, брош. 1 vol. in 8-о. (№ 32)
- Геннади Григорій**, Литература русской библиографіи. С.-Пб., тип. Император. Унив., 1858. 1 т. въ 8-о. (№ 33)
- Географія** (Новѣйшая) всеобщая. Ч. II. Смоленскъ, при Губернскомъ Унив. 1809. 1 т. въ 8-о. (№ 34)

- Гизе Ферд.**, Всеобщая химія. Съ нѣм. перев. В. Комлишинскимъ. Харьковъ, въ унив. тип., 1813. (2 выд.) 2 т. въ 8-о. (№ 1746).
- Гиртанкерь Христ.**, Начальныя основанія химіи. Перев. съ нѣм. С.-Пб., при Имп. Акад. наукъ, 1801. 1 т. въ 8-о. (№ 1747).
- Гласъ народолюбца**, Пѣсна гурчическо-дѣдактическа. Л. М. 1819. 1 т. въ 8-о. (№ 1105).
- Глинка Грагорій**, Древняя религія Славянъ. Митава, въ типогр. у І. Ф. Штенгагена и Сына, 1804. 1. т. въ 8-о. (№ 1106).
- Голниковъ И.**, Дѣянія Петра Великаго. Томы: I—XIII и XV. Москва, въ тип. Степанова, 1837. 14 т. въ 8-о. (№ 2088).
(Совсѣмъ испорчено).
- Горловъ Иванъ**, Начала политической экономіи. Т. I. С.-Пб., 1859. 1 т. въ 8-о. (№ 2101).
- Гераниновъ Павелъ**, Зоологія, основанная на зоономіи и призмѣнная къ общей пользѣ, особенно къ Медицинѣ съ присоединеніемъ общей Органикологіи и краткой Антропологіи. Ч. I. II. С.-Пб., 1837. 1 т. въ 8-о. (№ 511).
- 10 **Государство (русское)** въ половинѣ XVII вѣка. Ручпись времянь Царя Алексѣя Михайловича, открылъ и издалъ П. Безсоновъ. Части 1, 2. Москва, въ тип. Семена, 1859—60. 2 тома въ 8-о. (№ 17).
- Государство (русское)** въ половинѣ XVII вѣка. (Приложеніе къ № № 1, 2, 5 и 6 Русской Бесѣды), Москва, въ тип. Семена, 1859. 4 тома въ 8-о. (№ 2115).
- Грамата (Псковская судная)**, составленная на вѣчѣ въ 1467 году. Издана по списку хранящемуся въ библиотекѣ Князя Млх. Сем. Воронцова, Н. Мурзавичемъ. Одесса, въ город. типографіи, 1847. 1 т. въ 4-о. брош. (№ 211).
- Грамматика (Россійская)**, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. С.-Пб., 1809. 1 т. въ 8-о. (№ 260).
- Гречъ**, Пространная Русская Грамматика, 2 е изданіе. Т. I. С.-Пб., типогр. издателя, 1830. 1 т. въ 8-о. (№ 829).
- Гурьевъ**, Основанія Трансцендентной Геометріи кривыхъ поверхностей. С.-Пб., при Московской тип., 1826. 1 т. въ 4-о. (№ 215).
- Даневскій П.**, Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи. С.-Пб., въ типогр. Фишова, 1857. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 736).
- Даница**, Забавки за годину 1826. Година I. Издао Вук. Стео. Караѣя. У Бечу, у штампарији Герменскога наместира, 1826, 1 т. въ 16-о. (№ 837).
За годину 1827, 1 т. въ 16-о. (№ 890).
- Двигубскій**, Физика. Изданіе 3-іе. Часть I. Москва, въ универ. тип., 1824. 1 т. въ 8-о. (№ 1929).
- Добу Юснень**, О кавказской линіи. С.-Пб., въ тип. Крайя, 1829. 1 т. въ 8-о. (№ 106).

- 70 **Дегай Павелъ**, Пособія и правила изученія Россійскихъ Законовъ. Москва. въ тип. Семена, 1831; 1 т. въ 8-о. (№ 336).
 Эиз—ръ 2-й „ „ „ „ „ „ (№ 336).
- Деминца**, Литературная газета. Варшава, 1842. Ч. I. II. 2 vol in 4-о (неполная и испорч.) (№ 838).
- Деминца**, Словянское обозрѣніе. Годъ II. Часть первая. Варшава, 1843. 1 т. въ 8-о. (№ 942).
 2-го вз—ра. 1843 годъ № № 1—7 { № 839.
 3-го вз—ра. 1843 годъ № № 1—7 }
- Дидлей Филиппъ**, Начальныя основанія вексельнаго права. Печатаны при И. Москов. унив., 1772 г. 1 т. въ 4-о. (№ 2096).
- Добровольскій Іосифъ Аббатъ**, Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію. Ч. II и III. Перевелъ съ Латинскаго С. Шевырѣвъ. Санкт-петербургъ, въ типографіи Имп. Ак. Наукъ, 1834. 1 т. въ 8-о. (№ 1138).
- Долгоруковъ Петръ**, Сказанія о родѣ Бяязей Долгоруковыхъ. С.-Пб., въ тип. Праца, 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 425).
- Донесеніе** слѣдственной Комиссіи, учрежденной для розысканій о злоумышленныхъ обществахъ. С.-Пб., 1826. брош. 1 т. въ 8-о. (№ 117).
- Дополненія** къ Актамъ историческимъ, собран. и изд. Археогр. Комиссіею. Т. V, VI. С.-Пб., тип. Праца, 1855—57. 2 т. въ 4-о. (№ 789).
- Дюнхель Карлъ**, Геометрія и Механика искусствъ, ремесель и изящныхъ художествъ. Часть I 1—15, II 1—4. С.-Пб., 1830. 19 тетрадей въ 8-о. (№ 377).
- Егуновъ А.**, О направленіи Одесско-Лембергской желѣзной дороги. Кншиневъ, въ тип. Областнаго Правленія, 1865. 1 т. въ 8 о (брош.) (№ 1889).
- 80 **Жарри де Манси**, Исторія древнихъ и новыхъ литературъ, наукъ и изящныхъ искусствъ. Перевелъ Н. Милашевичъ. Ч. I—IV. Москва. тип. Селивановскаго, 1832—1834. (6 экземпляръ.) 24 т. въ 8-о (№ 1887).
 7-го экземпляръ. Часть I. Москва, тип. Лазаревыхъ, 1832. 1 т. въ 8-о (№ 1887 а).
- Жизніе и дѣла** Марка Аврелія Антонина. С.-Пб., 1760. (неполная и изорванная книга). 1 т. въ 8-о. (№ 1295).
- Жокуртъ**, Греки—ихъ философія. 1 т. въ 8-о. (№ 1099).
- Журналь** или поденная записка Императора Петра Великаго съ 1698 года Ч. I. II. С.-Пб., при Имп. Акад. Наук. 1770. 2 т. въ 4 о (№ 210).
 2-го вз. Часть I. 1770. 1 т. въ 4-о. (№ 1365).
- Журналь** Императорскаго чловѣколюбиваго общества. Тетр. I—IV. С.-Пб. въ типогр. Греча, 1822 4 т. въ 8-о. (№ 1440).
- Журналь** Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1866 № 10; 1837 №№ 2—4. 9 11. 12; 1838 №№ 1. 2. 2. 4—12; 1839 №№ 1—8. 10—12. въ 8-о (№ 1061).

- Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.** 1849—1853 (по 12 кн.); 1854 1—8. 10. 11; 1855 1—12; 1856 1—11. Азбучн. указатель съ 1841—1856 г. вел. С.-Пб., 1850. 30 т. въ 8 о.
(№ 1731).
- Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.** 1858 10—12; 1867 1—4. 6. 8—12 1868. 1—12; 1868 1. 4—12; 1869 1—10. 12; 1869 8; 1870 1—12; 1870 10; 1871 1—5. 7—12; 1871 11. 12; 1872 1. 11 и 12.
(№№ 177, 1406 и 1890).
- Журналъ Министерства Юстиціи.** 1859 1—6; 1860 1—12; 1862 1—12; 1863 1—12; 1864 1—12; 1865 1. 2. 4—11. въ 8 о.
(№ 996).
2-го экземп. за 1862 годъ №№ 1—12; 12 кн. въ 8 о.
(№ 2104).
- Журналъ (Технологическій).** Т. I. часть 1. 2; II. III. IV. V. VI. 1. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ 1804—1809. 6 т. въ 8 о.
(№ 1732).
Прибавленіе къ Технол. журналу въ 1806 г. изд. Ч. I. II. С.-Пб., 1806. 1 т. въ 8 о.
(№ 1704).
- Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Россійскихъ университетовъ.** С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. Н., 1862. 1 т. въ 8 о.
(№ 2100).
(три эк. эмплара).
- Завѣтъ (Новый) Господа нашего Иисуса Христа.** Смирна, въ тип. Даміанова, 1840. 1 т. въ 8 о.
(№ 1402).
(текстъ на славян. языкѣ).
- Замѣтки поклонника Святой Горы (Архим. Антонія).** Кіевъ, въ тип. Кіев. печ. Лавры, 1864. 1 т. въ 8 о.
(№ 1773).
- Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.** С.-Петербургъ, 1863. 1 т. въ 8 о.
(№ 1846).
2-й экземпляръ.
(№ 2103).
- Замѣчанія на проектъ общаго устава Россійскихъ университетовъ.** Части I II. С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. Н., 1862. 2 т. въ 8 о. (два экзмп.)
(№ 2140).
- Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.** Части I—VI. С. Пб., въ тип. Имп. Акад. Н., 1862. 6 т. въ 8 о.
(№ 2139).
- Записки Горьгорѣцкаго земледѣльческаго института.** Кн. I—III. С.-Пб., тип. Мин. Госуд. Имущ. 1852—1854. 3 т. въ 8 о.
(№ 1918).
2-го виз. Кн. I. С. Пб., 1852.
(№ 1918 а).
- Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета.** Т. V. VII. Одесса, 1870—71. 3 т. въ 8 о.
(№ 1,304).
2-го экземпляра. Т. V. VII. 3 т. въ 8 о.
(№ 1,305).
3-го экземпляра. „ „ —
(№ 1306).
- Записки (Отечественныя), издаваемыя Павл. Свиньиннымъ.** 1820 № 1—7. (Май—Ноябрь); 1822 № 36—32 (июнь—Декабрь) С.-Пб., 14 кн. въ 8 о.
(№ 1655).

- Записки русскаго географическаго общества кн. 1—4. С. Пб., 1832.
въ 8-о.
- 100 Записки русскихъ людей, Событія времени Петра Великаго. Изда-
харова, С. Пб., 1841. 1 т. въ 8-о.
- Заколюбскій В., Краткое руководство ко всеобщей географіи, по вы-
дѣленію въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Москва, въ универ. тип.
1 т. въ 8-о
- Зерцало (Историческое) или таблица российской исторіи. 2ое изданіе.
1—4. (5 экз.) 5 т. in fol. М. 1751
- Зерцалиновъ А., Разсужденіе о важности христіанскихъ путешествій
и мѣстъ. Москва, въ тип. Семена, 1840 1 т. въ 8-о.
- Зуевъ Н., Историческій атласъ для древней, средней и новой исторіи.
1850. 1 vol. in fol.
- Зуевъ, Краткое обозрѣніе странъ Европы въ физическомъ отноше-
ніи. Тип. Глазунова и Комп., 1856. 1 т. въ 4-о.
- Извѣщенія изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ Министерствомъ Ес-
тествоислѣдованія за границу, для приготовленія въ вспомо-
жательное званію. Части I—VII. С. Пб., въ тип. Огизаго, 1833—37.
въ 8-о.
- 2-й экземп. 7 т. въ 8-о.
- Извѣстія византийскихъ историковъ, объясняющія российскую исто-
рію временъ и переселенія народовъ; собраны въ Москвѣ
Штригеромъ. Части I—IV. С. Пб., при Имп. Акад. Н., 1770—73.
2 т. въ 8-о.
- Извѣстія Российской Академіи. Кн. VIII. С. Пб., въ тип. Им. Рос.
1800. 1 т. въ 8-о.
- Изображеніе (лѣтоисчислительное) исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ
государствъ. С. Пб., 1 листъ.
(Два экземпляра).
- 110 Исслѣдованіе каменно-угольнаго Донецкаго бассейна, произведенныя въ
1839 годахъ, по распоряженію А. Демидова, инженер-генерала.
Переводъ Г. Щуровскаго. Москва, въ тип. Семена, 1840.
въ 8-о. и атласъ. 1 т. въ 2-о.
- Исслѣдованія (умозрительныя) Императорской Санктпетербургской Ака-
деміи Наукъ. Томы I—V. С. Пб. При Имп. Акад. Н., 1808—13.
въ 4-о.
- 3-го экземпляра. Томы I II. IV. V. 4 т. въ 4-о
- Илѣйскъ Самуйло, Генетликовъ. У Бечу, 1825. 1 т. въ 8-о. бром.
- Имяславъ или рѣчиныя личны имена разныхъ народа Славянскіи. Сост.
Пачичъ, а умножио Юанъ Болгаръ. Издаю Юсифъ Миле-
Будиму, 1828. 1 т. въ 8-о (два экземп.)
- 3-й экз.—ръ 1 т. въ 8-о.
- Иванкинъ Монахъ, Записки о Монголіи. Т. I. Ч. 1. 2. С. Пб., тип. Библ.
1 т. въ 8-о.

- Гавелинъ К.**, Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? С.-Пб., въ тип. И. Ак. Н., 1861. 1 т. въ 12-о; брош. (№ 536).
- Гадетъ Шарль-Луи**, Словарь химическій, обработанный на росс. яз. трудами В. Севергина. Ч. I—IV. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ, 1810. (2 выд.) 8 т. въ 8-о. (№ 1748).
- Газанскій**, Исторія Православнаго монашества на Востоцѣ. Ч. I. Монашество въ Египтѣ. Москва, тип. Семена, 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 1956).
- Галендарь Армянскій** за 1829 и 1854 годъ, Венеція. 2 vol in 32-о. (№ 1265).
- Гаранинъ Василій**, Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству. Харьковъ, въ унив. тип., 1818. 1 т. въ 16 о брош. № 311).
- Гарастелевъ Корнелій**, Собраніе еормулъ и задачъ, относящихся къ интегральному исчисленію. Одесса, въ тип. Нитче, 1857. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 217).
- Гараццѣ Вукъ Стео.**, Народне Српске Пјесме. Книга II. У Липисци, у штампарији Брејткопеа и Ертла, 1823. 1 т. въ 8-о. (№ 1114).
- Кн. V. У Вечу. 1665. 1 т. въ 8-о. (№ 1819).
- Карта древнихъ эллинскихъ поселеній по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей**, составилъ Н. М. Мурзакевичъ. Одесса, лит. Д. Кленова. 1 листъ въ 8-о. (№ 1787).
- Касторскій**, Начертаніе Словянскои Миеологін. С.-Пб., тип. Фишера, 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 918).
- Каталогъ сельско-хозяйственнаго музея М. Г. И. въ С.-Петербургѣ. Отдѣлы I. II. и IV.** С.-Пб., въ тип. Безобразова, 1867. 1 т. въ 12-о. (№ 1811).
- Каталогъ (Систематическій) книгъ, поступившихъ въ бібліотеку 2-го отдѣленія собств. Е. И. В. канцелярн съ 1853 по 1863 г.** С.-Пб., 1863. 1 т. въ 8-о. (№ 1762).
- Копленъ Петръ**, Древности сѣвернаго берега Понта. Москва, въ унив. тип., 1828. 1 т. въ 8-о. (№ 617).
- Копленъ Петръ**, Объ этнографической картѣ европейской Россіи. С.-Пб. тип. Имп. Акад. Н., 1852. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 310).
- Копленъ Петръ**, О шелководствѣ въ Россіи. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 386).
- Кесслеръ К.**, Путешествіе съ зоологическою цѣлью, Кіевъ, 1860. 1 vol. въ 8-о. (№ 1803).
- Ключъ или алевитный указатель къ исторіи государства Россійскаго Н. Карамзина**, составленный П. Строевымъ. Изданіе Н. Эйнерлинга, С.-Пб., въ тип. Праца. 1844. 1 т. въ 8-о. (№ 207).
- Книжка (карманная) для любителей земледѣнія**, издаваемая отъ русскаго географическаго общества. С.-Пб., въ типограе. II го отдѣленія собственной Е. И. В. канцелярн, 1848. 1 т. въ 12-о. (№ 139.).
- Книжка (памятная) Бессарабской области на 1862 годъ.** Кишиневъ, въ областной тип. 1 т. въ 8-о. (№ 1335).
- Книжка (памятная) морскаго вѣдомства за годы 1867 и 1869.** 2 т. въ 12-о. (№ 699).
- За 1872-й г. 1 т. въ 12-о. (№ 1676).

- Ковалевскій О., О знаменитѣхъ Европейцевъ съ Азією. С.-Пб., въ т.
Акад. Наукъ, 1837. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1)
- Кондильякъ Аббатъ, Логика. Переведено съ французскаго. С.-Пб.
Имп. Акад. Наукъ, 1814. 1 т. въ 8-о. (№ 2)
- Костомаровъ Н., Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI
столѣтїяхъ. С.-Пб., въ тип. Тиблена. 1 т. въ 8-о. (№ 3)
- Крашенниниковъ Степ., Описание земли Камчатки. Ч. I—IV. 2-й томъ
при Имп. Акад. наукъ. 1786. 1 т. въ 4-о. (№ 4)
- Крузенштернъ, Атласъ къ путешествію вокругъ свѣта. С.-Пб., 1812 г.
fol. (№ 1774 г.)
- Курасъ, Сокращенная универсальная исторія. С.-Пб., при Имп. Акад.
1 т. въ 8-о. (№ 5)
- 140 Лазаръ І. Ф., Лихой, или кругъ словесности древней и новой. Часть
С.-Пб., въ тип. Плавильщикова, 1810—1814. 5 т. въ 8-о. (№ 6)
- Лазаровичъ Беремъ, Содружество древнихъ боговъ. Въ Венеціи
въ 12-о (№ 7)
- Ланшинъ В. И., Отчетъ о путешествіи за границу, гдѣ томъ 1861 г.—Лазаръ
въ унив. тип., 1862. брош. въ 8-о. (№ 8)
- Левшинъ Алексѣй, Письма изъ Малороссіи. Харьковъ, въ унив. тип.
1 т. въ 8-о. (№ 9)
- Лексиконъ (этиологическій), составилъ Гогоцкій. Т. I. Кіевъ, въ унив. тип.
1857. 1 т. въ 8-о. (№ 10)
- Лексиконъ (Энциклопедическій). Т. I—VI. С.-Пб., въ тип. Плюшара.
1836. 6 т. въ 8-о. (№ 11)
- Ле-Пле, Исслѣдованіе каменноугольнаго донецкаго бассейна, произведенное
1837—39 годахъ, по распоряженію А. Демидова. Переводъ
роурскаго. Москва, 1854. (Таблицы I—IX). 1 т. въ листъ. (№ 12)
- Лессажъ, Историческій, генеалогическій, хронологическій, географическій
атласъ. С.-Пб., 1809. (2 изд.) 2 т. in fol. (№ 13)
- Линовскій Владиміръ, Исслѣдованіе началъ уголовного права, изложеннаго
въ уложеніи цара Алексѣя Михайловича. Одесса, въ гор. тип.
1847. 1 т. въ 4-о. (№ 14)
- Лодій П., Логическія наставленія, руководствующія къ назначенію и различію
истиннаго отъ ложнаго. С.-Пб., Юаннесовъ, 1816. 1 т. въ 8-о. (№ 15)
- 150 Лопатинъ Діонисій, О высокому или величественному С.-Пб., въ Имп. Акад.
1803. 1 т. въ 8-о. (№ 16)
- 2-й экземпляръ. 1 т. 8-о.
- Лоренцъ Ф., Руководство къ всеобщей исторіи. Ч. I. С.-Пб., 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 17)
- Лорини, Опытъ о переправахъ чрезъ рѣки. Перев. съ итал. С.-Пб., Имп. Акад. наукъ,
1800. 1 т. въ 8-о. (№ 18)
- Лукинъ Вас., Опытъ практическаго руководства къ производству уголовнаго
слѣдствія и уголовного суда по русскимъ законамъ. Псковъ, въ тип. Праца,
С.-Пб., въ тип. Праца, 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 19)

- Корнин**, Опыт о переправахъ чрезъ рѣки. Перев. съ итал. С.-Пб., Акад. наукъ, 1800. 1 т. въ 8-о. (№ 1693).
- Коренцъ Ф.**, Руководство къ всеобщей исторіи. Ч. I. С.-Пб., 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 1242).
- Кукницъ В.**, Опытъ практическаго руководства къ производству уголовныхъ слѣдствій и уголовного суда по русскимъ законамъ. Изд. 2, С.-Пб., тип. Праца, 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 2107).
- Китонсон (Сербске)**, Части 2. 5. 6. 13—19. 22. 27—31. 106—109. У Будни-му, 1825. 1826. 1828—1832. 1863—1865. 14 vol. in 8-о. (№ 1672 и 1893).
- Кюбовскій П.**, Краткое руководство къ опытному душесловію. Харьковъ, въ Унив. тип., 1815. 1 т. въ 8-о. (№ 1135).
- Калышевскій**, Александрійскій Патріархъ Мелентій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ Русской Церкви. Т. I. Кіевъ, тип. Киевопечерской Лавры, 1872. 1 т. въ 8-о. (№ 1891).
- Мансуровъ В.**, Охтенскія адмиралтейскія селенія. Части I—III. С.-Пб., въ тип. Мор. Мин., 1856. 1 т. въ 8-о. (№ 635).
- Маркизь де-ла-Шетарди** въ Россіи 1740—1742 годовъ. Издадегъ П. Пекарскій. С.-Пб., въ тип. Огряно, 1862. 1 томъ въ 8-о (№ 19).
- Масонльфонъ** Епископъ, Избранныя слова. Ч. I—III. С.-Пб., въ тип. Плавильщикова, 1814. 3 т. въ 8-о. (№ 267).
- Матеріалы** для исторіи возмущенія Стеньки Разина. Изд. А. Поповъ (изъ Русской Вѣсды). Москва, тип. Л. Степановой, 1857. 1 т. въ 8-о. (№ 1760).
- 2-й экз.—ръ (№ 928).
- Матеріалы** для Исторіи и Статистики учебныхъ заведеній Мин. Народ. Просв. Учебныя заведенія въ г. Сумахъ. А. Воронцова. С.-Пб., въ тип. Сущинскаго, 1865. 1 т. въ 8-о (брош.) (№ 1387).
- Матеріалы** для Исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № II. Библиографическіе листы 1825 года. С.-Пб., тип. Крайна, 1826. 1 т. въ 4-о. (№ 1812).
- 2-го экз.—ра № II, III. 1826—27. 2 т. въ 4-о. (№ 1367).
- 3-го экз.—ра № II. 1826. 1 т. въ 4-о. (№ 794).
- Матеріалы** для Исторіи Учебныхъ Заведеній Мин. Народ. Просв. Исторія Новгородской дирекціи до 1828 года. Н. Отто. С.-Пб., въ тип. Сущинскаго, 1865. 1 т. въ 8 о (брош.) (№ 1388).
- Матеріалы** по вопросу о приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій. С.-Пб., А. А. Краевскій, 1865. 1 т. въ 8-о. (№ 1673).
- Метода** (Краткая) взаимнаго обученія, для первоначальной школы Россійскихъ солдатъ. (Изд. I. Ганри). Брѣвп. Мобежъ во Франціи 1817. 1 т. въ 8-о (брош.) (№ 1519).
- Милетичъ-Правдословъ** Лазарь, Извѣстіе о пресвятомъ изображеніи образа Господа нашего Иисуса Христа. С.-Петербургъ, Иверсенъ, 1829. (брош.) 7-мъ экз. 7 vol in 4-о. (№ 1153).
- Миловузъ**, Зачатіе и истино основаніе Матице Сербске, У Буднику, 1829. брош. 1 т. въ 12-о. (№ 827).

- Мидовук Іосифъ**, Протака за толкованіе и красну ову кулу у сѣлу ма: топису частици 18-той печатаво. У Вудину граду. Славянскій Университ. Пештанског., 1829. 1 т. in 8-о (брош.). (А)
- Милутиновичъ Симеонъ**, Зорица—Издана Іосифомъ Мидовуком. У Пештанскомъ Штапомъ Свеучилишта Пештанска, 1827. 1 т. въ 8-о. (А)
- 170 **Милутиновичъ Симеонъ**, Неколикѣ піеснице. У Лаипцигу, 1826. 1 т. въ 4-о (4 виземпл.) брош. (А)
- Мнѣніе** постоянной депутаціи Московскихъ купеческихъ съѣздовъ о заключеніи торгово-таможеннаго договора между Россіею и Германіею о таможенномъ союзомъ. Москва, 1865. 1 т. въ 8-о. (А)
- Молитвы** (разныя) на чешскомъ языкѣ. 1 т. въ 8-о. брош. (А)
- Монтескьѣ**, Размышленія о причинахъ величества Римскаго шрива и упадка. Съ французскаго переведенныя переводчикомъ Антоніемъ Поляновымъ. Въ Санктпетербургѣ, въ Имп. Акад. Наукъ, 1784. 1 т. въ 8-о. (А)
- Мордвиновъ Николай**, Разсужденіе о могущихъ послѣдовать выгодахъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ. С.-Пб., въ Восп. Дома, 1816. 1 т. въ 12-о. (А)
- Москва**, оплакивающая бѣдствія свои, нанесенныя ей въ 1812 году. Москва, въ унив. типогр., 1813. 1 т. въ 8-о. брош. (А)
- Мушницкогъ Лукіанъ**, Стихотворенія. Книга I. Издана Георгіемъ Мушницкимъ Докторомъ медіцине. У Пешти, 1833. 1 т. въ 8-о. (А)
- Нѣмецкословъ** (Санктпетербургскій фарманый) на 1812—1815. Печатаво въ Имп. Акад. Н. 4 т. въ 16-о. (А)
- Наставленіе** для веденія записокъ по части экономіи или хозяйства. (А)
- Начертаніе** правилъ воспитанія въ обонхъ Одесскихъ благородныхъ училищахъ. Одесса, 1814. (19 экз.) 19 брош. въ 4-о. (А)
- Томе на французск. яз. (9 экз.) 9 брош. in 4-о.
- 180 **Несторъ**, Русскія лѣтописи на древле-славянскомъ языкѣ, съ краткими примечаніями и объясненіями Авг. Шлецеромъ. Перевелъ Дмитрій Коковъ. Тома I—III. С. Пб., въ Импер. типогр., 1809—1811. 3 т. въ 8-о. (А)
- Носель**, Всеобщая исторія о звѣринныхъ и рыбныхъ промыслахъ Пруссіи. Перевелъ П. И. Рецковскій. Т. I. С.-Пб., тип. Имп. Акад. Наукъ, 1817. 1 т. въ 4-о. (А)
- Обозрѣніе** публичнаго преподаванія Наукъ въ Имп. Моск. Унив. съ 1828-го Августа 1829 по 28-го Іюня 1830. Москва, въ универс. типогр., 1830. vol. in 4-о. брош. (А)
- Обозрѣніе** Россійскихъ владѣній за Кавказомъ. Ч. I—IV. С.-Пб., въ Деп. Внѣш. торговли, 1836. 4 т. въ 8-о. (А)
- 2-й виземпларь (А)
- Обозрѣніе** славяно-русской бібліографіи. Тома 1-го книги 2-й выдѣлки. С.-Пб., 1849. 1 томъ въ 4-о. (А)

- Образованіе** и уставъ Ришельевского лицея въ Одессѣ. С.-П.-б., 1818. (66 экз.)
66 vol. in 8-о. (№ 1745).
- Оджосумовъ**, Болѣзни печени при перемежающейся лихорадкѣ. Харьковъ,
въ унив. тип., 1861. брош. 1 т. въ 8-о. (№ 1907).
- Описаніе** Киевопечерской Лавры, Киевъ, въ тип. Киевопеч. Лавры, 1826. 1 т.
въ 4-о. (№ 1351).
- Описаніе** Киевософійскаго собора и Киевской Иерархіи. Киевъ, въ тип. Киево-
печ. Лавры, 1825. 1 т. въ 43-о. (№ 450).
- Описаніе** постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи и существовав-
шихъ до сего времени способовъ содержанія станцій. С.-Пб., въ
тип. Почтоваго Департамента, 1860. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 1845).
- Описаніе** славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки. Отдѣлъ
первый. Издали: Александръ Горскій и Капитонъ Невоструевъ,
Москва, въ синод. тип., 1855. 1 т. въ 8-о. (№ 435).
- 2-й экземпляръ. (№ 866).
- Описаніе** старопечатныхъ книгъ славянскихъ, Издали Павелъ Строевъ,
Москва, въ тип. Селивановскаго, 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 427).
- Описаніе** Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи, Переводъ съ Китайскаго.
С.-Пб., въ тип. И. Воспитат. дома, 1828. 1 т. въ 8-о. (№ 1345).
- Опытъ** краткой исторіи русской литературы. 1 т. въ 8-о. (№ 1116).
- Опытъ** областного великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отд. Имп. Ака-
деміи Наукъ. С.-Пб., Акад. наукъ, 1852. 1 т. въ 4-о. (№ 1650).
- Основанія** Россійскаго права, Томъ I. С.-Пб., въ тип. комисіи составленія
законовъ, 1821. 1 т. въ 8-о. (№ 210).
- Отрывки** (избранные) изъ грамматики, эллино-греческаго языка Бутмана,
перев. Поповымъ для III и IV классовъ гимназій. Изд. Христоохо-
омъ, Одесса, 1843. 1 т. въ 4 о. брош. два экз. (№ 986).
- Отчетъ** и рѣчи, читанные въ чрезвычайномъ собраніи Общ. Сельск. Хозяѣст.
Южн. Россіи 20 Дек. 1838 г. Одесса, гор. типогр., 1839. брош.
in 8-о. (№ 1712).
- Отчетъ** (Краткій) о состояніи и дѣйствіяхъ Императорской и Царской Вар-
шавской Медико-Хирургической Академіи, Варшава, тип. Кова-
левскаго, 1861. брош. 1 т. въ 4-о. (3 экзempl.) (№ 1931).
- Отчетъ** Русскаго Общества Пароходства и Торговли съ 3-го Августа 1856 по
31 декабря 1857 г. С.-Пб., 1858 г. 1 т. въ 8-о. бр. (№ 701).
- Отчетъ**, представленный военному министру по управленію горною и соляною
частями въ землѣ войска Донскаго за 1866 годъ. С.-Пб., въ
тип. Глазунова, 1867. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 700).
- Очеркъ** (Историческій), Лазаревскаго института Восточныхъ языковъ. С.-Пб.,
тип. Имп. Акад. Наукъ, 1855. 1 т. въ 8-о. (№ 795).
- Памфиловъ** Н., Учебныя пособія для военно-учебныхъ заведеній. Историче-
скій атласъ Россіи. Варшава, Стромбскій, 1845. 1 т. въ 4-о.
(№ 1550).
- Палаузовъ**, Въѣзъ Болгарскаго царя Симеона. С.-Пб., тип. Акад. Наукъ, 1852.
1 т. въ 8-о. (№ 916).

- Палаузовъ С.**, Румынскія государства Валахія и Молдавія. С.-Пб., у Личикова, 1859. 1 т. въ 8-о. (№ 2)
- Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными странами.** Томы I. II. С.-Пб., 1851. 1852. 2 т. въ 8-о. (№ 3)
- Памятникъ (новый) законовъ имперіи Россійской.** Части I—XIII. XV—XVII. С.-Пб., въ тип. Прав. Сената, 1823—32. 19 т. въ 4-о. (неполное и изорванное). (№ 4)
- Паратичъ Сигизмундъ,** Краткая общая статистика европейскихъ государствъ Харьковъ, въ унив. тип., 1812. 1 т. въ 8-о. (№ 5)
- Паратичъ Сигизмундъ,** Краткое начертаніе математической географіи. Москва въ тип. Селивановскаго, 1815. 1 т. въ 8-о. (№ 6)
- Педагогія и Месодика,** Переведена І. Беричемъ, въ Будимѣ, писаны въ Унгарскаго Всеучил. Пештан., 1816. 1 vol in 8-о. (№ 7)
- 210 **Пекарокій,** Исторія Имп. Акад. Наукъ въ Петербургѣ. Т. I, II. С.-Пб. у Имп. Акад. Наукъ, 1870—73. 2 т. въ 4-о. (№ 8)
- Пеллико С.,** О должностяхъ человека. Переводъ съ Итальянскаго Н. Ирулевимъ. Одесса, Мисивъ, 1835. 1 т. въ 8-о. (№ 9)
- Переводъ ручной книги законовъ, или такъ называемаго Шестидесятичл. Гражданскаго Кодекса Арменополомъ.** Части 1, 2. Съ издав. в Венеціи въ 1766 г. Печатано при Сен. тип. въ 1800 году. 1 т. въ 2-о. (№ 10)
- Перениска Папъ съ Россійскими Государями въ XVI-мъ вѣкѣ.** Изданъ Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. С.-Пб., при Н. А. 1834. 1 т. въ 8-о. (№ 11)
- Петерсъ J.,** О вексельныхъ оборотахъ. С.-Пб., 1849. 1 т. въ 8-о. (№ 12)
- Петрушевскій,** Польская метрологія, или описаніе польскихъ мѣръ, вѣсъ и монетъ. Изд. 2-е. С.-Пб., тип. Плюшара, 1834. бр. 2 т. въ 8-о. (№ 13)
- Петрушевскій О.,** Краткая европейская Метрологія. С.-Пб., 1842. Праца. 1. въ 8 о. (№ 14)
- Письма Графа М. М. Сперанскаго къ Х. Лазареву.** С.-Пб., въ тип. Плюшара, 1864. 1 vol. in 8-о. (№ 15)
- Письма о спасеніи міра Сыномъ Божиимъ.** С.-Пб., тип. III. Отд. Е. И. канцелярїи, 1839. 1 vol. in 8-о. (№ 16)
- Плетневъ,** Памяти Графа Сергія Семеновича Уварова, президента Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб., тип. Имп. Акад. Наукъ, 1855. брш. 1 т. въ 8-о. (№ 17)
- 220 **Плошинскій А,** Городское или среднее состояніе русскаго народа. С.-Пб., тип. Веймара. 1 т. въ 8-о. (№ 18)
- Погодинъ М.,** Несторъ, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскаго государства. Москва, въ унив. тип., 1839. 1 т. въ 8 о. (№ 19)
- Положеніе о производствѣ въ ученые степени.** С.-Пб., 1844. 1 т. въ 8-о. (№ 20)
- Полович J.,** Разна дѣла. Связка I. II. У Бидиму, Крадь, 1827. 2 т. въ 8-о. (№ 21)

- Поковъ Нилъ, В. Н. Татищевъ и его время. Москва, въ тип. Грачева, 1861.
1 т. въ 8-о. (№ 21).
- Правила для приема воспитанниковъ въ морской Кадетскій Корпусъ. С.-Пб.,
въ тип. морск. мин. въ главномъ адмиралтействѣ, 1866. 1 т. въ
8-о. (брош.) (№ 1513).
- Правила надзора за частными учебными заведениями въ г. Варшавѣ. 1841
года. (брош.) 1 vol. in fol. (брош. лит.) (№ 1193).
- Правила поэзии, Переводъ Аббата Батѣ С.-Пб., въ Морс. тип., 1808. 1 т. въ
8-о. (№ 981).
- Прегледъ дѣлога счетоводнаго состоянія княжескаго содружества Матице
Сербске съ концемъ годне 1850. У Будиму, писмени Крад. Све-
училишта Пештанског. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1494).
- Прибавленіе къ каталогу бібліотеки II-го отдѣленія собственной Е. И. В.
канцеляріи, напечатанному въ 1849 г. С.-Пб., 1853. 1 т. въ 8-о.
(№ 1761).
- Приповѣдки (Галицкіи) и загадки збрании Гр. Ильевичом. У Вѣдик, Ме-
хитаристовъ, 1841, 1 vol. in 12-о. (№ 893).
- Продолженіе свода законовъ Россійской имперіи, изданія 1842 года. I. XI.
XV. 1. 2. XVIII. XIV. С.-Пб. 1843—55. 1 т. въ 8-о. (№ 2137).
- Прокоповичъ А., Поучительныя слова. Москва, въ Синодальной тип., 1803.
1 т. въ 8-о. (№ 1436).
- Промышленности (о табачной) въ Малороссіи. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 385).
- Проникен, Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Ле-
онтьевымъ. кн. IV. Москва, въ унив. тип., 1854. 1 т. въ 8-о.
(№ 30).
- Прониси для чистописанія греческія, латинскія, нѣмецкія и французскія. Из-
даны Департ. Народн. Просв., С.-Пб., 1833. 1 т. in fol. (№ 1634).
- Проектъ торговаго уложенія Россійской имперіи. Ч. I. II. С.-Пб., въ тип.
Правительств. Сената, 1814. 2 т. въ 8-о. (№ 1442).
- Проектъ Устава Русскаго Земскаго Банка. С.-Пб., въ тип. Деп. внешней
торговли, 1862. 1 т. въ 8-о. (№ 1351).
- Пузыревскій П., Очеркъ геогностическихъ отношеній Лаврентьевской системы
Выборгскій губерніи. С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. Н., 1866. 1 т.
въ 8-о. брош. (№ 144).
- Путешествіе въ сѣверный тихій океанъ, подъ начальствомъ Куна, Клерка и
Гора въ 1776—80 г. г. Съ англ. на рос. яз. преложилъ Г. Л.
Голенищевъ-Кутузовъ. Ч. I. II. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ,
1810. 2 т. въ 8-о. (№ 1778).
- Путятинъ, Проектъ преобразования морскихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб.,
1860. 1 т. въ 8-о. (№ 697).
- Пѣванія черногорска и херцеговачка, собрана чубромъ Чойковичемъ. Из-
дана писмомъ Миловуком. Ч. I. У Будиму, 1833. 1 vol. in 8-о.
(№ 1076).
- 2-й извѣст. У Лайпцигу, 1837. 1 vol. in 8 о. (№ 844).
- Разборъ языка г. Велинскаго, Часть I. С.-Пб., тип. Деп. Внѣш. торговли,
1834. 1 т. въ 8-о. (№ 1870).

- Разряды (Дворцовые), по Высочайшему повелѣнію издавныя Империцею собственною Е. И. В. канцеляріи. Томы I. II. III. IV. С.-Пб., 1850—55. 4 т. въ 8-о.** (№ 12)
- 2-го извѣщія томъ I. С.-Пб., 1850. 1 т. въ 8-о. (№ 12)
- Разсужденіе о старомъ и новомъ слога Россійскаго языка, Императору С.-Пб., въ тип. Плавильщикова, 1818. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Рождественскій Н., Руководство къ Россійскимъ законамъ. С.-Пб., въ тип. Праца, 1848. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Рождественскій Н., Основанія государственнаго благоустройства. С.-Пб., 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія въ библиотеки Александрова дня. С.-Пб., въ тип. Смирдина, 1828. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Сборникъ Муханова, Москва, въ унив. типогр., 1836. 1 т. въ 4-о.** (№ 12)
- Сборникъ Постановленій и распоряженій по Цанзурѣ съ 1720 по 1862 г. С.-Пб., въ тип. Мор. Мин.—ва. 1872. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- 250 **Сводъ законовъ Россійской имперіи. Изданіе 1842 года. Томы I—XII въ 8-о. и указатель къ нему. С.-Пб., 1842. 15 т. въ 8-о.** (№ 12)
- 2-го извѣщія. Томы: I—XIII и продолженія: I—IX. XVI—XVII въ 8-о. (№ 12)
- 3-го извѣщія. Томы I—III. V—IX. XI—XIV. 12 т. въ 8-о. (№ 12)
- Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. Часть III. Законы датскіе. С.-Пб., 1864. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Сводъ наблюденій, произведенныхъ въ главной физической и полярной обсерваторіяхъ. Подъ руководствомъ А. Купера за 1851 г. С.-Пб., тип. Якобсова, 1853. 1 т. въ 4-о.** (№ 12)
- Обозрѣніе (Метеорологическое) Россіи за 1853 и 1860 г. С.-Пб., Якобсова, 1854. 1862. 2 т. въ 4-о.** (№ 12)
- Сводъ (систематическій) существующихъ законовъ Россійской имперіи, составленный Комиссіею составленія законовъ. I. II. 1. III. IV. V. С.-Пб., въ тип. Пр. Сен., 1815—1818. 7 т. въ 4-о.** (№ 12)
- Свѣдѣнія (историко-статистическія) о земскихъ повинностяхъ. С.-Пб., 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Севергинъ Василій, Подробный словарь минералогическій. Т. I. II. С.-Пб., при Имп. Акад. Н., 1807. 1 т. въ 4-о.** (№ 12)
- Селесневъ И., Историческій очеркъ бывшаго Царскосельскаго императорскаго Лицея за первое его пятидесятилѣтіе съ 1811 по 1861 годъ. С.-Пб., въ тип. Безобразова, 1861. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Семеновъ, Придонская слора. С.-Пб., типогр. Веймара, 1851. 1 т. въ 8-о.** (№ 12)
- Семъ-Семонъ, О пребываніи Петра Великаго въ Паризѣ въ 1717 году. Журнала Мин. Нар. Пр. 1856 №. 1). 1 т. въ 8-о. (2 изд.)** (№ 12)
- Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Археологическою комиссіею. Т. 1. С.-Пб., тип. Праца, 1851. 1 т. въ 4-о.** (№ 12)

- Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ Духовнаго чина Грегоророссійскія церкви.** Часть 1. С.-Пб., въ тип. Греча, 1818. 1 т. въ 8-о. (№ 2120).
- Словарь Россійско-Польскій, сочиненный по Словарямъ Академіи Россійской.** Т. I. II Варшава, Гликсбергъ, 1825—28. 2 т. въ 8 о. (№ 850).
- Словарь (трехязычный морской) на Англійскомъ, Французскомъ и Россійскомъ языкахъ, въ трехъ частяхъ Собралъ и объяснилъ Александръ Шипковъ, въ тип. Морс. Шлях. Кад. Корпуса, 1795. 1 т. въ 4-о. (№ 2121).**
- Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права.** Издаи И. Лазаревскій и Ян. Утинъ. С.-Пб., въ тип. губери. Правленія. 1 томъ въ 8-о. (№ 24).
- Собраніе Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ч. 1 Москва, тип. Всеволожскаго, 1813. 1 т. въ 2-о. (№ 1949).**
- Собраніе, (Полное) ученыхъ путешествій по Россіи, изд. Имп. Акад. наукъ.** Т. I. Описание Камчатки. С.Пб., 1818, 1 т. въ 8-о. (№ 1680).
- Собраніе (Торжественное), Имп. Акад. Наукъ 29-го Декабря 1864 года (Рячи).** С.-Пб., 1865, 1 т. въ 4-о. (№ 1920).
- Современникъ, Томъ I. 1836; 1838 1—4; 1839 1—3; 1840 2—4; 1841 1—4; 1842 1—3; 1845 1; 1862 № № 2—5. Всего 23 т. въ 8-о. (№ 2146).**
- Соколовъ Ѳ., Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи.** С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. наукъ. 1 т. въ 8-о. (№ 1206).
- Соловьевъ Серг., Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ II. Изданіе второе.** Москва, въ тип. Готье, 1856. 1 т. въ 8-о. (№ 1973).
- Спасскій, Сельскохозяйственно-статистическія свѣданія объ Эриванской губерніи за 1870 годъ. брош. 1 т. въ 4-о. (№ 1967).**
- Сперанскій, Письма графа М. М. Сперанскаго къ Х. Лазареву. С. Пб., тип. Ротальскаго, 1864. 1 т. въ 8-о. (№ 845).**
- Сперанскій, Руководство къ познанію Законовъ. С.-Пб., въ тип. 2-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, 1845. 1 т. въ 8 о. (№ 653).**
- 2 й изв.—ръ. (№ 482).
- Списокъ, русскимъ (sic) памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кашеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ Гр. Ѳ. Анд. Толстова. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1822. 1 т. въ 8-о. (№ 282).**
- Споменици Србски од 1395 до 1423, то ест писма писана од републике Дубровачке. Переписано Кнез Медо Пулич. У Београду, 1858. 1 т. въ 4-о. (№ 951).**
- Способъ, избавляться совершенно отъ оспенной заразы посредствомъ всеобщаго прививанія коровьей оспы. С.-Петербургъ, 1803. 1 т. въ 8-о брош. (№ 1832).**
- Справочникъ энтохемическаго общества. М. 1814 брош. in 4-о. (№ 1695).**

- Средство устроить въ Россіи поземельный кредитъ. Москва, въ унив. типогр. 1865. 1 т. въ 8-о брош. (№ 2127).
- Стафеггагенъ, Краткое руководство въ древней Географіи, Вторымъ изданиемъ. С.-Пб. При И. Ак. Н., 1788. 1 т. въ 4 о. (№ 2138).
- Стойковичъ Аван., Система языка. Кн. I. П. Харьковъ, унив. типогр., 1813. 2 т. въ 8-о. (№ 1815).
- 290 Столаровъ, О причинахъ развитія грудныхъ болязней въ войскахъ. С.-Пб. тип. Третья, 1872. 1 т. въ 8 о. (№ 1853).
- Страникъ, Духовный журналъ. 1862 №№ 1—4. 6—12. С.-Пб., 11 тетр. въ 8-о. (№ 2131).
- Судебникъ Государя Царя и Великаго князя Юанна Васильевича, и некоторыхъ сего Государя и ближнихъ его премирниковъ указы, собранные и объясненные Василиемъ Татищевымъ. Изданіе второе. Москва, въ унив. тип., 1786. 1 т. въ 8-о. (№ 378).
- Таблица животныхъ для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона. Москва, въ унив. тип., 1809. 1 т. въ 8-о брош. (№ 477).
(пять экземпляровъ).
- Таблица минеральнаго царства. Москва, въ унив. тип., 1803. 1 т. въ 8-о бр. (№ 294).
(три экземпляра).
- Тайцзинъ Гурунъ и Ухери Коли, то есть всѣ законы и установленія Китайскаго (а нынѣ Манчжурскаго) Правительства. Перевелъ Алексѣй Леонтиевъ Т. I. С.-Пб., при Имп. Акад. Н., 1781. 1 т. въ 8 о. (№ 682).
- Тайльсъ С., Очеркъ народно-учебнаго устройства въ королевствахъ Прусскомъ и Саксонскомъ. Лейпцигъ, Вагнеръ, 1862. 1 т. въ 8-о. (№ 2.124).
- Темаръ, Основанія химическаго разложенія неорганическихъ тѣлъ. Переводъ съ франц. С.-Пб., 1829. 1 т. въ 8-о. (№ 1750).
- Тиме Иванъ, Сопротивленіе металловъ и дерева рѣзанью. С.-Пб., въ типогр. Демакова. 1870. 1 т. въ 8-о. (№ 719).
2-й экземпляръ. (№ 720).
3-й экземпляръ. (№ 721).
- Тихоновъ, Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Ч. I. II. С.-Пб., въ тип. Веймара, 1861. 2 т. въ 8-о. (№ 2128).
- 290 Толмачевъ Ян., Правила Словесности. С.-Пб., 1822. 1 т. въ 8-о. (№ 1049).
- Торговля (государственная вышняя) въ разныхъ ея видахъ за годы: 1853. 1854. 1855. 1864 часть II. 1865 часть I. С.-Пб., въ тип. Департ. Вн. Торг., 1854—66. 5 т. въ 4-о. (№ 2.091).
- Торнау Н., Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія. С.-Пб., 1850. 1 т. въ 8-о. (№ 1003).
- Торнау Баронъ, Мусульманское право. С.-Пб., 1866. 1 т. въ 8-о. (№ 445).
- Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, части II. III.

1. 2. IV. 1. V. 1. VI. VII. VIII. Москва, 1824—37. 8 т. въ 8-о.
(№ 782).

2-го экзмп. Часть V. кн. 1. 1830. 1 т. въ 8-о. (№ 114).

Указатель (алеавитный) въ сборнику постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія (1802—1764). С.-Пб., 1866. два экзмп. 2 т. въ 8-о. (№ 687).

Указатель Варшавской выставки мануфактурныхъ падѣлій и произведеній земледѣлія. Варшава, въ тип. Оргельбранда, 1857. 1 т. въ 8-о. (№ 1467).

Указатель (новый) дорогъ въ Россійской имперіи. Ч. 1. II. М., 1083. 3 т. въ 8-о. (№ 1766).

Указатель (Хронологическій) матеріаловъ исторіи инородцевъ европейской Россіи. Составленъ подъ руководствомъ Петра Кеннена. С.-Пб., 1861. 1 т. въ 8-о. (№ 447).

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. С.-Пб., 1845. 1 т. въ 8-о. (№ 2144).

2-ой экземпляръ. (№ 118).

0 **Уставъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей Россійской словесности.** Ч. 1. II. С.-Пб., въ медицинской тип., 1819. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1428).

Уставъ Харьковскаго общества наукъ. Харьковъ, въ унив. тип., 1813. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 725).

Учрежденіе Государственнаго совѣта и государственной канцеляріи. С. Пб., 1856. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 2136).

Феддерсенъ І. Ф., Житіе Іисуса Христа. Перевелъ съ нѣмецкаго П. Калязинъ, С. Пб., Изд. Импер. Академ. наукъ, 1809. 1 т. въ 8-о. (№ 1419).

Философія (Божественная) въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ. Ч. 1—VI. Москва, въ унив. тип., 1818—19. 3 т. въ 8-о. (№ 1434).

Философія (Христіанская) или истинная религія въ Бесѣдахъ на разные тексты Свящ. писанія. Ч. 1—V. Москва, въ унив. тип., 1815—17. 5 т. въ 8-о. (№ 1435).

Фогель, Наука жизни. Переводъ Гиршгорна. Вып. 1-й. С.-Пб., тип. Суццинскаго, 1871. 1 т. въ 8-о. (№ 1854).

Фуксъ Е., Исторія руссійско-австрійской компаніи 1799 г. Части 1—III. С.-Пб., въ воен. тип., 1825. 26. 3 т. въ 8-о. (№ 199).

(Хавскій) **Объявленіе о новой книгѣ.** Москва, 1855. 1 т., въ 8-о. брош. (№ 1825).

(Штъ экземплярвъ).

Хавскій П. О, тысячелѣтніи государства Россійскаго. М., въ тип. Орлова, 1861. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 201).

10 **Хавскій, Предложеніе для окончанія ученаго спора о началѣ годовъ, по**

- русскому численію, Москва, въ полицейской тип., 1857. 1 т. въ 12-о.
- Хвостовъ Д.**, О знаменитости Переслави-Залѣскаго въ древніе времена. С.-Пб., въ морской типогр., 1830. 1 т. въ 8-о.
- Ходоровскій В.**, Курьезъ скорописанія по методу Карстера. С.-Пб. 3. Б. 1846. брош. въ 4-о.
- Хозяйство (Русское Сельское).** Годъ IV. Томы X—XII. Москва, въ тип., 1872. 6 т. въ 8-о.
- Цвѣтаевъ, Cornelii Taciti Germania.** I. Опытъ критическаго обозрѣнія Варшава, тип. Варшавскаго учебнаго округа, 1873. 1 т. въ 12-о.
- Цвѣтаевъ Левъ,** Начертаніе Римскаго Гражданскаго Права. Москва, въ тип., 1724. 1 т. въ 12-о.
- Цвѣты (сѣверные)** на 1827 годъ. Изданы Барономъ Дельвигомъ. С.-Пб. 1 т. въ 16-о.
- Чтеніе въ Имп. Обществѣ Ист. и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.** Кн. IV, 1859. Кн. II—IV. 1871. 4 т. въ 8-о.
- Шавровъ,** Путь въ Индію черезъ Кавказскій перешеекъ. Труды Управленія Намѣстника Кавказскаго, 1872. брош. 1 т. въ 8-о.
- Шварцъ,** О заложеніи, разведеніи и содержаніи воздушныхъ плодовыхъ довъ въ нашемъ климатѣ. Москва, въ унив. тип., 1834. 1 т. въ 8-о.
- 320 **Шевыревъ Степанъ,** Исторія Русской Словесности, преимущественно XXXIII публичныя лекціи. Томъ I части 1 и 2, Москва, въ тип., 1846. 1 т. въ 8-о.
- Шегровъ Андрей,** Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ. С.-Пб., въ тип. Имп. Академіи Н., 1844. (два выд.). 1 т. въ 8-о.
- Шлецеръ,** Начальныя основанія Государственнаго хозяйства. Ч. I. Пб. въ Унив. тип., 1821. 2 т. въ 8-о.
- Шмальцъ Ѳ.,** Право естественное. Переводъ съ Латинскаго съ приложеніемъ Исторіи литературы естественнаго права. С.-Пб. въ Имп. Восп. Дома, 1820. 1 т. въ 8-о.
- Шмидъ** Новый карманный русско-французскій и французско-русскій словарь. Ч. I. П. Лейпцигъ, напечатанъ у Таухенда. 12-о.
- Шмидъ Я.,** Грамматика монгольскаго языка. Перев. съ нем. С.-Пб. въ наукъ, 1832. 1 vol. in 4-о.
- Шмидъ Я.,** Монгольско-нѣмецко-россійскій словарь. С.-Пб., Академіи наукъ, 1835. 1 vol. in 4-о.

- Шмитцъ**, Сокращенная оогика. Переводъ съ Англинскаго, представленный Академіи елота капитаномъ Г. Гамалъею. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ, 1803. 1 т. въ 4-о. (№ 1876).
2-й экземпляръ. 1 т. въ 4-о. (№ 1877).
- Шоениъ**, Исторія славныхъ государей и великихъ генераловъ. Съ французскаго языка переведенная Яковомъ Козельскимъ. Вторымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Акад. Наукъ, 1792. 1 т. in 4-о. (№ 1131).
- Шрековъ**, Всеобщая исторія вновь переведенная, переработанная нѣсколь-ко и умноженная синхронистическими таблицами, ч. II. Москва, въ тип. Пономарева, 1805. 1 vol. in 8-о. (№ 1252).
2-й экземпляръ часть II. (—).
- Шрекъъ**, Древняя и новая всеобщая исторія. Переводъ съ нѣмецкаго, Въ 3-хъ частяхъ. Часть I. II. Москва, въ унив. тип., 1814. 2 т. въ 8 о. (№ 1921).
- Штиллингъ Г.**, Тоска по отчизнѣ. Ч. I—V. Москва, въ унив. тип. 1817—1818. (№ 1303).
- Штукенбергъ Н.**, Статистическіе труды. Статьи: 1—7. С.-Пб., 1857. 1 т. въ 8 о. (№ 192).
- Шубертъ**, Главныя черты Космологіи. Переводъ съ нѣм. Николай Курляндцевъ. Одесса, въ город. тип. 1834. 1 т. въ 8-о. (№ 1948).
- Шувъ**, Физическая картина Европы. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса, въ городской тип., 1835. (2 экз.) 2 т. въ 8-о. (№ 1869).
- Шульгинъ И.**, Изображеніе характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Изд. 2-е испр. и дополн. С.-Пб., 1833. 1 vol in 8-о. (№ 1250).
- Щеночкинъ**, Новый способъ бѣленія пеньки С.-Пб., 1815. брош. in 8-о. (№ 1703).
- Энгельманъ Иванъ**, О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву. С.-Пб., въ тип. Тиблена. 1859. 1 т. въ 8-о. (№ 620).
- Энгельманъ**, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ псковской судной грамотѣ. С.-Пб., тип. Веймара, 1855. 1 т. въ 8-о (два экзем.) (№ 1904).
Еще два экз.—ра. (№ 695).
- Эртель В.** Полный зоологическій и ботаническій словарь. Прибавленіе къ французско-русскому словарю. С.-Пб., 1843. 1 т. въ 8-о. (№ 2132).
- Явлинскій**, Синхроническія таблицы Всеобщей Исторіи служащія къ Хронографическому Атласу. С. П., тип. Праца, 1840. брош. 1 т. въ 8-о. (№ 895).
- Якобъ Л.**, Курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи, Ч. II. IV. С.-Пб., печатано при Имп. Акад. Наукъ, 1812. 2 т. въ 8-о. (4-й части 3 экз.) (№ 1532).
- Яковичъ**, О развитіи перитидеивъ у *Pleuroga herbarum*, Tul. Одесса, Нитче, 1866. брош. 1 т. въ 8 о. (№ 1895).
Еще два экз.—ра. (№ 1813).

ДУВЛЕТЫ,

оказавшіяся въ библіотекѣ во время печатанія каталога.

- Abrégé historique des principaux traits de la vie de Confucius, Célèbre philosophe chinoise.** Gravées par Helman, Paris. 1 vol. 12-o. (№ 1)
- Actenstücke und Briefe zur Geschichte Kaiser Karl V.** Bd. I. II. V. 1853—57. 4 vol. in 8-o. (№ 2)
- Airy G., Gravitation, an elementary Explanation of the principal Perturbations in the Solar System.** London, Knight, 1834. 1 vol. 12-o. (№ 3)
- Alexandri ab Alexandro, Genialium Dierum.** I. II. Ludgani Batavorum officina Hackiana, 1673. 2 vol. in 12-o. (№ 4)
- Bassville de, Précis historique sur la vie et les exploits de François de Montmorency, Comte de Rosne, Maréchal de France.** Fort. Genève, 1784. 1 vol. in 8-o. (№ 5)
- Betsky, Les Plans et les statuts des differents établissemens ordonnés par sa Majesté Impériale Catherine II.** T. I. Amsterdam. 1788. 1 vol. in 9-o. (№ 6)
- Beiträge, (neue nordische) zur physikalischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie.** Bd. I—VII. S.-Pb., 1775—77. 7 vol. in 8-o. (№ 7)
- Böhmens Jacob, Theosophia revelata.** Alle Göttliche Schriften. I. E. II. 2 vol. in 4-o. (№ 8)
- Bossuet, Discours sur l'Histoire universelle.** T. I. II. Paris. 1693. 2 vol. 24-o. (№ 9)
- Bredow, Umständlichere Erzählung der merkwürdigen Begebenheiten der allgemeinen Weltgeschichte.** Altona, 1814. 1 vol. 12-o. (№ 10)
- Buhle Johann, Geschichte der neuern Philosophie.** Bd. I. Göttingen. Rosenbuch, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 11)
- Cæsar C., Julii Cæsari commentarii de bello galico.** Editio stereotypa, 1828. 1 vol. in 24-o. (№ 12)
- Castelnau, Essai sur l'Histoire ancienne et moderne de la nouvelle France.** T. I—III. Paris. 1820. 3 vol. in 8-o. (№ 13)
- Chambers, Cyclopædia of english Literature.** Vol. II. Edinburgh, 1844. in 8-o. (№ 14)
- Chappe d'Auteroche, Voyage en Sibirie T. I. 1. 2. La description de la Sibirie, T. III. Paris, chez Debure, 1768. 3 vol. in 4-o. (№ 15)**
- Coxe Will., Voyage en Pologne et Russie.** Traduit par P. Mallet. Genève, 1786. 2 vol. in 4-o. (№ 16)
- Degrandpré L., Voyage à la côte occidentale d'Afrique.** T. I. II. 1801. 2 vol. in 8-o. (№ 17)

- 360 **Deguignes**, Geschichte der Hunnen und Türken, der Mogols. I. II. IV. und Einleitung. Greifswald, Röse, 1768—70. 4 vol. in 4-o. (№ 2169).
- Dupré de Saint-Maure**, Anthologie russe. Paris, 1823. 1 vol. in 4-o. (№ 2189).
- Engelhardt**, Reise in die Krym und den Kaukasus. I. II. Berlin, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 2241).
- Etude sur l'état social actuel en Europe**. S.-Peterb., 1849. 1 vol. in 8-o. (№ 2206).
- Ewers**, Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. 1. 2. Dorpat, 1814. 1 vol. in 12-o. (№ 2244).
- Falk Joh.**, Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. I—III. S.-Pb., 1783. 3 vol. in 4-o. (№ 2181).
- Fischer**, Sibirische Geschichte. Bd. I. II. S.-Pb., 1768. 1 vol. in 8-o. (№ 2219).
- Fischer de Waldheim**, Oryctographie du gouvernement de Moscou. M. 1837. 1 vol. in fol. (№ 2175).
- Ferster**, Voyage du Bengale à Petersbourg. T. I—III. Paris, 1802. 3 vol. in 8-o. (№ 2228).
- Fragments historiques et géographiques sur la Seythie, la Sarmatie et les Slaves**. T. I—III. 1795. 3 vol. in 4-o. (№ 2194).
- 370 **Gamba**, Voyage dans la Russie méridionale. T. I. II. Paris, 1826. 2 vol. in 8-o. (№ 2214).
- Gay John**, Fables. 1. 2. Paris, 1800. 1 vol. in 24-o. (№ 2270).
- Georgi Joh.**, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1772—1774. Bd. I. II. S.-Pb., 1775. 2 vol. in 4-o. (№ 2180).
- Georgi**, Geographisch-Physikalische Beschreibung des Russischen Reichs. Bd. I—VIII und Nachträge. Königsberg, 1797—802. 9 vol. in 8-o. (№ 2218).
- Gmelin Samuel**, Reise durch Russland Th. I—IV. S.-Pb., 1770—784. 4 vol. in 4-o. (№ 2177).
- Göldenstädt**, Reisen nach Georgien und Jmerethi. Begleitet von Klaproth, Berlin, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 2242).
- Göldenstädt Joh.**, Reisen durch Russland. Th. I—II. S.-Pb., 1787. 2 vol. in 4-o. (№ 2178).
- Guisot**, Histoire de la civilisation en France. T. I—IV. Bruzelles, 1839. 2 vol. in 16-o. (№ 2261).
- Hansen P.**, Auseinandersetzung einer zweckmässigen Methode zur Berechnung der absoluten Störungen der kleinen Planeten. 2-te Abhandlung, Leipzig, Hirzel, 1857. 1 vol. in 8-o. (№ 156).
- Henault**, Nouvel abrégé chronologique de l'Histoire de France. Nouvelle édition. T. I—III. Paris, 1768. 3 vol. in 16-o. (№ 2258).
- 380 **Herbelot**, Bibliothèque orientale. Maestricht, Dufour, 1776. 1 vol. in fol. (№ 2183).

- Herberstein Sigmund, Moscouiter wunderbare Historien. Basel. 1575.
Brillinger. 1 vol. in 2-o. (X)
- Hermann Bened., Beyträge zur Physik, Oekonomie, Chemie etc. 1. 2. 3.
1786. 1 vol in 8-o. (X)
- Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, l. II. Amsterdam.
1761. 1 vol. in 8 o. (X)
- Heratius, Quinti Horatii Flacci opera. Editio stereotypa. Parisia. 1738.
vol in 24-o. (X)
- Jaubert, Voyage en Arménie et en Perse. Paris, 1821. 1 vol in 8-o. (X)
- Jbn-Fossian's und anderer araber Berichte über die Russen ältere
übersetzt von C. Frühn. S.-Pb.. 1823. 1 vol. in 4-o. (X)
- Kant J., Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft.
2-te verm. Auflage. Königsberg. 1794. 1 vol. in 8-o. (X)
- Karamsin, Histoire de l'Empire de Russie. T. I. III—VI. Paris. 1781.
in 8-o. (X)
- Kinneir, Voyage dans l'Asie mineure. T. I. II. Paris, 1818. 2 vol. in 8-o.
(X)
- 390 Knorre, Gutachten über das Werk des Prof. Sewitsch: *Практическое
астрономіи къ георг. опредѣленію мѣстъ, бром. 1818.* (X)
- Lacombe, Histoire des revolutions de l'Empire de Russie. Amsterdam.
1 vol. in 16-o. (X)
- Laharpe J., Lycée, ou cours de Litterature ancienne et moderne. T. I.
XIII. Paris, 1800. 11 vol. in 12 o. (X)
- Lalande Jérôme, Positions moyennes pour l'époque de 1790, des étoiles
compolaires. S.-Pb., 1854. 1 vol. in 4-o. (X)
- Lamé Fleury, L'Histoire moderne. Bruxelles, 1837. 1 vol. in 12-o. (X)
- Laorty Hadji, L'Egypte, Paris, 1837. 1 vol. in 12-o. (X)
- Le Clerc, Histoire physique, morale et politique de la Russie ancienne
I—III. Paris, 1783. 3 vol. in 4-o. (X)
- Histoire physique. . . de la Russie moderne. T. I. II. Paris. 1783.
vol. in 4-o. (X)
- Levesque, Histoire de Russie. T. I—VII. Paris, chez de Bure. 1782.
in 12-o. (X)
- 2-ro экземпляр. T. II—V. Paris, 1782. 4 vol in 12-o. (X)
- Lomonossow M., Alte Russische Geschichte. Riga. 1768. 1 vol. in 8-o.
(X)
- Maleville J., Analyse raisonnée de la discussion du code civil français.
T. I—IV. Paris, Garnery. 1807. 4 vol. in 8-o. (X)
- 400 Matthaei, Eclogae ex variis scriptoribus graecis. 1. 2. Mosquae, 1805.
in 8-o. (X)
- Mémoire du regne de Catherine, Impératrice de toute la Russie. Amsterdam.
chez Mortier, 1729. 1 vol. in 12-o. (X)
- 2-й экземпляръ (безъ заглавнаго листа) (X)

- Montesquieu**, De l'Esprit des lois. T. I—IV. Paris, 1803. 5 vol. in 24-o. (№ 2265).
- Monumenta Germaniae historica**. Edidit G. Pertz. T. XVII. (crp, 1—800) et XVIII. Hannoverae, Hahnian, 1861-63. 2 vol in 2-o. (№ 2147).
- Morgan Lady**, L'Italie. T. I—IV. Paris, 1821. 4 vol. in 8-o. (№ 2234).
- Pallas P.**, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Th. I—III. 2-te Auflage. S.-Pb., 1801. 4 vol. in 5-o. (№ 2179).
- Park**, Voyage dans l'intérieur de l'Afrique fait en 1795—1797. T. I. II. Paris, An VIII. 2 vol. in 8-o. (№ 2226).
- Pezl**, Nouvelle description de Vienne. 5-me éd., Vienne. 1 vol. in 24-o. (№ 2268).
- Reimers Heinr.**, Reise der russisch-kaiserlichen Gesandtschaft an die othomanische Pforte im Jahre 1793. Th. I—III. S.-Pb., 1803. 1 vol. in 4-o. (№ 2192).
- Reinoggs**, Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, Th. 1. 2. Gotha, 1796. 2 vol. in 8-o. (№ 2243).
- Resultate der an der Krakauer Sternwarte gemachten meteorologischen und astronomischen Beobachtungen**. Krakau, 1839. 1 vol. in 4-o. (№ 2167).
- Rossi P.**, Cours d'Economie politique. Année 1836—1837. Bruxelles, 1840. 2 vol. in 8-o. (№ 2205).
- Rulhière Cl.**, Histoire de l'Anarchie de Pologne. T. I—IV. Deuxième édition. Paris, 1808. 4 vol. in 16-o. (№ 2257).
- Saint-Martin J.**, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. I II. Paris, 1818. 2 vol. in 8-o. (№ 2208).
- Sammlung Russischer Geschichte**. Bd. I—IX. S.-Pb., 1732—764. 9 vol. in 12-o. (№ 2250).
- Seneca**, L. Annaei Senecae Philosophi opera. Biponti, vol. I—IV. 1782. 4 vol. in 8-o. (№ 2233).
- Senkowski**, Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. S.-Pb., 1824. 1 vol. in 4-o. (№ 2190).
- Seume**, Spaziergang nach Syrakus im Jahre 1802. Braunschweig, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 2225).
- Sévigné Madame de**, Recueil des lettres de Madame de Sévigné à Madame de Grignan, sa fille. T. 1. III.—IX. Paris, 1775. 2 vol. in 24-o. (№ 2266).
- Sicard**, Lettre sur Odessa. S.-Pb., 1812. 1 vol. in 16-o. (№ 2260).
- Strael**, Considérations sur les principaux événements de la révolution française. T. 1—III. Paris, 1818. 3 vol. in 8-o. (№ 2221).
- Storch**, Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reichs. Th. I—VI. VIII. und Supplementband. Riga, 1797. 8 vol. in 12-o. (№ 2255).
- Strahlenberg Phil.**, Das Nord- und Ostliche Theil Europa und Asia. Stockholm, 1730. 1 vol. in 4-o. (№ 2195).

- 2-й экземпляръ. 1 vol. in 4-o. (К 2)
- Struve F.**, Etoiles doubles. Mesures micrométriques. de 1774 à 1781. S.-Pb., 1 vol. in 8-o. (К 2)
- Struve Otto**, Librorum in bibliotheca speculae Fulcovensis anno 1847. ante contentorum catalogus systematicus. Petropoli, 1847. 1 vol. in 8-o. (два экземпля.) (К 2)
- Struve W.**, Etudes d'Astronomie stellaire. S.-Pb., 1847. 1 vol. in 8-o. (К 2)
- Struve W.**, Recueil de Mémoires présentés à l'Académie des Sciences et des astronomes de Poulkova. Vol. I. II. S.-Pb., 1853. 1 vol. in 4-o. (К 2)
- Struve W.**, Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium Pars Mediae pro epocha 1830,0. Petropoli, 1852. 1 vol. in fol. (К 2)
- Struve W.**, Sur la Dilatation de la glace. S.-Pb., 1848. 1 vol. in 4-o. (К 2)
- Struve W.**, Sur l'Emploi de l'instrument des passages S.-Pb., 1835. 1 vol. in 4-o. брш. (К 2)
- 430 **Tableau général de la Russie moderne. T. I. II. Paris, 1802. 2 vol. in 8-o.** (К 2)
- Tasse, Jérusalem Délivrée. T. I. II. Paris, 1774. 2 vol. in 8-o.** (К 2)
- Thierry Augustin**, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Atlas, Paris, 1859. 1 vol. in 2-o. (К 2)
- Teoke**, Histoire de l'Empire de Russie. T. I—VI. Paris, 1801. 6 vol. in 8-o. (К 2)
- Voltaire**, Histoire de Charles XII., roi de Suède. Paris, 1802. 1 vol. in 8-o. (К 2)
- Voltaire**, Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. T. I. II. Paris, 1803. 2 vol. in 24-o. (К 2)
- Voltaire**, Théâtre. T. I—XII. Paris, 1801. 12 vol. in 24-o. (К 2)
- Voyage philosophique, politique et littéraire fait en Russie. Traduit de l'Anglais par M. de Chantreau. T. I. II. Hambourg, 1794. 2 vol. in 12-o.** (К 2)
- Vsévolojsky N.**, Dictionnaire géographique—historique de l'Empire de Russie. T. 1. 2. Moscou, 1813. 1 vol. in 8-o. (К 2)
- Weydemeyer A.**, Tableaux historiques et chronologiques de l'Empire de Russie. S.-Pb., 1828. 1 vol. in fol. (К 2)
- 440 **Winiewsky**, Index lectionum in Academia Monasteriensis. 1849. брш. in 4-o. (К 2)
- Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Herausg. von Ad. J. Schleiermacher. Bd. XVII. XVIII. Berlin, Dümmler, 1868. 2 vol. in 8-o.** (К 2)
- Варадиновъ**, Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Часті I. II. 1858. 2 т. 8-o. (К 2)
- Гагенротъ**, Статистическое обозрѣніе Сибиря. Ч. I—III. С.-Пб., 1858. 3 т. въ 8-o. (К 2)

- Записки (отечественныя), издаваемыя Павломъ Свиньинымъ. Годы 1820—1828.**
Части 1—4; 5. 1 3; 6. 1 3; 7. 1; 8. 1 3; 9 —12; 13. 2; 15. 1; 21;
22; 23. 2 3; 24. 1 2; 25; 29; 29. 2. 3; 30; 31; 32. 2. 3; 33; 34;
35. въ 12-о. (№ 2165).
- Караванинъ Н., Исторія Государства Россійскаго. Томы I и примѣчанія II —
XII. Изданіе 3-е. С.-Пб., 1830. 13 том. въ 8-о. (№ 2232).**
- Каталогъ дико-растущихъ растений въ дмитревскомъ уездѣ. Изданный Гео-
томъ. Москва, 1826. 1 т. въ 8-о. (№ 2238).**
- Маркусъ, Краткое руководство для врачей къ познанію Россійскихъ законовъ.
С.-Пб., 1843 1. т. въ 8-о. (№ 2209).**
- Обозрѣніе (статистическое) Сибири. С.-Пб. 1810. 1. т. въ 8-о. (№ 2231).**
- Отчетъ Государственнаго Банка за 1872 г. С.-Пб., 1873. 1 т. въ 4-о. (№ 2154).**
- Продолженіе свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. (по 1 янв.
1853). С.-Пб., 1853. 1 т. in 8-о. (№ 2153).**
- Путешествіе къ Китаю чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ. Части 2 и 3
С.-Пб.- 1824. 2 т. въ 8-о. (№ 2197).**
- Рукопись Филарета, Патріарха Московскаго и всея Россіи. Москва. 1837. 1
т. въ 8-о. (№ 2161).**
- Сборникъ (Новгородскій). Выпуски I — V. Новгородъ, 1866. 5 т. въ 8-о.
(№ 2150).**
- Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Изданіе 1842 года. Уставы благочинія.
С. Пб. 1842. 1 т. въ 8-о. (№ 2198).**
2-й вых.—ръ. 1, 8-о (№ 2199).
- Словарь (сравнительный) всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку
расположенный. Части. II—IV. С.-Петербургъ, 1791. 3 т. въ 4-о
(№ 2164).**
- Соловьевъ, О значеніи законовъ. С.-Пб., 1840. 1 т. въ 8-о. бр (№ 2212).**
- Сущковъ Н., Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита
Московскаго. Москва, типогр. Мамонтова, 1868. 1 т. въ 8-о.
(№ 2162).**
- Таблицы (статистическія) Россійской Имперіи за 1856 и 1858—63. 2 т. въ
8-о. (№ 2202).**
- Толляковъ, Письма изъ Болгаріи. Москва, 1833. 1 т. въ 8-о. (№ 2230).**
- Тетради записныя Петра Великаго 1704 — 1706 годовъ. 1774. 1 т. въ 4-о
(№ 2160).**
- Учрежденіе (общее) Министерствъ. Ч. I. С.-Пб., 1811. 1 т. въ 4-о. (№ 2193).**
- Января (осьмое), 1851 года. бр. 1 т. въ 8-о. (№ 2217).**

II. Часть ученая.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПО ПРАВОСЛАВНОМУ БОГОСЛОВІЮ,

занная исправляющимъ должность профессора богословія при Императорскомъ
россійскомъ университетѣ, священникомъ Александромъ Кудравцевымъ,
20-го севрала 1874 года.

М.м. Ж.

Наука, которую я буду имѣть честь преподавать вамъ, не
есть для васъ наукою новою; съ ней знакомы вы ранѣе чѣмъ
всякою другою наукою. Соотвѣтственно ступенямъ вашего ум-
еннаго развитія, она преподавалась вамъ то въ видѣ молитвъ,
орымъ учили васъ ваши родители и воспитатели, то въ видѣ
рическихъ разсказовъ о важнѣйшихъ событіяхъ церкви Бо-
і на землѣ, то въ видѣ разъясненія главныхъ основополо-
ій христіанской вѣры и нравственности, составляющихъ со-
каніе православнаго катихизиса. Все, что въ настоящемъ
аѣ предстоитъ вамъ, будетъ состоять только въ раскрытіи
исненія тѣхъ сторонъ науки, которыя, по многосложности
тій вашихъ, оставались для васъ или совершенно неизвѣст-
і, или извѣстными, но не въ такой мѣрѣ, какъ потребно
для христіанина образованнаго. Уясненіемъ этихъ недоста-
къ вамъ сторонъ въ образованіи я и намѣренъ начать наши
гія.

1) Гимназія и университетъ.

Истины вѣры до сихъ поръ были преподаваемы вамъ уже
отовыхъ формахъ христіанскаго вѣроученія. Воспринимая

эти истины, вы имѣли въ виду только тотъ источникъ, который составляетъ для насъ св. писаніе и св. преданіе, а тотъ, который въ глубинѣ нашего духа, которымъ жили и живутъ народы непроевѣщенные свѣтомъ христіанскаго ученія, оставался вамъ, по состоянію вашего умственнаго развитія, малоизвѣстнымъ, между тѣмъ уясненіе этого источника чрезвычайно важно: во-первыхъ, оно относится къ самому главному факту нашей душевной жизни; во-вторыхъ, оно составляло предметъ постояннаго вниманія философствующей мысли; въ-третьихъ, оно пролагаетъ надежный путь къ положительному раскрытію истинъ христіанской вѣры на основаніи источниковъ христіанскаго вѣроученія. На этотъ-то первый пробѣлъ въ вашихъ познаніяхъ вы и должны обратить теперь ваше вниманіе.

Переходя изъ области религіи вообще въ область религіи христіанской, мы встрѣчаемся прежде всего съ ея источниками: священнымъ писаніемъ и свящ. преданіемъ. Хотя знакомство съ этими источниками и не было исключено изъ круга вашихъ занятій, но знакомство это не было непосредственное: содержаніе историческое вамъ извѣстно подъ именемъ священной исторіи, содержаніе догматическое подъ именемъ катихизиса; а что такое самая библія, въ какомъ видѣ она передаетъ это ученіе, кто были ея священными писателями, кто были тѣ, которые оградили и уяснили это ученіе? — это оставалось для васъ малоизвѣстнымъ. Оставаться при такомъ существенномъ недостаткѣ въ знаніи — невозможно. Еслибы свящ. библія была только простой памятникъ древности и тогда незнакомство съ ней было бы неизвинительно, и тогда этого незнакомства нужно-бы было стыдиться гораздо болѣе, чѣмъ незнакомства со всякимъ другимъ замѣчательнымъ памятникомъ; но библія не простой памятникъ: заключая въ себѣ глаголы живота вѣчнаго, она, въ противоположность всякому другому памятнику, возвышается надъ всѣми временными и мѣстными условіями. То самое вліяніе, которое производила прежде, производитъ теперь и будетъ производить, по слову Господа, до скончанія вѣка. «Небо и земля говорятъ Онъ, преидеть, словеса-же Моя не мимо идутъ». (Ме

24, 31). Следовательно, съ какой-би стороны мы не смотрѣли на библію, изученіе какъ ея самой, такъ и всего, что относится къ ея изученію, есть существенная необходимость христіанина образованнаго.

Отъ источниковъ вѣроученія—прямой и непосредственный переходъ къ основаннымъ на нихъ истинамъ. Хотя изученіе этихъ истинъ и составляло главный предметъ вашихъ занятій, однако и оно, для гармоніи съ тѣмъ умственнымъ развитіемъ, къ какому стремитесь вы, требуетъ нѣкоторыхъ пополненій. Это потому, что истины вѣры и нравственности представляютъ такую глубину въ своемъ содержаніи, что сколько-бы мы ни изучали ихъ, въ нихъ всегда найдутся стороны, потребныя для изученія. Но помимо этой внутренней стороны есть другая, которая оставалась вамъ совершенно неизвѣстною. Я разумью здѣсь ту внѣшнюю сторону, которая, въ противоположность неизмѣннымъ истинамъ вѣры, имѣла, согласно съ потребностями времени, характеръ измѣняемости. Къ ней относятся: во-первыхъ буква вѣроопредѣленій, которую, по особымъ намѣреніямъ Промысла, долженъ былъ выработать самъ человекъ и которая, прежде чѣмъ достигла своей неизмѣяемости въ никео-цареградскомъ символѣ, стоила ему большихъ усилій; во-вторыхъ, борьба, которую вела церковь съ своими внѣшними и внутренними врагами; въ-третьихъ, попытки, которыя предпринимаемы были мудрыми учителями вѣры, чтобы приблизить ея истины къ слабому человеческому разумѣнію. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ въ себѣ чрезвычайно интересную и поучительную картину. На одной сторонѣ вы видите преемственно сѣняющихся другъ друга враговъ христіанства, на другой—твердую и непоколебимую церковь Божию, вслѣдствіе разъ выдѣлявшую тѣмъ большее число равностныхъ и искусныхъ защитниковъ, чѣмъ больше гоненій было на нее воздвигаемо. Въ этой картинѣ вы увидите и промыслительную волю Божию о церкви и состояніе умственнаго развитія въ каждомъ вѣкѣ и, наконецъ, разгадку многихъ историческихъ событий.

Одними истинами вѣры и нравственности христіанской, идея

православной церкви не исчерпывается. Знакомясь съ ними, необходимо ознакомиться съ двумя остальными ея частями, именно: священнодѣйствіями и управленіемъ церкви: съ первыми потому, что онѣ сопровождаютъ насъ отъ колыбели до могилы, со вторыми потому, что отъ этого зависитъ правильная жизнь общества не только въ церковномъ, но и гражданскомъ отношеніи. Такое ознакомленіе хотя и имѣлось въ виду программой вашихъ прежнихъ занятій, но опять не на столько, на сколько необходимо это для человѣка вполне образованнаго. Въ отношеніи къ священнодѣйствіямъ вы не простирались далѣе уясненія ихъ настоящаго значенія, а въ отношеніи къ управленію — далѣе наименованія тѣхъ органовъ, при помощи которыхъ оно совершается. Теперь познанія ваши должны быть расширены: съ изъясненіемъ значенія священнодѣйствій должно соединиться указаніе ихъ исторической судьбы; къ наименованію органовъ управленія должно быть присоединено точное и подробное уясненіе какъ обязанностей каждаго, такъ и всѣхъ тѣхъ законовъ, какими управляется церковь.

2) Система наукъ богословскихъ.

Для удовлетворенія указанныхъ нами потребностей выдѣлился мало по малу изъ общей сокровищницы познаній цѣлый рядъ наукъ, который извѣстенъ подъ общимъ именемъ богословія. Слово «богословіе» (*Θεολογία*), хотя и прилагалось къ ученію о Богѣ вообще и Сынѣ Божіемъ въ особенности (Іоаннѣ Богословѣ, Григоріи Богословѣ), но какъ отцы и учителя церкви соединяли вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкое понятіе ¹⁾, то сперва ученый XII-го вѣка Абелярдъ, а послѣ него и другіе богословы начали прилагать это слово ко всей наукѣ о христіанской вѣрѣ. Представляя въ содержаніи своемъ чрезвычайное разнообразіе, богословіе, какъ и другія науки, нуждается въ извѣстной системѣ, которая могла-бы объединить его и тѣмъ облегчить дѣло обученія. Вопросъ о системѣ, смотря потому кто съ какой точки зрѣнія смотритъ на него, рѣшался и рѣшается

¹⁾ У Снлицера: *Thesaur. Ecclesiastic*

довольно различно. Одни, какъ напримѣръ Гагенбахъ, основываясь на томъ, что предметъ богословія — христіанство проявляетъ себя съ одной стороны въ исторіи, съ другой — въ ученіи, изъ конхъ первая предполагаетъ изслѣдованіе источниковъ, а второе — практику, дѣлятъ богословіе на четыре части: экзегетическую, историческую, систематическую и практическую ¹⁾. Другіе, усматривая въ богословіи нѣчто подобное дереву, гдѣ есть свой корень, свой стволъ и своя вершина, дѣлятъ богословіе на три части, каковыми бывають или: философская, историческая и практическая, какъ у Шлейермахера ²⁾, или: историческая, систематическая и практическая, какъ у Кіенлена ³⁾, или: пригготовительная, составная и прикладная, какъ у преосв. Макарія. Третьи, полагая въ основу дѣленія, съ одной стороны, познаніе факта спасенія, съ другой — усвоеніе его, дѣлятъ богословіе на двѣ части: познавательную и практическую. Хотя первыя два дѣленія и приобрѣли въ наукѣ право гражданства, но намъ кажется, что гораздо полезнѣе держаться послѣдняго дѣленія. Главное достоинство его то, что при немъ нѣтъ ни того разъединенія наукъ, какъ въ дѣленіи четырехчастномъ, ни тѣхъ неправильныхъ постановокъ, какъ въ дѣленіи трехчастномъ, но каждая является необходимымъ членомъ цѣлаго, каждая находитъ себѣ должное мѣсто или въ той части, которая занимается разъясненіемъ факта спасенія, или въ той, которая — усвоеніемъ его.

Соотвѣтственно указанному дѣленію, въ составъ первой или познавательной части входятъ: во-первыхъ, тѣ науки, которыя уясняютъ состояніе человѣчества внѣ правой вѣры, во-вторыхъ, тѣ, которыя указываютъ, гдѣ и какъ найти ее, въ-третьихъ, тѣ, которыя систематически излагають въ чемъ состоитъ она. Наукъ, занимающихся изъясненіемъ состоянія внѣ вѣры, двѣ: одна извѣстна подъ именемъ философіи религіи, а другая подъ именемъ исторіи религій. Первая занимается уясненіемъ вопроса о происхожденіи и сущности религіи, а вторая объ историче-

¹⁾ Enzykl. u. method. s. 110.

²⁾ Darstellung des Theologischen Studiums. 1811.

³⁾ Encyclopédie des la Théologie chrétienne. 1842.

скожь ея развитіи. Науки, занимающіяся уясненіемъ источниковъ вѣроученія, раздѣляются на два разряда: однѣ относятся къ уясненію св. писанія, а другія къ уясненію священ. преданія. Въ уясненію св. писанія служатъ слѣдующія науки: герминевтика, библиологія, библейская исторія, библейское богословіе и археологія. Задача этихъ наукъ въ отношеніи къ изучающему можетъ быть представлена наглядно въ слѣдующемъ видѣ: герминевтика какъ-бы вооружаетъ изучающаго зрительнымъ аппаратомъ, при помощи котораго онъ могъ-бы разсмотрѣть все обстоятельно и подробно; библиологія сперва обводитъ изучающаго вокругъ самаго зданія и показываетъ его красоту, прочность, т. е. говоритъ о подлинности книгъ, о ихъ боговдохновенности, важности, о текстѣ оригинальномъ, переводахъ, комментаріяхъ, а затѣмъ вводитъ въ самое зданіе и, раскрывъ одну за другой свящ. книги, подробно излагаетъ о ея писателѣ, о времени и мѣстѣ написанія, о содержаніи, съ присоединеніемъ толкованія или на всю книгу, или на мѣста болѣе нуждающіяся въ объясненіи. Остальныя три науки доставляютъ возможность изучать нѣкоторые предметы въ отдѣльности, — а именно: библейская исторія — историческій фактъ спасенія, библейское богословіе — догматическія мѣста каждой книги, библейская археологія — древности еврейскаго народа. Перехода отъ уясненія св. писанія къ уясненію втораго источника вѣроученія — св. преданія, изучающій встрѣчается съ такимъ составомъ наукъ, который отъ предъидущаго состава мало чѣмъ разнится: здѣсь есть и своего рода библиологія и исторія и богословіе и археологія. Библиологію замѣняетъ здѣсь патрологія, исторію библейскую — исторія церкви христіанской, богословіе библейское — богословіе патристическое или исторія догматовъ, археологію еврейскую — археологія христіанская. Задача этихъ наукъ также совершенно сходна. Патрологія, имѣя предметомъ письменное слово, оставленное намъ преемниками апостоловъ — отцами и учителями церкви, точно также, какъ и библиологія, сперва знакомитъ съ жизнію писателя, а затѣмъ съ его твореніями и важнѣйшими изъ нихъ мѣстами; исторія церкви христіанской, начинаясь съ того мо-

ента, гдѣ оканчивается исторія библейская, продолжаетъ тоже дѣло, что и та, т. е. слѣдитъ за историческимъ фактомъ во времена дальнѣйшія; богословіе патристическое или иначе исторія огматовъ, принявъ собранныя библейскимъ богословіемъ истины, слѣдитъ какъ эти истины уясняемы и защищаемы были и какъ тѣ, наконецъ, воплощены были мало по малу въ неизмѣнномъ словѣ; археологія христіанская, опредѣливъ то, что заимствовано отъ народа еврейскаго, слѣдитъ за дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской обрядности. Результатомъ пройденнаго быдетъ послѣдній составъ наукъ, имѣющій задачей опредѣлить: въ чемъ состоитъ вѣра? Въ него входятъ двѣ науки: богословіе догматическое и богословіе нравственное. Богословіе догматическое имѣетъ предметомъ истины вѣры, а богословіе нравственное — истины нравственности. Такъ какъ истины вѣры составляютъ для насъ непреложное правило спасенія, то за ними держано то самое названіе, какое имѣютъ онѣ на языкѣ греческомъ: «*δόγματα*», т. е. ученіе, правило, предписаніе.

Дѣятельность церкви, составляющая предметъ второй части богословія — практической, сосредоточивается въ трехъ главахъ нунтахъ: ученіи, управленіи и богослуженіи; отсюда и вслѣдствіе, входящія въ составъ этой части, за исключеніемъ богословія пастырскаго, обнимающаго всѣ три рода дѣятельности, гдѣ имѣютъ своимъ предметомъ какую-либо изъ этихъ трехъ сторонъ: или ученіе, или управленіе, или богослуженіе. Приложеніемъ ученія занимаются слѣдующія три науки: гомилетика, лексика и апологетика; уясненіемъ управленія — каноническое право; уясненіемъ богослуженія — литургика. Задача этихъ наукъ слѣдующая: гомилетика научаетъ словесному искусству, поетика — отвѣтамъ на возраженія иновѣрныхъ, апологетика отвѣтамъ на возраженія невѣрующихъ, каноническое право — законамъ, которыми управляется церковь, какъ организованное общество, литургика — церковному богослуженію и правильному исполненію всего церковнаго культа.

3) Богословіе и университета.

Какъ имѣющая цѣлю не удовлетвореніе простой любознательности, а удовлетвореніе потребностей церкви вообще и высшихъ интересовъ каждаго въ частности, система богословская не можетъ быть, подобно другимъ научнымъ системамъ, предметомъ изученія только нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, специалистовъ дѣла. Хотя охраненіе интересовъ церкви и лежитъ на преимущественной отвѣтственности пастырей церкви, однако и остальные вѣрующіе, какъ члены одного тѣла, не могутъ считать его дѣломъ чуждымъ для себя. «Не можетъ, говоритъ Апостолъ Павелъ при объясненіи отношеній членовъ церкви, глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ ненужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе» (1 Кор. 12, 21). Слѣдовательно каждый, трудясь надъ своимъ собственнымъ усовершенствованіемъ, долженъ, по мѣрѣ данныхъ ему силъ, трудиться и надъ тѣмъ, что содѣйствуетъ благосостоянію всей церкви. Особенно не могутъ увольнять себя отъ этой задачи такіа высшіа образовательная заведенія, какъ университеты. Гдѣ-же и искать лучшаго пониманія своихъ обязанностей и своихъ отношеній, какъ не здѣсь — въ этомъ центрѣ умственнаго образованія? такъ понималъ университетъ свою задачу прежде; такъ же точно онъ долженъ понимать ее и теперь. Я не буду ссылаться въ подтвержденіе своей мысли на то отдаленное время, когда богословіе было царицей наукъ, когда не только философія, но и самая юриспруденція имѣли по преимуществу богословскій характеръ — вы можете сказать, что то были времена средневѣковаго мрака, — а ограничусь фактомъ, характеризующимъ современное положеніе университетовъ запада. При всемъ различіи возрѣній и направленій, доходящихъ подчасъ до явновраждебныхъ церкви, они все таки сохраняютъ къ своимъ церквамъ должныя отношенія, и дорожатъ названіемъ или католическаго или протестантскаго. Если въ такихъ отношеніяхъ стоятъ къ своимъ церквамъ университеты запада, то почему-же

нашимъ университетамъ не стоять въ такомъ-же отношеніи къ ней церкви, почему и нашимъ не характеризоваться именованіемъ православною? Не подумайте, чтобы подобная характеристика гла обуславливалась дѣятельностію одного только богословскаго факультета; нѣтъ, она можетъ служить выраженіемъ всего университета, во всѣхъ его частяхъ. Это—по той простой причинѣ, что истина религіозная, какъ коренящаяся въ глубинѣхъ човѣческаго духа, соприкасается съ каждымъ его проявленіемъ, вѣдательно каждая наука, къ какой-бы области знанія ни носилась, всегда, такъ или иначе, прямо или косвенно, но премѣнно вводитъ ее въ кругъ своихъ изслѣдованій. Ясно казательство тому представляютъ науки естественныя. Несмотря на то, что предметъ этихъ наукъ гораздо отдаленнѣе всѣхъ другихъ научныхъ предметовъ, однако-же и онъ тѣсно соприкасается съ такими религіозными предметами, какъ: Богъ, міръ, душа, мірозданіе, міроуправленіе и т. п. Отвѣчать на вопросы, возбуждаемые этими предметами, естественная наука одна, безъ дѣйствія другихъ наукъ, особенно безъ содѣйствія богословія, не можетъ; всѣ ея рѣшенія были-бы, въ такомъ случаѣ, поспѣшны, односторонни, что дѣйствительно и видимъ на всѣхъ новейшихъ антирелигіозныхъ теоріяхъ. Мы не знаемъ всѣхъ причинъ этого печальнаго явленія, но что отчужденность отъ богословія играетъ при этомъ не послѣднюю роль, — этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ выше поднимаемся мы по ступенямъ мірозданія, чѣмъ ближе подходимъ къ той сферѣ, гдѣ является дѣйствующимъ существо разумное, тѣмъ ощутительнѣе является присутствіе божественной силы, а отсюда и отношеніе наукъ къ богословію становится тѣмъ замѣтнѣе. Первое мѣсто занимаютъ въ этомъ случаѣ науки историческія. Что составляетъ главное содержаніе сохранившихся до насъ литературныхъ памятниковъ древняго міра? Его религія. Ею начинается не только исторія того народа, которому вручены были тайны откровенія, но исторія всѣхъ появившихся на міровой сценѣ народовъ. Будь какою-бы формою она ни являлась, она всегда проникала въ существо човѣка и служила зерномъ для дальнѣйшаго

развѣтія въ умственномъ, нравственномъ и даже политическомъ отношеніи. Слѣдовательно, не уясни себѣ историкъ этого дѣла, и весь этотъ исчезнувшій міръ, съ его задумчивыми дѣлами, желаніями и чувствованіями, для него останется выскочившей загадкою. А что сказать о томъ великомъ переворотѣ, котораго произвела въ умахъ и сердцахъ религія христіанская? Вы безъизвѣстно, что не только основныя истины христіанства, но самыя вѣроисповѣдныя различія не прошли безслѣдно на судъ народовъ. Возьмите православный востокъ, римокатолическій западъ, и вы увидите, что каждое изъ этихъ вѣроисповѣданій своеобразно вліяло на судьбу призвавшихъ ихъ націй. Слѣдовательно, что-же какъ не богословіе съ его изслѣдованіями по части источниковъ вѣроученія, но и исторія даетъ ключъ къ уразумѣнію всего этого историческаго матеріала? Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ уясненія религіозной стороны фактовъ вамъ всегда придется стоять совершенно самостоятельной почвѣ. Каждый историкъ, труд котораго вы будете пользоваться, всегда будетъ стоять въ вліяніи тѣхъ или иныхъ религіозныхъ воззрѣній: въ одномъ увидите теиста, въ другомъ — натуралиста, въ третьемъ — агностика, въ четвертомъ — протестанта. Перейдемъ къ научнымъ дисциплинамъ. Объектъ этихъ наукъ есть человѣкъ, съ его нравственными строемъ, съ его добрыми и порочными проявленіями съ его отношеніями къ обществу и государству. Кто-же лучше раскроетъ намъ тайну человѣческаго сердца, какъ не Скардверъдець? Кто лучше выяснитъ корень зла и укажетъ средства къ врачеванію его, какъ не Тотъ, Который и указалъ намъ землю для этой цѣли? Гдѣ найдемъ нынѣшніе лучшія начала устройства нашей семейной, общественной и государственной жизни, какъ не въ чистомъ источникѣ — словѣ Божіемъ? Гдѣ, не въ недрахъ церкви, зародились, развились и сложились нынѣшніе начала современнаго государственнаго права? Слѣдовательно, для этихъ наукъ богословіе также необходимо, какъ и для предъидущихъ.

Время университетскаго образованія не есть время един-

альныхъ занятій; это есть время, когда вырабатывается весь
онный и нравственный складъ человѣка, когда слагается
тотъ опредѣленный взглядъ на вещи, какой мы при-
и называть убѣжденіями. Какъ слагающіяся изъ всего, съ
только соприкасается молодая воспримчивая натура, онѣ
аются въ еще большемъ содѣйствіи со стороны богословія,
самыя спеціальныя знанія. При этихъ послѣднихъ чело-
гарантированъ по крайней мѣрѣ отъ наивѣренной лжи, отъ
реннаго обмана, тамъ-же не безопасенъ онъ и отъ этого.
удучи въ состояніи повѣрить всего, о чемъ хлопчутъ его
ные просвѣтителы, онъ долженъ многое принимать на-вѣру,
овательно, всякое анти-религіозное ученіе, проводимое путемъ
ихъ популярныхъ изданій, легко можетъ сдѣлаться, даже
ѣтно для него самого, его собственнымъ убѣжденіемъ. Осо-
силна опасность со стороны появляющихся на западѣ по-
онныхъ произведеній по богословію. Въ этомъ случаѣ вы
ге быть жертвою какаго угодно обмана: научное изслѣдо-
св. писанія вамъ неизвѣстно, твореній отеческихъ — тѣмъ
; слѣдовательно, стоитъ только одно свидѣтельство опу-
, другое выставить или искусно сопоставить, написать
, бойко, увлекательно и — успѣхъ несомнѣненъ. Чѣмъ объ-
ь, напимѣрѣ, что сочиненія Ренана, несмотря на безно-
ую критику, все таки держатся въ нашемъ обществѣ? Оче-
тѣмъ, что для провѣрокъ нѣтъ достаточнаго знанія, а
справокъ нѣтъ желанія. Что-же выходитъ? Люди, вообра-
діе себя отрѣшившимися отъ авторитетовъ вѣры, оказы-
я легковѣрнѣе самыхъ дѣтей: авторитету церкви, прини-
ому вѣками, вѣры нѣтъ, а авторитету француза, открыто
еннаго въ подлогѣ и обманѣ, полное и безграничное до-
. Развѣ возможно подобное отношеніе къ истинѣ для че-
за образованнаго? Развѣ возможно произносить утвержденіе
отрицаніе, пока не найдено къ тому достаточныхъ основаній?
устраненія этого-то, истинно недостойнаго людей мыслящихъ
кенія, и нужно образованіе богословское. Положимъ, увле-
и здѣсь возможно, но это увлеченіе будетъ не опасно. Какъ

скоро человекъ расположенъ узнать истину, онъ всегда найдетъ ее. Иное дѣло, если невѣріе соединяется съ равнодушіемъ: тогда, закрывшись разъ въ душу, оно останется въ ней навсегда, и развѣ только такое нибудь жизненное обстоятельство заставить вразумиться и провѣрить воспринятое.

Обратимъ наконецъ вниманіе на вопросы, занимающіе современное общество: всѣ они почти имѣютъ религіозный характеръ. Съ тѣхъ поръ какъ римскій соборъ провозгласилъ новый догматъ о непрогрѣшимости папы, посмотрите, въ какое движеніе пришелъ весь западъ! Оппозиція, высказавшаяся на самомъ соборѣ, проникаетъ теперь всюду, до самой деревенской хижины. Небольшая кучка богослововъ, собравшаяся вокругъ Делингера и рѣшившаяся заявить протестъ свой рѣшительнѣе, разрослась до громаднхъ размѣровъ. Представители этого общества, называющаго себя старокатолическимъ, не довольствуются простымъ отрицаніемъ новаго догмата, но готовятъ нѣчто болѣе положительное; они ревностно изучаютъ догматы и обряды иныхъ исповѣданій и ведутъ дѣятельныя сношенія съ представителями послѣднихъ. Наша православная церковь, какъ сохранившая во всей чистотѣ и неприкосновенности все переданное Христомъ и апостолами, по преимуществу, пользуется ихъ сочувствіемъ. На послѣднемъ конгрессѣ, бывшемъ въ Констанцѣ, для сношенія съ нею учреждена была особая коммиссія. Наряду съ борьбой внутри церкви латинской идетъ ожесточенная борьба между церковію и государствомъ, въ которой принимаютъ участіе почти всѣ ученые запада. Театромъ ея служатъ: Германія, Австрія, Швейцарія, Франція, Италія и даже Англія. Предметомъ борьбы служатъ вопросы, касающіеся самыхъ существенныхъ сторонъ жизни христіанской, это: бракъ, школа, отношеніе духовенства къ государству. Борьба ведется не только книжно, но даже на публичной аренѣ, въ палатахъ представителей народа. Положеніе церкви протестантской — не многимъ лучше. Кромѣ вопросовъ объ отношеніи церкви къ государству, здѣсь также есть не менѣе интересная борьба между разными направленіями, но какъ борьбой этой занимается наше общество мало, то не

жу въ характеристикѣ церкви восточной. Здѣсь идетъ льная борьба между двумя православными націями: греками олгарами, разразившаяся отлученіемъ послѣднихъ отъ цер-аго союза съ первыми. Хотя предметы разногласія и не вопросы догматическіе, но какъ раздѣленіе это противно и характеру церкви единой, то равнодушными зрителями б оставаться нельзя. Нашъ долгъ, по мѣрѣ силъ и возмож-и, содѣйствовать ихъ примиренію, а это возможно только основательномъ знакомствѣ съ ученіемъ православнымъ во-е и исторіей каждой церкви особенно. Подобная-же, только б такихъ раздѣлахъ, борьба идетъ между православными въ грин, а именно: между румунами и сербами въ Венгрии и ду румунами и русскими въ Буковинѣ. Нельзя сказать, бы и мы, русскіе, вполне свободны были отъ церковныхъ во-ювъ. Едва кончился вопросъ о преобразованіи духовно-ныхъ заведеній, какъ начался вопросъ о преобразованіи производства въ духовенствѣ; вопросъ — чрезвычайно важный, отому требующій всесторонняго обсужденія. Обо всѣхъ упо-тыхъ нами вопросахъ живо диспутируется и въ литературѣ б обществѣ. Какъ-же при такомъ повсемѣстномъ возбужденіи піозной мысли оставаться равнодушнымъ къ изученію бого-скихъ предметовъ! Какъ закрывать глаза на такое великое еніе, какое совершается теперь на западѣ! И если сами транцы не находятъ лучшаго для себя исхода среди сом-И и разногласій, какъ въ возвращеніи къ древнему право-ію, если для нихъ даже оно стало предметомъ изученія, то б-ли не цѣнить его, намъ-ли не изучать его, намъ-ли не сть въ немъ жизненной опоры для себя?

4) *Университетъ и богословская кафедра.*

Судя по тому, что университеты наши устраивались по об-у западныхъ, можно было бы ожидать, что и преподаваніе словія будетъ имѣть тотъ же видъ, т. е. что богословіе сть принято въ составъ наукъ университетскихъ и что для б будетъ также существовать особый факультетъ. Ничего

подобнаго, однако, не случилось. Мысль о факультетѣ, и сообщенъ недавно Вѣстникъ Евронъ¹⁾, дѣйствительно была выработанъ былъ и проектъ факультета, были пригласены даже и преподаватели для него, а осуществиться факультетъ все таки было не суждено. Упомянутый журналъ объясняетъ это тѣмъ, что Великая Преобразовательница отвѣчала на другіи дѣлами, но объясненіе это едвали справедливо. Изъ сужденія дѣлами не могло имѣть другаго послѣдствія, кромѣ срочки исполненія, между тѣмъ, мы видимъ, что и вѣдущіи Преобразовательницы дѣйствовали въ томъ же духѣ; значитъ они руководились при этомъ какою-то особенною мыслию. Была это за мысль и какими побужденіями она усложнена, предоставимъ доискиваться о томъ историкамъ, а для насъ важно только фактъ, что мы пользуемся такими средствами богословскому образованію, какихъ въ Евронѣ нигдѣ не имѣемъ. У насъ нѣтъ той наглядной близости богословнаго университету, какую даетъ существованіе факультета, за неимѣніемъ близости внутренней, какаѣ при факультетѣ никогда не бываетъ. Она заявляетъ себя здѣсь не единствомъ кровли, не стужею и теплотою сношеніями, а самымъ дѣломъ. Юристъ сближается съ богословіемъ черезъ спеціальное изученіе каноническаго права, историкъ — черезъ спеціальное изученіе церковной исторіи, а вообще черезъ науку, составляющую сердце богословскихъ наукъ: богословіе догматическое и богословіе нравственное. Несмотря на очевидныя преимущества такого порядка въ преподаваніи, существуетъ однако мнѣніе, по которому желательно, чтобы и у насъ въ этомъ отношеніи мы шли по образцамъ запада, чтобы и у насъ въ нашихъ университетахъ находились такіе же богословскіе факультеты, какіе находятся при университетахъ западныхъ. Но какъ мнѣніе это не безъ вреда можетъ оставаться для насъ нашего преподаванія, то мы намѣрены обратить на него свое вниманіе. Будь соединено желаніе факультета съ охраненіемъ самостоятельности академій духовныхъ, оно было бы еще и полезно: тогда хотя и былъ бы ущербъ для образованія общаго

¹⁾ Ноябрь 1873 года.

овскаго, за то выигрывало бы образованіе спеціальное, потому что вмѣсто одного спеціальнаго заведенія было-бы два; но когда ворять о замѣнѣ академій факультетами, тогда желаніе ставится мало понятнымъ, тогда помимо общаго страдаетъ и мое спеціальное образованіе: общее, какъ въ предъидущемъ, къ и въ этомъ случаѣ — потому, что для учащагося въ университетѣ не остается никакихъ иныхъ средствъ къ ознакомленію богословіемъ, какъ только или урывочныя заглядыванія на дѣе выдающіяся лекціи, или же товарищескія сношенія; спеціальное — потому, что такихъ удобствъ, какими пользуется оно академіяхъ, какъ отдѣльныхъ заведеній, имѣть въ университетахъ оно не можетъ. Положимъ, что посѣщеніе нѣкоторыхъ лекцій могло бы быть узаконено и даже въ обязанность введено, но все таки замѣнить лекціи, исключительно приспособленныя для извѣстныхъ слушателей, онѣ были бы не въ сомыніи. Хотя предметъ лекцій и оставался бы одинъ и тотъ же, но раскрытіе и уясненіе его было бы неодинаково. При сціяхъ факультетскихъ всегда имѣлась бы въ виду — съ одной стороны достаточная богословская подготовка въ слушателяхъ, другой — назначеніе ихъ быть пастырями церкви, слѣдовательно одно предполагалось бы въ нихъ извѣстнымъ, а другое открывалось бы примѣнительно къ пастырскимъ обязанностямъ. Возьмемъ для примѣра преподаваніе такой науки, которая по преимуществу имѣетъ право на всеобщность преподаванія. Наука есть богословіе догматическое. Что приходилось бы дѣлать преподавателю ея, когда въ аудиторіи появились бы спеціалисты и неспеціалисты? Для однихъ, какъ незнакомыхъ ни съ чѣмъ кромѣ ихъ изиса, онъ долженъ бы при объясненіи каждой истины вдаваться въ экзегетическое и историческое раскрытіе, а для другихъ, какъ шающихъ совместно и исторію и объясненіе текста, это было повтореніемъ, отвлекающимъ отъ болѣе спеціальнаго уясненія той истины; для однихъ, какъ твердыхъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ долженъ былъ бы держаться по преимуществу положительнаго раскрытія истинъ, между тѣмъ для другихъ, какъ для встрѣчающихся съ разными возраженіями — апологетическаго.

Результатомъ всего этого было бы то, что преподаваніе хромало бы то на ту, то на другую сторону и въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяло бы ни той, ни другой. И такъ, если признано, что наука богословская должна имѣть общеобразовательное значеніе, то факультетъ, какъ удовлетворяющій только спеціальнымъ потребностямъ, достаточнымъ для такой цѣли быть не можетъ. Очень возможно, что нѣсколькими богословами появилось бы болѣе, но взамѣнъ этого исчезли бы въ образованной публикѣ и тѣ немногія богословскія познанія, какія выносятся теперь изъ университета. Ясное доказательство тому видимъ во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуютъ такіе факультеты. Чѣмъ, напримѣръ, какъ не недостаточностію въ общеподготовительномъ образованіи можно объяснить факты, указываемые современнымъ ученымъ запада Местралемъ въ его сочиненіи «характеристика христіанской церкви въ XIX вѣкѣ»¹⁾. «Незнаніе и предразсудки, говоритъ онъ, занимаютъ не послѣднее мѣсто между причинами печальныхъ раздѣленій въ христіанствѣ. Католики въ большинствѣ случаевъ ничего не знаютъ протестантовъ и едва считаютъ ихъ за христіанъ; протестанты, въ свою очередь, имѣютъ ложное понятіе о католикахъ. Тѣ и другіе почти ничего не знаютъ объ ихъ братьяхъ христіанахъ восточныхъ, которые составляютъ однако почти четвертую часть всего христіанства.» Эта недостаточность факультетскаго образованія начинается и самими университетами. При нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ то: лейпцигскомъ, вюрцбургскомъ, бонскомъ, и фрейбургскомъ, учреждаются богословскія чтенія для всѣхъ факультетовъ. На ту же недостаточность университетскаго общеподготовительнаго образованія указываютъ появляющіяся съ 30-хъ годовъ богословскія чтенія для образованной публики вообще. Такимъ образомъ, каедрa наша не есть явленіе ненормальное, какъ думаютъ нѣкоторые, а плодъ глубокаго пониманія научныхъ потребностей. При ея существованіи не страдаетъ ни спеціальное богословское образованіе, ни общее. Для ищущихъ перваго у насъ есть, во-первыхъ, двѣ каедры при самыхъ университетахъ,

¹⁾ Tableau chretienne au dix-neuvieme siècle.

во-вторыхъ, духовныя академіи, которыя могутъ стать наравнѣ съ каждымъ факультетомъ; для тѣхъ же, которые посвятили себя спеціальному изученію другихъ наукъ, существуетъ кафедре, гдѣ они могутъ спеціально ознакомиться и съ источниками вѣроученія и съ самыми истинами вѣры и нравственности и съ полнымъ разборомъ всѣхъ недоумѣній, какія могутъ встрѣтиться въ ихъ занятіяхъ. Поставленная вѣ связи съ другими факультетами, она даетъ возможность занимающему ее не ограничиваться однѣми научными потребностями, но проникать въ потребности религіозной жизни вообще. Указавъ на такое назначеніе богословской кафедры въ университетѣ, мы выразили тѣмъ нашу общую задачу, какой намѣрены держаться съ Божьею помощію.

5) *Методъ богословскаго преподаванія.*

Нельзя не сознаться, что вопросъ о методѣ принадлежитъ къ числу не особенно легкихъ. Это отнюдь не потому, чтобы наука наша не имѣла у себя какого либо выработаннаго метода, а потому, что условія, въ которыя поставлены мы, слишкомъ исключительны. Обширность задачи и высокая важность ея требуютъ разсмотрѣнія предметовъ болѣе или менѣе всесторонняго, между тѣмъ краткость отведеннаго времени заставляетъ ограничиваться самымъ необходимымъ; назначеніе мѣста, какъ мѣста спеціального образованія, требуетъ отношенія къ дѣлу спеціального, строго научнаго, между тѣмъ недостатокъ подготовки въ слушателяхъ и необходимость удовлетворять многостороннимъ потребностямъ заставляютъ избѣгать всего, что могло-бы утомлять своимъ однообразіемъ, своею слишкомъ спеціальною постановкою. Вслѣдствіе такой исключительности, преподаваніе богословія не можетъ совершаться въ томъ видѣ, какъ совершается въ заведеніяхъ духовныхъ. Особенно это нужно сказать о наукѣ догматическаго и нравственнаго богословія, которыя должны составлять главный предметъ нашихъ занятій. Науки эти не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, вѣ связи съ другими богословскими науками; при нихъ необходимо основательное знакомство, во-первыхъ, съ источниками вѣроученія: св. писаніемъ

и св. преданіемъ , во-вторыхъ , со всѣми вспомогательными науками. Въ заведеніяхъ специально-духовныхъ такіа потребности могутъ быть удовлетворены, съ одной стороны, достаточной семинарской подготовкой, съ другой — совмѣстнымъ преподаваніемъ всѣхъ указанныхъ наукъ; между тѣмъ, въ университетѣ удовлетворенія такимъ потребностямъ быть не можетъ. Гимназическая подготовка ограничивается изученіемъ только главнаго и существеннаго, а другія, существующія въ университетѣ, богословскія кафедръ, съ одной стороны, ограничиваются только двумя предметами: исторіей церкви и каноническимъ правомъ, съ другой — имѣютъ отношеніе только къ слушателямъ или историческаго или юридическаго факультета. И такъ, намъ нуженъ такой методъ, который давалъ-бы возможность ознакомить нашихъ слушателей и съ источниками вѣроученія и съ самыми истинами вѣры и со всѣмъ, что соприкасается съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Нужда въ такомъ методѣ сознается всѣми преподавателями богословія при нашихъ университетахъ. Каждый изъ нихъ вводитъ, для этой цѣли, въ кругъ преподаваній своихъ особую науку, при помощи которой старается удовлетворить указаннымъ потребностямъ. Такой наукой для однихъ служитъ библіологія, или наука о св. писаніи, для другихъ апологетика. Какъ ни высоко ставимъ мы значеніе указанныхъ наукъ для университета, но удовлетворить университетскимъ потребностямъ, при помощи той или другой въ отдѣльности, считаемъ крайне неудобнымъ. Мы считаемъ неудобнымъ при помощи одной библіологіи, потому что, при невозможности раздѣлять библіологію и догматику по двумъ смѣняющимся курсамъ, мы должны-бы были или прочитывать библіологію и догматику въ одинъ годъ, что невозможно, или-же заставлять слушать одинъ изъ курсовъ догматику прежде библіологіи, что еще хуже. Мы не считаемъ удобною и апологетику одну, потому что апологетика предполагаетъ основательное знакомство съ положительнымъ ученіемъ, а такого знакомства въ большинствѣ университетскихъ слушателей нѣтъ. Такимъ образомъ, намъ приходится изыскивать, для удовлетворенія университетскихъ потребностей, иной способъ, чѣмъ

занные. Въ этомъ случаѣ мы можемъ воспользоваться прензвѣннѣйшимъ совѣтомъ нашего знаменитаго догматиста преосв. варія. Говоря о сравнительномъ достоинствѣ методовъ, онъ знаетъ, что для однихъ, именно для людей хорошо подготовленныхъ, какъ напримѣръ воспитанники духовные, гораздо шше методъ систематическій, а для другихъ, не владѣющихъ сою специальною подготовкою, предпочитаетъ методъ библейско-исторической, какъ одинаково полезный для всѣхъ ¹⁾. Этимъ одинаково полезнымъ для всѣхъ, методомъ мы намѣрены пользоваться для нашего преподаванія.

Библейскій методъ отличается отъ систематическаго очень многимъ. Истины вѣры и нравственности излагаются здѣсь не въ известной системѣ, только система эта прилагается не во всѣмъ священнымъ книгамъ за одинъ разъ, а или въ каждой книгѣ въ отдѣльности, или только въ известной группѣ книгъ, пр. пятокнижію, четвероевангелію и т. п. Преимущества этого года для университета состоятъ въ слѣдующемъ: 1) онъ не свитъ преподавателя въ необходимость ни читать въ одинъ цъ двѣ такія обширныя науки, какъ библіологія и догматика, начинать ознакомленіе съ догматикой прежде ознакомленія ея источниками: св. писаніемъ и св. преданіемъ, но даетъ возможность, несмотря на смѣняющіеся курсы, заниматься изученіемъ догматовъ вѣры непрерывно, въ теченіи положенныхъ цъ двухъ лѣтъ. Это потому, что наука наша раздѣлена здѣсь нѣсколько системъ и какъ каждая система представляетъ цль законченный кругъ истинъ, то какой-бы системой не залъ кто свои занятія, проигрывать отъ этого не можетъ. обенно ничего не могутъ проиграть тѣ, которые будутъ на- нать или ветхимъ или новымъ завѣтомъ: изучившій прежде зый, яснѣе убѣдится въ истинности и высокомъ значеніи вет- го и, наоборотъ, изучившій прежде ветхій ощутительнѣе со- ететъ нужду въ новомъ. 2) Ознакомленію съ истинами вѣры нравственности сопутствуетъ ознакомленіе съ главнымъ ея очникомъ: св. писаніемъ, чрезъ что изучаемыя истины вѣры

¹⁾ Введ. въ богосл. Мак. стр. 346.

и нравственности теряют характеръ отвлеченности и приобретаютъ живое дѣйственное значеніе. 3) Ни по отношенію къ полнотѣ, ни по отношенію къ ясности, изложеніе по такому методу уступать систематическому не можетъ: оно не можетъ уступать по отношенію къ полнотѣ, потому что всякая отдѣльная истина будетъ уяснена здѣсь каждой св. книгой въ отдѣльности. Что касается возраженія, будто такой методъ слишкомъ подробенъ и что едва-ли у преподавателя найдется время выполнить по нему, то, имѣя въ виду двухъ-годичное чтеніе, по которому въ одинъ годъ будетъ читаться ветхій завѣтъ, въ другой — новый завѣтъ, особенныхъ затрудненій мы не видимъ. Оно не можетъ уступить по отношенію къ ясности, потому что при немъ хотя и нѣтъ такого цѣлостнаго взгляда на истину, какой даетъ догматика, но какъ цѣлостный взглядъ дается даже катихизисомъ, то разсмотрѣніе cadaго догматическаго мѣста въ отдѣльности, изученіе догматическаго воззрѣнія cadaго св. писателя, можетъ служить только къ большому уясненію этого взгляда и къ облегченію пониманія многихъ догматическихъ мѣстъ, которыя при систематическомъ методѣ кажутся неудобопонятными. 4) Съ особымъ успѣхомъ можетъ быть достигаема при такомъ методѣ цѣль апологетическая. Положительное невѣріе, называемое матеріализмомъ, далеко не такъ распространено въ обществѣ, какъ та раціоналистическая полувѣра, которая, не отвергая христіанство въ самомъ принципѣ, кроитъ его по своей мѣркѣ. Такъ какъ въ орудіе такой полувѣры избирается обыкновенно само св. писаніе, при чемъ неподходящее къ воззрѣнію устраняется, какъ неподлинное, подходящее выставляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ дѣйствительный, а среднее между тѣмъ и другимъ истолковывается въ пользу предвзятаго мнѣнія, то для противодѣйствія такой полувѣрѣ не можетъ быть лучшаго орудія, какъ то самое, какое употребляется въ дѣло противниками. Какъ скоро и подлинность и важность и достоинство св. писанія будутъ показаны, какъ скоро уяснено, что ученіе Іис. Христа и апостоловъ — одно и то же, что и отцы церкви ничего не прибавили къ нему и ничего не отняли, что и ученіе, опредѣ-

нное на соборахъ, есть тоже самое, что Христово и апостоль-
ое,—то всё воззрѣнія о развитіи христіанскаго ученія, о иска-
ніи его опровергнутся чрезъ это сами собой. 5) Помимо цѣли
ологетической, съ полнымъ успѣхомъ могутъ достигнуться при
омъ и всё другія научныя богословскія цѣли. Основа всёхъ
гословскихъ наукъ есть св. писаніе и св. преданіе. Мы не
ѣмъ полагать въ основу нашего зданія иного камня, паче
жащаго, еже есть Христось (1 Кор. 3); значить, если мы
демъ подробно и основательно изучать слово Божіе и отече-
ія творенія, если каждая свящ. книга будетъ изслѣдована от-
льно, то намъ откроется величественная въ своей скромности
простотѣ картина и первоначальнаго богослуженія и первоначальнаго
уравленія и та, исполненная Духа Божія, жизнь перво-
тнаго христіанскаго общества. Такая близость къ первообразу
го можетъ предохранить насъ отъ той холодности, отъ того
внодушія, съ какими относимся мы часто къ высокому нашему
истіанскому званію. Что это не иллюзія, а вполне возможный
къ, на то имѣемъ мы указанія въ недавнемъ опытѣ нашей
ской жизни. Чему, главнымъ образомъ, обязаны мы пробуж-
піемъ въ насъ національнаго духа, уваженіемъ ко всему род-
му, отечественному, какъ не изученію памятниковъ древности,
къ не воспроизведенію наукой и искусствомъ добрыхъ сторонъ
зни нашихъ предковъ? Не тоже-ли самое можетъ быть и
всь, какъ скоро мы станемъ лицомъ къ лицу съ величествен-
ю картиною первобытнаго христіанскаго общества? 6) Методъ
блейскій есть такой методъ, который вполне гармонируетъ съ
временнымъ настроеніемъ общества. Отличительною чертою
ого настроенія есть стремленіе къ наглядности, осязательности.
лѣдствіе такого стремленія все, что только желаетъ привлечь
себѣ вниманіе общества, облекается въ форму наглядную,
ая бываетъ по преимуществу историческая. Почему и намъ
воспользоваться такимъ настроеніемъ общества? Почему и
къ не придать нашей наукѣ ту-же наглядность, какую имѣ-
тъ другія науки? Пусть каждый видитъ, что не искусственной
темой держатся наши великія христіанскія истины, а своею

внутренней высотой и чистотой. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ прекрасный совѣтъ другого нашего догматиста, преосв. Филарета. «Важность слова Божія, говоритъ онъ, требуетъ, чтобы само слово Божіе было первымъ предметомъ вниманія нашего и смыслъ его изучаемъ былъ основательно, а характеръ откровенной догматики требуетъ, чтобы догматистъ былъ ученикомъ слова Божія, а не принималъ на себя дидактическаго тона по отношенію къ слову Божію. Когда же догматы опредѣляются для насъ не самимъ словомъ Божіемъ или, что тоже, не объясненіемъ писанія писаніемъ, а произволомъ логическаго разсудка, ученіе объ откровенныхъ истинахъ болѣе или менѣе теряетъ характеръ откровеннаго ученія.»

Избирая такой методъ, мы далеко не являемся одиночками въ предпринимаемомъ на себя трудѣ. Изъясненіе догматическаго смысла писанія издавна было любимымъ занятіемъ свв. отцовъ и учителей церкви. Въ оставленныхъ ими обширныхъ комментаріяхъ, почти на всѣ свв. книги можно всегда найти богатѣйшій матеріалъ для уясненія догматическаго ученія каждаго святаго писателя. Есть нѣсколько даже такихъ твореній, гдѣ изъясненіе имѣетъ видъ нѣкоторой системы. Таковы творенія: св. Клиріана «De Testimoniis», гдѣ онъ подробно раскрываетъ отношеніе ветхаго завіта къ новому, епископа африканскаго Юнлія (VI) «De partibus legis», гдѣ излагаются доказательства, заимствованныя изъ св. писанія для ученія о Богѣ Отцѣ и Сынѣ Божіемъ, Евсевія «Προπαρασκευῆ Εδαγγλικῆ и Εδαγγελικῆ ἀποδείξις» изъ коихъ въ первомъ онъ излагаетъ отношеніе язычества къ іудейству, а во второмъ — отношеніе ветхаго завіта къ новому.

Если мы отъ твореній отеческихъ перейдемъ къ богословской литературѣ запада, то увидимъ, что методъ библейскій издавна былъ тамъ самымъ любимымъ методомъ, и что тамъ образовалась даже особая наука извѣстная то подъ именемъ библейскаго богословія, то ветхозавѣтной и новозавѣтной догматики, то — или исторіи догматовъ, или исторіи христіанскаго ученія. Правда, первое появленіе такихъ сочиненій мы встрѣ-

часть у такъ называемыхъ рационалистовъ; но какъ и ереси, по слову апостола, должны быть среди насъ, чтобы являлись чрезъ это искуснѣйшіе, то это обстоятельство послужило только къ тому, что наряду съ такими библейскими богословіями, какъ богословіе Бауера ¹⁾, Кольна ²⁾, Ноака ³⁾ и Баура ⁴⁾, появилось много другихъ, которыя, отличаясь не меньшею ученостію ихъ авторовъ, были пронизаны однако другимъ направленіемъ. Впрочемъ и здѣсь есть своя градація: есть между ними такъ называемые супранатуралисты, какъ наприимѣръ: Шторъ ⁵⁾, Захарія ⁶⁾ и др., которые хотя и защищаютъ авторитетъ библіи, но въ частныхъ воззрѣніяхъ отъ рационалистовъ мало разнятся; есть умѣренные рационалисты, какъ наприимѣръ: Баумгартенъ-Крузіусъ (*Grundzüge der Bibl. Theologie. Jena 1828*), Вейссъ (*Lehrbuch der Bibl. Theologie des N. T. Berlin, 1868*); есть — и это большинство — такъ называемые, протестантскіе ортодоксалы, какъ наприимѣръ: Неандеръ ⁷⁾, Бекъ ⁸⁾, Шмидтъ ⁹⁾, Гофманъ ¹⁰⁾, Канисъ ¹¹⁾ Ганъ ¹²⁾, и Остерзее ¹³⁾, которые принесли богословской литературѣ своими трудами громадную пользу. Но и въ нихъ есть свои недостатки для насъ, къ которымъ относятся: то вѣроисповѣдныя взгляды на догматы, то любимая, отъ времени до времени проглядывающая мысль о развитіи христіанскаго ученія. Есть богословы-римокатолики,

¹⁾ Lorenz Bauer—*Biblische Theologie des N. T. 1800.*

²⁾ Dan. von Kolln—*Biblische Theologie. Leipz. 1836.*

³⁾ Noack—*Biblische Theologie. Einleitung in's A. und N. T. Halle, 1853.*

⁴⁾ Baur. *Vorlesungen über Neutestamentische Theologie. L. 1864.*

⁵⁾ *Doctrinae Christianae ex solis sacris libris repetitiae; pars theoretica. Stut. 1803 Storr.*

⁶⁾ Zachariae. *Biblische Theologie, oder Untersuchungen d. Bibl. Grundes der vornehmsten Theol. Lehren. Tübing. 1780.*

⁷⁾ Neander—*Geschichte, Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Aposteln. Hamb. 1847.*

⁸⁾ Beck—*Lehrwissenschaft nach den Bibl. Urkunden. Stuttg. 1841.*

⁹⁾ Schmidt.—*Biblische Theologie d. N. T. Stuttg. 1853.*

¹⁰⁾ Hoffmann—*Schriftbeweis Nordl. 1857—60.*

¹¹⁾ Kahnis—*Die Lutherische Dogmatik, Leipz. 1861.*

¹²⁾ Hahn—*Die Theologie d. N. T. Leipz. 1854.*

¹³⁾ Oestersee. *Die Theologie d. N. T. Ein Handbuch für akademische Vorlesungen und zum Selbststudium. Barmen 1869.*

какъ то: Блее ¹⁾, Шване ²⁾, Люттербекъ ³⁾, Ваде ⁴⁾, Лянгенъ ⁵⁾, которые, не освобождая мысль свою отъ преданій церкви вселенской, какъ протестанты, стоятъ къ намъ всего ближе. Трудами всѣхъ этихъ, равно и другихъ германскихъ ученыхъ, которые, по браткости очерка, непоименованы здѣсь, мы можемъ пользоваться съ полнымъ успѣхомъ, разумѣется, подъ условіемъ строгой провѣрки, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, съ ученіемъ православной вселенской церкви.

Нельзя сказать, чтобы и русская богословская литература была совершенно бѣдна сочиненіями подобнаго рода; въ ней нѣтъ только сочиненій систематическихъ, но подготовительныхъ трудовъ чрезвычайно много. Прежде всего, мы должны здѣсь упомянуть о толкованіяхъ на болѣе замѣчательныя мѣста изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, появлявшіяся издавна въ нашихъ духовныхъ журналахъ иногда прямо въ формѣ толкованій, иногда въ формѣ проповѣдей. Таковы проповѣди покойныхъ преосв. Филарета и Иннокентія; таковы проповѣди преосв. Евсевія на воскресные и праздничные дни; есть толкованія на цѣлыя книги, таковы: толкованія Голубева на книги пророковъ и посланіе къ коринтянамъ; затѣмъ: записки на книгу бытія преосвящ. Филарета московскаго; ученіе св. Іоанна о Словѣ, преосв. Филарета черниговскаго (1869 г.); ученіе книгъ ветхаго и новаго завѣта о св. Троицѣ (Кіевъ, 1862 г.); сводъ текстовъ св. писанія о покаяніи, Литвинова (1859 г. Спб.); статьи объ апостолѣ Павлѣ, арх. Θεодора; о евангеліяхъ и евангельской исторіи, арх. Михаила (Москва, 1865 г.); раскрытіе главнѣйшихъ догматическихъ истинъ въ писаніяхъ апостоловъ (Чт. въ М. О. Люб. дух. просв. 1869 г.); ученіе о лицѣ Іисуса Христа въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства (Прав. Соб. 1870 г.) И намъ долго

¹⁾ Die Dogmatik der kathol. Kirche.

²⁾ Dogmengeschichte der Patristischen Zeit. 1866

³⁾ Neutestamentliche Lehrbegriffe. Ein Handbuch für ältesten Dogmengeschichte. Mainz. 1852.

⁴⁾ Christologie der A. T. 1850.

⁵⁾ Das Judenthum in Palästina vor d. Zeit Christi. Freiburg. 1866.

АНАЛИЗЪ ПЛАТОНОВА ДІАЛОГА „ФЕДОНЪ“.

Представляя на судъ читателя анализъ и переводъ одного изъ величайшихъ произведеній Платона, считаю необходимымъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предметъ Федона и его художественное достоинство избавляютъ меня отъ труда говорить о цѣли моего перевода, равно какъ и о полезности каждой — хотя бы относительно весьма несовершенной — попытки объяснить великое произведеніе величайшаго поэта-мыслителя древней Греціи, и сдѣлать это произведеніе доступнымъ массѣ образованныхъ читателей, незнакомыхъ съ Платономъ въ подлинникѣ. Едва ли можно найти во всемірной литературѣ произведеніе, которое бы имѣло столько правъ на вниманіе каждаго мыслящаго человека; (по крайней мѣрѣ Федонъ не уступитъ въ этомъ отношеніи никакому другому.) Едва ли можно найти сколько-нибудь образованнаго читателя, который бы не имѣлъ хоть какого нибудь, хоть поверхностнаго понятія о Федонѣ. Чтобы признать Федона произведеніемъ великимъ изъ великихъ, довольно указать на то, что Платонъ первый въ человѣчествѣ высказалъ и облекъ въ форму научнаго анализа идею бессмертія души, — истину, которая составила впоследствии времени основной догматъ, краеугольный камень божественнаго ученія Божественнаго Основателя нашей вѣры, истину, подъ влияніемъ которой человѣчество новаго времени, возродившись къ новой жизни, стало на ту духовную и нрав-

ственную высоту, о которой не могъ даже мечтать древній міръ. Герой Федона — Сократъ, олицетворяющій собою типъ идеальнаго праведника для цѣлаго ряда поколѣній, и умирающій въ темницѣ невинно осужденнымъ за свою доброту и истину своего ученія! При такой безконечной глубинѣ идеи, лежащей въ основѣ Федона, равно какъ и въ личин личности его героя, удивительно ли, что онъ всегда обращалъ на себя вниманіе болѣе всѣхъ другихъ произведеній Платона, вызвалъ едва ли не цѣлыя сотни философскихъ и философскихъ трудовъ, ему посвященныхъ, явилъ въ многочисленныхъ переводахъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ, наконецъ, произвелъ подражанія, какъ и Федонъ Мендельсона! На русскій языкъ Федонъ Платона былъ переведенъ Карповымъ. Объ этомъ переводѣ я теперь поговорить съ моимъ читателемъ. Карповъ выдалъ свой переводъ Платона въ первый разъ въ двухъ томахъ. Первый томъ (Протагоръ, Эвтидемъ, Лахесъ) вышелъ въ 1841-мъ, а 2-й (Хармидъ, Эвтифронъ, Мегаполитія Сократа, Критонъ) въ 42-мъ году. Второе, исправленное изданіе, съ прибавленіемъ новыхъ діалоговъ вышло въ 1863 году, въ 4-хъ томахъ. С. П. Б. При недостаткѣ нашей тогдашней литературѣ ученой критики, (а къ критицизму это всегда относилось у насъ больше, нежели къ чему нибудь) переводъ Карпова, сколько мнѣ извѣстно, подвергался научной оцѣнкѣ со стороны своей вѣрности подлиннику. Сужденіе о немъ произнесла тогда же исключительно литературная критика, и высказанное ею по этому поводу мнѣніе утвердилось какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Изобиліе примѣчаній и довольно обширныя вѣдѣнія, предшествующія каждому діалогу, окончательно исполнили дѣло въ пользу Карпова, и до сихъ поръ еще услышите — даже иногда въ кругу людей, далеко не

ыхъ классическаго образованія, и знакомыхъ съ Платономъ въ подлинникѣ — отзывъ о переводѣ Карпова такого рода, то если онъ и представляетъ недостатки, то развѣ только о стороны языка, который всѣ единогласно признаютъ тяжелымъ. Какою громкою репутаціею пользуется у насъ переводъ Карпова, это лучше всего доказывается сужденіями, которыя высказывались о немъ въ печати. Авторъ философскаго лексикона», пользующійся справедливою и заслуженною извѣстностью въ русскомъ ученомъ мірѣ, гогоцкій отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ. «Переводъ разговоровъ Платона», говоритъ онъ, «съ приложеніемъ бѣсѣды къ нимъ введенія, и особыхъ вступительныхъ и заключительныхъ объясненій къ каждому порознь, есть трудъ въ полномъ смыслѣ слова капитальный, и могъ бы быть украшеніемъ литературы даже у любого изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы. (Филос. екс., профессора Гогоцкаго, т. 3-й, Кіевъ, 1866 года, тр. 112). Точно такой же отзывъ дѣлаетъ о нашемъ русскомъ Платонѣ и авторъ сочиненія: «*de politia Timaeo ritia*» Тхоржевскій. «*Apud Bossos*», говоритъ онъ, «*coerta iam poni platoniorum studiorum rudimenta Karpovii palmaria convergione (De pol. Tim. Crit. Kazani, 1847, ag. X)*. Отдавая полную справедливость нравственной сторонѣ труда Карпова, который очевидно не могъ руководиться въ подобномъ дѣлѣ другими побужденіями, кромѣ безорыстнаго стремленія усвоить русской литературѣ произведенія Платона, я, къ сожалѣнію моему, долженъ высказать нѣкое далеко не въ пользу самаго исполненія Карповымъ го задачи. Трудно найти другой переводъ, который бы включалъ въ себѣ большее количество ошибокъ, неточностей, обмолвокъ и недосмотровъ всякаго рода. Я не говорю уже о языкѣ и манерѣ выраженія переводчика: въ

этомъ отношеніи нашъ русскій Платонъ — какъ выражался Бѣлинскій о плохихъ сочиненіяхъ — «ниже критики». Но многія ошибки перевода до того поразительны, что передъ нами окончательно становисься въ тупикъ, и не знаешь, чѣмъ ихъ объяснять. Я указалъ на одинъ примѣръ такого рода ошибки въ 47-мъ примѣч. къ моему переводу. Укажу на другой. Это — переводъ ораическаго стиха: *ἄρδθηχοφόροι ἔν τε πολλοί, βράχοι δέ τε παῦροι* — (р. 69 С.) много людей, носящихъ тирсы (жезлы бахуса), но мало вдохновляемыхъ божествомъ (см. примѣч. къ моему перев. 75). *Βάχχος* = *Vaschi sacerdos et orgiogram minister* (L. A.) Смыслъ стиха ясенъ. Платонъ употребилъ обыкновенную у грековъ поговорку, разсуждая объ отношеніи, какое существуетъ между истинными и мнимыми философами. Но она, очевидно, имѣетъ общее значеніе, и можетъ быть приведена въ тысячѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Той же самой поговоркой могъ бы воспользоваться Платонъ, говоря напр. объ истинныхъ и мнимыхъ поэтахъ, объ истинныхъ и мнимыхъ ученыхъ. По подобію этого можно сказать: много поэтовъ, да мало истинныхъ поэтовъ; много людей науки, да мало истинныхъ ея представителей». Такъ объясняютъ этотъ стихъ и значеніе въ этомъ мѣстѣ *βάχχος* рѣшительно всѣ схоласти и комментаторы. (См. Фишера, р. 290 sq.; Штальб. р. 131; Виттенб. р. 176; Нюссилина р. 123 etc.). Приведу и переводъ этого мѣста у лучшихъ иностранныхъ переводчиковъ. Шлейермахеръ даетъ ему такое объясненіе: *Thyrsträger sind viele, doch ächte Begeisterte wenig.* (Plat. Werke, von Schleirm. Berlin, 1809 г. zw. theiles drit Band, р. 42). Миллеръ: *Denn es gibt, sagen die der Weihungen Kundigen, der Thyrsträger viele, der vollständig Eingeweihten aber nur wenige.* (Plat. sämmtl. Werke, Leipz. 1854 Ванд. IV, р. 477). Жузень: *Beaucoup prennent le thyrses, mais peu sont inspirés*

par le dieu. (Oeuvres de Platon, traduites par Cousin, Paris, 1822 t. 1 p. 211). Бэри: many wand-bearers, but few inspired. (The works of Plato, Lond. 1871 vol. 1, p. 68.) У Карпова это самое мѣсто переведено такъ: носителей бахусовыхъ жезловъ много, да Бахусовъ-то мало (!) (Соч. Плат., 2-е изд., 1863 г. ч. II, стр. 76.) Чѣмъ онъ руководился, давая въ настоящемъ случаѣ слову *Bachus* то значеніе, котораго не даетъ ему ни одинъ древній писатель, или схоластъ, также какъ ни одинъ изъ новыхъ комментаторовъ или переводчиковъ, — этого я не беру съ рѣшатель. Обращу только вниманіе читателя на то обстоятельство, что огромное количество ошибокъ и неточностей въ переводѣ Карпова принадлежитъ второму, исправленному изданію Федона. Въ первомъ же изданіи его подобныхъ промаховъ нѣтъ, и переводъ, говоря вообще, вѣренъ. Чѣмъ это объяснить? Кажется, нужно объяснить не чѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что первый переводъ Федона былъ напечатанъ въ Прописяхъ (Проп., кн. V, Москва, 1856 г.) — сборникѣ, издававшемся при Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей эллиниста европейской учености, и конечно прежде помѣщенія его въ Прописяхъ былъ внимательно просмотрѣнъ редакторомъ. Карповъ же, печатая тотъ же переводъ въ другой разъ, (въ полномъ изданіи Платона) вѣроятно воссоздавалъ свою собственную, первоначальную его редакцію, и дошелъ — до сомнѣнія въ томъ, «умрутъ ли истинные философы», и сожалѣнія о томъ, что «бахусовъ» на свѣтѣ «мало»!

Сдѣлавши эту бѣглую замѣтку о переводѣ Карпова, считаю нужнымъ отдѣльное по этому поводу небольшое объясненіе. Крайне больно было бы мнѣ думать, что найдутся читатели, которые будутъ объяснять высказанное мною о трудѣ Карпова мнѣніе какими нибудь посторонними,

а тѣмъ болѣе неблаговидными побужденіями. Нетрудно понять щекотливость моего положенія въ настоящемъ случаѣ. Представляя русскому читателю мой собственный переводъ Федона, и въ то же время дѣлая неблагопріятный отзывъ о переводчикѣ, котораго репутація утвердилась въ литературѣ, я легче всего могу подвергнуться обвиненію въ одномъ изъ самыхъ неблаговидныхъ побужденій — желаніи «возвысить себя на счетъ другого». Сознаюсь откровенно, что подъ вліяніемъ именно этого опасенія, я сначала не хотѣлъ говорить ничего о переводѣ Карпова; а потомъ, принявъ во вниманіе, что руководиться какими бы то ни было личными побужденіями въ дѣлѣ науки — хотя бы даже опасеніемъ навести на себя подозрѣніе въ дурномъ побужденіи — значить во всякомъ случаѣ измѣнять истинѣ, — я счелъ своею прямою и положительною обязанностью высказать о нашемъ русскомъ переводѣ Платона то мнѣніе, которое я о немъ составилъ, послѣ долгаго и внимательнаго изученія подлинника, хотя это мнѣніе далеко не согласно съ утвердившимся въ нашей литературѣ взглядомъ.

Что касается моего собственнаго перевода, то скажу коротко, что я поставилъ себѣ задачею — осуществленіе которой составляетъ конечно необходимое условіе каждаго перевода вообще — соединить возможно большую близость къ подлиннику въ передачѣ не только мыслей, но и самой манеры, характера его выраженій, съ возможно большимъ удовлетвореніемъ требованій русскаго языка. Последнее условіе, при переводѣ Платона, мнѣ представляется существенно необходимымъ, такъ какъ Платонъ столько же великій мыслитель, сколько великій поэтъ, и переводить его тяжелымъ, нескладнымъ языкомъ значить не «передавать», а «предавать» его, хотя бы самыя мысли передавались вѣрно. По крайней мѣрѣ я заботился въ моемъ переводѣ объ изяществѣ русской

рѣчи, — насколько только мнѣ позволяли это мои силы. А насколько я въ этомъ успѣлъ — судить объ этомъ конечно не мнѣ: никто не можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Скажу нѣсколько словъ объ анализѣ. Путь, который я избралъ въ моемъ анализѣ, слѣдующій. Первые двѣ главы — историческія по своему содержанию: онѣ посвящены разбору вопроса о подлинности діалога, времени его написанія, и характеристикѣ его съ виѣшней стороны — со стороны значенія въ немъ лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ анализѣ собственно философской части разговора, не внося предварительно никакихъ общихъ, а тѣмъ болѣе предвзятыхъ сужденій, я излагалъ психологическую теорію Федона въ той послѣдовательности выводовъ и положеній ея, съ какою она является у самого Платона. Такимъ образомъ, я прежде всего передаю содержаніе каждаго доказательства, стараюсь соблюсти при этомъ возможно большую сжатость и полноту; далѣе привожу сужденія критиковъ и комментаторовъ Федона о каждомъ доказательствѣ порознь, при чемъ, соглашаясь съ одними, указываю основанія въ другихъ случаяхъ, почему я не могу согласиться съ тѣмъ или другимъ взглядомъ. Въ заключеніе, я анализирую каждое доказательство съ моей собственной точки зрѣнія, принимая при этомъ за исходный пунктъ вѣрность или невѣрность каждаго общимъ логическимъ основаніямъ, и затѣмъ въ немногихъ словахъ указываю на отношеніе его къ предыдущему направленію греческой философіи, — въ періодъ до Сократа. Можетъ быть, другой изслѣдователь нашелъ бы другой, лучшій методъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, путь избранный мною, представляется самымъ естественнымъ. При этомъ способѣ изслѣдованія, какъ скоро я излагаю сначала доказательство, а потомъ привожу то, что сказано о немъ кри-

тикой, я даю моему читателю возможность провѣрять на каждомъ шагѣ мои собственные выводы, и видѣть, гдѣ я иногда, можетъ быть, ошибался или увлекался какою нибудь любимой мыслью. Первое и существенное условіе каждаго научнаго изслѣдованія — по моему, по крайней мѣрѣ, убѣжденію — то, чтобы авторъ не навязывалъ читателю своихъ сужденій, и чтобы такъ называемый критическій анализъ не имѣлъ характера личнаго воззрѣнія.

Въ первой главѣ можно было совершенно ничего не говорить о такъ называемомъ генезисѣ діалоговъ Платона, и «трехъ группахъ». Бесплодность постановки этого вопроса въ настоящее время сознается уже большинствомъ изслѣдователей, и въ самой Германіи онъ отходитъ наконецъ на второй планъ. Можно было, повторяю, совершенно обойти этотъ вопросъ. Но такъ какъ въ нашей литературѣ работы надъ Платономъ только что начинаются, и большинство русскихъ читателей незнакомо съ исторіей этого вопроса въ европейской критикѣ, то я счелъ нелишнимъ, для приданія полноты изслѣдованію, перечислить разныя гипотезы относительно времени написанія Федона. Приводы подобнаго рода мнѣніи всегда полезны, по крайней мѣрѣ отрицательнымъ образомъ, — полезны именно тѣмъ, что, при сопоставленіи ихъ между собою, они лучше всякихъ разсужденій показываютъ полнѣйшую бесполезность усилій разрѣшить положительнымъ образомъ то, что исключаетъ всякую возможность положительнаго разрѣшенія.

Нѣсколько словъ о моемъ изложеніи. Въ анализѣ читатель иногда встрѣтитъ варьированіе мысли, и по мѣстамъ возвращеніе къ тому, о чемъ было уже говорено. Это намѣренно. Мнѣ легко въ этомъ повѣрять, если я скажу, что, при окончательномъ пересмотрѣ сочиненія, мнѣ ничего не стоило по мѣстамъ сократить и черезъ это придать изло-

женію большую сжатость. Но, при чрезвычайной отвлеченности и утонченности метафизическихъ доказательствъ Федона, (*too abstracted*, какъ выражается о немъ одинъ англійскій критикъ,) я всячески старался о томъ, чтобы облегчить моему читателю трудъ чтенія и углубленія въ метафизику Платона. Найдеть, или не найдеть читателемъ изслѣдованіе о Федонѣ въ массѣ публики, — это другой вопросъ. Но каждый печатающій свой трудъ непременно долженъ предполагать, что читатели у него будутъ; а въ такомъ случаѣ на пишущемъ лежитъ непрѣмная обязанность заботиться о сбереженіи времени у читателя. Пиша о Платонѣ, я руководился правиломъ самого же Платона: *οὐ χεῖρον πολλὰκις ἀκοῦν* (слышать много разъ одно и тоже не дурно).

Въ заключеніе, я долженъ бы сказать о сочиненіяхъ и пособіяхъ, которыми я пользовался какъ для анализа, такъ и для перевода. Но я скажу объ этомъ въ двухъ словахъ. Главнымъ моимъ источникомъ для анализа Федона былъ самый же Федонъ. Я долго и, — могу сказать это по совѣсти, — внимательно изучалъ подлинникъ со всѣми существующими на него схоліями и комментаріями, — разумѣется имѣющими извѣстное значеніе въ наукѣ, потому что перечитать рѣшительно все, когда нибудь писанное о Федонѣ — положительно нѣтъ никакой возможности. Независимо отъ схолій и комментарий, я считалъ для себя прямой обязанностью познакомиться со всѣми (опять все таки разумѣется лучшими) критическими, филологическими и философскими изслѣдованіями и монографіями объ избранномъ мной діалогѣ. Исчислять же эти сочиненія, а тѣмъ болѣе входить въ критическій разборъ ихъ, я не буду. Трудъ подобнаго рода можетъ быть предметомъ цѣлой обширной монографіи; но эта задача не входить въ планъ моего сочиненія. Предметъ моего анализа —

не критическій обзоръ источниковъ и пособій для Федона, а самый Федонъ. Простое же исчисленіе сочиненій о Платонѣ, и въ частности о Федонѣ, я считаю дѣломъ совершенно излишнимъ. Специалистамъ и безъ меня извѣстны имена и значеніе ихъ въ литературѣ по Платону — Фишера, Виттенбаха, Аста, Штальбаума, Шмидта, Ибервега, Шлейермахера, Миллера, Штейнгарта, Грота, Бузена, Кэри и пр. Для неспеціалистовъ же вопросъ объ источникахъ не представляетъ особеннаго интереса. Изъ самаго анализа моего и примѣчаній къ переводу читатель увидитъ, какими именно пособиями я пользовался для моего труда.

ГЛАВА I. *)

Подлинность Федона. — Время его написанія. — Составъ діалога.

.... τὸ μὲν σαφὲς εἰδέναι (περὶ ψυχῆς) ἐν τῷ νῦν βίῳ ἢ ἀδύνατον
κε ἢ παρχάλεπόν τι, τὸ μέντοι αὖ τὰ λεγόμενα περὶ αὐτῶν μὴ οὐχί
ἐν τῷ τρόπῳ ἐλέγχειν καὶ μὴ προαφίστασθαι, πρὶν ἂν πανταχῆ σκοπῶν
εἴπη τις, πάνυ μαλθακοῦ εἶναι ἀνδρός. Plat. Phaedo, p. 85. C.

.... достичь совершеннаго познанія этого предмета (т. е. вполне удо-
творительнаго научнаго разрѣшенія вопроса о безсмертіи души) въ жизни
стоящей или невозможно, или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе,
можно, не изслѣдовать всѣми возможными способами того, что о немъ
сказать, и отставать прежде, нежели онъ будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ
сторонъ — это признакъ человѣка слабодушнаго.

Viele gewichtige Stimmen haben behauptet, dass ohne den Glauben
ein künftiges Leben und eine künftige Vergeltung keine Religion, kaum
Staat bestehen könne. Ritter, Unsterblichkeit, Leipz. 1866, p. 1.

Историческая подлинность Федона утверждается на несо-
мномъ основаніи. Мы имѣемъ объ этомъ разговоръ чрезвычайнаго
важнаго свидѣтельства Аристотеля въ разныхъ мѣстахъ его сочи-
ній. Вотъ эти мѣста. Ἐν δὲ τῷ Φαιδῶνι οὕτως λέγεται, ὡς
τοῦ εἶναι καὶ τοῦ γίνεσθαι αἴτια τὰ εἶδη ἐστίν (въ Федонѣ
судится, что идеи составляютъ причину бытія и рожденія.)
Aph. I, 9. 991, В, 3. То же самое почти буквально повторяется
другомъ мѣстѣ метафизики XIII, 5, 1080 А, 2. Совершенно

*) Переводъ діалога съ объяснительными примѣчаниями помещенъ
XIII томѣ Записокъ.

согласно съ этимъ мѣсто de gener. et corr. II, 9, 335, В, 9: οἱ μὲν ἔκαστην φήθησαν αἰτίαν εἶναι πρὸς τὸ γίνεσθαι τὴν τῶν αἰδῶν φύσιν ὥσπερ δ' ἐν Φαίδωνι Σωκράτης (они находили достаточную причину происхожденія бытія въ природѣ идей, какъ говоритъ въ Федонѣ Сократъ). Сюда же относится и слѣдующее мѣсто Meteor. II, 2, 355, В, 32: τὸ δ' ἐν τῷ Φαίδωνι γεγραμμένον περὶ τε τῶν ποταμῶν καὶ τῆς θαλάττης ἀδύνατόν ἐστιν¹⁾ (то, что говорится въ Федонѣ о рѣкахъ и морѣ невозможно.) Правда, что говоря о діалогѣ Аристотель не называетъ его автора: тѣмъ не менѣе однакожъ свидѣтельства эти сами по себѣ доказываютъ до очевидности принадлежность его Платону. Представить, говоритъ Ибервегъ, чтобы Аристотель приписывалъ разговоръ кому нибудь изъ учениковъ Платона, очень трудно. Въ критикѣ ученія Платона объ идеяхъ, онъ упоминаетъ и о видоизмѣненіяхъ его платониками, при чемъ называетъ ихъ по именамъ, или, по крайней мѣрѣ, довольно опредѣленно даетъ знать, что въ томъ или другомъ случаѣ не должно разумѣть Платона. И такъ, согласіе ученія объ идеяхъ, изложеннаго въ нашемъ діалогѣ, съ ученіемъ, которое приводитъ Аристотель, называя тотъ же разговоръ, доказываетъ положительно тождественность аристотелевскаго Федона съ нашимъ, а на основаніи дальнѣйшихъ соображеній Ибервега, вѣрности которыхъ нельзя не признать, мы имѣемъ право утверждать, что разговоръ этотъ дѣйствительно принадлежитъ Платону. Доказательство это превращается въ яснѣйшую очевидность, если мы сопоставимъ то, что Аристотель говоритъ о значеніи въ Федонѣ идей съ его же замѣчаніемъ касательно невозможности того, что говорится въ діалогѣ о рѣкахъ и морѣ. Последнее, очевидно, относится къ описанію подземнаго царства тѣней, мнѣзъ о которомъ излагается въ концѣ нашего діалога, непосредственно вслѣдъ за четвертымъ (космическимъ) доказательствомъ безсмертія души. Эти указанія Аристотеля, взятые вмѣстѣ, представляютъ такую силу, въ смыслѣ доказательства подлинности

¹⁾ См. Ueberweg, Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge Platonischer Schriften p. 134.

дона, что, по справедливому замѣчанію Ибервега, мы имѣли право приписать нашъ діалогъ Платону даже въ томъ случаѣ, и бы древность не сохранила намъ болѣе объ этомъ никакихъ утѣхъ извѣстій. Но, помимо свидѣтельства Аристотеля, ручательствомъ въ подлинности его можетъ служить и то, что онъ лѣ помѣщаемъ во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ и собранияхъ сочиненій Платона. Знаменитый грамматикъ александрійскій Кристофанъ византійскій, (жилъ приблизительно между 100 — 184 до Р. X.) принимавъ безъ сомнѣнія во вниманіе, и опредѣленія подлинности діалоговъ, манускрипты александрійскій библиотеки, раздѣлилъ сочиненія Платона на трилогіи, вторымъ произведеніемъ пятой трилогіи помѣстилъ Федона ²⁾ (Hog. Laërt 61, 62.) Точно также важно и другое свидѣтельство Диогена Лаэртія о грамматикѣ Тразиллѣ, — (современникѣ императора Тиберія)—грамматикѣ, который включилъ нашъ діалогъ въ число подлинныхъ произведеній Платона, и, распредѣливъ ихъ на девять тетралогій, далъ ему четвертое мѣсто въ первой тетралогіи ³⁾. Въ виду такихъ положительныхъ, и, прямо можно сказать, несомнѣнныхъ свидѣтельствъ древности о подлинности Федона, тѣмъ болѣе страннымъ долженъ казаться намъ скептицизмъ панетіанскаго философа стоической школы Панетія, (2-го в. до Р. X.) горькій ее заподозрилъ. Естественно, что исследователи не могли выйти молчаніемъ этого обстоятельства уже потому одному, что взглядъ Панетія является совершенно исключительнымъ. Мнѣнія о немъ по этому вопросу дѣлятся на двѣ категоріи. Авторъ исторіи Греціи Гротъ, опираясь на свидѣтельства древнихъ схолистовъ, (преимущественно аристотелевскаго схолиаста Асклепія) принимаетъ сомнѣніе Панетія за фактъ, объясняя его чисто историческими причинами. Другіе, какъ напр. Виттенбахъ и Шофъ, отрицаютъ самое существованіе скептическаго взгляда Панетія, опираясь отчасти на неопредѣленность выраженія схолиста Παναίτιος τις «какой-то Панетій», — тогда какъ афинскій философъ-стоикъ пользовался большою извѣстностью, — а

²⁾ Ueberweg, Untersuchungen, p. 190.

³⁾ Ueberweg, p. 195.

отчасти на основаніи другихъ соображеній, о которыхъ я скажу ниже. Гротъ указываетъ прежде всего на то обстоятельство, что Панетій, будучи философомъ по профессіи, слѣдовательно приверженцемъ известной философской доктрины, могъ имѣть свои собственныя, чисто личныя побужденія отрицать подлинность нашего діалога. Такъ какъ онъ разъясняетъ эти побужденія и съ исторической и съ психологической точки зрѣнія весьма удовлетворительно, то я приведу это мѣсто вполнѣ. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ. «Мы узнаемъ съ изумленіемъ, что знаменитый аѳинскій философъ-стоикъ Панетій исключилъ Федона изъ числа подлинныхъ произведеній Платона. Известно, что онъ не признавалъ безсмертія души, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко удивлялся Платону. Понятно, что онъ считалъ недостойнымъ такого великаго философа, — расточать столько логическихъ утонченностей, поэтическихъ метафоръ и мифовъ, для поддержанія подобной доктрины. Вѣроятно, онъ также отчасти руководился при этомъ и одною особенностью Федона. Федонъ — единственный разговоръ, въ которомъ Платонъ упоминаетъ о самомъ себѣ, въ третьемъ лицѣ. Если Панетій былъ уже предрасположенъ другими основаніями смотрѣть на діалогъ, какъ на произведеніе, недостойное такого великаго мыслителя, то онъ конечно могъ придать важность подобнаго рода особенности, какъ признаку, что авторомъ разговора былъ кто-нибудь другой. Панетій, очевидно, не принялъ на себя труда познакомиться со внѣшними свидѣтельствами о діалогѣ, на который и Аристотель и Каллимахъ смотрѣли какъ на произведеніе Платона. Кромѣ того, что бы ни говорили о силѣ доводовъ діалога, художественность драматическаго дѣйствія (*handling*) и выраженія Платона въ немъ очевидны. Этотъ взглядъ Панетія есть самый древній, дошедшій до насъ примѣръ непризнанія подлинности платоновскаго произведенія на основаніи внутреннихъ признаковъ, т. е. въ силу того, что оно показалось критику недостойнымъ Платона; и это конечно одинъ изъ самыхъ несчастныхъ примѣровъ»⁴⁾ Такъ думаетъ о скептицизмѣ Панетія

⁴⁾ Grote, Plato, and the other companions of Sokrates, sec. edit. London, 1867, vol. 1, p. 157 sq.

Гротъ. Другіе, какъ напр. Виттенбахъ и Вишофъ, объясняютъ тотъ же фактъ иначе. Виттенбахъ, приведши подлинную эпиграмму о Панетіи, (приписываемую Сириану философу,) а также отрывокъ изъ аристотелевскаго схолиаста, (не того, впрочемъ, котораго цитируетъ Гротъ) послѣ критическаго разбора греческаго текста дѣлаетъ окончательный выводъ въ томъ смыслѣ, что стоикъ Панетій никогда не выражалъ сомнѣнія въ подлинности Федона. Какъ на одно изъ доказательствъ своего мнѣнія, Виттенбахъ указываетъ на то обстоятельство, что схолиастъ говоритъ ἐπὶ Παναίτιου, τινός — «какого-то Панетія» — выраженіе, котораго онъ, по его мнѣнію, не могъ бы употребить, говоря о знаменитомъ философѣ.

Опредѣливъ то значеніе, которое имѣетъ текстъ эпиграммы по его мнѣнію, онъ говоритъ. Itaque accipiendum a quodam qui item, ut Panaetius, et animum mortalem statuit, et socraticorum dialogorum censuram agere voluit. Panaetius enim, ut constat, utrumque fecit: nec tamen Phaedonem ad spurios aut retulit, aut referre omnino potuit. При этомъ онъ дѣлаетъ предположеніе, что сочинитель эпиграммы могъ быть введенъ въ заблужденіе дурно понятымъ имъ извѣстіемъ какого-то грамматика о томъ, что Панетій разбиралъ діалоги нѣкоторыхъ сократиковъ, и въ числѣ другихъ діалоги Федона. Эпиграмматистъ, по его мнѣнію, могъ ошибочно принять имя Федона-философа за названіе діалога-Федона. Въ подтвержденіе такой догадки, онъ приводитъ мѣсто изъ Діогена Лаэртія (II, 64) гдѣ о Панетіи говорится именно въ этомъ смыслѣ, — т. е. какъ о критикѣ сократическихъ діалоговъ: πάντων μὲντοι τῶν Σωκρατικῶν διαλόγων Παναίτιος ἀληθεῖς εἶναι λέγει τοὺς Πλάτωνος, Ξενοφώντος, Ἀντισθέ- νους, Αἰσχίνου· διατάζει δὲ περὶ τῶν Φαιδῶνος καὶ Εὐκλείδου; τοὺς δ' ἄλλους ἀναρεῖ πάντας⁵⁾. (Изъ всѣхъ сократическихъ діалоговъ Панетій считаетъ истинными діалоги Платона, Ксенофонта, Антистоена, Эскина; сомнѣвается относительно діалоговъ Федона и Эвклида, а всѣ остальные отвергаетъ).

Вишофъ, вполне раздѣляя взглядъ на этотъ вопросъ Вит-

⁵⁾ Виттенб. Plat. Phaedo, ed. 1825, p. 118 sqq.

тенбаха, въ подтвержденіе своего мнѣнія дѣласть ссылку на Цицерона, который, съ одной стороны, положительно признавалъ подлинность Федона, а съ другой — былъ также знакомъ съ философскими положеніями Панетія, и упоминая о томъ, что послѣдній отвергалъ платоновское ученіе о безсмертіи души, ни въ какомъ случаѣ не умолчалъ бы и о сомнѣніи его въ подлинности Федона ⁶⁾. Я изложилъ взглядъ ученыхъ на такъ называемое сомнѣніе Панетія. Считаю необходимою небольшую оговорку. Читателю, знакомому съ европейской критикой вопроса о подлинности платоновыхъ произведеній, можетъ показаться страннымъ, что я вошелъ по этому поводу въ такой подробный разборъ. Сомнѣніе Панетія — предположимъ, что оно дѣйствительно существовало — во всякомъ случаѣ превращается положительно въ ничто передъ громаднѣмъ значеніемъ свидѣтельствъ Аристотеля и внутренними признаками подлинности діалога. Если сомнѣніе Панетія принимать за дѣйствительный фактъ, то оно вполне удовлетворительно и съ исторической и съ психологической точки зрѣнія разъясняется тѣми философскими побужденіями его, на которыя, слѣдуя схоластику, указываетъ Гротъ. Если же мы согласимся съ мнѣніемъ Виттенбаха и Бишофа, то скептицизмъ Панетія — не больше, какъ результатъ недоразумѣнія, произшедшаго отъ неправильнаго пониманія текста греческой эпиграммы. Но я имѣлъ въ виду не защиту подлинности Федона противъ скептицизма Панетія, — потому что такая задача не стоила бы труда, — а единственно то обстоятельство, что критики, упоминая иногда о Панетіи мимоходомъ и вскользь, даютъ сомнѣнію его то или другое объясненіе, безъ указанія на противоположный взглядъ. Читатель, не знакомый подробно съ литературой по Федону, можетъ быть поставленъ такимъ образомъ въ недоумѣніе. Сверхъ того, такъ какъ сомнѣніе Панетія представляетъ собою во всякомъ случаѣ единственный отрицательный голосъ противъ подлинности Федона, то мнѣ показалось не безынтереснымъ и по отношенію къ самому факту, прослѣдить его историческое основаніе. Что же касается до подлинности Федона, то она —

⁶⁾ Бишофъ, Plato's Phaedon, Erlangen, 1866 p. 4.

сомнѣвался или несомнѣвался въ ней Панетій — рѣшительно въ всякаго сомнѣнія, и критики новаго времени, даже самые эстетическіе, какъ напр. Астъ, никогда не исключали нашегоialogа изъ числа произведеній Платона.

Несравненно труднѣе вопроса о подлинности Федона другой вопросъ — о времени его написанія. Каждому, кто занимался изученіемъ Платона, извѣстно, что хронологія его произведеній, — предѣленіе ихъ генетической послѣдовательности представляетъ личайшую трудность. Бишофъ ⁷⁾ считаетъ разрѣшеніе этой задачи относительно Платона труднѣе, чѣмъ относительно всякаго другого писателя, а Гротъ ⁸⁾ — рѣшительно неосуществимымъ.

Положительная историческая точность, при отсутствіи хронологическихъ указаній въ самыхъ діалогахъ и недостаткѣ внѣшнихъ свидѣтельствъ, здѣсь рѣшительно невозможна. Самая большая вѣроятность основывается на предположеніяхъ и догадкахъ, при чемъ, разумѣется, открывается полный просторъ для всевозможныхъ комбинацій. Если мы возьмемъ сочиненія по исторіи филофіи или спеціальныя изслѣдованія о Платонѣ за послѣдніе годы, то будемъ поражены громаднымъ количествомъ хронологическихъ противорѣчій относительно одного и того же произведенія. Единственное, что мы можемъ здѣсь опредѣлять, — какому періоду умственной и философской зрѣлости Платона принадлежит тотъ или другой діалогъ, на основаніи его утренняго характера. Чтобы опредѣлить время написанія Федона, (сколько разумѣется это возможно) намъ необходимо нѣсколько ограничиться на исторіи вопроса о генетической послѣдовательности произведеній Платона вообще, такъ какъ оба эти вопроса — въ частный и общій — въ тѣсной связи.

Говоря о подлинности діалога, мы упомянули о грамматикѣ азиллѣ, и сдѣланномъ имъ раздѣленіи произведеній нашего философа на тетралогіи. До конца прошлаго столѣтія каталогъ тѣхъ служилъ единственнымъ руководствомъ для всѣхъ критиковъ

⁷⁾ Бишофъ, Plato's Phaedon p. 282.

⁸⁾ Grote, Plato, and the other companions of Sokrates, vol. 1, p. 196.

и издателей⁹⁾). Но по мѣрѣ того какъ работы надъ Платономъ становились серьезнѣе, тразилловскій кодексъ потерялъ безусловную вѣру, и ученые XIX-го вѣка, не ограничиваясь тѣмъ, что подняли вопросъ о каждомъ отдѣльномъ произведеніи, задались задачей — привести ихъ во взаимную связь, и опредѣлить ихъ послѣдовательность по времени, съ цѣлю уяснить постепенность философскаго развитія самаго Платона. Во главѣ ученыхъ этого направленія сталъ Шлейермахеръ. Вышедши изъ основнаго положенія, что истинный философъ никогда не начинается съ частнаго, а приступаетъ по крайней мѣрѣ съ предчувствіемъ (*Ahnung*) системы, Шлейермахеръ задался задачей: представить отдѣльныя произведенія Платона въ ихъ естественной взаимной связи, по мѣрѣ того какъ они все полнѣе и полнѣе раскрывали его философскія идеи. Основная мысль Шлейермахера слѣдовательно та, что Платонъ началъ свою литературно-философскую дѣятельность уже съ напередъ образовавшейся въ его мысли цѣльной системой, которой частныя положенія послѣдовательно развивалъ потомъ въ формѣ діалоговъ. Сообразно этому основному воззрѣнію своему, Шлейермахеръ раздѣлил произведенія его на три группы: а) на элементарныя б) переходныя и в) конструктивныя. Къ первой группѣ онъ причисляетъ діалоги, представляющіе только въ зародышѣ то, что лежитъ въ основѣ послѣдующихъ: о діалектикѣ, какъ средствѣ философіи и идеалхъ, какъ ея предметѣ, а также о возможности и объ условіяхъ познанія. Во второй, составляющей переходную ступень (*Zwischenraum*) къ третьему періоду, онъ помѣстилъ діалоги, имѣющіе задачей различіе между обыкновеннымъ и философскимъ знаніемъ, а также физику и этику; наконецъ, третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ діалоги, имѣющіе объективно-научное содержаніе. Частная классификація ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

А) первый отдѣлъ составляютъ: Федръ, Протагоръ, Парменидъ.

В) второй — Θεэтетъ, Софистъ, Политикъ, Федонъ, Филебъ.

⁹⁾ Grote, Plato etc., v. 1, p. 170.

С) третій — Республика, Тимей, Критій.

Каждый из этих трех отделов заключает в себя омы того и дополнительные ¹⁰⁾.)

Таковъ взглядъ Шлейермахера. Совершенно противоположно ему воззрѣніе К. Ф. Германа, сочиненіе котораго, — *Geschichte und System der platonischen Philosophie*, — (1839 г.) полное ширной и глубокой учености, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій въ литературѣ по Платону. По воззрѣнію Германа, всеобъемлющій методическій планъ», какой хотѣлъ приписать платону Шлейермахеръ, «предполагалъ бы, что Платонъ установилъ цѣль цѣлой системы въ главныхъ ея основахъ; и что онъ долженъ былъ эту конечную цѣль свою постоянно имѣть въ виду, такую точностью, что вся его писательская дѣятельность могла представлять только проведеніе началъ, положенныхъ въ основу его перваго юношескаго произведенія; но если трудно предположить, чтобы Платонъ, еще бывши ученикомъ Сократа, могъ имѣть подобный планъ, то какъ же допустить, чтобы онъ, — если принять во вниманіе то обстоятельство, что на его личное развитіе дѣйствовало множество высшихъ вліяній и предвидѣнныхъ случаевъ, — могъ отъ начала до конца своей писательской дѣятельности — въ періодъ времени, обнимающій полве пятдесяти лѣтъ — остаться такъ неизмѣненнымъ, чтобы проработать этотъ планъ черезъ всю свою дѣятельность, и не болѣе, какъ только продолжать на печатѣ уже почвѣ» ¹¹⁾? Нельзя не признавать силы этого возраженія, равно какъ и значенія того, что ни въ сочиненіяхъ самого Платона; ни въ свидѣтельствахъ его современниковъ и учениковъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка на подобный планъ. Отвергнувши отвлеченно-философскій принципъ Шлейермахера, Германъ основалъ свою теорію генетической плодотворности отчасти на обстоятельствахъ жизни и общественныхъ отношеніяхъ философа, а отчасти — на содержаніи и

¹⁰⁾ Ueberweg, Untersuchungen, p. 12 sqq.

¹¹⁾ Hermann, Geschichte und System der Plat. Philos. p. 351, 355. О допущеніи его взгляда сравнительно со взглядомъ Шлейермахера см. Ueberweg, p. 56 — 89.

формѣ самихъ діалоговъ. Методъ его, такимъ образомъ, въ противоположность чисто-философскому взгляду Шлейермахера, историко-критическій. Важнѣйшими событіями въ жизни Платона были смерть Сократа и путешествія. Но если первое изъ этихъ событій, прекративши непосредственное вліяніе на него его учителя, закончило собою періодъ чисто собрѣтческихъ разговоровъ, то путешествія, обогативши его новыми познаніями и расширивъ его философскій кругозоръ, необходимо должны были оказать вліяніе и на его сочиненія. Вслѣдствіе этого Германиъ думалъ, что Платонъ становился постепенно и послѣдовательно на новыя точки воззрѣнія, по мѣрѣ того какъ его философское развитіе подвигалось впередъ, и что его діалоги, какъ сочиненные послѣдовательно, представляютъ выраженіе различныхъ фазисовъ его духовнаго развитія. Сообразно такому воззрѣнію, онъ различаетъ въ литературно-философской дѣятельности Платона три періода: а) первый оканчивается смертію Сократа, или немного позже; б) второй простирается до начала академической дѣятельности Платона; в) третій обнимаетъ собою его академическую дѣятельность. Распредѣленіе діалоговъ по этимъ періодамъ Германиъ дѣлаетъ слѣдующее:

А.) первый періодъ заключаетъ въ себѣ малые разговоры, изъ которыхъ самыя ранніе, по его мнѣнію, — Гиппій II, Іонъ, Алкивіадъ I, Лизій, Хармидъ, Лахесъ; сюда же относятся полемическіе, противъ софистовъ, — Протагоръ и Эвтидемъ; затѣмъ слѣдуютъ діалоги, составляющіе переходную ступень ко второму періоду: Апологія, Критонъ, Горгій, Эвтифронъ, Менонъ Гиппій I.

В.) ко второму — мегарейскому — періоду относятся: Феэтеть, Кратилъ, Софистъ, Политикъ, Парменидъ.

С.) къ третьему, который характеризуется главнымъ образомъ вліяніемъ на Платона пнеагорейской философіи, принадлежатъ: Федръ, Менексенъ, Симпосіонъ, Федонъ, Филебъ, Государство, Тимей, Критій.

Я изложилъ два противоположныхъ взгляда на генетическую послѣдовательность діалоговъ Платона, — теорію предварительнаго образованія цѣльной системы (по крайней мѣрѣ, въ самомъ

емъ ея видѣ) и послѣдовательнаго изложенія готоваго уже нѣ въ формѣ діалоговъ, и теорію постепеннаго образованія ихъ идей и философскихъ представленій Платона, по жрѣ какъ его духовное развитіе подвигалось впередъ. Воззрѣнія ихъ ученыхъ болѣе или менѣе примыкають ко взглядамъ Шлейермахера и Германна (иногда, впрочемъ, съ весьма значительными уклоненіями,) но такъ какъ изложеніе ихъ взгляда философію Платона вообще, далеко бы отвлекло меня отъ частнаго вопроса о Федонѣ, то я ограничусь приводомъ нѣ критики только относительно времени написанія этого діалоговаго діалога. Ближайшіе, по времени, къ Шлейермахеру (именно Виттенбахъ ¹²⁾, Астъ ¹³⁾ и Зохеръ ¹⁴⁾) относятъ писаніе его къ раннему періоду дѣятельности Платона, а именно времени, непосредственно слѣдующему за смертію Сократа. (о же мнѣніи держался и предшественникъ Шлейермахера Тенантъ ¹⁵.) Штальбаумъ назначаетъ ему мѣсто во второй группѣ, надлежащей второму періоду философскаго развитія Платона, орній впервые дѣлаетъ тогда постановку ученія объ идеяхъ. (защитникъ теоріи Шлейермахера Целлеръ (хотя впрочемъ привавшій ее съ ограниченіями) думаетъ, что Федонъ едва ли етъ по времени отъ Симпосіона, и что оба діалога написаны же Парменида; а Мункъ относитъ его на крайній предѣлѣ ни его автора, считая его послѣднимъ его произведеніемъ ¹⁶.) Шейгардъ, принявъ въ главныхъ основаніяхъ теорію Германна, раздѣливъ всѣ діалоги на этико-сократическіе, (съ перенными ко второму періоду) діалектическіе и академическіе, относитъ Федона къ послѣдней группѣ, ставя его непосредственно послѣ Федра и Симпосіона ¹⁷.) Другой защитникъ теоріи Германна, — (хотя также державшійся ее не безусловно) Суземиль,

¹²⁾ Plat. Phaed. p. 298.

¹³⁾ Platon's Leben und Schriften, p. 167.

¹⁴⁾ Ueber Plat. Schriften, p. 79.

¹⁵⁾ Ueberweg. p. 10.

¹⁶⁾ Die natürliche Ordnung der platon. Schrift. p. 478 sqq.

¹⁷⁾ Platon's Werke, von Müller, viert. B. p. 458.

принявъ также три группы, — діалоги сократическіе или этико-пропедевтическіе, діалектическіе и конструктивныя, помѣщаетъ Федона во второмъ отдѣлѣ, и при томъ такъ, что онъ служитъ посредствующимъ звѣномъ между вторымъ и третьимъ періодамъ¹⁸⁾.) Я изложилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ мнѣнія ученыхъ касательно вопроса: къ какому времени должно отнести написаніе Федона, или какое, по крайней мѣрѣ, генетическое отношеніе его къ другимъ діалогамъ? Мнѣнія критиковъ, какъ видитъ читатель, представляютъ массу противорѣчій. До какой степени бывають иногда шатки основанія, принимаемыя въ этомъ случаѣ за точку опоры, я укажу на мнѣніе Мунка, который считаетъ Федона послѣднимъ по времени произведеніемъ нашего философа, основываясь единственно на разсказѣ Діогена Лаэртція, что когда Платонъ читалъ Федона, то изъ слушателей его только одинъ Аристотель имѣлъ терпѣніе оставаться до конца, а всѣ остальные расходились въ половинѣ чтенія¹⁹⁾.) На этомъ одномъ фактѣ (по мнѣнію Грота очень сомнительномъ²⁰⁾ Мункъ построилъ цѣлую теорію, и Бишофъ сколько же остроумно, столько и справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что если теорія можетъ быть и несовсѣмъ состоятельна въ научномъ смыслѣ, за то писательская дѣятельность Платона получаетъ самое поэтическое окончаніе: лебединая пѣснь его учителя и его собственная сливаются въ одно общее цѣлое²¹⁾.) Какое же заключеніе выведемъ мы изъ этого обзора мнѣній относительно времени написанія Федона? Чтѣ именно, и насколько во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ есть твердаго и положительнаго? Мы видѣли, что критика прошлаго времени, въ лицѣ Теннemannа, Виттенбаха, Аста и Зохера, смотрѣла на нашъ діалогъ, какъ на произведеніе ранняго періода дѣятельности Платона, написанное имъ тотчасъ по смерти Сократа. Но позднѣйшіе изслѣдователи, подвергнувъ анализу характеръ самаго ученія Федона, —

¹⁸⁾ Susemihl, Die Genetische Entwicklung der Plat. philos. Leipzig, 1855, erst. theil, p. XIV, 440 sqq.

¹⁹⁾ Munk, die natürliche Ordnung der Plat. Schriften, p. 484.

²⁰⁾ Grote, Plato, vol. 1, p. 157 въ примѣч.

²¹⁾ Башоузъ, Plat. Phaed. p. 288.

произведенія по духу чисто пиеагорейскаго, — задались вопросомъ: какимъ образомъ Платонъ могъ въ ту эпоху своей жизни излагать ученіе пиеагореизма? Въ періодъ времени, непосредственно слѣдующій за смертью Сократа, пиеагорейская философія еще не была ему извѣстна. Ознакомленіе его съ философскою системою пиеагора, относится къ гораздо болѣе позднему времени, а именно къ эпохѣ его перваго путешествія въ Италію и Сицилію, гдѣ онъ слушалъ пиеагорейскихъ философовъ Архита, Эхекрата, имелъ и другихъ.

Если мы примемъ, согласно изслѣдованіямъ Ибервега, за время возвращенія Платона въ Аѳины и виѣсть съ тѣмъ открытіемъ академіи 387-ый г. до Р. Х., то промежутокъ времени между смертію Сократа и сближеніемъ Платона съ пиеагорейцами составитъ 12 или 13 лѣтъ. Критика новаго времени отвергла какимъ образомъ на весьма положительномъ основаніи взглядъ на Федона, какъ на юношеское произведеніе нашего философа. Съ другой стороны, если мы примемъ во вниманіе, что тѣ діалоги Платона, которые большинство критиковъ относятъ обыкновенно къ зрѣлѣйшему періоду его жизни, при богатствѣ содержанія, отличаются бѣдностью драматизма, который часто весь выражается въ нихъ изрѣдка примѣшиваемымъ къ изложенію — «да или нѣтъ», — оживленный, полный энергіи и силы драматизмъ Федона, по крайней мѣрѣ, въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ этою группою, не составлялъ бы среди нихъ рѣшительно одинокое явленіе. Такимъ образомъ, самый основательный выводъ изъ сдѣланнаго нами обзора Филона о времени написанія нашего діалога долженъ быть тотъ, что онъ относится къ періоду возмужалости Платона, точнѣе, — къ среднему періоду его жизни, слѣдовательно, къ первой половинѣ его академической дѣятельности²²⁾.

Съ такимъ заключеніемъ вполне согласуется и внутренний характеръ Федона, который, при глубинѣ и многообъемлемости своего религіозно-философскаго міросозерцанія, отличается такою

²²⁾ Критическій обзоръ мнѣній относительно времени написанія Федона, см. у Вишова Plat. Phaedon, гл. VI, p. 282 — 305.

строкою обдуманностью плана, такимъ мастерствомъ въ обработкѣ отдѣльныхъ частей, наконецъ, такую сдержанностью тона и такимъ величавымъ спокойствіемъ въ цѣломъ произведеніи, что всѣ эти качества, взятія вмѣстѣ, доказываютъ въ авторѣ его столько же установившагося во взглядахъ мыслителя, сколько и художника, достигшаго періода полной зрѣлости своего генія. И такъ, независимо отъ историческихъ соображеній, и на основаніи внутренняго характера самаго діалога, мы имѣемъ полное право утверждать, что онъ принадлежитъ періоду окончательнаго философскаго и художественнаго развитія его автора, что онъ написанъ, какъ выражается Гейзде, *ea aetate, qua maxime ingenio, philosophandique studio et facultate vigebat*²³.)

Затѣмъ, отъ болѣе точнаго, хронологически опредѣленнаго указанія на время его написанія, и его генетическое отношеніе къ другимъ произведеніямъ Платона, понеобходимости надобно отказаться, вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія положительныхъ данныхъ.

Анализъ Федона со стороны его содержанія и философскаго ученія составляетъ предметъ слѣдующихъ главъ. Но, чтобы читатель могъ легче обнять планъ цѣлаго и взаимное отношеніе его частей, я намѣренъ предварительно изложить содержаніе діалога.

Федонъ представляетъ двѣ главныя части: чисто историческую — описаніе смерти Собрата, и философскую — изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души. Та и другая составляютъ одно художественное цѣлое. Взаимное отношеніе отдѣльныхъ его частей представляется въ слѣдующемъ видѣ. Діалогъ заключаетъ въ себѣ:

²³) *Initia philosophiae platonicae*, vol. tert. p. 189. Ко всему сказанному относительно времени написанія Федона можно прибавить еще слѣдующее. Въ самомъ діалогѣ есть въ которомъ указаніе на то, что онъ не принадлежитъ періоду молодости Платона. Въ концѣ его мы читаемъ: *ἄνθρωπος — τῶν τότε — ἀρίστου* — лучшаго изъ всѣхъ (людей) какихъ мы знали въ его время. О Сократѣ такимъ образомъ говорится, какъ о человѣкѣ предшествующей генерации. См. *Грота Plato etc.*, vol. II, p. 152 въ примѣч.

Прологъ, въ первой половинѣ котораго (р. 57—59 С.) знакомимся изъ разсказа Федона со внѣшней обстановкой рата въ темницѣ, именами его собесѣдниковъ, а также внѣшними обстоятельствоми, относящимися къ процессу и осужденію. Вторая половина (р. 59 С — 61 D.) переноситъ насъ уже самую темницу Сократа. Философъ передаетъ друзьямъ свою ость, что онъ избавился отъ мучительнаго гнета оковъ, и жуждаетъ по этому случаю объ отношеніи въ человѣкѣ ствѣ радости и печали, а потѣмъ сообщаетъ имъ о своихъ гическихъ занятіяхъ въ темницѣ. Заочный совѣтъ, данный Эвмену, — не оставаться долго на землѣ, подаютъ поводъ къ алу бесѣды о значеніи жизни и смерти и взглядѣ, который жевъ имѣть на нихъ истинный философъ.

Начинается (р. 61 D.) собственно философская часть, которая посвящена доказательствамъ на то, что философъ долъ видѣть въ смерти высочайшее благо. Сократъ подробно гѣдуетъ, почему это такъ, и разсматриваетъ вопросъ со вѣхъ зонъ, — и по отношенію къ счастью и по отношенію къ знанію. жшее и послѣднее основаніе такого взгляда есть убѣжденіе безсмертіи души, — вѣра, что смерть составляетъ переходъ лучшей, безконечной жизни. Вопросъ Кебеса: на чемъ же звана эта вѣра — служитъ началомъ научнаго, философскаго гѣдованія вопроса о безсмертіи. Сократъ приводитъ слѣдующее четыре доказательства:

А. Первое, (р. 70 — р. 72 E.) состоящее въ связи съ омъ о посмертномъ состояніи душъ, основано на существованіи крайнихъ противоположностей въ бытіи. едое единичное бытіе всегда имѣетъ нѣчто себѣ противополоное. (Въ приводимыхъ за тѣмъ примѣрахъ, Сократъ беретъ лючительно простыя понятія и сущности.) Если каждое явленіе етъ свою противоположность, то ясно, что смерти и разруію видимаго для глазъ тѣла должно непремѣнно соответвовать безсмертіе чего-то невидимаго, чтѣ мы называемъ душою. пи же наши, какъ утверждаетъ древнее преданіе, до прихода миръ и воплощенія въ тѣла, находились въ андѣ.

В. Второе доказательство (р. 72 E. — 77 D.) психологи-

ческое. Разсматривая видимые предметы, мы сближаемъ ихъ съ идеями, которыхъ не находимъ въ окружающемъ насъ бытіи; (равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ и т. д.) между тѣмъ, эти идеи существуютъ въ насъ съ самой минуты рожденія, и при взглядѣ на тотъ или другой предметъ въ душѣ нашей мгновенно пробуждается та или другая идея. И такъ, воспоминаніе душою идей, которыхъ она не воспринимаетъ отъ вѣншихъ предметовъ, а прилагаетъ къ нимъ, какъ нѣчто готовое, составляетъ ясный признакъ того, что она уже существовала гдѣ-то прежде, — прежде своего прихода въ міръ.

С. Третье доказательство, (р. 78 В. — 80 В.) метафизическое, основано на разсмотрѣніи природы души, сравнительно съ природою тѣла. Разрушеніе свойственно только сложному; простое по природѣ своей неразруσιμο. Простое всегда одно и то же, равно только самому себѣ и неизмѣнно; сложное представляетъ нѣчто постоянно измѣняющееся. Первое невидимо, второе доступно чувству зрѣнія. Обращаясь къ душѣ, мы замѣчаемъ, что она болѣе походитъ на то, что невидимо, — въ противоположность видимому тѣлу. Чѣмъ болѣе она при своемъ мысленномъ созерцаніи отрѣшается отъ тѣла и сосредоточивается только въ самой себѣ, тѣмъ болѣе она бываетъ неизмѣнна. Отсюда ясно, что душа по природѣ своей какъ нельзя болѣе приближается къ простому, не состоящему изъ частей и слѣдовательно безсмертному. Разсматривая далѣе взаимное отношеніе въ человѣкѣ души и тѣла, мы видимъ, что душа есть начало повелѣвающее и господствующее, а тѣло подчиненное и повинующееся. Но повелѣвать и господствовать, — это черта божественнаго. И такъ, если тѣло, по природѣ смертное и разруσιμοе, продолжаетъ иногда существовать очень долгое время по смерти человѣка, тѣмъ болѣе должна продолжать существовать душа, по природѣ близкая къ тому, что божественно.

Третье доказательство заключается мною о переселеніи душъ. (р. 80 Е. — 84 В.) Безсмертіе, о которомъ говорилъ Сократъ въ предыдущемъ доказательствѣ, составляетъ удѣлъ не всѣхъ душъ.

а., (р. 80 Е. — 81 А.) Участіе въ общеніи съ божествомъ

бессмертными сущностями (созерцаніе чистыхъ идей) возможно достижиимо только для чистыхъ душъ.

b., (p. 81 B.—E.) Душа, не очистившаяся въ земной жизни, всегда заключаетъ въ себѣ извѣстную долю чего-то, прилежащаго міру чувственному.

c., (p. 81 E.—82 B.) Вслѣдствіе этого она осуждается странствованіе въ тѣлахъ такихъ животныхъ, которыхъ инстинкты соотвѣтствуютъ ея страстямъ и склонностямъ.

d., (p. 82 C.—D.) Понятно, что философъ, который преааетъ чувственность, и старается служить ей какъ можно лучше, совершенно правъ въ своихъ стремленіяхъ.

e., (p. 82 C.—83 E.) Только одна философія даетъ челоуку это духовное очищеніе; очистившись при помощи ея, философъ уже не можетъ возвратиться на путь жизни чувственной. Если онъ такъ поступаетъ, онъ не имѣетъ причины ться смерти. 84 В.

Послѣ небольшого перерыва въ разсужденіяхъ, (при чемъ рать сравниваетъ свои рѣчи съ пѣснью лебеди) слѣдуетъ

p. 85 C.—86 D. Возраженіе Симміаса, который оспариваетъ бессмертіе души на томъ основаніи, что она можетъ представлять собою не болѣе, какъ гармонію элементовъ тѣла. Далѣе дуаетъ

p. 86 E.—88 B. Возраженіе Кебеса, который сравниваетъ шеніе между тѣломъ и душою съ отношеніемъ между одеждою и ея производителемъ, и во всѣхъ доселѣ представленныхъ ратахъ доказательствахъ не находитъ достаточнаго основанія признанію бессмертія души.

p. 88 C.—89 C. Слѣдуетъ мимическая сцена, въ которой брражается впечатлѣніе, произведенное возраженіями на притвующихъ, и тд, какъ принялъ ихъ Сократъ: онъ произгитъ рѣчь противъ мизологіи, излагаетъ причины, которыя ее изводятъ, и находитъ въ нихъ аналогію съ причинами, производящими мизантропію. Сдѣлавъ друзьямъ предостереженіе гивъ мизологіи, онъ приступаетъ къ разбору возраженій.

p. 91 D.—95. Опроверженіе Симміаса основывается на съ положеніяхъ.

а., р. 92—93 Е. Представленіе, что душа есть гармонія тѣла, уничтожается понятіемъ предсуществованія, (принятаго во второмъ доказательствѣ.)

б., р. 93—94 В. Такъ какъ ни одна душа не есть болѣе душа, чѣмъ другая, то всѣ души, — если бы душа была гармоніей, — представляли бы одинъ родъ и одну степень гармоніи, а слѣдовательно всякое нравственное различіе душъ при этомъ представленіи, уничтожается.

с., р. 94 В. — 95. Душа можетъ противиться тѣлу, господствовать надъ нимъ, что діаметрально противоположно понятію гармоніи.

Послѣ повторенія вопроса Кебеса слѣдуетъ: (р. 96—102) историческій обзоръ предшествовавшихъ Платону философскихъ системъ, какъ переходъ къ его собственному ученію объ идеяхъ.

Онъ излагаетъ: (р. 96—102.)

а., теоріи натуръ-философовъ и математиковъ (философію іонійцевъ и пифагорейцевъ) (р. 96—97 В.).

б., р. 97 В. — 99. ученіе Анаксагора.

с., р. 99 D. — 102. свое собственное ученіе объ идеяхъ, на которомъ утверждается четвертое доказательство, представляющее слѣдующія положенія. Идеи всегда суть нѣчто неизмѣнное, чѣмъ совершенно уничтожается возраженіе, взятое изъ перваго доказательства. Каждая идея, будучи неизмѣнна и равна только самой себѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспринять въ себя другой, себѣ противоположной. Очевидно, слѣдовательно, что душа, которой идея есть жизнь, не можетъ принять смерти. Она по существу своему бессмертна (р. 105) и не разрушима. (р. 107.) За тѣмъ слѣдуетъ

р. 107 В.—115. Миѣ о посмертномъ состояніи душъ, раздѣляющійся на три отдѣла.

а., первый заключаетъ въ себѣ описаніе странствованія душъ въ подземномъ мірѣ. (р. 107 В. — 108 С.)

б., второй — изображеніе разныхъ мѣстностей земли (108 С. — 113 С.)

с., третій — различныя состоянія душъ по смерти (р. 113 — 114 С.).

Послѣдняя сцена (р. 114 D. — 118.) передаетъ разговоръ зрата съ Критономъ, его свиданіе съ женою и дѣтьми, и ѡщаніе съ ними, въ ожиданіи темничнаго сторожа. Принятіе зратомъ яду, и затѣмъ описаніе послѣднихъ минутъ и смерти составляетъ заключеніе Федона.

ГЛАВА II.

Характеристика лицъ разговора: Федонъ, Эжекрать, Аполлодоръ, Критонъ, Симмиасъ, Кебесъ, Сократъ.

Лица, окружавшія Сократа въ темницѣ, въ день его смерти, могутъ быть раздѣлены на три категоріи относительно роли, какая дана имъ въ Федонѣ. Объ однихъ Платонъ только упоминаетъ, называя ихъ по именамъ, какъ свидѣтелей кончины своего учителя, и ничего болѣе. Въ самомъ діалогѣ мы ихъ не видимъ. Ихъ характеръ и отношенія къ умирающему философу для насъ остаются въ тѣни. Они не принимаютъ участія ни въ разговорѣ ни въ дѣйстви: это — *chœur* прѣсвѣта діалога. Другія, хотя по степени своего умственнаго развитія не въ состояніи принимать участія въ разрѣшеніи одного изъ труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ, заявляютъ себя такъ или иначе, — то выраженіемъ нѣжныхъ знаковъ любви къ своему умирающему другу, то не менѣе нѣжными заботами объ немъ въ томъ или другомъ отношеніи. Наконецъ, третьи являются его непосредственными собесѣдниками и сотрудниками въ разрѣшеніи вопроса о безсмертіи души. Къ послѣднимъ принадлежатъ Симмиасъ и Кебесъ, а имена первыхъ перечисляются въ началѣ разговора. Что же касается до средней группы лицъ, то я намѣренъ прежде всего остановиться на нихъ, такъ какъ ихъ отношенія къ личности Сократа бросаютъ яркій свѣтъ на отношенія къ нему всѣхъ остальныхъ. Я начну съ того сократовскаго ученика и любимца, по имени котораго названъ самый діалогъ. Федонъ ¹⁾ происходилъ изъ благородной и знатной элейской фамиліи. Еще

¹⁾ Preller, Phaedon's Lebensschicksale u. Schriften. N. Rhein. Mus. 1846, IV. p. 391—399.

будучи юношей, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Спартанцами и проданъ въ рабство въ Афинахъ (*Ieroni in servitutem traditus est.*) Оцѣнилъ ли Сократъ его умственныя способности, предвидя въ немъ будущаго философа, или просто привязался къ личности юноши, но, по настоятельнымъ просьбамъ его, Федонъ былъ выкупленъ,²⁾ и съ этого времени посвятилъ себя занятіямъ философіей, поступивъ въ число учениковъ Сократа.³⁾ Объ отношеніяхъ его къ послѣднему мы знаемъ изъ самаго же діалога, а именно изъ того мѣста, гдѣ говорится о привычкѣ Сократа играть прекрасными волосами юноши. *Εὐώθει γάρ ἑπέτα τῶλοι, καί κειν μου εἰς τὰς τρίχας,* (онъ имѣлъ привычку играть при случаѣ моими волосами) говоритъ онъ самъ. Равнымъ образомъ и онъ былъ привязанъ чувствомъ самой нѣжной любви къ своему наставнику, о чемъ также мы знаемъ изъ его собственнаго разсказа, какъ у него хлынули слезы, послѣ того, когда Сократъ выпилъ чашу съ ядомъ; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и слова его въ началѣ діалога: *τὸ μνησθεῖν Σωκράτους καὶ αὐτὸν λέγοντα καὶ ἄλλου ἀκούοντα ἔμοιγε ἀεὶ πάντων ἡδίστον* (вспоминать о Сократѣ для меня всегда пріятнѣе всего, — говорить о немъ, также какъ и слушать.) По свидѣтельству Діогена Лаэртія онъ основалъ впослѣдствіи времени свою собственную философскую школу, которая получила названіе элейской, и по духу ученія имѣла много общаго съ мегарейскою.⁴⁾ Сверхъ того онъ былъ также извѣстенъ и какъ писатель діалоговъ, которые отчасти излагали философію Сократа, а отчасти его собственное ученіе.⁵⁾ Что же касается до характера, съ какимъ онъ является у Платона, то мы можемъ отмѣтить въ немъ двѣ существенныя черты: неглубокость его философскаго

²⁾ Агивіадомъ, или, по другимъ извѣстіямъ, (и это гораздо вѣроятнѣе) Критонкомъ, или Кебесомъ Сократикомъ. *Gell. N. A. II, 18. Diog. L. II, 31.*

³⁾ *Diog. L. II, 31, 105.*

⁴⁾ *Diog. L. II, 105. Strab. IX, 1, 8. pag. 393. Cas. Suid. v. Φαίδων. Hesych. III. p. 39. ed. Meurs.*

⁵⁾ *Diog. L. II, 47.*

развитія и преданность искренняго, дѣтски наивнаго чувства. Собственно въ философской бесѣдѣ онъ почти не принимаетъ участія; метафизическія утонченности ея очевидно ему не по силамъ; но что онъ глубоко удивлялся Сократу, хотя и не въ состояніи былъ понимать его величія, объ этомъ ясно говорятъ и его слезы и та любовь, съ которой онъ вспоминаетъ о своемъ наставникѣ. Почему Платонъ озаглавилъ разговоръ его именемъ, и предоставилъ ему роль референта прощальной бесѣды Сократа? Исслѣдователи не согласны между собою въ разрѣшеніи этого вопроса. Штальбаумъ находитъ въ этомъ обстоятельстве указаніе на тѣсную дружбу Платона съ Федономъ; ⁶⁾ озаглавливая свой діалогъ именемъ послѣдняго, Платонъ, по его мнѣнію, имѣлъ въ виду сдѣлать честь другу. ⁷⁾ Другіе, какъ напр. Бишофъ, ищутъ разъясненія этого обстоятельства въ личномъ положеніи Федона относительно Сократа. Если бы Платонъ сдѣлалъ референтомъ предсмертной бесѣды философа когонибудь изъ его согражданъ, то они легко могли явиться пристрастными къ другу, тогда какъ рассказъ, вложенный въ уста чужестранца, очевидно выигрываетъ относительно своего авторитета. ⁸⁾ Последнее объясненіе, по моему мнѣнію, удовлетворительнѣе уже потому, что оно имѣетъ болѣе положительный характеръ, тогда какъ первое основано на предположеніи. Какъ бы то ни было, но Платонъ далъ Федону главную роль въ діалогѣ, такъ что весь діалогъ представляетъ не что иное, какъ рассказъ Федона, при чемъ положенія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ имъ драматизируются. Философъ, которому онъ отдаетъ отчетъ о происшедшемъ въ темницѣ Сократа въ день его смерти, былъ Эккратъ. Но кромѣ этого послѣдняго при рассказѣ присутствовали и другіе слушатели, не принимавшіе участія въ разговорѣ, — *χωρὸς πρὸςωπτα*, — что ясно видно изъ обращенія Федона во множественномъ числѣ: *οὐδὲ — ἐπιβουλεύει*, — (слѣдовательно вы не знаете;)

⁶⁾ Хотя, впрочемъ, высказываетъ это не какъ фактъ, а только какъ вѣроятное предположеніе. Stalb. Pl. Op. ed. 4-a vol. I, sect. I, p. 66.

⁷⁾ Gell. N. A. II, 18. Macrob. Sat. I, 11.

⁸⁾ Бишофъ, Plato's Phaed. p. 7.

а также изъ замѣчанія Эхекрата: ἀλλὰ μὴν — καὶ τοὺς ἀκουσόμενους ὡς τοιοῦτους ἑτέροισι ἔχεις (тѣ, которые приготовились слушать твой рассказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа.) Въ составъ лицъ разговора Эхекратъ собственно не входитъ, потому что онъ не былъ при смерти Сократа; но такъ какъ онъ относится по временамъ къ рассказчику то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ, то для полной характеристики вѣдности діалога необходимо остановиться и на немъ. Эхекратъ въ эпоху смерти Сократа жилъ во Фліунтѣ, и, по всей вѣроятности, былъ приверженцемъ пиеагорейскаго ученія. О послѣднемъ обстоятельстве можно заключать изъ того, что Діогенъ Лаэртій⁹⁾ и Амблихъ¹⁰⁾ упоминаютъ о пиеагорейцѣ этого имени, называя его фліунтскимъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это тотъ самый Эхекратъ, о которомъ говорится въ діалогѣ. А такъ какъ онъ родился въ Локрахъ,¹¹⁾ то переселеніе его изъ Италіи въ Грецію, по всей вѣроятности, совершилось незадолго до смерти Сократа, что доказывается его полнымъ незнакомствомъ съ дѣлами Пелопонеса и Аѳинъ. Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что Платонъ, во время своего перваго италійско-сицилійскаго путешествія, въ числѣ другихъ пиеагорейцевъ слушалъ въ Локрахъ и Эхекрата.¹²⁾ Но яснѣе чѣмъ изъ этихъ свидѣтельствъ приверженность Эхекрата къ пиеагорейской философіи открывается изъ его бесѣды, въ которой онъ при разныхъ случаяхъ выказываетъ себя чистымъ пиеагорейцемъ. Въ порядкѣ послѣдовательности, съ какою являются передъ нами лица разговора, я долженъ перейти къ Критону. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ самомъ началѣ, въ первую же минуту по приходѣ друзей Сократа въ темницу, когда этотъ послѣдній поручаетъ ему увести домой рыдающую Ксантину. Уже то одно обстоятельство, что Сократъ изъ всѣхъ друзей обратился съ просьбой именно къ нему, показываетъ, что на немъ лежала главная обязанность

⁹⁾ VIII, 46.

¹⁰⁾ Vit. Pythag. 250 sq.

¹¹⁾ Cic. de fin. V, 29. Val. Max. VIII, 7, 3.

¹²⁾ ibid.

исполненія всѣхъ порученій учителя. И дѣйствительно, въ этой роли онъ является передъ нами въ теченіе всей бесѣды, отъ ея начала и до послѣдней минуты, до самой смерти Сократа. Ему дано первое порученіе — увести изъ темницы жену; ему передано и послѣднее — принести пѣтуха въ жертву Асклеію. Онъ, наконецъ, закрываетъ глаза своему умершему другу, и принимаетъ на себя заботы о его погребеніи. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось оказать Сократу ту или другую услугу, и притомъ большею частію, чисто практическаго свойства, Критонъ является на первомъ планѣ. Что же это за личность, и что его такъ сильно привязываетъ къ Сократу? Критонъ былъ богатый афинянинъ, сверстникъ и согражданинъ великаго философа (ἑλικιώτης καὶ δήμοτης.¹³⁾ Мы не знаемъ положительно, что было началомъ сближенія его съ Сократомъ, но можемъ предполагать съ самою большею вѣроятностію, что основой ихъ дружбы было единство стремленій. Пламенно любя философію,¹⁴⁾ Критонъ естественно долженъ былъ искать сближенія съ философомъ, котораго имя было такъ любимо и популярно въ Афинахъ. Вошедши въ тѣсныя дружескія отношенія съ Сократомъ, онъ не одинъ разъ доказалъ ему на дѣлѣ свою дружбу, и постоянно служилъ ему своимъ имуществомъ, такъ что обезпеченный въ матеріальныхъ нуждахъ Сократъ могъ спокойно предаваться своимъ философскимъ занятіямъ.¹⁵⁾ Вообще о характерѣ Критона можно сказать, что это — искренній, преданный, вѣрный другъ. Что же касается до его взглядовъ и убѣжденій, то, будучи философомъ по профессіи и другомъ философа, онъ менѣе всего философъ на дѣлѣ. Смутно понимая, что въ Сократѣ таятся что-то великое и необыкновенное, онъ любитъ его всю душой, но возвыситься до пониманія его нравственныхъ идеаловъ, стать въ уровень съ его философскими воззрѣніями онъ рѣшительно не могъ. Практическій взглядъ человѣка,

¹³⁾ Apolog. Socr. p. 33. E. Crit. p. 49 A.

¹⁴⁾ Diog. Laërt. lib. II, 121.

¹⁵⁾ Diog. Laërt. II, 20, 31, 105, 121. Xenoph. Mem. I, 2, 48. Themist. IV, p. 110. Suidas in v. Κρίτων.

ставящаго на первомъ планѣ удобства и ви́шнія выгоды жизни выступаетъ у него на каждомъ шагу. Готовый черезъ нѣсколько часовъ умереть, Сократъ предлагаетъ друзьямъ посвятить вмѣстѣ съ нимъ послѣднія остающіяся ему на землѣ минуты изслѣдованію вопроса о безсмертіи души: практической Критонъ совѣтуетъ ему не разгорячаться длинной бесѣдой, изъ опасенія, чтобы не пришлось повторять два или три раза приѣмъ яду. Сократъ весь погружается въ вопросъ о безсмертіи, и послѣдній выводъ его разсужденій былъ тотъ, что философъ долженъ смотрѣть на жизнь какъ на несчастіе, а въ смерти видѣть высочайшее благо, что всѣмъ земнымъ должно пренебрегать, — а Критонъ предлагаетъ ему послѣ всего этого вопросъ: какъ онъ распорядится своимъ имуществомъ, и что онъ прикажетъ относительно похоронъ? Сократъ оканчиваетъ свою высокую рѣчь о безсмертіи, и, перешагнувши уже мыслью за предѣлы всего земнаго, приказываетъ принести чашу съ ядомъ: Критонъ и тутъ обращаетъ вниманіе его на то, что солнце еще не сѣло, что еще можно подождать, и ставитъ такимъ образомъ великаго философа, съ его взглядомъ на смерть, какъ на переходъ къ безсмертной жизни, въ положеніе нерѣшительнаго, колеблющагося человѣка, который бы въ одно и тоже время и желалъ, и боялся бы исполненія своего желанія. Послѣдній совѣтъ Критона — подождать заката солнца — такъ наивенъ, что невольно вызываетъ улыбку; и лучше, чѣмъ какойнибудь другой совѣтъ его, доказываетъ то, что если онъ и носилъ Сократа-друга въ сердцѣ, то Сократъ-философъ рѣшительно не помѣщался въ его головѣ. Рядомъ съ положительной, практической личностью Критона мы видимъ личность другого рода — пылаго, хотя и иррачно настроеннаго энтузіаста. Личность эта — Аполлодоръ¹⁶⁾. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ діалогъ только два раза, въ самомъ началѣ и при концѣ. Въ оба эти раза онъ является намъ чисто пассивнымъ, ви́шнимъ, такъ сказать, образомъ. Въ

¹⁶⁾ За энтузіазмъ, который составлялъ основную черту его характера, онъ получилъ прозваніе *μανικός*.

первый разъ Федонъ разсказываетъ, что Аполлодоръ, находясь въ темницѣ Сократа, безпрестанно плакалъ о судьбѣ учителя; во второмъ мѣстѣ онъ издаетъ пронзительный крикъ въ ту минуту, когда Сократъ выпиваетъ чашу съ ядомъ. Этими двумя чертами Аполлодоръ обрисованъ весь. Это юноша — съ мягкой, нѣжной, женственной натурой. Его чувствительность доходитъ до крайнихъ границъ. Любя Сократа, можетъ быть, какъ никто больше,¹⁷⁾ онъ понимаетъ его едва ли не меньше, чѣмъ всѣ остальные. По крайней мѣрѣ такъ выразилось это на дѣлѣ. Въ то время какъ другіе, побѣждаемые неотразимой силой логики Сократа, на-половину усваиваютъ себѣ его нравственныя воззрѣнія, и вслѣдствіе этого находятся въ полу-печальномъ, полурадостномъ настроеніи духа, — Аполлодоръ весь предается отчаянію. Для него какъ будто не существовала возвышенная бесѣда Сократа о безсмертіи; онъ рѣшительно не хочетъ понять, что Сократъ самъ желаетъ смерти, составляющей, по его глубокому вѣрованію, переходъ къ лучшему, болѣе совершенному бытію. Прекрасно характеризуетъ личность Аполлодора разсказъ Эліана, что онъ принесъ съ собою въ темницу тунику и плащъ, для того чтобы Сократъ умеръ въ богатомъ нарядѣ^{18.)} Ближайшими собесѣдниками Сократа и соучастниками въ изслѣдованіи вопроса о безсмертіи души являются Симміасъ и Кебесъ. Тотъ и другой — молодые еиванцы, слушавшіе въ Эивахъ пиеагорейскую философію у знаменитаго пиеагорейца Филолая;¹⁹⁾ оба одинаково горячо преданы Сократу, и столько же отличаются любовью къ наукѣ, сколько и природными дарованіями. Эти два лица являются главными возражателями, и, если можно такъ выразиться, главными сотрудниками Сократа въ разработкѣ основной темы бесѣды. Но при всемъ сходствѣ какъ внѣшняго положенія, такъ и философскаго направленія обоихъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго различія въ ихъ характерѣ. Кебесъ болѣе твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ; онъ не легко поддается чужому

¹⁷⁾ Xen. Apol. 28. Xen. Mem. III, 11, 17.

¹⁸⁾ V. H. I, 16.

¹⁹⁾ О Филолаѣ см. примѣч. къ переводу 31.

мнѣнію, и не прежде принимаетъ что нибудь за истину, какъ послѣ удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ возраженій. Эту черту, какъ характеристическую его особенность, замѣчаетъ въ немъ и Сократъ, отзываясь о ней съ большою похвалою, какъ о признакъ истиннаго философа. Симміасъ далеко не отличается такою стойкію: онъ гораздо легче и скорѣе отказывается отъ своихъ возраженій. Онъ не такъ логиченъ и послѣдователенъ, какъ Кебесъ, и менѣе изобрѣтателенъ и находчивъ въ сопоставленіи разныхъ сторонъ вопроса. По замѣчанію Штейнгарта, у Кебеса философія является больше дѣломъ разсудка, у Симміаса — она результатъ его не слишкомъ глубокаго чувства.²⁰⁾ Какъ истинные философы, они одни держатъ себя съ достоинствомъ во все время бесѣды, не позволяя себѣ тревожить спокойствія духа учителя ни выраженіемъ отчаянія какъ Аполлодоръ, ни неумѣстными совѣтами какъ Критонъ. Цѣль ихъ возраженій одна — разрѣшить великую проблему безсмертія, получить отъ умирающаго Сократа въ наслѣдство результаты его многолѣтнихъ философскихъ изслѣдованій. Тонъ, въ которомъ оба они возражаютъ ему, показываетъ столько же ихъ уваженіе къ великому философу, сколько и дѣтскую, вполне неотитскую простоту ихъ нрава. Центръ и душу блистательнаго круга друзей и виѣсть героя дня составляетъ Сократъ. Но это ния такъ популярно, значеніе его въ греческой философіи и жизни такъ опредѣленно, что я считаю излишнимъ останавливаться на характеристикѣ его личности вообще, и ограничусь разсмотрѣніемъ вопроса съ частной его стороны, — со стороны того характера, съ какимъ онъ является въ Федонѣ. Много было споровъ между учеными о томъ, кто изъ двухъ учениковъ Сократа оставилъ намъ болѣе вѣрное въ историческомъ смыслѣ изображеніе его личности — Платонъ или Ксенофонтъ? Большинство изслѣдователей новаго времени рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу Ксенофонта, признавая за Платономъ во многихъ случаяхъ идеализацію.²¹⁾ Чтобы отвѣтить на вопросъ: насколько эта идеали-

²⁰⁾ Plat. sämtliche Werke, übers. von Müller B. 4. p. 403.

²¹⁾ Исторія философіи Швейгера, стр. 51.

зація имѣеть мѣсто въ Федонѣ, я приведу нѣкоторыя нравственныя и философскія положенія Сократа по Ксенофонту, и прежде всего остановлюсь на сократовскомъ ученіи о добродѣтели. Мы знаемъ изъ Ксенофонта и Аристотеля, что Сократъ отождествлялъ понятіе добродѣтели съ понятіемъ знанія, рассматривая первую какъ естественный, необходимый результатъ послѣдняго.²²⁾ Чтобы человѣкъ поступилъ въ извѣстномъ случаѣ хорошо, нужно не болѣе, какъ чтобы онъ понималъ, что то или другое хорошо, и если онъ поступаетъ дурно, то это единственно вслѣдствіе непониманія, что то или другое дурно. Выходя изъ понятія знанія, какъ основного принципа добродѣтели, и признавая, вслѣдствіе единства начала ея, равенство всѣхъ добродѣтелей вообще,²³⁾ Сократъ придавалъ ей исключительно политической, гражданскій характеръ, находя высшее и конечное оправданіе ея цѣлей въ достиженіи цѣлей общественной жизни. Эвдемонизмъ — личное счастье человѣка въ государствѣ и общее благо гражданъ — ея послѣднее слово. Въ Федонѣ Сократъ учитъ добродѣтели, какъ необходимому условію блаженства загробной жизни, состоящаго въ соединеніи съ божествомъ. Ученіе его такимъ образомъ о добродѣтели здѣсь расширяется и, опираясь на идею безсмертія души, возводится отъ исключительно гражданскаго принципа къ общимъ религіозно-философскимъ основаніямъ. Ище яснѣе, чѣмъ въ ученіи о добродѣтели, замѣтна идеализація федоновскаго Сократа въ его взглядѣ на цѣль жизни и дѣятельности человѣческой вообще, и то значеніе, которое, по его понятіямъ, долженъ придавать философъ нуждамъ и удовольствіямъ тѣла. Дѣйствительный, историческій Сократъ, какъ мы знаемъ изъ «Достопамятностей», далеко не былъ такимъ исключительнымъ партизаномъ духовнаго начала, какимъ выставилъ его въ Федонѣ Платонъ. Онъ одинаково признавалъ въ человѣкѣ значеніе души и тѣла, и въ правильномъ отношеніи того и другого видѣлъ идеаль здоровой человѣческой природы. Вотъ что говоритъ объ этомъ Ксенофонтъ: τοῦ σώματος αὐτοῦ τε

²²⁾ Arist. Eth. VI, 13; Xenoph. Memor. III. 9, 5. См. Шwegлера, стр. 56.

²³⁾ Истор. еялос. Шwegлера, р. 57.

ῥημάτων, τοῖς τε ἀμελοῦντας οὐκ ἐπιγύει.²⁴⁾ (Онъ не пренебрегалъ заботами о тѣлѣ, и тѣхъ которые не заботились о немъ добрялъ.) Въ Федонѣ ученіе Сократа о возвышеніи надъ цами жизни тѣлесной и исключительномъ служеніи духу дойти до совершеннаго аскетизма. Принимая во вниманіе, что онъ излагаетъ главнымъ образомъ ученіе пифагорейства, мы имъ право заключать съ самою большею вѣроятностью, что одно изъ четырехъ доказательствъ безсмертія души не принадлежитъ Сократу. Для меня, по крайней мѣрѣ, Сократъ, описанный въ ученіи о безсмертіи на свой внутренній голосъ, предчувствіе, по которому онъ сравниваетъ себя съ лебедью, — (ею птицей Аполлона, гораздо болѣе похожъ на дѣйствительнаго, историческаго Сократа, чѣмъ во всѣхъ метафизически истинныхъ своихъ доказательствахъ. Точно также и то, что говоритъ о постепенномъ процессѣ своего философскаго развѣтвѣнія, — какъ онъ перешелъ отъ естествознанія къ Анаксагору, отъ Анаксагора къ признанію абсолютныхъ идей истиннаго, прекраснаго и прекраснаго, скорѣе относится къ самому Платону, ели къ его учителю. Изъ сказаннаго нами мы видимъ, что Платонъ вполне идеализировалъ въ Федонѣ личность своего учителя съ теоретической его стороны, — со стороны духа и характера его ученія. Иначе, впрочемъ, нельзя этого и представлять. То, что мы называемъ у Платона философійю Сократа, есть, собственно говоря, ученіе самого Платона, такъ что сократизмъ, особенно въ діалогахъ позднѣйшаго, пифагорейскаго періода, представляетъ у него не болѣе, какъ только элементъ. Но если Платонъ идеализировалъ въ Федонѣ своего учителя, какъ философа, представивъ въ лицѣ его типъ умирающаго праведника, гордый, въ виду приближенія смерти, отрѣшился уже мыслію отъ всего земнаго, то лице Сократа, какъ человѣка, — со стороны его характера и отношеній къ людямъ, изображено имъ горчически вѣрно. Несомнѣннымъ ручательствомъ за это служатъ какъ свидѣтельства «Достопамятностей», такъ и факты жизни Сократа, извѣстные намъ по другимъ источникамъ. Чтобы

²⁴⁾ Xen. Memog. I, 2, 4.

представить параллель между Сократомъ исторически и кратомъ Платона съ болѣею наглядностью, я и здѣсь сдѣлалъ выше, — при анализѣ философскаго его направленія останавливаться на отдѣльныхъ чертахъ его личнаго характера съ какими онъ является у Платона. Первое качество, которое прежде всего останавливаетъ наше вниманіе въ федоническомъ типѣ Сократа, это — его религіозное чувство, его глубокая речевитость передъ божествомъ. Точно такимъ онъ изображенъ у Ксенофонта. Послѣдній чрезвычайно много распространяетъ объ этомъ предметѣ въ первой книгѣ «Достопамятности» изъ того, что онъ сообщаетъ намъ о религіозномъ чувствѣ какого философа, мы видимъ, что Сократъ не довольствуется логически отвѣченными, действительными признаніемъ божества, чтитъ его въ духѣ живой вѣры, совершая моленія, приносивъ жертвы и вообще строго соблюдая тѣ внѣшнія формы почитанія, какія предписывались законами отечества. Какое отношеніе его къ божеству въ Федонѣ? Отъ первой минуты бесѣды, онъ старается утвердить въ умѣ слушателей вѣру въ божество, и если онъ видитъ въ смерти переходъ къ лучшей жизни, то это единственно вслѣдствіе того, что онъ надѣется по смерти соединиться съ богами — «благими и великими владыками людей.» Въ ту минуту, когда темничный стражникъ приноситъ ему чашу съ ядомъ, онъ спрашиваетъ — сколько ядъ понадобится, и получивъ отвѣтъ, что ядъ пригоденъ ровно въ такомъ количествѣ, какое необходимо для того, что онъ могъ произвести дѣйствіе, заключаетъ: «помолился и прими крайнюю мѣру, чтобы счастливо совершился переходъ къ лучшей жизни.» Вторая черта, характеризующая федоническую личность не меньше, чѣмъ глубокость его религіознаго чувства — мужество, съ которымъ онъ встрѣчаетъ смерть. Оба качества — вѣра въ благодѣтельность божества и безтрепетность передъ смертью, имѣютъ въ душѣ его тѣсную связь, такъ что первое опирается у него на первое. Сократъ не боится умереть; онъ желаетъ смерти; но это не мужество отчаянія, которое пріобрѣтается иногда въ людяхъ передъ безнадежностью положенія, а не равнодушіе человѣка, утомленнаго жизнью; это сознатель-

философски спокойный расчетъ съ нею, въ той увѣренности, что окончаніе жизни на землѣ и между людьми есть для него начало новой, безконечной жизни въ общеніи съ божествомъ. До какой степени простирается мужество и безстрашіе Сократа передъ смертью, это мы видимъ въ ту минуту, когда онъ принимаетъ ядъ. Онъ осушаетъ чашу съ веселымъ видомъ, не изхъняя себѣ ни словомъ, ни движеніемъ, ни перемѣной въ лицѣ. Въ такой изумительной, непобѣдимой силѣ души нельзя не узнать того самаго Сократа, который выказалъ совершенно подобную твердость въ защитѣ своей передъ аѳинскими судьями. Имѣвши полную возможность избѣжать казни уплатой денежнаго штрафа, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ эту мысль, потому что это значило бы признать себя виновнымъ; точно съ такимъ же негодованіемъ отвергаетъ онъ обыкновенныя у подсудимыхъ средства умиловленія судей — введеніе въ народное собраніе жены и плачущихъ дѣтей; онъ всходитъ на кафедру ораторовъ для защиты своего дѣла, и вмѣсто того, чтобы стараться расположить къ себѣ своихъ судей, высказываетъ имъ такія ѣдкия и горькія истины, что, по выраженію Цицерона, онъ казался въ эти минуты не подсудимымъ, а повелителемъ и судьей своихъ судей.²⁵⁾ Всѣ эти черты силы и твердости духа, принадлежащія дѣйствительному, историческому Сократу, показываютъ, что Платонъ ничуть не преувеличилъ истины дѣла, изображая такими яркими красками его душевный героизмъ въ Федонѣ. Третье на чемъ я останавлиюсь, говоря о личности Сократа, это — отношенія его къ друзьямъ, его бесѣда съ ними въ темницѣ. Нельзя надивиться, съ какою нѣжною заботливостью онъ входитъ въ ихъ духовныя нужды, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы ни одинъ вопросъ, при обсужденіи предмета, не остался для нихъ темнымъ и неразрѣшеннымъ. По ихъ движеніямъ и лицамъ онъ предугадываетъ возраженія, и прежде чѣмъ возражатель успѣетъ отнестись къ нему съ вопросомъ, онъ самъ вызываетъ его на объясненіе, имѣя при этомъ въ виду одну цѣль — перелить въ души собесѣдниковъ ту живую вѣру въ безсмертіе, которою проникнутъ онъ самъ. Въ этой чертѣ федоновскаго Сократа опять нельзя не узнать того

²⁵⁾ Ut non reus, sed dominus et iudex iudicium esse videretur.

аѳинскаго моралиста-проповѣдника, который посвятилъ всю свою жизнь дѣлу философіи — распространенію между согражданами идей истины и блага; и въ то время какъ, своекорыстные софисты преслѣдовали только свои личныя цѣли, Сократъ постоянно стремился къ одной — къ умственному и нравственному развитію тѣхъ, которые становились его учениками. Въ темницѣ онъ остался также вѣренъ своему призванію, какъ былъ вѣренъ ему цѣлую жизнь. Я указалъ на нѣкоторыя черты сходства личнаго характера Сократа, какимъ онъ изображенъ въ Федонѣ, съ личнымъ характеромъ его, какъ историческаго лица. Всѣ остальные черты больше или меньше вѣрны дѣйствительности. Что же касается до нравственнаго достоинства его личности вообще, какъ человѣка и философа, то она является намъ въ Федонѣ въ поразительномъ блескѣ. Съ какой бы стороны мы ни рассматривали его, мы всюду видимъ человѣка, который, преподававъ всю жизнь правила мудрости и добродѣтели другимъ, прежде всего въ высочайшей степени усвоилъ ихъ самъ, и путемъ нравственнаго самовоспитанія, кажется, успѣлъ подавить въ себѣ рѣшительно все, что только природа человѣка представляетъ слабого и несовершеннаго. Посвятивъ добровольно и безкорыстно всю жизнь благу своихъ согражданъ — распространенію среди ихъ ученія истины и блага, онъ оклеветанъ тѣми же согражданами, какъ развратитель юности, и приговоренъ къ смерти. Въ комъ изъ людей съ душою менѣе возвышенной не родилось бы при подобномъ положеніи сознаніе несправедливости и обиды, и не выразилось бы тономъ негодованія, жалобы или упрека въ неблагодарности! Ничего подобнаго мы не видимъ въ Сократѣ. Нельзя представить себѣ снисхожденія больше того, какое онъ высказываетъ въ сужденіи своемъ о несправедливомъ къ нему судѣ аѳинянъ, и ничто не можетъ превзойти кротости и незлобія, съ которыми онъ вспоминаетъ злую шутку Аристофана, предавшаго его публичному посмѣянію въ своихъ «облакахъ». Приблизившись уже къ послѣднимъ минутамъ, онъ и въ эти минуты не хочетъ отказаться отъ того, что онъ считалъ миссіей и задачей своей на землѣ — научать людей истинѣ. Совершенно забывая себя и свое поло-

женіе, отославши жену, чтобы она не мѣшала своими воплями правильному теченію бесѣды, онъ спокойно, въ ожиданіи темничнаго сторожа съ ядомъ, превращаетъ въ академическую аудиторію свою предсмертную темницу, заботясь единственно объ одномъ — оставить по себѣ въ наслѣдство друзьямъ то, что онъ считаетъ лучшимъ достояніемъ души — вѣру въ ея безсмертіе. Ставши на ту духовную и нравственную высоту, на которой мы видимъ его въ прощальной его бесѣдѣ, преображенный во всемъ существѣ своемъ предчувствіемъ ожидающаго его по смерти блаженства, Сократъ производитъ не только на людей ему близкихъ, но и на всѣхъ его окружающихъ то дѣйствіе, которое вполне отвѣчаетъ его высокой природѣ. Глубоко трагична та сцена Федона, когда великій мученикъ истины, по окончаніи бесѣды о безсмертіи, выпиваетъ принесенную ему чашу съ ядомъ. Его друзья, которые до этой минуты могли еще удерживать слезы, теперь рѣшительно не въ силахъ долѣе сдерживаться. Федонъ закутываетъ голову въ плащъ, и плачетъ какъ дитя; Критонъ, у котораго также хлынули слезы, выходитъ изъ темницы; Аполлodorъ испускаетъ мучительный крикъ, потрясая души всѣхъ присутствующихъ, и не возмущая только возвышенно спокойнаго настроенія души Сократа, который дѣлаетъ ему кроткій, дружескій упрекъ. Даже на грубую натуру темничнаго сторожа, въ которомъ, по самой профессіи его, нельзя предполагать большой чувствительности и жалости, нравственное величіе Сократа дѣйствуетъ такъ сильно, что онъ, подавая ему смертельное питье, проситъ у него прощенія за исполненіе своей печальной обязанности, а передавши чашу, отворачивается въ сторону, чтобы скрыть свои слезы. Всѣ эти сцены ясно показываютъ, какъ неотразимо сильно дѣйствовало нравственное величіе Сократа на всѣхъ, кто только къ нему приближался. Большинство лицъ, его окружавшихъ, не могли понимать его сознательно и вполне, потому что стояли отъ него въ неизмѣримой духовной дали. Но будучи не въ силахъ проникнуть умомъ въ тайну души великаго философа, они преклонялись инстинктивно передъ его царственно величавымъ спокойствіемъ, его вдохновенной рѣчью о безсмертіи, мужествомъ въ виду

смерти, наконецъ, душевнымъ миромъ и кротостью, которыхъ не въ состояніи возмутить и одолѣть никакая несправедливость и обида людей. Сократъ составляетъ тотъ духовный центръ, вокругъ котораго группируются всѣ остальные лица бесѣды: они отъ него заимствуютъ свой свѣтъ и значеніе. Практическій Критонъ не отгѣнялся бы въ діалогъ такъ ярко, еслибы онъ не представлялъ своимъ исключительно практическимъ взглядомъ рѣзкаго контраста съ идеально возвышеннымъ настроеніемъ Сократа. Аполлodorъ не поражалъ бы насъ такъ дѣтскимъ выраженіемъ отчаянія, если бы онъ не встрѣчался въ этомъ случаѣ лицомъ къ лицу съ невозмутимымъ спокойствіемъ и героизмомъ духа Сократа. Симміасъ и Кебесъ выказываютъ по временамъ слабость своей діалектики только передъ непобѣдимой логикой Сократа. Всѣ эти лица, бесѣдующія съ нимъ въ темницѣ, обязаны ему въ большей или меньшей степени своимъ нравственнымъ развитіемъ, какъ его друзья и ученики. Каждому изъ нихъ онъ заронилъ въ сердце новую искру стремленія къ добру; каждый изъ нихъ принялъ отъ него, сколько могъ. И вотъ, собравшись вокругъ него теперь въ послѣдній разъ, какъ будто вокругъ своего общаго отца, они такъ же сильно, какъ и трогательно выражаютъ любовь свою къ человѣку, который доставлялъ имъ такъ много высокихъ духовныхъ наслажденій въ жизни. Но, и помимо такого близкаго отношенія къ Сократу его обрुжавшихъ, личность его не могла производить на нихъ другого дѣйствія въ эти минуты. Если прежде они видѣли въ немъ только философа, проповѣдника нравственности и добродѣтели, то теперь онъ умиралъ передъ ними за истину своего ученія какъ мученикъ. Его страдальческій конецъ, на который онъ обрекъ себя добровольно, желая остаться вѣрнымъ своему призванію и долгу гражданина, сталъ въ глазахъ его друзей апотеозой и его жизни и его ученія. Философъ по профессіи и безукоризненный философъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, онъ являлся недослагаемо великъ въ своей смерти. Съ такимъ же характеромъ перешелъ онъ и въ потомство. Запечатлѣвъ мученической кончиной вѣрность своей миссіи, онъ составилъ не только своимъ ученіемъ, но и своей свѣтлой, высокой человѣческой личностью эпоху въ исторіи философій.

ГЛАВА III.

Вступительная часть Федона: Сократъ въ темницѣ; его бесѣда съ друзьями о значеніи жизни и смерти и взглядъ, который долженъ имѣть философъ на ту и другую.

Въ предыдущей главѣ я представлялъ характеристику лицъ, окружавшихъ Сократа въ день его смерти; перехожу къ изложенію содержанія вступительной части діалога. Онъ начинается бесѣдою двухъ философовъ, — флізіійца Эхекрата и элидійца Федона объ обстоятельствахъ смерти Сократа. Первый, находившійся въ то время въ отсутствіи, проситъ послѣдняго, какъ очевидца, рассказать ему о послѣднихъ минутахъ великаго философа, ихъ общаго друга. Увидѣвъ изъ распросовъ Эхекрата, что ему совершенно неизвѣстны обстоятельства дѣла, Федонъ прежде всего объясняетъ ему причину замедленія казни, и то, почему Сократъ содержался такъ долго въ темницѣ. Причина эта — случайное совпаденіе произнесенія надъ нимъ приговора съ днемъ отправленія делосской теорин, которую аѳиняне ежегодно посылаютъ Аполлону, въ благодарность за избавленіе отъ опасности Фезея и его спутниковъ. Жрецъ Аполлона увѣнчалъ наканунѣ священный корабль, а законъ аѳинскій строго предписывалъ прекращеніе всякаго рода казней до его возвращенія. Эхекратъ проситъ рассказать о самыхъ обстоятельствахъ смерти Сократа, — что онъ передъ этимъ говорилъ, что дѣлалъ, и кто въ это время былъ у него. Федонъ охотно соглашается исполнить его просьбу. «Да миѣ и самому», говоритъ онъ, «вспоминать о Сократѣ всегда пріятнѣе, чѣмъ что нибудь другое, — говорить о немъ, также какъ и слушать». Но, любезный Федонъ, возражаетъ Эхекратъ, какъ будто бы съ нѣкотораго рода ревностью:

«тѣ, которые приготовились слушать твой рассказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа; постарайся же передать намъ все съ такою точностью, какая только будетъ для тебя возможна». Приступая къ разсказу, Федонъ прежде всего передаетъ своему собесѣднику то впечатлѣніе, которое произвело на него, также какъ и на всѣхъ остальныхъ друзей философа послѣднее ихъ свиданіе съ нимъ въ темницѣ. «Я испытывалъ именно что-то необыкновенное, находившись тогда у Сократа», говоритъ онъ; «въ душѣ моей не было жалости, хотя я присутствовалъ при смерти моего друга; этотъ человѣкъ представлялся мнѣ блаженнымъ, любезный Эхекратъ, во всемъ существѣ своемъ, также какъ въ своихъ рѣчахъ: такъ безстрашно и съ такимъ достоинствомъ онъ умиралъ. Казалось, что онъ переселялся въ адъ не безъ особеннаго опредѣленія боговъ, и что онъ будетъ тамъ наслаждаться блаженствомъ, какимъ едва ли наслаждался кто-нибудь когда нибудь. Вотъ почему у меня нисколько не было въ душѣ сожалѣнія, какъ можно бы ожидать отъ человѣка, присутствующаго при печальной сценѣ. Точно также, съ другой стороны, я не чувствовалъ и того удовольствія, которое мы обыкновенно испытывали, когда вели наши философскія бесѣды. Рѣчи наши отчасти и тогда имѣли этотъ характеръ; но въ душѣ у меня дѣйствительно было какое-то необыкновенное чувство, какое-то непонятное соединеніе радости и печали, раждавшееся при мысли о томъ, что этотъ человѣкъ долженъ скоро умереть.» Вотъ какое впечатлѣніе производитъ умирающій Сократъ на оставляемыхъ имъ друзей! разставаясь съ философомъ, котораго они благоговѣнно чтутъ, и другомъ, котораго нѣжно любятъ, они почти радуются, и едва не торжествуютъ какъ побѣду его невинное осужденіе и смерть; вотъ до какой степени успѣлъ онъ перелить въ сердца ихъ вѣру въ безсмертіе души, и поселить въ нихъ взглядъ на смерть, какъ на переходъ къ новой, безконечно блаженной жизни! Легкими чертами, но тѣмъ рѣзче отгвняя этимъ группу остальныхъ лицъ изображаетъ Федонъ впечатлѣніе, которое производитъ мысль о разлукѣ съ Сократомъ зѣ частности на Аполлодора, котораго женственная натура сказывается вся въ ту минуту, когда великій мученикъ истины

пиваетъ принесенную ему чашу съ ядомъ. Эхекратъ спрашиваетъ, кто именно былъ у Сократа въ день его смерти, и идонъ называетъ поименно всѣхъ присутствовавшихъ въ темницѣ. «О чемъ же шла ваша бесѣда?» предлагаетъ онъ вый вопросъ. Начинается разсказъ Федона о томъ, что говорилъ и дѣлалъ Сократъ, послѣ того когда они къ нему пришли. Времени произнесенія обвинительнаго приговора, друзья философа, зная, что имъ недолго уже осталось наслаждаться бесѣдами ихъ великаго учителя и друга, каждый день собираются къ нему въ темницу, и проводятъ въ разговорахъ съ нимъ все время отъ восхода до заката солнца. Въ одинъ изъ такихъ дней, вышедши отъ него вечеромъ, они узнаютъ, что корабль извратился уже изъ Делоса, и что слѣдовательно слѣдующій день долженъ быть днемъ смерти Сократа. Они собираются на другой день раньше обыкновеннаго въ судилищѣ, гдѣ ожидали остоянно и прежде, пока отпрутъ темницу. Привратникъ, вышедши къ нимъ на встрѣчу, проситъ ихъ подождать и не ходить, прежде чѣмъ онъ объявитъ кому слѣдуетъ о ихъ приходѣ. «Одиннадцать судей», прибавилъ онъ, «освобождаютъ къ настоящую минуту Сократа отъ оковъ, и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть.» Друзья входятъ. Сократъ есѣдуетъ съ женою своею Ксантинпой, которая держитъ на рукахъ ребенка. Едва она увидѣла друзей философа, какъ ачала рыдать, изливаясь въ жалобахъ отчаянія. «О Сократъ», вторяла она съ воплями, «сегодня въ послѣдній разъ бесѣдуютъ съ тобою твои друзья, и ты съ ними.» Сократъ проситъ Критона поручить кому нибудь увести ее изъ темницы; слуги Критона немедленно исполняютъ приказаніе; несчастная женщина родолжаетъ рыдать и поражать себя въ грудь. Оставшись динъ съ друзьями Сократъ, съ котораго только что сняли ередь этии цѣпи, и для котораго это было можетъ быть ервое пріятное ощущеніе, испытанное имъ въ темницѣ, началъ азсуждать о томъ, какъ тѣсно связаны въ человѣкѣ чувства адости и печали, такъ что, при всей кажущейся противоположности ихъ, одно постоянно примѣшивается къ другому, дно неизбѣжно влечетъ за собою другое. «Если бы на это

обратилъ вниманіе Эзопа, прибавилъ онъ, онъ сложилъ бы басню, — какъ богъ, желая примирить воюющія противоположности, и не успѣвши въ этомъ, соединилъ ихъ концы, отчего и происходитъ, что какъ скоро человекъ посѣтитъ одно чувство, — вслѣдъ за нимъ является и другое. Это, очевидно, происходитъ въ настоящее время, прибавилъ онъ, и со мною, потому что прежде я чувствовалъ боль въ колѣнѣхъ отъ давленія оковъ, а теперь это чувство смѣнилось для меня ощущеніемъ пріятнымъ.» Имя Эзопа напомнило Кебесу занятія Сократа въ темницѣ. Въ немъ пробудилось любопытство; ему хочется знать, чтò заставило его писать въ темницѣ стихи, когда онъ никогда не писалъ ихъ прежде? Почему именно въ это время онъ началъ перелагать басни Эзопа, и сочинилъ гимнъ Аполлону? Меня спрашивали объ этомъ нѣкоторые, говоритъ онъ, объясняя Сократу причину своего любопытства, и въ числѣ другихъ, — въ недавнее время, Эвентъ. «И такъ, если ты желаешь, прибавилъ онъ, чтобы я былъ въ состояніи отвѣчать Эвенту, когда онъ опять спроситъ меня объ этомъ — а я увѣренъ, что онъ спроситъ — то скажи, чтò я долженъ отвѣчать?» Вопросъ Кебеса очевидно важенъ, и разрѣшеніе его живо интересуется слушателей. Не можетъ не показаться страннымъ въ самомъ дѣлѣ, что человекъ, который не былъ поэтомъ по призванію, и никогда не писалъ стиховъ, живя на свободѣ, вдругъ начинаетъ ихъ писать въ тюрьмѣ, и при какихъ же обстоятельствахъ? Когда надъ нимъ произнесенъ смертный приговоръ, и онъ со дня-на-день ожидаетъ его исполненія. Общее любопытство сильно затронуто, и Сократъ счелъ нужнымъ подробное объясненіе. Изъ отвѣта его мы узнаемъ, что его поэтическими занятіями въ темницѣ руководило то непосредственное вліяніе обладавшаго имъ демона, который внушалъ ему откровенія его нравственной философіи, и на котораго онъ такъ часто ссылается въ своихъ бесѣдахъ. «Часто», говоритъ Сократъ, въ моей прошлой жизни мнѣ являлось одно и то же видѣніе, — въ разныя времена въ разныхъ видахъ, но съ одной и той же рѣчью. Сократъ, говорило оно мнѣ, посвяти себя искусству музъ, и упражняйся въ немъ. Сначала я думалъ, что оно побуждало и

ободряло меня продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался и въ прежнее время. Подобно тому, какъ воодушевляють бѣгущихъ на ристалищѣ, такъ, думалъ я, и меня мое видѣніе возбуждало заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался, — служить искусству музъ, т. е. величайшей наукѣ — философiи, которой я посвящалъ мои труды. Но теперь, послѣ того, когда надо мною былъ произнесенъ приговоръ, а празднество Аполлона замедлило мою смерть, я счелъ долгомъ, если мое видѣніе въ своихъ частныхъ явленiяхъ возбуждало меня къ занятію искусствомъ болѣе обыкновеннымъ, не противиться его голосу, а послѣдовать; потому что для меня безопаснѣе — не покидать этой жизни, прежде чѣмъ я исполню свой долгъ передъ божествомъ, и, повинаясь видѣнію, напишу нѣсколько поэтическихъ произведенiй. Такимъ образомъ, я прежде всего сочинилъ гимнъ божеству, которому въ то время праздновали; а послѣ гимна, разсудивши, что поэтъ, если онъ хочетъ быть поэтомъ, долженъ представлять въ стихахъ разсказъ, а не однѣ только поэтическія мысли, а самъ я неизобрѣтателенъ въ вымыслѣ, — я переложилъ въ стихи басни Эзопа, какія имѣлъ подъ рукою и зналъ, — первыя, которыя мнѣ попались.» Отвѣтъ Сократа объясняетъ намъ то побужденіе, которое руководило его занятіями въ темницѣ, и заставило его наканунѣ смерти приняться за стихи. Побужденіе это — желаніе исполнить долгъ передъ божествомъ, отвѣчать на призывный его голосъ. «Вотъ что, любезный Кебесъ», сказалъ Сократъ, «передай Эвену: пусть онъ будетъ здоровъ, и, если онъ мудръ, пусть какъ можно скорѣе слѣдуетъ за мною». Необыкновенное желаніе, которое высказалъ Сократъ, пожелавъ Эвену скорой смерти, вопреки принятому людьми обычаю желать долгой жизни, въ высшей степени заинтересовало собесѣдниковъ. Бесѣда принимаетъ съ этой минуты болѣе возвышенное направленіе. До сихъ поръ, изъ разговора друзей и рѣчей самого Сократа, мы знакомились съ разными обстоятельствами его процесса, и его внѣшней обстановкой въ темницѣ. Это — собственно историческая часть пролога. Теперь, по случаю заочнаго совѣта, даннаго философомъ Эвену, въ кругу собесѣдниковъ поднимается вопросъ о значенiи жизни и смерти и взглядѣ, какой долженъ имѣть на

нихъ истинный философъ. Въ этой новой части пролога, которая непосредственно слѣдуетъ, мы становимся лицомъ къ лицу съ нравственнымъ характеромъ личности Сократа. Здѣсь онъ является передъ нами вполнѣ, со всѣми своими философскими представленіями о жизни и смерти, о единственно вѣрномъ способѣ достиженія истины, о верховномъ благѣ, какъ предлѣвъ стремленій души, наконецъ съ его глубокою вѣрою въ ея безсмертіе. Это — часть философская. Прологъ Федона состоитъ такимъ образомъ изъ двухъ частей: чисто исторической и философской. Я изложилъ подробно содержаніе первой; перехожу ко второй. Сократъ пожелалъ Эвену какъ можно скорѣе слѣдовать за нимъ; удивленный Симміасъ отвѣчаетъ, что едва ли онъ такъ равнодушенъ къ жизни, и едва ли будетъ расположенъ послушаться совѣта. «Какъ», возразилъ Сократъ, «развѣ Эвенъ не философъ?» и на отвѣтъ Симміаса, что онъ кажется ему философомъ, замѣтилъ: «въ такомъ случаѣ онъ захочетъ послѣдовать совѣту, — Эвенъ, какъ и всякій другой, кто только надлежащимъ образомъ упражняется въ занятіяхъ философіей; и однакожъ для достиженія этой цѣли, философъ не причинитъ себѣ насильственной смерти». Въ мысляхъ, высказанныхъ Сократомъ, собесѣдники находятъ противорѣчіе. Истинный философъ долженъ желать смерти; остающемуся Эвену дается совѣтъ спѣшить перейти въ другой міръ, а между тѣмъ самоубійство не позволительно. Кебесъ указываетъ на это противорѣчіе. Сократъ обращается къ обоимъ — Симміасу и Кебесу, съ вопросомъ: не слышали ли они объ этомъ чего нибудь въ школѣ пиеагорейцевъ отъ Филолая, и на отвѣтъ ихъ: «ничего опредѣленнаго» говорить, что онъ и самъ знаетъ объ этомъ не больше того, сколько слышалъ отъ другихъ; если онъ началъ объ этомъ рѣчь, то только потому, что не хотѣлъ скрывать отъ нихъ слышаннаго, а также и потому, что самый приличный предметъ бесѣды для умиращаго составляетъ — разсуждать и вспоминать существующіе разказы о переселеніи въ другой міръ, — каково оно должно быть. Видимое однакожъ противорѣчіе двухъ положеній, высказанныхъ Сократомъ, и его отказъ примирить ихъ вызываютъ новыя настойчивыя просьбы Кебеса разъяснить во-

прось, если не исполнѣ, то насколько возможно. «Не надобно отчаеваться,» сказалъ Сократъ; «скоро, можетъ быть, и услышишь; и, можетъ быть, тебѣ покажется удивительнымъ, что изъ всѣхъ возможныхъ вещей это составляетъ единственно простую истину, и что въ этомъ случаѣ никогда не бываетъ такъ, какъ въ другихъ, то есть, чтобы извѣстнымъ людямъ въ извѣстное время было лучше умереть, нежели жить; можетъ быть тебѣ покажется удивительнымъ, что даже тѣмъ, для которыхъ было бы лучше умереть, нежели жить, непозволительно благодѣлствовать самимъ себѣ, но нужно ожидать посторонняго благодѣтеля.» «Ученіе объ этомъ предметѣ, продолжалъ онъ, сообщаемое только посвященнымъ, мнѣ представляется многозначительнымъ и не легко объемлемымъ разумомъ. Всѣ мы, живя на землѣ и будучи заключены въ тѣла, содержимся въ нѣкотораго рода темницѣ, изъ которой никто не смѣетъ освободить себя безъ воли боговъ. Люди составляютъ ихъ собственность. И такъ, не возбудитъ ли ихъ гнѣва тотъ, кто, вопреки ихъ волѣ, оставитъ назначенный ему постъ? Только опредѣленіе божества даетъ человѣку право выдти изъ темницы тѣла, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ мнѣ», заключилъ онъ. Если такъ, возразилъ Кебесъ, то въ разсужденіи твоёмъ, Сократъ, я вижу новое противорѣчіе. На какомъ основаніи человѣкъ долженъ желать выхода изъ этого міра, если его окружаютъ заботы и попеченія его благихъ руководителей, — боговъ? Не странно ли человѣку желать разстаться съ этими попеченіями? Въ подобномъ случаѣ естественна скорбь, а не радость. Настойчивость Кебеса, съ которой онъ для всего ищетъ основаній, и ничего не принимаетъ на вѣру, очень понравилась Сократу. Симміасъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Кебеса, замѣтилъ Сократу, что едва ли рѣчь Кебеса не указываетъ прямо на него. Ты слишкомъ легко, говоритъ онъ ему, побиваешь и насъ и благихъ владыкъ міра, въ благодости которыхъ ты и самъ увѣренъ, — боговъ. Сократъ признаетъ справедливость замѣчанія, и чувствуетъ необходимость оправдать себя въ глазахъ друзей, выражая при этомъ одно желаніе, чтобы его новая защита передъ ними имѣла болѣе успѣхъ, чѣмъ прежняя, — передъ аѳинскими судьями. Два вѣрованія состав-

ляютъ опору твердости Сократа въ настоящемъ его положеніи, и служатъ причиной, почему онъ такъ спокойно встрѣчаетъ смерть. Впервые, перешедши въ другой міръ, онъ надѣется соединиться тамъ съ истинно добродѣтельными людьми, которые гораздо лучше живущихъ на землѣ, а во вторыхъ достигнуть общенія съ богами, всецѣло благими владыками людей. Первое Сократъ не рѣшается утверждать положительно, во второмъ онъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ. «Вотъ почему,» заключилъ онъ, «я не печалюсь при мысли о смерти, но имѣю добрую надежду, что извѣстная участь существуетъ и для умершихъ, и, согласно древнему преданію, гораздо лучшая для добрыхъ, нежели для злыхъ.» Но какъ же, однако, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ, «развѣ ты думаешь покинуть насъ, унесши съ собою твой взглядъ на этотъ предметъ, или ты сообщишь его и намъ? Мнѣ кажется, что это благо, общее и для насъ; да кромѣ того, если ты насъ убѣдишь въ томъ, что ты высказываешь, то это будетъ вмѣстѣ и твоей апологіей.» Сократъ изъявляетъ готовность приступить къ разсужденіямъ, но его останавливаетъ безпокойство Критона, который собирается что-то сказать. На вопросъ Сократа, — что именно безпокоитъ его, Критонъ отвѣчаетъ просьбой, чтобы онъ поменьше говорилъ, сообщая при этомъ замѣчаніе темничнаго сторожа, что всякій волнующій разговоръ ослабляетъ дѣйствіе яду, такъ что вслѣдствіе этого, иногда бываетъ необходимо повторять приемъ два и даже три раза. Но могло ли подобное предостереженіе остановить Сократа? Короткое приказаніе его, чтобы тюремщикъ приготовилъ двойную и, если нужно, тройную порцію яду, — и друзья приступаютъ къ бесѣдѣ. Чѣмъ больше всего занимаютъ въ жизни истинные философы? началъ Сократъ. — Размышленіемъ о смерти, приготовленіемъ къ ней. А если такъ, то естественно ли, чтобы человѣкъ, который всю жизнь думалъ о смерти, сталъ скорбѣть и печалиться, когда она пришла? Остроуміе мысли заставило Симміаса засмѣяться, хотя онъ вовсе не расположенъ былъ къ смѣху. Онъ замѣчаетъ, что послѣ такого разсужденія и сограждане его согласились бы съ тѣмъ, что истинные философы желаютъ смерти, и что они ея достойны, на что Сократъ въ свою

очередь возразилъ, что хотя мысль совершенно справедлива, тѣмъ не менѣе однакожъ едва ли бы они ее поняли. Но, оставимъ этихъ людей, сказалъ Сократъ, и возвратимся къ нашему предмету. Что такое смерть? задаетъ онъ новый вопросъ. — Разлученіе души съ тѣломъ, рѣшаютъ собесѣдники. — А какъ понимаетъ жизнь, чѣмъ занимается и къ чему стремится истинный философъ? спрашиваетъ онъ опять. Много ли онъ посвящаетъ заботъ удовлетворенію нуждъ тѣла, стремится ли онъ къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя называютъ чувственными, и которыя относятся къ жизни тѣлесной, — за удовольствіями пировъ и попокъ, или наслажденіями любви? Не стремится ли онъ всю жизнь къ тому, чтобы какъ можно меньше служить тѣлу, и какъ можно больше душѣ, не старается ли онъ уединять, такъ сказать, свою душу, и самымъ образомъ жизни разлучать ее съ тѣломъ; а если такъ, то можетъ ли онъ скорбѣть и печалиться, когда для него наступитъ минута окончательнаго отдѣленія души отъ тѣла — смерть? Отвѣтъ очевиденъ: истинный философъ не долженъ бояться смерти, и онъ дѣйствительно ее не боится. Сократъ беретъ вопросъ съ новой стороны. Какія цѣли и задачи поставляетъ себѣ въ жизни истинный философъ? спрашиваетъ онъ. — Изысканіе истины, приобрѣтеніе мудрости. Но первымъ врагомъ нашимъ въ дѣлѣ познанія, по его увѣренію, служитъ наше тѣло. Зрѣніе и слухъ передаютъ намъ впечатлѣнія предметовъ обманчиво; а если эти два чувства не безошибочны, тѣмъ менѣе безошибочны остальные. Душа такимъ образомъ, продолжалъ Сократъ, изслѣдуя истину при участіи тѣла, очевидно впадаетъ въ заблужденіе. Только уединяясь отъ него и отдаваясь чисто мысленному созерцанію, она доходитъ до познанія истины. Далѣе, какъ образуются въ насъ представленія о справедливомъ, прекрасномъ, добромъ, наконецъ обо всѣхъ предметахъ подобнаго рода? Слагаются ли они въ нашей душѣ при помощи тѣла и его органовъ? Нимало. Только путемъ мысленнаго углубленія въ подобнаго рода предметы мы можемъ проникать въ ихъ сущность, и тотъ, кто больше другихъ размышляетъ, больше другихъ приближается къ цѣли своихъ изысканій, — къ постиженію ихъ. Тѣло является въ этомъ случаѣ не помощникомъ, а

врагомъ души, возмущая ея дѣятельность, и препятствуя ей отдаваться своему внутреннему созерцанію. Пока мы облечены тѣломъ, мы не можемъ достигъ полного обладанія предметомъ нашихъ стремленій, — истиной. Не очевидно ли, что философъ, посвящающій всю жизнь ея изслѣдованію, долженъ по возможности ограничивать и ослаблять дѣйствіе на душу тѣла, такъ какъ оно служитъ для него препятствіемъ въ достиженіи его цѣли? Истинный философъ такъ и поступаетъ: всю жизнь онъ стремится разобщать, насколько только возможно, душу и тѣло. для того чтобы лучше созерцать истину необманчивымъ зрѣніемъ мысли. Естественна ли послѣ этого, чтобы онъ скорбѣлъ и печалился при наступленіи смерти, освобождающей его наконецъ отъ тѣла, съ которымъ онъ боролся цѣлую жизнь, и которое служило для него вѣчнымъ препятствіемъ, вѣчной помѣхой въ изысканіи истины, — въ достиженіи цѣли его стремленій? Очевидное дѣло, что истинный философъ долженъ встрѣчать смерть не съ скорбнымъ, а съ радостнымъ чувствомъ. Сократъ беретъ новую сторону вопроса.... философъ, какъ онъ показалъ, и боится смерти. Какъ же надобно понимать тѣхъ, для которыхъ она составляетъ предметъ страха? Очевидно, что это не философы, — любители мудрости, а любители чувственныхъ удовольствій. Чѣмъ являются въ жизни тѣ и другіе съ нравственнаго стороны? Сократъ проводитъ параллель между добродѣтельнымъ философомъ и человѣкомъ обыкновеннаго. Только философъ, говоритъ онъ, можетъ быть мужественъ или воздерженъ. Всѣ другіе, если обладаютъ иногда этими добродѣтелями, то они въ нихъ шатрачны и обманчивы. Что движетъ мужествомъ людей обыкновенныхъ? Презрѣніе къ смерти? Они ея боятся: они любятъ жизнь. Если они и показываютъ себя иногда мужественными подвергаясь смерти, то единственно изъ боязни — подвергнуться въ противномъ случаѣ гораздо большому злу. Ясное дѣло, ихъ мужество основано на страхѣ, — на началѣ совершенно и противоположномъ духу истиннаго мужества, которое у философа находитъ опору въ самомъ себѣ. Философъ мужественъ, потому что жественъ; человѣкъ обыкновенный мужественъ потому, что робокъ. А чѣмъ бываетъ, продолжалъ Сократъ, воздерж

въ людяхъ обыкновенныхъ? Мы видимъ, что многіе люди дѣйствительно воздержны, — но почему? По невоздержанію. Это можетъ показаться страннымъ, прибавилъ онъ, но это дѣйствительно такъ. Они отказываютъ себѣ въ однихъ удовольствіяхъ только для того, чтобы имѣть возможность предаваться другимъ. Не ясно ли дѣло, что это не есть воздержаніе, а только замѣна одного чего нибудь пріятнаго другимъ пріятнымъ, воздержаніе въ извѣстныхъ случаяхъ, въ пользу невоздержанія въ другихъ? «О дорогой мой Симиасъ, заключилъ Сократъ, неправиленъ подобнаго рода обмѣнъ, какъ скоро дѣло касается добродѣтели, то есть мѣнять удовольствія на удовольствія, и печали на печали, и опасенія на опасенія и большее на меньшее, какъ будто бы монету. Одна истинная монета, на которую все это должно обмѣнивать, — это мудрость: за нее и черезъ нее покупается и продается дѣйствительно все, — и мужество и воздержаніе и справедливость; однимъ словомъ, истинная добродѣтель неразлучна съ мудростію, — бываютъ или не бываютъ при этомъ удовольствія и опасенія, и все другое подобное. Но если добродѣтель не основана на мудрости, и мѣняется одна на другую, то — не призрачна ли такая добродѣтель, не рабская ли она по существу, и не лишена ли она въ характерѣ своемъ всего здороваго и истиннаго?» Какимъ же путемъ можно достигъ истинной добродѣтели? Сократъ указываетъ единственное для этого средство, — гаянства и религіозные обряды, установленные мудрыми для земнаго очищенія душъ. «Души людей не посвященныхъ въ гаянства и неочищенныхъ говоритъ онъ, вошедши въ жилище гѣней, будутъ погружены въ грязь, а очищенныхъ и посвященныхъ, по прибытіи туда, будутъ жить вмѣстѣ съ богами.» Завѣдывающіе религіозными посвященіями, продолжаетъ онъ далѣе, говорятъ: «много людей, носящихъ тирсъ, но мало вдохновляемыхъ божествомъ.» А эти послѣдніе, по моему мнѣнію, суть именно люди, занимавшіеся надлежащимъ образомъ философіей. Я, по возможности, не упустилъ въ теченіе жизни ничего, чтобы принадлежать къ числу этихъ людей, но стремился къ этому всеми силами. Были ли мои стремленія направлены надлежащимъ образомъ, и имѣлъ ли я въ нихъ успѣхъ, — я узнаю навѣрно,

пришедши туда, если угодно будетъ богу — въ непродолжительномъ времени, какъ мнѣ кажется.» Указавъ на религіозныя истеріи, какъ необходимое средство земного очищенія, Сократъ заключаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: «это, любезныя друзья мои, Симміасъ и Кебесъ, я говорю въ защиту свою передъ вами, желая показать, что я справедливо не скорблю и не досаую, покидая и васъ и здѣшнихъ владыкъ, — боговъ; я думаю, что и тамъ я встрѣчу ничуть не меньше благихъ повелителей и друзей, хотя очень многіе этому не вѣрятъ. Если въ этой защитѣ моей передъ вами я имѣлъ больше успѣха, чѣмъ передъ моими аѳинскими судьями, — это было бы хорошо.»

Въ изложенной нами вступительной части Федона, Сократъ представилъ своимъ слушателямъ идеалъ истиннаго философа, и его взглядъ на значеніе жизни и смерти. Мысль Сократа о смерти, какъ о желанномъ благѣ, которое человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ предпочитать жизни, рано явилась въ греческомъ сознаніи, выражаясь у поэтовъ жалобами на бѣдность и неудовлетворительность условій земной жизни. Такъ Софокль въ Эдипѣ Колонскомъ прямо и положительно высказываетъ эту мысль «Первое счастье,» говоритъ онъ, «не родиться на свѣтъ, а второе какъ можно скорѣе умереть.»¹⁾ Еще болѣе рѣзкимъ тономъ отчаянія звучитъ эта мысль въ пѣсни Теогиаса: «никогда не родиться, никогда не видѣть ослѣпительнаго блеска солнца — высшее благо для смертныхъ; но кто родился, для того лучше всего какъ можно скорѣе сойти въ жилище аида, покрывшись могильною сѣнью.»²⁾ Этотъ взглядъ на значеніе жизни болѣе или меньше проглядываетъ всюду въ произведеніяхъ греческой лирики, какъ обратная сторона свѣтлаго и радостнаго міровозрѣнія грека. Но если у поэтовъ смерть является не болѣе какъ прекращеніемъ скорбей и страданій, то у Сократа она составляетъ ступень перехода къ новой, лучшей жизни. Только въ ученіи Сократа человѣчество впервые услышало ясно выска-

¹⁾ v. 1225, sqq.

²⁾ v. 425, sqq.

анную идею безсмертія; до него этой идеи не было. Правда, въра въ посмертное существованіе душъ составляетъ такой же ущественный догматъ религіи грековъ, какъ и каждаго другого арода, но это существованіе является у нихъ въ представле-іяхъ народной фантазіи и міеахъ поэтовъ въ самомъ безотрад-омъ свѣтѣ. Андъ Гомера составляетъ мѣсто изгнанія душъ, дѣ блуждаютъ тѣни умершихъ, не находя ни въ чемъ отрады. Ахиллъ выражаетъ у него желаніе быть лучше полевымъ аботникомъ на службѣ у бѣднаго пахаря, нежели царемъ одземнаго міра.³⁾ Тѣнь Дарія, вызванная вдовою его Атоссою, знавъ о погибели всей арміи Ксеркса, и объяснивъ царицѣ ричину постигшаго Персію несчастія, заключаетъ рѣчь свою лѣдующими словами: «старцы, оставшіеся въ живыхъ; живите, аслаждаясь даже въ несчастіи жизни: мертвымъ нѣтъ отрады.»⁴⁾ [зъ приведенныхъ нами указаній видно, что только въ ученіи ъократа идея безсмертія души получаетъ впервые свой настоящій мыслъ и значеніе. Не простое желаніе успокоенія отъ страданій аставляетъ сократовскаго философа желать смерти, а глубокая ѣра, что она составляетъ ступень перехода въ безсмертію. Во ступительной части Федона Сократъ развиваетъ слушателямъ ту идею, какъ свое личное убѣжденіе, вѣру своего сердца. Но лич-ое убѣжденіе одного не обязательно для другихъ. Со стороны его лшателей естественно ожидать вопроса: на чемъ же онъ осно-ывается, высказывая эту идею такъ твердо и положительно? 'дѣ внутреннія, разумныя основанія его вѣры въ безсмертіе? себесъ дѣйствительно задаетъ ему этотъ вопросъ, и проситъ азъяснить его путемъ обыкновеннаго философскаго изслѣдованія. ъократъ изъявляетъ готовность приступить къ разсмотрѣнію до-азательствъ. Изложеніе приведенныхъ имъ доказательствъ со-авляетъ предметъ слѣдующихъ главъ.

³⁾ *Odyss.* IX, v. 489 sqq.

⁴⁾ *Персы Эсхила*, v. 840, sqq.

ГЛАВА IV.

Первое доказательство безсмертія души, основанное на древнемъ преданіи, подтверждаемомъ всеобщностью закона «крайнихъ противоположностей» въ бытіи. Анализъ доказательства.

Первое доказательство, на которомъ Сократъ утверждаетъ идею безсмертія души, обыкновенно называютъ физическимъ, или естественно-философскимъ.¹⁾ Опираясь на положительный, очевидный фактъ, — существованіе крайнихъ противоположностей въ бытіи, въ которомъ каждое явленіе имѣетъ себѣ противоположное, свою, такъ сказать, обратную сторону, доказательство это утверждаетъ безсмертіе души, какъ логически необходимое явленіе, обратное противоположному явленію смерти тѣла. На основаніи его внутренняго характера ему также усволяютъ названіе доказательства «крайнихъ противоположностей.» Состоя въ тѣсной связи съ древнимъ сказаніемъ о посмертномъ состояніи душъ, оно дѣлится на двѣ части: первая содержитъ въ себѣ изложеніе мѣта; вторая представляетъ рядъ чисто философскихъ разсужденій, направленныхъ къ защитѣ преданія, лежащаго въ его основѣ. «Есть древнее сказаніе,» говоритъ Сократъ, «что души, по разлученіи съ тѣлами, сходятъ въ адъ, и оттуда опять возвращаются въ міръ.» Если бы мы могли это чѣмъ нибудь подтвердить, то безсмертіе души составляло бы несомнѣнный фактъ, потому что для того, чтобы она могла возвратиться, необходимо, чтобы она продолжала гдѣ

¹⁾ Der physische, oder naturphilosophische Beweis. Такое названіе даютъ ему Штейнгартъ (Plat. Werke, viert. B. p. 415.) и Циммерманъ (Die Unsterbl. der Seele in Plato's Phaedo, p. 23.) Съ моей точки зрѣнія оно должно быть названо мѣтно-философскимъ.

ды существовать по разлученіи съ тѣломъ. Но такъ какъ, ертное пребываніе душъ въ адѣ, представляетъ не научно-софскій выводъ, опирающійся на тѣ или другія данныя, а аніе, то очевидно, что мнѣ этотъ можетъ получить значеніе глудоказательства только тогда, если мы подтвердимъ вѣрность его разумными основаніями. Сократъ обращается къ ютрѣннѣ законовъ бытія и говоритъ, что въ природѣ всюду одствуетъ законъ крайнихъ противоположностей, такъ что ое явленіе представляетъ два обратно-противуположныхъ измѣннн, каждое отдѣльное единичное бытіе возникаетъ и звется не иначе, какъ изъ своего противуположнаго. Преное составляетъ контрастъ безобразнаго, также какъ справное обратную сторону несправедливаго; большее противупожно меньшему, лучшее — худшему. Между двумя крайними ями противуположныхъ явленнй находится двойственный проь обратно-противуположныхъ дѣйствнй, составляющихъ педдъ отъ одного явленнн къ другому, и условнн превращеннн го въ другое. Большее образуется очевидно изъ меньшаго, о также какъ меньшее потому только могло сдѣлаться меньь, что оно сначала было бдльшнмъ. Слабѣйшее является ѣйшнмъ вслѣдствнн того, что оно было сначала болѣе сильь, точно такъ какъ болѣе быстрое образовалось изъ болѣе теннаго. Если что ннбудь дѣлается хуже, то очевидно только му, что оно было сначала лучше, и то, что мы называемъ е справедлнвнмъ, сдѣлалось болѣе справедлнвнмъ потому, оно сначала было менѣе справедлнвнмъ. Что же составляетъ томъ случаѣ процессъ превращеннн одного явленнн въ другое?— лѣдовательность моментовъ перехода. Постепенное обезобраіе составляетъ переходъ отъ прекраснаго къ безобразному, ьшеннн — отъ большаго къ меньшему, ухудшеннн — отъ лучо къ худшему. И такъ бытіе вообще представляетъ въ явлень своихъ крайнння противуположности, при чемъ переходъ ого въ другое совершается правильно повторяющнмся проомъ круговратнаго движеннн. Утверднвшн это, какъ общій онъ, выведенннй изъ наблюденнн частныхъ явленннй, Сократъ вѣчаетъ, что такъ необходимо должно быть. Если бы это,

говорить онъ, было иначе, — если бы существовало только движеніе впередъ, безъ движенія обратнаго и посредствующаго процесса обратнаго движенія, то очевидно, что все пришло бы наконецъ къ одному и тому же состоянію, и развитіе жизни остановилось бы совершенно. Если бы существовало напр. одно только явленіе засннанія, и не существовало противоположнаго — пробужденія отъ сна, то что другое могло бы наконецъ произойти, какъ не погруженіе всей природы въ глубокой сонъ? Но бытіе и жизнь тѣмъ именно и охраняются, что каждое явленіе, переходя посредствующимъ процессомъ въ другое, себѣ противоположное, возвращается снова обратнымъ процессомъ къ тому, чѣмъ было прежде. Указавъ на множество частныхъ примѣровъ крайнихъ противоположностей въ бытіи, равно какъ и посредствующихъ процессовъ перехода однихъ явленій въ другія, — одного противоположнаго въ другое соотвѣтствующее противоположное, и заключивъ анализомъ явленій бодрствованія и сна, гдѣ возникновеніе одного изъ другого осязательно очевидно Сократъ останавливается на взаимномъ отношеніи жизни и смерти. Что составляетъ крайнюю противоположность жизни? спрашиваетъ онъ. — Очевидно, смерть. — Откуда возникаетъ эта послѣдняя? — На основаніи всеобщности закона крайнихъ противоположностей очевидно — изъ жизни. — Но если существованіе крайнихъ противоположностей въ явленіяхъ составляетъ всеобщій законъ бытія, то не естественно ли, чтобы видимому, осязательному для глазъ явленію — смерти тѣла, соотвѣтствовало невидимое, неподлежащее чувствамъ противоположное явленіе — безсмертіе чего-то, что мы называемъ душою? А если она продолжаетъ существовать, какъ жизненное начало, противоположное началу смерти, то что съ нею дѣлается по смерти тѣла? — Явленія переходятъ одно въ другое посредствующими процессами, совершая движеніе впередъ и обратно: и такъ надобно предположить, что и души умершихъ куда-то идутъ, — преданіе говоритъ, — въ адъ. А такъ какъ ничто не остается въ одномъ и томъ же положеніи, но всѣ явленія подчинены закону движенія круговратнаго, то и души умершихъ, сошедши въ адъ, не остаются тамъ навсегда, но, по истеченіи извѣстнаго періода времени, возвращаются въ

міръ опять, воплощаясь въ новня тѣла. И такъ, души живущихъ людей суть не что иное, какъ возвратившіяся въ міръ души умершихъ, также какъ души умершихъ суть сошедшія въ аидъ души живыхъ. Надобно принять одно изъ двухъ, говоритъ въ заключеніе Сократъ: или одно только явленіе смерти, при всеобщности закона крайнихъ противоположностей, не имѣетъ соотвѣтствующаго себѣ крайне-противуположнаго явленія въ безсмертіи, и слѣдовательно природа оказывается въ этомъ случаѣ, какъ онъ выражается, хромою, или же — началу смерти, видимо проявляющемуся въ разрушеніи тѣла, непремѣнно должно соотвѣтствовать безсмертіе чего-то невидимаго, что мы называемъ душою.

Таковъ ходъ перваго, изложеннаго въ Федонѣ доказательства безсмертія души. Души, по этой теоріи, всегда однѣ и тѣже; онѣ ни прибавляются, ни убавляются въ числѣ. Одна и та же душа попеременно то уходитъ изъ міра по смерти тѣла, въ которомъ жила, то возвращается опять, воплощаясь въ новое. Шекспиръ, слѣдовательно, или другой великій поэтъ новаго времени, ничуть не представляетъ особой, самостоятельной духовной единицы. Личность, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Шекспира, есть не что иное какъ духъ Эврипида, который, возвратившись черезъ нѣсколько столѣтій на землю и перевоплотившись, въ новомъ тѣлѣ носилъ уже имя Шекспира. Точно также авторомъ «исторіи государства російскаго,» былъ не Карамзинъ, а Геродотъ, называвшійся въ одномъ изъ своихъ перевоплощеній Карамзинимъ. Каждая душа, слѣдовательно, по этой теоріи, существуетъ попеременно въ двухъ различныхъ формахъ: какъ чистый духъ, и въ соединеніи съ тѣломъ. Первая форма принадлежитъ пребыванію ея въ аидѣ, вторая — періодамъ земной ея жизни. Одна и та же душа воплощается въ міръ множество разъ, правильнѣе сказать, періодически возвращается на землю, мѣняя постоянно тѣла, точно такъ какъ тѣло перемѣняетъ платье. Когда мы говоримъ, что такой-то человекъ родился, это значитъ, что въ міръ возвратился жившій уже въ немъ прежде извѣстный духъ, начинающій теперь опять свою земную жизнь. И такъ, каждое новое рожденіе есть, собственно

говоря, не что иное, какъ образованіе новаго тѣла. Откуда явилась у Платона теорія перевоплощенія? Мы видѣли, что она основана на древнемъ преданіи. «Извѣстное намъ объ этомъ преданіи», говоритъ онъ, «принадлежитъ древнимъ временамъ»: *καλαῖος μὲν οὖν ἔστι τις λόγος, ὃν μνησθήμεθα*. Эта связь теоріи перевоплощенія съ преданіемъ составляетъ первую существенную и характеристическую ея черту. Платонъ начинаетъ не съ философскаго принципа, не съ выводовъ и положеній чистаго разсудка, а съ религіознаго догмата. Зерно доказательства составляетъ мифъ; философскія разсужденія играютъ въ немъ второстепенную роль, представляя рядъ умозаключеній, которыми, какъ мы замѣтили выше, онъ старается подтвердить истину древняго преданія. Характеръ доказательства ясно указываетъ на тѣсную, непосредственную связь его съ первымъ періодомъ греческой философій, начавшейся изученіемъ природы, и стремившейся объяснять происхожденіе всякаго отдѣльнаго, единичнаго бытія изъ первоначальной недѣлимой матеріи, которой позднѣйшіе мыслители (Гераклитъ) усвоили внутреннюю, самобитную силу движенія, выражающуюся въ двухъ противоположныхъ процессахъ, сжатія и расширенія, притяженія и отталкиванія. Въ бытіи, такимъ образомъ, является двѣ стороны: самое бытіе, какъ основа измѣненія, и процессъ измѣненія, какъ условіе образованія явленій и перехода одного въ другое. Совершенно подобное мы видимъ и въ изложенной нами психологической теоріи Платона. Съ одной стороны, у него является душа, какъ самостоятельное, неизмѣнное⁹, всегда самому себѣ равное начало, а съ другой — процессъ ея вѣчнаго движенія, совершаемаго ея собственною, внутреннею силою. Еще яснѣе открывается вліяніе первоначальнаго направленія греческой философій на разсматриваемое нами доказательство въ томъ, что оно въ основѣ своей опирается на мифъ, на преданіе. Извѣстно, что философія природы, ставшая въ ученіи іонійцевъ на почву научнаго изслѣдованія, не вдругъ отрѣшилась отъ космологическихъ и мифическихъ преданій древнѣйшихъ поэтовъ: символы и мифы состоятъ въ тѣсной съ нею связи. И такъ, родственность теоріи движенія душъ съ философскими представленіями первыхъ по вре-

мени греческихъ мыслителей очевидна. Платонъ, который еще прежде познакомился черезъ Кратила съ учениемъ іонійцевъ, и который вообще любилъ держаться преданія, приводитъ первымъ въ числѣ доказательствъ безсмертія такое, которое очевидно допускаетъ нѣкоторую аналогію между чисто психическимъ началомъ и законами и явлениями видимаго міра. Представивши сущность доказательства крайнихъ противоположностей и его историческое значеніе, я перейду къ возраженіямъ, приводимымъ противъ него критикой. Первый недостатокъ, который въ немъ обыкновенно находятъ, это — такъ называемое въ логикѣ *restitutio principii*. Безсмертіе души составляетъ пока еще только вопросъ, предметъ изслѣдованія; а между тѣмъ въ самомъ доказательствѣ, съ первыхъ, такъ сказать, шаговъ его, душа прямо уже принимается за вѣчно движущуюся и, слѣдовательно, безсмертную сущность; такъ что, собственно говоря, всѣ аналогическія данныя доказательства о переходѣ крайнихъ противоположностей изъ одной въ другую направлены единственно къ утверженію посмертнаго схождения душъ въ адъ и возврата ихъ въ міръ: самое же безсмертіе души принято уже въ немъ предварительно за фактъ. Недостатокъ этотъ въ первый разъ признанъ въ доказательствѣ Теннеманомъ²⁾, и критика послѣдующаго времени повторила то же обвиненіе. Не соглашаясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ порицателей Платона, я изложу основанія, въ силу которыхъ я уклоняюсь отъ общаго на этотъ предметъ взгляда. По моему мнѣнію, разрѣшеніе вопроса: признать или не признать въ доказательствѣ указанный недостатокъ находится въ самой тѣсной и близкой связи съ предварительнымъ разрѣшеніемъ другого вопроса: считать или не считать мнѣ существовавшей частью доказательства? Другими словами, — слѣдуетъ ли смотрѣть на это доказательство какъ на чисто-философское или же какъ на релігіозно-философское, мнѣно-философское? Если мы примемъ первое, то *restitutio principii* въ немъ ясно съ послѣднею очевидностью; противъ этого едва ли кто станетъ возражать. Но дѣло въ томъ, что мнѣ или преданіе — *καλαῖος λόγος* — далеко не

²⁾ Виновъ, Plat. Phaedon, p. 313.

имѣть въ немъ значенія чего-то прибавочнаго и случайнаго, какъ обыкновенно думаютъ. Если ему не придавать въ настоящемъ случаѣ положительнаго, существеннаго значенія, и не признавать прямой, положительной связи съ нимъ философской части разсужденія, то я предложилъ бы прежде всего слѣдующій вопросъ: для чего Платонъ ввелъ въ доказательство мнѣ, и при томъ такъ, что поставилъ его на первомъ планѣ, упомянулъ объ немъ прежде, чѣмъ перешелъ собственно къ философскому изслѣдованію? Неужели онъ сдѣлалъ это потому, что хотѣлъ придать своимъ разсужденіямъ болѣе авторитетъ? Но ссылокъ на авторитетъ естественно заканчивать, въ силу известнаго положенія: «согласіе утверждаетъ истину», а не начинать. Для чего же онъ, повторяю, приводитъ мнѣ въ самомъ началѣ доказательства? Мнѣ говоритъ о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ и періодическомъ возвратѣ ихъ въ міръ. Эта же мысль развивается путемъ аналогическаго умозаключенія въ философской части. Посмертное схождение душъ именно въ адъ взято изъ мнѣ, какъ нѣчто готовое, что потомъ только разъясняется въ философской части разсужденія. Точно такъ Платонъ беретъ изъ того же мнѣ, какъ нѣчто готовое, утверждаемое догматомъ положительной вѣры, идею души — мысль о ея безсмертіи. Доказательство въ такомъ случаѣ имѣетъ не чисто философскій, а мнѣико-философскій, или, правильнѣе, религіозно-философскій характеръ. Основу его составляетъ мнѣ, а философская часть представляетъ развитіе и объясненіе мнѣ. И такъ, если Платонъ беретъ свое понятіе безсмертія изъ области вѣры, гдѣ истина принимается за фактъ помимо предварительнаго изслѣдованія, — то его разсужденіе должно быть свободно отъ упрека въ *petitio principii*. Изъ этого слѣдуетъ только то, что прежде чѣмъ изслѣдовать безсмертіе, какъ истину философскую, онъ утверждаетъ ее какъ истину религіозную. Платонъ соединяетъ въ своемъ разсужденіи о безсмертіи рѣшительно все, что только можно сказать по этому вопросу: у него является и непосредственное убѣжденіе сердца (взглядъ философа на жизнь во вступительной части діалога, и въ другомъ мѣстѣ предчувствіе умирающей лебеди) и положительная вѣра (мнѣ

о посмертномъ сходженіи душъ въ адъ,) и философія (— изслѣдованіе вопроса: не есть ли душа наша гармонія и два послѣднія доказательства, основанныя на разсмотрѣніи природы души.) Но что онъ не останавливается въ первомъ своемъ доказательствѣ на непосредственномъ понятіи безсмертія, почерпнутомъ изъ религіознаго догмата, это мы видимъ въ концѣ разсужденія, гдѣ та же самая идея безсмертія изслѣдуется чисто философскимъ путемъ и утверждается какъ нѣчто вѣроятное, какъ предполагаемое, логически необходимое — при существованіи крайнихъ противоположностей въ бытіи — явленіе, противоположное явленію смерти. И такъ, въ одномъ и томъ же доказательствѣ идея безсмертія и положительно утверждается, какъ истина религіозная, и съ вѣроятностью предполагается на основаніи разсудочныхъ соображеній. Въ силу этого, я думаю, что доказательство крайнихъ противоположностей рѣшительно чуждо того недостатка, который ему обыкновенно приписываютъ — *petitio principii*. Думать иначе, значило бы навязывать Платону чисто дѣтскую, смѣшную ошибку. Онъ приступаетъ къ доказательствамъ безсмертія души, и прежде изслѣдованія принимаетъ уже за доказанное то, что хочетъ доказать? Это было бы не только недостойно такого глубокаго ума какъ Платонъ, а просто несообразно съ здравымъ смысломъ. Но дѣло является совершенно въ иномъ свѣтѣ, если мы приемъ мнѣ за существенную часть, за основу разсужденія, и будемъ смотрѣть на его цѣлое не какъ на чисто философское доказательство, а какъ на соединеніе элемента религіознаго съ философскимъ. Теперь я останавлиюсь на другомъ возраженіи, которое дѣлаетъ критика противъ теоріи противоположностей. Вотъ что говоритъ противъ нее Циммерманъ³⁾ «Основаніе доказательства не выдерживаетъ критики. Основу его составляетъ круговоротъ жизни въ природѣ. Изъ смерти повсюду возникаетъ жизнь: — но развѣ нельзя перенести этого закона съ такимъ же правомъ на тѣла? Можно согласиться съ теоріей постоянного чередованія и непрерывнаго перехода предметовъ изъ одной противополож-

³⁾ Zimmermann, die Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phaedo, Leipzig, 1859, p. 28.

ности въ другую, и все таки рѣшеніе нашего вопроса отъ этого не подвигается впередъ. Наше тѣло распадается въ смерти на свои составныя части, которыя потѣмъ, такъ или иначе, соединяются въ новой органической жизни, и, такимъ образомъ, путемъ разнообразныхъ превращеній, образуютъ новое человѣческое тѣло; это было бы, слѣдовательно, на основаніи закона противоположностей, странствованіе тѣлъ. И такъ, изъ тѣхъ же самыхъ посылокъ можно бы вывести точно также безсмертіе и неизмѣнно однажды навсегда установленное число отдѣльныхъ тѣлъ, какъ и душъ; а такъ какъ доказательство доказываетъ слишкомъ много, то поэтому самому доказываетъ мало.» Продолжая развитіе той же мысли, Циммерманнъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «можно бы также и обратно, вмѣсто того чтобы дѣлать такого рода заключеніе, стать на почву дѣйствительности, и аргументировать такимъ образомъ: природа творитъ повсюду изъ истлѣвающихъ тѣлъ опять новыя, — но никогда тѣ же самыя, какъ мы легко можемъ убѣдиться; все въ природѣ возвращается отъ смерти къ жизни, — но не въ томъ же видѣ! Перенесемъ путемъ аналогіи это наблюденіе изъ жизни природы на жизнь душъ, и мы получимъ слѣдующее положеніе: изъ разсѣвающихся душъ образуются точно также новыя души, какъ изъ истлѣвающихъ тѣлъ новыя тѣла, — но эти души не будутъ тѣ же, точно такъ какъ и тѣла.» Приведенное мною мнѣніе о доказательствѣ крайнихъ противоположностей раздѣляетъ и Суземиль⁴⁾. Основная мысль возраженія слѣдовательно та, что доказательство крайнихъ противоположностей слишкомъ обширно, что изъ него будто бы точно также можно выводить индивидуальное безсмертіе опредѣленнаго числа тѣлъ, какъ и опредѣленнаго числа душъ, а беря вопросъ съ другой стороны, — тѣ и другія — и души и тѣла — наследуютъ только безсмертіе космическое — стихійное существованіе въ лонѣ природы, но не личное, индивидуальное безсмертіе. Это новое возраженіе, также какъ и предыдущее, состоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о значеніи въ доказательствѣ

⁴⁾ Die genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie, erster Theil, p. 429. Ср. Германа, Geschichte und System der platonischen Philosophie p. 153, 282.

мнеа. Изъ теоріи «крайнихъ противоположностей» можно выводить какую угодно нелѣпость, если не принимать его за существенную часть доказательства; но всѣ возраженія и затрудненія исчезаютъ сами собою, если мы посмотримъ на дѣло съ другой стороны, и придадимъ сказанію о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ значеніе чего-то такого, что Платонъ только разъясняетъ рядомъ аналогическихъ примѣровъ въ философской части разсужденія. Суземилъ, защищая вышеприведенное возраженіе (подробно изложенное у Циммерманна) говорить, что изъ доказательства дѣйствительно одинаково слѣдуетъ какъ безсмертіе тѣла, такъ и душъ, въ силу того, что Платонъ не опредѣляетъ предварительно различія между духовной и тѣлесной природой⁵⁾ (Substantialität). Предоставляю судить читателю — не становлюсь ли я въ противорѣчіе съ правиломъ извѣстной пословицы: *amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas* (— пословицы, которая здѣсь приходится буквально), но скажу прямо, что и въ настоящемъ случаѣ я рѣшительно на сторонѣ Платона, противъ его порицателей. Что онъ принимаетъ съ самаго начала доказательства идею личнаго безсмертія души за нѣчто уже готовое, (замѣтновавъ эту идею изъ мнеа) объ этомъ сказано выше. Точно такъ, какъ основу ея онъ принимаетъ и простоту души, понимая ее какъ единичную, противоположную сложной природѣ тѣла сущность. Правда, онъ не высказываетъ этого въ доказательствѣ прямо, не опредѣляетъ предварительно различія между природой души и тѣла, какъ дѣлаетъ это въ третьемъ доказательствѣ (которое все направлено къ утверженію этого различія,) но что онъ, принимаетъ душу и тѣло за двѣ противоположныя природы, и косвенно указываетъ на ихъ различіе — это ясно видно изъ хода доказательства. Утверждая фактъ круговратнаго движенія душъ, Платонъ приводитъ какъ аналогическіе примѣры только логически-простыя понятія: большее и меньшее, лучшее и худшее, прекрасное и безобразное, сонъ и бодрствованіе и т. д., слѣдовательно, понятія такого рода, которыя дѣйстви-

⁵⁾ Die Gen. Entw. der plat. Philos. p. 429.

тельно имѣютъ соотвѣтствующія себѣ противоположныя, и могутъ переходить одно въ другое. Не ясно ли отсюда, что онъ принимаетъ душу также за простую сущность, какъ просты (въ логическомъ смыслѣ) тѣ понятія, на анализѣ которыхъ онъ утверждаетъ защиту древняго преданія. Мало этого. Платонъ говоритъ, что все подчинено закону возникновенія противоположностей одной изъ другой, — но тутъ же дѣлаетъ ограниченіе, прибавляя: «то, что имѣетъ нѣчто подобное,» то есть — себѣ противоположное ($\theta\sigma\iota\varsigma\ \tau\acute{o}\upsilon\ \chi\alpha\upsilon\alpha\iota\varsigma\ \delta\upsilon\ \tau\omicron\iota\sigma\iota\tau\acute{o}\nu\ \tau\iota;$) и въ другомъ мѣстѣ: явленія, которыя имѣютъ нѣчто себѣ противоположное ($\theta\sigma\iota\varsigma\ \xi\sigma\tau\iota\ \tau\iota\ \epsilon\nu\alpha\nu\tau\omicron\upsilon\varsigma.$) А такими явленіями, какъ мы видѣли выше, онъ признаетъ только логически-простыя сущности, потому что на самомъ дѣлѣ только онѣ одни могутъ имѣть крайне себѣ противоположныя. Надобно при этомъ обратить вниманіе и на то, что Платонъ, при изложеніи теоріи движенія душъ, не беретъ рѣшительно ни одного примѣра изъ круга явленій міра видимаго, которому принадлежитъ наше тѣло, напр. воды, дерева, камня, а этимъ самымъ, очевидно, признаетъ эти предметы не принадлежащими къ категоріи тѣхъ простыхъ сущностей, которыя допускаютъ нѣчто себѣ противоположное, и слѣдовательно возможность перехода въ это противоположное.

Изъ этого ясно, что душа, въ первомъ доказательствѣ Платона аналогическимъ сближеніемъ ея съ простыми сущностями, признается и сама за простую сущность (— понятіе, составляющее основу безсмертія, утверждаемаго въ самомъ началѣ доказательства на основаніи міра;) съ другой стороны, ограниченіе закона крайнихъ противоположностей, замѣчаніе, что не каждое явленіе имѣетъ соотвѣтствующее себѣ противоположное, и рѣшительное исключеніе изъ числа приводимыхъ имъ примѣровъ предметовъ видимыхъ — все это показываетъ, что онъ относитъ эти послѣдніе къ какой-то другой категоріи. И такъ, по моему мнѣнію, если изъ доказательства крайнихъ противоположностей можно вывести путемъ аналогіи вѣчное движеніе душъ, какъ доказательство ихъ безсмертія, то заключенія въ пользу подобнаго, или, точнѣе сказать, точно такого же безсмертія тѣлъ изъ него рѣшительно не выходитъ. Два указанныхъ критикой недостатка въ доказательствѣ — *petitio principii* и отсутствіе предваритель-

наго опредѣленія въ немъ различія между духовной и тѣлесной природой, вслѣдствіе чего изъ доказательства, по мнѣнію критики, можно точно также выводить безсмертіе тѣлъ, какъ и душъ, касаются его общаго характера, его сущности. Насколько я успѣлъ защитить въ этомъ случаѣ теорію Платона со стороны ея логическихъ основаній, — не знаю; я изложилъ мой личный взглядъ; о вѣрности его предоставляю судить другимъ. Продолжая обзоръ мнѣній ученыхъ о первомъ доказательствѣ, считаю необходимымъ указать также на существенный частный недостатокъ, находящійся въ немъ критикой, а именно на то, какъ въ немъ опредѣляется взаимное отношеніе понятій справедливаго и несправедливаго. Вотъ что говоритъ по этому поводу Циммерманнъ. «Мы должны сказать еще слово объ одномъ моментѣ въ развитіи этого доказательства, такъ какъ оно въ этомъ пунктѣ, съ точки зрѣнія философіи нашего времени, можетъ показаться весьма поверхностнымъ, потому что подводитъ подъ одну категорію два совершенно различные предмета. Когда Платонъ, представляя законъ рожденія противоположнаго изъ противоположнаго, выводитъ точно также справедливое изъ несправедливаго, какъ большое изъ малаго, то противъ этого можно возразить, что онъ смѣшиваетъ въ этомъ случаѣ противоположности бытія и небытія, и такого или другого бытія; потому что между справедливымъ и несправедливымъ совершенно иное отношеніе, нежели между большимъ и малымъ. Въ противоположностяхъ такого рода, какъ справедливое и несправедливое, доброе и злое, нѣтъ перехода съ помощію посредствующаго члена, какъ этого требуетъ круговратное движеніе. Иное дѣло, когда вопросъ касается большого и малаго; тамъ отношеніе образуется помощію бытія съ извѣстнымъ свойствомъ, или безъ него, и слѣдовательно переходъ черезъ прибавку или убавку положительно возможенъ. Аристотель такимъ образомъ оказывается правъ, упрекая Платона въ смѣшеніи количественнаго съ качественнымъ, субстанціальнаго съ акцидентальнымъ.»⁶⁾ Другія воз-

⁶⁾ Die Unsterblichkeit der Seele in Pl. Phaedo, p. 29 sq. Arist. *Metaph.* XIV, 1.

раженія, приводимыя критикою противъ доказательства крайнихъ противоположностей, касаются возрастанія народонаселенія и перехода инстинктовъ и душевныхъ склонностей отъ родителей къ дѣтямъ — вопросы, на которые теорія Платона не даетъ отвѣта.

Первое доказательство безсмертія начинается мнѣомъ, который, по нашему мнѣнію, состоитъ съ нимъ въ тѣсной связи. Откуда Платонъ его заимствовалъ? Исслѣдователи не рѣшаютъ положительно вопроса, — принадлежитъ ли онъ ученію пнеагорейцевъ, или кругу ораическихъ сказаній. Впрочемъ, припишемъ ли мы ему то или другое происхожденіе, — это не представляетъ существенной важности. Гораздо важнѣе для насъ въ настоящемъ случаѣ то, что движеніе души, какъ основа ея безсмертія, не составляетъ исключительной доктрины Федона, а играетъ вообще весьма важную роль въ психологической теоріи Платона. Такъ напр. въ Федрѣ мы читаемъ слѣдующее: «каждая душа безсмертна, потому что все вѣчно движущееся безсмертно» (*τὸ ἀκίνητον ἀθάνατον.*⁷⁾) Тоже самое онъ говоритъ и въ «законахъ», называя душу движеніемъ, которое совершается само черезъ себя — *κίνησις ἑαυτῆν κινούσα.*⁸⁾ Но если въ другихъ діалогахъ мысль эта не представляетъ полного, законченнаго развитія, то въ Федонѣ она возводится на степень теоріи, состоящей въ связи съ религиознымъ догматомъ. Душа, по ученію Платона, есть самодвижущаяся, и притомъ вѣчно движущаяся сущность. Какое же понятіе даетъ намъ эта теорія о душѣ? Нельзя не признать, что при всемъ остроуміи и утонченности, которыя выказываетъ Платонъ въ ея развитіи, понятіе о психическомъ началѣ является въ ней чѣмъ-то весьма неопредѣленнымъ, и это составляетъ главный, существенный недостатокъ доказательства. Вопросъ: чтѣ же движетъ эту вѣчно движущуюся душу въ ея непрерывныхъ переселеніяхъ изъ ада въ міръ и обратно? Если та сила, которая составляетъ общее начало міроваго движенія, то Платонъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, отождествляя психическую и космическую сущность. Защищая

⁷⁾ Paedr. 245 C.

⁸⁾ Leges, X. 894 C.

самостоятельность духовнаго начала, онъ въ тоже время уничтожаетъ ее, потому что поставяетъ душу въ зависимость отъ законовъ матеріальнаго міра, и слѣдовательно признаетъ ее чѣмъ-то аналогическимъ съ его явленіями. Несовершенство этого доказательства въ философскомъ смыслѣ очевидно. Платонъ, кажется, самъ чувствовалъ его недостатки, и оттого оно является у него въ самомъ началѣ, составляя переходъ къ послѣдующимъ, болѣе зрѣлымъ и глубокимъ доводамъ безсмертія, основаннымъ на разсмотрѣніи природы души.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, при всѣхъ относительныхъ несовершенствахъ его, въ немъ есть нѣчто такое, что, если и не составляетъ прямого, категорическаго разрѣшенія съ извѣстной стороны вопроса, то во всякомъ случаѣ даетъ предчувствовать, предугадывать истину. Душа, подчиняясь, по теоріи противоположностей, всеобщему закону міроваго движенія не переходитъ и не разрѣшается ни во что другое, какъ бываетъ не только съ предметами и явленіями, но и съ тѣми логически-отвлеченными сущностями большаго и меньшаго, лучшаго и худшаго, которыя Платонъ приводилъ въ примѣръ, объясняя аналогически ея движеніе. Даже послѣднія, переходя посредствующими процессами въ соотвѣтствующія имъ противоположности, перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были прежде; тогда какъ душа, мѣняя въ смерти тѣла условія своего существованія, не измѣняетъ своей сущности, и слѣдовательно оказывается не явленіемъ или моментомъ бытія, а субстанціею, духомъ, носительницею и хранительницею жизни въ самой себѣ, въ лонѣ своей собственной природы. Она испытываетъ попеременно два противоположныхъ состоянія: или она существуетъ въ соединеніи съ тѣломъ, или въ обособленномъ видѣ, какъ чистый духъ. Какова же ея внутренняя жизнь и дѣятельность ея силъ въ эти два, противоположные по своему характеру, періода ея существованія? Остаются ли онѣ однѣ и тѣже, или онѣ различны, какъ различны самыя условія ея бытія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ во второмъ доказательствѣ, гдѣ Платонъ излагаетъ теорію идей.

ГЛАВА V.

Второе — психологическое — доказательство бессмертія, основанное на существованіи въ душѣ довременныхъ идей. Анализъ доказательства.

Если душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась, то очевидно, что въ ней должно сохраниться нѣкотораго рода воспоминаніе объ этомъ предшествовавшемъ періодѣ ея жизни; внутри ея, — въ ней самой должны сохраниться слѣды прошедшаго ея бытія. Платонъ обращается къ разсмотрѣнію природы души, и находитъ въ ней нѣчто такое, что, по его мнѣнію, несомнѣнно доказываетъ ея прошлое существованіе, а слѣдовательно, на основаніи круговратнаго закона жизни, ея бессмертіе. Такъ какъ это новое доказательство основано на анализѣ самой сущности души, то оно, по характеру своему — психологическое. Доказательство состоитъ въ слѣдующемъ. Сократъ предлагаетъ вопросъ: что есть ученіе? и отвѣчаетъ: «ученіе есть припоминаніе» (*μάθησις = ἀνάμνησις.*) Если это дѣйствительно такъ, то, очевидно, необходимо; чтобы душа узнала когда-нибудь прежде припоминаемое ею потѣмъ; а что она дѣйствительно есть существо знающее, видно ясно изъ того, что люди, когда ихъ о чемънибудь спрашиваютъ, если только вопросъ сдѣланъ хорошо, находятъ отвѣты сами собою, что, очевидно, было бы невозможно, если бы они не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ умомъ. Еще яснѣе это открывается въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь укажетъ имъ на геометрическія фигуры, или на что-нибудь подобное. Далѣе; возьмемъ понятія сходства и несходства, равенства и неравенства и т. д. Мы разсматриваемъ извѣстные предметы и говоримъ, что такой-то предметъ похожъ

на известній другой, а такой-то не похожъ; для того, чтобы мы могли это сказать, надобно, чтобы самыя идеи сходства или несходства предварительно существовали уже въ нашей мысли, были уже готовымъ, напередъ сложившимся въ ней представленіемъ. То же самое относится и къ понятію равенства. Мы смотримъ на известные равныя предметы и говоримъ, что они равны между собою, сознавая при этомъ, что имъ недостаетъ многого для самаго равенства, — для того, чтобы стать или сдѣлаться самимъ равенствомъ, и что равенство, во всякомъ случаѣ, есть нѣчто отличное отъ равныхъ предметовъ. Но чтобы мы могли приложить къ известнымъ предметамъ идею равенства, нужно, чтобы самая идея его предварительно уже существовала въ нашей душѣ. Далѣе. Мы получаемъ впечатлѣнія предметовъ посредствомъ чувствъ — зрѣнія, слуха и т. п. Дѣйствіе этихъ чувствъ началось въ насъ немедленно по рожденіи; тотчасъ по рожденіи, мы стали различать равныя или неравныя предметы; и такъ, необходимо, чтобы самая идея равенства, прилагаемая нами къ предметамъ, получена была нами предварительно, т. е. прежде рожденія. Само собою разумѣется, что сказанное объ идеяхъ сходства и равенства относится и ко всѣмъ другимъ подобнаго рода представленіямъ: большаго и меньшаго, прекраснаго въ самомъ себѣ, справедливаго, добраго, святаго и т. д. Всѣ эти идеи душа приноситъ готовыми въ земной міръ, какъ знаніе, прибрѣтенное ею въ предыдущемъ періодѣ ея жизни. Обратимъ также вниманіе на слѣдующее. Мы признаемъ бытіе разнообразныхъ сущностей внѣ насъ — прекраснаго, добраго, и т. д., находя въ то же время эти сущности въ самихъ себѣ, въ нашей душѣ. Мы относимъ къ этой, внѣ насъ находящейся, сущности всѣ впечатлѣнія, получаемыя нами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, не воспринимая однакожъ прекраснаго или добраго извнѣ, а постоянно сближая и сравнивая сущность находящуюся внѣ насъ съ тою, которая находится въ насъ самихъ. Не ясны ли отсюда выводъ, что, какъ существуютъ всѣ эти сущности, такъ точно существуетъ наша душа, а такъ какъ сѣ эти сущности существовали прежде насъ, то и душа, несая въ себѣ ихъ типъ, существовала прежде, чѣмъ мы родились?

Но не получаетъ ли душа идей при рожденіи? — Если это допустить, въ такомъ случаѣ нельзя указать момента, когда бы она ихъ теряла. А что идеи ея помощію ученія и опыта только припоминаются, но не создаются и не творятся въ ней, это ясно показываетъ характеръ ученія. Развѣ принять, что мы теряемъ ихъ въ то же время, какъ и получаемъ, и что здѣсь не бываетъ послѣдовательности двухъ моментовъ? Но это невозможно. И такъ, остается принять, что душа получаетъ извѣстныя понятія, прежде чѣмъ мы родимся въ міръ. Эти неизмѣнныя идеи ея суть не что иное, какъ знаніе, предшествующее въ насъ тому, которое пріобрѣтается опытомъ: онѣ-то и составляютъ нѣкотораго рода воспоминаніе, приносимое душой изъ другого міра. Какая же связь изложенной нами теоріи идей съ разрѣшеніемъ вопроса, о которомъ идетъ рѣчь — съ безсмертіемъ души, съ продолженіемъ ея существованія по смерти тѣла? Новое доказательство, какъ мы видѣли, утверждаетъ только прошедшее, предшествовавшее воплощенію ея бытіе. Но рѣчь идетъ не объ этомъ, а о томъ, — будетъ ли она существовать по окончаніи земной жизни человѣка, слѣдовательно — о ея будущемъ, а не прошедшемъ существованіи. Вопросъ этотъ разрѣшается ссылкой на первое доказательство. Если противоположное рождается только изъ противоположнаго, то очевидно, что живое можетъ родиться только изъ мертваго. И такъ душа, представляющая собою начало жизни, крайне-противуположное началу смерти, проявляющемуся въ разрушеніи тѣла, будетъ существовать и послѣ его смерти.

Вотъ сущность знаменитой теоріи врожденныхъ идей, такъ какъ она изложена у Платона. Душа, по этому ученію, попеременно, то теряетъ первоначальную ясность идей, которыми она обладала въ періодъ, предшествовавшій ея воплощенію, то снова становится причастницею ихъ во всей ихъ полнотѣ: она теряетъ и забываетъ ихъ каждый разъ, какъ скоро приходитъ въ міръ и соединяется съ тѣломъ; возвращается къ первоначальному, полному обладанію ими въ то время, когда, освобождаясь черезъ смерть отъ вліянія тѣла, становится существомъ чисто духовнымъ. Приступаая къ анализу изложеннаго доказа-

тельства, я прежде всего остановлюсь на вопросе: что навело Платона на мысль о предсуществовании, и въ какомъ отношеніи находится эта теорія къ его системѣ вообще? Штейнгартъ объясняетъ ее простымъ, аналогическимъ перенесеніемъ понятія о будущей на прошлую жизнь души. Вотъ, что онъ по этому поводу говоритъ: «второе доказательство, которое можно назвать «психологическимъ, — такъ какъ оно основано на фактахъ душевной жизни, — вытекаетъ изъ того широко распространеннаго «представленія пифагорейцевъ и Эмпедокла, по которому ученіе «о блужданіи душъ, можетъ быть уже на основаніи древнихъ «мистерій, было объясняемо примѣнительно къ нравственнымъ «цѣлямъ. Оно признавало за истину въ народныхъ вѣрованіяхъ «сознательное продолженіе жизни души и достойное воздаяніе «по смерти, а послѣ видоизмѣнило это вѣрованіе въ томъ, что «какъ за настоящею жизнью слѣдуетъ будущая, такъ точно на- «стоящей предшествовала прошедшая, о которой и теперь иногда «являются въ душѣ, въ минуты наибольшаго ея просвѣтленія, «раздробленныя воспоминанія.»¹⁾ Гораздо съ большею подробностію останавливается на этомъ вопросѣ Циммерманъ, и такъ какъ его взглядъ касается теоріи предсуществованія и со стороны ея частныхъ вопросовъ, — то я приведу его мнѣніе вполнѣ. «Глубокій взглядъ на жизнь», говоритъ Циммерманъ, «привелъ Платона къ тому убѣжденію, что дѣйствія и силы души не могутъ быть производимы изъ матеріи; и такъ онъ долженъ былъ расширить свой взглядъ. Для двухъ фактовъ онъ не нашелъ объясненія въ настоящемъ бытіи: для ученія и знанія въ формѣ понятій. Когда софисты возражали противъ возможности ученія, говоря, что извѣстное не можетъ быть изучаемо, а неизвѣстнаго нельзя искать, то Платонъ находилъ отвѣтъ на это въ томъ, что неизвѣстное должно быть въ нѣкоторомъ отношеніи также извѣстнымъ, — извѣстнымъ потому, что оно было знакомо прежде, а неизвѣстнымъ потому, что теперь забыто, — и, вслѣдствіе этого, теперь оно есть вновь находимое, т. е. изучаемое. Такимъ образомъ, ученіе становится возможнымъ только при допущеніи пред-

¹⁾ Plat. sämtliche Werke, übers. von Müller, viert. B. 4, p. 416.

существовавшей души. Къ тому же самому результату приводитъ необходимо и образование понятій. Мы образуемъ понятія изъ многихъ частныхъ наблюденій черезъ мысленное соединеніе ихъ въ одно цѣлое. Но какииъ бы образомъ это было возможно — получать понятія изъ предметовъ, когда понятія ни въ одномъ предметѣ не находятся въ чистомъ видѣ — если бы они уже не дремали въ нашей душѣ, и не существовали въ насъ прежде всякаго чувственнаго воззрѣнія, слѣдовательно прежде настоящей жизни. И такъ, душа должна была обладать ими въ предсуществованіи (Præexistenz.) Такимъ образомъ, при взглядѣ на здѣшніе отпечатки, (Abbilder) въ душѣ пробуждается воспоминаніе о тѣхъ первообразахъ, (Urbilder) которые она созерцала прежде. Но эти первообразы суть идеи, хотя, впрочемъ, въ нашемъ доказательствѣ онѣ принимаются только въ логическомъ смыслѣ — какъ понятія, какъ вещи сами въ себѣ, какъ обобщеніе представленій. Между тѣмъ какъ идеи — «сущность вещей», — (ἀλήθεια τῶν ὄντων — die Wahrheit der Dinge) какъ онѣ называются дальше въ нашемъ діалогѣ, являются не единичными воззрѣніями изъ прежней жизни или множественностью вещей, въ смыслѣ предмета воспоминанія, — здѣсь мы имѣемъ болѣе чистую, одухотворенную форму орфическо-пифагорейскаго воззрѣнія, и ученіе Платона, какъ вытекшее изъ его времени, становится намъ понятнымъ, а какъ возвысившееся надъ прежнимъ воззрѣніемъ, полнымъ достоинства. Поэтому теорія воспоминанія является какъ бы нитью, помощію которой Платонъ соединяетъ пифагорейское ученіе о душепереселеніи съ своею собственной философіей; вмѣстѣ съ этимъ мы узнаемъ тѣсную связь этого его ученія о воспоминаніи съ основнымъ началомъ его системы — ученіемъ объ идеяхъ, и притомъ такимъ образомъ, что это служитъ опорой того, равно какъ и то не мыслимо безъ этого.»²⁾ Критика, какъ читатель видитъ изъ приведенныхъ цитатъ, связываетъ происхожденіе теоріи предсуществованія съ пифагорейскимъ ученіемъ о душепереселеніи. Связь обѣихъ теорій прежде всего очевидна въ самомъ содержаніи, потому что вся теорія предсуществованія

²⁾ Zimmermann, die Unsterbl. d. Seele, p. 33 sq.

есть не что иное, какъ очищенная форма метемпсихоса. Что учение о душепереселеніи имѣло вліяніе на образованіе представленія Платона о довременномъ бытіи души, въ этомъ мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что метемпсихосъ вообще играетъ весьма важную роль въ его философскихъ представленіяхъ, и, какъ мы увидимъ далѣе, составляетъ существенный элементъ психологической теоріи Федона. Тѣмъ не менѣе однакожь, ближайшимъ образомъ довременное бытіе души опирается не на учение метемпсихоса, а на изложенную въ первомъ доказательствѣ теорію ея вѣчнаго движенія. Какъ скоро Платонъ принялъ эту послѣднюю, — предсуществованіе является само собою, какъ логически необходимый выводъ изъ предыдущаго. Допустивъ, на основаніи круговратнаго закона жизни, бытіе души въ періодъ предшествовавшей ея воплощенію, Платонъ естественно долженъ былъ задаться вопросомъ: нѣтъ ли въ ней самой, въ настоящемъ періодѣ ея жизни чего нибудь такого, что бы подтверждало ея прошедшее существованіе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ бессознательное присутствіе въ душѣ забытыхъ ею, дремлющихъ въ ней идей, которыя воскрешаются потѣмъ ученіемъ. Такимъ образомъ, въ понятіи о предыдущемъ бытіи души, обѣ теоріи взаимно опираются одна на другую. Теорія вѣчнаго движенія утверждаетъ предсуществованіе какъ фактъ, а анализъ природы души, открывая въ ней присутствіе идей, проявляющихся въ ней вмѣстѣ съ рожденіемъ, доказываетъ, что она почерпнула гдѣ-то свое знаніе прежде.

Ученіе о переселеніи душъ могло имѣть только второстепенное, косвенное вліяніе на образованіе теоріи предсуществованія; но ближайшее основаніе свое она имѣетъ въ первомъ доказательствѣ и въ себѣ самомъ, опираясь, съ одной стороны, на религіозное преданіе, подтверждаемое аналогическимъ переходомъ крайнихъ противоположностей изъ одной въ другую, а съ другой — на анализъ самой природы души.

Изложивъ теорію идей Платона и показавъ связь, которую вводитъ въ ней критика съ ученіемъ метемпсихоса, равно какъ и ближайшую связь ея съ первымъ доказательствомъ, я перейду къ оцѣнкѣ ея научнаго достоинства, и прежде всего

обстановлюсь на возраженіяхъ, которыя приводятъ противъ нея изслѣдователи новаго времени.

Тидеманнъ, отвергая начало врожденныхъ идей, говоритъ, что все происходитъ и образуется въ душѣ изъ чувствъ (*universalia origi e sensibus.*) Теннеманнъ считаетъ второе доказательство гинотетической приставкой къ первому, и упрекаетъ Платона въ томъ, что онъ не отличаетъ эмпирическихъ понятій отъ чистыхъ идей. Витгеръ говоритъ, что идеи, которыхъ мы не почерпаемъ изъ опыта, заключаются въ возможности представленія (*im Vorstellungsvermögen liegen;*) при этомъ онъ ссылается на Лейбница и критическую философію. Точно такимъ же образомъ, Петтавель объясняетъ идеи изъ врожденныхъ представленій, при чемъ, разумѣется, допущеніе предыдущаго періода жизни души дѣлается излишнимъ. Кунардъ принимаетъ, что идеи образуются въ насъ изъ взаимодействія опыта и рефлексіи, замѣчая при этомъ, что ученіе Платона несогласно съ цѣлесообразностью и постепенностью развитія природы. Бухеръ говоритъ, что, на основаніи теоріи Платона, идеи, въ періодъ дѣтства человѣка, должны сохраняться наиболѣе чистыми въ душѣ, такъ какъ тогда онѣ бывають ближе къ тому времени, когда душа обладаетъ ими вполне, что однакожъ онъ опровергаетъ собственными мыслями Платона.

Первое, что останавливаетъ наше вниманіе при разсмотрѣніи второго доказательства, — это связь существованія въ душѣ идей съ предшествовавшимъ, довременнымъ ея бытіемъ. Вопросъ о происхожденіи идей, какъ извѣстно, былъ предметомъ многочисленныхъ споровъ въ новыя времена. Теорія Локка, принимающая за основной принципъ и источникъ идей внѣшній опытъ, (*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*) и теорія Лейбница, поставившая началомъ познанія разумъ съ его идеями, составляютъ крайніе пункты двухъ противоположныхъ воззрѣній — эмпирическаго и идеальнаго. Платонъ принимаетъ идеи, какъ слѣды прошедшаго въ нашей душѣ, какъ признакъ довременнаго періода ея жизни. Ученіе его, такимъ образомъ, объ идеяхъ, въ смыслѣ доказательства безсмертія души, подлежитъ разсмотрѣнію съ двухъ сторонъ: со стороны бытія въ душѣ идей.

и со стороны того способа, какъ онъ объясняетъ ихъ происхожденіе, — предсуществованія душъ. И такъ, — первый вопросъ: можно ли допустить въ насъ бытіе тѣхъ идей, которыя называютъ обыкновенно врожденными, и какія явленія психической жизни подтверждаютъ этотъ фактъ? Вопросъ о врожденныхъ идеяхъ составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ труднѣйшихъ психологическихъ задачъ, и мы видѣли выше, что теоріи двухъ мыслителей новаго времени, Локка и Лейбница, расходятся въ этомъ случаѣ діаметрально-противуположнымъ образомъ. Такъ какъ ознакомленіе съ этимъ вопросомъ въ томъ видѣ, какъ его поставляютъ и разрѣшаютъ представители идеальнаго направленія философій, необходимо для оцѣнки научнаго достоинства теоріи Платона, то я коснусь ученія новой философій объ идеяхъ, насколько это, разумѣется, необходимо для моей цѣли. Наблюдая развитіе въ насъ сознанія, мы видимъ, что въ душѣ нашей есть дѣйствительно нѣчто врожденное, нѣчто такое, что связано съ самой природою мысли, и безъ чего дѣйствіе этой послѣдней рѣшительно невозможно. Начало тождества, (котораго отрицательную форму составляетъ начало противорѣчія — *principium contradictionis*) и начало достаточнаго основанія (*principium rationis sufficientis*) проявляются точно также въ сознаніи дитяти, какъ составляютъ основу мышленія зрѣлаго ума, и потому Лейбницъ считаетъ эти двѣ идеи не только врожденными, но первенствующими въ нашей душѣ, и принимаетъ ихъ за основное начало мышленія, а слѣдовательно и познанія. Разсматривая явленія психической жизни вообще, мы гораздо разумнѣе и послѣдовательнѣе приходимъ къ признанію въ насъ бытія идей, нежели къ ихъ отрицанію. Еслибы въ насъ не существовало врожденнаго стремленія въ истинѣ, то дѣятельность ума была бы положительно невозможна, потому что въ такомъ случаѣ въ немъ не было бы внутренняго самовозбужденія къ дѣятельности. Неодолимое стремленіе ума къ истинѣ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что въ насъ живетъ инстинктивная увѣренность и въ ея бытіи и въ возможности ея достиженія, а это, другими словами, значитъ тоже самое, что идея истиннаго врождена нашему уму. Сказанное объ идеѣ истины прилагается одинаково

къ идеямъ добра и красоты: еслибы онѣ не составляли содержания и глубочайшихъ основъ нашей души, то стремленіе чловѣка такъ или иначе осуществлять ихъ вовнѣ, никогда не могло бы имѣть того характера всеобщности, какой мы обыкновенно въ этомъ случаѣ видимъ. Эти три великія идеи — истины, блага и красоты, которыя обыкновенно считаютъ первенствующими и основными въ нашей душѣ, сливаются, какъ части въ цѣломъ, въ одной общей идеѣ — идеѣ безконечнаго. Последняя, по своему характеру своему, очевидно, только и можетъ быть врожденной, потому что никакое отвлеченіе, никакая сумма частныхъ не можетъ дать ее душѣ. Возругъ нея, какъ вокругъ общаго центра, группируются всѣ остальные, такъ что, собственно говоря, идеи истины, блага и красоты суть не что иное, какъ раздробленное созерцаніе идеи безконечнаго. Защитники эмпирической теоріи происхожденія идей, возражая противъ самостоятельнаго значенія ихъ, указываютъ на условность проявленія и зависимость ихъ развитія отъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній. Такъ напр. Кунардь, опровергая теорію Платона, говоритъ, что иная идея красоты у грековъ, а совершенно иная у китайцевъ; естественный выводъ отсюда, по его мнѣнію, — эмпирическое происхожденіе идеи прекраснаго. Но дѣйствительно ли это возраженіе такъ сильно, что оно можетъ подорвать самостоятельное бытіе идей? Не слѣдуетъ ли изъ фактовъ, приводимыхъ эмпириками, только то, что проявленіе идей вовнѣ совершается подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, а степень вліянія, характеръ и сумма этихъ условій опредѣляютъ характеръ самаго проявленія идеи, принятіе ея того или другого типа? Можно ли изъ условности типа красоты и различія его, напр. у китайцевъ и грековъ, выводить условность самой идеи красоты, какъ это дѣлаетъ Кунардь? Два зерна одного и того же дерева, посаженныя въ разныхъ мѣстностяхъ, напр. одно въ Китаѣ, а другое въ Греціи, при различіи климатическихъ и почвенныхъ условій, произведутъ деревья, далеко непохожія по виду одно на другое, но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы творческая сила, заключенная въ обоихъ зернахъ, не была одна и таже. Опытъ конечно имѣетъ огромное значеніе въ развитіи идей, но его роль въ этомъ случаѣ далеко

не исключительна. Когда для насъ начинается его дѣйствіе, онъ уже находитъ ихъ готовыми въ нашей душѣ; онъ пробуждаетъ ихъ въ насъ, опредѣляетъ ту или другую форму ихъ проявленія, но ни въ какомъ случаѣ не создаетъ и не вноситъ ихъ въ нашу душу извнѣ. Если это не вполнѣ очевидно съ перваго разу относительно всѣхъ идей души вообще, то весьма ясно относительно нѣкоторыхъ. Самостоятельность въ душѣ нѣкоторыхъ, основныхъ идей, и ихъ полная независимость отъ опыта утверждается весьма простымъ способомъ (фактъ, на который я указалъ выше) — наблюденіемъ надъ развитіемъ въ ребенкѣ началъ сознанія. Что сознанію его присуща идея тождества съ первыхъ минутъ его бытія, — это едва ли нужно доказывать: глядя спокойно на одинъ предметъ, пугаясь и закрывая глаза при видѣ другого, онъ, очевидно, не смѣшиваетъ ихъ между собою, и не принимаетъ одного вѣстѣ и за другой. Какъ скоро онъ начинаетъ говорить, первые вопросы его любопытства обыкновенно выражаютъ желаніе услышать объясненіе, — отчего происходитъ то или другое? Въ этихъ инстинктивныхъ вопросахъ его ясно проявляется увѣренность его въ необходимости причины, а слѣдовательно и идея необходимости. Прислушайтесь къ вопросамъ его далѣе, послѣ того, какъ вы укажете ему на ближайшую причину явленія, о которомъ онъ предложилъ вопросъ, онъ непремѣнно спроситъ у васъ объясненія самой причины, и задастъ цѣлый рядъ вопросовъ, ища объясненія для каждой новой, которую вы ему назовете. Здѣсь вы видите въ умѣ его присутствіе идеи первой, или конечной причины. Такимъ образомъ, говоря вообще, мы всегда находимъ готовыми въ нашемъ сознаніи идеи — тождества, достаточнаго основанія, идею необходимаго, всеобщаго, конечнаго, идею первой причины и т. п. Что идеи души, — принявъ это слово въ самомъ обширномъ значеніи, — дѣйствительно составляютъ въ ней нѣчто врожденное, тѣсно связанное съ ея природою, и что опытъ, который пробуждаетъ ихъ въ насъ, и вызываетъ къ проявленію въ той или другой формѣ, никогда не бываетъ въ этомъ случаѣ силою создающею, — въ доказательство этого я укажу на общеизвѣстный фактъ, значеніе котораго въ настоящемъ вопросѣ, по моему мнѣнію, необыкновенно важно.

Фактъ этотъ — творчество художника. Поэтъ создаетъ произведение новое и оригинальное, которое до него не существовало въ мирѣ искусства. Я спрошу: почему въ подобному проявленію идей, и притомъ, какъ показываетъ опытъ, — всегда непосредственному, способенъ именно поэтъ, художникъ, который почти всегда обладаетъ меньшимъ запасомъ наблюденій и положительнаго знанія, нежели какойнибудь глубокой теоретикъ изящнаго, изучившій всевозможныя образцы и «повѣрившій алгеброй гармонію», какъ выражается пушкинскій Сальери? Почему теоретикъ изящнаго, наблюденію котораго подпадало несравненно большее количество опытныхъ данныхъ, который гораздо болѣе изучалъ, не въ состояніи подобнымъ образомъ проявлять идей? Далѣе. Какъ возможно объяснить сочувствіе этой, новой и оригинальной въ мирѣ искусства, идеѣ со стороны другихъ, если не тѣмъ, что эта новая, впервые высказываемая идея находитъ ту же самую идею уже готовою въ душахъ другихъ, и не болѣе какъ только выводитъ ее въ душахъ другихъ людей изъ ея бессознательнаго, полудремяющаго состоянія? Въ приведенномъ мною фактѣ творчества поэта я принималъ идеи почти въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ ихъ Платонъ, слѣдовательно, въ самомъ обширномъ, разумѣя подъ ними представленія вообще. Мыслители новаго времени сократили ихъ объемъ, опредѣливъ ихъ, какъ представленія всеобщихъ, безусловныхъ началъ бытія. Въ этомъ смыслѣ, самая всеобщность и безусловность ихъ характера служить доказательствомъ того, что происхожденіе ихъ не можетъ быть чисто эмпирическое, потому что, какъ бы мы ни расширяли въ объемѣ анализъ частныхъ фактовъ, какъ бы ни увеличивали массу наблюденій, никакое число частныхъ не дастъ намъ въ результатѣ всеобщаго и безусловнаго. «Чувства,» говоритъ Лейбницъ, «хотя необходимы для всѣхъ нашихъ познаній, недостаточны однакожъ для того, чтобы дать намъ всё; потому что чувства всегда передаютъ намъ частности, то есть отдѣльныя, индивидуальныя истины; а частности, которыя подтверждаютъ истину всеобщую, недостаточны для того, чтобы утвердить всеобщую необходимость той же истины; изъ того, что произошло, не слѣдуетъ, что точно такимъ же образомъ будетъ происходить всегда.»

Примѣняя сказанное объ идеяхъ къ теоріи Платона, я прежде всего останавлиюсь на томъ, что составляетъ самую характеристическую ея сторону — на предсуществованіи. Платонъ объясняетъ бытіе идей въ душѣ тѣмъ, что она, прежде прихода своего въ земной міръ, жила въ другомъ, гдѣ, не связанная узамі тѣла, созерцала лицомъ къ лицу чистыя, божественныя идеи. Покинувъ внѣшнее пространство, она, полная идей, пришла въ земной міръ, и воплотившись получила черезъ прикосновеніе къ матеріи такой страшный ударъ, что мгновенно все забыла. Дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ и ученія мало по малу возвращаютъ ей потерянное знаніе, вызывая его изъ дремлющаго состоянія и сообщая ему ясность. Первый вопросъ, представляющійся въ этомъ случаѣ — слѣдующій. На чемъ основывается необходимость объяснить происхожденіе идей души именно такимъ образомъ, то есть предыдущей жизнью ея въ другомъ мірѣ? Развѣ онѣ не могутъ образовываться въ ней иначе? Присутствіе ихъ въ душѣ также можетъ быть объясняемо прирожденностью, какъ и чисто эмпирическимъ путемъ — дѣйствіемъ опыта и внѣшнихъ чувствъ. И такъ Платону, для утвержденія своей теоріи на прочномъ основаніи, необходимо было показать, — насколько онъ могъ это сдѣлать, — преимущество способа объясненія, принятаго имъ, передъ другими воззрѣніями. Ему нужно было показать фактами, что идеи не могутъ быть выводимы исключительно изъ опыта и внѣшнихъ чувствъ, а сверхъ того подробно разобрать вопросъ о прирожденности. Еслибы онъ это сдѣлалъ, тогда большая или меньшая твердость его доказательствъ въ пользу предсуществованія больше или меньше исключала бы возможность разрѣшенія той же задачи другимъ способомъ. Тамъ, гдѣ возможны различныя точки воззрѣнія на предметъ, анализъ необходимо долженъ являться всестороннимъ, и безъ соблюденія этого условія предпочтеніе одного способа объясненія другому можетъ имѣть значеніе только личнаго взгляда, а не научной теоріи. Между тѣмъ Платонъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ эмпирической способъ объясненія идей, а вопроса о врожденности ихъ касается мимоходомъ и слегка. Перехожу къ разсмотрѣнію частныхъ положеній. На возраженіе Симміаса —

не получаетъ ли душа знанія (идей) при рожденіи, Сократъ отвѣчаетъ: «въ такомъ случаѣ, когда же будетъ другое время, когда мы ихъ теряемъ?» Но на чемъ же, можемъ мы спросить, утверждается необходимость этой потери, и въ силу чего Платонъ принимаетъ ее за дѣйствительный фактъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ развитіи самого доказательства. Я выше изложилъ подробно его содержаніе; теперь, для большаго удобства анализа, кратко повторю его положенія. Наблюдая равные предметы, говоритъ онъ, мы видимъ, что они не совершенно равны между собою; въ этомъ актѣ нашей мысли, то есть, въ непризнаніи совершеннаго ихъ между собою равенства, мы очевидно сближаемъ равные предметы съ чѣмъ-то, что заключается уже какъ нѣчто готовое въ нашей мысли, то есть, съ идеей равенства; что мы не черпаемъ этой идеи изъ предметовъ, это очевидно; такъ какъ, для того, чтобы мы могли сказать, что предметы равны или неравны, самая идея равенства должна существовать предварительно въ нашей мысли. Далѣе. Мы познаемъ равные или неравные предметы посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, — а пользоваться ими мы начинаемъ съ самой минуты рожденія, и слѣдовательно съ той же минуты различать равные или неравные предметы; и такъ, самая идея равенства получена нами прежде рожденія, — въ какомъ-то другомъ мірѣ. То, что сказано о равенствѣ, продолжаетъ онъ далѣе, нужно отнести и ко всѣмъ другимъ подобнаго рода представленіямъ: прекраснаго, добраго, справедливаго; святаго и т. д. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Можемъ ли мы указать на какія нибудь данныя въ доказательство того, что всѣ эти идеи существуютъ сознательно въ нашей душѣ съ самой минуты рожденія? Опытъ рѣшительно этому противорѣчитъ, и показываетъ, что развитіе идей совершается въ строгой постепенности, при чемъ наблюденіе, и всѣ вообще впечатлѣнія, получаемыя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, хотя и не создаютъ въ насъ идей, но, тѣмъ не менѣе, при образованіи ихъ, играютъ весьма важную роль. Платонъ утверждаетъ, что мы начинаемъ съ самой минуты рожденія пользоваться употребленіемъ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха и пр.; но зрѣніе и слухъ въ первыя минуты нашей жизни, какъ весьма остроумно

замѣчаетъ Кунардъ, столько же могутъ быть названы зрѣніемъ и слухомъ, сколько слѣпотою и глухотою. Что же касается до сознательнаго присутствія въ душѣ всѣхъ идей вообще въ періодъ ранняго дѣтства, то теорія Платона въ этомъ пунктѣ еще болѣе расходится съ опытомъ, нежели когда онъ говоритъ, что ребенокъ начинаетъ различать равные и неравные предметы немедленно послѣ того, какъ выйдетъ на свѣтъ изъ лона матери. Сознательное присутствіе въ душѣ однихъ идей дѣйствительно проявляется въ насъ, какъ я замѣтилъ выше, вмѣстѣ съ началомъ сознанія; но кругъ ихъ очень тѣсенъ и ограниченъ: идея тождества, достаточнаго основанія, идея необходимости, конечной причины и другія подобныя же, простыя представленія — вотъ почти все, что составляетъ готовое содержаніе нашей мысли, прежде чѣмъ она начнетъ разрабатывать впечатлѣнія, получаемыя нами отъ внѣшнихъ предметовъ. Другія идеи, хотя и дремлютъ безсознательно въ душѣ, но раскрываются и получаютъ въ ней ясность не иначе, какъ при участіи опыта, подѣ влияніемъ наблюденій и логическаго отвлеченія. Таковы всѣ вообще идеи, по характеру своему сложныя. Сколько должно образоваться въ душѣ предварительно частныхъ идей, для того, чтобы она могла соединить ихъ въ идею святаго! А у Платона все это подводится подѣ одну общую категорію! По его увѣренію, идея святаго точно также присуща намъ съ минуты рожденія, какъ и идея равенства, которую онъ приводитъ въ примѣръ. И такъ, главные недостатки теоріи Платона, какъ видитъ читатель, заключаются, во первыхъ, — въ отсутствіи прочнаго основанія, которое, утверждая существованіе души, исключало бы возможность объяснять происхожденіе въ ней идей другимъ образомъ, а во вторыхъ, въ логически-отвлеченномъ построеніи теоріи, при которомъ рѣшительно не были приняты во вниманіе наблюденіе и анализъ положительныхъ данныхъ. Платонъ очевидно увлекся основной мыслью своей теоріи. Признавъ движеніе души за фактъ, онъ началъ искать въ ней слѣдовъ ея прошедшаго бытія, и открывши въ ней нѣсколько готовыхъ, не приобретаемыхъ опытомъ идей, началъ подводить подѣ свою основную мысль всѣ безъ исключенія факты,

ставши такимъ образомъ въ рѣшительное противорѣчіе съ оптономъ. И такъ, доказательство Платона, взятое въ цѣломъ, какъ философскій аргументъ безсмертія, не выдерживаетъ критики. Но если мы посмотримъ на него съ исторической точки зрѣнія, и проведемъ параллель между теоріей Платона и психологически воззрѣніями натуръ-философовъ, то увидимъ, что оно представляетъ огромный шагъ впередъ. Послѣ ученія іонійцевъ, отождествлявшихъ психическую и космическую сущность, и представлявшихъ душу то началомъ влажнымъ, какъ Фалесъ, то воздухомъ, какъ Анаксимандръ, то огнемъ, какъ Гераклитъ, — величайшую заслугу Платона составляетъ уже то, что онъ первый призналъ въ душѣ бытіе идей, какъ независимаго, самостоятельнаго начала, возвышающагося надъ міромъ явленій. Если онъ не изслѣдовалъ вопроса съ большей глубиной анализа, то это единственно можетъ быть потому, что разсматриваемое нами доказательство лишено характера самостоятельности, такъ что, собственно говоря, оно составляетъ не больше, какъ приставку къ первому, — вторую его половину, хотя, впрочемъ, приставку не гипотетическую, какъ утверждаетъ Теннеманнъ, а опирающуюся на положительный анализъ. Цѣль обоихъ доказательствъ одна и таже — утвердить вѣчное движеніе души. Каждому, кто знакомъ съ исторіей философіи, извѣстно, что бытіе въ душѣ идей признается обыкновенно однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ ея безсмертія и нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ, разсматривая идеи какъ содержаніе нашей души, пришелъ бы къ несравненно болѣе твердымъ и положительнымъ выводамъ относительно ея безсмертія, если бы доказательство его, какъ мы замѣтили выше, не было лишено характера самостоятельности. Оно могло имѣть гораздо большую силу, еслибы онъ отъ присутствія въ душѣ вѣчной неизмѣнной истины заключилъ къ бытію Верховнаго, Вѣчнаго Существа, котораго отображеніе въ насъ составляютъ идеи. Точно такъ и заключилъ впослѣдствіи времени Декартъ. «Богъ отпечатлѣлъ въ духѣ моемъ идеи», говоритъ онъ, «какъ художникъ полагаетъ печать на своемъ твореніи.» Если бы Платонъ взглянулъ на вопросъ съ этой точки зрѣнія, тогда его *ἐπιστήμη ἐνοῦσα καὶ ὄρθος λόγος*, — начало безусловно истиннаго въ душѣ,

явилось бы результатомъ не предыдущаго, непонятнаго періода ея жизни, и еще болѣе непонятныхъ, безконечныхъ переселеній ея изъ одного міра въ другой, а результатомъ того, еще не перешедшаго въ личное бытіе, довременнаго ея существованія, когда она заключалась въ лонѣ божественной мысли, и, превращаясь въ актѣ творенія въ личную сущность, — какъ «образъ и подобіе» божества, — приняла въ себя въ видѣ идей образъ цѣлаго міра. Признавая участіе опыта въ образованіи нашихъ представленій, и, слѣдовательно, опираясь на болѣе естественное начало, теоріи двухъ великихъ мыслителей новаго времени — Декарта и Лейбница разрѣшаютъ вопросъ объ идеяхъ несравненно удовлетворительнѣе, нежели какъ это сдѣлано Платономъ. Лейбницъ, какъ извѣстно, также признаетъ идеи готовымъ содержаніемъ нашей души, но не въ смыслѣ постояннаго, сознательнаго присутствія ихъ въ ней, а въ смыслѣ предрасположенія къ нимъ разума, въ видѣ его способности раждать ихъ изъ себя (поп *explicite, sed virtualiter.* ³⁾) Точно такъ же объясняетъ врожденныя идеи и Декартъ. «Когда я утверждаю,» говоритъ онъ, «что извѣстная идея намъ врождена, или напечатлѣна природою въ нашихъ душахъ, я разумѣю не то, чтобы она присутствовала въ нашей мысли всегда, но только то, что мы имѣемъ способность ее производить.» Поставивъ развитіе идей въ зависимость отъ вліянія опыта, Лейбницъ сравниваетъ душу съ мраморомъ, въ которомъ жилки предобразуютъ будущую фигуру статуи. Еще болѣе мѣткое и остроумное сравненіе дѣлаетъ по этому поводу другой мыслитель новаго времени — Гербартъ. ⁴⁾ Опредѣляя отношеніе идей ума къ дѣйствию на насъ внѣшняго міра, онъ сравниваетъ духъ человѣка съ закрытою книгою, которую раскрываетъ природа. Превосходство этого ученія передъ логически-отвлеченной, положительно расходящейся съ опытомъ теоріей Платона, такъ очевидно, что объ этомъ едва ли даже нужно говорить. Ованчивая анализъ второго доказательства, считаю необходимою небольшою оговорку. Въ анализѣ моемъ я ни словомъ не кос-

³⁾ Исторія философіи Шлеглера, выпускъ второй, стр. 58.

⁴⁾ Herbart Baron von Cherburg 1581—1638.

нулся ученія Платона о воспоминаніи, (*ἀνάμνησις*) которое въ развитіи доказательства играетъ у него такую важную роль. Признаюсь, я считалъ это излишнимъ. Какъ скоро показана несостоятельность основного начала теоріи, — предсуществованіи и сознательнаго присутствія въ душѣ всѣхъ идей съ момента рожденія, то отдѣльный разборъ ученія о припоминаніи становится ненуженъ. Замѣчу, впрочемъ, мимоходомъ, что я гораздо скорѣе готовъ признать ученіе воспоминаніемъ, при допущеніи прирожденности идей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ воспоминаніе возвращается къ настоящему своему значенію, то есть, легкому пробужденію и оживленію опытомъ того, что уже таятся безсознательно въ душѣ ⁵⁾. Второе доказательство безсмертія обращено назадъ: оно утверждаетъ не будущую жизнь души, а ея преддущее бытіе. Но такъ какъ, въ силу круговратнаго закона жизни, живое рождается только изъ мертваго, то ясно, что душа, которая существовала до соединенія своего съ тѣломъ, будетъ существовать и послѣ его смерти.

⁵⁾ Ученіе новой философіи объ идеяхъ весьма обстоятельно изложено въ статьѣ профессора Гогоцкаго. (Филос. лексик. т. 2-й: идея). См. также объ этомъ въ сочиненіи Элиада: «Опытъ обзорнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа.» С. П. В. 1872 г. стр. 69 — 79.

ГЛАВА VI.

Переходъ къ третьему доказательству. — Третье доказательство безсмертія, основанное на разсмотрѣніи природы души сравнительно съ природою тѣла. — Мнѣ о переселеніи душъ. — Замѣчанія о мнѣ.

Утвердивъ бытіе въ душѣ идей, какъ одно изъ доказательствъ ея безсмертія, Сократъ предлагаетъ собесѣдникамъ углубиться въ предметъ изслѣдованія. «Вы вѣрно,» говоритъ онъ, «боятесь какъ дѣти, чтобы вѣтеръ не развѣвалъ и не разносилъ въ разныя стороны душу, выходящую изъ тѣла, особенно, если кому случится, прибавилъ онъ шутливо, умирать не при безвѣтріи, а при сильномъ вѣтрѣ?» — Кебесъ, засмѣявшись, сказалъ: «представь себѣ, любезный Сократъ, что мы въ самомъ дѣлѣ этого боимся, и постарайся насъ переувѣрить; представь себѣ, что между нами есть какое нибудь дитя, которое боится этого. Попробуемъ убѣдить и его,» прибавилъ онъ, «не пугаться смерти, какъ будто привидѣнія». «Для этого надобно,» отвѣчалъ Сократъ, «напѣвать ему каждый день магическую пѣсню, до тѣхъ поръ, пока этого пѣсню не разгоните въ немъ страха.» — «Но гдѣ же мы возьмемъ, Сократъ,» сказалъ Кебесъ, «хорошаго пѣвца, способнаго исполнять своими магическими пѣснями, когда ты насъ покидаешь?» — «Греція велика, другъ мой Кебесъ,» отвѣчалъ Сократъ; «въ ней много способныхъ къ этому людей; много также народовъужеземныхъ, которуихъ всѣхъ нужно посѣтить, отыскивая такого пѣвца, и не жалѣть для этого ни денегъ, ни трудовъ, потому что нѣтъ ничего, на что бы вы могли употребить лучше ваши деньги. Надобно искать также и среди самихъ себя, такъ какъ, можетъ быть, вы не легко найдете людей, которые могли бы исполнить эту пѣсню лучше, чѣмъ вы.» Приступая къ изслѣдо-

ванію вопроса: можетъ ли душа разрушаться и уничтожаться, какъ разрушается и уничтожается тѣло, Сократъ предлагаетъ собесѣдникамъ прежде всего разсмотрѣть, — какому классу предметовъ свойственно уничтожаться, какіе именно предметы могутъ это испытывать, и какіе нѣтъ? Разсмотрѣвъ это, говоритъ онъ, нужно опредѣлить, — къ какому изъ двухъ классовъ предметовъ относится наша душа, — къ тѣмъ ли, которые могутъ, или которые не могутъ уничтожаться? А отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы можемъ или ничего не опасаться, или напротивъ бояться за свою душу. И такъ, первый вопросъ: какіе предметы способны подвергаться разрушенію? Легко понять, что разрушеніе и уничтоженіе прежде всего свойственны тѣмъ предметамъ, которые по природѣ своей сложны, и состоятъ изъ частей, а то, что не состоитъ изъ частей и несложно, должно оставаться неразрушимымъ. Какіе же предметы относятся къ сложнымъ, и какіе къ несложнымъ? Естественно, что то, что всегда остается одинаково и неизмѣнно, должно быть несложно, а то, что не остается въ одномъ и томъ же состояніи, что измѣняется, и въ одно время существуетъ въ одномъ, а въ другое въ другомъ видѣ, необходимо должно быть сложнымъ. Разсматривая бытіе вообще, мы находимъ, что оно является намъ въ двухъ видахъ: или подъ формою бытія отдѣльнаго, единичнаго, или же въ видѣ всеобщихъ началъ, обуславливающихъ своимъ бытіемъ то или другое единичное бытіе. Къ первому классу принадлежатъ всѣ вообще логически-недѣлимые предметы, ко второму относятся сущности. Первые измѣняются и никогда не остаются въ одномъ и томъ же видѣ; вторыя — постоянны, неизмѣнны и равны только самимъ себѣ. Красивые люди, красивыя одежды, красивыя лошади могутъ являться намъ въ одно время въ одномъ, а въ другое — въ другомъ видѣ; прекрасное въ самомъ себѣ всегда неизмѣнно. Первые, то есть всѣ единичные предметы доступны впечатлѣніямъ вѣншихъ чувствъ — зрѣнія, слуха и т. д.; вторыя то есть неизмѣнныя и всегда самимъ себѣ равныя сущности могутъ быть постигаемы только мысленнымъ созерцаніемъ. Бытіе вообще представляетъ, слѣдовательно, двѣ обширныя сферы бытіе видимое и бытіе невидимое. Обращаясь затѣмъ къ пр

родѣ человѣка, мы видимъ, что одна сторона его — тѣло — относится къ категоріи предметовъ видимыхъ, а другая — душа — къ разряду невидимыхъ сущностей. Последняя, будучи невидима, какъ невидимы сущности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто, какъ нельзя болѣе близкое и родственное имъ. Мы совершенно убѣдимся въ этомъ, если обратимъ вниманіе на то, что происходитъ съ нею въ процессѣ изслѣдованія. Изслѣдуя чтонибудь съ помощію тѣлесныхъ чувствъ — зрѣнія, слуха и пр., она обращается къ предметамъ видимымъ, и приходя въ соприкосновеніе съ ними, начинаетъ перебѣгать отъ одного къ другому, теряетъ спокойствіе и кружится какъ опьянѣлая. Ясное дѣло, что она пришла въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что несродно ея природѣ. Если же она изслѣдуетъ чтонибудь сама черезъ себя, — она устремляется къ тому, что чисто, и вѣчно, и безсмертно и неизмѣнно; и, отдаваясь мысленному созерцанію всего этого, остается споконю и неизмѣнною до тѣхъ поръ, пока остается заключенною въ самой себѣ. Въ последнемъ случаѣ она, очевидно, пришла въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что близко и родственно ей. Далѣе. Если мы будемъ разсматривать душу и тѣло относительно роли, какую она играютъ въ нашей жизни, то увидимъ, что душа въ человѣкѣ есть нѣчто повелительное и царственное, а тѣло подчиненное и зависимое. Очевидно, что въ отправленіи такого служенія, душа какъ нельзя болѣе приближается къ тому, что божественно, потому что повелѣвать свойственно божественному, также какъ подчиняться и служить — смертному. Соединивъ всѣ эти черты въ одно цѣлое, мы увидимъ, что душа какъ нельзя болѣе подобна тому, что божественно, и безсмертно, и пріемлемо только мыслию, и просто по существу, и неразрушимо и неизмѣнно; а тѣло чрезвычайно походитъ на то, что человѣческое, и смертное, и неудобопріемлемое мыслию, и многообразное, и разрушимое, и никогда не остающееся неизмѣненнымъ и равнымъ самому себѣ. Какой же отсюда выводъ? Если мы видимъ, что тѣло — смертное и разрушимое по своей природѣ — иногда сохраняется очень долгое время, особенно, если оно хорошо набальзамировано, то не необходимо ли заключить, чтобы душа, представляющая собою несравненно высшую и болѣе совершенную природу, его пере-

живала, а по смерти тѣла отправлялась въ другое мѣсто, которое, подобно ей, благородно, и чисто, и невидимо — къ благому и мудрому божеству — гдѣ, освободившись отъ всѣхъ человѣческихъ золъ, — она, какъ утверждаютъ посвященные въ таинства, наслаждается блаженствомъ въ общеніи съ божествомъ? Я изложилъ сущность третьяго — метафизическаго — доказательства безсмертія. Душа должна продолжать существовать по смерти тѣла потому, что она есть нѣчто какъ нельзя болѣе близкое и родственное съ тѣмъ, что просто и неизмѣнно по существу, а простое и неизмѣнное не можетъ подлежать разрушенію. Основа этого новаго доказательства, какъ нетрудно замѣтить, заключается въ предыдущемъ; но если тамъ мы видѣли только факты противуположности духовнаго и тѣлеснаго начала, то здѣсь тоже ученіе получаетъ дальнѣйшее развитіе и возводится въ принципъ. Разсматривая это доказательство въ связи съ предыдущимъ періодомъ греческой философіи, нѣльзя не замѣтить въ немъ его родственности съ ученіемъ Парменида о чистомъ, непреходящемъ, возвышающемся надъ всякимъ измѣненіемъ и всѣми его формами бытія. Какъ ученіе о движеніи души очевидно носить на себѣ вліяніе гераклитовскаго: πάντα χωρεῖ καὶ οὐδὲν μένει (все движется и ничто не остается въ одномъ и томъ же положеніи,) такъ въ ученіи Платона объ идеяхъ замѣтны слѣды философіи Парменида.

Перехода къ научной оцѣнкѣ доказательства, считаю необходимымъ, какъ сдѣлалъ выше, при разборѣ двухъ первыхъ, изложить прежде всего возраженія, приводимыя противъ него критикой. Тидеманнъ упрекаетъ его въ томъ, что въ немъ не доказана простота души, равно какъ и въ томъ, что Платонъ приписываетъ душѣ колебаніе между истиной и заблужденіемъ; вопреки, слѣдовательно, смыслу цѣлой теоріи, душѣ надобно приписать *inconstantiam*, а поэтому самому *mutabilitatem*. Теннеманнъ выражаетъ опасеніе, что простое, хетя и неразрушимо (постепенно и по частямъ,) но можетъ уничтожиться вдругъ; вслѣдствіе этого онъ не находитъ здѣсь вполнѣ удовлетворительнаго доказательства простоты души. Два другія возраженія, что сама душа, по Платону, подвержена

измѣненію, и что, по его теоріи, матерія также неразрушима, (такъ что, вслѣдствіе этого, душа не имѣетъ никакого преимущества передъ матеріей, и не больше изъята отъ смерти чѣмъ и она) устраняетъ онъ самъ, какъ скоро упоминаетъ о томъ, что душа, даже въ то время когда она мыслитъ иначе, остается тою же душою, тѣмъ же самымъ субъектомъ, тогда какъ матерія, измѣняясь, дѣйствительно, переходитъ черезъ это въ нѣчто другое. Виггеръ вноситъ въ критику доказательства свое кантовское положеніе, что сущность, не подлежащая чувствамъ какъ душа, вообще не допускаетъ опредѣленія въ смыслъ простоты или сложности, вслѣдствіе чего онъ долженъ бы совершенно отказаться отъ всякаго изслѣдованія этого вопроса. Петтавель оспариваетъ то, что невидимостью души доказывается ея вѣчность, что, впрочемъ, не составляетъ мнѣнія Платона, такъ какъ онъ отъ невидимости души въ соединеніи съ ея равенствомъ самой себѣ (Selbstgleichheit) заключилъ къ ея простотѣ, а отсюда къ ея вѣчности. Сверхъ того, невидимость доказана не вообще, а только для людей, что Платонъ самъ сознавалъ и о чемъ онъ упоминаетъ, но что, однакожъ, ничуть не мѣшаетъ допустить слѣдующее: такъ какъ все вообще невидимое для насъ, какъ напримѣръ идеи, представляетъ сравнительно съ видимымъ для насъ нѣчто болѣе простое, и потому болѣе продолжительное въ своемъ бытіи, то и относительно души можетъ быть принято тоже самое. Наконецъ, этому критику бытіе идей представляется только бытіемъ въ нашей мысли, такъ что, вслѣдствіе этого, изъ существа души вытекаетъ мало утѣшительнаго для ея бытія. Бухеръ находитъ въ нашемъ доказательствѣ, заимствованномъ отъ простоты души, противорѣчіе съ изложеннымъ въ Федръ ученіемъ о трехчастномъ дѣленіи ея; тѣмъ болѣе, что Платонъ приписываетъ душѣ не только разумное, но и чувственное (душѣ злыхъ) даже по смерти, — а это послѣднее начало снова влечетъ души этого рода къ міру чувственному; сверхъ того, онъ говоритъ, что все это доказательство основано на ученіи объ идеяхъ, и слѣдовательно падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Мало того. Идеи представляютъ собой вѣчное, а душа есть конечное существо, которое только имѣетъ въ нихъ свою

часть; въ третьихъ, наконецъ, несправедливо то, что душа во всѣхъ случаяхъ есть нѣчто господствующее и управляющее тѣломъ, а точно также часто, и даже чаще встрѣчается противное; наконецъ, если бы душа оставалась всегда равной самой себѣ, то обогащеніе ея познаніями, или, въ сферѣ практической дѣятельности, переходъ отъ добра къ злу и обратно — были бы немислимы.

Приведенныя мною противъ третьяго доказательства возраженія критики касаются его, какъ видитъ читатель, съ разныхъ сторонъ, и всѣ — болѣе не въ пользу, чѣмъ въ пользу его. Насколько критика въ этомъ случаѣ права? По моему мнѣнію, точная оцѣнка научнаго достоинства доказательства необходимо требуетъ предварительнаго анализа ученія Платона объ идеяхъ, такъ какъ все доказательство, по справедливому замѣчанію Бухера, на немъ основано и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ предыдущей главѣ, мы видѣли, что Платонъ приписываетъ душѣ идеи, какъ ея внутреннее содержаніе. Но что онъ разумѣетъ подъ ними? Каждому, кто занимался изученіемъ его философіи, извѣстно, что онъ не дѣлаетъ научнаго опредѣленія идей — недостатокъ, въ которомъ упрекалъ его еще Аристотель. Онъ полагаетъ какъ нѣчто неоспоримое, очевидное для каждаго, бытіе безусловно истиннаго, справедливаго, прекраснаго. «Для меня ничто такъ не очевидно,» говорить въ нашемъ діалогѣ Симиасъ, «какъ то, что все это существуетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ образомъ — прекрасное и доброе, и все другое подобное». «Будемъ ли мы утверждать, что справедливое есть нѣчто, или же ничто?» — «О конечно, влянусь Зевесомъ, мы будемъ это утверждать.» — «А не точно ли такимъ образомъ мы будемъ говорить о прекрасномъ и добромъ?» — «Да, какъ же нѣтъ?» ¹⁾ — «Не черезъ справедливость ли справедливы справедливые, и не черезъ прекрасное ли прекрасны прекрасные предметы?» ²⁾ Въ приведенныхъ мною мѣстахъ, Платонъ утверждаетъ бытіе идей, какъ нѣчто безусловно необходимое, но не даетъ

¹⁾ Phaedo, p. 65. D.

²⁾ Hippias major, p. 257 D.

своему ученію объ этомъ предметѣ научнаго основанія к формѣ. Почему? Естественное и ближайшее разрѣшеніе этого вопроса заключается въ томъ, что это зависитъ отъ свободной и поэтической формы его діалоговъ. Но авторъ сочиненія о философіи Платона Фулье, объясняя этотъ фактъ иначе, находитъ болѣе серьезную, и, какъ мнѣ кажется, болѣе основательную причину этого — въ поэтическомъ, созерцательномъ характерѣ міровозрѣнія Платона. «Первая черта генія Платона,» говоритъ онъ, «которая поражаетъ насъ съ перваго разу при чтеніи его сочиненій, это — непосредственная вѣра его въ идеи, то есть въ истинное, доброе и справедливое. Душа человѣка постоянно стремится къ тому, что неизмѣнно и вѣчно, такъ какъ она той же самой природы, (*ὡς οὐρανὸς ὅσα*) и чѣмъ болѣе душа велика, тѣмъ болѣе жива ея вѣра.»³⁾ На этомъ родствѣ души съ идеями, на ея постоянномъ мысленномъ стремленіи къ невидимому и неизмѣнному, Платонъ основалъ заключеніе о ея невидимой, нематеріальной природѣ. Приходя въ соприкосновеніе съ видимымъ и многообразнымъ, она испытываетъ тревогу и возмущается; отдаваясь мысленному созерцанію того, что выступаетъ за предѣлы видимаго, находитъ въ этомъ созерцаніи полное внутреннее успокоеніе. Родство ея такимъ образомъ съ тѣмъ, что вѣчно, безсмертно и неизмѣнно доказывается ея постояннымъ стремленіемъ къ области невидимаго. Едва ли можно основательно оспаривать то, что приводимый Платономъ фактъ — постоянное стремленіе души къ вѣчному, безсмертному и неизмѣнному — дѣйствительно показываетъ присутствіе въ насъ какого-то начала, не удовлетворяющагося міромъ явленій, а съ другой стороны, — то, что мы повсюду замѣчаемъ гармонію между стремленіями вообще и дѣйствительнымъ, реальнымъ бытіемъ того, что составляетъ ихъ предметъ, опять, въ свою очередь, доказываетъ — по крайней мѣрѣ, до известной степени твердо — бытіе чего-то невидимаго внѣ насъ, составляющаго предметъ постоянныхъ стремленій нашего внутренняго, невидимаго начала — души. Но изъ доказательства только это и можно вывести. Платонъ

³⁾ La Philosophie de Platon par Alfred Fouillée, Paris 1869, tome premier, p. 4.

идеть однакожь далѣе, и, на основаніи родства души съ невидимыми и неизмѣнными сущностями, заключаетъ о ея простотѣ. Что же онъ подѣею разумѣть? Отвѣта на этотъ вопросъ мы у него не находимъ. Понятія идей онъ не опредѣляетъ, понятія простоты души — также. Если мы проведемъ параллель между этимъ доказательствомъ Платона и метафизическимъ доказательствомъ новой философіи, основаннымъ на томъ же началѣ, — на идеѣ простоты души, то увидимъ, что новое представляетъ несравненно больше твердости и силы. Послѣднее утверждается на единствѣ, то есть неизмѣнности и всегдашнемъ равенствѣ самому себѣ нашего сознанія, на отсутствіи въ немъ всякой сложности и дѣлимости, слѣдовательно на фактахъ внутренняго самонаблюденія — на анализѣ ея сущности, ея природы. Какъ бы ни были различны точки отправленія дѣятельности души, — обращается ли она къ настоящему, прошедшему или будущему, — она остается одной и той же, сознающею себя всегда тѣмъ же самымъ. Это постоянное единство ея и всегдашнее равенство самой себѣ, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ условій ея дѣятельности, показывая въ ней нѣчто недоступное для какихъ бы то ни было измѣненій, даетъ намъ полное право заключать о неразрушимости ея природы, ея безсмертія. У Платона простота и неизмѣнность души утверждается не на простотѣ и неизмѣнности ея сознанія, слѣд. не на анализѣ ея природы, а внѣшнимъ образомъ — на родствѣ ея съ простыми и неизмѣнными сущностями. Она постоянно стремится къ тому, что просто и неизмѣнно по существу: отсюда надобно заключать, что и собственная природа ея также проста и неизмѣнна. Но что разумѣть подѣею простотою тѣхъ сущностей, съ которыми Платонъ сближаетъ душу? Что такое прекрасное въ самомъ себѣ? Для насъ это не больше, какъ идеальный типъ, къ которому мы возводимъ десятки и сотни тысячъ частныхъ, индивидуальныхъ явленій. Мы опредѣляемъ прекрасное только по отношенію къ его проявленію, къ его присутствію въ томъ или другомъ предметѣ. Чтѣ такое прекрасное въ самомъ себѣ, — это недоступно никакому опредѣленію. Очевидно, слѣдовательно, что душа въ метафизическомъ доказательствѣ Платона является не бытіемъ личнымъ, а от-

влеченно идеальнымъ и изъ ея неизмѣняемости, какъ сущности, ничуть не слѣдуетъ заключенія въ пользу ея личнаго, индивидуальнаго безсмертія, съ которымъ мы всегда соединяемъ, какъ необходимую ея принадлежность, сохраненіе сознанія и воли. Но и самое понятіе неизмѣняемости души представляетъ у Платона внутреннее противорѣчіе, въ чемъ мы совершенно убѣдились, если вспомнимъ содержаніе второго доказательства. На основаніи этого послѣдняго, мы гораздо скорѣе должны признать въ ней принципъ измѣняемости, нежели неизмѣняемости. Душа созерцаетъ божественныя идеи въ ихъ полнотѣ и совершенствѣ въ то время, когда она существуетъ, какъ чистый духъ: это періодъ самаго высшаго и глубокаго ея знанія. Соединяясь съ матеріей въ актѣ воплощенія, она получаетъ отъ прикосновенія къ ней такой страшный ударъ, что мгновенно все забываетъ, — подобно тому, какъ человѣкъ, перешедши отъ свѣту къ темной пещерѣ, лишается въ первый моментъ всякой возможности различать окружающіе его предметы. Это коментъ полной противоположности предыдущему періоду, высшая точка ея незнанія. Возобновляя опытомъ и ученіемъ забытыя ею идеи, она испытываетъ новое состояніе, отличное по характеру отъ двухъ первыхъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ идеальная сущность прекраснаго остается всегда неизмѣнной и равной самой себѣ, душа представляетъ у Платона нѣчто постоянно колеблющееся, и потому измѣняемое. Бишофъ оспариваетъ въ разборѣ доказательства начало измѣняемости души, ссылаясь на замѣчаніе самого же Теннеманна, (высказанное послѣднимъ противъ самого себя) что душъ, при всемъ различіи въ различные періоды времени ея состояній, при существованіи моментовъ и переходовъ въ ея развитіи, остается той же сущностью, тѣмъ же самымъ субъектомъ. Замѣчаніе Бишофа само по себѣ, конечно, справедливо; но едва ли его можно признать справедливымъ относительно нашего доказательства, точнѣе сказать, относительно той точки зрѣнія, съ которой неизмѣняемость души опредѣляетъ Платонъ. Если бы онъ опредѣлялъ неизмѣнность ея по отношенію къ ней самой — къ ея сознанію, то замѣчаніе Бишофа было бы безусловно вѣрно. Но Платонъ опредѣляетъ начало неизмѣняе-

мости души не въ смыслѣ неизмѣнности ея природы, а сравнительно, то есть, по отношенію къ тѣмъ неизмѣняемымъ сущностямъ, которыя составляютъ предметъ ея постоянного мысленнаго стремленія. Она также неизмѣнна, говорить онъ, какъ и онъ; она постоянно стремится къ нимъ, слѣдовательно она родственна имъ. Но какъ скоро душа допускаетъ моменты перехода, какъ скоро ея внутренняя жизнь представляетъ ступени развитія, то совершенной аналогіи и соответствія ея съ неизмѣнными сущностями уже нѣтъ. Душа очевидно измѣняется, — если не въ своей природѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ характерѣ своей внутренней жизни — въ тотъ моментъ, когда, воплощаясь, приходитъ въ соприкосновеніе съ матеріей. Точно также, воскресая опытомъ и ученіемъ забытыя ею идеи, она представляетъ послѣдовательное измѣненіе своего внутренняго содержанія, а это самое и составляетъ ту относительную, сравнительную измѣняемость ея, которая не допускаетъ полной аналогіи ея съ неизмѣнными сущностями, потому что въ этихъ послѣднихъ мы рѣшительно не можемъ представить моментовъ перехода. Прекрасное, въ смыслѣ идеальнаго типа явленій, только и можетъ быть неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Указавши на неизмѣнность души, какъ черту родственности ея съ идеальными сущностями, Платонъ указываетъ и на другую сторону сродства ея съ началомъ божественнаго — на повелительный, царственный голосъ души въ нашей жизни, ея власть и господство надъ тѣломъ. Нельзя не согласиться, что это дѣйствительно сильный аргументъ, если не въ пользу личнаго безсмертія души, (котораго наше доказательство не можетъ утвердить положительно) то, во всякомъ случаѣ, въ пользу превосходства ея природы. Напрасно Бухеръ, оспаривая силу этого аргумента, возражаетъ, что душа не всегда владычествуетъ надъ тѣломъ, а точно также часто, если еще не чаще, встрѣчается противное. Вопервыхъ, даже тогда, когда мы видимъ противное, то есть преобладаніе въ человѣкѣ тѣлесной природы, преобладаніе это никогда не бываетъ исключительнымъ, никогда не простирается на всѣ возможные частные случаи; во вторыхъ, здѣсь существенно важно не то, часто или не часто мы встрѣчаемся съ фактомъ преобладанія души, а важно самое значеніе этого

факта. Какъ скоро онъ существуетъ, — онъ доказываетъ и присутствіе въ насъ какого-то невидимаго, повелѣвающего начала и совершенство природы его, подчиняющей себѣ — хотя бы только въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ — видимую природу — тѣло; а эта черта — способность управлять матеріей непосредственно, помимо ея собственныхъ, въ ней самой заключенныхъ законовъ, очевидно доказываетъ родственность души съ началомъ божественнаго. Платонъ, вопреки Бухеру, вовсе не думаетъ выдавать господства души надъ тѣломъ за постоянный, неизмѣнный фактъ; говоря о людяхъ, чуждыхъ въ образѣ жизни своей философіи, излагая ученіе метемпсихоса, онъ всюду указываетъ намъ примѣры противнаго. Но важно, повторяю, не количество и сумма фактовъ преобладанія души надъ тѣломъ, а то, что эта способность господствовать въ ней есть; а какъ скоро, далѣе, она существуетъ, то душа, родственная въ этой чертѣ съ божественнымъ началомъ, гораздо ближе по этому самому къ началу бессмертія, нежели къ началу смерти. Что же касается до возраженія Бухера, что изложенное въ настоящемъ доказательствѣ понятіе о простотѣ души представляетъ противорѣчіе съ ученіемъ Платона въ Федрѣ о трехчастномъ ея дѣленіи, то я, въ этомъ случаѣ, вполне раздѣляю мнѣніе Бишофа, который находитъ здѣсь только кажущееся противорѣчіе. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ: «не трудно замѣтить правильность этого опредѣленія (простоты души) и его согласимость съ изложеннымъ у Платона въ другомъ мѣстѣ трехчастнымъ дѣленіемъ души. Потому что, если онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о ея тройственной силѣ, а въ другомъ ничего не говоритъ о трехчастности, то этимъ понятіе простоты души такъ же точно не уничтожается, какъ мы напр. не уничтожаемъ простоты природы божества, или абсолютнаго, когда приписываемъ ему самое большее разнообразіе дѣятельности; такъ какъ дѣятельность въ различныхъ направленіяхъ — это и есть та тройственная сила души, о которой Платонъ говоритъ. Три направленія эти возвращаются всегда къ одному субъекту, но они сами по себѣ не составляютъ души; то или другое изъ нихъ можетъ быть устраненно въ мысленномъ представленіи (какъ напр. во слѣ прекращается даже самое мышленіе) и однакожь душа

не перестаетъ быть душою. Тѣ три рода дѣятельности, или силы, или какъ бы мы ихъ ни назвали иначе, не соединяются для образованія души, но ἐπιθυμητικόν всегда уже предполагаетъ ἐπιθυμοῦν, точно также какъ νοητικόν или λογιστικόν — νοεῖν или λογίζεσθαι. Эти три силы не образуютъ, слѣдовательно, собою субъекта, но возвращаются къ нему, какъ своему общему основанію, изъ котораго они выходятъ, и который производитъ и направляетъ ихъ дѣятельность. И такъ какъ эти различныя силы и роды дѣятельности относятся къ одному субъекту, то они этихъ самымъ показываютъ въ немъ нѣчто простое.»⁴⁾ Оканчивая этими замѣчаніями характеристику третьяго доказательства, я прибавлю къ этому только то, что какъ психологическое ученіе Платона объ идеяхъ, изложенное въ предыдущей главѣ, такъ и это новое доказательство безсмертія, основанное на понятіи простоты души, составляютъ величайшее явленіе въ области философіи. Довольно одного указанія на философскія системы предшественниковъ Платона — Левкиппа⁵⁾ и Демокрита,⁶⁾ разсматривавшихъ душу, какъ соединеніе атомовъ, чтобы увидѣть какой огромный шагъ въ развитіи греческой философіи представляетъ ученіе о томъ же предметѣ Платона. Правда, изложенное нами доказательство не утверждаетъ своего психологическаго принципа (понятія простоты души) научнымъ образомъ, а поэтому и самое безсмертіе доказываетъ больше поэтически-философскимъ нежели научно-философскимъ образомъ, но величайшую заслугу Платона составляетъ уже то одно, что онъ первый опредѣлилъ душу, какъ простую сущность. Твердыхъ и положительныхъ выводовъ въ пользу безсмертія доказательство не даетъ, такъ какъ въ немъ не достаточно уяснено самое основаніе его — понятіе простоты души. Въ цѣломъ оно лишено единства, потому что, съ одной стороны, оно утверждаетъ безсмертіе души на основаніи близости и родственности ея существа съ универсальными,

⁴⁾ Бишофъ, Pl. Phaed. S. 322 fg.

⁵⁾ Время жизни Левкиппа относятъ къ V ст. до Р. X.

⁶⁾ Демокритъ Абдерскій: годъ его рожденія полагаютъ между 470 и 460 до Р. X.

простыми и неизмѣнными сущностями, а съ другой — на ея повелительной, царственной роли въ нашей жизни, на власти и господствѣ ея надъ тѣломъ, слѣдовательно на превосходствѣ ея природы передъ природою тѣла. Тѣмъ не менѣе, однакожь, при всей научной шаткости доказательства, оно представляетъ, можетъ быть, болѣе данныхъ въ разрѣшеніи вопроса о безсмертіи, чѣмъ всѣ другія доказательства Федона. Душа — невидимая, неизмѣнная, и, въ силу невидимости и неизмѣнности своей, простая сущность — постоянно стремится къ тому, что мы во всякомъ случаѣ представляемъ себѣ не иначе, какъ только неизмѣннымъ и вѣчнымъ — къ универсальнымъ сущностямъ, возвышающимся надъ всевозможными видоизмѣненіями міра явленій. Только родствомъ души съ этими сущностями и слѣдовательно съ началомъ безсмертнаго можно объяснить это постоянное, мысленное устремленіе ея въ область неизмѣннаго и безсмертнаго. Возвышаясь надъ явленіями окружающаго насъ видимаго міра, она въ то же время возвышается и надъ тѣмъ, что составляетъ начало видимаго въ самомъ человѣкѣ. Ея повелительный голосъ и господство надъ тѣломъ (положимъ, даже только въ немногихъ данныхъ случаяхъ) показываетъ присутствіе въ ней ея собственныхъ, внутри ея самой заключенныхъ и ни отъ чего независящихъ законовъ, а слѣдовательно и присутствіе въ ней иной, отличной отъ тѣла и самостоятельной относительно его жизни. Соединяя различныя положенія доказательства въ одно цѣлое, мы можемъ формулировать окончательный выводъ его слѣдующимъ образомъ. Душа, по характеру и отправленіямъ своей дѣятельности, какъ нельзя болѣе близка къ тому, что мы понимаемъ только безсмертнымъ и вѣчнымъ, и это — близкое къ безсмертнымъ и вѣчнымъ сущностямъ — начало живетъ своею собственною, въ немъ самомъ заключенною жизнью. Понятно, что послѣ всего этого мы съ гораздо большей логикой и правомъ можемъ утвердить за этимъ внутреннимъ началомъ нашимъ то безсмертіе и вѣчное бытіе въ будущемъ, которое принадлежитъ неизмѣннымъ сущностямъ вообще, нежели допустить относительно его преходимость и временность, характеризующія міръ видимыхъ явленій.

МИОЪ О ПЕРЕСЕЛЕНИ ДУШЪ.

Души философовъ наследуютъ, по разлученіи съ тѣлами, блаженную вѣчность въ общеніи съ божествомъ. Легко представить, что совершенно иная участь ожидаетъ тѣхъ людей, которые провели земную жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ и исключительномъ служеніи тѣлу. Души этого послѣдняго рода до того проникаются при жизни тѣлеснымъ, что какъ будто бы сливаются и соединяются съ нимъ въ одно цѣлое. Естественно, что и по смерти онѣ не въ состояніи отрѣшиться отъ этого тѣлеснаго начала — тонкой тѣлесной оболочки, которая, сросшись съ душой при жизни, не покидаетъ ее и по смерти. Естественно также и то, что душа, которая прониклась при жизни любовью къ тѣлесному и жила исключительно для тѣла, — отдаваясь всецѣло заботамъ о немъ и увлекаясь его страстями и удовольствіями, не разстается съ своею земною любовью и по окончаніи земной жизни. Разлучившись съ тѣломъ, она продолжаетъ, по прежнему, любить только тѣлесное. Одолѣваемая этою любовью, и всюду преслѣдуемая не покидающею ее тѣлесной оболочкой, которая, такъ сказать, сплотилась съ нею въ теченіе земной ея жизни, она не хочетъ разстаться съ мыслию о тѣлѣ и по разлученіи съ нимъ. И вотъ, — въ то время какъ чистыя души философовъ переходятъ по смерти въ чистый, невидимый, безтѣлесный міръ, душа, проникнутая любовью къ тѣлесному, начинаетъ витать вокругъ могилы, въ которой погребено ея тѣло, — вслѣдствіе чего подлѣ могильныхъ кургановъ и бывають иногда видимы тѣнеобразныя призраки душъ. Когда эта жажда тѣлеснаго, постепенно возрастая и усиливаясь въ подобной душѣ, возобладаетъ ея совершенно, она уже не довольствуется блужданіемъ вокругъ могильныхъ кургановъ, но получаетъ неодолимое стремленіе соединиться опять съ какимъ нибудь новымъ тѣломъ. Тогда она входитъ въ какое нибудь животное. Легко представить, что

каждая подобная душа избираетъ при этомъ такое животное, котораго природные инстинкты и свойства соотвѣтствуютъ ея собственному направленію, выработанному ею въ земной ея жизни. Какъ напр. люди, предавшіеся обжорству, разврату и разгульной жизни, естественно, должны входить въ оловъ и подобныхъ животныхъ. Души, запятнавшія себя на землѣ несправедливостями, враніемъ и грабежами, переселяются въ волковъ, ястребовъ и оршуновъ. Тоже самое нужно принять и относительно всѣхъ стальныхъ подобныхъ душъ. А души, ознаменовавшія себя добродѣлями общественными и гражданскими — воздержаніемъ и справедливостію, которыя образовались въ нихъ чисто практическимъ путемъ — путемъ навыка или упражненія, безъ помощи философіи ли размышленія, естественно должны переселяться по смерти въ тѣла животныхъ общительныхъ и мирныхъ, — пчелъ, осъ или уривовъ, или — въ такихъ же точно людей, и тогда уже отъ нихъ будутъ рождаться люди добродѣтельные.

Я изложилъ содержаніе перваго міа Федона. Откуда Платонъ го заимствовалъ? Ближайшее происхожденіе его, конечно, міа-реійское, на что ясно указываетъ характеръ міа, допускающаго переселеніе душъ исключительно въ тѣла животныхъ. Но догматъ, жщій въ его основѣ — метемпсихосъ — составляетъ столько же ревій, сколько и всеобщій догматъ религіи древняго міра. Въ томъ другомъ отношеніи — какъ въ древности своего происхожденія, къ и повсемѣстности распространенія — вѣра въ метемпсихосъ уступаетъ догмату безсмертія души. Мы едва ли удалимся къ истинны, если скажемъ, что метемпсихосъ составляетъ одну изъ самыхъ первоначальныхъ формъ, подъ которой проявилась въ чловѣчествѣ идея продолженія жизни по смерти, идея зсмертія души. Приведу нѣкоторые факты въ подтвержденіе, съ одной стороны, всеобщности ученія метемпсихоса въ лигіяхъ и философскихъ системахъ древняго міра, а съ другой, о повсемѣстнаго господства у народовъ не-христіанскихъ, даже части въ настоящее время. Ученіе браминовъ въ древней Индіи, въ ны впервые встрѣчаемся съ этимъ вѣрованіемъ, представляетъ посмертное странствованіе душъ въ тѣлахъ добрыхъ и ныхъ животныхъ, какъ подвигъ покаянія и очистительное

средство. Точно также метемпсихозъ существовалъ и у буддистовъ. Египетскіе жрецы принимали, въ тайномъ ученіи своемъ, три тысячи лѣтъ за тотъ необходимый періодъ времени, въ теченіе котораго должны странствовать всѣ вообще души, переселяясь въ тѣла различныхъ животныхъ, — до возвращенія своего въ тѣла людей и жилища блаженныхъ. Греки, по всей вѣроятности, заимствовали ученіе метемпсихоза (μετεμψύχωσις, μεταστροφῆσις) отъ египтянъ, и первыми распостанителями его въ Греціи были Пифагоръ и, такъ называемый учитель его, Ферекидъ. Эмпедоклъ принималъ странствованіе душъ даже по различнымъ растеніямъ. Греческія мистеріи облекали догматъ душепереселенія въ увлекательныя мифы, которые представляли Діониза вождемъ и владыкомъ душъ; а поэты и философы сообщали этимъ мифамъ самыя разнообразныя формы. Пиндаръ и оръческія сказанія поселяютъ душу на островахъ блаженныхъ, только по совершеніи троекратнаго безпорочнаго житейскаго странствованія ея на землѣ. Платонъ распространяетъ періодъ очистительнаго странствованія душъ до полного возвращенія ихъ въ лоно божества на 10,000 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онѣ блуждаютъ по тѣламъ людей и животныхъ. Плотинъ различаетъ переселеніе душъ изъ невидимыхъ, эфирныхъ тѣлъ въ земныя, и переселеніе ихъ изъ одного земнаго тѣла въ другое. Приведенные мною факты ясно говорятъ о всеобщности вѣрованія въ переселеніе душъ какъ у народовъ востока, такъ и въ классическомъ мірѣ Греціи; но, помимо этого, метемпсихозъ составляетъ одинъ изъ коренныхъ и существенныхъ догматовъ каждой языческой религіи. Обитатели древней Италіи, кельтическіе друиды, скиены и гиперборей также точно содержали этотъ догматъ въ своемъ религіозномъ вѣроученіи, какъ языческіе народы восточной Азіи, кавказскія племена, дикіе американцы и африканскіе негры содержатъ его съ разными видоизмѣненіями и до сихъ поръ ?.)

При такой всеобщности вѣры въ метемпсихозъ, естественно задаться вопросомъ: что привело человѣка къ подобному вѣрованію?

?) Читатель, желающій познакомиться подробнѣе съ ученіемъ метемпсихоза, можетъ обратиться къ сочиненію Мейера: *Die Idee der Seelenwanderung*, Hamburg, 1861.

Какъ онъ могъ во всѣ времена такъ мало цѣнить собственную душу, чтобы заключать ее въ тѣло животнаго или бездушнаго камня? Въ основѣ этого представленія лежитъ одинъ изъ древнѣйшихъ религіозныхъ догматовъ о взаимномъ родствѣ и взаимномъ другъ на друга влияніи всѣхъ живыхъ существъ, равно какъ о постепенномъ очищеніи и возвращеніи духовно-индивидуальныхъ личностей къ своему общему, первоначальному источнику. Вмѣстѣ съ этимъ на образованіе міеа вліяла и вѣра въ существованіе души, предшествовавшее земному ея воплощенію; потому что земная жизнь составляетъ, по этому воззрѣнію, только одно звѣно въ цѣпи тѣхъ состояній, которыя должна проходить вышедшая отъ бога душа, для того, чтобы потомъ возвратиться опять въ его лоно. Міеъ о переселеніи душъ заключаетъ собою третье доказательство. Ближайшее значеніе его по отношенію къ этому полѣднему состоитъ въ томъ, что онъ служитъ прежде всего непосредственнымъ отвѣтомъ на вопросъ: всѣ ли души безсмертны? До сихъ поръ, говоря о безсмертіи, Платонъ всюду разумѣлъ только душу философа, которая, сохранивъ себя чистою незапятнанною отъ вліянія тѣла, наслѣдуетъ безсмертіе въ общеніи съ божествомъ и подобными ей сущностями. Но такое высокое, желанное безсмертіе составляетъ удѣлъ немногихъ душъ. Вопросъ: что же будетъ со всѣми остальными, и куда пойдутъ ѣ, которыя не приготовились къ переходу въ другой міръ, и отому не въ состояніи соединиться съ чистымъ и божественнымъ? Міеъ о переселеніи отвѣчаетъ, что и эти души наслѣдуютъ безсмертіе, хотя, впрочемъ, далеко не похожее на то, которое выпадаетъ на долю людей, посвящавшихъ жизнь занятіямъ философій.

ГЛАВА VII.

Перерывъ въ разсужденіяхъ: мимическая сцена. — Исслѣдованіе вопроса: не есть ли душа гармонія? Переходъ къ четвертому доказательству.

Изобразивъ судьбу души, которая не приготовилась собственнымъ самоочищеніемъ и самоусовершенствованіемъ къ переходу въ другой міръ, и потому вынуждена блуждать по землѣ переселяясь изъ тѣла въ тѣло, Сократъ опять обращается къ практической сторонѣ задачи — къ разсмотрѣнію тѣхъ побужденій и правилъ, которыми долженъ руководиться въ жизни истинный философъ. — «Душа человѣка, стремящагося къ мудрости,» говоритъ онъ, «не будетъ думать, что философія должна ее освободить, а когда освободить, предать ее снова удовольствіямъ и печалямъ, для того чтобы онѣ связали ее опять, производить такимъ образомъ безконечную работу, напоминая обратнымъ образомъ работу станка Пенелопы. Душа, стремящаяся къ мудрости, приготовляя себѣ тишину, недоступную для удовольствій и печалей, слѣдуя разуму и всегда повинуваясь, созерцая истинное, и божественное и неизмѣнное думаетъ, и находя въ этомъ свою пищу, думаетъ, что такъ должна жить до тѣхъ поръ, пока она живетъ; когда же она окончитъ жизнь на землѣ, то отравляясь къ тому, что ей родное такой же природы, какъ она сама, она освобождается отъ человѣческихъ золъ. Питавшіе подобною пищею и проводившіе жизнь въ подобнаго рода занятіяхъ, душа мудраго не боится, чтобы она не разсѣялась при освобожденіи отъ тѣла, не была развѣяна вѣтрами, не разлетѣлась въ разныя стороны и не обратилась бы въ ничто.» Когда Сократъ окончилъ рѣчь, наст-

пидо долгое молчаніе: казалось, что онъ и самъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что было сказано, и весьма многіе изъ собесѣдниковъ; а Кебесъ и Симміасъ начали тихо разговаривать. Замѣтивъ это, Сократъ спросилъ: «о чемъ у васъ бесѣда? вамъ представляется недостаточнымъ сказанное нами,» прибавилъ онъ, «потому что, въ самомъ дѣлѣ, еще остается много сомнѣній и возраженій, если кто захочетъ изслѣдовать дѣло надлежащимъ образомъ. Если вы бесѣдуете», продолжалъ онъ, «о другомъ предметѣ, то я не имѣю ничего сказать; но если вы повѣряете другъ другу ваши сомнѣнія по тому же самому предмету, то начинайте немедленно говорить и разсуждать, когда вамъ кажется, что объ этомъ можно сказать лучше; пріймите соучастникомъ вашей бесѣды и меня, если надѣетесь при моей помощи обстоятельнѣе изслѣдовать дѣло.» Симміасъ отвѣчаетъ, что они, давно уже тревожась сомнѣніями по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, понуждаютъ и просятъ одинъ другого обратиться къ нему за разрѣшеніемъ, но каждый изъ нихъ боится безпокоить его, при его настоящемъ несчастіи. Сократъ, въ отвѣтъ на это, кротко улыбнулся и сказалъ: «полно, другъ мой Симміасъ! Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, трудно увѣрить другихъ, что я не считаю несчастіемъ настоящаго со мной случая, если я никакъ не могу убѣдить въ этомъ васъ; вы боитесь, чтобы я не былъ теперь въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ это бывало обыкновенно, — въ прошлое время моей жизни. Вы, какъ видно, считаете, что я въ предвѣденіи будущаго стою ниже лебедей, которыя, почувствовавъ, что имъ настала пора умереть, поютъ въ это время самыя многочисленныя и прекрасныя пѣсни, какихъ никогда не пѣвали прежде, радуясь, что они отходятъ къ боже-ству, которому служатъ.» Эти поэтическія предсмертныя пѣсни умирающихъ лебедей Сократъ объясняетъ тѣмъ, что онѣ, какъ птицы Аполлона, обладаютъ даромъ предвѣденія будущаго, и радуются въ послѣдній свой день болѣе, чѣмъ пѣли и радовались когда нибудь прежде. Но какъ соучастникъ въ служеніи лебедей и посвященный тому же богу, Сократъ обладаетъ прозрѣніемъ въ тайны другого міра не меньше чѣмъ и онѣ, и по-тому покидаетъ жизнь не съ большимъ сожалѣніемъ, чѣмъ и онѣ.

«И такъ,» заключилъ онъ, «на этомъ основаніи вамъ надобно говорить и спрашивать меня, о чемъ хотите спросить, до тѣхъ поръ, пока это позволяютъ намъ одиннадцать судей афинянъ.» Отвѣтъ Сократа очень понравился Симміасу: онъ изъявляетъ готовность высказать свои сомнѣнія по настоящему вопросу, прибавляя, что его собесѣдникъ сдѣлаетъ тоже самое. Достиженіе въ этомъ случаѣ совершеннаго познанія, — удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о безсмертіи души, — по его мнѣнію, или рѣшительно невозможно въ жизни настоящей или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не подвергать всестороннему разбору того, что обыкновенно объ этомъ предметѣ говорятъ, и отставать прежде изслѣдованія его со всѣхъ сторонъ, — это признакъ чловѣка слабодушнаго. Если въ этомъ случаѣ нѣтъ возможности узнать истину отъ другихъ, или дойти до нея самому, то надобно выбрать изъ всѣхъ существующихъ по этому предмету разсужденій то, которое окажется наиболѣе твердымъ и недоступнымъ для опроверженія. Ввѣрившись ему, какъ будто ладѣ, надобно переплывать съ опасеніемъ настоящую жизнь, если нѣтъ возможности проходить ее болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ образомъ, на болѣе прочномъ кораблѣ, или при помощи нѣкотораго рода божественнаго откровенія. Приступая къ разбору положенія Сократа, что душа, по существу своему сродная съ началомъ божественнаго, непременно должна быть поэтому безсмертна, если даже тѣло, по существу сродное смертному, продолжаетъ существовать иногда очень долгое время, — Симміасъ замѣчаетъ, что доказательство не представляется ему сильно. Это же самое, говоритъ онъ, можно бы сказать о лирѣ и гармоніи, гдѣ лира и струны очевидно представляютъ смертное, а гармонія божественное начало. Уже ли послѣ перелома лиры и разрыва струнъ можно утверждать, что гармонія не погибла въ силу того, что она божественна? Точно такимъ же образомъ можно спросить: ужели при разрушеніи тѣла, представляющаго собой природу смертную, можно утверждать, что не погибла душа, въ силу того, что она по существу своему близка къ началу божественнаго? Сократъ признаетъ дѣльность замѣчанія Симміаса, но прежде чѣмъ на него отвѣчать, спрашиваетъ Кебеса: не имѣтъ

ли и онъ съ своей стороны чего нибудь возразить? Миѣ представляется, любезный Сократъ, началъ Кебесъ, что существованіе души въ періодъ до воплощенія основательно доказано, но не съ такою же ясностію и очевидностію доказано то, что она будетъ существовать и по смерти тѣла. Душа, говоришь ты, замѣчаетъ онъ Сократу, по природѣ сильнѣе тѣла: но что же отсюда слѣдуетъ? То, что она долговѣчнѣе его, что она существуетъ болѣе продолжительное время, но отнюдь не ея постоянное бытіе, ея безсмертіе. Какъ Симміасъ, для объясненія своей мысли, привелъ въ примѣръ лиру, струны и гармонию, такъ Кебесъ, защищая начало только продолжительнаго существованія, но не безсмертія души, приводитъ примѣръ умершаго въ старости ткача и оставленнаго имъ платья. Разсужденіе твое, Сократъ, говоритъ Кебесъ, похоже на то, какъ если бы кто спросилъ: что долговѣчнѣе — человѣкъ или одежда, которую онъ носитъ, и на отвѣтъ, что человѣкъ, конечно, долговѣчнѣе, возразилъ бы, что если одежда не погибла, то тѣмъ болѣе долженъ продолжать существовать гдѣ нибудь человѣкъ, такъ какъ человѣкъ долговѣчнѣе одежды. Справедливо ли поэтому, указывая на оставшееся и не разрушенное тѣло умершаго человѣка, утверждать, что его душа осталась, а не погибла въ силу того, что существующее менѣе продолжительное время — тѣло осталось и не погибло? Разсужденіе Сократа, по взгляду Кебеса, представляетъ очевидную несообразность. Ткачъ въ теченіе своей жизни износилъ нѣсколько одеждъ, и по отношенію къ послѣдней умеръ прежде. Точно также душа изнашивается въ теченіе жизни нѣсколько тѣлъ, потому что тѣло постоянно разрѣшается и возобновляется, — а потѣмъ, образовавъ послѣднее, — то, которое носить передъ смертію, умираетъ, какъ умеръ ткачъ, а тѣло остается, какъ осталась одежда. Вотъ сущность возраженій, которыя приводятъ Симміасъ и Кебесъ противъ безсмертія души. Сократъ утверждаетъ безсмертіе, опираясь на божественную природу души — на то, что она, представляя, по существу своему, нѣчто близкое и сродное божественному въ противоположность тѣлу, представляющему собой смертное, должна по этому самому быть безсмертна, — а Сим-

міась, приведши приіръ лиры и струнъ съ ихъ смертной природой и гармонію, которая есть нѣчто божественное, отвергаетъ начало Сократа. Божественная гармонія погибаетъ при разрушеніи смертной лиры; точно такъ должна разрушаться и погибать божественная душа при разрушеніи смертнаго тѣла. Кебесъ отвергаетъ другое положеніе, высказанное Сократомъ въ томъ же доказательствѣ, — именно то, что душа необходимо должна переживать тѣло вслѣдствіе своей болѣе сильной природы. «Я не спору,» прибавляетъ онъ въ заключеніе, «что природа души, въ самоѣ дѣлѣ, до того сильна, что она способна подвергаться многочисленнымъ перевоплощеніямъ, и, слѣдовательно, долгое время оказывать сопротивленіе смерти, но никто также не поручится за то, что она не утомляется наконецъ всѣми этими многочисленными перевоплощеніями и новыми рожденіями, и не погибаетъ въ которой нибудь изъ смертей совершенно. Окончательный выводъ Симміаса и Кебеса тотъ, что, по мнѣнію перваго, душа наша есть не больше какъ гармонія, — правильное и равномѣрное сочетаніе началъ организма, а по мнѣнію другого, болѣе сильная природа духа, на которую ссылается Сократъ, доказываетъ только продолжительность, долговѣчность существованія души, но не вѣчность или безсмертіе ея. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на собесѣдниковъ разсужденіями Симміаса и Кебеса. Начиная уже убѣждаться предидущими доводами, говоритъ Федонъ, въ истинѣ, защищаемой Сократомъ, мы, выслушавъ возраженія противниковъ, въ одау минуту потеряли довѣріе не только къ приведеннымъ уже доказательствамъ безсмертія, но даже и къ тому, что могло быть сказано по этому предмету въ послѣдствіи времени. Возраженія показали намъ такъ сильны, что противъ нихъ, казалось, рѣшительно нечего было сказать. Эхекратъ спрашиваетъ: какъ подѣйствовали рѣчи Симміаса и Кебеса на Сократа, — былъ ли онъ ими пораженъ и озадаченъ, или же сохранилъ прежнее настроеніе духа? Федонъ описываетъ подробно, съ глубокимъ удивленіемъ къ лицу великаго философа, то непоколебимое спокойствіе, съ которымъ Сократъ выслушалъ возраженія обонхъ рзудей. Тонко подмѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на собе-

сѣдниковъ рѣчами противниковъ, Сократъ ласково обращается къ юношѣ Федону, котораго нѣжно любилъ, и, начавъ играть его прекрасными волосами, предлагаетъ ему обрѣзать ихъ себѣ въ знакъ траура, прибавляя, что онъ то же немедленно сдѣлалъ бы самъ, если бы могъ думать, что все предыдущее разсужденіе ихъ о безсмертіи погибло, и они не могутъ его воскресить. Ободривъ ласковой рѣчью юношу Федона, онъ предлагаетъ ему приступить къ новому изслѣдованію, прося принять соучастникомъ въ обсужденіи вопроса и его. Но прежде чѣмъ перейти къ самому предмету — разбору возраженій Симміаса и Кебеса — Сократъ старается предостеречь друзей отъ слишкомъ скорого принятія того, что съ перваго раза представляется рѣшительнымъ опроверженіемъ очевидной истины. Иначе легко, говоритъ онъ, потерять вѣру въ самое изслѣдованіе, всякое довѣріе къ разсужденіямъ вообще. Если въ основу разсужденія, продолжаетъ онъ далѣе, положено здравое и твердое начало, то не должно довѣрять первому возраженію, какъ бы оно ни представлялось сильно и неоспоримо. Возраженіе, не основанное на твердомъ началѣ, скоро покажетъ свою несостоятельность, а потомъ, точно такимъ же образомъ, другое и третье, и человѣкъ, не обладающій достаточно способностью разсуждать, легко можетъ потерять довѣріе къ самой истинѣ, — къ разсужденіямъ вообще. Не печально ли было бы видѣть, говоритъ Сократъ, если бы кто нибудь, имѣя къ людямъ слишкомъ большое довѣріе, а потомъ обманувшись въ одномъ, другомъ и третьемъ человѣкѣ, пришелъ бы наконецъ къ убѣжденію, что на свѣтѣ вовсе нѣтъ добрыхъ людей, потерялъ бы вѣру въ людей? Точно такая же осторожность, какая нужна въ сужденіи о людяхъ, необходима и въ дѣлѣ разсужденій, въ изслѣдованіи истины. То или другое разсужденіе, противорѣчащее истинѣ, основанной на твердомъ началѣ, можетъ иногда показаться неоспоримымъ, но надобно держаться принятаго однажды прочнаго и вѣрнаго основанія, не допуская въ разсужденія наши такихъ началъ, которыя въ одно время покажутся истинными, а въ другое ложными; иначе, — довѣряясь подобнаго рода разсужденіямъ, и вслѣдъ затѣмъ обнаруживая ихъ несостоятельность, мы можемъ придти

къ заключенію, что истина вовсе не существуетъ, потерять довѣріе къ самой истинѣ.

Обращаясь къ разбору возраженій Симміаса и Кебеса, Сократъ прежде всего проситъ обоихъ друзей кратко повторить ихъ, и, если имѣютъ сказать что нибудь новое, дополнить, и затѣмъ приступаетъ къ изслѣдованію вопроса: не есть ли душа наша гармонія? Онъ спрашиваетъ собесѣдниковъ: допускаютъ ли они существованіе души въ періодъ до воплощенія, и на утвердительный отвѣтъ ихъ замѣчаетъ Симміасу, что одна теорія рѣшительно несогласима съ другой: нельзя принимать, что душа есть гармонія, и въ то же время допускать предсуществованіе душъ; потому что въ такомъ случаѣ гармонія очевидно образовалась бы раньше того, изъ чего она должна образоваться — раньше тѣла, котораго элементы даютъ бытіе гармоніи, то есть душѣ. Въ разсужденіи своемъ, говоритъ онъ Симміасу, одно положеніе рѣшительно несогласно съ другимъ; въ немъ очевидно не достаетъ гармоніи; а между тѣмъ, если какое разсужденіе, прибавилъ онъ, должно представлять собою гармонію, то конечно прежде всего — разсужденіе о гармоніи. Второе основаніе, приводимое Сократомъ въ опроверженіе понятія о душѣ какъ о гармоніи, состоитъ въ слѣдующемъ. Гармонія всегда и непремѣнно находится въ тѣсной зависимости отъ того и управляется тѣмъ, что ее образуетъ; въ слѣдствіе этого она можетъ имѣть высшую и низшую степень совершенства, можетъ быть гармоніей больше и меньше, что никоимъ образомъ не приложимо къ понятію о душѣ. Никто не скажетъ, чтобы одна душа могла быть больше или меньше душою, чѣмъ всякая другая; представленіе степени здѣсь очевидно невозможно. Находясь въ тѣсной зависимости отъ своихъ элементовъ, гармонія никоимъ образомъ не можетъ дѣлать ничего противнаго тому, изъ чего она образуется, не можетъ представлять ни малѣйшаго противорѣчія составляющимъ ее элементамъ; странно вообразить, чтобы гармонія двигалась или звучала противоположнымъ имъ образомъ. Сократъ беретъ вопросъ съ новой стороны и представляетъ третье доказательство того, что душа не есть гармонія. Это новое доказательство опирается на принципъ нравственнаго въ самой душѣ — на различіе

между душами добродѣтельными и порочными, на понятіе о добрѣ и злѣ. Если душа наша, говоритъ Сократъ, есть гармонія, то спрашивается: чѣмъ являются въ ней при этомъ представленіи добро и зло, добродѣтель и порокъ? Скажемъ ли мы, говоритъ онъ, что добродѣтель есть гармонія, а порокъ — дизгармонія? Но въ первомъ случаѣ гармонія, т. е. добродѣтель будетъ заключаться въ другой гармоніи, — душѣ. Какимъ же образомъ душа, которая по природѣ уже гармонія, будетъ носить въ себѣ еще другую гармонію? Это непонятно. Во второмъ случаѣ порокъ, который представляетъ собою дизгармонію, будетъ заключаться въ той же душѣ, а душа — гармонія: спрашивается, — какимъ же образомъ гармонія можетъ явиться причастницей дизгармоніи? Очевидное дѣло, что душа въ такомъ случаѣ была бы въ одно и тоже время и гармоніей и дизгармоніей, что конечно представляетъ явное противорѣчіе. Последнее доказательство, приводимое Сократомъ въ опроверженіе понятія о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, основывается на наблюденіи нашей внутренней психической жизни, — на фактахъ дѣятельности самой души. Если бы душа была гармоніей тѣла, то она непремѣнно зависѣла бы отъ него въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлала бы и исполняла только то, что приказываетъ тѣло. На дѣлѣ, однакожъ, мы видимъ другое; душа очень часто противится требованіямъ и желаніямъ тѣла, и находится съ ними въ рѣшительномъ противорѣчій. Такъ напр. мы воздерживаемся отъ ѣды, когда намъ хочется ѣсть, отказываемъ себѣ въ питъѣ, когда чувствуемъ жажду. Фактовъ подобнаго рода можно привести очень много. Спрашивается, — какимъ образомъ душа, если бы она была гармоніей, могла бы находиться въ такомъ глубокомъ противорѣчій съ составляющими ее элементами, т. е. тѣломъ? Не показываетъ ли это несогласіе между явленіями нашей внутренней жизни, что душа во первыхъ есть нѣчто самостоятельное по отношенію къ тѣлу, а во вторыхъ — начало повелѣвающее и господствующее въ человѣкѣ, тогда какъ тѣло — нѣчто подчиненное и повинующееся? Приведши мѣсто изъ Гомера, гдѣ Одиссей увѣщаетъ свое сердце мужественно перенести горе — фактъ очевиднаго признанія господства души надъ тѣломъ —

Сократъ заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «и такъ, любезный другъ мой Симміасъ, не должно говорить ни подъ какиимъ видомъ, что душа есть гармонія; иначе мы не будемъ согласны ни съ божественнымъ поэтомъ Гомеромъ, ни сами съ собою.»

Я изложилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ возраженія, приведенныя Сократомъ противъ Симміаса. Прежде нежели мы перейдемъ къ оцѣнкѣ ихъ достоинства, считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на самой теоріи гармоніи. Воззрѣніе это, матеріалистическое по существу, находило себѣ во все времяа многочисленныхъ приверженцевъ, являясь то подъ той, то подъ другой формой, и въ настоящее время — едва ли не господствующее, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части общества. Что въ основѣ этого ученія лежитъ глубокой и притомъ самый утонченный матеріализмъ — это едва ли нужно доказывать. Душа, по этому представленію, составляетъ центръ, а тѣло периферію; первая — есть концентрическое, а второе — свободное сочетаніе элементовъ, составляющихъ организмъ. ¹⁾ Ясно, что психическое начало сводится такимъ образомъ къ понятію чистаго небытія, и Штейнгартъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что взглядъ на душу какъ на гармонію, положительнѣе утверждаетъ понятіе ея разрушимости, чѣмъ всякая другая матеріалистическая теорія; потому что, какъ скоро душа не является отдѣльнымъ отъ тѣла началомъ, то она, собственно говоря, не имѣетъ даже нужды въ уничтоженіи. ²⁾ Откуда явилась у Платона теорія гармоніи? Діогенъ Лаэртій называетъ основателемъ этого ученія Зенона, ³⁾ а Аристотель — Парменида, ⁴⁾ и онъ же указываетъ въ другомъ мѣстѣ на пиеагорейцевъ, какъ на послѣдователей и защитниковъ его. ⁵⁾ Пиеагорейцы, принявъ числа за основу вещей (*τὸς ἀριθμὸς αἰτίους εἶναι τῆς οὐσίας*) и возводя каждое отдѣльное единичное бытіе къ понятію числа и гармоніи, принимали и душу за гармонію, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ только въ этой

¹⁾ Platon's Sämmtl. Werke, von Müller, B. IV, S. 443.

²⁾ Platon's Sämmtl. Werke, B. IV. S. 445.

³⁾ Diog. Laërt. 9, 29.

⁴⁾ Metaph. 4, 5.

⁵⁾ De anima I, 4.

послѣдней (въ гармоніи) осуществленіе практической и нравственной идеи. Добродѣтель слѣдовательно по этому ученію есть гармонія, также какъ порокъ, по противоположности, — дизгармонія.⁶⁾ Противъ этого-то ученія пиеагорейцевъ, вынесеннаго Симміасомъ изъ школы Филолая, возражаетъ теперь Платонъ. Мы видѣли, что онъ приводитъ четыре противудоказательства въ опроверженіе пиеагорейской доктрины. Собственно говоря, эти четыре доказательства могутъ быть сведены къ тремъ, (какъ и сводить ихъ Суземиль;) потому что четвертое есть не болѣе, какъ только простое приведеніе фактовъ, на которыхъ Платонъ утверждаетъ самостоятельность психическаго начала. Основа послѣдняго доказательства заключается во второмъ, гдѣ теоретически высказывается то положеніе, что гармонія никогда не можетъ находиться въ противорѣчій съ образующими ее началами. Но такъ какъ съ одной стороны второе и четвертое доказательства раздѣлены между собою разсужденіями о добродѣтели и порокѣ и отношеніи ихъ къ гармоніи-душѣ, а съ другой, такъ какъ второе, кромѣ вышеприведенной мысли, заключаетъ въ себѣ и другія положенія, то я, по примѣру нѣкоторыхъ комментаторовъ, отдѣляю четвертое, какъ самостоятельное цѣлое.

Перехожу къ анализу. Первое, на что указываетъ Сократъ, приступая къ опроверженію Симміаса, это — несогласимость теоріи гармоніи съ предсуществованіемъ душъ. Если душа наша существовала прежде, чѣмъ воплотилась, то очевидно, что она не можетъ быть гармоніей, потому что иначе гармонія образовалась бы раньше своихъ элементовъ — раньше того, изъ чего она должна образоваться. Легко понять, что возраженіе это имѣло бы силу неопровержимаго доказательства, если бы сама теорія предсуществованія опиралась на болѣе твердыхъ началахъ. Но мы видѣли, при анализѣ психологическаго

⁶⁾ Хотя Платонъ говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ о психологическомъ ученіи пиеагорейцевъ такъ положительно, но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что оно далеко не отличалось такой опредѣленностью. См. Штейнгарта (*Plat. Sämmtliche Werke*, B. IV, S. 444.) Ср. Циммерманна (*Die Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phädo*, S. 51 fg.) Опредѣляя какъ гармонію иногда самую душу, а иногда только одно изъ ея свойствъ — добродѣтель, они слѣд., по противоположности съ послѣднимъ должны были опредѣлять порокъ какъ дизгармонію.

ученія Платона объ идеяхъ, всю слабость и несостоятельность его въ этомъ пунктѣ. Какъ скоро онъ обошелъ вопросъ о возможности объяснить происхожденіе въ душѣ идей ихъ прирожденностью, или даже чисто эмпирическимъ путемъ; какъ скоро онъ, допустивъ въ душѣ нашей сознательное присутствіе всѣхъ идей съ минуты рожденія, разошелся съ опытомъ, — то ясно, что теорія предсуществованія падаеть сама собою. Несравненно ббольшую силу имѣеть второе доказательство, именно то замѣчаніе, что гармонія ни въ какомъ случаѣ не можетъ находиться въ противорѣчій съ своими элементами, что она по природѣ лишена возможности самодѣятельности. Находясь въ зависимости отъ своихъ началъ, она можетъ быть болѣе или менѣе совершенной, сообразно характеру самыхъ началъ; слѣдовательно допускать въ себѣ степени, что немислимо въ представленіи о душѣ, потому что каждая душа есть всецѣло и безусловно душа — не въ большей и не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ каждая другая. Въ четвертомъ доказательствѣ, указывая на несогласность дѣйствій души съ тѣмъ, что мы можемъ приписывать гармоніи, Платонъ приводитъ факты замѣчаемаго нами въ насъ самихъ противодѣйствія побужденіямъ тѣла: мы воздерживаемся отъ ѣды, когда чувствуемъ голодъ, отказываемъ себѣ въ питьѣ, когда чувствуемъ жажду и пр. Очевидно, что всего этого не можетъ совершать душа-гармонія, потому что гармонія по природѣ своей только и можетъ подчиняться образующимъ ее началамъ, только до тѣхъ поръ и существуетъ, пока остается въ согласіи съ ними. И такъ, если въ насъ есть нѣчто, что можетъ противиться требованіямъ и желаніямъ тѣла и заявлять въ извѣстныхъ случаяхъ свои права, то очевидно, что это нѣчто представляетъ какую угодно силу, только не гармонію. Нельзя не согласиться, что приводимые Платономъ факты наблюденій надъ нашей внутренней жизнью имѣють въ настоящемъ вопросѣ необыкновенную важность, и если не составляютъ положительнаго опроверженія матеріалистическихъ теорій, то во всякомъ случаѣ составляютъ противъ нихъ весьма сильное возраженіе. По меньшей мѣрѣ, наблюденія эти даютъ намъ полное право предполагать бытіе внутри насъ какого-то независимаго, самостоятельнаго относительно тѣла начала, которое находится въ рѣшительномъ

противорѣчіи съ законами гармоніи, и не повинуется требованіямъ нашей физической природы. Положимъ, что даже отъ признанія присутствія въ насъ этого начала и его особенности до безсмертія его еще очень далеко. Но здѣсь прежде всего необыкновенно важно то, что, какъ скоро мы признаемъ бытіе въ насъ какого-то начала, діаметрально противоположнаго не только законамъ, но самой природѣ гармоніи, то мы вмѣстѣ съ этимъ приобретаемъ право утверждать его реальную дѣйствительность и возможность безсмертія, а слѣдовательно, получаемъ дальнѣйшую возможность поставить вопросъ о дѣйствительности его безсмертія. И такъ положеніе, составляющее выводъ изъ разсужденій Платона о гармоніи и наблюденій надъ нашей внутренней жизнью, можетъ быть сформулировано слѣдующимъ образомъ: «есть въ человѣкѣ отдѣльное отъ тѣла, независимое и самостоятельное по отношенію къ нему начало, котораго жизнь управляется его собственными, въ глубинѣ его сущности заключенными законами, не только не подчиненными, но діаметрально-противуположными законамъ гармоніи.» Продолжая возраженія далѣе, Платонъ поставляетъ новый вопросъ — о добродѣтели и порокахъ. Пифагорейцы, какъ мы видѣли выше, называли душу гармоніей, опредѣляя точно такимъ же образомъ и понятіе добродѣтели. Очевидно, слѣдовательно, что добродѣтель при этомъ представленіи есть не что иное, какъ гармонія гармоніи, (души) а порокъ — дизгармонія гармоніи. Взаимная несообразность положеній очевидна. Далѣе. Гармонія, по существу своему, представляетъ собой нѣчто безусловное въ смыслѣ совершенства, такъ что одинъ дизгармоническій тонъ рѣшительно уничтожаетъ ее: гармонія по природѣ только и можетъ быть одна. Между тѣмъ, говоря о душѣ, мы различаемъ души по степенямъ нравственнаго ихъ совершенства. Мы говоримъ объ одной душѣ, что она обладаетъ умомъ и добродѣтелью, и что она хороша, а о другой, — что она отличается глупостью и пороками, и что она дурна. Какъ же объяснять это нравственное различіе душъ, если и душа и добродѣтель представляютъ гармонію? Отвергать его очевидно невозможно, потому что это — фактъ, утверждаемый ежедневными наблюденіями. И такъ, приходится допустить сумму большаго и меньшаго въ душевной

гармоніи, принять различіе степеней въ самой природѣ гармоніи, — (вопреки утвержденному прежде положенію, что гармонія можетъ быть только безусловно совершенна, слѣдовательно по природѣ одна;) приходится допустить, что душа добродѣтельная и мудрая гармонична, менѣе добродѣтельная и мудрая — менѣе гармонична; наконецъ, порочная и не обладающая умомъ — дизгармонична. Необходимо признать, (также противъ утвержденного прежде положенія,) что одна душа можетъ быть болѣе душою, чѣмъ другая, или наоборотъ — менѣе душою, чѣмъ другая. Разбираемое нами возраженіе Платона, какъ видитъ читатель, представляетъ полемическій характеръ. Собственными положеніями пифагорейцевъ — сопоставленіемъ ихъ понятій о душѣ и добродѣтели — онъ показываетъ внутреннее противорѣчіе и логическую несообразность въ ихъ ученіи, что конечно не могло не служить для пифагорейца Симиаса сильнымъ, хотя и отрицательнымъ аргументомъ. ⁷⁾ Остроуміе и утонченность діалектики, которая обнаруживаетъ Платонъ въ этомъ анализѣ, неоспоримы. Что же касается логическихъ оснований, то Платонъ подвергается нападкамъ критики въ этомъ пунктѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ. Такъ напр. Бухеръ дѣлаетъ замѣчаніе, что «различеніе между музыкальною гармоніей и гармоніей души неправильно, потому что первое если не представляетъ собою всецѣло гармоничнаго, не есть гармонія: она есть или нѣчто безусловное, или ея вовсе не существуетъ. Вторыхъ, если даже допустить, что существуютъ степени гармоніи, то душа имѣетъ нѣчто аналогическое съ нею потому что различныя степени относительной доброты души должны быть принимаемы какъ различіе душевной гармоніи. Платонъ впалъ въ тотъ недостатокъ, что онъ слово гармоніи употребляетъ не въ одномъ и томъ же смыслѣ: сначала онъ принимаетъ ее, какъ нѣчто допускающее въ себѣ степени, потомъ какъ абсолютную гармонію.» Справедливо ли это замѣчаніе? Многіе, конечно, найдутъ его справедливымъ, (какъ дѣйствительно находятъ нѣкоторые критики.) Что касается меня то я, признаюсь, вижу здѣсь только кажущееся противорѣчіе:

⁷⁾ См. Фулье, *La Philosophie de Platon*, t. II, p. 41.

Я не могу удовлетвориться въ этомъ случаѣ объясненіемъ Суземли, который рассуждаетъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ. «Гармонія допускаетъ въ себѣ степени различія, и слѣдовательно не вполне исключаетъ дизгармонію; совершенно противоположнымъ этому образомъ ни одна душа не можетъ быть больше или меньше душою, чѣмъ другая. И такъ, если душа въ своей сущности вообще (ihrem allgemeinen Wesen nach) должна быть опредѣлена черезъ понятіе гармоніи, то это, по меньшей мѣрѣ, возможно при томъ ограниченіи, что гармонія есть нѣчто совершенное. На дѣлѣ однакожъ существуютъ различные роды душъ, которыя различаются между собою добродѣтелью и порокомъ, и это различіе должно быть объясняемо опять необходимымъ предположеніемъ гармоніи и дизгармоніи, заключенныхъ въ гармоніи. Такимъ образомъ, слѣдствіе становится въ противорѣчіе съ необходимо допущеннымъ ограниченіемъ предположенія, — (предположенія, что гармонія есть нѣчто безусловно совершенное) или же нужно уничтожить всякое нравственное различіе душъ; другими словами, уничтожить свободную волю, а вмѣстѣ съ тѣмъ — всякое различіе челоуѣка отъ животнаго.»⁸⁾ Точно также я не могу вполне согласиться и съ мнѣніемъ Штейнгарта, который говоритъ по этому поводу слѣдующее: «мы не смѣемъ думать, чтобы Платонъ упустилъ изъ виду это противорѣчіе, (въ опредѣленіи гармоніи,) вслѣдствіе поспѣшности. Выставляя его, Плагонъ хочетъ указать на неясное и колеблющееся понятіе гармоніи, которая должна быть принимаема то за нѣчто относительное, допускающее въ себѣ большее и меньшее, то за абсолютное, — какъ совершеннѣйшее и чистѣйшее созвучіе всѣхъ частей.»⁹⁾ Гораздо проще и ближе къ дѣлу это кажущееся противорѣчіе въ опредѣленіи гармоніи можетъ быть объяснено, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, слѣдующимъ образомъ. Восходя въ процессѣ диалектическаго развитія мысли, по обыкновенной своей методѣ, къ легчайшему къ труднѣйшему и отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, Платонъ прежде всего останавливается на общеприня-

⁸⁾ Sussehl, Die Genetische Entwicklung der Plat. Philos. S. 443.

⁹⁾ Platon's Sämmtl. Werke, von Müller, B. IV. S. 445.

томъ, ходячемъ, такъ сказать, понятіи о гармоніи и душѣ. Не считаю нужнымъ говорить, что гармонія, принимаемая въ истинномъ, настоящемъ своемъ значеніи, только и можетъ быть безусловно совершеннымъ, абсолютно цѣлымъ, потому что, гдѣ есть одинъ дизгармоническій тонъ, тамъ ея не существуетъ. Не такъ однакожъ понимаютъ ее обыкновенно, потому что в ней различаютъ степени. Съ этого-то обыкновеннаго, общепринятаго, ходячаго, такъ сказать, понятія о гармоніи и начинается Платонъ, сопоставляя это понятіе также съ обыкновеннымъ общепринятымъ понятіемъ о душѣ, въ которой рѣшительно нигде и никогда не различаетъ степеней; такъ что, въ то время как мы допускаемъ относительно гармоніи: «большее или меньшее», никто не скажетъ, говоря о душѣ, «болѣе душа или менѣе душа». Припомнимъ отвѣтъ Симміаса на вопросъ Сократа: «какой изъ двухъ мнѣній ты отдаешь предпочтеніе, — тому ли, что учение есть припоминаніе, или что душа есть гармонія?» Я приму на раздо скорѣе первое, любезный Сократъ, говоритъ онъ, потому что второе сложилось у меня на основаніи вѣроятности и какъ изъясняется стороны дѣла, какъ слагаются мнѣнія у большей части людей. Вотъ эту-то кажущуюся сторону дѣла и беретъ прежде всего Платонъ, и — сопоставленіемъ понятій гармоніи, въ которой представляютъ обыкновенно градусы, степени оттѣнки, и душѣ, въ которой никто и никогда не допускаетъ ничего подобнаго, — показываетъ, что даже «на основаніи кажущейся стороны дѣла,» на основаніи повседнежнаго, такъ сказать, всѣмъ усвоеннаго употребленія словъ: гармонія и душа ни въ какомъ случаѣ не приходится принимать душу за гармонію.

Опредѣливъ понятіе гармоніи, или, лучше сказать, приведемъ то опредѣленіе, которое ей обыкновенно даютъ, слѣдовательно пока еще не научно-философское, и показавъ, что даже это общепринятое понятіе о ней находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ обыкновеннымъ понятіемъ о душѣ, Платонъ въ дальнейшей части разсужденія подвергаетъ то же самое понятіе гармоніи уже научно-философскому анализу, доказывая, что существованіе ея возможно только при условіи полнаго, абсолютнаго ея совершенства, потому что даже только одинъ дизгармоническій

онъ обращаетъ ее въ ничто. А если такъ, — если гармонія можетъ представлять собою только нѣчто абсолютно-совершенное, условное, то — одно изъ двухъ: или свойства души — добродѣль и порокъ, — принимаемые въ смыслѣ пифагорейскомъ, будутъ въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ гармонія и дизгармонія, включенныя въ гармонію, или же необходимо рѣшительно отвергнуть существованіе въ душахъ добродѣтели и порока, уничтожить совершенно нравственное различіе душъ по степенямъ ихъ совершенства, — что отвергнуть, очевидно, фактически невозможно. психологическая теорія пифагорейцевъ опровергается Платономъ, такимъ образомъ, сколько остроумно, столько же и основательно. Оставимся теперь на положительной сторонѣ разбираемаго доказательства и посмотримъ, въ какой степени тверды основанія его въ пользу противоположнаго взгляда, — положенія, что душа не представляетъ собою сочетанія началъ организма. Существованіе во всѣхъ людяхъ одинаково. На чемъ это утверждается? въ внутреннемъ ощущеніи каждаго, на характерѣ самосознанія. Мы сознаемъ въ себѣ нѣчто, что въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ отиворѣчить требованіямъ организма, находится въ дизгармоніи с нимъ, и слѣдовательно само никакимъ образомъ не можетъ представлять собою гармонію, потому что гармонія, какъ начало живое, только и можетъ безусловно зависѣть отъ чегонибудь другого, всецѣло повиноваться чемунибудь другому. Родство же нашего повелительнаго начала съ вѣчными, безсмертными неизмѣнными сущностями очевидно показываетъ превосходство передъ всѣмъ видимымъ, слѣдовательно и нашимъ собственнымъ тѣломъ; а способность, принадлежащая этому внутреннему нашему нѣчто, повелѣвать — признакъ того, что оно управляетъ своими собственными законами и требованіями, отличаясь отъ законовъ и требованій тѣла. Если это, очевидно же совершенное въ насъ начало — (болѣе совершенное вслѣдствіе очевиднаго родства своего съ болѣе совершеннымъ,) повиноваться только самому себѣ, то такой образъ дѣйствій его есть именно добродѣтели; противоположное этому — какъ скоро отказывается отъ своихъ правъ и уступаетъ ихъ тѣлу — представляетъ порокъ.

И такъ, первый положительный выводъ, который мы извлекаемъ изъ этой части разсужденія Платона — тотъ, что душа по существу своему не различается въ людяхъ понятіемъ мѣры или степени, что каждая душа есть всецѣло и безусловно душа, — фактъ, утверждаемый общимъ сознаниемъ людей. Напрасно возражаютъ, что вся сила аргументаціи Платона утверждается въ этомъ случаѣ только на предположеніи (*Voraussetzung*) бытія самосознающей души. Общее сознание опирается въ этомъ случаѣ на личное, индивидуальное сознание каждаго — на самосознание, основу котораго составляетъ я. Душа мудрая, также какъ и ограниченная въ своихъ понятіяхъ, добрая также какъ и злая одинаково сознаютъ въ себѣ свое я, какъ нѣчто единичное, безразличное, простое и неизмѣнное по характеру. Въ силу этого Платонъ совершенно правъ говоря, что существо души во всѣхъ людяхъ одно и то же. Развѣ скажутъ, что фактъ самосознания — не доказательство? Но въ такомъ случаѣ нѣтъ возможности и разсуждать о чемъ бы то ни было: отрицаніе полное и безусловное уничтожаетъ самую возможность мышленія, потому что при этомъ условіи мысль очевидно лишается какой бы то ни было точки опоры. Есть понятія первоначальныя, непосредственныя, на которыхъ утверждается наше мышленіе, и безъ которыхъ оно было бы невозможно. Если мы не признаемъ декартовскаго: *cogito, ergo sum*, если мы подвергнемъ сомнѣнію вѣрность основныхъ законовъ мысли — тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія и пр., то мышленіе мгновенно обращается въ ничто. Несправедливо также оспариваетъ положеніе Платона объ одинаковости существа души въ людяхъ и Кунардъ, который думаетъ, что одна душа можетъ быть болѣе душою, чѣмъ другая; по его мнѣнію, Симміасъ долженъ былъ бы сказать, что одно твореніе имѣетъ душу, а другое — только основаніе ея. Допуская подобнаго рода различіе, онъ очевидно разумѣетъ подъ этимъ болѣешую, или меньшую степень душевныхъ способностей въ людяхъ — ума, памяти, воображенія, силы мышленія и т. д. Но дѣло идетъ не о томъ, какъ вырабатывается подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій та или другая душа, даже не объ относительной степени ея природной силы или крѣпости, а о самомъ, такъ сказать, ея зернѣ, ея ос-

овѣ. Если одна душа проявляетъ въ себѣ большую силу мыслительной способности чѣмъ другая, то самая основа этой способности — мыслящая сущность — у всѣхъ одна; разные степени дѣятельности и обнаруженія ея вовнѣ принадлежать субъекту, отораго основу составляетъ я, не представляющее ни малѣйшаго различія въ сознаниі индивидуумовъ. Это — то внутреннее, ощущаемое, хотя и невидимое нами начало, — этотъ заключенный въ насъ повелительный голосъ, это нѣчто, которое имѣетъ способность предписывать законы тѣлу, Платонъ и называетъ душою. Если она, какъ мы говорили выше, дѣйствуетъ согласно съ своими инстинктами и своею природою, не измѣняя своей повелительной роли, — такой образъ дѣйствій ея представляетъ начало добродѣтели; въ противномъ случаѣ, — если она клоняется отъ того, къ чему призвана природою и не управляетъ тѣломъ, — она порочна. Добродѣтель, слѣдовательно, есть юйство души самопредѣлять себя къ дѣйствию на основаніи рисущихся каждой душѣ внутреннихъ инстинктовъ, — заключенныхъ въ ней идей истины, блага и красоты; противоположное этому началу — порокъ — представляетъ отреченіе души отъ своихъ правъ всецѣлое подчиненіе себя тѣлеснымъ склонностямъ и влеченіямъ. Начало добродѣтели, такимъ образомъ, есть высшее выраженіе того господства души надъ тѣломъ, о которомъ Платонъ говоритъ въ четвертомъ доказательствѣ. Это различеніе между добродѣтелью и порокомъ, какъ преобладаніемъ духовнаго или тѣлеснаго начала, совершенно устраняетъ разсужденіями самаго же платона возраженіе нѣкоторыхъ критиковъ противъ четвертаго доказательства, которые не хотятъ признать присутствія въ челоуекѣ чего-то, предписывающаго законы нашей тѣлесной природѣ на основаніи, что преобладаніе души надъ тѣломъ никогда не бываетъ явленіемъ всеобщимъ и постояннымъ, и что первая точно вѣже ограничиваетъ послѣднее, какъ и послѣднее — первое. Противъ этого замѣчанія я повторю то, что сказалъ выше, при разборѣ этого доказательства. (Въ анализѣ ученія Платона о сродствѣ души съ невидимыми сущностями.) Напрасно Бухеръ, сказали мы, жаривая силу этого аргумента, возражаетъ, что душа не всегда владычествуетъ надъ тѣломъ, а точно также часто, если еще не

чаще, встрѣчается противное. Впервыхъ, даже тогда, когда мы видимъ противное, то есть преобладаніе въ человѣкѣ тѣлесной природы, преобладаніе это никогда не бываетъ исключительнымъ, никогда не простирается на всевозможные частные случаи; во вторыхъ, здѣсь существенно важно не то, — часто или не часто мы встрѣчаемся съ фактомъ преобладанія души, а то, что этотъ фактъ существуетъ, и какъ скоро онъ проявляется, — онъ доказываетъ и присутствіе въ насъ какого-то невидимаго, повелѣвающего начала и совершенство его природы, которая имѣетъ возможность подчинять себѣ видимую природу — тѣло. На этомъ самомъ возраженіи Бухера весьма подробно останавливается Бишофъ, и такъ какъ, съ одной стороны, я вполне и безусловно раздѣляю въ этомъ случаѣ его взглядъ, а съ другой, — такъ какъ самостоятельность психическаго начала представляетъ здѣсь вопросъ первой важности, правильнѣе сказать, составляетъ суть всего дѣла, то я, чтобы дать моему читателю возможность обсудить вопросъ болѣе многостороннимъ образомъ приведу мнѣніе по этому поводу Бишофа вполне. Вотъ, что онъ говоритъ. «Одно обстоятельство вызываетъ въ настоящемъ случаѣ сомнѣніе, а именно то, что Платонъ приписываетъ душѣ такое безусловное господство, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ душа и тѣло, по большей части, взаимно опредѣляютъ и ограничиваютъ другъ друга. Но этимъ дано уже все, чего мы можемъ желать; потому что нѣтъ никакой необходимости принимать, что душа есть всегда господствующее. Какъ скоро уступлено, что она есть нѣчто призванное къ господству, что она можетъ владѣть надъ тѣломъ, становится съ нимъ въ противорѣчіе и сопротивляться ему, то этимъ самымъ представленіе о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, уже устранено; и вмѣстѣ съ этимъ для цѣлаго вопроса о безсмертіи выиграно безконечно много, потому что во всякомъ случаѣ это рѣшительный пунктъ, къ которому приходитъ все: имѣетъ ли душа свободу относительно тѣла? (не абсолютную, а относительную.) Естественно, что подъ свободой не разумѣется произволь; въ извѣстномъ смыслѣ можно также сказать, что духъ есть нѣчто всецѣло необходимое въ себѣ. (in sich Allernothwendigste.) Но вопросъ не въ томъ, — при-

надлежитъ ли душѣ полный произволъ, а въ томъ, можетъ ли она быть относительно тѣла не только опредѣляемымъ, но и опредѣляющимъ. И пусть она въ тысячѣ случаевъ будетъ опредѣляемымъ; какъ скоро она только въ одномъ есть опредѣляющее, какъ скоро открывається, что она можетъ и должна быть опредѣляющимъ, то этимъ представленіе, что она есть гармонія, дѣйствіе тѣла уже опровергается.» ¹⁰⁾ Теперь я возвращусь на минуту еще разъ ко второму доказательству. Мы видѣли, что теорія идей, на которой Платонъ утверждаетъ существованіе, не выдерживаетъ критики въ этомъ послѣднемъ пунктѣ. Но анализируя доказательство въ его цѣломъ, (гл. V-ая) мы признали независимость нѣкоторыхъ идей отъ чувственного наблюденія и опыта. Если мы утвердимъ это какъ фактъ, то какъ бы ни былъ ограниченъ ихъ кругъ, существованіе ихъ во всякомъ случаѣ доказываетъ существованіе въ насъ самихъ какого-то самостоятельнаго, независимаго отъ тѣла начала, которое служить, такъ сказать, ихъ хранилищемъ. И такъ, анализъ изложенныхъ нами доказательствъ Платона показываетъ въ нихъ значительную степень твердости и силы, и во всякомъ случаѣ въ этой части разсужденія его нельзя относиться съ тою легкостью, какую позволяютъ себѣ въ этомъ случаѣ нѣкоторые критики, напр. Циммерманъ. ¹¹⁾ Каждое изъ четырехъ доказательствъ, взятое отдѣльно, представляетъ довольно сильное основаніе въ пользу самостоятельности души; тѣмъ болѣе силы представляютъ они, взятыя вмѣстѣ. Утвержденіе понятія гармоніи, какъ начала, неспособнаго по природѣ противиться своимъ элементамъ, или находится съ ними въ противорѣчій, даетъ твердую точку опоры, опредѣляя съ точностью предметъ изслѣдованія; а указаніе на факты замѣчаемаго нами въ насъ самихъ сопротивленія тѣлу со стороны какого-то другого начала и на бытіе въ насъ нѣкоторыхъ, не приобретаемыхъ опытомъ или чувственнымъ наблюденіемъ идей, утверждаетъ бытіе самаго начала,

¹⁰⁾ Виссоузъ, Plato's Phaedon, p. 330.

¹¹⁾ Zimmermann, Die Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phaedo,

независимаго отъ тѣла. Анализъ понятій добродѣтели и порока съ одной стороны показываетъ внутреннее противорѣчiе и, слѣдовательно, несостоятельность ученiя пиеагорейцевъ объ этомъ предметѣ, а съ другой самые факты добродѣтели и порока, — ихъ существованiе, если и не совершенно уничтожаютъ, то во всякомъ случаѣ сильно колеблютъ понятiе о гармонiи-душѣ. Наконецъ, ссылка въ концѣ разсужденiй на Гомера есть указанiе на фактъ общаго сознанiя людей, на непосредственное, внутреннее убѣжденiе всѣхъ и cadaго въ самостоятельности и независимости отъ тѣла психическаго начала. «Критики, говоритъ Бишофъ, оспариваютъ удовлетворительность опроверженiя Платона, но только на томъ или на другомъ основанiи, не будучи въ состоянiи доказать, что всѣ его доказательства, взятая вмѣстѣ, ложны.»¹²⁾ Дѣлать возраженiя, прибавлю я къ этому отъ себя, противъ чего бы то ни было — очень не трудно. Гораздо труднѣе противупоставить теорiю, основанной на анализѣ положительныхъ данныхъ, другую теорiю, объясняющую тѣ же факты болѣе удовлетворительнымъ образомъ. А такъ какъ возраженiя критиковъ, отрицающихъ достоинство этой части разсужденiй Платона, ограничиваются указанiемъ только на простую возможность объяснить тѣ же факты иначе, безъ анализа ихъ въ противоположномъ смыслѣ, то мы, согласно съ Бишофомъ, можемъ признать эти отрицательныя доказательства Платона достаточно убѣдительными.¹³⁾

Отвѣтивъ на возраженiе Симмиаса, Сократъ шутливо замѣчаетъ, что «теперь еиванская гармонiя кажется утихла; но какъ, любезный Кебесъ,» прибавилъ онъ, «и какими доводами успокоимъ мы Кадма?» Остроумiе и основательность, съ которыми Сократъ опровергъ предыдущее возраженiе, внушаютъ Кебесу полную надежду, что и онъ также получитъ удовлетворительное разрѣшенiе своихъ сомнѣнiй. «Когда Симмиасъ,» говоритъ онъ, «высказалъ то, въ чемъ онъ сомнѣвался, я съ крайнимъ удивленiемъ представлялъ, чтобы кто-нибудь могъ что-нибудь противупоста-

¹²⁾ Бишофъ, Plato's Phaedon, S. 325

¹³⁾ Бишофъ, Pl. Phaed. S. 330.

вить его разсужденіямъ; тѣмъ больше я былъ пораженъ, что онъ съ первой же минуты не могъ выдержать перваго натиска твоей рѣчи: и такъ, я не буду удивляться, если и разсужденіе Кадма испытаетъ ту же самую участь.» Сократъ проситъ друга не осипать его такими похвалами, чтобы чья нибудь зависть не уничтожила разсужденія, къ которому они хотятъ приступить. «Впрочемъ, предоставимъ это,» говоритъ онъ въ заключеніе, «попеченію Бога; сами же мы, схватившись другъ съ другомъ какъ герои Гомера, изслѣдуемъ, — есть ли въ разсужденіи твоёмъ истина?» Затѣмъ онъ кратко повторяетъ сущность возраженія, касаясь его главнымъ образомъ съ нравственной его стороны. «Ты боишься,» говоритъ онъ, «чтобы философъ, который въ виду смерти сохраняетъ надежду, и думаетъ, что онъ будетъ гораздо блаженнѣе тамъ, — по смерти, нежели, какъ если бы онъ умеръ, проведши иначе земную жизнь, — ты боишься, говорю, чтобы надежда этого философа не была безразсудна и напрасна? По твоему мнѣнію — показать, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, что она существовала прежде, чѣмъ мы сдѣлались людьми, вовсе не значитъ доказать, что она бессмертна, а только то, что она долговѣчна, что она существовала безконечное число лѣтъ прежде, многое знала и дѣлала, но при всемъ этомъ не была бессмертна; ты говоришь, что самый приходъ ея въ чело-вѣческое тѣло составляетъ для нея начало гибели, какъ будто бы нѣкотораго рода болѣзнь; такъ что она проводитъ въ бѣдствіяхъ земную жизнь, а оканчивая ее, погибаетъ совершенно въ такъ называемой смерти. Ты говоришь, что по отношенію къ опасеніямъ, которыя каждый изъ насъ можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, рѣшительно все равно, — входитъ ли она въ тѣло однажды, или много разъ, и что каждый, кто только не безуменъ, долженъ справедливо имѣть въ этомъ случаѣ опасенія, не зная и не имѣя возможности представить доказательства на то, что она бессмертна. «Это именно, какъ мнѣ кажется, ты утверждаешь, другъ мой Кебесъ,» продолжалъ Сократъ; «я съ намѣреніемъ,» прибавилъ онъ, «повторяю слова твои много разъ, для того, чтобы что-нибудь не ускользнуло отъ насъ, и ты, по своему желанію, могъ бы что нибудь прибавить или убавить.» «Я въ

настоящемъ случаѣ не имѣю нужды ни убавлять, ни прибавлять», отвѣчалъ Кебесъ: «это именно то самое, что я хочу сказать.» Сократъ задумался, и послѣ долгаго молчанія сказалъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко, потому что для этого нужно изслѣдовать причину рожденія и разрушенія вообще. Онъ предлагаетъ ему выслушать рассказъ его о томъ, какъ онъ доискивался этой причины. Въ молодости, говоритъ онъ, у меня было удивительно сильное стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ наукой о природѣ. (περί φύσεως ἱστορίαι.) Въ природѣ, въ ея силахъ и явленіяхъ Сократъ прежде всего началъ искать объясненія причинъ бытія — причины происхожденія, существованія и разрушенія предметовъ. Онъ задаетъ себѣ вопросъ: не образуются ли живыя существа вслѣдствіе разложенія чего-нибудь теплаго или холоднаго, и обращаясь къ причинѣ существованія самой мысли, ища силы, помощію которой совершается мышленіе, попеременно видитъ ее въ крови, воздухѣ, огнѣ; потѣмъ, останавливается на предположеніи, — не есть ли эта сила мозгъ, воспроизводящій въ насъ впечатлѣнія зрѣнія, слуха и обонянія, и не бываетъ ли такимъ образомъ, что изъ получаемыхъ нами впечатлѣній рождаются воспоминаніе и представленіе, а воспоминаніе и представленіе, пришедши въ состояніе покоя, творятъ науку? Но, наблюдая преходимость этихъ предметовъ, равно какъ и явленія, происходящія на небѣ и на землѣ, Сократъ приходитъ къ мысли о невозможности объяснить что-бы-то ни было подобнымъ способомъ; изслѣдуя вещи этимъ путемъ, онъ дошелъ до такой степени умственной слѣпоты, что не сталъ понимать даже и того, что прежде, какъ ему казалось, зналъ хорошо. Такъ напр. прежде ему казалось совершенно естественнымъ, что возрастаніе человѣка совершается черезъ ѣду и питье, — черезъ прибавленіе получаемыхъ нами элементовъ пищи къ элементамъ тѣла. Точно также прежде онъ находилъ, что человекъ большаго роста выше человѣка маленькаго роста головой, или одна лошадь тѣмъ же самымъ выше другой. Далѣе. Прежде онъ считалъ, что десять больше восьми потому, что первое число содержитъ въ себѣ двѣ лишніе единицы противъ послѣдняго, и два локтя больше одного потому, что первое

количество половиной превосходить второе. Въ настоящее же время онъ отказывается объяснять причину котораго нибудь изъ этихъ явленій, равно какъ и то, — какимъ образомъ единица, въ которой прибавлена другая единица, становится двумя, или единица, раздѣленная пополамъ, превращается въ два. Причина, по которой образовалось во второмъ случаѣ два, очевидно, противоположна той, которая дѣйствовала въ первомъ, потому что тамъ это произошло черезъ соединеніе, а здѣсь — черезъ раздѣленіе. Точно такимъ же образомъ, говоритъ Сократъ, я не могу убѣдиться, что я знаю, какъ образуется единица, ни того, — чтобы все сказать однимъ словомъ, — почему что нибудь рождается, погибаетъ или существуетъ; я соединяю, заключилъ онъ, съ этимъ способомъ изслѣдованія другой, мой собственный; а этого одобрить нивакимъ образомъ не могу. Эти первыя попытки Сократа, или правильнѣе Платона, — найти основную причину бытія носятъ на себѣ ясныя слѣды ранняго вліянія на него іонійской философіи, изученіемъ которой началось его философское развитіе, и съ которой онъ познакомился, какъ мы уже упоминали, черезъ Кратила.¹⁴⁾ Отыскивая эту первоначальную причину, — единую, неизмѣнную субстанцію, которую можно бы было принять за основу безчисленныхъ видоизмѣненій въ предметахъ и явленіяхъ, іонійцы остановились прежде всего на природѣ, такъ какъ въ ней самой естественнѣе всего было предположить эту первоначальную силу. Послѣдовательно переходя отъ одного начала къ другому, они признавали за первую основу вещей то влагу какъ Фалесъ,¹⁵⁾ то воздухъ какъ Анаксименъ,¹⁶⁾ то пер-

¹⁴⁾ Русская литература имѣетъ превосходное сочиненіе по исторіи греческой философіи въ періодъ до Сократа. Это — сочиненіе Каткова: «Черты древнѣйшаго періода греческой философіи.» Москва, 1853. Здѣсь читатель найдетъ скатныя, но весьма мѣткія характеристики упоминаемыхъ нами іонійцевъ, также какъ и характеристику другихъ философскихъ направленій этого періода.

¹⁵⁾ Фалесъ — основатель іонійской школы, уроженецъ Милета; время жизни его полагаютъ обыкновенно между 639 — 546 до Р. X.

¹⁶⁾ Анаксименъ (по мнзнію Риттера) — ближайшій изъ преемниковъ Фалеса; годъ рожденія его помѣщаютъ обыкновенно между 55 и 58-й Ол. (560 — 548 до Р. X.) какъ и Фалесъ, Анаксименъ былъ родомъ изъ Милета.

воначальную хаотическую матерію, какъ Анаксимандръ. ¹⁷⁾ Съ этихъ же самыхъ философскихъ принциповъ началъ и Платонъ. Задавъ себѣ вопросъ о силѣ, помощію которой человекъ мыслить, онъ ищетъ ее то въ крови, какъ объяснялъ процессъ мышленія Эмпедоклъ, ¹⁸⁾ то въ стихіи воздуха, какъ Анаксименъ, то наконецъ, согласно съ Гераклитомъ — ¹⁹⁾ въ огнѣ. Но невозможность объяснить себѣ этимъ способомъ понятіе величинъ или чиселъ, — странность того факта, что единица, прибавленная къ единицѣ, даетъ въ результатъ два, также какъ и единица, раздѣленная на двое — два, полученіе, слѣдовательно, одного и того же результата помощію двухъ діаметрально-противуположныхъ процессовъ, — необъяснимость этихъ и подобныхъ явленій заставила Сократа отказаться отъ теорій іонійцевъ, и вотъ что онъ рассказываетъ намъ о дальнѣйшемъ ходѣ своего философскаго развитія. «Когда я однажды услышалъ», говоритъ онъ, «какъ нѣкто читалъ изъ книги, написанной, какъ онъ сказалъ, Анаксагоромъ, что умъ есть распорядитель и виновникъ всего, я обрадовался этой причинѣ, и нашелъ нѣкоторымъ образомъ хорошимъ, что умъ есть виновникъ всего; я думалъ, что если это справедливо, то приводящій все въ порядокъ умъ располагаетъ все виѣстѣ и каждый отдѣльный предметъ такъ, чтобы это представляло для нихъ самое лучшее. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь захотѣлъ найти причину для cadaго, по которой каждый рождается, погибаетъ или существуетъ, то надобно опредѣлить относительно cadaго предмета то, — какъ ему лучше всего существовать, или что претерпѣвать или дѣлать.» Сократъ останавливается такимъ образомъ на принципѣ ума, какъ на такомъ началѣ, которое объясняетъ причину явленій бытія наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. «Я обрадовался», продолжаетъ онъ, «что нашелъ въ Анаксагорѣ учителя, объясняющаго мнѣ причины явленій согласно моему собственному образу мыслей. При этомъ способѣ объясненія очевидно, что разсуждая напр. о видѣ

¹⁷⁾ Анаксимандръ — род. въ Милетѣ въ 610 году до Р. Х. Ол. 42. 3.

¹⁸⁾ Эмпедоклъ — род. въ Агригентѣ въ 490 до Р. Х.

¹⁹⁾ Гераклитъ — родомъ изъ Эфеса; род. около 69 Ол. (503 до Р. Х.)

земли — представляет ли она плоскость или круга — нужно показать не что иное, какъ необходимость той или другой ея формы на основаніи идеи наилучшаго, т. е. показать, что гораздо согласнѣе съ разумомъ, чтобы она была такой, а не другой; точно такимъ же образомъ, назначая ей мѣсто въ центрѣ міра, необходимо показать, что для нея лучше находится именно въ центрѣ, а не въ какой нибудь другой части вселенной. Если бы кто-нибудь, разсуждая объ этихъ вопросахъ», говоритъ Сократъ, «ясно мнѣ это показалъ, — я былъ бы готовъ не требовать больше никакой другой причины. Точно такого же рода изслѣдованіе я готовъ былъ сдѣлать относительно солнца, луны и прочихъ свѣтилъ, ихъ взаимной скорости и происходящихъ съ ними переменъ, — въ какомъ отношеніи представляется лучшимъ, чтобы каждое изъ нихъ дѣлало или испытывало то, что оно дѣлаетъ или испытываетъ. Очевидно, что какъ скоро въ объясненіе явленій положено это начало, — начало наилучшаго, то всѣ другія причины становятся излишними, потому что оно одно, само по себѣ разрѣшаетъ всѣ возможные вопросы какъ нельзя болѣе удовлетворительно. И такъ, объяснить причину каждого отдѣльнаго явленія и всѣхъ вмѣстѣ значитъ показать то, что составляетъ самое лучшее для каждого отдѣльно и для всѣхъ вообще. Я не отдалъ бы въ этомъ случаѣ,» заключилъ Сократъ, «моихъ надеждъ за дорогую цѣну, но, принявшись со всею ревностью за подобныя книги, прочелъ бы ихъ со всевозможной для меня скоростью для того, чтобы какъ можно скорѣе достигъ познанія самаго лучшаго и худшаго.» Сократъ отправляется по этому, новому для него пути въ области изслѣдованія, увлекаемый, какъ онъ самъ говоритъ, чудными надеждами; но по мѣрѣ того какъ подвигается въ чтеніи впередъ, видитъ человѣка, который не дѣлаетъ никакого приложенія изъ ума, и не къ нему возводитъ причины правильного распорядка вещей, а поставляетъ ихъ въ воздухъ, эфиръ, огонь и другихъ также несообразно принятыхъ началахъ. Съ обыкновенною тонкостію своей ироніи, но тѣмъ не менѣе вѣдо и зло онъ разбираетъ внутреннее противорѣчіе ученія Анаксагора. «Разсуждать подобнымъ образомъ», (т. е. какъ Анаксагоръ) говоритъ онъ, — «совершенно тоже самое, какъ если-

бы кто-нибудь, разсуждая о моихъ дѣйствіяхъ, сталъ объяснять ихъ такъ. Начавъ съ положенія, что все дѣйствіа Сократа вытекаютъ изъ началъ ума, что все, что я дѣлаю, я дѣлаю на основаніи разсудка, а потомъ, перешедши къ объясненію какого-нибудь моего дѣйствія въ частности, напр. къ вопросу, почему я сижу здѣсь, въ этой тюрьмѣ, сталъ бы приводить такіа причины, какъ кости, нервы и извѣстное сочетаніе ихъ въ организмъ, вмѣсто того, чтобы указать на умъ, котораго внутреннее побужденіе и рѣшеніе привело меня сюда. Точно такимъ же образомъ, совершенно подобное сказалъ бы кто-нибудь, если бы, заговоривши о томъ, почему мы здѣсь въ настоящее время бесѣдуемъ, сталъ бы приводить такіа причины, какъ напр. голосъ, воздухъ, слухъ и другія подобныя, вмѣсто того, чтобы сослаться на настоящую, а именно, что послѣ того какъ афиняне сочли за лучшее осудить меня, нашелъ по этому самому лучшимъ и болѣе справедливымъ и я сижу здѣсь въ ожиданіи казни, къ которой они меня присудили». И такъ причина, вслѣдствіе которой Сократъ сидитъ въ темницѣ и его друзья бесѣдуютъ съ нимъ, — это его рѣшимость добровольно подвергнуться казни, которую опредѣлила ему республика. Если же выставлять на первомъ планѣ кости, нервы, точно также какъ звуки голоса и слухъ, то это очевидно значить смѣшивать вещи между собою и не различать, что иное дѣло причина, а совершенно иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Ее-то именно, говоритъ Сократъ, многіе изслѣдуютъ какъ будто въ темнотѣ, и называя ее чуждымъ ей именемъ, выдаютъ другой предметъ за причину. Вотъ почему одинъ окружаетъ землю вихремъ, производимымъ небесами, и дѣлаетъ ее неподвижною, а другой подпираетъ ее воздухомъ, принимая ее такимъ образомъ за широкій сосудъ; но той силы, помощію которой все это расположено такъ, какъ расположено, — лежащей во всѣхъ этихъ предметахъ способности быть расположенными наилучшимъ образомъ, — они не ищутъ, и не думаютъ о томъ, что они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую божественную силу; они надѣются найти Атласа, который бы обладалъ большимъ могуществомъ и безсмертіемъ чѣмъ она, и былъ бы больше

способенъ все содержать, но ничуть не представляютъ, что только доброе и разумное все соединяетъ и содержитъ. Отказавшись и отъ этого способа изслѣдованія, Сократъ пускается «въ новое плаваніе» съ той же самой цѣлью — для отысканія первой причины бытія. И такъ, второй руководителемъ, которому подчинился Сократъ, отказавшись отъ іонійцевъ, былъ Анаксагоръ.²⁰⁾ Этотъ послѣдній рѣзко отличается направленіемъ отъ своихъ предшественниковъ, и представляетъ новую ступень въ развитіи греческой философіи. На немъ теперь мы должны остановиться. Какъ и мыслители предыдущаго періода, Анаксагоръ признавалъ существованіе вѣчной матеріи, не въ раздѣленномъ видѣ элементовъ Эмпедокла, а въ смѣшеніи и соединеніи ихъ. Вѣчная матерія является у него подъ формою безконечнаго множества элементарныхъ частицъ — гомемерій, (*ἁμομερίαι*) представляющихъ зародыши, основу вещей. Этою стороною своего ученія онъ слѣдовательно примыкаетъ еще къ іонійцамъ. Но послѣдніе, искавши въ природѣ первоначальной основы, которую можно было бы принять за универсальное производительное начало, и останавливавшись попеременно то на одномъ, то на другомъ, не могли отвѣтить на вопросъ: какъ и почему безконечная матерія раздѣлилась на міры, безчисленные предметы и существа; точно такъ, какъ не могли отвѣтить элейцы на другой вопросъ: какъ и почему безконечное-единое, чистое и несмѣшанное превратилось въ безконечное-многое, нечистое и смѣшанное. Анаксагоръ вводитъ новую силу для объясненія процесса превращенія грубой матеріи въ формы — умъ. (*νοῦς*) Первоначально всѣ вещи, говоритъ онъ, находились въ смѣшеніи; потомъ началъ дѣйствовать умъ, и все привелъ въ порядокъ. (*Εἶτα νοῦς ἐλάθην πᾶντα διακόσμησε.*) Умъ, такимъ образомъ, въ ученіи Анаксагора играетъ роль универсальной движущей силы, которая преобразуетъ грубое, дизгармоническое вещество въ стройные, гармоническіе міры. Что же это за сила? «Анаксагоръ опредѣляетъ разумъ, какъ свободно дѣйствующій, ни съ чѣмъ несмѣшанный, какъ причину

²⁰⁾ Біографическія данныя объ Анаксагорѣ см. во 2-ой части, прим. 82.

движенія, которая сама недвижима, но которая дѣятельна повсюду, какъ начало самое тонкое и чистое. Всѣ эти предикаты основаны еще по большей части на физической аналогіи и не совсѣмъ ясно поставляютъ понятіе о нематеріальности. Но съ другой стороны качество мышленія и сознательная, цѣлесообразная дѣятельность, приписываемая Анаксагоромъ разуму, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно рѣшительно идеальнаго характера анаксагорова принципа. Тѣмъ не менѣе однако Анаксагоръ ограничился только постановкою своей основной мысли, и не далъ ей полнаго развитія. Къ идеѣ нематеріальнаго принципа привела его единственно потребность признать такую движущую причину, которой можно бы приписать вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразную дѣятельность. Оттого его *νοῦς* не больше, какъ двигатель матеріи, и въ этомъ заключается вся его дѣятельность.» Въ цитированномъ нами отрывкѣ изъ Швеглера ²¹⁾ весьма точно опредѣляется понятіе анаксагоровскаго *νοῦς*. Что онъ былъ приведенъ къ предположенію подобной силы невозможностью объяснить процессъ превращенія смѣшанной и грубой матеріи въ опредѣленныя формы предметовъ, — это очевидно. Если врожденная матеріи гераклитовская сила движенія объясняла самое движеніе, то ни въ какомъ случаѣ не могла объяснить распредѣленія матеріи и принятія ею опредѣленной формы. И такъ, необходимо, повторяемъ, нужно было предположить движущую силу внѣ безформеннаго и грубаго вещества, которая могла бы это сдѣлать. Анаксагоръ говоритъ, что эта сила есть умъ. Очевидное дѣло, что эта сила, какъ сила универсальная, превращающая нераздѣленную еще матерію въ стройные міры, должна непременно дѣйствовать сознательно, должна знать, какъ именно нужно распредѣлить частицы вещества, какъ сочетать ихъ въ тѣ или другія формы. И дѣйствительно, изъ отрывка, сохраненнаго намъ Симплиціемъ, мы знаемъ, что Анаксагоръ принималъ умъ за независимое и сознательное начало, дѣйствующее только по своему собственному, внутреннему воз-

²¹⁾ Исторія философіи, стр. 31 и слѣд.

сужденію. «Изъ всѣхъ вещей», говоритъ Анаксагоръ, «умъ есть лучшая и чистѣйшая: онъ имѣетъ полное знаніе всего. Все, что имѣетъ душу — малое и великое — управляется умомъ (νοῦς αὐτῆς.) Разумъ все знаетъ (πάντα ἔγνω νοῦς) — и то, что гнано и то, что раздѣлено, и то, что должно быть, и то, что было, и то, что теперь есть, и то, что будетъ, — все устроено разумомъ». (πάντα διακείμενα νοῦς) Платонъ, какъ мы видѣли выше, порицаетъ теорію Анаксагора за ея внутреннія противорѣчія, за дуализмъ ея началъ, — упрекъ, который дѣлаетъ ему и Аристотель. Съ одной стороны, Анаксагоръ принимаетъ умъ, какъ сознательную, вседвижущую, всеустроющую силу, а другой — вѣчную, независимую отъ него матерію — которая имѣетъ свои собственные, въ ней самой лежащіе законы. Сознательная сила устроющаго ума должна очевидно царить, и зная то, «что должно быть», должна все устроить только согласно своей собственной идеѣ; между тѣмъ эта сила встрѣчаетъ матерію, въ которой включена возможность сдѣлать изъ нея только то, что позволяетъ ея природа. Приходится такимъ образомъ опять объяснять вещи изъ ихъ самихъ, а не изъ творческаго, сознательнаго принципа ума, ающаго въ совершенствѣ то, «что должно быть.» Съ этой точки зрѣнія Платонъ представляется мнѣ совершенно правъ, когда говоритъ: «по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ продолжалъ чтеніе, я увидѣлъ человѣка, который не дѣлалъ никакого приложенія изъ ума, и не къ нему возводилъ причины авильнаго распорядка вещей, а поставлялъ ихъ въ воздухѣ, землѣ, водѣ и другихъ, такъ же несообразно принятыхъ началахъ.» Логіе однако положительно отрицаютъ это противорѣчіе и обвиняютъ не Анаксагора, а самого Платона въ томъ, что онъ не зналъ идеи νοῦς, отождествивъ его съ принципомъ нравственнаго ума, — съ умомъ человѣческимъ. Я позволю себѣ замѣтить это слѣдующее. Во первыхъ, Платонъ рѣшительно не думаетъ отождествлять того и другого. Онъ просто не больше какъ проводитъ между ними параллель, беретъ примѣръ для сравненія. Назавъ на невыдержанность у Анаксагора принятаго имъ начала, онъ говоритъ: καὶ μοι ἔδοξεν ὁμοίωτατον πεποθέναι «и мнѣ показалось, что это чрезвычайно похоже на то, какъ если бы» и пр.

и за тѣмъ уже приводитъ названные выше примѣры. Повторяя, обвинять Платона такъ рѣшительно и положительно въ непониманіи теоріи Анаксагора, какъ это дѣлаетъ Льюисъ и другіе критики новаго времени, ²²⁾ мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется слишкомъ большою смѣлостію. Я рѣшительно не умѣю представить, чтобы такой глубокой, гениальный умъ какъ Платонъ, коротко знакомый съ философскими системами всѣхъ греческихъ мыслителей, не понималъ теоріи Анаксагора, и притомъ не въ какойнибудь частности, а въ основномъ принципѣ ея, — въ цѣломъ. Имѣвши въ рукахъ подлинныя сочиненія Анаксагора не въ отрывкахъ, какъ имѣли ихъ мы, — обстоятельство необыкновенной важности, — а въ полномъ ихъ составѣ, онъ могъ обнимать его теорію полнѣе, а слѣдовательно и судить о ней вѣрнѣе, нежели мы, отдаленные отъ Анаксагора разстояніемъ болѣе 2,000 лѣтъ. Необыкновенно важное значеніе здѣсь имѣетъ и то, что обвиненіе, возводимое на Анаксагора Платономъ, повторяется рѣшительно всѣми древними писателями. Кромѣ Аристотеля, о которомъ мы упомянули выше, ему дѣлаетъ тотъ же самый упрекъ Ксенофонтъ; (Memor., IV, 7, 6.) а согласно съ нимъ выражаются объ Анаксагорѣ Плотинъ, Климентъ Александрійскій и комментаторъ Аристотеля Симплицій. ²³⁾

Несравненно болѣе естественнымъ представляется то предположеніе, что Анаксагоръ, не успѣвъ еще вполне освободиться отъ вліянія предшественниковъ своихъ іонійцевъ, и допустивъ подобно имъ существованіе вѣчной матеріи, не вездѣ выдерживалъ вѣрность своему собственному принципу, и, впадая по временамъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, прибѣгалъ въ объясненіи явленій къ чисто-физическимъ силамъ матеріи болѣе, нежели сколько этого требовала всеустроющая сила его воис. ²⁴⁾ Я, не

²²⁾ Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени С. П. В. 1867 г. с. 79 и сл. Ср. Dictionnaire des sciences philosophiques Paris, tome premier: Anaxagore.

²³⁾ См. Виттенбаха, Platonis Phaedo, p. 253.

²⁴⁾ Не оправдывается ли это предположеніе самымъ провансіемъ ѳ φυσικώτατος, даннымъ Анаксагору древними?

райней иѣрѣ, рѣшительно убѣжденъ, что критика новаго времени .
носится слишкомъ легко къ обвиненіямъ, взводимымъ на него
ревними, и тѣмъ болѣе легко, что обвиненія эти высказываются
юдьми, не только не чуждыми философіи, а такими серьёзными
ислителями, каковы Платонъ, Аристотель и Плотинъ.

ГЛАВА VIII.

Четвертое—космическое—доказательство безсмертія души.—Метафизическое ученіе Платона объ идеяхъ. — Анализъ доказательства.

Мы переходимъ теперь къ важнѣйшей части разсужденія Платона о безсмертіи, — къ метафизическому ученію его объ идеяхъ. Отвѣтивъ на возраженіе Симміаса, не есть ли душа наша гармонія, и перешедши къ опроверженію замѣчанія Бебета о возможности допустить ту мысль, что душа по своему своему только долговѣчна, но не безсмертна, Сократъ замѣтилъ послѣдному, что для рѣшенія этого вопроса нужно изслѣдовать причину рожденія и разрушенія вообще. Онъ началъ, какъ мы видѣли, издалека, — съ изложенія процесса своего философскаго развитія, съ разсказа о пути, который онъ прошелъ, отыскивая общую, основную причину всего. Остановливаясь попеременно то на той, то на другой теоріи іонійцевъ, и увидѣвъ невозможность объяснить происхожденіе явленій изъ одной изъ нихъ, Сократъ обратился къ Анаксагору, у котораго онъ встрѣтилъ новую, неизвѣстную іонійцамъ образующую силу — умъ. Онъ радостью хватается за эту причину, думая найти въ ней рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоумѣній, уяснить себѣ съ помощью всѣхъ явленія бытія. Но невыдержанность у Анаксагора логической послѣдовательности въ приложеніи принятаго имъ принципа ума, и частая замѣна его образующей силы законамъ дѣйствій чисто-физическими, заставили Сократа оставить его теорію, и обратиться къ самостоятельному изслѣдованію первой причины. Объ этомъ новомъ пути своемъ въ общемъ изслѣдованіи, или, какъ онъ выражается, объ этомъ «новомъ»

плаваніи» своемъ онъ рассказываетъ теперь Кебесу. Приступаю къ изложенію его теоріи.

«Послѣ того,» началъ Сократъ, «когда я отказался отъ изслѣдованія сущности бытія, я счелъ нужнымъ остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ люди, созерцающіе и наблюдающіе солнечное затмѣніе; потому что нѣкоторые портятъ себѣ зрѣніе, если видятъ образъ его не въ водѣ или другой средѣ. Нѣчто подобное изслѣдывалъ и я, и боялся, чтобы мое духовное зрѣніе вовсе не померкло, если я буду смотрѣть на предметы глазами, или соприкасаться съ ними помощію каждаго другого тѣлеснаго чувства. Вслѣдствіе этого мнѣ показалось необходимымъ, обратившись къ причинамъ, изслѣдовать въ нихъ истинную сущность бытія. Впрочемъ, можетъ быть,» прибавилъ онъ, «образъ, который я беру для сравненія, не представляетъ подобія съ тѣмъ, о чемъ я говорю; потому что я не признаю также точно, что тотъ, кто изслѣдуетъ бытіе въ его основахъ, созерцаетъ его лучше въ образахъ, нежели въ его собственной сущности. Но однако, я устремился по этому пути, и принимая каждый разъ за основаніе извѣстное начало, которое нахожу наиболѣе твердымъ, я все то, что мнѣ кажется согласнымъ съ этимъ началомъ, признаю за истинное, — будетъ ли дѣло касаться причинъ или чего бы то ни было, — а то, что несогласно съ нимъ, не признаю. И не говорю,» продолжалъ Сократъ, «ничего новаго, а только то, что я не переставалъ говорить постоянно и прежде и теперь, — въ предыдущей части разсужденія; и такъ, я намѣренъ продолжать объяснять тебѣ тотъ родъ причины, которая составляла предметъ моихъ изслѣдованій; я возвращаюсь снова къ извѣстнымъ тѣмъ предметамъ, и съ нихъ начинаю, принимая за основаніе, что есть нѣчто прекрасное въ самомъ себѣ, доброе, великое и все другое подобное». И такъ, вотъ точка отправленія Сократа въ изслѣдованіи первой причины. Начало, изъ котораго онъ объясняетъ бытіе каждаго отдѣльнаго, единичнаго предмета и всѣхъ явленій вообще — идеи. «Есть нѣчто,» говоритъ онъ, «безусловно прекрасное, безусловно доброе, безусловно великое» и т. д. Каждый отдѣльный прекрасный предметъ прекрасенъ не черезъ что иное, какъ черезъ

то, что онъ усвоиваетъ себѣ, воспринимаетъ въ себя природу прекраснаго, или, какъ выражается Платонъ, причащается прекраснаго въ самомъ себѣ. (*ματέχει τῆς οὐσίας τοῦ καλοῦ.*) Въ чемъ бы ни проявлялась красота отдѣльнаго прекраснаго предмета, — будетъ ли онъ имѣть прекрасный цвѣтъ или форму — его дѣлаетъ прекраснымъ не что иное, какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ, — его приобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ оно ни происходило. Точно такимъ же образомъ извѣстный предметъ большой величины великъ не черезъ что иное какъ своею величиною, и бѣдшій — больше по той же причинѣ, т. е. по причинѣ великости, и малый малъ не чѣмъ другимъ, какъ своею малостию. При такомъ способѣ объясненія, очевидно, нѣтъ возможности сказать напр., что одинъ человекъ выше другого головою, потому что, если это допустить, то ясно, что, вопервыхъ, большій — больше и меньшій меньше — тѣмъ же самымъ, а во вторыхъ бѣдшій будетъ выше головою, которая мала; но это представляетъ очевидную странность, чтобы кто нибудь могъ быть большимъ черезъ то, что въ немъ есть нѣчто малое. И такъ, человекъ большаго роста будетъ великъ потому, что онъ причащается природы великости, также какъ малый малъ потому, что онъ причащается природы малости. Точно такимъ же образомъ странно было бы сказать, что десять больше восьми двумя, и что первое число превосходитъ второе именно по этой причинѣ, т. е. по причинѣ присутствія въ первомъ — двухъ, или, что все двухлоптевое превосходитъ однолоптевое половиною, потому что возраженіе въ этомъ случаѣ тоже самое, какъ и въ предыдущемъ. И такъ число десять превосходитъ число восемь природою количества, точно такъ какъ все двухлоптевое превосходитъ однолоптевое природою величины. Въ силу этого, далѣе, ясно, что образованіе самаго числа двухъ невозможно объяснить прибавленіемъ одной единицы къ другой, или наоборотъ — раздѣленіемъ единицы пополамъ: причина образования двухъ есть причащеніе чего-нибудь природы двойственнаго числа, точно такъ какъ что-нибудь другое, причащаясь природы единичности, становится единицей. И такъ, всѣ идеи суть прежде всего нѣчто дѣйствительное, (реальное) и всѣ безчисленные единичные предметы получаютъ свое бытіе и названіе черезъ причащеніе

природы идей. Сократъ беретъ вопросъ съ новой стороны. Утвердивъ бытіе идей, какъ самостоятельныхъ существей, онъ подвергаетъ разсмотрѣнію ихъ природу и развиваетъ свою мысль, по обыкновенной своей методѣ, въ формѣ примѣровъ. Не утверждаешь ли ты, спрашиваетъ онъ Кебеса, говоря, что Симміасъ больше Сократа и меньше Федона, — не утверждаешь ли ты, что въ Симміасѣ находится и то и другое — и великость и малость? Онъ превосходитъ ростомъ Сократа не потому, что онъ Симміасъ, такъ какъ въ природѣ его не заключается этого свойства, т. е. быть большимъ, а превосходитъ великостью, которая досталась ему на долю; точно также онъ превосходитъ Сократа не потому, что Сократъ есть Сократъ, но потому, что Сократу принадлежитъ малость, сравнительно съ его великостью. Федонъ въ свою очередь превышаетъ Симміаса не потому, что онъ Федонъ, но потому что ему принадлежитъ великость передъ малостью Симміаса. Такимъ образомъ, Симміасъ будетъ и великъ и малъ, — превосходя ростомъ одного и уступая другому. Становясь рядомъ съ Сократомъ, онъ великъ передъ нимъ тѣмъ, что онъ причащается въ эту минуту природы великости; становясь рядомъ съ Федономъ, онъ дѣлается малъ вслѣдствіе того, что причащается тогда природы малости. Малость, такимъ образомъ, скрывается и убѣгаетъ, когда къ ней приближается великость; точно также исчезаетъ и великость, когда къ ней приближается малость. Но принять въ себя одна другую, такъ чтобы каждая изъ двухъ идей, воспринявъ въ себя себѣ противную, осталась въ то же время сама собою, — онѣ не могутъ: двѣ противоположныя идеи взаимно исключаютъ одна другую, и каждая изъ нихъ не можетъ быть извѣстной одной, и, — оставаясь сама собою, — быть вмѣстѣ съ тѣмъ въ то же время и другой.

Въ отвѣтъ на эти разсужденія Сократа кто-то изъ собеседниковъ замѣтилъ, что они противорѣчатъ предыдущимъ. Въ предыдущихъ разсужденіяхъ всѣ согласились въ томъ, что противоположныя рождаются только изъ противоположныхъ, — большее изъ меньшаго, лучшее изъ худшаго и т. д. Теперь же, говоритъ возражатель, мнѣ кажется, рѣчь ведется въ томъ смыслѣ, что это никогда не бываетъ. Сократъ приподнялъ голову и вы-

слушавъ, сказалъ: ты естатн вспомнилъ объ этомъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, ты не понимаешь различія между тѣмъ, что говорится теперь и что было говорено тогда. Вслѣдъ за тѣмъ онъ объясняетъ это различіе. Тогда было говорено, что противоположное родится только изъ противоположнаго, — большее изъ меньшаго и пр., а теперь говорится о томъ, что противоположное никогда не можетъ сдѣлаться противоположнымъ самому себѣ; большее не можетъ сдѣлаться меньшимъ, оставаясь въ то же самое время и бдльпяиъ. Тогда было говорено о предметахъ, которые имѣютъ себѣ противоположныя и получаютъ отъ нихъ имена; теперь говорится о сущностяхъ, которыя присутствуя въ вещахъ, сообщаютъ имъ свое имя. Окончательный, слѣдовательно, выводъ послѣднихъ разсужденій тотъ, что противоположное никогда не можетъ сдѣлаться противоположнымъ самому себѣ. До сихъ поръ Сократъ говорилъ о предметахъ и сущностяхъ, представляющихъ прямую противоположность. Теперь онъ обращается къ разсмотрѣнію природы идей, противоположныхъ одна другой только въ нѣкоторой степени. Онъ беретъ понятія теплаго и холоднаго и говоритъ, что эти сущности очевидно представляютъ нѣчто иное, чѣмъ огонь и снѣгъ. Между тѣмъ снѣгъ, — доколѣ остается снѣгомъ, никогда не приметъ въ себя теплоты, и не сдѣлается тепелъ, но, при приближеніи къ нему теплоты, или удаляется, или погибаетъ. Равнымъ образомъ и огонь, какъ скоро къ нему приблизится что нибудь холодное, или удаляется, или погибаетъ; но никогда не можетъ, принявъ въ себя холодъ, остаться и огнемъ, какъ былъ, и вмѣстѣ — чѣмъ нибудь холоднымъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Мы видимъ отсюда, что есть нѣкоторыя сущности такого рода, что не только самая идея не можетъ сообщить имъ своего имени, но и нѣчто другое, чтд, не будучи самой идеей, представляетъ только нѣкоторый видъ или образъ ея. Мысль эта будетъ яснѣе изъ слѣдующихъ примѣровъ. Нечетъ представляетъ собой извѣстнаго рода идею, которой мы всегда усвоимъ это имя, но названіе нечета не принадлежить ему исключительно. Есть много другихъ сущностей, которыя мы называемъ вмѣстѣ съ ихъ собственнымъ именемъ и именемъ нечета, — называемъ такъ

потому, что онѣ по природѣ своей никогда не отдѣляются отъ нечета. Сюда относятся числа три, пять, семь и всѣ вообще непарныя. Точно такимъ же образомъ каждое пзѣ парныхъ чиселъ — два, четыре, шесть, не составляя одного и того же съ четомъ, всегда представляютъ собою четъ. Изъ названныхъ нами сущностей не только двѣ прямо противоположныя идеи — четъ и нечетъ — взаимно исключаютъ одна другую, и не могутъ воспринимать въ себя одна другой, но и непрямо противоположныя, какъ напр. три и четъ, или два и нечетъ — постоянно и непремѣнно взаимно исключаютъ одну другую и не могутъ принимать одна другой. И такъ второй выводъ, который дѣлаетъ Сократъ изъ разсмотрѣнія этихъ послѣднихъ сущностей тотъ, что не только прямо противоположныя идеи не принимаютъ одна другой, когда одна къ другой приближаются, но и нѣчто другое, чтѣ, не составляя прямой противоположности извѣстной идеѣ, не принимаетъ онакожь ея, какъ противоположности той идеѣ, которая заключена въ немъ самомъ. Есть идеи и сущности, которыя чтѣ бы ни заняли, заставляютъ предметъ удерживать не только его собственную идею, но и идею чего нибудь ему противоположнаго. Какъ скоро въ чемъ нибудь зрѣвится идея тройственнаго числа, то оно удерживаетъ при себѣ постоянно не только свою собственную идею, — идею троичности, — но вмѣстѣ съ этимъ и идею того, что очевидно не тождественно съ идеею трехъ, — идею нечета. Три, очевидно, не представляетъ собою прямой противоположности чету, и онакожь никогда не принимаетъ его, такъ какъ это число всегда приводитъ съ собой противное ему — нечетъ. И такъ, повторяетъ Сократъ, не только противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и все вообще, что приводитъ съ собой противоположное: и это послѣднее (приводящее противоположное) никогда не принимаетъ противнаго тому, что оно съ собой приводитъ. Пять никогда не приметъ идеи чета, или десяти, — удвоенное число пяти, — идеи нечета. Точно такимъ же образомъ полуторное число, половина, треть и всѣ другія подобныя никогда не примутъ въ себя идеи цѣлаго. Опредѣливъ природу сущностей,

какъ прямо такъ и непрямо противоположныхъ по отношенію къ вопросу, — могутъ ли онѣ или не могутъ взаимно принимать одна другую, — Сократъ просить собесѣдниковъ отвѣчать на его вопросы, предлагая первый вопросъ: присутствіе чего именно въ тѣлѣ дѣлаетъ его живымъ? — Отвѣтъ ясенъ: присутствіе души. — Всегда ли это такъ бываетъ? — Непремѣнно. — И такъ душа, чтобы она ни заняла, всегда приноситъ жизнь тому, къ чему приходитъ? — Конечно. — А есть ли что-нибудь противоположное жизни? — Есть. — Что? — Смерть. Выводъ очевиденъ. На основаніи всеобщности того закона, что противоположны идеи взаимно исключаютъ одна другую и не могутъ принимать одна другой, — душа, которая представляетъ собою начало жизни, никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять идеи противоположной тому, что она всегда съ собой приводитъ, — т. е. идеи смерти. Окончательный выводъ сдѣланъ; остается только формулировать его. Сократъ продолжаетъ вопросы и спрашиваетъ: какъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи четнаго числа? — Разумѣется — нечетнымъ. А то, что не принимаетъ идеи справедливаго или музыкальнаго? Одно — несправедливымъ, а другое немзыкальнымъ. А то, что не принимаетъ смерти — какъ мы называемъ? — Безсмертнымъ. — Но душа не принимаетъ смерти? — Нѣтъ. — Слѣдовательно она безсмертна? — Безсмертна. Послѣднимъ, заключительнымъ выводомъ, такъ ясно и логически вытекающимъ изъ предыдущаго, могло бы и окончиться изслѣдованіе вопроса о безсмертіи; но мы видѣли, что, разсуждая о приближеніи противоположныхъ сущностей, — одной къ другой, — холода къ огню или чета къ нечету, Сократъ употреблялъ выраженіе: «противуположная сущность или удаляется, или погибаетъ», оставляя за тѣмъ дилемму безъ изслѣдованія и рѣшенія. Подъ эту же дилемму подходитъ, очевидно, и начало безсмертнаго. Сократъ поставляетъ вопросъ, который могъ бы ему кто избудъ въ этомъ случаѣ сдѣлать: «что мѣшаетъ, чтобы нечетное число, — хотя оно никогда не можетъ сдѣлаться четнымъ черезъ приближеніе къ нему четнаго, — тѣмъ не менѣе, однакожь, не погибало при этомъ приближеніи, и чтобы на мѣстѣ его не

являлось четное? Подобнымъ образомъ можно бы спросить и о безсмертномъ: «что мѣшаетъ, чтобы безсмертное не удалялось, когда къ нему приблизится смерть, а погибало, и чтобы смерть не заступала мѣста погибшаго безсмертнаго?» Этотъ новый вопросъ о неразрушимости безсмертнаго Сократъ также предлагаетъ друзьямъ для изслѣдованія; но эти послѣдніе останавливаютъ его замѣчаніемъ, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости, потому что, говоритъ въ заключеніе всего Кебесъ, едва ли чтонибудь можетъ быть неразрушимо, — если безсмертное и вѣчное способно принять разрушеніе. «Дѣйствительно,» сказалъ Сократъ, «я думаю, что Богъ, самая сущность жизни, и, — если есть еще чтонибудь безсмертное, — все это никогда не погибаетъ, какъ это признаютъ всѣ.» Кромѣ безсмертнаго начала души, утверждается такимъ образомъ безсмертіе новыхъ сущностей — Бога и идей. Кебесъ отвѣчаетъ, что это признаютъ всѣ люди, и вѣроятно еще болѣе боги. «Очевидно, слѣдовательно,» продолжаетъ далѣе Сократъ, «что какъ скоро къ человѣку приходитъ смерть, тогда то, что въ немъ есть смертнаго, умираетъ, а безсмертное отходитъ цѣлымъ и невредимымъ, уступая мѣсто смерти. Дальнѣйшій и окончательный отсюда выводъ тотъ, что душа преимущественно предъ всѣми другими безсмертна и неразрушима, и наши души дѣйствительно будутъ существовать въ адѣ. Кебесъ признаетъ справедливость разсужденій и выводовъ Сократа, и отвѣчаетъ ему, что онъ, съ своей стороны, не имѣетъ ничего болѣе противъ этого возразить; но если, прибавляетъ онъ, на это имѣетъ чтонибудь сказать Симиасъ, или ктонибудь другой, то хорошо не молчать объ этомъ; потому что я не знаю, говоритъ онъ, — на какое другое время, кромѣ настоящаго, можно отложить то, что хотѣлъ бы ктонибудь сказать, или услышать объ этомъ предметѣ. Но и Симиасъ отказывается отъ дальнѣйшихъ возраженій, потому что и онъ считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, — принимая во вниманіе важность предмета, о которомъ мы разсуждали, продолжаетъ онъ далѣе, равно какъ и сознавая человѣческую слабость, я вынужденъ хранить въ душѣ нѣкоторое недовѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ. Не только, безсмертны

Синиіасъ, отвѣчалъ Сократъ, нужно имѣть недовѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ, но даже и первыя начала, — какъ бы они не представлялись вамъ истинными, — нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ, и когда вы достаточно ихъ изслѣдуете, тогда, какъ мнѣ кажется, будете держаться изложеннаго нами доказательства настолько твердо, насколько это возможно для человѣка; и какъ скоро это сдѣлается для васъ ясно, — вы уже не будете ничего больше искать.»

Я изложилъ содержаніе четвертаго доказательства, составляющаго заключеніе собственно философской части Федона. Доказательство это, какъ видитъ читатель, все основано на ученіи Платона объ идеяхъ; и потому, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ анализу его, намъ необходимо остановиться предварительно на этомъ послѣднемъ вопросѣ. Мы видѣли, что Платонъ уже касался его во второмъ доказательствѣ; но тамъ идеи разсматривались чисто съ психологической точки зрѣнія, — какъ внутреннее содержаніе души, какъ непосредственное, хотя до начала ея пробужденія дремлющее въ ней знаніе, какъ воспоминаніе, вынесенное ею изъ другого міра, изъ довременнаго періода ея жизни. Объ идеяхъ же, въ смыслѣ объективнаго, реальнаго бытія, — о ихъ сущности, характерѣ и отношеніи къ міру явленій, онъ не говорилъ ничего. Теперь онъ возвращается снова къ тому же вопросу и разсматриваетъ ихъ уже не какъ представленія души, а какъ нѣчто существующее въ себѣ самомъ, какъ первоначальную творческую силу, создающую всѣ безконечно разнообразныя предметы и явленія видимаго міра. Возвратъ къ тому же вопросу былъ очевидно необходимъ; слушатели Сократа убѣдились изъ предыдущихъ разсужденій (изъ анализа понятія ἀνάμνησις) въ реальности идей. Теперь необходимо утвердить это самое начало какъ можно болѣе положительнымъ образомъ и показать, что причина бытія и разрушенія заключается не въ чемъ другомъ, а именно въ идеяхъ, и что слѣдовательно признаніе ихъ дѣйствительности необходимо для объясненія образованія отдѣльныхъ предметовъ, — каждаго, какого-бы то ни было единичнаго бытія.

Что же такое идеи Платона, принимаемыя въ этомъ послѣд-

немъ значенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, (а мы должны отвѣтить на него какъ можно обстоятельнѣе) намъ необходимо нѣсколько остановиться на двухъ системахъ предыдущаго періода греческой философіи. Я уже не разъ имѣлъ случай говорить, что предшественники Сократа — іонійцы искали первоначальной творческой силы въ самой природѣ. Но невозможность найти такое начало, которое можно было бы признать за универсальную причину, заставила мыслителей послѣдующаго времени измѣнить точку отправленія въ своихъ изслѣдованіяхъ. Возникла новая школа элеатовъ, представитель которой Парменидъ ¹⁾ поставилъ, на мѣсто сложности и множественности въ видимой природѣ, чистое, единое бытіе. Совершенно отвергнувъ въ немъ принципъ всякой измѣняемости, онъ устранилъ изъ понятія о немъ временность, пространственность, дѣлимость, разнообразіе, движеніе. Такимъ образомъ міръ явленій представляетъ у него не дѣйствительное, реальное бытіе, а призракъ: истинное бытіе принадлежитъ только единому. По его понятію все, что существуетъ въ одно время и не существуетъ въ другое, не существуетъ дѣйствительнымъ образомъ, а представляетъ только кажущееся. Дѣйствительное бытіе всегда неизмѣнно. Но при такомъ представленіи естественно возникаетъ вопросъ: какъ согласить это чистое, неизмѣнное, чуждое всякихъ формъ и моментовъ бытіе съ дѣйствительнымъ разнообразіемъ и послѣдовательностью въ образованіи предметовъ и явленій? Фактически отвергнуть то и другое, очевидно, невозможно. Далѣе. Если многообразія и сложности въ видимой природѣ нѣтъ, то какимъ образомъ въ насъ является представленіе о нихъ, какимъ дѣйствіемъ познавательной способности какимъ внутреннимъ процессомъ мысли мы его воспринимаемъ? Чего нѣтъ, того очевидно не существуетъ и для мысли. На эти вопросы философія Парменида не даетъ отвѣта. Діаграммальною противоположностью ученію элеатовъ представляетъ философская система Гераклита. Какъ первые возводили бытіе

¹⁾ Время жизни Парменида относятъ къ концу 6-го и первой половинѣ 5-го в. до Р. X. Полагаютъ, что онъ былъ уроженцемъ города Элен (въ вѣнжой Греціи) и родился около 61-й Олимпиады (за 536 л. до Р. X.)

къ принципу неизмѣняемости, такъ послѣдній признавалъ его только въ вѣчномъ движеніи, въ непрерывномъ чередованіи формъ и превращеніи ихъ, — одной въ другую. При этомъ представленіи, бытіе, собственно говоря, не существуетъ: дѣйствительно только одно становленіе, послѣдовательность моментовъ перехода, процессъ измѣненія. Рожденіе и разрушеніе, возникновеніе и исчезаніе, прибываніе и убываніе, вѣчная борьба противоположностей безъ начала и конца, — вотъ что представляетъ собою, по системѣ Гераклита, видимое нами бытіе. Это не *esse*, это — одно безконечное *fiere*. Весь міръ есть не что иное какъ одинъ огромный, непрерывно льющійся потокъ. Какъ прекрасное образное выраженіе этой мысли, древность сохранила намъ слѣдующій отрывокъ самаго же Гераклита. «Никто,» говоритъ онъ, «никогда не входилъ двухъ разъ въ одну и ту же рѣку, потому что въ другой разъ она будетъ уже течь другою водою; она разливается и снова собирается, сходится и расходится, выступаетъ изъ береговъ и снова входитъ въ русло..²⁾ Точно также никто не можетъ войти въ рѣку тѣмъ самымъ, какимъ въ нее вошелъ. Гераклитовское *πάντα ῥεῖ* — все течетъ — есть непрекращаемый процессъ перехода противоположностей — одной къ другой; волны рожденія непрерывно встрѣчаются и сливаются съ несущимися имъ навстрѣчу волнами разрушенія: жизнь и смерть, пробужденіе и засыпаніе, свѣтъ и тѣма поминутно превращаются въ соотвѣтствующія себѣ противоположности и снова возвращаются къ тому, чѣмъ были прежде. «Все въ природѣ» такимъ образомъ, «существуетъ и вмѣстѣ не существуетъ» (*πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι; οὐδὲν μᾶλλον τὸ ἐν τοῦ μὴ ὄντος εἶναι.*) И такъ, если абсолютное, по ученію Гераклита, представляетъ собою единство бытія и небытія, то понятно, что Платонъ не могъ остановиться на подобномъ началѣ. Его не удовлетворило отвлеченное бытіе Парменида, отрицающее міръ явленій, а съ другой стороны онъ,

²⁾ Плутархъ, *De Fl. apud Delphos*, с. 18, р. 392. Ποταμῷ γὰρ οὐκ ἔστιν ἐμβῆναι δις τῷ αὐτῷ καθ' Ἡράκλειτον, οὐδὲ θνητῆς οὐσίας δις ἄψασθαι κατὰ ἕξιν.

по выраженію Мартена,³⁾ былъ испуганъ послѣдствіями, вытекающими изъ ученія Гераклита. Одна система оставляла природѣ бытіе, но отнимала у нея всякую жизнь; другая признавала въ ней жизнь, но призрачную, лишенную сущности, и слѣдовательно лишала все видимое характера дѣйствительнаго бытія. Обѣ діаметрально-противуположныя философскія системы оставляли, такимъ образомъ, неразрѣшенными вопросы первой важности, составляющіе суть всей философіи. Платонъ обратился къ пифагорейцамъ. Основу ученія послѣднихъ составляетъ, какъ извѣстно, не качество, а количественное отношеніе и пространственная форма элементовъ матеріи. Здѣсь онъ встрѣтился съ ученіемъ о числахъ, какъ самостоятельныхъ сущностяхъ, бытіе которыхъ не обуславливается ничѣмъ извнѣ, а заключается всецѣло въ нихъ самихъ. Удачно преобразовавъ это ученіе, говоритъ Мартенъ, онъ превратилъ его въ ученіе объ идеяхъ, т. е. родовыхъ, универсальныхъ сущностяхъ, отраженіе которыхъ представляютъ предметы видимаго міра.⁴⁾ Наблюдая окружающій насъ міръ, мы видимъ въ немъ безчисленное множество предметовъ и явленій, подверженныхъ безчисленнымъ видоизмѣненіямъ. Предметы и явленія представляютъ между собою сходство, несходство, противоположность. Такъ напр., наблюдая деревья, я нахожу во всѣхъ ихъ нѣчто общее, — въ каждомъ вижу корень, стволъ, кору, вѣтви, листья. Все, что имѣтъ эти общія принадлежности, я обозначаю общимъ именемъ дерева. Но это названіе, очевидно, не представляетъ дѣйствительнаго, реальнаго значенія, потому что дерева на самомъ дѣлѣ въ природѣ не существуетъ, а существуютъ только деревья. Мы видимъ дубъ, тополь, кедръ, кипарисъ, т. е. отдѣльные, единичные экземпляры деревъ, — но никто и никогда не видѣлъ дерева. Единства такимъ образомъ въ бытіи нѣтъ, потому что нѣтъ той реальной, предметной единицы, въ которой бы примирились и соединились всѣ безчисленные, разбросанные по всему пространству земли, единичные экземпляры деревъ. Другая сторона того же вопроса. Наблюдая

³⁾ Études sur le Timée, t. I, p. 4.

⁴⁾ Ibid.

окружающіе насъ предметы, мы видимъ, что они никогда не остаются одни и тѣ же въ смыслѣ единицъ, и никогда не бываютъ въ одномъ и томъ же состояніи. Одни деревья погибаютъ, на мѣсто ихъ рождаются новыя; сегодня предметъ представляетъ одинъ, завтра — другой видъ. При такой измѣняемости всего, — гдѣ же бытіе? Существенное опредѣленіе его составляетъ постоянное продолженіе, неизмѣнность существованія. Не можно ли приписать бытіе тому, что было и чего въ данный моментъ нѣтъ? Признается ли мы его въ молніи, которая блеснула и погасла, — въ звукѣ, который раздался и исчезъ? Преходимость и измѣняемость явленій служатъ яснымъ признакомъ, что не въ нихъ самихъ заключена ихъ основа, и что явленія какъ и предметы не представляютъ собою сущности. Преходимость и измѣняемость служатъ нѣкоторымъ образомъ отрицаніемъ самого бытія, а между тѣмъ въ мысли и представленіяхъ нашихъ оно неотрицаемо. Платонъ задался задачей удовлетворить этому требованію логическаго ума — примирить постоянство и неизмѣнность бытія, представляющаго основу видоизмѣненій, съ безконечнымъ процессомъ этихъ видоизмѣненій и послѣдовательностью его въ моментахъ, съ вѣчнымъ умираниемъ и обновленіемъ его формъ. Другими словами, онъ поставилъ задачей — примирить между собою безусловное и условное, вѣчное и временное, дѣйствительное и кажущееся, неизмѣнное пребываніе и движеніе, единство и множество, (*ἓν καὶ πολλὰ.*) Мы видѣли во второмъ доказательствѣ, при изложеніи теоріи идей, (принимаемыхъ въ смыслѣ логическомъ) что Платонъ уже тамъ полагалъ предметное ихъ бытіе, объясняя ихъ присутствіе въ душѣ посредствомъ ἀνάμνησις — т. е. воспоминаніемъ души о чемъ-то такомъ, что она созерцала прежде своего воплощенія, — въ періодъ, предшествовавшій земной ея жизни. Теперь я приведу мѣсто изъ Тимея, представляющее новое психологическое основаніе метафизическаго ученія Платона объ идеяхъ. «Предметы, которые мы видимъ,» говоритъ онъ, «и всѣ другіе, о которыхъ мы составляемъ понятіе съ помощію другихъ чувствъ, — одни ли они представляютъ собою нѣчто дѣйствительное, и внѣ ихъ ничего не существуетъ? Ошибочно ли мы постоянно утверждаемъ, что каждому предмету соотвѣтствуетъ мысленный образъ, (*εἶδος*

νοῦτόν) и составляет ли это только слово без значенія? Я разсуждаю въ этомъ случаѣ такъ. Если разумъ и истинное мнѣніе (δόξα ἀληθής) двѣ вещи разныя, то безъ сомнѣнія существуютъ дѣйствительнымъ образомъ, (реально) сами въ себѣ (καθ' αἑτά) эти образы вещей, не подлежащіе нашимъ чувствамъ, а только мыслимые. Если же, какъ представляется нѣкоторымъ, истинное мнѣніе ничѣмъ не отличается отъ разума, то все то, о чемъ мы получаемъ понятіе съ помощію тѣлесныхъ чувствъ, должно считаться какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ. Но нужно сказать, что это двѣ вещи разныя, потому что онѣ существуютъ отдѣльно одна отъ другой и не похожи одна на другую.»⁵⁾ Новое психологическое основаніе для признанія самостоятельнаго, предметнаго бытія и реальности идей опирается, такимъ образомъ, на различіе въ насъ двухъ способностей, различныхъ по природѣ и слѣд. по предметамъ, — разума и мнѣнія, или, — говоря языкомъ новой философіи, — разума и опыта.⁶⁾ Вотъ элементы, изъ которыхъ сложилось ученіе Платона объ идеяхъ. Элементы эти: отвлеченное (и вмѣстѣ съ тѣмъ реальное) безусловно-единое бытіе Парменида, вѣчная неизмѣняемость его и нескончаемый процессъ міровыхъ превращеній Гераклита, и наконецъ — собственная психологическая теорія Платона. Философская система элеатовъ, разсматривая бытіе въ его отвлеченности; утверждала его какъ нѣчто дѣйствительное и неизмѣнное, но она не могла объяснить явленій. Диаметрально-противуположная по своему принципу система Гераклита вполне удовлетворительно разрѣшала вопросъ о явленіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, собственно говоря, отрицала бытіе. Психологическая теорія Платона помогла ему устречить затрудненія, представляемыя крайне-противуположными возрѣніями обѣихъ системъ, и указала путь къ примиренію ихъ. Нашедши въ душѣ нашей готовое знаніе въ формѣ общихъ представленій, которое, по его мнѣнію, можно объяснять не иначе, какъ воспоминаемъ, внесеннымъ ею изъ какого-то предыдущаго періода ея жизни

⁵⁾ Timaeus, p. 51 C—E.

⁶⁾ Фулье, Philos. de Pl. I, p. 6.

и опираясь съ другой стороны на анализъ природы ума, который, помимо частныхъ явленій, занимается только общими, и котораго требованіямъ и задачамъ должны необходимо поэтому соответствовать отличныя отъ міра индивидуальныхъ явленій сущности внѣ его, какъ предметъ его мысленной дѣятельности, — Платонъ превратилъ эти общія родовыя понятія въ идеи, сообщивъ имъ предметную, реальную дѣйствительность. Сущность его ученія объ этомъ предметѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Богъ сотворилъ отъ вѣчности первообразъ или прототипъ каждаго рода. Этотъ первообразъ представляетъ собой идею всѣхъ однородныхъ единичныхъ предметовъ. Мы видимъ въ мірѣ безчисленное множество деревьевъ, изъ которыхъ ни одно не представляетъ познаго и совершеннаго сходства съ другимъ: за предѣлами видимаго бытія, во внѣшнемъ пространствѣ находится одно вѣчное, идеальное дерево, — идеальный типъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ экземпляровъ деревьевъ. Точно такимъ же образомъ всѣ другіе предметы и явленія имѣютъ свои, соответствующія имъ идеи. Для каждаго родового понятія существуетъ особая, исключительное ему принадлежащая идея. И не только роды и виды, но отвлеченныя качества и даже отношенія возведены Платономъ къ первообразамъ — въ идеяхъ. Однимъ словомъ идею имѣетъ все, что только представляетъ множественность, которую мы превращаемъ въ нашемъ мысленномъ представленіи въ отвлеченное единство, и обозначаемъ однимъ общимъ словомъ. Вотъ почему Платонъ говоритъ объ идеяхъ кровати, стола, силы, здравья, голоса, цвѣта, объ идеяхъ математическихъ фигуръ, даже объ идеѣ бытія, наконецъ объ идеѣ того, что собственно составляетъ только отрицаніе идеи, — объ идеяхъ порока и зла. ⁷⁾ Въ кругу этихъ безчисленныхъ идей онъ создаетъ іерархію отношеній. Идеи, свойственныя одному роду, находятся подъ управленіемъ идеи, принадлежащимъ многимъ; эти послѣднія, въ свою очередь, управляются идеями всеобщими, возводимыми къ одной общей идеѣ бытія. Наконецъ надъ идеей бытія возвышается послѣдняя идея, содержащая и объемлющая собой всѣ другія, — великая и цар-

⁷⁾ Исторія философіи, Шлеглера с. 86.

ственная идея идей, — εἶδος εἰδῶν — верховная идея единства и блага — τὸ εἶν, τὸ ἀγαθόν. ⁸⁾ Какое отношеніе идей къ міру явленій? Мы уже сказали, что идеи Платона, принимаемыя въ смыслѣ метафизическомъ, суть не что иное, какъ отвлеченныя логическія понятія, получившія реальную дѣйствительность. Три начала, по его ученію, составляютъ основу бытія: Богъ, идеи и матерія. Приступая къ творенію, Богъ прежде всего сотворилъ идеи, — бесконечно-прекрасныя образы будущаго бесконечно-разнообразнаго міра явленій. Мы приблизимся еще ближе къ истинѣ, если скажемъ, что это даже не образы предметовъ, а самыя предметы въ ихъ идеальномъ совершенствѣ, (die Ur-Sache) сіяющіе той несказанной красотой, съ какою они были зачаты и родились въ лонѣ божественнаго ума. Идеи, также какъ и предметы нашего земнаго міра, имѣютъ основную матерію; но это не та грубая, чувственная матерія, которую мы видимъ вокругъ себя, а особенная, идеальная, если можно такъ сказать, одуховленная матерія, рѣшительно исключающая въ себѣ условія пространства и времени, и представляющая нѣчто всегда себѣ равное и неизмѣнное. ⁹⁾ Идеи существуютъ отъ вѣчности, подобно божеству. Онѣ не допускаютъ ни малѣйшихъ перемѣнъ въ своемъ бытіи. О нихъ нельзя сказать, что онѣ были, есть или будутъ: онѣ существуютъ неизмѣнно всегда однѣ и тѣже, и подобно божеству однѣ имѣютъ дѣйствительное бытіе, (ἔντα) тогда какъ переходящіе предметы міра видимаго непрерывно рождаются и погибаютъ, представляя собою такимъ образомъ только тѣнь бытія. ¹⁰⁾ Какое значеніе имѣютъ идеи относительно нашего земнаго міра? Значеніе творящаго, правильнѣе, — образующаго начала. Мы уже видѣли изъ примѣровъ, которые приводилъ Платонъ, что предметы и явленія видимаго міра обусловливаются въ той ли другой формѣ своего бытія бытіемъ соответствующихъ имъ идей. Онъ говорилъ, что прекрасный предметъ прекрасенъ не въ чемъ другомъ, какъ присутствіемъ въ немъ начала прекраснаго

⁸⁾ Études sur le Timée. tome premier, p. 9.

⁹⁾ Wehrmann, Platonis de summo bono doctrina, Berol. 1843, p. 74

¹⁰⁾ Martin, Études sur le Timée, t. I., p. 6.

въ самомъ себѣ, большой предметъ — присутствіемъ въ немъ начала великости, малый — малости. Онъ приводилъ примѣры чиселъ — десяти и двухъ, и показывалъ способы ихъ образованія. Я остановлюсь на послѣднемъ примѣрѣ: анализъ одного факта покажетъ намъ отношеніе идеи къ явленію вообще. По нашимъ обыкновеннымъ понятіямъ мы говоримъ, что число два образуется черезъ прибавленіе одной единицы къ другой. Но по теоріи Платона это не такъ. Онъ рѣшительно отказывается понимать, — какимъ образомъ единица, представляющая собою извѣстную сущность, извѣстную природу, перестала быть сама собою, потеряла, такъ сказать, свою природу черезъ то, что рядомъ съ нею и подлѣ нея помѣстили другую точно такую же сущность, такую же природу. По его ученію единица сдѣлалась двумя потому, что она причастилась природы двойственного числа. Вѣдѣнная идея двойственности, коснувшись единицы, дала ей новое бытіе и новое имя. Какъ образовалось число два, такъ точно образуются всѣ видимые предметы и явленія: начало явленія, лежащее въ нашемъ чувственномъ мірѣ, воспринимаетъ въ себя, усваиваетъ себѣ въ извѣстной степени безсмертную, вѣдѣнную идею, или, по выраженію Платона, причащается (*μετέχει*) ея, и черезъ это реализуется, становится тѣмъ или другимъ единичнымъ бытіемъ. Идеи такимъ образомъ относятся къ явленіямъ, какъ причина къ слѣдствію; первый — дѣатели, послѣдніе — произведенія; идеи — первообразы, явленія — отблескъ, отраженіе идей. Само собою разумѣется, что полного и совершеннаго сходства между тѣми и другими не существуетъ; потому что явленія — не болѣе, какъ блѣдный снимокъ, слабое подобіе идей. Сходство тѣхъ и другихъ есть не что иное, какъ сходство настоящаго, дѣйствительнаго предмета и его копія, или живаго человѣческаго лица и его изображенія на портретѣ. Мы созерцаемъ небесныя идеи въ ихъ проявленіи, то есть въ нашихъ земныхъ предметахъ настолько полно и совершенно, насколько полно и совершенно видимъ сіяющее солнце сквозь накопченное стекло. Какимъ образомъ явленія видимаго міра причащаются природе невидимыхъ идей? Аристотель, разбирая ученіе объ этихъ предметѣ своего учителя, говоритъ, что способъ этотъ рѣш-

тельно необъяснимъ. ¹¹⁾ Но Платонъ и самъ отказывается отъ объясненія его; приводя примѣръ прекраснаго предмета, онъ говоритъ, что извѣстный прекрасный предметъ дѣлаетъ прекраснымъ не что иное, какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ, его приобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ оно ни происходило. (εἴτε παρούσα εἴτε χωρῶντα) Какимъ бы способомъ ни происходило, скажемъ и мы вѣстѣ съ Платономъ, приращеніе земнаго начала природы небесной идеи, — міръ видимыхъ явленій, при этомъ условіи, очевидно теряетъ свою самостоятельность. Предметы и явленія представляютъ въ такомъ случаѣ не бытіе, а моменты, временно существующія его формы, образуемая идеями. Только однѣ идеи обладаютъ дѣйствительнымъ бытіемъ и онѣ же однѣ его создаютъ, въ силу чего Платонъ называетъ ихъ въ одномъ мѣстѣ Тимея вѣчными божествами. Богъ, слѣдовательно, по этому ученію является, собственно говоря, не творцомъ, а только образователемъ, художникомъ міра. Онъ создаетъ міръ изъ самобытной, подобно ему вѣчно существовавшей матеріи черезъ посредство отъ вѣчности сотворенныхъ имъ идей.

Представимъ теперь сказанное нами объ идеяхъ и отношеніи ихъ къ міру явленій въ общихъ положеніяхъ. Идеи, по выраженію Аристотеля, суть всеобщее, отвлеченное отъ единичныхъ предметовъ, а по Платону — самостоятельныя, въ самихъ себѣ заключенныя сущности. Ихъ число — безконечное множество; ихъ мѣсто — вѣднмное пространство. Въ то время какъ предметы чувственные видимы, идеи невидимы; предметы представляютъ процессъ образованія и допускаютъ въ себѣ измѣненіе; идеи суть бытіе постоянное, (ἡ οὐσία ἦς λόγος διδόμεν τοῦ εἶναι) неизмѣнное и всегда равное самому себѣ (κατὰ ταῦτα ἔχει καὶ οὐδέποτε οὐδαμῆ οὐδαμῶς ἄλλοίωσιν οὐδεμίαν ἐνδέχεται.) Предметы допускаютъ смѣшеніе и отношеніе; идеи представляютъ единое, имѣющее отношеніе только къ самому себѣ (ἀεὶ αὐτῶν ἕκαστον ὃ ἔστι μονοειδὲς ἐν αὐτῷ καὶ αὐτό.) Идеи приемятся одною мыслью; (τῷ τῆς διανοίας

¹¹⁾ Met. I, 7, p. 999, c. 2; 991, c. 1.

λογισμῶ) мѣстопребываніе ихъ — умный міръ (τόπος νοητός.) Въ заключеніе, приведу два отрывка изъ Федра, содержащіе въ себѣ описаніе красоты небесныхъ идей, ихъ значенія въ дѣлѣ познанія и отношенія ихъ къ міру явленій. «Никакой поэтъ,» говоритъ Платонъ, «никогда не воспѣвалъ, и не сдумѣлъ бы достойнымъ образомъ воспѣть этого надзвѣзднаго пространства. (ὑπερουράνιον τόπον.) Это — область настоящаго бытія, — безъ цвѣта, безъ образа, бытія неосознаемаго, видимаго только уму, возническому души. Это — та область, гдѣ вокругъ истиннаго бытія покоится истинное знаніе. Мысль боговъ, которая питается этимъ проникновеніемъ въ истину (νῶ) и чистымъ, безпримѣснымъ знаніемъ, точно также какъ и каждая другая душа, получившая въ удѣлъ ей принадлежащее, любитъ отдаваться время отъ времени созерцанію этого истиннаго бытія, находя въ этомъ свою пищу и блаженство. Здѣсь души созерцаютъ самую справедливость, самую мудрость, самое знаніе; не то знаніе, — различное въ различныхъ предметахъ, которые мы называемъ существующими, но знаніе имѣющее предметомъ бытіе въ самомъ себѣ, — то, чтѣ представляетъ собою истинное, дѣйствительное бытіе.»¹²⁾

Человѣкъ долженъ понимать родъ, то есть разнообразіе, воспринимаемое нами посредствомъ чувствъ, которое можетъ быть обнято въ мысли какъ одно цѣлое. Знаніе же это есть не что иное, какъ припоминаніе душою того, что она созерцала нѣкогда, совершая небесныя странствованія свои вслѣдъ за божествомъ, когда она, презирая называемое нами теперь бытіемъ, возвышалась до созерцанія того, что представляетъ собою истинное бытіе.¹³⁾

Въ представленномъ мною очеркѣ ученія Платона объ идеяхъ, я коснулся этого предмета съ общей его стороны обобщиши многіе частныя, относящіеся сюда вопросы.¹⁴⁾ Каждому,

¹²⁾ Phaedrus, p. 247 C — E.

¹³⁾ Phaedrus, p. 249. В — С.

¹⁴⁾ Литература ученія Платона объ идеяхъ чрезвычайно обширна: всего, писаннаго объ этомъ предметѣ, — нѣтъ возможности и перечислить. Не

кто занимался философией Платона, известно, что его теория идей не чужда противоречий. Такъ напр. сотвореніе ихъ Богомъ утверждается на «Республикѣ.» Въ Тимееѣ — самомъ догматическомъ, и безспорно одномъ изъ послѣднихъ его произведеній — твореніе отрицается: здѣсь идеи признаются совѣчными божеству. Богъ создаетъ міръ изъ совѣчной ему матеріи, по образу независимо отъ него существовавшихъ вѣчныхъ идей. Точно также Платонъ дѣлаетъ различныя ихъ опредѣленія и противорѣчитъ себѣ иногда въ установленіи отношеній міра идеальнаго къ міру чувственному.¹⁵⁾ Я оставилъ въ сторонѣ всѣ эти частности, такъ какъ мнѣ нужно было познакомить моего читателя съ ученіемъ Платона объ идеяхъ настолько, насколько это необходимо для яснаго пониманія четвертаго доказательства. Я представилъ однѣ только генерическія черты ученія его объ этомъ предметѣ, то есть то, что въ немъ есть наиболѣе общаго. Перехожу къ анализу.

Новое доказательство безсмертія, называемое обыкновенно космоическимъ, все основано, какъ видитъ читатель, — на ученіи Платона объ идеяхъ. Самъ Платонъ придавалъ ему особенную важность, что видно изъ того, что онъ помѣстилъ его въ концѣ своихъ разсужденій, имъ заключилъ; ясно, что онъ признаетъ его болѣе совершеннымъ, чѣмъ всѣ предыдущія. Что же касается мнѣнія о немъ критики, то изслѣдователи

буду упоминать о сочиненіяхъ Риббинга — *Genetische Darstellung der Platonischen Ideenlehre*, II B. Leipzig, 1863, 64, и Фулье: *La Philosophie de Platon: exposition, histoire et critique de la théorie des idées*, Paris, 1869, II vol. (Предполагаю эти сочиненія известными даже читателю неспеціалисту.) Я назову только нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, которыми я пользовался какъ пособіемъ при изученіи предмета. а) Faehse: *De ideis Platonis*, Lipsiae, 1795. б) Ebben: *de Platonis idearum doctrina*, 1849, Воннае. в) Nourrison: *Exposition de la théorie Platonienne des idées*, Paris, 1858 г. д) Nourrison: *Quid Plato de ideis senserit*, Lut. Paris. 1862. е) Graser: *Ueber Plato's Ideenlehre*, Torgau, 1861. ф) Trendelenburg: *Platonis de ideis et numeris doctrina*, Lipsiae, 1826. Въ русской литературѣ можно указать на статью — (неоконченную) «Нѣчто объ идеяхъ Платона.» Москвитянинъ, 1843 г. ч. IV, № 8. Сверхъ того объ этомъ предметѣ подробно говорится у Сковрцова — въ разныхъ мѣстахъ сочиненій его о Протагорѣ, Менонѣ и Фаететѣ.

¹⁵⁾ Шлегель, ист. фил. стр. 86.

расходятся въ оцѣнкѣ его философскаго достоинства. Ш т а л ь б а у м ь , Ш т е й н г а р т ь и Б и ш о ф ь признають за нихъ серьезное значеніе въ разрѣшеніи вопроса о безсмертіи; другіе критики гораздо менѣе къ нему благосклонны, если не совершенно уничтожаютъ его. Такъ напр. Т и д е м а н н ь говоритъ слѣдующее: *dyas, quamdiu est dyas, transire in numerum impariorem nequit. addita tamen unitate perit dyas et prodit numerus impar ternarius. Anima igitur, quae semper secum affert vitam, quamdiu est anima, mortis omnino est expers; at semper eam esse Plato non demonstravit, adeoque totum corrui argumentum.* Согласно съ этимъ и мнѣніе Т е н н е м а н н а : доколѣ душа существуетъ, — къ ней не приходится предикать небытія; другими словами, — душа существуетъ, доколѣ существуетъ. Подобнымъ же образомъ разсуждаютъ и другіе. К у н а р д ь говоритъ, что доказательство ровно ничего не доказываетъ въ силу того, что Платонъ послѣ всѣхъ разсужденій призываетъ на помощь непреходящее бытіе Бога и идей. Съ этими критиками согласенъ въ главныхъ основаніяхъ и Б у х е р ь , который выставляетъ еще и то, что доказательство, — если бы даже признать его удовлетворительнымъ, — слишкомъ обширно; потому что оно равно доказываетъ безсмертіе душъ животныхъ и растений, и слѣдовательно имѣетъ пантеистическій характеръ. Я привелъ возраженія критики противъ доказательства Платона; теперь изложу замѣчанія, которыя дѣлаетъ на нихъ Бишофъ: сопоставленіе противоположныхъ взглядовъ лучше всего раскроетъ намъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя его стороны. Оспаривая силу вышеприведенныхъ аргументовъ, Бишофъ весьма справедливо останавливаетъ вниманіе читателя на томъ, что Платонъ не заключилъ доказательства, какъ скоро ему уступили *ἀθάνατον*; онъ доказываетъ далѣе, что *ἀθάνατον* должно быть *ἀδιάρητον*. Этими онъ показываетъ то, что душа, не просто только, доколѣ она остается душою, есть *ἀθάνατον*, но что это *ἀθάνατον*, представляющее собственную ея сущность, исключаетъ всякій родъ уничтоженія; потому что, хотя число два перестаетъ быть четнымъ, какъ скоро къ нему прибавится единица и черезъ это образуется три, но *ἀθάνατον* не принадлежитъ къ этому роду

сущностей. Идея жизни, въ которой душа имѣетъ участіе, и черезъ которую она есть то, что есть, дѣлаетъ доступъ къ ней противоположнаго начала, то есть смерти — невозможнымъ. Если мы будемъ принимать разрушеніе, уничтоженіе за процессъ, въ которомъ можно представлять развитіе отъ смерти къ жизни, то даже приступъ его къ душѣ невозможенъ, потому что вмѣстѣ съ этимъ въ ней должно быть принято извѣстное свойство, которое противорѣчитъ всему существу ея, какъ чему-то такому, что въ отличіе отъ всего другого живущаго, — только въ силу своей жизни есть то, что есть. И такъ, число два можетъ перестать быть четнымъ, какъ скоро перестанетъ быть двумя, но душа не можетъ перестать быть живою; потому что смерть не можетъ придти безъ умирающаго, т. е. безъ предшествующаго дѣйствія, которое, какъ переходъ отъ жизни къ смерти, противорѣчитъ понятію души. ¹⁶⁾ Теперь мы должны остановиться на замѣчаніи Бухера, что доказательство по характеру своему слишкомъ обширно, что изъ него можно точно также выводить безсмертіе души животныхъ и растеній, какъ и душъ человѣческихъ. И здѣсь я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Бишофа, который говоритъ, что хотя мы не находимъ у Платона прямого разъясненія этого, тѣмъ не менѣе однако вопросъ не трудно разрѣшить на основаніи началъ самаго же Платона. Душа человѣческая иначе принимаетъ участіе въ идеѣ жизни, нежели душа животныхъ и растеній. Душа человѣческая сама возвышается въ мышленіи до идеальнаго, выходящаго за предѣлы конечнаго, слѣд. — до первоначальнаго, дѣйствительно существующаго бытія — въ идеѣ; душа животныхъ имѣетъ бытіе черезъ дѣйствительно существующее — идею, но бытіе, ограниченное предѣлами матеріальнаго. Такимъ образомъ душѣ человѣческой, въ отличіе отъ души животной и растительной, принадлежитъ безусловное, неограниченное предѣлами матеріальнаго бытіе; и какъ скоро доказательство утверждаетъ за ней и то, что она должна быть вѣчно живущей, то это также необходимо входитъ въ

¹⁶⁾ Бишофъ, Plato's Phaedon, S. 332.

понятіе о ней, и слѣдовательно то уничтоженіе ему противорѣчило бы. Другое возраженіе, приводимое противъ нашего доказательства тѣмъ же критикомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Бухеръ говоритъ, что такъ какъ доказательство это основано на ученіи объ идеяхъ, то оно падаетъ вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ. Здѣсь я рѣшительно не согласенъ съ Бишофомъ, по мнѣнію котораго сила настоящаго доказательства вовсе не зависитъ отъ того или другаго опредѣленія идей, отъ представленія ихъ тѣмъ или другимъ бытіемъ. Вотъ его слова. «Что доказательство это утверждается на ученіи объ идеяхъ справедливо, но однако не на принятіи того или другаго ихъ бытія. Что идеи существуютъ, что онѣ даже рѣшительно во всемъ вообще, (въ видимомъ бытіи — *an allem, was ist*) суть нѣчто дѣйствительно существующее (*das wahrhaft Seiende*) — это едва ли кто нибудь станетъ отрицать, кромѣ тѣхъ, которые считаютъ видимость необходимою принадлежностью бытія. Если мы только примемъ, что то истинно существуетъ, что всегда остается неизмѣнно, какъ наприм. прекрасное, которое всегда одно и то же, тогда какъ явленіе можетъ измѣняться, — то мы вмѣстѣ съ этимъ признаемъ реальность идей. Разумѣется, что идеи не составляютъ *posterius*, а *prius*; такъ что каждое явленіе предполагаетъ уже то, что въ немъ проявляется, какъ напр. ничто единичное не могло бы быть прекраснымъ, если бы не существовало прекраснаго въ самомъ себѣ. Необходимо ли для идеи проявленіе въ вещахъ, — это вопросъ второстепенный; но во всякомъ случаѣ реальность идей не зависитъ отъ того, — припишемъ ли мы имъ то или другое бытіе или имманентность въ предметахъ. Точно такимъ же образомъ вопросъ: можетъ или не можетъ душа существовать безъ тѣла, не представляетъ перваго вопроса, на который нужно отвѣчать; вопросъ этотъ — о реальности души. И какъ скоро реальность души показана, — что Платонъ сдѣлалъ въ предыдущихъ доказательствахъ, и особенно въ этомъ послѣднемъ, — то далѣе уже можно изслѣдовать: слѣдуетъ ли принимать безтѣлесное существо души, или ея новое тѣло? но нельзя поставять въ зависимость отъ разрѣшенія этого вопроса

реальности самой души.»¹⁷⁾ То или другое опредѣленіе идей, какъ читатель видитъ изъ цитированнаго мѣста, по мнѣнію Бишофа, не составляетъ существенной стороны въ нашемъ доказательствѣ. Я думаю совершенно иначе. Крайне странно было бы утверждать за идеями реальную дѣйствительность, если принимать ихъ только въ томъ значеніи, какое усвоено имъ новою философіей. Бишофъ выставляетъ прихѣръ прекраснаго предмета и говоритъ, что какъ скоро мы объясняемъ его бытіе проявленіемъ въ немъ начала прекраснаго въ самомъ себѣ, то мы этимъ самымъ признаемъ реальность идеи прекраснаго. Но, въ этомъ прихѣрѣ реальность, очевидно, принимается не въ прямомъ, то есть, не въ собственномъ своемъ значеніи. Это не болѣе — какъ реальность для нашего мысленнаго представленія, логическое отвлеченіе, превращаемое нами въ реальную дѣйствительность, по невозможности анализировать предметъ до послѣднихъ его основаній; потому что мы не знаемъ, — что такое прекрасное въ самомъ себѣ? Признать за началомъ прекраснаго, точно также какъ и за другими идеями, положительную дѣйствительность, въ смыслѣ внѣмысленнаго и внѣпредметнаго бытія, возможно не иначе, какъ опредѣливъ его реальную сущность, показавъ его бытіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ бытіе предметамъ, что, конечно сдѣлать очень нелегко. А если такъ, то Бухеръ совершенно правъ, говоря, что доказательство это падаетъ вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ — ученіемъ объ идеяхъ; потому что у Платона все на немъ основано. Онъ предпосилаетъ окончательному выводу о душѣ, какъ о жизненномъ началѣ, обширное разсужденіе объ идеяхъ, при чемъ придаетъ реальную дѣйствительность даже такимъ понятіямъ какъ числа, превращая ихъ въ сущности, — въ самостоятельное, отвлеченное отъ предметовъ бытіе. Бишофъ ссылается на то, что Платонъ показалъ реальность души въ предыдущихъ доказательствахъ, и особенно — въ послѣднемъ. О предыдущихъ я скажу ниже; что же касается ссылки его на послѣднее, въ которомъ эта реальность будто бы показана больше чѣмъ въ другихъ, то признаюсь откровенно, что это сужденіе

¹⁷⁾ Бишофъ, *Plat. Phaed.* S. 333 fg.

его меня даже удивляетъ. Въ такомъ случаѣ, очевидно, что вопросъ о реальности и предметномъ бытіи самыхъ идей не только получаетъ огромное значеніе, но становится *conditio, sine qua non*; такъ какъ душа въ настоящемъ доказательствѣ очевидно принимается не только за нѣчто аналогическое съ идеями, но положительно однородное съ ними; и слѣдовательно идеи, принимаемыя въ другомъ, въ нашемъ значеніи слова, не прибавляютъ ровно ничего къ утвержденію понятія реальности души; потому что силлогизмъ Платона очень ясенъ. Какъ всякая идея вообще — доколѣ остается сама собою — не можетъ воспринять въ себя противоположную ей другую, такъ и душа, которой идея есть жизнь, не можетъ воспринять въ себя противоположнаго жизни начала — смерти. А какъ скоро мы отвергаемъ теорію идей, въ смыслѣ самостоятельныхъ предметныхъ единицъ, то очевидно, что и доказательство, на немъ основанное, теряетъ для насъ значеніе въ цѣломъ. Тѣмъ не менѣе однакожь, несостоятельное въ цѣломъ, оно даетъ намъ новый фактъ для разрѣшенія вопроса о безсмертіи. Фактъ этотъ — понятіе о душѣ, какъ о жизненномъ началѣ, приносящемъ съ собою жизнь всюду, къ чему только оно приближается. На чемъ утверждается это понятіе о жизненности души? Отвѣчаю: оно заключается уже въ предыдущихъ доказательствахъ, и есть окончательный выводъ изъ всего сказаннаго доселѣ. Платонъ не опредѣлилъ, да и не могъ опредѣлить сущности души; въ *Федръ* онъ указываетъ прямо и положительно на эту невозможность, говоря, что опредѣленіе это доступно только уму божественному, а не человѣческому.¹⁸⁾ Но, мы видѣли въ третьемъ доказательствѣ, что онъ изображалъ ее, какъ нѣчто аналогическое съ тѣмъ, что божественно, и безсмертно, и приемлемо только мыслию, и просто, и неразрушимо и неизмѣнно. По аналогіи, слѣдовательно, съ свойствами божественнаго и безсмертнаго, душа должна носить начало жизни въ самой себѣ, въ лонѣ своей собственной природы. Какъ скоро Платонъ утвердилъ, сверхъ того, въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ — понятіе неизмѣнности и одинаковости существа души во

¹⁸⁾ *Phaedr.* p. 246 A.

всѣхъ людяхъ, какъ скоро онъ указалъ на ея повелительную роль въ нашей жизни, то это — неизмѣнность сущности и способность повелѣвать — само по себѣ уже показываетъ въ ней живое начало, потому что съ одной стороны истинное бытіе принадлежитъ только неизмѣнному, а съ другой — это неизмѣнное, имѣющее возможность становиться въ противорѣчіе съ тѣломъ, необходимо носить въ себѣ начало внутренней жизни, выражающейся этимъ самымъ свойствомъ ея, т. е. способностью опредѣлять себя къ дѣйствию, независимо отъ побужденій тѣла. Само собою разумѣется при этомъ, что, опредѣляя въ настоящемъ доказательствѣ душу какъ идею жизни, Платонъ не могъ не принимать въ соображеніе при другихъ основаніяхъ и факта общаго сознанія людей, соединяющаго всецѣло и неразрывно съ идеей души идею жизненнаго начала. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же поэтическимъ, созерцательнымъ характеромъ генія его, о которомъ мы говорили выше. Онъ всегда полагаетъ нѣчто безусловно-истинное, помимо анализа первыхъ основаній: справедливое, прекрасное, доброе и подобныя идеи для него неотрицаемое бытіе, которое онъ полагаетъ въ основу всякаго мышленія. Точно такъ, какъ въ разсужденіи объ идеяхъ вообще, онъ разсуждаетъ и въ настоящемъ вопросѣ. «Всегда ли душа, что бы она ни заняла, приноситъ жизнь тому, къ чему приходитъ?» спрашиваетъ онъ, и затѣмъ даетъ положительный отвѣтъ, оставляя безъ анализа понятіе жизни и жизненнаго начала. Душа, слѣдовательно, по общему сознанію людей, есть жизнь — по существу и какъ носительница и хранительница жизни она всецѣло и безусловно исключаетъ въ себѣ возможность смерти. Она не можетъ умереть, потому что жизнь составляетъ глубочайшую основу ея природы, правильнѣе и точнѣе, — самую ея природу, ея сущность, — нѣчто такое, безъ чего ея рѣшительно невозможно представить. Уничтоженіе въ ней жизни было бы уничтоженіемъ не атрибута или свойства ея, а самаго ея бытія, такъ какъ она — ничѣмъ не обусловленная и ни отъ чего не зависящая жизнь въ самой себѣ, — начало и основа всего живого, суть и идея жизни. Идея по существу своему безсмертна и неразрушима. Ясное дѣло, что и идея жизни, — а слѣдовательно и

субстанціальная носительница и хранительница ея душа — не может разрушиться; или, оставаясь сама собою, превратится въ противоположную себѣ другую идею — идею смерти.

Этими немногими замѣчаніями я оканчиваю анализъ четвертаго доказательства, составляющаго заключеніе собственно философской части Федона. Слѣдующая глава представитъ намъ мнѣ о посмертномъ состояніи душъ, и затѣмъ окончаніе исторической части діалога — описаніе послѣднихъ минутъ и смерти Сократа.

ГЛАВА IX.

Нравственный выводъ изъ идеи безсмертія. — Мнѣе о переселеніи душъ. —
Замѣчанія о мнѣе. — Окончаніе исторической части діалога: смерть Сократа.

Если душа дѣйствительно безсмертна, то какой отсюда нравственный выводъ? Очевидно, что она должна составлять для человѣка предметъ самыхъ большихъ заботъ въ теченіе всей его жизни и опасность, если кто станетъ этими заботами пренебрегать, чрезвычайно велика. Если бы смертію тѣла все оканчивалось, то для людей порочныхъ это было бы благо; но такъ какъ душа безсмертна, то единственное спасеніе ея отъ ожидающихъ ее въ будущемъ золъ, — сдѣлаться въ теченіе земной жизни возможно болѣе мудрой и добродѣтельной.

И такъ, посмертная судьба души состоитъ въ тѣсной связи съ ея нравственными качествами, — съ тѣмъ или другимъ направленіемъ, усвоеннымъ ею въ теченіе жизни. Это сообщаетъ идеѣ безсмертія чисто-практической характеръ и ставитъ образъ дѣйствій человѣка въ прямую зависимость отъ его убѣжденія. Не довольно признавать истину безсмертія въ теоріи: нужно еще жить такъ, чтобы вся жизнь человѣка служила приготовленіемъ къ той жизни, которая одна можетъ удовлетворить безсмертную душу. И не только окончательное рѣшеніе загробной судьбы душъ, но и то, что каждая испытываетъ тотчасъ и немедленно по разлученіи съ тѣломъ, — самый переходъ души въ другой міръ обуславливается и опредѣляется ея нравственнымъ характеромъ. Сократъ излагаетъ —

МИОЪ О ПОСМЕРТНОМЪ СОСТОЯНІИ ДУШЪ.

Какъ скоро человекъ умираетъ, то духъ или демонъ, который былъ его хранителемъ въ теченіе земной его жизни, провожаетъ его въ то мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются по смерти всѣ вообще души для выслушанія своего приговора. По окончаніи суда онѣ сходятъ въ адъ подъ предводительствомъ одного общаго, назначеннаго для этого вождя, и, отбывъ тамъ урочное, опредѣленное для каждой, время, возвращаются, предводимыя другимъ вождемъ, снова въ земной міръ. Путь, которымъ онѣ сходятъ въ адъ, вопреки Эсхилу, долженъ имѣть, по мнѣнію Сократа, много раздѣленій и поворотовъ. Иначе, нельзя понять, почему онѣ нуждаются въ проводникахъ при своемъ отправленіи: на прямомъ и открытомъ пути нѣтъ возможности заблудиться. Въ этой же догадкѣ, — въ томъ, что дорога, ведущая къ аду, — непрямая и не одна, Сократа убѣждаютъ также погребальные церемоніи и обычаи грековъ. Нравственное различіе душъ обнаруживается, какъ мы замѣтили выше, тотчасъ и немедленно, при самомъ началѣ схождения ихъ въ адъ. Душа благонравная и мудрая слѣдуетъ за вождемъ охотно, такъ какъ ей не безызвѣстенъ ожидающій ее жребій; но та, которая увлекалась въ теченіе земной жизни чувственными удовольствіями, остается долго на землѣ, витая вокругъ могильнаго кургана, въ которомъ погребено ея тѣло; и только послѣ долгаго сопротивленія сходитъ въ подземный міръ, увлекаемая насильно своимъ проводникомъ. Души этого послѣдняго рода, — осквернившія себя любовью къ тѣлесному, — достигая мѣста, гдѣ совершается судъ, принимаются всѣми враждебно: ни одна не желаетъ входить съ ними въ какое бы то ни было общеніе. Тогда, предавшись отчаянію, порочная душа испытываетъ всевозможныя бѣдствія, блуждая одинокою въ подземномъ мірѣ, и по окончаніи долгихъ и длинныхъ періодовъ страданій, отводится, — иногда вопреки своему желанію, — въ то жилище, которое она должна занимать, сообразно

своему настроенію, выработанному ею въ теченіе земной жизни. А души людей, проводившихъ земную жизнь въ воздержаніи и чистотѣ, получаютъ, въ противоположность первымъ, въ удѣлъ такіа жилища, которыя составляютъ награду ихъ подвиговъ.

Изображеніемъ странствованія душъ въ подземномъ мірѣ заканчивается первая часть мифа: вторая представляетъ описаніе различныхъ мѣстностей земли. Начиная разсказъ, Сократъ прежде всего выражаетъ свое убѣжденіе въ томъ, что сложившееся у философовъ представленіе о землѣ — невѣрно. Онъ думаетъ, что она представляетъ много удивительныхъ мѣстъ, и что вообще какъ по своему виду, такъ и по величинѣ она далеко не такова, какою обыкновенно ее изображаютъ. На просьбу, предложенную ему Симміасомъ, — высказать по этому предмету свой взглядъ, — Сократъ отказывается отъ подробнаго описанія земли, такъ какъ остающіеся ему часы жизни слишкомъ для этого недостаточны, но выражаетъ готовность сообщить своимъ слушателямъ объ этомъ предметѣ въ общихъ чертахъ. Первый вопросъ, который онъ поставляетъ, приступая къ разсказу, — это вопросъ о силѣ, помощію которой земля держится въ воздухѣ. По мнѣнію Сократа, это происходитъ отъ двухъ причинъ — одинаковаго повсюду свойства неба и равновѣсія самой земли. Переходя затѣмъ къ вопросу о ея величинѣ, — онъ думаетъ, что она чрезвычайно-велика по протяженію, и что мы населяемъ только малую часть ея, отъ Фазиса до геркулесовыхъ столбовъ, расположившись вокругъ моря, какъ муравьи или лягушки вокругъ болота. Точно такіа же мѣстности, — на оконечностяхъ земли, представляющихъ собою углубленія, занимаютъ и другіе народы. Въ эти низменныя мѣстности различной формы и величины стекаютъ обыкновенно вода, туманы и воздухъ. Настоящая же, дѣйствительная земля совершенно чиста и лежитъ посреди чистыхъ небесъ, на которыхъ находятся свѣтила, называемыя эфиромъ; а элементы, стекающіе въ низменности, составляютъ основу, на которой покоится эфиръ. Люди, живущіе въ земныхъ углубленіяхъ, не замѣчаютъ, гдѣ они живутъ и думаютъ, что они населяютъ дѣйствительную, настоящую землю. Это совер-

шенно похоже на то, какъ еслибы кто нибудь, живя въ глубинѣ моря, воображалъ бы, что онъ живетъ на его поверхности, и принималъ бы видимыя имъ сквозь водяную влагу солнце и небесныя свѣтила за настоящее небо. Очевидно, что такой человекъ не могъ бы составить себѣ понятія о томъ, — насколько мѣста, занимаемыя нами, чище и прекраснѣе тѣхъ, въ которыхъ живетъ онъ. Точно такимъ образомъ обитатели земныхъ измѣнностей, созерцая небо сквозь среду воздуха, принимаютъ воздухъ за самое небо, какъ будто бы текущія въ воздушномъ пространствѣ свѣтила представляли собою настоящее небо. А между тѣмъ увидѣть истинное, дѣйствительное небо человекъ могъ бы только тогда, если бы онъ получилъ возможность подняться подобно птицѣ на оконечныя высоты воздушнаго пространства; потому что только тамъ находится истинное небо, истинный свѣтъ и настоящая земля. Что же касается мѣстностей, на которыхъ живемъ мы, то все, находящееся въ этихъ мѣстностяхъ, повреждено и извѣдено, подобно тому какъ извѣдено морскою солью все находящееся въ глубинѣ моря. Надѣ морскомъ нѣтъ ничего цѣннаго, ничего совершеннаго: пещеры, песокъ, глубокая грязь и нечистота — все это не идетъ ни въ какое сравненіе съ красотою нашихъ мѣстъ, точно такъ какъ все находящееся у насъ — бѣдно и ничтожно сравнительно съ красотою мѣстностей, лежащихъ на оконечныхъ высотахъ воздушнаго пространства. Сократъ предлагаетъ собесѣдникамъ послушать его рассказъ объ этихъ мѣстностяхъ земли, и, какъ скоро они изъявили готовность слушать, начинается такъ.

Земля, если бы кто нибудь сталъ разсматривать ее съ воздушной высоты, представляетъ такой видъ, какой имѣютъ шары, состоящіе изъ двѣнадцати разноцвѣтныхъ кожъ. Это — непрерывная смѣна и игра самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, которые, будучи первообразомъ нашихъ земныхъ, далеко превосходятъ ихъ блескомъ и чистотой. Ея неизмѣнныя мѣстности, въ которыя собираются воды и воздухъ, также отражаютъ различные цвѣта, такъ что вся земля представляетъ непрерывное ихъ измѣненіе. На этой землѣ произрастаютъ точно въ такомъ же соотношеніи

между собою (*ἀνὰ λόγον*) деревья, цвѣты и плоды, а прозрачныя горы и камни ея отличаются блескомъ и восхитительными цвѣтами. Въ то время какъ наши драгоценныя камни — сердолики, яшмы и изумруды встрѣчаются у насъ только въ видѣ малыхъ частицъ, тамъ — они обыкновенное явленіе. Различіе это происходитъ отъ того, что камни той земли не изъѣдены и не повреждены какъ наши гнилыми осадками и морскою солью. На дѣйствительной же, настоящей землѣ всѣ эти драгоценныя камни, также какъ золото и серебро разсѣяны огромными массами по всему ея пространству, такъ что созерцаніе этой земли составляетъ восхитительное зрѣлище блаженныхъ душъ. На землѣ этой, точно также какъ и на нашей, водятся многочисленныя породы животныхъ и живутъ люди, — одни посрединѣ ея, другіе — вокругъ предѣловъ воздушнаго пространства, какъ мы вокругъ моря, иные — на островахъ, окруженныхъ воздухомъ. Воздухъ у жителей настоящей, дѣйствительной земли замѣняетъ собой нашу воду и море, а эфиръ — воздухъ. Ихъ времена года отличаются такимъ благоразвореніемъ, что они не знаютъ болѣзней и живутъ гораздо долѣе живущихъ на землѣ. Превосходя насъ совершенствами безболѣзненности и долговѣчности, они превосходятъ насъ и чувствами физическими, также точно какъ способностями ума, и превосходятъ въ той степени, въ какой воздухъ превосходитъ чистотою воду, а эфиръ — воздухъ. Въ священныхъ рощахъ и храмахъ ихъ присутствуютъ видимыя, осязательныя образы боги; люди видятъ ихъ тамъ чувственнымъ образомъ, слышатъ ихъ голоса и получаютъ отъ нихъ откровенія. Солнце, луна и звѣзды имъ представляются тамъ такими, каковы они въ самой дѣйствительности; и блаженство ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ же полно и совершенно.

Всѣ окраины земли, представляющія, какъ сказано выше, низменности, очень разнообразны по своему очертанію: одні болѣе глубоки, но менѣе открыты; другія болѣе обширны, но менѣе углублены. Подъ окраинами земли, въ глубинѣ ея нѣдра, всюду проходятъ соединяющіяся между собою отверстія, черезъ которыя льется громадная масса водъ, — холодныя, горячія, огненные и грязныя потоки. Представляя огромное водохранилище, изъ ко-

того наполняются водой всѣ наши мѣстности, эти подземные потоки движутся вверхъ и внизъ, какъ будто бы сама земля заключала въ себѣ равномѣрное въ обѣ стороны колебаніе. Одно изъ этихъ подземныхъ отверстій превосходитъ величиною всѣ другія, проходя непрерывно черезъ всю землю. Это — та самая бездна, которую Гомеръ и другіе поэты называютъ тартаромъ. Сюда, — въ эту страшную бездну стекаются всѣ наши рѣки и отсюда же вытекаютъ опять. Огромное собраніе водъ ее наполняющихъ не имѣетъ ни дна, ни основанія: вся эта масса воды держится въ висячемъ положеніи въ воздухѣ и кипитъ волеми вверхъ и внизъ, попеременно бросаясь то къ той, то къ этой сторонѣ земли, при чемъ каждый разъ устремленіе ея волею сопровождается неизобразимо страшными порывами вихря. Стремительно бросаясь на то мѣсто, которое мы называемъ низиномъ, она протекаетъ сквозь землю, наполняя собой рѣки и источники. Бросаясь стремительно снова назадъ, она наполняетъ точно такимъ же образомъ наши собранія водъ, которыя потоки образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Уходя отсюда сквозь землю опять, вся эта масса водъ снова изливается въ тартаръ, при чемъ всѣ вообще теченія ея впадаютъ ниже того мѣста, откуда выходятъ; и притомъ одни изъ нихъ впадаютъ со стороны, противоположной той, откуда выходятъ, а другіе съ той же самой; нѣкоторыя же изъ нихъ описываютъ въ движеніи своемъ кругъ, обвиваясь по-нѣскольку разъ вокругъ земли на подобіе змѣй. Изъ водныхъ теченій земли, отличающіеся своимъ протяженіемъ, наиболѣе извѣстныхъ четыре. Самое обширное, обтекающее землю между крайними ея предѣлами, есть океанъ. Насупротивъ его, въ противоположномъ направленіи, течетъ въ пустынномъ мѣстѣ рѣка Ахеронъ, впадающая въ африканское озеро. Это то самое озеро, куда сходятъ души умершихъ, и откуда онѣ, по истеченіи извѣстнаго времени, высятся снова въ поколѣнія живыхъ. Третья рѣка принимаетъ начало между двумя первыми теченіями; протекая при самомъ началѣ своемъ черезъ мѣстность, пылающую сильнымъ огнемъ, она образуетъ озеро, превосходящее обширностью море и кипящее водою и грязью; обвиваясь въ круговомъ теченіи своемъ кругомъ

земли, она достигаетъ ахерузійскаго озера; но не сливается съ его волнами, а поворотивъ нѣсколько разъ подъ землею, впадаетъ въ самой низменной части тартара. Это — та самая рѣка, которая прорывается на землю повсюду, въ видѣ кипящихъ изверженій. Имя ея — Пирифлегетонъ. Четвертая рѣка, текущая со стороны противоположной Пирифлегетону, падаетъ въ страшномъ и пустынномъ мѣстѣ, которое все голубого цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое рѣкой — Стиксомъ. Излившись въ озеро и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы, она скрывается подъ землю и продолжаетъ течь, извиваясь кругами насупротивъ Пирифлегетона, съ которымъ встрѣчается у ахерузійскаго озера. Точно также какъ и волны Пирифлегетона воды ея не смѣшиваются ни съ какими другими: она изливается въ тартаръ насупротивъ Пирифлегетона. Имя этой рѣки, по сказанію поэтовъ, — Коцитъ.

Описаніе тартара составляетъ содержаніе второй части мѣа: третья и послѣдняя изображаетъ посмертное состояніе душъ. Какъ скоро души умершихъ соберутся въ извѣстномъ количествѣ въ извѣстномъ мѣстѣ — онѣ немедленно подвергаются суду, рѣшающему ихъ жребій. Души, которыхъ жизнь будетъ признана за нѣчто среднее между жизнью добродѣтельной и порочной, плывутъ на приготовленныхъ для нихъ ладьяхъ къ Ахерону и входятъ въ озеро, гдѣ несутъ очистительное наказаніе за преступленія, равно какъ и получаютъ награды за добрыя дѣла. Запятнавшія же себя многочисленными и важными преступленіями — святотатствами и убійствами, погружаются навсегда на самое дно тартара. Души же, осквернившія себя преступленіями, хотя и загладимыми, но важными, какъ напр. позволившія себѣ насиліе противъ отца или матери, и заглаждавшія потѣмъ всю остальную жизнь свой проступокъ раскаяніемъ, или же челоуѣкоубійцы, — хотя и попадаютъ въ тартаръ, но, по истеченіи извѣстнаго времени, выбрасываются волной — челоуѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы — въ Пирифлегетонъ. Достигая ахерузійскаго озера, къ которому приносятъ ихъ теченіе волны, онѣ умоляютъ обиженныхъ ими о помилованіи; если убѣдятъ, то входятъ въ озеро и освобождаются отъ золь;

а если нѣтъ, то попадаютъ обратно въ тартаръ и опять въ тѣ же самыя рѣвки, и это не прекращается для нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упрости обиженныхъ ими; потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души философовъ возносятся по окончаніи земной жизни на высокія мѣстности земли, — въ жилища блаженныхъ, а тѣ, которыя отличались чистотой жизни преимущественно передъ всѣми другими, получаютъ въ удѣлъ такія жилища, которыхъ красота — недоступна нивязкому описанію.

«Итъ въ виду то, что мы представили, говорить въ заключеніе Сократъ, надобно употреблять, любезный Симиасъ, всѣ труды и усилія, чтобы усвоить себѣ въ теченіе жизни добродѣтель и мудрость: награда прекрасна и надежда на нее велика! Утверждать положительно, что всѣ эти вещи точно таковы, какъ я ихъ описалъ, не прилично человѣку здраво-мыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, надобно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ; такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что рискъ этого рода прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни.»

По окончаніи собственно-философской части разсужденія, Сократъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ нравственный выводъ изъ идеи безсмертія. Выводъ этотъ предложенъ имъ слушателямъ въ формѣ совѣта — прилагать въ теченіе земной жизни возможно большія попеченія о душѣ. «Награда прекрасна,» говоритъ онъ желая пробудить въ нихъ духъ мужества, «и надежда на нее велика!» Мысли, высказанныя имъ по этому поводу, составляютъ переходъ отъ четвертаго доказательства къ миѳу. Приступая къ анализу этого послѣдняго, я прежде всего останавлиюсь на рѣзко бросающемся въ глаза противорѣчіи и его содержанія съ предыдущимъ миѳомъ метемпсихоса. Въ первомъ, говоря о посмертной судьбѣ душъ, прошедшихъ порочно земную жизнь, Платонъ утверждалъ, что многія изъ нихъ переселяются по смерти въ тѣла животныхъ, при чемъ тѣ или другія страсти или пороки, которыми

земли, она достигаетъ ахерузійскаго озера; но не сливается съ его волнами, а, поворотивъ нѣсколько разъ подъ землей, впадаетъ въ самой низменной части тартара. Это—та самая рѣка, которая прорывается на землю повсюду, въ видѣ кипящихъ изверженій. Имя ея — Пирифлегетонъ. Четвертая рѣка, текущая со стороны противоположной Пирифлегетону, падаетъ въ страшномъ и пустынномъ мѣстѣ, которое все голубого цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое рѣкой — Стиксомъ. Излившись въ озеро и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы, она скрывается подъ землю и продолжаетъ течь, извиваясь кругами насупротивъ Пирифлегетона, съ которымъ встрѣчается у ахерузійскаго озера. Точно также какъ и волны Пирифлегетона воды ея не смѣшиваются ни съ какими другими: она изливается въ тартаръ насупротивъ Пирифлегетона. Имя этой рѣки, по сказанію поэтовъ, — Коцитъ.

Описаніе тартара составляетъ содержаніе второй части мифа: третья и послѣдняя изображаетъ посмертное состояніе душъ. Какъ скоро души умершихъ соберутся въ извѣстномъ количествѣ въ извѣстномъ мѣстѣ — онѣ немедленно подвергаются суду, рѣшающему ихъ жребій. Души, которыхъ жизнь будетъ признана за вѣчто среднее между жизнью добродѣтельной и порочною, плывутъ на приготовленныхъ для нихъ ладьяхъ къ Ахерону и входятъ въ озеро, гдѣ несутъ очистительное наказаніе за преступленія, равно какъ и получаютъ награды за добрыя дѣла. Запятнавшія же себя многочисленными и важными преступленіями — святотатствами и убійствами, погружаются навсегда на самое дно тартара. Души же, осквернившія себя преступленіями, отя и загладиными, но важными, какъ напр. позволившія себѣ асиліе противъ отца или матери, и заглаждавшія потѣмъ всю остальную жизнь свой проступокъ раскаяніемъ, или же зловѣкоубійцы, — хотя и попадаютъ въ тартаръ, но, по истеченіи извѣстнаго времени, выбрасываются волной — челоуѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы — въ Пирифлегетонъ. Остигая ахерузійскаго озера, къ которому приносятъ ихъ темніе волны, онѣ умоляютъ обиженныхъ ими о помилованіи; ли убѣдятъ, то входятъ въ озеро и освобождаются отъ золь;

а если нѣтъ, то попадаютъ обратно въ тартаръ и опять въ тѣ же самыя рѣки, и это не прекращается для нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упрелятъ обиженныхъ ими; потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души философовъ возносятся по окончаніи земной жизни на высокія мѣстности земли, — въ жилища блаженныхъ, а тѣ, которыя отличались чистотой жизни, преимущественно передъ всѣми другими, получаютъ въ удѣлъ такія жилища, которыхъ красота — недоступна никакому описанію.

«Имѣя въ виду то, что мы представили, говоритъ въ заключеніе Сократъ, надобно употреблять, любезный Симиасъ, всѣ труды и усилія, чтобы усвоить себѣ въ теченіе жизни добродѣтель и мудрость: награда прекрасна и надежда на нее велика! Утверждать положительно, что всѣ эти вещи точно таковы, какъ я ихъ описалъ, не прилично человѣку здраво-мыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, надобно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ; такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что рискъ этого рода прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни.»

По окончаніи собственно философской части разсужденія, Сократъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ нравственный выводъ изъ идеи безсмертія. Выводъ этотъ предложенъ имъ слушателямъ въ формѣ совѣта — прилагать въ теченіе земной жизни возможно большія попеченія о душѣ. «Награда прекрасна,» говоритъ онъ, желая пробудить въ нихъ духъ мужества, «и надежда на нее велика!» Мысли, высказанныя имъ по этому поводу, составляютъ переходъ отъ четвертаго доказательства къ мнѣю. Приступая къ анализу этого послѣдняго, я прежде всего останавливаюсь на рѣзко бросающемся въ глаза противорѣчій его содержанія съ предыдущимъ мнѣемъ метемпсихоза. Въ первомъ, говоря о посмертной судьбѣ душъ, проводившихъ порочно земную жизнь, Платонъ утверждаетъ, что многія изъ нихъ переселяются по смерти въ тѣла животныхъ, при чемъ тѣ или другія страсти или пороки, которыми

увлекалась при жизни душа, обуславливаютъ собою ея переселеніе въ то или другое животное. Здѣсь онъ утверждаетъ отчасти противное предыдущему: здѣсь всѣ души умершихъ собираются въ извѣстное мѣсто и подвергаются суду, по окончаніи котораго получаютъ, сообразно заслугамъ, награды или подвергаются наказаніямъ. Какъ объяснить это противорѣчіе? Согласно принятому мною плану, я приведу сначала мнѣніе по этому вопросу критики. Штейнгартъ указываетъ на означенное противорѣчіе въ содержаніи обоихъ миеовъ, но отказывается отъ соглашенія того и другого. «Довольно странно при этомъ,» говоритъ онъ, «то, что Платонъ въ представленіи этихъ вещей (посмертной судьбы душъ) не остается даже вѣренъ самому себѣ въ одномъ и томъ же діалогѣ; потому что, въ то время какъ прежде онъ говорилъ, что души неочищенные, послѣ долгаго блужданія во-зврутъ своихъ могилъ, посылаются наконецъ въ тѣла животныхъ, а души людей добрыхъ переселяются въ животныхъ общительныхъ и мирныхъ, и потѣмъ опять превращаются въ людей, о переходномъ же состояніи и посмертномъ судѣ не было и рѣчи, — здѣсь, напротивъ, всѣ души, которыя не тотчасъ дѣлаются блаженными, должны прежде своего преобразования, то есть, прежде чѣмъ онѣ получаютъ новыя тѣла, — подвергаться очищеніямъ въ дѣ, а души порочныя должны послѣ долгаго блужданія придти наконецъ въ тартаръ, изъ котораго освобожденіе невозможно — уже черезъ превращеніе въ животныхъ.» ¹⁾ Бишофъ, рассуждая объ этомъ противорѣчій, старается согласить эсхатологическое мненіе того и другого миеа. «Ничего не значило бы,» говоритъ онъ, «если бы этотъ миеъ представлялъ еще большее отличіе отъ предыдущаго миеа нашего разговора, нежели какъ это есть въ мой дѣйствительности. Потому что, въ сущности, въ основѣ оныхъ лежитъ одно и то же представленіе, — а именно, что души добрыхъ наследуютъ божественную жизнь, то есть бытіе, отрѣнное отъ всякихъ условій чувственности и заключенное въ томъ себѣ, а души злыхъ, напротивъ, пребываютъ въ томъ состояніи, которое соотвѣтствуетъ ихъ стремленіямъ и наклонно-

¹⁾ Platon's sämmtl. Werke, B. IV. S. 455.

ствѣ, — но только имъ частію не достаѣтъ предмета для удовле- творенія своихъ желаній, а частію самый способъ, съ помощію котораго онѣ должны удовлетворять ихъ, служить для нихъ на- казаніемъ. Что въ первомъ мнѣіи души злыхъ побуждаетъ къ соединенію съ тѣломъ желаніе, а здѣсь ἀνάγκη — въ этомъ нѣтъ существеннаго различія, такъ какъ то и другое — ἀνάγκη — фи- зическая необходимость, и желаніе — слѣпое стремленіе природы, послушное только голосу чувственности, очень легко могутъ быть приняты за одно. А что здѣсь не такъ обстоятельно говорится о переселеніи душъ какъ тамъ, — потому что о немъ конечно упоминается, — это не должно насъ удивлять, потому что въ первомъ мнѣіи самое важное составляетъ отношеніе души къ тѣлу, тогда какъ здѣсь нужно было изобразить состояніе души по смерти вообще.»²⁾ Что касается до меня, то я, вопреки Штейн- гарту, рѣшительно не могу допустить, чтобы противорѣчіе обоихъ мнѣіевъ укрылось отъ вниманія самого Платона. Скажу болѣе. Я вижу слишкомъ большую странность со стороны самого Штейн- гарта въ томъ, что онъ допускаетъ возможность подобной стран- ности со стороны Платона. Равнымъ образомъ я не могу удовле- твориться и объясненіемъ Бишофа, которому хочется во что бы то ни стало примирить ученіе обоихъ мнѣіевъ. Я думаю, на- противъ, что въ этомъ примиреніи прежде всего рѣшительно нѣтъ необходимости. Пусть они будутъ еще дальше одинъ отъ другого по содержанію, — и все таки дѣло, то есть ученіе Пла- тона отъ этого не проигрываетъ въ достоинствѣ. Натяжка въ приведенномъ объясненіи Бишофа очевидна. Такъ напр. въ пер- вомъ мнѣіи Платонъ говоритъ, что душу, не очистившуюся въ земной жизни и носящую въ себѣ начала тѣхъ или другихъ пороковъ, побуждаетъ къ соединенію съ тѣломъ ἐπιθυμία — желаніе — страст- ная любовь къ тѣлесному, всюду за ней слѣдующему, а во второмъ судьбу всѣхъ вообще душъ рѣшаетъ ἀνάγκη — необхо- димость, — воля хранителя человѣческой души — демона, который, сопровождая къ мѣсту суда охотно повинующіеся ему души добрыя, увлекаетъ туда силою души злыхъ, побѣждая при этомъ

²⁾ Plato's Phaedon, S. 212 fg.

ъ трудомъ ихъ сопротивленіе. Бишофъ утверждаетъ, что здѣсь имѣетъ существеннаго различія, такъ какъ то и другое — слѣбое стремленіе, послушное только голосу чувственности и *ἀνάγκη* — физическая необходимость — очень легко могутъ быть приняты а одно. Но здѣсь существенная сторона вопроса не въ нравственномъ настроеніи, съ которымъ душа выходитъ изъ тѣла, а въ опредѣленіи силы, которая направляетъ ее въ то или другое мѣсто, а въ ея посмертной судьбѣ, — въ разрѣшеніи вопроса: что съ нею будетъ послѣ того, когда она окончитъ земную жизнь, — будетъ ли она подвергаться метемпсихическимъ мета-орфозамъ, странствуя по землѣ и переселяясь въ тѣла различныхъ животныхъ, или же перейдетъ по разлученіи съ тѣломъ въ другую область міра — мѣстопребываніе умершихъ, и получить въ удѣлъ тотъ или другой жребій, сообразно нравственному астроенію и заслугамъ той или другой? А въ такомъ случаѣ ротиворѣчіе въ содержаніи обоихъ мнѣевъ и различіе отвѣта в этотъ вопросъ въ первомъ и во второмъ такъ очевидны, что всякая попытка примирить и согласить оба ученія непременно будетъ искусственна, и возможна только при помощи большихъ натяжекъ въ объясненіи. Бишофъ замѣчаетъ, что во второмъ мѣстѣ только не такъ подробно говорится о переселеніи душъ, что о немъ во всякомъ случаѣ упоминается, и что, слѣдственно, оба мнѣя опять все таки согласны въ своемъ ученіи. Дѣйствительно, Платонъ въ одномъ мѣстѣ второго мнѣя дѣлаетъ признаніе на первый, говоря что душа, которая при жизни была тѣсно привязана къ тѣлу, не хочетъ идти въ подземный міръ, и только послѣ долгаго сопротивленія съ ея стороны отворяется туда насильно своимъ хранителемъ—демономъ. Но мы видѣли въ первомъ мнѣѣ, что многія души, одолѣваемыя страстною любовью къ тѣлесному, дѣйствительно заключаются въ тѣла животныхъ, проводятъ тамъ цѣлые циклы, цѣлые огромные промежутки времени и, слѣдовательно, подчиняются условіямъ жизни совершенно иной нежели та, которую создаетъ, какъ для души добродѣтельныхъ такъ и для порочныхъ, второй мнѣѣ. Противоположеніе такимъ образомъ въ ученіи о посмертной судьбѣ душъ не только не примиримо, и едва ли попытка Бишофа примирить это противно-

рѣчіе достигаетъ цѣли. Вишофъ очевидно обошелъ въ разрѣшеніи этого вопроса болѣе трудныя его стороны, и потому суть дѣла остается у него неразъясненною. Гораздо проще и, какъ мнѣ кажется, ближе къ существу дѣла можно принять въ этомъ случаѣ слѣдующее объясненіе. Соглашать и примирять указанное противорѣчіе, какъ я замѣтилъ выше, по моему мнѣнію, нѣтъ рѣшительно никакой необходимости. Платонъ не дѣлаетъ этого самъ: какое же начало положить въ основу соглашенія критика, и на чемъ будетъ основано въ этомъ случаѣ ея право? Я обращаю прежде всего вниманіе читателя на то обстоятельство, что Платонъ при изложеніи обоихъ миеовъ, точно также какъ и въ своихъ доказательствахъ безсмертія, какъ и вообще въ цѣломъ Федонѣ нигдѣ не говоритъ рѣшительнымъ, утвердительнымъ тономъ, который бы исключалъ въ немъ самую всякую возможность сомнѣнія. Онъ очень далеко отъ мысли выдавать сообщаемое имъ слушателямъ за непреложныя, аксіоматическія истины. Приводя оба миеа онъ излагаетъ не болѣе, какъ представленія народнаго чувства и народной фантазіи о посмертной судьбѣ человѣка, — излагаетъ слѣдовательно то, чему можно, чему прилично, чему наконецъ, на основаніи нравственныхъ требованій нашей природы, должно вѣрить. А если мы взглянемъ на вопросъ съ этой точки зрѣнія, то видимое противорѣчіе миеовъ устраняется совершенно. Каждая естественная религія въ такихъ глубочайшихъ вопросахъ, какъ напр. вопросъ о назначеніи человѣка и его посмертной судьбѣ представляетъ противорѣчія, и это — совершенно естественно. Религиозныя вѣрованія народа слагаются подъ влияніемъ цѣлаго ряда естественныхъ и историческихъ условий, подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ въ разные періоды времени, наконецъ испытываютъ на себѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, влияние чужеземныхъ, пришлыхъ началъ. Платонъ приводитъ въ Федонѣ параллельно два миеа, которыхъ предметъ одинъ и тотъ же — загробная жизнь, посмертная судьба душъ. Въ первомъ онъ говоритъ, что души людей, какъ добрыхъ такъ и злыхъ, переселяются по смерти въ тѣла животныхъ, во второмъ — что они предварительно подвергаются суду, и потомъ получаютъ награду

или несутъ наказанія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ мѣстахъ, сообразно своему нравственному характеру и заслугамъ. Мы видѣли въ анализѣ перваго мѣста — до какой степени ученіе метемпсихоса было распространено въ древнемъ мірѣ, и какую важную роль оно играло въ его религіозныхъ и философскихъ системахъ. Понятное дѣло, что разсуждая о загробной жизни — вопросъ, въ которомъ чисто критическое, отрѣшенное отъ авторитета положительной вѣры изслѣдованіе рѣшительно невозможно — Платонъ никакимъ образомъ не могъ обойти ученія, составлявшаго одинъ изъ самыхъ древнихъ и существенныхъ догматовъ религіозныхъ вѣрученій его времени. Рядомъ съ этимъ догматомъ онъ приводитъ другое преданіе, въ которомъ представленіе о посмертной судьбѣ душъ и вообще о загробной жизни получаетъ уже болѣе очищенную, одухотворенную форму. Здѣсь извѣстному нравственному характеру души, выработанному ею въ періодъ земной ея жизни, соответствуетъ умное мѣстопробываніе ея въ извѣстномъ, опредѣленномъ жилищѣ, и награды, также какъ и наказанія запечатлѣны, если можно такъ выразиться, болѣе спиритуальнымъ характеромъ. Платонъ — повторю опять — приводитъ параллельно два мѣста о загробной жизни, излагаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за другимъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ соглашенію ученія одного съ ученіемъ другого. Не замѣтить этого противорѣчія онъ рѣшительно не могъ; допустить возможность подобной ошибки у Платона — скажу прямо — было бы верхомъ смѣшного. Съ другой стороны, при чрезвычайной рѣзкости, съ которою указанное противорѣчіе бросается въ глаза, и необыкновенной трудности примирить и согласить то и другое ученіе, одинаково невозможно и то, чтобы онъ не обратилъ на это вниманія читателя самъ, и хотя бы двумя-тремя замѣчаніями не указалъ на то отношеніе, въ какомъ должны состоять оба эсхатологическіе мѣста. Припомнимъ нѣкоторыя мѣста Федона, гдѣ онъ поставляетъ вопросъ, — какую степень достовѣрности можно придавать народнымъ вѣрованіямъ о загробной жизни: представляютъ ли они для анализирующаго ума нѣчто непоколебимо твердое и положительное, или же только заключаютъ въ себѣ извѣстную долю возможнаго и вѣроятнаго?

«Утверждать,» говорит Сократъ въ заключеніе второго мнѣя, «что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, неприлично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, нужно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Такъ какъ душа дѣйствительно бессмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что самый рискъ въ этомъ случаѣ прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такіа волшебныя пѣсни.» На замѣчаніе Симміаса, что, послѣ всѣхъ разсужденій о бессмертіи, онъ все еще не признаетъ вопроса разрѣшеннымъ съ послѣдней очевидностью, и потому считаетъ необходимымъ сохранять въ душѣ нѣкоторое недоувѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ, Сократъ отвѣчаетъ: «не только должно, (имѣть недоувѣріе) но даже и первыя основанія — какъ бы они ни представлялись вамъ сильными — нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ; и когда вы ихъ достаточно изслѣдуете, тогда, какъ мнѣ кажется, будете держаться изложеннаго нами доказательства настолько твердо, насколько только человѣку возможно понимать подобныя вещи.» Припомнимъ еще одну мысль Симміаса. «Я думаю объ этомъ предметѣ, (о бессмертіи души) говоритъ онъ Сократу, можетъ быть точно такъ же, какъ думаешь и ты: достичь совершеннаго познанія его въ жизни настоящей или невозможно или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не изслѣдовать того, что о немъ обыкновенно говорятъ, и отставать прежде, нежели онъ будетъ рассмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ — это признакъ человѣка слабодушнаго.»

Вотъ какъ понимаетъ самъ Платонъ относительную степень силы и твердости своихъ философскихъ доказательствъ. Еще менѣе могъ онъ принимать рѣшительный тонъ тамъ, гдѣ его анализъ встрѣтился съ авторитетомъ вѣрованій. Какъ скоро онъ нашелъ въ нихъ противорѣчія, — онъ отказывается отъ критической оцѣнки сравнительнаго достоинства обоихъ ученій, и ограничивается простымъ изложеніемъ того и другого. Поставивъ свою задачу при изслѣдованіи вопроса о бессмертіи

διασκοπεῖν καὶ μυθολογεῖν, онъ остался ей вѣренъ и стремясь εὐρεῖν (истину) онъ въ тоже время считаетъ нужнымъ относительно ея и другой путь — μαθεῖν. И вотъ у него излагаются параллельно два миеа о будущей жизни: съ одной стороны мы видимъ метемпсихозъ, — самую древнюю, самую популярную, и можетъ быть первобытную форму, подъ которой проявилась въ челоуѣчествѣ идея безсмертія, а съ другой — болѣе очищенную, болѣе разумную, и, такъ сказать, болѣе одухотворенную форму того же представленія во второмъ миеѣ. Нравственная основа обоихъ — одна: это — соотвѣтствіе между посмертной судьбой челоуѣка и его заслугами въ земной его жизни. Излагая два противоположныя по своему характеру представленія о загробной жизни, Платонъ говоритъ какъ бы слѣдующимъ образомъ. «Та или другая участь ожидаетъ челоуѣка по смерти — будетъ ли онъ подвергаться метемпсихическимъ метаморфозамъ, или же продолжать существованіе подъ другими формами бытія — несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что на долю добродѣтельныхъ выпадетъ лучшій, а на долю порочныхъ — худшій жребій.» Догматическая сторона миеовъ представляетъ очевидное и рѣшительно несогласимое противорѣчіе; но нравственное, практическое значеніе обоихъ — одно и то же. Въ томъ и другомъ полагается какъ нѣчто безусловное — продолженіе существованія душъ по смерти; въ томъ и другомъ посмертное существованіе — лучшій или худшій жребій душъ — опредѣляется характеромъ и заслугами ихъ въ ихъ земной жизни. Выводъ въ обоихъ случаяхъ одинъ: «живи согласно съ требованіями совѣсти, не дѣлай ближнему зла, и ты будешь такъ или иначе, въ той или другой формѣ наслаждаться блаженствомъ по смерти.» Нравственныя требованія и задачи жизни — цѣль и суть всѣхъ разсужденій Сократа о безсмертіи — находятъ одинаковое оправданіе какъ при одномъ такъ и при другомъ представленіи загробной жизни, и въ нравственной основѣ обоихъ миеовъ заключается ихъ примиреніе. Изъ какихъ элементовъ сложилось ученіе Платона о посмертной судьбѣ душъ, излагаемое во второмъ миеѣ? Отвѣтить на это съ положительной точностью, разложить миеѣ на его составныя начала и опредѣлить въ немъ доли различныхъ, вошедшихъ въ составъ его элементовъ, нѣтъ

рѣшительно никакой возможности. Несомнѣнно однако то, что главную основу его составляютъ народныя вѣрованія. Но такъ какъ эти послѣднія видоизмѣнялись у грековъ подѣ влияніемъ поэзій и мистерій, то естественно, что миѣе не представляетъ ихъ въ чистомъ, первоначальномъ ихъ видѣ. Странно при этомъ было бы думать, что собственная фантазія Платона и его философское мировоззрѣніе не участвовали въ этомъ изображеніи будущей жизни. По крайней мѣрѣ влияніе послѣдняго элемента — личныхъ воззрѣній самого Платона — необходимо допустить если не въ догматахъ миѣа, то непременно — въ частностяхъ и подробностяхъ его. Богатая, творческая фантазія великаго поэта-философа замѣтна на каждомъ шагу. Философскія системы мыслителей, — предшественниковъ и современниковъ Платона, неизбѣжно должны были оказать свою долю влиянія на разсматриваемый нами эсхатологическій миѣе. Космическая система Филолая, помещавшаго землю подлѣ планетъ и неподвижнаго звѣзднаго неба и заставлявшаго ее кружиться вокругъ центрального огня, конечно очень далека отъ космологіи Платона. Правда, что первая изъ этихъ системъ извѣстна намъ довольно отрывочно, для того чтобы мы могли утвердить за ними и различіе въ частностяхъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы имѣемъ свидѣтельство объ этомъ въ самомъ же Федонѣ. «Я много слышалъ о землѣ, гово- Сократу Симміасъ, но это — не то, въ чемъ убѣжденъ ты.» Ближайшую связь мировая система Платона представляетъ съ ученіемъ древнихъ пифагорейцевъ. Какъ у этихъ послѣднихъ земля является у него шарообразнымъ тѣломъ, свободно движущимся въ центрѣ міра, въ безконечномъ воздушномъ пространствѣ и предохраняемымъ отъ паденія съ одной стороны своимъ собственнымъ равновѣсіемъ, а съ другой — одинаковымъ повсюду свойствомъ окружающаго ее неба.

Мѣстопребываніе душъ, по разлученіи ихъ съ тѣлами, опредѣляется характеромъ ихъ земной жизни и степенью нравственныхъ заслугъ. Души философовъ возносятся на высокія мѣстности земли, и проводятъ тамъ блаженную вѣчность въ соннѣ боговъ. Рай Платона такимъ образомъ — на землѣ! Въ этомъ послѣднемъ представленіи нельзя не замѣтить съ одной стороны влиянія

антропоморфической религіи Эллиновъ, а съ другой — ихъ взгляда на радости и наслажденія жизни вообще. Древній грекъ не умѣлъ возвыситься до чистыхъ понятій о божествѣ. Онъ поставилъ его высоко, но не очень высоко надъ собою, помѣстилъ его не на небѣ, а — на Олимпѣ. Понятное дѣло, что сведши Бога съ неба на землю, чтобъ быть къ нему ближе, онъ не хотѣлъ отдѣлиться отъ него и при назначеніи мѣстности рая, потому что, въ противномъ случаѣ, — перенеся рай на небо, онъ очевидно занялъ бы мѣсто выше своего божества. Понимая радости и блаженство жизни только подъ формою земного бытія, грекъ не могъ представить себѣ иначе и блаженства по смерти, и это составляетъ новую причину, почему рай Платона очутился на землѣ. Что же это за возвышенныя мѣстности, на которыхъ онъ его помѣстилъ? Прежде всего, конечно, — Олимпъ, мѣстопребываніе «отца боговъ и людей» и окружающаго его хора вѣчно блаженныхъ олимпійцевъ. Это — то самое мѣсто, гдѣ живутъ свѣтлыя, божественныя идеи, которыхъ несказанную красоту Платонъ такъ поэтически изобразилъ въ Федрѣ. Возвышаясь надъ воздушнымъ пространствомъ и помѣщаясь подъ эфирнымъ небомъ горныя вершины, населенныя сонмомъ божествъ, блаженныхъ душъ и безчисленныхъ, безконечно-прекрасныхъ идей, представляютъ собою, какъ выражается Штейнгартъ, «идеальную землю», — настоящую, дѣйствительную землю, землю по преимуществу, которая одна достойна этого имени. Въ противоположность этому, побережья моря и въ частности мѣстности, прилегающія къ средиземному морю, гдѣ, благодаря физическимъ условіямъ приморскаго климата, измѣненія температуры чаще и очевиднѣе, гдѣ постоянно можно наблюдать приливы и отливы, дожди и туманы, — эти мѣстности представляютъ по космологіи Платона только подобіе земли, нѣкоторый видъ, образъ ея, но не дѣйствительную, настоящую землю. Отношеніе между этой послѣдней и морскими окраинами совершенно тоже самое, какое существуетъ между міромъ ноуменальнымъ и феноменальнымъ. Какъ измѣняющіяся воздушныя явленія морскихъ мѣстностей и непрерывныя колебанія моря представляютъ начало измѣняемости и преходимости явленій вообще, такъ неподвижныя, непоколебимыя, существующія тысячилѣтія твердыни горъ — сим-

воль безусловнаго, неизмѣннаго и вѣчнаго; и вотъ Платонъ населилъ эту «высокую землю» отъ вѣчности существовавшими, недопускающими ни малѣйшихъ перемѣнъ въ своемъ бытіи — идеями. «Замѣчательно,» говоритъ Штейнгартъ, «то неуваженіе, съ которымъ Платонъ говоритъ о южно-европейскихъ, по берегамъ средиземнаго моря лежащихъ странахъ, которыя были въ то время центромъ самой оживленной политической и духовной жизни, — взгляды, съ которыми мы опять встрѣчаемся въ Критіи, съ тою только разницею, что тамъ роль высокой земли играетъ Аталантида.»³⁾ Какимъ образомъ у Платона явилось такое представленіе о «высокой» землѣ, и что легло въ основу раздѣленія ея на «высокую и низменную» съ тѣмъ значеніемъ, которое придавалъ той и другой онъ? Не гораздо ли естественнѣе было увлечься роскошной, поэтической природой странъ юга съ ихъ чуднымъ небомъ и климатомъ, съ ихъ богатой и разнообразной растительностью? Основой для помѣщенія мѣстности рая на горныхъ возвышенностяхъ, какъ я замѣтилъ выше, несомнѣнно послужило прежде всего религіозное значеніе у Грековъ Олимпіа — центра эллинской мифологіи. Но несомнѣнно также и то, что на образованіе этого представленія вліяли и другія причины. Разумѣется, что эти причины мы можемъ уяснить себѣ только предположительнымъ образомъ, — съ извѣстною, большею или меньшею долею вѣроятности. Я приведу гипотезу, которую дѣлаетъ по этому поводу Штейнгартъ. «Принятіе ли,» говоритъ онъ, «вращающейся между землею и центральнымъ огнемъ другой, насупротивъ лежащей земли, какъ это допускалъ Филолай, привело Платона къ этому чудному представленію, — вопросъ этотъ тѣмъ болѣе можетъ быть оставленъ безъ изслѣдованія, что та — насупротивъ нашей лежащая земля — была понимаема не какъ часть нашей, но какъ совершенно отдѣльное отъ нея міровое тѣло; съ болѣею вѣроятностію можно допустить то, что Платонъ приведенъ былъ къ принятію «высокой и низкой» земли, или частей ея — поднебесной воздушной и водно-влажной темными и преувеличенными разсказами о возвышающихся за черту облаковъ

³⁾ Platon's sämmtliche Werke, B. IV. S. 453.

горахъ на сѣверѣ и востокѣ, и окружающихъ ихъ, широко раскинувшихся и непрерываемыхъ морями равнинахъ.»⁴⁾ Я прибавлю къ этому отъ себя только то, что на первоначальное образованіе такого представленія о значеніи горъ могли дѣйствовать съ одной стороны красота горныхъ мѣстностей вообще, а съ другой — всѣмъ извѣстное физическое и психическое дѣйствіе на человѣка горнаго воздуха. Помѣстивши рай въ области эира Платонъ отвелъ мѣсто для ада и тартара въ подземныхъ безднахъ. Глубочайшія бездны тартара, или, какъ называетъ ихъ Платонъ, — «дно тартара» есть собственно адъ. Это — мѣстопробываніе тѣхъ душъ, которыя, по великости своихъ преступленій, осуждены на вѣчныя мученія. Всѣ другія части его суть разныя отдѣленія тартара, гдѣ души менѣе виновныя подвергаются очистительнымъ наказаніямъ, и откуда онѣ, — по истеченіи извѣстныхъ, опредѣленныхъ для каждаго разряда душъ періодовъ времени, — возвращаются снова въ земной міръ. Платонъ создаетъ такимъ образомъ три области для отшедшихъ душъ, — рай, адъ и чистилище съ разными отдѣленіями послѣдняго. Въ этомъ отношеніи второй эсхатологическій міръ Федона справедливо называютъ прототипомъ «божественной комедіи» Данта, — божественной комедіей древней Греціи. Разуется, что въ художественномъ отношеніи міръ — не болѣе, какъ только программа «комедіи.» Описаніе ада и тартара у Платона — простой эскизъ, блѣдный и слабый очеркъ передъ колоссальнымъ величіемъ мистическихъ образовъ, созданныхъ гениемъ Данта. Впрочемъ, нельзя сказать того же объ изображеніи рая. Какъ у Данта лучшую часть поэмы, по признанію критики, составляетъ «адъ», такъ у Платона чудо искусства представляетъ описаніе рая. Изображеніе, не смотря на сжатость очерка, до того живо, краски описанія такъ ярки, и — что поразительнѣе всего — атрибуты рая такъ близки къ нашему христіанскому ученію объ этомъ предметѣ, что Платонъ въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ предупредилъ будущаго писателя апокалипсиса. Что касается ада и тартара, то здѣсь безъ всякаго сомнѣнія играетъ значитель-

⁴⁾ Platon's sämmtl. Werke, B. IV, S. 463.

ную роль чисто поэтическій элементъ. Определить — что именно въ этомъ представленіи принадлежитъ преданіямъ народной вѣры и что собственной фантазіи Платона — нѣтъ никакой возможности. Мы можемъ сказать только то, что самое избраніе мѣстности для помѣщенія тартара — въ темныхъ, бездонныхъ пропастяхъ земли — основывается прежде всего на естественномъ, такъ сказать, представленіи. Какъ эфиръ — символъ свѣта и красоты — и окружаемыя имъ поднебесныя области земли представляютъ собою естественный рай, такъ, въ противоположность свѣту и красотѣ эфира, адъ долженъ находиться въ самомъ худшемъ отдѣленіи земли — въ темныхъ и мрачныхъ нѣдрахъ ея, въ бездонныхъ подземныхъ пропастяхъ. Основу тартара составляетъ «висячая, безпрерывно кипящая волнами и безпрерывно бросающаяся то къ той, то къ этой сторонѣ вода.» Но вода — очистительный элементъ, символъ омовенія грѣховъ. Въ мифѣ Платона души закоренныхъ, неисцѣлимыхъ грѣшниковъ погружаются въ грязь — на самое дно тартара; души менѣе преступныя и виновныя очищаются водой въ ахерузійскомъ озерѣ, или носятся по адскимъ рѣкамъ, подвергаясь такимъ образомъ въ одно и то же время наказанію и вѣстѣ съ тѣмъ омываясь отъ грѣховныхъ сквернъ очистительнымъ дѣйствіемъ водной стихіи. Въ изображеніи подземнаго царства можно видѣть (какъ думаетъ Штейнгартъ) — символы философскихъ мыслей. «Огромное болото тартара,» говоритъ онъ, «которое безпрерывно движется посреди земли въ ту и другую сторону подобно качелямъ, представляетъ собою сферу пустого, лишеннаго сущности ничтожнаго вида, (Scheins) который состоитъ въ прямой противоположности съ вѣчно-истинными, неизмѣнными идеями.»⁵⁾ Нѣмецкіе ученые дѣлаютъ много подобнаго рода замѣчаній, давая тому или другому образу мифа философское толкованіе. Но такъ какъ эти толкованія часто бываютъ очень натянуты, а иногда представляютъ не болѣе какъ мысли, приходившія тому или другому критику при чтеніи Федона, то я не считаю нужнымъ входить въ разборъ этихъ символическихъ объясненій образовъ мифа, хотя эти объясне-

⁵⁾ Platon's sämmtliche Werke, B. IV, p. 453.

нія часто принадлежать очень серьезнымъ изслѣдователямъ. Что же касается до упоминаемыхъ въ мнѣѣ четырехъ водныхъ теченій, то названія ихъ взяты изъ Гомера; но самое описаніе этихъ теченій во многомъ разнится отъ гомерическаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣдуетъ только сравнить описаніе адекихъ рѣвъ у Гомера ⁶⁾ съ изображеніемъ того же самаго у Платона. Я не буду, однакожъ, останавливаться на отдѣльныхъ чертахъ различія въ томъ и другомъ описаніи; такъ какъ этотъ вопросъ, состоя въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ — о космической системѣ Платона и Гомера вообще, самъ по себѣ можетъ быть предметомъ цѣлой обширной монографіи. Замѣчу только, что это различіе опредѣляется главнымъ образомъ характеромъ космологіи Платона и его понятіями о шарообразномъ видѣ земли.

Обращу вниманіе читателя еще на одинъ частный вопросъ, который составлялъ, какъ и составляетъ предметъ споровъ и разногласій между изслѣдователями. Это — сказаніе мнѣа о томъ, что души философовъ будутъ существовать по смерти совершенно безъ тѣлъ (*ἄνευ σωμάτων*.) Изслѣдователи, какъ я сейчасъ сказалъ, несогласны между собою въ объясненіи этого мѣста, — несогласны именно въ томъ: слѣдуетъ ли принимать выраженіе Платона — *ἄνευ σωμάτων* — въ собственномъ или же въ несобственномъ смыслѣ? Штальбаумъ держится перваго мнѣнія, при чемъ его не останавливаетъ даже то, что въ мнѣѣ упоминается о жилищахъ душъ философовъ. *Nec vero in eo haec agendum est*, говоритъ онъ въ заключеніе своихъ разсужденій по этому вопросу, *quod his ipsis animis etiam certa tribuntur domicilia. Apparet enim sponte id non proprio sensu accipii oportere, sed allegorice dictum esse. Designatur*

⁶⁾ *Odys.* X, 508 — 515. Такъ напр. у Гомера *Περικλεγετον*ъ и *Коцитъ* сливаются подъ конецъ въ одну рѣву; у Платона *Коцитъ* впадаетъ въ *тартаръ* насупротивъ *Περικλεγεтона*, не сѣшиваясь съ волнами послѣдняго. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Штальбаума, (на которое я ссылаюсь во II-й ч. пр. 180) весьма хорошо проведена эта параллель между описаніемъ Гомера и Платона. Къ этому примѣчанію Штальбаума я и отсылаю моего читателя.

enim vita animi plane libera et in se absoluta, nullisque amplius tacta concretionis malis.⁷⁾ Совершенно иначе объясняет это самое мѣсто миеа Бишофъ, по мнѣнію котораго выраженію — *ἀνευ σωματικῶν* — не слѣдуетъ придавать буквального смысла. Вотъ его слова: «то, что сказано о безтѣлесности душъ философовъ, говоритъ онъ, означаетъ только совершенное освобожденіе отъ тѣла, въ смыслѣ чувственнаго вмѣстидища души; (какъ тѣло было уже изображено въ первой части) но этого не нужно принимать въ смыслѣ полной безтѣлесности, противъ чего одно уже упоминаніе о жилищахъ этихъ душъ составляло бы возраженіе»⁸⁾. Соглашаясь въ настоящемъ случаѣ вполне и безусловно съ мнѣніемъ Бишофа, я прибавлю къ этому отъ себя то, что принятіе выраженія Платона: *ἀνευ σωματικῶν* въ буквальномъ смыслѣ представляло бы полное и рѣшительное противорѣчіе всѣмъ догматамъ греческаго антропоморфизма; такъ какъ древній грекъ ни въ созданіи своихъ получеловѣченныхъ имъ и облеченныхъ въ прекрасное тѣло боговъ, ни во всѣхъ представленіяхъ своихъ о формахъ загробной жизни рѣшительно не умѣлъ возвыситься до пониманія чистаго, безтѣлеснаго бытія. Во всей миеологіи эллиновъ нельзя указать ни одного миеа, въ которомъ бы существованіе духовной личности (бога, полубога или чловѣка по смерти) представлялось бы вполне и безусловно отрѣшеннымъ отъ тѣла. Оканчивая характеристику второго миеа Федона, я считаю необходимымъ указать на его отношеніе къ первому. При самомъ бѣглому обзорѣ ихъ содержанія, нельзя не замѣтить между ними большого различія прежде всего относительно полноты, съ которою изображается въ томъ и другомъ посмертное состояніе душъ. Въ то время какъ въ первомъ мы находимъ крайнія грани безусловно-лучшаго и безусловно-худшаго (переселеніе душъ въ тѣла мирныхъ или злыхъ животныхъ) — во второмъ мы видимъ это представленіе лучшаго или худшаго въ посмертной судьбѣ душъ съ различіемъ по

⁷⁾ Plat. Opera omnia, ed. 4, v. I, sect. 11, p. 57 sq.

⁸⁾ Бишофъ, Pl. Phaedon, S. 223. Точно такъ же думаетъ объ этомъ предметѣ и Штейнгартъ Pl. v. Werke, B. IV. S. 455.

степенямъ; слѣдов. не только соотвѣтствіе воздаяніа съ заслугой, но и съ мѣрою заслуги. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ второй мнѣ также отличается несравненно большею полнотою. Въ то время какъ первый представляетъ исключительно посмертную судьбу душъ и больше ничего, — второй раскрываетъ намъ отношенія души человѣческой къ другимъ разумнымъ существамъ — отношеніе душъ къ божеству и хранителямъ жизни человѣческой — демонамъ. Демонъ провожаетъ душу человѣческую, уходящую изъ міра, и демонъ возвращаетъ ее снова въ нашъ земной міръ. Въ какомъ отношеніи состоятъ души людей къ божеству — это мы видимъ и въ изображеніи тартара и въ описаніи рая. Въ то время какъ души заключенныя въ тартаръ, какъ тѣ, которыя признаны неисцѣлимыми, такъ и несущія очистительныя наказанія въ адскихъ рѣкахъ, лишены всецѣло общенія съ божествомъ, — души людей добродѣтельныхъ и философовъ вступаютъ по смерти въ прямое и непосредственное отношеніе съ богами, — «получаютъ отъ нихъ отвѣты и откровенія, видятъ ихъ чувственнымъ образомъ, и имѣютъ другія подобныя сношенія съ ними.»

Изобразивъ посмертную судьбу душъ, Сократъ обращается къ друзьямъ съ слѣдующей рѣчью. Утверждать, что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, неприлично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, надобно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ и прилично и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что самый рискъ въ этомъ случаѣ прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни. По этому-то я и продлилъ свой рассказъ. И такъ, въ силу этого долженъ имѣть твердую надежду за свою душу тотъ человѣкъ, который въ теченіе жизни пренебрегалъ удовольствіями и украшеніями тѣла, какъ чуждымъ душѣ и въ томъ убѣжденіи, что все это скорѣе приноситъ ей вредъ, чѣмъ пользу, который заботился о приобрѣтеніи знаній, и украшавши душу не чуждымъ, а собственно ей свойственнымъ

украшеніемъ, — воздержаніемъ, справедливостью, мужествомъ, свободой и истиной, ожидаетъ въ такомъ душевномъ настроеніи сошествія въ адъ, какъ готовый сойти туда, когда позоветъ его судьба. И вы, друзья мои Симиасъ и Кебеесъ, какъ и прочіе, сойдете туда когданибудь — каждый въ свое время. Меня же судьба уже зоветъ, сказалъ бы трагическій поэтъ, и мнѣ уже почти пора приступить къ омовенію; потому что мнѣ представляется лучше выпить ядъ, напередъ вымывшись, и не беспокоить женщинъ омовеніемъ мертваго тѣла. Философская часть бесѣды кончена. Практическій Критонъ обращаетъ вниманіе умирающаго на то, что считаетъ необходимымъ въ его положеніи. Онъ предупреждаетъ приказанія, которыхъ отъ него ожидаетъ и спрашиваетъ: не имѣетъ ли онъ поручить друзьямъ чтонибудь такое, исполненіемъ чего они могли бы оказать ему наиболѣе пріятную для него услугу? — То, что я всегда говорилъ, любезный Критонъ, отвѣчалъ Сократъ, ничего новаго, — именно то, что вы, заботясь о себѣ, сдѣлаете услугу и мнѣ, и моимъ близкимъ и себѣ самимъ, хотя бы теперь вы мнѣ этого не обѣщали. Если же вы не будете заботиться о себѣ и не станете жить, придерживаясь какъ стези и того, что сказано нами теперь, и того, что было говорено въ прежнее время, то хотя бы вы въ настоящее время обѣщали мнѣ много и рѣшительно, — это ни къ чему не послужитъ.» Критонъ даетъ умирающему философу обѣщаніе за себя и за друзей поступать всегда такъ, какъ онъ ихъ училъ въ прошлое время, и какъ завѣщаетъ имъ при смерти, теперь. Но какъ мы тебя похоронимъ? предлагаетъ онъ новый вопросъ. Сократъ пользуется и этимъ вопросомъ, чтобы сдѣлать новое наставленіе друзьямъ. Онъ обращаетъ ихъ вниманіе на странность выраженія — тебя, и отвѣчаетъ Критону, что какъ скоро рѣчь идетъ о погребеніи, то похоронять уже будутъ не Сократа, а тѣло Сократа. Я никакъ не могу, друзья мои, говорить Сократъ, убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ, это — я, человекъ, въ настоящее время бесѣдующій съ вами и дающій правильное теченіе каждой части нашего разсужденія. Онъ думаетъ, что тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ мертвымъ, буду я, и спра-

шиваетъ: какъ меня похоронить? А то, о чемъ я давно уже веду долгую рѣчь, — именно, что я не останусь съ вами, послѣ того какъ выпью ядъ, но отправлюсь, отошедши въ жилище Блаженныхъ, это, кажется, я бесполезно ему доказывалъ, утѣшая голью васъ и себя. Поручитесь же за меня, сказалъ Сократъ, передъ Критономъ, — но въ смыслѣ противномъ тому, какъ онъ самъ ручался за меня передъ судьями. Онъ ручался, что я останусь, а вы поручитесь, что я не останусь послѣ того, когда умру; но отправлюсь въ путь, — поручитесь для того, чтобы Критонъ легче могъ это перенести, и, когда увидитъ тѣло мое ожигаемымъ или погребаемымъ, не скорбѣлъ бы за меня душой, очно претерпѣвающаго какое-то страшное зло. Пусть онъ не оворитъ на похоронахъ, что онъ полагаетъ Сократа, что онъ его выносить или погребаетъ его! Будь увѣренъ, мой добрый Критонъ, прибавилъ Сократъ, что выражаться неточно не только урно само по себѣ, но и приносить нѣкоторый вредъ нашимъ ушамъ. Нужно имѣть въ этомъ случаѣ мужество и говорить, то ты погребашь мое тѣло: похорони же его такъ, какъ себѣ будетъ угодно, и какъ ты найдешь наиболѣе сообразнымъ въ законахъ.

Сократъ окончилъ послѣднее слово. Онъ встаетъ и выходитъ въ другую комнату — совершить омовеніе. Оставшіеся друзья продолжаютъ разговоръ, бесѣдуя въ одно и то же время и о предметѣ, который они вмѣстѣ передъ этимъ изсѣвали и о своемъ несчастіи — потерѣ общаго наставника и друга. Мы были искренно увѣрены, говоритъ Федонъ, что одобно тѣмъ, которые потеряли отца, мы будемъ проводить гротами нашу остальную жизнь. Сократъ оканчиваетъ омовеніе и возвращается къ друзьямъ; къ нему приводятъ его дѣтей и принадлежащихъ его дому женщинъ. Онъ вступаетъ съ послѣдними въ недолгую бесѣду, и, отдавши имъ приказанія, высылаетъ ихъ изъ темницы, а самъ возвращается къ друзьямъ. Онъ склонился уже къ завату, такъ какъ Сократъ долго ромедлил въ внутренней комнатѣ. Бесѣда съ друзьями, по сончаніи омовенія, прекращена. Сократъ послѣ этого почти говорить: онъ сказалъ уже все, что хотѣлъ сказать. Въ

темницу входитъ служитель одиннадцати судей, и обращается къ Сократу съ увѣщательнымъ словомъ. «Сократъ!» говоритъ онъ ему, — «мнѣ конечно не придется сдѣлать тебѣ того упрямъ, какой я дѣлаю другимъ за то, что они раздражаются и осыпаютъ меня проклятіями, когда я, по распоряженію одиннадцати, объявляю имъ приказаніе пить ядъ. Въ теченіе всего этого времени я видѣлъ въ тебѣ, при всѣхъ другихъ случаяхъ, человека самаго благороднаго, самаго кроткаго и лучшаго изъ всѣхъ, которые когда нибудь сюда входили, и потому я хорошо знаю, что и теперь ты на меня не сердиться, — потому что ты знаешь виновниковъ твоего несчастія, — а на нихъ. Теперь такъ какъ тебѣ извѣстно, какую вѣсть я пришелъ тебѣ объявить, — прощай и старайся какъ можно легче перенести то, что неизбежно». При этихъ словахъ залившись слезами, онъ отвернулся въ сторону и вышелъ.

Сократъ, проводивъ его глазами, сказалъ: «и ты прощай. мы сдѣлаемъ такъ, какъ ты совѣтуешь.» И обратившись къ друзьямъ прибавилъ: «какой добрый человекъ: во все время моего пребыванія здѣсь онъ навѣщалъ меня и иногда бесѣдовалъ со мной, обнаруживая при этомъ въ себѣ одного изъ лучшихъ людей; и теперь какъ благородно онъ меня оплакиваетъ!» Обратившись затѣмъ къ Критону, Сократъ проситъ его приказать принести ему ядъ. Критонъ обращаетъ вниманіе философа на то, что солнце еще не сѣло, указывая при этомъ на привычку многихъ другихъ, которые принимаютъ ядъ долго спустя послѣ того, когда имъ объявляютъ приказаніе пить, и предаются въ послѣдніе часы жизни всевозможнымъ удовольствіямъ пиришествію и любви. Сократъ отвѣчаетъ другу, что, если подобнымъ образомъ поступаютъ другіе, то ни въ какомъ случаѣ такъ не поступитъ онъ; потому что онъ сдѣлается черезъ это счастливымъ въ собственныхъ глазахъ: желать такъ пламенно сберечь послѣднія минуты жизни — это значитъ стараться сберечь то, что почти уже совершенно прошло, и чего уже больше нѣтъ. Сократъ даетъ новое приказаніе потребовать ему ядъ. Критонъ дѣлающъ знакъ стоявшему вблизи мальчику. Этотъ послѣдній выходитъ изъ темницы, и, долго промедливъ, возвращается въ сопровожденіи

человѣка, несущаго смертельное питье. Сократъ просить его дать ему наставленіе — что ему должно въ этомъ случаѣ дѣлать?

«Ничего другого, отвѣтилъ тотъ, какъ выпивши ходить, пока у тебя не явится тяжесть въ ногахъ, потомъ лечь; такимъ образомъ ядъ самъ собою сдѣлаетъ свое. Съ этими словами онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ, принявъ ее съ веселымъ видомъ, безтрепетно, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни во взорѣ, но взглянувъ по своему обычаю пристально на тюремщика, спросилъ: что ты думаешь относительно возліянія изъ этого питья въ честь какого нибудь божества: можно или нѣтъ?

Мы приготовили, Сократъ, столько, отвѣтилъ тотъ, сколько считали необходимымъ принять.

Понимаю, сказала Сократъ, но конечно и позволительно и должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно; объ этомъ именно я молюсь, и — о если бы это было такъ! При этомъ онъ поднесъ къ устамъ чашу и выпилъ ее легко и спокойно. До этой поры многіе изъ друзей философа могли еще удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, говоритъ Федонъ, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то долѣе были не въ силахъ; у меня самого невольно ручьемъ полились слезы; закутавъ голову въ плащъ, я плакалъ о себѣ самомъ: не его оплакивалъ я, а свое собственное несчастіе, лишаясь въ немъ такого друга. Бритонъ, еще прежде меня не могли удержаться отъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, а тогда зарыдалъ и своими воплями и криками потрясъ души всѣхъ присутствующихъ, кромѣ души Сократа. Что вы дѣлаете, чудные вы люди! сказалъ онъ. Я, именно главнымъ образомъ по этой причинѣ, и высладъ женщинъ, чтобы онѣ не сдѣлали чего нибудь подобнаго: я слышалъ, что умирать нужно съ добрыми предзнаменованіями. И такъ успокойтесь и сохраните мужество.

Услышавъ это, продолжаетъ Федонъ, мы устыдились и удержали свои слезы. А онъ, походивши и сказавъ, что у него тяжельютъ ноги, легъ на спину, потому что такое наставленіе далъ ему тюремщикъ. Тогда человѣкъ, давшій ему ядъ, притрогиваясь къ нему отъ времени до времени, пробовалъ его ноги и

големи; потѣмъ, сильно сжавъ ему одну ногу, спросилъ: чувствуетъ ли онъ это? Сократъ отвѣчалъ — нѣтъ. Потѣмъ то же самое сдѣлалъ съ бедрами, и такимъ образомъ восходя выше, показалъ намъ, что онъ уже холодѣлъ и воченѣлъ. И самъ онъ также пробовалъ свое тѣло, и сказалъ, что какъ скоро ядъ достигнетъ до сердца, онъ отойдетъ. Холодъ почти уже коснулся нижней части живота, когда онъ раскрывшись — потому что онъ былъ накрытъ — сказалъ свои послѣднія слова: Бритонъ, мы должны нѣтуха Асклепю; исполните и не пренебрегите этимъ.»

«Будетъ исполнено», отвѣчалъ Бритонъ, «но не имѣешь ли ты еще чего нибудь сказать?»

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а, спустя немного времени, вытянулся въ судорожномъ движеніи; тогда человѣкъ раскрылъ его: взоръ его уже былъ неподвиженъ. Замѣтивъ это, Бритонъ смежилъ ему уста и глаза.

Таковъ былъ, любезный Эхекратъ, говорить въ заключеніе Федонъ, конецъ нашего друга — человѣка, какъ мы прямо можемъ сказать, лучшаго изъ всѣхъ, какихъ мы знали въ его время, и вообще самаго мудраго и справедливаго изъ людей.

ГЛАВА X.

Идея Федона: его этическое и художественное цѣлое. — Историческая основа послѣдней бесѣды Сократа. — Пифагорейскій характеръ доктрины Федона. — Религіозно-нравственный характеръ его. — Доказательства. — Психологическая теорія Федона. — Мнѣе Федра о небесной жизни душъ. — Заключение.

Что составляетъ предметъ Федона: смерть Сократа или изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души? Другими словами, — есть ли это разговоръ по содержанию своему историческій, или же философскій? Переводчики нашего діалога дѣлають иногда къ заглавію его то или другое прибавленіе, въ которомъ выражаютъ свой взглядъ на его основную мысль, при чемъ переводчики нѣмецкіе большею частію озаглавливаютъ его: *Phaedon, oder der sterbende Sokrates*,¹⁾ а французы — *Phédon, ou de l'immortalité de l'ame*.²⁾ Сами древніе обыкновенно надписывали его: *Φαίδων ἢ περὶ ψυχῆς* — Федонъ, или о душѣ. Иначе — *περὶ ψυχῆς καὶ ἀθανασίας*; или еще иначе — *περὶ ψυχῆς ἀθανασίας*.³⁾ Вопросъ объ идеѣ Федона былъ предметомъ многочисленныхъ споровъ между комментаторами и толкователями Платона въ новыя времена, и такъ какъ онъ

¹⁾ Такое заглавіе даетъ ему Миллеръ: *Plat. sämmtl. Werke* B. IV, S. 371.

²⁾ *Les oeuvres de Platon*, à Amsterdam, 1700, t. second, p. 147.

³⁾ Заглавіе — *περὶ ψυχῆς* утверждено у древнихъ тразилловскимъ кодексомъ. Діог. Лаэртій, III, 58. Германнъ, державшійся въ своемъ изданіи Платона кодекса Тразилла, также прибавляетъ *περὶ ψυχῆς* — равно какъ и Фишеръ. Подробно о разныхъ заглавіяхъ нашего діалога по разнымъ манускриптамъ см. у Фишера: *Plat. Euthyphro, Apol. Socr. Crito, Phaedo graecae ed. tert.*, Lips. 1783, p. 229 sq.

представляетъ въ настоящемъ случаѣ необыкновенную важность, то я останавлиюсь на немъ подробнѣе, и прежде всего приведу по этому поводу мнѣнія критики. Я начну съ изложенія взгляда того ученаго, котораго труды надъ Платономъ составляютъ эпоху въ его изученіи. Шлейермахеръ думаетъ, что Платонъ поставилъ въ нашемъ діалогѣ цѣлью показать, что желанія философа состоятъ въ желаніи смерти, (im «Sterbenwollen») — въ желаніи сдѣлаться чистымъ духомъ. «Вѣчность души,» говоритъ онъ, «есть условіе возможности истиннаго знанія и обратно — дѣйствительность познанія есть основаніе, изъ котораго скорѣе и положительнѣе всего можно убѣдиться въ вѣчности души.⁴⁾ По объясненію Аста цѣль разговора не заключается ни въ чемъ нибудь фактическомъ или историческомъ, ни въ научнои.⁵⁾ (Etwas bloss Wissenschaftliches) Зохеръ думаетъ, что всѣ цѣли разговора заключаются въ изображеніи личности Сократа, въ силу чего онъ сопоставляетъ Федона съ Эвтифрономъ, Критономъ и Апологіей; а если Платонъ влагаетъ въ уста умирающаго Сократа разсужденіе о безсмертіи, то онъ видитъ въ этомъ не болѣе какъ только гениальную мысль. Штальбаумъ, разсуждая объ идеѣ Федона, говоритъ слѣдующее: — *etiam in Phaedone, sicut in plerisque Platonis dialogis, narratio ac veluti descriptio eorum, quae ex ipsa hominum vita repetuntur, arctissime copulata est cum loci ex philosophia depromti explicatione atque tractatione, ita ut utraque ad unum eundemque finem contendat nec facile queat altera ab altera divelli aut segregari. Quocirca Socratis morientis descriptio et immortalitatis animorum defensio ita coniungitur, ut vere dicere liceat doctrinam et rationem cum ipso rei exemplo arte prorsus divina esse consociatam, adeoque facile possis ambigere, utrum scriptor Socratis morientis imaginem proponere an fidem immortalitatis animorum argumentis adjuvare et confirmare voluerit. Sed nimirum utraque pars tanquam ideale, quod vocant, et concretum*

⁴⁾ B. V, S. 4 fg.

⁵⁾ Plat. Leben und Schriften, S. 156.

arctissimo vinculo continetur, ut summum atque extremum libri consilium non in alia re cernatur, nisi in eo, ut et exemplo morientis philosophi et argumentis e philosophiae penetralibus repetitis spes immortalitatis ostendatur et confirmetur. 6) К. Ф. Германнъ признаетъ настоящимъ результатомъ нашего разговора то положеніе, что душа и жизнь составляютъ одно. Штейнгартъ полагаетъ основную мысль и цѣль философскихъ разсужденій разговора въ томъ, что — возведенное до степени познанія убѣжденіе въ вѣчной жизни души, носительницы идеи жизни и непрерывно дѣйствующей посредницы между міромъ идей и явленій, есть основа всей философіи и ея послѣдній результатъ. Воззрѣніе Суземиля, что нашъ разговоръ трактуетъ о душѣ, какъ о чемъ-то среднемъ между идеями и предметами міра матеріальнаго, хотя вообще указываетъ на то мѣсто, которое принадлежитъ Федону въ развитіи философіи Платона, но не указываетъ на то, что составляетъ отличіе Федона отъ другихъ діалоговъ, какъ напр. отъ Федра и Симпосіона, въ основѣ которыхъ лежитъ та же самая мысль. Шмидтъ поставляетъ научную цѣль разговора въ философскомъ утвержденіи ученія о безсмертіи, а художественную цѣль его обозначаетъ слѣдующими словами: «мудрецъ умираетъ охотно, потому что надѣется путемъ смерти достигъ истинной жизни;» или — «радость мудраго при наступленіи смерти, производимая въ немъ надеждой, что онъ переходитъ въ истинную жизнь». Въ изложенныхъ мною взглядахъ изслѣдователей и аналитиковъ Федона на его основную мысль и задачу больше или меньше выражается взглядъ критики на этотъ вопросъ вообще. По крайней мѣрѣ, я не знаю ни одного сочиненія о Федонѣ, въ которомъ бы взглядъ изслѣдователя уклонялся слишкомъ далеко отъ того, что сказано по этому предмету критиками, мнѣнія которыхъ я сейчасъ привелъ. Слѣдуя плану, котораго я держался въ анализѣ доказательствъ, я долженъ бы теперь подвергнуть изложенныя мною воззрѣнія ученыхъ на идею Федона критической оцѣнкѣ. Но въ настоящемъ случаѣ я отступлю отъ принятаго

*) Plat. opera omnia, 1833, vol. I, sect. 1. p. 22 sq.

ною плана по слѣдующимъ причинамъ. Задача эта (критическая оцѣнка всего сказаннаго разными изслѣдователями объ основной идеѣ Федона) такъ многосложна, что разрѣшеніе ея должно быть предметомъ не только отдѣльной, но обширной монографіи. Если же ограничиться въ этомъ случаѣ простымъ указаніемъ на удовлетворительныя или неудовлетворительныя стороны того или другаго взгляда, то такого рода анализъ, какъ я по крайней мѣрѣ убѣжденъ, рѣшительно не достигнетъ цѣли; потому что сужденія, облеченныя въ форму общихъ замѣчаній по такому обширному и сложному вопросу, едва ли удовлетворяютъ даже мало требовательнаго читателя. Ни уваженіе къ предмету, ни уваженіе къ авторитету такихъ великихъ въ нашей наукѣ именъ, каковы имена Шлейермахера и Германна не позволяютъ добросовѣстному изслѣдователю отнестись къ настоящему вопросу иначе, какъ въ формѣ всесторонняго и притомъ самаго тщательнаго анализа ихъ воззрѣній на значеніе Федона въ философіи Платона вообще. А такого рода критическая оцѣнка всего сказаннаго объ идеѣ Федона необходимо должна быть, какъ я уже замѣтилъ, предметомъ особой монографіи, и слѣдовательно не можетъ входить въ анализъ, гдѣ вопросъ берется съ общей его стороны. Если жъ бы читатель пожелалъ познакомиться съ мнѣніями по этому предмету критики, то я предлагаю ему обратиться для этой цѣли къ Штальбауму или Бишофу, у которыхъ изложенныя мною въ началѣ главы воззрѣнія ученыхъ на основную идею Федона приводятся съ критическимъ разборомъ. Перифразировать чужія мнѣнія — значитъ не болѣе, какъ представлять читателю новыя варіаціи на старыя темы, и слѣдов. не вносить въ разрѣшеніе вопроса ничего новаго. Между тѣмъ каждый добросовѣстный изслѣдователь, серьезно относящійся къ дѣлу науки и изучавшій избранный имъ предметъ самостоятельно, нравственно обязанъ непремѣнно прибавить хотя бы самую малую долю къ тому, что сдѣлано другими. Такъ какъ Федонъ составлялъ для меня предметъ долгаго и внимательнаго изученія, то я, оставляя на этотъ разъ по вышеприведеннымъ причинамъ безъ анализа мнѣнія и сужденія о его идеѣ, уже высказанныя, изложу по этому предмету мой собственный взглядъ.

Первое, что останавливаетъ на себѣ вниманіе при чтеніи Федона, это — искусственность его концепціи, какъ произведенія художественнаго. Впечатлѣніе, выносимое по прочтеніи діалога таково, что ни мысль ни чувство не остаются вполне удовлетворенными. Еще не умѣя отдать себѣ яснаго, сознательнаго отчета, почему діалогъ производитъ такое впечатлѣніе — (по крайней мѣрѣ такое именно онъ постоянно производилъ на меня, какъ ни много я его изучалъ) — чувствуешь, что въ его цѣломъ чего-то недостаетъ, какъ будто бы прочитаны два совершенно отдѣльныя сочиненія, механически соединенныя въ одно. Не могу конечно въ этомъ случаѣ отвѣчать за впечатлѣніе каждаго изъ читателей: я передаю мое собственное, испытанное мною много разъ. Начиная анализировать полученное мною впечатлѣніе, я прежде всего останавливаюсь на томъ, что діалогъ рѣзко распадается на двѣ отдѣльныя части: историческую — простое, спокойно-величавое, въ высочайшей степени художественное описаніе послѣднихъ минутъ одного изъ совершеннѣйшихъ людей древности; а съ другой — чисто научное, философски-отвлеченное и по мѣстамъ до-нельзя отвлеченное изслѣдованіе одного изъ труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ. Впечатлѣніе читателя двоятся такимъ образомъ по весьма простой и понятной причинѣ. Совершенно иное дѣло произведеніе художественное, (какъ напр. историческая часть Федона) гдѣ та или другая идея, принимая форму поэтическихъ образовъ, представляетъ поэтому нѣчто цѣльное и законченное, гдѣ вслѣдствіе этого умъ и мысль читателя отдаются свѣтлому, спокойному, ничѣмъ не возмущаемому созерцанію, а совершенно иное — отвлеченный философскій трактатъ, (какъ напр. философская часть Федона) гдѣ та же самая идея развивается постепенно и послѣдовательно помощію обыкновенныхъ приѣмовъ научнаго анализа, и гдѣ, слѣдовательно, мысль читателя, погружаясь въ метафизическія отвлеченности, вынуждена работать на каждомъ шагу. Что Федонъ дѣйствительно представляетъ собою нѣчто двойственное — это доказывается между прочимъ самымъ разнообразіемъ въ пониманіи его идеи. Мы видѣли въ началѣ главы, до какой степени несогласны между собою въ этомъ случаѣ взгляды изслѣдователей. Между тѣмъ, въ исторіи

всеобщей литературы рѣшительно нѣтъ примѣровъ, чтобы произведеніе истинно художественное возбуждало споры относительно своей идеи, такъ какъ она всегда отражается въ немъ до того ярко, что опредѣленіе ея положительно не представляетъ затрудненій. Федонъ, какъ мы видѣли, распадается на двѣ части — историческую и философскую: первая представляетъ въ немъ элементъ художественный, вторая — чисто научный.

Въ чемъ же нужно искать примиренія этихъ двухъ элементовъ, гдѣ единство идеи діалога, потому что двухъ основныхъ идей въ одномъ и томъ же произведеніи очевидно не можетъ быть. На этомъ вопросѣ я теперь остановлюсь. Я попрошу моего читателя позволить мнѣ пробѣжать еще разъ содержаніе исторической части, которою начинается діалогъ, и такъ какъ она хорошо намъ знакома, то я буду указывать только на отдѣльныя черты картины, на отдѣльныя мысли и философскія положенія Сократа, — насколько это нужно для опредѣленія идеи Федона съ той точки зрѣнія, съ какой я понимаю этотъ вопросъ.

Глубокое утро. Друзья философа собираются въ послѣдній разъ въ его темницѣ, чтобы проститься навсегда съ своимъ великимъ учителемъ и другомъ. Сократъ высылаетъ изъ темницы жену, и, выразивъ друзьямъ свою радость, что онъ избавился отъ мучительнаго гнета оковъ, начинаетъ разсуждать по этому случаю объ отношеніи въ человѣкѣ чувствъ радости и печали. Завязывается разговоръ объ Эзопѣ и Сократъ объясняетъ друзьямъ побужденія, руководившія его поэтическими занятіями въ темницѣ. Онъ проситъ ихъ передать его послѣднее заочное привѣтствіе Эвену и совѣтъ, чтобы онъ не оставался долго на землѣ. Остановимся пока на этихъ чертахъ. Я спрошу читателя: что въ этихъ сценахъ Федона обращаетъ на себя вниманіе прежде всего, и поражаетъ мысль съ перваго разу? Меня, по крайней мѣрѣ, прежде всего останавливаетъ лице самого Сократа — то непобѣдимое, невозмутимое спокойствіе, которое сохраняетъ великій философъ въ виду наступающей смерти. Что же производитъ въ немъ такое настроеніе духа? Человѣкъ спокойно бесѣдуетъ съ друзьями, развиваетъ философскія мысли, и, осужденный на смерть, наканунѣ смерти пишетъ въ темницѣ стихи.

сочиняетъ басни! Въ цѣлой бесѣдѣ его вы не слышите ни одного слова, въ которомъ бы выражалось хоть малѣйшее сожалѣніе о томъ, что онъ долженъ умереть! Такое равнодушіе къ жизни очевидно неестественно. Въ жизненной дѣятельности Сократа лежала высокая идея, которой онъ посвятилъ себя всецѣло, и слѣдовательно дорожа самими торжествомъ своей идеи, онъ уже по этому одному долженъ былъ дорожить жизнью. Личность Сократа является намъ такимъ образомъ въ самомъ началѣ діалога въ какомъ-то загадочномъ свѣтѣ. Но, прослѣдимъ бесѣду друзей далѣе. Умирающій философъ даетъ Эвену заочный совѣтъ какъ можно скорѣе слѣдовать за нимъ, запрещая ему однако при этомъ самоубійство. Друзья находятъ здѣсь противорѣчіе. Сократъ начинаетъ развивать передъ слушателями нравственныя идеи: самоубійство противно божественному закону; человѣкъ долженъ чтить волю божества, поставляющаго его въ земномъ мірѣ и повиноваться въ этомъ случаѣ его волѣ безусловно. Въ то же время человѣкъ долженъ желать какъ можно скорѣе покинуть земную жизнь. Какъ помирить это противорѣчіе, и въ силу чего Сократъ думаетъ, что человѣкъ долженъ желать не продленія жизни, а возможно болѣе скорой смерти? Отвѣтъ на это мы находимъ въ дальнѣйшей части бесѣды. Жизнь философа, по увѣренію Сократа, вся посвящена стремленію — заживо для всего умереть, кромѣ той великой идеи, которой онъ служить. Если, такимъ образомъ, философъ всю жизнь стремится только къ тому, чтобы еще при жизни сдѣлаться для всего мертвымъ, то естественно ли ему скорбѣть, когда для него наступитъ настоящая, дѣйствительная, такъ желанная смерть? Чѣмъ же образуется подобнаго рода стремленіе въ душѣ философа? — Его убѣжденіемъ. — Философъ ищетъ достичь полнаго и совершеннаго знанія, а полное и совершенное знаніе, по взгляду Сократа, рѣшительно недостижимо, пока человѣкъ облеченъ тѣломъ. Наши чувства — зрѣніе, слухъ и пр. развлекаютъ и обманываютъ насъ, а самое тѣло съ своими страстями и болѣзнями, служитъ намъ положительнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ достиженія истины. Очевидно, что философъ, который стремится къ обладанію полнымъ, совершеннымъ знаніемъ, долженъ желать

какъ можно скорѣе освободиться отъ тѣла, дѣлающаго такое знаніе рѣшительно невозможнымъ. Когда же философъ его достигнетъ, и можетъ ли онъ его достигнуть? — Онъ достигнетъ его тогда, когда освободится отъ тѣла, и, сдѣлавшись чистымъ духомъ, будетъ существовать въ какомъ-то другомъ мірѣ. Сократъ беретъ вопросъ о жизни и смерти съ новой стороны — по отношенію ихъ къ идеѣ добродѣтели и верховнаго блага. Всѣмъ добродѣтель вообще — мужество, воздержаніе и пр. — возможна и достижима только для философа. Одинъ философъ мужественъ и воздерженъ въ силу нравственного принципа. Всѣ другіе люди, если и оказываются иногда мужественны, то изъ страха наказанія, и слѣд. на самомъ дѣлѣ — они робки. Всѣ другіе люди, если и бываютъ иногда воздержны, то воздерживаются отъ удовольствій одного рода только для того, чтобы, такъ сказать, сберечь себя для удовольствій другого рода, и слѣд. на самомъ дѣлѣ — они невоздержны. Достичь же совершенства добродѣтели возможно не иначе, какъ при помощи религіозныхъ таинствъ и очищеній. Души не очищенныхъ и не посвященныхъ въ таинства будутъ въ другомъ мірѣ погружены въ грязь, а очищенныхъ и посвященныхъ будутъ, по прибытіи туда, жить вмѣстѣ съ богами.

Новая изложенная нами часть бесѣды философамъ раскрываетъ намъ вполнѣ причины того спокойнаго настроенія духа Сократа, въ какомъ мы видимъ его въ первыя минуты, по приходѣ друзей въ темницу. Сократъ не только не боится смерти, а встрѣчаетъ ее съ радостнымъ чувствомъ въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что земная жизнь есть только первая ступень, начало безконечно-радостной другой жизни въ другомъ мірѣ, гдѣ стремленія души къ достиженію совершенной истины и совершеннаго блага найдутъ полное удовлетвореніе. Твердость духа Сократа въ виду наступающей смерти опирается такимъ образомъ на его глубокое убѣжденіе въ безсмертіи души. Теперь — когда мы пробѣжали содержаніе всей первой половины исторической части Федона — читатель видитъ лице Сократа въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ. Непокоримая твердость души, глубокая вѣра въ ея безсмертіе — бытіе другого міра, гдѣ она будетъ вознаграждена за свои

земную жизнь, самоотреченіе и самопожертвованіе передъ лицомъ истины и нравственной идеи, наконецъ глубокое благоговѣніе передъ святынею вѣры и очистительной силою ея таинствъ — вотъ качества, съ которыми является передъ нами въ техницѣ лице великаго философа! Умиравшій Сократъ это — идеаль со- вершеннаго мудреца, человѣка, если можно такъ выразиться, по преимуществу, — одного изъ величайшихъ праведниковъ, которые когда нибудь являлись на землѣ. Тѣмъ не менѣе однакожь, при всемъ величїи идеальнаго типа Сократа, — насколько мы знакомимся съ нимъ въ этой части діалога — (до начала философскаго изслѣдо- ванія вопроса о безсмертіи) невольно чувствуется что въ этомъ изображеніи чего то недостаетъ. Во всемъ, что Сократъ говорилъ до сихъ поръ, дышетъ вѣра въ безсмертіе души: вся философія, вся его мораль основана исключительно на этомъ убѣжденіи. Въ этой великой идеѣ находятъ свое оправданіе и спокойное настроеніе его духа въ виду наступающей смерти и всѣ стрем- ленія его прошлой, почти уже оконченной жизни. Но — остано- вимся на минуту на этомъ сократовскомъ *profession de foi* и проанализируемъ его убѣжденія. Я сейчасъ сказалъ, что въ изображеніи лица Сократа, какимъ онъ является намъ въ этой части діалога — до начала философскихъ доказательствъ без- смертія — есть нѣкоторая неполнота, недоконченность образа. Дѣйствительно. При ближайшемъ анализѣ убѣжденій Сократа, мы не только не удовлетворяемся его нравственными идеалами, а даже находимъ ихъ отчасти странными. Сократъ основываетъ все на идеѣ безсмертія души. Но на чемъ держится въ этомъ случаѣ его убѣжденіе? — На авторитетѣ вѣры? — Нельзя не признать, что это основаніе съ извѣстной точки зрѣнія — весьма сильно. Вѣра дѣйствительно составляетъ одну изъ глубочайшихъ основъ нашей внутренней психической жизни, и, какъ элементъ, входитъ во всѣ наши убѣжденія. Но она — позволю себѣ такъ выразиться — есть знаніе, принадлежащее исключительно нашему чувству; это фило- софія сердца, но не философія духа. Ясно поэтому, что она можетъ дѣйствовать вполне успокоительно только на одну сторону души — сторону чувства, и слѣдовательно имѣть значеніе безусловнаго авторитета только для людей непосредственнаго чувства. У людей

другого разряда, кромѣ вѣрящаго и не требующаго доказательствъ сердца, есть еще анализирующій умъ, который рѣшительно во всемъ, а слѣдовательно и въ вопросахъ высшаго знанія, неотступно предъявляетъ свои права. Сократъ говоритъ въ темницѣ не съ людьми непосредственной вѣры, не съ младенцами сердцемъ, а съ философами, которые для всего требуютъ доказательствъ и не принимаютъ ничего безъ изслѣдованія. Передъ такими людьми одной ссылки на авторитетъ положительной вѣры очевидно недостаточно, для того чтобы они могли признать дѣйствительность идеи безсмертія. Далѣе. Сократъ указываетъ на характеръ нашего знанія и говоритъ, что знаніе, котораго можетъ достигать человѣкъ въ жизни настоящей, неполно и несовершенно, и что слѣдов., по всей вѣроятности, долженъ существовать другой міръ и другая жизнь, гдѣ неодолимое стремленіе ума къ истинѣ и знанію будетъ удовлетворено вполне. Но это очевидно — не больше, какъ предположеніе. Можетъ быть такой міръ существуетъ, а можетъ быть и нѣтъ. Далѣе. Сократъ указываетъ на жизнь философовъ — на ихъ добровольное отреченіе отъ всѣхъ ея удовольствій и благъ въ пользу исключительнаго служенія идеѣ; это — новое основаніе его вѣры въ безсмертіе — начало непосредственнаго убѣжденія, свидѣтельство совѣсти. Но и это новое основаніе такъ же не выдерживаетъ критики, какъ и предыдущія. Одного непосредственнаго убѣжденія, очевидно, недостаточно для того, чтобы человѣкъ могъ что нибудь принять за несомнѣнную истину. Тѣмъ болѣе этого недостаточно въ настоящемъ случаѣ, когда Сократъ заходитъ такъ далеко, что рѣшительно считаетъ смерть самымъ радостнымъ явленіемъ нашей жизни и даетъ совѣтъ друзьямъ, пренебрегши рѣшительно всѣмъ, чего ищутъ обыкновенно другіе, — тѣми благами и радостями ея, къ которымъ человѣку стремиться такъ естественно, — посвящать жизнь исключительно на приготовленіе себя къ переходу въ другой міръ. Онъ требуетъ такимъ образомъ отъ друзей отреченія во имя какой-то новой идеи даже отъ тѣхъ бѣдныхъ и ничтожныхъ благъ, которыя только и даны человѣку на долю — скоропреходящихъ земныхъ радостей. Но легко сказать — пожертвовать всѣмъ, когда даже не видишь

основанія, почему долженъ жертвовать, отказаться отъ жизни настоящей, всёмъ извѣстной, въ пользу какой-то невѣдомой будущей, — принести такую огромную жертву такой идеѣ, которая, быть можетъ, — не что иное, какъ игра фантазій, самообольщеніе чувства! Изъ всёхъ основаній, приведенныхъ Сократомъ въ пользу безсмертія доселѣ, самое сильное конечно непосредственное убѣжденіе сердца (жизнь философовъ.) Но одного такого убѣжденія, очевидно, недостаточно для того, чтобы человѣкъ могъ склонить волю другихъ къ такому величайшему акту ея, какъ самоотреченіе, самопожертвованіе, самоуничтоженіе передъ лицомъ нравственной идеи. Мало ли въ чемъ человѣкъ можетъ убѣдиться, если не будетъ провѣрять своихъ убѣжденій строгимъ анализомъ! Религіозный фанатикъ, не умѣющій отличить поклоненія идеѣ отъ символа, въ которомъ она выражается, изступленный фанатикъ-революціонеръ, допускающій возможность пересоздать едва не въ теченіе нѣсколькихъ дней политическую жизнь государства, которой выработанныя вѣками начала превратились въ плоть и кровь народа, — и тотъ и другой будутъ люди не только убѣжденные, а глубоко убѣжденные; но — будемъ ли мы уважать такіа убѣжденія, можемъ ли мы смотрѣть на нихъ самихъ какъ на людей умственно и нравственно здоровыхъ, будемъ ли мы сочувствовать ихъ идеаламъ? Очевидно нѣтъ. Что же такое наконецъ Сократъ съ его радостью въ виду наступающей смерти, съ его глубокой увѣренностью въ существованіи другого міра, съ его совѣтами друзьямъ — заживо умереть и сдѣлаться мертвыми для всёхъ благъ настоящей, всёмъ извѣстной жизни и постоянно жить и мыслями и желаніями въ какомъ-то другомъ, никому невѣдомомъ мірѣ, гдѣ, по его увѣренію, наша душа вполнѣ достигнетъ того, къ чему стремится здѣсь? Что онъ такое въ самомъ дѣлѣ: мечтатель, нравственно-больной человѣкъ, фанатикъ идеи безсмертія? — Мы дошли въ анализѣ нравственной личности Сократа до того пункта, гдѣ философское изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души, указаніе разумныхъ основаній — почему Сократъ вѣритъ и думаетъ такъ, какъ онъ вѣритъ и думаетъ, становится дѣломъ полявійшей, рѣшительной, безусловной

необходимости. Чтобы оправдать въ нашихъ глазахъ нравственныя идеалы Сократа, чтобы показать почему этотъ человекъ говоритъ о приготовленной для него чашѣ съ ядомъ такимъ тономъ — какъ будто бы дѣло шло о кубекѣ вина на веселомъ, дружескомъ пиру, чтобы оправдать, говорю, все это въ нашихъ глазахъ — намъ недостаточно однихъ гаданій Сократа о другомъ мѣрѣ, недостаточно одного внутренняго убѣжденія его въ безсмертіи души или свидѣтельства его совѣсти, недостаточно наконецъ даже его ссылки на авторитетъ положительной вѣры: намъ необходимо познакомиться съ его философіей, услышать отъ него здѣсь же въ его темницѣ — что говоритъ наука о той великой идеѣ, въ которой онъ убѣжденъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ. Философская часть Федона такимъ образомъ является прежде всего разъясненіемъ личности и нравственныхъ идеаловъ Сократа, съ которыми мы познакомились въ исторической части, — прямымъ и непосредственнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему онъ думаетъ, что для человека лучше умереть, нежели жить? Безъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы могли бы только сострадать Сократу, сожалѣть о немъ, но никогда не могли бы удивляться ему такъ, какъ мы удивляемся; и трагическая смерть невинно осужденнаго праведника-героя не обратилась бы въ идеальнѣе вѣковъ и поколѣній, какъ образецъ высокаго конца, запечатлѣвшаго чистую, безупречную жизнь. И такъ, еслибы мнѣ предложили отвѣтить въ двухъ словахъ: «что составляетъ идею Федона», то я бы отвѣчалъ: «апотеоза Сократа». Другими словами: «идею Федона составляетъ умирающій въ темницѣ Сократъ и въ послѣдній, предсмертный часъ свой бесѣдующій съ друзьями о безсмертіи души — идеѣ, въ которой онъ убѣжденъ на основаніи своего внутренняго инстинкта, свидѣтельства совѣсти, авторитета положительной вѣры, и, наконецъ, на основаніи науки — философій.» Такой отвѣтъ сдѣлалъ бы я относительно идеи Федона, если его разсматривать какъ произведеніе историческое по содержанію, и слѣд. принимать за исходный пунктъ и основу цѣлаго — лице Сократа. Но можно на этотъ самый вопросъ взглянуть и иначе. Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, то, что философскія доказательства (практическія, непосредственныя) про-

ведены уже и въ этой, рассмотрѣнной нами, части діалога, а съ другой то, что изслѣдованіе высшихъ вопросовъ знанія (о Богѣ, о душѣ, ея безсмертіи и проч.) основывается главнымъ образомъ на доказательствахъ аналитически-философскихъ, на идеяхъ ума, и что во всѣ наши такъ называемыя непосредственныя убѣжденія, (на которыхъ главнымъ образомъ основывается Сократъ во вступительной части діалога) всегда входитъ, часто незамѣтно для насъ самихъ, извѣстная доля анализа — принявъ, говорю, это во вниманіе — мы имѣемъ полное право смотрѣть на философскую часть, (четыре доказательства безсмертія) какъ на основу и зерно діалога. Какое же значеніе получить въ немъ, при этомъ воззрѣніи, личность Сократа? Какъ онъ явился въ діалогъ — какъ аксессуаръ его философской части, референтъ доказательствъ безсмертія? Странно было бы и подумать! Мы разрѣшаемъ, или по крайней мѣрѣ уясняемъ себѣ высшіе вопросы знанія, какъ я сейчасъ сказалъ, путемъ философскаго изслѣдованія, критическимъ анализомъ чистой мысли. Но это очевидно не единственный путь въ дѣлѣ изслѣдованія этихъ вопросовъ. Странно было бы допускать возможность придти въ философскому утвержденію идеи Божества, если мы ограничимся въ изслѣдованіи вопроса только этимъ способомъ — анализомъ чистой мысли. Что подобнаго рода изслѣдованіе рѣшительно недостаточно, для того чтобы мы могли съ помощію его образовывать научно-философское убѣжденіе въ бытіи Верховнаго Существа — объ этомъ едва ли нужно много говорить; потому что, если бы безграничная и непредѣльная въ своей сущности идея Божества могла подойти подъ опредѣленныя формы мысли, то это самое служило бы полнымъ отрицаніемъ дѣйствительности этой идеи, такъ какъ въ такомъ случаѣ, очевидно, непредѣльное по сущности и слѣдовательно исключающее возможность какой бы то ни было формы превратилось бы въ ограниченное и опредѣленное. Если мы можемъ приходить путемъ философскаго изслѣдованія къ признанію Верховнаго и Вѣчнаго Существа, то не иначе, какъ соединяя въ анализѣ въ одно цѣлое рѣшительно все, въ чемъ мы можемъ найти хоть какое нибудь о Немъ свидѣтельство. И соединяемъ въ этомъ случаѣ въ нашихъ доказательствахъ и то,

что говорить намъ объ этомъ предметѣ анализирующей умъ, и непосредственное убѣжденіе сердца и чувство совѣсти — требованіе нашей нравственной природы и положительная вѣра всего человѣчества, и наконецъ начало безконечнаго въ самомъ человѣкѣ. Только при такомъ всестороннемъ способѣ изслѣдованія мы можемъ приходить философскимъ путемъ къ признанію дѣйствительности идеи Божества. Этотъ же самый методъ употребляетъ въ Федонѣ Платонъ при изслѣдованіи вопроса о безсмертіи души. Аналитическій умъ оказывается несостоятельнымъ въ разрѣшеніи высшихъ вопросовъ знанія. Тѣмъ не менѣе однакожъ извѣстную долю въ разрѣшеніе ихъ критическій анализъ чистой мысли все таки вноситъ. Мы видимъ у Платона четыре доказательства, въ которыхъ идея безсмертія изслѣдуется чисто философскимъ путемъ, съ помощію обыкновенныхъ приемовъ научнаго анализа. Но этого одного — чисто теоретическаго изслѣдованія этого вопроса — очевидно недостаточно для того, чтобы мы могли — по крайней мѣрѣ до извѣстной степени твердо — признать дѣйствительность идеи безсмертія. И вотъ, какъ необходимое, обусловливаемое самой сущностью дѣла дополненіе въ этому чисто-философскому, аналитическому изслѣдованію вопроса, мы видимъ въ Федонѣ другую часть, гдѣ та же самая идея безсмертія, воплощенная въ идеальный образъ умирающаго Сократа, раскрывается передъ нами инымъ способомъ. Здѣсь мы находимъ уже не доказательства аналитическія, а — все то, что говоритъ о дѣйствительности безсмертія непосредственное чувство человѣка — его внутренній инстинктъ безсмертія, заставляющій его отказываться отъ жизни земной въ пользу предощущаемой имъ другой, свидѣтельство совѣсти, авторитетъ положительной вѣры, наконецъ преданія вѣковъ и глубокая вѣра всего человѣчества въ дѣйствительность идеи безсмертія души. Вѣнецъ всего (въ этой части діалога) это — олицетворенная идея вѣры въ безсмертіе — личность самого Сократа, котораго геройская смерть и непобѣдимая вѣра въ другую жизнь дѣйствуютъ столько же трогательно, сколько и успокоительно на нашу душу. Такимъ образомъ, становясь на эту точку зрѣнія и рассматривая діалогъ какъ произведеніе философское, мы должны принять за

основу его — изслѣдованіе вопроса о душѣ. И, по крайней мѣрѣ, если бы мнѣ предложили отвѣтить въ двухъ словахъ на вопросъ: о чемъ трактуетъ Федонъ, (какъ діалогъ философскій) отвѣтилъ бы прямо и рѣшительно — о душѣ. Идея Федона есть идея человѣческой души, но не по отношенію только къ вопросу о ея безсмертіи, (какъ мы привыкли ошибочно выражаться) а вообще о душѣ — въ самомъ полномъ, безграничномъ значеніи этого слова — со стороны ея сущности,⁶⁾ ея жизни,⁷⁾ ея назначенія,⁸⁾ ея отношенія къ міру идей и явленій,⁹⁾ со стороны характера, съ какимъ она является въ разныя періоды своего бытія,¹⁰⁾ разнообразія судьбы, которую испытываютъ души различныхъ людей,¹¹⁾ наконецъ, со стороны чисто-практическаго значенія этой идеи въ изслѣдованіи вопроса: какъ должна дѣйствовать и къ чему должна стремиться въ жизни наша

⁶⁾ Душа есть жизненное начало, животворящее все, къ чему только оно прикасается.

⁷⁾ Душа попеременно вращается въ двухъ мірахъ — ноуменальномъ и феноменальномъ (идей и явленій.)

⁸⁾ Назначеніе души стремиться къ осуществленію въ земной жизни идеала нравственности и добродѣтели, для того чтобы она могла войти по смерти въ сонмъ боговъ, и проводить блаженную вѣчность въ созерцаніи чистаго бытія, (чистыхъ идей.)

⁹⁾ Душа заключаетъ въ глубинѣ своей сущности чистыя идеи, которыхъ не находитъ въ окружающемъ ее земномъ бытіи. Мысленное созерцаніе ихъ есть нѣчто удовлетворяющее ее вполне. Міръ моментарныхъ (измѣняющихся и преходящихъ) явленій есть нѣчто несродное ея природѣ, и потому не удовлетворяющее ее.

¹⁰⁾ Душа обладаетъ полнымъ и совершеннымъ знаніемъ въ то время, когда живетъ въ мірѣ ноуменальномъ — въ мірѣ чистыхъ идей; б) мгновенно забываетъ полученное въ другомъ мірѣ знаніе, соединясь въ актъ воплощенія съ матеріей; в) постепенно воскрешаетъ въ земной жизни опытомъ и ученіемъ забытыя ею идеи.

¹¹⁾ Души философовъ — людей совершенныхъ въ добродѣтели — проводятъ блаженную вѣчность въ сонмѣ боговъ; души, запятнавшія себя въ земной жизни пороками и преступленіями, несутъ наказанія въ тартарѣ, — одни вѣчныя, другія временныя; души, проникшіяся при жизни особенною любовью къ тѣлесному, странствуютъ по землѣ, подвергаясь метеопсихическимъ метаморфозамъ въ тѣлахъ различныхъ животныхъ.

душа? ¹²⁾ Философская часть Федона (четыре доказательства) это — теоретическое (критическое, аналитическое) изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души, а историческая — разрѣшеніе того же вопроса съ помощію непосредственныхъ, практическихъ доказательствъ безсмертія. Обѣ идеи — теоретическая идея души (въ философской части) и практическая сторона той же идеи (непосредственная вѣра человѣка въ безсмертіе и нравственное приложеніе идеи безсмертія къ жизни) примиряются и сливаются въ одно цѣлое въ личности умирающаго Сократа, который и въ силу своей жизни, и своей настоящей кончины, и своей вѣры, и своей философіи является передъ нами въ эти минуты олицетворенной идеей безсмертія, — такимъ провозвѣстникомъ ея, который, говоря намъ о небѣ, невольно заставляетъ всѣхъ и cadaго вѣрить, что его душа и яснѣе и полнѣе, чѣмъ души всѣхъ другихъ людей помнить свою прошлую небесную жизнь — въ мірѣ идей. Такимъ образомъ, примемъ ли мы за исходный пунктъ и основу діалога историческую или философскую его часть, мы приходимъ въ обоихъ случаяхъ къ одному и тому же результату, получаемъ одинъ и тотъ же выводъ: идея Федона — есть идея человѣческой души, разсматриваемой какъ со стороны того, что она есть въ своей сущности, такъ и со стороны того, чѣмъ она должна быть въ земной своей жизни. Федонъ — это въ одно и то же время теорія, исторія и нравственная философія души, съ точки зрѣнія Платона. Обѣ половины діалога — теоретическая и практическая сторона вопроса о душѣ — соединены въ немъ такъ тѣсно, что ихъ рѣшительно нѣтъ возможности раздѣлить, и Федонъ, какъ произведение философское, представляетъ собою вполне законченное цѣлое, полное и безусловное единство.

Я сказалъ, что за основу Федона можно принимать историческую часть діалога — смерть Сократа — точно съ такимъ же правомъ какъ и философскую — изслѣдованіе вопроса о безсмертіи

¹²⁾ Душа, живущая на землѣ, должна пренебрегать всѣми мимолетными, не удовлетворяющими ее благами земли, ради болѣе совершеннаго достиженія одной цѣли — приготовленія себя къ жизни небесной.

души, и что идея діалога въ обоихъ случаяхъ будетъ одна и та же — идея души. Что же должно принять за основу Федона — часть историческую или философскую? Отвѣчаю прямо и положительно: основу діалога составляетъ діалектически-философское изслѣдованіе вопроса о душѣ (четыре доказательства) и, слѣдовательно, это — діалогъ, по характеру своему, философскій. Чѣмъ это можно доказать? Я попрошу моего читателя позволить мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ ниже, гдѣ мнѣ удобнѣе будетъ это сдѣлать, а теперь перейду ко второй половинѣ моей задачи — разсмотрѣнью Федона, какъ произведенія художественнаго. Но на этомъ вопросѣ я остановлюсь весьма коротко. Опредѣленіе идеи Федона и его философскаго значенія вызвало меня на обширное разсужденіе потому, что вопросъ этотъ, какъ читатель могъ видѣть въ началѣ главы, составляетъ предметъ споровъ между изслѣдователями. Что же касается до художественной стороны діалога, (беру пока только историческую его часть ¹³) то скажу коротко, что съ этой стороны — признанія за Федономъ высокаго художественнаго достоинства — всѣ мнѣнія рѣшительно и безусловно согласны, и если чѣмъ нибудь иногда между собою различаются, то развѣ только тѣмъ, что одинъ критикъ старается превзойти другого въ выраженіи благоговѣйнаго удивленія къ поэтической красотѣ картинъ и образовъ Федона. Дѣйствительно, художественное совершенство діалога поразительно. Смыслъ концепціи, опредѣленность и законченность образовъ, глубокой драматизмъ въ изображеніи положеній и лицъ, разнообразіе характеровъ и строго-художественная компановка группы — все это, взятое вмѣстѣ, ставитъ нашъ діалогъ на ряду съ самыми высокими поэтическими произведеніями древности. Я ничего не говорю о трагическомъ характерѣ, лежащемъ въ основѣ исторической части: она проник-

¹³) Прошу читателя обратить вниманіе на то, что я разумѣю въ настоящемъ мѣстѣ только одну историческую часть діалога и, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ противорѣчій съ тѣмъ, что говорится далѣе о художественности Федона какъ цѣлаго — во взаимномъ отношеніи обѣихъ его частей — исторической и философской.

нута имъ такъ глубоко, что лучшіе аналитики Платона — Штальбаумъ и Штейнгартъ рѣшительно усвояютъ Фѣдону имя трагедіи. Сцена принятія Сократомъ яду и потрясающее впечатлѣніе, произведенное этой сценой на его друзей, до того трагичны, что Фѣдонъ съ этой стороны — со стороны своей трагической силы — положительно выдержитъ сравненіе съ любой трагедіей Шекспира. Впрочемъ, я не буду распространяться о художественномъ достоинствѣ исторической части Фѣдона, такъ какъ это вопросъ вполне поконченный критикой, и слѣдовательно останавливаться на немъ подробно значило бы повторять въ другихъ выраженіяхъ то, что уже давно сказано другими. Теперь передъ нами новая сторона того же вопроса — о художественности Фѣдона вообще, какъ цѣльнаго произведенія. Въ какомъ отношеніи состоитъ историческая часть діалога къ части философской по достоинству исполненія? Вопросъ этотъ, такъ же какъ и предъидущій — о художественности части исторической — принадлежитъ къ числу вопросовъ, окончательно рѣшенныхъ критикой, такъ что въ этомъ случаѣ рѣшительно нѣтъ разногласій. Каждый, кто внимательно прочелъ Фѣдона, согласится съ тѣмъ, что историческая часть діалога (разсматриваемая какъ отдѣльное цѣлое) по достоинству исполненія стоитъ безъ сравненія выше философской. Въ этомъ, какъ я сейчасъ сказалъ, согласны рѣшительно всѣ изслѣдователи. Приведу мнѣніе по этому вопросу англійскаго критика Платона Грея, у котораго эта параллель между обѣими частями діалога проведена весьма рельефно. Вотъ его слова. «Историческая часть діалога удивительна, и хотя въ созданіи и расположеніи ея частей видно все искусство великаго трагика, потому что даже малѣйшее упоминаемое въ ней обстоятельство не имѣетъ недостатка въ трагической силѣ и значеніи — она представляетъ намъ при этомъ высокую простоту естественности. Каждый мыслящій читатель испытаетъ при чтеніи ея то самое, что испытали тѣ, которые были свидѣтелями-очевидцами кончины Сократа, а именно — «какое-то непонятное соединеніе радости и печали въ одно и то же время». Невинность, человѣчность, радостное настроеніе духа и непритворное безстрашіе Сократа передъ смертью извле-

будь у него слезы, какъ извлекали у тѣхъ, которые терли въ немъ какъ будто бы своего отца; но въ то же время покажутъ ему въ Сократѣ такую душу, которая, если бы не была бессмертной, то конечно заслужила быть бессмертной. Философская часть далеко ниже, иногда слаба, иногда темна, слишкомъ отвлеченна; тѣмъ не менѣе, однакожъ, заключаетъ въ себѣ много хорошихъ мыслей и много тонкихъ наблюдений». 14) Я замѣчу объ этомъ сужденіи Грея относительно философской части діалога то, что оно должно быть принято съ извѣстными ограниченіемъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться ко всему философскому отдѣлу Федона вообще. Третье доказательство — сближеніе души съ вѣчными и бессмертными сущностями, многія мѣста разсужденій, опровергающихъ теорію гармоніи и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ Платонъ указываетъ на постоянное стремленіе души къ невидимому и неизвѣстному, какъ на доказательство родственности ея съ началомъ божественнаго, безусловно хороша, и конечно въ своемъ родѣ не уступать лучшимъ драматическимъ сценамъ части исторической. Вотъ здѣсь я обращаюсь къ тому вопросу, который я поставилъ выше, а именно: почему за основу и исходный пунктъ діалога нужно принимать философскую, а не историческую его часть? Въ началѣ главы я говорилъ о двойственности впечатлѣнія, которое дѣлаетъ Федонъ и замѣтилъ, что причина этого совершенно понятна. Одна часть діалога представляетъ намъ вполне художественное изображеніе одного изъ самыхъ трагическихъ событій въ исторіи Аѳинъ — картину смерти обвиненно умирающаго въ темницѣ праведника, и по характеру своему есть дѣйствительно произведеніе безусловно-художественное. Другая — самый отвлеченный, метафизическій трактатъ. При различныхъ средствахъ, которыми пользуются для выраженія своей идеи поэтъ философъ, впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Федона, неизвѣжно должно двоиться, такъ какъ рядъ поэтическихъ картинъ рядъ сухихъ силлогизмовъ — двѣ вещи, плохо гармонирующія въ одномъ и томъ же произведеніи. Теперь я спрошу: возможно ли допустить, чтобы такой глубокой, мирообъемлющей гений какъ

14) The works of Plato, London, 1870, vol. VI, p. 432 ff.

Платонъ могъ допустить такую странную, скажу болѣе, — смѣшную ошибку въ дѣлѣ творчества, чтобы къ поэтическому произведенію придѣлывать метафизическій трактатъ? Ясное дѣло, что основу діалога составляетъ не картина смерти Сократа, а философское изслѣдованіе вопроса о безсмертіи, или правильнѣе — о сущности души. Далѣе. Если мы возьмемъ историческую часть Федона отдѣльно отъ философской, (четырехъ доказательствъ) то увидимъ, что и въ исторической части точно также изслѣдуется вопросъ о безсмертіи души, (собственно — о душѣ) только не путемъ аналитическихъ или чисто-философскихъ, а путемъ непосредственныхъ доказательствъ. Ясно такимъ образомъ, что идея безсмертія — точнѣе, идея души — есть нить, проходящая черезъ весь діалогъ, а Сократъ съ его нравственными принципами и геройскою смертію это — воплощенный въ историческую личность идеаль того, чѣмъ человѣкъ долженъ въ жизни быть и съ какимъ настроеніемъ духа долженъ умирать; личность федоновскаго Сократа это — превращенная въ живой человѣческій образъ, переведенная въ дѣйствительность практическая идея души. Возвращаюсь снова къ вопросу объ отношеніи въ нашемъ діалогѣ двухъ его частей — исторической и философской. Изъ сказаннаго нами читатель могъ видѣть, что въ художественномъ отношеніи Федонъ не представляетъ того единства, какое онъ представляетъ въ смыслѣ философскомъ, и это, какъ я уже нѣсколько разъ замѣчалъ, совершенно понятно. Поэтъ, который мыслить образами, не отдѣляя въ мыслительномъ процессѣ своемъ идеи отъ формы, и превращаетъ самую отвлеченную истину въ цѣльные законченные образы, въ рядъ художественныхъ картинъ, и аналитикъ-философъ, думающій самъ и дѣйствующій на мысль читателя рядомъ сухихъ силлогизмовъ и заставляющій его погружаться въ самыя глубокія метафизическія утонченности — эти два лица не могутъ соединять своихъ произведеній въ одно цѣлое. Невозможно сплотить въ одно сочиненіе трагедію Шекспира или поэму Байрона и «небесную механику» Лапласа; а между тѣмъ почти такого рода соединеніе представляетъ намъ въ художественномъ отношеніи Федонъ. Странно было бы отрицать, что Платонъ принадлежитъ

къ мировымъ гениямъ первой величины, но коренныхъ требованій мысли, основныхъ законовъ творчества не въ силахъ измѣнить никакой гений міра. Двойственность впечатлѣнія, производимая Федономъ, служитъ яснымъ признакомъ того, что онъ въ этомъ отношеніи (въ отношеніи художественномъ) не представляетъ цѣлаго. Въ этомъ отношеніи, повторяю, онъ рѣшительно распадается на двѣ части: съ одной стороны мы читаемъ въ немъ трагедію— въ высочайшей степени поэтическое изображеніе страдальческой кончины одного изъ лучшихъ людей, которыхъ произвела Греція, а съ другой — самый отвлеченный и по мѣстамъ до-нельзя отвлеченный философскій трактатъ объ одномъ изъ труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ. Формулирую сказанное мною объ отношеніи идеи и художественной формы Федона въ слѣдующее положеніе. Федонъ Платона — изслѣдующій вопросъ о сущности и назначеніи человѣческой души — представляетъ собой безусловно-полное и законченное цѣлое, какъ произведеніе философское, (какъ діалогъ догматическій) но какъ произведеніе художественное распадается на двѣ части: на драматическій діалогъ, котораго предметъ — смерть Сократа, и на метафизическій трактатъ о душѣ.

Въ заключеніе представленной мною характеристики Федона, какъ цѣлаго, я коснусь еще одного вопроса, разрѣшеніе котораго не безынтересно въ настоящемъ случаѣ. Сократъ въ день смерти ведетъ съ друзьями въ темницѣ бесѣду о безсмертіи души. Дѣйствительно ли этотъ разговоръ происходилъ исторически, или же онъ вымышленъ Платономъ? Бишофъ въ сочиненіи о Федонѣ посвящаетъ изслѣдованію этого вопроса отдѣльную главу, и такъ какъ я думаю, что съ нимъ въ настоящемъ случаѣ можно согласиться вполне, то я изложу его взглядъ на этотъ предметъ. Вотъ, что онъ по этому поводу говоритъ. < Историческаго доказательства на то, что Сократъ передъ смертью велъ эти или подобныя бесѣды съ своими друзьями и учениками о безсмертіи души нѣтъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, не только возможно, но въ высочайшей степени вѣроятно, что человѣкъ, который считалъ несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ изба-

виться отъ смертнаго приговора съ помощію малодушныхъ просьбъ, а также съ твердостію отвергъ малодушныя просьбы своихъ друзей спастись бѣгствомъ (что все составляетъ историческіе факты) — представляется какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ, что этотъ человѣкъ воспользовался своимъ послѣднимъ свиданіемъ съ друзьями для бесѣды о предстоявшей ему участи — о смерти и о томъ, что такое для него смерть. Правда, Ксенофонтъ не говоритъ объ этомъ ничего и умирающій Сократъ у него даже не упоминаетъ о безсмертіи; но это ничего не доказываетъ противъ нашего предположенія, такъ какъ извѣстно, что Ксенофонтъ былъ въ это время далеко въ Азіи, и, слѣдовательно, вообще не можетъ быть принимаемъ за достовѣрнаго свидѣтеля. Но довольно о томъ, — что прежде всего представляется какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ тотъ фактъ, что Сократъ въ послѣдніе свои часы велъ бесѣду о подобнаго рода предметахъ — въ духѣ и Платона, или въ смыслѣ не принадлежащаго Платону, хотя и помѣщаемаго между его произведеніями разговора Аксіохъ, гдѣ рассуждающій объ этомъ предметѣ Сократъ представляетъ почти не другія основанія для утѣшенія умирающаго какъ то, что въ смерти человѣкъ ничего больше не чувствуетъ, — совершенно на манеръ Цицерона, прибавляя къ этому крайне слабое доказательство безсмертія, — доказательство, въ которомъ на основаніи силы духа человѣка вообще, проявляющейся въ открытіяхъ и другихъ великихъ дѣлахъ выводится заключеніе о присутствіи въ человѣкѣ *θεῖον τι*, а отсюда о безсмертіи: коротко сказать — въ какомъ духѣ Сократъ долженъ былъ рассуждать о смерти и безсмертіи (хотя впрочемъ послѣднее основаніе едва ли можно считать достойнымъ Сократа) — этотъ вопросъ долженъ остаться не разрѣшеннымъ.

Но если мы всмотримся въ нашъ разговоръ въ его отдѣльныя черты, которыя позволяютъ заключать объ исторической основаніи, то мы встрѣтимъ здѣсь многія указанія. Если извѣстно: *Πλάτων ἡσθένας* (Платонъ былъ боленъ) повидимому прежде всего показываетъ то, что отъ всего послѣдующаго нельзя ожидать строгой исторической истины, то въ этомъ выраженіи звучитъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто бы нѣкотораго рода изъ-

неніе, которое едва ли бы было выставлено на видъ, если бы ни одинъ изъ друзей Сократа не присутствовалъ при его смерти. Къ этой отдѣльной чертѣ присоединяется и упоминовеніе объ отсутствіи Аристиппа и Клеомброта, также какъ объ отсутствіи другихъ друзей и учениковъ — Критона, Аполлодора, Эхина, Эвклида и другихъ. Такимъ образомъ, отсюда во всякомъ случаѣ можно вывести то заключеніе, что Сократъ умеръ, окруженный большинствомъ своихъ друзей и учениковъ, и потѣмъ далѣе то, что онъ долженъ былъ вести съ ними свою послѣднюю бесѣду о такихъ предметахъ, которые были ему въ то время особенно близки. Сверхъ того, мы находимъ въ діалогѣ еще два указанія — упоминаніе о вѣстическихъ опытахъ Сократа и послѣднее его слово: «мы должны пѣтуха Асклепію.» Что это, такъ выразительно переданное выраженіе, какъ его послѣднее слово, дѣйствительно ему принадлежитъ — это не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и то, что сказанное о сочиненіи стиховъ имѣетъ историческое основаніе. Хотя ни въ томъ ни въ другомъ не заключается прямого указанія, но во всякомъ случаѣ и то и другое — что онъ сочинилъ въ темницѣ гимнъ Аполлону и что онъ при смерти напоминаетъ о томъ, чтобы принесена была обычная жертва Асклепію — богу исцѣленія отъ болѣзней, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что умирающаго Сократа занимали мысли, по крайней мѣрѣ похожія на тѣ, которыя влагаетъ въ уста его Платонъ.»¹⁵⁾ Я думаю, что съ приведеннымъ мною взглядомъ Вишофа можно согласиться вполне. Если мы приемъ во вниманіе нравственный характеръ личности Сократа, а также обстоятельства, связанные съ его процессомъ и осужденіемъ, то мы признаемъ какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ, что онъ не только могъ, но долженъ былъ направить свою послѣднюю бесѣду съ друзьями въ тому вопросу, который заставляетъ его изслѣдовать Платонъ. Нѣкоторыя же указанія въ самомъ діалогѣ (на которыя обращаетъ вниманіе Вишофъ) даютъ основаніе предполагать, что и самый характеръ бесѣды Сократа въ темницѣ больше или меньше приближался къ тому, съ какимъ она является у Платона.

¹⁵⁾ Вишофъ, Pl. Ph. S. 236 ff. Ср. Грота, Plato etc. vol. II, p. 195.

Я упоминалъ при разныхъ случаяхъ о родственности учения Федона съ философскими представленіями пифагорейцевъ. Считаю необходимымъ, для полнаго охарактеризованія нашего діалога какъ цѣлаго, остановиться еще на этомъ предметѣ, но уже не съ частныхъ сторонъ вопроса, какъ я касался его прежде, а по отношенію къ духу и характеру философской доктрины Федона вообще. Душа по ученію Пифагора — самодвижущаяся монада, которая, будучи совершенною по своей природѣ какъ единица, находится въ то же время въ состояніи несовершенства. Это послѣднее образуется ея уклоненіемъ отъ единства т. е. ея природы. Заблужденіе и зло заключаются въ безконечномъ и неопредѣленномъ, а единство представляетъ собой высшее выраженіе истины и совершенства. Всякое совершенство, переходя въ движеніе, переходитъ поэтому въ состояніе несовершенства, и слѣдовательно должно опять потомъ стремиться къ совершенству. Проведемъ параллель между этими общими положеніями пифагореизма¹⁶⁾ и психологической теоріей Федона. Мы видимъ здѣсь, что душа находится въ состояніи вѣчнаго движенія. Она живетъ попеременно то въ небесномъ — ноуменальномъ — мірѣ идей, то въ земномъ — феноменальномъ — мірѣ явленій. Начало совершенства, слѣдовательно, проявляется въ ней тогда, когда она, переходя въ міръ неизмѣнной истины — неизмѣнныхъ, вѣчныхъ, олицетворяющихъ собой верховное единство идей — становится сама неизмѣною, превращаясь въ полное и безусловное единство въ самой себѣ, въ глубочайшихъ основахъ своей природы. Начало несовершенства проявляется въ душѣ тогда, когда она переходитъ въ движеніе. Ниспадая въ земной міръ, она переходитъ изъ области единства въ область многообразнаго, изъ міра неизмѣннаго — въ міръ вѣчно колеблющихся, измѣняющихся явленій, и слѣдовательно сама нѣкоторымъ образомъ становится въ своей внутренней жизни причастницею многообразія, дѣлается чѣмъ-то многообразнымъ. Затѣмъ лучшіе моменты ея земного бытія — это

¹⁶⁾ Въ настоящемъ мѣстѣ я привелъ философскія положенія пифагореизма, признаваемые большинствомъ наиболее компетентныхъ ученыхъ. Известно, что въ цѣлой исторіи греческой философіи нѣтъ вопроса болѣе темнаго и болѣе запутаннаго какъ философія пифагорейцевъ.

тѣ, когда она, отрѣшаясь въ мысленномъ процессѣ своемъ отъ множественнаго и многообразнаго, (— міра явленій) устремляется сама собой, своей всецѣло-единичной природой въ небесную область вѣчно-неизмѣняныхъ, совершеннѣйшихъ единицъ — идей. Въ этихъ психологическихъ представленіяхъ Федона нельзя не признать общности и родственности его теоретическихъ принциповъ съ ученіемъ пифагорейцевъ о совершенствѣ единства и несовершенствѣ множества, о совершенствѣ покоя и несовершенствѣ движенія, объ истинѣ въ единствѣ и заблужденіи во множественности. Не смотря на возраженіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, которые не хотятъ видѣть въ метемпсихосѣ пифагорейскаго догмата, мы имѣемъ весьма твердыя и положительныя указанія на то, что догматъ этотъ въ ученіи пифагорейцевъ существовалъ. Утверждая безсмертіе души, какъ одинъ изъ основныхъ принциповъ своей философской системы, Пифагоръ принималъ въ душѣ двѣ части — болѣе совершенную и менѣе совершенную, (лучшую и худшую) изъ которыхъ первая по природѣ своей безсмертна, а вторая, послѣ многихъ и долгихъ періодовъ странствованій въ тѣлахъ различныхъ людей и животныхъ, или очищается и достигаетъ нравственнаго совершенства, или погибаетъ. Платонъ очевидно заимствовалъ мнѣ о метемпсихическихъ метаморфозахъ души у Пифагора, также какъ этотъ послѣдній — у Египтянъ.¹⁷⁾ Чтобы не останавливаться на этомъ долѣе, какъ предметъ, больше или меньше извѣстномъ каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей философіи, скажу коротко, что всѣ другія психологическія положенія Федона больше или меньше отзываются вліяніемъ пифагорейской доктрины. Пифагорейцы, производивъ душу изъ разлитаго въ міръ божественнаго начала, учили, что она временно заключена въ тѣло въ наказаніе за свои прошлыя согрѣшенія. Съ идеей безсмертія души у нихъ неразрывно связывалось ученіе о переселеніи душъ, а съ идеей душепереселенія — представленіе о постепенномъ очищеніи ихъ. То же самое философское ученіе мы находимъ и въ нашемъ діалогѣ. Ученіе о ниспаденіи души въ дольний міръ, о наказа-

¹⁷⁾ Deycks, Plat. de animorum migratione doctrina, Coblenz, 1834, p. 11.

ни за грѣхъ, о переселеніи душъ въ тѣла различныхъ животныхъ, о постепенномъ очищеніи ихъ и совершенствованіи ихъ путемъ этихъ переселеній, наконецъ ученіе о тѣлѣ, какъ о темницѣ души — все это положенія чистаго пифагорейства, котораго полнѣйшее отраженіе представляетъ Федонъ. Но еще яснѣе, чѣмъ въ теоретической сторонѣ пифагорейскій характеръ доктрины Федона открывается въ нравственно-практическомъ характерѣ его философіи. Установленіе идеи нравственной жизни, указаніе того нравственнаго идеала, къ которому душа должна стремиться для того, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей природѣ — суть и смыслъ цѣлаго Федона. Всѣ теоретическіе выводы и положенія его направлены — не скажу преимущественно — а исключительно къ нравственнымъ цѣлямъ. Разсматривая вопросъ о душѣ — со стороны ея природы, характера, ея отношенія къ обоимъ мірамъ — идей и явленій, наконецъ, со стороны различныхъ моментовъ и формъ ея бытія, Сократъ не просто старается утвердить въ умахъ слушателей теоретическую идею души, а едва не на каждомъ шагѣ поставяетъ вопросъ: «какова должна быть цѣль дѣятельности души, чѣмъ она должна быть въ жизни, къ чему она должна стремиться въ мірѣ земномъ, для того чтобы достигъ самаго совершеннаго, наилучшаго бытія тогда, когда, разрѣшившись отъ тѣла, она войдетъ въ непосредственное общеніе съ божествомъ и міромъ идей. Сократъ этимъ начинаетъ и этимъ же оканчиваетъ всѣ свои разсужденія о безсмертіи. Съ этой стороны — со стороны нравственно-практическаго характера своего — Федонъ весь проникнутъ духомъ пифагорейства. Философское направленіе Пифагора, какъ извѣстно, тѣмъ по преимуществу и отличалось отъ другихъ системъ древняго міра, что оно поставяло своею задачею не столько научно-теоретическое развитіе истинъ, сколько нравственное ихъ приложеніе, — практическую сторону жизни. Въ Федонѣ, какъ я уже сказалъ выше, все сводится къ этой цѣли — къ идеѣ истины жизненной, къ идеѣ дѣла, наконецъ къ идеѣ верховнаго блага, котораго душа достигнетъ въ мірѣ другомъ, если разовѣетъ и воспитаешь въ себѣ нравственное начало здѣсь. Какъ послѣднюю цѣль ея кратковременнаго пребыванія «въ тем-

ницѣ тѣла. Сократъ указываетъ ей задачу — трудиться и работать надъ самой собою, для того чтобы она могла еще здѣсь, на землѣ, постепенно возрасти до уровня чистаго, внѣземнаго бытія и сдѣлаться, по окончаніи земной жизни, достойною причастницей, полноправной гражданкой міра небесныхъ идей. Какимъ же путемъ можно достигъ такого высокаго совершенства добродѣтели? Сократъ указываетъ на таинства и религіозные обряды, установленные мудрыми для земнаго очищенія душъ. Нравственное начало Сократа такимъ образомъ опирается на идею практической вѣры: онъ ясно сознаетъ недостаточность собственныхъ силъ и средствъ человѣка для достиженія полнаго духовнаго совершенства. И такъ второй нравственный элементъ Федона — религія. Мы видѣли, до какой степени глубоко проникнута этимъ началомъ вся философія Сократа. Онъ начинаетъ доказательство безсмертія ссылкой на авторитетъ положительной вѣры — мнѣюмъ о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ и періодическомъ возвратѣ ихъ въ міръ; ссылкой на свидѣтельство вѣры и заканчиваетъ свои философскіе доводы (мнѣюмъ о посмертномъ состояніи душъ.) Между этими двумя мнѣями идетъ цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ метафизическихъ разсужденій о будущей, посмертной судьбѣ души, но всѣ они примыкаютъ наконецъ, какъ радіусы къ центру — къ свидѣтельству вѣры, потому что Сократъ все этимъ заканчиваетъ. Такимъ образомъ, въ Федонѣ какъ цѣломъ намъ представляется три элемента: философія, мораль и религія; и эти три элемента соединены въ немъ неразрывно въ одно. Вопросъ о сущности, характерѣ и свойствахъ души разрѣшается въ діалогѣ главнымъ образомъ путемъ философскаго изслѣдованія; но онъ изслѣдуется здѣсь не какъ вопросъ только научный, не ради одного теоретическаго интереса истины, а вмѣстѣ съ цѣлю разрѣшенія другого, болѣе близкаго къ намъ вопроса: къ чему должна стремиться въ жизни наша душа, какъ она должна воспитывать себя на землѣ для того, чтобы, возвратившись потомъ на свою родину — небо, явиться въ сонмѣ божествъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей божественной природѣ, — достигъ идеала совершеннѣйшаго бытія. Но ни то ни другое — ни теоретическое разрѣшеніе во-

проса о душѣ, ни осуществленіе въ жизни идеала совершенной добродѣтели невозможно безъ непосредственнаго участія въ томъ и другомъ случаѣ религіи. Теоретическая философія Федона такимъ образомъ подчинена въ немъ морали, и обѣ виѣсть — и философія и мораль — находятъ свое примиреніе и оправданіе въ авторитетѣ вѣры. Религія, нравственность и философія, говоритъ Бишофъ, ¹⁸⁾ — для Платона одне, такъ что у него нѣтъ одного безъ другою. Но нигдѣ, прибавлю я отъ себя, эти три элемента его философіи не представляютъ такого полнаго, гармоническаго единства, какъ въ нашемъ діалогѣ.

Что же касается до самаго характера нравственныхъ принциповъ Федона и вообще сократовскаго идеала истиннаго философа, то я назову пиеагорейскую мораль нашего діалога безукоризненно-чистою, безусловно-совершенною — съ точки зрѣнія древняго міра. Жизнь для истины, постоянное стремленіе прилагать идею къ жизни и превращать на каждомъ шагу нравственное убѣжденіе въ нравственный подвигъ, постоянное самоизученіе и самоуглубленіе, презрѣніе ко всему, кромѣ того, что одно безпредѣльно дорого для души — ея вѣчной будущности, наконецъ полное, всецѣлое самоотверженіе передъ лицомъ истины и нравственной идеи — все это какъ нельзя болѣе напоминаетъ нравственныя предписанія и правила Новаго Завѣта. Тѣмъ не менѣе однакожь, въ томъ практическомъ примѣненіи, которое даетъ этимъ началамъ Сократъ, — высокое совершенство морали Федона получаетъ значеніе только относительное: она удовлетворительна не болѣе, какъ съ точки зрѣнія древняго міра. Если же мы всмотримся въ характеръ ея ближе, то увидимъ, что подъ этою кажущеюся высотой ея идеаловъ скрывается самый глубокій, утонченный эгоизмъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только припомнить отвѣтъ Сократа на замѣчаніе Симміаса и Кебеса, что ояъ слишкомъ легко побеждаетъ и міръ и друзей. «Если бы я не думалъ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, говоритъ Сократъ, что я отойду вопервыхъ къ другимъ богамъ мудрымъ и благимъ, а потѣмъ къ умершимъ

¹⁸⁾ Pl. Ph. S. 368.

людямъ, лучшимъ, чѣмъ живущіе на землѣ, то я былъ бы неправъ, не скорбя при наступленіи смерти». Что вы слышите въ этомъ отвѣтѣ Сократа? Его я—эгоистическое желаніе своего личнаго блага. Сократъ безъ сожалѣнія поводитъ друзей, которымъ онъ могъ бы быть полезенъ, потому, что онъ желаетъ возможно скорѣе достигъ путемъ смерти того блаженства, которое недостижимо на землѣ. Такая мораль, повторяю, очевидный эгоизмъ. Человѣкъ новаго времени, воспитанный въ идеяхъ христіанскихъ, никогда не могъ бы отвѣтить такимъ страннымъ и унизительнымъ для себя образомъ своимъ близкимъ: «хотя я знаю, друзья мои, что моя жизнь имѣетъ для васъ значеніе, и я могъ бы еще быть вамъ полезенъ, но такъ какъ я забочусь собственно о себѣ, и всему на свѣтѣ предпочитаю свое личное благо, то я не только безъ сожалѣнія, а съ радостію оставляю васъ, и спѣшу перейти туда, гдѣ мнѣ будетъ лучше.» Божественная религія Христа научила насъ ставить ни во что наше личное благо тамъ, гдѣ оно сталкивается съ благомъ другихъ, и жертвовать собою всецѣло счастію нашихъ ближнихъ. Съ тѣхъ поръ какъ міръ впервые услышалъ слово Вѣрой Истины,—евангельскую заповѣдь: «возлюби ближняго твоего какъ самъ себя» — древній міръ не можетъ уже быть нашимъ руководителемъ въ разрѣшеніи нравственныхъ задачъ, въ практическихъ идеалахъ жизни. Не меньшимъ духомъ эгоизма проникнуто и ученіе Сократа объ отношеніи человѣка къ Божеству. Не распространяясь по этому случаю въ подробностяхъ (такъ какъ это предметъ каждому больше или меньше извѣстный) укажу только, съ одной стороны, на понятія Сократа о Божествѣ, а съ другой — на общій характеръ его нравственной теологіи. Сократъ, какъ мы видѣли, старается утвердить въ умахъ слушателей вѣру въ Божество. Онъ говоритъ, что «боги — благіе и мудрые владыки людей,» что «люди оставляютъ ихъ собственность,» что «боги, наконецъ, имѣютъ насъ попеченіе.» Идея Божества такимъ образомъ, по мнѣнію Сократа, есть идея мудраго и благаго существа, къ которому отношеніе къ людямъ — отношеніе любви. Кажется, самъ очевидный и естественный выводъ отсюда тотъ, что че

съ своей стороны, также долженъ любить Божество. Но, у Сократа однако мы не находимъ объ этомъ ни одного слова! А между тѣмъ, выводъ этотъ такъ логически-необходимъ, что безъ него по видимому не было возможности обойтись! Философъ, весь проникнутый убѣжденіемъ въ бытіи мудраго и благога Божества, обязанъ былъ установить свои отношенія къ нему и объяснить слушателямъ, что человѣкъ долженъ не только чтить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей душой любить этотъ идеалъ совершенной мудрости. Наконецъ, я могъ бы по этому случаю замѣтить, что даже одна только любовь къ симметріи и гармоніи, которая такъ вообще дорожилъ древній міръ, должна была подсказать Сократу ту мысль, что если Божество любитъ Сократа, то и Сократъ, съ своей стороны, долженъ любить Божество. Сократъ однакожъ ничего объ этомъ не говоритъ! Какъ безсердечна и холодна эта практическая теологія Федона передъ пламенѣющимъ духомъ любви Новаго Завѣта, поставившаго безграничную, совершенную любовь ко Всеблагому Существому первою и самую святою изъ заповѣдей! Но, если теологическія понятія и мораль Федона не могутъ болѣе удовлетворять насъ, какъ людей новаго времени, восниставшихся въ безконечно-болѣе возвышенныхъ идеяхъ христіанства, то съ точки зрѣнія чисто-исторической мы должны и въ этомъ отношеніи признать за Платономъ всѣ права на наше глубокое къ нему удивленіе. Рассматриваемое само по себѣ, какъ фактъ древней философіи и жизни, религіозно-нравственное ученіе Федона поражаетъ своею чистотой, и едва ли сколько нибудь основательно можно отрицать то, что строгій, дышавшій любовью къ истинѣ, созерцательный и вмѣстѣ подвижническій характеръ морали Федона возвышается неизмѣримо высоко надъ чувственными идеалами древне-греческаго міра.

Въ началѣ главы мы рассматривали вопросъ о философскомъ цѣломъ Федона со стороны его общей, основной идеи. Теперь, я поставлю тотъ же вопросъ съ другой стороны — со стороны его философскаго построенія, связи и взаимнаго отношенія его доказательствъ. Съ художественнымъ строемъ діалога читатель могъ познакомиться изъ предыдущаго, такъ какъ я излагаю его содержаніе въ той послѣдовательности драматическихъ сценъ

и философскихъ его выводовъ, съ какою она является у самого Платона. Штальбаумъ, давая Федону, какъ я упомянулъ выше, имя трагедіи, проводитъ параллель между художественнымъ построениемъ діалога и составными частями греческой драмы. Такимъ образомъ, онъ видитъ въ прологѣ его — *πρότασις*, (оканчивающійся нравственно-философскими доказательствами безсмертія) въ части собственно-философской (р. 69 E—107 B.) — *ἐπίτασις* съ подраздѣленіемъ его на *ἐπεισβδία*; наконецъ, третья и послѣдняя часть (до конца) представляетъ *ἔξοδος* и *ἐπιλόγους*.¹⁹⁾ Не буду долѣе останавливаться на этомъ, такъ какъ художественную связь и взаимное отношеніе частей цѣлаго діалога читателю очень нетрудно прослѣдить въ нашемъ изслѣдованіи самому. Я останавлиюсь на другомъ, болѣе трудномъ и сложномъ вопросѣ — связи и взаимномъ отношеніи разныхъ частей его философскаго отдѣла, и прежде всего приведу по этому вопросу мнѣніе критики. Въ вопросѣ о взаимной связи философскихъ доказательствъ Федона прежде всего обращаетъ на себя вниманіе взглядъ К. Ф. Германна (въ сущности своей согласный съ воззрѣніемъ Штейнгарта.) Германнъ²⁰⁾ думаетъ, что различныя философскія доказательства Федона представляютъ собой послѣдовательное развитіе философіи Платона вообще. Совершенно другой взглядъ на отношеніе четырехъ доказательствъ выражаетъ Шмидтъ.²¹⁾ Вотъ, что онъ по этому поводу говоритъ. Средину всей аргументаціи занимаетъ логическое доказательство, заимствованное отъ идей, какъ жизненныхъ корней человѣка; это доказательство окружается съ обѣихъ сторонъ — физическимъ, основаннымъ на понятіи жизни; черезъ оба эти доказательства проходитъ и оба кружится на крайнихъ пунктахъ діалога доказательство нравственное, заимствованное отъ самаго дѣла; и это послѣднее есть не что иное, какъ живая вѣра Сократа въ безсмертіе. Штейнгартъ отчасти примыкаетъ къ Германну, а отчасти — не признавая за выраженіемъ «доказательства» того же значенія — утверждаетъ, согласно съ Шмидтомъ, относительно

¹⁹⁾ Plat. opera omnia vol. I, sect. II éd. 4-a, 31.

²⁰⁾ Gesch. und Syst. d. plat. Phil. S. 528—30.

²¹⁾ Висшоъ Pl. Ph. S. 248.

этическихъ разсужденій, какъ онъ ихъ называетъ, — именно относительно первой части и обонхъ мнѣннхъ, — что они содержатъ въ себѣ основанія, заимствованныя отъ вѣры, (Glaubensgründe) для того, чтобы съ помощію ихъ подтвердить доказательства діалектическія. Целлеръ²²⁾ признаетъ въ различныхъ доказательствахъ собственно одно, которое постепенно развивается — въ послѣдовательномъ ходѣ отъ непосредственныхъ и аналогическихъ къ научному убѣжденію путемъ анализа.

Я изложилъ мнѣнія критики по вопросу о числѣ и взаимномъ отношеніи философскихъ доказательствъ Федона. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сравнительной вѣрности вышеизложенныхъ взглядовъ, такъ какъ онъ неоднократно подвергался уже обсужденію, я позволю себѣ предложить читателю мой собственный на этотъ предметъ взглядъ. Проведемъ нить философскихъ доказательствъ діалога сначала въ исторической, а потомъ въ философской части. Мы уже видѣли, что Сократъ, въ самомъ началѣ своей бесѣды, выражаетъ передъ слушателями вѣру въ безсмертіе души, какъ личное, непосредственное свое убѣжденіе. Мы видимъ здѣсь утверженіе идеи безсмертія на слѣдующихъ основаніяхъ: а) на непосредственномъ убѣжденіи сердца и образѣ дѣйствій философовъ, опредѣляемыхъ этимъ убѣжденіемъ; (постоянная мысленная жизнь философовъ въ другомъ мірѣ, съ устраненіемъ всѣхъ заботъ о вѣншнихъ благахъ и выгодахъ жизни земной) б) на характерѣ нашего знанія, крайне-несовершеннаго и недостаточнаго и логически-необходимой потребности признать вслѣдствіе этого дѣйствительность будущаго, отрѣшеннаго отъ тѣла, бытія души, когда ея стремленіе къ совершенному знанію будетъ вполне удовлетворено. (Второй доводъ безсмертія — предположеніе жизни будущей, основанное на характерѣ знанія.) На этихъ чисто непосредственныхъ доказательствахъ безсмертія у Сократа утверждается излагаемое вслѣдъ за тѣмъ нравственное его ученіе — опредѣленіе характера истинной добродѣтели, принадлежащей только философамъ, при чемъ онъ старается убѣдить:

²²⁾ Gr. Phil. II S. 531.

слушателей, чтобы они руководились въ жизни примѣромъ философовъ и принимали ихъ за образецъ, а не жили бы такъ, какъ живутъ не-философы или псевдо-философы. Средство же достиженія совершенства въ добродѣтели — таинства и религіозныя очищенія. Вотъ положенія Сократа во вступительной части діалога. Представляю ихъ еще въ болѣе сжатомъ видѣ.

Дѣйствительность идеи безсмертія утверждается на —

- a) убѣжденіи сердца,
- b) характерѣ знанія.

Теоретическимъ убѣжденіемъ въ этой истинѣ опредѣляется и обуславливается истинная добродѣтель, а единственный путь къ ней — религія.

Все, что Сократъ сказалъ намъ до сихъ поръ, представляетъ уже въ небольшомъ объемѣ цѣльное разсужденіе по вопросу, о которомъ бесѣдуютъ философы. Онъ представилъ намъ два непосредственныхъ доказательства безсмертія души, (убѣжденіе сердца и характеръ знанія) и сдѣлалъ отсюда практическіе выводы. И такъ этого достаточно для нашего убѣжденія? Нѣтъ; намъ необходимо услышать еще по этому предмету мнѣніе науки, провѣрить все сказанное путемъ философскаго анализа. Слѣдуютъ четыре собственно-философскихъ доказательства. 1) Первое — «крайнихъ противоположностей» — утверждается на мифѣ, при чемъ періодическое странствованіе душъ, изъ ада въ міръ и изъ міра въ адъ, подтверждается аналогическими примѣрами перехода логически-простыхъ понятій и сущностей изъ одной противоположности въ другую. 2) Второе — психологическое — доказательство подтверждаетъ анализомъ сущности и природы души (бытіемъ въ ней идей) фактъ, одержавшейся въ первомъ, а именно показываетъ, что душа чело-вѣка до пришествія своего на землю дѣйствительно существовала въ какомъ-то другомъ мірѣ. 3) Третье доказательство аскрываетъ намъ идею безсмертія души поэтически-философскимъ образомъ. Положивъ въ основу родство души съ невидимыми и неизмѣнными сущностями, (что открывается изъ наблюденія явленій нашей внутренней психической жизни) доказательство гверждаетъ фактъ простоты, и, слѣдовательно, неразрушимости

психического начала, такъ какъ все, простое по природѣ, — неразрушимо, въ противоположность сложному, носящему въ самомъ себѣ начало разрушенія. Другое основаніе безсмертія въ томъ же доказательствѣ — самостоятельность ощущаемаго нами внутри насъ самихъ и управляющаго тѣломъ начала, повелительный голосъ души — фактъ, который доказываетъ ея родство съ началомъ божественнаго и слѣдовательно безсмертнаго. 4) Четвертое — космическое — доказательство утверждаетъ научно-философскимъ образомъ бытіе идей, какъ предметныхъ, реальныхъ единицъ, представляющихъ собой творческое начало относительно міра явленій. Идея души — начала однороднаго съ идеями — есть жизнь, которая неразрывно связана съ ея природою; очевидно, слѣдовательно, что душа въ силу этого не можетъ умереть.

Если мы внимемъ въ основу каждаго изъ этихъ доказательствъ, то увидимъ, что она одна и та же во всѣхъ четырехъ, а именно идея простоты, неизмѣнности и, вслѣдствіе этого, родственности психического начала съ началомъ божественнаго. Идея эта полагается въ самомъ началѣ доказательства, (въ первомъ) какъ нѣчто уже готовое, опредѣляемое болѣе общей идеей — идеей души, заимствованной изъ міа. Въ слѣдующемъ затѣмъ доказательствѣ Платонъ указываетъ на присутствіе въ душѣ простыхъ началъ (идей) — чего-то такого, чего рѣшительно нѣтъ въ окружающемъ насъ бытіи. Очевидно, что и въ этомъ доказательствѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же понятіемъ простоты психического начала, какую мы видѣли въ первомъ. Если душа не опредѣляется пока еще здѣсь сама, въ смыслѣ простой сущности, то намъ показываютъ въ ней носительницу простыхъ сущностей, и слѣд. нѣчто простое по своему внутреннему содержанію. Третье доказательство представляетъ новый моментъ въ развитіи той же идеи — простоты души. Душа постоянно стремится въ мысленномъ созерцаніи своихъ къ простымъ и неизмѣннымъ сущностямъ, становясь сама неизмѣнною, какъ скоро приходитъ въ соприкосновеніе съ ними; ясно, что она есть нѣчто родственное имъ. Понятіе простоты высказано уже такимъ образомъ въ этомъ доказательствѣ какъ научное положеніе, но развитіе этой идеи представляетъ здѣсь еще болѣе поэтически-философскую, нежели научно-философскую форму: про-

стота души еще не доказывалась, а указывается только на факты родственности ея съ простыми сущностями. Слѣдующее и послѣднее доказательство утверждаетъ бытіе идей, какъ простыхъ, отъ вѣчности существовавшихъ, неизмѣнныхъ сущностей, и затѣмъ утверждаетъ, также путемъ научнаго анализа, понятіе души, какъ однородной съ идеями, а слѣдовательно по природѣ простой и неизмѣнной сущности. Такимъ образомъ, въ развитіи проходящей чрезъ всѣ четыре доказательства идеи простоты души, первое доказательство представляетъ характеръ религіозно-философскій, второе — научно-философскій; (бытіе идей утверждается въ смыслѣ субъективномъ) третье — поэтически-философскій, и наконецъ четвертое, также какъ и второе — научно-философскій (бытіе идей утверждается въ смыслѣ объективномъ.) Сколько же всѣхъ аналитическихъ доказательствъ безсмертія заключаютъ въ себѣ Федонъ? Отвѣчаю твердо и положительно, согласно съ Целлеромъ, — одно. То, что мы привыкли называть четырьмя доказательствами Федона, представляетъ, собственно говоря, (по справедливому замѣчанію Целлера) не что иное, какъ только разныя ступени, различные моменты въ развитіи одного и того же начала — идеи простоты, неизмѣняемости души. Среди этихъ доказательствъ положительныхъ, основанныхъ на анализѣ сущности психическаго начала, мы видимъ въ Федонѣ рядъ доказательствъ отрицательныхъ — опроверженіе пифагорейской теоріи души, какъ гармоніи тѣла. Какое значеніе имѣетъ эта часть разсужденій въ кругу доказательствъ Федона вообще? Она имѣетъ значеніе, какъ мы уже видѣли, прежде всего — полемическое. Для приданія своему изслѣдованію полноты, для обсужденія вопроса со всѣхъ сторонъ, Платону необходимо было подвергнуть критическому разбору одну изъ самыхъ популярныхъ психологическихъ теорій его времени, которая въ ученіи о природѣ души такъ далеко расходилась съ его собственной. Имѣетъ съ тѣмъ, эта отрицательная часть разсужденій діалога даетъ намъ также и положительные выводы. Она другимъ способомъ утверждаетъ ту же идею простоты души, которую мы находимъ въ доказательствахъ положительныхъ. Опровергая въ понятіи о душѣ начало простоты условной и зависимой, представляемой гармо-

ней, она этим самым утверждает простоту и единичность психического начала въ немъ самомъ, внутри его собственной природы, слѣд. не зависящую отъ какого бы то ни было сочетанія. Другой положительный выводъ, который даетъ намъ эта часть рассужденій, — это утверженіе самостоятельности психического начала, руководящагося только своими собственными законами — фактъ, въ которомъ насъ убѣждаютъ наблюденія надъ явленіями нашей внутренней жизни. Философское изслѣдованіе вопроса о безсмертіи кончено. Призналъ ли Платонъ достаточными эти доказательства для утверженія идеи безсмертія, какъ несомнѣнной, аксіоматической истины? — Нѣтъ: философское изслѣдованіе подобнаго вопроса исключаетъ возможность математически-точного результата въ рѣшеніи. И вотъ, какъ подкрѣпленіе и утверженіе этихъ чисто-научныхъ доказательствъ идеи безсмертія, мы видимъ въ Федонѣ другія доказательства, другой способъ рѣшенія той же задачи — мнѣ о будущей жизни. Первый изъ нихъ — метемпсихозъ — даетъ самый общій отвѣтъ на вопросъ о посмертной судьбѣ душъ, преимущественно передъ другими проникшихся въ жизни стремленіями и склонностями тѣлеснаго начала. Точно также мнѣ упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ и объ участи, ожидающей души людей добродѣтельныхъ, кромѣ философовъ. Второй представляетъ намъ полное рѣшеніе вопроса о будущей жизни всѣхъ вообще душъ — съ посмертнымъ судомъ, отношеніемъ человѣческихъ душъ къ другимъ существамъ — божествамъ и демонамъ, съ различіемъ въ степеняхъ наградъ и наказаній, наконецъ, съ подробнымъ описаніемъ будущихъ жилищъ душъ, — какъ добродѣтельныхъ такъ и порочныхъ. Первый мнѣ, какъ мы уже видѣли, представляетъ болѣе общую, болѣе, такъ сказать, популярную форму вѣрованія древнихъ въ загробную жизнь. Это мнѣ, по характеру своему, — экзотерическій. Второй — отличается болѣе эсотерическимъ характеромъ. Догматы послѣдняго образовались подъ влияніемъ болѣе очищенныхъ чѣвъ въ первомъ народныхъ вѣрованій, мистерій, ученія философовъ. наконецъ, представленій о загробной жизни, принадлежащихъ лично самому Платону. По положенію и значенію своему въ

діалогъ первый мнѣ представляетъ обратную сторону, антитезу того, что Платонъ говорилъ передъ этимъ, въ третьемъ доказательствѣ, о характерѣ, котораго достигаетъ наконецъ путемъ долгаго очищенія душа истиннаго философа, и объ ожидающемъ ее посмертномъ блаженствѣ. Второй мнѣ заканчиваетъ собой всѣ доказательства. Это—последнее слово, послѣдній аргументъ Платона въ пользу безсмертія души. Но, и послѣ этого, онъ не рѣшается утверждать этой идеи, какъ истины, исключаящей даже малѣйшую возможность сомнѣнія. И для него самого, также какъ и для насъ, его читателей, вопросъ о безсмертіи души, послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ доказательствъ, остается проблематическимъ. Послѣдній и окончательный выводъ, который даетъ намъ самъ авторъ Федона относительно продолженія бытія человека по смерти и будущей вѣчной жизни души, есть высочайшая, самая большая вѣроятность.

На основаніи сказаннаго мной, я раздѣляю всю группу философскихъ доказательствъ Федона на три категоріи: а) на доказательства непосредственныя (практическія) — въ первой половинѣ исторической части діалога; б) на доказательства собственно-философскія, или аналитическія; в) и на доказательства, опирающіяся на авторитетъ положительной вѣры (оба мнѣя.) Послѣднія, строго говоря, также относятся къ доказательствамъ непосредственнымъ (практическимъ); но такъ какъ вѣра, кромѣ внутренняго основанія своего въ самой душѣ, всегда предполагаетъ и начало внѣшнее — авторитетъ преданія, то мы имѣемъ полное право сдѣлать изъ этихъ доказательствъ отдѣльную группу. И такъ философское цѣлое Федона представляетъ намъ слѣдующія основанія безсмертія души:

а) Непосредственное убѣжденіе сердца, — внутренній инстинктъ человека, говорящій ему о его безсмертіи.

б) Свидѣтельство науки, утверждающей эту идею съ самою большею вѣроятностію.

в) Свидѣтельство положительной вѣры, утверждающей идею безсмертія, какъ фактъ.

Теоретическая идея души подчиняется въ Федонѣ, какъ мы уже видѣли, нравственной сторонѣ той же идеи. Всѣ фило-

софскія разсужденія его о сущности души направлены къ разрѣшенію одного и того же практическаго, жизненнаго вопроса: къ чему должна стремиться, и какъ должна жить на землѣ наша вѣчная, бессмертная душа, для того чтобы получить, по окончаніи земной жизни, достойный ея природы жребій въ области вѣчнаго, бессмертнаго бытія. Общій характеръ нашего діалога даетъ ему такимъ образомъ значеніе нравственно-философскаго трактата о душѣ. Формулирую сказанное мною о доказательствѣ Федона въ слѣдующее положеніе: «Федонъ, въ четырехъ философскихъ доказательствахъ своихъ, представляетъ развитіе одной и той же идеи — простоты души, какъ неизмѣнной сущности, — идеи, которая, въ діалектическомъ развитіи своемъ, послѣдовательно является намъ подъ формою религіозно-философской, поэтически-философской и научно-философской. Четыре доказательства суть нечто иное, какъ различные моменты одного и того же, основу котораго составляетъ идея души, диаметрально-противуположной по своей природѣ міру видимыхъ явленій. Съ доказательствами чисто-философскими, или аналитическими, находятся въ самой тѣсной связи доказательства непосредственныя, или практическія: и тѣ и другія, найдя свою опору въ авторитетѣ положительной вѣрны взаимно между собою переплетаясь, образуютъ неразрывную цѣпь религіозно-нравственно-философскихъ доводовъ бессмертія, соединенныхъ между собою такъ тѣсно, что они рѣшительно представляютъ одно цѣлое».

Въ заключеніе представленнаго мною общаго обзора Федона, я остановлюсь еще на одномъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго въ настоящемъ случаѣ, столько же для насъ важно, сколько и интересно. Какое понятіе даетъ намъ діалогъ о сущности души? Какъ мы должны представлять ее на основаніи Федона: какъ личную, разумную сущность, или же — какъ идею? Вопроса этого не поставитъ нельзя, такъ какъ въ четвертомъ доказательствѣ Пль-

тонъ, повидимому, принимаетъ душу за нѣчто положительно однородное съ идеями, а во второмъ — разсматриваетъ ее исключительно, какъ одинъ огромный резервуаръ идей. Гегель въ своей «исторіи философіи» утверждаетъ, что Платонъ не представлялъ души самостоятельнымъ бытіемъ или сущностью, что онъ не думалъ принимать, въ буквальномъ значеніи слова, ея отдѣльнаго бытія—прежде или послѣ настоящей жизни, и что, вообще, онъ не доходилъ до такого грубаго представленія, (*zu dieser Rohheit herabzusinken*) чтобы представлять душу существомъ, или поставять вопросъ относительно продолженія — или постоянства ея бытія въ томъ смыслѣ, какъ мы это представляемъ относительно существа. Гегель думаетъ, что Платонъ принималъ бытіе души, какъ универсальной мысли или идеи, какъ огромнаго агрегата идей, и въ этомъ смыслѣ приписывалъ ей безсмертіе, такъ что всѣ черты описанія, въ которыхъ онъ изображаетъ ея состояніе, прежде начала земной жизни или послѣ смерти, должны быть понимаемы какъ поэтическія метафоры. Гротъ, приводя изложенное здѣсь мнѣніе Гегеля, замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее. Взглядъ Гегеля на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ много остроумія, и проливаетъ свѣтъ на многія отдѣльныя выраженія Платона, но мнѣ представляется, что Гегель заходитъ слишкомъ уже далеко. И для мысли и для вѣрованій Платона, душа была въ одно и то же время и личной сущностью (*particular thing*) и началомъ универсальнымъ. Языкъ его позволяетъ намъ понимать подъ этимъ иногда одно, а иногда — другое.» ²³⁾ Вишофъ, разсуждая объ этомъ вопросѣ, говоритъ слѣдующее. «Платонъ въ этомъ случаѣ (въ представленіи души, какъ идеи жизни) опредѣлилъ, съ своей точки зрѣнія, какъ нельзя болѣе ясно, что такое душа. Душа, по Платону, несомнѣнно — реальное бытіе, (*ein Ding*) а не отвлеченное понятіе или идея; но бытіе такое, которое, въ силу идеи жизни, есть то, что она есть, и для котораго жизнь составляетъ такую

²³⁾ Не имѣвши подъ рукою исторіи философіи Гегеля въ нѣмецкомъ подлинникѣ, я привелъ изложенный здѣсь его взглядъ по Гроту. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ читатель найдетъ и приводимое дагѣ сужденіе объ этомъ взглядѣ самого Грота. *Plato etc. vol. II, p. 190 ff.*

же существенную принадлежность, какъ для огня теплота. Душа, представляя собою отдѣльное бытіе, есть поэтому нѣчто способное подвергаться измѣненію, или представлять противоположныя состоянія, — какъ напр. она можетъ быть добромъ и злою, — но въ силу того, что она есть такое бытіе, которому существеннымъ образомъ свойственна жизнь, она отличается отъ всѣхъ другихъ предметовъ, и представляетъ собою нѣчто болѣе, чѣмъ единичное бытіе. Душа есть нѣчто конечное, временное, и въ то же время безконечное, вѣчное, — двойственное по своей природѣ существо, какъ это показываютъ воззрѣнія всѣхъ древнихъ мнѳовъ, и религій и философскія крайности матеріализма и спиритуализма. Платонъ признаетъ этотъ двойственный характеръ души, какъ скоро онъ, съ одной стороны, показываетъ ее намъ какъ предметъ, а съ другой — какъ нѣчто отличное отъ всѣхъ предметовъ. Но, она отличается отъ всѣхъ другихъ предметовъ не такимъ образомъ, какъ эти послѣдніе различаются между собою, а тѣмъ, что бытіе, которое принадлежитъ всѣмъ остальнымъ предметамъ какъ нѣчто случайное, ей принадлежитъ какъ существенное, и то, въ чемъ всѣ предметы только посредствующимъ образомъ имѣютъ свою часть — въ ней составляетъ основу, и сущность и элементъ ея бытія. Но здѣсь же равнымъ образомъ заключается и то, что всѣ другіе предметы, въ силу того что они только предметы, не существуютъ дѣйствительнымъ образомъ, а представляютъ бытіе только кажущееся, тогда какъ душѣ принадлежитъ дѣйствительное бытіе.»²⁴⁾ И такъ какое же понятіе даетъ намъ Федонъ о душѣ: есть ли это личная сущность, или—идея жизни? Думаю, что если этотъ вопросъ поставить относительно ученія Платона о душѣ вообще — то на него едва ли возможно отвѣтить съ послѣдней, положительной точностью, которая исключала бы въ этомъ случаѣ всякое сомнѣніе; да едва ли совершенная ясность въ представленіи этого предмета существовала для мысли самого Платона. Но поставивши тотъ же вопросъ относительно нашего діалога, какъ самаго полного и всесторонняго изслѣдованія Платона о душѣ, мы, думаю, не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что

²⁴⁾ Pl. Ph. S. 207.

душа въ Федонѣ является и тѣмъ и другимъ — и личной сущностью и виѣстѣ идей, такъ что, въ этомъ послѣднемъ представленіи, она приближается къ понятію универсальной, мировой души. Что Платонъ принимаетъ въ Федонѣ душу за личную сущность — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. На замѣчаніе противъ этого Гегеля, который во всемъ, что Платонъ сообщаетъ намъ о періодахъ жизни души — до воплощенія и посмертномъ — видитъ не больше какъ поэтическія метафоры, я отвѣчу, что мнѣ можно видѣть тамъ, гдѣ это позволяетъ форма, а у Платона въ чисто-философской части его разсужденій нѣтъ даже и подобія миенической формы. Но еще положительнѣе замѣчаніе Гегеля опровергается тѣмъ, что всѣ теоретическія разсужденія Федона о душѣ направлены, какъ мы уже видѣли, мало сказать — главнымъ образомъ, а рѣшительно и исключительно къ нравственнымъ цѣлямъ. Ясно, что душа у Платона является существомъ, нравственно-отвѣтственной личностью, и какъ скоро нравственные выводы діалога опираются на его теоретическіе принципы, то придавать этимъ послѣднимъ значеніе только поэтическихъ метафоръ — представляется очень страннымъ. Не буду останавливаться на тѣхъ фактахъ, которые утверждаютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ понятіе души, какъ личной сущности; читатель имѣетъ передъ собою діалогъ: выводы не трудно сдѣлать самому. Я приведу только нѣкоторые факты, которые даютъ, въ настоящемъ случаѣ, душѣ значеніе чего-то общаго и аналогическаго съ идеями. Мы видѣли въ анализѣ четвертаго доказательства безсмертія, что у Платона превращены въ идеи, въ смыслѣ реальныхъ, предметныхъ единицъ, не только безчисленные родовыя понятія, но даже отвлеченныя качества и отношенія. Душа, созерцающая эти идеи въ періодъ жизни ноуменальной, носитъ ихъ въ то же время въ самой себѣ, внутри своей собственной сущности, какъ мы ясно видѣли это изъ факта припоминанія ею идей, въ періодъ земного ея бытія. Очевидно, слѣдовательно, что душа есть прежде всего огромная коллекція, обширный резервуаръ всевозможныхъ идей, и я думаю, что главнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ Платонъ говоритъ о ней, что она есть нѣчто *συγγενὸς* съ идеями — нѣчто близкое и родствен-

ное имъ. Мы видѣли далѣе, въ анализѣ того же доказатель-ства, что идеи относительно міра явленій, имѣютъ значеніе творящаго, правильнѣе, — образующаго начала, и что каждое явленіе становится тѣмъ, что оно есть, черезъ причащеніе лежащаго въ нашемъ мірѣ земного начала — природы небесной идеи. Нѣчто подобное относительно земного міра представляетъ и душа, одушевляющая въ актѣ воплощенія, по возвращеніи своемъ изъ міра ноуменальнаго, вновь образующееся на землѣ человѣческое тѣло. Но, представляя въ этихъ чертахъ начало близкое и аналогическое съ идеями, она есть въ то же время нравственно-разумная, личная сущность, что ясно доказывается ученіемъ о вмѣняемости ей ея дѣйствій и ея нравственной отвѣтственности за свою земную жизнь. Такимъ образомъ, душа, въ психологической теоріи Федона, является въ одно и то же время и бытіемъ личнымъ, — сущностью, весьма близкой къ тому опредѣленію, которое дѣлаемъ ей мы, и вмѣстѣ идеей. Она не есть чистая идея, прежде всего — въ силу своей разумности и нравственныхъ началъ, какъ своего внутренняго содержанія. Она не есть только идея и по характеру своей жизни, потому что, въ то время какъ идеи остаются вѣчно неподвижными и неизмѣнными въ мірѣ ноуменальномъ, душа постоянно вращается между обоими мірами идей и явленій, какъ начало родственное по природѣ своей одному, и періодически увлекаемое силою нравственной необходимости на время въ другой. Въ этихъ чертахъ природы и жизни души — въ ней, вопреки Гегелю, невозможно не признать сущности личной, хотя, впрочемъ, съ особеннымъ, своеобразнымъ характеромъ и такими видоизмѣненіями въ моментахъ ея бытія, которыя рѣшительно не допускаютъ тождественности ея опредѣленія съ нашимъ. Мы видѣли въ ученіи метемпсихоса, что душа, увлекавшаяся при жизни страстями, проникается тѣлеснымъ началомъ до того, что она бываетъ не въ состояніи отдѣлиться при смерти отъ тѣла, безъ тонкой тѣлесной оболочки: въ этомъ представленіи она очевидно теряетъ достоинство своей божественной природы, становясь непохожей на свободное отъ всякой формы психическое начало, ни на чистую идею. Метаморфозируясь потомъ въ тѣлахъ различныхъ

животныхъ и насѣкомыхъ, она очевидно сливается въ одно цѣлое съ жизнью природы, становясь элементомъ діаметрально-противуположнаго ея природѣ бытія. Точно также, одна и та же душа въ различные періоды времени одушевляетъ безчисленное множество вновь образуемыхъ человѣческихъ тѣлъ; одна и та же единица-душа даетъ попеременно бытіе въ разные вѣка и тысячилѣтія милліонамъ людей. Въ этихъ психологическихъ представленіяхъ Федона очевидно нельзя не признать не только близости, но положительной родственности психического начала съ понятіемъ міровой души, съ универсальнымъ началомъ жизни природы, — по крайней мѣрѣ, въ ея органическихъ явленіяхъ.

Укажу, въ заключеніе всего, на самыя общія стороны ученія Платона о душѣ по другимъ діалогамъ. Думаю, что это сближеніе, дополнивъ то или другое психологическое положеніе Федона какою нибудь новою чертою, представить намъ цѣлое его психической теоріи въ болѣе яркомъ свѣтѣ.

а) Душа по Федону какъ нельзя болѣе приближается (*βροίβιτων εἶναι*) къ началу божественнаго. Это же самое мы встрѣчаемъ и въ «законахъ»: *μετὰ θεοῦ ψυχὴ θεϊκότων* ²⁵⁾ — «послѣ боговъ по преимуществу божественное начало — душа.» Догматъ Федона, такимъ образомъ, о божественности души дополняется здѣсь новою чертою — признаніемъ ея первенства во всей области бытія, кромѣ божества.

б) Федонъ утверждаетъ безсмертіе души, какъ вѣчно движущагося начала. Точно такое же понятіе о ея безсмертіи находимъ и въ Федрѣ: *ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος; τὸ γὰρ ἀκίνητον ἀθάνατον* ²⁶⁾ — «каждая душа безсмертна, потому что все вѣчно движущееся безсмертно.»

с) Мы видѣли въ Федонѣ, что душа по природѣ своей представляетъ начало, какъ нельзя болѣе противуположное тѣлу. «Законы» выражаются объ этомъ слѣдующимъ образомъ: *ψυχὴν σώματος εἶναι τὸ πᾶν διαφέρουσαν, ἐν αὐτῷ τε τῷ βίῳ τὸ παρεχόμενον ἡμῶν ἕκαστον τοῦτ' εἶναι μηδὲν ἄλλ' ἢ τὴν ψυχὴν,*

²⁵⁾ Legg. 726 A.

²⁶⁾ Phaedr. 245 C.

τὸ δὲ σῶμα ἰνδαλλόμενον ἡμῶν ἐκάστοις ἔπασθαι²⁷⁾ — «душа совершенно отлична отъ тѣла и то, что каждаго изъ насъ дѣлаетъ тѣмъ, что онъ есть — не что иное, какъ душа; тѣло же, представляющее собой только нашъ образъ, слѣдуетъ за каждымъ изъ насъ.» Здѣсь мы видимъ опять новыя черты, которыми опредѣляется взаимное отношеніе души и тѣла — утверженіе начала души, какъ дѣйствительнаго бытія и понятіе о тѣлѣ, какъ о призракѣ.

d) Душа, по природѣ своей, стремится къ невидимому и неизмѣнному, и носить въ самой себѣ внутреннее ясновидѣніе этого міра. Съ этимъ же свойствомъ ея знакомитъ насъ и Федръ: *πάσα ἀνθρώπου ψυχὴ φύσει τεθέαται τὰ ὄντα*²⁸⁾ — «каждая душа по природѣ своей созерцаетъ истинное, дѣйствительное бытіе,» въ силу чего Платонъ въ другомъ мѣстѣ употребляетъ выраженія: *τὴν τῆς ψυχῆς ὄψιν*²⁹⁾ — *τὸ τῆς ψυχῆς ὄμμα* —³⁰⁾ зрѣніе, глаза души.

Этими общими замѣчаніями я оканчиваю обзоръ Федона, какъ цѣлаго. Многія стороны вопроса въ этомъ очеркѣ не затронуты; другія разсмотрѣны не съ той полнотою, какой читатель вправѣ былъ ожидать и требовать. Извиненіе мое въ этомъ случаѣ — крайняя обширность предмета. Каждый вопросъ Федона такъ многосложенъ, что рѣшительно каждый можетъ быть предметомъ отдѣльной монографіи; тѣмъ болѣе обширнаго изслѣдованія требуютъ они, взятые вмѣстѣ. Но, не всегда отъ воли пишущаго зависитъ придать своему сочиненію ту полноту, какую онъ желалъ бы ему дать: часто (если не въ большинствѣ случаевъ) это опредѣляется чисто внѣшними, независящими отъ автора условіями. Само собою разумѣется при этомъ, что многіе недостатки настоящаго изслѣдованія должны быть отнесены уже не ко внѣшнимъ обстоятельствамъ, обусловливающимъ иногда посрѣшность работы, а — лично въ автору. Но если каждый излѣдователь, какъ бы высоко ни

²⁷⁾ Legg. XII, 959 A.

²⁸⁾ Phaedr. 294 E.

²⁹⁾ Pol. VII, 519 B.

³⁰⁾ Pol. VII, 533 D.

стояло въ наукѣ его имя, всегда и непремѣнно нуждается въ извѣстной долѣ снисхожденія къ извѣстнымъ сторонамъ своего труда, тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ разсчитывать на такое снисхожденіе изслѣдователь, печатающій первый ученый свой трудъ. Въ предыдущихъ главахъ моего сочиненія (въ анализѣ доказательствъ) читатель видѣлъ, что я точно держался принятаго мною однажды плана. Читатель находилъ: а) изложеніе доказательства б) сужденія о немъ критики с) мои собственныя замѣчанія относительно доказательства съ указаніемъ основаній, почему я въ извѣстномъ случаѣ не могъ удовлетвориться тѣмъ или другимъ взглядомъ. Въ заключительной главѣ я по необходимости долженъ былъ отступить отъ этого плана, и, оставивъ безъ анализа сужденія критики объ идеѣ Федона, числѣ и взаимномъ отношеніи доказательствъ, изложилъ мой собственный взглядъ на разныя стороны нашего діалога, какъ цѣлаго. Я указалъ выше причины, почему я въ этомъ случаѣ такъ поступилъ, и надѣюсь, что читатель меня оправдаетъ. Позволить себѣ ограничиться общими, бѣглыми замѣчаніями тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ взгляда, принадлежащаго корифеямъ науки, было бы недобросовѣстно; между тѣмъ, каждый вопросъ, касающійся Федона какъ цѣлаго, такъ обширенъ, что критическая оцѣнка всѣхъ, высказанныхъ по тому или другому вопросу, относительно его мнѣній, (изложенныхъ въ этой же главѣ,) потребовала бы едва ли не отдѣльнаго тома, — трудъ, который въ настоящее время для меня рѣшительно неосуществимъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, въ оправданіе передъ читателемъ моего взгляда на самый главный и существенный вопросъ, разсматриваемый въ этой главѣ — опредѣленіе идеи Федона, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о сужденіяхъ по этому вопросу нѣмецкой критики. Читатель видѣлъ, что въ опредѣленіи идеи Федона я рѣшительно разошелся съ другими изслѣдователями. Я думаю, что сужденія нѣмецкой критики по этому вопросу страдаютъ однимъ и тѣмъ же общимъ недостаткомъ: ученые, мнѣнія которыхъ я выше изложилъ, придаютъ основной мысли нашего діалога слишкомъ частный характеръ, и отъ этого опредѣленіе ихъ не охватываетъ всего содержанія

Федона. Между тѣмъ, опредѣленіе идеи научнаго или художественнаго произведенія непременно должно обнимать въ двухъ-трехъ словахъ все его содержаніе, воплощая, такъ сказать, въ одинъ моментъ его цѣлое. Когда мы говоримъ, что идею гётевскаго Фауста составляетъ — стремленіе духа человѣческаго достигъ путемъ совершеннаго знанія самаго совершеннаго идеала жизни, то мы выражаемъ въ нѣсколькихъ словахъ все содержаніе Фауста, не исключая ни одного изъ его эпизодовъ, какъ напр. любви Фауста къ Гретхенъ. Теперь, я сопоставляю между собою приведенныя мною выше опредѣленія идеи Федона, представляющія, прямо можно сказать, два крайне-противуположные взгляда на одинъ и тотъ же предметъ. Шлейермахеръ думаетъ, что Платонъ поставилъ въ нашемъ діалогѣ цѣлью показать, что желанія философа состоятъ въ желаніи смерти, (im «Sterbenwollen») въ желаніи сдѣлаться чистымъ духомъ. Если такъ, то я прежде всего предложилъ бы вопросъ: каковы образы подъ это опредѣленіе подойдетъ чисто теоретическая часть Федона, метафизическія стороны изслѣдованія вопроса о душѣ? Ясно, что опредѣленіе, которое даетъ идея нашего діалога Шлейермахеръ, далеко не обнимаетъ собою его содержанія вполне «опредѣляющее», какъ выражались старинныя логики, (т. е. взглядъ Шлейермахера) оказывается въ этомъ случаѣ очевидно тѣснѣе опредѣляемаго (т. е. совокупности тѣхъ сторонъ, съ которыхъ разсматривается въ Федонѣ вопросъ о душѣ.) Б. ф. Германнъ признаетъ, какъ мы видѣли, настоящимъ результатомъ нашего діалога то положеніе, что душа и жизнь составляютъ одно. Если такъ, то каковы образомъ согласить съ этимъ опредѣленіемъ нравственно-практическій характеръ Федона, потому что вопросъ о душѣ разсматривается въ немъ не исключительно съ теоретической только стороны. Очевидно, что и опредѣленіе Германна, точно также какъ и опредѣленіе Шлейермахера, не обнимаетъ собою содержанія нашего діалога вполне, потому что чисто практическія стороны его остаются въ этомъ опредѣленіи. Если Платонъ, въ заключеніе всѣхъ своихъ теоретическихъ разсужденій о душѣ, опредѣляетъ ее какъ идею жизни, то это положеніе — не что иное, какъ послѣдствіе.

самое сильное основаніе ея безсмертія, но далеко не идея, или основная мысль цѣлаго діалога, потому что, разсматривая вопросъ, что такое наша душа въ своей сущности, Платонъ ничуть не меньше занимается здѣсь же и другимъ вопросомъ: чѣмъ она должна быть въ земной своей жизни, — что съ нею нужно дѣлать для того, чтобы приготовить ее къ жизни на небѣ, достойной ея небесной природы? Такимъ образомъ, мнѣ рѣшительно представляется, что ни опредѣленіе Шлейермахера, ни опредѣленіе Германна не выражаетъ идеи діалога вполнѣ, хотя, впрочемъ, взглядъ Шлейермахера больше приближается къ истинѣ, нежели Германна. Разрѣшая для себя тотъ же самый вопросъ — объ основной мысли и цѣли Федона — я употребилъ въ моемъ изслѣдованіи чисто практической приѣмъ. Не позволяя себѣ даже подумать о какой бы то ни было предвзятой мысли, какъ бы заманчивой она мнѣ ни представлялась, я превратилъ цѣлое Федона въ тезисы, взявши ихъ внѣ той діалектической формы, какую представляетъ развитіе каждаго изъ частныхъ его положеній. Что далъ мнѣ Федонъ въ сокращеніи всѣхъ теоретическихъ и нравственныхъ принциповъ своего ученія о душѣ, то я и назвалъ его основной мыслью, его идеей. Мы видѣли, что Федонъ изслѣдуетъ вопросъ о душѣ рѣшительно со всѣхъ сторонъ — какъ въ отношеніи научномъ, такъ и жизненномъ, при чемъ эта послѣдняя идея превращена въ немъ, кромѣ всего, въ живой человѣческой образъ, въ дедаловскую статую идеи нравственной жизни — личность умирающаго въ темницѣ спокойною смертію невинно осужденнаго Сократа. Въ силу этого я говорю, что идею Федона составляетъ идея души — въ самой обширной постановкѣ этого вопроса, — какъ со стороны теоретической, такъ и практической. Такимъ образомъ, Федонъ, по моему взгляду, это — полный курсъ психологіи Платона (а не то или другое — теоретическое или нравственное положеніе ея, какъ предѣляетъ его нѣмецкая критика;) это — всесторонній, всеобъемлющій трактатъ о сущности и назначеніи человѣческой души, который, по принципамъ и общему характеру своему, относится только же къ области философіи теоретической, сколько и философіи нравственной.

Я прослѣдилъ, больше или меньше подробно, въ девяти главахъ анализа, содержаніе и ходъ нашего діалога, въ послѣдовательномъ развитіи его драматическихъ сценъ и философскихъ выводовъ. Читатель познакомился съ ученіемъ Платона о душѣ по Федону: мы ниѣмъ передъ собою теорію и полную исторію души человѣческой, въ разные періоды ея бытія. Мы видѣли, какъ она странствуетъ изъ одного міра въ другой; мы заглядывали внутрь ея самой и познакомились съ ея содержаніемъ — идеями, которыя она въ себѣ носитъ; намъ было указано на ея родство съ безсмертными и вѣчными сущностями, и на ея царственную, повелительную роль въ нашей жизни; намъ опредѣлена, наконецъ, ея сущность, какъ жизненнаго, все одушевляющаго начала. Платонъ показалъ намъ, какъ душа, не сохранившая себя чистою отъ вліянія міра феноменальнаго, метаморфозуруется въ тѣлахъ различныхъ животныхъ, нравственно очищаясь и совершенствуясь въ этихъ переселеніяхъ; мы видѣли, какъ она сходитъ въ царство тѣней и подвергается суду; мы спускались въ адъ, гдѣ лежатъ погруженные навѣки въ грязь души закоренѣлыхъ злодѣевъ; мы познакомились съ разными отдѣленіями тартара, въ которомъ несутъ очистительныя и вмѣстѣ исправительныя наказанія души менѣе преступныя; мы поднимались, наконецъ, въ нагорный, поднебесный рай, гдѣ проводятъ блаженную вѣчность, въ общеніи съ божествомъ и созерцаніи безконечно-прекрасныхъ идей, души истинныхъ философовъ. Платонъ представилъ намъ, такимъ образомъ, въ Федонѣ и то, что такое душа человѣческая есть, и то, чѣмъ она бываетъ иногда, и то, чѣмъ она можетъ, и то, чѣмъ, наконецъ, она должна быть. Въ заключительномъ мнѣіи, представляющемъ описаніе ада, тартара и рая Платонъ нарисовалъ намъ полную картину различнаго рода наказаній душъ осужденныхъ; но жизнь другого рода душъ — блаженство философовъ въ нагорной области рая — для насъ осталось неясно. Платонъ говоритъ намъ въ общихъ выраженіяхъ, что эти души наслаждаются блаженствомъ, но не даетъ намъ нагляднаго изображенія этого блаженства, — картины, какую онъ нарисовалъ, изображая мученія душъ въ тартарѣ. Между тѣмъ, познакомиться съ этимъ предметомъ подробнѣе въ высшей сте-

пени интересно, такъ какъ всѣ разсужденія Сократа о душѣ направлены исключительно къ разрѣшенію одного вопроса — при какихъ условіяхъ и какими путями душа можетъ войти по смерти въ рай? Но, если Федонъ, какъ я сказалъ, не даетъ намъ подробнаго описанія посмертнаго блаженства философовъ, то недостатокъ этотъ восполняетъ другой діалогъ Платона — Федръ. Къ нему теперь мы и обратимся: мнѣ Федра о небесной жизни душъ дополнить и дорисуетъ намъ не досказанное Федономъ. Здѣсь же, въ этомъ самомъ мнѣ, читатель найдетъ и новыя черты, новыя подробности, относящіяся къ земному воплощенію душъ. Платонъ, какъ мы видѣли, отказывается опредѣлить сущность и природу души: онъ прямо говоритъ, что опредѣленіе это доступно уму божественному, а не человѣческому. Но, если онъ не имѣетъ возможности ее опредѣлить, то онъ можетъ представить намъ ее эмблематически, нарисовать картину ея, указать — на что она похожа. Такую картину души и рисуетъ намъ мнѣ Федра. Привожу его вполнѣ.

«Мы можемъ уподобить ее (душу) соединенной силѣ крылатой колесницы и возничаго. Кони и возничіе боговъ всѣ вообще хороши, и хорошей породы; у другихъ — только отчасти. Впервыхъ, у людей возничій управляетъ парю; а между тѣмъ, изъ коней одинъ — добрый, хорошей копь и хорошей породы, а другой — другой породы и непохожъ на перваго. Поэтому работа нашего возничаго, естественно, трудна и безпокойна. И такъ, нужно попытаться объяснить, почему одни изъ живыхъ существъ названы смертными, а другія бессмертными. Каждая душа занята попеченіемъ обо всемъ неодушевленномъ, и всѣ души, подъ разными формами, странствуютъ въ небесномъ пространствѣ. Душа совершенная и окрыленная паритъ на высотахъ воздушнаго пространства, и управляетъ всѣмъ міромъ; а та, которая лишилась крыльевъ, спускается внизъ, пока встрѣтитъ что нибудь твердое, гдѣ и поселяется, получая въ удѣлъ земное тѣло; тѣло это представляется самодвижущимся, благодаря силѣ, сообщаемой ему душой; и это — то цѣлое — соединеніе души и тѣла — называютъ животнымъ, усвоивъ тому и другому имя смертнаго. Что же касается до «бессмертнаго», то

это понятіе — не есть результатъ опредѣленія; никогда не видѣвъ и не зная Божества, мы только гадательно представляемъ его, какъ безсмертное существо, имѣющее душу и тѣло, соединенны въ немъ навсегда. Но пусть это будетъ, и пусть объ этомъ говорятъ, какъ угодно Богу; мы коснемся теперь причины потерн крыльевъ, — вслѣдствіе чего именно лишается ихъ душа. Я думаю, что причина этому слѣдующая. Крылья по природѣ имѣють свойство поднимать тяжелое вверхъ — туда, гдѣ обитають божества. То, что мы называемъ божественнымъ, это — прекрасное, мудрое, благое и все другое подобное. Вотъ тѣмъ по преимуществу питаются, и отъ чего приобрѣтають силу крыль души, такъ же точно какъ отъ недостойнаго, и дурнаго и вообще всего противоположнаго, они слабѣють и опадаютъ. Великій небесный вождь, Зевсъ, гоня свою крылатую колесницу, первый совершаетъ бѣгъ, все устроая и всѣмъ управляя. За нимъ слѣдуетъ войско боговъ и духовъ, раздѣленное на одиннадцать отдѣленій; потому что Гестія (Веста) остается одна въ жилищѣ боговъ. Всѣ же другіе верховные боги, (*Dei aetheris*) состоящіе въ сонмѣ двѣнадцати, слѣдуютъ впереди того войска надъ которымъ каждый поставленъ. Разнообразны и воспитательны зрѣлища, представляющіяся тогда въ пространствѣ небесъ блаженному сонму боговъ, во время ихъ ристаній, — это время, когда каждый отправляетъ свои божескія обязанности. Имъ сопутствуетъ каждый, кто хочетъ и можетъ, потому что зависть чужда божественному хору. Отправляясь, вслѣдъ за тѣмъ къ трапезѣ и пиршеству, они поднимаются на самую вершину поднебснаго пространства. Ровно управляемныя колесницы боговъ восходятъ туда легко, другія — съ трудомъ. Конь дурной породы овазывается тогда слабъ, склоняется и тянетъ къ землѣ, если который нибудь изъ нихъ окажется дурно воспитанъ возникши Душѣ, вслѣдствіе этого, предстоитъ трудъ и величайшая борьба Души, называемыя безсмертными, достигнувъ поднебснаго вершины, проникають за нее, и помѣщаются на выпуклой сторонѣ небснаго свода. Когда онѣ стоятъ тамъ — круговратное движеніе кружитъ ихъ кругомъ небесъ, и онѣ созерцають все за небесное.

Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не воспѣвалъ, и не сьумѣлъ бы достойнымъ образомъ воспѣть этого наднебснаго пространства. Но вотъ оно каково, — потому что надобно смѣло говорить истину, особенно тому, кто разсуждаетъ объ истинѣ. Это — область настоящаго бытія, — безъ цвѣта, безъ образа, бытія неосвязаемаго, видимаго только уму, возникшему души. Это — та область, гдѣ вокругъ истиннаго бытія покоится истинное знаніе. Мысль боговъ, которая питается этимъ проникновеніемъ въ истину и чистымъ, безпримѣснымъ знаніемъ, точно также какъ и каждая другая душа, получившая въ удѣлъ ей принадлежащее, любитъ отдаваться, время отъ времени, созерцанію этого истиннаго бытія, и питается этимъ, и находитъ свое блаженство въ этомъ созерцаніи истины, — пока новый оборотъ неба не приведетъ ее на то же самое мѣсто. Въ этомъ круговомъ оборотѣ, душа созерцаетъ самую справедливость, самую мудрость, самое знаніе, — не то знаніе, которому свойственно зарожденіе, и которое бываетъ различно въ различныхъ предметахъ, называемыхъ нами теперь дѣйствительнымъ бытіемъ, но знаніе, имѣющее предметомъ — бытіе въ самомъ себѣ. Окончивъ точно такимъ же образомъ обзоръ всего другого, что представляетъ дѣйствительное бытіе, и насытившись этимъ созерцаніемъ, душа возвращается опять въ поднебсную область и входитъ въ свой чергогъ. И какъ скоро она возвратится, возница, поставивъ въ стойло лошадей, разсыпаетъ передъ ними амброзію и поить ихъ нектаромъ.

Такова жизнь боговъ. Изъ другихъ же душъ — та, которая наилучшимъ образомъ слѣдуетъ за божествомъ, и которая удостоилась ему, приподнимаетъ голову своего возникшаго за небесный сводъ, и уносится общимъ круговращеніемъ; тѣмъ не менѣе однакожь, затрудняемая своими лошадьми, она едва въ состояніи созерцать истинное. Другая душа то поднимается за небесный сводъ, то опускается, и можетъ, какъ скоро ея кони вьанутся вверхъ, видѣть только извѣстныя сущности, а другихъ — не видитъ. Остальныя же души слѣдуютъ вдали, горя желаніемъ увидѣть наднебсныя области, но не могутъ ихъ достигнуть; всѣ онѣ, оставаясь внѣ занебснаго, уносятся круговра-

щепиетъ внизъ, при чемъ одна душа толкаетъ другую, и одна в другую падаетъ, вслѣдствіе того, что одна другую старается предупредить. Начинается шумъ, борьба, величайшее напряженіе силъ; при этомъ многія души, по неискусству возникшихъ, мслѣчиваются; многія другія теряютъ много перьевъ; и всѣ вообще, послѣ величайшихъ усилій, отходятъ не посвященными въ таинства бытія, а удалившись, начинаютъ питаться, какъ своею пищею, только вѣроятнымъ. Причина, по которой души стремятся увидѣть поле истины, состоитъ въ томъ, что на лежащемъ таллугу находится лучшая пища для лучшей части души, и природа крыльевъ, съ помощію которой паритъ душа, питается ея Законъ Адрастен таковъ. ³¹⁾ Какъ скоро какая нибудь душа увидитъ что нибудь изъ того, что представляетъ собою истину, она остается невредимою до слѣдующаго оборота, и если бы она могла это дѣлать постоянно, она никогда не испытала бы зла. Но если душа, будучи не въ силахъ сопутствовать Богу, не видѣла сущностей, или подверглась такого рода несчастію, что напилась забвеніемъ и пороками, то она ставится тяжелою, а отяжелѣвъ, теряетъ крылья и падаетъ в землю. Законъ предписываетъ не поселять ее тогда, съ перваго рожденія, въ тѣлѣ животнаго. Душа, которая видѣла божьихъ другихъ, одушевляетъ зародышъ тѣла будущаго философа, и бителя прекраснаго, музыкальнаго артиста, или читателя эпитафій (поклонника любви). Душу, видѣвшую менѣе и занимающую второе мѣсто, законъ поселяетъ въ тѣлѣ правосуднаго цара, или воина, или правителя; третью заключаетъ въ тѣло государственнаго человѣка, домохозяина (эконома) или промышленнаго; четвертую вводитъ въ зародышъ трудолюбиваго атлета, или врача; пятую — въ того, который будетъ прорицателемъ, или посвященнымъ въ таинства; шестая душа соединится съ тѣломъ поэта, или артиста; для седьмой назначается ремесленникъ, или земледѣлецъ; для восьмой — софистъ, или демагогъ; для девятой — тираннъ. Изъ всѣхъ этихъ душъ та, которая буди-

³¹⁾ *Ἀδράστεια* — символическое олицетвореніе закона необходимости, чего нельзя избѣжать (*ἀ — дрѣиваи*).

руководиться въ жизни справедливостью, наследуетъ по смерти лучшей жребій, а душа несправедливая — худшей. Но туда, откуда каждая душа вышла, — ни одна не возвращается раньше десяти тысячъ лѣтъ, потому что ни у одной изъ нихъ не вырастаютъ крылья раньше этого срока, за исключеніемъ только тѣхъ душъ, которыя съ дѣтской простотой сердца искали истины, или философски любили юность. Эти послѣднія, въ третій оборотъ тысячилѣтія, если онѣ три раза сряду избирали тотъ же родъ жизни, возвращаютъ этимъ способомъ свои крылья, и въ трехтысячный годъ улетаютъ. Всѣ же прочія души, по окончаніи первой своей жизни, подвергаются суду, а послѣ суда — одни сходятъ въ подземныя, опредѣленныя для наказаній мѣста, гдѣ и несутъ наказанія, а другія, по опредѣленію того же суда, воспаривъ въ ту или другую небесную область, проводятъ тамъ жизнь, сообразную съ заслугами жизни своей въ человѣческомъ образѣ. По окончаніи тысячи лѣтъ, онѣ прилетаютъ опять, для избранія себѣ по жребію второй жизни, при чемъ каждая избираетъ тотъ жребій, какой сама пожелаетъ. Душа человѣческая можетъ перейти тогда въ тѣло животнаго, или другая изъ животнаго — перейти опять въ человѣка, если эта послѣдняя когда нибудь прежде составляла собой человѣка, потому что та, которая никогда не видала истины, не можетъ принять человѣческаго образа. Человѣкъ долженъ понимать родъ, то есть разнообразіе, воспринимаемое нами посредствомъ чувствъ, которое можетъ быть обнато въ мысли, какъ одно цѣлое. Знаніе же это есть не что иное, какъ припоминаніе душою того, что она созерцала нѣкогда, совершая небесныя странствованія свои влѣдъ за божествомъ, когда она, презирая называемое нами теперь бытіемъ, возвышалась до созерцанія того, что представляетъ собою истинное бытіе. Въ силу этого, по справедливости, окрыляется мысль одного философа; потому что мысль его постоянно — насколько это возможно — живетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, созерцаніе чего дѣлаетъ Бога божественнымъ существомъ. Человѣкъ, пользуясь какъ должно этими воспоминаніями, освящается черезъ это самыми совершенными таинствами, — и одинъ философъ становится истинно совершеннымъ. Возвышался

надъ всѣми человѣческими стремленіями и погружалась мысль только въ божественное, философъ подвергается порицанію толпы какъ безумный, но, отъ толпы сокрыто то, что онъ вдохновенный». ³²⁾

Не могу болѣе приличнымъ образомъ заключить мою анализа Федона, какъ указаніемъ на достоинства его психологической теоріи. Діалогъ знакомитъ насъ вполнѣ съ психологіей Платона. Многія стороны ея конечно не имѣютъ уже для насъ значенія, въ смыслѣ философскомъ, и представляютъ не болѣе, какъ историческій фактъ. Будучи тѣсно связаны съ религіей и міеологіей эллиновъ, онѣ по этому самому потеряли для насъ свое безусловное значеніе. За то многія другія не только сохраняютъ его въ настоящее время, но не теряютъ и не могутъ потерять его никогда. Чтобы оцѣнить настоящимъ образомъ значеніе психологической теоріи Федона, довольно указать в одно ученіе его объ идеяхъ (въ смыслѣ субъективномъ.) Ди насъ это ученіе, конечно, вещь весьма простая. Но, если мы подвергнемъ его оцѣнкѣ съ исторической точки зрѣнія, и перенесемъ болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, — въ ту эпоху, когда человѣческая мысль только что начинала знакомиться съ приемами научнаго анализа, когда іонійцы, задавшись вопросомъ о душѣ, представляли ее то влагой, то воздухомъ, то огнемъ, — если мы примемъ все это во вниманіе, то не можемъ не благоговѣть передъ величіемъ гонія Платона, который впервые открываетъ въ душѣ присутствіе общихъ началъ, не существующихъ въ окружающемъ ее бытіи — присутствіе въ ней чистыхъ идей. Открывши этотъ фактъ, Платонъ объявляетъ нашу душу вѣчной, безсмертной сущностью. Правда, что ученіе объ идеяхъ облечено у него отчасти въ мистическую форму, и теорія предсуществованія оказывается несостоятельной передъ судомъ критики нашего времени; но, если форма, подъ которой у Платона является эта теорія, потеряла для насъ свое значеніе, то самая теорія идей представляетъ фактъ первостепенной, безсловной важности. Кому не извѣстно, какую огромную роль

³²⁾ Phaedr. 246 A — 249 D.

играетъ ученіе объ идеяхъ въ философіи новаго времени, — и это величайшее завоеваніе ея сдѣлано Платономъ! Далѣе. Мы видѣли, что онъ первый опредѣлилъ въ Федонѣ понятіе души, какъ простой сущности. Правда, что опредѣленіе это не представляетъ у него научнаго характера, и скорѣе можетъ быть названо поэтически-образнымъ, нежели научно-философскимъ; но довольно уже и того одного, что Платонъ первый высказалъ идею, представляющую едва ли не основу всего ученія новой философіи о безсмертіи души. Далѣе. Давши намъ понятіе о простотѣ души образнымъ, описательнымъ образомъ, Платонъ въ томъ же Федонѣ дѣлаетъ намекъ на простоту самой природы ея, простоту психическаго начала въ немъ самомъ, въ его основѣ. Онъ говоритъ, что существо души во всѣхъ людяхъ одинаково. Въ этомъ положеніи Федона содержится уже въ зародышѣ будущее кантовское доказательство безсмертія, основанное на понятіи единства и неразлагаемости нашего сознанія. Опроверженіе понятія о душѣ, какъ о гармоніи, даетъ намъ новую точку опоры въ разрѣшеніи вопроса относительно самостоятельности психическаго начала, представляя положенія такого рода, что вся послѣдующая философія не могла сказать по этому вопросу ничего новаго противъ того, что сказано Платономъ. Обращаясь затѣмъ къ нравственной сторонѣ Федона, мы встречаемъ здѣсь ученіе, которое чистотою началъ и своихъ практическихъ идеаловъ не только рѣшительно возвышается надъ общимъ уровнемъ міровоззрѣнія древнихъ, но какъ будто бы предсказываетъ будущее христіанство. Когда Сократъ говоритъ о крайне несправедливыхъ къ нему обвиненіяхъ такимъ тономъ, какъ будто бы дѣло шло о самыхъ искреннихъ и близкихъ къ нему его друзьяхъ, то мы, кажется, слышимъ въ этомъ тонѣ его то божественное слово, которое міръ услышалъ только черезъ гри съ половиной столѣтія послѣ Платона: «любите враги ваша, благословите клеветующія вы.»³³⁾ А отреченіе сократовскаго философа отъ всѣхъ выгодъ и благъ жизни земной, въ пользу одного завѣтнаго идеала — безпрепятственнаго и болѣе совершен-

³³⁾ Мате., V, 44.

наго приготовленія себя къ жизни небесной, и совѣтъ Сократа друзьямъ — живя тѣломъ на землѣ постоянно жить мыслями и желаніями па небѣ — все это какъ нельзя болѣе напоминаетъ намъ евангельскія правила: «не любите міра, ни, яже въ мірѣ» ³⁴⁾ и «горная мудрствуйте». ³⁵⁾ Наконецъ, для полной и совершенной оцѣнки ученія Платона о душѣ, и въ частности ученія Федона, необходимо имѣть въ виду то, что Платонъ первый высказалъ и развилъ научнымъ образомъ идею безсмертія души. Только въ его ученіи великая идея получила впервые форму научнаго изслѣдованія, и поступила въ разрядъ тѣхъ первостепенныхъ жизненныхъ вопросовъ, которые никогда не перестанутъ занимать человѣческой мысли. До какой степени заслуга Платона въ этомъ отношеніи велика — лучшимъ отвѣтомъ на это служить христіанство и вся философія послѣдующаго времени.

³⁴⁾ I Юан. II, 15.

³⁵⁾ Кол. III, 2.

ОПЕЧАТКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
VIII	— 11	сверху	L. A. Lexicon platonicum Astii.
18	— 8	сверху	представленіи, уничтожается.
21	— 7	сверху	ученикоѡ.
23	— 3	снизу	Бсантипу.
35	— 7	снизу	Эхекратъ.
45	— 11	снизу	неочищенныхъ, говорить.
47	— 13	сверху	въ живыхъ ;
47	— 2	снизу въ примѣч.	Odys. IX.
50	— 17	сверху	очевидно,
51	— 13	снизу	россійскаго, > былъ
67	— 8	снизу	въ себѣ самой
78	— 3	снизу въ примѣч.	Экблада.
87	— 3	сверху	безмертія.
87	— 2	снизу	замѣчаніе.
37	— 5	снизу	способности,
41	— 10	снизу	не могла
43	— 7	сверху	матерія.
47	— 10	снизу въ примѣч.	De ideis Platonis
69	— 2	сверху	εἰρηῖν
70	— 15	снизу	говоритъ Сократу
76	— 3	снизу въ примѣч.	omnia, ed. 4-а.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

4	— 1	сверху	почти
---	-----	--------	-------

II

22 — 1	сверху	и соединеніемъ, и со всѣми другими и пр.	и соединеніемъ, охлажде- ніемъ и нагрѣваніемъ и со всѣми другими и пр.
75 — 11	сверху	не выйдетъ	не войдетъ
84 — 1	снизу	днѣ болѣе и пр.	однѣ болѣе и пр.
86 — 8	сверху	и протяженію а другіе	и протяженію, а другіе.
107 — 19	сверху	Symр. В.	Symр. 220 В.
111 — 15	снизу	Selbstbeherrchung.	Selbstbeherrschung.
142 — 11	сверху	τελουτᾶν	τελευτᾶν.

III. Приложеніє.

Матеріали для історіи народнаго продовольствія въ Россіи.

I.

Кемпписія 1768 года объ устройствѣ государственныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа.

Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ часть матеріаловъ, собранныхъ авторомъ во время его ученой командировки въ Москву и въ Петербургъ для занятій въ тамошнихъ бібліотекахъ и архивахъ. Печатаемые матеріалы, заимствованные изъ московскаго архива министерства юстиціи, относятся къ исторіи вопроса объ устройствѣ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ для продовольствія народа.

Не говоря о практическомъ интересѣ печатаемыхъ документовъ для настоящаго времени, которое такъ занято вопросомъ о народномъ продовольствіи, нельзя не придавать имъ и теоритической важности. Они знакомятъ насъ съ тою стороною царствованія Императрицы Екатерины II, которая мало затронута въ русской литературѣ, а именно, съ русской администраціей того времени. Всѣмъ болѣе или менѣе знакомы знаменитые законодательные акты, изданные въ царствованіе Екатерины Великой, какъ на примѣръ, дворянская грамота, городовое положеніе, учрежденіе о губерніяхъ и т. д. Но немногіе знакомы съ административною дѣятельностію въ эту славную эпоху русской исторіи. А между тѣмъ можно сказать, что съ царствованія Екатерины II ведетъ свое начало русская администрація въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Царствованіе Императрицы Екатерины Великой, ознаменованное многими законодательными актами пер-

востепенной важности, отличается также живою, кипучею административною дѣятельностію. Кромѣ всѣмъ извѣстной законодательной комиссіи для составленія проекта новаго уложенія съ ея спеціальными отдѣлами, въ царствованіе Императрицы Екатерины II учреждалось нѣсколько правительственныхъ комиссій для обсужденія разныхъ мѣропріятій по административной части. Къ числу такихъ комиссій относится и комиссія 1763 года объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа, исторія возникновенія и дѣятельности которой и составляетъ содержаніе настоящей статьи. Незнакомство наше съ административною дѣятельностію въ царствованіе Екатерины II обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть документовъ сюда относящихся, еще не обнародованы и хранятся въ нашихъ архивахъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности обращаетъ на себя вниманіе московскій архивъ министерства юстиціи, въ которомъ хранится масса драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго административнаго права въ XVIII столѣтіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что значительная часть документовъ, печатаемыхъ въ разныхъ историческихъ изданіяхъ, какъ относящихся преимущественно къ политической и литературной исторіи Россіи, представляютъ несравненно меньшій интересъ, наименьшую важность сравнительно съ тѣми документами, которые хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, какъ относящимися главнымъ образомъ къ исторіи русской администраціи, находившейся въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ русскимъ обществомъ, съ русскимъ народомъ. Вообще можно сказать, что исторія внутренней администраціи находится въ неразрывной, тѣсной связи съ внутреннею, соціальною, бытовою исторіей народа. Но, несмотря на всю важность этихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, они остаются до сихъ поръ необнародованными и необработанными. Въ надеждѣ и съ цѣлію обратить вниманіе на эти драгоценные матеріалы и вызвать дѣятелей, которые бы взяли энергически за ихъ обнародованіе и обработку, авторъ и печатаетъ нижеслѣдующую статью.

Мысль объ учрежденіи въ Россіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа впервые возникла въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1724 г. января 20 данъ былъ сенату указъ, писанный рукой самаго Императора, которымъ повелѣно: «учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ, и къ тому свое прибавить и предложить» (п. с. з. № 4420). Но указъ этотъ, подобно многимъ другимъ петровскимъ указамъ, остался на бумагѣ и не былъ приведенъ въ исполненіе. Да и самъ Петръ I ни мало не заботился объ его исполненіи. Дѣятельность Императора главнымъ образомъ была обращена на обезпеченіе продовольствія войска, а не народа. При немъ и при ближайшихъ его преемникахъ учреждены были запасные провіантскіе магазины для войска, изъ которыхъ иногда, въ случаѣ крайней нужды, выдавались пособія и нищимъ обывателямъ. Обыкновеннымъ же средствомъ къ пресѣченію голода въ царствованіе Петра I и его ближайшихъ преемниковъ служили слѣдующія мѣры: описываніе и отобраніе хлѣба у помѣщиковъ и крестьянъ для раздачи голодающимъ заимообразно, а также описываніе хлѣба у промышленниковъ и купцовъ и принужденіе ихъ къ продажѣ хлѣба по назначенной цѣнѣ. Обыкновенно эти мѣры приводились въ исполненіе подѣ страхомъ жестокаго истязанія, вѣчнаго разоренія и даже смертной казни въ случаѣ утайки (см. п. с. з. №№ 4618, 6569, 9590, 9668, 9709, 10299).

Запасные провіантскіе магазины для продовольствія войска въ большихъ размѣрахъ существовали только до 1732 года, т. е. до времени соединенія провіантскаго управленія съ крѣпостно-коммиссаріатомъ, а впоследствии они и совсѣмъ не наполнялись. Отсутствие хлѣбныхъ запасовъ для продовольствія войска на случай дороговизны было крайне убыточно для казны, такъ какъ подрядчики, пользуясь этою дороговизной, часто ставили въ казну провіантъ за дорогую цѣну. Поэтому въ царствованіе Елизаветы Петровны снова былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи преимущественно

для продовольствія войска, но которые бы въ случаѣ нужды могли служить и пособіемъ для народа.

Въ 1743 году 24 марта дѣйствительный тайный совѣтникъ, генераль-прокуроръ и кавалеръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой внесъ въ сенатъ предложеніе слѣдующаго содержания: «Сверхъ того, что на повсягодные расходы для войскъ Ея Императорскаго Величества провіанту всегда надобно, запасные магазины содержать въ такомъ числѣ, какъ отъ Его Величества (Петра I) положено и до 1732 г. содержано было, а сверхъ того и по вышеозначенному Его же Величества Высочайшему указу (1724 г. января 20) и экономіи генеральнаго и къ нему помощниковъ опредѣлить, выбравъ способныхъ и надежныхъ къ тому людей и особливия на то суммы положить, дабы тѣмъ не токмо такихъ возвышаемыхъ отъ подрядчиковъ цѣнъ миновать, но ииѣя закупленный въ удобное время хлѣбъ въ магазинахъ готовый, въ случаѣ гдѣ либо недорода раздавать, а когда въ ономъ нужды состоять не будетъ и въ заморскій отпускъ отпускать; отъ сего не токмо такіе происходимые непорядки и передачи пресѣчься могутъ, но интересу Ея Императорскаго Величества не малое приращеніе воспослѣдуетъ.» На основаніи этого предложенія правительствующій сенатъ того же 24-го марта 1743 года приказалъ: «для учрежденія запасныхъ магазиновъ о тѣхъ городахъ, гдѣ хлѣбъ болѣе родится, яко то въ Орлѣ и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ, откуда къ С.Петербургу и къ Москвѣ также и къ другимъ пограничнымъ городамъ водная коммуникація имѣется, также и о пограничныхъ мѣстахъ и гдѣ напредъ сего запасные магазейны учреждены были, учиня росписаніе, предложить къ разсужденію правительствующаго сената немедленно.» Но это опредѣленіе сената не было исполнено и участь этого новаго предложенія князя Трубецкаго была такая же, какъ и участь другихъ его предложеній: оно осталось на бумагѣ безъ всякаго осуществленія на практикѣ.

Между тѣмъ потребность въ устройствѣ запасныхъ магазиновъ, по прежнему, сознавалась правительствомъ. Въ 1754 году сенаторъ генераль-фельдмаршалъ и кавалеръ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ представилъ правительствующему сенату под-

робный проектъ объ устройствѣ провіантскаго управленія въ Россіи. Проектъ графа Шувалова раздѣляется на нѣсколько частей, составляющихъ какъ бы отдѣльные проекты (проекты, какъ тогда выражались).

Въ 1-й части своего проекта, озаглавленной такъ: о учрежденіи для арміи магазиновъ и о прочемъ касающемся до полковъ въ содержаніи ихъ провіантомъ и фуражемъ, графъ Шуваловъ разсуждаетъ о необходимости устройства въ Россіи троякаго рода хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ: полковыхъ, капитальныхъ и портовыхъ. «По всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, говоритъ онъ, для удовольствія полковъ и общенародной пользы нужда совершенная требуетъ порядочное основаніе учинить въ учрежденіи тройныхъ магазиновъ: первые для удовольствія полковъ, другіе капитальные для балансу въ цѣнѣ на хлѣбъ внутри государства, третьи при портахъ, дабы всегда при случаѣ всякой надобности, а наипаче, (отъ чего Боже сохрани) ежели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недородъ послѣдуетъ, чтобы имѣть надежный ресурсъ отъ запасныхъ магазиновъ и содержать цѣну хлѣба въ равновѣсіи по состоянію времени; ибо безсумнительно всякому какое изобиліе благословеніемъ Божиимъ во многихъ мѣстахъ Россійскаго государства родится хлѣба и какою дешевою цѣною по множеству оного бѣдные земледѣльцы принуждены продавать на платежъ государственныхъ податей, такъ что напоследокъ едва сами нужное пропитаніе имѣютъ, когдажъ посѣщеніемъ Божиимъ, хотя въ одинъ годъ случится недородъ, то, не имѣя запаснаго хлѣба, несносную нужду претерпѣвать должны». Отсюда видно, что графъ Шуваловъ имѣлъ въ виду посредствомъ устройства троякаго рода магазиновъ достигнуть нѣсколькихъ цѣлей: и менѣе убыточное для казны продовольствіе войска, и обезпеченіе народнаго продовольствія на случай неурожая и, наконецъ, доставленіе крестьянамъ возможности болѣе выгоднаго сбыта ихъ продуктовъ.

Во второй части своего проекта, графъ Шуваловъ трактуетъ о земскихъ комисарахъ для распоряженія по устройству, содержанію и другимъ хозяйственнымъ операціямъ относительно запасныхъ магазиновъ. Онъ предлагаетъ съ этою цѣлію назна-

чить особенныхъ комиссаровъ а именно: въ каждую губернію — генераль-губерннн комисара съ двумя помощниками оберъ-комисарами, въ каждую провинцію — по одному провинціалъ-комисару, и въ каждый приписной городъ — по одному уѣздному комисару. Первые должны были опредѣляться по усмотрѣнію правительствующаго сената, вторые и третьи должны были выбираться дворянствомъ или назначаться отъ правительствующаго сената изъ отставныхъ штабъ или оберъ-офицеровъ. Въ третьей части проекта авторъ излагаетъ правила, какимъ образомъ всѣмъ комисарамъ и каждому особо въ ихъ званіи поступать.

Наконецъ, въ четвертой части графъ Шуваловъ излагаетъ планъ учрежденія конторы для государственной экономіи. Контора эта должна быть учреждена при правительствующемъ сенатѣ изъ нѣсколькихъ персонъ извѣстнаго состоянія. Она обязана была не токмо о приращеніи всякихъ государственныхъ доходовъ стараться, но и о пользѣ всенародной и ихъ прибыткахъ изыскивая къ тому всевозможные способы имѣть попеченіе. Съ этою цѣлію проектировалось: «въ ту контору позволить подавать всякаго званія людямъ о внутреннихъ государственныхъ пользахъ и выдуманныхъ удобнѣйшихъ способахъ прожекты, которые оной разсматривать и буде по чьему прожектору предъусмотрятъ полезность докладывать правительствующему сенату съ изъясненіемъ своего мнѣнія для конфирмаціи и награжденія полезнаго прожектору подателя». Проектируемая контора должна была имѣть въ своемъ вѣдѣніи всю государственную необкладную денежную казну, изъ которой содержать ежегодно опредѣленное число четвертей хлѣба въ магазинахъ капиталныхъ и перевозить его въ портовые магазины для отпуску за моря. Затѣмъ, графъ Шуваловъ излагаетъ подробныя правила относительно наполненія магазиновъ хлѣбомъ, указывая при этомъ опять на ту пользу, которую можетъ доставить народу учрежденіе подобныхъ магазиновъ. Съ этою цѣлію экономическая контора должна собирать вѣрныя свѣдѣнія объ урожаѣ, умолотѣ и о торговыхъ цѣнахъ хлѣба и сооразно съ этими данными устанавливать на каждый уѣздъ, гдѣ будутъ магазины, такую цѣну за принимаемый хлѣбъ, «коя бы могла

крестьянству съ пользою быть и въ томъ ихъ многотрудную крестьянскую работу наградить и они податями въ казну чрезъ продажу своего хлѣба за домашними расходы и сѣмена могли бы безъ тягости оплатиться, а не такъ какъ до нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хотя хлѣба и великій по благодати Божьей урожай, но по дешевости онаго крестьянинъ семейнистыи не въ состояннн податей деньгами оплатить, а кромѣ продажи хлѣба способу не имѣвъ къ полученію денегъ за доимку принужденъ иногда и въ рабочію пору подъ карауломъ сидѣть, черезъ что не только таковымъ вѣщее изпуреніе, но и въ платежѣ податей недоборы слѣдовать могутъ». Точно также по установленной цѣнѣ дозволялось и помѣщикамъ поставлять хлѣбъ въ магазины вмѣсто уплаты подушныхъ денегъ за своихъ крестьянъ.

Наконецъ, въ заключеніи своего проекта, графъ Шуваловъ снова указываетъ на учрежденіе государственныхъ магазиновъ, какъ на средство для продовольствія народа на случай неурожая: «сверхъ всего вышеписаннаго» говоритъ онъ, «великій способъ отъ учрежденія магазейновъ быть можетъ въ томъ, ежели гдѣ (отъ чего Боже сохрани), сдѣлается недородъ хлѣба, то изъ оныхъ безъ нужды продовольствовать людей возможно съ возвратомъ въ оныя впредь отъ тѣхъ людей, кому роздано будетъ, какъ довольный родъ хлѣба будетъ».

Таково содержаніе проекта графа П. И. Шувалова объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи. Онъ весьма сходенъ съ предложеніемъ князя Трубецкаго, можно даже считать проектъ перваго подробнымъ развитіемъ мнѣній, высказанныхъ княземъ Трубецкимъ. Оба они считали полезнымъ почти полное сосредоточеніе всей хлѣбной торговли въ рукахъ правительства. Проектъ этотъ былъ прослушанъ 1-го февраля 1755 года въ правительствующемъ сенатѣ, который «имѣя довольное разсужденіе», какъ сказано въ протоколахъ, постановилъ слѣдующую резолюцію: по первому и второму пунктамъ объ устройствѣ провіантскихъ полковыхъ магазиновъ разсмотрѣть учрежденной при военной коллегіи комисіи и представить ея мнѣніе въ сенатъ; по третьему и четвертому пунктамъ объ

учрежденіи капитальныхъ магазиновъ разсмотрѣніе имѣть особливо опредѣленнымъ для экономической конторы отъ правительствующаго сената персонамъ; по предложенію о земскихъ комиссарахъ имѣть разсужденіе въ учрежденной при сенатѣ о сочиненіи уложенія комиссіи; наконецъ, для лучшаго и скорѣйшаго разсмотрѣнія о государственной экономической конторѣ, учредить при сенатѣ особую комиссію, въ которую опредѣлить къ засѣданію изъ членовъ камеръ и коммерцъ коллегіи, да нѣсколько членовъ изъ служащихъ и отставныхъ генералитетскихъ и штатскихъ ранговъ, знающихъ довольно обстоятельства внутренности государства и добрыхъ экономовъ деревень своихъ.

Вслѣдствіе этихъ резолюцій сената началась канцелярская переписка и дѣло такъ затянулось, что до вступленія на престолъ Екатерины II не было устроено никакихъ запасныхъ магазиновъ.

Императрица Екатерина II, вполне понимая то бѣдственное положеніе русскаго народа, до котораго онъ былъ доведенъ несовсѣмъ разборчивою политикою Петра I и его ближайшихъ преемниковъ, и руководясь популяціонистическими идеями, господствовавшими въ современной Европѣ, обратила особенное вниманіе на обезпеченіе народнаго продовольствія (см. наше изслѣдованіе: политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. Одесса. 1871 г.) Въ числѣ множества мѣръ, принятыхъ Великой Императрицей съ этою цѣлю, одно изъ главныхъ имѣть занимало устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, а именно 23 августа 1762 года, Екатерина II издала собственноручный указъ слѣдующаго содержания: хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была (п. с. з. № 11649). Зная хорошо о той медленности, которою отличалась административная дѣятельность сената вообще и въ частности по вопросу объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, Императрица 25 октября того же 1762 года въ присутствіи своемъ въ сенатѣ повелѣть изволила, чтобъ по именному Ея Императорскаго Величества собственноручному указу о заведеніи въ городахъ казенныхъ магазейновъ, сенатъ старался немедленно исполненіе сдѣлать. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія.

сенатъ приказалъ сдѣлать выписки изъ прежнихъ указовъ, распоряженій и предложеній по этому предмету. 14 ноября того же года въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи въ правительствующемъ сенатѣ слушана выписка о государственныхъ въ Россіи магазейнахъ и по выслушаніи Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила: для полковъ, гдѣ магазейнамъ быть и въ какомъ числѣ четвертой хлѣба о томъ имѣть разсужденіе учрежденной воинской комисіи, а что касается до государственныхъ запасныхъ магазейновъ, то выбрать двухъ надежныхъ персонъ, которыя сдѣлать о томъ планъ, въ которыхъ мѣстахъ и какъ великимъ онымъ быть и какая сумма денегъ на то заготовленіе хлѣба потребна и подать со мнѣніемъ въ сенатъ; въ потребныхъ же случаяхъ о учрежденіи тѣхъ магазиновъ, какъ воинской комисіи, съ оными опредѣленными персонами, такъ и тѣмъ персонамъ съ комисіею имѣть сношеніе и трактовать обще, чего ради, выбравъ кандидатовъ, доложить Ея Императорскому Величеству. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія декабря 12 того же года правительствующій сенатъ представилъ Ея Императорскому Величеству двухъ кандидатовъ: генераль-поручика Веймарна и генераль-маіора Никиту Бекетова, которые тогда же и были Высочайше опредѣлены къ разсмотрѣнію вопроса объ учрежденіи запасныхъ государственныхъ магазиновъ. Изъ этихъ-то лицъ и составила комисія 1763 г. объ учрежденіи государственныхъ магазиновъ въ Россіи.

Приступая къ исполненію порученнаго имъ дѣла, генераль-поручикъ Веймарнъ и генераль-маіоръ Бекетовъ 9 января 1763 года обратились въ сенатъ съ всепокорнѣйшимъ рапортомъ, въ которомъ, признавая необходимымъ для добросовѣстнаго исполненія Высочайшаго порученія основательное знакомство съ внутреннимъ состояніемъ всего государства и откровенно сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи относительно этого предмета, (смы же, писали они, какъ одинъ, такъ и другой будучи всегда и во все время продолженія нашей службы при арміи и воинскихъ Ея Императорскаго Величества командировкахъ и отсутственны отъ внутреннихъ государства провинцій отдаленныхъ мѣстахъ не

налѣйшаго повода такого себѣ обширнаго знанія получить случая не имѣли безъ коего однако ко исполненію приступить въ состояніи не находимся»), покорнѣйше просили сенатъ доставить имъ разныя свѣдѣнія, находящіяся въ архивахъ сената, а за неимѣніемъ таковыхъ предоставить имъ право требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ государства всякія извѣстія и подробныя вѣдомости. Въ рапортѣ подробно перечислены тѣ свѣдѣнія, которыя, по ихъ мнѣнію, были крайне необходимы для составленія плана устройства хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Такъ, прежде всего для рѣшенія вопроса о томъ въ какихъ мѣстахъ, какого рода и какой величины должны быть устроены магазины, они считали необходимымъ имѣть подробную именную роспись всѣхъ губерній, провинцій, воеводствъ, городовъ и уѣздовъ. Затѣмъ для опредѣленія количества запаснаго хлѣба, необходимаго въ каждомъ магазинѣ, они просили доставить имъ свѣдѣнія о томъ, сколько всѣхъ податныхъ душъ числится по послѣдней ревизіи, а также о числѣ жителей въ мѣстностяхъ, гдѣ не бываетъ ревизская перепись по душамъ, объ ясашныхъ и о прочихъ лицахъ, не положенныхъ въ подушный окладъ. Наконецъ, для опредѣленія какихъ мѣстности можно считать хлѣбородными и слѣдовательно удобными для устройства хлѣбныхъ магазиновъ, а также для установленія сѣбты во что могутъ обойтись эти магазины и для указанія средствъ перевозки хлѣба изъ внутреннихъ магазиновъ въ портовые, Веймарнъ и Бекетовъ считали необходимымъ имѣть слѣдующія свѣдѣнія: 1) какихъ качествъ и добротъ въ разсужденіи земледѣлія и плодоносія въ каждомъ мѣстѣ обстоитъ и какими порядками и обрядами оное земледѣліе въ каждомъ мѣстѣ производится и сколько въ каждомъ мѣстѣ во время десяти лѣтъ ежегодно хлѣбнаго урожая было; 2) подробное и аккуратное объ городахъ объясненіе, которые именно на рѣкахъ, или отъ оныхъ въ отдаленности и въ какомъ разстояніи внутрь земли отстоятъ, какая между ними коммуникація водою или сухимъ путемъ обстоитъ и какиимъ средствомъ оная коммуникація содержится; 3) рѣки, кои коммуникаціею между городовъ и провинцій служатъ, до которыхъ именно мѣстъ къ судовому ходу способными бываютъ или за какии

препятствіями сіе учиниться не можетъ, какія именно на оныхъ суда обыкновенно ходятъ и гдѣ на оныхъ рѣкахъ пристани способны имѣются или впредь иногда таковыя учреждены быть могутъ, а ко онымъ изъ какихъ мѣстъ именно хлѣбъ и прочее въ отправленіи было, есть и впредь быть уповательно; 4) къ которому времени, т. е. въ которомъ мѣсяцѣ именно новоурожайному хлѣбу вымолотъ оканчивается и какой именно въ каждомъ мѣстѣ по вымолотѣ хлѣбъ обыкновенно бываетъ овинный ли или сыромолотный; ежели сыромолотный гдѣ имѣется, то по какимъ причинамъ овиннаго въ обычай по нынѣ введено не было или по какимъ же именно причинамъ ввести не можно; 5) какое до сего времени въ каждомъ мѣстѣ хлѣбу было обращеніе, куда, на что и по какимъ цѣнамъ оному была продажа и за оною не воспослѣдовалъ ли когда въ какихъ мѣстахъ въ хлѣбѣ недостатокъ и за какими именно резонами; 6) въ какомъ состояніи и есть ли по внутреннимъ во всѣхъ мѣстахъ дорогамъ черезъ рѣчки (которыя хотя малый судовой ходъ судами или плотами имѣть могутъ) мосты, переправы яко же на низменныхъ болотныхъ и топкихъ мѣстахъ гати и переправы же, которыя служить могутъ для всегдашней комуникаціи и свободного проѣзду обывательскихъ упряжекъ; 7) въ которыхъ мѣстахъ лѣса въ какой величинѣ и обширности и въ нихъ какихъ родовъ лѣсъ имѣется, объясняя, которые именно казенными и партикулярными состоятъ, не меньшежъ въ какомъ тѣ лѣса отъ береговъ большихъ и къ судовому ходу способныхъ рѣкъ разстояніи находятся и какаѧ до сего времени въ употребленіи оныхъ лѣсовъ экономія наблюдается; 8) имѣются ли, гдѣ именно и въ такомъ ли состояніи, какъ то неоднократно Ея Императорскаго Величества изъ высокоправительствующаго сената подтвердительными указами повелѣно, пильныя мельницы съ объясненіемъ таковымъ сколько въ каждой имѣется рамокъ и сколько пилъ въ оныхъ ходятъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ широка была программа тѣхъ вопросовъ, на которые желали получить объясненіе члены комиссіи объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи: она обнимала собою почти все внутрен-

ею экономическое состояніе Россіи. Но, начертивая эту программу, авторы ея не скрывали тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряжено было выполненіе ея на практикѣ. Они знали очень хорошо, что требующія ими свѣдѣнія не могутъ быть получены обыкновеннымъ канцелярскимъ путемъ, «но егда, какъ не безъ уповательно, писали они, всѣ выше сего упомянутыя объясненія отъ высокоуправляющаго сената за не имѣніемъ о томъ извѣстія получить возможности не будетъ и егда не меньше сумѣнія остается, что требуемое о вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ отъ губерній, воеводствъ и прочихъ мѣстъ извѣстія и вѣдомости не столь аккуратны, ясны, подробны и довольны быть могутъ, чтобъ на оныя безсумѣнно полагаться и такого важнаго дѣла основать можно было; ибо не безъизвѣстно, что умалчивая многихъ воеводъ и земскихъ управителей въ такихъ дѣлахъ незнаніе и безъискуство, въ Россіи такихъ занисокъ, а особливо о урожаѣ въ обновленіи не состоитъ».

Поэтому Веймарнъ и Бекетовъ кратчайшимъ и лучшимъ и успѣвнѣйшимъ способомъ къ доставленію такихъ свѣдѣній считали личный объѣздъ ихъ самихъ, а также лицъ ими назначенныхъ по всему государству.

Таково содержаніе рапорта, представленнаго въ сенатъ Веймарномъ и Бекетовымъ 9 января 1763 года. Изъ него видно, какъ добросовѣстно отнеслись они къ порученному имъ дѣлу, съ какими вѣрными и правильными пріемами приступили къ его исполненію. Результатомъ этого рапорта былъ сенатскій указъ отъ 14 февраля 1763 года, помѣщенный въ полномъ собраніи законовъ подъ заглавіемъ «о сношеніи комиссіи о учрежденіи государственныхъ магазиновъ съ коллегіями променоріями и съ подчиненными имъ мѣстами указами и о чиненіи по требованіямъ той комиссіи скорѣйшаго исполненія» (п. с. з. № 11756). Этимъ указомъ признано официально существованіе комиссіи подъ именемъ *комиссіи о учрежденіи государственныхъ магазиновъ* и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ повелѣно по требованіямъ той комиссіи во всемъ скорѣйшее исполненіе чинить. Но Императрица Екатерина II, опасаясь, что разрѣшеніе такого важнаго государственнаго вопроса будетъ отложено на неопредѣ-

денное время и что дѣло по устройству запасныхъ магазиновъ снова затянется, 1763 года марта 27 Высочайше повелѣла: о томъ дѣлѣ, не ожидая на посланныя отъ учрежденной запасныхъ государственныхъ магазиновъ комиссіи во всеѣ государства Россійскаго мѣста о принадлежащемъ къ тому учрежденію магазиновъ справки отвѣтствіемъ и для столь наилучшаго объясненія, избѣжанія продолженія времени представить отъ оныхъ особъ всенижайшее мнѣніе. Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія комиссія 7 мая 1763 года представила въ правительствующій сенатъ свое мнѣніе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *«по именному Ея Императорскаго Величества всевысочайшему изустному повелѣнію вкратцѣ представленное содержаніе проектовъ о заведеніи государственныхъ магазиновъ съ уменьшительнымъ и весьма умѣреннымъ изчисленіемъ смѣтою, во что такое предпріятіе обойтись могло, не меньшимъ и сокращенное уваженіе главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ находящихся неудобствъ и бесполезностей со всенижайшимъ мнѣніемъ какимъ то образомъ чрезъ то желаемое намѣреніе скорѣе безъ большихъ трудностей отягощенія и казенному издержанію наводимыхъ издержекъ достигнуто и въ дѣло произведено быть бы могло.»*

Мнѣніе это заключаетъ въ себѣ обширный, подробный докладъ по вопросу не только объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, но и вообще объ обезпеченіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Этотъ замѣчательный докладъ комиссіи по своему содержанию естественно распадается на двѣ части. Первая половина его посвящена подробному разбору вышеуказанныхъ предложеній или проектовъ князя Трубецкаго и графа Шувалова объ учрежденіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи. Вторая половина доклада заключаетъ въ себѣ собственное мнѣніе докладчиковъ о наилучшихъ средствахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. Докладчики подвергаютъ критическому разсмотрѣнію проектированныя учрежденія съ точки зрѣнія стоимости, цѣлесообразности, полезности, возможности и выгоды и приходятъ къ тому заключенію, что осуществленіе этого предпріятія стало

бы громаднѣхъ издержекъ со стороны казны, а между тѣмъ въ дѣйствительности его должно считать напраснымъ, бесполезнымъ, невозможнымъ, вреднымъ, какъ для казны, такъ и для всего общества. Крайне замѣчательны тѣ данныя и тѣ аргументы, которые они приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. Такъ, сначала они представляютъ подробное исчисленіе тѣхъ расходовъ, которые бы потребовались на устройство, содержаніе и разныя операціи по хлѣбнымъ магазинамъ. Опираясь на данныя, заключающіяся въ семнадцати примѣрныхъ вѣдомостяхъ, (приложенныхъ къ самому докладу) они приходятъ къ тому заключенію, что по весьма уменьшительнымъ и умѣреннымъ смѣтамъ и исчисленіямъ осуществленіе этого дѣла стоило бы *сто двадцать шесть милліоновъ пятьдесятъ шесть тысячъ семьсотъ двадцать рублей*. Затѣмъ докладчики подробно излагаютъ основанія, почему «такое ужасныхъ денежныхъ возтребуемое предпріятіе не только силъ превосходящимъ оказаться, но и дѣйствительно 1) напрасно, 2) бесполезно, 3) невозможно, 4) вредно какъ для казны Ея Императорскаго Величества, такъ и для благосостоянія всего общества, учиниться могло».

1) *Напраснымъ* такое ужаснаго изживенія возтребуемое предпріятіе быть кажется потому, во 1-хъ, что большая часть государства не меньше естественнаго плодоносія какъ то и въ другихъ краяхъ и государствахъ быть можетъ имѣть, чему доказательствомъ состоитъ, что при самомъ худомъ и не основательномъ въ земледѣліи и крестьянской экономіи и работъ производства порядка еще рѣдко гдѣ слыхано, чтобы гдѣ совершенный хлѣбу недородъ обстоялъ, и хотя то и можетъ когда въ которой нибудь провинціи или мѣстѣ обстояло, но однако и того изслѣдовать бы подлежало: не происходило ли это иногда больше отъ нерадѣнія въ собраніи хлѣба съ поля, яко же и въ вымолотѣ, нежели отъ самаго дѣйствительнаго неурожая; во 2-хъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ государства и такія мѣста быть могутъ, гдѣ по негодности земли хлѣба, или мало, или вовсе не родится, но однако обыватели и въ тѣхъ мѣстахъ безъ большой нужды и чрезвычайной дороговизны хлѣба пропитываются промыслами своихъ руководѣній или жь такими произраще-

ніями, которыя въ хлѣбородствѣ неспособная земля производитъ, яко то льномъ, коноплемъ и прочимъ, какъ то не безъизвѣстно въ Костромскомъ уѣздѣ по луговой сторонѣ дѣйствительно и состоитъ. Промыслъ Божій такихъ естественныхъ въ одномъ разсужденіи недостатковъ всемірно для пользы общества учредилъ, дабы люди другъ другу услужить и въ союзномъ обществѣ остаться принуждены были. Такъ и въ хлѣбородныхъ мѣстахъ въ такихъ промыслахъ, посредствомъ конхъ не хлѣбородныхъ мѣста питаются, недостатокъ можетъ быть; ежелижъ бы вездѣ и по всѣмъ городамъ казенные хлѣбные для народа магазинны содержать, то бы черезъ то не въ хлѣбородныхъ мѣстахъ промыслы и ремесла оставлены, въ хлѣбородныхъ же мѣстахъ въ тѣхъ вещахъ, кои въ нехлѣбородныхъ на хлѣбъ свой получили, недостатки наведены быть могли и тѣмъ ни иноебъ что послѣдовало, какъ разрушеніе натурального равновѣсія. И тако изъ всего того не иное заключить должно, какъ то, что заведеніе по всему государству магазинновъ не иначе какъ напраснымъ признавать надобно, изъ чего и слѣдуетъ :

2) Что то магазинное учрежденіе еще и *безполезнымъ* признавать можно въ томъ разсужденіи, что какъ такия чрезъ неурожай хлѣба Божескія посѣщенія не по всему государству, но развѣ въ нѣкоторомъ маломъ числѣ онаго мѣсть и то крайне рѣдко больше одного года случится и обстоять могли бы, чтобъ отъ того дѣйствительно большаго и такого народу голоду возпослѣдовало бѣ, чтобъ отъ ближайшихъ сосѣднихъ провинцій и мѣсть вспоможеніе учинено и хлѣба привозкою онаго пресѣчь возможности состоять не могло. А что въ такихъ бы частныхъ нѣкоторыхъ мѣстамъ случалхъ въ цѣнѣ хлѣба противъ хорошихъ урожайныхъ временъ нѣсколькимъ выше не состояло, то въ томъ, кажется, во всегдашнее время непреѣннаго уравниванія учинить столь наименьше резону обстоять можетъ, какъ чрезъ то и въ прилежаніи народскомъ безполезныя слѣдства возрастиса моглибы, и что тѣ мѣста, въ которыхъ неурожай бываетъ, прочихъ своихъ чрезъ промысловъ и рукодѣльевъ происходимыхъ товаровъ въ препорціи цѣнъ хлѣба установить и продавать не оставлять, умалчивая, что такіе неурожай и взаимно и въ тѣхъ

мѣстахъ, въ которыхъ благословенные урожаи были, а напротивъ того изобильный хлѣбу уродъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онаго неурожаи состоитъ, быть могутъ, въ какомъ случаѣ взаимственнае только воздаяніе и всеміи мѣстамъ равнае сверстаніе былобъ.

3) Что касается до *возможности* такого учрежденія въ сходственнае часто упомянутыхъ проектовъ, то умалчивая по вышечисаннымъ исчисленіямъ потребныхъ ужасныхъ денежныхъ суммъ чрезъ слѣдующее разсужденіе и дѣла обстоятельство уваженіе явно доказаннымъ быть кажется: 1) что деревенская экономія, а особливо въ земледѣліи, въ снятіи, въ вымолотѣ и въ собраніи хлѣба въ обширномъ государствѣ не токмо разныи, но можно и генерально сказать весьма не порядочнымъ и крайне убыточнымъ образомъ производится, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ежегодно столь мало хлѣба собираемо быть можетъ, что за домашнимъ содержаніемъ не вездѣ потребнаго для наполненія магазейновъ числа хлѣба доставить можно. 2) Что по не имѣнію довольныхъ и способныхъ коммуникацій во многихъ мѣстахъ много способа для отправления хлѣба не состоитъ, какъ развѣ на великомъ разстояніи гужомъ и съ крайнимъ убыткомъ и народскимъ и ихъ упряжки истощеніемъ, чрезъ что вмѣсто желаемой дешевости въ цѣнахъ только возвышеніе воспослѣдовалобъ. 3) Что во отправленіи столь многого числа хлѣба въ самое для земледѣльцевъ нужнѣйшее страдное время потребнаго числа добровольныхъ работниковъ сыскаться способовъ не осталось, но по нарядамъ неволю употребиться подлежало. Какіяжъ чрезъ такія неволю употребленія народа отягощенія, приметки и несправедливости учинены былибъ, о томъ всемъ, яко же и о другихъ многихъ невозможностяхъ, распространяться за лишнее почитается.

4) *Вреднымъ* казвѣ Ея Императорскаго Величества и сущей всего общества пользѣ сіе напрасное и бесполезное и невозможное предпріятіе всемірно оказалось бы. 1) Въ разсужденіе коммерціи. Не безызвѣстно то есть, что иностранцами изъ сѣверныхъ хлѣбозобильныхъ странъ для запасенія тѣхъ краевъ, въ коихъ мало земледѣлія имѣется, яко же и тѣхъ въ коихъ временно или случайно хлѣбъ не родится и недостатки быть могли, покунается; слѣдственно ежегодная потребность не оди-

накою, но переменною быть может. Не меньше жъ известно, что окромя Россійскаго государства великія хлѣба продажи въ Пруссіи, Польшѣ, Помераніи, Мекленбургіи, Богеміи и Вест-Фалии, яко же въ Англіи, по требующимъ онаго купцамъ производится. Слѣдственно и натурально, что всякое мѣсто остающееся свое за собственнымъ содержаніемъ изобиліе тѣмъ купцамъ продавать старается и лучше излишекъ свой дешевле продавать нежели въ ожиданіи лучшихъ и прибыльнѣйшихъ цѣнъ долгое время въ своихъ житницахъ содержать стараться будетъ, въ чемъ точно преимущественное искусство и проворство купечества и коммерціи состоитъ. Неоспоримо то есть, что обыкновенная хлѣбу цѣна, какъ въ Ригѣ, такъ и въ прочихъ по Балтическому морю лежащихъ мѣстахъ рѣдко до 30 рублей за ластъ бываетъ, а еще рѣже до 35 и 45 рублей дойти можетъ. И потому ежели бъ цѣна токмо до 30 рублей и ниже состоялабъ, а по вышеобъявленному исчисленію не, ниже 33 рублей 18 копѣекъ ластъ проданъ быть могъ, то изъ Россійскихъ портовъ безъ знатнаго убытка хлѣбу за море отпуску быть не могло. И хотя бъ цѣна и столь бы прибыточна состоялабъ, что съ нѣкоторымъ выигрышемъ иностраннымъ купцамъ продать можно, то однако всеиѣрно опасатися должно, что другія хлѣбомъ торгующія мѣста вѣдая, что хлѣбный торгъ или отпускъ не въ рукахъ купеческихъ т. е. многихъ, но какою или засчетъ одного состоитъ, всеиѣрно не упустили бъ тому хлѣбному торгу всевозможныхъ препятствій навести и елико возможно себѣ того торга присвоить. Почему и сомнѣваться не можно (какъ то и дѣйствительно бываетъ), что тѣ хлѣбомъ торгующія иностранныя мѣста для достиганія такого ихъ намѣренія хлѣбъ свой гораздо дешевле продавать станутъ, нежели какъ изъ Россіи выпускаемый проданъ быть могъ, въ разсужденіи такомъ, чтобъ своихъ запасовъ сбыть и хлѣбомъ торгующихъ купцовъ отъ Россійскихъ портовъ къ себѣ привлечь, а паче всю хлѣбную коммерцію елико то имъ возможно себѣ на предбудущія времена присвоить, вѣдая, что Россія, когда ужъ одного года своихъ запасовъ безъ накладу продавать не могла и не хотѣла, то ужъ въ впредь будущихъ годахъ еще бъ меньше

того безъ наивыщаго убытка учинить бы могла; ибо егда бы чрезъ залежаніе нѣкоторыя части хлѣба порча сдѣлалась, то и слѣдственно цѣны остающимся запасамъ что далѣе то болѣе возвысились бы. И хотя чрезъ такіа дешевыя купцамъ уступки имъ самимъ въ такомъ случаѣ не безъ убытка и накладу было бы, но имъ то весьма сносно и не гораздо чувствительнымъ быть можетъ въ разсужденіи той безсумнѣнной надежды, что отвлекиши купцовъ отъ російскихъ портовъ черезъ короткое время снесенный убытокъ еще съ хорошею прибылью замѣнить могутъ и что тотъ случайный накладъ не одному или десятирнымъ отяготительнымъ сдѣлается, но между стами или тысячами продавцовъ раздѣлится. Многіе испытанные безсумнѣнно засвидѣтельствуютъ, что чрезъ отвычки купцовъ потерянный торгъ крайне трудно и почти никогда возстановить уже возможности не имѣется. А какъ затрудненія въ хлѣбномъ торгѣ учиненныя купцовъ къ другимъ мѣстамъ, гдѣ того безъ меньшихъ хлопотъ и дешевле доставить могутъ, приставать привыкаютъ, то и въ тѣхъ новыхъ мѣстахъ хлѣбу торгъ преумножается, а въ случаѣ и тамъ недовольнаго достатка тѣ мѣста, въ коихъ покупнымъ хлѣбомъ довольствовались, по нуждѣ и неволѣ къ земледѣлію приложитися. И тако столь знатная часть торга какой то есть хлѣбной гораздо уменьшена быть можетъ. Ежели же торгъ хлѣбный, яко изъ знатнѣйшихъ въ сѣверныхъ краяхъ торговъ умалится или жъ и вовсе хотя и на время пресѣчется, то безсумнѣнно послѣдуетъ, что въ портахъ меньше чужестранныхъ кораблей прибывать можетъ; отъ чего однако не иное что воспослѣдуетъ, какъ то что и другіе окромѣ хлѣба товары множество безъ продажи внутри оставались бы и какъ отъ одного такъ отъ другихъ пошлинные сборы пропадали бы и вся коммерція разрушена и наконецъ и вовсе истреблена быть бы могла.

2) Въ разсужденіи прилежанія и трудолюбія народскаго. Когда во всѣхъ городахъ, какъ то прожектами требуется, готовые хлѣбныя запасы содержаны будутъ и народу извѣстнымъ состоятъ, что по востребующимся случаямъ и во время неурожаа нужды, (кои однако въ самомъ дѣлѣ не отъ точнаго недороду, но иногда больше отъ нерадѣнія и неприлежности и не имѣнія

въ земледѣлію склонности происходить бы могли), за наличную деньгами заплату потребное имъ число хлѣба получать могутъ, то всемірно не малая опасность состоятъ, что большая часть а особливо въ околичности столичныхъ и большихъ городовъ лежащихъ земледѣльцевъ отъ столь многотруднаго упражненія отстать и къ другимъ промысламъ и ремесламъ толь нанначе прилагаться будутъ, что ремесломъ или другою работою гораздо больше себѣ денегъ доставить могутъ, нежели бы имъ то земледѣліемъ своимъ было дано, что и въ самомъ дѣлѣ происходитъ, какъ то множественное число крестьянъ и земледѣльцевъ нѣкогда отъ недовольнаго имѣнія и доброты пахотной земли, большая же часть единственно по прихотямъ и желанію къ большому чрезъ другіе промыслы выиграшу. оставляютъ всю домашнюю экономію и земледѣліе и отдаляютъ себя на нѣсколько сотъ верстъ отъ домовъ своихъ, употребляютъ въ наемъ извозни- нать, сидѣльцами въ лавкахъ и разнощиками для продажи вслякихъ товаровъ, садовниками и въ другія къ тому подобныя работы и подѣлки, пренебрегая всю крестьянскую экономію. Отъ чего однако, какъ то и безсумнѣнно окажется, что въ городахъ по умноженію народа въ хлѣбѣ дороговизна, а въ деревняхъ въ земледѣльствѣ упушеніе со опустошеніемъ восполнѣдуетъ. И хотя подумать можно, что положеніемъ изъ магазейновъ продажей хлѣба большихъ цѣнъ крестьянству во упушеніи ихъ экономіи препятствіемъ служить могло, но въ семъ однако никакого успѣха не предвидилось бы; ибо такіе въ другихъ дѣлахъ себя употребляющіе крестьяне за работу и ремесла ихъ такожде возвышенную заплату востребуя получать бы слугай имѣли; примѣръ же ихъ и другихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ (какъ то уже и дѣйствительно обстоитъ) живущихъ крестьянъ къ подражанію толь наиболѣе побуждать можетъ, какъ то и ежедневныя примѣры имъ оказываютъ, что въ промыслахъ, хотя въ отдаленныхъ мѣстахъ обращающіеся крестьяне съ хо- рошими прибытками въ дома свои хотя опустошенныя возвращаются. Не трудно и не безъ всякаго вѣроятія изъ того заключить можно, то не токмо при продолженіи отъ земледѣльства отдаленіевъ несклонностей сіе первонужнѣйшее и полезнѣйшее для чело-

вѣческаго рода и всего общества упражненіе т. е. земледѣліе въ такой степени оставлено и упущено быть можетъ, что отъ того дѣйствительная дороговизна и голодъ воспослѣдуетъ; но и потому уже и во всѣхъ прочихъ ремеслахъ, руководѣліяхъ и другихъ для общества подобныхъ дѣлахъ противныя и безполезныя дѣйства оказатися могутъ, и паче въ такихъ случаяхъ, когда по оказующейся нуждѣ хлѣбъ, какъ для содержанія народскаго, такъ и на сѣмена въ магазинныхъ за наличныя деньги продать или заимообразно обывателямъ произвести надлежало, затхлымъ или мало чѣмъ порченнымъ или жъ къ проростанію неспособнымъ оказываться могъ, чрезъ то не иное какъ негодованіе и неудовольствіе народа къ правительству, но случайно и гораздо вреднѣйшія обстоятельства и слѣдства возрасти могли бъ, какъ то въ подобныхъ случаяхъ по засвидѣтельству древней исторіи въ Римѣ и дѣйствительно происходило; а всему тому по большей части единственно заведеніе и содержаніе въ городахъ готовыхъ запасовъ причиною состоять могло. Почему егда бъ все то какъ не безусловно произвело бъ справедливѣйшимъ образомъ вреднымъ почитаемо бы было. 3) Въ разсужденіи благосостоянія всего общества. Легко себѣ представить можно, что при худомъ и почти истребленномъ коммерціи состояніи и искорененіи къ земледѣльству склонности и охоты, яко же прилежанія и трудолюбія народскаго, всему обществу наконецъ такое изнеможеніе и недостатки произошли бъ, что способны едва ли остаться могутъ при собственномъ своемъ содержаніи казенныхъ податей изъ чего выручить, что однако еще ни отъ чего другаго, какъ отъ непремѣннаго огромнаго казнѣ Ея Императорскаго Величества крайне отяготительнаго и самому народу многотруднаго и бесполезнаго заведенія магазинновъ воспослѣдовало бъ.

За этимъ подробнымъ разборомъ проектовъ князя Трубецкаго и графа Шувалова слѣдуетъ изложеніе собственнаго мнѣнія членовъ комисіи о средствахъ обезпеченія народнаго продовольствія на случай голода и дороговизны «самократчайшимъ, безубыточнѣйшимъ и меньше затрудненія наводимымъ какъ Ея Императорскаго Величества казнѣ, такъ общества пользѣ во всемъ сходномъ способомъ». Собственный проектъ комисіи

1763 г. крайне интересенъ по экономическимъ идеямъ, высказаннымъ въ немъ, и весьма важенъ по практическимъ послѣдствіямъ, вызваннымъ имъ. Поэтому мы изложимъ слово въ слово содержаніе этого проекта по редакціи, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Проектъ или мнѣніе Веймарна и Бекетова распадается на два отдѣла. Въ 1-мъ говорится о средствахъ для предупрежденія голода, во 2-мъ—о средствахъ къ пресѣченію дороговизны.

I. Для предупрежденія во времямогущаго неурожая народу голода.

Чтобъ не только во всѣхъ городахъ, но безъ изытія во всѣхъ мѣстахъ, какъ для предупрежденія отъ неурожая хлѣбовъ голоду, такъ и для другихъ скоро требующихъ обстоятельствъ и нуждъ во всегдашнее время готовые запасы имѣлись бы, не употребляя къ тому ниже многихъ казнь Ея Императорскаго Величества напрасно наводимыхъ издержекъ, ниже всему обществу неоминуемыхъ и крайне отяготительныхъ и многихъ другихъ въ себѣ заключающихъ бесполезностей, затрудненіевъ за наилучшее признается: чтобы всякій помѣщикъ каждый въ своей деревнѣ, а въ городахъ магистраты повинныи были по числу имъ принадлежащихъ душъ по меньшей мѣрѣ столько хлѣба на содержаніе и сѣмена въ амбарахъ своихъ запасомъ содержать, какъ то на годовое или двугодичное время потребно быть бы могло, какъ то и дѣйствительно въ Лифляндіи и Эстляндіи, яко же и въ иныхъ государствахъ чинится. А какъ крестьяне въ точномъ рабствѣ у помѣщиковъ своихъ состоятъ; сіи же послѣдніе черезъ первыхъ благосостояніа содержаніе свое и доходы получаютъ, то всемѣрно никто въ содержаніи благосостояніа своихъ крестьянъ больше интересованъ быть не можетъ, какъ самъ каждый помѣщикъ. Слѣдственно оному и требовать не можно, чтобъ чужимъ какъ (а не) единственно собственнымъ его стараніемъ такое ему въ пользу обращающееся учрежденіе учинено было. И хотя и сомнѣваться не можно, чтобы каждый помѣщикъ въ собственную свою пользу такого рачительнаго запасомъ предвидѣнія охотно не прилагалъ, но какъ и между оными иногда и такіе случаются, кои по худой своей экономіи и къ растощенію склонностямъ собственную свою

пользу пренебрегая не малѣйшаго о своихъ крестьянъ содержаніи попеченія и радѣнія имѣть не могутъ, что (то) для принужденія такихъ помѣщиковъ и какъ для ихъ собственной пользы, такожь и для голоду и временно въ сѣменахъ бываемаго недостатка самымъ кратчайшимъ и лучшимъ способомъ быть кажется, чтобъ Всемилостивѣйшими и къ сущей всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданныхъ служащей пользы по особливои Монаршеской щедротѣ и милосердію указами во всемъ государствѣ предписано и къ неотмѣнному исполненію повелѣно было, дабы каждый помѣщикъ въ своей деревнѣ или гдѣ то каждому способнѣе казаться можетъ, а магистратомъ въ своемъ вѣдомствѣ по числу душъ всегдашнемъ непремѣннымъ запасомъ хотя сперва только на одинъ годъ на содержаніе и сѣмена въ амбарахъ въ готовности содержали и никогда ни продажемъ, ни винокурениемъ ни подъ какимъ видомъ того годового запаса не переводили, развѣ по снятіи новаго урожая хлѣба съ поля надежда состоитъ сверхъ годового содержанія столькожь оставаться, какъ то и годовому непремѣнному запасу подлежательно будетъ. И затѣмъ, дабы хлѣбъ всегда содержанъ былъ свѣжій, то по прошествіи года оный старый запасъ употребляли бы въ свои домашнія потребности, а вмѣсто того отъ новаго урожая такую жъ пропорцію положа содержали со включеніемъ такого монаршескаго указа и вѣчнымъ закономъ, какъ въ Лифляндіи и Эстляндіи состоитъ и точно исполняется, что ежели во время неурожая приключившагося дѣйствительнаго голода крестьяне какъ на содержаніе свое такъ и на сѣмена не отъ помѣщиковъ самихъ, но отъ сосѣдей ихъ тѣмъ хлѣбомъ удовольствованы и содержаны будутъ то въ наказаніе столь мало пекущагося и безчеловѣчнаго помѣщика тѣ крестьяне уже не оному настоящему помѣщику, но тому вѣчно принадлежать имѣли бѣ, который ихъ во время бѣдственнѣйшаго голода содержалъ и довольствовалъ, и чтобы у такого не состоятельнаго и къ предсужденію своего потомства безпечнаго хозяина не отмѣнно безпереводно для своего домашняго и крестьянъ своихъ продовольствія годовая провизія содержана была смотрѣть близълежащимъ сосѣдямъ другъ за другомъ и, буде по ихъ увѣщеваніямъ

въ томъ не исправятся, чинить представленіе правительствамъ, дабы тѣ правительства такимъ несостоятельнымъ и безпечнымъ людямъ могли учинить принужденіе и въ городахъ наложеніемъ на магистратъ доправляемой толкаго числа денежной суммы, koliko для всего города жителей годовой запасъ покушкой обойтись можетъ. Равномѣрное же попеченіе, какъ отъ помѣщиковъ и магистратовъ въ разсужденіе запасовъ востребовалось, имѣть бы подлежало въ селахъ и деревняхъ государственныхъ крестьянъ старательствомъ каждаго мѣста начальникомъ обще съ міромъ, за коимъ въ тому и смотрѣть самимъ тѣхъ имѣть командующимъ, а въ случаѣ не имѣнія оныхъ воеводамъ и отъ нихъ къ тому опредѣленнымъ особамъ безъ всякаго однако въ томъ происходящаго міру отягощенія и налога. И будебъ такового запаса которымъ помѣщикамъ въ одинъ годъ вдругъ собрать за недовольнымъ урожаемъ возможности не было, то ежегодно хоть нѣсколько и до такого числа, чтобы по послѣдней мѣрѣ въ три года вышписанная годовая запасная провизія безсомнѣнно собрана и готовою содержана была.

Симъ способомъ опасность голоду всемірно предупреждена и въ государствѣ множественно знатнаго запаса (кромѣ тѣхъ запасовъ о коихъ подъ симъ пространствѣ явствуетъ) безъ всякаго казнѣ иждивенія и подданныхъ отягощеніевъ и убытковъ содержано бы было. А сверхъ того еще и сія многоважная польза воспослѣдовала бы: 1) Что въ самомъ короткомъ времени вездѣ, гдѣ то нужда востребовалась бы, за известную цѣну для собраніевъ войскъ знатнѣйшіе магазины заведены и марширующимъ полкамъ для проходовъ изъ одной провинціи въ другую или куда то повелѣно было бѣ безъ предварительныхъ и много время требующихъ преуготовленіевъ ни въ чемъ недостатка воспослѣдовать не моглобъ; для чего и дабы всѣхъ чрезъ подряды происходящихъ подлоговъ, интересу ущербъ и обывателямъ предобихденіе предупредить необходимо и весьма полезно бытъ кажется, чтобы для такихъ казенныхъ потребностей всегда не премѣнны каждому хлѣбу цѣны, смотря по губерніямъ и провинціямъ такія устанавливаемы были, чтобы обывателямъ чрезъ то не малѣйшей обиды не воспослѣдовало, и они свой хлѣбъ въ

казну съ хорошимъ своимъ авантажемъ отдать приохочены были. Сколько же велики бы тѣ постановляемы непремѣнныя цѣны смотря по мѣсту и не былибъ, но безсомнѣнно уповать можно, что казна чрезъ то въ лучшемъ выигрышѣ остаться можетъ, нежели до сего время подрядными покупками обходилось. 2) Что хлѣбомъ торгующее купечество въ такихъ случаяхъ, когда хлѣбъ за море съ хорошимъ прибыткомъ и авантажемъ отнускавъ быть можетъ, совершенно знать будутъ, гдѣ и отъ кого и сколько по повольной торговой цѣнѣ тѣхъ суммъ, кои имъ за море отпустить потребно, безъ потерянiя времени и не малѣйшей въ коммерціи остановки получить въ состоянiи будутъ.

II. Для пресѣченiя чрезвычайной въ продажѣ хлѣба дороговизны.

Свойственно то человѣчеству есть, что такiе законы охотнѣе безъ меньшаго подлога и преимущественнѣйше исполняются, кои бы всего общества пользы съ пользою каждой особы сопряженными состоятъ. Общество тѣмъ однимъ благополучнымъ почитаемо быть не можетъ, когда только отъ страха голоду безопаснымъ и въ нужнѣйшемъ своемъ содержанiи довольнымъ состоятъ; потребности такихъ вещей, кои одной землѣ не свойственны, но изъ другихъ краевъ получаютъ, бывъ уже въ свѣтѣ со всѣми необходимыми, (то) всемѣрно тѣ способы и средства для доставленiя оныхъ вещей, которыя способнѣйшими и прибыточнѣйшими почитаемы быть могутъ, наибольше всего изыскивать и въ дѣло произвести должно. Съ наилучшимъ прилежанiемъ и благополучнѣйшимъ успѣхомъ производимое земледѣліе, ремесла, художества и все руководѣе, коль бы совершенными и не состояли, въ изнеможенiи придти и наконецъ почти вовсе истреблены быть могутъ, ежели надеждою прибытка и выигрыша поощряемы не будутъ. Поощренiежъ и побужденiе ко всему тому всемѣрно и въ томъ состоятъ, чтобъ сверхъ собственныхъ потребностей остающееся изобиліе въ чужія руки пошло и чрезъ то хозяину своему приращенiе, прибылькъ и удовольствiе доставилибъ и тѣмъ новое въ немъ желанiе къ дальнимъ и приумноженнымъ трудамъ и прилежанiемъ побудило; сіе ни инако какъ посредствомъ добропорядочной, вольной и прибыточной коммерціи до-

стигается. Напрасными и можно сказать отяготительными всё содержащаяся въ государствѣ хлѣба запасы быть бы могли, ежелибъ излишность и ежегодно умножающіяся хлѣбныя провизіи съ прибыткомъ съ рукъ не сбыты. И сколь ни велика надобность во итѣніи всегдашнихъ готовыхъ запасовъ состоитъ, не меньшежъ надобность и въ томъ требовалось бы, чтобы такихъ людей имѣть, кои къ торгу склонность, искусство и прилежаніе имѣютъ. Сими послѣдними, ежелибъ всё къ тому потребныя способы облегчены и посредствомъ прибытковъ пріохочены были, имѣющіеся хлѣбныя запасы не взирая на большіе въ иные края отпуски отнюдь уменьшены, а цѣны хлѣбу въ государствѣ чрезъ то ничѣмъ возвышены быть не могутъ, но напротивъ того всецѣрно какъ хлѣбныя запасы пріумножены, такъ и цѣны въ разсужденіи внутренности государства ниже обстоятъ имѣлибъ, если только къ свободному и порядочному торгу руководствованы и всё тѣ случаи и обстоятельства избѣгаемы были, чрезъ что оному торгу препятствіе, убытки и вредъ причинены бывають. Королевство Аглицкое дѣйствительно примѣромъ служитъ, что вмѣсто того, что предъ симъ для содержанія народу ежегодно знатная хлѣбная сумма отъ чужихъ народовъ покупалась и цѣна хлѣбу въ Англіи всегда высокая обстояла и потому за море отпуски наистрожайше запрещены были. Съ того времени, какъ вольные отпуски хлѣбу за море учреждены и для пріохочиванія съ каждой мѣры отпускаемаго хлѣба изъ государства нѣкоторое число награжденій дается, земледѣліе въ Англіи столько пріумножилось, что ежегодно многозначное число хлѣба въ иные края отпускается, а за всѣмъ тѣмъ цѣна предъ прежнемъ внутри государства ниже состоитъ. Сии дѣйства однако воспослѣдовать не могутъ, когда торгъ выпускаемому хлѣбу только въ рукахъ нѣкоторыхъ особъ или компаній, а не всего купечества, состоятъ будетъ и не всѣмъ безъ изыатія дозволяется; ибо довольными примѣрами доказывается, что чрезъ такихъ а паче въ хлѣбѣ монополіяхъ, не токмо коммерція страдаетъ, но и цѣна внутри единственно по пристрастіямъ монополистовъ временемъ возвышена, временемъ же и унижена, но всегда ко вреду общества бываетъ, что однако воспослѣдовать

не можетъ, когда хлѣбные отпуска свободными будутъ. Словомъ, совершенное общества благополучіе, въ вольномъ способномъ, добропорядочномъ и не въ чемъ притѣвленномъ торгѣ состоитъ. Слѣдственно, и не въ чемъ столько нужды быть, кажется, какъ всѣ тѣ способы и средства изыскивать. Конии коммерція а паче хлѣбная за море продажа облегчена и способствована быть можетъ, для установленія коего слѣдующія учрежденія ввести за весьма полезныя признаются:

1) Весьма пространная Имперія Русская хотя множество болшихъ и къ судовому ходу способныхъ рѣкъ имѣеть, но тѣмъ не менѣе ниже довольно ниже способной коммуникаціи не состоитъ и за тѣмъ весьма бы полезно было, чтобы въ нужнѣйшихъ и въ главнѣйшихъ мѣстахъ тѣ коммуникаціи учинены и тѣмъ посредствомъ самодалнѣйшія отъ морскихъ береговъ лежація мѣста съ портами сообщены были, дабы не тожмо хлѣбъ, но и другіе въ отпускъ потребныя товары безъ большихъ убытковъ доставляемы.

2) А какъ не всѣ рѣки одного и такого свойства, чтобы на всѣхъ однимъ маниромъ и одной величины построенныя суда ходить могли, но затѣмъ часто перегрузка быть должна. Къ томужъ и весьма убыточно становилось бы, ежелибъ (какъ до сего времени бываетъ) купцы изъ дальнѣйшихъ внутреннихъ мѣстъ съ хлѣбомъ и съ другими своими товарами до самыхъ морскихъ портовъ въ надеждѣ полученія себѣ большой прибыли слѣдуютъ, чему однако въ самомъ дѣлѣ потому быть не можетъ, что путевые расходы имъ чрезвычайно великими становятся и какъ они иногда годъ и до двухъ изъ домовъ своихъ отлучены въ промыслахъ своихъ домашнихъ не малаго себѣ вреда и потери принять могутъ такъ, что и самый большой въ портѣ на привозимый товаръ полученный авантажъ того замѣнить не можетъ, что на путевые расходы издержано и что упущеніемъ времени въ продолженіи промысла потеряется. Всякому торговому человѣку гораздо сходнѣе быть кажется малые, но частые авантажи нежели большіе но рѣдко получаемые прибыли достать. И потому за полезное почитаемо быть могло, чтобы и въ томъ купечеству къ ихъ собственной пользѣ служащія предѣлы предписаны и потому сходныя учрежденія опре-

дѣлены были, а именно: чтобъ въ приличныхъ мѣстахъ, а особливо по большимъ и къ судовому ходу способнымъ рѣкамъ лежащихъ тѣстахъ, такъ называемые Штапельстеты или торговныя пристани съ такими привиллегіями учреждаемы были, что далѣ и мимо ихъ ни которымъ купцамъ товаровъ своихъ не провозить, но въ оныхъ торговыхъ пристаняхъ тамошнему купечеству по повольной цѣнѣ не отиѣнно продавать. А дабы купечество въ тѣхъ привиллегированныхъ торговыхъ пристаняхъ къ предобихденію съ товарами прибывшихъ купцовъ, согласяся между собою, за безцѣнокъ оныхъ товаровъ не получило, то по близости той торговой пристани или города назначить подлежало три или четыре города съ такими же и въ равной силѣ привиллегіями, дабы пріѣзжающіе купцы по примѣчанію, что въ одномъ мѣстѣ имъ въ предобихденіе не настоящія и имъ сходныя цѣны даютъ, къ другимъ слѣдовать и тамъ продавать могли, почему первые то увидѣвъ и сами собою добровольно лучшую, подлежащую и продавцамъ сходную цѣну давать будутъ. Черезъ такое торговыхъ пристаней на вышеупомянутыхъ привиллегіяхъ назначиваніе пріѣзжающіе купцы хотя противъ портовыхъ цѣнъ въ тамошнихъ мѣстахъ гораздо дешевле свои товары продавать будутъ, но совсѣмъ тѣмъ за исключеніемъ великихъ издержекъ, а паче время медленія сія не малая выгода воспослѣдовалабъ, что при полученіи себѣ резонабельнаго авантажа въ скоромъ времени въ дома свои возвращатися къ промыслу торгова, къ впредбудущему году къ предвидѣнію имѣть и себя всячески употребить могутъ. Торговыхъ же пристаней купцы, имѣя ежегодно готовый запасъ, отправленія свои или къ такимъ къ пути лежащимъ и назначеннымъ торговымъ же мѣстамъ или же къ портамъ заблаговременно учинять. И тѣмъ способомъ вся коммерція гораздо облегчена была и какъ товары чрезъ многія руки ходилибъ, то бы не токмо всякому продавцу но и многимъ къ препровожденію и тому подобнымъ упражненіямъ употребляющіеся люди всякіе настоящимъ выгравшемъ пользовались, и совсѣмъ тѣмъ однако цѣны отправляемыхъ товаровъ въ портахъ всемірно не дороже нынѣшняго обойтисья могли. И тако, сверхъ пользы происходящей какъ отъ говаровъ такъ

и денежной циркуляціи или кругообращенія, еще и сія полезность сама собою воспослѣдовалабъ, что сверхъ годоваго у помѣщиковъ и въ городахъ имѣющагося хлѣбнаго запасу еще многіе знатныя во всѣхъ торговыхъ пристаняхъ и портахъ не малые хлѣбныя магазейны состоялибъ, коими въ случаѣ неурожая и отъ голоду пользоваться можнобъ. Но сіи отпусковъ остановленій не инако, какъ съ великимъ разсмотрѣніемъ и по крайней необходимости учинить бы подлежало, какъ то о томъ ниже сего въ 4-мъ пунктѣ обстоятельно упоминается.

3) Какъ не малая часть хлѣбороднѣйшихъ мѣстъ по близости тѣхъ рѣкъ имѣется, которыя теченіе свое въ Черное и Каспійское моря имѣютъ, то безсомнѣнно всему государству весьма полезнѣе бы и толь наиприбыточнѣе состоялобъ, ежелибъ коммерція къ тамошнимъ краямъ открыта и основана быть бы могла, такъ какъ не безызвѣстно въ Архипелагѣ и на Итальянскихъ берегахъ хлѣбъ съ знатнѣйшимъ прибыткомъ продаванъ бы могъ и какъ провозныя убытки къ тѣмъ мѣстамъ гораздо ниже противъ отправленияжъ по Балтическому морю состоять могли бы.

4) Когда коммерціи, а особливо хлѣбному торгу ни что вредительнѣе быть не можетъ, какъ частія объ отпускѣ онаго за море запрещенія, потому что торгующіе купцы и корабли своихъ надобностей въ такомъ случаѣ индѣ искать принуждены и тѣмъ отъ портовъ и торговъ нашихъ такъ отвыкаемы быть могутъ, что по воспослѣдованіи вновь вольныхъ отпусковъ уже дѣйствительно вновь не возвратятся. Того для кажется необходимо и весьма полезнымъ быть, чтобъ такія въ отпускахъ хлѣба никогда запрещенія учинены не были, но егда по усмотрѣніи дѣйствительнаго неурожая и въ хлѣбѣ могущаго недостатка въ отпуску остановку чинить за неминуемобъ почиталось, то лучшимъ способомъ быть признается, чтобы пошлины на отпускаемый хлѣбъ токмо на одно то время, какъ новыи урожаи безпокойныя и опасныя обстоятельства минуть, по усмотрѣніи вышнихъ правительствъ лучше возвышены, нежели запретительными указами тѣ заморскіе отпуски остановлены были; ибо не захотя двойныя или тройныя пошлины платить хлѣбъ всемѣрне

въ государствѣ остатьсябъ могъ, а иностранные купцы и корабли явнаго резона не имѣли отъ портовъ нашихъ отстать. По минованію же неурожаевъ и опасностей въ хлѣбъ нужды тѣ прибавленныя пошлины для толь наилучшаго въ хлѣбномъ торгу иностраннымъ купцамъ къ нашимъ портамъ пріохочиванію не токмо все сбавить, но еще нѣсколько противъ прежнихъ пошлинъ и уменьшеніе сдѣлать полезнымъ быть бы могло, дабы чрезъ то паки заморскій отпускъ возстановиться и по прежнему обращаться могъ.

5) Купечество, мѣщанство и художники, какъ они для общества необходимо надобными людьми состоятъ, а паче первые, посредствомъ коихъ прилежаніе и проворство вся коммерція содержится и все общество пользуется, всемѣрно въ своихъ преимуществахъ и въ упражненіи ихъ званія безъ предобихденія и приметокъ содержаны быть подлежатъ. Слѣдственно и ничто полезнѣйшее какъ для оныхъ, такъ и для всего общества быть бы могло, какъ то, что каждому чину и званія уставы предписаны и никому не дозволено бы было въ такое дѣло вмѣшательства, которое не точно до его званія принадлежитъ; ибо коммерція ничѣмъ столько быть разрушена не можетъ какъ тѣмъ, когда напримѣръ земледѣлецъ въ купечество и въ фабричныя или мануфактурныя заводы, а купецъ или художникъ въ земледѣліе вступится и тѣмъ себя самихъ дѣйствительно въ изнеможеніе приводить, а всему обществу крайнѣйшій вредъ учинить могутъ.

6) Когда отъ свободнаго и вольнаго всему купечеству торгу при учрежденіи вышеупомянутыхъ особыхъ привиллегіями снабженныхъ торговыхъ пристаней безсумнѣнно уповать должно, что земледѣліемъ упражняющіеся обыватели отъ своего земледѣльства за домашними потребностями оставшее излишество хлѣба дорожѣ нынѣшняго продавать и тѣмъ прибыль въ свою пользу получить могутъ. Для толь наилучшаго сего намѣренія достиганія и въ хлѣбной продажѣ прибыточнѣйшихъ цѣнъ полученія, якоже и лучшаго всѣхъ обывателей а особливо въ отдаленнѣйшихъ внутреннихъ провинціяхъ содержанія, весьма полезнѣйшимъ способомъ то быть бы имѣлось, чтобъ въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ никакого хорошаго способа ко отправленію своего хлѣба къ портамъ не имѣется, консумція или къ житію чело-

вѣческому принадлежащихъ вещей употребленіе елико то можно приумножена была. Къ чему другихъ и лучшихъ способовъ не предвидѣтся какъ то, что по приличности каждаго мѣста и онаго преимущественнѣйшихъ произращеній и другихъ доходовъ мануфактуры фабрики и заводы учреждаемы или изъ тѣхъ мѣстъ переведены были, въ коихъ нынѣ къ отягощенію и дороговизнѣ наведенію оныхъ мѣстъ состоятъ, какъ то примѣромъ столичный городъ Москва и дѣйствительно служить, въ коихъ можетъ не токмо для знатности и содержанія чистоты мѣста неприличные заводы, яко то кожевенные и тому подобныя, но и многихъ другихъ фабрикъ состоятъ, къ которымъ первоначальная матерія изъ дальнихъ внутреннихъ мѣстъ не безъ излишнихъ убытковъ доставляется и при которыхъ ужасное множество работниковъ содержится и тѣмъ дороговизна въ хлѣбъ и въ прочія харчевныхъ припасахъ причиняется. Гораздо сходнѣе и какъ самимъ фабрикамъ содержателямъ дешевле становится, но и въ провинціяхъ лежащимъ городамъ и около оныхъ состоящихъ деревенскимъ обывателямъ полезнѣйше бы бы имѣлось, егдабъ тѣ фабрики, мануфактуры и заводы въ такія внутреннія города переведены и учреждены были, къ которымъ первоначальные къ каждому дѣлу матеріалы по близости слѣдственно и дешевле доставить можно и отъ коихъ по заготовленіи тѣ фабричныя вещи посредствомъ водяной коммуникаціи въ Москву и во всѣ прочія мѣста, куда надобность востребовалабъ, безъ большихъ издержекъ и убытковъ доставлены бы могли. А какъ не во всѣхъ обширнаго государства Россійскаго въ городахъ и провинціяхъ къ заведенію фабрикъ и мануфактуръ ни возможности, ни приличности не состоялобъ, то тѣмъ не меньше кажется въ оныхъ консумпціи чрезъ ското-и-коноводства, овчарни и тому подобныхъ заведеній къ толь наивящей народной пользѣ приумножена бы бы могла, что ужъ себя принужденными не увидѣлибъ на нѣсколько сотъ верстъ хлѣбъ харчъ, сѣно и прочія потребности къ городу на продажу свозить и тѣмъ своихъ лошадей и упряжей не въ состояніе и гибель приводить.

Какъ по новымъ Ея Императорскаго Величества апробованнымъ до войскъ касающимся учрежденіямъ, всѣмъ полкамъ

наивсгдашнее время не токмо непрѣмныя квартиры назначены, но и полковымъ командирамъ, непосредственно отъ главной провинціальной канцеляріи заключаемыхъ подрядовъ, въ тѣхъ же мѣстахъ для всѣхъ полковыхъ служителей по повольной цѣнѣ хлѣбъ и провіантъ и всѣ прочія до полковыхъ нуждъ потребныя вещи ихъ полковыхъ командировъ собственнымъ стараніемъ приуготовить и закупить, то и не безсумнительно, что тѣмъ всемилостивѣйшимъ учрежденіемъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полкамъ непрѣмныя квартиры назначены, консумція гораздо приумножится и обывателямъ въ продажѣ хлѣба, съѣстныхъ припасовъ и всего прочаго хорошія прибыли приростися и жить.

Сими и тому подобными къ пользѣ народной обращающимися учрежденіями требуемое проектами въ хлѣбъ и въ цѣнахъ равновѣсіе гораздо легче и способнѣе производимо быть кажется, нежели чрезъ заведеніе ужаснаго иждивенія требуемыхъ на счетъ казенномъ состоящихъ государственныхъ магазейновъ. Не меньшежъ кажется, что Ея Императорскаго Величества наміреніе, чтобы цѣна хлѣба всегда въ рукахъ Ея Императорскаго Величества состояла, всѣмъ неоминуемо самымъ дѣломъ исполняемо было, егдабъ по вышеписанному безъ казеннаго иждивенія употребленія въ всемъ государствѣ всегда готовые запасы содержаны были и егда по востребованію нужды хлѣбныя за море отпуски не запретительными указами, но чрезъ временное приумноженіе портовыхъ пошлинъ остановлены были.

Но ежели завсѣмъ тѣмъ разсудилось бы, хоть не весьма большихъ для пользы народной въ случаѣ всякихъ приключеній потребныхъ казенныхъ магазейновъ въ приличныхъ мѣстахъ въ государствѣ завести, то кажется и сіе съ небольшимъ и излишнемъ казеннымъ иждивеніемъ такимъ порядкомъ учиниться моглобъ: что стараніемъ и попеченіемъ губернаторовъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за неплодоносіемъ земли рѣдко хорошіе и прибыточные урожаи бывають, за наличныя деньги по повольной цѣнѣ толикое число хлѣбныхъ запасовъ зерновымъ хлѣбомъ, а не мукою покупано и въ готовности содержано было, сколько по числу въ тѣхъ неплодоносныхъ мѣстахъ живущихъ обывателей необходимо по ихъ разсужденіямъ возна-

добилось, ассигнуя имъ на такія покупки токо каждаго изъ вѣдомства подлежащія суммы съ тѣмъ однако подтверженіемъ, чтобъ къ наблюденію казеннаго интереса все то безъ излишней передачи производилось. А дабы отъ долголежанія хлѣбу ни порчи, ни траты не привключилось, отдать на ихъ губернаторскую волю и разсмотрѣніе, чтобы тѣ хлѣбныя суммы ежегодно купцамъ и другимъ людямъ продавать, ища при той продажѣ такой казнѣ прибыли, чтобы не токо для содержанія амбаровъ или такъ называемыхъ магазиновъ употребляемые годовые расходы замѣнены, но и сверхъ того ежегодно столько денежнаго прибытку въ казну, чтобы по прошествіи не далѣе десяти лѣтъ вся при первой покупкѣ употребленная денежная сумма возвращена, и то учрежденіе впредь единственно отъ продажи выигранныхъ денегъ содержено и, буде въ томъ по ихъ разсмотрѣнію надобность состоять моглабъ, приумножено было.

Таково содержаніе доклада комисіи 1763 года по вопросу объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа. Сравнивая его съ вышеприведенными предложеніями князя Трубецкаго и графа Шувалова, нельзя не замѣтить между ними рѣзкой разницы и даже можно сказать совершенной противоположности. Князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, какъ мы видѣли, считали необходимымъ для обезпеченія продовольствія войска и народа сосредоточить всю хлѣбную торговлю въ рукахъ казны, между тѣмъ какъ члены комисіи 1763 года считали лучшимъ средствомъ для этого развитіе частной хлѣбной торговли. Затѣмъ другимъ средствомъ для обезпеченія народнаго продовольствія докладчики считали обязательное устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ селеніяхъ и городахъ на счетъ помѣщиковъ и городскихъ обществъ. Наконецъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ вслѣдствіе неплодородія почвы рѣдко бывають хорошіе урожан, докладчики допускали устройство магазиновъ на казенной счетъ. Вообще, идеи высказанныя докладчиками, совершенно противорѣчатъ тѣмъ началамъ, которыми руководилось русское правительство, начиная съ Петра I въ своей дѣятельности съ цѣлью предупрежденія пресѣченія дороговизны и голода. Какова же была судьба этого

замѣчательнаго доклада? Онъ былъ послѣднимъ актомъ дѣятельности комисіи 1763 года объ учрежденіи государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ въ Россіи. 8 мая 1763 года Императрица во время присутствія своего въ сенатѣ Высочайше указать соизволила: оное отъ комисіи государственныхъ магазиновъ мнѣніе разсмотрѣть и представить Ея Императорскому Величеству сенату съ своимъ мнѣніемъ, а опредѣленные въ ту комисію персонажъ явиться къ мѣстамъ (службы), также и канцелярскихъ служителей распустить въ прежнія ихъ мѣста. Такимъ образомъ комисіа 1763 года окончила свое короткое существованіе. 19 августа того же 1763 года правительствующій сенатъ слушалъ мнѣніе комисіи и опредѣлилъ поднести Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ своимъ мнѣніемъ, но 10 ноября того же года при слушаніи этого опредѣленія въ правительствующемъ сенатѣ постановлено: истребовать мнѣніе главной провіантской канцеляріи и для того подпискою вышеписаннаго о государственныхъ магазейновъ опредѣленія обождать. Изъ генераль прокурорскихъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ минис. юст. видно, что до 1768 года дѣло объ устройствѣ магазиновъ въ сенатѣ не разсматривалось. Въ этомъ году копія со всего плана начертаннаго комисіей 1763 года по устройству государственныхъ запасныхъ магазиновъ отослана въ комисію о сочиненіи проекта новаго уложенія. Намъ неизвѣстно: былъ ли этотъ планъ разсматриваемъ въ какой либо изъ специальныхъ комисій объ уложеніи и какова была вообще дальнѣйшая судьба этого доклада. Но, во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что докладъ комисіи не остался безъ вліянія на административную практику, такъ какъ не одною случайностью можетъ быть объяснено близкое сходство между идеями, высказанными въ докладѣ комисіи и тѣми началами, которыя лежали въ основаніи мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ въ царствованіе Екатерины II съ цѣлью обезпеченія народнаго продовольствія. Императрица, вѣроятно убѣжденная доводами докладчиковъ, отказалась отъ первоначальнаго намѣренія завести во всѣхъ городахъ хлѣбные запасные магазины, «дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ

была», какъ она выразилась въ указѣ 23 августа 1762 года. И съ этого времени административная дѣятельность русскаго правительства относительно народнаго продовольствія получила совершенно иной характеръ, иное направленіе сравнительно съ тѣмъ, которое преобладало въ періодъ царствованія Петра I и его ближайшихъ преемниковъ. Обычай описывать и отбирать хлѣбъ у имущихъ для раздачи его нищимъ мало по малу выходитъ изъ употребленія. Многочисленныя и разнообразныя ограниченія и стѣсненія внутренней хлѣбной торговли, какъ напр. описываніе запасовъ у хлѣбныхъ торговцевъ, назначеніе таксъ, запрещеніе вывоза хлѣба изъ одной мѣстности въ другую, отиѣняются въ царствованіе Екатерины II. Свободная хлѣбная торговля внутри государства, по мнѣнію Императрицы, есть лучшее средство обезпеченія народнаго продовольствія, (см. именной указъ, данный московскому главнокомандующему графу Брюсу отъ 3 февраля 1785 г. н. с. з. № 16143). Всякаго рода монополіи юридическія или фактическія Императрица считала вредными для общества, и этимъ объясняются ея негодованіе и преслѣдованія, обращенныя противъ скупщиковъ, перекупщиковъ и тому подобныхъ лицъ. Съ цѣлю облегченія и поощренія внутренней хлѣбной торговли правительство Екатерины Великой принимало различнаго рода мѣры, какъ напр. попеченіе о развитіи судоходства, назначеніе премій и т. п. Точно также и внѣшняя хлѣбная торговля сдѣлалась почти свободною: правительство Екатерины II только въ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ прибѣгало къ запрещенію вывоза хлѣба за границу. Другимъ средствомъ къ предупрежденію дороговизны и голода въ царствованіе Екатерины II служило развитіе и улучшеніе земледѣлія, сельскаго хозяйства вообще и въ частности разведеніе различныхъ хлѣбныхъ суррогатовъ, какъ напр. картофеля. Затѣмъ, одною изъ главныхъ мѣръ для обезпеченія народнаго продовольствія въ царствованіе Екатерины Великой считалось устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Правительство Екатерины II старалось всячески побудить помѣщиковъ, сельскія и городскія общества къ заведенію хлѣбныхъ запасовъ на собственный счетъ. Но безпечность и бездѣятельность дворянскихъ, сельскихъ и городскихъ обществъ

принуждали правительство заводить казенные магазины во многих городах и селеніях. Наконецъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой признано было общемою мѣрой для облегченія голодающаго населенія устройство казенныхъ и общественныхъ работъ (п. с. в. № 14418) (*).

М. Шпилевскій.

(*) Подробное изложеніе и оцѣнка мѣръ по обезпеченію народнаго продовольствія въ царствованіе Екатерины II составляетъ содержаніе приговора, взяемаго нами къ печати особаго изслѣдованія, основаннаго на многихъ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ.

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ габря по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церковно-оноувѣднія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссій-иверситета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября). — 3) Чиникъ гарній изъ Ксаноа въ Ликии. Опытъ исторической ха-гики. *Н. Комдакова.* — 4) Замятка объ ускореніяхъ высшихъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ ря по 2 е марта 1874 г. — Записка о путешествіи по славянскимъ Доцента *А. Кочубинскаго.* (Приложеніе къ 13-й ст. протокола совѣта 2-го марта). — 2) Статья 6-я протокола засѣданія тематическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе статья протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 3) Федонъ, Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д.* — 4) Замячательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія :кой синодальной (бывшей патріаршей) библиотекъ. *А. Павлова.*

Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.

118
17

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬН.
 СТАТИСТИЧ. КОДЕКСУ
 МИНИСТР. 10 ЮЛЬ 80
 ШКАФЪ № 16921
 Печ. № 16921

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

HARVARD UNIVERSITY
 LIBRARY
 APR 8 1974

74*2

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.

1874.

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“ ишъются предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ VIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 16 августа по 13 декабря 1871 г. и съ 20 января по 29 мая 1872 г.). — 2) Вступительныя лекціи: а) по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій — *Кочубинскаю*, б) теоріи и исторіи искусствъ — *Кондакова*. в) химіи — *Марковникова*, г) минералогіи — *Головкинскаю*. — 3) Приложение: Номоканонъ при Большомъ Треникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя. *А. Павлова*.

ТОМЪ IX. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 августа по 23 декабря 1872 года). — 2) Краткій отчетъ Императорскаго новороссійскаго университета за 18^{71/72} академическій годъ. — 3) Задача политической экономіи и отношенія ея къ прочимъ наукамъ. *М. М. Вольскаю*. — 4) Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія (съ картою). *Ф. К. Бруна*. — 5) Еще наказный списокъ по Стоглаву. *А. С. Павлова*. 6) Историческій очеркъ теоріи свѣта. *Н. А. Умова*. — 7) Начала новой геометріи. *С. П. Ярошенка*.

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года). — 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина*. — 3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко*. — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодействій. *Н. Умова*. — 5) Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Ею-же*.

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18^{72/73} академическомъ году. — 3) Братъ-Подобой и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. *А. Кочубинскаю*. — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *В. Лигина*. — 5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

51939

5201/4

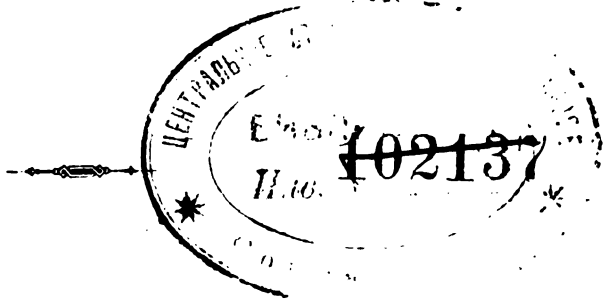

ЗАПИСКИ

16921

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакцію ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.

1874.

1890

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго университета.
Ректоръ *Θ. Леонтовичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Часть оффиціальная.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 187²/₄ академическомъ году 117—145

Историческій очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ.
Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ новороссійскаго университета 30-го Августа 1874 года профессоромъ *В. Лизинимъ*. 1—19

II. Часть ученая.

Въ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній.
II. Спиро 1—37
Кинематика. Часть I. Чистая кинематика. *В. Лизина* 1—100

III. Объявленія:

Объ изданіи „Православнаго Собесѣдника“ въ 1874 г.
Отъ Бѣвскаго общества естествоиспытателей.

I. Часть офіціальная.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ СОСТОЯНІИ и ДѢЙСТВІЯХЪ

Императорскаго новороссійскаго университета

въ 187³/₄ академическомъ году.

I. Личный составъ университета.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ университетѣ произошли въ истекшемъ академическомъ году слѣдующія перемѣны:

1) Составъ преподавателей пополнился назначеніемъ магистра **Малинина** доцентомъ по кафедрѣ судоустройства и гражданскаго судопроизводства, магистра **духовной академіи Кудрявцева**—исправляющимъ должность профессора православнаго богословія и бывшаго профессора университета св. **Владимира Ковалевскаго**—ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологии.

2) Изъ прежде служившихъ: а) исправлявшіе должность доцентовъ **Кочубинскій** и **Кондаковъ** утверждены въ занимаемыхъ ими должностяхъ; б) возведены въ высшія званія: доцентъ **Лигинъ** въ званіе экстраординарнаго профессора, доцентъ **Цитовичъ** въ званіе экстраординарнаго, а потомъ и ординарнаго профессора, экстраординарные профессора **Ярошенко** и **Синцовъ**—въ ординарные профессора; в) выбыли: доцентъ по кафедрѣ ботаники **Кощугъ** по прошенію и заслуженные профессора: православнаго богословія протоіерей **Павловскій** и гражданскаго права **Куницынъ**—за выслугою опредѣленнаго срока.

3) Затѣмъ число наличныхъ преподавателей въ новороссійскомъ университетѣ состоитъ въ настоящее время изъ 26 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ, 9 доцентовъ и 1

астронома-наблюдателя. По факультетамъ преподаватели распределяются слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому: 6 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 3 доцента; по физико-математическому: 13 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный, 3 доцента и 1 астрономъ-наблюдатель; по юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ и 3 доцента.

Кромѣ этихъ преподавателей состоятъ вообще при университетѣ: 1 профессоръ православнаго богословія и 2 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

4) Остаются незамѣщенными слѣдующія каѳедры:

Въ историко-филологическомъ факультетѣ:

1. Всеобщей исторіи и
2. Исторіи всеобщей литературы.

Въ физико-математическомъ:

3. Физической географіи и
4. Технической химіи.

Въ юридическомъ:

5. Энциклопедіи права,
6. Римскаго права и
7. Международнаго права.

Впрочемъ замѣщеніе двухъ изъ перечисленныхъ вакантныхъ каѳедръ, именно: всеобщей исторіи и римскаго права, можно считать уже обеспеченнымъ, такъ какъ совѣтомъ, по представленіямъ факультетовъ, избраны уже: на первую каѳедру магистрантъ Успенскій съ званіемъ доцента, и на вторую докторъ гражданскаго права, ординарный профессоръ римскаго права въ демидовскомъ юридическомъ лицей Дювернуа съ званіемъ ординарнаго профессора.

Въ составѣ должностныхъ лицъ по учебно-административной и другимъ частямъ произошли слѣдующія перемѣны: экстраординарный профессоръ Лигинъ и доцентъ Шпилевскій утверждены секретарями — первый физико-математическаго факультета на мѣсто выслужившаго срокъ профессора Ярошенко, второй юридическаго на мѣсто также выслужившаго срокъ профессора Патлаевского; кандидатъ естественныхъ наукъ Вернеръ опредѣленъ лаборантомъ

химической лабораторіи; помощникъ бібліотекаря Л. Брунъ перемѣщенъ на должность секретаря по студентскимъ дѣламъ; бібліотекарь Шишковскій, по выслугѣ срока на пенсію, оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ.

11. Учебная и ученая дѣятельность университета.

1) Съ 1 іюня 1873 по 1 іюня 1874 г. историко-филологическій факультетъ имѣлъ 25 засѣданій, въ томъ числѣ 2 публичныхъ; физико-математическій 30 засѣданій, изъ нихъ 3 публичныхъ; юридическій 26 засѣданій, въ томъ числѣ 2 публичныхъ, и совѣтъ университета 21 засѣданіе.

2) Въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія какъ факультеты, такъ и совѣтъ руководствовались прежними правилами, остававшимися въ силѣ и въ теченіе всего 1873—74 академическаго года. Тѣ же перемѣны, которыя вызвались положеніемъ дѣлъ, состояли въ слѣдующемъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантной кафедрѣ всеобщей исторіи раздѣлено было между стороннимъ преподавателемъ, заслуженнымъ профессоромъ Бруномъ и ординарнымъ профессоромъ русской исторіи Смирновымъ, а преподаваніе греческаго языка усилено порученіемъ чтенія лекцій по этому предмету, кромѣ наличнаго преподавателя этого предмета, ординарному профессору по кафедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ Нигичу; въ физико-математическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантной кафедрѣ физической географіи поручено было ординарному профессору физики Шведову; преподаваніе по другой вакантной кафедрѣ технической химіи—ординарному профессору химіи Верито; преподаваніе практической астрономіи—астроному-наблюдателю Блоку; преподаваніе механики раздѣлено между ординарнымъ профессоромъ Карастелевымъ и возвратившимся изъграничной ученой командировки экстраординарнымъ профессоромъ Литинымъ; въ юридическомъ факультетѣ: преподаваніе по вакантнымъ кафедрамъ: энциклопедіи права—доценту Пригарѣ, римскаго права—заслуженному профессору Куняцину и международнаго права—доценту Шпилевскому. Кромѣ того, въ истекшемъ

академическомъ году въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ, введено было торговое право, преподаваніе котораго поручено было доценту, нынѣ ординарному профессору гражданского права Цитовичу.

4) Мѣрами къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и способами контроля надъ ихъ занятіями, сверхъ годовыхъ и полугодичныхъ контрольныхъ испытаній, служили на *историко-филологическомъ факультетѣ*, задаваемые на старшихъ курсахъ письменныя работы по специальнымъ предметамъ, какъ-то: русской и всеобщей исторіи, славянской филологіи и др. Кроме того по нѣкоторымъ предметамъ, какъ то: исторіи славянскихъ нарѣчій и литературѣ существовали практическія упражненія, равно какъ и въ особые часы—по латинскому языку. По исторіи искусствъ въ особо назначенный часъ студенты занимались въ университетскомъ музее изящныхъ искусствъ. *Юридическій факультетъ*, по примѣру прежнихъ лѣтъ, задавалъ темы для письменныхъ работъ на дому; факультетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждается въ полезности этой педагогической мѣры. Чтобы побудить студентовъ къ исправному исполненію этой обязанности, факультетъ постановилъ не допускать къ экзаменамъ тѣхъ изъ нихъ, которые не представляютъ годовыхъ сочиненій. Кроме того въ истекшемъ академическомъ году доцентъ Шпиловскій представилъ факультету подробную записку о практическихъ занятіяхъ съ студентами-юристами въ аудиторіи. Факультетъ одобрилъ въ принципѣ изложенный въ этой запискѣ планъ практическихъ занятій и постановилъ передать его членамъ факультета для specialнаго разсмотрѣнія, въ видахъ установленія общихъ мѣръ въ этомъ направленіи. На *физико-математическомъ факультетѣ*, практическія занятія студентовъ составляютъ необходимое условіе серьезнаго изученія факультетскихъ предметовъ.

5) Съ цѣлю же поощренія студентовъ къ ученымъ занятіямъ ежегодно назначаются особыя темы для соисканія медалей. На текущей академической годъ назначены темы:

Историко-филологическимъ факультетомъ: «общественное и семейное положеніе, образъ жизни и характеръ греческой женщины

въ гомерическій вѣкъ, съ подробной характеристикой наиболее замѣчательныхъ историческихъ женщинъ, упоминаемыхъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ»; физико-математическимъ: 1) по математикѣ: «о развертываніи функцій по синусамъ и косинусамъ кратныхъ перемѣнной» (при чемъ требуется вывести теорему Фурье и показать приложенія ея къ интегрированію уравненій въ частныхъ производныхъ), 2) по ботаникѣ: «о вліяніи теплоты на развитіе растений»; юридическимъ: «имѣетъ ли въ настоящее время вторая часть кормчей практическое значеніе».

б) Преподавателями и другими служащими въ университетѣ напечатаны въ истекшемъ году слѣдующія сочиненія: заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета «записку о поѣздѣ на Каллу, Колку и затѣмъ въ бизюковъ и короунскій монастырь, и побережье Днѣстра отъ Бендеръ до Аккермана». Ординарный профессоръ Ягичъ въ V и VI книгѣ изданія южно-славянской академіи наукъ подъ заглавіемъ «Старине» помѣстилъ статью «описаніе и извлеченія изъ разныхъ южно-славянскихъ вовсе неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ рукописей». Заслуженный профессоръ Юргевичъ напечаталъ въ IX томѣ записокъ одесскаго общества исторіи и древностей статьи: 1) «донесеніе о поѣздѣ въ Крымъ» и 2) «о древне-эллинской могилѣ близъ Севастополя». Заслуженный профессоръ Брунъ напечаталъ: 1) въ запискахъ Императорской академіи наукъ «черноморскіе готы и слѣды ихъ долгаго пребыванія въ южной Россіи»; 2) въ запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей «путешествіе турецкаго туриста изъ Гоніи въ Анапу».

И. д. ординарнаго профессора, протоіерей Войтковскій помѣстилъ въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: 1) слово предъ крестнымъ ходомъ въ память основанія г. Одессы и 2) слово въ недѣлю православія.

И. д. ординарнаго профессора, священникъ Кудрявцевъ напечаталъ: 1) въ запискахъ новороссійскаго университета вступительную свою лекцію по богословію, 2) въ актовой книгѣ славянскаго благотворительнаго общества св. св. Кирилла и Меодія—

слово, сказанное за литургіей въ день памяти св. св. Кирилла и Меодія и 3) въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ нѣсколько словъ изъ ряда бесѣдъ, сказанныхъ въ университетской церкви въ св. четыредесятницу, воскресные и праздничные дни.

Ординарный профессоръ Вальцъ напечаталъ въ запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи статью 1) «какіе элементы относятся къ числу необходимыхъ составныхъ частей пищи растений» и 2) подъ его руководствомъ студентъ Шельтингъ напечаталъ въ томъ же журналѣ свои изслѣдованія надъ головными грибами и надъ вліяніемъ жѣднаго купорося на прорастаніе зеренъ пшеницы.

Ординарный профессоръ Шведовъ напечаталъ статью «Ueber die Electricitätsstrahlen» въ Poggendorf's Annalen für Physik und Chemie.

Ординарный профессоръ Синцовъ напечаталъ: 1) дополнительную замѣтку къ статьѣ: «геологическій очеркъ Саратовской губерніи» въ запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей и 2) нѣсколько словъ по поводу брошюры доктора іенскаго университета Влад. Ковалевскаго «замѣтка о моемъ магистерскомъ экзаменѣ»—въ запискахъ новороссійскаго университета.

Ординарный профессоръ Павловъ напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета извлеченіе изъ отчета о своей командировкѣ въ Москву и Петербургъ для занятій въ тамошнихъ архивахъ и бібліотекахъ подъ заглавіемъ «замѣчательнѣйшія греческія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патриаршей) бібліотекѣ».

Ординарный профессоръ Цитовичъ издалъ 2 выпуска лекцій по торговому праву—отдѣльною книгою, и напечаталъ разборъ проекта объ акціонерныхъ компаніяхъ—въ журналѣ гражданскаго и уголовнаго права.

Ординарный профессоръ Леонтовичъ налітографировалъ часть лекцій по внутренней исторіи древняго русскаго права.

Экстраординарный профессоръ Лигинъ напечаталъ: 1) «Sur le lieu des points d'un système invariable mobile d'une manière générale dans l'espace, dont les accélérations du

premier ordre sont constantes» въ 1 томѣ Bulletin de la société mathématique de France; 2) «Note historique sur le problème des engrenages cylindriques» тамъ же; 3) «Sur quelques propriétés du déplacement d'une figure plane dans son plan» въ Nouvelles Annales de Mathématiques, 4) «замѣтку объ ускореніи высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы» въ запискахъ новороссійскаго университета; 5) «отвѣтъ на статью г. Умова: замѣтка по поводу сочиненія г. Дигина: геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», тамъ же; 6) «обобщенія нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ» — отдѣльною книжкою.

Доцентъ Шпилевскій похѣстилъ въ вѣдомостяхъ одесскаго градоначальства извлеченіе изъ прочтенной имъ публичной лекціи «о дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ и о мѣрахъ противъ нея».

Доцентъ Кочубинскій напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета монографію «Братья Подоби и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка» и 2) «записку о путешествіи по славянскимъ землямъ».

Доцентъ Кондаковъ напечаталъ тамъ же «памятникъ Гарши и символика греческаго искусства».

Доцентъ Умовъ напечаталъ: 1) «Ein Theorem über die Wechselwirkungen in endlichen Entfernungen» въ Zeitschrift für Mathematik und Physik; 2) «теорія взаимодѣйствій на разстояніяхъ конечныхъ» — въ математическомъ сборникѣ, 3) «уравненія движенія энергіи въ тѣлахъ» — отдѣльною книжкою.

Лаборантъ Петріевъ напечаталъ «Ueber Bibrom und Bioksynolonsäure» въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft.

Консерваторъ физическаго кабинета Сталевичъ произвелъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій за 1873 годъ, напечатанныя въ лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Консерваторъ ботаническаго кабинета Ршави напечаталъ: 1) «Альгологическія изслѣдованія» въ запискахъ новороссій-

скаго общества естествоиспытателей; 2) «отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ въ Крыму» — тамже.

Лаборантъ Спиро напечаталъ изслѣдованіе «къ вопросу объ иннервации дыхательныхъ движеній» въ запискахъ новороссійскаго университета.

7) Ординарный профессоръ Мечниковъ читалъ публичныя лекціи по зоологіи, ординарный профессоръ Сѣченовъ по физиологіи животныхъ, ординарный профессоръ Шведовъ по физической географіи, ординарный профессоръ Вериго по органической химіи, астрономъ-наблюдатель Блокъ по космографіи, по 1 часу въ недѣлю. Кромѣ того профессора Мечниковъ, Сѣченовъ, Шведовъ и Вериго прочли по одной публичной лекціи, первый «о борьбѣ за существованіе и о подборѣ народовъ», второй «о цѣлесообразности устройства человѣческаго тѣла», третій «о вліяніи температуры на цивилизацію», четвертый «о днѣстровской водѣ» и доцентъ Шпилевскій «о дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ и о мѣрахъ противъ нея».

8) Подвергались устному и письменному испытанію *на степень магистра*: русской исторіи — кандидатъ Марковичъ, исторіи русской литературы — кандидатъ Смирновъ, астрономіи — кандидатъ новороссійскаго университета Кононовичъ, химіи — кандидатъ новороссійскаго университета Петріевъ. За исключеніемъ г. Смирнова, который еще продолжаетъ испытанія, всѣ остальные окончили свои испытанія съ успѣхомъ. Рассмотрѣны и одобрены, а затѣмъ подвергнуты публичному защищенію диссертациі: а) *на степень магистра славянской филологіи* магистранта Кочубинскаго подъ заглавіемъ «Врѣтя Подобию и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка», зоологіи — магистранта Спиро подъ заглавіемъ «къ вопросу объ иннервации дыхательныхъ движеній», *гражданскаго права* — магистранта Малинина подъ заглавіемъ «убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ»; б) *на степень доктора гражданскаго права* — магистра Дювернуа подъ заглавіемъ: «основная форма коррального обязательства». Защищенія признаны удовлетворительными и авторы удостоены исконыхъ степеней.

9) Изъ окончившихъ въ университетѣ курсъ студентовъ, а равно и подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ постороннихъ лицъ, удостоены: а) степени кандидата: 2 по историко-филологическому факультету, 18 по физико-математическому и 18 по юридическому; званія дѣйствительнаго студента: 7 по историко-филологическому факультету, 5 по физико-математическому и 38 по юридическому; изъ нихъ 17 предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертациі на степень кандидата.

10) Оставлены при университетѣ на 2 года для приготовленія къ профессорскому званію кандидаты: Козубскій по всеобщей исторіи, Бершадскій по государственному праву, Репяховъ по зоологіи, Прендель по ботаникѣ, а магистранты: князь Кантакузинъ графъ Сперанскій и Кононовичъ съ тою же цѣлью отправлены за границу, первый по международному праву, второй по астрономіи.

11) Независимо отъ прямыхъ своихъ занятій и исполненія непосредственныхъ своихъ обязанностей, нѣкоторые преподаватели исполняли особыя порученія начальства. Такъ, ректоръ университета Леонтовичъ съ 1 іюня по 1 іюля, съ 14 по 4 и съ 23 по 29 сентября 1873 г. и съ 25 апрѣля по 23 мая 1874 г. управлялъ одесскимъ учебнымъ округомъ; проректоръ Богдановскій съ 6 іюня по 1 іюля, съ 21 іюля по 17 августа и съ 12 по 20 декабря 1873 г. и съ 26 апрѣля по 23 мая 1874 г. исправлялъ должность ректора; командированы были совѣтомъ: заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ депутатомъ на 3 археологическій сѣздъ въ Кіевѣ, ординарный профессоръ Шведовъ въ С.-Петербургъ для осмотра центральной физической обсерваторіи, ординарный профессоръ Мечниковъ въ ставропольскую, астраханскую и оренбургскую губерніи для антропологическихъ изслѣдованій; доцентъ Малининъ, съ ученою цѣлью, за границу; ординарный профессоръ Вольскій участвовалъ въ работахъ по организаціи однодневной переписи народонаселенія въ г. Одессѣ, а также принималъ участіе въ занятіяхъ статистическаго сѣзда херсонскаго земства.

Историко-филологическій факультетъ занимался разсмотрѣ-

нѣмъ 5 сочиненій, представленныхъ для соисканія преміи И. Г. Вучины, предложенной за лучшее драматическое сочиненіе, написанное для народнаго театра. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ, какъ и въ прошломъ году, ни одно изъ нихъ не оказалось достойнымъ преміи.

III. Хозяйственно-распорядительная часть.

Новороссійскій университетъ съ 1-го іюня 1873 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежные средства:

1) Оставалось къ 1 іюня 1873 г. отъ суммы, ассигнованной по § 5 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ, на содержаніе университета :	
а) По ст. 1 й на содержаніе личнаго состава	75120 р. 87 к
б) По ст. 2-й на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	38419 „ 83 „
в) По ст. 3 й на стипендіи и пособія студентамъ	9040 „ 20 „
2) Отъ суммы, ассигнованной по § 17 ст. 12 той же смѣты, на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ .	198 „ 91 „
Всего	122779 р. 81 „

Изъ этой суммы израсходовано :

1) На жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ при университетѣ . .	69363 р. 07 к
2) На учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	37459 „ 83 „
3) На стипендіи и пособія студентамъ университета	9011 „ 22 „
4) На содержаніе общества естествоиспытателей при университетѣ	198 „ 91 „
5) Причитается еще къ выдачѣ разнымъ лицамъ за сдѣланные университетомъ заказы	5164 „ 15 „
Всего	121197 р. 18 к

Затѣмъ поступило въ свободные ресурсы государственнаго казначейства . . .	1582 р. 63 к.
Балансъ . . .	122779 р. 81 к.

По финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1874 г. на содержаніе новороссійскаго университета въ этомъ году назначено :

По § 5-му смѣты :

По 1-й ст. на содержаніе личнаго состава	134950 р. — к.
По 2-й ст. на учебныя пособія, хозяйств. и другіе расходы	51400 » — »
По 3-й ст. на стипендіи и пособія студентамъ университета	17500 » — »

По § 17—18 :

По 12—10 ст. на пособіе обществу естествоиспытателей при университетахъ	2500 » — »
Итого	206350 р. — к.

Сверхъ того ассигновано дополнительнаго кредита :

По § 5-му смѣты :

По 1-й ст. содержаніе секретаря по студентскимъ дѣламъ	724 р. 44 к.
--	--------------

По § 14—15 смѣты :

По ст. 1-й на приготовленіе профессоръ и учителей на ученыя командировки	1314 » 84 »
А всего	208,389 » 28 »

Изъ этой суммы по 1-е июня 1874 г. израсходовано :

а) На содержаніе личнаго состава	54524 р. 50 к.
б) На учебныя пособія хозяйственныя и другіе расходы	20884 » 05 »
в) На стипендіи и пособія студентамъ университета	8797 » 30 »
г) На приготовленіе профессоръ и ученыхъ командировки	1314 » 84 »

д) На пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ	2500 р. — к.
Итого	<hr/> 88020 р. 69 к.

Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года въ остаткѣ	120368 р. 59 к.
Балансъ	<hr/> 208389 р. 28 »

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящія изъ а) сбора платы съ студентовъ за слушаніе лекцій, б) за матриккулы, и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ.

а) Сборъ платы за слушаніе лекцій къ 1 му іюня 1873 года оставалось	884 р. 56 $\frac{1}{2}$ к.
Съ 1-го іюня 1873 по 1-е іюня 1874 года поступило	7400 » — »
Итого	<hr/> 8284 р. 56 $\frac{1}{2}$ к.

Изъ нихъ перечислено 2 ⁰ / ₁₀₀ вычета въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	190 р. 40 к.
--	--------------

Израсходовано на разные предметы по опредѣленіямъ совѣта университета	7423 » 98 »
Итого	<hr/> 7614 р. 38 к.

Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года состоитъ	670 р. 18 $\frac{1}{2}$ к.
--	----------------------------

б) Сборъ за матриккулы къ 1-му іюня 1874 года оставалось	63 » 85 $\frac{1}{2}$ »
Съ 1-го іюня 1873 г. по 1-е іюня 1874 года поступило	249 » — »
Итого	<hr/> 312 р. 85 $\frac{1}{2}$ к.

Изъ этой суммы въ томъ же году израсходовано	200 р. — к.
--	-------------

Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года состоитъ	112 » 85 $\frac{1}{2}$ »
--	--------------------------

в) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ $\frac{0}{100}$ оныхъ стипендіатовъ

разныхъ наименованій къ 1-му іюня 1873 г.
состояло :

наличными	2678 р. 13 ¹ / ₄ к.
въ билетахъ	68800 » — »
Итого	71478 р. 13¹/₄ к.

Съ 1 го іюня 1873 года по 1-е іюня
1874 года получено 0/0 на пожертвованные
капиталы

4945 р. — к.

Всего 76423 р. 13¹/₄ к.

Изъ этой суммы съ 1-го іюня 1873 г.
по 1-е іюня 1874 года выдано стипендій
студентамъ университета и ученикамъ гим-
назій

3179 р. 30 к.

Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года со-
стоитъ :

наличными деньгами	4443 » 83 »
процентными бумагами.	68800 » 83 »
Итого	73243 р. 83 к.

Съ 1-го іюня 1873 по 1-е іюня 1874 поступило пожертво-
ваній: а) книгами отъ ординарнаго профессора университета А.
С. Павлова одно сочиненіе для университетской библіотеки и 22
сочиненія для такъ называемаго студентскаго отдѣла библіотеки;
отъ учителя рижельской гимназій А. А. Шанелова—87 назва-
ній, въ 173 томахъ; б) принадлежностями милицъ-кабинета и му-
зея изящныхъ искусствъ: отъ секретаря совѣта В. А. Орлова—
двѣ серебряныя медали—турецкая и англійская за крымскую войну
и 14 мѣдныхъ русскихъ и иностранныхъ монетъ; отъ протоіерея
Сухомлинова—три мѣдныхъ римскихъ монеты; отъ ординарныхъ
профессоровъ университета: И. И. Мечникова—девять серебря-
ныхъ и двѣ мѣдныхъ иностранныхъ монетъ и десять бурхановъ
или платковъ съ буддійскими изображеніями отъ калмыковъ; И.
І. Патлаевскаго—икона покрова Возіей матери; отъ англійскаго
капитана мистера Тельфера—двѣ мѣдныя монеты грузинской ца-
рицы Тамары XIII вѣка; в) принадлежностями геологическаго и
палеонтологическаго кабинета—отъ бывшаго новороссійскаго и
бессарабскаго генераль-губернатора П. Е. Коцебу—коллекція об-
разцовъ разныхъ горныхъ породъ этого края, и отъ отставнаго

фейерверкера Васильева—кости допотопнаго животнаго, найденныя имъ на берегу рѣки Днѣстра. Здѣсь же съ признательностію должны мы упомянуть о пожертвованіяхъ въ пользу университетской церкви. Доброхотными дателями въ теченіе академическаго года пожертвовано 849 р. 43 к. деньгами. Вкладчиками болѣе значительныхъ приношеній были: почетный гражданинъ Шевалдишевъ, капитанъ Григорьевъ, кандидаты Гербакини и Решинскій, кандидатъ Козубскій, капитанъ Петровскій, графъ Подгоричани-Петровичъ, г. Цикальоти, г. Костицынъ, генераль Дубецкій, г. Самборскій, г. Венглинскій, почетн. гражд. Носковъ, г. Грицай, дѣйствительный статскій совѣтникъ Циммерманъ, г-жа Назаревичъ, князь Кантакузинъ графъ Сперанскій, г. Маразли К., докторъ Зубковскій, поручикъ Черемушкинъ и г. Маньковскій. Изъ вещественныхъ приношеній пожертвованы Анастасіей Осип. Скаржинскою, не въ первый разъ уже благодѣющею на украшеніе нашего храма, три воздуха изъ голубаго венеціанскаго бархата, изящно вышитыя стеклярусомъ.

Съ 1-го іюня 1873 по 1-е іюня 1874 года заключены подряды:

1) На поставку для университета 17300 пуд. грушевскаго антрацита суммою въ 3806 р.; 2) на годичную очистку ретирадныхъ и помойныхъ ямъ, находящихся въ дворахъ университетскихъ зданій, суммою въ 620 руб., и 3) на производство работъ по ремонту университетскихъ зданій и зданія астрономической обсерваторіи по утвержденной на этотъ предметъ г. одесскимъ градоначальникомъ смѣтѣ, суммою въ 3645 руб. Наконецъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, приобрѣтено хозяйственнымъ способомъ 73 саж. дубовыхъ дровъ на сумму 2847 р.

IV. Обѣ учащихся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей состоявшихъ въ университетѣ въ 1873—74 академическомъ году.

Въ новороссійскомъ университетѣ.	Состояло на лицо къ 1-му юнѣ 1873 года		Въ 1-му юнѣ 1874 года состояло на лицо				Въ 1873—74 академическомъ году поступило:				Въ теченіе 1873—74 акад. г. вышло:	
	Изъ гимназій	Изъ духовныхъ семинарій	Изъ равнин. училецъ и част. гимн.	Изъ друг. универ.	и лицеевъ	До окончанія курса	По окончаніи курса					
Студентовъ	277	237	18	22	4	6	41	49				
Постороннихъ слушателей.		15										

2) Вѣдомость о числѣ учащихся въ университетѣ къ 1-му юнѣ 1874 года.

Въ новороссійскомъ университетѣ.	ЧИСЛО СТУДЕНТОВЪ						Всѣхъ студентовъ	Число постороннихъ слушателей	ВСЕГО
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ	Въ юридическомъ факультетѣ	Въ ест.-нат. факультетѣ			Всѣхъ студентовъ			
			По математическому разряду	По разряду естественныхъ наукъ	По разряду техническихъ наукъ				
Студентовъ и постороннихъ слушателей	30	151	24	27	5	237	15	252	

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ студентовъ, освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій въ 1873—74 академическомъ году.

	Всѣхъ студентовъ	Освобождено отъ уплаты платы		В С Е Г О	Какой % общаго числа студентовъ
		По прошеніямъ	Степенн. умов. на основ. § 108 уст. универ.		
Изъ числа бывшихъ въ теченіи академическаго года студентовъ въ новороссійск. университетѣ	327	38	79	117	35%

Изъ состоящихъ на лицо студентовъ было степендіатовъ: на сумму, назначенную по штату университета—72; на сверхштатную сумму, ассигнованную изъ казны для кавказскихъ степендіатовъ—10; кубанскаго казачьяго войска—2; славянскихъ степендіатовъ—5; на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ—13; на счетъ бессарабскаго земства—8; на счетъ русскаго общества пароходства и торговли—1; на счетъ умершаго губернскаго секретаря Маринаки—3.

Что касается до поведенія студентовъ внутри зданій университета, то лучшимъ доказательствомъ безупречности его долженъ служить тотъ фактъ, что въ теченіе года не было ни одного подсудимаго предъ домашнимъ университетскимъ судомъ, который вслѣдствіе того ни разу и не собирався.

Доброе поведеніе сопровождалось и трезвымъ, солиднымъ отношеніемъ студентовъ въ обязанностямъ ихъ въ сферѣ науки; доказательствомъ того служатъ постоянныя занятія и труды въ лабораторіяхъ и музеяхъ, а равно годичныя сочиненія ихъ, представляемыя профессорамъ.

V. ВЪДОМОСТЬ

**Ѣ и наименованіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій при
АТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ и о состояніи оныхъ
въ 1873—74 академическомъ году.**

Число учреждений.

Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

1

Университетская библіотека :

Книгъ русскихъ и иностранныхъ	}	сочиненій
		томовъ
Періодическихъ изданій	}	названій
		томовъ и тетрадей
Рукописей (томовъ или тетрадей)		
Картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей (листовъ)		

2

Студентская библіотека :

Книгъ	{	названій сочиненій
		томовъ
Періодическихъ изданій	{	названій
		тетрадей и томовъ
Рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ (листовъ)		

3

Астрономическая обсерваторія :

Инструментовъ астрономическихъ и геодезическихъ
» топографическихъ
» физическихъ

*) Въ 1873 году приобретено 222 названія періодическихъ изданій, составляющихъ продолженія изданій.

Въ теченіе 1873 года убыло.		Вновь приобретено въ 1873 году.		За снѣтъ состояло къ 1 января 1874 г.					
Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.				
На сумму.		На сумму.		На сумму.					
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.				
13	—	2305	—	275	—	33123	—	135407	42
	53015	—	4802	—	1346	—	56271		
6	—	11(°)	—	—	—	667	—		
	11097	—	921	—	—	—	12018		
2	92	12	12	—	—	104	104		
5	535	85	35	—	—	570	570		
	—	46	—	—	—	3110	—		
	5130	—	85	—	—	—	5215		
	—	10	—	176	60	—	83	2753	10
	1037	—	66	—	—	—	1103	1103	
	29	—	—	—	—	—	29	29	
	—	—	—	—	—	—	—	12563	69
	—	—	—	—	—	—	—	320	50
	—	—	—	—	—	—	—	263	—

ко 11 вновь выписаны; остальные же 211 выписывались прежде и

Число учреждений.

Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

	Книгъ и журналовъ
	Моделей
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей
4	Кабинетъ практической механики :
	Моделей
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей
5	Физическій кабинетъ съ лабораторією :
	Инструментовъ и приборовъ
	Химическихъ препаратовъ
	Разнаго рода посуды
	Книгъ, атласовъ и моделей
6	Химическая лабораторія и кабинетъ :
	Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей
7	Минералогическій кабинетъ съ лабораторією :
	Минераловъ
	Геологическихъ и географическихъ картъ
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей

никъ со- шло къ 1 яря 1873 года.		Вновь приобрътено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.		За сямъ состояло къ 1 января 1874 года.			
руб.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.		Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.	
				РУВ.	К.					РУВ.	К.
19	—	—	—	—	—	—	—	19	—	302	40
24	—	—	—	—	—	—	—	24	—	74	56
04	—	—	—	—	—	—	—	104	—	740	69
29	—	—	—	—	—	—	—	129	—	6305	77
9	—	3	—	156	35	—	—	12	—	523	35
54	589	16	18	689	1	—	—	470	587	13122	86
1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	21	64
5	5	—	—	—	—	—	—	5	5	9	60
12	42	—	—	—	—	—	—	42	42	190	93
0	24180	32	—	102	36	—	—	1412	—	23856	17
	6950	—	1200	310	19	—	—	—	8150	6810	19
	—	—	—	56	66	—	—	—	—	56	16
	—	—	—	838	—	—	—	—	—	838	—

Число учреждений.	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
8	Кабинетъ физической географіи : Книгъ , атласовъ , глобусовъ и картъ Инструментовъ
9	Метеорологическая обсерваторія : Инструментовъ и снарядовъ Книгъ , атласовъ и моделей
10	Кабинетъ геологическій и палеонтологическій : Гипсовыхъ моделей Книгъ и другихъ изданій Подвижной утвари и другихъ принадлежностей
11	Ботаническій кабинетъ : Сухихъ растений Инструментовъ и приборовъ Коллекція гипсовыхъ и восковыхъ моделей и препаратовъ и проч. Книгъ Подвижной утвари , посуды и пр.

№ со- въ 1 1873 г.	Вновь приобретено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.			За симъ состояло къ 1 января 1874 года.			
	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земля	На сумму.		Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.	
				РУБ.	К.					РУБ.	К.
58	—	—	—	—	—	—	50	58	520	69	
30	1	1	295	88	—	—	34	40	1751	77	
47	—	—	—	—	—	—	33	47	739	93	
8	—	—	—	—	—	—	8	8	36	30	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	300	16	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	438	15	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1684	—	
17600	—	400	35	—	—	—	—	48000	2837	95	
—	—	—	—	—	—	—	13	—	893	9	
—	—	—	—	—	—	—	30	—	25	50	
—	176	—	300	—	—	—	176	—	300	—	
—	—	—	350	—	—	—	—	—	2509	97	

Число учреждений.	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
12	<p style="text-align: center;">Ботаническій садъ :</p> <p>Оранжерейныхъ растений</p> <p>Фруктовыхъ деревьевъ</p> <p>Кустарниковъ и травъ</p> <p>Разныхъ садовыхъ и оранжерейныхъ принадлежностей</p>
13	<p style="text-align: center;">Зоологическій кабинетъ съ лабораторією :</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Чучелъ и препаратовъ въ спиртѣ</p> <p>Инструментовъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p>
14	<p style="text-align: center;">Зоотомическій кабинетъ съ лабораторією :</p> <p>Скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ</p> <p>Книгъ и другихъ изданій</p> <p>Инструментовъ</p> <p>Подвижной утвари и другихъ принадлежностей</p>
15	<p style="text-align: center;">Физиологическій кабинетъ :</p> <p>Приборовъ и лабораторной мебели</p> <p>Химическихъ препаратовъ и реактивовъ</p>

нихъ со- яло въ 1 варя 1873 года.		Новъ прибрѣтено въ 1873 году.			Въ теченіе 1873 года убыло.		За снѣгъ состояло къ 1 января 1874 года.		
рубл.	Фл. земл.	Нуме- роръ.	Фл. земл.	На сумму.		Нуме- роръ.	Фл. земл.	На сумму.	
				РУВ.	К.			РУВ.	К.
50	—	65	—	—	—	30	—	585	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	—	325	—	—	—	300	—	1152	—
39	—	—	—	—	—	—	—	39	388 85
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
38	—	—	—	—	—	—	—	138	—
07	—	1	—	170	—	—	—	2608	} 18076 23
53	—	—	—	—	—	—	—	53	
48	—	—	—	—	—	—	—	48	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	365	—	15	174	20	—	—	380	} 4780 81
—	70	—	—	—	—	—	—	70	
54	—	—	—	—	—	—	—	54	
24	—	—	—	484	80	—	—	207	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	121	2000
—	—	—	—	—	—	—	—	—	300

Число учреждений.

Наименование и составъ учебно-помогательныхъ учреждений.

	Разнаго рода посуды
16	Техническій кабинетъ съ лабораторією : Разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей
17	Агрономическій кабинетъ съ лабораторією : Точныхъ измѣрительныхъ приборовъ Платиновой и серебряной посуды Различныхъ инструментовъ , фарфоровой и прочей посуды Бнигъ и другихъ изданій Подвижной утвари и другихъ принадлежностей
18	Музей изящныхъ искусствъ и древностей : Изданій съ эстампами , сочиненій съ рисунками и атласами совъ } названій } томовъ Гипсовыхъ слѣпковъ : статуй , бюстовъ , барельефовъ , алтарей обелиска и утвари Баллеяція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости Иконъ , картинъ и фотографій Хромофотографій , литографій и гравюръ (листовъ)

Въ нихъ со- стояло къ 1 варя 1873 года.		Вновь приобрядено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.		За сямъ состояло къ 1 января 1874 года.			
руб.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.		Нуме- ровъ.	Эк. земл.	Нуме- ровъ.	Эк. земл.	На сумму.	
				РУБ.	К.					РУБ.	К.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200	—
70	3351	87	1150	501	28	—	—	357	4501	3548	78
52	145	—	—	—	—	—	—	52	145	2399	84
15	24	—	—	—	—	—	—	15	24	444	20
01	1122	4	4	211	—	—	—	405	1126	3743	71
9	9	17	17	139	71	—	—	26	26	235	55
55	71	—	—	—	—	—	—	55	1	2748	60
2	—	12	—	484	—	—	—	114	—	2834	—
	215	—	25					—	240		
1	81	29	29	729	—	—	—	110	110	2366	43
	—	1	125	160	—	—	—	1	—	160	—
5	375	36	36	36	57	—	—	411	411	439	99
	83	—	—	—	—	—	—	—	83	—	—

Число учреждений.	Наименование и составъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
19	<p>Амбозъ древнихъ и ручекъ съ клеймами</p> <p>Оригинальныхъ скульптуръ</p> <p>Дактилотеза Липперта</p> <p>Мелкихъ древностей</p> <p>Утвари</p> <p style="text-align: center;">Минцъ-кабинетъ:</p> <p>Монетъ: золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ</p> <p>Медалей русскихъ и иностранныхъ</p>
20	<p style="text-align: center;">Учебная ферма:</p> <p>Орудій</p> <p>Разнаго скота и лошадей</p> <p>Хозяйственныхъ принадлежностей</p>

нихъ со- стояло къ 1 января 1873 года.		Вновь приобретено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.		За снмъ состояло къ 1 января 1874 года.			
руб.	Эк- земп.	Нуме- ровъ.	Эк- земп.	На сумму.		Нуме- ровъ.	Эк- земп.	Нуме- ровъ.	Эк- земп.	На сумму.	
				РУВ.	К.					РУВ.	К.
169	169	—	—	—	—	—	—	169	169	—	—
77	77	—	—	—	—	—	—	77	77	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	2	2	112	50
—	150	—	—	—	57	—	—	150	150	—	—
20	20	9	17	212	—	—	—	29	29	543	—
22	2422	72	72	53	—	—	—	2494	2494	} 1467	—
25	1125	—	—	—	—	—	—	1125	1125		—
20	20	—	—	—	—	—	—	20	20	1393	5
13	13	—	—	—	—	—	—	13	13	735	—
64	64	—	—	—	—	—	—	35	35	713	90

Число учреждений.	<p style="text-align: center;">Наименование и</p>
	<p>... припоминаемъ двѣ закона ... университетскихъ лѣтописяхъ и Одна изъ этихъ мѣръ касает а,—другая имѣетъ значеніе для всѣх ... Первая состоитъ въ учрежденіи въ ново ... итеть особой должности секретаря по студент ... дослѣ соединявшейся съ должностію секретар Ам... а вторая—въ присвоеніи служебныхъ правъ тѣмъ как ... и лекарямъ, которые, по удостоенію университетских ... будутъ приготовляться къ профессорскому званію пр ... университетахъ ли, или же за границею, на собственный счет ... или они прослужатъ впоследствии при университетахъ или др ... гихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двойной срокъ противъ то ... времени, которое допускается въ зачету.</p>

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИЗОБРѢТЕНІЯ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

РѢЧЬ,

читанная на торжественномъ актѣ новороссійскаго университета
30-го Августа 1874 года профессоромъ В. Лигинымъ.

М. м. Гг.

Нельзя указать ни на одно изобрѣтеніе нашего вѣка, которое имѣло-бы болѣе глубокое и болѣе непосредственное вліяніе на цивилизацію, на промышленность, на взаимныя отношенія народовъ, вообще на всѣ разнообразныя стороны общественной жизни, какъ изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ объ историческомъ дѣлѣ такого великаго изобрѣтенія долженъ занимать не только того техника-спеціалиста, онъ несомнѣнно имѣетъ полное право общій интересъ. На этомъ-то историческомъ вопросѣ позвольте мнѣ остановить Ваше вниманіе.

Желѣзныя дороги въ ихъ нынѣ общепринятомъ видѣ представляютъ продуктъ двухъ самостоятельныхъ изобрѣтеній — рельсового пути съ одной стороны, и паровоза — съ другой. Но тогда какъ рельсный путь употреблялся уже болѣе двухсотъ лѣтъ тому надъ съ цѣлю облегчить конную перевозку грузовъ, мысль о передвиженіи паромъ по этому пути могла возникнуть лишь въ то время, когда паровая машина не только была теоретически изобрѣтена Папеномъ, но успѣла получить полную практическую исполнимость усовершенствованіями Ньюкомэна, Каулея, и въ особенности Уатта. Этимъ объясняется, что два важнѣйшіе момента исторіи желѣзныхъ дорогъ, первая мысль о рельсномъ пути и

сооруженіе перваго локомотива, раздѣлены огромнымъ промежуткомъ времени почти въ два вѣка. Только съ началомъ нашего столѣтія разрозненные первыми изобрѣтателями понятія о рельсахъ и о паровозѣ сливаются въ одно цѣльное понятіе о желѣзной дорогѣ въ ея современномъ смыслѣ, которая такимъ образомъ остается изобрѣтеніемъ настоящаго вѣка, хотя происхожденіе одного изъ двухъ основныхъ ея элементовъ восходитъ до XVII столѣтія и принуждаетъ начать мой разсказъ съ этой сравнительно отдаленной эпохи.

Весьма естественно, что первая мысль о рельсахъ возникла въ странѣ, гдѣ самый родъ главнаго мѣстнаго промысла порождалъ настоятельную потребность въ облегченіи сухопутной перевозки значительныхъ грузовъ. Въ Англии еще съ XVI вѣка недостатокъ и дороговизна дровъ обратили вниманіе туземцевъ на покоящіяся въ нѣдрахъ британскаго острова несмѣтныя сокровища новаго топлива, которое подъ именемъ сначала морскаго, а затѣмъ землянаго или каменнаго угля вскорѣ пріобрѣло такой возрастающій сбытъ во всей Европѣ, что въ настоящее время слышатся уже серьезныя опасенія въ возможности скорого истощенія громадныхъ британскихъ бассейновъ. Однѣ изъ первыхъ каменноугольныхъ копей были открыты въ такъ называемомъ ньюкэстльскомъ бассейнѣ, въ окрестностяхъ Ньюкэстля и Дургэма (*). Уголь, добытый изъ копей и поднятый коннымъ воротомъ, а позднѣе паровой машиной на поверхность земли, надо было доставлять, для дальнѣйшей отправки, къ ближайшей пристани на рѣкѣ Тайнѣ. Первоначально его перевозили отъ копей къ кораблямъ въ мѣшкахъ или корзинахъ, просто навьюченныхъ на спины лошадей. Позднѣе стали употреблять возы на двухъ колесахъ, движеніе которыхъ облегчали тѣмъ, что заставляли ихъ катиться по проложеннымъ на пути колеямъ изъ каменныхъ плитъ; вскорѣ, вѣроятно къ началу XVII столѣтія, эти первые возы были замѣнены другими, большими и о четырехъ колесахъ, получившими названіе *вагоновъ*. «Тысячи людей», пишетъ въ началѣ XVII вѣка одинъ мѣстный писатель, «заняты этой торговлей углемъ;

(*) Справ. Smiles, Life of George Stephenson. Lond. 1859.

тысячи добываютъ свой хлѣбъ, работая въ коняхъ, и тысячи другихъ — перевоза уголь въ возахъ къ рѣкѣ Тайнѣ». Затѣмъ, чтобы еще болѣе облегчить движеніе возовъ уменьшеніемъ тренія, стали замѣнять каменные колеи параллельными деревянными брусками, покоющимися на поперечныхъ шпалахъ. Введеніе этихъ первыхъ деревянныхъ рельсъ приписываютъ Бомону и относятъ къ тридцатымъ годамъ XVII вѣка. Въ 1676 году одинъ посѣтитель ньюкэстльскихъ окрестностей засталъ такіа рельсына дороги уже общепринятыми, а сто лѣтъ спустя другой путешественникъ нашель, что онѣ не только значительно умножились, но что были даже предприняты и произведены огромныя работы съ цѣлю проложенія такихъ дорогъ по ровной мѣстности; по его словамъ, эта система деревянныхъ рельсъ весьма облегчала перевозку, позволяя одной лошади легко тащить до шестидесяти мѣшковъ каменнаго угля. Сепъ-Фонъ, французскій путешественникъ, посѣтившій Ньюкэстль въ 1791 году, говоритъ, что употребительная при сосѣднихъ коняхъ рельсная дорога превосходить все, что онъ видѣлъ въ томъ-же родѣ; «рельсы», пишетъ онъ, «сдѣланы изъ дерева, поверхность ихъ закруглена; а чугунныя колеса возовъ снабжены, какъ блоки, жолобами на обводахъ, чтобы охватывать закругленную поверхность рельсъ». Подобныя-же рельсына дороги существовали въ то-же время въ валлійскихъ, кумберландскихъ и потландскихъ каменноугольныхъ бассейнахъ.

Медленно и постепенно совершался переходъ отъ этихъ грубыхъ деревянныхъ рельсъ къ тѣмъ, по которымъ мчатся современные локомотивы. Ближайшее усовершенствованіе составляютъ звѣи и тонкія желѣзныя полоски, которыми при нѣкоторыхъ коняхъ покрывали поверхность деревянныхъ рельсъ для охраненія частей, наиболее подверженныхъ разрушающему дѣйствию тренія. Но быстрое гніеніе дерева не позволяло долго довольствоваться и той комбинаціей: выяснилась необходимость дѣлать сплошныя рельсы изъ металла. Предполагаютъ, что первая металлическія рельсы были положены въ Уайтгэвенѣ въ 1738 году; онѣ были чугунныя и имѣли форму плоскихъ прямоугольныхъ полосокъ. Въ 1767 году Джонъ Курръ проложилъ отъ одной кони близъ Шеффилда путь изъ плоскихъ чугунныхъ рельсъ, прибитыхъ къ де-

ревяннимъ поперечнымъ шпаламъ и снабженныхъ бортами съ внутренней стороны пути съ цѣлю обезпечить направленіе движенія воевъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1789 году, Джиссонъ, прокладывая рельсный путь въ Лейчестершайрѣ, ввелъ чугунный рельсъ съ выдающимся по обѣ стороны, грибовиднымъ профилемъ и замѣнилъ бортъ, связанный въ системѣ Курра съ рельсой, жолобомъ въ обводѣ колесъ. Эта система, вскорѣ почти повсемѣстно замѣнившая другія, соединяла уже въ себѣ самыя существенныя свойства рельснаго пути нашего времени, съ однимъ только важнымъ различіемъ — въ матеріалѣ рельса: чугунъ вскорѣ оказался недовольно прочнымъ и былъ вытѣсненъ нынѣ употребительнымъ желѣзомъ.

Такимъ образомъ рельсный путь, вызванный необходимостью и усовершенствованный разнообразными опытными требованіями, сталъ уже къ концу прошлаго и къ началу нашего столѣтія общераспространеннымъ средствомъ перевозки въ каменноугольныхъ бассейнахъ Англій. Но одною скромною доставкою землянаго угля къ рѣчнымъ пристаямъ и ограничивалось пока его примѣненіе; между тѣмъ, въ то-же самое время и главнымъ образомъ въ той-же самой странѣ подготавливалось и все болѣе созрѣвало другое открытіе — перемѣщеніе силою пара, которое, идя сначала самостоятельнымъ путемъ, по самой природѣ вещей необходимо должно было встрѣтиться и соединиться съ началомъ движенія по рельсамъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ составить одно изъ величайшихъ и благодѣлительнѣйшихъ изобрѣтеній всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Быстрое развитіе торговли каменнымъ углемъ въ Англій давно побуждало мѣстныхъ механиковъ искать средствъ, которыя могли бы съ выгодой замѣнить мускульную силу животныхъ при перевозкѣ угля отъ копей до рѣкъ. Первые усовершенствованія относились, какъ мы видѣли къ дорогамъ; но вагоны по рельсамъ продолжали приводиться въ движеніе лошадьми. Правда, что еще въ концѣ XVII вѣка Макуртъ пытался облегчить движеніе вагоновъ дѣйствіемъ вѣтра; онъ снабжалъ нагруженные возы парусами, такъ что благопріятный вѣтеръ помогалъ тянувшему животному иногда въ такой мѣрѣ, что, по свидѣтельству одного очевидца, автора изданнаго въ 1698 году сочиненія о

каменноугольныхъ копяхъ, одна лошадь совершала работу за десять и за двадцать лошадей; но этотъ способъ Макуорта былъ скоро оставленъ и забытъ, что легко объясняется крайнею неправильностью дѣйствія такого измѣнчиваго источника силы, какъ вѣтеръ.

Первый, высказавшій мысль о примѣненіи силы водянаго пара къ перемѣщенію по обыкновеннымъ дорогамъ, былъ одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ изобрѣтенія и усовершенствованія паровой машины — Сэвери, въ началѣ прошлаго столѣтія. Ту-же мысль вмѣстѣ съ подробностями ея исполненія передавалъ въ 1759 году Уатту другъ его Робисонъ, бывшій впоследствии профессоромъ гласговскаго университета. Десять лѣтъ позднѣе самъ Уаттъ, прося о знаменитой первой привилегіи на свою паровую машину, описалъ движитель, подобный предложенному Робисономъ. Но всѣ эти попытки оставались лишь теоретическими проектами.

Честь перваго практическаго осуществленія идей Сэвери и Робисона принадлежитъ французскому военному инженеру Кюньо. Преслѣдуемый мыслью замѣнить дѣйствіе лошадей при перемѣщеніи орудій и запасовъ въ артиллерійской практикѣ какимъ-нибудь механическимъ средствомъ, онъ прибѣгнулъ къ силѣ водянаго пара и построилъ свою «паровую тѣлешку», первый паровозъ для движенія по обыкновеннымъ дорогамъ.

Кюньо началъ съ сооруженія небольшой модели своей машины въ 1769 году. Въ это время швейцарскій офицеръ Плянта занимался въ Парижѣ съ своей стороны рѣшеніемъ того-же вопроса о паровомъ перемѣщеніи. Плянта было дано отъ генерала Грибовала порученіе разсмотрѣть машину Кюньо и дать отзывъ о ней; онъ нашелъ ее во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣе своей собственной, и Кюньо получилъ отъ министра Шуазеля разрѣшеніе построить свою машину въ истинныхъ размѣрахъ на казенный счетъ. При опытахъ, произведенныхъ въ присутствіи Шуазеля, Грибовала и многихъ другихъ зрителей, этотъ первый паровозъ достигалъ по горизонтальному пути скорости въ $3\frac{1}{2}$ версты въ часъ; но вслѣдствіе несоотвѣтствія между размѣрами паровика и поршней, машина не могла двигаться безостановочно болѣе пят-

надцати минутъ, послѣ чего надо было оставлять ее столько-же въ покоѣ, чтобы дать время образоваться новому пару. Несмотря на эти недостатки, опытъ сочли достойнымъ поощренія и Кюньо было велѣно построить новую машину съ такими размѣрами, чтобы при нагрузкѣ въ 200 — 250 пуд. движеніе ея было непрерывно и скорость по ровному пути была не менѣе трехъ верстъ въ часъ. Эта новая паровая тѣлѣжка была окончена въ 1770 г., но ее повидимому никогда не подвергали опытамъ; она сохранилась по настоящее время въ известной коллекціи машинъ Conservatoire des arts et métiers въ Парижѣ (*). Устройство паровоза Кюньо весьма элементарно: передняя его часть есть небольшая паровая машина, состоящая изъ круглаго мѣднаго паровика и двухъ паровыхъ цилиндровъ съ простымъ и независимымъ дѣйствіемъ, поршни которыхъ приводятъ попеременно въ движеніе одно и то-же двигательное колесо; задняя-же часть, предназначенная для нагрузки, есть обыкновенная тѣлѣжка, лежащая на двухъ колесахъ, съ козлами для управляющаго машиниста.

Попытки Кюньо, не смотря на ихъ малый успѣхъ, заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи паровоза, какъ первый практический шагъ къ изобрѣтенію пароваго двигателя.

Три года послѣ опытовъ Кюньо, американецъ Эвенсъ, известный какъ первый строитель паровыхъ машинъ высокаго давленія, изобрѣлъ другой паровозъ для обыкновенныхъ дорогъ и взялъ на него въ штатѣ Мэрилендъ привилегію; но гонимый всю свою жизнь нерасположеніемъ людей къ своимъ предпріятіямъ, онъ только въ 1800 году впервые пустилъ на улицахъ Филадельфіи свою патентованную паровую тѣлѣжку. Этотъ опытъ произвелъ большое удивленіе, но не уничтожилъ однако общественнаго предубѣжденія противъ его изобрѣтеній и машина Эвенса была скорѣе забыта.

Въ 1785 году Уаттъ привелъ въ исполненіе свой проектъ паровоза, вошедшій въ патентъ его паровой машины и внушенный вѣроятно указаніями Робисона. Модель Уатта, построенную

(*) Подъ номеромъ S, а, 25. Сравни. Catalogue des collections du Conservatoire des arts et métiers, publié par Morin, p. 315.

его другомъ и сотрудникомъ Уильямомъ Мэрдокомъ, можно было видѣть на всемирной лондонской выставкѣ 1851 года; она была небольшихъ размѣровъ, вышиной не болѣе одного фута; машинка была высокаго давленія, паровикъ въ ней подогревался просто спиртовой лампою и вся она покоилась на трехъ колесахъ, подобно тѣлѣжкѣ Кьюно. Попытки Уатта и Мэрдока ограничились построеніемъ этой единственной модели.

Въ эту пору мысль о паровомъ перемѣщеніи начинаетъ овладѣвать умами въ англійскихъ каменноугольныхъ бассейнахъ.

Нѣкто Томасъ Алленъ беретъ тамъ въ 1789 году привилегію на изобрѣтеніе средства для перевозки кладей помощью одного пара. Это изобрѣтеніе никогда не было испытано практически и замѣчательно только какъ первый опытъ рѣшенія вопроса въ мѣстности, которой суждено было сдѣлаться родиной современного локомотива.

Всѣ помянутые до сихъ поръ опыты воспользоваться паромъ какъ движущей силой относились только къ движенію по обыкновеннымъ дорогамъ. До начала нашего столѣтія ни одинъ изобрѣтатель не пытался примѣнить свой паровозъ къ перемѣщенію по рельсному пути. Заслуга перваго такого соединенія двухъ великихъ зрѣющихъ изобрѣтеній въ одно, простая, но таящая въ себѣ громадныя реформы мысль о примѣненіи паровоза къ рельсамъ принадлежитъ Ричарду Тревитэйку, уроженцу Корнваллиса и ученику Мэрдока.

Какъ мы видѣли, къ концу прошлаго столѣтія употребленіе рельсныхъ дорогъ сдѣлалось повсемѣстнымъ въ странѣ англійскихъ каменноугольныхъ копей; начинали даже серьезно обсуждать вопросъ о распространеніи ихъ на все королевство для перевозки товаровъ вообще, въ надеждѣ, что этимъ понизятся цѣны большей части предметовъ. Въ это время Тревитэйкъ, увлеченный вѣроятно привѣромъ модели, построенной его учителемъ Мэрдокомъ по указаніямъ Уатта, взялъ въ 1802 году виѣсть съ своимъ двоюроднымъ братомъ Вивіаномъ привилегію на новый паровозъ, который, какъ прямо сказано въ подробныхъ условіяхъ патента, годенъ и для обыкновенныхъ, и для рельсныхъ дорогъ. Товарищество Тревитэйка съ Вивіаномъ объясняется тѣмъ, что

въ то время привилегіи обходились дорого и что Вивіанъ далъ деньги на патентъ, а можетъ быть и на постройку машины, которыхъ не имѣлъ изобрѣтатель. Несмотря однако на ясно сознанную и высказанную мысль о применимости новой машины къ рельсному пути, Тревитѣйкъ приспособилъ свой первый паровозъ только къ обыкновеннымъ дорогамъ. Онъ рѣшился выставить свою машину и производить опыты надъ ней въ столицѣ, гдѣ она возбудила живой интересъ и обратила на себя такое вниманіе ученыхъ, что одинъ изъ извѣстѣйшихъ научныхъ представителей того времени, сэръ Гумфри Дэви, писалъ вскорѣ послѣ видѣнныхъ опытовъ къ одному изъ своихъ друзей: «Я надѣюсь скоро услышать, что *драконы* (такъ онъ называлъ паровозъ) капитана Тревитѣйка наполнили собою всѣ большія дороги Англіи». Послѣ первыхъ опытовъ паровозъ былъ выставленъ для лондонской публики въ особой оградѣ, но на второй-же день Тревитѣйкъ, по какой-то странности, закрылъ ограду и взялъ свою машину назадъ; быть можетъ онъ пришелъ къ убѣжденію о неприложимости ея къ сообщенію по обыкновеннымъ дорогамъ.

Годъ спустя Тревитѣйкъ принялся за построеніе втораго паровоза, предназначеннаго для перевозки рудъ изъ валлійскихъ рудниковъ по *рельсному пути*, осуществляя такимъ образомъ впервые свою новую мысль о соединеніи двухъ началъ — силы пара и рельсъ. Въ этомъ первомъ *локомотивѣ* въ тѣсномъ значеніи слова, паровикъ имѣлъ видъ горизонтальнаго цилиндра съ плоско-закругленными концами, былъ сдѣланъ изъ ковannaго жѣлѣза и нагрѣвался изнутри. Внутри-же паровика помѣщался единственный паровой цилиндръ, имѣвшій $4\frac{1}{2}$ фута длины и 8 дюймовъ въ діаметрѣ; колеса приводились въ движеніе системою зубчатокъ, на которую движеніе поршня передавалось помощью шатуна и кривошипа; чтобы предотвратить прекращеніе движенія въ концѣ каждаго хода поршня въ единственномъ цилиндрѣ, въ движеніи механизма участвовало маховое колесо; машина была высокаго давленія и паръ въ ней дѣйствовалъ попеременно на обѣ стороны поршня. При первыхъ опытахъ этотъ паровозъ возилъ нѣсколько тяжело нагруженныхъ вагоновъ со скоростью около 5 англ. миль въ часъ. Но вскорѣ обнаружались важные недостатки

новаго способа перевозки; рельсы, по которымъ двигался паровозъ, были еще плоской системы и, не выдерживая вѣса машины, часто ломались. Послѣ одного переѣзда, при которомъ локомотивъ раздавилъ множество рельсъ и наконецъ сошелъ съ нихъ совѣтъ, Тревитаѣкъ отказался отъ приложимости своего изобрѣтенія, видя, что весь успѣхъ дѣла зависить отъ радикальнаго измѣненія устройства рельсъ, измѣненія, на которое, вслѣдствіе его значительной стоимости, не соглашались владѣльцы дороги. Въ машинѣ сняли колеса и стали употреблять ее какъ водоподъемный снарядъ; а ея изобрѣтатель, человекъ, подошедшій ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ къ настоящему рѣшенію вопроса о желѣзныхъ дорогахъ, оставилъ, подъ вліяніемъ первой неудачи, навсегда свою плодотворную мысль, предоставивъ воспользоваться ею своимъ болѣе твердымъ въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей и болѣе счастливымъ пріемникамъ.

Съ этихъ поръ ввѣривается въ вопросъ о движеніи локомотива по рельсамъ несчастное механическое предубѣжденіе, которое на нѣсколько лѣтъ затормозило дальнѣйшій успѣхъ изобрѣтенія Тревитаѣка. Оно заключалось въ общераспространенной и ложной мысли, что если паровой движитель долженъ тянуть по рельсамъ соразмѣренный съ нимъ значительный грузъ, то сцепленіе между гладкими обводами колесъ локомотива и гладкими рельсами будетъ такъ незначительно, что колеса будутъ буксировать, т. е. вращаться, оставаясь на одномъ мѣстѣ, и слѣдовательно поѣздъ не будетъ имѣть никакого движенія. Трудно понять, какъ такое заблужденіе могло удержаться продолжительное время, какъ, вмѣсто того чтобы съ самаго начала провѣрить справедливость положенія опытомъ, бросились на бесполезное исканіе различныхъ средствъ для устраненія мнимаго препятствія, т. е. для увеличенія сцепленія колесъ съ рельсами, исканіе, на которое потратили много трудовъ и времени, отклоняя такимъ образомъ самое изобрѣтеніе, по причинѣ, существующей въ одномъ воображеніи, отъ истиннаго пути, на который навели его опыты Тревитаѣка.

Такъ, Блэнкинсопъ построилъ въ 1811 году локомотивъ, въ которомъ, въ виду увеличенія сцепленія, два колеса по одной сторонѣ машины и одна изъ рельсъ пути были

снабжены зубцами и приходили въ взаимное зацѣпленіе во время движенія паровоза. Эта машина была пущена въ 1812 году по дорогѣ, проложенной между копями Мидлетона и городомъ Лидсомъ на протяженіи $3\frac{1}{2}$ англ. миль. Не смотря на ложное основаніе ея устройства, она дѣйствовала тамъ нѣсколько лѣтъ для перевозки землянаго угля, представляя собою первый примѣръ правильнаго примѣненія паровоза къ нуждамъ торговли. Много посѣтителей пріѣзжало въ Лидсъ смотрѣть на дѣйствіе удивительной машины Блэнкинсона; въ числѣ ихъ былъ и русскій Императоръ Николай Павловичъ, который остался отъ видѣннаго въ восхищеніи.

Въ то-же самое время и въ силу все того-же предрасудка, Чапманъ въ Ньюкэстлѣ пытался, безъ всякаго успѣха, замѣнить рельсы цѣпями, протянутыми по всему пути, а Брэнтонъ въ Дербишайрѣ изобрѣталъ своего «механическаго путника», который долженъ былъ перемѣщаться на ногахъ, движимыхъ попеременно силой пара, но разлетѣлся въ дребезги при первомъ-же опытѣ отъ взрыва пароваго котла.

Наконецъ Блэкетъ, владѣлецъ угольныхъ копей въ Вилэмѣ, цѣлымъ рядомъ новыхъ попытокъ, свидѣтельствующихъ о его неутомимой настойчивости и непоколебимомъ убѣжденіи въ успѣхѣ своихъ предпріятій, положилъ конецъ всѣмъ этимъ бесполезнымъ усиліямъ къ отстраненію несуществующаго препятствія и подготовилъ путь трудамъ того человѣка, въ рукахъ котораго должно было окончательно восторжествовать новое изобрѣтеніе.

Присутствовавъ при опытахъ надъ паровозомъ Тревитѣйса въ Лондонѣ и увидавъ его дѣйствіе, Блэкетъ съ 1804 года рѣшился ввести такой-же движитель на рельсномъ пути, проложенномъ отъ его копей въ Вилэмѣ на протяженіи четырехъ миль. Замѣнивъ предварительно уцѣлѣвшія еще на этомъ пути деревянныя рельсы плоскими чугунными, онъ въ теченіи восьми лѣтъ построилъ и испыталъ три различные локомотива съ зубчатыми колесами безъ всякаго успѣха. Несмотря на всѣ эти неудачи, на неудовольствіе рабочихъ, на насмѣшки сосѣднихъ владѣльцевъ копей, примѣнявшихъ къ нему англійскую пословицу, что «сумасшедшій не долго живетъ въ мирѣ съ своими деньгами», Блэкетъ не уны-

валъ и приступилъ къ сооруженію четвертой машины, которой суждено было сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ. Усердными помощниками Блэкета были Джонатанъ Форстеръ, механикъ, и Уильямъ Гедлей, инспекторъ видэмской копи. Особенно послѣднему новые опыты были въ значительной степени обязаны своимъ успѣхомъ. Видя одно изъ главныхъ препятствій удачѣ предыдущихъ попытокъ въ зубчатой формѣ колесъ и рельсъ, онъ задался вопросомъ, не будетъ-ли возможно достигнуть достаточнаго сцепленія между колесомъ и рельсой при гладкихъ поверхностяхъ обоихъ элементовъ. Опыты, предпринятые для рѣшенія этого вопроса надъ движеніемъ тяжело нагруженной повозки по обыкновенной рельсной дорогѣ, привели къ ясному утвердительному результату и доказали, что одного вѣса паровоза достаточно для достиженія сцепленія, позволяющаго машинѣ везти по гладкимъ рельсамъ данное число вагоновъ. Этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ распространившемуся предубѣжденію противъ гладкихъ рельсъ, а вмѣстѣ и всѣмъ ложнымъ средствамъ, придуманнымъ Блэнкинсопомъ, Чапманомъ и другими для устраненія именно той простѣйшей формы, которую слѣдовало удержать. Новый лучъ истины озарилъ послѣ многихъ лѣтъ изобрѣтаемую систему перемѣщенія.

Въ это время приступилъ къ изученію вопроса человекъ, котораго заслуги въ исторіи желѣзныхъ дорогъ такъ велики и многочисленны, что благодарное потомство его нерѣдко называло ихъ изобрѣтателемъ. Въ такомъ названіи есть, конечно, доля преувеличенія; потому что окончательный успѣхъ паровоза былъ, подобно всѣмъ другимъ механическимъ открытіямъ, дѣломъ не одного опредѣленнаго лица, а результатомъ усилій цѣлаго ряда людей и поколѣній, подвигавшихъ вопросъ медленно и послѣдовательно, параллельно требованіямъ своего времени; но чтобы назвать величайшаго представителя изобрѣтенія желѣзной дороги, чтобы указать на личность, тѣснѣе всѣхъ другихъ связанную съ этимъ изобрѣтеніемъ, слѣдуетъ безспорно остановиться на имени Джоржа Стефенсона, которое съ одинаковымъ правомъ занимаетъ первое мѣсто въ исторіи паровоза, какъ имя Джамса Уатта — въ исторіи паровой машины.

Джоржъ Стефенсонъ былъ сынъ бѣднаго рабочаго каменно-угольныхъ копей въ ньюкэстльскомъ бассейнѣ. Онъ родился въ 1781 году въ деревнѣ Вилэмъ при Тайнѣ; скудость средствъ и большое число дѣтей не позволили отцу дать никакого образованія сыну; Джоржъ ребенкомъ не могъ посвѣщать даже сельской школы и только семнадцати лѣтъ, занимая уже мѣсто механика при копи, гдѣ его отецъ служилъ кочегаромъ, онъ по собственному желанію и на свои заработанныя деньги, началъ учиться чтенію, письму и ариметикѣ. Благодаря своему необыкновенному усердію и крайней точности въ исполненіи своихъ обязанностей, Джоржъ очень рано приобрѣлъ репутацію надежнаго и искуснаго машиниста и оставался въ этомъ званіи много лѣтъ. Въ 1802 г. онъ женился, а годъ спустя родился единственный сынъ его Робертъ, впоследствии достойно раздѣлившій славу своего отца. Біографія Джоржа Стефенсона представляетъ весьма поучительный и полный интереса примѣръ, какъ человекъ, при самыхъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, лишенный благотворнаго вліянія правильнаго образованія, самоучка во всѣхъ своихъ знаніяхъ, можетъ, одною силою здраваго практическаго смысла и твердой настойчивости въ достиженіи поставленныхъ цѣлей, стать однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей своего вѣка. Какъ бы желалъ я набросать передъ Вами хотя самые крупныя штрихи этой неутомимой, всегда кипящей дѣятельностью и высоко-нравственной жизни! Но это завлекло бы меня за предѣлы моей темы.

Въ то время, когда Блэкетъ производилъ свои опыты надъ движеніемъ паровозовъ въ Вилэмѣ, мы находимъ Джоржа Стефенсона старшимъ механикомъ при копи въ сосѣдней деревнѣ Киллингуртъ. Вниманіе Стефенсона давно было обращено на улучшеніе средствъ для доставки угля изъ копей въ пристань. Смотря на дѣйствіе машинъ Вэнкисона, Чапмана и Блэкета, испытываемыхъ въ его сосѣдствѣ, онъ видѣлъ ихъ практическіе недостатки и постепенно рождалось въ немъ сознаніе возможности построить паровозъ болѣе совершенный относительно и силы, и экономіи топлива. Уже въ 1813 году онъ предложилъ владѣльцамъ киллингуртской копи проектъ новой «путешествующей машины», какъ онъ въ то время называлъ локомотивъ, и получилъ

разрѣшеніе приступить къ ея постройкѣ. Въ этомъ первомъ паровозѣ Стефенсона, оконченномъ и пущенномъ лѣтомъ 1814 года, замѣчались два паровые цилиндра, которыхъ поршни дѣйствовали непосредственно не на колеса, несущія локомотивъ, а на особую систему зубчатыхъ колесъ, передававшихъ свое движеніе первымъ; колеса, поддерживающія машину, и рельсы были гладки, такъ какъ Стефенсонъ изъ собственныхъ опытовъ и изъ опытовъ Блэкета зналъ, что въ этихъ условіяхъ сцепленіе получается достаточное. При первомъ испытаніи на рельсной дорогѣ между Киллингвортонъ и Тайной локомотивъ повезъ, поднимаясь по небольшому уклону (1: 450), восемь нагруженныхъ вагоновъ со скоростью 4 англ. миль въ часъ и продолжалъ съ этихъ поръ дѣйствовать правильно нѣкоторое время.

Не смотря однако на значительныя преимущества этого перваго паровоза Стефенсона передъ всѣми до него построенными, онъ все же представлялъ тяжелую, неуклюжую и не экономную машину. Различныя части механизма, слишкомъ тѣсно расположенныя, давили другъ на друга; совершенное отсутствіе рессоръ легло за собой постоянныя вредныя толчки машины во время ея дѣйствія; употребленіе зубчатыхъ колесъ, какъ промежуточнаго привода, причиняло новыя толчки и еще болѣе увеличивало неровность хода; такъ называемая поверхность нагрева, т. е. та часть поверхности паровика, съ которой непосредственно соприкасается пламя горящаго топлива, была мала сравнительно съ размѣрами котла, тогда какъ отъ величины этой поверхности зависитъ во всякой паровой машинѣ степень парообразованія, а слѣдовательно и напряженность дѣйствія; наконецъ, точныя вычисленія показали, что со стороны экономіи и скорости паровозъ Стефенсона не представлялъ почти никакихъ выгодъ передъ дѣйствіемъ лошади, а отъ этихъ выгодъ долженъ былъ конечно заисѣть весь успѣхъ новаго движителя. Какъ Вы видите, моментъ былъ критическій для судьбы предпріятія; но въ это время Стефенсона освѣтила счастливая мысль, упрочившая побѣду всего изобрѣтенія.

Въ первыхъ паровозахъ паръ, совершившій свое дѣйствіе въ цилиндрахъ, выпускался прямо въ окружающій воздухъ. Рѣз-

справедливо можно назвать прототипомъ современныхъ паровозовъ. Онъ, какъ первый, содержалъ два паровыхъ цилиндра, но стержни ихъ поршней дѣйствовали уже непосредственно на колеса помощью шатуновъ и кривошиповъ; промежуточная система зубчатыхъ колесъ, причинявшая столько невыгодъ въ первой машинѣ, была устранена; двѣ пары колесъ паровоза соединялись между собой донныѣ употребительною комбинаціею горизонтальныхъ сочлененныхъ шестовъ; наконецъ, отработавшій паръ выходилъ въ дымовую трубу. Много усовершенствованій было сдѣлано съ тѣхъ поръ въ подробностяхъ устройства паровоза и Джоржемъ Стефенсономъ, и его сыномъ, и его послѣдователями, но всѣ эти дальнѣйшіе усовершенствованія имѣютъ въ общемъ цѣломъ лишь второстепенное значеніе; въ сущности, Стефенсоновъ паровозъ 1815 года представлялъ уже локомотивъ въ современномъ смыслѣ; изобрѣтеніе, которому посвященъ мой рассказъ, было сдѣлано, начались и послѣдовали усовершенствованія, имѣющія болѣе спеціальныя, чѣмъ общій интересъ. Я не стану поэтому утомлять ими Вашего вниманія, а скажу еще въ краткихъ чертахъ на ходъ практическаго примѣненія и распространенія новаго открытія.

Хотя съ 1815 года локомотивы Джоржа Стефенсона ни на одинъ день не прекращали своего движенія по дорогѣ между Киллингуортомъ и пристанью на Тайнѣ, прошло однако нѣсколько лѣтъ, пока они обратили на себя должное вниманіе современниковъ и вызвали подражаніе на другихъ рельсныхъ дорогахъ. Не трудно объяснить такое долгое равнодушіе страны и общества къ важнѣйшему механическому изобрѣтенію вѣка, принявъ во вниманіе въ неблагопріятныя условія, среди которыхъ оно созрѣло и существовало въ первое время. «Джоржъ Стефенсонъ», какъ справедливо замѣчаетъ одинъ его извѣстный біографъ, «не имѣлъ достаточныхъ средствъ, чтобы привлечь вниманіе публики на свое важное открытіе; не потому, чтобы онъ не сознавалъ его огромнаго значенія и не предвидѣлъ его всеобщаго примѣненія, но потому, что онъ былъ человекъ необразованный и неспособный выказать своихъ мыслей о предметѣ. Киллингуортская каменно-угольная копъ лежала далеко отъ Лондона, этого центра на-
ной жизни Англіи, и ее не посѣщалъ ни одинъ ученый,

ни одинъ писатель, который могъ-бы съ успѣхомъ обратить общее вниманіе на замѣчательную машину Стефенсона. Даже мѣстные журналисты повидимому не знали о существованіи киллингуортской желѣзной дороги». Надежда Стефенсона на скорое распространеніе новаго способа сухопутнаго сообщенія была тогда такъ слаба, что онъ неоднократно останавливался на мысли эмигрировать въ Америку съ цѣлью ввести на озерахъ Соединенныхъ Штатовъ другое великое примѣненіе силы пара — только входившіе тогда въ употребленіе пароходы; но этой мечтѣ не суждено было сбыться.

Въ 1819 году владѣльцы каменноугольной копи въ Гэттонѣ, видя успѣшныя результаты киллингуортской линіи, рѣшились построить такую-же дорогу до ближайшей пристани на рѣкѣ Уэрѣ и поручили Стефенсону должность главнаго инженера предпріятія. 18-го ноября 1822 года была открыта съ полнымъ успѣхомъ эта вторая и самая длинная желѣзная дорога того времени: длина линіи была въ 8 англ. миль; пять паровозовъ двигались по ней одновременно и каждый тащилъ 17 вагоновъ вѣсомъ въ 64 тонны со скоростью 4 англ. миль въ часъ; на большихъ уклонахъ, избѣгнуть которыхъ помощью насыпей или туннелей не позволяли ограниченныя денежныя средства, дѣйствіе локомотивовъ замѣнялось дѣйствіемъ постоянныхъ машинъ.

Три года спустя открылась первая разрѣшенная правительствомъ общественная линія между двумя городами — Дэрлингтономъ и Стоктономъ на Тиссѣ, главнымъ строителемъ которой былъ опять Джоржъ Стефенсонъ. По совѣту послѣдняго здѣсь были впервые проложены желѣзныя рельсы, вмѣсто непрочныхъ чугунныхъ; скорость поѣздовъ доходила въ часъ до 12 англ. миль. Ближайшая цѣль, для которой была сооружена дорога, заключалась въ перевозкѣ угля и товаровъ вообще между попутными и крайними пунктами линіи; только на всякій случай акціонеры разрѣшили Стефенсону построить одинъ вагонъ для путешественниковъ. Этотъ первый пассажирскій вагонъ, мѣтко названный своимъ строителемъ «Experiment», началъ свое правильное движеніе 10-го октября 1825 года; сначала его возила лошадь со скоростью 6 миль въ часъ; но значительный и бист-

рый успѣхъ, который имѣлъ этотъ опытъ желѣзно-коннаго сообщенія, развилъ такую конкуренцію и такъ умножилъ число такихъ вагоновъ, что вскорѣ убѣдились въ необходимости припрятать ихъ къ товарнымъ поѣздамъ. Введеніемъ этихъ смѣшанныхъ поѣздовъ и было положено начало пассажирскому движенію по желѣзнымъ дорогамъ.

Поѣзды-же, предназначенные для однихъ путешественниковъ, начали ходить только съ 1830 года, съ открытіемъ линіи между Ливерпулемъ и Манчестеромъ (*). Открытіе этой линіи замѣчательно еще во многихъ другихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, правительственная концессія на ея постройку стоила ея предпринимателямъ и защитникамъ, во главѣ которыхъ снова стоялъ Джоржъ Стефенсонъ, нѣсколькихъ лѣтъ самой упорной борьбы; до того велико было даже въ просвѣщеннѣйшихъ слояхъ общества число людей, непонимающихъ выгодъ новаго изобрѣтенія. Но еще несравненно больше были затрудненія, съ которыми встрѣтились строители при проложеніи полотна по мѣстности, частью затопленной глубокими болотами, частью покрытой рѣками, горами и уклонами; пришлось строить множество мостовъ самаго различнаго устройства, воздвигать путепроводы, пробивать первые тунели; и насколько теперь подобныя сооруженія кажутся обыкновенны, настолько трудны они были въ то время по своей новизнѣ и отсутствію всякаго опыта въ дѣлѣ. Когда наконецъ линія была готова, тогда къ дню ея открытія акціонеры предпріятія назначили конкурсъ на лучший паровозъ для движенія по новой дорогѣ; четыре изъ представленныхъ машинъ, локомотивы Брайта и Эриксона, Гауорта, Берсталля и Стефенсона, удовлетворили условіямъ объявленной программы и были допущены къ конкурсу. Паровозъ Стефенсона, подъ названіемъ «Rocket» атмилъ всѣ остальные и получилъ единственную назначенную премію. Быстрота «Rocket» доходила до невиданной еще скорости 35 англійск. миль въ часъ; главное его отличіе отъ

(*) По этой-же линіи между Ливерпулемъ и Манчестеромъ 6 лѣтъ спустя, въ 1836 году, былъ проведенъ Уитстономъ первый электрическій телеграфъ.

паровоза 1815 года и существенный успѣхъ заключались въ новомъ устройствѣ пароваго котла: верхняя половина паровика служила паровымъ резервуаромъ, нижняя была наполнена водою; эту нижнюю часть пронизывали 25 мѣдныхъ трубокъ, которыя, сообщаясь однимъ концомъ съ печью, а другимъ съ дымовою трубою, пропускали огненные газы и значительно увеличивали поверхность нагрѣва. Съ давнихъ поръ чувствовалась между строителями паровыхъ машинъ потребность въ средствѣ увеличивать поверхность нагрѣва при данныхъ вѣсѣ и данныхъ размѣрахъ паровика, такъ какъ отъ этой поверхности прямо зависѣло количество образованнаго пара, а слѣдовательно и сила машины; но только въ 1829 году французскому инженеру Марку Сэгену удалось практически рѣшить этотъ вопросъ изобрѣтеніемъ такъ называемыхъ трубчатыхъ котловъ, системы, которой желѣзныя дороги въ значительной степени обязаны своимъ успѣхомъ. Стефенсонъ оцѣнилъ сразу выгоды Сэгенова устройства и принялъ его для котла своего «Rocket».

Въ Англіи, какъ мы видѣли, взошла, развивалась и созрѣла впервые мысль о желѣзныхъ дорогахъ. Но понятно, что новое изобрѣтеніе не могло оставаться долгое время достояніемъ одной страны или націи; едва открылись первыя общественныя линіи отъ Стоктона до Дэрлингтона, и отъ Ливерпуля до Манчестера, едва въ самой Англіи начало пробуждаться сознаніе великой будущности желѣзныхъ дорогъ, какъ почти всѣ страны континента стали испытывать у себя ихъ примѣнимость.

Первая рельсная дорога на материкѣ была построена во Франціи между Сентъ-Этіенномъ и Андресьё; разрѣшенная правительствомъ еще въ 1823 году, она была открыта пять лѣтъ спустя и только для коннаго движенія. Въ 1830 году началось желѣзно-конное сообщеніе отъ Сентъ-Этіенна до Ліона, а въ 1832 году на той-же линіи двинулись первыя во Франціи локомотивы.

Въ Германіи первая желѣзная дорога, открытая между Линцомъ и Вудвейсомъ въ 1828 году, предназначалась также только для коннаго сообщенія; паровозное движеніе началось семь лѣтъ спустя на маленькой линіи отъ Нюрнберга до Фурта.

Россія съ 1838 года соорудила свою первую желѣзную дорогу отъ Петербурга къ Царскому Селу; а въ 1851 году была открыта соединяющая наши двѣ столицы николаевская линія.

Постепенно рельсовая сѣть стала покрывать всѣ европейскія государства и многія населенныя страны другихъ материковъ.

Новѣйшія статистическія данныя свидѣтельствуютъ о необычайной и все возрастающей быстротѣ, съ которой въ послѣднее время распространяются желѣзныя дороги во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ 1861 году сѣть желѣзныхъ дорогъ всего земнаго шара достигла 103 тысячъ верстъ, представляя собою расходъ въ 10 миллиардовъ рублей. Черезъ шесть лѣтъ эта длина возросла до 146 тысячъ верстъ, а еще шесть лѣтъ спустя, т. е. въ прошломъ году, протяженіе рельсовой сѣти одной Европы превосходило 154 тысячи верстъ.

Можно сказать съ достовѣрностью, что въ настоящее время протяженіе всѣхъ дѣйствующихъ на землѣ желѣзныхъ дорогъ достигло 250 тысячъ верстъ, длины, превышающей болѣе чѣмъ въ 41 разъ радіусъ земнаго шара и равной приблизительно $\frac{5}{7}$ расстоянія луны отъ нашей планеты.

Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о значеніи того изобрѣтенія, историческій очеркъ котораго я старался изложить передъ Вами.

II. Часть ученая.

II. Часть ученая.

Къ вопросу объ иннервациі дыхательныхъ движеній.

Первоначальная цѣль предлагаемаго изслѣдованія состояла въ разработкѣ вопроса о вліяніи различныхъ частей головного мозга на дыхательные центры продолговатаго мозга. Въ этомъ отношеніи, въ самомъ дѣлѣ, въ наукѣ имѣются лишь отрывочныя данныя. Причину этого слѣдуетъ искать отчасти въ слѣдующемъ обстоятельстве. Изслѣдованіе дыхательнаго аппарата производилось до сихъ поръ почти исключительно на теплокровныхъ животныхъ. Извѣстно же, что при остановкѣ кровообращенія или обезкровленія центральныхъ массъ, эти послѣднія быстро теряютъ свою раздражительность, такъ что подъ часъ трудно бываетъ рѣшить: произошло-ли прекращеніе дыхательныхъ движеній въ данномъ случаѣ отъ разрушенія какой нибудь части дыхательнаго аппарата или только отъ мѣстной потери раздражительности, при цѣлости всего аппарата? (*). Холоднокровныя животныя представляютъ въ этомъ отношеніи то

(*) Одинъ изъ важнѣйшихъ методовъ, употребляемыхъ при изученіи функціи различныхъ отдѣловъ нервной системы, состоитъ, какъ извѣстно, въ перерѣзываніи отдѣльныхъ частей ея съ цѣлью выдѣленія или раздраженія ихъ. При этомъ всегда, даже въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ, происходитъ мѣстное обезкровленіе ткани (хотя, можетъ быть, и неполное), продолжающееся, по крайней мѣрѣ, вплоть до закупорки перерѣзанныхъ сосудовъ свернувшееся кровью.

преимущество, что они при подобныхъ операціяхъ несравненно болѣе выносливы. Такъ, извѣстно, что частичные разрѣзы центральныхъ массъ и даже общее обезкровленіе лягушка выносятъ несравненно долѣе, чѣмъ теплокровныя животныя. Въ виду этихъ выгодъ я и предпринялъ изслѣдованіе иннерваціи дыхательныхъ движеній на лягушкѣ.

По этому предмету въ наукѣ имѣются слѣдующія данныя: Флуранъ⁽¹⁾ утверждаетъ, что «на лягушкѣ поперечная перерѣзка мозга тотчасъ подъ мозжечкомъ ведетъ за собой немедленное прекращеніе дыхательныхъ движеній, которыя затѣмъ уже не возобновляются вплоть до смерти животнаго». Подобное мнѣніе высказываетъ и Виттихъ⁽²⁾. Вопросъ объ анатомическомъ положеніи дыхательнаго центра былъ, впрочемъ, для послѣдняго изслѣдователя вопросомъ второстепеннымъ. Главная цѣль его изслѣдованія состояла въ разрѣшеніи вопроса о томъ, автоматичны-ли дыхательные центры у лягушки, или-же они возбуждаются къ дѣятельности путемъ рефлекторнымъ (нормально изъ легкихъ). Виттихъ склоняется ко второму воззрѣнію главнымъ образомъ на основаніи слѣдующихъ опытовъ. Послѣ вырѣзыванія легкихъ дыхательныя движенія у лягушки постепенно исчезаютъ безъ явленій dyspnoë⁽³⁾. Такіе-же результаты онъ получилъ

(1) Flourens: «Détermination du noeud vital ou point premier moteur du mécanisme respiratoire dans les Vertébrés à sang froid». Comptes rendus. 1862 г. LIV, стр. 314.

(2) v. Wittich: «Ueber die Beziehungen der Medulla oblongata zu den Athembewegungen bei Fröschen». Virchow's Archiv 1866 г. В. XXXVII. На стр. 329 онъ говоритъ: «Лягушка съ поперечной перерѣзкой четверныхъ мозговыхъ нервовъ (на половинѣ ихъ высоты) жила всего 4 дня; дыхательныя движенія наблюдались только вслѣдъ за искусственнымъ раздраженіемъ. При цѣлости одного продолговатаго мозга лягушки быстро умирали, не обнаруживая дыхательныхъ движеній даже при раздраженіи съ перноеріи».

(3) I. с. стр. 337: «Тотчасъ послѣ перевязки и вырѣзыванія легкихъ у лягушекъ замѣчается еще рядъ дыхательныхъ движеній; однако эти движенія относительно частоты отстаютъ далеко отъ нормы, а по прошествіи нѣкотораго времени исчезаютъ совершенно».

при перерѣзкѣ обоихъ бродящихъ нервовъ ⁽¹⁾ и при перевязкѣ *trunci pulmon.* съ одной стороны вмѣстѣ съ экстирпаціей одного легкаго съ другой. Онъ не дѣлалъ опытовъ съ перевязкой обоихъ *trunc. pulmon.* Посредствомъ этой операціи, какъ извѣстно, обезкровливается вмѣстѣ съ легкими и кожа—этогъ суррогатъ легкаго у лягушекъ съ экстирпированными легкими. На стр. 342 приведенной статьи онъ говоритъ, что онъ предпочелъ одностороннюю перевязку *tr. pulm.* вмѣстѣ съ вырѣзываніемъ легкаго съ другой стороны на томъ основаніи, что перевязку обоихъ *tr. pulm.* лягушки переживаютъ лишь очень короткое время. Едва-ли однако нужно много времени, чтобы видѣть, умираетъ-ли животное вслѣдъ за операціей при явленіяхъ *dyspnoë*, или безъ нихъ. А между тѣмъ именно такого рода опытъ по видимому могъ-бы всего скорѣе рѣшить данный вопросъ. При этой формѣ въ самомъ дѣлѣ изъ опыта исключается кожное дыханіе; у лягушекъ-же газовый обмѣнъ черезъ кожу существуетъ всегда, даже лѣтомъ ⁽²⁾. А есть основанія думать, что для нарушенія *dyspnoë* недостаточно измѣнить извѣстнымъ образомъ составъ крови (гесп. обезкровить центры),—необходимо еще, чтобы это измѣненіе (гесп. обезкровленіе) совершалось съ извѣстной быстротой. Именно Куссмауль ⁽³⁾ говоритъ, что всѣ бурныя явленія, замѣчаемая при обезкровленіи, происходятъ только въ томъ случаѣ, когда анемія наступаетъ быстро; ихъ нѣтъ, если анемія происходитъ постепенно.—Такъ какъ я не работалъ надъ лѣтними лягушками, то не могу представить съ своей стороны опытовъ въ этомъ направленіи. Въ наукѣ однако существуютъ данныя, несогласныя съ наблюденіями Виттиха. Такъ

(1) 1. с. стр. 341. Диспноетическія явленія, которыя онъ наблюдалъ тогдашъ послѣ этой операціи, онъ объясняетъ существованіемъ механическаго препятствія со стороны замкнутой голосовой щели (?). Между тѣмъ опытовъ съ перерѣзкой *vagoium*, послѣ предварительнаго вырѣзыванія голосовыхъ связокъ, не представлено.

(2) Berg: *Untersuchungen über die Hautathmung des Frosches.* Inaugural-Dissertation. Dorpat. Стр. 32. Въ Іюль, въ самую жаркую пору, лягушки жили у этого изслѣдователя, послѣ перевязки (плотной) и вырѣзыванія легкихъ, *minimum* 3 часа, *maximum* 27—очевидно, благодаря кожному дыханію.

(3) Kussmaul und Tenner *Untersuchungen über Ursprung und Wesen der fallsuchtartigen Zuckungen bei der Verblutung u. s. w.* Moleschott's *Inters. zur Naturlehre etc.* B. III стр. 118.

напр. Бергъ (1) наблюдалъ дыхательныя движенія у лягушекъ въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ экстирпаціи легкихъ (2).

Изъ этого перечня существующихъ данныхъ видно, что относительно иннерваціи дыхательныхъ движеній у лягушекъ извѣстно еще очень не много. Имѣющіеся на лицо факты стоятъ большею частью еще не твердо. Въ виду этого слѣдовало бы прежде всего повторить на лягушкахъ факты, добытые на теплокровныхъ въ опытахъ Розенталя, которые въ данномъ случаѣ стоятъ на первомъ планѣ. Таіе опыты должны очевидно дѣлаться на лѣтнихъ лягушкахъ; работать надъ послѣдними мнѣ однако до сихъ поръ не удалось. Оттого я и началъ свои изслѣдованія съ разработкы вопросовъ о топографическомъ устройствѣ дыхательныхъ центровъ, объ явленіяхъ координаціи дыхательныхъ движеній и о вліяніи головного мозга

(1) 1. с. стр. 29. Онъ описываетъ послѣдствія экстирпаціи легкихъ такъ: «Тотчасъ послѣ операціи животное, кромѣ впаыхъ боковъ, ничѣмъ не отличалось отъ нормальной лягушки. По прошествіи получаса оно, опираясь на выпрямленные переднія конечности и вытянутыя заднія, высоко подняло голову и оставалось въ такой позѣ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Дыхательныя движенія ноздрей и глотки продолжались съ тою же частотой, какъ и обыкновенно. Отъ времени до времени животное широко развѣвало ротъ, какъ бы силясь глубоко вдохнуть. На другой день послѣ операціи дыхательныя движенія продолжались безъ перемѣнъ.... Затѣмъ лягушка начинаетъ постепенно слабѣть и на 5-ый день умираетъ. У другой лягушки «черезъ нѣсколько мгновеній послѣ операціи полость живота надулась ad maximum (трахея была перевязана не совсѣмъ плотно). Дыхательныя движенія были часты» и т. д. На 14-ый день послѣ операціи лягушка ночью выскочила изъ своего помѣщенія и на другой день найдена на полу мертвой.

(2) Въ виду этихъ разнорѣчивыхъ данныхъ я долженъ относительно вопроса о возбужденіи дыхательныхъ движеній у лягушки придерживаться въ настоящей статьѣ тѣхъ воззрѣній, которыя принимаются въ наукѣ на основаніи опытовъ надъ теплокровными животными.—Относительно иннерваціи дыханія у лягушки существуетъ еще изслѣдованіе д-ра Шумовскаго (Военно-Медицинскій Журналъ, 1865 г., часть XCIV, Сентябрь, стр. 9). Что касается фактическихъ данныхъ, то мы съ этимъ изслѣдователемъ расходимся почти на каждомъ шагѣ. Онъ тоже изслѣдовалъ вліяніе различныхъ отдѣловъ головного мозга на дыхательныя движенія; свои результаты онъ резюмируетъ на стр. 25 такъ: «послѣ всякаго разрѣза головного мозга происходитъ остановка дыханія». Далѣе, однако, на стр. 41 онъ говоритъ: «они (другіе опыты) во всякомъ случаѣ показываютъ, что прикосновеніе инородныхъ тѣлъ къ головному мозгу усматриваетъ сокращеніе вдыхательныхъ мышцъ и учащаетъ ихъ ритмъ».

на центры продолговатаго. (1) Описанію опытовъ, касающихся, главнымъ образомъ, этихъ вопросовъ, посвященъ первый отдѣлъ предлагаемой статьи. Во второмъ отдѣлѣ рѣчь идетъ объ эффектахъ электрическаго раздраженія сѣдалищнаго нерва на движенія дыхательной щели лягушки и на дыхательныя движенія кролика вообще.

I.

У лягушки наружное отверстіе дыхательной трубки закрыто, какъ извѣстно, крышкой, состоящей изъ двухъ створокъ, правой и лѣвой. Створки эти въ покойномъ состояніи сомкнуты такъ плотно другъ съ другомъ, что совершенно разобщаютъ полость легкихъ отъ полости рта. Мало этого: онѣ способны, въ силу только своего механическаго устройства, безъ всякаго участія мышечныхъ силъ, разобщать вполнѣ эти двѣ полости и въ томъ случаѣ, когда полость легкихъ растянута значительно; напр. даже сильнѣе, чѣмъ это бываетъ въ тѣхъ нормально-встрѣчающихся случаяхъ, когда лягушка, какъ говорится, «надувается». Въ этомъ легко убѣдиться на свѣжемъ трупѣ, надувая растяжимое легкое черезъ отверстіе, сдѣланное въ верхушкѣ одной изъ его половинокъ. Въ этой разобщенной такимъ образомъ отъ внѣшней среды полости, какъ и въ дыхательной полости всякаго другаго животнаго, воздухъ, измѣняясь извѣстнымъ образомъ вълѣдствіе интимнаго сосѣдства съ кровью волосныхъ сосудовъ, становится наконецъ негоднымъ для дальнѣйшаго газоваго обмѣна и требуетъ возобновленія. Это возобновленіе, т. е. вентиляція воздуха въ полости легкихъ, у лягушки достигается рядомъ движеній, отличныхъ отъ дыхательныхъ движеній высшихъ позвоночныхъ, такъ какъ у лягушки нѣтъ ни замкнутой грудной кѣтки, ни грудобрюшной преграды. У нормальной лягушки (2) происходятъ непрерывно періодическія со-

(1) Послѣ первыхъ-же опытовъ мнѣ пришлось однако ограничиться въ своихъ изслѣдованіяхъ однимъ ритмическимъ аппаратомъ дыхательной щели. Причину этого читатель узнаетъ сейчасъ-же.

(2) Я разумно здѣсь лягушку не зимнюю, а лѣтнюю, у которой дыхательныя движенія происходятъ достаточно энергично и по непрерывности своей приближаются къ дыхательнымъ движеніямъ теплокровныхъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что зимой у лягушекъ значительно понижается потребность въ

вращенія въ сферѣ мышцъ, подтягивающихъ *os hyoideum* напередъ и вѣсгѣ съ тѣмъ нѣсколько кверху (лягушку слѣдуетъ вообразить въ сидячемъ положеніи). Эти движенія производятся главнымъ образомъ дѣятельностью слѣдующихъ мышцъ: *m. m. retrohyoidei*, четыре съ каждой стороны; затѣмъ *geniohyoidei* и отчасти *hyoglossus*. А такъ какъ *os hyoideum* погружается въ существѣ ткани задней части дна ротовой полости, то она при описанныхъ движеніяхъ увлекаетъ за собой и дно рта, которое въ покойномъ состояніи отвисаетъ небольшимъ куполомъ книзу. Впрочемъ для приподниманія дна ротовой полости существуетъ отдѣльная мышца, именно *m. submaxillaris*. Волокна этой мышцы, расположенной тотчасъ подъ кожей, протянуты поперекъ отъ лѣвой вѣтви нижней челюсти къ правой (*) и слѣдовательно при сокращеніи своемъ уплющаютъ отвислое дно рта и вѣсгѣ съ *m. m. retrohyoid.* прихлопываютъ его къ нѣбу. Периодическія подниманія и опусканія дна рта всего удобнѣе наблюдать, если посадить животное на прозрачную стеклянную пластинку и глядѣть на него снизу. Этого рода движеніями лягушка, при открытыхъ ноздряхъ и закрытой дыхательной щели, на подобіе вѣера, вентилируетъ полость рта. Стоитъ ей только раскрыть дыхательную щель и прихлопнуть при закрытыхъ ноздряхъ подбородокъ къ нѣбу, — и весь воздухъ изъ полости рта протолкнется въ полость легкихъ. Это она по временамъ и дѣлаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть снизу черезъ стеклянную пластинку на ея бока, то легко замѣтить, что каждый разъ, какъ она прихлопнетъ подбородокъ кверху, вентилируя ротъ, бока немного опадаютъ; это зависитъ оттого, что *os hyoideum* при движеніи впередъ увлекаетъ за собой механически короткую трахею, съ которой оно связано тканью. Однако, кромѣ этихъ незначительныхъ измѣненій, въ объемѣ бо-

О, такъ что для нихъ на долгое время достаточно одного т. наз. кожного дыханія. Они могутъ жить съ вырѣзанными легкими болѣе мѣсяца, тогда какъ лѣтомъ лягушки при такихъ условіяхъ погибаютъ обыкновенно въ теченіи дня. (Berg l. с.).

(*) Собственно говоря, они тянутся не непрерывно: посрединѣ ихъ раздѣляетъ сухожильная полоса, напоминающая *lineam albam*.

ковъ лягушки замѣчаются по временамъ болѣе рѣзкія колебанія, связанныя съ одновременнымъ раскрываніемъ дыхательной щели. Лѣтняя лягушка устраиваетъ дѣло обыкновенно такъ: въ нѣсколько пріемовъ сильно наполнивъ описаннымъ образомъ свои легкія, она сидитъ нѣкоторое время надутая, только подбородкомъ играетъ, вентилируя ротъ. Послѣ такой паузы она наоборотъ въ нѣсколько пріемовъ значительно опоражниваетъ свое легкое (когда открыты ноздри и дыхательная щель, легкое спадается въ силу своей эластичности; кромѣ того для выдыханія существуетъ особая мышца, *m. transversus abdomini*) и затѣмъ снова начинается наталкиванье воздуха въ легкія или вдыханіе и т. д.

На зимнихъ лягушкахъ эти явленія далеко не такъ рѣзки вслѣдствіе того, что дыхательныя движенія у нихъ менѣе энергичны. Часто по одному наружному виду бываетъ трудно рѣшить, произошло-ли при данномъ движеніи подбородка раскрываніе дыхательной щели, или нѣтъ. Можно-бы было думать а priori, что всего удобнѣе наблюдать измѣненія, происходящія въ объемѣ легкихъ, обнаживши послѣднія, т. е. вскрывши брюшную полость. При этомъ способѣ однако вводятся въ явленіе посторонніе моменты, которые значительно осложняютъ его. Такъ напр. нѣжная ткань легкаго подвергается при этомъ дѣйствію воздуха; кромѣ того этой операціей дается возможность обмѣна крови легкихъ прямо съ окружающей средой; обнажаются брюшныя внутренности и т. д. Такимъ образомъ оказывается, что у зимнихъ лягушекъ дыхательныя движенія, т. е. вентиляція полости рта + періодическое раскрываніе дыхательной щели, по своей нерѣзкости и непостоянству не годятся для наблюденій. За то на зимнихъ и осеннихъ лягушкахъ обнаженная дыхательная щель съ ея ритмическими сокращеніями оказалась весьма хорошимъ объектомъ для наблюденія. Нижеописанные опыты и касаются почти исключительно иннерваціи этого органа.

Зимняя лягушка, внесенная изъ холодной кладовой въ теплую (около 16°) лабораторію, черезъ короткое время выходитъ изъ своего оцѣпенѣнія. Движенія ея конечностей пріобрѣтаютъ мало по малу быстроту и ловкость, приближающуюся къ нормѣ.

Обнаженная дыхательная щель начинает биться. — Обнаженіе ея производилось слѣдующимъ образомъ: отрѣзывался кусокъ нижней челюсти такихъ размѣровъ, чтобы удобно было слѣдить глазами за движеніями створокъ щели. Предварительные опыты убѣдили меня въ томъ, что это для моихъ цѣлей вполне позволительно. (*) Въ теченіи того короткаго времени, какое требуется для большинства моихъ опытовъ, въ біеніяхъ щели обыкновенно не происходитъ рѣзкихъ измѣненій. Въ опытахъ, однако, которые длятся долгое время, это обстоятельство должно, конечно, быть принято въ расчетъ. — Относительно нормальной частоты и силы сокращеній щели трудно сказать что-нибудь общее, потому что онѣ крайне разнообразны у различныхъ животныхъ. Въ то время какъ у однихъ щель бьется вяло, съ перерывами, нерѣдко встрѣчаются индивидуумы, у которыхъ ритмическая дѣятельность щели по своей непрерывности и энергичности подходит къ сердечнымъ сокращеніямъ. Эти-то послѣдніе и представляютъ объекты, наиболѣе годные для опытовъ.

Въ большинствѣ опытовъ я укрѣплялъ лягушку въ всячески положеніи на двухъ булавкахъ, продѣтыхъ — одна черезъ кончикъ верхней челюсти, другая черезъ ноги, обыкновенно параллельно перерѣзкой сѣдалищныхъ нервовъ. Булавки вкалывались въ подвижную пробковую рамку, укрѣпленную въ штативѣ. Въ опытахъ съ раздраженіемъ отдѣльныхъ участковъ центральныхъ массъ индукціонными ударами, необходимо было укрѣплять лягушку болѣе неподвижно. Это достигалось укрѣпленіемъ или головы еще въ двухъ мѣстахъ, или рукъ, или туловища, — смотря по мѣсту раздраженія. Электроды подводились къ мозгу слѣдующимъ образомъ: къ верхнему периллету рамки прикалывался булавкой пробочный кубикъ, просверленный насквозь параллельно рамкѣ. Въ этотъ каналъ вставлялась стеклянная трубочка, на концѣ которой укрѣплялись двѣ тонкія

(*) Я дѣлалъ контрольные опыты такъ: въ днѣ рта и снаружи прорывалъ небольшое окошечко, оставляя въ цѣлости только прозрачную слизистую оболочку и сквозь нее наблюдалъ за движеніями щели. Этотъ способъ несравненно менѣе удобенъ, нежели первый.

иголки въ отвѣсномъ положеніи. Эти послѣднія связывались проволоками со вторичною спиралью индукціоннаго аппарата (сан-ный аппаратъ Дюбуа-Раймона съ придаткомъ Гельмгольца, одинъ Даніель). Подвижность стеклянной трубочки въ пробочномъ кубикѣ давала возможность принаравливаться къ разстоянію мѣста раздраженія отъ верхняго переплета рамки.

Если лягушкѣ вскрыть маленькими ножницами черепную полость, перерѣзать продолговатый мозгъ поперекъ на границѣ верхней его трети со средней и затѣмъ разрушить всѣ центральныя массы, лежащія выше разрѣза, то въ ритмической дѣятельности дыхательной щели замѣчаются слѣдующія измѣненія: щель сама по себѣ больше не бьется; иногда только вслѣдъ за разрѣзомъ она даетъ нѣсколько сокращеній, а затѣмъ остается уже въ покоѣ. Такимъ образомъ оперированная лягушка можетъ въ прохладномъ влажномъ мѣстѣ жить больше мѣсяца и никогда, такъ сказать, сами по себѣ, безъ искусственнаго раздраженія, створки щели не раскрываются. Рефлекторный аппаратъ этого движенія однако цѣлъ. Одиночное раскрываніе щели можно вызвать на множество ладовъ; напр. если дунуть въ полость рта, или, если сжать брюшныя внутренности. Рефлексъ на щель получается тоже при тактильномъ и болевомъ раздраженіи кожи и т. д. Отражательные центры щели обнаруживаютъ при этомъ иногда даже особенную чувствительность; такъ напр. случается, что такое слабое тактильное раздраженіе кожи руки, которое въ самой раздражаемой конечности не обнаруживаетъ двигательнаго эффекта, вызываетъ сокращеніе мышцъ щели. — Эта повышенная раздражительность объясняется, по всей вѣроятности, болѣе близкимъ соседствомъ рефлекторныхъ центровъ нашего органа съ поверхностью мозга, обнаженной разрѣзомъ. Раздражающее вліяніе съ поверхности этой раны распространяется на близъ лежащія центральныя образованія, весьма вѣроятно, съ болшею силою, чѣмъ на центры болѣе удаленные.

Особенно легко вызываются рефлексы съ внутренностей; они обыкновенно кромя того носятъ на себѣ ясный характеръ тетаничности. Стоитъ только лягушкѣ съ вышеописаннымъ разрѣзомъ мозга начать вскрывать ножницами полость брюха или нѣсколько

согрѣть обнаженныя внутренности, приближая къ нимъ пламя свѣчи,—щель широко раскрывается и держится въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Тоже самое происходитъ, если осторожно ворошить тупой палочкой кишки или мочевоѣ пузыря, или щипать ихъ пинцетомъ.—Если перерѣзать *gangli sympathiques* симпатическаго нерва⁽¹⁾ или, оставивши ихъ въ цѣлости, перерѣзать спинной мозгъ между 3 и 4 позвонкомъ, всѣ рефлексы съ внутренностей пропадаютъ. Это значитъ, что возбужденіе въ нашемъ рефлексѣ идетъ по сообщающимъ вѣтвямъ симпатическаго нерва и входитъ въ спинной мозгъ не выше 4-го позвонка.

Если лягушкѣ, у которой мозгъ перерѣзанъ между первой и второй третью продолговатаго мозга, перерѣзать еще спинной мозгъ тотчасъ подъ верхушкой 4-го желудочка,—рефлексы въ сферѣ щели еще возможны, и именно ихъ можно вызвать раздраженіемъ слизистой оболочки рта въ области щели, напр. дуновеніемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что *отражательная группа дыхательной щели у лягушки заложена въ нижнихъ двухъ третяхъ продолговатаго мозга*. Раздвоеніемъ этой части мозга вдоль пополамъ⁽²⁾ эту отражательную группу можно расчлениить на *два группы, соответствующія правой и левой сторонамъ щели въ отдаленности*.

Хотя у лягушки съ вышесказанной поперечной перерѣзкой продолговатаго мозга не только прекращается нормальная ритмическая дѣятельность щели, но и одиночныя открыванія могутъ быть вызываемы только яснымъ искусственнымъ раздраженіемъ съ периферіи,—однако продолжительнымъ периферическимъ раздраженіемъ можно вызвать рядъ періодическихъ сокращеній мышцъ щели, участвующихъ въ раскрываніи ея. Такого рода

(1) Рамка, къ которой прикреплена лягушка, попертывается такъ, чтобы животное висѣло горизонтально, спиной вверхъ; тогда кишки отвисаютъ книзу и сообщающія вѣтви симпатическаго нерва лежатъ передъ глазами экспериментатора.

(2) Разрѣзъ этотъ производится посредствомъ ряда вкалываній въ мозгъ остроугольнымъ ножичкомъ. До операціи слѣдуетъ снимать оболочку мозга.

явленіе наблюдается напрімѣръ при продолжительномъ раздраженіи центральнаго отрѣзка *nervi ischiadici* индукціонными ударами средней силы. Рядъ сокращеній дыхательной щели можетъ быть вызванъ еще продолжительнымъ термическимъ раздраженіемъ внутренностей. Ритмическія сокращенія щели, вызванныя такимъ образомъ, по своему вѣшнему виду, сходны съ сокращеніями, наблюдаемыми на нормальной лягушкѣ. Отличаются онѣ развѣ только тѣмъ, что обыкновенно носятъ на себѣ характеръ тетаничности.

Кромѣ этого свойства *приходитъ въ періодическую дѣятельность при продолжительномъ раздраженіи съ периферіи*, рефлекторные центры дыхательной щели обладаютъ и другимъ свойствомъ центральныхъ образований, описаннымъ Свѣчоновымъ для центровъ, связывающихъ кожу съ мышцами скелета (*), именно свойствомъ *суммировать отдѣльныя раздраженія*. Такъ, одиночные индукціонные удары известной силы (тѣ-же результаты даетъ и постоянный токъ), приложенные къ сѣдалищному нерву не вызываютъ дѣятельности мышцъ щели, а рядъ ударовъ той-же силы, слѣдующихъ другъ за другомъ съ достаточной частотой, ведетъ за собой раскрываніе щели.

Такъ какъ дыхательная щель при цѣлости однихъ рефлекторныхъ ея центровъ остается, какъ оказывается, въ покоѣ, то слѣдовательно при нормальныхъ условіяхъ должны гдѣ-нибудь существовать такого рода образования, присутствіе которыхъ обуславливаетъ нормальную ритмическую дѣятельность нашего органа. Такого рода механизмы должно искать въ среднихъ частяхъ головного мозга, такъ какъ при цѣлости связи этихъ частей съ продолговатымъ щель бьется нормальнымъ образомъ. Если, начиная съ согрога *bigemina*, поперечными разрѣзами удалять, идя книзу, все новые и новые участки мозга, — ритмическая дѣятельность щели постепенно ослабѣваетъ; но она существуетъ, если даже отдѣлить мозжечокъ и незначительную часть продолговатаго мозга; и только наконецъ, при разрѣзѣ по ниж-

(*) Свѣчоновъ «Объ электрическомъ и химическомъ раздраженіи чувствующихъ спинно-мозговыхъ нервовъ лягушки» С.-Петербургъ, 1868 г.

Такимъ образомъ оказывается, что для объясненія этихъ геній вѣрнѣе будетъ предположить *въ среднихъ частяхъ ювною мозга существованіе механизмовъ, присутствіе которыхъ обуславливаетъ нормальную ритмическую дѣятельность* ли. Въ чемъ-же состоитъ ихъ функція по отношенію къ центральному аппарату, заложеному въ продолговатомъ мозгу?

Въ первую минуту кажется вѣроятною слѣдующая мысль: суть механизмы высшаго разряда, превращающіе постоянное раздраженіе простаго рефлекторнаго центра продолговатаго мозга въ періодическіе импульсы къ его дѣятельности. Съ той минуты однако какъ доказано, что этотъ рефлекторный центръ въ себѣ уже заключаетъ способность приходить въ періодическую дѣятельность при постоянномъ раздраженіи,—не оказывается никакой необходимости предполагать еще особые т. наз. періодическіе центры. Дѣло объяснимо иначе. Относительно инвазіи дыхательныхъ движеній у теплокровныхъ животныхъ, настоящее время въ наукѣ принимается слѣдующая гипотеза: три дыхательные лежатъ въ нижнихъ частяхъ продолговатаго мозга; кровь, циркулирующая по капиллярамъ этихъ центральной нервной системы, возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности. Эта гипотеза основывается главнымъ образомъ на слѣдующихъ фактахъ: 1) разрушеніе нижнихъ долей продолговатаго мозга ведетъ за собой прекращеніе дыхательныхъ движеній (Легаллуа, Флуранъ и др.); 2) если перерѣзать головной мозгъ по верхней границѣ продолговатаго, туловище дѣлаетъ нѣсколько вдоховъ; если перерѣзать спинной мозгъ тотъ же подъ верхушкой четвертаго желудочка, на головѣ замѣтается еще нѣсколько дыхательныхъ движеній; 3) перерѣзка центростремительныхъ нервовъ продолговатаго мозга не прекращаетъ дыхательныхъ движеній (Розенталя); 4) зажиманіе сонныхъ артерій вмѣстѣ съ позвоночными прекращаетъ дыхательныя движенія при явленіяхъ *dyspnœ*. Опыты Легаллуа и Флурана еще не доказываютъ, что въ той части мозга, которую они разрушаютъ, заключенъ весь центральный аппаратъ, обуславливающий періодическую дѣятельность дыхательныхъ центровъ. Если предположить, что дыхательныя движенія возбуж-

даются рефлекторно, то опытъ Флурана можетъ быть объясненъ такъ: въ немъ разрушаются только рефлекторные центры и тогда, не смотря на то, что периферія, изъ которой собственно и выходятъ импульсы къ дыхательнымъ движениямъ, цѣла, движениа конечно должны прекратиться сразу. Въ опытахъ съ перерѣзкой нервовъ не были удалены среднія части головного мозга. Въ опытахъ съ обезкровливаніемъ продолговатаго мозга вмѣстѣ съ послѣднимъ обезкровливались и среднія части. А изъ моихъ опытовъ надъ лягушкой оказывается, что одни рефлекторные центры безъ среднихъ частей не дѣйствуютъ ритмически помимо искусственнаго раздраженія.

Всѣ эти факты объяснимы, если предположить, что *въ среднихъ частяхъ головного мозга и въ верхней трети продолговатаго существуютъ образованія, эквивалентныя периферическимъ аппаратамъ другихъ рефлекторныхъ механизмовъ тѣла; эти образованія возбуждаются кровью и, черезъ посредство межцентральныхъ волоконъ (эквивалентныхъ центростремительнымъ приводамъ), возбуждаютъ центры продолговатаго мозга къ дѣятельности.* Тогда нашъ разрѣзъ по границѣ верхней трети продолговатаго мозга равносильнъ отдѣленію центра отъ чувствующей поверхности; отсюда центръ, не смотря на то, что сохранилъ свою раздражительность, остается въ покоѣ, пока не возбуждается изъ другихъ точекъ периферіи. Тотъ фактъ, что вслѣдъ за этой перерѣзкой щель иногда даетъ нѣсколько сокращеній, объясняется пораненіемъ (возбужденіемъ) при перерѣзѣ центростремительныхъ приводовъ нашего аппарата. Тоже объясненіе можетъ быть приложено и къ тѣмъ нѣсколькимъ вздохамъ, которые замѣчаются у теплокровныхъ животныхъ послѣ отдѣленія продолговатаго мозга отъ головного. Послѣ перерѣзки тотчасъ подъ верхушкой четвертаго желудочка дыхательная щель у лягушки еще долго бьется ритмически. Быстрое исчезновеніе дыхательныхъ движений въ верхнихъ частяхъ тѣла теплокровныхъ животныхъ при этой операціи объясняется побочными причинами, именно потерей раздражительности центровъ, вслѣдствіе обезкровленія. Въ пользу высказанной гипотезы говорятъ, кромѣ того, опыты съ раздра-

еніемъ среднихъ частей головного мозга индукціонными уда-
ми, объ которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Провѣрить это возвращеніе слѣдовало-бы такъ: прекратить
ритокъ крови къ среднимъ частямъ (отнять раздражителя у
периферіи), оставивъ кровообращеніе въ продолговатомъ мозгу
в тронутымъ, тогда дыхательныя движенія должны прекратиться.
Потѣмъ дать вновь доступъ крови къ среднимъ частямъ,—ды-
хательныя движенія должны возстановиться. Къ сожалѣнію, та-
кого рода опыты встрѣчаютъ непреодолимыя трудности, такъ
къ доступъ къ кровеноснымъ сосудамъ среднихъ частей не-
возможенъ безъ нарушенія связи этихъ послѣднихъ съ продол-
ватымъ мозгомъ.

Считаю долгомъ здѣсь же оговориться по поводу слѣдую-
щаго обстоятельства. Я позволяю себѣ сопоставлять факты, до-
бывые на теплокровныхъ животныхъ относительно дыхательныхъ
измѣненій, съ явленіями на дыхательной щели лягушки (*), на
чемъ основаніи, что оба процесса въ сущности одинаковы; раз-
ницы между ними можно ожидать лишь количественной. Повто-
ръ на теплокровныхъ животныхъ факты, добытые на лягуш-
кѣ, не всегда возможно. Напримѣръ извѣстно, что у теплокров-
ныхъ животныхъ, послѣ перерѣзки продолговатаго мозга, послѣд-
ственно теряютъ свою раздражительность, такъ что въ этомъ
отношеніи, при существующихъ методахъ изслѣдованія, трудно
идать успѣха. Я дѣлаю попытки приложенія фактовъ, добы-
тыхъ на лягушкѣ, къ теплокровнымъ животнымъ, до повторенія
ихъ, хотя бы въ другой формѣ, лишь въ видахъ выгоды са-
мо вопроса.

Другое объясненіе нашихъ опытовъ можетъ состоять въ
дущемъ: всѣ существенныя части дыхательнаго аппарата
включены въ продолговатомъ мозгу; центры, заложенные въ
немъ, при нормальныхъ условіяхъ сами возбуждаются циркули-
рующей по мозгу кровью къ дѣятельности, безъ посредства цен-

(*) По движеніямъ дыхательной щели можно всего вѣрнѣе судить о
существенныхъ движеніяхъ вообще. Въ этомъ отношеніи дыхательная щель-
лягушки напоминаетъ діфрагму высшихъ животныхъ.

троостремительныхъ приводовъ; въ среднихъ-же частяхъ существуютъ придаточные механизмы, какимъ-то образомъ *облежчающіе* дѣятельность центровъ продолговатаго мозга. Это объясненіе, которое явно темнѣе перваго, имѣетъ за себя однако аналогію въ нервномъ аппаратѣ локомоціи у лягушки. Всѣ существенныя части этого послѣдняго аппарата заключены въ спинномъ мозгу; однако обезглавленная лягушка не ползаетъ какъ нормальная, а только при искусственномъ раздраженіи можетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ. (*) Безъ головного мозга локомоторный аппаратъ дѣйствуетъ туго; при цѣлости связи его съ головнымъ мозгомъ онъ дѣйствуетъ несравненно легче. Наши опыты на дыхательной щели повидимому аналогичны этимъ явленіямъ.

Должно, однако, замѣтить слѣдующее. Для локомоціи строго доказана цѣлость всѣхъ существенныхъ частей этого аппарата у обезглавленного животнаго: периферическая чувствующая поверхность дана главнымъ образомъ кожей; рефлекторные центры, соединяющіе кожу съ мышцами скелета и ихъ взаимная межцентральный связь находятся въ спинномъ мозгу; центробѣжные приводы къ мышцамъ тоже цѣлы. Для дыхательныхъ же движеній, при цѣлости двухъ нижнихъ третей продолговатаго мозга, строго доказано существованіе рефлекторныхъ центровъ и центробѣжныхъ приводовъ; цѣлость же нормальныхъ имппульсовъ къ дѣятельности не доказана строго. Въ самомъ дѣлѣ, въ опытахъ Розенталя съ обезкровленіемъ продолговатаго мозга, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ обезкровливаются всегда и среднія части, а на лягушкѣ, какъ мы видѣли выше, легко доказать, что центры нижнихъ долей продолговатаго мозга, отдѣленные отъ среднихъ частей, остаются въ покоѣ несмотря на то, что не теряютъ своей раздражительности впродолженіи долгаго времени. Если принять, что при нормальныхъ условіяхъ кровь раздражаетъ прямо центры продолговатаго мозга, то для объясненія нашего факта придется прибѣгать къ предположеніямъ въ

(*) См. мою статью: «Physiolog.-Topograph. Unters. am Rückenmark des Froeschens», Mémoires de l'Académie des Sciences de S.-Pétersbourg, VII série, t. XVI, № 7. 1870 г. стр. 5.

родѣ слѣдующаго: раздражительность центровъ продолговатаго мозга, по отдѣленіи ихъ отъ среднихъ частей, для обычнаго своего раздражителя, крови, пропадетъ, оставаясь не тронутой для другихъ возбуждителей (тактильное раздраженіе кожи и др.). По моему мнѣнію, первое объясненіе естественнѣе: кровь, протекая по среднимъ частямъ головного мозга, раздражаетъ здѣсь образованія, эквивалентныя чувствующимъ аппаратамъ другихъ нервныхъ механизмовъ; это раздраженіе при посредствѣ центростремительныхъ волоконъ дѣйствуетъ непрерывно на центры продолговатаго мозга, которые вслѣдствіе этого періодически посылаютъ импульсы по центробѣжнымъ волокнамъ къ дыхательнымъ мышцамъ. Въ наукѣ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ фактовъ, противорѣчащихъ такому объясненію; имъ кромѣ того устанавливается рефлекторный типъ для дыхательныхъ движеній. Предположеніе существованія въ центральныхъ мозговыхъ массахъ образованій, эквивалентныхъ периферическимъ аппаратамъ, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Въ самомъ дѣлѣ, съ большою вѣроятностью можно думать, что для многихъ нервныхъ процессовъ, относящихся къ сферѣ психической дѣятельности и совершающихся по типу рефлекторному, периферія лежитъ въ центральныхъ массахъ (въ анатомическомъ смыслѣ) и возбуждается тоже кровью.

Для дальнѣйшаго изслѣдованія устройства центрального аппарата дыхательной щели я производилъ продольные разрѣзы мозга на различныхъ высотахъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, слѣдующую мысль: обѣ створки щели (какъ и всѣ дыхательныя мышцы) сокращаются одновременно всю жизнь; обуславливается ли это явленіе устройствомъ самихъ рефлекторныхъ центровъ продолговатаго мозга и ихъ взаимной связи, или-же для дружнаго дѣйствія всѣхъ рефлекторныхъ центровъ, участвующихъ въ произведеніи дыхательныхъ движеній, требуется, отдѣльно отъ нихъ, существованіе особыхъ аппаратовъ, которые бы координировали эти движенія? Дѣло, однако, оказалось сложнѣе, чѣмъ можно было думать.

При цѣлости однихъ нижнихъ двухъ третей продолговатаго мозга, створки щели (при искусственномъ возбужденіи съ периферіи)

сокращаются синхронично. Это говоритъ скорѣе за то, что въ самихъ рефлекторныхъ центрахъ и ихъ взаимной связи въ продолговатомъ мозгу лежитъ свойство рождать двигательные эффекты одновременно. А между тѣмъ, если на цѣлой лягушкѣ раздвоить даже весь продолговатый мозгъ,—створки бьются одновременно. Случается, правда, что послѣ этой операци, сначала бьется только одна створка, а другая присоединяется къ ней только черезъ извѣстный промежутокъ времени; сокращенія этой послѣдней однако всегда совпадаютъ съ сокращеніями первой.—Послѣднее явленіе происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что раздражительность центровъ второй створки пострадала отъ операци больше, чѣмъ раздражительность первой (*).

Если раздвоить мозгъ, начиная отъ верхней границы согрога bigemina до средней трети продолговатаго мозга, разстройства въ координаціи движеній дыхательной щели тоже не получается.

Разстройство это наступаетъ тогда, когда раздвоены центральныя массы, начиная отъ согрога bigemina до продолговатаго мозга включительно. Если принять, что свой-

(*) Продольные разрывы продолговатаго мозга производились еще прежде. Именно Шнееъ (Lehrbuch der Physiologie des Menschen, 1859 г. стр. 323) въ опроверженіе мнѣнія Флурана о неразрывности его «жизненнаго узла» приводитъ опыты Фолькмана и Лонже, по которымъ «продольные разрывы продолговатаго мозга не прекращаютъ дыхательныхъ движеній обихъ сторонъ тѣла». Далѣе онъ уже отъ себя самого выражаетъ слѣдующую мысль: «гармонія въ сокращеніяхъ дыхательныхъ мышцъ обихъ половинъ тѣла обусловливается нормально цѣлостью той части центральной нервной системы, которая расположена между обоими дыхательными центрами (для правой и левой половинъ тѣла въ отдѣльности) въ продолговатомъ мозгу». Эту мысль онъ высказываетъ на основаніи слѣдующаго опыта: кролику раздвоить вдоль продолговатый мозгъ; если закрыть одну ноздрю пальцемъ и затѣмъ отнять послѣдній—эта ноздря дышетъ чаще другой. На цѣлой лягушкѣ (съ нетронутой нижней челюстью), послѣ раздвоенія продолговатаго мозга, я не наблюдалъ разстройства координаціи дыхательныхъ движеній (сюда же относятся и движенія ноздрей), такъ что для лягушки, по крайней мѣрѣ, не могу подтвердить мнѣніе Шнееа.

ство рождать двигательные эффекты одновременно лежит только во взаимной связи центральных групп правой и левой створки, то изъ этихъ опытовъ должно вывести, что комиссуры между этими группами существуютъ, кромѣ продолговатаго мозга, еще и выше—въ среднихъ частяхъ головного мозга. При этомъ однако остается неяснымъ смыслъ такого богатства комиссуръ. Если принять въ среднихъ частяхъ существованіе образований, эквивалентныхъ периферическимъ, то при помощи еще новыхъ предположеній (1), можно бы объяснить наши опыты; но именно введеніе этихъ новыхъ предположеній (хотя и не устанавливающихъ въ вѣроятности предположенію существованія «коллатеральныхъ» комиссуръ) и составляетъ слабую сторону такихъ объясненій.

При этихъ опытахъ мнѣ случалось, при полномъ разстройствѣ координаціи, находить по вскрытіи мозжечекъ не раздвоенными. При цѣлости же небольшого кусочка вверху согрота *rigemina*, наоборотъ, гармонія не нарушалась (2). Эти опыты оворятъ за то, что или предполагаемыя «коллатеральныя» комиссуры не переходятъ изъ одной половины въ другую на уровнѣ мозжечка, или (при второмъ объясненіи) перекреста центростремительныхъ волоконъ въ области мозжечка не существуетъ.

Перехожу теперь къ описанію опытовъ, произведенныхъ съ влѣю изслѣдованія вліянія нѣкоторыхъ частей головного мозга въ ритмическую дѣятельность дыхательной щели.

(1) Напр: отъ каждой точки предполагаемой первеерин протянуты центростремительныя волокна для каждой створки въ отдаленности; съ одной стороны на другую волокна эти переходятъ въ области среднихъ частей. Это слѣдуетъ предположить для объясненія явленій при раздвоеніи одного продолговатаго мозга. Для объясненія явленій при раздвоеніи однихъ среднихъ частей обусется еще слѣдующее: пока цѣла межцентральная связь между правой и левой створками въ продолговатомъ мозгу, импульсъ, данный одной изъ нихъ, медленно сообщается другой.

(2) Тотчасъ послѣ операциіи иногда замѣчалось разстройство координаціи весьма короткое время. Разъ оправившись, створки уже затѣмъ все время отъ снхронически.

1. Поперечные разрывы в сферу *верхних двух третей мозговых полушарий* дают эффекты непостоянные. Чаще всего при этом замечается учащение биений щели вместе с усилением деятельности мышц раскрывателей створок, длящегося короткое время.

2. Поперечный разрыв, проведенный ниже — *по нижней трети полушарий*, ведет за собой остановку сокращенной щели на продолжительное время или же значительное угнетение ее деятельности. После того, как пройдет этот первый эффект разрыва, и щель снова начнет биться, можно исследовать значение частей мозга, расположенных близ разрыва, прикладывая къ последнему различные раздражающие стимулы. Я употреблялъ въ дѣло кристаллики поваренной соли и слабый индукціонный токъ (1). Первый эффект раздраженія въ обоихъ случаяхъ есть остановка биенія щели. Это указываетъ на то, что въ *нижней трети полушарий* расположены такъ называемые *задерживательные механизмы нашего нервного аппарата*.

Относительно путей, по которымъ идетъ это тормозящее вліяніе нижней доли полушарій къ нашему аппарату, я могу представить слѣдующіе опыты (2).

а). лягушкѣ раздвоенъ вдоль головной мозгъ, начиная отъ согр. bigemin. внизъ до продолговатаго включительно: створки бьются врозь; правая чаще лѣвой (на два удара лѣвой створки приходится почти 5 ударовъ правой).—По нижней трети праваго полушарія проведенъ поперечный разрывъ: правая створка стоитъ въ теченіи $1\frac{1}{2}$ минутъ; лѣвая бьется по преже-

(1) Когда раздраженіе производится посредствомъ кристалловъ поваренной соли, лягушку слѣдуетъ перевертывать кверху ногами. Этими приемами набывается возможность затеканія солезнаго раствора къ нижележащимъ отдѣламъ мозга.

(2) Говоря о «задерживающихъ механизмахъ», о «ходѣ ихъ путей», я придерживаюсь воззрѣній, наиболее распространенныхъ въ наукѣ и всего проще передающихъ факты. Возможно, что въ основѣ явленія торможенія лежатъ сосудодвигательные эффекты, явленія матеріальности или что-либо другое; вопросъ въ этомъ направленіи еще почти не тронутъ. А пока прежнее воззрѣніе не опровергнуто, нѣтъ основанія отклоняться отъ него.

нему.—На правой половинѣ проведенъ новый поперечный разрѣзъ,—по границѣ между правымъ полушаріемъ и зрительнымъ бугромъ: вскорѣ послѣ разрѣза правая створка начинаетъ биться: по прошествіи минуты она уже снова бьется чаще лѣвой (1). Изъ этого опыта слѣдуетъ, что въ сферѣ зрительныхъ бугровъ тормозящее вліяніе нижнихъ долей полушарій не переходитъ изъ одной половины въ другую.

b) Продольный разрѣзъ проведенъ начиная отъ согрор. bigem. до средней трети продолговатаго мозга. Створки бьются одновременно.—Поперечный разрѣзъ, проведенный по нижней трети одного изъ полушарій, останавливаетъ обѣ створки сразу.

Тотъ-же результатъ получается, если

c) раздвоенъ одинъ продолговатый мозгъ, или

d) если поперечнымъ разрѣзомъ разрушена одна половина продолговатаго мозга на границѣ верхней его трети со средней.

Эти послѣдніе опыты говорятъ за то, что пока цѣла координирующая связь между створками,—возбужденіе одной половины тормазовъ дѣйствуетъ на обѣ створки, и наоборотъ.

3. Если у лягушки, у которой вслѣдствіе разрѣза по нижней трети полушарій остановились сокращенія щели, отнять и послѣднюю треть полушарій (поперечный разрѣзъ ведется по границѣ между полушаріями и зрительными буграми), щель обыкновенно очень скоро послѣ этого начинаетъ биться и бьется обыкновенно долгое время весьма правильно (однообразно) относительно ритма и силы сокращеній (2).

Поперечные разрѣзы *зрительныхъ бугровъ* даютъ результаты непостоянны. Однако первый эффектъ раздраженія ихъ (слабыми индукціонными ударами или поваренной солью) есть обыкновенно остановка біеній, такъ что и въ этой части мозга слѣдуетъ предположить существованіе такихъ образований, которыя при ихъ раздраженіи тормозятъ дѣятельность щели.

(1) Этотъ опытъ приведенъ въ видѣ примѣра изъ числа многихъ, сдѣланныхъ въ той же формѣ.

(2) Фактъ этотъ замѣченъ уже Виттихомъ, 1. с. стр. 330.

4. Поперечные разрывы и раздражения *четверных мозговых нервов* производят совершенно противоположные эффекты,—они ускоряют и усиливают биения щели. Уже при первом разрыве дѣло часто доходит до продолжительнаго тетаническаго раскрытія щели. При раздраженіи разрыва солью или слабыми индукціонными ударами, первымъ эффектомъ бываетъ всегда *уменьшеніе* биеній; затѣмъ сокращенія становятся сильнѣе и сливаются наконецъ въ тетаническое раскрытіе щели. При этомъ обыкновенно, вслѣдствіе одновременнаго тетаническаго натяженія голосовыхъ связокъ и сокращенія брюшныхъ мышцъ, послѣдняя фаза явленія сопровождается крикомъ.—Если принять существованіе въ продолговатомъ мозгу автоматическихъ дыхательныхъ центровъ, то эти явленія говорятъ въ пользу существованія въ среднихъ частяхъ головного мозга такихъ придатковъ къ дыхательному аппарату, которые усиливаютъ его дѣятельность. Если же справедливо, что въ среднихъ частяхъ разсыпана периферія рефлекторнаго дыхательнаго аппарата, тогда это явленіе можетъ быть объяснено слѣдующимъ весьма вѣроятнымъ предположеніемъ: въ нашихъ опытахъ периферія раздражается сильнѣе, чѣмъ обыкновенно (кровью), оттого и эффекты сильнѣе. Это явленіе тогда совершенно аналогично эффектамъ, замѣчаемымъ на кожно-мышечномъ аппаратѣ спиннаго мозга при раздраженіи центральнаго отрѣзка сѣдалищнаго нерва индукціонными ударами т. наз. средней силы. И здѣсь тоже получаютъ вначалѣ періодическія сокращенія мышцъ сгибающихъ и разгибающихъ конечности, которыя наконецъ сливаются въ тетаническое вытягиваніе конечностей книзу (соответственно выдыханію съ крикомъ) (*)

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что между дыхательнымъ и локомоторнымъ (кожно-мышечнымъ) аппаратами существуетъ аналогія. На нее указывалось уже со стороны нѣсколькихъ изслѣдователей. Я однако оставляю дальнѣйшее проведеніе этой аналогіи на основаніи новыхъ данныхъ до болѣе полной разработки вопроса. Въ этомъ отношеніи не существуетъ еще разработки явленій, обнаруживаемыхъ на локомоторномъ аппаратѣ при частичныхъ разрывахъ нѣкоторыхъ отдѣловъ головного мозга (напр. среднихъ частей, вызывающихъ т. наз. «насмѣшными движеніями» и при отрѣзываніи полушарій, ведущемъ за собой покой локомоторнаго аппарата.

Если заставить въ нашемъ случаѣ дѣйствовать индукціонный токъ болѣе продолжительное время, то вслѣдъ за описаннымъ періодомъ усиленной дѣятельности щели наступаетъ періодъ покоя. Затѣмъ (при продолжающемся раздраженіи) черезъ извѣстный промежутокъ времени (различный въ отдѣльныхъ случаяхъ), снова появляются сокращенія щели, которыя, постепенно ускоряясь и усиливаясь, доходятъ до тетануса. Вслѣдъ за этой фазой дѣятельности наступаетъ снова фаза покоя, которая въ свою очередь смѣняется фазой дѣятельности и т. д.

Эти явленія *периодичности*, съ которыми мы встрѣтимся еще разъ при описаніи эффектовъ продолжительнаго непрерывнаго раздраженія чувствующихъ нервовъ, аналогичны явленіямъ, которыя наблюдалъ Съченковъ надъ кожно-мышечнымъ аппаратомъ лягушки при продолжительномъ раздраженіи сѣдалищаго нерва; такъ что гипотетическія объясненія, которыя онъ даетъ своимъ опытамъ, могутъ быть приложены и сюда, если остановиться на мысли, что въ среднихъ частяхъ головного мозга расположены образованія, эквивалентныя периферіи, и центрострительныя волокна дыхательнаго аппарата. Но, съ другой стороны, въ нашемъ случаѣ, кромѣ предполагаемыхъ центрострительныхъ волоконъ, раздражаются вѣроятно и другія образованія, которыя прямо или косвенно могутъ вліять на сокращенія щели, такъ что дѣло становится крайне сложнымъ. На основаніи этой сложности и малой разработанности этого вопроса, (*) удерживаюсь отъ построенія новыхъ гипотезъ для объясненія этихъ явленій.

5. Если раздвоить вдоль весь головной мозгъ вплоть до верушки 4-го желудочка, то изъ двухъ створокъ дыхательной щели образуются, такъ сказать, два отдѣльные ритмическіе органа. Въ тѣхъ раздѣленіемъ ритмическихъ центровъ, и всѣ придатки къ нимъ, описанные выше, существуютъ теперь для каждой створки въ тѣльности. Въ самомъ дѣлѣ, поперечные разрѣзы и раздраженія тѣльныхъ половинъ мозга на различныхъ высотахъ произво-

(*) Напр. вліяніе продолжительнаго раздраженія центровъ на движенія зночностей еще не исследовано.

дать тѣже эффекты на соотвѣтствующихъ створкахъ, какъ и описанные уже разрывы и раздраженія цѣлыхъ частей на обѣ створки виѣтъ.

Это указываетъ на расчлененность не только ритмическихъ центровъ, но и ихъ придатковъ (1).

II.

Перехожу теперь къ описанію опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью изслѣдовать вліяніе раздраженія чувствующихъ нервовъ на дыхательныя движенія. Относительно этого вопроса въ наукѣ существуютъ слѣдующія данныя:

Шиффъ (2), стараясь опровергнуть мнѣніе Розенталя о специфичности *nervi laryngei* по отношенію къ дыханію въ смыслѣ тормозящаго нерва, приводитъ результаты опытовъ съ раздраженіемъ чувствующихъ нервовъ на различныхъ животныхъ. Онъ получалъ при раздраженіи заднихъ частей тѣла вдыханіе, при раздраженіи переднихъ — выдыханіе. Фалькъ (3) изучалъ

(1) При опытахъ съ частичными перерѣзками мозга мнѣ случалось наблюдать на створкахъ щели слѣдующее явленіе. Вслѣдъ за поперечнымъ разрывомъ половины продолговатаго мозга надъ реолекторными центрами, или половины *congrog. bigem.*, створка, соотвѣтствующая разрыву, сокращается обыкновенно въ теченіи нѣкотораго времени сильнѣе, чѣмъ другая; иногда она даже держится нѣкоторое время тетанически раскрытою, въ то время какъ другая бьется; наконецъ еще встрѣчались случаи, гдѣ соотвѣтствующая створка тотчасъ послѣ разрыва (въ теченіи короткаго времени впрочемъ) бьется чаще другой (напр. вдвое чаще); сокращенія этой послѣдней однако всегда совпадаютъ съ сокращеніями первой. Явленія эти явно аналогичны извѣстному Броунъ-Секаровскому явленію на заднихъ конечностяхъ при половинныхъ перерѣзкахъ спиннаго мозга и достойны дальнѣйшей разработки.

(2) M. Schiff: «Le nerf laryngé est—il un nerf suspensif? Expériences faites pour la solution de cette question». *Comptes rendus*, tome LIII, 1861 г. стр. 330.

(3) Falk: «Ueber eine eigenthümliche Beziehung der Hautnerven zur Athmung». *Reichert's Archiv*, 1869 стр. 236.

измѣненіе дыхательныхъ движеній при погруженіи животнаго въ воду (9° — 38°). При этомъ животному вставлялась въ трахею канюля съ длинной каучуковой трубкой, черезъ которую оне и дышало послѣ потопленія. Погружалъ ли онъ все животное или только часть его (головой впередъ или ногами ⁽¹⁾)—все равно, онъ получалъ всегда вначалѣ остановку въ выдыханіи; затѣмъ дыхательныя движенія понемногу возобновлялись. Кратцмеръ ⁽²⁾ изслѣдовалъ весьма обстоятельно рефлексъ со слизистой оболочки носовой полости на дыхательныя движенія: при пропусканіи черезъ носъ табачнаго дыма, или паровъ различныхъ жидкостей (хлороформа, алкоголя, амміака и др.) получается остановка въ выдыханіи. Возбужденіе при этомъ идетъ по волокнамъ *ner. trigemini*. Раздраженіе самаго нерва индукціонными ударами (сила не дана) вызываетъ инспирацію. Кратцмеръ также не получалъ выдыханія при раздраженіи *ner. dorsalis pedis*. Траубе ⁽³⁾ наблюдалъ при раздраженіи одной вѣтки *ner. ischiadici* выдыхательныя движенія (громкій крикъ). У Лудвига ⁽⁴⁾ есть указанія на то, что раздраженіе чувствующихъ нервовъ производитъ ускореніе дыханія. Тоже наблюдалъ Блумбергъ при раздраженіи *ner. cutan. brachii medii* ⁽⁵⁾. Гейденгайнъ, Ционъ и Чирьевъ наблюдали при раздраженіи *ner. ischiadici* учащеніе дыхательнаго ритма, сопровождавшееся обыкновенно увеличеніемъ глубины отдѣльныхъ вздоховъ ⁽⁶⁾.

⁽¹⁾ Противъ Шнееа.

⁽²⁾ Kratschmer: «Ueber Reflexe von der Nasenschleimhaut auf Athmung. d. Kreislauf». Sitzungsberichte der Acad. der Wissens. Band 62, II Abt., 70 г. стр. 147

⁽³⁾ Это указаніе взято у Розенталя: «Die Athembewegungen и т. д.» 32 г. стр. 23,

⁽⁴⁾ Ludwig: «Lehrbuch der Physiologie» 1858 г. Т. I, p. 211, Т. II, p. 7—490.

⁽⁵⁾ Blumberg: «Untersuchungen über die Hemmungs—Function des Nervus laryngeus superior». Inaugural. Dissert. Dorpat. 1865 г. стр. 10.

⁽⁶⁾ R. Heidenhain: «Ueber Cyon's neue Theorie и т. д.» Pflüger's Archiv, B. IV, стр. 554.—E. Cyon «Zur Lehre von der reflectorischen Erregung der Gefässnerven» Pflüger's Archiv, B. 8, 1873 г. стр. 334.

Изъ этого перечня видно, что въ наукѣ до сихъ поръ не существуетъ систематическаго изслѣдованія вліянія на дыханіе спинно-мозговыхъ чувствующихъ нервовъ, т. е. нервовъ неизмѣняющихъ пріамаго отношенія къ дыхательнымъ движеніямъ. Отдѣльныя данныя по этому предмету кромѣ того подѣ часъ противорѣчивы. Нижеслѣдующіе опыты и представляютъ попытку къ пополненію этого пробѣла.

Мои опыты отличаются отъ предшествовавшихъ главнымъ образомъ слѣдующимъ: 1) я всегда раздражалъ самый нервный стволъ, а не периферическія его окончанія, по той причинѣ что только при этомъ способѣ можно съ достаточной тонкостью варіировать силу раздраженія; а пробные опыты убѣдили меня, что эта сторона дѣла имѣетъ большое вліяніе на качественную сторону самаго явленія; 2) раздраженіе производилось всегда по возможности продолжительное время.

Въ настоящей статьѣ я ограничусь описаніемъ эффектовъ раздраженія одного сѣдалищнаго нерва въ продолженіи 1' и болѣе. Раздраженіе производилось рядомъ индукціонныхъ ударовъ, получаемыхъ отъ вторичной спирали аппарата Дюбуа-Раймона съ прибавкою Гельмгольца, при одномъ Даніелѣ. Начну съ лягушекъ. Объектомъ для этихъ опытовъ имѣли служили лягушки двоякаго рода: однимъ (а) я перерѣзывалъ продолговатый мозгъ поперекъ по границѣ верхней его трети со среднею и изучалъ вліяніе раздраженія *nervi ischiadici* на оставшіеся дыхательные центры продолговатаго мозга; другимъ (б) я отрѣзывалъ только полусаріа головного мозга и изучалъ такимъ образомъ тѣ же явленія на животныхъ, у которыхъ, какъ объ томъ говорено было выше, щель бьется сравнительно правильнымъ ритмомъ.—Пріемы оставались тѣ же, что и въ опытахъ, въ описанныхъ первомъ отдѣлѣ, или же измѣнялись въ слѣдующемъ направленіи. Лягушка, подготовленная для опыта, прислонялась въ вертикальномъ положеніи крестцовой областью къ краю пробковой пластинки. Укрѣпленіе ея производилось въ мѣстѣ соприкосновенія съ пробкой и затѣмъ еще длинной булавкой, проткнутой въ горизонтальномъ направленіи черезъ кончикъ верхней челюсти. Эта булавка вкалывалась въ стодбикъ, приклеенный къ пробковой пла-

стинкѣ позади лягушки. Этотъ послѣдній способъ оказался очень удобнымъ.

Если сдѣлать цѣлый рядъ опытовъ, варьируя силу раздраженія, начиная отъ самыхъ слабыхъ токовъ до самыхъ сильныхъ, результаты окажутся чрезвычайно разнообразными, колеблющимися то въ сторону покоя, то въ сторону усиленной дѣятельности нашего органа. Стоитъ однако обратить только должное вниманіе на силу раздраженія, и явленія наши получаютъ характеръ довольно постоянный. По этому я, при описаніи результатовъ, раздѣляю ихъ на 3 категоріи, соответственно различной силѣ раздражающаго тока. Въ первую категорію войдутъ эффекты раздраженія нер. *ischiadici* токами, которые при постепенномъ придвиганіи вторичной спирали, первые обнаруживаютъ кивокъ-бы то ни было влияніе на дѣятельность дыхательной щели; такіе токи я назыву «слабыми». Токи по-сильнѣе, по эффектамъ своего дѣйствія отличающіеся отъ первыхъ, а назыву «средними». Наконецъ, токи еще сильнѣе (эффекты опять иные) — «сильными». Этими я не хочу сказать, чтобы между эффектами дѣйствія этихъ токовъ не существовало переходовъ, — раздѣленіе это дѣлается только для удобства описанія (*). Опыты, произведенные въ этомъ направленіи надъ лягушками а), дали слѣдующіе результаты:

Слабый токъ даетъ одиночное сокращеніе мышцъ щели.

Средній токъ даетъ рядъ сокращеній. Кроме того обыкновенно вслѣдъ за этимъ наблюдается слѣдующее явленіе: послѣ короткой паузы, вновь появляются сокращенія щели, кончающіяся обыкновенно тетаническимъ раскрытіемъ ея; затѣмъ наступаетъ снова пауза — фаза покоя, смѣняющаяся въ свою очередь новой фазой дѣятельности и т. д. Такого рода фазъ можно наблюдать нѣсколько.

(*) Вообще точное опредѣленіе этихъ силъ затруднительно на томъ основаніи, что они мѣняются (хотя не въ широкихъ границахъ) отъ одного животнаго къ другому и даже у одного и того-же животнаго, смотря по количеству времени, протекшему послѣ перерыва нерва. Силы эти, впрочемъ, легко устанавливаются послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ этомъ направленіи.

Если брать токъ *еще сильнее*, въ явленіи замѣчается слѣдующее измѣненіе: въ началѣ раздраженія гдѣ сокращенія мышцъ щели; если во время этого покоя прекратить дѣйствіе тока, щель дѣлаетъ одно или нѣсколько сокращеній (*).

Такъ какъ у лягушки съ отрѣзанными гемисферами (b) дыхательная щель бьется, и раздраженію сѣдалищнаго нерва приходится такимъ образомъ вриваться въ существующую уже ритмическую дѣятельность, то уже а priori можно ждать въ результатахъ опытовъ надъ лягушками b) нѣкоторыхъ отличій отъ лягушекъ a). Результаты, однако, оказались въ главныхъ чертахъ сходные.

Если щель бьется, то раздраженіе *neg. isch. слабымъ токомъ* учащаетъ ея бѣненія.

Во время раздраженія сѣдалищнаго нерва токомъ *средней силы* въ дѣятельности щели наблюдается періодичность, состоящая въ поочередномъ появленіи фазъ усиленной дѣятельности (вначалѣ раздраженія замѣчается именно этого рода фаза) и фазъ покоя щели.

Первый эффектъ *сильнаго* тока есть обыкновенно остановка бѣненій.

Эти опыты прибавляютъ, такимъ образомъ, еще новый фактъ періодической дѣятельности центровъ при постоянномъ раздраженіи съ периферіи. Они кромѣ того даютъ ключъ къ объясненію нѣкоторыхъ разнорѣчивыхъ показаній авторовъ по этому предмету. Такъ можно думать, что Кратчмеръ получалъ при раздраженіи газами периферическихъ аппаратовъ *trigemini* выдыханіе, а при раздраженіи самаго ствола индукціонными ударами—вдыханіе, оттого, что въ первомъ случаѣ раздраженіе было сильнѣе, чѣмъ во второмъ. Раздраженіе въ опытахъ Фалька всегда сильное (погруженіе значительныхъ участковъ кожи въ воду)—оттого и первый эффектъ постоянно выдыханіе и т. д.

(*) Подобное явленіе запаздыванія рефлекса наблюдается на лягушкахъ a) тоже при сильномъ раздраженіи кожи, напр. одиночнымъ прикосновеніемъ раскаленной проволокой и при сматив пальцами брюшныхъ внутренностей. Въ последнемъ случаѣ раскрытіе щели происходитъ обыкновенно только послѣ того какъ лягушка вынуждена лезъ руку.

Эти изслѣдователи производили однако свои опыты надъ теплокровными животными. Представленные объясненія, впрочемъ, согласны и съ моими опытами надъ кроликами, въ описаніи которыхъ я и перехожу (*).

Форма опытовъ. Кролику, укрѣпленному на Чермаковскомъ столикѣ, дѣлается трахеотомія. Въ дыхательную трубку плотно ввязывается двурогая стеклянная канюля. Одинъ рогъ ея (о) открытъ, — черезъ него кроликъ дышетъ до опыта; во время самаго опыта онъ закрывается такъ: на него надѣта коротенькая каучуковая трубка, которая и зажимается клещами. Другой рогъ канюли (в) сообщается съ внутренней полостью большаго стекляннаго баллона. Воздухъ въ этомъ баллонѣ, когда рогъ о) закроется, вслѣдствіе періодически другъ за другомъ слѣдующихъ выдыханій и выдыханій кролика, періодически то разрѣжается, то сдвливается. Эти колебанія записываются на вращающемся барабанѣ съ безконечной лентой при посредствѣ ртутнаго манометра, соединеннаго съ баллономъ стеклянной трубкой. Трубки, соединяющія трахею и манометръ съ баллономъ берутся по возможности короткія и широкія. На барабанѣ вромѣ того отмѣчается время въ секундахъ по способу Лудвига; переключателемъ тока при этомъ служитъ метрономъ. Моментъ начала раздраженія и конецъ его отмѣчается на бумажной лентѣ барабана, по данному сигналу помощникомъ. — Изъ этого описанія видно, что записываніе дыхательныхъ движеній въ моихъ опытахъ производится по способу аналогичному съ тѣмъ, который употребляетъ Герингъ при своихъ работахъ надъ дыханіемъ. Я предпочитаю этотъ методъ способу регистрированія дыханія при посредствѣ каучуковой подушечки, приложенной снаружи къ грудной кѣткѣ, на томъ основаніи, что, какъ извѣстно, при послѣднемъ способѣ, наблюдаемые (на кривыхъ) эффекты зависятъ при прочихъ равныхъ условіяхъ оттого, въ какомъ мѣстѣ приложена подушечка. Случается, что въ то время какъ въ одномъ мѣстѣ грудной кѣтки мышцы работаютъ, въ другомъ онѣ недейтель-

(*) Само собой разумѣется, что эти объясненія слѣдуетъ разсматривать только какъ вѣроятныя предположенія; такъ какъ я въ своихъ опытахъ раздражалъ только сѣдалищный нервъ.

ны или даже работают въ противоположномъ направ-
ду тѣмъ при томъ способѣ, который я употреблялъ,
заносится результаты дыхательности всѣхъ мышцъ, уча-
въ наблюдаемыхъ дыхательныхъ движеніяхъ. Главнѣи-
шихъ принятаго мною способа заключается въ слѣдующе-
мъ опыте воздухъ въ баллонѣ, вслѣдствіе потреби-
мы О, и выдыханія СО₂, измѣняется, а это обстоя-
тельство не безъ вліянія на дыхательную дѣятельность
его, чтобы контролировать этотъ недостатокъ, я ус-
ло такъ: я заставлялъ животныхъ дышать этииъ
пространствомъ безъ раздраженія нервовъ и записи-
тельные движенія на барабанѣ. При этомъ оказало
члвва со 2-й минуты послѣ зашкканія трубочки о)
ты съ раздраженіемъ я начиналъ всегда около этого
теченіи одной, двухъ минутъ, дыханія становятся
на 1, 2 вдоховъ въ 5'' рѣже (напр. такъ: въ кон-
нута послѣ зашкканія боковой трубочки, животное
теченіи 5'' двѣнадцать вдоховъ, а вначалѣ четвер-
десять, одиннадцать вдоховъ въ 5''); за то сила
хоть нѣсколько увеличивается. Измѣненія эти про-
но, постепенно. Эти данныя и слѣдуетъ принимать
при разсматриваніи результатовъ опыта.

На кролики, какъ и на лягушки, сила
сила самого раздражителя имѣетъ большое вліяніе
эффектовъ. И здѣсь всѣ разнообразныя эффекты,
идея на дыхательныхъ движеніяхъ при раздраже-
снiadicі, можно свести къ тремъ главнымъ
ответственнымъ 3-мъ градаціямъ въ силѣ раздра-
Опыты въ этомъ направленіи дали слѣдующіе ре-

Слабый токъ производитъ постоянно учаща-
нато ритма; отдѣльные вдохи при этомъ станов-
видѣ прииѣра прижоу (на рис.) кривую 1, получен-
при раздраженіи сѣдалищнаго нерва рядомъ сла-
ныхъ ударовъ. Въ ней АВ представляетъ ту ч-
торая написана манометромъ до раздраженія; то-
ласть съ γ—моментомъ начала раздраженія не

время оти́чено въ секундахъ. Никакихъ измѣненій въ правильности дыхательнаго ритма слабый токъ не производитъ. Если раздѣлить время на промежутки въ 5" и сосчитать число дыханій въ каждомъ послѣдовательномъ такомъ промежуткѣ, то вся наша кривая (на рисунокѣ представлена только часть ея) выразится слѣдующимъ рядомъ цифръ:

10, 10, 9, 10, 9, 11, 11, 10, 9, (начало раздраж.)
13, 12, 11, 10, 11, 11, 10, 10, 11; 10, (конецъ раздр.) 11,
9, 10, 9, 9, 9, 9.—

Еще до раздраженія, на промежуткѣ 6 мъ и 7-мъ замѣтно учащеніе ритма (съ 10, 9 дыханій въ 5" на 11). Это явленіе я наблюдалъ постоянно вслѣдъ за осторожной укладкой нерва на электроды (при замкнутомъ еще ключѣ). Въ описанномъ опытѣ укладка нерва началась въ 5-мъ промежуткѣ (этотъ моментъ тоже оти́чался помощникомъ); эта манипуляція длится нѣсколько секундъ и всегда ведетъ за собой незначительное учащеніе ритма, длящееся 5, много 10 секундъ. Если нервъ случайно вытягивается сильнѣе — эффекты получаютъ уже иные, соответствующіе болѣе сильному электрическому раздраженію нерва, объ которомъ рѣчь будетъ ниже.

Тотчасъ послѣ окончанія раздраженія замѣчается еще нѣкоторое время учащеніе ритма, что тоже обыкновенно наблюдается при этихъ опытахъ. Это явленіе должно разсматривать по всей вѣроятности какъ слѣдъ раздраженія (Nachwirkung).

Описанные эффекты раздраженія п. ischiadici слабымъ токомъ длятся обыкновенно все время, пока дѣйствуетъ токъ (я раздражалъ впродолженіи одной, двухъ минутъ). Въ приведенномъ примѣрѣ раздраженіе длилось 50". Привожу числа другаго примѣра, въ которомъ раздраженіе продолжалось около 2':

9, 9, ?, 8, 8, 7, 9, 8, 6, 7, 7, (нач. раздр.) 8, 9, 9,
, 8, 10, 12, 12, 9, 9, 10, 9, 9, 8, 8, 8, 7, 8, 7, 7, 8,
, 8, 7, 7, 7, (кон. раздр.) 7, 7, 7, 7, 7, 6, 8, 6, 7, 7,
, 6, 7 (*).

(*) И здѣсь отдѣльныя цифры представляютъ число дыханій въ послѣдательные промежутки въ 5".

Въ этомъ опытѣ нервъ положенъ на электроды до замкнута боковой трубочки *o*); число *9* въ седьмомъ промежуткѣ говоритъ какъ бы за временное учащеніе, однако въ предшествующемъ промежуткѣ (шестомъ) стоитъ *7*, такъ что сумма обоихъ промежутковъ (*16*) равняется суммѣ двухъ предшествующихъ имъ. Кроме того я не вводилъ дробей, а собственно на самой кривой видно, что половина первого вдоха седьмого промежутка принадлежитъ пятому. — Въ этомъ примѣрѣ «слѣдъ» раздраженія замѣтенъ еще долѣе, чѣмъ въ первомъ; можетъ быть оттого, что самое раздраженіе продолжалось долѣе? ⁽¹⁾ На рисункѣ кривой этого опыта замѣчается еще слѣдующее явленіе: глубина дыханій, которая въ началѣ раздраженія по прежнему уменьшается, съ теченіемъ раздраженія постепенно увеличивается и доходитъ даже до размѣровъ, превосходящихъ норму. Такого рода явленіе я замѣчалъ обыкновенно, если раздражающій токъ взять послѣднѣе «слабаго» ⁽²⁾.

Явленія, замѣчаемыя на дыхательныхъ движеніяхъ при раздраженіи пер. *isch.* токами средней силы, отъ момента начала раздраженія въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ (кривая 2-ая, какъ примѣръ). 1) Рядъ мелкихъ, частыхъ вдоховъ, иногда держащихся нѣкоторое время на инспираціи (напр. на нашей кривой — при *i, i'*) — отъ *B* до *C*. 2) Затѣмъ (отъ *C* до *D*): длинное выдыханіе (*ex*); нѣсколько вдоховъ, долго держащихся на выдыханіи

(1) Въ настоящемъ случаѣ цѣры (если-бы не было «слѣдовъ») должны бы были, судя по контрольнымъ опытамъ, по окончаніи раздраженія уменьшиться сравнительно съ цѣрами послѣднихъ промежутковъ до раздраженія: а между тѣмъ онѣ начинаютъ уменьшаться только по прошествіи 40''.

(2) Этотъ опытъ отличается отъ первого еще тѣмъ, что въ немъ максимумъ учащенія ритма падаетъ не на начало дѣйствія тока, а появляется послѣ 30'' раздраженія. Токъ, которымъ я дѣйствовалъ въ этомъ опытѣ, названъ въ записной книжкѣ (еще до рассмотрѣнія результатовъ), токкомъ «большое слабаго». При описаніи эффектовъ раздраженія токами средней силы читатель увидитъ, что тамъ около 30-ой секунды всегда наступаетъ учащеніе (сравнительно съ началомъ дѣйствія тока). Такимъ образомъ послѣдній примѣръ представляетъ какъ бы переходъ отъ слабаго раздраженія къ среднему.

(e, e, e....); два или нѣсколько сильныхъ вздоховъ, выдыханіе; два или нѣсколько сильныхъ вздоховъ, опять выдыханіе и т. д. Это періодическое появленіе выдыханій, которыя обыкновенно постепенно укорачиваются, продолжается обыкновенно до 25'', 30''. Затѣмъ уже не замѣчается никакихъ неправильностей въ ритмѣ вплоть до конца раздраженія (1); измѣненія обнаруживаются только въ частотѣ и силѣ дыханій: 3) послѣ описаннаго, дыханія становятся чаще и полнее (отъ Д до Е). Это учащеніе длитя обыкновенно около 15''. Частота ритма при этомъ рѣдко превышаетъ частоту ритма до раздраженія, а обыкновенно только доходитъ до послѣдней. 4) Вслѣдъ затѣмъ дыханія становятся нѣсколько рѣже, и такъ дѣло продолжается вплоть до окончанія раздраженія. Вотъ числовыя данныя всей кривой 2-й смыслъ отдѣльныхъ цифръ тотъ-же, что и въ предыдущихъ случаяхъ)

5''
 11, 9, 9, 8, 8, 9, 11, 9, 9, 8, (нач. раздр.) 4 e, I e,
5''
e, I e, I e, I | П e, П e, П e, | Ш e, П e, I | П e, V | 9 (II, 7) |
 , 7, 7, 6, 6, 5, 6, 6, 6, 5, 6, 6, 6, 6, 6, 6, (кон. раздр.)
 , 8, 7, 7, 7, 7, 8.

Звѣздочка на шестомъ промежуткѣ означаетъ, что въ это время началась укладка нерва на электроды. Римскія цифры употреблены для обозначенія глубокихъ дыханій, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, обозначенныхъ арабскими. Буква e, поставленная вслѣдъ за какой нибудь цифрой, означаетъ, что въ предшествующемъ ей вздохѣ экспирація удлинена.—Въ этомъ опытѣ въ началѣ раздраженія мелкихъ вздоховъ четыре; обыкновенно же число ихъ больше, около семи. На рисунокѣ кривой 2-ой видно, что болѣе глубокия и рѣдкія дыханія у W переходятъ болѣе частыя и пологія сразу,—я это наблюдалъ почти постоянно.

Съ возрастающей силой раздражающаго тока въ явленіи замѣчаются слѣдующія измѣненія (кривая 3-я какъ примѣръ):

(1) Раздраженіе среднимъ токомъ производилось въ теченіи двухъ, трехъ минутъ,—не долѣе.

а) періодическій рядъ выдыханій, отдѣленныхъ другъ отъ друга нѣсколькими вдохами (см. кривую 2-ую отъ С до D), выпадаетъ: послѣ длиннаго выдыханія слѣдуютъ глубокіе вдохи съ удлинненными выдыханіями, которыя постепенно укорачиваются (кривая 3, CD); б) количество мелкихъ вдоховъ въ началѣ раздраженія постепенно уменьшается до полнаго пропаданія (напр. кривая 4-ая (B), взятая отъ животнаго, у котораго предварительно перерѣзаны оба vagi); в) учащеніе вслѣдъ за періодомъ выдыханій (CD) становится менѣе рѣзкимъ.—Такимъ образомъ послѣдовательныя явленія, замѣчаемыя при раздраженіи п. isch. сильными токами, представляются въ слѣдующемъ видѣ: 1) два, три мелкихъ вдоха, или же прямо: 2) длинное выдыханіе; затѣмъ 3) рядъ глубокихъ вдоховъ, держащихся долго на выдыханіи; эти выдыханія постепенно укорачиваются и переходятъ (обыкновенно не такъ рѣзко какъ при раздраженіи среднемъ) въ 4) рядъ дыханій, происходящихъ съ частотой, уступающей нормѣ (до раздраженія), и такъ дѣло продолжается обыкновенно вплоть до конца раздраженія.

Вотъ числовыя данныя кривой 3-й:

?, ?, ?, ?, ?, 12, 15, 12, 13 (нач. раздр.), з. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 8, 8, 7, 7, (кон. раздр.), 10, 9, 9, 9, 9.

Числовыя данныя кривой 4-ой слѣдующія:

2, 3, 3, 3, 3, 2, 3, 2, 3, 3, 2, 3 (нач. раздр.), в (1?), 1, 2, 2, 2, 3, 2, 3, 2, 2, 2, 2; 2, 2, 2, 2, 2, 2, 3, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 1, (кон. раздр.), 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 1, 2.

Изъ этого описанія эффектовъ раздраженія п. ischiadici на кроликѣ видно, что они въ главныхъ чертахъ сходны съ эффектами, полученными при тѣхъ-же условіяхъ на лягушкѣ. Сила раздраженія и тутъ имѣетъ первенствующее вліяніе на качество эффекта. Слабый токъ въ обоихъ случаяхъ производитъ учащеніе ритма. На лягушкахъ подъ вліяніемъ токовъ средней силы періодичность въ дѣятельности щели рѣзкая; на кроликѣ она тоже существуетъ, но здѣсь отдѣльные періоды не раздѣляются на

узами (полнымъ покоемъ) (1). Выпадение перваго періода дѣятельности подѣ влияніемъ сильнаго тока на лягушкѣ наблюдать не трудно; на кроликѣ-же обыкновенно длинному выдыханію предшествуетъ по крайней мѣрѣ одна инспирація.

Дальнѣйшую разработку этого вопроса я предпринялъ въ слѣдующемъ направленіи. Въ описанныхъ опытахъ искусственное раздраженіе *ner. ischiadici* врывается въ дѣятельность работающаго аппарата. Эта сторона вопроса, повидимому, можетъ быть упрощена: извѣстно, что животное можно, посредствомъ усиленнаго искусственнаго вдыванія воздуха въ легкія, привести въ состояніе «арпоё» — состояніе покоя дыхательныхъ мышцъ. Если раздражать *n. ischiad.* на кроликѣ во время этого состоянія, эффекты раздраженія на дыхательные центры должны быть повидимому проще и ужь во всякомъ случаѣ чище, чѣмъ въ вышеописанныхъ опытахъ (2). При этомъ я еще имѣлъ въ виду слѣдующую мысль: дыхательный аппаратъ въ состояніи арпоё напоминаетъ собой локомоторный аппаратъ въ покойномъ состояніи; подобная форма опытовъ представляетъ такимъ образомъ еще выгоды для сравненія эффектовъ раздраженія *n. ischiadici* на дыхательномъ аппаратѣ съ эффектами такого раздраженія на локомоторномъ.

Предварительные опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи, дали, однако, вмѣсто ожидаемой простоты, результаты очень разнообразныя. Причина этого разнообразія должна быть, повидимому, отнесена къ различной въ отдѣльныхъ случаяхъ продолжительности арпоё, а, можетъ быть, и къ качественному различію

(1) Нѣсколько пробныхъ опытовъ съ продолжительнымъ раздраженіемъ *ner. vagi* токами средней силы убѣдили меня въ томъ, что этотъ нервъ тоже производитъ періодическія измѣненія въ самой правильности дыхательнаго ритма. Эти измѣненія однако длятся несравненно болѣе долгое время, нежели описанныя измѣненія въ правильности ритма при раздраженіи *n. ischiadici*; такою такого рода опыты слѣдуетъ дѣлать при посредствѣ метода регистрированія дыханій, позволяющаго продлить наблюденіе гораздо долѣе, чѣмъ то допускаетъ форма опытовъ, которую я употреблялъ до сихъ поръ.

(2) Даже въ томъ случаѣ, если получатся результаты отрицательныя.

этого явления въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, что имѣ въ настоящее время слѣдуетъ объ изслѣдованію причинъ различной въ отдѣльныхъ случаяхъ продолжительности арпоё, а затѣмъ уже, если устраненіе причинъ окажется возможнымъ, приступить къ изслѣдванію фактовъ раздраженія чувствующихъ нервовъ на животныя арпоё (*).

Главнѣйшіе выводы этой работы суть слѣдующіе

1) Отражательная группа мышцъ дыхательной гонки заложена въ нижнихъ двухъ третяхъ цѣлого мозга.

2) Рефлекторные центры каждой створки щелевой полости расположены въ соответствующихъ половинахъ центральной нервной системы.

3) Рефлекторные центры дыхательной щели входят въ періодическую дѣятельность при постоянномъ раздраженіи съ периферіи.

4) Нормальная ритмическая дѣятельность этой группы обуславливается цѣлостью связи ихъ съ средними лобными извилинами мозга.

5) Можно думать, что въ среднихъ частяхъ мозга и въ верхнихъ отдѣлахъ продолговатаго мозга существуютъ эквивалентныя (по отношенію къ центрамъ мозга) периферическіе аппараты другихъ нервовъ тѣла.

(*) Одна изъ причинъ, вліяющихъ на продолжительность жизни недавно Локенбергомъ («Ein Beitrag zur Lehre über die Folgen der Verhinderung der Physik-Medic. Gesellsch. in Würzburg», Folge, IV B. 4 Schluss-Heft, стр. 239): На основаніи своихъ изслѣдованій ходитъ къ слѣдующему положенію (стр. 245): «при существованіи легкіхъ увеличиваетъ продолжительность этого состоянія воздуха изъ легкіхъ въ большей части случаевъ пресѣкаетъ или же по крайней мѣрѣ значительно укорачиваетъ».

6) Раздвоение продолговатаго мозга вдоль не производит расстройства координаціи движеній дыхательной щели.

7) Координація движеній створокъ щели обусловливается цѣлостью связи между правой и лѣвой половинами головного мозга на протяженіи отъ *congr. bigem.* до продолговатаго мозга включительно.

8) Первый эффектъ раздраженія нижней трети полушарій головного мозга есть угнетеніе дѣятельности щели. Это тормозящее дѣйствіе распространяется по опредѣленнымъ путямъ.

9) Первый эффектъ раздраженія четверныхъ возвышеній есть усиленіе дѣятельности щели.

10) При продолжительномъ раздраженіи слабыми индукціонными ударами четверныхъ возвышеній, въ дѣятельности щели обнаруживается періодичность, состоящая въ поперебномъ появленіи фазъ дѣятельности и фазъ покоя этого органа.

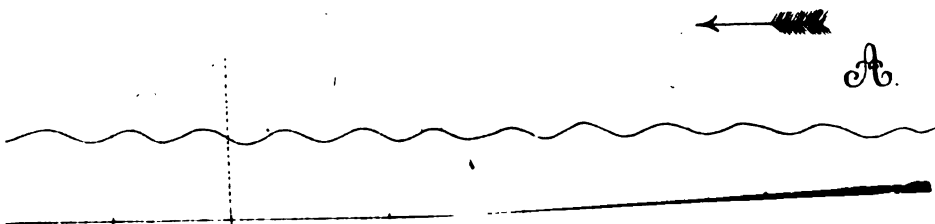
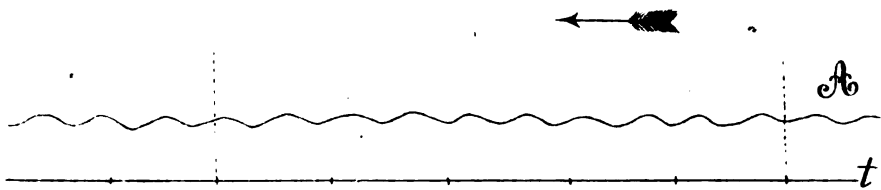
11) Качественная сторона эффектовъ, которые обнаруживаются на дыхательной щели лягушки и на дыхательныхъ движеніяхъ кролика при раздраженіи *per. ischiadici* рядомъ индукціонныхъ ударовъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ силы раздражающаго тока.

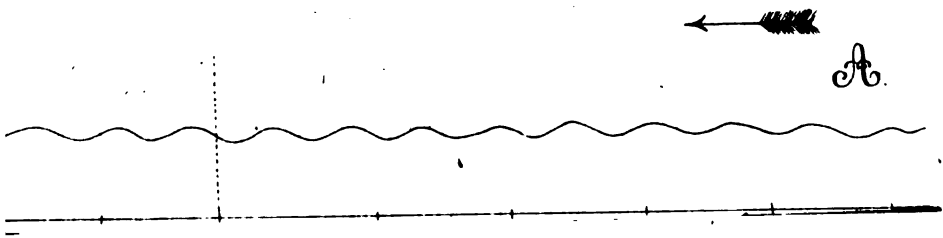
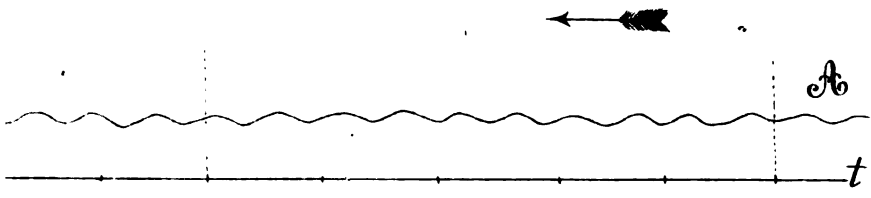
12) Слабый токъ даетъ учащеніе.

13) Средній токъ производитъ періодически появляющіеся смѣненія въ правильности ритма дыхательныхъ движеній.

14) Сильный токъ въ началѣ своего дѣйствія на лягушекъ негаситъ существующія движенія, а на кроликовъ производитъ тановку въ выдыханіи.

КИНЕМАТИКА.

составилъ В. Лигинъ,

ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧИСТАЯ КИНЕМАТИКА.

КИНЕМАТИКА.

составилъ В. Лигинъ,

ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧИСТАЯ КИНЕМАТИКА.

ВВЕДЕНИЕ.

Кинематика есть ученіе, относящееся къ области какъ теоретической, такъ и практической механики. Чтобы опредѣлить предметъ и ея задачи, надо уяснить отношенія ея къ этимъ двумъ наукамъ и указать на мѣсто, какое она занимаетъ въ ряду ихъ различныхъ подраздѣленій.

Механика есть наука о движеніи и о причинахъ движенія. Такое это опредѣленіе уже укрупчиваетъ на двѣ совершенно различныя стороны предмета.

Первую, ближайшую задачу механики составляетъ изслѣдованіе одного только движенія, разсматриваемаго независимо отъ причинъ его производящихъ. Наука о движеніи въ такомъ смыслѣ, изученіе которой должно слѣдовать непосредственно за изученіемъ геометріи, существенно отличается отъ науки о пространствахъ введеніемъ новаго понятія, понятія о времени, употребляемъ движущимся образомъ для перехода изъ одного его положенія въ другое. Уже въ геометріи часто прибѣгаютъ къ сообщеніямъ, основаннымъ на понятіи о движеніи. Для примѣра итъ припомнить опредѣленія, какія даютъ кривой, называемой циклоидою, поверхностямъ и тѣламъ вращенія, и проч. Циклоида, какъ извѣстно, есть линія, которую описываетъ опредѣленная какъ данной окружности, катящейся по неподвижной прямой; поверхности и тѣла вращенія происходятъ чрезъ обращеніе определенныхъ кривыхъ или поверхностей около неподвижной оси, и т. д. Въ этихъ примѣрахъ введеніе понятія о движеніи необходимо; иногда же геометрія пользуется имъ только съ цѣлью дать извѣстнымъ представленіямъ болъшую степень ясности и определенности. Такъ, вмѣсто того, чтобы опредѣлять шаровую поверхность какъ геометрическое мѣсто всѣхъ точекъ, лежащихъ на

одинаковомъ разстояніи отъ одной данной точки, часто воображаютъ ту же поверхность произведенною обращеніемъ полуокружности около ея діаметра; и, дѣйствительно, нельзя не согласиться, что послѣднее опредѣленіе приводитъ къ представленію болѣе ясному и наглядному, чѣмъ первое; причину такой наглядности, по всей вѣроятности, нужно искать въ томъ обстоятельстве, что понятіе о движеніи принадлежитъ къ самымъ отчетливымъ изъ всѣхъ представленій, которыя слагаются въ нашемъ воображеніи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда геометрія прибѣгаетъ къ болѣе или менѣе сложнымъ представленіямъ движенія, понятіе о времени совершенно не принимается въ расчетъ; для геометрическихъ вопросовъ важно и достаточно одно — чтобы движущіяся точки, линіи или поверхности совокупно переходили въ свои соотвѣтственные положенія, тогда какъ время, употребляемое ими для перехода изъ одного положенія въ другое, или законъ измѣненія положенія со временемъ въ теченіи этого перехода, остаются вполне неопредѣленны. Наоборотъ, въ наукѣ о движеніи, изучаемомъ независимо отъ его причинъ, рассматриваются большей частью движенія вполне опредѣленныя, при чемъ время составляетъ существенный элементъ. Объяснимся подробнѣе.

Вообразимъ, что мы наблюдаемъ движеніе какого нибудь тѣла въ пространствѣ. Всякое тѣло, отвлекаясь отъ его вещественныхъ свойствъ, можно рассматривать какъ совокупность очень большого числа геометрическихъ точекъ. Движеніе тѣла познается изъ движенія точекъ его составляющихъ. Но извѣстно, что положеніе точки въ пространствѣ опредѣляется посредствомъ разстояній или угловъ, считаемыхъ отъ постоянныхъ, неподвижныхъ осей и называемыхъ координатами. Измѣряя координаты опредѣленной точки наблюдаемаго движущагося тѣла въ каждое мгновеніе движенія, мы будемъ знать рядъ послѣдовательныхъ ея положеній и будемъ въ состояніи построить кривую или прямую линію, образующую пройденный точкою путь. При этомъ опредѣленіи пути мы пользуемся только одною геометріею. Если же, сверхъ того, мы замѣтимъ время, протекшее между каждыми двумя послѣдовательными наблюденными положеніями рассматриваемой точки, то ея движеніе будетъ вполне опредѣлено, потому что мы

будемъ въ состояніи отличить его отъ всѣхъ другихъ движеній, или по виду описаннаго точкою пути, или по различію временъ, употребляемыхъ точкою на прохожденіе одинаковыхъ пространствъ. Точно такъ же можно опредѣлить движеніе другихъ точекъ наблюдаемаго тѣла, а слѣдовательно и движеніе послѣдняго. Такимъ образомъ видимъ, что, изучая движеніе только какъ явленіе, отвлекаясь вполнѣ отъ причинъ его производящихъ, отвлекаясь даже отъ матеріальности, т. е. отъ вещественныхъ свойствъ тѣлъ, и рассматривая ихъ съ точки зрѣнія чисто геометрической, можно съ помощью только геометріи и вычисленія, безъ всякаго новаго теоретическаго или опытнаго начала, находить общія свойства движенія; и какъ эти общія свойства получаютъ независимо отъ тѣхъ болѣе или менѣе гипотетичныхъ свѣдѣній, которыя мы, при современномъ состояніи нашихъ знаній, можемъ имѣть о составѣ и строеніи тѣлъ, то они обладаютъ всею общностью и непреложностью чисто геометрическихъ истинъ.

На такой геометрической методъ изслѣдованія движенія указали въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія Карно⁽¹⁾, Вронскій⁽²⁾ и Амперъ⁽³⁾. Амперъ же первый предложилъ⁽⁴⁾ для

(1) Carnot, «Essai pour les machines en général», nouvelle édition, Dijon, 1786; та же мысль о пользѣ ученія о движеніи, рассматриваемомъ независимо отъ причинъ его производящихъ, была повторена этимъ ученымъ позднѣе въ его «Géométrie de position», 1803, p. 336 — 338, и въ одномъ сообщеніи, сдѣланномъ въ парижской академіи наукъ 4-го марта 1811 года и перепечатанномъ въ сочиненіи Гашетта «Traité élémentaire des machines», 2-me édition, p. XXIV.

(2) Wronski, «Système architectonique absolu de l'Encyclopédie du sa voir humain», статья, помѣщенная въ 1818 году въ первомъ номерѣ періодическаго изданія Sphinx, котораго вышло только два номера. Въ этой статьѣ, какъ замѣтилъ въ новѣйшее время Трансонъ (Trançon, «Loi des séries de Wronski; sa phononomie», Nouvelles Annales de mathématiques, 2-me série, T. XIII, an. 1874, p. 305 — 318), Вронскій, 16 лѣтъ до Ампера, которому обыкновенно приписываютъ основаніе науки о движеніи, рассматриваемомъ независимо отъ силъ, уже вполнѣ опредѣлилъ ту же науку подъ названіемъ *форомоміи*. Вронскій помѣщаетъ это ученіе между подраздѣленіями чистой математики съ предупрежденіемъ «pas à confondre avec la mécanique dans laquelle entre de plus la considération des forces».

(3) Ampère, «Essai sur la philosophie des sciences», an. 1834, T. I, p. 50 — 53.

(4) Ibid.

ученія, ииѣющаго цѣлью геометрическое изслѣдованіе всѣхъ *необходимыхъ* свойствъ всякаго движенія, независимыхъ ни отъ причинъ послѣдняго, ни отъ вещественныхъ свойствъ движущихся образцовъ, названіе *кинематика*, происходящее отъ греческаго κίνημα — движеніе. Впрочемъ Амперъ, какъ мы скоро увидимъ, придавъ этому наименованію болѣе обширное значеніе, разумѣя подъ кинематикою не только геометрическую теорію движенія, въ указанномъ выше смыслѣ, но и приѣненіе этой теоріи къ изслѣдованію нѣкоторыхъ частей машинъ, относящееся къ области практической механики. Поэтому для теоретической части Амперовой кинематики были предложены особыя названія — *чистая кинематика* или *форономія* (отъ греческ. φορδ, перемѣщеніе, и νόμος, законъ) (5), въ отличіе отъ приложенія ея къ элементамъ машинъ, которому тогда приличествуетъ названіе *кинематики прикладной*.

Какъ мы увидимъ, всякое движеніе, особенно сложныхъ образцовъ или тѣлъ, обладаетъ нѣкоторыми свойствами, не зависящими даже отъ понятія о времени; если выдѣлить эти свойства въ одно отдѣльное цѣлое, то получится еще особая часть чистой кинематики, которая составляетъ истинное звено соединенія между геометриєю и механикою и которую нѣкоторые авторы называютъ *геометрією движенія* (6) или *кинематическою геометрією* (7). Тогда второй части чистой Кинематики, основанной почти исключительно на геометріи, но присоединяющей къ тремъ измѣреніямъ послѣдней еще одно—время, справедливо было бы приписать наименованіе *геометріи четырехъ измѣреній*, которое Лагранжъ предлагалъ для механики вообще (8).

(5) Названіе *чистая кинематика* (cinématique pure) введено французскимъ геометромъ Резалемъ. Терминъ же *форономія* былъ, какъ мы видѣли, предложенъ еще Вронскимъ; онъ преимущественно употребителенъ въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ.

(6) Schell, «Theorie der Bewegung und der Kräfte».

(7) Aronhold, «Vorlesungen über kinematische Geometrie». Verhandlungen des Vereins zur Beförderung des Gewerbfleisses in Preussen. 1872.

(8) «Comme la position d'un point dans l'espace dépend de trois coordonnées x, y, z , ces coordonnées dans les problèmes de mécanique seront censées être des fonctions du temps t . Ainsi on peut regarder la mécanique comme une géométrie à quatre dimensions, et l'analyse mécanique est comme une extension de l'analyse géométrique». Lagrange, «Théorie des fonctions analytiques». an. 1813. § 185.

Второй основной вопрос, служащий предметом механики, состоитъ въ изученіи причинъ движенія. Въ слѣдствіе общаго свойства матеріи, называемаго инерціею, тѣло, находящееся въ покоѣ, не можетъ прийти въ движеніе, а такъ же тѣло, находящееся въ опредѣленномъ движеніи, не можетъ измѣнить этого движенія, само собою; для этого необходимо дѣйствіе на него какихъ либо внѣшнихъ причинъ. Такія причины, производящія (или стремящіяся произвести) движеніе или измѣненіе движенія, называютъ *силами*. Вопросы относительно силъ и ихъ дѣйствія не подлежатъ изслѣдованію чистой кинематики, такъ какъ она разсматриваетъ движеніе именно независимо отъ силъ. А между тѣмъ изученіе причинъ движенія и розысканіе соотношеній, существующихъ между этими причинами и производимыми ими движеніями, въ высшей степени важно для приложеній. Изслѣдованіе движенія съ этой новой точки зрѣнія, принимая во вниманіе его причины и вещественныя свойства движущихся образцовъ, составляетъ предметъ второй части механики, известной подъ названіемъ *динамики* (отъ греческ. *δυναμις*, сила); она представляетъ совокупность истинъ и началъ, служащихъ основаніемъ для рѣшенія двоякой задачи: когда даны или, дѣйствующія на тѣло, опредѣлить движеніе или измѣненіе движенія, которое онѣ производятъ; и, наоборотъ, зная движеніе тѣла, найти силы, подъ вліяніемъ которыхъ это движеніе происходитъ.

Но силы, дѣйствующія на тѣло, могутъ быть таковы, что тѣло не измѣняютъ своимъ дѣйствіемъ состоянія этого тѣла. Такъ, тѣло, находившееся первоначально въ покоѣ, можетъ оставаться въ покоѣ и тогда, когда на него подѣйствуютъ извѣстныя силы; это — явленіе, которое мы наблюдаемъ ежедневно. Точно такъ же тѣло, находящееся въ опредѣленномъ движеніи, можетъ не измѣнить этого движенія, когда на него повліяютъ новыя силы. Въ этихъ случаяхъ, когда тѣло отъ дѣйствія нѣкоторыхъ силъ измѣняетъ своего состоянія покоя или движенія, говорятъ, что тѣло находится *въ равновѣсіи* подъ вліяніемъ этихъ силъ. Вопросы о равновѣсіи, какъ вопросы о частномъ случаѣ дѣйствія силъ, могли бы составить отдѣльную главу динамики. Тѣмъ не менѣе, въ виду обширности и чрезвычайной важности этихъ

вопросъ для приложений и въ слѣдствіе другихъ, чисто научныхъ причинъ⁽⁹⁾, справедливо предпочитаютъ излагать ученіе о равновѣсіи отдѣльно отъ ученія о движеніи. Такъ происходитъ еще третій отдѣлъ механики, предметомъ котораго служатъ изслѣдованія одного равновѣсія; этотъ отдѣлъ еще у древнихъ получилъ названіе *статики* (отъ греческ. *στατική*, подразум. *θεωρία* или *ἐπιστήμη*, наука о вѣсѣ, о взвѣшиваніи)⁽¹⁰⁾.

Въ историческомъ развитіи науки, происхожденіе статики значительно древнѣе происхожденія динамики. Первые труды, относящіеся къ теоріи равновѣсія тѣлъ, мы находимъ еще у Архимеда (III стол. до Р. X.); ему приписываютъ открытіе одного изъ основныхъ законовъ всей статики, извѣстнаго начала равновѣсія рычага; основываясь на этомъ началѣ, Архимедъ пришелъ къ цѣлому ряду важныхъ статическихъ теоремъ, которыя составляютъ предметъ двухъ отдѣльныхъ книгъ изъ его дошедшихъ до насъ сочиненій. Такимъ образомъ, наукѣ о равновѣсіи было положено начало еще у древнихъ. Но чтобы указать на первый примѣръ рѣшенія динамической задачи, приходится перешагнуть цѣлыхъ восемнадцать столѣтій и перейти отъ Архимеда къ Галилею (1564 — 1642); «громадный промежутокъ времени, разделяющій этихъ двухъ гениевъ», говоритъ Лагранжъ, «совершенно исчезаетъ въ исторіи механики». Галилей первый нашелъ законы паденія тѣлъ, подверженныхъ дѣйствию силы тяжести, и тѣмъ положилъ начало наукѣ о движеніи. Затѣмъ Гюгенсъ (1629—1695), Ньютонъ (1642—1727) и ихъ послѣдователи, развивая идеи Галилея, достигли рѣшенія весьма многихъ вопросовъ, относящихся къ опредѣленію движенія тѣлъ подъ вліяніемъ данныхъ силъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что всѣ теоретическіе вопросы, которые могутъ представляться при изученіи движенія, рѣ-

(9) Объ этихъ причинахъ и вообще о необходимости самостоятельнаго изложенія статики сравн. Duhamel, «Cours de mécanique», préface de la seconde édition.

(10) *στατική* — женскій родъ прилагательнаго *στατικός*, подлежащій взвѣшиванію, вѣсящій, происходящаго отъ глагола *στημι*, кладу, ставлю, взвѣшиваю. Слово *στατική* въ смыслѣ науки о взвѣшиваніи и равновѣсіи встречается уже у Платона.

шаются чистою кинематикою, статикою и динамикою. Эти отдѣльныя части, имѣя конечною цѣлью теоретическое изслѣдованіе отвлеченныхъ явленій, производимыхъ силами, составляютъ въ совокупности одну науку, извѣстную подъ общимъ названіемъ *теоретической* или *раціональной механики*. При этомъ эпитетъ «раціональная» (отъ лат. *ratio*, разумъ) указываетъ на то обстоятельство, что изслѣдованія и выводы этой науки прилагаются непосредственно къ движущимся образамъ фиктивнымъ, существующимъ въ точности только въ нашемъ воображеніи и въ которыхъ дѣйствительныя тѣла природы подходятъ только приближенно.

Главныя примѣненія теоретическая механика встрѣчаетъ въ астрономіи, въ физикѣ и въ техникѣ. Изслѣдованіе движенія небесныхъ тѣлъ составляетъ отдѣльную науку — небесную механику, обязанную своимъ происхожденіемъ Ньютону и Лапласу и представляющую въ настоящее время одну изъ самыхъ законченныхъ отраслей точнаго знанія. Причины почти всѣхъ физическихъ явленій теперь ищутся въ движеніи малѣйшихъ частицъ тѣлъ или особенныхъ жидкостей, такъ что изученіе явленій звука, свѣта, тепла, электричества и магнетизма основывается цѣликомъ на механическихъ истинахъ. Но самое непосредственное и практическое приложение ученія о движеніи и силахъ съ давнихъ поръ находило въ машиновѣдѣніи, на что указываетъ уже самое названіе механики, происходящее отъ греческ. *μηχανή*, машина; совокупность всѣхъ относящихся сюда примѣненій составляетъ предметъ цѣлаго ряда прикладныхъ наукъ, которыя извѣстны подъ однимъ общимъ наименованіемъ *практической механики*.

Чтобы обозрѣть содержаніе различныхъ отдѣловъ ученія о машинахъ, необходимо прежде всего остановиться на общемъ предметѣ ихъ изслѣдованія.

Машиною называютъ всякій сварядъ, служащій для того чтобы воспринять опредѣленную силу, преобразовать сообразно своимъ требованіямъ эту силу самостоятельно и передать ее на другое тѣло или матеріалъ. Источникъ, изъ котораго машина воспринимаетъ силу, называется *двигателемъ*. Къ двигателямъ, преимущественно употребительнымъ въ современной промышленности, относятся: паденія воды, водяной паръ, воздухъ въ сжатомъ и

нагрѣтомъ состояніи, вѣтеръ, мускулы человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ, взрывныя вещества, какъ порохъ и т. п., электромагниты и пружины. Соответственно этимъ различнымъ двигателямъ, машины раздѣляются на водяныя, паровыя, воздушныя или калорическія и проч.

Но къ какой бы изъ всѣхъ этихъ категорій не принадлежала машина, всегда она состоитъ изъ трехъ существенно различныхъ по своему назначенію частей. Одна изъ этихъ частей находится въ прямомъ сообщеніи съ двигателемъ и непосредственно воспринимаетъ заключенную въ немъ силу; эту часть машины называютъ *пріемникомъ* или *рецепторомъ*; она бываетъ весьма разнообразна по своему устройству, смотря по свойству двигательной силы; такъ, въ случаѣ, когда машина работаетъ силою ручныхъ человѣческихъ мускуловъ, пріемникомъ обыкновенно бываетъ рукоятка; въ водяныхъ машинахъ, напр. въ водяной мельницѣ, пріемникомъ служитъ колесо, движимое теченіемъ рѣки, или, точнѣе, лопасти этого колеса, и т. д. — Вторая часть, составляющая необходимую принадлежность всякой машины, помѣщается въ противоположномъ концѣ снаряда и находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ тѣломъ, надъ которымъ производится дѣйствіе машины; эту часть называютъ *орудіемъ* или *операторомъ*; примѣромъ орудій, которыя, такъ же какъ и пріемники, бываютъ чрезвычайно разнообразны, смотря по цѣли всего снаряда, могутъ служить жерновъ въ водяной или вѣтряной мельницѣ, пила, молотъ и т. п. Когда машина находится въ дѣйствіи, тогда пріемникъ и орудіе должны очевидно быть въ движеніи; но движеніе орудія бываетъ почти всегда совершенно иное, чѣмъ движеніе пріемника; и часто даже нѣсколько различныхъ орудій приводятся въ движеніе однимъ общимъ пріемникомъ. Такъ, напр. при большихъ водопадахъ, въ которыхъ сосредоточенъ обильный источникъ силы, часто нѣсколько различныхъ фабрикъ работаютъ однимъ общимъ пріемникомъ — водянымъ колесомъ, приводимымъ въ движеніе быстрымъ теченіемъ воды вблизи водопада; а какъ снаряды въ каждой изъ фабрикъ имѣютъ иную цѣль, то и движенія всѣхъ орудій должны быть различны между собою и должны отличаться отъ движенія общаго ихъ пріемника. Изъ этого видно.

что въ машинахъ движеніе пріемника должно быть, во первыхъ, передано орудію, и во вторыхъ, измѣнено, преобразовано, сообразно съ работою, которую должно исполнять орудіе. Для такой передачи и такого преобразованія движенія служитъ третья часть, общая всѣмъ машинамъ, называемая *трансмиссіею* и состоящая изъ одного или нѣсколькихъ такъ называемыхъ *передаточныхъ механизмовъ* или *приводовъ*. Первые двѣ названныя части машинъ, пріемникъ и орудіе, по виду и устройству зависятъ спеціально отъ свойствъ двигателя и отъ назначенія машины; но механизмы, служащіе для передачи и преобразованія движенія, остаются по большей части одинаковы въ различныхъ машинахъ измѣняются только способы ихъ сочетанія, и измѣняются сообразно съ цѣлью, для которой предназначенъ данный снарядъ. Примѣромъ приводовъ или передаточныхъ механизмовъ служатъ зубчатые колеса, безконечные ремни, шатуны и пр. Теоретическое изслѣдованіе подобныхъ механизмовъ, или, другими словами, теорія передачи и преобразованія движеній въ машинахъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ практической механики. Первая мысль о выдѣленіи теоріи передаточныхъ механизмовъ изъ общей науки о машинахъ въ отдѣльное ученіе принадлежитъ извѣстному основателю метода проложений и начертательной геометріи — Монжу. Разсуждая, въ 1794 г., объ основаніи парижской политехнической школы и о предметахъ преподаванія новаго заведенія, онъ набросалъ въ общихъ чертахъ программу изложенія этого ученія, исходя изъ той мысли, что самыя сложныя машины суть только результаты соединеній различныхъ средствъ, которыми измѣняются движенія⁽¹¹⁾. Разумѣя подъ этими средствами передаточные механизмы, Монжь назвалъ ихъ элементами машинъ и указалъ начала, на которыхъ можно основать ихъ перечисленіе и систематическую классификацію. Указанія Монжа были приведены въ исполненіе сначала Гашеттомъ, которому съ 1806 г. было поручено преподаваніе предмета въ политехнической школѣ, а затѣмъ Ланцомъ и Бетанкурромъ въ изданномъ ими въ 1808 г. сочиненіи «Опытъ описанія состава машинъ».

(11) Rapport lu à la Convention nationale le 3 vendémiaire an III.

Разбирая задачи теоретической механики, мы убѣдились въ возможности и въ пользѣ разсматривать движенія точекъ и тѣлъ независимо отъ силъ ихъ производящихъ и отъ матеріальныхъ свойствъ движущихся образовъ, съ точки зрѣнія чисто геометрической. Подобно тому можно изслѣдовать геометрически, на основаніи выводовъ одной чистой кинематики, и механизмы, отвлекаясь отъ силъ, приводящихъ ихъ въ движеніе, и отъ вещества ихъ составляющаго. Этимъ исключеніемъ понятія о силѣ значительно упрощается теорія передачи и преобразованія движенія въ машинахъ и въ такомъ именно видѣ она составляетъ предметъ *кинematики прикладной* или *теоріи механизмовъ*. Трудно съ большою ясностью опредѣлить содержаніе, цѣль и важность послѣдняго ученія, какъ это сдѣлалъ Амперъ, которому, на ряду съ Монжемъ, оно обязано своимъ происхожденіемъ. «Еще задолго до изданія предлагаемаго труда», пишетъ онъ въ 1834 году въ своемъ Опытѣ классификаціи наукъ⁽¹²⁾, «я замѣтилъ, что въ началѣ всѣхъ сочиненій о движеніи и силахъ обыкновенно опускаютъ многія изслѣдованія, которыя, при достаточномъ развитіи, составили бы науку третьяго порядка⁽¹³⁾, науку, нѣкоторые отдѣлы

⁽¹²⁾ «Essai sur la philosophie des sciences», Т. I, р. 50—53.

⁽¹³⁾ Амперъ, въ своей классификаціи наукъ, дѣлитъ науки на три порядка, съ одной стороны по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся, съ другой, по различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ въ нихъ эти предметы разсматриваются. Основанія этого дѣленія заключаются въ слѣдующемъ. Амперъ называетъ науками перваго порядка тѣ, которыя соединяютъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ одному и тому же предмету. Каждая наука перваго порядка дѣлится на двѣ науки втораго порядка: въ одной изъ нихъ изучаемые предметы разсматриваются сами въ себѣ (en eux mèmes), а въ другой эти предметы разсматриваются соотносительно, т. е. сравниваются факты для вывода общихъ законовъ, или объясняются факты одни другими, пока не получится возможность перейти отъ дѣйствій къ причинамъ ихъ производящимъ, и предвидѣть дѣйствія, которыя должны происходить отъ известныхъ причинъ. Каждая изъ этихъ двухъ наукъ втораго порядка въ свою очередь распадается на двѣ науки третьяго порядка; первая, въ которой предметы разсматриваются сами въ себѣ, раздѣляется на двѣ, смотря по тому, изучается ли въ этихъ предметахъ то, что въ нихъ доступно непосредственному наблюденію, или ищется то, что сначала остается въ нихъ скрытымъ и ввѣніе чего можетъ быть достигнуто только путемъ анализа или сравненія фактовъ; другая наука втораго порядка, въ которой предметы разсматриваются соотносительно, дѣлится на двѣ, изъ коихъ одна изучаетъ послѣдовательныя измѣненія, претерпѣваемыя опредѣленнымъ предметомъ, съ цѣлью

которой были изложены частью въ мемуарахъ, частью даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, каковы напр. статья Карно «о движеніи, разсматриваемомъ геометрически», и «Опытъ описанія состава машинъ» Ланца и Бетанкура. Эта наука должна содержать все то, что можетъ быть сказано о различныхъ видахъ движенія независимо отъ силъ, которыя могутъ ихъ произвести. Она должна, во первыхъ, заниматься всестороннимъ разсмотрѣніемъ пространствъ, проходимыхъ во всѣхъ различныхъ движеніяхъ, времени, употребляемыхъ на прохожденіе этихъ пространствъ, и опредѣленіемъ скоростей по различнымъ соотношеніямъ, какія могутъ существовать между пространствами и временами. Затѣмъ, она должна изучать различные снаряды, посредствомъ которыхъ можно измѣнять одно движеніе въ другое; такъ что, разумѣя, по принятому обычаю, эти снаряды подъ названіемъ машинъ, надо будетъ общепринятое опредѣленіе машины, какъ снаряда, съ помощью котораго можно измѣнять направленіе и напряженіе данной силы, замѣнить слѣдующимъ: машина есть снарядъ, посредствомъ котораго можно измѣнять направленіе и скорость даннаго движенія. Такимъ образомъ, это опредѣленіе дѣлается независимымъ отъ разсмотрѣнія силъ, дѣйствующихъ на машину, разсмотрѣнія, которое можетъ только развлекать вниманіе того, кто стремится понять ея механизмъ. Чтобы, напр., составить себѣ ясное понятіе системъ зубчатыхъ колесъ, помощью которой минутная стрѣлка

находить законы, которымъ слѣдуютъ эти измѣненія, а вторая, исходя изъ результатовъ, полученныхъ въ первыхъ трехъ наукахъ третьяго порядка, имѣетъ цѣлью открывать причины фактовъ, данныхъ въ двухъ первыхъ изъ нихъ трехъ наукъ и законовъ, найденныхъ въ третьей, и дать возможность редумсатривать дѣйствія, происходящія отъ извѣстныхъ причинъ. Съ точностію такой классификаціи, механика подраздѣляется слѣдующимъ образомъ:

<i>наука 1-го порядка</i>	<i>науки 2-го порядка</i>	<i>науки 3-го порядка</i>
Механика	{ Механика элементарная Механика высшая	{ Кинематика Статика Динамика Молекулярная Механика

классификація наукъ Ампера не лишена многихъ недостатковъ, на которые указалъ еще въ 1843 году Рейно (Reynaud) въ *Encyclopédie pittoresque*, 41-е gravon.

часовъ совершаетъ двѣнадцать оборотовъ въ то время, какъ часовая дѣлаетъ только одинъ оборотъ, есть ли какая нибудь необходимость заниматься силою, приводящею въ движеніе часы? Дѣйствіе зубчатыхъ колесъ въ той мѣрѣ, въ какой отъ послѣднихъ зависитъ отношеніе между скоростями обѣихъ стрѣлокъ, не останется ли одно и то же, если движеніе будетъ происходить отъ дѣйствія какой либо силы, отличной отъ обыкновеннаго двигателя, напр. если мы станемъ двигать стрѣлки пальцемъ? — Сочиненіе, въ которомъ такимъ образомъ рассматривались бы всѣ движенія, независимо отъ силъ, могущихъ ихъ произвести, было бы чрезвычайно полезно для преподаванія, отдѣляя въ умѣ ученика трудности, которыя можетъ представлять ходъ нѣкоторыхъ машинъ, отъ тѣхъ, которыя могутъ проистекать изъ разсужденій о равновѣсіи силъ. Этой то наукѣ, въ которой движенія должны быть изслѣдуемы сами въ себѣ, такими, какъ мы ихъ наблюдаемъ въ тѣлахъ насъ окружающихъ, и въ частности, въ снарядахъ, называемыхъ машинами, я далъ названіе *кинematика* отъ *κίνημα*, движеніе. Рассмотрѣвъ, что такое движеніе и скорость, кинematика особенно должна заниматься отношеніями, существующими между скоростями различныхъ точекъ машины и вообще какой либо системы матеріальныхъ точекъ, во всѣхъ движеніяхъ, какія можетъ принимать эта машина или система; этимъ въ послѣдствіи значительно облегчится пониманіе одного основного начала, извѣстнаго подъ именемъ начала возможныхъ скоростей, посредствомъ котораго все сказанное объ отношеніи скоростей, можетъ быть приложено къ отношенію силъ». «Если до сихъ поръ», продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Амперъ, «не существуетъ подробнаго сочиненія по этой наукѣ, равно какъ и по многимъ другимъ, то мнѣ, быть можетъ, будутъ благодарны за то, что я указалъ на промежутки, которые остается пополнить, на труды, которые надо предпринять и закончить; и если довѣрятъ дорогому мнѣ предчувствію, мои указанія могутъ быть косвенно дадутъ начало новымъ спеціальнымъ сочиненіямъ, которыя вѣчно послужатъ къ большому распространенію научныхъ знаній и ихъ благотворнаго вліянія». Желанія знаменитаго ученаго исполнились, надежды его оправдались; со времени изданія его классификаціи наукъ, какъ

истая, такъ и прикладная кинематика сдѣлали быстрые успѣхи, и, благодаря трудамъ новѣйшихъ геометровъ Пуансо, Шаля, Понсэ, Виллиса, Морена, Бура, Рѣло и другихъ, достигли значительной степени развитія.

Не должно думать однако, чтобы изученіе прикладной кинематики было бы достаточно для механика-практика. Исключительное примѣненіе кинематическихъ истинъ привело бы къ крупнымъ заблужденіямъ людей, занимающихся розысканіемъ новыхъ механическихъ комбинацій и въ то же время опускающихъ изслѣдованіе силъ, нужныхъ для того чтобы произвести проектируемыя ими движенія. Можно привести безчисленное множество движеній, исполнѣ возможныхъ съ точки зрѣнія геометрической, но которыя не могутъ быть осуществлены съ пользою въ практикѣ, или въ слѣдствіе значительныхъ давленій между различными частями, или по многимъ другимъ причинамъ, съ которыми мы ознакомимся въ теоріи приводовъ. Поэтому даже самое обстоятельное геометрическое изученіе механизмовъ еще далеко не исчерпываетъ предмета практической механики. Подобно тому какъ чистая кинематика служитъ введеніемъ въ общую науку о движеніи, точно такъ же прикладная кинематика составляетъ вступленіе въ науку о машинахъ вообще. Вторую и самую обширную часть практической механики образуетъ *динамическая теорія машинъ*. Существенныя ея задачи состоятъ въ физическомъ и динамическомъ изслѣдованіи различныхъ двигателей и соответственныхъ приемниковъ и въ розысканіи средствъ для наиболѣе выгоднаго примѣненія двигательныхъ силъ. Рѣшеніями этихъ вопросовъ занимались Понсэ, Кориолисъ, Кожъ, Моренъ, Редтенбахеръ и др. Понсэ преимущественно принадлежитъ заслуга соединенія всѣхъ разрозненныхъ свѣдѣній по этому предмету въ одно научное цѣлое.

Наконецъ, практическая механика разсматриваетъ машины еще со стороны ихъ *построенія*, что составляетъ третью часть машиновѣдѣнія. При построеніи машинъ одна изъ главныхъ трудностей состоитъ въ опредѣленіи наивыгоднѣйшаго вида и наивыгоднѣйшихъ размѣровъ ихъ частей. Ясно, что слишкомъ значительные размѣры увеличиваютъ безъ всякой пользы вѣсъ и объемъ снаряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его стоимость; поэтому надо

стараться сводить эти размѣры на такой минимумъ, при которъ части машинъ все еще были бы въ состояніи выдерживать і большіе усилія, давленія и напоры, какимъ онѣ должны под гаться, и въ то же время не претерпѣвали бы значительнаго мѣненія въ формѣ и строеніи; къ опредѣленію такихъ наим шихъ размѣровъ даетъ возможность ученіе о сопротивленіи і ріаловъ, основанное одновременно на опытныхъ выводахъ и на тематической теоріи упругости тѣлъ.

Такимъ образомъ вся практическая механика распаде на три большіе отдѣла: теорія механизмовъ или прикладная нематика изучаетъ геометрически различные способы переда преобразования движеній; динамическая теорія машинъ зани приложеніемъ результатовъ раціональной механики и физик теоретическому изслѣдованію двигателей, приѣмниковъ и о устройства машинъ; наконецъ, теорія построенія машинъ и цѣлю дать практикѣ правила для наиболѣе прочнаго и мического построенія всѣхъ отдѣльныхъ ихъ частей⁽¹⁴⁾.

Соединяя все сказанное видимъ, что *кинematика*, ставляя необходимое вступленіе съ одной стороны въ т тическую, а съ другою—въ практическую механику, ил двоякій предметъ и, соотвѣтственно, состоитъ изъ двухъ личныхъ частей: одна, чистая кинematика, есть геом ческое ученіе о движеніи, разсматриваемомъ независим причинъ его производящихъ и отъ вещественныхъ сво движущихся образовъ; другая, прикладная кинematика, етъ предметомъ геометрическую теорію передаточныхъ ханизмовъ или приложеніе выводовъ чистой кинemat и изученію средствъ для передачи и преобразования движ машинатъ.

Мы начнемъ наше изложеніе съ первой, теоретической

(14) Теоретическое ученіе объ орудіяхъ, основанное также на началахъ раціональной механики, принадлежитъ къ динамической машинъ; практическое же ознакомленіе съ ними есть одинъ изъ пр спеціального изученія каждаго отдѣльнаго ремесла.

ЧИСТАЯ КИНЕМАТИКА.

Предварительныя свѣдѣнія.

§ 1. Какой либо образъ находится въ *движеніи*, если онъ послѣдовательно занимаетъ различныя положенія въ пространствѣ; образъ находится въ *покоѣ*, если положеніе его въ пространствѣ остается постоянно одно и то же.

§ 2. Понятіе о движеніи слагается изъ двухъ другихъ понятій—о протяженіи и о времени. Съ понятіемъ о протяженіи и то свойствами знакомить насъ геометрія. Понятіе о времени есть, какъ же какъ понятіе о протяженіи, понятіе простое, которое не можетъ быть опредѣлено, т. е. сведено на другія, и которое каждый пріобрѣтаетъ опытомъ; можно опредѣлять только его мѣру. Для этого необходимо обозначить съ точностью, что должно разумѣть подъ равными промежутками времени. Понятіе о промежуткѣ времени внушается намъ послѣдовательностью событій. Два промежутка времени называютъ равными, если они потребны для овершенія тождественныхъ явленій, если напр. два тождественныя тѣла, находящіяся въ тождественныхъ условіяхъ въ началѣ этихъ промежутковъ времени и подверженныя совершенно одинаковымъ дѣйствіямъ и вліяніямъ всякаго рода, прошли тождественныя пространства къ концу этихъ промежутковъ. Представленіе о послѣдовательномъ рядѣ равныхъ промежутковъ времени привоитъ непосредственно къ понятію объ отношеніи какихъ либо промежутковъ времени, а слѣдовательно, принявъ опредѣленный промежутокъ за единицу, и къ отчетливому понятію о мѣрѣ какого н то ни было промежутка времени. Такимъ образомъ, время становится величиной, подлежащей, какъ и протяженіе, измѣренію и численію.

Всякій промежутокъ времени имѣеть начало и конецъ; первый называютъ *начальнымъ*, послѣдній — *конечнымъ мгновеніемъ* или *моментомъ* этого промежутка; такъ что мгновение или моментъ имѣеть въ механикѣ такое же значеніе относительно времени, какое имѣеть въ геометріи точка относительно линіи; какъ точка не имѣеть длины, такъ мгновение или моментъ не имѣеть продолжительности (15).

§ 3. Приступая къ изученію науки о движеніи, необходимо прежде всего установить понятіе о движущемся, т. е. о тѣхъ образахъ, коихъ движенія подвергаются теоретическому изслѣдованію. Эти образы могутъ быть безконечно разнообразны. Въ раціональной механикѣ вообще рассматриваются образы матеріальные, одаренные всѣми физическими свойствами матеріи и единственные встрѣчающіеся въ природѣ. Простѣйшій изъ такихъ образовъ есть матеріальная точка, т. е. матеріальный образъ безъ измѣреній. Понятіе о которомъ получается, воображая, что какое либо матеріальное тѣло, сохраняя свои вещественныя свойства, все болѣе и болѣе уменьшается и рассматривая его въ моментъ его исчезновенія. Совокупность нѣсколькихъ матеріальныхъ точекъ, связанныхъ между собою какими либо условіями, называютъ матеріальною системою; эти послѣдніе образы могутъ, въ свою очередь, быть чрезвычайно разнообразны, смотря по условіямъ, которыми связаны ихъ точки. Такъ, взаимныя разстоянія точекъ системы могутъ или оставаться постоянными, или измѣняться во время движенія; въ первомъ случаѣ матеріальную систему называютъ неизмѣняемою, во второмъ — измѣняемою. Неизмѣняемая система есть простѣйшая изъ всѣхъ матеріальныхъ системъ; предполагая въ ней разстоянія между точками весьма малыми, мы приходимъ къ понятію о твердомъ тѣлѣ, представляющемъ такое идеальное состояніе такъ называемыхъ твердыхъ тѣлъ природы, къ которому послѣднія, какъ не абсолютно твердыя, въ дѣйствительности только

(15) Въ общепитіи подъ *мгновеніемъ* часто разумѣютъ очень краткій промежутокъ времени; но мы здѣсь будемъ употреблять это слово только въ указанномъ выше смыслѣ начала или конца нѣкотораго промежутка времени; въ этомъ смыслѣ оно не приложимо даже къ дифференціальному элементу времени.

болѣе или менѣе приближаются. Примѣрами измѣняемыхъ системъ могутъ служить капельныя жидкости, газы и проч. Вообще не должно упускать изъ виду, что всѣ образы, разсматриваемые въ механикѣ, представляютъ только образы фиктивные и что при примѣненіи найденныхъ относительно ихъ выводовъ къ явленіямъ природы всегда необходимо провѣрять, съ какой степенью приближенія данныя тѣла, участвующія въ этихъ явленіяхъ, можно разсматривать какъ системы того или другого рода.

Кинематика, какъ ученіе чисто геометрическое, отвлекается отъ матеріальности образовъ, коихъ движеніе она изслѣдуетъ, и разсматриваетъ одни геометрическіе образы, получаемые изъ приведенныхъ матеріальныхъ, сохраняя въ послѣднихъ только ихъ геометрическія свойства. Такимъ образомъ предметомъ ея изслѣдованія служитъ движеніе:

1) *геометрической точки,*

2) *геометрическихъ системъ, неизмѣняемыхъ или измѣняемыхъ, т. е. совокупности геометрическихъ точекъ, которыхъ взаимныя разстоянія или остаются неизмѣнными, или измѣняются по опредѣленному закону во время движенія.*

§ 4. Мы можемъ распознавать движеніе даннаго образа только относя его положенія къ какимъ либо постороннимъ и неизмѣняемымъ образамъ, напр. къ опредѣленнымъ неизмѣняемымъ геометрическимъ системамъ точекъ, прямыхъ или плоскостей. Если эти послѣдніе образы неподвижны въ пространствѣ, то изслѣдуемое относительно ихъ движеніе даннаго образа, или движеніе его въ неподвижномъ безпредѣльномъ пространствѣ, называютъ *абсолютнымъ*. Если же эти посторонніе образы сами движутся, то изслѣдуемое относительно ихъ движеніе даннаго образа, слагающееся изъ собственнаго абсолютнаго движенія послѣдняго и участія его въ движеніи образовъ, къ которымъ относятъ движеніе, называютъ *относительнымъ*; по отношенію къ наблюдателю, участвующему въ движеніи образовъ, къ которымъ относятъ изслѣдуемое относительное движеніе, послѣднее называютъ еще *кажущимся* или *видимымъ* движеніемъ. Точно такъ же можно говорить объ *абсолютномъ, относительномъ* и *кажущемся* или *видимомъ* покоѣ. Ясно, что данный об-

разъ можетъ находиться одновременно въ абсолютномъ покоѣ и въ относительномъ движеніи, или обратно.

Всѣ наблюденныя явленія говорятъ въ пользу того предположенія, что въ природѣ нѣтъ ни одной матеріальной частицы, которая находилась бы въ абсолютномъ покоѣ: съ одной стороны извѣстно, что всѣ тѣла нашей солнечной системы движутся, такъ какъ земля и другія планеты съ ихъ спутниками имѣютъ двоякое движеніе, около своихъ осей и вокругъ солнца, и самое солнце вращается около своей оси, перемѣщаясь въ то же время по всей вѣроятности, вмѣстѣ со всѣми планетами по направленію къ созвѣздію Геркулеса; что же касается, съ другой стороны, до такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ, то доказанное собственное движеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя были подвергнуты достаточному наблюденію, даетъ поводъ предполагать движеніе и за всѣми вообще. Не зная тѣлъ абсолютно неподвижныхъ, мы въ дѣйствительности можемъ наблюдать только относительныя движенія. Тѣмъ не менѣе, мы въ состояніи составить себѣ представленіе объ абсолютномъ покоѣ, приписать умственно этотъ покой образамъ, къ которымъ относить движеніе даннаго тѣла, и изучать затѣмъ абсолютное движеніе послѣдняго. Изученіе же законовъ абсолютнаго движенія важно потому, что, какъ мы увидимъ, изслѣдованіе относительнаго движенія всегда сводится весьма легко на изслѣдованіе движенія абсолютнаго, а послѣднее есть явленіе болѣе простое, чѣмъ первое. Мы должны начать поэтому съ теоріи движенія абсолютнаго.

I. Геометрическая теорія абсолютнаго движенія.

§ 5. Конечною цѣлью всѣхъ кинематическихъ и механическихъ изслѣдованій должно служить изученіе движенія системъ, такъ какъ въ природѣ мы встрѣчаемся только съ тѣлами, т. е. съ различнаго рода системами. Но движеніе системы познается изъ движеній точекъ его составляющихъ; поэтому изученію движенія системы должно предшествовать изученіе движенія точки.

1. АБСОЛЮТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ТОЧКИ.

§ 6. Опредѣлить движеніе точки значитъ розыскать такія свойства этого движенія, которыя позволяли бы находить положеніе движущейся точки въ каждый данный моментъ и которыя слѣд. необходимы и достаточны для того, чтобы отличить разсматриваемое движеніе отъ всѣхъ возможныхъ другихъ движеній точки.

Для того, чтобы абсолютное движеніе точки было опредѣлено, надо, съ одной стороны, знать линію, образующую геометрическое мѣсто послѣдовательныхъ положеній движущейся точки относительно какихъ либо неподвижныхъ и неизмѣняемыхъ образовъ, напр. относительно трехъ неподвижныхъ координатныхъ или прямоугольных осей координатъ; эту линію, которую точка описываетъ въ пространствѣ при своемъ движеніи, называютъ ея *путемъ* или *траекторію*. Траекторія должна необходимо быть линія непрерывная, потому что движущаяся точка не можетъ перейти изъ одной ея точки въ другую, не смежную, не пройдя чрезъ точки промежуточныя.

Смотря по тому, есть ли траекторія линія прямая или кривая, движеніе точки называютъ *прямолинейнымъ* или *криволинейнымъ*.

Знанія одной траекторіи не достаточно для опредѣленія движенія точки, потому что точка можетъ двигаться по одной и той же линіи весьма различными движеніями, напр. болѣе и менѣе быстрыми и проч. Если же кромѣ траекторіи будутъ извѣстны еще

мгновения, въ которыя точка проходитъ данныя, напр. равноотстояща другъ отъ друга точки своего пути, то рассматриваемое движеніе будетъ вполне опредѣлено, потому что можно будетъ отличить его отъ всякаго другого, или по виду траекторіи, или по временамъ, употребляемымъ на прохожденіе одинаковыхъ пространствъ.

Такимъ образомъ полное изученіе движенія точки распадается на двѣ отдѣльныя части: одну часть составляетъ опредѣленіе траекторіи, другую — изученіе закона, связывающаго пространство, проходящія по опредѣленной траекторіи, съ временами, употребляемыми на прохожденіе этихъ пространствъ.

Мы рассмотримъ въ отдѣльности каждый изъ этихъ двухъ вопросовъ и начнемъ со второго изъ нихъ, такъ какъ къ нему приводится, какъ мы покажемъ, изслѣдованіе перваго.

а) Изслѣдованіе движенія точки по данной траекторіи.

§ 7. Предположимъ, что траекторія, которую описываетъ точка въ нѣкоторомъ рассматриваемомъ движеніи, извѣстна напередъ и что она есть линія AB (фиг. 1).

Чтобы опредѣлить положеніе точки на данной линіи AB , которая вообще будетъ какая либо кривая, но въ частномъ случаѣ можетъ быть и прямая, достаточно знать считаемое по этой линіи криволинейное разстояніе рассматриваемой точки отъ какой либо произвольно избранной на AB постоянной точки O , называемой *началомъ разстояній*, и сторону, въ которую это разстояніе должно быть отложено отъ O по AB . Пусть M будетъ положеніе, занимаемое движущеюся точкою въ какое либо мгновеніе; условимся считать разстояніе OM положительнымъ или отрицательнымъ, смотря по тому лежитъ ли M по опредѣленной сторонѣ отъ точки O , или по сторонѣ противоположной, напр. условимся брать число, измѣряющее разстояніе OM , со знакомъ $+$, если точка M находится вправо отъ начала O , и со знакомъ $-$, если она лежитъ влѣво отъ начала O . Положительное или отрицательное число, выражающее, согласно этимъ условіямъ, по величинѣ и по знаку разстояніе OM , будетъ очевидно вполне опредѣлять положеніе M дви-

жущейся точки; это число мы будем означать вообще чрезъ s . Чтобы выразить разстояніе OM числомъ надо чтобы была избрана опредѣленная единица длины; за такую единицу въ научныхъ вопросахъ о движеніи принимаютъ обыкновенно метръ (1 метръ = 3,280 фут. = 1,406 арш.), потому что послѣдній, представляя самую безотносительную линейную единицу, соединяетъ въ себѣ вѣстѣ съ тѣмъ всё выгоды десятичной системы мѣръ.

При движеніи точки по кривой AB криволинейное разстояніе s непрерывно измѣняется и слѣд. въ каждый моментъ принимаетъ иное значеніе. Но чтобы отличить одинъ моментъ отъ другого, надо принять одинъ моментъ за *начальный* и отъ него считать время. Выборъ этого начального мгновенія произволенъ, точно такъ же какъ выборъ начала O разстояній s : иногда за него берутъ мгновеніе, въ которое начинается рассматриваемое движеніе, иногда же мгновеніе, наступающее до или послѣ начала движенія. Кромѣ выбора начального мгновенія счетъ время предпологаетъ выборъ опредѣленной единицы времени: за такую единицу обыкновенно принимаютъ въ механикѣ секунду среднито солнечнаго дня, т. е. $\frac{1}{86400}$ часть среднихъ солнечныхъ сутокъ. Избравъ начальное мгновеніе и единицу времени, всякій моментъ, наступающій послѣ начального мгновенія, выразится числомъ принятыхъ единицъ, протекшихъ отъ начального до рассматриваемаго мгновенія, а всякій моментъ, предшествующій начальному мгновенію, выразится числомъ принятыхъ единицъ, протекшихъ отъ рассматриваемаго мгновенія до начального; чтобы отличить моменты, наступавшіе послѣ начального мгновенія отъ тѣхъ, которые предшествовали послѣднему, приписываютъ имъ противоположные знаки, принимая напр. первые за положительные, а вторые за отрицательные. Такъ, въ историческомъ лѣтосчисленіи надо было бы по этому условію принимать года до Р. X. за отрицательные, а года послѣ Р. X. за положительные. Положительное или отрицательное число, выражающее, согласно высказаннымъ условіямъ, по величинѣ и по знаку промежутокъ времени, протекшій отъ начального момента до рассматриваемаго позднѣйшаго, или отъ болѣе ранняго момента до начального, вполне опредѣляетъ раз-

сма­три­вае­мый мо­ментъ; это число мы бу­демъ озна­чать во­обще бук­вою t .

Пусть те­перь s и t бу­дутъ од­но­вре­мен­ныя пе­ре­мѣн­ныя зна­че­нія криво­линей­на­го рас­сто­я­нія дви­жу­щей­ся точ­ки отъ из­бран­на­го на­ча­ла O ⁽¹⁶⁾ и вре­мени, считае­ма­го отъ опре­дѣлен­на­го на­чаль­на­го мг­но­ве­нія. Каж­до­му зна­че­нию вре­мени t со­от­вет­ствуетъ од­но опре­дѣлен­ное зна­че­ние ко­ор­ди­на­ты s ; слѣд., во вся­комъ дви­же­нии точ­ки по дан­ной траек­то­рии AB , s есть опре­дѣлен­ная функ­ція не­зави­

(16) Дугу s должно вообще рассматривать только какъ *расстояние* (положительное или отрицательное) движущейся точки въ моментъ t отъ опре­дѣлен­ной из­бран­ной точ­ки O траек­то­рии, считае­мое по этой траек­то­рии, т. е. какъ криво­линей­ную ко­ор­ди­на­ту по­ло­же­нія дви­жу­щей­ся точ­ки въ моментъ t . Эта дуга во­обще от­лична отъ пу­ти или *пространства, пройденнаго точкою во время t* . Ибо, если дви­же­ние про­ис­хо­дитъ въ од­ну сто­ро­ну въ те­че­нии вре­мени t и если O (фиг. 3) есть на­ча­ло, отъ ко­то­ра­го счита­ется дуга s . M_0 по­ло­же­ние дви­жу­щей­ся точ­ки въ мо­ментъ, при­ни­мае­мый за на­чаль­ный, M ея по­ло­же­ние въ поз­днѣй­шій мо­ментъ t , то пу­ть σ , прой­ден­ный точ­кою во время t , бу­детъ дуга M_0M , а $s=OM$, такъ что на­зы­вая $OM_0=s_0$, бу­детъ $s=\sigma+s_0$. Если же дви­же­ние про­ис­хо­дитъ въ те­че­нии вре­мени t въ раз­ныя сто­ро­ны, напр. если точ­ка изъ M_0 пере­хо­дитъ въ M' , а от­туда на­чи­наетъ дви­гаться об­ратно и при­хо­дитъ въ M въ мо­ментъ t , то бу­детъ опять $s=OM$. но пу­ть, прой­ден­ный точ­кою во время t есть $\sigma=M_0M+2MM'=s_0+2MM'$. и слѣд. $s=\sigma+s_0-2MM'$. Изъ это­го видно, что для того, чтобы вели­чи­ны s и σ были тождественны, надо чтобы $MM'=0$ и $s_0=0$; иными сло­вами дуга s из­обра­жаетъ пу­ть, прой­ден­ный точ­кою во время t только въ томъ част­номъ слу­чае, когда въ те­че­нии всего про­ме­жутка вре­мени t дви­же­ние про­ис­хо­дитъ въ од­ну и ту же сто­ро­ну и когда сверхъ того за на­чаль­ный мо­ментъ при­нято мг­но­ве­ние, въ ко­то­рое дви­жу­щая­ся точ­ка на­хо­дится въ точ­ке O , из­бран­ной за на­ча­ло дугъ s . — Если эти два усло­вія удо­вле­тво­рены и если при этомъ траек­то­рия есть *кривая со­мкну­тая*, то дуга s можетъ быть и мен­ше и больше дли­ны p всей кривой, смотря по тому, расс­ма­три­ваемъ ли мы дви­же­ние точ­ки въ те­че­нии только ея пер­ва­го обо­рота, или въ те­че­нии нѣсколь­кихъ, напр. $n+1$ обо­ротовъ, по на­ступ­ле­нии на­чаль­на­го мг­но­ве­нія; въ послѣд­немъ слу­чае дуга s пред­ста­вляетъ, со­гласно то­лько что ска­зан­но­му, также рас­сто­я­ние, но въ бол­ѣе об­щемъ смы­слѣ; она вы­ра­жаетъ не дли­ну OM , на ко­то­рую по­ло­же­ние M , занимае­мое дви­жу­ще­юся точ­кою въ мо­ментъ t , въ те­че­нии $(n+1)$ -го обо­рота, от­сто­итъ отъ на­ча­ла O , а от­ло­жен­ную по со­мкну­той кривой отъ на­ча­ла O въ опре­дѣлен­ную сто­ро­ну дли­ну $n+1$ OM , рав­ную пу­ти, прой­ден­но­му точ­кою отъ на­чаль­на­го мо­мента до мо­мента t . Такъ напр., если точ­ка дви­жется въ од­ну сто­ро­ну по кругу ра­діуса r , если въ мо­ментъ, из­бран­ный за на­чаль­ный, она на­хо­дится въ на­ча­лѣ дугъ O и если M есть од­но изъ по­ло­же­ній точ­ки во время пер­ва­го обо­рота, то бу­детъ, какъ во всѣхъ дру­гихъ слу­чаяхъ, $s=OM$; но если точ­ка со­вер­шила въ сто­ро­ну отъ O къ M n пол­ныхъ обо­ротовъ и M есть од­но изъ ея по­ло­же­ній въ те­че­нии $(n+1)$ -го обо­рота, тогда $s=\sigma=2n\pi r+OM$.

симой переменной t . Зная эту зависимость между s и t для рассматриваемого движения, мы будем в состоянии отличить последнее от всех других движений точки по той же траектории AB , такъ что эта зависимость, во всякомъ частномъ случаѣ, вполне опредѣляетъ движение по данной линіи, почему ее и называютъ *закономъ движения по данной траекторіи*.

Этотъ законъ можетъ быть данъ, во первыхъ, аналитически, т. е. уравненіемъ вида

$$s=f(t), \quad (1)$$

изъ котораго для каждаго значенія t опредѣлится соответственное значеніе s и которое называютъ *уравненіемъ движения по данной траекторіи*; ур. (1) получается обыкновенно какъ результатъ аналитической формулировки свойствъ рассматриваемого движения, если эти свойства напередъ извѣстны въ достаточномъ числѣ. Иногда же зависимость между s и t дается въ видѣ таблицы, содержащей извѣстное число одновременныхъ значеній переменныхъ s, t ; этотъ случай имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда проходима пространства и времена опредѣляются непосредственнымъ наблюденіемъ рассматриваемого движения, и встрѣчается очень часто въ приложенияхъ. Если соотношеніе между s и t дается въ видѣ таблицы, то могутъ быть два случая: или эта таблица можетъ быть замѣнена уравненіемъ между s, t , воспроизводящимъ въ точности всѣ ея числа, или такое точное замѣненіе таблицы формулою невозможно.

Но въ какой бы изъ этихъ трехъ формъ ни была дана зависимость между s и t , всегда, зная ее, можно рѣшить два слѣдующіе основные вопроса: 1) Опредѣлить положеніе движущейся точки въ данное мгновеніе, и наоборотъ 2) опредѣлить время, когда точка займетъ данное положеніе. Если соотношеніе между s и t дано аналитически, формулою (1), то рѣшеніе обѣихъ задачъ сводится на рѣшеніе уравненія съ одною неизвѣстною; при этомъ могутъ получиться при рѣшеніи первой задачи для s , а при рѣшеніи второй—для t , величины отрицательныя; отрицательное значеніе s покажетъ, что точка въ данный моментъ находится влѣво отъ начала O , а отрицательное значеніе t , — что

точка занимала данное положеніе въ моментъ, предшествовавшій мгновенію, избранному за начальное; мнимые корни для s и t обнаружили бы несообразность условій вопросовъ. Если соотношеніе между s , t дано въ видѣ таблицы, которая можетъ быть въ точности замѣнена формулою, то, совершивъ это замѣненіе, этотъ случай приведется къ предыдущему. Наконецъ, если соотношеніе между s , t дается таблицей, незамѣнимой строго уравненіемъ, то двѣ помянутыя задачи могутъ быть рѣшены или посредствомъ обыкновеннаго интерполированія, или помощью графическаго приѣма, на который мы тотчасъ уважемъ. Замѣтимъ только еще, что въ практическихъ приложеніяхъ эти способы интерполированія и графическіе методы оказываются часто на столько проще рѣшенія ур. (1), что бываетъ нерѣдко выгодно даже въ первомъ случаѣ, когда законъ движенія по траекторіи данъ формулою (1), обращать эту формулу въ таблицу.

§ 8. Въ какомъ бы видѣ не давалась зависимость между s и t , всегда ее можно построить графически.

Дѣйствительно, эту зависимость можно всегда считать данною въ видѣ таблицы съ двумя аргументами s и t , потому что если она дана формулою (1), то послѣднюю всегда можно обратить въ такую таблицу. Возьмемъ двѣ прямоугольныя оси координатъ ωT , ωS (фиг. 2); избравъ произвольно нѣкоторую длину для изображенія единицы времени t и другую длину для изображенія единицы разстояній s , нанесемъ на оси ωT отъ точки ω длину $\omega t'$, выражающую въ избранномъ масштабѣ время одно изъ значеній времени, даваемыхъ таблицею, принимая за правило откладывать длину $\omega t'$ вправо или влѣво отъ начала ω , смотря по тому, имѣетъ ли изображаемый этою длиною моментъ знакъ $+$, или знакъ $-$; возставимъ затѣмъ въ точкѣ t' перпендикуляръ къ ωT и отложимъ на этомъ перпендикулярѣ отъ t' длину $t'\mu'$, выражающую въ принятомъ масштабѣ разстояній значеніе s' разстоянія s , соотвѣтствующее въ таблицѣ значенію времени $t' = \omega t'$, принимая за правило откладывать длину $t'\mu'$ надъ или подъ осью ωT , смотря по тому, есть ли s' число положительное, или отрицательное. Линіи $\omega t'$, $t'\mu'$, разсматриваемыя какъ прямоугольныя координаты относительно осей ωS , ωT , опредѣляютъ нѣкоторую

точку μ' въ плоскости этихъ осей. Повторяя то же построение для другихъ паръ одновременныхъ значеній t и s , даваемыхъ таблицей, напр. для значеній t'' , s'' ; t''' , s''' ;....., получимъ рядъ точекъ μ' , μ'' , μ''' ,....., а соединяя послѣднія между собою прямыми, получимъ многоугольникъ, который перейдетъ въ опредѣленную непрерывную кривую (α_s), если достаточно увеличить число точекъ μ' , μ'' , μ''' ,....., т. е. если взять изъ таблицы достаточно близкія между собою значенія времени; если бы таблица не давала столь близкихъ значеній, то ее можно было бы дополнить интерполированіемъ.

Линія (α_s) выражаетъ графически законъ движенія по данной траекторіи; ее называютъ *линіею пространствъ*, потому что разности ея ординатъ представляютъ пространства, проходимыя точкою въ промежутки времени, изображаемые соответственными разностями абсциссъ. Эта линія непосредственно обнаруживаетъ свою форму главныя свойства движенія; такъ, всякая положительная ея ордината указываетъ на положеніе движущейся точки по сторонѣ положительныхъ s -овъ отъ начала дугъ s , а всякая отрицательная ордината—на положеніе по сторонѣ отрицательныхъ s -овъ; пересѣченіе кривой съ осью времени соответствуетъ прохожденію движущейся точки чрезъ начало дугъ s ; когда ордината кривой возрастаетъ съ увеличеніемъ абсциссы, тогда можно заключить, что точка движется въ сторону положительныхъ s -овъ, а когда ордината уменьшается съ увеличеніемъ абсциссы, то точка движется въ сторону отрицательныхъ s -овъ, и т. д. Линія пространствъ можетъ быть чрезвычайно разнообразна, смотря по закону движенія точки, но она всегда necessarily обладаетъ слѣдующими свойствами: 1) она есть всегда линія непрерывная, что слѣдуетъ прямо изъ условія непрерывности движенія точки; 2) каждому значенію абсциссы соответствуетъ въ ней только одно опредѣленное значеніе ординаты¹, потому что движущаяся точка не можетъ въ одно и то же время занимать два различныхъ положенія на своей траекторіи; кромѣ того мы увидимъ ниже (§ 13), что 3) линія пространствъ не можетъ имѣть ни въ одной своей точкѣ касательной, параллельной оси пространствъ ωS .

Разсмотрѣніе линіи пространствъ представляетъ многія выгоды при изученіи движенія точки. Съ одной стороны, вообще кривыя весьма ясно и наглядно рисуютъ свойства функций, изображеніемъ которыхъ онѣ служатъ. Съ другой стороны, когда зависимость между s и t дана таблицей, составленною непосредственно изъ наблюденій движенія, наблюденій, которыя никогда не лишены нѣкоторыхъ ошибокъ, то при построеніи соответственной линіи пространствъ эти ошибки исправляются самымъ черченіемъ кривой, свойства непрерывности которой непремѣнно обнаружатъ всякую сколько нибудь чувствительную погрѣшность опыта. Сверхъ того сравненіе линіи пространствъ съ извѣстными кривыми можетъ часто облегчить розысканіе аналитическаго выраженія закона движенія по сдѣланнымъ и занесеннымъ въ таблицу наблюденіямъ, если такое выраженіе вообще возможно.

Построивъ линію пространствъ по указанному въ началѣ этого § способу, можно весьма просто рѣшить объ основныя задачи объ опредѣленіи s по данному t и t по данному s помощью графическаго интерполированія, будетъ ли зависимость между s и t дана въ видѣ формулы, или въ видѣ таблицы, замѣнимой или незамѣнимой точно уравненіемъ.

§ 9. Примѣнимъ изложенныя въ двухъ предыдущихъ §§ общія соображенія объ изслѣдованіи движенія по данной траекторіи къ простѣйшему частному случаю.

Равномерное движеніе. Мы видѣли, что для всякаго движенія по данной линіи имѣетъ мѣсто опредѣленная зависимость между переменными s и t и что каждое отдѣльное движеніе характеризуется спеціальнымъ видомъ функціи, которою для этого движенія s выражается посредствомъ t . Простѣйшая изъ всѣхъ функцій есть функція алгебраическая линейная; поэтому простѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ движеній по данной траекторіи будетъ движеніе, котораго уравненіе имѣетъ видъ

$$s = a + bt, \quad (A)$$

гдѣ a и b постоянные коэффициенты. Полагая въ этомъ уравненіи $t=0$, находимъ $s=a$; слѣд. a въ ур. (A) есть криволинейная координата движущейся точки въ моментъ, принятый за на-

чальный, а $\pm (s-a)$ есть пространство, проходимое точкою въ теченіи промежутка времени t ; ур. (А) показываетъ, что это пространство $\pm (s-a)$ измѣняется пропорціонально t и что расстояние s , рассматриваемое по величинѣ и по знаку, постоянно увеличивается или постоянно уменьшается съ увеличеніемъ t , т. е., что точка движется постоянно въ одну и ту же сторону. Слѣдовательно движеніе, законъ котораго выражается уравненіемъ (А), обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что въ немъ точка проходитъ въ одну и ту же сторону въ произвольно взятыхъ времена пространства, пропорціональныя этимъ временамъ, или, другими словами, что въ равные, произвольно выбранныя, промежутки времени точка проходитъ въ одну и ту же сторону равныя пространства. Такого рода движеніе, простѣйшее изъ всѣхъ, называютъ *равномѣрнымъ движеніемъ*.

До сихъ поръ доказано, что если уравненіе движенія имѣетъ видъ (А), то движеніе будетъ равномѣрное. Легко убѣдиться, что, и наоборотъ, законъ всякаго равномѣрнаго движенія имѣетъ видъ (А) линейной алгебраической зависимости.

Пусть AB (фиг. 3) будетъ данная линія, которую точка описываетъ равномѣрнымъ движеніемъ, O начало координатъ s , M_0 положеніе движущейся точки въ моментъ, принятый за начальный, M положеніе движущейся точки въ какой либо моментъ t ; называя $OM_0 = s_0$, $OM = s$, ясно, что $M_0M = \pm (OM - OM_0) = \pm (s - s_0)$ будетъ пространство, пройденное точкою въ одну и ту же сторону въ t единицъ времени, напр. въ t секундъ, при чемъ верхній знакъ относится къ случаю, когда движеніе происходитъ въ сторону положительныхъ s -овъ, а нижній — къ случаю, когда движеніе происходитъ въ сторону s -овъ отрицательныхъ⁽¹⁷⁾; по по опредѣленію равномѣрнаго движенія это пространство $\pm (s - s_0)$ должно быть пропорціонально t , слѣдовательно, называя чрезъ V постоянный коэффициентъ пропорціональности, имѣемъ

$$\pm (s - s_0) = Vt \quad ,$$

или

$$s = s_0 \pm Vt, \quad (2)$$

(17) На фиг. 3 изображенъ только первый случай и при томъ предположеніи, что s_0 есть величина положительная.

уравнение, тождественное по виду съ ур. (A) и въ которомъ, во второй части, надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, происходитъ ли движеніе въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s -овъ. (18)

Чтобы обнаружить значеніе коэффициента V по отношенію къ движенію, обратимся къ равенству

$$\pm (s - s_0) = Vt.$$

Разность $\pm (s - s_0)$, а слѣд. и равное ей произведеніе Vt есть пространство, пройденное точкою въ t единицъ времени; поэтому коэффициентъ V выражаетъ пространство, пройденное точкою въ единицу времени. Это пространство V будетъ различно для различныхъ родовъ равномернаго движенія и есть единственный элементъ, отличающій одно равномерное движеніе отъ другого по данной траекторіи; оно измѣряетъ большую или меньшую быстроту этихъ движеній и потому называется *скоростью равномернаго движенія*. И такъ, *скорость въ равномерномъ движеніи есть пространство, проходимое точкою въ единицу времени, или* принимая во вниманіе равенство

$$\frac{\pm (s - s_0)}{t} = V,$$

можно еще сказать, что *скорость равномернаго движенія есть отношеніе пространства, пройденнаго въ опредѣленный промежутокъ времени, къ этому промежутку времени*.

По второму изъ этихъ двухъ опредѣленій, содержащему въ себѣ и первое, скорость есть отношеніе двухъ разнородныхъ величинъ, пространства и времени, отношеніе, подъ которымъ должно

(18) Иногда уравненію равномернаго движенія даютъ видъ еще болѣе общій, разумѣя подъ s_0 координату движущейся точки не въ начальномъ моментъ, а въ какой либо данный моментъ t_0 ; тогда это уравненіе будетъ

$$s = s_0 \pm V(t - t_0),$$

которое переходитъ въ (2), полагая $t_0 = 0$. Но замѣчая, что выборъ начала счета времени произволенъ и что всегда можно за начальное мгновеніе принять моментъ t_0 , для котораго извѣстно значеніе s_0 координаты s , достаточно ограничиться формой (2).

разумѣть ничто иное, какъ частное отношеніе послѣднихъ къ соотвѣтственнымъ единицамъ; она есть слѣд. число отвлеченное, зависящее отъ единицъ длины и времени и измѣняющееся вмѣстѣ съ измѣненіемъ каждой изъ этихъ единицъ. Поэтому для полнаго опредѣленія величины скорости не достаточно знать ея численное значеніе, а необходимо указывать каждый разъ единицу длины и единицу времени, къ которымъ это число отнесено, что и дѣлаютъ всегда въ приложеніяхъ. Законъ, по которому численное значеніе скорости измѣняется съ единицею длины и съ единицею времени, весьма простъ: 1) численная величина скорости измѣняется съ единицею длины, какъ числа, измѣряющія длины; слѣд. если единица длины увеличивается или уменьшается въ опредѣленное число, n , разъ, то число, выражающее скорость, соотвѣтственно уменьшается или увеличивается въ такое же число, n , разъ; 2) численная величина скорости измѣняется съ единицею времени, какъ числа обратныя тѣмъ, которыя выражаютъ промежутки времени; такъ что если единица времени увеличивается или уменьшается въ опредѣленное число, m , разъ, то число, выражающее скорость, соотвѣтственно увеличивается или уменьшается въ такое же число, m , разъ. Отношеніе же двухъ скоростей не измѣняется отъ одновременнаго и одинаковаго измѣненія единицъ длины и времени въ каждой изъ нихъ. Въ научныхъ вопросахъ скорость обыкновенно относятъ къ метру и къ секундѣ, т. е. выражаютъ ее числомъ, показывающимъ сколько метровъ въ разсматриваемомъ движеніи точка проходитъ въ одну секунду. Въ различныхъ вопросахъ техники и обыденной жизни обычай установилъ различныя единицы. Такъ скорость движенія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ, движенія, принимаемаго за равномерное, относятъ къ мѣстной единицѣ разстояній и къ часу; говоря, напр., что скорость поѣзда равна 30, у насъ разумѣютъ, что онъ проходитъ 30 верстъ въ 1 часъ. Скорость кораблей выражается въ особыхъ линейныхъ единицахъ, называемыхъ узлами ($1 \text{ узелъ} = \frac{1}{120} \text{ морской мили} = \frac{1}{120} \cdot 1,738 \text{ верстъ} = 50,6 \text{ фут.}$) и относится также къ часу (19); и т. д. Въ каждомъ данномъ случаѣ легко, на основа-

(19) Обычай выражать скорости кораблей въ *узлахъ* и названіе послѣднихъ единицъ объясняются употребительнымъ способомъ практиче-

нѣи вышесказаннаго, перевести число, выражающее скорость въ какихъ либо опредѣленныхъ единицахъ, въ число, выражающее скорость относительно метра и секунды. Когда разъ избрана опредѣленная единица времени, время можно разсматривать какъ число отвлеченное и тогда скорость, согласно съ первымъ ея опредѣленіемъ, выражаетъ опредѣленное число линейныхъ единицъ, т. е. длину; число это зависитъ отъ принятой линейной единицы. Съ такой точки зрѣнія скорость часто разсматриваютъ какъ длину, подразумѣвая, что она относится къ опредѣленной, напередъ принятой единицѣ времени.

До сихъ поръ мы говорили только о величинѣ скорости, разсматривая ее просто какъ отношеніе, или какъ длину. Но сверхъ того скорости приписываютъ еще знакъ, съ цѣлью обобщенія, которое будетъ ясно изъ слѣдующаго. Мы видѣли, что уравненіе равномернаго движенія принимаетъ два различныя вида

$$s = s_0 + Vt$$

и

$$s = s_0 - Vt \quad ,$$

первый, когда движеніе точки происходитъ въ сторону положительныхъ s -овъ, т. е. когда дуга s , разсматриваемая по величинѣ

скаго измѣренія такихъ скоростей. Это измѣреніе дѣлается посредствомъ прибора, называемаго *лауля*; онъ состоитъ изъ треугольнаго поплава, нагруженнаго талъ, чтобы онъ оставался въ вертикальномъ положеніи при погруженіи его въ воду, и привязаннаго къ шнурку, намотанному на катушку; на этомъ шнуркѣ навязаны красныя узлы на опредѣленныхъ равныхъ между собою разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Лагъ бросаютъ въ воду, снимая катушку, и въ моментъ, когда одинъ изъ красныхъ узловъ на веревкѣ сходитъ съ катушки, опрокидываютъ песочныя часы, показывающіе напр. промежутокъ времени въ $\frac{1}{2}$ минуты. Сосчитавъ число n узловъ, сошедшихъ съ катушки въ эти $\frac{1}{2}$ минуты, можно будетъ по числу n судить о пути, пройденномъ кораблемъ въ то же время, а слѣдовательно и о скорости корабля. Постоянное разстояніе a между узлами на веревкѣ выбираютъ такъ, чтобы 1 узелъ въ $\frac{1}{2}$ минуты соответствовалъ 1 морской миле (1852 мет. = 1, 738 верстѣ) въ часъ, т. е. такъ, чтобы число n показывало число морскихъ миль, пройденныхъ кораблемъ въ 1 часъ; теоретически для этого нужно чтобы $a = \frac{1852n}{60 \cdot 2} = 15n, 43 = 50n, 6$. Но опытъ показываетъ, что, въ виду нѣкоторой неизбежной подвижности поплава, для осуществленія упомянутаго соответствія между числомъ морскихъ миль въ часъ и числомъ узловъ въ 30 секундъ, надо брать $a = 14n, 62 = 47n, 9$.

и по знаку, увеличивается съ увеличеніемъ времени, второй, когда движеніе происходитъ въ сторону отрицательныхъ s -овъ, т. е. когда дуга s , разсматриваемая по величинѣ и по знаку, уменьшается съ увеличеніемъ времени. Эти два результата можно соединить въ одинъ. Для этого допускають, что скорость имѣетъ знакъ, именно условливаются ставить передъ ней знакъ $+$, когда движеніе происходитъ въ сторону положительныхъ s -овъ, и знакъ $-$, когда движеніе происходитъ въ сторону s -овъ отрицательныхъ; тогда, называя чрезъ v полученное такимъ образомъ для скорости положительное или отрицательное число, мы будемъ имѣть для всѣхъ равномерныхъ движеній одно уравненіе

$$s = s_0 + vt \quad , \quad (3)$$

которое и представляетъ общее уравненіе равномернаго движенія. И такъ мы будемъ впредь разумѣть подъ скоростью v равномернаго движенія отношеніе или длину, выше опредѣленныя, взятая со знакомъ $+$ или $-$, смотря по тому, происходитъ ли движеніе въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s -овъ, или, что то же, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается дуга s , разсматриваемая по величинѣ и по знаку, съ увеличеніемъ времени.

Линія пространствъ въ равномерномъ движеніи имѣетъ уравненіемъ линейную алгебраическую зависимость (3) и есть слѣдов. прямая линія (α) (фиг. 4). Эта прямая пересѣкаетъ ось пространствъ ωS на разстояніи $\omega \mu$ отъ начала осей ω , изображающемъ въ масштабѣ, принятомъ при построеніи ординатъ линіи пространствъ, разстояніе s_0 положенія M_0 (фиг. 3) движущейся точки отъ начала O разстояній s , а *угловой коэффициентъ* этой прямой выражаетъ скорость v изображаемого ею равномернаго движенія. При этомъ подъ *угловымъ коэффициентомъ* прямой (α) здѣсь надо разумѣть отношеніе числа, измѣряющаго по масштабу разстояній или пространствъ опредѣленную разность μv ея ординатъ, къ числу, измѣряющему по масштабу время соответственную разность $\mu_0 v$ абсциссъ, и не должно думать, что скорость v выражается вообще также тангенсомъ угла, который прямая (α) составляетъ съ осью времени. Въ послѣднемъ невѣрномъ заклю-

ченію могло бы привести то обстоятельство, что, въ аналитической геометріи, въ уравненіи прямой, отнесенной къ прямоугольнымъ осямъ,

$$y = ax + b,$$

коэффициентъ a изображаетъ тангенсъ угла наклоненія прямой къ оси абсциссъ; но не надо упускать изъ виду, что послѣднее уравненіе выводится при предположеніи, что координаты x , y однородныя величины, длины, которыя поэтому, при ихъ графическомъ изображеніи, относятся къ одному и тому же масштабу. Здѣсь же s , t , а слѣдовательно и $\mu\nu$, $\mu_0\nu$ представляютъ величины разнородныя, $\mu\nu$ — пространство, $\mu_0\nu$ — время. Скорость равна не отношенію двухъ длинъ $\mu\nu$, $\mu_0\nu$, а равна отношенію числа единицъ масштаба пространствъ, содержащихся въ $\mu\nu$, къ числу единицъ масштаба временъ, содержащихся въ $\mu_0\nu$; но масштабъ пространствъ и масштабъ временъ, послужившія для графическаго изображенія линіи пространствъ (α_s), совершенно не замѣсятъ одинъ отъ другого, они могутъ быть взяты какими угодно, а слѣд. и весьма различными между собою; такъ напр., можно было бы удвоить масштабъ пространствъ, чрезъ что получились бы новая прямая для линіи пространствъ того же разсматриваемаго движенія, имѣющая иное наклоненіе къ оси абсциссъ, чѣмъ (α_s), и которой слѣд. соответствовалъ бы новый тангенсъ угла съ этой осью. Тангенсъ угла линіи пространствъ съ осью временъ будетъ измѣрять скорость v только въ томъ частномъ случаѣ, когда единица пространствъ и единица временъ изображаются при построеніи линіи пространствъ одною и тою же длиною, т. е. когда абсциссы и ординаты линіи (α_s) отнесены къ одному масштабу. ибо тогда отношеніе действительныхъ величинъ количествъ $\mu\nu$, $\mu_0\nu$ равно отношенію этихъ линій; а этотъ частный случай и есть именно тотъ, который исключительно разсматривается въ аналитической геометріи. И такъ, чтобы опредѣлить графически скорость, всего проще и удобнѣе строить линію пространствъ, отнесеная абсциссы и ординаты къ одному и тому же масштабу; тогда скорость выразится просто тангенсомъ угла наклоненія прямой пространствъ къ оси абсциссъ. Если же такой выборъ мас-

штабовъ по какимъ либо причинамъ невозможенъ, то скорость выразится угловымъ коэффициентомъ прямой (α_0) въ приведенномъ общемъ смыслѣ и опредѣлится графически во всѣхъ случаяхъ слѣдующимъ построениемъ. Черезъ какую либо точку μ линіи пространства (α_0) проводимъ прямую μT_1 , параллельную оси времени, и на ней откладываемъ длину $\mu\delta$, выражающую въ принятомъ масштабѣ время единицу времени; перпендикуляръ $\delta\delta'$, возставленный въ точкѣ δ къ μT_1 и продолженный до пересѣченія съ прямою (α_0), выразитъ въ единицахъ масштаба, принятаго для изображенія пространство, скорость v рассматриваемаго равномернаго движенія.

Возможны 6 различныхъ положеній прямой пространства относительно осей ωT , ωS , соответствующія 6 слѣдующимъ допустимымъ комбинаціямъ знаковъ и значеній параметровъ s_0 и v :

$$\begin{array}{l} s_0 : \quad + \mid - \mid + \mid - \mid 0 \mid 0 \\ v : \quad + \mid + \mid - \mid - \mid + \mid - \end{array}$$

Предоставляя читателю начертить эти различныя положенія, замѣтимъ только, что два послѣдніе случая соответствуютъ тому допущенію, что время t считается отъ мгновенія, когда движущаяся точка находится въ точкѣ O траекторіи, принятой за начало разстояній s , и что тогда уравненіе равномернаго движенія представляется въ болѣе простой формѣ

$$s = vt, \quad (4)$$

линія пространства есть прямая, проходящая чрезъ начало осей ωT , ωS .— Случай $v=0$ соответствовалъ бы покою точки; поэтому, когда линія пространства имѣетъ видъ прямой, параллельной оси времени или совпадающей съ этою осью, то должно заключить, что точка находится въ покоѣ.

Въ заключеніе изложенныхъ свойствъ равномернаго движенія замѣтимъ, что въ природѣ это простѣйшее движеніе встрѣчается весьма рѣдко; единственный извѣстный намъ примѣръ того равномернаго движенія представляютъ обращенія планетъ

около своих осей, напр. суточное движение земли; всё остальныя движения, принимаемыя часто за равномерныя, въ действительности принадлежатъ къ движениямъ другого рода, съ которыми мы ознакомимся ниже.

§ 10. Рѣшеніе всѣхъ задачъ, которыя могутъ быть предложены о равномерномъ движеніи, заключается въ уравненіи этого движенія (3), а какъ послѣднее уравненіе представляетъ прямую, то рѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ содержится также въ аналитической геометріи прямой линіи на плоскости, какъ это будетъ видно и изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Примѣръ 1. Зная, что точка движется равномерно по данной кривой AB (фиг. 5) и зная положенія ея M_1, M_2 въ два данныя мгновенія t_1, t_2 , найти уравненіе движенія точки.

Такъ какъ рассматриваемое движеніе равномерно, то искомое уравненіе должно имѣть видъ

$$s = s_0 + vt, \quad (\alpha)$$

гдѣ надо только опредѣлить значенія неизвѣстныхъ коэффициентовъ s_0 и v . Для этого, называя чрезъ s_1 и s_2 разстоянія OM_1 и OM_2 движущейся точки отъ начала дугъ O въ моменты t_1 и t_2 и замѣчая, что ур. (α) должно удовлетворяться, если въ немъ вмѣсто перемѣнныхъ s, t подставить ихъ одновременныя значенія s_1, t_1 , или одновременныя значенія s_2, t_2 , имѣемъ уравненія

$$s_1 = s_0 + vt_1,$$

$$s_2 = s_0 + vt_2,$$

изъ которыхъ получимъ

$$s_0 = \frac{s_1 t_2 - s_2 t_1}{t_2 - t_1}, \quad v = \frac{s_2 - s_1}{t_2 - t_1}.$$

Внося эти значенія s_0 и v въ ур. (α), находимъ искомое уравненіе рассматриваемаго равномернаго движенія

$$s = \frac{s_1 t_2 - s_2 t_1}{t_2 - t_1} + \frac{s_2 - s_1}{t_2 - t_1} t,$$

или
$$s - s_1 = \frac{s_2 - s_1}{t_2 - t_1} (t - t_1). \quad (\beta)$$

Тотъ же вопросъ можетъ быть рѣшенъ гораздо проще, если замѣтить, что онъ сводится на слѣдующую задачу аналитической геометріи прямой линіи: найти уравненіе прямой, проходящей чрезъ двѣ данныя точки (s_1, t_1) и (s_2, t_2) ; уравненіе такой прямой можетъ быть написано прямо и имѣеть, какъ извѣстно, видъ (β) . Возможность такого непосредственнаго рѣшенія частныхъ вопросовъ о движеніи сведеніемъ на задачи аналитической геометріи представляетъ новый примѣръ выгодъ графическаго изображенія движеній.

Примѣръ 2. Двѣ точки движутся равномерно по данной неомкнутой линіи AB (фиг. 3) съ соответственными данными скоростями v, v' ; найти моментъ и мѣсто ихъ встрѣчи.

Предположимъ, что въ моментъ, избранный за начальный, первая точка, движущаяся со скоростью v , находится въ M_0 , вторая, движущаяся со скоростью v' , находится въ M_0' , и что въ какой либо моментъ t эти точки находятся соответственно въ M и M' ; называя чрезъ O начало разстояній s и означая $OM_0 = s_0, OM_0' = s_0', OM = s, OM' = s'$, уравненія движенія (вухъ точекъ будутъ

$$\left. \begin{aligned} s &= s_0 + vt, \\ s' &= s_0' + v't. \end{aligned} \right\} \quad (\alpha)$$

Чтобы получить то значеніе T времени t , при которомъ точки встрѣчаются, надо положить $s = s'$ и $t = T$ въ предыдущихъ равеніяхъ и изъ найденнаго такимъ образомъ равенства

$$s_0 + vT = s_0' + v'T \quad (\beta)$$

предѣлить T . Находимъ
$$T = -\frac{s_0' - s_0}{v - v'}, \quad (\gamma)$$

внося это значеніе T вмѣсто t въ одно изъ уравненій движе-

ніа (α), получимъ координату S , опредѣляющую мѣсто встрѣчи:

$$S = \frac{s'_0 v - s_0 v'}{v - v'}. \quad (\delta)$$

Такъ какъ ур. (β) линейно относительно T , то видимъ, что точки могутъ встрѣтиться только одинъ разъ. При разборѣ выраженій (γ) и (δ) возможны 4 случая:

$$\begin{array}{|c|c|c|c|} \hline s'_0 \geq s_0 & s'_0 = s_0 & s'_0 \leq s_0 & s'_0 = s_0 \\ \hline v \geq v' & v \geq v' & v = v' & v = v' \\ \hline \end{array}$$

толкованіе которыхъ не представляетъ никакихъ затрудненій.

Геометрически приведенная задача сводится на слѣдующую: даны уравненія (α) двухъ прямыхъ, лежащихъ въ одной плоскости, найти координаты S, T точки пересѣченія этихъ прямыхъ. Эти координаты опредѣляются, какъ извѣстно, формулами (γ) и (δ).

Если бы точки двигались по кривой замкнутой, то получилось бы множество рѣшеній.

§ 11. *О перемежномъ движеніи.* Всякое движеніе, въ которомъ пространства, проходимыя точкою въ равныя, произвольно взятые, промежутки времени, не равны между собою, называютъ *перемежнымъ* или *неравномернымъ* движеніемъ.

Для всякаго перемежнаго движенія функція f въ зависимости $s = f(t)$ отлична отъ линейной алгебраической функціи, а слѣд. линія пространствъ есть линія, въ которой равнымъ разностямъ абсциссъ соотвѣтствуютъ не равныя разности ординатъ. т. е. есть линія кривая.

Если перемежное движеніе таково, что пространства, проходимыя послѣдовательно точкою въ равныя времена, постоянно возрастаютъ, то его называютъ *ускореннымъ* движеніемъ; если эти пространства постоянно уменьшаются, то движеніе называютъ *замедленнымъ*; наконецъ, если эти пространства то увеличиваются, т

уменьшаются, то такое переменное движение, составное изъ ускоренныхъ и укосненныхъ движений, называютъ *смѣшаннымъ*.

Въ первомъ случаѣ, когда движение есть ускоренное, линия пространства (α_1) (фиг. 6) обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что разности ординатъ $\nu_2\mu_2, \nu_3\mu_3, \nu_4\mu_4, \nu_5\mu_5, \dots$, соответствующія равнымъ, но произвольнымъ по величинѣ, слѣдовательно даже произвольно малымъ, разностямъ абсциссъ $\tau_1\tau_2 = \tau_2\tau_3 = \tau_3\tau_4 = \tau_4\tau_5 = \dots$, постоянно увеличиваются съ увеличеніемъ положительныхъ абсциссъ; поэтому въ случаѣ ускореннаго движенія линия пространства есть кривая, обращенная своею *выпуклою* стороною къ оси абсциссъ. Во второмъ случаѣ, когда движение есть укосненное, тѣ же разности ординатъ $\nu_2\mu_2, \nu_3\mu_3, \nu_4\mu_4, \nu_5\mu_5, \dots$ (фиг. 7) постоянно уменьшаются съ увеличеніемъ положительныхъ абсциссъ и кривая пространства обращена своею *вогнутою* стороною къ оси абсциссъ. Наконецъ, въ случаѣ смѣшаннаго движенія, разности ординатъ $\nu_2\mu_2, \nu_3\mu_3, \nu_4\mu_4, \nu_5\mu_5, \dots$ (фиг. 8), соответствующія равнымъ разностямъ абсциссъ, будутъ попеременно увеличиваться и уменьшаться, и линия пространства будетъ кривая *волнообразная*, однѣ части которой обращены выпуклою, а другія вогнутою стороною къ оси временъ; каждому моменту, въ который движение переходитъ изъ ускореннаго въ укосненное, или обратно, будутъ соответствовать на этой кривой такъ называемыя точки перегиба, какъ μ_3, μ_6 .

Такимъ образомъ, по одному расположенію кривой пространства относительно оси временъ, можно судить о томъ, будетъ ли изображаемое ею переменное движение ускоренное, укосненное или смѣшанное.

§ 12. При изслѣдованіи равномернаго движенія мы опредѣлили скорость какъ постоянное пространство, проходимое точкою въ единицу времени. Въ переменномъ движеніи точка описываетъ въ равныя времена не равныя пространства; поэтому ясно, что не можетъ быть рѣчи о скорости переменнаго движенія вообще, а можно говорить только о скорости въ опредѣленный моментъ движенія или въ опредѣленной точкѣ траекторіи. Чтобы дать ясное и точное опредѣленіе этого новаго количества, нужно

предварительно опредѣлить другое понятіе — о такъ называемой *средней скорости*.

Предположимъ, что точка движется перемѣннымъ движеніемъ по нѣкоторой кривой, что въ какой либо моментъ t она занимаетъ положеніе, опредѣляемое координатою s , а въ нѣкоторый позднѣйшій моментъ t_1 — положеніе, опредѣляемое координатою s_1 , и что промежутокъ времени $t_1 - t$ взятъ достаточно малымъ для того, чтобы въ теченіи этого промежутка движеніе происходило постоянно въ одну и ту же сторону; тогда пространство, описанное точкою въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$, будетъ $\pm (s_1 - s)$, гдѣ надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, происходитъ ли движеніе въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s -овъ. Можно всегда найти равномерное движеніе, въ которомъ точка, двигаясь въ сторону разсматриваемаго перемѣннаго движенія, употребить время $t_1 - t$ для того, чтобы описать пространство $\pm (s_1 - s)$; *скорость этого равномернаго движенія, взятую по величинѣ и по знаку, называютъ среднею скоростью разсматриваемаго перемѣннаго движенія за промежутокъ времени $t_1 - t$* . По этому опредѣленію, означая чрезъ v_m среднюю скорость за время $t_1 - t$ по величинѣ и по знаку, имѣемъ (§ 9)

$$v_m = \frac{s_1 - s}{t_1 - t}.$$

Это количество v_m измѣняется одновременно и съ промежуткомъ $t_1 - t$ и съ начальнымъ моментомъ t этого промежутка. Можно еще сказать, что средняя скорость перемѣннаго движенія за данный промежутокъ времени $t_1 - t$ есть, по абсолютной величинѣ, отношеніе пространства, пройденнаго точкою за промежутокъ времени $t_1 - t$, къ этому промежутку, а знакъ имѣетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, происходитъ ли разсматриваемое перемѣнное движеніе въ сторону положительныхъ или въ сторону отрицательныхъ s -овъ.

Основываясь на понятіи о средней скорости, можемъ теперь высказать слѣдующее опредѣленіе :

Скоростью переменнаго движенья въ моментъ t называютъ предѣлъ, къ которому стремится средняя скорость того же движенья за промежутокъ времени, начинающійся въ моментъ t , когда этотъ промежутокъ времени приближается къ нулю.

Исно, что скорость, такимъ образомъ опредѣленная, измѣняется уже только съ моментомъ t , или съ положеніемъ точки на траекторіи. Знакъ этой предѣльной скорости тождественъ съ знакомъ приближающейся средней скорости, т. е. будетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, происходитъ ли движеніе, начиная съ момента t , въ сторону положительныхъ или въ сторону отрицательныхъ s -овъ. Для изображенія скорости переменнаго движенья въ моментъ t по величинѣ и по знаку мы будемъ употреблять букву v .

Изъ даннаго опредѣленія вытекаетъ замѣчательная зависимость между скоростью v , временемъ t и координатою s , опредѣляющею положеніе движущейся точки, зависимость, доказывающая существованіе предѣла, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ опредѣленіи, и позволяющая всегда находить скорость, когда дано уравненіе движенья по траекторіи. Пусть M (фиг. 9) будетъ положеніе движущейся точки въ моментъ t , M' —положеніе, въ которое она перешла по истеченіи какого либо промежутка времени Δt , считаемаго отъ момента t и настолько малаго, чтобы движеніе въ теченіи времени Δt происходило въ одну и ту же сторону; тогда, означая дугу MM' траекторіи, пройденную въ теченіи времени Δt , чрезъ Δs , согласно высказанному опредѣленію, скорость v движенья въ моментъ t будетъ предѣлъ, къ которому стремится отношеніе $\frac{\Delta s}{\Delta t}$, когда Δt приближается къ нулю; но изъ началъ дифференціального исчисленія извѣстно, что, рассматривая s какъ функцію независимой переменнаго t , этотъ предѣлъ есть производная $\frac{ds}{dt}$; слѣд.

$$v = \frac{ds}{dt} \quad (5)$$

И такъ скорость переменнаго движенья въ моментъ t выра-

жастся первую производную пространства по времени, такъ что если законъ движенія по траекторіи данъ аналитическою зависимостью

$$s = f(t),$$

то скорость v въ моментъ t опредѣлится по величинѣ и по знаку изъ равенства

$$v = f'(t).$$

Законъ (5) можетъ быть полученъ и путемъ чисто геометрическихъ соображеній, изъ рассмотрѣнія линіи пространства. Эта линія есть, въ случаѣ переменнаго движенія, всегда нѣкоторая кривая (α) (фиг. 10); пусть μ , μ_1 будутъ двѣ ея точки, соответствующія двумъ послѣдовательнымъ моментамъ t , t_1 , достаточно близкимъ для того чтобы въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$ движеніе происходило въ одну сторону. Чтобы получить среднюю скорость движенія за промежутокъ времени $t_1 - t$, въ теченіи котораго точка описываетъ пространство, изображаемое линіею $\mu_1 \nu_1$, надо, по опредѣленію средней скорости, найти скорость равномернаго движенія, которымъ точка описала бы то же пространство $\mu_1 \nu_1$ въ то же время $t_1 - t = \tau_1$; такое равномерное движеніе изобразится графически хордою $\mu\mu_1$, а скорость его будетъ (§ 9) $\frac{\mu_1 \nu_1}{\mu \nu_1}$; и такъ, средняя скорость разсматриваемаго переменнаго движенія за промежутокъ времени $t_1 - t$ выразится графически угловымъ коэффициентомъ хорды $\mu\mu_1$. Воображая теперь, что промежутокъ времени $t_1 - t$, а слѣд. и линія τ_1 , все болѣе и болѣе уменьшаются, хорда $\mu\mu_1$ станетъ все болѣе и болѣе приближаться къ нѣкоторому предѣльному положенію, которое, какъ извѣстно, есть положеніе касательной къ кривой (α) въ точкѣ μ ; вмѣстѣ съ тѣмъ угловой коэффициентъ хорды станетъ приближаться къ угловому коэффициенту этой касательной и въ предѣлѣ совпадетъ съ послѣднимъ коэффициентомъ, который есть ничто иное, какъ производная $\frac{ds}{dt}$. Но мы видѣли, что угловой коэффициентъ хорды есть средняя скорость движенія за время $t_1 - t$, а предѣлъ этой средней скорости есть, по

данному опредѣленію, скорость v движенія въ моментъ t ; такимъ образомъ снова приходимъ къ равенству $v = \frac{ds}{dt}$.

Величинѣ v можно дать другое опредѣленіе; можно еще сказать, что скорость переменнаго движенія въ моментъ t есть постоянная скорость, съ которою продолжала бы двигаться точка, начиная съ момента t , или путь, который она прошла бы въ слѣдующую за этимъ моментомъ единицу времени, если бы въ моментъ t рассматриваемое переменное движеніе вдругъ сдѣлалось равномернымъ. Чтобы увидѣть согласіе этого опредѣленія съ первымъ, достаточно замѣтить, что если бы въ моментъ t движеніе сдѣлалось равномернымъ, то линія пространствъ (α_s), начиная отъ точки μ (фиг. 10), обратилась бы въ прямую $\mu\alpha'$, касательную къ кривой (α_s) въ точкѣ μ , и скорость v этого равномернаго движенія выразилась бы (§ 9) угловымъ коэффициентомъ прямой $\mu\alpha'$, т. е. угловымъ коэффициентомъ касательной къ кривой $s = f(t)$, который есть $\frac{ds}{dt}$.

Такъ какъ скорость v переменнаго движенія въ моментъ t можно рассматривать какъ скорость нѣкотораго равномернаго движенія, то къ численному значенію количества v примѣняются всѣ замѣчанія, сдѣланныя въ § 9 относительно численнаго значенія скорости равномернаго движенія и зависимости этого значенія отъ единицъ длины и единицъ времени.

§ 13. Изъ сказаннаго въ предыдущемъ § слѣдуетъ, что скорость переменнаго движенія въ данный моментъ выражается аналитически первою производною пространства по отношенію къ времени, геометрически — угловымъ коэффициентомъ касательной къ линіи пространствъ въ точкѣ, соответствующей рассматриваемому мгновенію, при чемъ къ этому угловому коэффициенту прилагаются разсужденія, совершенно подобныя тѣмъ, которыя были изложены въ § 9 относительно отличія углового коэффициента прямой пространствъ равномернаго движенія отъ тангенса угла наклоненія этой прямой къ оси времени. Чтобы построить этотъ угловой коэффициентъ, т. е. найти графически скорость v въ дан-

ное мгновеніе t , достаточно начертить къ линіи пространствъ (α) касательную $\mu\alpha'$ (фиг. 10) въ точкѣ μ , соответствующей мгновенію t , затѣмъ провести чрезъ точку μ прямую μT_1 , параллельную къ оси времени, отложить на этой прямой отъ точки μ длину $\mu\delta$, равную длинѣ, которая выражаетъ единицу времени по принятому при построеніи линіи (α) масштабу времени, и изъ точки δ возставить перпендикуляръ $\delta\delta'$ къ прямой μT_1 , продолживъ его до пересѣченія съ касательной $\mu\alpha'$; тогда длина $\delta\delta'$ представитъ въ единицахъ масштаба, принятаго для изображенія пространствъ, скорость v въ моментъ t .

Изъ этого построенія между прочимъ видно, что если бы касательная къ линіи пространствъ въ точкѣ μ была параллельна къ оси пространствъ, то скорость въ соответственный моментъ t была бы бесконечно велика, что не допустимо въ дѣйствительныхъ движеніяхъ; этимъ оправдывается сдѣланное въ § 8 замѣчаніе, что линія пространствъ не можетъ имѣть, ни въ одной своей точкѣ, касательной, параллельной къ оси пространствъ.

Можно еще найти геометрически скорость v , продливъ касательную $\mu\alpha'$ до пересѣченія ρ съ осью времени и взявъ отно-

шеніе $\frac{\tau\mu}{\rho\tau}$ ординаты точки μ къ подкасательной, такъ какъ прямоугольные треугольники $\mu\tau\rho$, $\delta'\delta\mu$ подобны между собою и слѣд.

$$\frac{\delta\delta'}{\mu\delta} = \frac{\tau\mu}{\rho\tau}.$$

Но при примѣненіи этого правила опять не должно

упускать изъ виду, что измѣряя скорость отношеніемъ $\tau\mu$ къ $\rho\tau$ надо вообще разумѣть отношеніе дѣйствительныхъ величинъ этихъ количествъ, выраженныхъ въ числахъ, а не отношеніе самихъ длинъ, изображающихъ ихъ на чертежѣ; эти два отношенія равны, если при построеніи линіи пространствъ взята одна и та же длина для изображенія единицы пространствъ и единицы времени; если же приняты различные масштабы для изображенія пространствъ и времени, тогда надо по этимъ масштабамъ взять для $\tau\mu$ пространство и для $\rho\tau$ время, изображаемая каждою изъ этихъ длинъ, т. е. взять отношенія длины $\tau\mu$ къ единицѣ масштаба пространствъ и длины $\rho\tau$ къ единицѣ масштаба времени.

Когда законъ движенія по траекторіи данъ въ видѣ аналитической зависимости $s=f(t)$, скорость движенія v въ данный моментъ можетъ быть опредѣлена на основаніи каждаго изъ приведенныхъ способовъ, или аналитически, помощью простого дифференцированія соотношенія $s=f(t)$, или геометрически, посредствомъ указанныхъ построеній, начертивъ предварительно по точкамъ геометрическое мѣсто уравненія $s=f(t)$. Въ случаѣ же, когда соотношеніе между s и t дано въ видѣ таблицы, незамѣнимой формулою, должно, построивъ по этой таблицѣ линію пространства, пользоваться однимъ изъ двухъ изложенныхъ геометрическихъ способовъ для опредѣленія v .

§ 14. Изъ соотношенія $v = \frac{ds}{dt}$ слѣдуетъ, что для всякаго переменнаго движенія имѣетъ мѣсто равенство

$$ds = v dt.$$

Это равенство справедливо во всей строгости только тогда, когда подъ v разумѣется средняя скорость за промежутокъ времени dt ; но разумѣя подъ v и скорость въ начальный моментъ этого промежутка, т. е. въ моментъ t , приведенное равенство остается справедливымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безконечно малыя величины второго порядка могутъ быть отброшены, т. е., когда разсматриваются предѣлы отношеній или суммъ; ибо скорость въ моментъ t отличается отъ средней скорости за промежутокъ времени dt на безконечно малую величину перваго порядка, а слѣд. дуги ds , вычисленные для этихъ двухъ значеній скорости, разнятся только на безконечно малую величину второго порядка. При этомъ ограниченіи, сравнивая равенство $ds = v dt$ съ ур. (4) равномернаго движенія, видимъ, что въ теченіи элемента времени dt всякое переменное движеніе можно разсматривать какъ равномерное; кромѣ того ясно, что въ теченіи времени dt всякое движеніе происходитъ по элементу ds траекторіи, а какъ этотъ элементъ можно, пренебрегая безконечно малыми величинами второго порядка, считать направленнымъ по касательной къ траекторіи, проведенной въ точкѣ послѣдней, гдѣ находится движущаяся

точка въ моментъ t , то: при указанныхъ ограниченіяхъ, всякое перемѣнное движеніе можно въ теченіи безконечно малаго промежутка времени разсматривать какъ равномерное и прямолинейное, направленное по соотвѣтственной касательной къ траекторіи.

Такимъ образомъ въ механикѣ всякое перемѣнное движеніе сравнивается съ рядомъ безконечно большого числа безконечно малыхъ по своей продолжительности равномерныхъ движеній, совершенно аналогично тому, какъ въ геометріи кривыя сравниваются съ вписанными въ нихъ многоугольниками съ безконечнымъ числомъ безконечно малыхъ сторонъ; какъ кривая есть предѣлъ вписаннаго многоугольника, такъ перемѣнное движеніе есть предѣлъ помянутаго ряда равномерныхъ движеній.

§ 15. До сихъ поръ мы говорили только о величинѣ и о знакѣ скорости v перемѣннаго движенія. Но сверхъ того ей приписываютъ еще направленіе, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Перемѣнное движеніе въ теченіи безконечно малаго промежутка времени, начинающагося съ момента t , можно, какъ мы только что видѣли, принимать за равномерное и прямолинейное, направленное по касательной къ траекторіи въ точкѣ послѣдней, соотвѣтствующей моменту t . Поэтому и скорость перваго движенія въ моментъ t тождественна со скоростью втораго движенія; но скорость этого втораго движенія есть (§ 9) путь, который прошла бы точка въ единицу времени по помянутой касательной, если бы она двигалась по послѣдней прямой съ постоянною скоростью, равною $\frac{ds}{dt}$. Поэтому скорость перемѣннаго движенія въ моментъ t разсматриваютъ какъ длину, равную $\frac{ds}{dt}$, отложенную по касательной къ траекторіи въ точкѣ, гдѣ находится движущаяся точка въ мгновеніе t , отъ точки касанія въ сторону движенія. Такимъ образомъ приписываютъ скорости направленіе, размѣя подъ нимъ направленіе движенія въ моментъ t . Согласно съ этимъ, чтобы изобразить скорость v въ моментъ t по величинѣ, направленію и знаку, проводятъ въ точкѣ M (фиг. 9) траекторіи AB , гдѣ движущаяся точка находится въ мгновеніе t , кас-

тельную MK къ AB и откладываютъ на ней отъ точки касанія M , въ сторону, куда движется точка въ моментъ t (§ 12), длину MV , равную абсолютной величинѣ производной $\frac{ds}{dt}$.

Съ такой точки зрѣнія скорость есть прямая, измѣняющаяся вообще и по величинѣ и по направленію со временемъ, т. е. есть *перемѣнное геометрическое количество*, именно *геометрическая функція времени* и подлежитъ поэтому *геометрическимъ дѣйствіямъ* (20). Въ перемѣнномъ криволинейномъ движеніи оба элемента скорости, какъ величина, такъ и направленіе, перемѣны; въ прямолинейномъ перемѣнномъ движеніи измѣняется только ея величина, въ криволинейномъ равномерномъ движеніи — только ея направленіе, а въ простѣйшемъ изъ всѣхъ движеній, прямолинейномъ равномерномъ, скорость не измѣняется ни по величинѣ, ни по направленію, т. е. есть постоянное геометрическое количество.

§ 16. Предположимъ, что данная траекторія AB (фиг. 11), которую описываетъ точка, отнесена къ полярной системѣ координатъ; пусть P будетъ полюсъ, PX полярная ось, M и M' два безконечно смежныя положенія, занимаемыя движущеюся точкою въ моменты t и $t+dt$, $PM=r$ и $PM'=r+dr$ радіусы векторы, соответствующіе этимъ положеніямъ. Разсматривая радіусъ векторъ движущейся точки какъ геометрическую функцію времени и элементъ траекторіи $MM'=ds$ какъ прямолинейный, этотъ элементъ будетъ очевидно безконечно малая геометрическая разность $\overline{PM'} - \overline{PM}$ или *геометрическій дифференціалъ* (21) радіуса вектора $\overline{PM}=r$, такъ что

$$\overline{MM'} = \overline{dr},$$

а слѣд.
$$v = \frac{\overline{MM'}}{dt} = \frac{\overline{dr}}{dt}, \quad (6)$$

(20) О геометрическихъ количествахъ, геометрическихъ функціяхъ и вообще о методѣ геометрическихъ дѣйствій см. Прибавленіе I.

(21) См. тамъ же.

т. е. скорость переменнаго движениа въ моментъ t есть геометрическая производная радиуса вектора движущейся точки по времени. Это воззрѣнiе будетъ намъ полезно впоследствии. Если бы движение было прямолинейно и полюсь взять на самой траекторiи, тогда направление r было бы постоянно и мы имѣли бы просто

$$v = \frac{dr}{dt},$$

т. е. скорость выражалась бы аналитическою производною радиуса вектора по времени, результатъ, согласный съ прежде даннымъ опредѣленiемъ скорости.

§ 17. Мы видѣли, что скорость v движениа точки по ея траекторiи въ данное мгновение t есть отношение безконечно малаго пространства ds , описаннаго ею въ теченiи слѣдующаго за этимъ мгновениемъ элемента времени dt , къ элементу dt . Въ механикѣ и вообще въ прикладныхъ наукахъ слово *скорость* употребляется часто въ болѣе обширномъ смыслѣ.

Вообще, когда какое либо количество u измѣняется со временемъ, то *скоростью измѣненiя этого количества* или просто *скоростью этого количества* въ данный моментъ t называютъ

отношение $\frac{du}{dt}$ (22) измѣненiя du , которое претерпѣваетъ количество u въ теченiи безконечно малаго промежутка времени dt , слѣдующаго за мгновениемъ t , къ промежутку времени dt , или, что

(22) Мы для краткости говоримъ здѣсь прямо объ отношенiи $\frac{du}{dt}$, но не должно забывать, что подъ этимъ отношенiемъ разумется предѣлъ, къ которому стремится отношение $\frac{\Delta u}{\Delta t}$ приращенiя Δu , получаемаго переменною u въ теченiи какого либо промежутка времени Δt (достаточно малаго для того чтобы переменная u , рассматриваемая по величинѣ и по знаку, въ теченiи этого промежутка или постоянно увеличивалась, или постоянно уменьшалась), къ промежутку времени Δt , по мѣрѣ того какъ приближается къ нулю. Отношение $\frac{\Delta u}{\Delta t}$ выражаетъ *среднюю скорость измѣненiя количества u за промежутокъ времени Δt .*

то же, величину, на которую увеличилось или уменьшилось бы количество u въ слѣдующую за моментомъ t единицу времени, если бы въ теченіи послѣдней измѣненіе количества u было равномернѣю, т. е. пропорціонально времени⁽²³⁾. Скорость $\frac{du}{dt}$ будетъ

величина положительная или отрицательная, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается количество u , разсматриваемое по величинѣ и по знаку, со временемъ, начиная съ момента t . Если зависимость между u и t дана уравненіемъ, то скорость $\frac{du}{dt}$ переменнаго

количества u найдется путемъ простаго дифференцированія; когда же одновременныя значенія u и t даются таблицей, то можно всегда начертить линію, выражающую графически помянутую за-

висимость, и найти скорость $\frac{du}{dt}$, строя касательную къ этой ли-

ніи и примѣняя пріемъ, совершенно аналогичный изложенному въ § 13 для графическаго опредѣленія скорости v движенія точки по ея траекторіи.

Такъ напр. въ тѣлѣ, нагрѣтомъ какимъ либо образомъ до опредѣленнаго числа градусовъ и предоставленномъ затѣмъ охлажденію соприкосновеніемъ съ болѣе холодною средою, температура τ во время нагрѣванія и во время охлажденія будетъ количество,

измѣняемое со временемъ, и можно говорить о скорости $\frac{d\tau}{dt}$ этого

количества, т. е. о скорости температуры тѣла. Эта скорость будетъ величина положительная въ теченіи періода нагрѣванія и отрицательная въ теченіи періода охлажденія. Наблюдая и записывая температуры тѣла въ опредѣленные моменты, составимъ таблицу, которую можно будетъ выразить кривою; угловые коэффициенты касательныхъ къ послѣдней будутъ опредѣлять значенія скорости температуры.

⁽²³⁾ Самая скорость v движенія точки по ея траекторіи есть, съ такой общей точки зрѣнія, скорость измѣненія координаты s движущейся точки, или просто скорость этой координаты.

Подобныхъ примѣровъ можно привести значительное число. Мы остановимся только на двухъ изъ нихъ, которые встрѣчаютъ частое примѣненіе въ кинематикѣ и вообще въ механикѣ.

1) Когда нѣкоторый уголъ θ между двумя прямыми измѣняется со временемъ, то отношеніе $\frac{d\theta}{dt}$ положительнаго или отрицательнаго приращенія $d\theta$, получаемаго имъ въ элементъ времени dt , начиная съ момента t , въ элементу dt , называютъ скоростью этого угла или *угловою скоростью* въ моментъ t . Такъ напр. если точка движется какимъ либо образомъ по данной кривой AB (фиг. 11), отнесенной къ полюсу P и къ полярной оси PX , радиусъ векторъ $PM=r$ образуетъ съ послѣдней уголъ θ , непрерывно измѣняющійся со временемъ, и $\frac{d\theta}{dt}$ представляетъ угловую скорость этого радиуса вектора, которая будетъ положительная или отрицательная, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается уголъ $DPM=\theta$ со временемъ, начиная съ момента t . Предположимъ, въ частномъ случаѣ, что траекторія AB есть окружность даннаго радиуса r и P ея центръ; тогда $MM'=ds=r d\theta$, слѣд.

$$\frac{ds}{dt} = v = r \frac{d\theta}{dt}$$

Обыкновенно принято въ разсматриваемомъ случаѣ круговаго движенія называть угловую скорость $\frac{d\theta}{dt}$ радиуса *угловою скоростью движущейся точки* и означать ее буквою ω ; тогда

$$v = r\omega; \tag{7}$$

если положимъ здѣсь $r=1$, получимъ $\omega=v$; поэтому, называя скорость v движенія точки по ея траекторіи, въ отличіе отъ угловой и всякой другой скорости, допустимой въ указанномъ общемъ смыслѣ послѣдняго слова, *линейною скоростью*, можемъ

сказать, что угловая скорость точки въ круговомъ движеніи есть линейная скорость, съ которою двигалась бы разсматриваемая точка по кругу, если бы этотъ кругъ имѣлъ радіусъ, равный линейной единицѣ, или, если бы точка находилась на единицѣ разстоянія отъ центра траекторіи, и что линейная скорость равна произведенію изъ угловой скорости на радіусъ круга, который описываетъ точка. Зная одну изъ двухъ скоростей v , ω и радіусъ r , найдемъ другую изъ зависимости (7).

2) Предположимъ, что точка въ опредѣленномъ своемъ движеніи описываетъ плоскую траекторію AB (фиг. 11); при этомъ движеніи радіусъ векторъ $PM=r$, проведенный отъ какой либо неподвижной точки P , взятой въ плоскости траекторіи, къ движущейся точкѣ M , будетъ описывать нѣкоторую площадь S ; эта площадь, которую часто приходится разсматривать въ механикѣ, считаемая отъ опредѣленнаго положенія радіуса вектора, напр. отъ

положенія PD , измѣняется со временемъ, и отношеніе $\frac{dS}{dt}$ бесконечно

малого приращенія dS , получаемого ею въ теченіи элемента времени dt и изображаемого площадью бесконечно узкаго сектора MPM' , въ промежутку времени dt , употребляемому движущейся точкою для перехода изъ M въ M' , представитъ скорость v этой площади или такъ называемую *площадную скорость* (24) въ моментъ t ; она будетъ положительная или отрицательная, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается со временемъ площадь DPM , начиная съ момента t . Легко найти соотношеніе этого количества съ линейною скоростью v и угловою скоростью

$\frac{d\theta}{dt}$. Разсматривая площадь $dS=MPM'$ какъ элементарное приращеніе площади сектора DPM и называя чрезъ r , θ полярныя координаты точки M , имѣемъ непосредственно, по извѣстному выраженію дифференціала площади сектора,

$$dS = \frac{1}{2} r^2 d\theta,$$

(24) Французскіе авторы называютъ эту скорость *vitesse areolaire*.

и слѣд.
$$v_a = \frac{dS}{dt} = \frac{1}{2} r^2 \frac{d\theta}{dt}$$

Съ другой стороны, принимая безконечно малую дугу $MM' = ds$ а прямолинейный элементъ и фигуру $MM'P$ за прямолинейный треугольникъ и называя чрезъ p длину перпендикуляра Pp , опущеннаго изъ полюса или такъ называемаго центра площадей P на касательную, проведенную въ M къ траекторіи, площадь dS треугольника $MM'P$ выразится чрезъ $\frac{1}{2} p ds$; поэтому будетъ

$$v_a = \frac{dS}{dt} = \frac{1}{2} p \frac{ds}{dt} = \frac{1}{2} pv.$$

И такъ
$$v_a = \frac{1}{2} r^2 \frac{d\theta}{dt} = \frac{1}{2} pv, \quad (8)$$

т. е. *площадная скорость выражается произведеніемъ изъ половины квадрата радіуса вектора на угловую скорость послѣднюю или произведеніемъ изъ половины разстоянія центра площадей отъ соотвѣтственной касательной къ траекторіи на линейную скорость движущейся точки.*

§ 18. Возвратимся къ понятію о скорости движенія точки по ея траекторіи. Въ перемежномъ движеніи эта скорость есть нѣкоторая функція времени, которой значеніе можетъ быть опредѣлено въ каждое мгновеніе, когда извѣстенъ законъ движенія по траекторіи; зависимость между v и t можно изобразить графически линією, точно такъ же, какъ мы изображали зависимость между s и t линією пространства, что представляетъ выгоды того же рода, какія сопряжены съ построеніемъ послѣдней кривой. Эту новую линію, служащую графическимъ выраженіемъ закона измененія скорости со временемъ, называютъ *линією скоростей*.

Чтобы построить линію скоростей надо знать законъ движенія по траекторіи.

Если этотъ законъ данъ аналитическою зависимостью $s = f(t)$, о дифференцированіе ея по времени дастъ новую зависимость

$$v = f'(t) = \varphi(t).$$

Изъясъ двѣ прямоугольныя оси координатъ, разсматривая одновременныя значенія переменныхъ t , v какъ соответственныя абсциссы ординаты относительно этихъ осей и избравъ опредѣленные аштакты времени и пространства⁽²⁵⁾, останется построить эту зависимость по точкамъ, чтобы получить линію скоростей.

Если же законъ движенія по траекторіи данъ графически, е. линію пространства (α_+) (фиг. 12), то линія скоростей найдется, строя, какъ было указано въ § 13, въ точкахъ $\mu_1, \mu_2, \mu_3, \dots$, соответствующихъ напр. равнымъ разностямъ абсциссъ $\tau_1\tau_2 = \tau_2\tau_3 = \tau_3\tau_4 = \dots$, скорости движенія $\delta_1\delta_1', \delta_2\delta_2', \delta_3\delta_3', \dots$ въ моменты, изображаемые длинами $\omega\tau_1, \omega\tau_2, \omega\tau_3, \dots$, и откладываемая на ординатахъ $\tau_1\mu_1, \tau_2\mu_2, \tau_3\mu_3, \dots$ длины $\tau_1\gamma_1, \tau_2\gamma_2, \tau_3\gamma_3, \dots$, соответственно равныя $\delta_1\delta_1', \delta_2\delta_2', \delta_3\delta_3', \dots$ вверхъ или низъ отъ оси времени, смотря по тому, лежатъ ли точки $\delta_1', \delta_2', \delta_3', \dots$ соответственно надъ или подъ прямыми $\mu_1\delta_1, \mu_2\delta_2, \mu_3\delta_3, \dots$, проведенными чрезъ точки $\mu_1, \mu_2, \mu_3, \dots$ параллельно въ ωT ; линія (α_+) , соединяющая точки $\gamma_1, \gamma_2, \gamma_3, \dots$, будетъ линія скоростей для движенія, коего линія пространства есть кривая (α_+) .

Сравнивая двѣ кривыя (α_+) , (α_-) , принадлежащія одному и ому же движенію, между собою, видимъ, что максимуму или минимуму ординаты линіи пространства будетъ соответствовать въ линіи скоростей ордината, равная нулю; тогда скорость обращается въ нуль и мѣняетъ свой знакъ; такой случай представляетъ напр. точка μ_4 на фиг. 12, гдѣ ордината $\tau_4\mu_4$ кривой (α_+) имѣетъ наибольшее значеніе, а ордината линіи (α_-) переходитъ изъ положительной въ отрицательную; обратно, каждому максимуму или ми-

(25) Говоримъ—пространствъ, а не скоростей, потому что, какъ скоро избрана опредѣленная единица времени, скорость есть длина и выражается въ тѣхъ линейныхъ единицахъ, какія приняты для измѣренія разстояній или проходимыхъ точкою пространство.

нижнему ординаты линии скоростей соответствует на линии пространства точка перегиба, определяемая условием $\frac{d^2s}{dt^2} = 0$, какова напр. точка μ_1 на фиг. 12, соответствующая наибольшей ординате $\tau_1\gamma_1$ линии (α_1) .

Площадь $\tau_0\gamma_0\tau$ (фиг. 13), заключенная между линией скоростей (α_1) , двумя ее ординатами $\tau_0\gamma_0$, $\tau\gamma$, соответствующими двум определенным последовательным мгновениям $t_0 = \omega\tau_0$ и $t = \omega\tau$, и осью абсцисс, изображает пространство, пройденное движущейся точкой в теченіи времени $t - t_0$; потому что эта площадь выражается, какъ известно, интеграломъ

$$\int_{t_0}^t v dt,$$

тогда какъ, съ другой стороны, интегрируя зависимость

$$ds = v dt$$

между предѣлами t_0 и t и называя чрезъ s_0 значеніе s при $t = t_0$, имѣемъ

$$s - s_0 = \int_{t_0}^t v dt, \quad (9)$$

а $s - s_0$ есть именно пространство, пройденное точкою во время $t - t_0$.

Примѣняя указанное въ этомъ § построеніе линии скоростей къ рассмотрѣнному въ § 9 случаю равномернаго движенія, найдемъ (фиг. 14), что въ этомъ движеніи линия скоростей есть прямая (α_1) , параллельная оси абсциссъ и отстоящая отъ этой оси на разстояніе $\gamma_1\tau_1 = \delta_1\delta_1' = \delta_2\delta_2' = \delta_3\delta_3' = \dots$, изображающее постоянную скорость разсматриваемаго равномернаго движенія.

§ 19. Мы видѣли тотчасъ, что когда данъ законъ движенія по траекторіи аналитически или графически, т. е. когда данъ уравненіемъ или только графически линия пространства, тогда

можно построить линію скоростей. Легко показать, что и наоборотъ, когда дана аналитически или графически зависимость между t и v , т. е. когда дана уравненіемъ или только графически линія скоростей, то можно построить линію пространствъ.

Предположимъ сначала, что дано уравненіе

$$v = \varphi(t).$$

Остроивъ его по точкамъ, получимъ линію скоростей (α) (фиг. 13). Затѣмъ, на основаніи того же уравненія мы можемъ вычислить аналитически точное значеніе интеграла

$$\int_{t_0}^t v dt = \int_{t_0}^t \varphi(t) dt \quad (a)$$

ли величину площади $\tau_0 \gamma_0 \gamma t$ для каждаго частнаго значенія t ; изравъ опредѣленную единицу времени, время можно разсматривать какъ число отвлеченное, послѣ чего площадь $\tau_0 \gamma_0 \gamma t$ будетъ представлять опредѣленное число линейныхъ единицъ, т. е. длину, и чтобы построить ординату s искомой линіи пространствъ, соответствующую разсматриваемому частному значенію времени t , изображаемому абсциссою ωt , останется только придать (алгебраически) иденную линейную величину $\mu_0' \mu$ площади $\tau_0 \gamma_0 \gamma t$ или интеграла (a), выраженную въ принятомъ масштабѣ пространствъ, къ ординатѣ $\tau_0 \mu_0$, соответствующей моменту $t_0 = \omega t_0$, ибо изъ рав. (9).

$$s = s_0 + \int_{t_0}^t v dt.$$

Такимъ образомъ, если только известна ордината s_0 $\tau_0 \mu_0$ линіи пространствъ, соответствующая данному моменту t_0 , мы, владыкая на каждой продолженной ординатѣ линіи скоростей въ оси абсциссъ по величинѣ и по знаку длину $\tau \mu_0' = \tau_0 \mu_0$ и гѣмъ отъ точки μ_0' длину $\mu_0' \mu$, изображающую въ избранномъ масштабѣ пространствъ соответствующее моменту $t = \omega t$ значеніе площади $\tau_0 \gamma_0 \gamma t$, построимъ какое угодно число ординатъ $\tau \mu$ линіи пространствъ, соответствующихъ даннымъ абсциссамъ ωt , а

слѣд. и самую линію (α_s); такъ что вопросъ о построеніи послѣдней по данной линіи скоростей (α_v) приводится къ квадратурѣ линіи (α_s); но изъ сказаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что, для того чтобы этотъ вопросъ былъ опредѣленный, необходимо, чтобы кромѣ линіи скоростей была извѣстна еще координата s_0 движущейся точки для момента t_0 , принятаго за начало площадей, или, другими словами, чтобы была дана одна точка $\mu_0 (s_0, t_0)$ линіи пространствъ.

Когда линія скоростей (α_v) дана только графически, а уравненіе ея не извѣстно, тогда способъ построения линіи пространствъ остается тотъ же, съ тѣмъ только различіемъ, что въ этомъ случаѣ нельзя находить аналитически точное значеніе интеграла

$\int_{t_0}^t v dt$ или площади $\tau_0 \gamma_0 \gamma t$, потому что неизвѣстна аналитическая зависимость между v и t , и приходится опредѣлять эту площадь или помощью одного изъ способовъ приближенныхъ квадратуръ, напр. на основаніи извѣстныхъ правилъ Симпсона и Понслэ⁽²⁶⁾, или помощью особыхъ приборовъ, служащихъ для механическаго опредѣленія данныхъ криволинейныхъ площадей и называемыхъ *планиметрами* (27).

§ 20. Кромѣ линіи пространствъ (α_s) и линіи скоростей (α_v) можно, для графическаго изображенія свойствъ изучаемаго движенія, построить еще третью кривую ($\alpha_{s,v}$), выражающую зависимость между разстояніемъ или пространствомъ s и скоростью v . Когда линія пространствъ дана своимъ уравненіемъ $s=f(t)$, тогда кривая ($\alpha_{s,v}$) получится, исключая t между уравненіями

$$s=f(t), \quad v=f'(t)=\varphi(t)$$

(26) Способы приближенныхъ квадратуръ Симпсона и Понслэ изложены въ Прибавленіи II.

(27) Къ наиболее удобнымъ и употребительнымъ изъ такихъ приборовъ принадлежатъ планиметры Эреста, Бёвиера и Амслера. Описание и теорію первыхъ двухъ можно найти въ сочиненіи Sonnet «Dictionnaire des mathématiques appliquées», а описание и теорію третьяго — въ механикѣ Вейсбаха.

и строя по точкамъ найденное въ результатѣ этого исключенія уравненіе между s и v , откладывая при этомъ значенія s на оси абсциссъ, а значенія v параллельно оси ординатъ. Если линія пространствъ дана только графически, то, построивъ по ней линію скоростей (§ 18), кривая $(\alpha_{s,v})$ получится, относя первыя двѣ кривыя $(\alpha_s), (\alpha_v)$ къ одному и тому же масштабу времени и строя кривую, коей абсциссы были бы равны ординатамъ линіи (α_s) и коей ординаты равнялись бы ординатамъ линіи (α_v) . Кривая $(\alpha_{s,v})$ употребляется впрочемъ сравнительно рѣдко.

§ 21. Вообще, пока при изученіи какого либо движенія точки по ея траекторіи разсматриваются только три его элемента: время t , разстояніе или пространство s и скорость v , до тѣхъ поръ полное рѣшеніе всякой задачи относительно этого движенія состоитъ въ розысканіи зависимостей между каждымъ двумя изъ 3 переменныхъ t, s, v . А какъ между этими 3 переменными для всякаго движенія имѣеть мѣсто соотношеніе

$$v = \frac{ds}{dt},$$

то ясно, что въ каждой задачѣ должна быть дана одна частная зависимость

$$\Phi(t, s, v) = 0,$$

характеризующая спеціальныя свойства разсматриваемаго движенія, такъ чтобы имѣлись всего двѣ зависимости между тремя переменными. Функція Φ можетъ содержать или двѣ, или всѣ три изъ переменныхъ t, s, v . Въ первомъ предположеніи возможны три случая, ибо функція Φ можетъ содержать или переменныя s, t , или v, t , или v, s ; во второмъ предположеніи возможенъ только одинъ случай. Такимъ образомъ всѣ вопросы о движеніи точки по ея траекторіи, относящіеся къ временамъ, къ пространствамъ и къ скоростямъ, приводятся къ слѣдующимъ 4 типамъ задачъ:

Когда дана зависимость между	s, t	v, t	v, s
найти зависимость между	v, t	s, t	s, t
и зависимость между	v, s	v, s	v, t
и когда дана зависимость между	$t, s, v,$		
найти зависимости между	$s, t;$	$v, t;$	$v, s.$

Замѣчая же, что когда двѣ изъ зависимостей между $s, t; v, t; v, s$ извѣстны, третья найдетса исключеніемъ общей перемѣнной изъ двухъ другихъ, видимъ, что первыя три изъ приведенныхъ задачъ равнозначны съ слѣдующими:

- 1) найти зависимость между v, t , когда дано соотношеніе между s, t ;
- 2) найти зависимость между s, t , когда дано соотношеніе между v, t ;
- 3) найти зависимость между s, t , когда дано соотношеніе между v, s .

Эти три вопроса рѣшаются соотвѣтственно уравненіями:

$$v = \frac{ds}{dt} = f'(t), \quad (5)$$

$$s = s_0 + \int_{t_0}^t v dt, \quad (9)$$

$$t = t_0 + \int_{s_0}^s \frac{ds}{v}, \quad (10)$$

изъ которыхъ два послѣднія суть слѣдствія перваго и въ которыхъ s_0 и t_0 представляютъ опредѣленные одновременныя частныя значенія перемѣнныхъ s и t ; обыкновенно за моментъ t_0 берутъ моментъ, избранный за начало счета времени, тогда $t_0 = 0$.

Рѣшеніе же четвертой задачи зависитъ отъ интегрированія дифференціального уравненія перваго порядка $\Phi \left(t, s, \frac{ds}{dt} \right) = 0$, послѣ чего она сводится на первую изъ 3 предыдущихъ задачъ.

Кромѣ 4 приведенныхъ общихъ вопросовъ, бываетъ иногда нужнымъ опредѣлить среднюю скорость v_m перемѣннаго движенія за данный промежутокъ времени $t - t_0$, истекшій отъ опредѣлен-

наго момента t_0 до какого либо поздѣйшаго момента t , предполагая, что скорость v известна или въ функціи времени, или въ функціи разстоянія s . Называя чрезъ s_0 , s значенія координаты s въ моменты t_0 , t , по опредѣленію средней скорости (§ 12) имѣемъ

$$v_m = \frac{s - s_0}{t - t_0},$$

откуда, въ силу рав. (9) и (10), для аналитическаго опредѣленія средней скорости въ двухъ помянутыхъ случаяхъ находимъ формулы

$$v_m = \frac{\int_{t_0}^t v dt}{t - t_0}, \quad (11)$$

$$v_m = \frac{s - s_0}{\int_{t_0}^t \frac{ds}{v}}. \quad (12)$$

Скорость v_m можно опредѣлить и геометрически, когда дана линия скоростей разсматриваемаго движенія. Мы знаемъ, что пространство $s - s_0$ выражается площадью $\tau_0 \gamma_0 \gamma \tau$ (фиг. 13), ограниченной линіею скоростей (α_v), двумя ея ординатами $\tau_0 \gamma_0$, $\tau \gamma$, соответствующими моментамъ $t_0 = \omega \tau_0$, $t = \omega \tau$, и осью временъ; но, съ другой стороны, равенство

$$s - s_0 = v_m (t - t_0)$$

показываетъ, что то же пространство выражается прямоугольникомъ, котораго основаніе есть $t - t_0$, а высота равна v_m ; поэтому для опредѣленія v_m стоитъ построить прямоугольникъ $\tau_0 \gamma_m \gamma_m' \tau$, который имѣлъ бы основаніе $\tau_0 \tau$, общее съ фигурою $\tau_0 \gamma_0 \gamma \tau$, и площадь, равную площади этой фигуры; высота $\tau_0 \gamma_m$ такого прямоугольника изобразитъ среднюю скорость v_m за промежутокъ времени $t - t_0$.

§ 22. Примѣнимъ сказанное въ §§ 11—21 о переменномъ движеніи къ простѣйшимъ и важнѣйшимъ для приложений частнымъ примѣрамъ.

а) *Равномерно-переменное движение.* Мы видели (§ 9), что простѣйшее изъ всѣхъ вообще движеній точки по данной траекторіи есть движеніе равномерное, въ которомъ координата s есть линейная алгебраическая функція времени t и скорость постоянна. Такимъ же образомъ, между всѣми переменными движеніями, въ коихъ скорость измѣняется со временемъ, простѣйшее движеніе должно быть то, въ которомъ скорость v связана со временемъ простѣйшею изъ всѣхъ зависимостей, именно линейною алгебраическою зависимостью вида

$$v = a \pm bt, \quad (A)$$

гдѣ a и b постоянныя количества. Коэффициентъ a есть значеніе скорости въ моментъ, принятый за начальный, а разность $\pm(v - a)$ есть абсолютное измѣненіе скорости за время t ; и ур. (A) выражаетъ, что въ движеніи, законъ котораго дается этимъ уравненіемъ, измѣненіе скорости $\pm(v - a)$ пропорціонально t и что скорость v , разсматриваемая по величинѣ и по знаку, постоянно увеличивается или постоянно уменьшается съ увеличеніемъ времени t . Такое движеніе, въ которомъ *измѣненія скорости, разсматриваемой по величинѣ и по знаку, за произвольныя промежутки времени пропорціональны этимъ временамъ и постоянны по знаку, или, другими словами, въ которомъ измѣненія, претерпѣваемая скоростью, разсматриваемой по величинѣ и по знаку, въ равныя, произвольно избранныя промежутки времени, равны и однократны*, называютъ *равномерно-переменными движеніями*. При томъ, если скорость, разсматриваемая только по своей абсолютной величинѣ, увеличивается пропорціонально времени, движеніе называютъ *равномерно-ускореннымъ*, если же абсолютная величина скорости уменьшается пропорціонально времени — *равномерно-ускореннымъ*.

Исслѣдованіе равномерно-переменнаго движенія имѣетъ двоякую важность; съ одной стороны на него и на движеніе равномерное сводятъ въ механикѣ изученіе всѣхъ другихъ движеній; съ другой стороны, оно, какъ мы увидимъ, представляетъ теоретическій типъ движеній, встрѣчающихся постоянно въ природѣ.

Мы видѣли, что когда зависимость между скоростью и временемъ имѣетъ видъ (А), то движеніе будетъ равномерно-пере-
мѣнное. Легко убѣдиться, что, и наоборотъ, если движеніе равно-
мѣрно-переменное, то законъ скоростей будетъ выражаться зави-
симостью вида (А). Назовемъ съ этою цѣлью чрезъ v_0 скорость
точки, движущейся по данной линіи равномерно-переменнымъ дви-
женіемъ, въ моментъ, принятый за начальный, чрезъ v скорость
въ концѣ какаго либо времени t , считаемаго отъ избраннаго на-
чальнаго мгновенія; тогда $\pm (v - v_0)$ будетъ положительное из-
мѣненіе скорости за промежутокъ времени t , при чемъ надо брать
верхній или нижній знакъ, смотря по тому, увеличивается ли или
уменьшается скорость; разсматриваемая по величинѣ и по знаку,
съ увеличеніемъ времени; и, называя чрезъ W постоянный коэффи-
ціентъ пропорціональности, по опредѣленію равномерно-перемен-
наго движенія будетъ:

$$\pm (v - v_0) = Wt,$$

или
$$v = v_0 \pm Wt, \quad (13)$$

соотношеніе, тождественное по виду съ ур. (А).⁽²⁵⁾

Ур. (13) есть частная форма зависимости

$$v = f'(t) = \varphi(t)$$

для случая равномерно-переменнаго движенія. Въ немъ постоян-
ный коэффиціентъ

$$W = \frac{\pm (v - v_0)}{t}$$

выражаетъ положительное измѣненіе скорости за единицу времени.

⁽²⁵⁾ Какъ эти разсужденія, такъ и соответственныя о равномерномъ движеніи въ § 9 предполагаютъ величину t положительною, т. е. относятся непосредственно лишь къ моментамъ, наступающимъ послѣ мгновенія, избраннаго за начальное; но весьма легко видѣть, что всѣ заключенія §§ 9 и 22 остались бы тѣ же и для отрицательныхъ значеній времени t , т. е. для моментовъ, предшествовавшихъ начальному мгновенію.

Этот коэффициент W , отличающий одно равномерно-переменное движение по данной траекторіи отъ другого, играетъ по отноше- нію къ скорости точно такую же роль, какую скорость играетъ относительно проходимаго пространства въ равномерномъ движе- ніи; онъ изображаетъ мѣру постоянной быстроты, съ которою ско- рость равномерно-переменнаго движенія увеличивается или умень- шается со временемъ, или съ которою это движеніе ускоряется или замедляется, т. е. измѣряетъ собою ускореніе движенія, но ускореніе въ алгебраическомъ смыслѣ, которое можетъ быть и за- медленіемъ. Поэтому его называютъ *ускореніемъ* равномерно-пере- меннаго движенія; мы будемъ его называть вообще *ускореніемъ по направленію движенія* или *касательнымъ ускореніемъ*, по причинѣ, которую объяснимъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о томъ, что разумѣютъ въ механикѣ подъ *ускореніемъ движе- нія вообще*; мы увидимъ тогда, что количество W представ- ляетъ только опредѣленную часть послѣдняго ускоренія и что эти два понятія совпадаютъ лишь въ одномъ частномъ случаѣ прямо- линейнаго движенія, въ которомъ мы поэтому и будемъ назы- вать количество W просто *ускореніемъ*.

Такъ какъ касательное ускореніе есть отношеніе опредѣлен- ной разности скоростей къ опредѣленному промежутку времени, то оно представляетъ отвлеченное число, зависящее отъ единицы длины и отъ единицы времени. Отсюда слѣдуетъ, что для того, чтобы вполне опредѣлить касательное ускореніе, надо, выражая его чи- сленное значеніе, всегда указывать единицу длины и единицу вре- мени, къ которымъ это значеніе относится. Число, выражающее ускореніе, измѣняется слѣдующимъ образомъ съ единицею длины и съ единицею времени: 1) численная величина касательнаго уско- ренія измѣняется съ единицею длины, какъ скорости, и слѣд. (§ 9) какъ числа, изображающія длины, т. е. если единица длины увеличивается или уменьшается въ опредѣленное число, n , разъ, то число, выражающее касательное ускореніе, соответственно уменьшается или увеличивается въ такое же число, n , разъ; 2) численная величина касательнаго ускоренія измѣняется съ единицею времени, какъ ско- рость, раздѣленная на время, т. е. (§ 9) какъ числа, обратныя квадратамъ чиселъ, изображающихъ времена; такъ что если еди-

ница времени увеличивается или уменьшается въ m разъ, то число, выражающее касательное ускореніе, соответственно увеличивается или уменьшается въ m^2 разъ. Отношеніе же двухъ ускореній не измѣняется отъ одновременнаго и одинаковаго измѣненія единицъ длины и времени въ каждомъ изъ нихъ. Когда единица времени избрана, время можно разсматривать какъ число отвлеченное и тогда касательное ускореніе выражаетъ опредѣленное число линейныхъ единицъ, т. е. длину, коей численное значеніе зависитъ отъ принятой единицы длины; съ такой точки зрѣнія касательное ускореніе разсматриваютъ часто какъ длину, подразумѣвая, что оно относится къ опредѣленной, напередъ избранной единицѣ времени.

Касательному ускоренію приписываютъ, такъ же какъ скорости, знакъ. Согласно сказанному выше, законъ, связывающій скорость со временемъ въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи, выражается двумя различными уравненіями

$$v = v_0 + Wt,$$

или

$$v = v_0 - Wt,$$

первымъ—когда скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, увеличивается съ увеличеніемъ времени, вторымъ—когда эта скорость уменьшается съ увеличеніемъ времени; въ нихъ W представляетъ касательное ускореніе въ опредѣленномъ выше смыслѣ абсолютнаго отношенія, или абсолютной длины. Эти два результата можно соединить въ одинъ, допуская, что касательное ускореніе имѣетъ знакъ, именно, условливаясь приписывать ему знакъ $+$, когда скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, увеличивается съ возрастаніемъ времени, и знакъ $-$, когда эта скорость уменьшается съ возрастаніемъ времени. Тогда, называя чрезъ w полученное такимъ образомъ для касательнаго ускоренія положительное или отрицательное число, мы будемъ имѣть для всѣхъ равномѣрно-перемѣнныхъ движеній одно уравненіе

$$v = v_0 + wt. \quad (14)$$

Движеніе, опредѣляемое уравненіемъ (14), будетъ равномѣрно-

ускоренное, если начальная скорость v_0 и касательное ускорение w имѣютъ одинаковые знаки, и будетъ при этомъ происходить въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s -овъ, смотря по тому, будутъ ли величины v_0 и w обѣ положительны, или обѣ отрицательны. Если начальная скорость и касательное ускореніе имѣютъ противные знаки, то равномерно-переменное движеніе будетъ сначала равномерно-ускоренное, происходящее въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s -овъ, смотря по тому, будетъ ли начальная скорость v_0 положительна или отрицательна; но это равномерно-ускоренное движеніе, если только оно продолжается достаточно долгое время, всегда переходитъ затѣмъ, какъ показываетъ ур. (14), въ равномерно-ускоренное, происходящее въ сторону обратную той, въ которую было направлено равномерно-ускоренное движеніе.

Ур. (14) показываетъ⁷, что линия скоростей въ равномерно-переменномъ движеніи есть прямая (α_+) (фиг. 15), пересекающая ось абсциссъ на разстояніи v_0 отъ начала ω и коей угловой коэффициентъ есть количество w , при чемъ относительно этого углового коэффициента снова должны быть повторены всѣ замѣчанія, сдѣланныя въ § 9 касательно углового коэффициента прямой пространства равномернаго движенія. Поэтому для графическаго построенія касательнаго ускоренія w стоитъ чрезъ произвольную точку γ линии (α_+) провести прямую γT_1 , параллельную къ оси времени, на этой прямой отъ точки γ отложить длину $\gamma\pi$, равную единицѣ принятаго масштаба времени и изъ π возставить перпендикуляръ $\pi\pi'$ до пересѣченія съ (α_+); линия $\pi\pi'$ изобразитъ въ принятомъ масштабѣ пространство касательное ускореніе w . Если уголъ, образуемый прямою скоростей съ положительною частью оси времени, острый, то ординаты прямой (α_+) будутъ увеличиваться съ увеличеніемъ времени и изображаемое движеніе будетъ равномерно-ускоренное; если же помянутый уголъ тупой, то ординаты прямой (α_+) будутъ уменьшаться съ увеличеніемъ времени и движеніе будетъ равномерно-ускоренное.

Чтобы найти законъ $s = f(t)$ равномерно-переменнаго движенія по данной траекторіи аналитически, зная зависимость (14)

между v и t , надо (§ 21, задача 2) применить къ ур. (14) общую формулу

$$s = s_0 + \int_{t_0}^t v dt,$$

положивъ въ ней $t_0 = 0$; получимъ

$$s = s_0 + \int_0^t (v_0 + wt) dt,$$

или
$$s = s_0 + v_0 t + \frac{1}{2} wt^2, \quad (15)$$

гдѣ s_0 есть значеніе s при $t=0$. Ур. (15) есть общее уравненіе равноѣрно-переѣннаго движенія; и мы такимъ образомъ видимъ, что въ этомъ движеніи, простѣйшемъ послѣ равноѣрнаго, въ которомъ s есть *линейная* функція времени, разстояніе s выражается *квадратною* функціею времени.

Тотъ же законъ (15) можно получить геометрически, зная линію скоростей (α_1) (фиг. 15). Пусть γ_0 и γ будутъ точки линіи скоростей, соответствующія моментамъ 0 и t , въ которые координата s имѣетъ значенія s_0 и s ; площадь $\omega\gamma_0\gamma t$ равна пространству $s - s_0$, пройденному точкою во время $t = \omega t$ (§ 18); съ другой стороны эта площадь, какъ площадь трапеціи, равна $\omega t \left(\frac{\omega\gamma_0 + \gamma t}{2} \right)$, такъ что

$$s - s_0 = \omega t \left(\frac{\omega\gamma_0 + \gamma t}{2} \right);$$

но $\omega t = t$, $\omega\gamma_0 = v_0$, $\gamma t = v_0 + wt$; слѣд.

$$s - s_0 = \frac{1}{2} t (v_0 + v_0 + wt) = v_0 t + \frac{1}{2} wt^2,$$

или
$$s = s_0 + v_0 t + \frac{1}{2} wt^2.$$

Изъ этого уравненія слѣдуетъ, что линія пространствъ въ равноѣрно-переѣнномъ движеніи есть парабола, которой ось парал-

лельна оси s -овъ, которой вершина имѣеть координаты

$$t_1 = -\frac{v_0}{w}, \quad s_1 = s_0 - \frac{v_0^2}{2w}$$

и которой параметръ p равенъ $\frac{1}{w}$; смотря по знакамъ величинъ v_0 , w и s_0 , возможны 8 различныхъ расположений этой кривой.

Чтобы получить линію (α, v) , выражающую законъ измѣненія скорости v съ разстояніемъ s въ равноѣрно-перемѣнномъ движеніи, надо исключить время между ур. (14) и (15) и найденную въ результатѣ зависимость

$$v^2 = v_0^2 + 2w(s - s_0)$$

построить по точкамъ; легко видѣть, что эта кривая есть парабола, коей ось параллельна къ оси s -овъ, коей вершина имѣеть координаты

$$s_1 = s_0 - \frac{v_0^2}{2w}, \quad v_1 = 0$$

и которой параметръ p равенъ касательному ускоренію w .

И такъ равноѣрно-перемѣнное движеніе характеризуется относительно проходимыхъ въ немъ пространствъ и скорости слѣдующими двумя уравненіями

$$s = s_0 + v_0 t + \frac{1}{2} w t^2, \quad (15)$$

$$v = v_0 + w t, \quad (14)$$

которыя принадлежатъ равноѣрно-ускоренному или равноѣрно-уогшенному движенію, смотря по тому, имѣють ли начальная скорость v_0 и ускореніе w одинаковые или противные знаки. Эти уравненія упрощаются, если считать время отъ мгновенія, въ которое скорость равна нулю, а разстоянія s отъ положенія, которое занимаетъ движущаяся точка въ это мгновеніе; тогда одно-

временно $t=0$, $v=0$, $s=0$, т. е. $v_0=0$, $s_0=0$, и предыдущія уравненія замѣняются слѣдующими:

$$s = \frac{1}{2} \omega t^2, \quad (16)$$

$$v = \omega t; \quad (17)$$

ю эти уравненія принадлежатъ уже исключительно равномернo-скоренному движению, такъ какъ равномернo-перемѣнное движение не можетъ быть ускореннымъ, если оно начинается безъ начальной скорости.

Изъ ур. (14), (15), (16) и (17) вытекаютъ нѣсколько замѣчательныхъ общихъ свойствъ равномернo-перемѣннаго движения.

Такъ, исключая количество ω между ур. (14) и (15), получаемъ равенство

$$\frac{s-s_0}{t} = \frac{v_0+v}{2},$$

высказывающее, что 1) въ равномернo-перемѣнномъ движении средняя скорость за данный промежутокъ времени есть среднее арифметическое между скоростями въ начальный и конечный моменты этого промежутка.

Далѣе, изъ рав. (15) имѣемъ непосредственно

$$\frac{s-s_0}{t} = v_0 + \omega \frac{t}{2},$$

сравнивая вторую часть этого равенства съ ур. (14), заключаемъ, что 2) въ равномернo-перемѣнномъ движении средняя скорость за данный промежутокъ времени равна скорости движения въ средний моментъ этого промежутка.

Исключая время t между ур. (14) и (15), имѣемъ

$$\frac{1}{2}(v^2 - v_0^2) = \omega(s - s_0),$$

е. 3) въ равномернo-перемѣнномъ движении половина при-

ращенія квадрата скорости за данный промежуток времени равна произведенію изъ касательнаго ускоренія на пространство, пройденное точкою въ этотъ промежутокъ времени.

Примѣняя ур. (16) и (17) къ двумъ какимъ либо моментамъ t' , t'' , въ которые пройденное пространство s имѣетъ соотвѣтственно значенія s' , s'' , а скорость v — значенія v' , v'' , имѣемъ

$$s' = \frac{1}{2} \omega t'^2, \quad s'' = \frac{1}{2} \omega t''^2,$$

$$v' = \omega t', \quad v'' = \omega t'',$$

откуда

$$s' : s'' = t'^2 : t''^2,$$

$$v' : v'' = t' : t'',$$

$$s' : s'' = v'^2 : v''^2.$$

Первая изъ этихъ пропорцій показываетъ, что 4) въ равно-
мно-ускоренномъ движеніи, начинающемся безъ начальнаго
скорости, пространства, пройденнаго отъ начальнаго положе-
нія движущейся точки, относятся какъ квадраты времени,
употребленныхъ на прохожденіе этихъ пространствъ. Назы-
вая чрезъ a пространство, пройденное точкою въ 1-ую единицу
времени движенія, на основаніи послѣдняго закона, пространства,
пройденнаго къ концу 1, 2, 3, 4, 5,..... единицы времени, т. е.
въ теченія первой одной, первыхъ двухъ, первыхъ трехъ,..... единицъ
времени движенія, будутъ

$$a, 4a, 9a, 16a, 25a, \dots;$$

отсюда слѣдуетъ, что пространства, пройденнаго въ теченіи 1-ой,
2-ой, 3-ей, 4-ой, 5-ой..... единицы времени, соотвѣтственно бу-
дутъ

$$a, 3a, 5a, 7a, 9a, \dots,$$

такъ что предыдущій законъ 4) можетъ быть сформулированъ еще
слѣдующимъ образомъ: въ равно-мно-ускоренномъ движеніи

начинающемся без начальной скорости, пространства, проходимых в отдѣльныя послѣдовательныя единицы времени, относятся какъ рядъ нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5, 7, 9... Третья изъ приведенныхъ пропорцій выражаетъ, что 5) въ равно-
мѣрно-ускоренномъ движеніи, начинающемся безъ начальной скорости, пространства, пройденныя отъ начальнаго положенія движущейся точки, относятся какъ квадраты скоростей, пробитыхъ по прохожденіи этихъ пространствъ.

Наконецъ, изъ ур. (16) и (17), полагая $t=1$ и называя соответственныя значенія s и v чрезъ s_1 и v_1 , находимъ

$$w = v_1 = 2s_1,$$

г. е. 6) въ равномѣрно-ускоренномъ движеніи, начинающемся безъ начальной скорости, касательное ускореніе есть удвоенное пространство, пройденное въ первую единицу времени движенія.

§ 23. Вертикальное движеніе тяжелыхъ тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Замѣчательный примѣръ равномѣрно-перемѣннаго движенія представляетъ движеніе точекъ тяжелаго тѣла, свободно падающаго или брошеннаго вертикально вверхъ въ безвоздушномъ пространствѣ, если высоты паденія или поднятія не слишкомъ значительны. Опытъ показываетъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ движеніе есть прямолинейное равномѣрно-ускоренное, во второмъ — прямолинейное равномѣрно-ускоренное въ теченіи періода поднятія, что въ обоихъ случаяхъ траекторія есть отвѣсная прямая и ускореніе постоянно для всѣхъ тѣлъ для одного и того же мѣста на земномъ шарѣ и измѣняется только съ географическимъ положеніемъ мѣста наблюденія и съ высотой надъ уровнемъ моря; для нашихъ широтъ и для не слишкомъ значительныхъ высотъ, это постоянное ускореніе, отнесенное къ секундѣ, можетъ, какъ показали наблюденія, быть принято равнымъ, въ среднемъ выводѣ, 32,2 фут. или 9,81 метр.; это значитъ, что всякая точка тѣла, свободно падающаго безъ начальной скорости въ безвоздушномъ пространствѣ, проходитъ въ первую

секунду своего движения прямолинейный путь въ 16,1 фут. или 4,9 метр.; число, выражающее ускореніе свободного вертикальнаго движенія тяжелыхъ тѣлъ въ пустотѣ, принято означать буквою g .

Наблюдаемое нами въ дѣйствительности вертикальное движеніе тяжелыхъ тѣлъ происходитъ не въ пустотѣ, а въ воздухѣ, и въ слѣдствіе вліянія этой среды нѣсколько уклоняется отъ равномерно-перемѣннаго.

На основаніи сказаннаго, уравненія вертикальнаго движенія тяжелыхъ тѣлъ въ пустотѣ получаются изъ ур. (15) и (14), полагая въ нихъ $w=g$, и будутъ :

$$s=s_0+v_0t+\frac{1}{2}gt^2, \quad (18)$$

$$v=v_0+gt. \quad (19)$$

Эти уравненія содержатъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены относительно движенія въ безвоздушномъ пространствѣ какъ свободно падающихъ, такъ и брошенныхъ вертикально вверхъ тяжелыхъ тѣлъ.

1. *Паденіе тяжелыхъ тѣлъ въ пустотѣ.* Приложимъ сначала ур. (18) и (19) къ изслѣдованію движенія точки тяжелаго тѣла, падающаго свободно съ нѣкоторой высоты безъ начальной скорости. Въ этомъ случаѣ всего проще считать время t отъ момента, съ котораго началось движеніе рассматриваемой точки тѣла, а разстоянія s отъ положенія, занимаемаго точкою въ тотъ же моментъ, такъ чтобы $v_0=0$, $s_0=0$; тогда, принимая направленіе сверху внизъ за направленіе положительныхъ s -овъ, уравненія движенія будутъ

$$s=\frac{1}{2}gt^2, \quad (20)$$

$$v=gt. \quad (21)$$

Предполагая численное значеніе g извѣстнымъ изъ наблюденій, послѣднія уравненія позволяютъ найти двѣ изъ трехъ величинъ t , s , v , когда одна изъ нихъ дана, что приводитъ къ

Слѣдующимъ тремъ задачамъ:

дано	t	s	v
найти	s, v	t, v	t, s

Задача 1. Зная продолжительность паденія, найти высоту, съ которой падаетъ точка, и скорость, которую она приобретаетъ въ концѣ паденія.

Эта задача рѣшается непосредственно уравненіями (20) и (21).

Задача 2. Зная высоту, съ которой падаетъ точка, найти продолжительность паденія и скорость, приобретенную въ концѣ паденія.

Исключая время между ур. (20) и (21), найдемъ

$$v^2 = 2gs,$$

и скорость, приобретенная въ концѣ паденія, опредѣлится по формулѣ

$$v = \sqrt{2gs}. \quad (22)$$

Чтобы получить продолжительность паденія, изъ ур. (21) имѣемъ

$$t = \frac{v}{g},$$

ли

$$t = \sqrt{\frac{2s}{g}}. \quad (23)$$

Задача 3. Зная скорость, приобретенную точкою въ концѣ паденія, найти высоту, съ которой точка должна упасть, чтобы приобрести эту скорость, и продолжительность паденія.

Продолжительность паденія найдется изъ ур. (21):

$$t = \frac{v}{g}, \quad (24)$$

а высота, съ которой должна упасть точка, чтобы приобрести данную скорость v , получится, внося послѣднее значеніе t въ ур. (20):

$$s = \frac{v^2}{2g}. \quad (25)$$

Кромѣ того ур. (20), (21) рѣшаютъ множество другихъ вопросовъ.

Примѣръ. Двѣ тяжелыя точки начинаютъ падать изъ одной и той же точки въ безвоздушномъ пространствѣ безъ начальныя скорости, одно τ секундъ послѣ другого; найти мгновеніе, въ которое эти двѣ точки будутъ находиться на данномъ разстояніи d одна отъ другой.

Назовемъ чрезъ t_1 время, протекшее отъ момента, въ который началось движеніе первой точки, до искомага мгновенія, и чрезъ s и s' пространства, пройденныя въ концѣ времени t_1 первую и второю точкою, такъ что $s - s' = d$; тогда по ур. (20) имѣемъ

$$s = \frac{1}{2}gt_1^2, \quad s' = \frac{1}{2}g(t_1 - \tau)^2,$$

и слѣд. $s - s' = d = \frac{1}{2}gt_1^2 - \frac{1}{2}g(t_1 - \tau)^2 = g\tau t_1 - \frac{1}{2}g\tau^2$,

откуда
$$t_1 = \frac{1}{2}\tau + \frac{d}{g\tau}.$$

2. *Движеніе тяжелыхъ тѣлъ, брошенныхъ вертикально вверхъ въ пустотѣ.* Примѣнимъ теперь ур. (18) и (19) къ движенію точки тяжелого тѣла, брошеннаго по вертикальному направленію снизу вверхъ въ безвоздушномъ пространствѣ съ начальною скоростью v_0 . Предполагая, какъ въ предыдущемъ случаѣ, направленіе сверху внизъ положительнымъ, скорость v_0 будетъ величина отрицательная; если назовемъ чрезъ V_0 абсолютную величину этой скорости и, считая время отъ мгновенія, которое началось движеніе, за начало s -овъ возьмемъ положеніе движущейся точки въ это мгновеніе, то въ общихъ ур. (18)

(19) будетъ $v_0 = -V_0$, $s_0 = 0$, и эти уравненія примутъ для разсматриваемаго случая видъ

$$s = -V_0 t + \frac{1}{2} g t^2, \quad (26)$$

$$v = -V_0 + g t. \quad (27)$$

Точка будетъ сначала подниматься равномерно-ускореннымъ движеніемъ, пока ея скорость не сдѣлается равною нулю; послѣднее обстоятельство наступитъ въ моментъ T , который опредѣлится изъ ур. (27), полагая

$$-V_0 + g T = 0,$$

откуда
$$T = \frac{V_0}{g}. \quad (28)$$

Внося это значеніе T вмѣсто t въ ур. (26), получимъ высоту поднятія H

$$H = -\frac{V_0^2}{2g}. \quad (29)$$

Достигнувъ этой высоты, точка начнетъ падать внизъ равномерно-ускореннымъ движеніемъ и будетъ продолжать это обратное движеніе до тѣхъ поръ, пока не возвратится въ свое первоначальное положеніе; время T' , которое она употребитъ для этого обратнаго движенія, и скорость V_0' , которую она приобрѣтетъ по возвращеніи въ начальное положеніе, опредѣлится, какъ въ задачѣ 2 о свободномъ паденіи тѣлъ, по форм. (23) и (22), и будутъ

$$T' = \sqrt{\frac{2}{g} \frac{V_0^2}{2g}} = \frac{V_0}{g} = T,$$

$$V_0' = \sqrt{2g \frac{V_0^2}{2g}} = -V_0.$$

Послѣднія равенства показываютъ, что точка употребляетъ для своего обратнаго движенія, т. е. для паденія съ своей наибольшей вы-

соты H , такое же время, какое она употребила для поднятія на эту высоту, и что она приобретаетъ въ концѣ этого паденія скорость, равную и противоположно направленную съ тою, съ которою она была брошена вверхъ. Эти два закона представляютъ только частные случаи двухъ слѣдующихъ болѣе общихъ свойствъ изучаемаго движенія:

1) *Время, употребляемое точкою для поднятія на какую либо высоту s , считаемую отъ ея начальнаго положенія, равно времени, которое она употребляетъ для того, чтобы упасть съ той же высоты s до начальнаго положенія.*

2) *При поднятіи и паденіи точки, скорости ея на одной и той же высотѣ одинаковы по абсолютной величинѣ и противоположны по знаку.*

Чтобы оправдать первое изъ этихъ свойствъ, напишемъ ур. (26) въ видѣ квадратнаго уравненія въ t :

$$t^2 - \frac{2V_0}{g}t - \frac{2s}{g} = 0. \quad (a)$$

Это уравненіе имѣетъ корнями времена t' и t'' , изъ которыхъ меньшее, t' , есть время, употребляемое движущеюся точкою, чтобы подняться отъ начальнаго положенія до высоты s , а большее, t'' , есть время, употребляемое точкою на то, чтобы подняться до своей наибольшей высоты и возвратиться при паденіи до высоты s . Назовемъ чрезъ τ время, нужное для того, чтобы точка поднялась до своей наибольшей высоты и возвратилась въ свое начальное положеніе; тогда время, употребляемое точкою, чтобы упасть съ высоты s до начальнаго положенія, будетъ $\tau - t''$; но время τ получается, полагая $s=0$ въ ур. (a), что дастъ для τ значенія 0 и $\frac{2V_0}{g}$, такъ что $\tau = \frac{2V_0}{g}$. Съ другой стороны, по извѣстному свойству уравненій второй степени, имѣемъ

$$t' + t'' = \frac{2V_0}{g};$$

и такъ $t' + t'' = \tau$,

откуда $\tau - t'' = t'$,

равенство, которое и выражаетъ свойство 1).

Для того чтобы доказать второе изъ приведенныхъ свойствъ, рѣшимъ ур. (а) относительно t ; получимъ

$$t' = \frac{V_0 - \sqrt{V_0^2 + 2gs}}{g}, \quad t'' = \frac{V_0 + \sqrt{V_0^2 + 2gs}}{g};$$

внося последовательно эти значенія для t въ ур. (27), находимъ соответственно, называя чрезъ v' скорость, которую имѣетъ точка на высотѣ s при поднятіи, и чрезъ v'' скорость, которую имѣетъ точка на высотѣ s при паденіи,

$$v' = -\sqrt{V_0^2 + 2gs}, \quad v'' = +\sqrt{V_0^2 + 2gs},$$

значенія, различающіяся только по знаку.

Ур. (26), (27) рѣшаютъ всевозможныя задачи о движеніи тяжелой точки, брошенной вертикально вверхъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ, предполагая ускореніе g извѣстнымъ, можно помощью этихъ уравненій опредѣлить двѣ изъ четырехъ величинъ t , s , v , v_0 , когда другія двѣ даны, что приводитъ къ слѣдующимъ 6 группамъ задачъ:

даны	t, s	t, v	s, v	t, v_0	s, v_0	v, v_0
найти	v, v_0	s, v_0	t, v_0	s, v	t, v	t, s

Рѣшеніе этихъ и другихъ относящихся сюда вопросовъ слишкомъ просто, чтобы на нихъ здѣсь останавливаться.

§ 24. б) *Періодическое движеніе.* Между переменными движеніями особое вниманіе заслуживаютъ, по своей важности для

приложеній, движенія, называемыя *периодичными* или *периодично-равнообразными*; они отличаются тѣмъ свойствомъ, что въ нихъ *точка описываетъ равныя пространства въ равныя, но опредѣленные промежутки времени*. Легко видѣть, въ чемъ состоитъ различіе между этими движеніями и движеніемъ равнообразнымъ; въ равнообразномъ движеніи, пространства, проходимыя точкою въ равныя промежутки времени, равны, какъ бы малы или велики ни были эти промежутки; въ периодичномъ движеніи равенство описываемыхъ точкою путей имѣетъ мѣсто только когда эти промежутки времени дѣлаются кратными нѣкотораго опредѣленнаго промежутка, называемаго *периодомъ* движенія. Теперь вмѣстѣ съ тѣмъ видно, почему при опредѣленіи равнообразнаго движенія (§ 9) необходимо было къ условію равенства пространствъ, проходимыхъ въ равныя времена, присовокупить условіе произвольной продолжительности этихъ равныхъ временъ.

Законъ периодичнаго движенія по данной траекторіи долженъ выразаться аналитически периодическою зависимостью между s и t , напр. соотношеніями вида

$$s = a \cos xt, \quad s = b \sin \lambda t,$$

и т. п.; а графическое выраженіе этого закона, т. е. линія пространствъ периодичнаго движенія должна быть (§ 11) правильная волнообразная кривая вида (α_2) (фиг. 16), обращенная попеременно своею выпуклою и вогнутою стороною къ оси временъ и симметрично расположенная по обѣ стороны нѣкоторой прямой (α_1') , которую она пересѣкаетъ въ своихъ точкахъ перегиба $\mu_1, \mu_2, \mu_3, \mu_4, \dots$ (29); постоянная разность абсциссъ $\tau_1 \tau_2 = \tau_2 \tau_3 = \tau_3 \tau_4 = \dots$ двухъ послѣдовательныхъ точекъ перегиба пред-

(29) Теоретически линія пространствъ периодичнаго движенія можетъ имѣть и формы, указанныя на фиг. 17 и 18, въ которыхъ каждыя двѣ ея части, соответствующія полнымъ периодамъ, соединяются между собою въ точкою перегиба, а такъ называемую угловою точкою, въ коей кривая имѣетъ двѣ различныя касательныя; но для дѣйствительныхъ движеній подобное расположеніе не допустимо, ибо оно предполагаетъ мгновенный переходъ скорости изъ одного значенія dd' въ другое значеніе dd'' , конечно

ставляетъ періодъ движенія, а соотвѣтственные разности $v_2\mu_2 = v_3\mu_3 = v_4\mu_4 = \dots$ ординатъ—постоянное пространство, проходимое точкою въ теченіи періода. Линія скоростейъ есть, какъ легко видѣть изъ чертежа, также правильная волнообразная кривая (α_v), симметрично расположенная по обѣ стороны прямой (α_v'), параллельной къ оси временъ.

Большая часть движеній, которыя кажутся намъ равномерными, въ дѣйствительности только періодично-равномерны; таковы, напр., движеніе точекъ часовой стрѣлки, годовое движеніе солнца по отношенію къ землѣ, и т. п.; такова также большая часть движеній въ машинахъ, напр. движеніе поршня парового цилиндра, движеніе маховика, движеніе водяного колеса, и т. д. Такія періодичныя движенія часто замѣняютъ, для простоты, равномернымъ движеніемъ, котораго скорость есть средняя скорость разсматриваемаго періодичнаго движенія за цѣлый періодъ, т. е. есть отношеніе пространства, пройденнаго въ теченіи періода, къ періоду; это воображаемое равномерное движеніе называютъ *среднимъ движеніемъ* относительно даннаго періодичнаго. Графически такое замѣненіе приводится къ замѣненію линіи пространствъ (α_s) (фиг. 17) даннаго періодичнаго движенія прямою (α_s'), имѣющею съ (α_s) общія точки $\mu_1, \mu_2, \mu_3, \dots$, которыя соотвѣтствуютъ началамъ или концамъ послѣдовательныхъ періодовъ $\tau_1\tau_2 = \tau_2\tau_3 = \tau_3\tau_4 = \dots$, и къ замѣненію линіи скоростейъ (α_v) прямою (α_v'), параллельною къ оси временъ. Но при этомъ условномъ замѣненіи никогда не должно забывать, что равномерное движеніе есть движеніе только воображаемое и что скорость истиннаго, періодичнаго движенія измѣняется иногда между широкими предѣлами въ теченіи каждаго періода.

Такъ напр. поршень парового цилиндра въ паровой машинѣ имѣетъ перемѣнное движеніе въ теченіи одного удара или полу-

равняющееся отъ перваго, а такія конечныя и мгновенныя измѣненія скорости не возможны въ дѣйствительныхъ движеніяхъ матеріальныхъ точекъ, ибо въ такихъ движеніяхъ скорость можетъ измѣняться только постепенно; если внезапныя измѣненія скорости и допускаются иногда въ механикѣ, то только какъ болѣе или менѣе грубыя приближенія. То же замѣчаніе относится къ линіи скоростейъ періодичнаго движенія.

качанія, но каждое такое полукачаніе совершаетъ въ одинаковій промежутокъ времени; это движеніе есть слѣд. періодическое и время одного удара поршня представляетъ его періодъ. Полагая, что ходъ поршня равенъ a фут. и что поршень дѣлаетъ n качаній или двойныхъ ударовъ въ минуту, время каждаго простого удара будетъ $\frac{60}{2n}$ секундъ, а средняя скорость поршня за

періодъ его движенія будетъ a : $\frac{60}{2n} = \frac{2na}{60}$. Поэтому переменное

движеніе поршня можно замѣнить среднимъ равномернымъ движеніемъ съ постоянною скоростью $\frac{na}{30}$; между тѣмъ какъ скорость

истиннаго движенія поршня обращается въ нуль въ началѣ и въ концѣ каждаго періода, а посреди періода достигаетъ наибольшей величины, значительно превышающей среднюю скорость $\frac{na}{30}$.

§ 25. Вообще, какое бы то ни было переменное движеніе, за данный промежутокъ времени, можетъ быть часто съ пользою замѣнено *среднимъ* равномернымъ движеніемъ, въ слѣдствіе котораго точка описывала бы въ тотъ же промежутокъ времени по той же траекторіи то же пространство, какъ въ рассматриваемомъ переменномъ движеніи.

Примръ. Въ технику переменное движеніе поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ рассматриваютъ какъ равномерное; говоря, что нѣкоторый поѣздъ движется со скоростью n верстъ въ часъ, разумѣютъ постоянную скорость воображаемаго средняго равномернаго движенія, которымъ замѣняютъ истинное переменное движеніе поѣзда. Пользуясь такимъ условнымъ замѣненіемъ движеній, получается возможность строить весьма просто чертежъ, который позволяетъ обозрѣвать всѣ обстоятельства движенія поѣздовъ на данной желѣзно-дорожной линіи, ихъ одновременныя положенія, скрещиванія, сравнительныя скорости, и т. д. Подобные чертежи, употребляемые постоянно въ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ подъ названіемъ *графикъ*, представляютъ интересный примѣръ пракческаго примѣненія графическихъ изображеній движеній вообще и замѣненія переменныхъ движеній средними.

Для построения графики проводят на листе бумаги две взаимно перпендикулярные прямые, горизонтальную AT и вертикальную AS (фиг. 19); одну из этих прямых, обыкновенно горизонтальную AT , делят, начиная от некоторой точки O , взятой близ начала A , на 24 равные части, изображающие часы одних суток, считая напр. от полудня одного дня до полудня другого; каждую из этих 24 частей делят в свою очередь на 6 или 12 равных частей, изображающих промежутки времени в 10 или 5 минут (на фиг. 19 означены промежутки только в 10 минут), предоставляя оценку меньших промежутков времени глазомеру; из всех намеченных точек деления XII, 10', 20', 30', 40', 50', I, 10', проводят через весь лист прямые, параллельные второй, вертикальной оси AS . Затем на этой второй оси AS откладывают от начала A , изображающего начальную станцию линии, части, выражающие, в определенном масштабе, единицы пути, напр. версты, и помещают все станции линии A, B, C, D, E, F, \dots , сообразно данным их расстояниям от начальной станции A ; через точки A, B, C, D, E, F, \dots проводят через весь лист прямые, параллельные оси времени AT . Таким образом лист покрывается сетью взаимноперпендикулярных прямых, из которых каждая вертикальная соответствует определенному мгновению суток, а каждая горизонтальная — определенной станции линии. На фиг. 19 изображена часть полной графики, соответствующая четырем первым часам по полудни I, II, III, IV и пяти станциям B, C, D, E, F , ближайшим к начальной станции A .

Предположим теперь, что один из поездов, напр. какойнибудь поезд средней скорости № 5, выходит из начальной станции A в 12^ч 20^м и приходит на следующую станцию B в 12^ч 50^м; его истинное переменное движение между этими пунктами можно заменить средним равномерным движением, изображаемым графически прямою $a_5 b_5$. Допустим, что тот же поезд остается на станции B 5^м и след. отходит из B в 12^ч 55^м; так как он движется с постоянною среднею скоростью, то среднее его движение между станциями B и C изобразится прямою $b_5' c_5$, параллельною к $a_5 b_5$; эта прямая пере-

сѣчетъ горизонталь станціи C въ точкѣ c_3 , соответствующей $1^{\circ} 35'$. т. е. поѣздъ придетъ на станцію C въ $1^{\circ} 35'$; предположимъ что простой его на этой станціи длится $25''$, онъ отойдетъ изъ C въ $2''$ и придетъ на станцію D въ моментъ, опредѣленный точкою пересѣченія d_5 прямой $c_5'd_5$, параллельной къ b_5c_5 или къ a_5b_5 , съ горизонталью станціи D , т. е. въ $2^{\circ} 25''$. Послѣ проста въ $5''$ на станціи D , поѣздъ отходитъ изъ этой станціи въ $2^{\circ} 30''$, приходитъ на станцію E въ $3^{\circ} 5''$, стоитъ тамъ $10''$, отходитъ изъ E въ $3^{\circ} 15''$, приходитъ на станцію F въ $3^{\circ} 55''$, и т. д. Среднее движеніе поѣзда № 5 будетъ слѣдовательно изображаться ломанною линіею $a_5b_5b_5'c_5c_5'd_5d_5'e_5e_5'f_5$ — которая представляетъ линію пространствъ этого средняго движенія; наклонныя ея части соответствуютъ движенію, горизонтальныя — простоямъ.

Движенія болѣе скорыхъ поѣздовъ изобразятся прямыми, или наклоненными къ оси времяи AT , движенія болѣе медленныхъ поѣздовъ — прямыми, болѣе наклоненными. Такъ ломанная линія $a_8c_8c_8'e_8e_8'$ — представляетъ среднее движеніе болѣе скорого, напр. курьерскаго поѣзда № 8, который выходитъ изъ начальной станціи A въ $1^{\circ} 10''$, минуешь станцію B , приходитъ на станцію C въ $1^{\circ} 50''$, отходитъ изъ C послѣ 5-ти минутнаго проста въ $1^{\circ} 55''$, минуешь станцію D , приходитъ на станцію E въ $2^{\circ} 25''$, отходитъ изъ E въ $2^{\circ} 30''$, минуешь станцію F и т. д.; этотъ поѣздъ № 8 догонитъ и опередитъ поѣздъ № 5 на станціи C изъ которой первый выходитъ $5''$ раньше второго. Наоборотъ, линія $a_2b_2b_2'$ изображаетъ среднее движеніе медленнаго, напр. тяжелаго поѣзда № 2, который выходитъ изъ станціи A въ $1^{\circ} 50''$, приходитъ на станцію B въ $2^{\circ} 40''$, отходитъ изъ B въ $2^{\circ} 50''$, и т. д.

Движенія поѣздовъ, идущихъ по противоположному направленію, изобразятся прямыми, наклоненными въ другую сторону, т. е. образующими тупые углы съ положительною частью оси времяи AT . Такъ напр. ломанная $f_4'e_4e_4'd_4d_4'c_4c_4'$ изобразитъ среднее движеніе поѣзда № 4, идущаго отъ станціи F къ станціи A ; этотъ поѣздъ отходитъ изъ станціи F въ $1^{\circ} 30''$, приходитъ на станцію E въ $2^{\circ} 5''$, отходитъ изъ E въ $2^{\circ} 10''$

приходить на станцію D въ $2^{\text{ч}} 45^{\text{м}}$, отходить изъ D въ $2^{\text{ч}} 50^{\text{м}}$, приходитъ на станцію C въ $3^{\text{ч}} 25^{\text{м}}$, отходить изъ C въ $3^{\text{ч}} 35^{\text{м}}$, и т. д. Изъ чертежа видно, что этотъ поѣздъ встрѣчаетъ между станціями E и D поѣздъ № 8 въ $2^{\text{ч}} 20^{\text{м}}$ и поѣздъ № 5 въ $2^{\text{ч}} 35^{\text{м}}$, а между станціями C и B поѣздъ № 2 въ $3^{\text{ч}} 55^{\text{м}}$, что предполагаетъ конечно полотно дороги двойнымъ; положеніе точекъ встрѣчи опредѣлится, измѣряя разстоянія точекъ $x'_{4,8}$, $x'_{4,5}$, $x'_{4,2}$ отъ начала A помощью принятаго масштаба разстояній.

Такимъ образомъ видимъ, что указанное графическое изображеніе движенія поѣздовъ позволяетъ технику соединить всѣ обстоятельства этого движенія въ одномъ чертежѣ, по которому онъ, чтобы избѣжать столкновеній, съ легкостью можетъ приличнымъ образомъ назначать время прохожденія поѣздовъ чрезъ различныя станціи и время простоя на послѣднихъ, распределять движеніе по располагаемымъ парамъ рельсъ, и проч. Но при этомъ онъ не долженъ упускать изъ виду, что наклонныя прямыя на графикѣ представляютъ только воображаемыя среднія движенія, отличныя отъ истинныхъ переѣзженныхъ, изображаемыхъ волнообразными линіями, и что это различіе можетъ производить иногда чувствительныя отклоненія результатовъ чертежа отъ действительныхъ обстоятельствъ движенія. Такъ напр. на черт. 19, для среднихъ движеній, мѣсто и время встрѣчи поѣздовъ № 4 и № 8 опредѣляются координатами точки $x_{4,8}$ пересѣченія прямыхъ $e_4'd_4$ и $e_8'e_8$, т. е. опредѣляются соответственно линіями $Ax'_{4,8}$, $\xi x_{4,8}$; между тѣмъ какъ линіи пространство истинныхъ движеній поѣзда № 4 между станціями E, D и поѣзда № 8 между станціями C, E будутъ волнообразныя кривыя $e_4'\alpha\beta d_4$ и $e_8'\alpha\beta e_8$, которыя пересѣкутся въ другой точкѣ o ; и только координаты An , то послѣдней точки опредѣлятъ истинное положеніе мѣста встрѣчи и истинный моментъ встрѣчи поѣздовъ № 4 и № 8.

§ 26. Чтобы пополнить изложенныя въ §§ 11—21 свѣдѣнія о переѣзженномъ движеніи точки по данной траекторіи, намъ остается еще обобщить на случай какого бы то ни было переѣзженнаго движенія понятіе о касательномъ ускореніи, введенное

при изученіи равноѣрно-переѣннаго движенія и играющее чрезвычайно важную роль въ механикѣ.

Во всякомъ движеніи, отличномъ отъ равноѣрно-переѣннаго, скорость есть функція времени, отличная отъ линейной, т. е. приращенія скорости за равныя, произвольно избранныя промежутки времени не равны между собою. Поэтому для такихъ движеній определеніе касательнаго ускоренія, данное для случая равноѣрно-переѣннаго движенія, какъ постояннаго приращенія скорости въ единицу времени (§ 22), болѣе не примѣнимо, и можно говорить только о касательномъ ускореніи какого либо переѣннаго движенія въ опредѣленный моментъ послѣдняго. Определе- ніе этого новаго понятія получается путемъ вполне аналогичнымъ тому, который, на основаніи понятія о скорости въ равноѣрномъ движеніи, привелъ насъ къ опредѣленію понятія о скорости въ переѣнномъ движеніи; какъ тамъ мы начали съ опредѣленія средней скорости, такъ теперь мы должны предпослать определе- ніе *средняю касательнаю ускоренія*.

Разсмотримъ какое либо переѣнное движеніе точки по дан- ной траекторіи; предположимъ, что въ нѣкоторый моментъ t ско- рость этой точки по величинѣ и по знаку есть v , а въ другой, позднѣйшій моментъ t_1 скорость ея есть v_1 , и что промежутокъ времени $t_1 - t$ взятъ достаточно малымъ для того, чтобы въ те- ченіи этого промежутка скорость, рассматриваемая по величинѣ и по знаку, или постоянно увеличивалась, или постоянно уменьша- лась; тогда положительное измѣненіе скорости за промежутокъ времени $t_1 - t$ будетъ $\pm (v_1 - v)$, гдѣ надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость, рассматриваемая по величинѣ и по знаку, въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$. Можно всегда найти равноѣрно-пере- ѣнное движеніе, въ которомъ скорость въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$ соответственно увеличилась или уменьшилась бы на ту же величину $\pm (v_1 - v)$, на какую въ тотъ же проме- жутокъ времени она увеличивается или уменьшается въ разси- триваемомъ переѣнномъ движеніи; *касательное ускореніе этою равноѣрно-переѣннаю движенія, взятое по величинѣ и по знаку, называютъ среднимъ касательнымъ ускореніемъ раз-*

рассматриваемую переменную движения за промежуток времени $t_1 - t$. По этому определению, называя чрез w_m среднее касательное ускорение за промежуток времени $t_1 - t$ по величинѣ и по знаку, имѣемъ (§ 22)

$$w_m = \frac{v_1 - v}{t_1 - t}.$$

Величина w_m есть функция промежутка времени $t_1 - t$ и момента t , въ который начинается этотъ промежутокъ. Можно еще сказать, что среднее касательное ускорение какого либо переменнаго движения за данный промежутокъ времени $t_1 - t$ есть, по абсолютной величинѣ, отношеніе абсолютнаго измѣненія, претерпѣваемаго скоростью за промежутокъ времени $t_1 - t$, къ этому промежутку, а знакъ имѣетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость переменнаго движения, рассматриваемая по величинѣ и по знаку, въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$.

На основаніи понятія о среднемъ касательномъ ускореніи, можно теперь высказать слѣдующее опредѣленіе:

Касательнымъ ускореніемъ переменнаго движения въ моментъ t называютъ предѣлъ, къ которому стремится среднее касательное ускореніе того же движения за промежутокъ времени, начинающійся въ моментъ t , когда этотъ промежутокъ времени приближается къ нулю.

Знакъ этого предѣльнаго касательнаго ускоренія будетъ знакъ приближающагося средняго касательнаго ускоренія w_m , т. е. будетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость, рассматриваемая по величинѣ и по знаку, начиная съ момента t , съ увеличеніемъ времени. Для обозначенія касательнаго ускоренія переменнаго движения въ моментъ t по величинѣ и по знаку мы будемъ пока употреблять букву w .

Вообще среднее касательное ускореніе w_m за данный промежутокъ времени $t_1 - t$, въ теченіи котораго измѣненіе скорости

есть $v_1 - v$, и мгновенное касательное ускорение w въ моментъ въ который скорость есть v , имѣютъ знакъ, одинаковый со скоростью v , когда абсолютная величина V скорости v увеличивается съ увеличеніемъ времени, и знакъ, отличный отъ знака v , когда V уменьшается съ увеличеніемъ времени. Ибо, предполагая, что V увеличивается, скорость v , коей абсолютная величина есть V , будетъ увеличиваться или уменьшаться, смотря по тому, будетъ ли она положительна или отрицательна; поэтому среднее ускорение w_m и мгновенное ускорение w , которыя имѣютъ знакъ $+$ или $-$, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается V , будутъ въ этомъ случаѣ имѣть знакъ, одинаковый съ v . Предполагая же, что V уменьшается, скорость v будетъ уменьшаться или увеличиваться, смотря по тому, будетъ ли она положительна или отрицательна; слѣд. ускоренія w_m и w будутъ имѣть знакъ, отличный отъ знака v .

Удерживая введенныя выше обозначенія и полагая сверхъ того $t_1 - t = \Delta t$, $v_1 - v = \Delta v$, изъ данного опредѣленія касательнаго ускоренія w слѣдуетъ, что

$$w = \lim w_m = \lim \frac{\Delta v}{\Delta t},$$

откуда, рассматривая скорость v какъ функцію независимой переменной t ,

$$w = \frac{dv}{dt}, \quad (30)$$

$$\text{или, такъ какъ } v = \frac{ds}{dt}, \quad w = \frac{d^2s}{dt^2}, \quad (31)$$

т. е. касательное ускореніе перемѣннаго движенія выражается величинъ и по знаку первую производною скорости или второю производною проходимаго пространства, взятыми по измѣняемоу времени. Написавъ рав. (30) въ видѣ

$$w = \frac{dv}{ds} \frac{ds}{dt}$$

разсматривая скорость v какъ функцію s , имѣемъ, какъ слѣд-
віе основныхъ соотношеній (5) и (30), еще замѣчательную за-
висимость

$$w = v \frac{dv}{ds}. \quad (32)$$

Въ справедливости рав. (30) легко было бы убѣдиться и
темъ геометрическимъ, прилагая къ линіи скоростей разсужденія,
зершенно подобныя тѣмъ, которыя изложены въ § 12 относи-
тельно линіи пространствъ для геометрическаго вывода равенства
) . Эти разсужденія вмѣстѣ съ тѣмъ показали бы, что геометри-
ски касательное ускореніе изображается угловымъ коэффиціен-
тъ касательной $\gamma\alpha'$ (фиг. 20) къ кривой скоростей (α_*) въ
точкѣ γ этой кривой, соответствующей моменту t ; этотъ угловой
эффиціентъ строится, откладывая отъ точки γ параллельно оси
оменъ прямую $\gamma\pi$, равную единицѣ масштаба времени, и воз-
вляя въ π къ ней перпендикуляръ $\pi\pi'$ до пересѣченія съ ка-
сательною $\gamma\alpha'$; линія $\pi\pi'$ изобразитъ касательное ускореніе w въ
принятомъ масштабѣ пространствъ.

Если бы разсматриваемое перемѣнное движеніе сдѣлалось въ
ментъ t вдругъ равномерно-перемѣннымъ, то кривая скоростей
) , начиная отъ точки γ , обратилась бы въ прямую $\gamma\alpha'$, каса-
тельную къ (α_*) въ точкѣ γ ; касательное ускореніе этого равно-
рно-перемѣннаго движенія выразилось бы угловымъ коэффиціен-
тъ касательной $\gamma\alpha'$, который есть $\frac{dv}{dt}$; поэтому можно опредѣ-
тъ касательное ускореніе перемѣннаго движенія еще слѣдующимъ
разомъ: *касательное ускореніе какою бы то ни было пере-
менною движенія въ момента t есть постоянное касатель-
ное ускореніе, съ которымъ продолжала бы двигаться точка,
начиная съ момента t , если бы въ этотъ моментъ разсма-
триваемое перемѣнное движеніе вдругъ сдѣлалось равномерно-
перемѣннымъ.*

Разсматривая, согласно послѣднему опредѣленію, касательно-
ное ускореніе всякаго перемѣннаго движенія какъ касательное ускоре-

нѣкотораго равноѣрно-перемѣннаго движенія, къ числу выраженію количества w примѣняются всѣ замѣчанія, сдѣланные въ § 22 относительно численнаго выраженія касательнаго ускоренія равноѣрно-перемѣннаго движенія и зависимости этого ускоренія отъ единицъ длины и времени.

Въ случаѣ прямолинейнаго движенія мы будемъ называть соответственно величины w_m и w просто *среднимъ ускореніемъ* и *ускореніемъ* движенія въ моментъ t (§ 22).

Сравнивая рав. (30), написанное въ видѣ

$$dv = w dt,$$

съ ур. (17) равноѣрно-перемѣннаго движенія, заключаемъ въ § 14, что во всѣхъ случаяхъ, когда могутъ быть отброшены безконечно малыя величины второго порядка относительно dt , когда рассматриваются предѣлы отношеній или суммъ, всякое перемѣнное движеніе въ теченіи безконечно малаго промежутка времени dt можетъ быть рассматриваемо какъ равноѣрно-перемѣнное. Поиная же, съ другой стороны, сказанное въ § 14, видимъ, что всякое перемѣнное движеніе рассматривается въ механикѣ какъ бытъ образомъ какъ предѣлъ ряда безконечно малыхъ по продолжительности, послѣдовательныхъ движеній; въ одномъ случаѣ эти элементарныя движенія равноѣрны, въ другомъ — неравноѣрно-перемѣнны. «Первыя имѣютъ въ одно и то же мгновенье общую скорость $\frac{ds}{dt}$ съ рассматриваемымъ перемѣннымъ движеніемъ»

вторыя — общую скорость $\frac{ds}{dt}$ и общее ускореніе $\frac{d^2s}{dt^2}$. Поэтому если можно такъ выразиться, имѣютъ соприкосновеніе перваго порядка съ перемѣннымъ движеніемъ, вторыя — соприкосновеніе второго порядка; и можно, даже въ безконечно малый промежутокъ времени, замѣнять перемѣнное движеніе рядомъ элементарныхъ движеній перваго рода только для того, чтобы вычислить длины путей или пространствъ, тогда какъ рядъ движеній

рода можно употреблять и для вычислений приращений скорости v (*).

Такъ какъ линейная скорость во всякомъ переменномъ движеніи есть количество, изменяемое со временемъ, то, исходя изъ введеннаго въ § 17 общаго воззрѣнія на понятіе о скорости, касательное ускореніе можно еще разсматривать какъ *скорость ѡдной скорости* движенія. Вообще изъ всего сказаннаго въ § 17 о количествахъ w видно, что касательное ускореніе играетъ такую же роль относительно линейной скорости, какую линейная скорость играетъ относительно проходимыхъ точекъ пространства.

Понятіе о касательномъ ускореніи можетъ, точно такъ же какъ и понятіе о скорости (§ 17), быть применено вообще ко всякому количеству, переменному со временемъ. Такъ, можно было бы говорить о *касательномъ ускореніи температуры* нагреваемого и охлаждаемаго тѣла въ данный моментъ t , разумѣя подъ

этимъ отношеніемъ $\frac{d\left(\frac{d\tau}{dt}\right)}{dt} = \frac{d^2\tau}{dt^2}$ положительнаго или отрицательнаго

приращенія скорости температуры (§ 17) въ теченіи элементарнаго промежутка времени dt , слѣдующаго за моментомъ t , къ моменту dt . Въ этомъ же смыслѣ, разсматривая измененіе какого-либо угла θ со временемъ, называютъ *касательнымъ угловымъ*

ускореніемъ отношеніемъ $\frac{d\left(\frac{d\theta}{dt}\right)}{dt} = \frac{d^2\theta}{dt^2}$ измененія угловой скорости за элементъ времени dt къ этому элементу, и *касательнымъ*

площаднымъ ускореніемъ отношеніемъ $\frac{dv_s}{dt} = \frac{d\left(\frac{dS}{dt}\right)}{dt} = \frac{d^2S}{dt^2}$ приращенія

площадной скорости v_s за промежутокъ времени dt къ этому промежутку. Въ отличіе отъ всѣхъ этихъ количествъ, касательное ускореніе w называютъ *линейнымъ касательнымъ ускореніемъ*. Знакъ касательнаго ускоренія какого либо количества u ,

(*) Duhamel, «Cours de mécanique». T. I.

измѣняемаго со временемъ, въ моментъ t , будетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость $\frac{dv}{dt}$ количества u , начиная съ момента t , съ увеличеніемъ времени.

Во всякомъ перемѣнномъ движеніи касательное ускореніе есть вообще нѣкоторая функція времени; эту зависимость между w и t можно строить геометрически, чрезъ что получится кривая (α_1), которую, по аналогіи съ линією пространства и съ линією скоростей, можно назвать *линією касательныхъ ускореній*. Для построенія этой линіи надо знать или законъ скоростей, т. е. зависимость между v и t , или законъ движенія по траекторіи, т. е. зависимость между s и t . Когда одна изъ этихъ зависимостей дана аналитически, т. е. дано уравненіе

$$s = f(t),$$

или уравненіе

$$v = \varphi(t),$$

то въ первомъ случаѣ двухкратное, а во второмъ случаѣ простое дифференцированіе дастъ новую зависимость

$$w = f''(t) = \varphi'(t) = \psi(t),$$

которую останется построить по точкамъ. Когда же одна изъ двухъ зависимостей между s и t и между v и t дана графически, т. е. когда дана или линія пространства, или линія скоростей, то можно первый случай свести на второй, построивъ линію скоростей по способу, указанному въ § 18, а зная линію скоростей, построимъ линію касательныхъ ускореній точно такъ же, какъ линія скоростей строится по данной линіи пространства (§ 18).

$$\text{Равенство} \quad v - v_0 = \int_{t_0}^t w dt, \quad (33)$$

получаемое изъ ур. (30) и въ которомъ v_0 есть значеніе v въ опредѣленный моментъ t_0 , показываетъ, что площадь $\tau_0 e_0 \sigma t$ (Фиг. 20)

иченная линією (α_w), двумя ея ординатами τ_0, τ_0 , т.е. соответствующими моментам t_0, t , и осью абсциссъ, выражает значеніе скорости за промежутокъ времени $t-t_0$. Поэтому, а дана линія касательныхъ ускореній, то по ней можно построить линію скоростей, если только извѣстна одна точка $(0, v_0)$ послѣдней, точно такъ же, какъ мы въ § 19 по данной скорости (α_v) строили линію пространствъ (α_s), зная одну точку (s_0, t_0) этой линіи (α_s); зная же линію (α_v), построимъ линію пространствъ (α_s), если извѣстна одна точка послѣдней.

Въ равномерномъ движеніи касательное ускореніе равно нулю, скорость въ этомъ движеніи постоянна; линія (α_w) есть ось абсциссъ. Въ равномерно-переменномъ движеніи касательное ускореніе постоянно, а линія (α_w) есть прямая, параллельная къ оси абсциссъ. Въ периодическомъ движеніи касательное ускореніе есть периодическая функція времени; линія (α_w) есть правильная волнообразная кривая, пересѣкающая ось абсциссъ въ мгновенія, которымъ линіи пространствъ соответствуютъ точки перегиба.

Кромѣ линій (α_s), (α_v), (α_w) и ($\alpha_{s,v}$) (§ 20) можно было бы, для графическаго изображенія дальнѣйшихъ свойствъ движенія, иметь еще двѣ кривыя; одну, ($\alpha_{s,w}$), выражающую графически зависимость между пройденнымъ пространствомъ и касательнымъ ускореніемъ, другую, ($\alpha_{v,w}$), выражающую зависимость между скоростью и касательнымъ ускореніемъ. Если линія пространствъ дана уравненіемъ, то двѣ кривыя ($\alpha_{s,w}$), ($\alpha_{v,w}$) получились бы непосредственно, исключая время между уравненіями

$$s = f(t), \quad w = f''(t),$$

$$\text{и между уравненіями } v = f'(t), \quad w = f''(t),$$

строивъ два найденныя соотношенія по точкамъ. Если же линія пространствъ дана только графически, то, построивъ по ней линію скоростей (§ 18) и линію касательныхъ ускореній (§ 26), относя ихъ къ одному и тому же масштабу временъ, надо будетъ на-

чертить одну кривую, которой абсциссы были бы равны ординатамъ линіи (α_1) , и которой ординаты равнялись бы ординатамъ линіи (α_w) , и другую кривую, имѣющую абсциссами ординаты линіи (α_1) , а ординатами — ординаты линіи (α_w) . Но эти двѣ кривыя $(\alpha_{1,w})$, $(\alpha_{w,1})$ употребляются рѣдко, какъ и кривая $(\alpha_{1,1})$, о которой было говорено въ § 20.

§ 27. *Примѣръ.* Найти свойства движенія точки по данной траекторіи, въ которомъ касательное ускореніе есть алгебраическая линейная функція времени

$$w = w_0 + ut. \quad (a)$$

Такое движеніе есть очевидно простѣйшее изъ всѣхъ переѣзженныхъ движеній послѣ равномерно-переѣзженного: въ немъ приращенія касательнаго ускоренія въ равные, произвольно избранные промежутки времени равны между собою и одинаковы по знаку. Величина w_0 есть значеніе касательнаго ускоренія w при $t=0$; постоянный коэффициентъ u выражаетъ положительное или отрицательное приращеніе касательнаго ускоренія въ единицу времени. Линія касательныхъ ускореній (α_w) есть прямая.

Скорость v въ моментъ t найдется, подставляя значеніе (a) для w въ ур. (33) и производя интегрированіе; получимъ

$$v = v_0 + w_0 t + \frac{1}{2} u t^2, \quad (b)$$

гдѣ v_0 есть скорость въ моментъ, съ котораго считается время. Линія скоростей (α_v) есть парабола.

Законъ движенія по траекторіи получается на основаніи формулы (9), внося въ послѣднюю вмѣсто v значеніе (b); послѣ производеннаго интегрированія находимъ

$$s = s_0 + v_0 t + \frac{1}{2} w_0 t^2 + \frac{1}{6} u t^3, \quad (c)$$

гдѣ s_0 есть координата движущейся точки въ начальный моментъ. Линія пространствъ есть плоская кривая третьей степени.

Ур. (b), (c) нѣсколько упрощаются, если принять за начальное мгновеніе моментъ, въ который скорость равна нулю, и считать координаты s отъ положенія, занимаемаго точкою въ это мгновеніе; тогда одновременно $v_0=0$, $s_0=0$ и ур. (a), (b), (c) принимаютъ видъ

$$w = w_0 + ut,$$

$$v = w_0 t + \frac{1}{2} ut^2,$$

$$s = \frac{1}{2} w_0 t^2 + \frac{1}{6} ut^3.$$

Исключеніе времени между этими уравненіями, взятыми попарно, дастъ уравненія кривыхъ $(\alpha_{s,v})$, $(\alpha_{s,w})$, $(\alpha_{v,w})$; первыя двѣ линіи будутъ плоскія кривыя третьей степени, а третья кривая—парабола второй степени.

§ 28. Изученіе свойствъ движенія точки по данной траекторіи привело насъ въ предыдущихъ §§ къ введенію понятій о скорости v и о скорости скорости или касательномъ ускореніи w . Продолжая далѣе такой же ходъ изслѣдованія вопроса, можно было бы, для раскрытія дальнѣйшихъ свойствъ движенія точки, ввести кромѣ скорости и касательнаго ускоренія, третье количество w_2 , которое имѣло бы относительно касательнаго ускоренія w точно такое же значеніе, какое w имѣетъ относительно скорости, т. е. которое представляло бы собою скорость (§ 17) измѣненія касательнаго ускоренія и выражалось бы слѣд. чрезъ $\frac{dw}{dt} = \frac{d^2v}{dt^2} = \frac{d^3s}{dt^3}$;

затѣмъ ввести четвертое количество $w_3 = \frac{dw_2}{dt} = \frac{d^2w}{dt^2} = \frac{d^3v}{dt^3} = \frac{d^4s}{dt^4}$, и т. д.; эти различныя количества, изъ коихъ каждое по-

слѣдующее представляетъ мѣру быстроты измѣненія величины предыдущаго со временемъ, можно было бы назвать *касательными ускореніями высшихъ порядковъ*. Свойства послѣднихъ количествъ, къ которымъ мы далѣе будемъ имѣть случай возвратиться, начали изучать только въ весьма недавнее время; вообще же въ механикѣ из-

давна довольствовались и довольствуются обыкновенно до сихъ поръ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ только двухъ первыхъ величинъ, скорости v и касательнаго ускоренія w , тѣмъ болѣе, что для большей части вопросовъ о движеніи, встрѣчающихся въ приложеніяхъ, это пока оказывается вполне достаточнымъ.

При этомъ ограниченіи, полное изученіе движенія точки, когда траекторія ея извѣстна, приводится къ изслѣдованію только четырехъ элементовъ t, s, v, w , и полное рѣшеніе всякой задачи о такомъ движеніи заключается въ опредѣленіи зависимостей между каждымъ двумя изъ этихъ четырехъ элементовъ. Для того чтобы такое опредѣленіе было возможно, очевидно надо, чтобы были даны 3 зависимости между 4 переменными t, s, v, w . Но принимая во вниманіе, что для *всякаго* движенія по данной траекторіи между этими переменными имѣютъ мѣсто два независимыя соотношенія

$$v = \frac{ds}{dt}, \quad (5)$$

$$w = \frac{dv}{dt}, \quad (30)$$

ясно, что данныя въ каждой отдѣльной задачѣ должны состоять въ одной частной зависимости между тѣми же переменными

$$\Phi(t, s, v, w) = 0,$$

— зависимости, характеризующей спеціальныя свойства *разсматриваемого* движенія.

Функция Φ можетъ содержать или 2, или 3, или всѣ 4 изъ количествъ t, s, v, w . Первый случай обнимаетъ, въ свою очередь, 6 различныхъ видовъ, соотвѣтственно 6 слѣдующимъ возможнымъ сочетаніямъ переменныхъ t, s, v, w по 2:

$$s, t; \quad v, t; \quad w, t; \quad v, s; \quad w, s; \quad w, v; \quad (a)$$

второй случай обнимает 4 вида, соответственно 4 возможным сочетаниям переменных t, s, v, w по 3:

$$s, v, t; \quad s, w, t; \quad v, w, t; \quad s, v, w; \quad (b)$$

а третий случай допускает только 1 вид, при котором функция Φ содержит всё 4 переменныя

$$t, s, v, w. \quad (c)$$

Таким образом всё задачи, которыя могут быть предложены относительно движения точки по данной траекторіи, дѣлятся на 11 типовъ. Укажемъ здѣсь вѣратцѣ рѣшенія для каждаго типа въ отдѣльности.

Что касается, во-первыхъ, до 6 типовъ (a) первой группы, когда дается зависимость между какими либо двумя изъ 4 переменныхъ t, s, v, w , то ясно тотчасъ же, что если известны только 3 изъ зависимостей (a), тогда остальные 3 получаются изъ первыхъ непосредственно, путемъ исключенія переменныхъ; поэтому задачи первыхъ 6 типовъ приводятся къ 6 слѣдующимъ:

дана зависимость между	s, t	v, t	w, t	v, s	w, s	w, v
найти зависимость между	v, t	w, t	v, t	w, s	v, s	v, t
и между	w, t	s, t	s, t	s, t	s, t	s, t

и остается слѣд. указать рѣшенія послѣднихъ 6 задачъ. Эти рѣшенія основаны на форм. (5), (30), (31), (32) и на вытекающихъ изъ нихъ равенствахъ

$$s = s_0 + \int_{t_0}^t v dt, \quad (9)$$

$$t = t_0 + \int_{s_0}^s \frac{ds}{v}, \quad (10)$$

$$v = v_0 + \int_{t_0}^t w dt, \quad (33)$$

$$t = t_0 + \int_{v_0}^v \frac{dv}{w}, \quad (34)$$

$$v^2 = v_0^2 + 2 \int_{s_0}^s w ds, \quad (35)$$

гдѣ s_0, v_0 представляютъ значенія s и v въ опредѣленный моментъ t_0 ; если, какъ бываетъ обыкновенно, за моментъ t_0 принято мгновеніе, съ котораго считаютъ время t , тогда $t_0 = 0$.

1. Дана зависимость $s = f(t)$.

Находимъ по форм. (5) и (31) $v = f'(t)$,

$$w = f''(t).$$

2. Дана зависимость $v = \varphi(t)$.

Находимъ по форм. (30) $w = \varphi'(t)$,

и по форм. (9) $s = s_0 + \int_{t_0}^t \varphi(t) dt$.

3. Дана зависимость $w = \psi(t)$.

Находимъ по форм. (33) $v = v_0 + \int_{t_0}^t \psi(t) dt$,

а затѣмъ по форм. (9) $s = s_0 + \int_{t_0}^t v dt$.

4. Дана зависимость $v = \pi(s)$.

Находимъ по форм. (32) $w = \pi(s) \cdot \pi'(s)$,

и по форм. (10) $t = t_0 + \int_{s_0}^s \frac{ds}{\pi(s)}$.

5. Дана зависимость $w = \chi(s)$.

Находимъ по форм. (35) $v^2 = v_0^2 + 2 \int_{s_0}^s \chi(s) ds,$

а затѣмъ по форм. (10) $t = t_0 + \int_{s_0}^s \frac{ds}{v}.$

6. Дана зависимость $w = \tilde{\omega}(v)$.

Находимъ по форм. (34) $t = t_0 + \int_{v_0}^v \frac{dv}{\tilde{\omega}(v)},$

а затѣмъ по форм. (9) $s = s_0 + \int_{t_0}^t v dt.$

Мы видимъ, что рѣшеніе задачъ первыхъ 6 типовъ приводится къ дифференцированіямъ и къ квадратурамъ, т. е. къ интегрированіямъ дифференціальныхъ выраженій вида $F(x)dx$, и что слѣд. это рѣшеніе всегда возможно.

Разсмотримъ теперь 4 типа (b) второй группы, когда дается зависимость между какими либо 3 изъ переменныхъ t, s, v, w .

7. Дана зависимость

$$F(v, s, t) = 0.$$

Внося въ нее $\frac{ds}{dt}$ вмѣсто v , задача сводится на интегрированіе дифференціального уравненія перваго порядка

$$F\left(\frac{ds}{dt}, s, t\right) = 0;$$

это интегрированіе приведетъ къ зависимости между s и t

$$F_1(s, t) = C,$$

въ которой произвольная постоянная C опредѣлится изъ условія, что $s=s_0$ при $t=t_0$, т. е. опредѣлится изъ равенства

$$F_1(s_0, t_0) = C.$$

По опредѣленіи же зависимости между s и t , настоящая задача приводится къ задачѣ 1.

8. Дана зависимость $\Psi(w, s, t) = 0$.

Написавъ ее въ видѣ $\Psi\left(\frac{d^2s}{dt^2}, s, t\right) = 0$,

вопросъ сводится на интегрированіе послѣдняго уравненія, которое не всегда можетъ быть выполнено, такъ какъ не извѣстно общихъ приемовъ для интегрированія дифференціальныхъ уравненій второго порядка, содержащихъ кромѣ независимой переменннй t и самую искомую функцію s . Если же въ частномъ случаѣ интегрированіе можетъ быть совершено, то оно дастъ первый интегралъ

$$\Psi_1\left(\frac{ds}{dt}, s, t\right) = C,$$

а вторичное интегрированіе приведетъ къ зависимости между s, t

$$\Psi_2(s, t, C) = C',$$

при чемъ произвольныя постоянныя C, C' опредѣлятся изъ условныхъ равенствъ

$$\Psi_1(v_0, s_0, t_0) = C, \quad \Psi_2(s_0, t_0, C) = C'.$$

Такимъ образомъ, если только интегрированіе даннаго дифференціального уравненія второго порядка возможно, настоящая задача снова сведется на задачу 1.

9. Дана зависимость

$$\Pi(w, v, t) = 0.$$

Подставляя въ ней $\frac{dv}{dt}$ вмѣсто w , получимъ дифференціальное уравненіе перваго порядка

$$\Pi\left(\frac{dv}{dt}, v, t\right) = 0;$$

интеграль его будетъ $\Pi_1(v, t) = C$,

гдѣ $C = \Pi_1(v_0, t_0)$.

Зная же зависимость между v и t , вопросъ сводится на задачу 2.

10. Дана зависимость

$$\Omega(w, v, s) = 0.$$

Подставляя вмѣсто w и v ихъ значенія $\frac{d^2s}{dt^2}$ и $\frac{ds}{dt}$, получается дифференціальное уравненіе втораго порядка, которое можно преобразовать въ уравненіе перваго порядка, принимая s за переменную независимую, v за ея функцію и замѣняя, на основаніи ур. (32), w чрезъ $v \frac{dv}{ds}$; получимъ

$$\Omega\left(v \frac{dv}{ds}, v, s\right) = 0;$$

интегрируя это уравненіе, найдемъ

$$\Omega_1(v, s) = C,$$

гдѣ $C = \Omega_1(v_0, s_0)$.

Этимъ задача 10 сводится на задачу 4.

Такимъ образомъ видимъ, что задачи второй группы приводятся къ интегрированіямъ дифференціальныхъ уравненій,—интегрированіямъ, которыя не всегда выполнимы.

Намъ остается рассмотретьъ послѣдній случай (с), когда дана зависимость между всѣми 4 переменными t, s, v, w .

11. Дана зависимость

$$\Phi(w, v, s, t) = 0.$$

Представивъ ее въ видѣ

$$\Phi\left(\frac{d^2s}{dt^2}, \frac{ds}{dt}, s, t\right) = 0,$$

вопросъ сводится на интегрированіе дифференціального уравненія второго порядка, которое возможно только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ линейныхъ или однородныхъ уравненій. Если интегрированіе выполнимо, то мы получимъ послѣдовательно зависимости

$$\Phi_1\left(\frac{ds}{dt}, s, t\right) = C, \quad \Phi_2(s, t, C) = C',$$

гдѣ $C = \Phi_1(v_0, s_0, t_0), \quad C' = \Phi_2(s_0, t_0, C),$

и вопросъ сведется опять на задачу 1.

§ 29. Въ заключеніе изложенной теоріи движенія точки в данной траекторіи, замѣтимъ, что основныя уравненія этой теоріи

$$v = \frac{ds}{dt} \quad (5), \quad w = \frac{dv}{dt} \quad (30),$$

равнозначныя съ ними уравненія

$$w = \frac{d^2s}{dt^2} \quad (31), \quad w = v \frac{dv}{ds} \quad (32),$$

лужащія аналитическимъ выраженіемъ обстоятельствъ движенія точки по данной линіи, были даны впервые для частнаго случая прямолинейнаго движенія Вариньономъ (Varignon) въ 1700 г. (31); о него еще Ньютонъ нашелъ путемъ геометрическимъ многіе законы движенія точки по прямолинейной и криволинейной траектоіи и изложилъ ихъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Principia philosophiae naturalis», изданномъ въ 1686 году. Последнее изъ приведенныхъ уравненій, именно ур. (32), послужило поводомъ къ нѣкоторымъ разногласіямъ между учеными; будучи представлено въ видѣ

$$w = \frac{d(\frac{1}{2}v^2)}{ds}, \quad (32')$$

оно выражаетъ, что ускореніе пропорціонально производной квадрата скорости по измѣняемости s ; Даниэль Бернулли (32) усумнился въ справедливости этого закона, полагая, что нѣтъ причины разсматривать зависимость (32') какъ единственный возможный законъ измѣненія ускоренія со скоростью и что ускореніе можетъ быть пропорціонально производной какой бы то ни было n -ой, степени скорости. Эйлеръ (33) отвергнулъ ошибочное мнѣніе Д. Бернулли и старался доказать необходимость закона квадрата скорости. Наконецъ Даламберъ (34) показалъ, что справедливость этого закона зависитъ единственно отъ значенія, приписываемаго символу w , и что, разумѣя подъ w ускореніе въ выше опредѣленномъ смыслѣ (§ 26), зависимость (32') есть единственная возможная.

(31) Mémoires de l'Académie des sciences de Paris, an. 1700, p. 22.

(32) Commentarii Academiae Petropolitanae, an. 1727, p. 136.

(33) *Mechanica*, Petrop. an. 1736, p. 62 et seq.

(34) *Traité de Dynamique*, an. 1743.

УПРАЖНЕНІЯ

1. Тяжелое тѣло, падающее вертикально въ безвоздушномъ пространствѣ, проходитъ высоту H въ промежутокъ времени T , меньшій чѣмъ $\sqrt{\frac{2H}{g}}$; опредѣлить высоту S , съ которой тѣло упало.

Численный примѣръ. $H=8$ метр., $T=1$ сек.; принимая $g=9,81$, получится $S=8,49$ сек.

2. Тяжелое тѣло, свободно падающее въ безвоздушномъ пространствѣ, проходитъ данную часть $\frac{n}{m}$ своей первоначальной высоты H въ послѣднюю секунду своего паденія. Найти высоту H .

Численный примѣръ. При $n=8$, $m=9$, $g=9,81$, получается $H=11,036$ метр.

3. Тяжелое тѣло упало въ безвоздушномъ пространствѣ изъ A въ B въ мгновеніе, когда другое тѣло начало падать изъ третьей точки C , лежащей ниже B на одной вертикальной прямой съ точками A и B ; опредѣлить, съ какой высоты H успѣетъ упасть второе тѣло, прежде чѣмъ его догонитъ первое.

Численный примѣръ. Если $AB=10$ метр., $BC=4$ метр., то получается $H=0,4$ метр.

4. На вертикальной прямой взяты послѣдовательно четыре точки A, B, C, D такъ, что разстоянія AB, BC, CD равны; доказать, что если тяжелое тѣло начинаетъ падать въ пустотѣ изъ точки A , то времена, употребляемая имъ на прохожденіе отрѣзковъ AB, BC, CD , относятся между собою какъ $1: \sqrt{2}-1: \sqrt{3}-\sqrt{2}$.

5. Двѣ тяжелыя точки расположены на одной и той же вертикальной линіи, на данномъ разстояніи a одна отъ другой; въ одно и то же мгновеніе верхнюю точку пускаютъ внизъ безъ начальной скорости, а нижнюю точку бросаютъ внизъ

вверхъ съ данною скоростью β . Опредѣлить моментъ и мѣсто встрѣчи двухъ точекъ.

Численный примѣръ. $a=24$ метр., $\beta=20$ метр., $g=9,81$. Называя чрезъ τ моментъ встрѣчи, считаемый отъ мгновения, въ которое началось движеніе, а чрезъ σ разстояніе точки встрѣчи отъ начальнаго положенія верхней изъ двухъ движущихся точекъ, получается $\tau=1,2$ сек., $\sigma=7,06$ метр.

6. Опредѣлить глубину H колодца, зная, что прошло n секундъ отъ момента, въ который наблюдатель, стоящій надъ отверстіемъ колодца, бросилъ въ него камень, до мгновения, когда тотъ же наблюдатель услышалъ ударъ камня о поверхность воды, и зная кромѣ того, что ускореніе движенія камня есть постоянное число g и что звукъ распространяется равномерно со скоростью a .

Численный примѣръ. $n=4$ сек., $g=9,81$, $a=340$ метр. При этихъ данныхъ получается, въ цѣлыхъ числахъ, $H=70$ метр.

7. Доказать невозможность такого движенія точки по какой бы то ни было траекторіи, при которомъ скорость точки, въ каждомъ ея положеніи, была бы пропорціональна пространству, пройденному точкою съ начала движенія.

8. Движеніе точки по опредѣленной прямой наблюдается въ теченіи $2\frac{1}{2}$ секундъ, считаемыхъ съ какого либо мгновения, принятаго за начальное. Наблюденія показали, что въ моменты

0,25 сек.; 0,50 с.; 0,75 с.; 1 с.; 1,25 с.; 1,50 с.; 1,75 с.;
2 с.; 2,25 с.; 2,50 с., (а)

точка находилась соотвѣтственно на разстояніяхъ

0,3 метр.; 1,2 м.; 2,7 м.; 4,9 м.; 7,6 м.; 10,9 м.; 14,9 м.; 19,5 м.;
24,7 м.; 30,5 м.,

гдѣ положенія, занимаемаго ею въ начальное мгновение. Требуется по этимъ даннымъ: 1) построить линію пространства, принимая масштабъ абсциссъ въ 0,06 метр. на 1 секунду, а масштабъ ординатъ въ 0,005 метр. на 1 метръ; 2) опредѣлить, по

средствомъ линіи пространствъ, значенія скорости, отнесенной къ метру и къ секундѣ, соответствующія моментамъ (a), для которыхъ извѣстны изъ наблюденій положенія движущейся точки: 3) построить линію скоростей, принимая масштабъ абсциссъ въ 0,06 метр. на 1 секунду, а масштабъ ординатъ въ 0,005 метр. на скорость въ 1 метр. въ секунду; 4) опредѣлить, посредствомъ линіи скоростей, значенія ω_1 и ω_2 ускоренія для моментовъ $t=1$ сек и $t=2$ сек. Получается приблизительно $\omega_1=9,767$, $\omega_2=9,643$.

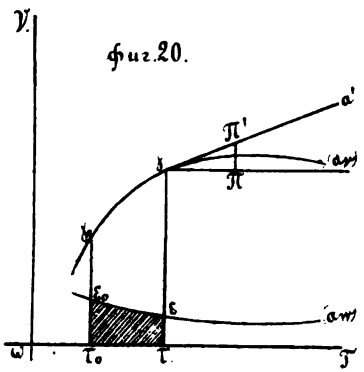
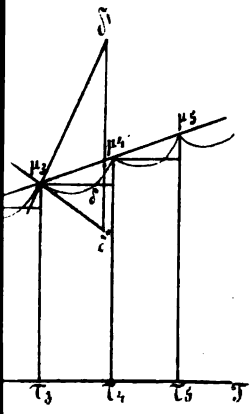
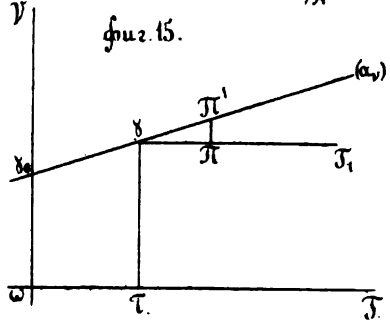
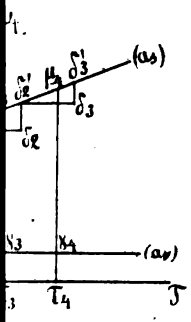
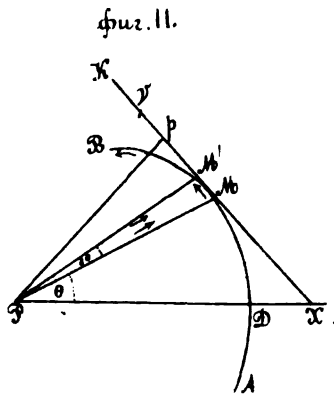
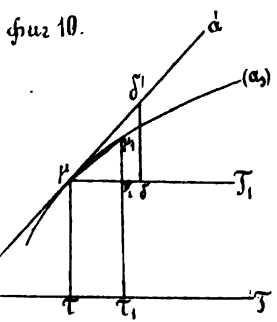
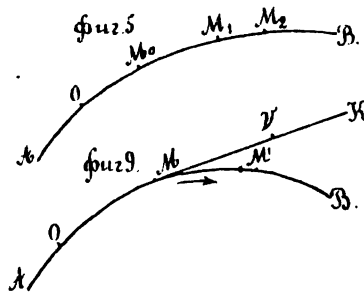
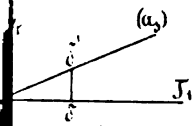
9. Точка движется по прямой съ ускореніемъ, пропорціональнымъ ея переменному разстоянію s отъ опредѣленной точки O траекторіи и имѣющимъ постоянно знакъ, противный знаку этого разстоянія; зная значеніе скорости въ моментъ, когда движущаяся точка находится въ O , найти для этого движенія зависимость между пространствомъ и скоростью и зависимость между пространствомъ и временемъ.

Численный примѣръ. Скорость точки въ моментъ ея прохожденія чрезъ неподвижную точку O равна 20 метр. въ секунду, а ускореніе въ моментъ, когда точка находится на разстояніи 1 метра отъ O , равно 3 метр. въ секунду; найти, на какомъ разстояніи s отъ O точка останавливается, чтобы начать двигаться въ обратную сторону, къ точкѣ O , и время τ , потребное для прохожденія разстоянія s . Рѣшеніе: $s=11,55$ метр., $\tau=0,907$ сек.

10. Точка движется по прямой съ ускореніемъ, пропорціональнымъ n -ой степени разстоянія ея s отъ опредѣленной точки O траекторіи и имѣющимъ знакъ, противный знаку этого разстоянія; зная скорость β движущейся точки въ моментъ, когда послѣдняя находится на данномъ разстояніи a отъ O , опредѣлить, на какомъ разстояніи s отъ O началось движеніе.

Численный примѣръ. При $n=1$, $a=0$, $\beta=20$ метр. въ секунду и предполагая, что ускореніе точки на разстояніи 1 метр. отъ O равно 3 метр. въ секунду, получается, какъ въ численномъ примѣрѣ предыдущей задачи, $s=11,55$ метр.

11. Точка движется извѣстнымъ равномернымъ движеніемъ по данному кругу; найти выраженіе для ея угловой скорости около какой либо точки, взятой въ плоскости круга.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА“

въ 1875 году.

Въ будущемъ 1875 г. „Православный Собесѣдникъ“ будетъ издаваться по прежней программѣ.—Въ настоящемъ году редакція озабочивалась уже предлагать въ Православномъ Собесѣдникѣ по возможности разнообразное чтеніе. Главною задачею было, конечно, служить разработкѣ ученыхъ вопросовъ. Въ виду этого она давала мѣсто такимъ серьезнымъ изслѣдованіямъ, какъ „Антитринитаріи XVI в.“ Будрина, „Ириной и его догматическая система“ Гусѣва, „Древняя христіанская архитектура“ Красносельцева. Кромѣ этихъ статей, имѣющихъ интересъ ученый, редакція съ особеннымъ удовольствіемъ отводила мѣсто тѣмъ статьямъ, которыя посвящались разработкѣ вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнію. Извѣстно, что въ настоящее время идутъ сношенія между старокатоликами и петербургскимъ отдѣломъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ видахъ сближенія первыхъ съ православною церковію. Сношенія эти побуждаютъ заняться разработкою тѣхъ разностей, какія существуютъ издавна между католичествомъ и православіемъ. Съ этою цѣлію начата печатаніемъ статья Вѣляева. „Объ удовлетвореніи, по ученію католиковъ“. Подъ этимъ заглавіемъ сгруппированы всѣ вопросы, относящіеся къ ученію объ епитиміяхъ, сверхдолжныхъ дѣлахъ, индульгенціяхъ и чистилищѣ — которые доселѣ разсматривались въ нашей литературѣ лишь отрывочно.

Понятно, что каждое периодическое издание, давая мѣсто обсужденію вопросовъ общихъ, не должно игнорировать чисто мѣстныхъ интересовъ. Удовлетвореніе потребностямъ мѣста влечетъ характерную печать на изданіе. Въ этомъ смыслѣ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ всегда встрѣчались, и въ текущемъ году помѣщены статьи по буддизму Миротворцева, мусульманству Остроумова. Живое столкновение православныхъ дѣятелей съ расколомъ также даетъ матеріалъ и вызываетъ на рѣшеніе возникающихъ вопросовъ по расколу. Такой смыслъ имѣютъ статьи Ивановскаго; изъ нихъ послѣдняя „По поводу воспрещенія иконописцамъ изъ раскольниковъ писать иконы для православныхъ храмовъ“,—была вызвана значительнымъ движеніемъ казанскихъ старообрядцевъ, которое могло и можетъ отражаться и въ другихъ мѣстностяхъ. Лѣтомъ текущаго года минуло сто лѣтъ со времени взятія Казани Пугачевымъ. По поводу этого Знаменскій напечаталъ статью „Сто лѣтъ назадъ“, излагающую одинъ изъ эпизодовъ означеннаго событія — обвиненіе казанскаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ.

Наряду съ чтеніемъ строго-серьезнымъ, редакция заботилась и о томъ, чтобы давать читателямъ „Православнаго Собесѣдника“ статьи болѣе легкія, но тѣмъ не менѣе имѣющія или историческое или современное значеніе — будутъ ли то записки, рефераты, обзорнія текущихъ замѣчательныхъ событій, рецензіи о вышедшихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ „Записки о Стародубѣ“ протоіеря петербургской единаовѣрческой церкви Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго въ 1845—48 года въ стародубскія слободы для утвержденія единаовѣрія. Сверхъ того, въ послѣднихъ книжкахъ текущаго года идетъ рядъ статей о нѣмецкомъ католицизмѣ, представляющихъ очерки его историческаго развитія. Затѣмъ нельзя не упомянуть о статьѣ Гренкова, представляющей рефератъ изъ сочиненія Леруа-Болье о русской церкви, сочиненія отличающагося и безпристрастіемъ, замѣчательнымъ для католика, и во многомъ мѣткостью сужденій.

Въ будущемъ году редакция постарается идти по тому же пути,—давать чтеніе по возможности разнообразное, отвѣчающее

III

только требованіямъ науки, сколько же и потребностямъ церковной жизни, при сотрудничествѣ главнымъ образомъ академическихъ преподавателей; но она съ благодарностію приметъ и всякій посторонній трудъ, лишь бы онъ отвѣчалъ высказаннымъ требованіямъ. Въ портфель редакціи имѣется уже статья Снегирева „О снѣ и сновидѣніяхъ“, статьи о заграничныхъ раскольникахъ афонскаго инока Михаила, заботившагося объ учрежденіи циновѣрія у майковскихъ старообрядцевъ и путешествовавшего въ старообрядцамъ придунайскимъ. Кроме того, сдѣлано сношеніе присылкѣ автобіографіи прот. Т. А. Верховскаго, болѣе пятидесяти лѣтъ обращавшагося въ средѣ старообрядцевъ.

Новые подписчики получаютъ безмездно начальные листы дѣній 7 вселенскаго собора, который окончится печатаніемъ въ первой половинѣ будущаго 1875 года.

Цена за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОВЕСѢДНИКА в 1875 годѣ, со всеми приложениями къ нему, остается прежняя: съ доставкой на домъ по г. Казани и съ пересылкою во все мѣста Имперіи—

Семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемые при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1875 году, два раза въ мѣсяцъ, номера 1, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цена „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣсть и лицъ другихъ епархій и другихъ мѣстствъ: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ четыре руб., б) для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ три руб. (всего за изданія десять руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

Въ тойже редакціи продаются слѣдующія книги:

А. Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 и 1856 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873 и 1874 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльными книжками Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ Православный Собесѣдникъ: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ Православнаго Собесѣдника приложенія къ нему:

1. Посланія св. Игнатія богоносца (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. Дѣянія вселенскихъ соборовъ. Шестъ томовъ. 1859 — 1870. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб. 50 коп., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 к. За всѣ шесть томовъ 20 руб.

3. Влаговѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Феодокла, архієпископа болгарскаго, на св. евангеліа—Матеея и Марка (съ предисловіемъ), два тома. 1855 — 1857. Цѣна 3 руб. за оба тома. *Тоже*, томъ третій (изд. 2-е)—на евангеліе отъ Луки цѣна 2 руб.—*Тоже*, томъ четвертый—на евангеліе Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 коп.

4. Его же толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

5. Его же толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6. Его же толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 руб. 50 к.

7. Святаго отца нашего Григорія двоеслова Собоєдова о жизни италійскихъ отцовъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

8. Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною католическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

9. Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 к.

10. Сочиненія преподобнаго Максима грека (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

11. Стоглавъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 р.

12. Сочиненіе инока Зиновія: Истинны показаніе къ вопрошаннымъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863 — 1864. Цѣна 2 руб. 50 коп.

13. Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоанна). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

14. Обороникъ древностей казанской епархіи и другихъ присноамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

15. Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, витскаго чудоворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп.

16. Житіе преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп.

17. Устройство управленія въ церкви королевства греческаго. Ө. Курганова. 1872. Цѣна 2 руб. 25 коп.

18. Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ. Н. Красносельцева. 1872 Цѣна 1 руб. 25 к.

VI

29. Ересъ антиринитаріевъ III вѣка. Д. Гусева. 1873. Цѣна 1 руб. 25 к.
20. Проскинитарій. 1871. Цѣна 75 коп.
21. Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства. Исслѣдованіе П. Милославскаго. Цѣна 2 р.
22. Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства. Исслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 р.
23. Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.
24. Стародубье. Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.
25. Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1864 годъ. Цѣна 30 коп.
26. Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима. Цѣна 2 р.

Изъ тойже редакціи и отъ издателей можно выписывать книги:

1. СЛОВА къ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к.
2. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ, соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго. подъ редакціею профессора каз. д. академіи Н. Соколова. *Первый томъ.* Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 руб. сер. *Второй томъ.* Цѣна такая же.
3. РУКОВОДСТВО ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ. Составилъ П. Знаменскій. Цѣна 1 р. 25 к. Пересылка 15 коп.
4. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ. Исслѣдованіе И. Порѣшьева. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

VII

5. БОГЪ И ПРИРОДА. Соч. Ульрици. Переводъ съ нѣмецкаго.
ва тома. Цѣна 3 р. съ пересылкой. Томъ второй отдѣльно—1 р. 50 к.

6. ТВОРЕНИЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА «DE CIVITATE DEI»,
АБЪ АПОЛОГІЯ ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЕГО БОРЬБѢ СЪ РИМСКИМЪ
ЗЫЧЕСТВОМЪ. Сочиненіе М. Брасина. Казань. 1873. Цѣна 2 руб.

ОТЪ КІЕВСКАГО ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ.

Поступилъ въ продажу **«Указатель русской литературы»** по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ (физикѣ, химіи, минералогіи, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, сельскому хозяйству и технологіи) медицинѣ и ветеринаріи за 1873 г., составленный подъ редакцію профессора Н. А. Бунге. (Изданіе Кіевского Общества Естествоиспытателей) **«Указатель»** за 1873 г. составленъ по тому же плану, какъ и **«Указатель»** за 1872. Цѣна **«Указателя»** 2 руб.—Съ требованіями просить обращаться во всѣ извѣстные книжные магазины въ Кіевѣ или въ техническую лабораторію Университета св. Владиміра; тамъ же можно получать **«Указатель»** за 1872; цѣна ему 2 р.

Кіевское Общество Естествоиспытателей, въ виду издаваемого имъ **Указателя русской Литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи»,** имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. авторовъ сочиненій по названнымъ наукамъ прислать Обществу (Кіевъ, Университетъ Св. Владиміра) или самія сочиненія или заявленія объ ихъ выходѣ, а всѣ ученые общества и редакціи журналовъ по естествознанію — обмѣнивать свои изданія на **«Записки Кіевского Общества Естествоиспытателей».**

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ сентября по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церковно-законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября). — 3) Памятникъ гарпій изъ Ксаноса въ Ликии. Опытъ исторической характеристики. *Н. Кондакова.* — 4) Замятка объ ускореніяхъ высшихъ классовъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ января по 2-е марта 1874 г. — Записка о путешествіи по славянскимъ ямъ. Доцента *А. Кочубинскаго.* (Приложеніе къ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 3) Статья 6-я протокола засѣданія математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе 18-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 4) Федонъ, говоръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д. Лебедева.* — 5) Замячательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія московской синодальной (бывшей патріаршей) бібліотекѣ. *А. Павлова.*

ТОМЪ XIV. Содержаніе: 1) Каталогъ дублетовъ бібліотеки новороссійскаго университета. (Приложеніе къ 28-й ст. протокола засѣданія совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года). — 2) Вступительная лекція по православному богословію, проф. *А. Кудцева.* 3) Анализъ Платонова діалога «Федонъ», доцента *Лебедева.* — 4) Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи, доцента *Шпилевскаго.*

Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.

13

87

Widener Library

3 2044 092 554 062